

ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ
НОВОГО
ВРЕМЕНИ
СТРАН ЕВРОПЫ
И АМЕРИКИ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Под редакцией профессора И. П. Деметьева

Допущено
Государственным комитетом СССР
по народному образованию
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «История»

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1990

Редакционная коллегия:

*И. В. Григорьева, И. П. Дементьев (отв. редактор), Г. И. Зве-
рева, А. И. Патрушев, В. В. Согрин*

Научно-вспомогательная и организационная работа выпол-
нена *Е. Н. Глазуновой, В. Н. Истратовым, Н. В. Кирсановой*

Рецензенты:

кафедра новой и новейшей истории Томского государственного
университета им. В. В. Куйбышева (зав. кафедрой д-р ист. наук,
проф. *С. С. Григорцевич*); д-р ист. наук, проф. *Б. Д. Козенко*
(Куйбышевский государственный университет)

Историография истории нового времени стран
И90 Европы и Америки: Учеб. пособие для студентов
вузов, обучающихся по спец. «История» / А. В. Адо,
И. С. Галкин, И. В. Григорьева и др./Под ред.
И. П. Дементьева.— М.: Высш. шк., 1990.— 512 с.: ил.

ISBN 5-06-001606-4

В книге рассматриваются основные школы и направления историо-
графии нового времени стран Европы и Америки от зарождения и станов-
ления исторической науки (XVI—XVIII вв.) до начала XX в. Существен-
ное внимание уделено возникновению и развитию марксистской историо-
графии. В пособии освещается историография отдельных стран Европы
и Америки на фоне общих закономерностей развития исторической мыс-
ли в XVI — начале XX вв.

И 0503010000(4309000000)—459 49—90
001(01)—90

ББК 63.3(0)5
9(М)3

Общепризнанное значение приобрели в наши дни научная разработка и преподавание историографии нового и новейшего времени. Последние десятилетия были временем накопления нового материала по истории исторической науки. Опубликованы ценные историографические исследования по важным проблемам новой и новейшей истории, дан анализ ряда направлений и школ в национальных историографиях, появились монографии о крупных историках.

Труды по зарубежной историографии выходят не только в Москве и Ленинграде, но и во многих вузовских городах страны. Широко известны регулярные выпуски «Методологических и историографических вопросов исторической науки» Томского университета (Томск, 1963—1990. Вып. 1—19) и сборники по историографии Казанского университета. Напряженно работала и кафедра новой и новейшей истории Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Немалую работу проделал Научный совет по истории исторической науки и источниковедению при Отделении истории АН СССР. Был проведен ряд симпозиумов и конференций (всесоюзных и региональных), опубликованные материалы содержат ценный коллективный опыт преподавания историографии в вузах страны («Вопросы историографии в высшей школе». Смоленск, 1975; «XXII съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки». Калинин, 1978. Ч. I—II; «Изучение и преподавание историографии в высшей школе». Калининград, 1981; «Изучение и преподавание историографии в высшей школе». Петрозаводск, 1985;

«Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки». М., 1985. Т. I—II). Под эгидой Научного совета по истории исторической науки и источниковедению выходит историографический ежегодник «История и историки» (М., 1965—1987).

Полезной была также дискуссия по вопросам преподавания историографии на страницах журнала «Новая и новейшая история» (1985, № 5; 1986, № 2, 3, 4).

Продвинулась намного вперед и зарубежная историографическая мысль.

Впервые издание учебного пособия для студентов исторических факультетов университетов было предпринято кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ в 1967—1968 гг. под руководством проф. И. С. Галкина («Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». М., 1967—1968. Т. I—II). Работа получила положительную оценку научной общественности в нашей стране и в ряде зарубежных стран. Учебное пособие помогло поднять на более высокую ступень качество преподавания историографии в вузах страны.

Однако со времени выхода в свет указанного издания прошло более 20 лет, и остро ощущается потребность в новом учебном пособии. Необходимость пересмотра многих оценок развития исторической науки диктуется научными разработками советских и зарубежных историков последних лет, новыми возникшими проблемами. Предстоит дать анализ современной буржуазной историографии. Ранее изложение доводилось до середины 60-х годов, следовательно, вне поля зрения осталась «новая научная история», выдвиг-

гущая на первый план междисциплинарный анализ и применение количественных методов. Радикально-демократическое направление наряду с «новой научной историей» также занимает видное место в современной немарксистской историографии ведущих стран Запада.

Но, самое главное, философия перестройки — новое политическое мышление — дала импульс для борьбы против догматических представлений и вульгаризации марксизма-ленинизма, в новом свете предстают многие старые методологические проблемы. Новое мышление позволяет отказаться от примитивного идеологизирования, более объективно оценить результаты деятельности советских и зарубежных ученых. Конечно, оценки развития исторической науки, вклада того или иного историка во многом вторичны, зависят от идущего в настоящее время переосмысления конкретно-исторических проблем. Однако процесс преодоления стереотипов будет продолжаться, и историографическое знание должно параллельно продвигаться вперед, давая хотя бы далеко не полные ответы на встающие проблемы.

Выполняя рекомендации Всесоюзных конференций по историографии и Всесоюзных совещаний заведующих кафедрами новой и новейшей истории, кафедра новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного

университета подготовила настоящее учебное пособие. Авторами его являются также сотрудники кафедры южных и западных славян, историки Института всеобщей истории АН СССР и ряда других учебных и научных учреждений.

В учебном пособии с учетом критического переосмысления ряда методологических подходов сохранено все то, что выдержало испытание временем. Это прежде всего систематическое изложение истории развития исторической науки. Вместе с тем значительная часть разделов разработана заново, особое внимание уделено проблемам послевоенного развития советской и зарубежной историографии. Благодаря усилиям советских славяноведов представилась возможность более полно сказать о проблемах развития исторической науки в странах Восточной Европы. Важное значение для уяснения истории исторической науки в новое и новейшее время имела разработка советскими историками историографии античности и средневековья.

Настоящее издание охватывает период от эпохи Возрождения до наших дней. Том I посвящен историографии нового времени стран Европы и Америки, том II охватит историографию новой и новейшей истории стран Европы и Америки 1918—1990 гг.

Работа адресована студентам, аспирантам и молодым преподавателям, читающим курсы по историографии.

Научная актуальность историографии бесспорна, она завершает теоретическую и методологическую подготовку историков-специалистов. Знания по историографии особенно важны для специализирующихся в области новой и новейшей истории, где необходим анализ немарксистской литературы¹ и студенты должны иметь научные ориентиры в оценке школ, направлений и течений исторической науки. Мировоззренческий аспект исторической науки особенно рельефно проступает в сфере историографии, где сопоставляются как различные методологические подходы, так и результаты исторических исследований. Изучение истории исторической науки расширяет кругозор и помогает следить за уровнем ее развития: определять степень изученности тех или иных проблем и видеть новые исследовательские рубежи. История исторической науки является частью общественной мысли, всей духовной культуры.

Термин «историография» в литературе имеет разное значение, что отражает путь, пройденный самой исторической наукой. Слово «историография» берет начало от двух греческих слов: «история», т. е. рассказ о прошлом, и «графо» — пишу. Поэтому ранее термин «историография» употреблялся в том же смысле, что «исто-

рия» (например, немецкий историк Л. Ранке и русский историк Н. М. Карамзин имели официальные звания «историографов»). В наше время термин «историография» в прежнем значении почти не употребляется. Из ряда современных значений «историографии» наиболее распространены два:

1. Историография — это научная дисциплина, изучающая историю исторической науки.

2. Историография — анализ совокупности исторических работ по той или иной проблеме.

Первый, широкий ракурс историографического подхода требует изучения становления и развития исторической науки. Проследивая пути исторического познания, историография призвана выяснить пружины прогресса или регресса исторической науки, определить главные этапы исторического познания, причины появления и упадка различных направлений и школ, степень объективной истинности созданных историками концепций и их значение для общественной жизни своего времени. Только такой анализ является фундаментом для историографических оценок отдельных проблем, создает исходную почву для тематической (проблемной) историографии.

Основными аспектами историографического исследования являются:

1. Выяснение общественных условий развития исторической науки на разных этапах. Изучение тех или иных проблем прошлого, разработка определенных концепций исторического развития связаны с обоснованием социально-политических

¹ Термин «немарксистская историография», принятый в последние годы в советской исторической критике, относится прежде всего к современной западной историографии и включает в себя наряду с буржуазной историографией (консервативной и либеральной направленности) также радикально-демократические направления.

позиций различных общественных групп².

Однако было бы неправомерно любые изменения в тенденциях развития историографии выводить лишь из сдвигов в социально-экономической жизни общества. Важной в методологическом отношении является мысль Ф. Энгельса об относительно самостоятельной логике развития идеологии: «...всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, то есть не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам»³.

В еще большей степени эта мысль Энгельса применима к исторической науке, имеющей свои специфические закономерности развития. Историк располагает материалами, которые образовались в ходе предшествующего развития исторической науки и содержат не только факты, но и определенные идеи и теории. Каждое новое поколение историков отправляется сначала в своих исследованиях от выработанных ранее выводов, техники анализа источников.

2. Необходимо не только изучать влияние общих условий социально-политического развития на историческую науку, но и выявлять специфические «организационные условия», через которые воплощается воздействие на нее господствующей общественно-политической системы. Речь идет прежде всего о существовавших в тот или иной период научных учреждениях и историческом образовании, условиях использования исторических материалов и возможности публикаций и т. д. В переломные моменты общественного развития значение этих элементов выступает особенно выпукло. Так, после победы Великой Октябрьской социалистической революции произошла реорганизация системы научных учреждений и подготовки кадров историков, научной печати и публикации исторических источников.

3. Важной задачей историографичес-

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 313.

кого исследования является также выяснение того, как развивались и изменялись теории, с позиций которых изучался исторический процесс, анализ теоретико-методологических принципов исторического познания. Методология истории разрабатывает принципы и средства добывания знаний о прошлом, систематизации и истолкования их для выяснения сущности и объективной направленности исторического процесса. Методология зависит от мировоззрения историка и поэтому тесно связана, прямо или опосредованно, с различными сферами общественной мысли — философией, политэкономией, социологией, политологией, с уровнем культурного развития общества в целом. Поэтому, например, для понимания исторических взглядов французских просветителей XVIII в. необходимо иметь представление о теории естественного права, а для осмысления творчества крупнейшего немецкого историка конца XIX — начала XX в. К. Лампрехта следует знать как положения «исторической школы» в немецкой политической экономии, так и принципы позитивизма.

Весьма сложен анализ эклектичной методологии современной немарксистской историографии. Так, леворадикальная школа в послевоенной историографии США испытала воздействие критических направлений современной буржуазной философии и социологии — от экзистенциализма и «франкфуртской школы» до молодежной левой контркультуры 60-х годов. В то же время на формирование методологии радикалов оказали влияние и отдельные положения марксизма.

Огромное воздействие на формирование методологии оказывают естественные науки. Влияние математики и физики на английскую общественно-историческую мысль XVII в. привело к возникновению принципов «социальной физики»; биологии и психологии на историческую науку второй половины XIX в. — к формулированию позитивистских закономерностей общественного развития; научно-технической революции, развернувшейся после второй мировой войны, — на методологию исторических исследований (прежде всего применение междисциплинарных методов), на формирование «новой научной истории».

4. Важен анализ круга и характера источников, привлеченных историком, конкретных методик их исследования. При этом рассматривается вся совокупность приемов изучения, истолкования, использования источников, которые свойственны различным школам.

Входит ли источниковедение в историографию? Частично — да. Новый источник — не историографический факт. Новый источник, изученный историком, — предмет историографии. Умение анализировать источник — важнейший элемент профессионализма историка. Насколько это тонкая операция, требующая соблюдения принципов историзма, показывает тот факт, что источник, извлеченный из социально-культурной среды прошлого и включенный в современную систему оценок, нередко насыщается новым пониманием и, следовательно, осмысление той или иной проблемы прошлого может деформироваться. При неудовлетворительной методике историка не спасут от неудачи никакие вернейшие теоретико-методологические принципы.

5. Большое значение имеет изучение формирования проблематики исторического исследования. Какие проблемы прошлого и, главное, почему в тот или иной период именно они выдвигаются на передний план? В немалой мере изучение тех или иных явлений исторического прошлого диктуется наличием источников. Так, после победы Великого Октября в России были открыты секретные материалы по внешней политике царского правительства и тем самым создана возможность для изучения империалистической политики великих держав, причин первой мировой войны.

Но едва ли не еще большее влияние на выбор проблематики изучения прошлого оказывает общественно-политическая жизнь. Русская историческая школа в лице Н. И. Кареева, Н. В. Луцицкого, М. М. Ковалевского обратилась к изучению аграрной истории Великой французской революции в значительной мере в связи с перспективами развития России по тому или иному пути — революции или реформ. А неослабевающий интерес историков США к рабству и Гражданской войне 1861—1865 гг. обусловлен в немалой мере остротой негритянского вопроса в США.

Для исторической науки на всем протяжении ее развития характерно расширение проблематики в региональном отношении, увеличивается круг изучаемых стран и народов (ныне это и история народов Азии, Африки, Латинской Америки). В то же время на базе специализации исторического знания, успехов применения междисциплинарной методики происходит все более широкий охват различных сторон общественного развития⁴. Эти черты характерны и для современной историографии.

Выяснение исторической проблематики немало дает для понимания истории исторической науки и общественной мысли, показывая, какие события прошлого и почему становились актуальными в научном отношении. Все отмеченные аспекты историографического исследования тесно связаны между собой, абсолютизация одного из них ведет к деформации общей картины развития исторических знаний.

Историографическое исследование базируется на источниках, имеющих определенные особенности⁵. Важнейшим источником историографии являются работы историков. Они могут иметь разную форму: монографий, выдвигающих оригинальные идеи; статей в периодике; застенографированных докладов на научных собраниях и т. п. В качестве источника историографии могут служить и материалы творческой лаборатории ученого: выписки из источников, черновые наброски, варианты плана. Так, «Тетради по империализму» дают представление о громадной подготовительной работе В. И. Ленина к написанию труда «Империализм, как высшая стадия капитализма». Источниками историографии являются также материалы научных дискуссий, рецензии, которые помогут определить общественное звучание вышедшего труда ученого.

Для марксистского историографического исследования важно определение отправных позиций при анализе концеп-

⁴ См.: Сахаров А. М. О построении и содержании курса истории СССР // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 46.

⁵ См.: Биск И. История исторической мысли в новое время. Иваново, 1983. С. 7—9.

ции историков⁶. Очень важными среди них являются принципы научной объективности и историзма. Историческое познание имеет существенную специфику, отличающую ее от естественных наук, — качественное единство объекта и субъекта. Это приводит к тому, что оценочный момент («пристрастие») так или иначе присутствует в исторических исследованиях.

Особенно корректно должны применяться принципы научного объективизма при раскрытии тех общественно-политических сил, которые так или иначе влияли на историков в их описании и анализе прошлого, определении социальных функций исторической науки на разных этапах общественного развития. Связь между идейной направленностью и научным результатом исторического исследования нередко трактуется упрощенно. В недавнем прошлом было немало искажений, когда следование догмам и конъюнктурным соображениям прикрывалось ярлыком «марксистского анализа». Не может быть приемлемым ни сведение истории к «чистому знанию», ни ограничение задач изучения истории исторической науки выяснением смены мировоззрений или истории политических идей, так как последнее предполагает, что исторические знания лишены объективного научного содержания и соответствуют лишь определенным политическим запросам современности⁷.

Принципы научно-критического отношения к буржуазной историографии были сформулированы и практически применены классиками марксизма-ленинизма. Достаточно вспомнить имена Л. Моргана, Г. Маурера, В. Циммермана, чьи труды широко использовал Ф. Энгельс в своих исследованиях по истории первобытного общества, марки и крестьянской войны в Германии. В. И. Ленин отмечал, что буржуазные историки способны давать ценные результаты в специальных областях различных наук. Задача марксистов, подчеркивал Ленин, заключается в том,

чтобы «...суметь усвоить себе и переработать те завоевания...», которые делаются немарксистскими исследователями, и в то же время «...уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»⁸. Ленин нередко ссылался на авторитет буржуазных историков; известны его высокие оценки работ Дж. Гобсона, С. и Б. Веббов и др.

Подход к историческим исследованиям органически включает в себя также принцип историзма, который требует соотношения тех или иных выдвинутых положений, теорий, исторических концепций с общим состоянием исторической науки в данный и предшествующий периоды. Следует иметь в виду мысль В. И. Ленина о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»⁹. Так, например, французский просветитель Ш. Монтескье, выступив одним из первых теоретиков географической теории, значительно преувеличил влияние природных условий (климата, почвы и т. д.) на развитие общественной жизни. Но, поскольку его теория содержала важный материалистический элемент и противостояла господствующим провиденциалистским воззрениям на исторический процесс, мы должны, руководствуясь принципами историзма, оценить взгляды Монтескье как шаг вперед в развитии исторической мысли XVIII в.

Для того чтобы преодолеть антиисторизм в изучении развития исторической науки, необходимо соединить в органическом сплаве достоверное объективное знание о минувшей эпохе на каждом этапе исторического развития в его особых, только ему свойственных чертах, с гуманистическими началами марксизма, все более выступающими ныне на передний план. Последнее позволяет извлекать и нравственные уроки из прошлого, а следовательно, влиять на настоящее.

История исторической науки — это прогрессирующий процесс развития исторических знаний. Нередко, однако, путь

⁶ См.: Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины. Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984.

⁷ См.: Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958. С. 6—7.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 364.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.

вперед пролегал через преодоление кризисного состояния тех или иных элементов науки, исчерпавших свой потенциал, выход из кризиса подталкивал к новым рубежам в конкретно-исторических исследованиях. Поэтому важной задачей историографического исследования является анализ вклада выдающихся ученых и целых исторических школ в развитие науки. Свою лепту в ее поступательное движение вносили историки как прогрессивного, так подчас и консервативного направления. В. И. Ленин отмечал: «...науку обогащали далее, в связи с ними (экономистами-классиками.— *И. Д.*), просветители XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной... науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы начала XIX века, разъясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни...»¹⁰ Сам марксизм неразрывно связан с классической традицией общественной мысли, впитал достижения многих поколений философов, экономистов, историков.

Следует при этом различать этапы развития историографии. Домарксовская историография внесла крупный вклад в развитие исторической мысли: определила начала теории классовой борьбы, историзм, хотя и ограниченный, основы методики анализа источников и т. д. Даже в том, что историки, ведя поиски, выдвигали порой умозрительные теории, была своя польза. Развитие всякой науки нередко начиналось с ненаучной теории. Поначалу, еще не умея приняться за изучение фактов, выдвигали различные ненаучные теории. Так было и с астрономией, и с химией, которым предшествовали астрология и алхимия; то же происходило и с историей. К. Маркс, однажды коснувшись этого вопроса, дал такую образную характеристику развития всякой науки: «В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент»¹¹. Можно рассматривать основы теории классовой

борьбы и домарксовский историзм как прозорливые догадки. Многие из этого ценного, добытого буржуазной историографией, будучи критически переработано, дало возможность подвести под историческую науку прочный фундамент.

И в наше время многие исследователи продолжают открывать огромные пласты исторического материала, нередко весьма точно рисуют различные стороны исторического процесса; совершенствуется техника работы над источниками.

В то же время советские историки все больше отходят от упрощенной трактовки понятия «кризиса немарксистской историографии» как исходного пункта ее настоящего развития¹². Отмечается, что, с одной стороны, историография состоит из ряда существенных компонентов: методологии исторического познания, исторических концепций, конкретной методики исторического исследования и т. д. Причем кризис одного из компонентов историографии, например методологии, может идти параллельно с прогрессом другого — исследовательской методики (как это подчас происходит в современной зарубежной историографии). С другой стороны, понятие «кризис немарксистской историографии» не может быть в равной мере применимо ко всем ее направлениям — от консервативных до либеральных (а к радикальным вообще неприменимо).

Нельзя не видеть, что использование в изучении истории методов естественных наук, как и смежных социальных наук (особенно во время современной технической революции), привело к обогащению методологического инструментария буржуазной историографии, ее научных возможностей¹³. Сложившиеся на основе междисциплинарной методологии школы «новой социальной», «новой экономической», «новой политической» истории, несмотря на значительные изъяны, способствовали расширению проблематики немарксистской историографии, существен-

¹² См.: Современная немарксистская историография и советская историческая наука. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1988. № 1. С. 172—202.

¹³ См.: Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 8; Согрин В. Диалог с зарубежной историографией // Общественные науки. 1989. № 2.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 49.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 43.

ному приращению исторических знаний. Важным элементом «новой научной истории» является применение количественных методов.

Наконец, наиболее серьезная зарубежная историография находится в состоянии плодотворного диалога, взаимодействия с марксистской. Если на ранних этапах влияние марксизма сказалось прежде всего в появлении «экономического материализма», то ныне используются уже отдельные положения, концепции, проблематика и терминология исторического

материализма. Воздействие марксистской методологии особенно проявилось в построениях историков радикально-демократических направлений, сформировавшихся едва ли не во всех капиталистических странах. Они стремятся к материалистической интерпретации важнейших событий национальной истории, уделяют особое внимание народным движениям протеста и их идеологиям. В освещении новейшей истории для радикальных историков характерна антимонополистическая направленность.

Предметом настоящего учебного пособия является история исторической науки нового и новейшего времени в главных странах Европы и Америки от эпохи Возрождения до наших дней, исследовательской проблематикой которой является развитие капитализма и буржуазного общества на всем его пути — зарождения, становления и эволюции. Вместе с тем, чтобы не нарушать общей картины истории исторической науки, подчас необходимо расширить эти тематические рамки. Так, например, немецкие историки Т. Моммзен и И. Дройзен занимались исследованием истории античности, но на материале греческой и римской истории проводили идеи необходимости объединения Германии «сверху», доказывали извечность капитализма. Лишь изучение истории исторической науки в новое и новейшее время может дать ответ на такие центральные вопросы, как этапы ее развития, проблемы методологии, эволюция главных направлений и школ (на сходные проблемы дают ответы в своих областях знаний история философии или история литературы).

На формирование и развитие исторической науки оказывают влияние положения, система взглядов, сложившиеся в различных сферах общественной мысли и знаний: философии и политэкономии, литературе и историческом сознании народа. Все эти аспекты исторического мышления не могут быть сколько-нибудь полно отражены в настоящем учебном пособии. Главное внимание в нем уделено работам профессиональных историков. В поле зрения находится и историческая мысль в ее развитии, что особенно важно для изучения прогрессивной историографии, которая, как правило, начинается с политической публицистики (с позиций буржуазной историографии, Ж.-Ж. Руссо, А. И. Герцен и ряд других мыслителей не «вписываются» в историческую науку). В период становления при неразвитости исторической науки немалое влияние оказывали на нее представления о прошлом, возникавшие в сфере художественной литературы и искусства, что также нашло

отражение в творчестве Вальтера Скотта в Англии, Франсуа Шатобриана во Франции и др.

Главные ступени развития историографии новой и новейшей истории восходят к важнейшим этапам общественного развития. Так как существенным фактором в процессе познания является методология, то и этапы развития науки различаются по изменяющимся методам исследования, смене мировоззренческих принципов в осмыслении прошлого. Исходя из этого, структура учебного пособия состоит из следующих разделов: гуманистическая историография эпохи Возрождения (исходный рубеж), Просвещение, историография романтизма (первая половина XIX в.), позитивистская историография (вторая половина XIX в.), возникновение и развитие марксистской исторической науки, эволюция ортодоксального позитивизма, «новая научная история» (60—80-е годы XX в.).

Раздел о зарождении и становлении общественно-исторической мысли нового времени, которым открывается учебное пособие, включает темы: гуманизм, социально-историческая мысль в период Английской революции XVII в., исторические взгляды просветителей XVIII в. Именно в этот период делает первые шаги буржуазная историческая мысль как часть нового миропонимания, связанного с развитием капиталистического производства и революциями. Преодоление феодально-религиозного мировоззрения, которое было основой средневекового исторического мышления, создание рационалистической концепции исторического процесса явились важнейшей ступенью на пути превращения исторических знаний в историческую науку.

Первая половина XIX в. ознаменовалась крупными достижениями в развитии исторической науки. Большое значение имели выдвижение принципов историзма, учение о диалектическом характере развития (в рамках идеалистической философии), идеи классовой борьбы. Эти положения особенно важны для понимания идейных предпосылок революционного переворота, произведенного основоположниками марксизма, ибо «...марксизм... есть *высшее развитие* всей исторической и эко-

номической, и философской науки Европы»¹⁴.

Середина XIX столетия явилась важнейшей в судьбах общественных наук. Созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом теория исторического материализма открыла возможность познания закономерностей и движущих сил исторического развития человечества и тем самым впервые указала «...путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»¹⁵. Марксистское учение об общественно-экономических формациях дало возможность рассматривать всемирную историю как естественноисторический процесс восхождения человечества по ступеням развития от низших форм к высшим. Во второй половине XIX в. в борьбе с буржуазными историческими концепциями в национальных историографиях начала формироваться марксистская школа историков.

Характерная тенденция буржуазной общественной мысли второй половины XIX в.— упадок старых классических концепций. Стремление буржуазной философии и социологии опереться на достижения естественных наук воплотилось в позитивизме. Позитивизм стал влиятельнейшим течением в историографии. Ряд положительных элементов позитивизма сливался воедино с консервативными: признание закономерности исторического развития и ее механистическое истолкование (перенесение естественнонаучных законов на развитие общества); утверждение идеи органической эволюции и одностороннее понимание историзма — отрицание революционных скачков в истории; обращение к социально-экономической истории и объяснение исторического процесса с помощью теории «равноправных факторов».

Начало XX в. принесло кризисные явления в сферу немарксистских общественных наук, в том числе в методологию истории. Методологический кризис имел как социальные, так и гносеологические корни.

Огромное число фактов, свидетельствовавших о сложности и противоречивости исторического процесса, не укладывалось в позитивистскую историческую концепцию, характерную для исторической науки второй половины XIX в. В то же время в эпоху крушения старых концепций относительность исторических знаний и связь между исторической наукой и современностью стали особенно очевидными.

Кризис немарксистской историко-философской мысли выступил и как момент кризиса механистического детерминизма, господствовавшего в научном мышлении XIX в. и опрокинутого революцией в физике в начале XX в. Однако нельзя не отметить заслуги неокантианцев, выдвинувших важную методологическую проблему, хотя и не давших ее решения: они обратили внимание на специфическую природу исторического познания (его отличие от естественнонаучного) — взаимоотношения между историком и познаваемой им исторической реальностью.

Новый подъем исторической науки неразрывно связан с творческим осмыслением марксистского учения В. И. Лениным в условиях роста международного рабочего движения в эпоху империализма и перемещения центра революционного движения в Россию. Ленин не только развил марксистское понимание исторического процесса, но и создал научную концепцию монополистической стадии развития капитализма, явившуюся базой для изучения социально-экономической и политической истории новейшего времени.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала многостороннее воздействие на развитие общественных наук. Становление и развитие историографии в СССР имело большое значение для создания научной концепции общественного процесса и конкретно-исторического исследования истории отдельных стран. Но развитию марксистской науки был нанесен тяжелый ущерб культом личности Сталина, догматическим и сектантским подходом к оценке многих исторических событий. В 30-е годы были подвергнуты репрессиям выдающиеся советские историки.

После второй мировой войны советская

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 49.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 58.

историческая наука, ее достижения (хотя не в малой мере и ослабляемые застойными общественными тенденциями) оказали положительное влияние на рост прогрессивной историографии во всем мире, становление марксистско-ленинской историографии в восточноевропейских странах. Укрепились организационные основы советской исторической науки, были созданы новые научные центры, налажился выпуск специализированных периодических изданий, на более высокий уровень поднялась подготовка научных кадров.

Для советской историографии новой и новейшей истории наших дней свойствен охват коренных вопросов и периодов истории зарубежных стран. Огромное значение для подъема историографии в СССР имели решения XX и XXVII съездов КПСС.

Новейшие тенденции в немарксистской историографии, принявшие интернациональный характер и получившие выражение в «новой научной истории», явились попыткой на путях междисциплинарного подхода и применения количественных методов преодолеть субъективизм традиционной историографии. Обогатив технику исследования, расширив тематику и круг рассматриваемых проблем, «новая научная история» существенно обновила теоретико-методологические основы буржуазной историографии. Позаимствовав у социологии структурно-функциональный анализ и применив его к анализу исторического прошлого, она вместе с тем не создала методологии для нового исторического синтеза.

История исторической науки нового и новейшего времени — процесс, представленный в учебном пособии на европейско-американском и национальном уровнях. Общие черты развития историографии в ту или иную эпоху (с акцентом на анализ методологии) рассматриваются во вводных разделах, но эти черты имеют национальную специфику, поэтому важный элемент изложения — история исторической науки отдельных стран.

На первом плане в соответствующих разделах книги рассматриваются наиболее зрелые в историографическом отношении страны, воплотившие характерные тенденции времени в сфере исторической

науки (например, несомненно ведущее место французской просветительской исторической мысли в XVIII в. и французской романтической историографии первой половины XIX в.). По мере развития исторической науки в изложение вводится все большее число стран (с последней трети XIX в. историография регионов Восточной Европы и Латинской Америки).

Характерные черты национальной историографии раскрываются на основе изучения исторической проблематики данной страны, поэтому главное внимание уделяется этому аспекту историографии. Лишь отечественная русская и затем советская историография даются в плане изучения в ней проблем новой и новейшей истории зарубежных стран.

Вся история исторической науки нового и новейшего времени — это противостояние направлений и школ. От гуманистической историографии XV—XVI вв. до начала XIX в. главной была борьба буржуазной историографии с дворянской, но уже в этот период происходило формирование радикальной мысли в историографии (Дж. Уинстэнли в Англии, Г. Мабли во Франции, А. Н. Радищев в России). В первой половине XIX в. чаяния обездоленных трудящихся масс отражали в исторической мысли социалисты-утописты во Франции, историки-чартисты в Англии, революционные демократы в России и других странах. Марксизм создал научную основу для критического анализа теоретико-методологических принципов буржуазной историографии. «Течение», «направление», «школа» — связующие звенья историографического процесса и творчества отдельных ученых. «Течением» называются широкие аморфные группы историков, объединенные общими методологическими принципами, например позитивизма. Под «направлением» понимается группа ученых, которых сближают не только методологические принципы, но и их интерпретация и проблематика работ. Критерием для выделения «школы» служат общие методические приемы, а иногда группировка вокруг одного университета или крупного ученого¹⁶.

¹⁶ См.: Гутнова Е. В. Историография средних веков. М., 1974. С. 10.

Еще один важный элемент построения учебного пособия — анализ исторической концепции. Как отмечала академик М. В. Нечкина, «историография есть история исторической науки, а наука складывается прежде всего из результатов исследования ученых. Следовательно, основным и важнейшим фактором истории науки являются труды ученого, в которые вливается исследовательский процесс, и взаимодействие, взаимозависимость результатов этих трудов. Без изучения трудов ученых нет истории науки, как без изучения произведений нет истории литературы»¹⁷. При характеристике трудов историка, выражающих его концепцию, немаловажное значение имеют индивидуальные качества ученого: степень его одаренности, широта кругозора, даже характер историка. Поняв и оценив концепцию, мы можем прийти к решению о том, какое место занимало данное ис-

¹⁷ Нечкина М. В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. М., 1965. С. 11.

следование в области познания прошлого.

Мы рассмотрели историографическую модель, кратко проанализировали основные части историографического исследования: общественные и организационные условия развития исторической науки, методологию, методiku, проблематику, научные концепции. Конечно, это теоретическое построение не отражает всего многообразия и сложности историографического анализа, но оно помогает наметить и осуществить основные цели исследования. Среди них сейчас на первый план выступает двуединая задача: научно-критический подход к теоретико-методологическим основам немарксистской историографии (особенно в тех случаях, когда научный элемент подчиняется исключительно политико-идеологическим целям), сопровождаемый конструктивным научным диалогом с учеными, стоящими на иных мировоззренческих позициях, освоением всего новаторского, полезного, что появляется в зарубежной исторической науке.

Раздел

1

**От Гуманизма к Просвещению:
зарождение и становление
исторической мысли
и исторической науки
нового времени
(XVI-XVIII века)**

Введение

XVI—XVIII века в европейской и всемирной истории — период, переходный от феодализма к капитализму. В течение этого времени в странах Европы совершались глубокие хозяйственные сдвиги, трансформация и разложение феодальных общественных отношений и социально-политических институтов. Развертывался процесс первоначального накопления, набирал силу капиталистический уклад. Все это оказывало сильное воздействие на материальную и духовную жизнь миллионов людей, ломало ее привычные рамки, вызывало к жизни новые общественные потребности, обостряло старые и порождало новые социальные противоречия и антагонизмы. Крупнейшие общественные движения, народные восстания, гражданские войны почти непрерывной чередой проходили через европейскую историю XVI—XVIII столетий. Среди них три увенчавшиеся победой буржуазные революции — Нидерландская (вторая половина XVI в.), Английская (середина XVII в.), Французская (конец XVIII в.) — выступают как последовательные вехи на пути утверждения буржуазного порядка в Западной Европе; Война за независимость в Северной Америке (1775—1783) знаменовала начало этого процесса также на Американском континенте.

Сдвиги в экономической и социально-политической сферах, острые социальные катаклизмы этого периода были тесно связаны с глубокими изменениями в духовной культуре, в общественном сознании. Успехи в научных знаниях расшатывали унаследованные от средних веков феода-

льно-теологические воззрения на природу, на человека и его место в космическом и социальном универсуме. На смену им утверждалось новое мировидение, отвечавшее требованиям времени и достижениям новой науки. Интенсивно развивалась буржуазная общественная мысль, которая выражала в ту пору не только устремления формировавшейся буржуазии, но и исторические потребности общества в целом. С ростом капиталистического уклада и порождаемых этим процессом социальных бедствий пробивала себе дорогу и особая струя — осмысление человека и общества с позиций утопически-коммунистических идей.

В этом общем русле духовной жизни эпохи совершались и важнейшие сдвиги в исторической мысли и историографии: возникла и постепенно утверждалась историко-социологическая мысль и историческая наука нового времени.

Гуманизм и развитие исторической мысли. Начало капиталистической эры К. Маркс относил к XVI столетию¹. Однако первые зачатки капиталистического производства оформились в некоторых городах Северной Италии и Нидерландов уже в XIV и особенно в XV в. На этой основе зародилась и расцвела культура Возрождения и ее идейная основа — гуманистическое мировоззрение, отразившее тенденции раннебуржуазного развития, связанные с ними социальные, социально-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 728.

психологические, «ментальные» сдвиги и коллизии².

Гуманистическое мировоззрение было ответом на новые запросы времени, новые знания и опыт, накопленные человеческой практикой и делавшим первые шаги естественнонаучным постижением природы. Рост товарно-денежных отношений, зарождение и развитие очагов капиталистического производства приходили в столкновение с феодальной зависимостью, корпоративными связями, рождали представление о важности и ценности свободного, деятельного человека. Развернувшиеся с конца XV в. великие географические открытия, доказательство шарообразности Земли, первые достижения астрономии привели к перевороту в представлениях о пространстве и месте в нем человека. В поле зрения европейцев оказались неведомые ранее земли и люди с их обычаями и нравами. Была поколеблена, а затем рухнула геоцентрическая система Птолемея и основанное на ней представление о Земле как центре мироздания, избранной богом арене борьбы божественных и дьявольских сил за души людей.

Один из важнейших факторов развития науки и культуры — изобретение в середине XV в. книгопечатания. К началу XVI в. в Европе возникло уже около 250

центров книгопечатания, было опубликовано около 40 тыс. названий книг. Книгопечатание необычайно расширило распространение творений античных авторов, произведений ученых, писателей, резко ускорило распространение информации.

Гуманисты пересмотрели схоластическую картину мира и схоластические методы познания природы и человека. При этом наиболее яркая черта гуманистического мировидения — новое осмысление проблемы человека. Гуманисты решительно отошли от теологической концепции, согласно которой природа человека изначально греховна и ущербна, мирские заботы тщетны, а единственный смысл его земного бытия — устремление к богу во имя посмертного спасения.

Гуманисты, напротив, отстаивали мысль о громадных творческих возможностях человека и его высоком предназначении в этом мире. Земную жизнь человека, его борьбу за достижение прижизненного блага они считали величайшей самостоятельной ценностью. Именно земное деятельное бытие человека было предметом живого интереса для всех отраслей духовного творчества гуманистов. По сути, они отходили от теологического теоцентристского видения мира, заменяя его представлением антропоцентристским.

Таким образом, гуманистическое мировоззрение положило начало важному процессу — переориентации человеческой мысли с одного предмета изучения (бог и вся область сакрального) на другой (сам человек, его светская земная жизнь и деяния). В русле нового мышления обозначились и первые ростки научного подхода к истории, возникла гуманистическая историография, главным достижением которой стало начало секуляризации исторической мысли, ее освобождение от теологии, являвшейся мировоззренческой основой историографии в средние века и сохранявшей в ней позиции вплоть до XVIII в.

Средневековое мировоззрение придавало большое значение истории: христианский миф, на котором оно основывалось, это миф исторический. Именно христианство впервые утвердило представление об истории как об объективном, надличностном процессе. История мыслилась как всемир-

² Понимание культуры Возрождения как раннебуржуазной преобладает в советской историографии. Но высказываются и иные суждения. М. А. Барг в своих последних работах обосновывает мысль, что истоки раннего Возрождения (XIV—XV вв.) в его общеевропейском аспекте не могут быть поняты, если ограничивать их возникновением в некоторых частях Италии эфемерных элементов раннего капитализма. Культура раннего Возрождения, по его мнению, знаменует не «осень» средневековья, а скорее «...вершину, зенит духовных потенций реструктурированного феодального общества в условиях полного расцвета простого товарного хозяйства на почве феодализма» (Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С. 205, 212—213; см. *его же*. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 272—273, 278—281). С иных позиций оспаривал оценку культуры Возрождения как раннебуржуазной Л. Е. Кертман. Он определял ее как культуру общедемократическую, которая включала и «...зачаточные элементы собственно буржуазной культуры, не выделившейся еще в самостоятельную субкультуру» (Кертман Л. Е. История культуры стран Европы и Америки. М., 1987. С. 58).

ная, историческое время — как линейное, векторное (т. е. имеющее определенное направление), необратимое. Движение человеческой истории средневековая историческая мысль считала провиденциально обусловленным (т. е. определенным внешней по отношению к историческому процессу силой, богом) и понимала телеологически — история движется согласно плану и цели, предустановленным творцом от акта Творения к пришествию и смерти Христа и далее к Страшному суду и концу рода человеческого. В эти общие рамки средневековая историография вписывала мирскую, светскую историю людей. При этом действительные факты переплетались в исторических сочинениях с событиями и персонажами библейской истории, сверхъестественные силы, чудеса свободно вмешивались в ход событий земной истории.

Совершенно на иных началах основывалась гуманистическая историография. Гуманисты сохранили конечную причинность в истории за богом. На деле в их сочинениях он обычно оставался «за кадром». В поисках объяснения исторических событий гуманисты обращались к чисто земным причинам, человеческим мотивам и действиям. История выступала в их сочинениях как результат не божественного промысла, а деятельности людей, которая может быть рационально объяснена и осмыслена. Некоторые наиболее глубокие умы среди гуманистов (Макиавелли и Гвиччардини в Италии, Боден во Франции) пытались подойти к выявлению внутренних закономерностей в истории, усматривая их в логике политической борьбы, во влиянии природных условий.

Основной интерес гуманистов вызвала политическая история. Политика была ими осознана как особая и крайне важная сфера человеческой деятельности, требующая специального изучения, — именно в рамках гуманистической культуры возникла политическая наука. Исторические сочинения гуманистов — это прежде всего история политических и военных событий. Громадная самостоятельная важность социальных, экономических аспектов исторического процесса не была еще осознана и оставалась в основном вне поля зрения историографии.

Историческому сознанию гуманистов было чуждо представление о линейном движении времени в земной человеческой истории; не была еще выработана и идея прогресса. Преобладала точка зрения круговорота, циклического движения истории; так, на смену «готическому варварству» средних веков пришло новое время, которое, однако, являлось как бы «возрождением» золотого века античности, возвращением к нему (правда, в позднем гуманизме уже пробивала дорогу идея новизны и даже некоторого превосходства «нового века» сравнительно с античностью).

В XV—XVI вв. исторические книги пользовались большой популярностью. Издавались и многочисленные сочинения, посвященные «методу написания и чтения истории» или воздававшие «хвалу истории». Назначение ее видели в воспитании людей на опыте прошлого, в обучении искусству политики тех, кто призван ею заниматься, в представлении примеров для лучшего усвоения наставлений морали.

Однако история не стала (и еще долго не станет) университетской дисциплиной — ее рассматривали, скорее, как род литературы. Исторические знания и приемы работы с источниками разрабатывались в гуманистической филологии, в правоведении, которые были тесно связаны с критическим анализом различных исторических текстов. Начало научной критики источников — одна из важных заслуг гуманистов; их призыв «ad fontes» («к источникам») означал отрицание метода схоластики, искажавшей букву и дух античных текстов, стремление выявить исторические реальности, отраженные в документах.

Труды гуманистов были первичной, зачаточной формой научного знания об истории. Оно было ограничено и условиями эпохи, и социальным положением большинства гуманистов, и общим низким уровнем наук того времени. Воззрения гуманистов на историю не свободны от влияния теологических доктрин. Даже порывая с богословско-схоластическим воззрением, они избегали прямой конфронтации с ним. Интересы историков-гуманистов преимущественно не выходили за рамки событий политической и военной истории, деяний отдельных личностей.

Родиной и основным центром гуманизма была Италия. Здесь возникла и достигла наибольшего расцвета гуманистическая историография, сформировались ее основные школы. Однако новое идейно-культурное движение захватило и другие страны Европы, развитие которых на исходе средних веков было отмечено социально-структурными сдвигами, связанными с первыми шагами буржуазного уклада. В этих странах также возникла гуманистическая историография. Она испытала сильное влияние итальянской, но обретала в каждой стране своеобразные, связанные с ее историческими условиями черты.

Изучение истории и научная революция XVII в. В XVII столетии в идейно-культурной жизни Европы обозначился важный этап, обусловленный новой ступенью в процессе становления буржуазных отношений. Правда, их первые ростки в Италии (а также в Испании и Португалии) по ряду причин не разрослись, а местами почти заглохли. Исчерпало свои возможности, вступило в полосу кризиса и гуманистическое мировоззрение.

Во второй половине XVI—XVII вв. энергичные усилия по восстановлению своего пошатнувшегося духовного господства предприняла католическая церковь. Стремление укрепить теологические воззрения нашло отражение и в области историографии. В XVII и XVIII вв. монахи некоторых орденов, особенно бенедиктинцы (так называемые мавристы — от конгрегации св. Мавра) и иезуиты (болландисты, по имени одного из церковных эрудитов Ж. Болланда), развернули большую работу по розыску и публикации исторических документов. Ими было введено в научный оборот много новых источников, они значительно продвинули вперед вспомогательные исторические дисциплины — палеографию, хронологию, дипломатику, сфрагистику. Однако в плане мировоззренческом церковные эрудиты стремились использовать новые исторические материалы и в известной мере выработанные гуманистами приемы исторической критики для укрепления авторитета церкви. Работы, вышедшие из-под пера католических эрудитов XVII—XVIII вв., были проникнуты теологическим представлением об истории.]

Тем не менее процесс поступательного развития естественнонаучной и общественной мысли именно в XVII в. поднялся на качественно новую ступень. К XVII столетию генезис капиталистических отношений в Европе окончательно обрел необратимый характер. Ведущим его регионом стала теперь Северо-Западная Европа — Голландия, Англия, Северная Франция. В конце XVI — начале XVII в. одержала победу буржуазная революция (национально-освободительная война 1566—1609 гг.) в Нидерландах. В середине XVII в. произошла Английская революция — первая буржуазная революция «европейского масштаба» (К. Маркс). Все это знаменовало трансформацию (пусть пока еще на региональном уровне) капиталистического хозяйственного уклада в господствующий буржуазный общественный строй, рождение буржуазной цивилизации.

Новая эпоха, предъявлявшая растущий спрос на новые знания, способствовала раскрепощению научной мысли и общественного сознания, появлению целой плеяды блестящих ученых и мыслителей. Следствием этого стало такое капитальное явление в истории духовной культуры, как научная и мировоззренческая революция XVII в. Фактически ее первые шаги были пройдены уже во второй половине XVI в. Поэтому историки науки говорят иногда о научной революции XVI—XVII вв. И все же в целом оформление и утверждение новой науки, которая стала основой всего здания современной науки, относится именно к XVII столетию.

Следует отметить два важных итога этого беспрецедентного интеллектуального взлета. Во-первых, благодаря выдающимся открытиям Галилея, Кеплера, Декарта, Ньютона и других ученых была создана и всесторонне разработана новая естественнонаучная картина мироздания, окончательно сменившая средневековое видение мира, основанное на физике Аристотеля и теории движения планет вокруг неподвижной Земли Птолемея.

Во-вторых, результатом научной революции XVII в. было коренное обновление метода научного познания. Уже в первой половине XVII в. выступили такие глашатаи новых принципов и методов научного познания, как Ф. Бэкон — «...ро-

донаучальник *английского материализма* и всей *современной экспериментирующей науки...*³, и основоположник рационалистической традиции в учении о познании Р. Декарт. Естествознание — а именно оно прежде всего олицетворяло науку — стало опытным, широко опирающимся на математику, оснащенным не только математическим аппаратом, но и техническими средствами (телескоп, микроскоп, барометр, термометр и т. д.). Особое значение придавалось количественным характеристикам, к которым сводились и характеристики качественные, — в этом отражалось механистическое мировоззрение, сложившееся в условиях громадных успехов механики и математики.

В мировоззренческом плане результатом научной революции явилось окончательное отграничение области веры от области науки. «Последняя для объяснения механизма функционирования Вселенной практически в идее бога больше не нуждалась. В результате она отныне была из нее изгнана окончательно и навечно»⁴. Неудивительно, что именно в XVII в. в области философии получил развитие материализм (идеи Ф. Бэкона, Т. Гоббса, П. Гассенди, Б. Спинозы, Д. Локка), характерный для начального этапа нового времени. Успехи в развитии естественных наук — математики, физики, астрономии, анатомии и физиологии (открытие системы кровообращения), в особенности механики, — оказывали огромное воздействие на изучение общества. Шел «могущественный ток к обществоведению от естествознания...»⁵.

Передовые мыслители XVII в. хотели применить к изучению общества те же принципы, на которых основывались науки о природе, создать такое научное мышление, которое охватило бы в равной мере явления и физического и общественного порядка, выработать научный метод, единый для познания природы и общества. Они утверждали, что общество подчинено определенным естественным законам, которые, подобно законам природы, могут

быть познаны и использованы людьми. Эти идеи были важным и перспективным завоеванием общественной мысли, они явились большим шагом вперед по сравнению с воззрениями гуманистов. «Новая наука» XVII в. развивалась в полемике с эпигонами гуманизма, догматически отстаивавшими непререкаемый авторитет античной древности.

Конечно, понимание общественных законов мыслителями XVII в. было ограничено уровнем знаний и социальными условиями того времени. Абсолютизируя единство природы и человека, они хотели создать общественную науку по точному образцу математики и физики («социальная физика»). Для общественных теорий были характерны механицизм (перенесение законов механики на изучение общества) и отсутствие историзма, т. е. идеи развития. Исходным пунктом этих теорий было представление об изолированном человеке вообще, взятом вне исторически конкретного общества. Общество, таким образом, рассматривалось как простая сумма равновеликих единиц-индивидов⁶. Индивиды-монады наделялись определенными свойствами, вытекающими из природы человека, например стремлением к общению, как полагал голландский философ и юрист Г. Гроций, или, напротив, отталкиванию, по мысли английского философа-материалиста Т. Гоббса, который считал, что в исходном, «естественном состоянии» люди вели ожесточенную войну между собою.

Свойства индивида брались в качестве первичных аксиом, из которых и следовало рационалистическим путем вывести законы «социальной механики», или «социальной геометрии», найти ключ к объяснению общества в его прошлом и настоящем. Объединение людей-индивидов в общество, возникновение государства и права мыслители XVII в. (Гроций, Спиноза, Гоббс,

⁶ В данном случае, отмечал Е. А. Косминский, «научная мысль декларирует то, что совершалось развитием нового буржуазного общества, разрывавшим прежние общественные связи, разрушавшим иерархию, разлагавшим сословное феодальное общество, вносящим начала индивидуализма» (Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 399).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 142.

⁴ Барг М. А. Эпохи и идеи... С. 304.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 41.

Локк и др.) объясняли как результат «общественного договора». Законы государства, полагали они, должны строиться на основе «естественного права», которое вытекает из «природы человека» и соответствует разуму. Общественный порядок, который большинство передовых мыслителей считали наиболее отвечающим природе человека и естественному праву, представлял собой, по существу, буржуазное общество.

Важной вехой в развитии общественной, в том числе и исторической, мысли была Английская революция. Она необычайно остро поставила перед ее современниками коренные вопросы о власти и собственности. В ходе революции, несмотря на ее теологическую идейную драпировку, развивались теории естественного права (оно рассматривалось как творение «создателя»), договорного происхождения власти и народного суверенитета. Острая социальная борьба революционной эпохи заставила задуматься о ее материальных основах, о значении отношений собственности в жизни общества. Дж. Гаррингтоном, одним из идеологов индипендентов, была выдвинута мысль о том, что формы государства, его законы и учреждения зависят от распределения собственности в обществе, «баланса владения землей». Идейный защитник народных низов Дж. Уинстэнли считал частную собственность на землю главным источником социального зла, историю ее возникновения в Англии связывал с нормандским завоеванием, а вопрос о земле считал основным вопросом Английской революции.

Однако творцы научной революции XVII в., прокладывая новые пути в познании природы и общества, мало интересовались конкретной историей и редко занимались ею. Более того, создатели новой науки относились скептически к историографии своего времени. Р. Декарт и картезианцы вообще отрицали возможность достоверного знания в истории. Очень скептически оценивал познавательные возможности тогдашней истории известный французский философ и публицист П. Бейль, автор популярного «Исторического и критического словаря».

Такое отношение к написанию истории в основном было связано с тем поло-

жением, в котором она оказалась в условиях научной революции XVII в. Созданная в ходе ее новая наука обосновала ценность аналитического мышления, опытный характер научного познания, необходимость математического выражения и экспериментальной проверки его результатов. Между тем историография оставалась по своему типу в основном повествовательной, лишенной научно-аналитического начала. Несмотря на неутомимые усилия эрудитов по систематизации и публикации источников, сочинения исторических писателей носили компилятивный характер. По целям, которые перед нею ставились, историография была морализирующей и поучающей и оказывалась, по существу, чуждой тому новому способу научного мышления, который возобладал в течение XVII в. в естественных науках и общественном знании (в наиболее развитой тогда его части — политической науке, учении о государстве и праве).

В целом научная мысль XVII в. разрабатывала главным образом теоретические проблемы общественно-научного изучения общества, попытки открыть общественные закономерности, хотя они и предпринимались на рационалистической и умозрительной основе. Общественные теории передовых мыслителей того времени сыграли большую роль в развитии не только социологической мысли, но и историографии. Они оказали очень сильное влияние на те сдвиги в исторической науке, которые произошли в XVIII столетии, в век Просвещения.

«Философская история» века Просвещения. В течение XVIII в., особенно во второй его половине, в передовых странах Европы, а также в Северной Америке, развитие капиталистических отношений ускорило. Оно выходило уже на качественно новые рубежи: в 60—80-е годы XVIII в. в Англии началась промышленная революция. В середине и второй половине столетия в странах Европы обострились социальные противоречия, нарастало широкое общественное недовольство феодально-абсолютистским «старым порядком» (в Англии — господством олигархии). «Набатным колоколом» прозвучала

победа первой буржуазной революции (Войны за независимость) в Северной Америке. В этих условиях в XVIII в. (в Англии — уже в конце XVII в.) широко развернулось идейно-культурное движение, вошедшее в историю под названием Просвещения. В социальном аспекте оно отражало крепнувшее самосознание буржуазии и антифеодальные чаяния народных масс.

XVIII век — это время дальнейшего интенсивного развития естественных наук. Наряду с математикой, физикой, астрономией значительные успехи были достигнуты в области химии, биологии, геологии (открытия и идеи Эйлера, Гюйгенса, Лапласа, Франклина, Ломоносова, Бюффона, Ламарка, Лавуазье). Естествознание с его стремлением к рациональному, точному знанию играло большую роль в духовной атмосфере XVIII в. Оно было широко популярно в образованных кругах; писатели-просветители, «философы» охотно штудировали Ньютона и изучали математику.

Однако в условиях века Просвещения общественное внимание было сосредоточено особенно на вопросах социально-политического характера; это активизировало и усилия в области научного познания общества. Лидирующую роль в разработке проблем обществоведения играла философия — XVIII век недаром вошел в историю как «век философии»; на новые рубежи вышли наука о государстве и праве, политическая экономия (во второй половине столетия вместе с трудами физиократов и Адама Смита возникла классическая буржуазная политэкономия). Век Просвещения явился этапом и в развитии исторической мысли и историографии.

Воззрения просветителей на общество восходили к теоретическому наследию передовых мыслителей XVII в. Продолжая заложенную ими традицию, просветители стремились разработать единый научный метод познания природы и общества, включить явления общественной жизни в единую цепь изучаемых наукой закономерностей. Идею общественной закономерности они также трактовали преимущественно механистически. Представление о неизменной «природе человека» бралось за основу, из которой пытались вывести главные законы общественной жизни. Теории есте-

ственного права» и «общественного договора» являлись важнейшими компонентами историко-социологических построений просветителей.

Однако во взглядах на общество они (в особенности материалисты Дидро, Гольбах, Гельвеций) сделали существенный шаг вперед. Естественнаучной основой их философских воззрений наряду с механикой, физикой, математикой становятся медицина, физиология и биология. В отличие от мыслителей XVII в., которые уподобляли общественные законы законам движения простых физических тел (их притяжение, отталкивание и т. п.), они стремились также выявить специфические мотивы общественного поведения человека, обусловленные особенностями его биологической и духовной природы.

Просветители, в отличие от творцов научной революции XVII в., живо интересовались историей и специально занимались ею. Почти все крупные мыслители Просвещения были не только философами, социологами, но и, в той или иной мере, историками. Поэтому в общем потоке просветительской литературы историография в собственном смысле слова занимала значительное место. Просветителями были созданы опыты универсальной всемирной истории, поставлены проблемы преемственности и взаимодействия культур Запада и Востока (Вольтер, Гердер). Они разрабатывали национальную историю европейских государств, обращались к истории Азии и Америки⁷, изучали античность и средние века, приступили к исследованию нового времени, т. е. XVII—XVIII вв.

Средствами истории просветители хотели доказать неразумность феодального средневекового порядка, ложность церковной идеологии, в истории они искали школу политического опыта. Наконец, большое значение просветители придавали ее дидактическим задачам — роли в гражданском воспитании: «История должна быть школой морали и политики» (*Мабли*).

⁷ Большое влияние на расширение кругозора исторической мысли оказали экспедиции путешественников XVIII в. и их географические открытия, дальнейшее расширение известного европейцам земного пространства, в особенности наблюдение иных, отличных от европейской, цивилизаций.

Ставя перед историей вполне определенные общественные задачи, просветители в то же время стремились обновить и расширить ее познавательные возможности. Они хотели создать научную, «философскую» историю в противовес чисто описательной. К изучению исторического прошлого просветители применили выработанные наукой XVII—XVIII вв. новые теоретические принципы, привнесли в историографию аналитические методы рационализма.

Просветительская историография довела до конца начатое гуманистами преодоление теологической интерпретации истории. Общественные явления и события она объясняла естественными стремлениями и «интересами» людей, их страстями, мнениями, предрассудками и ошибками.

Просветители предложили новое понимание самого предмета исторической науки. История для них — не только арена деятельности королей и героев, а прежде всего история цивилизации и человечества. Поэтому они вовлекли в сферу ее изучения историю культуры в широком смысле, историю нравов, народонаселения и т. д. Для многих из просветителей характерен интерес к истории промышленности, торговли, технических усовершенствований. Осознание важности материальных условий в жизни человека вело к тому, что в исторических взглядах некоторых из них пробивалась материалистическая тенденция.

Воззрениям большинства просветителей был присущ исторический оптимизм, убеждение в возможности бесконечного совершенствования человеческого рода. Почти не известная докапиталистическим эпохам идея прогресса родилась вместе с развитием капитализма, успехами мировой торговли и естественных наук. Основы концепции общественного прогресса были заложены в XVII в. Но только в XVIII в. она обрела широкое общественное звучание, стала предметом специального исследования. Просветители (Вольтер, Тюрго, Гердер, Кондорсе) разработали буржуазную теорию прогресса, который рассматривали как поступательное развитие культуры, нравов, наук и искусств, промышленности, техники, торговли. В понимании исторического развития человечества у

некоторых представителей просветительской мысли (особенно ярко у Руссо) намечались элементы историзма и диалектического подхода к истолкованию истории. В целом определяющей силой человеческой истории просветители считали прежде всего разум, просвещение, сознательную деятельность законодателей и правителей.

Взгляды большинства просветителей на историю, проникнутые рационализмом, были, по существу, чужды историзму, т. е. идее развития в той ее форме, как она будет обособлена в исторической мысли первой половины XIX в. Поскольку исходным началом их взгляда на общество и его историю было представление об абстрактном человеке с присущей ему неизменной человеческой природой, они не смогли увидеть в истории реального *исторического* человека (т. е. человека, рассмотренного в условиях места и времени) в конкретных общественных формах его существования. Как правило, просветители не видели в истории органического, т. е. не зависящего от сознательной воли отдельных людей процесса смены объективно обусловленных этапов развития⁸. Неудивительно,

⁸ Особое место в историко-социологической мысли XVIII в. занимает идея итальянского мыслителя Джамбаттиста Вико, нашедшие отражение в его произведении «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). Предметом его труда является «Идеальная история вечных Законов, соответственно которым движутся Деяния всех Наций в их возникновении, движении вперед, состоянии упадка и конца...» (Вико Д. Основание новой науки об общей природе наций. Л., 1940. С. VIII). Вико трудно отнести к просветителям в собственном смысле слова; в его взглядах причудливо сочетаются рациональное и теологическое начала (в истории он усматривал «промысел Провидения», в философии истории — «рациональную гражданскую теологию»). Но идеям Вико присущ историзм, которого не хватало рационалистическим построениям XVII—XVIII вв. Вико критиковал господствовавшую в естественноправовых учениях его времени идею о неизменной человеческой природе. Люди, доказывал он, прошли долгий путь развития, прежде чем стали теми разумными существами, которых брали за образец сторонники теории естественного права и общественного договора. Историю Вико рассматривал как живой органический процесс и пытался обнаружить присущие ему закономерности. В человеческой истории он выделял три последовательно сменявшие друг друга стадии — божественную (догосударственную, когда возникают семья, религия, письменность,

что в ходе борьбы с феодализмом и теологией многие из них объявляли средневековые порядки порождением невежества и варварства, возникновение религии связывали с сознательным обманом народа попами и т. д.

Социологические и исторические идеи представителей буржуазного крыла Просвещения отражали и социальные пределы их кругозора. Под идеальным общественным порядком, основанным на естественных правах человека, они имели в виду в конечном счете идеализированное буржуазное общество. Полагая, что главным условием его установления являются просвещение и законодательная деятельность

мудрых правителей, они приходили к выводу, что активным движущим началом исторического прогресса выступают только просвещенные верхи общества. К массовым народным движениям, восстаниям прошлого и настоящего они относились настороженно.

Мыслители, принадлежавшие к демократическому крылу Просвещения, подчеркивали противоречивость буржуазной цивилизации и буржуазного прогресса и выступали с их критикой (Мандевиль, Руссо и др.), доказывали неизбежность глубоких социальных противоречий в обществе, основанном на частной собственности (Мелье, Мабли).

Глава 1

Гуманистическая историческая мысль

Гуманистическое мировоззрение. Зарождение новой исторической мысли относится к позднему средневековью, когда в наиболее передовых странах Западной Европы активно шел процесс разложения феодальных отношений и зарождался новый капиталистический способ производства. Это был переходный период, когда повсеместно складывались централизованные государства в форме абсолютных монархий в масштабе целых стран или отдельных территорий, возникали предпосылки формирования буржуазных наций, происходило крайнее обострение социальной борьбы. Нарождавшаяся в среде городской верхушки буржуазия была тогда новым, прогрессивным классом и выступала в своей идейной борьбе с господствующим

классом феодалов как представитель всех нижестоящих слоев общества. Вместе с тем в этот период появлялись уже и будущие социальные противоречия между выходящими на историческую арену предшественниками буржуазии и пролетариата (предпролетариат).

Одновременно возникают и первые элементы буржуазной идеологии, пусть и не совсем очищенной от средневековых представлений. Новые идеи находят свое наиболее яркое выражение в гуманистическом мировоззрении, которое оказало весьма значительное воздействие на все области культуры и научных знаний этого переходного периода. Новое мировоззрение было в своей основе светским, враждебным чисто теологическому истолкованию мира,

зачатки права), героическую (период господства аристократии и ее ожесточенной борьбы с плебейством) и человеческую (господство развитого человеческого разума, демократического правления, расцвет городов). В дальнейшем наступают упадок, возвращение к варварству, и исторический процесс начинает новый цикл. Но развитие каждого такого цикла начинается с более высокой ступени. Таким образом,

восприняв восходящую еще к античности идею исторического круговорота (циклизма), Вико, по существу, выдвинул своеобразную концепцию исторического прогресса, развивающегося по спирали. К. Маркс был знаком с трудом Д. Вико и находил в нем «немало проблесков гениальности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 512).

господствовавшему в средние века. Ему было свойственно стремление объяснить все явления в природе и обществе с точки зрения разума (рационализм), отвергнуть слепой авторитет веры, столь сильно стеснявший ранее развитие человеческой мысли. Гуманисты преклонялись перед человеческой личностью, восхищались ею как высшим созданием природы, носителем разума, высоких чувств и добродетелей; человека-творца гуманисты как бы противопоставляли слепой силе божественного промысла. Само название нового мировоззрения «гуманизм» происходит от слова *humanus* — т. е. «человеческий» или *humanitas* — «человеческая природа». Гуманистическому мировоззрению был свойствен индивидуализм, который на первом этапе его истории, по существу, выступал как орудие идейного протеста против сословно-корпоративного строя феодального общества, подавлявшего человеческую личность, против церковной аскетической морали, которая служила одним из средств этого подавления. В ту пору индивидуализм гуманистического мировоззрения еще умерялся активными общественными интересами большинства его деятелей, был далек от эгоизма, свойственного более поздним развитым формам буржуазного мировоззрения. По словам Ф. Энгельса, «люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными»¹.

Наконец, для гуманистического мировоззрения был характерен жадный интерес к античной культуре во всех ее проявлениях. Гуманисты стремились «возродить», т. е. сделать образцом для подражания, творчество античных писателей, ученых, философов, художников, классическую латынь, отчасти забытую в средние века. И хотя уже с XII в. в средневековой культуре начал пробуждаться интерес к античному наследию, только в период возникновения гуманистического мировоззрения, в так называемую эпоху Возрождения (Ренессанса), эта тенденция стала господствующей.

В основе рационализма гуманистов лежал идеализм, во многом определявший их

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 346.

представление о мире. Как представители тогдашней интеллигенции гуманисты были далеки от народа, а часто открыто ему враждебны. Но при всем том гуманистическое мировоззрение в пору своего расцвета носило ярко выраженный прогрессивный характер, являлось знаменем борьбы с феодальной идеологией, было проникнуто гуманным отношением к людям. На базе этого нового идейного течения в Западной Европе стало возможным свободное развитие научных знаний, ранее тормозившееся господством теологического мышления.

Гуманистическая историография.

В рамках широкого идейного течения гуманизма с начала XV в. стала развиваться и гуманистическая историография, внесшая много нового в развитие исторической мысли, методов изучения истории, в накопление исторических знаний, литературный стиль исторических трудов. Гуманистическая историография в разных странах Западной Европы имела различия, связанные с национальной историографической традицией и конкретными условиями существования каждой страны.

Но в ее развитии в разных странах, пожалуй, было больше общих черт. Историки-гуманисты, в отличие от своих предшественников и многих современников, более или менее решительно изгнали божий промысел из истории, придали ей светский характер. Рассматривая историю как результат деятельности людей, они старались давать рациональное объяснение событий. Правда, в большинстве случаев они не выходили за рамки прагматического изложения и установления простых причинно-следственных связей, но реалистическое изображение событий стояло неизмеримо выше провиденциалистских построений средневековых авторов.

Отдельные наиболее глубокие и прозорливые историки этого направления уже в XVI в. искали общие закономерности исторического процесса. Оттеснив в историографии провиденциализм, гуманисты решительно отвергали те невероятные факты и чудеса, которыми средневековые хронисты часто иллюстрировали якобы божественное вмешательство в историю, и весьма критически относились к сообщениям хроник и других источников. Они стали родоначальниками исторической критики

источников, без которой было бы невозможно развитие истории как науки, разоблачили многие средневековые легенды и фальшивки. В поисках достоверных исторических фактов и критических аргументов гуманисты много сделали для разыскания и публикации новых источников, памятников материальной культуры и письменности. Из их среды вышли первые археологи, исследователи архивов, комментаторы античных и средневековых рукописей, нумизматы, положившие начало развитию вспомогательных исторических дисциплин.

Гуманистическая историография заложила основы новой периодизации истории — не по «четырем монархиям» (Ассирийско-Вавилонская, Мидо-Персидская, Греко-Македонская, Римская), как было принято в средние века, а по трем периодам — «древней», «средневековой» и «новой истории» (к последней они относили свое время), которой историческая наука пользуется до сих пор. Правда, гуманисты вкладывали в нее культурно-историческое содержание, не учитывая различий в социально-экономических отношениях каждого из этих периодов.

В эпоху гуманизма претерпел значительные изменения и язык исторических сочинений. В связи с общим развитием национального сознания в XVI в. во всех странах Западной Европы гуманисты в своих книгах наряду с латынью, которую они старались максимально приблизить к классической, все шире начинают использовать национальные, более доступные широкому читателю языки: итальянский, французский, английский, немецкий.

Гуманистическая историография представляла собой лишь зачаточную форму научного знания в истории. Она не смогла полностью преодолеть слабые стороны средневековой исторической литературы, а отчасти повторила их из-за индивидуалистических черт гуманистического мировоззрения. Как и средневековые хронисты, историки-гуманисты в большинстве случаев рассматривали историю как результат деятельности отдельных личностей, ограничивались описанием политических событий. Восторженное, некритическое отношение к античной традиции побуждало их нередко жертвовать достоверностью изображения событий ради ложного пафоса,

риторики или чистоты латинского языка, описывая эти события с помощью римской терминологии, часто им совсем не адекватной (латинский пуризм). Ученые-гуманисты при всем отрицательном отношении к теологическому мышлению средневековья редко осмеливались открыто скрестить оружие с церковью, избегали прямых выпадов против нее (в том числе и в исторических сочинениях). Многие из них служили в папской курии, часто жили и работали при дворах государей в качестве официальных историографов, восхваляя своих покровителей. Им, как правило, не хватало историзма: превознося историю Древнего мира, они пренебрежительно относились к истории средних веков, видя в ней только время упадка культуры и знаний, чем надолго определили негативное отношение к этой эпохе (средним векам) в буржуазной историографии. При всем том в общем развитии европейской исторической мысли гуманистическая историография была большим шагом вперед, этапом зарождения первых ростков научного подхода к истории.

Родиной гуманистической исторической мысли была Италия. Здесь она развивается с начала XV в., что было связано с возникновением в этой стране элементов капитализма и первых форм раннебуржуазного мировоззрения. Основные направления гуманистической историографии сложились именно в Италии. Позднее, в XVI в., они обнаруживаются и в других странах Западной Европы по мере развития там капиталистических отношений и распространения гуманистического мировоззрения.

Гуманистическая историография в Италии. «Политико-риторическая школа». Представители гуманистической историографии в Италии не были только историками. Они занимались, как правило, также филологией и философией. Многие из них принимали активное участие в политической жизни. Первой возникла во Флоренции в начале XV в. «политико-риторическая школа». Ее появлению способствовал патриотический подъем в связи с острым конфликтом между республиканской Флоренцией и герцогством Миланским. Возникла потребность в противопоставлении республиканского строя монархическому,

тираническому, а также в поисках исторических обоснований превосходства Флоренции над другими городскими республиками Италии. «Политико-риторическая школа» была тесно связана с идеями так называемого гражданского гуманизма, согласно которым каждый человек обязан быть гражданином, сочетать свои личные интересы с интересами своего государства, служить ему и возвеличивать его в периоды как его успехов, так и неудач.

Основателем этой школы в историографии был флорентинский гуманист **Леонардо Бруни**, по прозвищу **Аретино** (1370—1444), служивший одно время в папской курии, а затем с 1427 г. до конца жизни занимавший пост канцлера Флорентинской республики. Его главное историческое сочинение «История Флоренции» (т. 1—12), написанное на латинском языке, создавалось долгие годы (1416—1441) и охватывает период с основания Флоренции (еще в Римской империи) до 1404 г.² Политическая идея, пронизывающая эту работу, — превосходство республиканского строя (Римская республика, Флорентинское государство средних веков) над тиранией (в Римской империи, в тех государствах Италии, в частности Милане, где установилось единоличное правление). Флоренцию Бруни считает наследницей древнеримских республиканских свобод, едва ли не главным их оплотом в современной Италии. В истории родного города он осуждает олигархические притязания грандов и верхушки пополанов (зажиточные бюргерские слои), с одной стороны, и народные восстания, в частности восстание Чомпи 1378 г., — с другой; более всего он благоволяет к средним слоям горожан.

Как историк Л. Бруни решительно прерывает со средневековой традицией: он считает началом нового длительного исторического периода падение Западной Римской империи, выделяя тем самым средние века в особую эпоху. Он ничего не говорит о божественном промысле в истории, отмечает средневековые легенды об основании Флоренции и прочие чудеса в истории этого города, которую он трактует как постепенное развитие принципа «гражданской

свободы» при господстве средних слоев. Политическая позиция Л. Бруни иногда приводит его к тенденциозной и субъективной интерпретации событий. Этому способствует также его увлечение риторикой (отсюда и второе название школы), тесно связанное с некритическим подражанием античной историографической традиции, особенно Титу Ливию. В духе этой традиции Л. Бруни преподносит историю как своего рода драму, а исторических деятелей — как ее героев, воплощающих те или иные пороки и добродетели. Ради эмоционального воздействия Бруни исключает из изложения все с его точки зрения «низменное» — экономику, финансы, быт. Бруни имел много учеников и последователей как во Флоренции (Поджо Брачоллини), так и в других городах-государствах Италии: Венеции, Генуе, Милане, Сиене, Неаполитанском королевстве.

«Эрудитская критическая школа». Представители другой школы гуманистической историографии — «эрудитской критической школы» — были менее связаны с политическими пристрастиями, более трезво относились не только к средневековой, но и к античной историографической традиции. Ее представители, излагая историю сухо и по-деловому, занимались собиранием фактов, документов, памятников письменности и материальной культуры (в частности, археологических) по истории античной и средневековой Италии. Они усиленно занимались и критикой источников, носившей, правда, довольно элементарный характер (разоблачение всякого рода фальшивок, чудес, которыми пестрели средневековые хроники).

В отличие от «политико-риторической школы», ученые этого направления избегали каких-либо обобщений в осмыслении собранного и выверенного ими материала, ограничиваясь лишь последовательным его изложением. Однако их исторические сочинения были полезны тем, что подготовили и расчистили почву для дальнейших более серьезных исторических исследований.

Основателем этой школы был **Флавио Биондо** (1392—1463), более 30 лет прослуживший в папской курии мелким чиновником. Он создал ряд ценных справочников по археологии и топографии Древнего Рима, а также многотомную историю средних

² *Bruni L. (Aretini). Historiarum Florentini populi libri duodecum. Citta di Castello, 1927.*

Л. Валла

веков на латинском языке — «Декады истории со времени падения Римской империи», охватывающую период с 412 по 1440 г. преимущественно в Италии. В ней собраны обильные и в целом точные сведения, история средних веков четко отграничена от древней истории. Биондо пытался разработать общие принципы критики источников: главными критериями их достоверности он считал, во-первых, правдоподобие и реальность описываемых событий, во-вторых, наиболее древнее происхождение источника, его близость ко времени описываемых событий. Для того времени сама постановка вопроса об отборе и критике источников была прогрессом в развитии исторических знаний.

Особое место в гуманистической итальянской историографии занимает **Лоренцо Валла** (1407—1457), гуманист — философ, филолог и историк. Он близок отчасти к политико-риторической, отчасти к «эрудитской критической школе». Большое значение для развития исторической критики имел его знаменитый трактат «Рассуждение о подложном и вымышленном дарении Константина», написанный на латинском языке в 1440 г., но опубликованный только в 1517 г., после смерти автора, в Германии немецким гуманистом Ульрихом фон Гуттеном³. Очевидно, сам Валла не хотел его

публиковать из боязни навлечь на себя преследование католической церкви. Трактат Валлы был направлен против папства и немало способствовал падению его авторитета и средневековой историографической традиции, нередко опиравшейся на фальшивые документы.

В своем трактате Л. Валла выступал против светской власти пап, доказывая, что они были главными виновниками политической раздробленности Италии, а во второй его части подверг уничтожающей критике документ, известный под названием «Константинов дар»⁴, доказав, что эта грубая фальшивка. При этом он обнаружил тонкое критическое чутье и весьма реалистически подошел к историческим фактам и источникам. Сначала он критиковал этот документ с позиций неразумности такого дарения со стороны императора Константина, затем доказал, что в других источниках IV в. и более позднего периода до VIII в. нет никаких упоминаний о государстве пап, якобы созданном Константином. Л. Валла применил приемы формальной («дипломатической») критики, показав, что терминология «Константинова дара» не соответствует принятой в официальных документах IV в., но восходит к христианской литературе, язык которой не мог быть знаком Константину и его приближенным, воспитанным на литературе языческой. Обратившись к филологической критике документа, Валла устанавливает, что в целом его язык сильно отличается от классической латыни, на которой в IV в. еще писались официальные документы, но близок к варварской средневековой, сложившейся значительно позже.

Хотя сам Л. Валла не смог точно указать время составления этой фальшивки, католические круги так и не смогли опро-

³ *Valla L. De falso credita emendita Constantini donatione declamatio. 1517; Valla L. The Treatise of L. Walla on the Donation of Constantine. Oxford, 1922.*

⁴ Опираясь на этот документ, которым якобы император Константин в начале IV в. передал под власть папы Сильвестра всю Западную часть Римской империи с центром в Риме, папская курия в течение многих столетий отстаивала свои претензии на верховную светскую власть папы в Италии и даже во всей Западной Европе. Как было доказано позднее, «Константинов дар» был составлен в середине VIII в. в папской курии после возникновения в Риме светского государства пап с целью доказать древние традиции этого государства.

вергнуть его доводы и вынуждены были в дальнейшем отказаться от ссылок на этот документ. У Валлы есть и собственно историческое сочинение «История Фердинанда Арагонского», написанная по заказу короля Неаполя Альфонса Арагонского, при дворе которого он служил в качестве придворного историографа (1435—1448). Это сочинение написано в стиле политикориторической школы и направлено на прославление неаполитанского королевского дома. Интересно, однако, что и в этой работе Л. Валла выступал против светской власти пап, изображая Неаполитанское королевство как силу, направленную на объединение Италии, которому всегда мешало папство. В этой книге Валла подчеркивал особое значение истории, из изучения которой, по его мнению, вытекают «все знания и вся культура».

Новая «политическая» школа. В XVI в. политикориторическое направление в историографии, постепенно освобождаясь от риторики, поднимается на новую, более высокую ступень. Представители этой новой «политической» школы — **Никколо Макиавелли** (1469—1527) и **Франческо Гвиччардини** (1483—1540) — дали наиболее высокие образцы гуманистической историографии в Италии. Их выделяла не только политическая тенденциозность, характерная и для «политикориторической школы», но и стремление осмыслить прошлое с целью извлечь из него опыт для решения проблем общественно-политической жизни Италии своего времени. Это побуждало их искать более глубокие основы исторических событий и даже общие внутренние закономерности хода истории. С этими поисками был связан и более реалистический подход к ней, освобождение ее от риторики, некритического подражания античным образцам и античной латыни. В своих сочинениях эти историки часто использовали итальянский язык, доступный более широкому читателю.

Новые тенденции «политической» школы не случайно возникли во Флоренции, где в начале XVI в. особенно ярко проявились все социальные и политические противоречия, раздиравшие Италию: борьба между республиканцами и сторонниками единовластия Медичи, конфликты между наемными рабочими и владельцами боль-

Н. Макиавелли

ших мастерских, тенденции к экономическому спаду в стране, борьба за Италию между Францией и Габсбургами.

Н. Макиавелли, гуманист, политический мыслитель и историк, долгое время (с 1498 по 1512 г.) был секретарем Флорентинской республики, временно освободившейся от тирании Медичи, часто выполнял дипломатические поручения и стоял в центре политических событий этого времени. С 1512 г. — восстановления власти Медичи во Флоренции — Н. Макиавелли, как республиканец, был лишен должности и оказался в ссылке (в своем поместье), где безвыездно прожил до 1520 г., усиленно работая над историческими и политическими сочинениями.

Н. Макиавелли был идеологом средних, пополанских слоев Флоренции, заинтересованных в ее экономическом процветании и установлении мира в стране. Политическая позиция этих кругов колебалась в конце XV — начале XVI в. между стремлением сохранить республиканский строй и сепаратизм Флоренции и сознанием необходимости объединения Италии, практическое осуществление которого требовало компромиссов с развивающимся княжеским абсолютизмом. Политические воззрения и теории Макиавелли ярко отразили эти колебания. По своему воспитанию и опыту политической деятельности Макиавелли был республиканцем и антиклерикалом. Однако в основе его отношения к политике лежало глубокое, сложившееся в традициях «гражданского гуманизма» убеждение в том, что интересы государства, которые он ставил выше интересов

частных лиц и отдельных партий, должны осуществляться всеми возможными средствами.

Искренний патриотизм и твердая уверенность в необходимости объединения Италии побуждали Макиавелли, несмотря на республиканские симпатии, уповать на власть сильного государя даже в ущерб этим симпатиям. Отсюда его противоречия как политического мыслителя: в один и тот же год, 1513, он пишет два сочинения. В первом из них — трактате «Государь» (на итальянском языке) — он оправдывает неограниченную монархическую власть, вплоть до неприкрытой тирании, высказывает мысль о том, что в борьбе с центробежными силами, в частности с дворянством, государь может применять самые суровые и даже аморальные средства, если нет другого выхода⁵. Во втором полуполитическом, полуисторическом латинском трактате «Рассуждения по поводу первых десяти книг Тита Ливия»⁶ Н. Макиавелли, напротив, выступает как убежденный республиканец, видя свой идеал в Римской республике. В 1520 г. в биографическом сочинении «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки»⁷ Макиавелли вновь прославит сильного всевластного государя. И только в своем главном историческом труде «История Флоренции», написанном на итальянском языке между 1520 и 1526 гг.⁸, автор явно обнаруживает причины своих колебаний: видя в республике свой идеал, он на материале истории родного города приходит к печальному выводу о том, что Флорентинская республика оказалась неспособной обеспечить ни внутреннее единство, ни объединить Италию. Отсюда он приходит к выводу о необходимости абсолютной власти государя, которая одна может обеспечить стране необходимое единство.

⁵ См.: Макиавелли Н. Князь // Макиавелли Н. Соч. М., Л., 1934. Т. 1.

⁶ Макьявелли Н. Рассуждения на первую декаду Тита Ливия / Под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869.

⁷ Макьявелли Н. Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки // Макиавелли Н. Соч. М., Л., 1934. Т. 1.

⁸ Макиавелли Никколо. История Флоренции / Общ. ред., послесловие и комментарии В. И. Рутенбурга. Л., 1973.

В «Истории Флоренции» Макиавелли выступает как замечательный для своего времени историк. По словам К. Маркса, он был первым в ряде других историков и философов, которые «...стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии»⁹. При этом Макиавелли стремился не просто излагать историю, но открывать движущие ее законы. Один из главных таких законов он видел в политической борьбе, присущей всякому государству, и прежде всего республике. При этом он уже интуитивно нащупывал и основу этой борьбы — противоречия между народом и высшими классами, а иногда и между богатыми и бедными, подходя близко к признанию социальных противоречий. Другую закономерность хода истории ученый видел в том, что в ней происходит круговорот политических форм: от монархии к аристократии, потом к республике со смешанным правлением, затем снова к монархии. Главной движущей силой в развитии этих циклов являются политическая борьба и неизбежное насилие. Так было в Риме («Рассуждения по поводу первых десяти книг Тита Ливия»), так было и во Флоренции, как он пытался показать в «Истории Флоренции».

Н. Макиавелли четко отграничивал древнюю историю от средневековья (хотя и не употреблял этих терминов). В истории Италии он видел цепь упущенных возможностей ее объединения. Раннее христианство он считал главной причиной падения римской государственности и варварских вторжений. Одно из главных препятствий к объединению Италии в средние века и в свое время он видел в папской политике. Излагая ход политической борьбы во Флоренции, Макиавелли в целом правильно наметил ее основные этапы: первый — борьба внутри аристократии, второй — борьба между «народом» (пополанами) и аристократией, третий — борьба между пополанами и плебейскими массами. К этому третьему периоду он относил, в частности, восстание Чомпи 1378 г., в котором видел борьбу богатых и бедных (его сочувствие на стороне богатых). В основе

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 111.

циклического развития политической борьбы лежит не воля отдельных людей, а проявление общего закона истории. Во Флоренции политическая борьба приняла пагубный характер, так как узкопартийный дух возобладавал в ней над гражданскими интересами. Из упадка республики оказался один реальный выход — тирания Медици.

Из этой концепции вытекают жажда Макиавелли к обобщениям, несвойственная другим историкам-гуманистам, реалистичность его повествования, отсутствие в нем напыщенности и риторики. В то же время он, как историк, не лишен известных слабостей: ограничение изложения политическими событиями, преувеличение роли отдельных личностей, узость источниковой базы (он в основном опирался на данные Флавио Биондо или флорентинского хрониста XIV в. Джованни Виллани) и почти полное отсутствие критики источников.

И все же в развитии исторической мысли не только в Италии, но и в Европе в целом Макиавелли сыграл огромную роль, оказав значительное влияние на своих современников и последующую историографию.

Младший современник Н. Макиавелли Ф. Гвиччардини — видный флорентинский государственный деятель и дипломат — также принадлежал к политическому направлению. Он во многом отличался от Макиавелли. Источником этих различий была, с одной стороны, изменившаяся социально-политическая обстановка во Флоренции и в Италии в целом, с другой — разные политические взгляды этих историков. Ф. Гвиччардини, принадлежавший к крупнейшим землевладельцам Флоренции, был выразителем политических симпатий той части городской верхушки, связанной с ростовщической деятельностью и вкладывавшей свои капиталы в землю, которая мечтала об установлении в государстве олигархического режима. Он был противником как умеренной пополанской демократии, видя в народе «бешеное чудовище», так и единовластия, которое считал «тиранией». Его политический идеал — Венецианская республика, где власть принадлежала небольшой наследственной группе самых богатых и знатных фамилий. Однако, сознавая невозможность осуще-

ствления этого идеала во Флоренции, Гвиччардини, в отличие от Н. Макиавелли, пессимистически оценивал перспективы будущего развития Италии, не верил в возможность ее объединения и ослабления внутренних конфликтов. Такая позиция уводила его от идей «гражданского гуманизма», порождала у него скептицизм и даже цинизм в политических и моральных вопросах.

Главным двигателем в политике Гвиччардини считал личные выгоды и стремление к спокойствию отдельных индивидов, оправдывая аполитизм и любую беспринципность в политике. В отличие от Макиавелли он не заботился об общем благе государства. Свое отношение к современности Гвиччардини переносил и на осмысление прошлого в своих исторических сочинениях. Главные из них — «История Флоренции с 1378 по 1509 год» (написана им в 1509 г. на итальянском языке, но впервые опубликована лишь в середине XIX в.) и «История Италии» с 1492 по 1534 г. (написана им на склоне лет также на итальянском языке и опубликована при его жизни¹⁰).

В обеих работах Ф. Гвиччардини выступает как весьма осведомленный автор. В отличие от других историков-гуманистов, в том числе и Н. Макиавелли, он пользуется для описания событий не только нарративными (и часто единичными) источниками, но и документальными материалами, доступными ему как политику, — дипломатической перепиской, государственными актами и т. п. Это позволило ему дать широкую картину истории Флоренции и Италии, показать внутригородскую борьбу, военные конфликты между отдельными государствами Италии, яркие характеристики политических деятелей. Особенностью Гвиччардини как историка является интерес к экономическим и финансовым вопросам, мало занимавшим других, который отчасти вытекал из представления его о том, что людьми не в последнюю очередь движут и материальные побуждения.

¹⁰ Guicciardini F. Storie Florentine dal 1378 al 1509. Bari, 1931; Idem. Istoria d'Italia. Milano, 1899; Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских // Гвиччардини Ф. Соч. М., 1934. Т. 1.

Ф. Гвиччардини в большей степени реалист, чем Макиавелли, но зато ему совершенно безразлично выявление общих законов развития истории, он мельчит ее, пытается объяснять события частными и ничтожными причинами. Политическая борьба для него не закон исторического развития, а лишь случайная игра личных страстей и меркантильных интересов: восстание Чомпи, например, это не борьба богатых и бедных, как считал Макиавелли, а следствие интриг одной из политических партий Флоренции во время очередной избирательной кампании. Таким образом, «реализм» Гвиччардини сводится к житейской обывательской трезвости. Гвиччардини крайне тенденциозен в освещении описываемых событий: он оценивает их с точки зрения того, насколько они были выгодны или невыгодны для олигархической системы управления, и не видит более далеких перспектив исторического развития.

Крупнейшие представители гуманистической историографии в других странах Западной Европы. В XVI в. гуманистическая историография распространяется и в других странах Европы, приобретая своеобразные национальные формы. Вместе с тем внешние приемы гуманистического историописания сплошь и рядом используются учеными, выразившими взгляды и симпатии разных классов, а нередко и апологетами абсолютной монархии и даже представителями церкви как католической, так и протестантской.

Во Франции гуманистическая историография использовалась главным образом как идейное оружие борющихся дворянских группировок и третьего сословия и поэтому носила весьма пеструю политическую окраску.

Наибольшее влияние на последующую буржуазную историческую мысль (XVII—XVIII вв.) оказали социологические и исторические взгляды Жана Бодена, хотя он не был собственно историком.

Жан Боден (1530—1596) был выразителем настроений наиболее передовых слоев третьего сословия, решительным сторонником сильной абсолютной монархии. Однако он считал, что монарх не может нарушать права собственности своих подданных, в частности облагать их налогами без их согласия. Здесь можно видеть

ростки буржуазной теории естественного права, широко распространенной позднее, в XVII—XVIII вв. В трактатах «Метод легкого ознакомления с историей» (1566) и «Шесть книг о государстве» (1576)¹¹ Боден, как и Макиавелли, отстаивал мысль о наличии в истории внутренних объективных закономерностей. К их числу он относил воздействие на историю условий географической среды, определявших, по его мнению, психический склад разных народов, который во многом влиял на их исторические судьбы. Позднее эта плодотворная для своего времени идея была развита социологами и историками эпохи Просвещения, в частности Монтескье.

Вместе с тем Ж. Боден не считал влияние географического фактора в истории непреодолимым, полагая, что разумные законы и основанное на них государство могут смягчить или устранить действие неблагоприятных естественных условий. Не менее плодотворной была идея Бодена о прогрессе в истории, противостоящая циклизму Макиавелли и историческому пессимизму Гвиччардини. В отличие от них Боден подчеркивал превосходство современной эпохи не только над временем дикости и варварства, но и над античностью, в смысле развития наук, расширения географического кругозора людей, совершенствования искусств и, что наиболее интересно, — в области промышленности, торговли, военного дела.

Значительно опережая свою эпоху, Ж. Боден ставил вопрос о том, что история есть наука, обладающая собственными методами познания. Наряду с этим он, как человек своего времени, отдал дань представлениям о влиянии магических сил и демонического начала на ход истории и в поисках объективных исторических законов нередко обращался к алхимии, астрологии, которые еще пользовались в ту эпоху популярностью даже среди образованных людей.

В Англии гуманистическая историография в XVI в. была развита слабее, чем в Италии и во Франции, сосуществуя с традиционными формами исторических сочи-

¹¹ *Bodin Jean. Oeuvres philosophiques de Jean Bodin publ. par P. Mesnard. P., 1951.*

нений — хрониками, хотя уже очищенными от самых невероятных чудес. Наиболее крупными историками-гуманистами, близкими к политическому направлению, были в начале XVI в. великий английский гуманист, создатель первой социалистической утопии **Томас Мор** (1478—1535) и в конце XVI — начале XVII в. не менее знаменитый философ-материалист **Фрэнсис Бэкон** (1561—1626). Оба они были крупными политическими деятелями английской абсолютной монархии, затем оба оказались в опале. Они видели в истории школу политического опыта, хотя и пытались извлечь из нее весьма различные уроки.

В развитии гуманистической исторической мысли заметное место занимает «Утопия» *Т. Мора* (1516). Он подверг в ней резкой критике общественный и политический строй современной ему Англии и объявил частную собственность причиной социального неравенства и угнетения и в прошлом, и в настоящем. Тем самым Т. Мор преодолел классовую ограниченность гуманистического мировоззрения, включив в понятие гуманизма стремление к социальной справедливости по отношению к эксплуатируемым. Применительно к своему времени он осудил результаты «огораживаний» для крестьянских масс («овцы поедают людей»), кровавое законодательство против «бродяг и нищих»¹².

Т. Мору, который с 1518 по 1533 г. был канцлером Генриха VIII, принадлежит и собственно исторический труд, бескомпромиссно осуждающий тиранию, окрашенный в какой-то мере антиабсолютистскими тенденциями, — «История Ричарда III» (1514—1518). Она сохранилась в двух авторских текстах — латинском и английском, что свидетельствует о том, что книга была рассчитана на широкого читателя¹³. Написанная в духе политического направления гуманистической историографии, книга проникнута ненавистью к тирании, яркий пример которой Т. Мор видит в образе короля-узурпатора, убийцы Ричарда III.

¹² *Мор Т.* Золотая книга столь же полезная, как и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия // Под ред. Ф. А. Петровского. М., 1953.

¹³ *Мор Т.* Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973.

В противоположность Н. Макиавелли, который полностью отделил мораль от политики, Т. Мор отстаивал необходимость для правителя соблюдать высокие моральные принципы в любых обстоятельствах. Судьбой Ричарда III он пытался показать, что их нарушение ведет и государство, и самого правителя к бесславной гибели.

Т. Мор пользовался широким кругом источников — письменных и устных сообщений современников описываемых событий. Однако он не всегда проявлял достаточную объективность в их истолковании, стремясь нарисовать однозначный образ Ричарда III как ищадия ада и показать пагубность неумеренной жажды власти.

Иную политическую окраску имел исторический труд Ф. Бэкона «История Генриха VII», написанный им в 1621 г. на английском языке, затем переведенный на латынь¹⁴. Бэкон писал эту книгу, находясь в опале, после долгого периода своего канцлерства при Якове I Стюарте. Тем не менее его работа была написана с целью возвеличения абсолютной монархии, в частности династии Тюдоров, первым представителем которой был Генрих VII.

Будучи идеологом прогрессивных тогда классов — буржуазии и нового дворянства, Бэкон, как и Макиавелли, был сторонником сильной центральной власти, допуская ее право на аморальные действия, если это необходимо для общего блага. Его книга пронизана острой политической тенденциозностью, но вместе с тем весьма реалистично и трезво оценивает события недавнего для него прошлого. Бэкон осуждает Ричарда III, но в отличие от Мора отдает должное его достоинствам как правителя.

Несмотря на преклонение перед сильной властью, Бэкон в традициях гуманизма предпочитает видеть на престоле просвещенного правителя, опирающегося на советы мудрых и образованных людей; большое значение он придает парламенту и советникам короля. Ф. Бэкон, подобно Ф. Гвиччардини, уделяет много внимания экономике, в частности финансам. Особенно интересны его рассуждения о народных

¹⁴ *Bacon F.* The History of the Reign of King Henry VII. Cambridge, 1889.

восстаниях, которые он считает обычным повседневным явлением в тюдоровской Англии. Осуждая восстания и мятежи и видя в их подавлении одну из главных функций государства, он при всей своей тенденциозности пытается уяснить себе анатомию этих движений, порождающие их объективные условия. Бэкон выделяет два основных типа мятежей: те, которые происходят «от буйства» (в основном сепаратистские восстания знати), и другие, возникающие вследствие «нужды». К последним он относит собственно народные движения конца XV в., справедливо подчеркивая их антиналоговый характер. К огораживаниям конца XV в. Бэкон относится негативно, считая справедливыми законы Генриха VII, направленные против них.

Хотя Бэкон, как и все историки-гуманисты, отводит в своем сочинении большое место отдельным личностям, он стремится на основании «эмпирических» данных, изученных им фактов дать причинно-следственное объяснение хода истории, определить условия, в которых зарождается и развивается данное событие. В нем можно видеть одного из крупнейших представителей политического направления гуманистической историографии.

В Германии XVI в. в связи с острой социально-политической и религиозной борьбой эпохи Реформации и Крестьянской войной историография, в том числе и гуманистическая, служила идейным оружием различных социальных групп и отражала часто диаметрально противоположные тенденции в области политики и религии. При этом, как в лагере католической реакции, так и протестантской оппозиции, вплоть до самой радикальной, в историографии сохранила свое влияние теологическая концепция истории, хотя иногда видоизмененная влиянием гуманистических идей. Поэтому в немецкой историографии XVI в. значительное место занимали сочинения смешанного типа: по форме подражавшие гуманистическим работам, а по существу близкие к средневековым хроникам. Собственно гуманистических работ было мало и они не были широко известны.

Переплетение средневековой, мистической традиции с гуманистическим влиянием характерно и для одного из интереснейших немецких историков этого периода

Себастьяна Франка (1499—1542), которого К. Маркс назвал «великим»¹⁵. Будучи выразителем настроений наиболее радикальных слоев бюргерства, Франк испытал известное влияние гуманистических идей, стал лютеранином, позднее — анабаптистом, но затем отошел и от этого движения, придя к своеобразному «мистическому пантеизму».

В основном историческом сочинении С. Франка — «Хроника, Летопись и Историческая библия», увидевшем свет в 1531 г.¹⁶, причудливо переплетаются средневековая форма изложения и своеобразная теологическая трактовка истории с трезвым, рационалистическим, в духе гуманизма, подходом к ее проблемам. Божественное начало в истории С. Франк рассматривает с пантеистических позиций, считая, что бог разлит в мире, воплощен в каждом человеке и осуществляет историю через действия не осознающих этого людей. Хотя разлитый в мире бог составляет благое начало, люди могут использовать его по-разному: одни для благих дел, другие во зло. Поэтому божественный план реализуется в истории лишь в конечном счете, и, люди, изучая историю, должны извлекать из нее практический опыт для настоящего и будущего.

С. Франка отличает то, что он рассматривает историю с точки зрения интересов простого народа, что нередко интуитивно приводит его к ряду необычайных для его времени выводов. Так, он осуждает частную собственность как источник насилия богатых над бедными, ограбления последних; в государстве он видит силу, которая вскоре после своего возникновения оказалась на стороне богатых и помогает притеснять простой народ; он обличает католическую церковь за то, что она отошла от принципов раннего христианства. Эта книга проникнута сочувствием к крестьянству, несущему несправедливые феодальные повинности. В них Франк видит причины крестьянских восстаний, в

¹⁵ См.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1940. Т. VII. С. 179.

¹⁶ *Franck S. Chronica: Zeitbuch und Geschichtsbibel von anbegin biss in diss gegenwertig jar verlengt. Strasbourg, 1531.*

частности Крестьянской войны 1524—1525 гг. Но в то же время он осуждает эти восстания, утверждая, что народ не должен восставать, но лишь покорно ждать избавления с помощью бога.

Франк далек от приемов гуманистической критики источников, например, считает вполне достоверными библейские легенды. Вместе с тем он нередко критикует

средневековые хроники с позиций здравого смысла.

Написанная простым образным немецким языком «Хроника» Франка, как и его многочисленные публицистические сочинения, пользовалась популярностью в народе и сыграла большую роль в формировании немецкого литературного языка.

Глава 2

Социально-политическая мысль и история в период Английской революции XVII века.

Проблема происхождения власти и собственности

В начале XVII в. по мере развития буржуазных отношений в Англии, роста промышленности и торговли возникла потребность в более глубоком и точном знании окружающего мира. К этому времени немало было сделано в познании законов природы — в биологии, математике, химии, оптике и других науках. Англичане вели обширную торговлю со всем миром, в том числе и с заокеанскими странами. Нужды мореплавания побуждали к изучению астрономии и географии, к составлению точных карт.

Успехи научного мышления обобщил историк-гуманист и философ-материалист Ф. Бэкон, выступавший с программой высвобождения науки из-под мертвящего влияния средневековой схоластики и догматизма. Цель науки Бэкон видел в исследовании природы, а главным методом считал наблюдение и опыт. Бэкон считал, что наука должна познавать законы природы для того, чтобы человек мог их использовать и умножать блага. Его труд «Новый органон»¹ представляет собой настоящий гимн человеческому разуму.

Состояние исторического знания. В начале нового времени историческое знание стало использоваться формирующейся буржуазией, которая видела в нем важное

средство утверждения в обществе. Английская монархия и дворянская аристократия также стремились отыскать в историческом прошлом аргументы в свою пользу. Несмотря на своеобразный культ исторического знания в обществе, история как научная дисциплина еще далеко не сложилась. В общественном сознании она не отдифференцировалась полностью от других областей знаний о человеке и составляла часть целостного гуманитарного знания. Еще в XVII в. заметно возрос интерес общества к древней классической истории, которая не отделялась от литературы и риторики и зачастую преподносилась в форме комментариев к трудам античных авторов. Вместе с тем формирование национального самосознания обуславливало повышение внимания к отечественной средневековой истории.

В первой трети XVII в. ведущими университетскими центрами были Оксфорд и Кембридж в Англии; Сент-Эндрюс, Глазго, Абердин, Эдинбург — в Шотландии; Дублин — в Ирландии. Университетская образованность рассматривалась дворянско-буржуазной верхушкой как важнейший атрибут социальной респектабельности. Овладение историческими знаниями в университетах носило прикладной характер по отношению к изучению классических языков, философии и литературы. Преподавательский состав университетов Англии формировался из духовенства. Незадолго

¹ Bacon F. *Novum Organon*. L., 1620; Бэкон Ф. *Новый органон*. М., 1938.

до революции в Оксфорде и Кембридже по распоряжению короны были созданы профессорские кафедры гражданской истории.

Идейная борьба сторонников экспериментальной философии Бэкона, опиравшихся на рационалистическую аргументацию, с последователями традиции, которые упорно держались авторитетов античной древности, оказывала опосредованное воздействие на историческую мысль. Обосновывая опытный характер познания, «новая наука» Бэкона открывала возможность введения аналитического начала в событийно-повествовательную историографию. Однако такая возможность была осознана и реализована британскими историками далеко не сразу.

В XVII в. историческое знание подразделялось на две категории. К первой категории — собственно «истории» — относился исторический рассказ, политический нарратив с дидактическим содержанием. Его авторами были любители, располагавшие досугом. Важнейшими источниками для такого рода сочинений служили устная традиция, хроники, воспоминания и свидетельства современников. Подобные сочинения нередко изобиловали фантазиями и домыслами. Не случайно одним из наиболее популярных исторических сочинений в обществе XVII в. была «История Англии» Р. Холиншеда, выдержавшая несколько изданий. Центральное место в историко-политическом нарративе занимали деяния великих личностей, а исторические события выполняли иллюстративную функцию. Позднее, к середине XVII в., в русле этой категории исторического знания началось изучение средневековой истории государственных и общественных институтов Англии.

Другая часть исторического знания соотносилась с собирательством, классификацией и систематическим описанием материальных и письменных памятников прошлого с антикварианизмом. Историк выглядел писателем, а антиквар — собирателем и компилятором остатков древности. Основы антикварианизма начала нового времени были заложены в XVII в. деятельностью Дж. Леланда, У. Кемдена, Дж. Стоу. В конце XVII в. в Лондоне английскими собирателями было создано

Елизаветинское общество антикваров, которое представляло собой первый опыт коллективной деятельности историков-коллекционеров отечественных древностей. Собирательская и публикаторская работа антикваров была продолжена после роспуска этого общества (1607) другими английскими коллекционерами — эрудитами.

В первой половине XVII в. был сделан шаг от традиционного собирательства рабритетов и письменных памятников средневековья к исследованию и критике исторических источников. Исторический опыт, запечатленный в памятниках прошлого, использовался в политической борьбе между абсолютизмом и буржуазно-дворянским парламентским блоком. Используя коллекции и публикации средневековых документов, антиквары — апологеты абсолютизма — доказывали главенство монархии над представительными институтами. В то же время противники абсолютизма, опираясь на источники, в процессе полемики сформулировали основы буржуазно-дворянской концепции «древней конституции», которая позднее стала использоваться в идейном арсенале партий вигов и тори.

Английская общественная мысль в эпоху революции. Революция середины XVII в. стала важной вехой в экономическом, политическом и духовном развитии Англии. Оценивая историческое значение буржуазных революций XVII—XVIII вв., Маркс писал: «Революции 1648 и 1789 годов не были *английской и французской* революциями; это были революции *европейского* масштаба. Они представляли не победу *определенного* класса общества над *старым политическим строем*; они *провозглашали политический строй нового европейского общества*. Буржуазия победила в них; но *победа буржуазии* означала тогда *победу нового общественного строя*, победу буржуазной собственности над феодальной... Эти революции выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции»². Революция стимулировала духовную жизнь Англии и вызвала подъем социальной мысли.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 115.

В ходе ее столкнулись различные представления о социальном и политическом устройстве общества, отражавшие интересы различных классов. Центральное место в общественно-политической полемике занимал вопрос о природе и происхождении земельной собственности и власти, т. е., по существу, о том, вправе ли люди противиться существующей власти и определять форму управления.

Важной особенностью буржуазной революции XVII в. в Англии было то обстоятельство, что буржуазия выступала в союзе с новым дворянством. В борьбе решался вопрос о том, какой класс и как будет ломать средневековую старину в деревне и создавать свободную буржуазную собственность на землю: либо это будет делать крестьянин — мелкий держатель дворянской земли в союзе с сельскохозяйственными рабочими и городским плебсом, либо землевладелец из дворян или буржуазии, сдающий землю арендатору-капиталисту или же сам ведущий на земле предпринимательское хозяйство.

Характерной чертой идеологической борьбы в годы революции и много лет после явилось преобладание в ней религиозного мировоззрения, сквозь которое проступали вполне реальные земные и классовые интересы. Церковь еще властвовала над умами большинства. Библия пользовалась непрерываемым авторитетом, в ней искали ответ на все важные и острые вопросы тогдашней жизни и морали. Сомнения в любом ее утверждении были недопустимы и считались ересью. Характерно, что даже великий Ньютон, составляя свои хронологические таблицы, стремился согласовывать вычисления с Ветхим заветом и в своих расчетах опирался на легенду о сотворении мира.

В полемике по вопросу о происхождении и природе власти и собственности сложились два противоборствующих лагеря. Сторонники неограниченной королевской власти доказывали неизбежность порядков, установленных якобы самим господом богом. Они утверждали, что власть, в особенности королевская, ниспослана богом и стоит выше всякой критики. Право короля на абсолютную власть они выводили из Библии и утверждали, что король является прямым наследником Адама и его власть не подлежит какому-либо контро-

лю. Опираясь на эти идеи, консервативные публицисты утверждали, что все феодальные отношения должны оставаться в неприкосновенности, в том числе и феодальные формы земельной собственности. Революцию они считали незаконной, а закон — полное повиновение властям.

Опору в религии искали и сторонники революции. Но в противовес идее божественного происхождения всякой власти, в том числе королевской, они выдвинули концепцию «естественного права», утверждавшую, что человек от природы (от бога) имеет ряд прав, которые не могут быть отчуждены никакой властью (например, право на жизнь, свободу, собственность, на сопротивление угнетению). Теория естественных прав дополнялась договорной теорией происхождения государства, противопоставлявшей феодальным представлениям о божественном происхождении государственной власти.

Социально-исторические взгляды диггеров. Мы мало знаем о взглядах на прошлое народных масс. Они выражались в туманных чаяниях, мечтах о возвращении «золотого века», который якобы был в далеком прошлом, в идеях о втором пришествии и хилиастических идеях, в народных балладах и сказаниях и не были изложены более или менее связно в каких-нибудь сочинениях.

Документом этого рода, выразившим взгляды народных масс, являются произведения **Джерарда Уинстэнли** (1609 — после 1652 г.), возглавившего движение так называемых диггеров (копателей). Они пытались решить проблему народной нищеты, начав явочным порядком, без разрешения властей, обработку общинной пустоши в местечке Кобэм (графство Суррей). Единственным орудием их труда были лопаты. Власти, опасаясь, что за первыми копателями могут последовать и другие, разогнали эту группу и уничтожили результаты их труда.

О жизни Уинстэнли мы знаем мало. Он обучался грамоте и торговому делу, стал членом компании торговцев готовым платьем в Лондоне, но разорился и вернулся в деревню. (По некоторым сведениям, он стал батраком.) В своих трудах, написанных в годы революции — «Новый закон справедливости», «Закон свободы» и др., —

Уинстэнли развивал идеи естественного права. В центре внимания Уинстэнли стоит вопрос о земле и праве народа на нее. «В начале времени, — писал он, — великий творец разум создал землю, чтобы она была общей сокровищницей; лишь постепенно эгоизм людей привел к тому, что они поделили землю и обнесли ее изгородью»³. Свои положения автор аргументировал ссылками на Библию.

В сочинениях Уинстэнли, как и других представителей демократического лагеря, большое место занимала мысль о решающей роли нормандского завоевания. По их мнению, именно это завоевание привело к установлению в Англии феодальной системы. С этого времени якобы началось наступление на народные права и волю, которые царили дотоле, и в конце концов оно привело к потере народом своей земли и свободы. Уинстэнли приписывал этому завоеванию и появление в Англии крупной земельной собственности. «Как короли, так и старое джентри, и наподобие ему новое джентри, шествующее по их стопам, являются наследниками победы нормандцев»⁴, — писал Уинстэнли. Таким образом, он связывал с нормандским завоеванием появление новых сословных групп. Его концепция в весьма примитивной форме содержит зародыш идеи классов и классовой борьбы.

Политико-исторические взгляды левеллеров. Возникшая в ходе революции партия левеллеров (уравнителей) выступала за решительную борьбу против короля и феодальных институтов. Левеллеры отвергали все привилегии и титулы и требовали всеобщего равенства, но понимали его прежде всего как равенство перед законом. Отсюда за этой партией закрепилось наименование уравнителей. В их программу входили демократизация политического строя, введение широкого избирательного права для мужчин, отделение церкви от государства, свобода личности, печати и религиозных убеждений. Эта программа

отражала требования демократических слоев города и деревни.

Самым влиятельным вождем партии левеллеров был **Джон Лильберн** (1614—1657). Еще перед революцией за распространение пуританской литературы он был приговорен к тюремному заключению. В 1642 г. он был освобожден по решению парламента. В годы гражданской войны Лильберн храбро сражался в рядах парламентской армии и получил чин подполковника, но ушел в отставку из-за несогласия с религиозной политикой парламента и активно участвовал в политической борьбе. Он был автором основных программных документов левеллерского движения и многих других сочинений, в том числе памфлета «Разоблачение новых цепей Англии»⁵.

В сочинениях Лильберна центральное место занимала идея народного суверенитета, которую он обосновывал теорией естественного права. «Высшая власть — в народе», — писал он. Лильберн полагал, что парламент получает свои полномочия от народа и в своей деятельности ограничен народной волей. Лильберн и его сторонники видели в демократических реформах возвращение к естественному порядку вещей. Начало угнетения английского народа, потерю им свободы и прав Лильберн связывал с нормандским завоеванием. Однако, в отличие от Уинстэнли, Лильберн полагал, что частная собственность на землю существовала изначально, а не появилась в результате завоевания. По его мнению, завоеватели изменили только систему управления.

Политико-исторические воззрения индепендентов. Умеренное крыло революции представляли пресвитериане и индепенденты, отражавшие взгляды буржуазии и нового дворянства. Они различались своим подходом к борьбе против королевской власти. Пресвитериане опасались дальнейшего углубления революции из страха перед активностью народных масс и были готовы пойти на сделку с абсолютизмом. Напротив, индепенденты нередко выступали против компромисса. Разногласия принимали религиозную форму.

³ Уинстэнли Дж. Избранные памфлеты. М., Л., 1950. С. 54—55.

⁴ Уинстэнли Дж. Избр. памфлеты. С. 213—214.

⁵ См.: Лильберн Д. Памфлеты. М., 1937.

Взгляды индипендентов наиболее отчетливо сформулировал генерал парламентской армии **Генри Айртон** (1611—1651), ближайший помощник Кромвеля, на заседании совета армии в Патни в конце октября — начале ноября 1647 г., где обсуждался вопрос о государственном устройстве страны. Люди, говорил Айртон, обязаны безусловно соблюдать «Общественный договор», лежащий в основе общества, т. е. уважать установленные порядки, власть и собственность. Всеобщее избирательное право он решительно отвергал, усматривал в нем опасность покушения на собственность. Идеальной формой политического устройства он считал монархию, ограниченную парламентом.

Особое место в лагере индипендентов занимал **Джон Мильтон** (1608—1674), талантливый поэт и публицист. Мильтон был убежденным противником абсолютизма и монархии. В своих публицистических произведениях «Иконоборец», «Защита английского народа»⁶ и других он решительно отстаивал политику парламента. Он, в частности, безоговорочно оправдывал суд над королем и его казнь, осуждал английскую церковь как оплот абсолютизма. Он также развивал передовые для своего времени идеи о воспитании, о свободе печати и вероисповедания. После смерти Кромвеля Мильтон находился на службе индипендентской республики. В годы Реставрации произведения Мильтона были осуждены и сожжены по решению суда. Ослепший от усиленных занятий, он испытал острую нужду, но не изменил своим убеждениям.

В годы Реставрации Д. Мильтон посвятил себя поэзии. В своих крупнейших поэтических произведениях «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» он создал образ сатаны — олицетворение духовной свободы и независимости, тираноборца.

В сочинении «История Британии»⁷ Мильтон излагает историю Англии с древнейших времен до завоевания нормандцев. Книга содержит очень краткий очерк поли-

тической истории. При этом Мильтон не отличает исторических фактов от легенд, некритически повторяя вымысел средневековых хронистов. В частности, он возводит происхождение Британии от римлянина Брута для объяснения географического названия этой страны. Еще более фантастический характер носит написанная им «Краткая история Московии и других менее известных стран, лежащих к востоку от России вплоть до Китая»⁸, изданная уже после смерти автора.

Концепция исторического развития общества, которую излагает Мильтон в ряде своих сочинений, исходит из представления о том, что до появления государства люди находились в естественном состоянии. Он писал: «Все люди, будучи образом и подобием бога, были рождены свободными». Государство, по мнению Мильтона, возникает в результате общественного договора между людьми. Общественный договор, который вручил власть королю, ограничил его власть законами, которые обязательны для всех, в том числе и для самого короля. «Власть королей и правительства,— по словам Мильтона,— лишь производная, она получена ими от народа в качестве поручения, чтобы они пользовались ею в интересах народа и к его общему благу». Идея естественных прав и общественного договора у Мильтона становится орудием борьбы против монархии. Он исходит из идеи народного суверенитета, но эта идея у него выступает в обедненном виде. Он заявлял, что власть должна принадлежать «лучшим людям», подразумевая буржуазию и новое дворянство. Мильтон всю жизнь оставался убежденным республиканцем, считал республику идеальной формой государства.

Другой представитель индипендентского лагеря **Джошуа Спригге** (1618—1684) был капелланом парламентской армии и участвовал во многих крупных сражениях. Написанный им исторический труд «Возрожденная Англия»⁹ посвящен истории гражданской войны. В работе дана подробная картина военных действий, приве-

⁶ *Milton J. Eikonoclastes. In Answer to a Book: Eikon Basilike. L., 1649; Idem. Pro populi anglicano defencio. L., 1651.*

⁷ *Milton J. History of Britain that Part Especially Now Called England. L., 1670.*

⁸ *Milton J. A Brief History of Moscovia and of the Less-Known Countries, Lying Eastward of Russia as Far as Cathay. L., 1682.*

⁹ *Sprigge J. Anglia Rediviva. L., 1647.*

дено много ценных деталей. Автор тщательно документирует повествование, опираясь на военные донесения, документы о переговорах, а также современную ему прессу. В объяснении событий автор постоянно ссылается на провидение и божью волю, усматривая в ней причину побед армии Кромвеля над королевскими войсками.

Общественно-политические взгляды роялистов. К крайне правому, роялистскому лагерю принадлежал видный политический деятель, один из первых историков революции **Эдуард Хайд**, получивший после Реставрации титул графа **Кларендона** (1609—1674). Его позиция изложена в книге «История мятежа»¹⁰ — так он называл революцию. Этот политик провел довольно бурную жизнь. В начале революции он выступил на стороне парламента против короля, но вскоре переменял фронт и в 1643 г. был назначен канцлером казначейства. В 1645 г. он удалился в эмиграцию, сопровождая наследника престола, будущего короля Карла II. Вернувшись в Англию после Реставрации, Хайд фактически возглавил правительство. Однако в 1667 г. ему снова пришлось покинуть страну по обвинению в измене. В годы второй эмиграции он закончил свою книгу. Первая ее часть носит характер хроники событий, во второй изложение фактов перемежается личными воспоминаниями. Книга Кларендона представляет собой попытку оправдать свою политическую деятельность в годы революции.

Кларендон в идиллических красках изображает положение Англии в десятилетия накануне революции. В эти годы, по его словам, в стране царили довольство и материальное благополучие, все находилось на своих местах под мудрым управлением просвещенного монарха. По мнению Кларендона, политика Карла I, хотя и не лишенная некоторых недостатков, не давала поводов для серьезного недовольства. Исходя из такого представления, автор делает вывод, что реальных причин для революции или, по его терминологии, «мятежа» не было. Последующие события он

приписывает деятельности клики злых интриганов, которые сделали все для того, чтобы возмутить умы, посеять неповиновение и смуту. Гражданскую войну Кларендон рисует как страшное время, когда порядок в стране исчез, все законы попирались, под угрозой оказалась собственность, умами овладели зловредные и опасные доктрины, в частности, распространилось безбожие. В Кромвеле Кларендон видит лишь убийцу, тирана и злодея. Однако, пишет Кларендон, по воле Провидения все окончилось благополучно, словно дурной сон. С воцарением короля все встало на прежнее место, в страну вернулись мир и спокойствие.

Несмотря на примитивность этой схемы, она получила в Англии широкое распространение и долго господствовала в консервативной историографии.

Т. Гоббс. Бурные события революционной эпохи, внесшие глубокие перемены в общественную жизнь и затронувшие многие интересы, не могли не волновать умы современников. Они будоражили мысль и требовали истолкования происходящего и его оценки.

Попытку объяснить происхождение современных ему форм человеческого общества и государства, проанализировать события революции предпринял философ-материалист **Томас Гоббс** (1588—1679).

Свои взгляды Т. Гоббс изложил в сочинении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»¹¹. В этом политико-философском сочинении Гоббс нарисовал схему происхождения государства. Он считал, что государство появляется лишь на определенной стадии развития человечества. Ему предшествует естественное состояние, когда частная собственность отсутствует, все люди равны между собой и нет никакой власти.

Однако, в отличие от других авторов, развивающих эту концепцию, Гоббс отнюдь не идеализировал эпоху естественного состояния. Напротив, он утверждал, что это было страшное время, в эту эпоху люди

¹⁰ *Earl of Clarendon* (Ed. Hyde). True Historical of Narrative of the Rebellion and Civil Wars in England. Oxford, 1702—1704. V. 1—3.

¹¹ *Hobbes T. Leviathan or the Matter, Form and of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil*. L., 1651.— Русск. пер.: *Гоббс Т. Левиафан*. М., 1937.

вели между собой непрерывную и беспощадную борьбу. По выражению автора, эта была «война всех против всех», ибо по своей природе «человек человеку — волк». Чтобы прекратить всеобщую войну, люди были вынуждены пойти на соглашение, заключив договор; они отказались от своих естественных прав в пользу власти, которая создала закон, положила конец войне и установила собственность.

Таким образом, Гоббс выводил происхождение государства и частной собственности из общественного договора. В представлении Гоббса государство — это мифическое чудовище Левиафан: его душа — власть, его члены — правители, его кровь — деньги. Революция, пишет Гоббс, это смерть Левиафана. Немедленно после его смерти появляется новый Левиафан, ибо человеческое общество не может существовать без него. Гоббс считал монархию лучшей формой государственного правления, но допускал возможность и других форм власти — аристократической и даже демократической. Гоббс считал, что при всех формах правления власть государства должна быть абсолютной. Однако он признавал необходимость некоторых реформ и свободы предпринимательской деятельности.

Считая религию полезной для общества и государства, Гоббс в то же время отвергал ее притязания на неограниченную власть и полагал, что она должна подчиняться государственной власти.

В своих философских воззрениях Гоббс стоял на позициях рационализма. Разум он считал высшим критерием всего существующего. Он позволял себе критиковать текст Библии, указывая на некоторые явные несообразности и противоречия. Рациональное познание Гоббс отождествлял с вычислением, математическим действием и мечтал о создании для всех наук универсального математического метода.

Д. Гаррингтон. Большое влияние на современников в 50-х годах оказала книга **Джеймса Гаррингтона** (1611—1677) «Республика Океания», вышедшая в свет в 1656 г.¹² Ее автор отстаивал республиканскую форму правления, но доказывал не-

Д. Гаррингтон

обходимость крепкой власти, для того чтобы обеспечить безопасность собственности. Он высмеивал идею естественных прав, утверждая, что естественное состояние людей — неравенство.

Возражая Гоббсу, который связывал появление собственности с общественным договором, Гаррингтон прямо выводил появление власти и различные ее формы из распределения собственности, имея в виду прежде всего собственность на землю. По мнению Гаррингтона, распределение собственности оказывает решающее влияние на формы государственной власти, на законодательство и даже на нравы и обычаи людей. Форма правления всегда приспосабливается к формам собственности, или, как он выражался, к «балансу собственности». Так, при феодальной монархии в Англии существовал, по его определению, «готический баланс собственности», выражавшийся в том, что тогда $\frac{3}{4}$ земель находилось в руках короны, аристократии и церкви. Этому балансу собственности соответствовала монархическая форма государственного управления. Однако в ходе революции земельная собственность перешла в руки джентри, состоятельного крестьянства и других групп. К 1650 г. $\frac{9}{10}$ всех земель Англии были в руках «народа», возник новый, по определению Гаррингтона, «народный баланс собственности». В результате стала неизбежной смена монархической формы правления республиканской.

Гаррингтон был самым решительным противником всяких идей уравнивания, но

¹² *Harrington J. Commonwealth of Oceana. L., 1656.*

в то же время выступал за ограничение размеров земельной собственности, предлагая ввести максимум (доход не более 2 тыс. фунтов стерлингов в год), выше которого она не должна подниматься. Известное противоречие он обнаруживал также в вопросе о правах граждан. Так, он считал возможным предоставить всем гражданам политические права и гражданское равенство перед законом, но в конституции, которую он разработал, предлагалось всю власть в стране предоставить лишь исключительно собственникам. Историческая концепция Гаррингтона была подсказана теми крупными переменами в собственности, которые произошли за годы революции. Для своего времени это была трезвая, содержащая материалистические тенденции попытка объяснить характер и причины революционных событий, но стремление ряда историков объявить Гаррингтона предшественником «материалистического понимания истории» лишены основания.

Историческая мысль в период Реставрации. Революция расчистила путь для победы капитализма в городе и деревне, дала мощный толчок развитию производительных сил, облегчила и ускорила обогащение имущих классов и ускорила экспроприацию крестьянства. Буржуазия и новое дворянство приобрели политический вес в обществе и отныне оказывали заметное влияние на государственное управление. Так называемая «славная революция» 1688 г. закрепила их новое общественное положение.

Идейная борьба, начавшаяся еще до революции, продолжалась и после нее. В 1698—1699 гг. вышли три тома воспоминаний одного из видных деятелей революции генерала парламентской армии Э. Ладлоу¹³, по взглядам — левого индпендента, противника диктатуры Кромвеля. Странник республики, Ладлоу пытался помешать Реставрации и был вынужден эмигрировать за границу. Труд Ладлоу — ценный документ революционной эпохи. Книга другого участника революции и ре-

волюционной войны — генерала Т. Ферфакса «Краткие воспоминания о некоторых событиях в период моего командования армией»¹⁴ является апологией Реставрации. Такой же, апологетический, характер носит и сочинение Б. Уайтлока «Воспоминания об английских делах от начала правления Карла I до счастливого восстановления на престоле короля Карла II»¹⁵. Автор его — изворотливый адвокат, сумевший удержаться у власти в период революции и после нее.

Наиболее известным историком эпохи Реставрации был **Гилберт Барнет** (1643—1715). В годы правления Карла II он навлек на себя немилость наследника престола, будущего короля Якова II. В 1685 г. при восшествии нового короля на престол Барнет бежал в Голландию, принял голландское подданство и приобрел большое влияние на жену голландского принца Оранского, дочь Якова II Марию. Переворот 1688 г. привел к власти принца Оранского и Марию, что позволило Г. Барнету вернуться на родину. С этого момента Г. Барнет стал играть весьма заметную роль в политических и церковных делах. Его перу принадлежит ряд работ по актуальным вопросам того времени, в частности «Исследование вопроса о подчинении высшей власти», в котором приводятся аргументы, оправдывающие переворот 1688 г.

Основной труд Барнета — «История реформации английской церкви»¹⁶. Первый том этого сочинения вышел в свет в 1679 г., последний — в год смерти автора, в 1715 г. Автор придерживается ортодоксальных протестантских взглядов, поэтому его работа содержит резкие нападки на папство и католицизм. Повествование доводится автором до 1575 г. Большую ценность труду Барнета придают использованные в нем материалы из церковных библиотек, частных коллекций и архивов

¹⁴ *Fairfax T. Short Memorials of some Things to be Cleared during My Command in the Army. L., 1699.*

¹⁵ *Whitelock B. Memorials of the English Affairs. From the Beginning of the Reign of Charles the First to King Charles the Second Happy Restauration. L., 1682.*

¹⁶ *Burnet G. History of the Reformation. L., 1679—1715. V. 1—3.*

¹³ *Memoires of Edmund Ludlow, Lieutenant-General of the Horse in the Army of the Commonwealth of England 1625—1672. Bern, 1698—1699. V. 1—3.*

(автор несколько лет состоял при королевском архиве и имел свободный доступ к документам).

Другая историческая работа Барнета — «История моего времени»¹⁷ — обработанный им дневник, который охватывает почти 50 лет жизни автора и начинается с воспоминаний о Реставации. Книга представляет собой свидетельство очевидца политических событий в Англии второй половины XVII в. При переработке дневника и превращении его в историческое сочинение автор многое опустил в первоначальном тексте, изменил, кое-что выбросил и добавил. Но, несмотря на это, книга Барнета, написанная с вигских политических позиций, представляет собой ценный источник по истории тех десятилетий.

Д. Локк и компромисс 1688 г. После 1688—1689 гг. в Англии складывается конституционная парламентарная монархия, которая, по определению Ф. Энгельса, была «...компромиссом между поднимающимся средним классом и бывшими крупными феодальными землевладельцами»¹⁸. Известный философ и публицист **Джон Локк** (1632—1704) выступил с теоретическим обоснованием переворота 1688 г. В своих произведениях «О религиозной терпимости», «Два трактата о правительстве» и других¹⁹ Локк, являвшийся «...сыном классового компромисса 1688 года»²⁰, по существу, завершил выработку буржуазного взгляда на собственность и власть. Локк разделял распространенные в XVII в. теории естественного состояния людей и возникновения общества и государства путем общественного договора. Рассматривая возникновение общества, он на первый план выдвигал вопрос о собственности. В естественном состоянии существовала общая собственность на блага природы, но лишь до приложения к ним труда. Индивидуальный труд создал частную собственность.

Поскольку государство, согласно Лок-

ку, возникло для охраны прав человека на частную собственность, личную свободу и безопасность, то политическая власть не должна покушаться на эти права. Подвергнув критике абсолютную монархию, он одним из первых обосновал идею разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную как принципа построения конституционного государства. Поставив в основу государственного устройства неприкосновенность прав и свобод собственника, Локк выступил как один из идеологов либерализма.

В своих «Трактатах» он развил идеи о народном суверенитете и праве народа на сопротивление тирании, если правители попирают его законные права. Локк с осуждением относился к абсолютизму Стюартов, признал в известном смысле законность восстания парламента против Карла I, но осудил «крайности» революции середины XVII в. Его идеал — «славная революция» 1688 г.

Крупным вкладом Локка в науку было его знаменитое сочинение «Опыт о развитии человеческого разума»²¹. В этом сочинении Локк изложил свое учение о природе человеческого познания. Продолжая материалистические традиции Бэкона и Гоббса, Локк отстаивал чувственное, опытное происхождение наших знаний в противовес идеалистическому учению о врожденных идеях. Правда, допуская двойственность опыта, Локк не преодолел до конца идеализма.

В целом, несмотря на слабости и противоречия, взгляды Локка были крупным достижением английской общественной мысли XVII в. и оказали большое влияние на дальнейшее развитие буржуазной науки в Европе и Америке.

Английская революция дала сильнейший толчок развитию общественной мысли. Немного было сделано в изучении конкретного исторического материала, но выдвинутые теории формирования человеческого общества: естественных прав, общественного договора, происхождения собственности и т. д. — содержали глубокие идеи для понимания исторического процесса.

²¹ *Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. L., 1690.*

¹⁷ *Burnet G. History of my Own Time. L., 1724—1734. V. 1—2.*

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 309.*

¹⁹ *Локк Дж. Сочинения. М., 1985. Т. I—III.*

²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 419.*

Век Просвещения во Франции: исторические взгляды просветителей. Развитие исторической мысли в период Великой французской революции

Французское Просвещение сложилось под большим влиянием английской просветительской мысли и английской науки. В то же время деятели французского Просвещения выступали в иной исторической ситуации, чем их предшественники и современники по ту сторону Ла-Манша.

В отличие от Англии, где еще в середине — второй половине XVII в. совершилась буржуазная революция, просветительское движение во Франции развертывалось в условиях нарастающего кризиса «старого порядка». Таким образом, английское Просвещение было «послереволюционным»; французское — с поразительной энергией осуществляло «революцию в умах», духовно подготовившую великую буржуазную революцию конца столетия.

Творцами французского Просвещения были выдающиеся философы, писатели, публицисты, люди науки — в течение нескольких десятилетий блестящую плеяду их с поразительной щедростью вызвало к жизни общество Франции того времени. Множество авторов «второго плана» популяризировали, распространяли, нередко радикализировали идеи, выдвинутые корифеями просветительской мысли.

Идеи просветителей, выработанная ими новая система ценностей решительно противостояли официальным идеологическим устоям современного им общественно-политического строя Франции с его сословным неравенством, обязательным римско-католическим единомыслием, переживавшей глубокий кризис абсолютистской политической системой. Просветители доказывали, что общество должно быть перестроено согласно требованиям разума в соответствии с естественными и неотъемлемыми правами человека. Они были убеждены, что такие преобразования могут и должны быть осуществлены в самое ближайшее время (хотя мыслители, принадлежавшие к различным течениям

внутри Просвещения, по-разному трактовали характер и глубину необходимых реформ).

Отыскивая причины несовершенств и пороков общественного строя, думая о путях его переустройства, французские просветители обращались не только к философскому осмыслению основ человеческого бытия и критическому анализу современного им общественного порядка. Критика настоящего побуждала к такому же критическому переосмыслению прошлого. Французские просветители живо интересовались историей, много о ней размышляли и писали. Характерно, что история была широко представлена в знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера: из 60 с лишним тысяч помещенных в ней статей более 6 тыс. посвящены различным историческим сюжетам¹.

Французские просветители и история: характерные черты исторических взглядов и творчества. В период, когда развертывалась деятельность просветителей, общественный интерес к истории был во Франции весьма значителен. Еще в течение XVII в. к Франции перешла ведущая роль в «эрудитской» историографии. В XVIII в. эта линия в развитии историографии отнюдь не утратила своего значения. Эрудиты — прежде всего бенедиктинцы (мавристы), а также иезуиты активно продолжали свои труды по сбору и публикации исторических документов. Именно в XVIII в. было положено начало ряду фундаментальных многотомных собраний, издание которых продолжалось в XIX и XX вв. Эрудиты совершенствовали и методы вспомогательных дисциплин — дипломатики, созданной в конце XVII в. Ж. Мабильоном, палеографии, исторической хронологии. Что касается их общих воззрений на историю, то эрудиты и в век

¹ См.: История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 233.

Просвещения держались провиденциалистского, теологического ее понимания.

В целом в XVIII в. теологическое понимание истории еще сохраняло позиции. Характерно, что, по крайней мере, до середины века пользовалось вниманием известное «Рассуждение о всеобщей истории» епископа Боссюэ, написанное, при некоторых уступках рационализму, с теологически-библейских позиций.

Громоздкие публикации эрудитов оставались в основном достоянием узкого круга знатоков. Широкому читателю были адресованы многочисленные сочинения по истории, которые занимали значительное место в книжной продукции XVIII в. В 1723—1789 гг. было запрошено дозволение на издание 40 тыс. книг; из них не менее 3370 были посвящены истории². В канун революции исторические сочинения составили 15 % опубликованных во Франции книг³. Пользовались популярностью специальные словари по истории. Так, «Большой исторический словарь» Л. Морери (8 томов) издавался 18 раз в конце XVII — середине XVIII в.

Традиционной сферой внимания историков была античная история. Но в XVIII в., особенно во второй его половине, заметно возрос интерес к истории Франции. Стремление приобщиться к историческим истокам французского общества и его институтов было связано с назревавшим в стране общественно-политическим кризисом и ростом национального сознания французского народа. В течение века были созданы около 60 общих трудов по истории Франции; наиболее читаемые выдерживали по нескольку изданий. Так, «История Франции со времени установления монархии и до царствования Людовика XIV» (основателем издания и автором первых 8 томов был аббат П. Ф. Велли), несмотря на значительный объем, издавалась трижды (в 30 и 15 томах) — в 1755—1786 гг.; вышедшее в 1744 г. «Новое краткое изложение хронологической исто-

рии Франции» до 1800 г. было издано 12 раз⁴.

Большинство исторических сочинений носило компилятивный характер. Основное внимание в них уделялось описанию политических и военных событий, деяний государей, полководцев, церковных иерархов. Некритическое отношение к источникам и сочинениям предшественников вело к многочисленным ошибкам, на веру принимались сообщения о легендарных и просто невероятных событиях. Историография все еще оставалась скорее особым жанром изящной словесности (*lettres*), чем специальной отраслью научной литературы. Не случайно преподавание истории поручали обычно специалистам по филологии, знатокам древних языков и текстов (латинский язык был основным предметом в тогдашних коллежах).

История как самостоятельная научная дисциплина в «век Просвещения» во Франции находилась еще в процессе формирования. В середине XVIII в. в некоторых (еще очень немногих) университетах стали создаваться специальные кафедры истории, для занятия которых требовалось представить диссертацию по национальной истории. В литературе того времени встречается уже понятие «историческая наука» (*la science de l'histoire*)⁵.

Важный шаг к созданию во Франции исторической науки нового времени был сделан французскими просветителями. Они довершили «детеологизацию» исторической мысли и историографии. Отвергнув теологический подход к человеческой истории, просветители решительно отделили от нее «священную историю», т. е. библейские исторические мифы.

Введя в историографию аналитические методы рационализма, они таким образом «рационализировали» мир истории. В большом Вступлении Д'Аламбера к «Энциклопедии», где дана классификация наук, история рассматривается как часть широкой «науки о человеке», которая включает также логику, грамматику, педагогику,

² См.: *Furet F.* L'ensemble «Histoire»//*Livre et société.* P., 1970. Т. II. P. 101—120.

³ См.: *Carbonell Ch.-O.* L'histiographie. P., 1981. P. 81.

⁴ См.: *Grosperin B.* La représentation de l'histoire de France dans l'histiographie des Lumières. Lille, 1982. Т. I. P. 116, 143, 153—154, 165—166.

⁵ См.: *Ibid.* P. 53—54, 162—163.

филологию, этику, юридическую, экономическую, политическую науки. «История человека,— писал Д'Аламбер,— имеет предметом либо его действия, либо его знания, и она, следовательно, гражданская или научная» (выделено авт.— А. А.)⁶.

Деятели французского Просвещения по-новому оценили познавательные задачи истории. Они трактовали их чрезвычайно широко, далеко выходя за рамки традиционных сюжетов. Рассмотрению ученого-историка, писал в «Энциклопедии» Ж. Ф. Мармонтель (философ и писатель), подлежат «нравы, натура народов, присущие им интересы, их богатства и внутренние силы, их внешние ресурсы, их воспитание, законы, предрассудки и принципы, их внутренняя и внешняя политика, их способ трудиться, питаться, вооружаться и сражаться; таланты, страсти, пороки и добродетели тех, кто главенствовал в общественных делах; знание людей, местности и времени»⁷.

В оценке познавательных возможностей истории просветители отошли от крайнего скептицизма мыслителей XVII в. (Р. Декарта, Б. Паскаля, П. Бейля) относительно исторического знания. Правда, они также считали, что невозможно придать истории точность математических и экспериментальных наук. Но все же путем исключительно тщательной, добросовестной работы и, главное, строгой рациональной критики источников историк может достичь достоверности или хотя бы высокой степени вероятности полученных им знаний. К этому последнему выводу склонялся Вольтер. «Всякая достоверность,— писал он в статье «История»,— не обладающая математическим доказательством, есть лишь высшая степень вероятности. Иной исторической достоверности не существует»⁸.

Требую от историков широкого подхода к предмету истории и большой точности

сообщаемых ими знаний, французские просветители по-новому подошли к проблеме исторического источника. Необычайно расширено было само понятие исторического источника (традиционно им считались письменные тексты, устная традиция, монументальные памятники). Так, для Дидро, отмечает А. Д. Люблинская, «историческим памятником было решительно все: повествования, акты, надписи, правовые кодексы, описания ремесел и сами рабочие орудия и инструменты, каталоги королевской библиотеки, монеты, римские дороги, мифология, обычаи, одежда, басни и суеверия, и т. д., и т. п.»⁹.

Характерная черта исторических воззрений французских просветителей — их обостренное внимание к проблеме критики исторических источников. Они решительно ополчались на старую историографию, которая с полным доверием воспринимала факты и чудеса, сообщаемые библейской легендой, невероятные события, описываемые древними историками и писателями. Руководствуясь рационалистическим мировоззрением, просветители важнейшим критерием критики считали здравый смысл. «Не следует верить тому, что противоречит естественному ходу вещей», — полагал Вольтер; Дидро указывал на значение опыта для проверки исторических фактов: важен и «опыт прошлых веков и наш собственный»¹⁰.

Просветители были знакомы с публикациями и источниковедческими трудами эрудитов и учитывали их достижения в этой области. Большое внимание проблеме критики источников было уделено в «Энциклопедии»; в ее статьях «была дана развернутая теория критики источников по форме и по содержанию: проверка подлинности источника и сообщаемых им фактов, изучение языка и литературного стиля, сопоставление однотипных источников между собой и с другими типами памятников»¹¹.

В человеческой истории (как и в исто-

⁶ Родоначалники позитивизма. СПб., 1910. Вып. первый: Кант, Тюрго, Д'Аламбер. С. 158—159, 126.

⁷ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. С. 58—59.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. С. 243.

¹⁰ Там же. С. 14, 19.

¹¹ Люблинская А. Д. Историческая мысль в Энциклопедии // История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. С. 243.

рии естественной), считали французские просветители, действуют определенные закономерности, которые вытекают из природы вещей и могут быть постигнуты разумом. При этом в своей философии истории они исходили из общего для всей просветительской мысли постулата об универсальной и неизменной природе человека. Связанный с этим подходом принцип исторического универсализма позволил французским просветителям выдвинуть (особенно ярко это было сделано Вольтером) представление об истории как о всеобщей истории, охватывающей все племена и народы, жившие некогда и живущие сейчас. В то же время этот подход обуславливал пределы просветительского историзма. В истории они стремились увидеть прежде всего общие явления, которые считали проявлением универсализма человеческой природы. М. А. Барг отмечает, что историография «обращалась к различным временам и народам не с целью различения их, а с тем, чтобы вопреки бросавшимся в глаза различиям обнаружить единство, сводившееся все к той же человеческой природе...»¹². В итоге от них ускользало, что общие закономерности в истории по-разному проявляют себя в различные исторические эпохи, что каждой эпохе свойственны особые, ей присущие закономерности.

В исторических воззрениях французских просветителей была ярко выражена и общая для всего Просвещения идея прогресса (хотя различными мыслителями она трактовалась неоднозначно). Безусловным казался непрерывный (но очень неравномерный в различные времена) прогресс человеческих знаний. Что касается прогресса в жизни общества, то его непрерывность внушала сомнение, ибо история общества включает гибель цивилизаций, периоды упадка, тирании, несовместимые с разумом и естественными правами людей. В то же время большинство французских просветителей с оптимизмом смотрели в будущее. Конечное торжество разума — основной силы преобразования человечества — казалось несомненным, а вместе с ним — и прогресс человеческого

рода в целом. История представлялась таким образом длительной и трудной, но верной дорогой к этому грядущему разумному порядку.

Понятно поэтому, что французские просветители были убеждены в высоком общественном предназначении истории. Наряду с философией история мыслилась ими как важнейшее средство просвещения умов в духе новых идей, как источник опыта прошлых поколений, помогающего определить пути в будущее, бесценного для законодателей и политиков. Не случайно просветители во Франции придавали огромное значение литературной форме исторических сочинений — они требовали от них доступного, разнообразного и изящного стиля, привлекающего читателя. Если история должна нравиться, писал Мабли в своем сочинении «О способе написания истории» (1782), «то это для того, чтобы лучше наставлять»¹³.

Уделяя большое внимание истории, корифеи французского Просвещения видели свою главную цель не в углубленном изучении отдельных сюжетов, а в выработке нового понимания исторического процесса в целом, в переосмыслении всего опыта мировой истории, содержания и задач исторической науки. Именно в этой области их вклад наиболее весом. Некоторые из них (Вольтер, Мабли, Рейналь) создали специальные исторические сочинения, обращались к источникам. Просветители еще не преодолели разрыва между бенедиктинской эрудицией и научной историографией, но они сделали в этом направлении первые шаги.

В ряду исторических проблем, привлекавших внимание просветителей, была история античного мира. «История Римской империи заслуживает нашего наибольшего внимания, — писал Вольтер, — так как римляне были нашими учителями и законодателями»¹⁴. В истории античных обществ просветители находили подтверждение своим идеалам свободы, черпали аргументы для обоснования пагубности тирании. Истокованные в просвети-

¹³ *Mably G. B. de. Oeuvre complètes. L., 1789. T. XII. P. 479, 484.*

¹⁴ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. С. 12.

¹² Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С. 336.

тельском духе сведения из античной истории стали во Франции непрременным элементом исторического сознания предреволюционных поколений, как и деятелей Французской революции, выступавших в ходе нее «...в римском костюме и с римскими фразами на устах...» (Маркс)¹⁵.

Запросами идейно-политической борьбы, стремлением осознать исторические корни современных им общественных противоречий был вызван интерес просветителей к истории средних веков и, в частности, к вопросу о происхождении социально-политических учреждений Франции и французской нации.

Буленвилье, Дюбо и оформление германо-романской проблемы. Начало острой полемики вокруг вышеназванной проблемы положил в первой трети XVIII в. исторический спор между графом Буленвилье и аббатом Дюбо, получивший широкий отклик.

С 1727 г. начали появляться (посмертно) исторические работы графа Анри де Буленвилье (1658—1722). Как историк он мыслил уже в русле рождавшихся новых представлений о смысле историографии. Так, он критиковал Боссюэ, отвергал традиционное сведение истории к деяниям королей и военным событиям. Но в плане идеологическом он выступал с обоснованием социальных и политических устремлений родовитого дворянства.

Главный труд Буленвилье — «История древнего правительства Франции» (1727). Центральная мысль его: происхождение французского общества и государства есть результат германского завоевания Галлии, в итоге которого свободные завоеватели — франки — стали господами, а побежденные галло-римляне — подданными, просто-народьем. Таким образом, законность привилегий и земельной монополии французской аристократии уходит корнями в «право победителя» завоевателей, которые составили основу дворянского сословия. В дальнейшем это право, воплощенное в крови дворянской «расы», передавалось последующим поколениям. Законный же удел потомков побежденных галло-римлян,

составивших третье сословие, — покорно сносить свою участь.

Буленвилье с необычайной ясностью выразил точку зрения «дворянского расизма», характерную для родовитого дворянства: только кровь дает дворянское достоинство, ни король, ни какое-либо учреждение сделать это не в силах. Чуждый теологического подхода к истории, он выдвинул своеобразное историко-биологическое обоснование сословного неравенства. Созданное монархией дворянство мантии он относил к третьему сословию. Попраиением исконных дворянских прав Буленвилье считал абсолютизм: изначально в итоге завоевания короли (Хлодвиг и его преемники) избирались аристократией, были лишь первыми среди равных.

Выступление Буленвилье вызвало энергичный отпор. В 1734 г. аббат Ж. Б. Дюбо (1670—1742), секретарь Французской академии, опубликовал большой труд «Критическая история установления французской монархии в Галлии». Германистской точке зрения Буленвилье он противопоставил романистскую теорию. Дюбо решительно отверг самый тезис о завоевании Галлии — основу всей концепции Буленвилье. Он доказывал, что произошло отнюдь не завоевание, а постепенное органическое слияние исконного населения Галлии и пришельцев — франков. Поэтому не может быть речи о двух расах — побежденных и победителях. Франкская монархия — органическое продолжение Римской империи. Постепенно в ходе взаимодействия различных племен и культур сформировалась французская нация. Дворянские же привилегии — результат узурпации прав и достоинства народа, а также права королевской власти, совершенной аристократией позднее, в IX—X вв.

Уже современники спора Буленвилье и Дюбо осознавали его социально-политический смысл. Характерна оценка, данная ему Монтескье в «О духе законов». «Граф де Буленвилье и аббат Дюбо составили каждый свою систему, причем одна из этих систем походит на заговор против третьего сословия, а другая — на заговор против дворянства»¹⁶.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 120.

¹⁶ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 662.

Спор вокруг германо-романской проблемы продолжался в течение всего XVIII в. и был унаследован веком XIX. Большинство просветителей признавали наличие франкского завоевания, но опровергали сословно-пристрастные выводы Буленвилье. Вся эта проблема стала элементом историко-политической культуры века и с новой остротой встала в пред-революционной публицистике. В своем знаменитом памфлете «Что такое третье сословие?» (1789) аббат Э. Ж. Сийес, иронизируя над дворянским расизмом и теорией завоевания, восклицал: «Почему бы в самом деле не препроводить обратно во Франконию все те семьи, которые сохраняют безумные притязания на права первоначальных завоевателей Франции?»¹⁷

Среди выдающихся деятелей французского Просвещения, оказавших особенно большое влияние на развитие историко-социологической мысли и историографии, были крупнейшие представители старшего поколения просветителей — Монтескье и Вольтер.

Шарль Луи Монтескье де Секонда, барон де ла Бред (1689—1755), президент бордоского парламента (до 1726 г.), принадлежал к знатной семье провинциального дворянства мантии. В его воззрениях переплелись традиции идеологии парламентско-аристократической оппозиции абсолютизму и идеи Просвещения. Выдающийся политический мыслитель, сторонник дворянско-буржуазного компромисса, Монтескье был теоретиком «смешанной формы правления» (по существу, конституционной монархии) на базе разделения и равновесия властей, единственно, по его мнению, способной гарантировать политическую свободу.

Характерная черта умственного склада Монтескье, выделявшая его среди других просветителей, состояла в том, что в поисках решения современных ему политических проблем он обращался не к абстрактным «естественным законам», выведенным умозрительно из природы чело-

века, а к исследованию и критическому анализу действительно существовавших некогда политических форм, к конкретной истории человеческих обществ, широко прибегал к сравнительному методу. Монтескье как мыслителя отличали громадная историческая эрудиция и большой вкус к историческим и историко-социологическим построениям. Главные его труды — «О причинах величия и падения римлян» (1734) и знаменитый трактат «О духе законов» (1748).

В рамках французского Просвещения Монтескье уделял особое внимание обоснованию и развитию идеи внутренней закономерности, которой подчинены человеческие установления в их существовании и истории. «Я установил общие начала, — писал Монтескье в сочинении «О духе законов», — и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона»¹⁸. «Законы в самом широком смысле» он понимал как не зависящие от сознательной воли людей «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей»¹⁹; общественные закономерности есть явление естественного характера, их изучает не теология, а наука.

Правда, в общем подходе к истории Монтескье все же не удается строго следовать единому социологическому принципу: «Мир истории в видении Монтескье оказывается определенным образом раздвоенным»²⁰. С одной стороны, он детерминирован объективными условиями человеческого бытия, прежде всего условиями природными. Монтескье — один из основателей географического направления в обществоведении нового времени; он доказывал, что географическая среда — климат, почва, местоположение — решающим образом влияет на общественное устройство. Природные условия, полагал Монтескье, формируют характер и «дух»

¹⁸ Монтескье Ш. Избр. произв. С. 159.

¹⁹ Там же. С. 163.

²⁰ Барг М. А. Эпохи и идеи. С. 339; см. также: Момджян Х. Н. Французское Просвещение XVIII века. М., 1983. С. 99.

¹⁷ Цит. по кн.: Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 95.

Ш. Монтескье

народа, влияют на его экономическую деятельность и в конечном счете определяют существующие у различных народов формы государственной власти и законодательства. Так, например, с воздействием умеренного климата Британских островов он связывал достоинства английского государственного строя, который сильно идеализировал. В некоторых случаях Монтескье пытался связать влияние природных условий с тем или иным способом добывания средств к жизни, который и воздействует на образование и смену политических форм. «Законы,— писал он,— очень тесно связаны с теми способами, которыми люди добывают себе средства к существованию. Народ, занимающийся торговлей и мореплаванием, нуждается в более обширном своде законов, чем народ, который довольствуется возделыванием своих земель, последний — в более обширном, чем народ, живущий скотоводством»²¹. В такой трактовке вопроса возможно усмотреть даже некоторое материалистическое зерно (оно не получает в трактате «О духе законов» дальнейшего развития).

С другой стороны, Монтескье не был до конца последовательным в этом объективном толковании общественной закономерности. При анализе конкретных исторических явлений он сплошь и рядом рассматривал закон как категорию юридическую, результат произвольного творчества законодателя. У народов, достигших цивилизованности, решающую роль могли

играть и не естественные факторы, а законодательство как независимая сила, руководствующаяся общими принципами.

Трактат «О духе законов» Монтескье завершил обширным очерком истории феодальных учреждений во Франции (книги 28, 30 и 31), включившись в разгоревшуюся по этому вопросу полемику, в которой стремился занять компромиссную позицию. В целом он принял германистский тезис о завоевании Галлии франками и выступал с резкой критикой книги Дюбо. Монтескье утверждал, что дворянские права и привилегии, в частности их судебные права, отнюдь не были результатом позднейшей узурпации. Они естественно развились из общественного строя германцев и явились, таким образом, последствием завоевания. В принципе Монтескье считал наследственное дворянство необходимым элементом общественно-политического строя Франции. Обладая от рождения особым престижем и привилегиями, оно является естественным поборником личной свободы и врагом деспотизма. Ему должна принадлежать «промежуточная власть», функция которой — создавать и удерживать равновесие между монархом и народом.

Вместе с тем Монтескье отнюдь не разделял полностью дворянской теории Буленвилье. Он считал, что возникшее после завоевания общество впитало немало римских элементов, что крепостное право, например, не было результатом единовременного акта завоевателей: оно образовалось постепенно, причем существовало в Галлии уже до завоевания. Система дворянских привилегий также создалась не только благодаря завоеванию — это был длительный и сложный процесс.

Вольтер. Самая яркая фигура французского и европейского Просвещения, философ, писатель, поэт, драматург, связанный перепиской, а отчасти и личным общением с государями Европы, предприимчивый и богатый сеньор своего имения Ферне — **Мари Франсуа Аруэ Вольтер** (1694—1778) — был также крупнейшим историком-просветителем. Историей он занимался профессионально, это было одно из важных направлений его творческой деятельности. После публикации в 1731 г.

²¹ Монтескье Ш. Избр. произв. С. 396.

первого исторического труда «История Карла XII» Вольтер создал «Век Людовика XIV» (1751), «Обзор века Людовика XV» (1755—1763), «Историю России в царствование Петра Великого» (1759—1763) и др. Наиболее монументальное историческое сочинение Вольтера — «Опыт о нравах и духе народов и о главных исторических событиях» (1756—1769) — охватывает громадный период от Карла Великого до Людовика XIII. Вольтер — автор статьи «История» для «Энциклопедии» Дидро. В целом его сочинения содержали изложение событий мировой истории от первобытных времен до середины XVIII столетия.

Среди просветителей именно Вольтер целеустремленно выступал за обновление исторической науки и стремился осуществить это в собственной практике. Главная его идея — соединение истории с просветительской философией. Задача историка — не просто собирание фактов и изложение событий, но критическое осмысление всего материала с точки зрения разума, создание «философской истории». Вольтер ввел в оборот понятие «философия истории» («*La philosophie de l'histoire*» название книги Вольтера 1765 г.). Вольтер, писал А. С. Пушкин, «первый пошел по новой дороге и внес светильник философии в темные архивы истории»²². Язвительной критике и осмеянию Вольтер подвергал теологическую концепцию истории. Против нее полемически заострен его «Опыт о нравах и духе народов...».

«С историей, — считал Вольтер, — дело обстоит так же, как с математикой и физикой. Поприще чрезвычайно расширилось»²³. Исходя из этого, он отстаивал новое понимание предметной области историографии, принципиальное ее обновление и расширение. «Цель истории состоит не в том, чтобы показать, как в такой-то год один недостойный государь следовал за другим жестоким правителем... Зачем нам детали столь ничтожных интересов?»;

²² Цит. по кн.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 202.

²³ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. С. 17.

Ф. Вольтер

«Я вижу почти повсюду только историю королей; я хочу написать историю людей»²⁴. Современный историк должен изучать и описывать только важные и великие явления; от него «требуется... больше внимания к обычаям, законам, нравам, торговле, финансам, земледелию, населению»²⁵; важно знать литературу и искусство, открытия и изобретения.

Вольтер намного расширил и географические рамки истории. Старая историческая схема, основанная на библейской традиции, включала в орбиту всемирной истории европейские народы, а также народы, так или иначе затронутые в Библии (Египет, Вавилон, Ассирия, Персия и др.). Всемирная история Вольтера — это история всего человечества. Он стремился на доступном ему материале воссоздать историю Китая, Индии, Японии, арабских народов, народов Африки, Америки. Недаром свой «Опыт о нравах...» Вольтер начинал с истории Китая и Индии. Е. А. Косминский считал вольтеровский «Опыт о нравах...» «первой книгой по всемирной истории, написанной со всемирно-исторической точки зрения»²⁶.

Одержимость идеями «философской истории» не заслонила от Вольтера проблемы источников и достоверности сообще-

²⁴ Цит. по кн.: *Державин К. П.* Вольтер. М., 1946. С. 207.

²⁵ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. С. 17.

²⁶ *Косминский Е. А.* Вольтер как историк // Вольтер. Статьи и материалы. М., Л., 1948. С. 160.

щаемой ими информации. В отличие от многих других просветителей, он понимал значение для историка архивов. Работая над историческими трудами, хронологически ограниченными, он обращался к рукописным документам. Так, для написания истории Петра Великого Вольтер использовал материалы, которые посылали ему из России Г. Ф. Миллер, И. И. Тауберт, М. В. Ломоносов, И. И. Шувалов. Для создания книг о Карле XII, Людовике XIV и Людовике XV он обращался и к устной традиции, к свидетельствам участников и очевидцев событий. При работе над «Опыт о нравах...», по существу очерком всемирной истории, он опирался в основном на книги своей обширной библиотеки, которую заботливо пополнял (купленная Екатериной II эта библиотека в настоящее время находится в Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде); 28 % всех ее книг — сочинения исторического содержания²⁷.

В вопросе о достоверности исторических знаний и исторических источников Вольтер был одним из главных провозвестников просветительской критики традиционной историографии. История не должна принимать на веру все, что не согласуется ни с физикой, ни с разумом, ни с природой человеческого сердца. Дивные и невероятные сообщения древних анналов должны приниматься в расчет как свидетельства людского легковерия, они входят в историю мнений.

Отражая оптимистическое мироощущение просвещенных буржуазных кругов XVIII столетия, Вольтер выступал одним из провозвестников теории исторического прогресса. Ему была чужда идеализация первобытного «естественного состояния» людей как счастливого изначального состояния человечества. В понимании движущего начала общественного прогресса Вольтер стоял на идеалистической позиции. Он прекрасно понимал важность земледелия, ремесел, мануфактур, торговли и мореплавания, но первичным и определяющим импульсом их прогресса считал

человеческий разум, успехи просвещения и новых знаний. Эти успехи обуславливают и нравственное совершенствование, достижения искусств и т. д.

Вольтер не считал прогресс движущимся в неодолимо-линейном направлении. Прогресс осуществляется избирательно, воплощается в отдельных периодах истории (например, век Филиппа и Александра, Цезаря и Августа, Медичи и Людовика XIV), которые выделяются на темном фоне и часто отделены друг от друга долгими веками невежества. Если и стоит изучать эти мрачные времена, говорил Вольтер, то лишь для того, чтобы их презирать. В особенности нетерпим был Вольтер в оценке средневековья — в этом сказывались и его антифеодалная, антитеологическая общественная позиция и характерное для его взглядов отсутствие историзма как идеи органического развития. Средние века для Вольтера — это варварская история варварских народов, которые, став христианами, не сделались лучше.

Перейдя от истории Римской империи к истории народов, ее разрушивших, писал Вольтер, уподобляешься путешественнику, «который, выйдя из прекрасного города, оказывается в пустыне, покрытой терниями»²⁸. Все здесь внушает глубокое отвращение. Двадцать варварских наречий сменили прекрасный латинский язык, жалкие хижины встали вместо амфитеатров; феодальное правление — это хаос, в котором сильный подавляет слабого, а народ прозябает в состоянии рабства. Основную задачу всемирной истории Вольтер видел как раз в том, чтобы показать, «через какие ступени люди прошли от грубого варварства прежних времен к культуре нашего времени»²⁹.

Неукротимый и язвительный критик старого порядка, горячий сторонник общественно-политических преобразований, Вольтер, как и подавляющее большинство просветителей, не помышлял об их насильственном осуществлении. Возможность народного возмущения, самочинных неци-

²⁷ См.: Альбина Л. Л. Вольтер историк в своей библиотеке // Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 145.

²⁸ *Voltaire F. M. A. Oeuvres complètes*. P., 1877—1885. V. 1—52; V. 11. P. 246.

²⁹ *Ibid.* V. 24. P. 547.

вильзованных действий «невежественной и фанатичной толпы» внушала просветителю самые тревожные опасения, в том числе за судьбы собственности. Отсюда и его отношение к народным движениям в европейской истории — Жакерии, восстанию Уота Тайлера, Крестьянской войне в Германии и др. Вольтер понимал, что они были вызваны жестоким феодальным угнетением, ибо сеньоры «обращались с крестьянами, как с животными; но его отталкивали насильственные действия этих «мужланов» (rustres), которые защищали идею равенства людей методами «хищных зверей»³⁰.

Наилучшим путем решения назревших общественных проблем в духе требований разума казались реформы просвещенного монарха, «философа на троне». Дорогая Вольтеру идея «просвещенного абсолютизма» побуждала его к поиску ее воплощения в настоящем и исторического подтверждения в прошлом. Историк, не желавший писать «историю королей», но лишь «историю людей», пристально интересовался государями, в которых думал найти позитивный или негативный пример, — Карлом XII, Петром I, Людовиком XIV. Так, «изгнанная просветителями в дверь, история государей возвращалась в окно»³¹.

В целом, учитывая обусловленные временем и социальным кругозором достижения и пределы исторических воззрений Вольтера, можно утверждать, что выдвинутое им новое понимание содержания и задач исторической науки, отражение этого понимания в историографическом творчестве просветителя оказали сильное воздействие на развитие исторической мысли и оставили глубокий след в историографии.

Ж. Тюрго. С вольтеровским пониманием истории во многом перекликаются идеи, высказанные Тюрго, одним из ярких мыслителей и практических деятелей французского Просвещения. **Анн Робер Жак Тюрго** (1727—1781), младший современник Монтескье и Вольтера, специально

историей почти не занимался. Как теоретик он был прежде всего экономист, один из видных представителей и «завершитель» экономического учения физиократов — французской школы классической буржуазной политической экономии. Тюрго был и незаурядным государственным деятелем; с его именем связана самая крупная в XVIII в. попытка буржуазных реформ в начале 70-х годов. Не удавшаяся, как и все остальные, она вызвала вначале много надежд, ее приветствовали Вольтер, Д'Аламбер, Кондорсе...

При всем том Тюрго прочно вошел и в историю развития историко-социологической мысли. Он вошел в нее прежде всего как создатель первой цельной теории общественного прогресса. Ее блестящее изложение было дано в 1750 г. совсем еще молодым, 24-летним, Тюрго в небольшом труде (речи в Сорбонне) — «Последовательные успехи человеческого разума» и в относящихся к тому же времени двух набросках «Рассуждения о всемирной истории» (оно осталось незавершенным).

Идея закономерного и поступательного развития человеческого рода, его движения от низших форм к высшим выражена Тюрго с необычайной рельефностью: «...человеческий род, рассматриваемый с момента своего зарождения, представляется взорам философа в виде бесконечного целого, которое само, как всякий индивидуум, имеет свое состояние младенчества и свой прогресс»³². В соответствии со своей оптимистической концепцией Тюрго определял и задачу исторической науки. Всемирная история — это «рассмотрение последовательных успехов человеческого рода и подробное изучение вызвавших их причин»³³.

Концепция прогресса у Тюрго, в отличие от того, как понимал его Вольтер, — это концепция бесконечного и *непрерывного* прогресса; ее оценивают иногда как теорию *линейного прогресса*. Конечно, отмечал Тюрго, бывают времена упадка, кровавых войн, великих бедствий, но это не меняет того, что «весь человеческий род,

³⁰ *Voltaire F. M. A. Oeuvres complètes*. V. 30. P. 299, 454.

³¹ *Шапиро А. Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Л., 1982. С. 169.

³² *Тюрго А. Р.* Избранные философские произведения. М., 1937. С. 51.

³³ Там же. С. 78.

переживая попеременно спокойствие и волнения, счастливые времена и години бедствия, всегда шествует, хотя медленными шагами, во все большему совершенству»³⁴.

Движение по пути прогресса Тюрго считал всеобщим историческим законом, действие которого охватывает все области человеческого бытия — развитие разума, наук, искусств, свободы и творческой активности людей, их общественное устройство, способы добывания средств к жизни и т. д. Поэтому Тюрго не допускал мысли о наличии перерывов в поступательном движении истории: все эпохи «сплетены цепью причин и следствий, связывающих данное состояние мира со всеми предшествующими состояниями».

Подобно другим просветителям, Тюрго считал среневековые периодом глубокого упадка. Но, в отличие от большинства просветителей, он выделил и в истории средних веков элементы прогрессивного развития, которые проявлялись прежде всего в области «механических искусств», материальной цивилизации: «Какая масса изобретений, неизвестных древним и обязанных своим появлением варварскому веку! Ноты, векселя, бумага, оконное стекло, большие зеркальные стекла, ветряные мельницы, часы, зрительные трубы, порох, компас, усовершенствованное мореходное искусство, упорядоченный торговый обмен и т. д. и т. д.»³⁵. Усиливаются города, постепенно восстанавливается королевская власть. Все это подготавливает расцвет человеческого духа, наступающий в новое время. Именно механические искусства Тюрго считал такой сферой, в которой и во времена упадка культуры обеспечивается непрерывность прогресса.

В исторической теории Тюрго прослеживается материалистическая тенденция, развитие общества он ставил в зависимость от изменения форм экономической жизни. Тюрго создал схему основных этапов общественного развития, которая в различных вариантах воспроизводилась целым рядом других мыслителей XVIII в. Восхождение человечества по ступеням общественного прогресса, наметившееся и углубляющееся общественное неравен-

ство, согласно Тюрго, связаны с переходом от собирательства и охоты к скотоводству, а далее — к земледелию. Поскольку земледелие питает значительно больше людей, чем необходимо для возделывания земли, это ведет к разделению труда, появлению городов, торговли, искусств и т. д. В этой схеме, набросанной Тюрго в его «Рассуждении о всемирной истории», изменения в условиях материальной жизни выступают, таким образом, как определяющий фактор прогресса. Однако эта цепь рассуждений была звеном, но не концептуальной основой теории Тюрго. В конечном счете он приходил к общему для просветителей представлению об успехах разума, просвещения как главной силе исторического прогресса: «Все следует за движением разума»³⁶.

Концепция прогресса Тюрго была буржуазной в том смысле, что наилучшим возможным общественным устройством, соответствующим естественному праву и разуму, он считал, по существу, буржуазное общество. Тюрго оказал большое влияние на последующее развитие историко-социологической мысли, в частности на идеи прогресса, развивавшиеся в годы Французской революции (Кондорсе), а также на позитивизм Конта и его последователей.

Французские философы-материалисты. В 50—70-е годы XVIII в. во французском Просвещении выступила плеяда выдающихся философов-материалистов. Крупнейшими среди них были Дени Дидро (1713—1784), Клод Адриан Гельвеций (1715—1771), Поль Анри Гольбах (1723—1789). «Свою философскую задачу,— отмечает советский исследователь,— французские материалисты не ограничивали последовательным объяснением природы из нее самой и обоснованием материалистически-монистического понимания человека»³⁷. Большое внимание эти мыслители уделяли также антропосоциальной проблематике. Обращаясь к прошлому человечества, они не занимались специально вопросами философского осмысления человеческой истории. Но

³⁶ Тюрго А. Р. Избр. философск. произв. С. 86.

³⁷ Кузнецов В. Н. Французский материализм XVIII века. М., 1981. С. 190.

³⁴ Тюрго А. Р. Избр. философ. произв. С. 51.

³⁵ Там же. С. 68.

философам-материалистам XVIII в. был присущ пристальный интерес к проблемам бытия человека в обществе. Место их в разработке этих проблем определяется прежде всего тем, что они настойчиво старались применить к изучению общества принципы естественнонаучного материализма, желали «...уяснить общение людей из их материальных потребностей и способов их удовлетворения...»³⁸.

Исходным принципом общественных теорий философов-материалистов было представление о человеке как физическом существе, входящем неразрывной частью в «систему природы» (Гольбах). Чувственная природа человека толкает его к самосохранению, достижению личной пользы и удовольствия и в то же время побуждает избегать страдания. Поэтому земные жизненные потребности людей — забота о пище, одежде, жилище и т. д. — суть глубокий смысл человеческой жизни. Исходя из этого принципа, Дидро и Гельвеций объясняли и переход людей к общественному состоянию, и возникновение государства (П. Гольбах считал общественное состояние изначальным): общество необходимо людям для успешной борьбы с природой. «Природа, — писал Д. Дидро, — обрушилась на человека потребностями, которые она ему дала, и опасностями, коим она его подвергла; он должен был бороться с жестокостью времен года, с неурожаем и голодом, с болезнями и зверями»³⁹.

Материалисты предложили схему первоначальных этапов истории, близкую к схеме Тюрго, где в качестве определяющего момента выдвигались различные формы хозяйственной деятельности людей. По мысли Дидро, люди последовательно переходили от собирательства к охоте и рыбной ловле, затем к скотоводству и, наконец, к земледелию. На стадии земледелия возникли частная собственность (Дидро считал ее общественным, а не данным от природы институтом) и политическая организация.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 411.

³⁹ Цит. по кн.: Луппол И. К. Дени Дидро. М., 1960. С. 245—246.

Среди виднейших представителей французского материализма XVIII столетия наиболее пристальный интерес к антропосоциальным проблемам был присущ Гельвецию. Разработке этих вопросов были посвящены самые крупные его труды — «Об уме» (1758), «О человеке» (издана после смерти автора в 1773 г.). Для Гельвеция характерна особая последовательность в применении принципов материалистического сенсуализма к истолкованию социального бытия. Не случайно эти его идеи вызвали резкую критику деистов — Вольтера, Тюрго и некоторых других мыслителей.

Гельвеций хотел создать науку об обществе, основанную на столь же точных началах, как физика Ньютона; он хотел «развить идею, что законы, нравы людей зависят от физических причин. Изложить, доказать ее при помощи истории»⁴⁰. Исходным началом, достаточным для научного объяснения социальной жизни, Гельвеций считал присущую человеку физическую чувствительность. Человек, как любое живое существо, стремится к самосохранению. А это значит, что стремление избежать неприятных ощущений — голода, жажды, боли и т. д., стремление к личной пользе, т. е. любовь к себе, — всегда является движущим началом человеческих идей и поступков⁴¹, а значит — и жизни общества. «Голод заставляет дикаря проводить целых шесть месяцев на озерах и в лесах, учит его сгибать свой лук, плести сети и устраивать западни животным. Голод же заставляет у цивилизованных народов всех граждан работать, возделывать землю, учиться ремеслу и выполнять любые обязанности»⁴². Таким образом, Гельвеций вводил в свое учение определенный материалистический элемент: различные способы добывания материальных средств к жизни (охота, земледелие и т. д.)

⁴⁰ Гельвеций К. А. Соч. М., 1974. Т. 1. С. 90.

⁴¹ «Любовь к себе» в учении Гельвеция этически нейтральна, она вытекает из природы человека и ее не следует путать с себялюбием (эгоизмом) и самолюбием, стремлением первенствовать (см.: Кузнецов В. Н. Французский материализм XVIII века. С. 212—213).

⁴² Гельвеций К. А. О человеке. М., 1938. С. 76.

он рассматривал как определяющее начало смены основных этапов в начальный период человеческой истории.

Характерной чертой воззрений французских материалистов на человека и общество был антропологизм. Подчеркивая единство человека и природы, они не осознавали специфики законов развития общества, отождествляли их с общими законами природы в целом. Исходным началом их теоретических построений был абстрактный чувственный человек, интересы и потребности которого определяются не исторически определенными условиями его экономико-социального бытия, а прежде всего его неизменной физической, т. е. биологической, природой. Такой подход к человеку подталкивал к натуралистическому объяснению тех или иных исторических событий обстоятельствами физиологического или медицинского порядка. «Излишек едкости в желчи фанатика,— писал П. Гольбах,— разгоряченность крови в сердце завоевателя, дурное пищеварение у какого-нибудь монарха, прихоть какой-нибудь женщины — являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, посылать миллионы людей на бойню, разрушить крепости, превращать в прах города, погружать народы в нищету и траур...»; «Диета, стакан воды, кровопускание иногда могут быть достаточны, чтобы спасти от гибели царства»⁴³.

Ограниченность чисто натуралистического подхода к познанию общества была замечена самими философами-материалистами. Они пришли к мысли, что деятельность людей в обществе может быть объяснена не только природными, но и другими реальными причинами, в том числе сознательными мотивациями людей, их идеями. При этом в объяснении общественных явлений эти мыслители, при всем их внимании к происхождению идей из чувственного опыта, склонны были придавать определяющее значение именно идеям, мнениям — индивидуальным и массовым (Гольбаху принадлежит известная формула «мнения правят миром»). Особенно важными представлялись идеи и

продиктованные ими действия законодателей, правительств. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что представление о решающем воздействии идей (общественного сознания), законодательства на развитие общества у мыслителей XVIII в. не было спекулятивным построением, лишенным реального содержания. Оно было отражением — и **абсолютизацией** — реального факта: огромной роли указанных явлений в жизни общества и в его истории.

Французские философы-материалисты не создали материалистическую общественную науку, но они поставили вопрос о ее необходимости и сделали определенные шаги в этом направлении.

Не занимаясь специально историей, философы-материалисты, люди широко и всесторонне начитанные, занимали и определенную позицию в историко-политическом споре о происхождении и привилегиях французского дворянства. Дидро, как и большинство энциклопедистов, считал обоснованным германистический тезис, но решительно отвергал «исторические права» дворянства. Возможно, эти права были оправданы в прошлом тем, что дворяне выполняли необходимые для общества военные функции. Но эти времена давно прошли; дворянство утратило всякие полезные функции и, следовательно, свои исключительные права. Монархия же, которая во франкские времена была ограничена законом, выродилась в деспотию.

П. Гольбах считал «феодальное правительство» одним из худших видов тирании, происхождение которого коренится в беспорядках, разбое, войнах. Из этого же источника возникла и феодальная знать, земельное дворянство. Как и Дидро, он решительно отрицал за дворянством какое-либо право на исключительное положение. Дворяне не выполняют никакой полезной функции в обществе; «насилия диких предков — единственное основание их безумных притязаний»⁴⁴.

Гельвецию специальное изучение истории феодальных учреждений казалось делом не только бесплодным, но и мало-

⁴³ Гольбах П. Избранные произведения. М., 1963. Т. 1. С. 260, 261.

⁴⁴ Holbach P. La politique naturelle. Tours. L'An IV. V. 1. P. 94—95, 274—280.

достойным с точки зрения общественной. Он упрекал Монтескье за его исторический подход к установлению феодальных законов: «Является ли это темой, которую мудрый и рассудительный ум должен был избрать для исследования? Какое законодательство можно извлечь из этого варварского хаоса законов, которые были установлены силой и почитаемы по невежеству и которые всегда будут противопоставляться разумному порядку вещей?»⁴⁵. Мысль о закономерности возникновения феодальных законов воспринималась Гельвецием как их оправдание.

Г. Рейналь. В последней трети XVIII в. огромной популярностью во Франции и за ее пределами пользовалась многотомная «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (1770)⁴⁶, создателем которой был аббат **Гийом Томас Франсуа Рейналь** (1713—1796). Вышедшее в 1780—1781 гг. в десяти томах третье ее издание представляло собою в известной мере уже коллективный труд — в его составлении участвовали видные энциклопедисты, в их числе Дидро.

«История обеих Индий» — последнее по времени монументальное творение просветительской мысли, появившееся за 9 лет до революции. Оно позволяет судить о тех сдвигах, которые наметились в идеях буржуазного просвещения в 70—80-х годах в условиях нараставшего обострения социальных противоречий в стране, краха попытки буржуазных реформ Тюрго, мощного воздействия на Европу победы революции в Северной Америке.

В «Истории обеих Индий» впервые с позиций просветительского гуманизма была изложена история одного из важнейших явлений нового времени — колониальной политики европейских держав в странах Азии, Африки и Америки. В работе содержатся также исторические,

⁴⁵ Цит. по кн.: *Момджян Х. Н.* Французское Просвещение XVIII века. С. 101.

⁴⁶ О широкой популярности и общественном звучании книги Рейналя говорит тот факт, что только в конце XVIII в. на разных языках вышло около 70 ее изданий (см.: *Моряков В. И.* Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века. М., 1981. С. 14).

географические и иные сведения о европейских странах, о Китае, Японии, России, Индии, Америке, Африке. Это своеобразная всемирная история со времени географических открытий (с экскурсами в более ранний период) до XVIII в. включительно.

Естественноправовая социологическая доктрина определяла позиции составителей этой истории: важнейшие исторические явления рассматриваются и оцениваются с точки зрения трактуемых в духе буржуазного просветительства естественного права, неотъемлемых прав человека и естественной справедливости.

Вместе с тем историко-материалистическая тенденция, которую мы отмечали у энциклопедистов, приобретает в «Истории обеих Индий» вполне отчетливую форму. Важнейшей двигательной силой цивилизации Рейналь считал развитие ремесел, мануфактур, но в особенности торговли, которую ставил на первое место. Не случайно именно географические открытия и связанный с ними бурный рост торговли он считал началом нового времени. «Кто проложил эти каналы? Кто осушил эти долины? Кто основал эти города? Кто объединил, одел, цивилизовал эти народы?» — риторически спрашивал Рейналь, говоря о передовых странах Европы. Ответ для него ясен: «Это торговля»⁴⁷. Именно с развитием торговли Рейналь прежде всего связывал громадные и всесторонние перемены в европейской истории в XV—XVI вв.: ликвидацию крепостничества, подъем итальянских городов и Возрождение, возвышение Голландии и т. д.

Историческое прошлое рассматривается в «Истории обеих Индий» с позиций решительного осуждения феодального порядка, сословного неравенства, а также — в принципе — абсолютистской формы правления. В третьем издании труда отчетливо прослеживается радикализация общественно-политической ориентации буржуазно-просветительской мысли. Рейналь еще не вполне утратил надежду на возможность общественного преобра-

⁴⁷ *Raynal G. Th.* Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes. P., 1810. V. 1. P. 4.

Ж.-Ж. Руссо

зования волею просвещенного государя; но эта надежда явно слабела.

Напротив, подлинный энтузиазм Рейналя вызвала развертывавшаяся на его глазах Американская революция — Война за независимость в Северной Америке. Очерки ее истории, данные в 18-й книге «Истории обеих Индий», — это одновременно и пропаганда опыта этой революции.

Пристальный и сочувственный интерес вызывает история освободительных движений и революций XVI—XVII вв. — Нидерландской, Английской. Рейналь даже не останавливается перед выводом, что бунт является закономерным следствием тирании, «...страшным, но единственным средством, остающимся в распоряжении человечества в странах, угнетенных деспотизмом»⁴⁸. Но исторический опыт европейских народных движений с их массовым насилием и уравнительными поползновениями вызывает и тревожные опасения. Размышления Рейналя о периоде Крестьянской войны в Германии и учении анабаптистов перекликаются с мыслями Вольтера: «Химера равенства — самая опасная из всех химер в цивилизованном обществе... крестьяне одобрили ее с тем большим энтузиазмом и яростью, что иго, от которого она их освобождала, было еще более невыносимым»; но в результате были совершены лишь величайшие разбои и пре-

ступления»⁴⁹. В этом отношении тексты «Истории обеих Индий» идут в общем русле просветительского осмысления феномена народных бунтов и восстаний в истории. Высокую оценку находила в «Истории обеих Индий» «славная революция» 1688 г. в Англии: именно с этого времени «процветание Великобритании сравнялось и превзошло все наиболее яркое из того, что сообщает нам история»⁵⁰.

Важно отметить еще одну особенность исторического построения Рейналя: осуждение феодальных институтов переплетается здесь с резкой критикой методов первоначального накопления, характерных для этой переходной эпохи, прежде всего колониального грабежа и работорговли. Прошлое и настоящее колониальной политики, работорговля расцениваются как варварское преступление против природы и человечности. Рейналь был убежден в том, что колониальная система должна быть уничтожена, и он твердо верил в грядущее освобождение колоний. «Какой будет эпоха этой революции? Это неизвестно: необходимо, однако, чтобы она свершилась»⁵¹. Рейналь считал даже оправданным восстание негров-рабов против колонизаторов, призывал день, когда «испанцы, португальцы, англичане, французы, голландцы, все их тираны станут добычей пламени и огня»⁵².

Приведенные рассуждения Рейналя — один из примеров того, как просветительская мысль опережала свое время и, оставаясь буржуазной в своей основе, вырывалась временами за пределы современного ей буржуазного кругозора.

Ж.-Ж. Руссо. Ценный вклад в развитие историко-социологических идей внесли мыслители, принадлежавшие к демократическому крылу французского Просвещения и среди них прежде всего **Жан-Жак Руссо** (1712—1778). В отличие от большинства других корифеев французского Просвещения, принадлежавших не только к интеллектуальной, но и — в той или иной мере — социальной элите общества,

⁴⁸ Цит. по кн.: *Моряков В. И.* Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века. С. 82.

⁴⁹ *Raynal G. Th.* Op. cit. Т. 9. P. 95—96.

⁵⁰ *Raynal G. Th.* Op. cit. Т. 10. P. 87.

⁵¹ *Ibid.* P. 450.

⁵² *Ibid.* Т. 6. P. 109—110; Т. 1. P. 241—242.

Руссо, выходя из мелкобуржуазной среды, пришлось испытать и нищету, и горечь унижений. Даже став одним из самых почитаемых писателей, он жил и умер в бедности.

Один из наиболее глубоких и противоречивых мыслителей своего времени, Руссо не занимался специально историей; однако его воззрения явились важной вехой в развитии не только социально-политических, но и историко-социологических идей. В общественной мысли своего времени Руссо олицетворял демократическое, социально-уравнительное течение. Он выступил со страстным осуждением общественного неравенства — не только сословного, но и экономического. Стремясь выяснить происхождение этого зла и возможности его преодоления, Руссо обратился к рассмотрению прошлого человечества.

Исходным пунктом историко-социологического построения Руссо является рационалистическая гипотеза естественного состояния человечества, когда люди были еще близкими к природе дикарями, жившими сбором плодов, без общества, государства, без частной собственности. В дальнейшем рост численности людей, полагал Руссо, делал все более трудным удовлетворение их насущных потребностей и стимулировал свойственную человеку способность к совершенствованию. В результате возникали новые способы удовлетворения материальных нужд — рыбная ловля, охота, первые (каменные) орудия, умение пользоваться огнем, жилища. Люди становились оседлыми, появились семья и первые общественные связи, такое средство общения, как язык.

Именно этот период в истории человечества — наиболее длительный и счастливый. «Занятые лишь таким трудом, который под силу одному человеку, и только такими промыслами, которые, не требовали участия многих рук», люди жили «свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могут быть такими по своей природе»⁵³.

На следующей ступени совершенствуются орудия, возникает обработка металлов и земледелие. «Железо и хлеб

цивилизуют людей, но они же и погубили род человеческий, ибо среди порожденных им общественных перемен возникает величайшее зло — частная собственность, и на веселых нивах, заменивших девственные леса, взошли вместе с посевами рабство и нищета»⁵⁴. Именно появление частной собственности разрушает первоначальное равенство, порождает контрасты богатства и нищеты, порчу нравов, пороки и т. п. «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» — и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберечь бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!»⁵⁵

В возникающем таким образом обществе разгорается ожесточенная борьба между бедными и богатыми. Для охраны своего имущества богатые добиваются создания общественной власти и законов на основе «общественного договора» между людьми. При этом форма правления зависит от распределения собственности между гражданами. Там, где выделяется богатством и влиянием один человек, возникает монархия, где несколько богачей — аристократия, наконец, более или менее равномерное распределение собственности ведет к утверждению демократии.

В целом концепции Руссо присущи черты, характерные для умозрительно сконструированных естественноправовых построений XVIII в. «Начнем с того, что отбросим все факты...»⁵⁶ — так заявил Руссо в начале своего «Рассуждения о происхождении неравенства» и этим как бы провозгласил достаточность чисто аналитического, рационалистического метода. Влияние рационалистического образа мышления явно видно и в его теории «естественного состояния», и в идее «общест-

⁵⁴ Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. СПб., 1907. С. 78.

⁵⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 72.

⁵⁶ Там же. С. 46.

⁵³ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 78.

венного договора», в которой создание общества и государства выступает как сознательный акт.

Но вместе с тем историко-социологические взгляды Руссо обнаруживают более определенные, чем у других современных ему мыслителей, элементы материализма и историзма. Исторический процесс в системе Руссо разворачивается как единый и закономерный, а возникновение и смена общественных форм ставятся в тесную связь с развитием материальной жизни, появлением новых приемов производительной деятельности.

Взглядам Руссо на историю присущи были и гениальные диалектические догадки. Рассматривая развитие человеческого рода, Руссо показывает его исполненным глубочайших противоречий: с развитием цивилизации совершенствуются земледелие, промышленность, науки, искусства, но вместе с тем растет общественное неравенство, в нравы внедряются честолюбие, алчность, взаимная ненависть, государственная власть вырождается в деспотическое правление. «...Руссо,— заметил Энгельс,— видит в возникновении неравенства прогресс. Но этот прогресс был антагонистичен, он в то же время был и регрессом»⁵⁷.

Таким образом, в отличие от Вольтера, Тюрго, Кондорсе, Руссо отнюдь не считал прогресс цивилизации, в том числе и развитие наук и искусств, безусловным благом. Он доказывал, что этот прогресс, все большее удаление человека от природы есть одновременно падение нравов, рост неравенства, появление величайших общественных зол, и связывал все это с утверждением частной собственности.

Руссо уподоблял развитие человечества развитию любого живого организма, проходящего путь от детства до старости, к неизбежному одряхлению; его как раз и переживает современное общество в цивилизованных странах, и процесс этот необратим. Руссо не разделял восторженного оптимизма теоретиков прогресса в просветительской мысли XVIII в. Его социально-исторической концепции присущи черты пессимизма.

Правда, Руссо все же считал возможным задержать процесс дряхления. Для этого людям необходимо вернуться к природе, к простоте; это не значит, что он призывал вернуться в первобытные леса, в чем нередко упрекали Руссо его критики,— речь шла о том, чтобы вернуть человеческому обществу те принципы и законы, которые дарованы человеку природой. Свобода и демократическое народовластие, торжество естественной и чистой морали, смягчение крайностей бедности и богатства, умеренный достаток для всех — таковы средства врачевания общественных зол.

Г. Б. Мабли. Заметное влияние Руссо испытал один из наиболее авторитетных политических писателей второй половины XVIII в. аббат **Габриель Бонно де Мабли** (1709—1785). Подобно Монтескье и Вольтеру, Мабли не только живо интересовался историей, но и профессионально занимался ею, изучал источники и создавал исторические труды. По своим социально-политическим позициям Мабли принадлежал к совершенно иному крылу Просвещения, нежели корифеи старшего поколения просветителей.

Человек прямого и независимого характера, суровый моралист с аскетическим настроением, Мабли держался демократических воззрений, был противником абсолютизма; он отказался от кресла академика, чтобы не произносить положенного по ритуалу похвального слова Ришелье. Мабли осуждал частную собственность, видел в ней источник общественных зол; в историю общественной мысли он вошел как один из видных теоретиков утопического коммунизма в русле французского Просвещения.

Историю человеческого рода Мабли представлял как движение от естественного порядка, строя общности имуществ и совершенного равенства и свободы, к нынешнему состоянию, явно противоречившему природе человека. «Природа не провела межн на полях ... она не создала ни богатых, ни бедных»⁵⁸. Объяснение, которое Мабли давал возникновению частной собственности, значительно усту-

⁵⁷ Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 143.

⁵⁸ Мабли Г. Б. Избранные произведения. М., Л., 1950. С. 79.

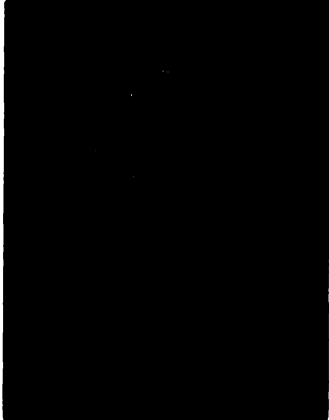
пало глубоким соображениям, которые высказывая по этому вопросу Руссо. Появление собственности настолько противоречит природе человека, «что я с трудом догадываюсь, — писал Мабли, — как люди дошли до учреждения собственности»⁵⁹. Возможно, леность некоторых граждан побудила остальных разделить участки.

Основав частную собственность, люди утратили естественный общинно-коммунистический порядок; на смену былой гармонии пришли раздоры и борьба между различными классами людей. Вся история с этого времени представляется Мабли регрессом, все большим отступлением от законов природы. Исторический процесс является, таким образом, линейным, но, в противовес Тюрго, движение его у Мабли (как и у Руссо) является не восходящим, а нисходящим. Этот общий пессимистический взгляд он распространял и на историю современной ему Европы. Особенно усилилось это попятное движение с XVI в. — именно с этого времени усиливается рост богатств, главного врага природы, развиваются торговля, мануфактуры, которые низводят работников до самого низменного положения. Мабли вел резкую полемику с основателями буржуазной политической экономии, физиократами, которые прославляли рост общественного богатства, считая его основой процветания нации, а в частной собственности и свободе распоряжения ею видели естественное и неизбежное начало общественного устройства.

Сами люди, их нравы, считал Мабли, непоправимо перерождаются, ими руководят стяжательство, честолюбие и другие губительные страсти. Человеческая душа настолько отошла от первоначальной добродетели, что возврат к утраченному строю общности в цивилизованных странах уже невозможен. Более осуществимой представлялась Мабли эгалитарная программа Руссо.

Социально-политические идеи Мабли сказались в его исторических трудах. Свое понимание содержания и задач исторической науки Мабли подробно изложил в двух работах — «О способе написания

⁵⁹ Мабли Г. Б. Избранные произведения. М., Л., 1950.

Г. Мабли

истории» (1775) и «Об изучении истории» (1778). В его концепции сильны морализирующее начало и прагматическое понимание предназначения истории. Начальный параграф своего труда «Об изучении истории» Мабли озаглавил: «История должна быть школой морали и политики»⁶⁰. Именно в этом качестве она имеет прежде всего значение и смысл. Историк обязан изучать «естественную политику», которая основана на законах, установленных самой природой; эти законы неизменны, как и сама природа. Люди были бы счастливы, если бы неизменно следовали им. Руководствуясь этой путеводной нитью, историк должен выносить моральные и политические оценки прошлым деяниям людей и той существующей в истории реальной политике, которая, в отличие от естественной, является «плодом страстей, вводящих в заблуждение наш разум»⁶¹. Задача истории — просвещать умы; она должна также направлять сердца, побуждая их любить добро. «Люди, стоящие у власти, почерпнут в ней просвещение, нужное для управления республикой, остальные — познают обязанности гражданина»⁶².

Мабли много занимался античной историей. Он посвятил ей книги «Замечания о грехах» (1743; книга была переведена Радищевым на русский язык и издана в

⁶⁰ Mably G. B. de. Oeuvres complètes. L. 1789. T. XII.

⁶¹ Mably G. B. de. Op. cit. T. XII. P. 331.

⁶² Ibid. P. 348.

Петербурге в 1773 г.), «Замечания о римлянах» (1751). В античной истории Мабли искал уроки гражданской добродетели, преданности свободе. Он использовал ее и для аргументации идеи общности имущества. Работы Мабли способствовали внедрению античной истории, просветельски истолкованной, в политическое сознание образованного общества, тому, что факты и имена из времен античности стали своеобразным понятийным кодом в политической полемике, а затем и в политической борьбе периода Французской революции.

В большом труде «Замечания по поводу истории Франции» (1765—1788) Мабли рассматривал историю страны от варварских завоеваний до царствования Людовика XIV. Вслед за Монтескье Мабли развивал германистскую концепцию, но он создал своеобразный ее демократический вариант. Вторгшись в Галлию, франки, по мнению Мабли, принесли с собою общественный порядок, отличавшийся свободой и народовластием. Они освободили население Галлии от римского деспотизма и образовали с ним единый народ. Но величайшей ошибкой было то, что «едва утвердившись в Галлии, наши предки не приняли необходимых предосторожностей, чтобы помешать одной части общества увеличивать свои богатства и свое могущество за счет другой»⁶³. В результате свобода и права народа были узурпированы знатью и в стране установился феодальный порядок.

История Франции предстает в труде Мабли как процесс узурпации аристократией исконных прав народа; почти все в этой истории не соответствует законам природы, она представляет собой долгие века варварства и нелепого феодального правления. Мабли обличал «бесчисленные узурпации сеньоров», клеймил политику королей (кроме высоко им почитавшегося Карла Великого), деспотическое правление Ришелье и Людовика XIV.

Труд Мабли был основательно документирован: более трети текста составляют «примечания и доказательства», содержавшие обширные цитаты из источников.

Книга сохраняла научное значение и общественную актуальность еще в первые десятилетия XIX в. В 1823 г., когда шла борьба с режимом Реставрации, Ф. Гизо выпустил новое ее издание, предпослав ему целый том дополнений и комментариев (который, в свою очередь, выдержал в 20—40-е годы семь изданий).

Развитие исторической мысли во время Французской революции. Громадное воздействие на все последующее развитие историко-социологической мысли и историографии оказала Великая французская революция. Это воздействие в особенности сказалось в послереволюционное время, когда в полной мере выявились исторические последствия революции — во всей их масштабности и в то же время в их противоречивости.

В ходе революции французская историческая мысль и историография также испытывали сильное влияние разразившегося в стране революционного процесса. Это влияние не было однозначным. Участники и сторонники революции воспринимали ее как решительный разрыв со всем прошлым, как начало совершенно новой эпохи. Это нашло отражение в понятии «старый порядок» (*l'ancien régime*), которым вскоре после взятия Бастилии стали обозначать дореволюционное время, во введении в 1793 г. нового летосчисления — с 1789 г. отсчитывался «первый год свободы», с сентября 1792 г. — IV год свободы, I год Республики. «В сущности, только с Революции берет свое начало история Франции», — писал в X году Республики известный журнал «Философские декады»⁶⁴. В рамках такого подхода прошлое, т. е. история, по крайней мере история Франции, представало как предмет, достойный не столько внимательного изучения, сколько сурового осуждения и забвения.

Неудивительно, что в различных архивных документах, унаследованных революционным поколением от многовековой истории Франции, многие деятели революции, в том числе люди высокой образованности и культуры, видели не ценный исто-

⁶³ *Mably G. B. de. Collection complète des oeuvres. P., 1794—1795. T. 3. P. 300.*

⁶⁴ Цит. по кн.: *Ehrard J., Palmade G. L'Historique. P., 1964. P. 49.*

рический источник, а лишь опасное воплощение отвергнутого старого порядка. Специальные декреты, принятые Законодательным собранием летом 1792 г., предписывали уничтожение документов из фамильных архивов дворянской знати, бумаг сеньориальной администрации и других текстов подобного рода, которые, говорилось в декрете, «самим своим существованием бросают вызов идее равенства». Позднее, в ноябре 1793 г., один из депутатов говорил с трибуны Конвента: «Не иначе как с явным отвращением взирают республиканцы на собрания рукописей, хранящих следы столь многочисленных насилий над достоинством человека». Множество старинных документов — порой целые собрания бумаг и пергаментов — было использовано в качестве макулатуры, отправлено в тяжелые годы войны в арсеналы для изготовления патронов, предано сожжению⁶⁵.

Все эти обстоятельства не стимулировали изучение исторического прошлого. В своем курсе историографии видный знаток революционной эпохи Ж. Лефевр констатировал временное падение интереса к истории в этот период⁶⁶. Сказалось и то, что были ликвидированы некоторые учреждения, занимавшиеся исследованием истории и публикацией источников. В 1793 г. были закрыты Французская академия, Академия надписей, упразднены старые университеты, в 1792 г. — церковные конгрегации. В итоге прервалось «эрудитское» направление в историографии, была временно прервана публикация начатых в конце XVII—XVIII в. многотомных собраний документов.

При всем том деятелям революции не было чуждо понимание общественной значимости исторических знаний, прежде всего их воспитательной роли. Разрабатывая новую систему образования, Конвент предусмотрел преподавание истории в созданных им средних школах (так называемых центральных школах, замененных при Наполеоне лицеями). Преподавателю над-

лежало побуждать учеников «с восхищением устремлять свои взоры на те достопамятные события, которые принесли им свободу»⁶⁷. Курс истории был введен и в Нормальной (педагогической) школе, созданной Конвентом осенью 1794 г. для подготовки учителей (школа имела временный характер). При Национальной библиотеке в 1795 г. был организован постоянный курс археологии. В том же, 1795 году, Конвент постановил создать вместо упраздненных дореволюционных академий новое высшее научное учреждение — Французский институт наук и искусств (с рядом изменений он существует доныне как Французский институт — Institut de France), разделенный на три отдела («класса»); третий из них — «класс моральных и политических наук» — включал и историю. Институт пользовался значительным общественным влиянием. Одной из форм поощрения научных исследований были специальные конкурсы на объявленные институтом темы, в их числе темы по истории. Так, в апреле 1799 г. была предложена конкурсная тема «В чем причины развития духа свободы во Франции от времени Франциска I и до созыва Генеральных штатов в 1789 г.»⁶⁸.

Предавая уничтожению по идеологическим и политическим мотивам многие исторические документы, Французская революция в то же время впервые создала упорядоченную государственную систему архивных учреждений во главе с Национальным архивом в Париже. Организуя ее, Конвент руководствовался соображениями практического порядка: важно было сохранять документы текущей деятельности государства, бумаги, связанные с национальными имуществами и т. д. Но для классификации архивных фондов была предусмотрена и особая «историческая секция», включавшая документы, нужные для истории науки и искусств во Франции⁶⁹. Для последующих поколений ученых-историков большое значение имел декретированный Конвентом, действующий и поныне принцип сво-

⁶⁵ Филиппов И. С. Великая французская революция и судьба феодальных архивов // Французский ежегодник. 1987. М., 1989.
⁶⁶ См.: Lefebvre G. La naissance de l'historiographie moderne. P., 1971. P. 154—156.

⁶⁷ Ehrard J., Palmade G. Op. cit. P. 51.

⁶⁸ Godechot J. Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P., 1951. P. 468.

⁶⁹ См.: Тарле Е. В. Национальный архив в Париже // Тарле Е. В. Соч. В 12 т. М., 1958. Т. IV. С. 598—607.

бодного доступа в национальные архивы всех граждан.

Французская революция поставила перед ее деятелями и ее теоретиками, соединявшимися, как правило, в одном лице, много новых и жгучих проблем, которые настоятельно требовали решения. Тем самым революция уже с первых лет дала сильнейший импульс общественной мысли, в частности историко-социологической.

С точки зрения духовных, идейных истоков Французская революция была детищем Просвещения, совершенной им «революции в умах». Это хорошо понимали и те деятели просветительского движения во Франции, которым довелось воочию увидеть революцию; в 1789 г. они горячо приветствовали ее первые шаги⁷⁰. Правда, развитие революции пошло не тем путем упорядоченного общественного преобразования, совершаемого в духе требований разума мудрыми законодателями, о котором помышляли «философы». На ход событий все более жестко воздействовало народное насилие, радикальное практическое истолкование получали выдвинутые Просвещением принципы. И вот уже в середине 1791 г. Г. Рейналь, столь смело обличавший старый порядок в своей «Истории обеих Индий», восклицал в письме Национальному собранию: «Да нет же, мы никогда не говорили, будто смелые философские концепции следует буквально проводить в жизнь в качестве государственных законов... что же я вижу вокруг?.. Правительство, являющееся рабом народной тирании, святилище законов, окруженное безумцами, желающими или их диктовать, или бросать им вызов... общественная сила не существует более нигде, кроме клубов, в которых невежественные и грубые люди осмеливаются судить любую политическую проблему»⁷¹. Большинство энциклопедистов отошли от революционного движения еще до падения монархии в 1792 г.

Однако независимо от политических позиций, которые заняли в эти годы до-

жившие до падения старого порядка энциклопедисты, унаследованные от Просвещения общественные идеи продолжили активно «работать» в ходе революции. Они влияли на принимавшиеся ею решения и, в свою очередь, развивались под воздействием революционной практики.

Сами деятели революции осмысливали ее именно в русле просветительской общественной мысли. Их историческое сознание было отмечено рационалистическим, универсалистским подходом; революцию они понимали как великий переворот, который приведет, наконец, к торжеству разума, естественных и неотъемлемых прав человека. Тем самым революция выступала воплощением истинных интересов и чаяний не только французов, но и всего человечества. С точки же зрения национальной французской истории революция представлялась восстановлением исконных прав французской нации (третьего сословия), поправленных в результате узурпаций, совершенных дворянством в смутные времена феодализма. Правда, далеко не всегда мыслители революционного поколения могли найти ответы на поставленные жизнью вопросы в теоретическом наследии просветителей. Уже в ходе революции формировались идеи, которые намечали новые пути понимания общества и его истории.

Ж. А. Кондорсе. Просветительскую линию исторической мысли, восходившую к Вольтеру и Тюрго, продолжил во время революции **Жан Антуан Кондорсе** (1743—1794). Известный математик, философ-просветитель, социолог, маркиз Кондорсе принадлежал к младшему поколению энциклопедистов и был среди них одним из немногих, кто вплоть до 1793 г. активно участвовал в революционном движении, был членом Конвента. Близкий к жирондистам, он после их падения вынужден был скрываться; арестованный в марте 1794 г., он умер в тюрьме. Находясь в подполье, Кондорсе создал главное свое философско-историческое произведение, исполненное исторического оптимизма, «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»⁷².

⁷² Работа представляет собой развернутый конспект задуманного Кондорсе большого труда, который он не успел завершить.

⁷⁰ Из 205 выявленных сотрудников «Энциклопедии» более 50 дожили до революции, почти 40 — пережили террор, многие — Империю (см.: *Собуль А. Философы и Французская революция*//Французский ежегодник. 1982. М., 1984. С. 145).

⁷¹ *Собуль А. Указ. соч. С. 145.*

В духе «философской истории» века Просвещения Кондорсе стремился развить общую концепцию истории человеческого рода, наметить схему ее последовательных этапов и определить место в этом процессе Французской революции. Ведущей идеей историко-социологической концепции Кондорсе является идея прогресса. Хотя еще в середине XVIII в. Вольтер и в особенности Тюрго обосновывали теорию прогресса, тем не менее, как отмечала О. Старосельская-Никитина, «первая разработанная теория единого последовательного процесса изменений в истории человечества как целого и притом изменений к лучшему, с точки зрения этого целого, принадлежит Кондорсе»⁷³. Вся история человечества, согласно Кондорсе, это последовательное и постепенно ускоряющееся поступательное движение ко все более разумному, соответствующему велениям природы порядку вещей.

Главными критериями прогресса были для Кондорсе развитие разума и научного познания мира, успехи в достижении свободы. Кондорсе была присуща глубокая убежденность в том, что существует тесная, неразрывная связь между просвещением и политической и гражданской свободой. При этом первопричиной и двигательной силой прогресса человеческого рода он считал именно прогресс разума, рост просвещения и научных знаний.

Эти принципы положены Кондорсе в основу периодизации истории, в которой он выделил 9 эпох. Первые пять эпох охватывают развитие человечества от первобытных времен до античности. Период, наступивший в Европе с падением Римской империи, т. е. первые века средневековья (шестая эпоха), Кондорсе считал временем глубокого упадка. Начатки просвещения существовали, однако, в городах, и это предвещало его последующее возрождение. В следующую, седьмую эпоху — от XI в. до изобретения книгопечатания — человеческий разум вновь обретает утраченную энергию, совершаются важные изобретения, начинают расшатываться суеве-

Ж. Кондорсе

рия, в городах, даже в некоторых государствах (Италии, Швейцарии, Англии) появляются ростки свободы.

Но особенное ускорение прогресса приносит восьмая эпоха — «от изобретения книгопечатания до периода, когда науки и философия сбросили иго авторитета», т. е. время от конца XV до середины XVII в.; человеческий разум «поднимает свои цепи, ослабляет некоторые из них и, приобретая непрерывно новые силы, подготавливает и ускоряет момент своей свободы». Этот момент, согласно Кондорсе, наступает в девятую эпоху — «от Декарта до образования Французской республики»: разум «окончательно разбивает свои цепи». Именно в эту эпоху после долгих заблуждений люди дошли, наконец, до понимания «истинных прав человека», а также до понимания того, что поддержание этих прав является «единственным мотивом соединения людей в политические общества». Понимание прав человека, желание улучшить участь народа, ненависть к фанатизму перешли постепенно в сознание разных классов общества.

В этих условиях, пишет Кондорсе, великая революция — установление принципов разума и природы — была неминуема. Сначала она совершилась в Северной Америке, и мир впервые увидел, как великий народ, освободившись от своих цепей, «дает своей стране конституцию и законы». В Европе первый толчок этой великой революции дала Франция — страна, где «народ был одновременно наиболее просвещенным и одним из наименее свободных».

С энтузиазмом приветствуя обе революции, Кондорсе высказал и некоторые суж-

⁷³ Старосельская-Никитина О. Очерки по истории науки и техники периода Французской буржуазной революции 1789—1794 гг. М., Л., 1946. С. 248.

А. Барнав

дения сравнительно-исторического порядка. При этом он обращался не только к духовным и политическим, но и к социальным аспектам их истории. Различие этих революций он видел в том, что Американская революция не имела надобности разрушать феодальную тиранию, уничтожать наследственные привилегии, ликвидировать религиозную нетерпимость. Напротив, Французская революция «должна была охватить всю экономическую жизнь общества, изменить все социальные отношения и проникнуть до последних звеньев политической цепи...». Поэтому она была более полной, чем Американская, «более нарушила внутренний мир». «Французы... атаковали одновременно и деспотизм королей, и политическое неравенство... и надменность дворянства, и господство... духовенства, и злоупотребления феодалов...»⁷⁴

Кондорсе был убежден в высоком предназначении исторической науки. В отличие от многих просветителей, он видел в ней отнюдь не только «школу морали и политики». История ценна прежде всего тем, что она создает возможность предвидения. Ее изучение позволяет предвидеть прогресс человеческого рода, направлять и ускорять его, «начертать с некоторой правдоподобностью картину будущих судеб человеческого рода по результатам его истории». Основываясь на этой идее, Кондорсе добавил к выделенным им в истории девяти

эпохам еще одну, десятую — «о будущем прогрессе человеческого разума».

Устремляя взоры в будущее, Кондорсе исполнен величайшего исторического оптимизма. Он убежден, что дальнейшее совершенствование разума, постижение тайн природы и законов, управляющих обществом, дальнейшее «совершенствование социального искусства» приведут в конце концов к преодолению неравенства между нациями, к устранению крайностей нищеты и чрезмерного богатства, исчезновению неравенства прав между полами. Необыкновенного усовершенствования достигнет не только духовная, но и физическая природа человека, освобожденного от болезней, продлившего протяженность жизни настолько, что это трудно пока предвидеть. Прогресс охватит и ныне отсталые и колониальные народы Азии, Африки. Наступит момент, «когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума».

Развитая Кондорсе идея линейного прогресса — теория рационалистическая, лишенная элементов диалектики. Ей присуще своеобразное телеологическое (хотя и чисто светское) видение истории: ее развитие обретает цель и провиденциальное завершение — неизбежное торжество разума и свободы, общее благо, как понимал их Кондорсе — просветитель и смелый буржуазный революционер. Но его концепция содержит также глубокие исторические наблюдения и гуманистические прозрения незаурядного мыслителя и гуманиста.

А. Барнав. Оригинальную историко-социологическую концепцию разработал в годы Французской революции **Антуан Барнав** (1761—1793). Выходец из кальвинистской семьи гренобльского адвоката и сам адвокат, Барнав был видным деятелем первых лет революции; в неполные тридцать лет он стал одним из авторитетных лидеров умеренных монархистов-конституционалистов. С роспуском Учредительного собрания он отошел от активной политической жизни и, вернувшись на родину, в Гренобль, занялся осмыслением происходивших событий. Здесь в 1792 г. было создано его основное историко-философское произведение «Введение

⁷⁴ Кондорсе Жан Антуан. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 187—188.

во Французскую революцию», представлявшее своеобразную попытку исследования причин и значения революции; тогда же были написаны и другие его работы⁷⁵. После восстания 10 августа 1792 г. Барнав был арестован за его связи с королевским двором. Он был гильотинирован в ноябре 1793 г.

Решающее влияние на формирование исторических взглядов Барнава оказали Монтескье и физиократы. Барнав исходил из твердого убеждения в закономерности и прогрессивности исторического развития человечества. Среди множества причин, определяющих политическое развитие, писал он, имеются такие, «постоянное и правильное действие которых настолько преобладает над действиями причин случайных», что через определенный отрезок времени «они необходимо производят свое действие»⁷⁶.

Стремясь определить объективно действующие силы исторического процесса, Барнав выступал как плюралист. Он указывал на целый ряд взаимодействующих в истории факторов — «социальный период», которого достиг народ (т. е. определенный уровень общественных отношений), географические условия его жизни, его богатства, потребности, привычки, нравы⁷⁷. При этом первенствующую роль Барнав отводил материальным, экономическим факторам, таким, как рост населения и связанное с ним увеличение материальных потребностей, изменение способов добывания жизненных благ и изменение форм собственности.

Именно собственности Барнав придавал особое значение, когда пытался объяснить причины смены различных политических форм общества. Под этим углом зрения он пересматривал традиционную схему физиократов. Если, занимаясь охотой, человек «едва знаком с собственностью» и земля является достоянием всех, то

уже в пастушеском состоянии «собственность начинает влиять на учреждения». С переходом же к земледелию, когда в частном владении оказывается и земля, право собственности распространяется, пронизывает все отношения, «все более могущественно влияет на распределение власти»⁷⁸. Именно господство земельной собственности и неизбежно возникающее при этом неравенство в ее распределении являются, согласно Барнаву, основой аристократического или феодального правления.

Дальнейший «естественный ход обществ», увеличивая население и развивая средства удовлетворения материальных потребностей, ведет к основанию мануфактур, торговли и к возникновению «промышленной собственности». В результате «подготавливается революция в политических законах: новое распределение богатств производит новое распределение власти. Так же, как обладание землями возвысило аристократию, промышленная собственность возвышает власть народа (т. е. буржуазии.— А. А.)...»⁷⁹

Эти общие социологические принципы Барнав стремился применить к анализу конкретной истории основных стран Западной Европы от античности до Французской революции. Главную свою задачу он видел в том, чтобы понять, каков был «ход развития, общий всем европейским образам правления», который «подготовил во Франции демократическую революцию и привел к тому, что она вспыхнула в конце XVIII века»⁸⁰. Поэтому он интересовался главным образом историей последних столетий.

Главной чертой «великой революции», которую совершило в европейских институтах развитие промышленности и движимой собственности, Барнав считал постепенное возрастание силы народа (т. е. буржуазии) и падение мощи и влияния аристократии. Важным шагом в ходе этого процесса он считал Английскую революцию, в которой видел явление того же порядка, что и в революции во Франции — «демократический

⁷⁵ Все они остались не известны современникам; впервые были изданы в 1843 г.: *Barnave A. Oeuvres*. P., 1843. V. 1—4. В 1960 г. вышло отдельным изданием его «Введение во Французскую революцию» (*Barnave A. Introduction à la Révolution française*. P., 1960.) В дальнейшем ссылки даются по этому изданию.

⁷⁶ *Barnave A. Introduction...* P. 1.

⁷⁷ См. *Ibid.* P. 3.

⁷⁸ *Barnave A. Introduction...* P. 6—7.

⁷⁹ *Ibid.* P. 9.

⁸⁰ *Ibid.* P. 14.

взрыв», направленный против земельной аристократии⁸¹. Растянувшийся на ряд столетий подъем промышленной, движимой собственности подготовил и Французскую революцию. Ее запоздание по сравнению с Английской Барнава объяснял географическими особенностями: если приморское расположение Франции у скрещения важнейших торговых путей способствовало развитию промышленности и движимого богатства, то значительность ее земельного пространства обусловила силу и устойчивость господства земельной аристократии⁸².

Барнава увидел в истории Европы последних столетий борьбу классов, т. е. борьбу определенных сил, стоявших за противоборством форм собственности. Он обозначил ее как борьбу «аристократии» и «народа», «демократии», «третьего сословия». Но он отрицал неизбежность борьбы внутри противостоящего аристократии «народа». Как незаурядный мыслитель и трезвый политик, он видел внутри «демократии» бедных и богатых, собственников и несобственников; но он полагал, что природа «промышленного богатства» такова, что ведет к смягчению крайностей бедности и богатства.

Таким образом, как социологическим идеям Барнава, так и его конкретно-историческим построениям свойственны ясно выраженные материалистические тенденции, а также черты историзма, необычные для общественной мысли его времени; различие, например, с рационалистической теорией Кондорсе бросается в глаза. Конечно, подчеркивая особую роль смены форм собственности в истории, Барнава отнюдь не пришел к той научной трактовке этой проблемы, которая была выдвинута позднее основателями исторического материализма. Столкновение земельной и движимой, или промышленной, собственности для него это прежде всего столкновение различных в своем вещественном выражении видов материальной деятельности, а не различных типов производственных отношений, обусловленных определенной степенью развития производительных сил.

⁸¹ См.: *Полов-Ленский И. А.* Антуан Барнава и материалистическое понимание истории. М., Л., 1924. С. 182—186.

⁸² См.: *Barnave A.* Introduction... P. 47.

При всем том Барнава был первым и единственным из современников, кто постарался связать Французскую революцию с процессами не только духовной и политической, но и социально-экономической истории и дал своеобразную «экономическую» интерпретацию ее происхождения.

Увлеченный концепцией Барнава Ж. Жорес, впервые обративший на нее внимание, усмотрел в ней предвосхищение материалистического взгляда Маркса на историю⁸³. Выше отмечалось, что идеи Барнава не дают оснований говорить о подобном предвосхищении; для этого еще не сложились ни интеллектуальные, ни социально-экономические условия. Яркая вспышка материалистической мысли, которой отмечено «Введение во Французскую революцию», была обусловлена новым опытом, который дала революция, обнажив связь между политикой и экономическими интересами. Барнава уловил эту связь. «...Вовсе не метафизические идеи, а реальные интересы,— говорил он в 1791 г.,— увлекли массы на революционный путь».

Что касается интеллектуальных истоков мысли Барнава, он, по сути, синтезировал в условиях революции ту материалистическую тенденцию, которая пробивала себе дорогу сквозь рационалистическое объяснение истории в просветительской мысли середины — второй половины XVIII в. Таким образом, историко-социологические воззрения Барнава впитали достижения просветительской мысли. В известной мере они предвосхищали идеи буржуазного историзма первой половины XIX в.

К. Ф. Вольней. Для дальнейшего развития исторической мысли в революционные годы характерны труды **Константена Франсуа Шасбёфа**, принявшего имя **Вольней** (1757—1820). Видный ученый-ориенталист, Вольней участвовал в революции; он был депутатом Учредительного собрания, в политическом плане был близок к жирондистам. В 1791 г. Вольней создал работу «Руины, или Размышления о революциях империй», в которой попытался раскрыть общие причины возвыше-

⁸³ См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. М., 1977. Т. I. С. 136—138.

ния и падения государств на протяжении веков человеческой истории. Написанная в разгаре борьбы вокруг церковной реформы, эта работа является и ярким антирелигиозным памфлетом. Арестованный во время якобинской диктатуры и освобожденный после термидора, Вольней прочитал в 1795 г. «Лекции по истории» в созданной Конвентом Нормальной школе, в которых выдвинул ряд интересных идей о сущности и значении исторической науки.

По своему общему мировоззрению Вольней был близок энциклопедистам, защищал сенсуализм французских материалистов. Во взглядах на задачи исторического исследования он продолжал традицию Вольтера и Тюрго. Как и Гельвеций, Вольней хотел создать науку об обществе, чуждую всякого религиозного начала, являющуюся частью других наук о природе. Следуя традиции Вольтера и Тюрго, Вольней решительно настаивал на идее прогресса в историческом развитии человечества. «Человек — творец! — писал он в «Руинах». — Воздаю тебе хвалу и дань уважения! Ты измерил пространство небес, вычислил массу звезд, обуздал бороздящую тучи молнию, укротил моря и грозы, подчинил себе стихии»⁸⁴.

Вольней сделал интересную для того времени попытку исторически объяснить происхождение и развитие религиозных верований. Наряду с обычными для XVIII в. представлениями об обмане и невежестве как источнике религиозных заблуждений он выдвинул и более глубокие суждения, связывая их возникновение и развитие с фантастическим отражением в сознании человека окружающей его социальной среды, материальных условий жизни и производственной деятельности. Представления о боге, «как и все представления, имеют своим источником физические предметы и возникают в сознании человека в результате испытанных им ощущений. Эти представления обусловлены его потребностями, обстоятельствами его жизни, зависят от степени развития человеческого познания»⁸⁵.

Взгляды Вольнея на место истории среди других наук были им изложены в «Лекциях по истории». История, по мнению Вольнея, принципиально отличается от наук физических и математических. Первые имеют дело с фактами, реально существующими, непосредственно наблюдаемыми, доступными ощущению. В истории факты не осязаемы, они как бы мертвы⁸⁶, их нельзя воспроизвести; следовательно, исторический факт никогда не обладает той степенью достоверности, как факт физический. Не впадая в скептицизм, Вольней отстаивал необходимость строгой проверки исторических фактов с точки зрения их достоверности и доброкачественности сообщающих их источников. С этих позиций Вольней подверг критическому рассмотрению различные типы источников — устные предания, рукописные и печатные материалы. Поставив, подобно Вольтеру, проблему исторической достоверности, Вольней связал ее с общим вопросом о познавательных возможностях истории как науки, об особенностях и пределах исторического познания.

Решая вопрос о «методе написания истории», Вольней особенно подчеркивал принцип универсализма. История должна быть всемирной историей, «сравнительной историей народов», она должна рассматривать прошлое различных народов в сравнении, сопоставлении.

Г. Бабёф и бабувисты. Особое место в истории социальных движений и в развитии общественной мысли периода Французской революции занимает «движение во имя равенства», или «заговор равных», во главе которого стояли **Грах (Франсуа Ноэль) Бабёф** (1760—1797) и его соратники (**бабувисты**). В этом движении впервые за время революции на арене общественно-политической борьбы выступила коммунистическая тенденция.

В условиях громадного обострения социальных контрастов в послетермидоровской Франции бабувисты готовили восстание во имя установления строя «самого совершенного равенства», без частной соб-

⁸⁴ Вольней К. Ф. Избранные атеистические произведения. М., 1962. С. 49.

⁸⁵ Там же. С. 144.

⁸⁶ См.: Volney C. F. Leçons d'histoire, prononcées à l'École Normale en l'An III de la République française. P., 1810. P. 2.

ственности и нищеты. Выданные предателем руководители движения были арестованы, двое из них — Бабёф и Дарте — казнены в мае 1797 г.

Революционный уравнительный коммунизм бабувистов, которые представляли коммунистический строй еще в виде аграрного и ремесленного общества, создающего одинаковый для всех «умеренный и скромный достаток», отражал идеалы и упования доиндустриального пролетариата и пролетаризированных бедняков.

Идеи утопического коммунизма выдвигались и в предыдущие годы революции. Но только в «движении равных» эти идеи стали знаменем организованного политического движения, которое поставило конечной целью установить революционным путем коммунистический строй. Эта их особенность определила и некоторые важные черты выдвинутых бабувистами идей.

В плане теоретическом коммунистический идеал бабувистов сформировался в русле просветительского мировоззрения. Он основывался на естественноправовой теории и рационалистическом подходе к осмыслению общества, аргументация бабувистов базировалась прежде всего на этических постулатах. Однако опыт классовой борьбы во время революции, тот факт, что вопрос о достижении идеального общества «совершенного равенства» стал для них вопросом практической революционной борьбы, обусловили появление в их воззрениях (при незыблемости старых общетеоретических основ) ряда новых идей, в том числе и в области понимания исторического процесса. Потребность обосновать неизбежность новой, коммунистической революции побудила бабувистов окинуть новым взглядом весь ход предыдущей истории, прежде всего с точки зрения той борьбы, которая развертывается в ходе ее за установление справедливого, соответствующего природе общественного порядка.

В воззрениях Бабёфа занимал центральное место вопрос о связи имущественного неравенства с существованием и развитием института частной собственности. Оставаясь в целом на почве теории естественного права, Бабёф был убежден, что право частной собственности не входит

в число естественных прав: «...происхождение его грязно и незаконно... оно порождено отвратительным пороком — алчностью, и само порождает все прочие пороки... все горести жизни, все разновидности бедствий и мук»⁸⁷. Таким образом, частная собственность — это историческое установление, возникшее вследствие невежества одних, алчности и насилия других.

Естественным порядком, единственно справедливым и добродетельным, является состояние общности и фактического равенства. Правда, такой отвечающий природе порядок вещей нигде и никогда не был достигнут — естественное право никогда не реализовывалось в положительном. Это не значит, однако, что этот порядок недостижим — он возможен и за него необходимо бороться. Таким образом, в общем плане история для бабувистов — это движение от неестественного порядка вещей (связанного прежде всего с насилием и невежеством) к установлению строя, соответствующего нормам естественного права (т. е. для Бабёфа и его соратников «строя общности»).

Однако в это довольно распространенное в XVIII в. представление бабувисты внесли существенную поправку: установление естественного порядка возможно лишь в результате неустанной, в том числе насильственной, борьбы. В истории человечества они видели непрерывную борьбу угнетателей и угнетенных, или классовую борьбу, если говорить понятиями, утвердившимися в общественной науке в XIX в. Они определяли ее как борьбу патрициев и плебеев, бедных и богатых. «Эта война плебеев и патрициев, или бедных и богатых... извечна, — писал Бабёф, — она начинается с тех пор, как общественные учреждения способствуют тому, что одни забирают все, а другим ничего не остается»⁸⁸. Бедствия, порожденные частной собственностью, доводят наконец массу неимущих до нестерпимого состояния — и тогда вспыхивают «восстания угнетенных против угнетателей». Как звено в этой непрерывной исторической цепи рассматривалась

⁸⁷ Бабёф Г. Соч. М., 1982. Т. 4. С. 59.

⁸⁸ Бабёф Г. Соч. М., 1977. Т. 3. С. 441, 440.

Французская революция — «открытая война между патрициями и плебеями, между бедными и богатыми».

Но Французская революция шла вперед только до 9 термидора, с тех пор она стала отступать и осталась незавершенной, так как не привела к установлению социального равенства. «Революция не завершена, так как одни богачи захватывают все блага и одни пользуются властью, в то время как бедняки трудятся, как настоящие рабы, изнемогают в нищете и не пользуются в государстве никаким значением»⁸⁹. Между тем крайности злоупотребления правом собственности достигли

высшей степени, это роковое установление потеряло большую часть удерживавших его корней: «Эти поредевшие корни уже не служат ему надежной опорой»⁹⁰. Поэтому бабувисты были убеждены, что новая революция, которая явится результатом их борьбы, окончательно опрокинет частную собственность и установит «совершенное равенство» на основе «строя общности». «Французская революция, — говорилось в «Манифесте равных», написанном Сильвеном Маршалем, — лишь предвестник другой, более великой, более торжественной революции, которая будет последней»⁹¹.

Глава 4

Английское Просвещение и историческая мысль. Шотландская школа

На протяжении всего XVIII в., особенно во второй его половине, капитализм в Англии развивался чрезвычайно быстро. Буржуазная революция во многом устранила тормозящее влияние феодальных отношений и абсолютизма. Активная внешняя торговля и энергичная колониальная экспансия способствовали накоплению значительных богатств в руках имущих классов. Процесс «первоначального накопления» привел к созданию большой армии рабочей силы, искавшей применения. На основе этих предпосылок с 70—80-х годов XVIII в. в стране развернулась промышленная революция — огромный скачок производительных сил, преобразивший английскую экономику. Переворот в средствах производства вызвал решающие перемены в социальной сфере, а вслед за тем и в политическом устройстве.

Хотя промышленная буржуазия не участвовала непосредственно в управлении страной и в законодательстве, но две партии имущих классов — тори и виги, сменявшие друг друга у власти на протя-

жении века, были связаны с торговлей и промышленностью и ревностно отстаивали свои интересы. Основное различие между ними состояло в том, что виги были более тесно связаны с торговлей, финансами и промышленностью, а тори — с земледелием.

Основные черты английского Просвещения. Большую роль в общественной мысли Англии XVIII в., как и всей Европы, играли идеи Просвещения, направленные против феодализма и могущества церкви. Правда, английское Просвещение отличалось от других, например, от французского. В Англии оно носило более умеренный характер. Это понятно: буржуазная революция была в прошлом, феодализм в Англии был в основном сломлен и условия для развития капитализма более благоприятны, чем во Франции.

Сильным оружием против клерикализма в руках просветителей была наука, исходящая из представления о господстве в природе естественных законов. Философы и историки эпохи Просвещения утвер-

⁸⁹ Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабёфа. М., Л., 1948. Т. II. С. 158—159.

⁹⁰ Бабёф Г. Соч. Т. 4. С. 61.

⁹¹ Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства... Т. II. С. 142.

ждали, что для объяснения окружающего мира и истории нет никакой необходимости в постоянном вмешательстве высших сил: так, бог, создав мир, предоставил дальнейшее естественному ходу вещей. Это относится и к истории общества. Они выступали за свободу научного исследования, отстаивали веру в силу человеческого разума. «Мыслящий рассудок, — по словам Ф. Энгельса, — стал единственным мерилом всего существующего»¹. Возникла и крепла идея прогрессивного развития человечества, и теряло влияние представление о «золотом веке», оставшемся якобы в далеком прошлом.

Английские просветители, как и их единомышленники на континенте, были убеждены, что миром правят идеи, и поэтому для победы сил разума достаточно разъяснить людям ошибочность существующих представлений, на которых держатся устаревшие и вредные учреждения. Переворот во взглядах, по их убеждению, неизбежно приведет к полному общественному перевороту. Из этих идеалистических посылок вытекал дидактизм. В работах историков XVIII в., в том числе историков-просветителей, большое место занимали вопросы этики. Историки искали в прошлом моральные поучения и назидательные примеры. Английский мыслитель Болингброк в сочинении «Письма об изучении и пользе истории» определял историю как «философию», которая учит нас с помощью примеров»². При этом мыслители того времени исходили из убеждения, что принципы нравственности везде и во все времена остаются вечными и неизменными. Представление об историческом характере и эволюции этических ценностей, об их связи с эпохой еще не сложилось.

Известный философ и историк Д. Юм считал, что история — это неограниченный по своим размерам склад, из которого можно черпать факты, иллюстрирующие законы социальных наук. Вера просветителей во всемогущество знания побуждала их к тому, чтобы сделать свои произведения

интересными и понятными широкому кругу читателей, и они облакали свои мысли в яркую литературную форму.

Состояние исторического знания. В английской историографии на протяжении XVIII столетия наблюдался заметный прогресс. Активная торговля, которую вела Англия, ее энергичная колониальная политика, в особенности на Востоке, способствовали расширению горизонта исторического знания, в частности географических рамок исследований (изучение истории и культуры стран арабского мира и Индии). Одновременно расширялась тематика исторических работ. Появлялся интерес к истории экономики. В 1764 г. вышла работа А. Андерсона «Историческое и хронологическое исследование происхождения торговли»³.

В XVIII в. в английском обществе поддерживался интерес к отечественной средневековой истории и памятникам античности. Из собираемых коллекционерами вещественных памятников, рукописей, книг складывалось обобщенное представление о прошлом, которое преломлялось через призму культурных ценностей, господствовавших в обществе эпохи Просвещения. В 1707 г. в Лондоне было воссоздано общество антикваров. Члены этого общества, любители старины, занимались поисками и публикацией старинных документов и материалов главным образом по средним векам. Иногда издавали материалы и по другим периодам. Так, среди этих документов особое место занимает опубликованное в 1742 г. семитомное издание «Государственных бумаг Терло» (Терло был государственным секретарем в период протектората Кромвеля). В этих бумагах освещалась внешняя политика протектората.

В середине XVIII в. в британской провинции в среде просвещенного дворянства также начали возникать антикварные общества, члены которых проводили раскопки, занимались изучением местных памятников истории, составляли историко-топог-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 16.

² Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. Письмо II. С. 11.

³ Anderson A. Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce. L., 1764. V. 1—3.

графические описания графств. В эпоху Просвещения в стране появились первые общественные музеи. В 1753 г. в Лондоне открылся Британский музей. Его основу составили коллекции антикваров XVII—XVIII вв. и Королевской библиотеки. В 1759 г. при музее образовалась Британская библиотека рукописей и книг. В 1780 г. в Эдинбурге состоялось открытие шотландского Национального музея древностей.

Накопление антикварами массива письменных и вещественных источников, разработка процедур их отбора и систематизации, анализа и публикации способствовали совершенствованию процесса исторического познания. Достижения антикваров в области археологии и вспомогательных исторических дисциплин создавали возможность для более глубокого изучения отечественной истории. В середине XVIII в. заметно возросло внимание антикваров к коллекционированию и изданию документов эпохи Английской революции и «славной революции» 1688 г. В 40—70-е годы XVIII в. в стране были осуществлены многотомные публикации парламентских источников, бумаг из архива Кларендона, памфлетов XVIII в. и др.

Отмечая прогресс исторического знания на протяжении этого столетия, нельзя не признать и его слабостей. По-прежнему основным источником для исторических сочинений были свидетельства очевидцев, современников и участников. Они пользовались непререкаемым авторитетом; документы еще не приобрели большой важности в глазах историков. Разработка методов научной критики источников на Европейском континенте делала только первые шаги. Но в Англии она сильно отставала.

Авторы исторических сочинений на первое место ставили повествование, интересный, уснащенный любопытными деталями рассказ. Иллюстрацией к сказанному о невысоком качестве тогдашних исторических работ могут служить сочинения на исторические темы известного поэта и писателя О. Голдсмита. Ему принадлежали «История Британии», «История Рима» и «История Греции». В свое время они были популярными. Но их автор не имел представления об исторической точности и до-

стоверности. Он даже не компилировал свой рассказ, а просто списывал все, что ему попадало под руку, присочиняя развлекательные подробности.

В XVIII в. в историографии утвердилась традиция подразделения всемирной истории на древнюю (классическую), средневековую и новую. Древняя история была зависимым придатком классических языков и литературы. Отсчет новой истории (просветители нередко относили к ней и подчиненную ей историю средних веков) велся от падения Западной Римской империи (47 г. н. э.). Древнюю историю изучали привилегированные слои общества, получая классическое образование, а новую историю изучала преимущественно буржуазно-дворянская элита. Новая история развивалась в русле просветительского социально-гуманитарного знания и сводилась в основном к политической и конституционной истории.

В 1724 г. в английских университетах — Оксфорде и Кембридже — были учреждены профессорские кафедры новой истории. Предполагалось, что учреждение этих кафедр будет способствовать улучшению подготовки будущих дипломатов и работников государственных служб. Однако вплоть до второй половины XVIII в. профессура исторических кафедр обходилась без чтения лекций. Преподавание истории велось на невысоком уровне. Основным предметом в английских университетах по-прежнему оставалось богословие, царили затхлость и рутинность. Эта атмосфера была враждебна научному познанию и не терпела свежей мысли. А. Смит был в 1741 г. исключен из Оксфорда за чтение книги Д. Юма «Трактат о человеческой природе», поскольку это произведение считалось вольнодумным.

Сходные нравы царили в Тринити — колледже в Дублине, выполнявшем функции подготовки правящей англо-шотландской протестантской элиты в Ирландии. Жесткие религиозные тесты, проводимые в отношении преподавателей и учащихся, превращали университет в интеллектуальный заповедник протестантизма.

Ведущее положение в шотландских университетах занимали умеренные пресвитериане. Этим университетам были присущи некоторые особенности в преподава-

Д. Юм

нии и подготовке кадров для государственного аппарата и церкви (система регентства, прагматизм в выборе учебных дисциплин, преимущественная ориентация на точные и естественные науки). В первой половине XVIII в. профессорские исторические кафедры были организованы в университетах Глазго (1716), Эдинбурга (1719), Сент-Эндрюса (1747). К середине века всемирная (всеобщая) история стала занимать важное место в университетском образовании Шотландии.

Бурный экономический подъем, который переживала Шотландия со второй половины XVIII в., во многом обусловил и быстрый подъем научного знания в этом регионе. Деятельность шотландских ученых была связана с практическими потребностями общества. Не случайно изобретатель паровой машины Джеймс Уатт начинал свою деятельность в лаборатории университета в Глазго. Расцвет научной и культурной жизни снискал Эдинбургу наименование «Северных Афин».

Д. Юм. Видным английским философом и историком был Дэвид Юм (1711—1776), автор философских работ «Трактат о человеческой природе» (1739) и «Исследование человеческого разума» (1748). В этих произведениях Юм обосновывает свою философию агностицизма. По его мнению, мы не знаем и не можем знать, существует ли объективный мир, ибо человек воспринимает его лишь как свои представления и сам строит причинную связь между вещами и явлениями. Философия Юма во многом смыкается с субъективным идеализмом.

Подобно другим просветителям Юм враждебно относился к богословию и церкви, решительно осуждал проявления религиозного фанатизма и суеверий. Деист по своим убеждениям, он не видел различий между католиками и протестантами, резко критиковал пуритан за религиозную нетерпимость. Эпоху средних веков Юм рассматривал как период варварства, он видел в ней перерыв в духовном развитии человечества. Находясь под сильным влиянием идей французского Просвещения, Юм представлял историю как процесс, на который оказывают воздействие разнообразные факторы — география, климат, экономика, государственные учреждения, законодательство, религия.

Основной исторический труд Юма — восьмитомная «История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.»⁴, по существу, первая попытка дать полную и связную историю страны. В центре внимания автора — события политической истории, хотя он уделяет внимание религии, нравам эпохи, культуре и явлениям духовной жизни. В основе периодизации у Юма — царствования династий и королей. Движущую силу общественного развития Юм видит в прогрессе идей, знания и морали.

Стремясь сделать свой труд как можно более доходчивым и таким образом усилить воздействие книги на широкую публику, Юм постарался придать своему сочинению наиболее привлекательную форму. Хорошо продуманное и аргументированное повествование, отличный язык, яркие картины — все это способствовало популярности труда Юма, который более столетия оставался для англичан главным источником знаний по истории их страны.

Однако в научном отношении труд Юма страдал существенными недостатками. Как правило, он удовлетворялся пересказом других исторических сочинений, без критики часто воспринимал любые свидетельства. В изложении истории революции середины XVI в. Юм, хотя и был чужд религиозного фанатизма, во многом близок

⁴ Hume D. History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution of 1688. L., 1752—1762. V. 1—8.

Кларендону, автору реакционного сочинения «История мятежа». В целом его работа представляла собой попытку новой торийской интерпретации, которая учитывала некоторые положения вигской историографии XVIII в.

Э. Гиббон. Крупнейшим английским историком эпохи Просвещения был **Эдуард Гиббон** (1737—1794), который оказал влияние не только на современников, но и на многие последующие поколения. Духовное формирование Гиббона прошло под воздействием французской культуры. Он несколько лет провел во франкоязычном швейцарском городе Лозанне и был лично знаком со многими деятелями французского Просвещения, с некоторыми из них — Дидро, Д'Аламбером и др. — постоянно поддерживал связь.

Главный труд Гиббона — «История упадка и гибели Римской империи»⁵. Тему своего исследования он определил после долгих поисков. В автобиографии Гиббон рассказывает, как пришел к ней: решение исследовать историю Римской империи явилось у него во время пребывания в Риме. Величественные древности этого города и богатая его история произвели на него сильное впечатление и разбудили воображение. Однако есть основания полагать, что на решение Гиббона оказали влияние и другие, более глубокие соображения. История Римской империи побуждала к размышлениям над судьбами империй вообще, в том числе и Британской. Напомним, что в 60-е годы XVIII столетия начался конфликт между правительством Англии и жителями английских колоний в Северной Америке, выросший в войну и приведший к отделению этих колоний. Труд Гиббона рисовал брэнность великих империй.

«История упадка и гибели Римской империи» — по содержанию и форме один из лучших образцов просветительской историографии. Не случайно это произведение на протяжении многих десятилетий пользовалось популярностью: еще при

Э. Гиббон

жизни автора оно было переведено на многие европейские языки, в том числе на русский, и неоднократно переиздавалось.

Сочинение Гиббона охватывает большой отрезок времени: изложение начинается со II в. н. э. и завершается падением Константинополя в 1453 г. В центре внимания автора — история политических событий и религия. Меньше внимания уделено другим проблемам, в том числе экономике и социальным проблемам. Работа Гиббона выгодно отличается от других сочинений по истории того времени еще и тем, что автор опирался на обширный круг источников, привлек буквально все доступные ему труды и научные издания по данной теме.

Одна из причин огромного успеха и длительного влияния сочинения Гиббона — его блестящая литературная форма. Язык Гиббона стал предметом подражания для многих английских ораторов и политических деятелей, в том числе для У. Черчилля. Однако главное достоинство труда Гиббона заключалось в его содержании. Автор доходчиво и последовательно выразил и развил важнейшие идеи своего времени. Он считал Римскую империю грандиозным памятником человеческого гения, а эпоху империи — периодом истории, когда положение человеческого рода было самым счастливым и процветающим. Главную причину гибели Римской империи он усматривал в христианстве. Подобно другим деятелям Просвещения, Гиббон видел в средних веках варварство и мрак, именуя эту эпоху «кровавым и преступным безумием». Гиббон ярко рисовал мертвя-

⁵ Gibbon E. The History of the Decline and Fall of Roman Empire. L., 1776—1788. V. 1—7; — Русск. пер.: Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1883—1886. Т. 1—7.

щее влияние церкви и монашества на духовную власть в те времена. Особенно резко он нападал на нетерпимость и фанатизм церкви, а деятелей Реформации осуждал за нерешительность и половинчатость, за то, что они пошли на компромисс с церковью и восприняли у нее те же нетерпимость и фанатизм. Духовенство и церковники ненавидели Гиббона, обвиняя его в атеизме. В действительности он был деистом и считал религию полезной и необходимой для морального совершенствования человечества, но хотел «очистить» ее от суеверий и заблуждений.

В своих политических взглядах Гиббон был недостаточно последовательным. Он считал буржуазию самой полезной и уважаемой частью населения страны. Однако он полагал, что власть должна принадлежать не буржуазии, а дворянству и аристократии. Позиция Гиббона в какой-то мере отражала неподготовленность английской буржуазии того времени к самостоятельной политической роли.

Шотландская философско-историческая школа. Значительный вклад в британскую историографию XVIII в. внесли шотландцы. К этому времени вокруг Эдинбургского университета сформировалась философско-историческая школа, представители которой (А. Фергюсон, Д. Миллар, У. Робертсон и др.) оказали огромное идейное влияние на развитие европейской просветительской мысли. Выступая поборниками исторического прогресса, в основу которого была положена идея развития разума, шотландские просветители включили в политико-юридическую «философию истории» комплекс историко-экономических и социальных проблем. Интерес к последним обуславливался главным образом стремлением объяснить экономический рост, характерный для страны, вступившей в эпоху промышленной революции.

Попытки деятелей шотландской школы создать целостную «науку о человеке», исходя из главенства точных и естественных наук над гуманитарным знанием, отражали важное направление общественной мысли эпохи Просвещения в Великобритании. Шотландские просветители использовали конкретно-исторический материал в качестве иллюстрации к глобальным историко-социологическим построениям и кон-

струируемым ими законам «социальной механики». Широким признанием у шотландских просветителей пользовался Монтескье. Следуя за ним, шотландские историки избегали абстрактных построений и стремились опираться на факты. Развитие общества они рассматривали как закономерный результат естественных процессов.

Эта черта особенно четко прослеживается в работах Адама Фергюсона (1723—1816), занимавшего кафедру профессора «моральной» философии в Эдинбургском университете. В своем труде «История гражданского общества»⁶ Фергюсон, подобно Монтескье, стремился открыть общий закон, управляющий общественным развитием. Он исходил из мысли, что решающую роль в развитии общества играет закон прогресса, ведущий к совершенствованию человеческого рода. При этом он подчеркивал большую роль социальных противоречий и конфликтов и считал революционные изменения в развитии общества вполне закономерным явлением. Он также одним из первых применил к изучению истории сравнительный метод: для понимания истории древних германцев времен Тацита привлек описания жизни и быта индейских племен Северной Америки.

Другой шотландский историк — Джон Миллар (1735—1801) в книге «Наблюдения о различных общественных состояниях»⁷ и в неоконченном труде «Исторический взгляд на английское правительство»⁸ ставил своей задачей понять связь между материальной жизнью общества, с одной стороны, и учреждениями, законами, нравами и духовной жизнью — с другой. Чем объясняется, спрашивал Миллар, разнообразие законов, действующих в различных странах и даже в одной и той же стране на разных этапах ее развития? Для понимания этого, отвечал он, «мы должны, очевидно, прежде всего обратиться к различию в положении, которое подсказывало жителям разных стран различные взгляды

⁶ *Ferguson A. History of Civil Society. Edinburgh, 1765.*

⁷ *Millar J. Observations Concerning the Distinction of Ranks in Society. Glasgow, 1771.*

⁸ *Millar J. An Historical View of the English Government from the Settlement of the Saxons in Britain to the Accession of the House of Stewart. L., 1787.*

и мотивы действий». Сюда он относил «плодородие или скудость почвы, характер продуктов, виды труда, необходимые для поддержания существования, численность людей, объединенных в обществе, их навыки, преимущества, которыми они пользуются, вступая во взаимные отношения и сохраняя эти отношения между собой». Эти различия в жизни народов, писал Миллар, «дают определенное направление их склонностям и деятельности и порождают соответствующие обычаи, характер и способы мышления».

Возникновение культуры он связывал с ростом материального благосостояния общества. Появление богатства, по Миллару, сопровождалось его неравномерным распределением между отдельными членами общества и вело к неравенству их гражданского положения. Происхождение власти он связывал с возникновением собственности, а различные формы власти прямо выводил из распределения собственности. Англия и другие страны Западной Европы, по мнению Миллара, прошли к концу XVII в. через две стадии — период феодальной аристократии, когда вся власть была сосредоточена в руках крупных феодалов, и через этап «феодальной монархии», когда вся полнота власти перешла в руки короля. Затем под влиянием развития торговли и промышленности Англия вступила в третий период, который характеризуется «развитием духовной свободы».

Высказывания Миллара свидетельствуют о том, что перед нами оригинальный мыслитель. Однако, несмотря на отдельные глубокие мысли о роли и влиянии материальных условий на историю человечества, которые носили характер догадок, Миллара нельзя назвать материалистом, как считают некоторые историки. Первоосновой исторического процесса он считал духовные явления, а источником всего существующего — бога.

Виднейшим представителем шотландской исторической школы был **Уильям Робертсон** (1721—1793). Его самая крупная работа — «История Шотландии»⁹ (дове-

дена до 1603 г.). В отличие от Юма, Робертсон активно использовал архивные материалы английских и шотландских хранилищ. Он с большой разборчивостью относился к свидетельствам документов и первым из британских (или шотландских) историков стал оформлять научный аппарат в виде отсылок и сносок, помещая их в конце каждой главы.

В 1792 г. Робертсон опубликовал «Историческое исследование о знаниях, которые в древности существовали об Индии и о прогрессе торговли с этой страной»¹⁰. Автор отмечал древность и богатство индийской культуры и высказывал надежду, что его сочинение будет способствовать ознакомлению англичан с Индией и улучшению положения индийского народа. Робертсон придавал большое значение экономическим факторам в истории. Он писал: «Отыскивая в истории прошлого поучительный материал, жестоко разочаровываешься, убеждаясь, что подвиги завоевателей, которые опустошали землю, и причуды тиранов, которые делали народы несчастными, зарегистрированы с тщательной и зачастую отвратительной точностью, в то время, как изобретения, сделанные в полезных искусствах, и развитие наиболее благодетельных отраслей коммерции историки обошли молчанием и позволили им погрузиться в забвение»¹¹. Признание Робертсоном важности материального фактора делает его концепцию более историчной.

В отличие от Юма и других просветителей, он находил в средневековье определенные элементы развития, подготовлявшие переход европейских народов «от варварства к утонченности»: эволюцию законов, рост городов, торговли и другие явления. Большое внимание Робертсон уделял усилению буржуазии, в особенности купечества. С развитием последнего автор связывал освобождение городов от гнета феодалов, смягчение нравов, зарождение парламента. Робертсон подчеркивал

¹⁰ *Robertson W. An Historical Disquisition Concerning the Knowledge which Ancient Had of India and Progress of Trade with that Country Prior to Discovery of the Passage to It by the Cape of Good Hope. L., 1792.*

¹¹ *Robertson W. Works. L., 1840. V. 8. P. 177.*

⁹ *Robertson W. History of Scotland During the Reign of Queen Mary and of King James VI till His Accession to the Crown of England. L., 1759.*

А. Смит

свою идейную близость к французским просветителям. Невзирая на свой сан священника, он открыто называл себя учеником Вольтера.

Робертсон уделял большое внимание форме своих сочинений. Идеалом, к которому он стремился, были сочинения Свифта и Дефо. Следуя этим мастерам английской прозы, Робертсон добился большой выразительности, ясности и точности языка, избегая риторики и пышности.

Исторические взгляды Ад. Смита. К шотландской школе принадлежал и крупнейший экономист, создатель теории трудовой стоимости Адам Смит (1723—1790). Его исторические взгляды оказали большое влияние на общественную мысль. Получив образование в университетах Глазго и Оксфорда, с 1748 г. он начал чтение лекций сначала в Эдинбургском университете, затем в Глазго. Итогом явилась книга «Теория нравственных чувств». Далее, покинув кафедру, Смит несколько лет посвятил работе над своим основным произведением «Исследование о природе и причинах богатства народов»¹². Обе книги Смита связаны единством замысла: в первой он исследует внутренний мир человека, принципы его нравственной жизни, во второй — внешнюю среду, в которой он вращается. Смит хотел разработать систему, охватывающую все стороны жизни обще-

ства и отдельного человека, но этот грандиозный план ему завершить не удалось.

Смит исходил из идеи объективной закономерности в деятельности как человека, так и общества в целом. В мире этики человеком движет симпатия или, по выражению Смита, «участие к тому, что случается с другими людьми», а в обществе — эгоизм, личные интересы отдельных людей. Таким образом, Смит рассматривал жизнь общества и человека как проявление неких общих законов и исключал вмешательство извне, т. е. влияние «божественных сил».

По мнению Смита, человечество в своем развитии проходит четыре стадии, которые соответствуют главным способам добывания пищи: охотничью, пастушескую, сельскохозяйственную и торговую. На первой стадии частная собственность и государство отсутствуют. «Пока нет собственности, — утверждал Смит, — не может быть и правительства, ибо главная цель последнего — обеспечить богатство и защищать богача от бедняка». На второй, пастушеской, стадии появляется «неравенство богатства» в виде частной собственности на скот. На третьей стадии собственность, а с ней и правительство получают дальнейшее развитие. Четвертый этап характеризуется разделением и специализацией труда и обмена, а правительство принимает свою окончательную форму.

Таким образом, Смит, как и Миллар, делает попытку связать развитие общественных форм с эволюцией материальной жизни общества. Концепция Смита исходит из представления о «неизменных законах развития»: отношения, присущие капиталистической системе, ему, как и другим идеологам буржуазии, представлялись «естественными». «...Классики, — указывал В. И. Ленин, имея в виду классиков буржуазной политической экономии — А. Смита, Д. Рикардо и др., — нащупывали и нащупали целый ряд «естественных законов» капитализма, не понимая его преходящего характера, не видя классовой борьбы внутри его»¹³.

В очерке экономической истории Европы Смит прослеживает процесс сосредоточения земельной собственности, эволю-

¹² Smith A. Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. L., 1776. V. 1—2; Смит. А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 42.

цию форм труда от рабства и крепостничества к свободному труду, рост городов, торговли. С позиций буржуазного фритредерства он решительно осуждает всякое вмешательство государства в экономику. Смитту принадлежит ряд глубоких замечаний, свидетельствующих о его большой прони-

цательности. Так, он показывает экономическую невыгодность рабства, объясняя этим его исчезновение, угадывает экономическое содержание феодализма, усматривая его в господстве крупной земельной собственности. Он подчеркивал революционную роль городов.

Глава 5

Философия истории в немецком Просвещении

Социально-политические условия развития исторической науки. Германия XVIII в. состояла из более чем трехсот самостоятельных государств и свободных имперских городов с различными феодальными и полуфеодальными социально-экономическими отношениями и разным политическим устройством. Территориально-государственная раздробленность и отсутствие единого рынка были главными препятствиями общественному прогрессу. Буржуазия оставалась слишком слабой, чтобы объединить антифеодальные устремления в единую революционную силу. Преодолеть отставание от передовых стран, вставших на путь капиталистического развития, при этих условиях пытались сами правители некоторых немецких государств, если их не удовлетворяла незначительная роль в европейской политике. Такими попытками были реформы Иосифа II в Австрии и Фридриха II в Пруссии.

В Пруссии сравнительно быстрыми темпами развивалось мануфактурное производство, необходимое для нужд постоянно растущей армии. Сама прусская буржуазия во многом формировалась как поставщик для армии под опекой и контролем государства. Проводимая в Пруссии, Саксонии, Гамбурге меркантилистская политика сопровождалась предоставлением предпринимателям ссуд, налоговых льгот, свободы от обязанности состоять в цехах. Там начали появляться первые государственные мануфактуры: зеркальные, горные, ковровые, пороховые, фарфоровые.

В немецкой деревне домашнее ремесло постепенно перерастало в капиталистическую рассеянную мануфактуру, центрами которой были Вестфалия, Вюртемберг,

Пруссия, Саксония, Силезия, Тюрингия. Но феодально-абсолютистские порядки и крепостническая система задерживали в деревне необходимую для развития промышленности рабочую силу. Разоренное в годы Тридцатилетней войны городское бюргерство не имело достаточных капиталов. Внутренние таможи, различная монета, произвол правителей — все это душило очаги капитализма или обрекало их на жалкое прозябание.

Глубокий след в развитии немецкой исторической мысли оставила Реформация, выдвинувшая в центр ее внимания и богословские проблемы. Долгое и безраздельное господство теологии, из которой и вышли первые профессиональные историки, вело к религиозной трактовке исторического процесса и слабости антиклерикальных идей. Преобладание теологического элемента составляло наиболее негативную черту немецкого исторического мышления, в то время как распространенное в ученых кругах увлечение филологией и прекрасное знание древних текстов привели к возникновению критики источников и стали началом плодотворной научной традиции.

Территориальная раздробленность Германии способствовала сосредоточению интересов ее передовых мыслителей на идее национального единства и наиболее острых в тогдашних условиях проблемах единого государственного права. Отцом науки о нем явился вюртембергский правовед **Иоганн Якоб Мозер** (1701—1785), оставивший после себя свыше четырехсот историко-юридических сочинений. История, как и все науки об обществе, понималась в то время как часть единой «государственной науки» и развивалась под эгидой

права и особенно теологии. Как отдельную отрасль знаний историю начали преподавать в немецких университетах с начала XVIII в., но рассматривали ее преимущественно как одну из дисциплин, относящихся к введению в науку немецкого государственного права.

Новая стадия в развитии немецкой исторической мысли была связана с Просвещением, которое при различном уровне социально-экономического развития и разном политическом устройстве в отдельных немецких государствах имело более сложный и противоречивый характер, чем во Франции или Англии, откуда проникали в Германию прогрессивные идеи западноевропейских просветителей. Его главной особенностью было то, что из-за неразвитости немецкой буржуазии оно не имело материала для создания чего-либо нового и оригинального в сфере государственной и экономической теории и нашло выражение во внимании преимущественно к философским, эстетическим и этическим вопросам.

Понимание исторического процесса философами немецкого Просвещения было идеалистическим, поскольку они считали его основой действующее в мире духовное начало. Но абстрагированность от удручающей немецкой действительности приводила их к углубленным поискам в области теории, к элементам диалектического мышления. Для развивавшегося тогда механистического материализма было характерно неумение разглядеть за отдельными явлениями их взаимную связь, их движение и развитие. Идеалистическая же философия немецкого Просвещения внесла свой вклад в выработку «представления о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей...»¹. Просветительские тенденции возобладали и в университетах, и в сфере школьного образования, и среди читающей публики. Государственная раздробленность привела к тому, что в Германии возник не один, а многочисленные центры распространения просветительских идей.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 205.

Немецкие просветители в целом могли воздействовать на формирование только сознания, а не государственной политики. Но они стремились и активно пропагандировать экономические и государственно-правовые теории западноевропейского Просвещения применительно к условиям Германии. Наиболее подходящей формой борьбы против феодально-абсолютистских порядков и тирании правителей тогда казалось создание тайных организаций типа масонских лож и ордена иллюминатов, объединявшего несколько сотен представителей буржуазной интеллигенции и либерального дворянства и готовившего антиклерикальный и антифеодальный переворот в Баварии. Незадолго до революции во Франции орден был разгромлен властями. К масонам принадлежали крупнейшие деятели немецкого Просвещения Г. Э. Лессинг, И. Г. Гердер, И. В. Гёте.

Историко-философская мысль немецкого Просвещения. Протестуя против существовавших порядков, передовые мыслители Германии призывали к сплочению всех оппозиционных сил в борьбе против тирании и за национальное объединение своей родины. Они страстно ратовали за пробуждение чувства национальной гордости и достоинства. Со всей силой эти мысли впервые зазвучали в произведениях сына саксонского пастора **Готхольда Эфраима Лессинга (1729—1781)**. Начав писать еще будучи студентом медицинского факультета Лейпцигского университета, Лессинг быстро завоевал славу первого критика и драматурга Германии, а его религиозно-политические и эстетические произведения подготовили основу развития немецкой классической философии.

Лессинг не оставил крупных исторических работ и не разработал законченной теории исторического процесса, но все его произведения были проникнуты идеями прогрессивного развития человечества, постоянного движения общества от низших форм к высшим. В серии блестящих статей о проблемах изучения религии Лессинг отстаивал право на научное исследование в любой сфере знания. Особенно важное значение имела его работа «О воспитании рода человеческого», в которой он уподобил историю развития человечества исто-

рии развития отдельного индивида². В представлении Лессинга человечество, как и отдельная личность, проходит три возраста в своем развитии. Детство человечества — это эпоха Ветхого завета, юность — Нового завета. Период зрелости — эпоха нового Евангелия, когда всеобщим принципом поведения становятся нормы морали, наступает время всеобщего просвещения и нравственной чистоты, а сама мораль уже не связана с верой в бога. Последователь голландского пантеиста Спинозы Лессинг скрывал свои сомнения в существовании бога, опасаясь преследований и обвинений в атеизме, и о его взглядах стало широко известно только после смерти.

Во многих произведениях Лессинга сохранились мысли об исторической обусловленности тех особенностей, которые характерны для искусства и науки любого народа. Он постоянно боролся против канонизации античного искусства как неизменного идеала на все времена и убедительно доказывал, что всякое подлинное произведение искусства должно отражать интересы и события современной жизни своего народа. Но дух национализма был органически чужд Лессингу, по убеждению которого истинное духовное единство как раз несовместимо с идеей национальной исключительности, ибо любой народ — только равный член великого человеческого братства. Именно поэтому Лессинг видел в истории средство воспитания подлинной гражданской мудрости, позволяющее провести грань между патриотизмом и общечеловеческими интересами, которым сам Лессинг отдавал явное предпочтение.

Вершиной философской мысли немецкого Просвещения явилось творчество профессора Кёнигсбергского университета **Иммануила Канта** (1724—1804), выходца из семьи простого шорника. В своей философии истории Кант исходил из признания того факта, что в жизни общества действуют определенные законы, незаметно для людей ведущие их к неведомой для них цели природы. Указывая на несовпадение личных целей и общественных результатов

человеческой деятельности, Кант считал, что только в общем ходе истории можно разглядеть единую для всего человечества разумную цель. Ее Кант видел в установлении всеобщего правового гражданского состояния, при котором каждый обладает полной свободой, совместимой, однако, со свободой других. Соперничество и даже антагонизм между людьми останутся, но будут существенно ограничены разумными законами. Идея о том, что историю движут вперед противоречия и даже антагонизм между людьми, заставляющие их, однако, вступать в общение друг с другом и создавать для этого регулирующий орган порядка — государство, была значительным вкладом Канта в формирование научного понимания человеческой истории.

Установление правового гражданского общества Кант считал сложной проблемой, поскольку любой человек стремится к созданию закона, ставящего границы произволу других людей, но не его самого. Поэтому любой правитель будет злоупотреблять своей властью и свободой действий, если над ним не окажется никакого контролирующего в соответствии с законом органа. Полностью решить такую задачу невозможно, но для наибольшего приближения к этому необходимо сочетание трех условий — правильного понятия о государственном устройстве, доброй воли и почерпнутого из истории опыта. При этом Кант порвал с религиозным обоснованием морали и подчеркнул, что нравственное поведение человека определяется не божьими заповедями, а долгом перед другими людьми.

Всемирная история была для Канта не хаосом отдельных человеческих действий, а определенной системой, ступенями развития которой являлись Древняя Греция, Рим, германские народы. Каждая из этих ступеней представляла шаг вперед в улучшении государственного устройства. Таким образом, Кант представлял себе развитие всей системы как прогрессивное и закономерное. Важным было и то, что помимо роли общественных противоречий Кант отмечал еще один фактор развития — человеческий труд. В статье «Предполагаемое начало человеческой истории» он прямо указывал на труд и последующее его разделение как на исходную точку раз-

² Lessing G. E. Die Erziehung des Menschengeschlechts. В., 1780. На русск. языке работы Лессинга см. в кн.: Антология мировой философии. М., 1971. Т. III.

вития общества, приводя в качестве подтверждения соответствующие эпизоды из Библии.

Составной частью философии истории Канта выступала его теория культуры. Примечательно, что Кант отличал культуру от цивилизации. Его предшественники и современники понимали обычно под культурой все созданное человеком в отличие от творений природы. Кант же считал культурой только те явления, которые служат благу человека, а цивилизацией называл современный ему тип устройства общества. Он с тревогой отмечал, что бурное развитие цивилизации ведет к ее усиливающемуся отрыву от более медленно развивающейся культуры.

Новым был и взгляд Канта на государство. Большинство немецких просветителей видели в современном им государстве лишь враждебный человеку механизм, который надо разрушить. Кант подходил к проблеме шире; он считал государство тем культурным началом, без которого невозможно человеческое общее бытие. На этом и был основан его знаменитый трактат «К вечному миру»³, план создания всемирного союза государств, строящих свои отношения на гарантиях равноправия и суверенности всех его членов. Кант указывал, что любое государство независимо от его размеров или численности населения обладает правом на самостоятельное существование. Поэтому оно не может быть захвачено или поработано другим государством.

Идея вечного мира завершала политическую философию Канта. Он отдавал себе отчет, что эта идея как конечная цель всего международного права является пока неосуществимой. Но вполне осуществимы те политические принципы, которые служат постоянному приближению к состоянию вечного мира, а стремление к нему должно стать императивом внешней политики каждого государства.

Исторические взгляды Гёте. Великий немецкий поэт и мыслитель **Иоганн Вольфганг Гёте** (1749—1832) интересовался прежде всего проблемами естествознания, но имел и определенную систему воззрений

на развитие человеческого общества. Веря в неизбежность социального прогресса, Гёте считал, что он совершается повседневной созидательной работой миллионов людей, в ходе столкновения их целей и интересов. Он писал, что «людей надо рассматривать как органы их века,двигающиеся большей частью бессознательно»⁴. Глубокое историческое чутье подсказало Гёте мысль о том, что значение великой личности в истории заключается в наиболее полном и верном выражении общечеловеческого — созревающих в массах идей и потребностей. Индивид для Гёте всегда являлся частичкой великой гармонии исторически развивающегося социального целого, поскольку его труд и идеи связаны сотнями тысяч видимых и невидимых нитей с трудом бесчисленных предшественников и современников. Поэтому, чтобы понять и объяснить своеобразие идей отдельной исторической личности, необходимо исследовать и понять ту эпоху, в которую она жила, влияние которой испытала.

Понимая историческое значение Великой французской революции, открывшей, по его словам, «новую эпоху всемирной истории», Гёте относился к ней сдержанно, как и вообще ко всем народным восстаниям и революциям. Он полагал, что нельзя совершенно подавить народ, и подчеркивал, что «великие революции никогда не возникают по вине народа, но всегда по вине правительства». И в то же время революции для него были злом, ибо сеяли разрушения и хаос. Гёте же был приверженцем порядка и устойчивости, он предпочитал революционному пути решения социальных проблем постепенное совершенствование общественных отношений и государственных учреждений, считал, что правительства должны своевременными реформами предупреждать взрыв недовольства.

В философском романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1829) Гёте в числе многих социальных моделей общества показал и утопическую общину, построенную по принципу использования частной собственности на пользу всей общины и без ущерба для прочих ее членов.

³ *Kant I. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Königsberg, 1795.*

⁴ *Гёте И. В. Избранные философские произведения. М., 1964. С. 376.*

Изобразив сосуществование личной выгоды и всеобщего блага как реальную возможность, Гёте все же вложил в уста героя романа многозначительный вопрос: разве понятия «собственность» и «общее благо» не отменяют одно другого? Даже в своих идеалах Гёте, несмотря на гуманистическую направленность его произведений, оправдывал и навечно закреплял социальное неравенство, деление общества на тех, кто правит, и тех, кто производит материальные блага.

Противоречивость мировоззрения Гёте отметил Ф. Энгельс, когда писал, что «...в нем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотрительным сыном франкфуртского патриция, достопочтенным веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключать с этим убожеством перемирие и приспосабливаться к нему»⁵.

Ф. Шиллер как историк. Другой великий немецкий поэт и драматург **Иоганн Фридрих Шиллер** (1759—1805) был и значительным для своего времени историком, с 1789 г. профессором истории Йенского университета. Его вступительная лекция «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения» раскрывала общенсторические взгляды Шиллера.

Главной чертой человеческой истории он считал культурный и научный прогресс и подчеркивал, что успехи в борьбе против «духовного деспотизма» и «невежественных тиранов» выдвинули среднее бюргерское сословие на роль «творца всей нашей культуры» и привели к наступлению подлинно «гуманного столетия». Огромную роль в прогрессивном развитии общества Шиллер отводил истории, которая «приучает человека рассматривать себя в связи со всем его прошлым и подготавливает его к выводам в отношении отдаленнейшего будущего»⁶.

Шиллер подчеркивал, что история включает в себя весь нравственный мир,

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 233.

⁶ Шиллер Ф. Собр. соч. М., Л., 1937. Т. 7. С. 612.

и ввел в изучение прошлого идею ответственности человека перед обществом. Видя реальное противоречие между целями отдельного человека и результатами его деятельности, Шиллер стремился отобразить и объяснить это в исторических трудах «История отпадения объединенных Нидерландов от испанской короны» (1788) и «История Тридцатилетней войны» (1793).

Нидерландская революция изображена у Шиллера фрагментарно и изложение доведено лишь до 1567 г., так что основные ее события освещения не получили. И в истории Тридцатилетней войны, в сущности, рассмотрена лишь ее первая половина, а последние тринадцать лет очерчены бегло.

Симпатии Шиллера принадлежали нидерландской буржуазии, которую он считал главной силой в борьбе против испанского владычества. Он постоянно подчеркивал, что союз обедневших дворян-гёзов мог воевать против герцога Альбы только потому, что опирался на финансовую помощь протестантских торговцев.

В более широком плане вывод Шиллера сводится к тому, что руководящая роль в каждом патриотическом народном движении должна принадлежать союзу дворянства и буржуазии при преобладании последней. Но этот союз может успешно выполнить свою задачу только при наличии у него таких добродетелей, как благообразие и умеренность. Вообще эти добродетели для Шиллера, в котором всегда жил поэт и который подходил к истории с позиций морали и психологической трактовки, являлись подлинными двигателями прогресса.

Причиной и побудительной силой Тридцатилетней войны Шиллер считал религиозные противоречия. Сам он открыто высказывал симпатии протестантизму и явно преувеличивал историческое значение Реформации и деятельности главы протестантов — шведского короля Густава Адольфа. В освещении войны на первый план у Шиллера выступали личные мотивы правителей, чисто субъективные и случайные моменты хода событий, хотя все ужасы и страдания, которые несла с собой война, были изображены с огромной художественной силой.

Историческая концепция Гердера. С творчеством немецкого мыслителя, уче-

И. Гердер

ника Канта **Иоганна Готфрида Гердера** (1744—1803) связаны не только дальнейшее развитие историзма, но и наметившийся к концу века переход от просветительских идей к романтическим веяниям. В основном труде «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791) ⁷ Гердер предпринял попытку теоретически осмыслить весь процесс развития человечества и его историю как продолжение истории природы. Он выступал против телеологического понимания истории и подчеркивал, что в исторических событиях следует искать не какие-то тайные божественные предначертания, а породившие их земные причины.

Главной идеей труда Гердера была идея закономерного и причинно обусловленного развития человечества. Он отошел от схематичного представления французских просветителей о развитии как прямолинейном непрерывном процессе и выдвинул на первый план идею прогресса, развивающегося не плавно, а скачкообразно, с возможными отклонениями и зигзагами. Содержание прогресса заключалось, по Гердеру, в зарождении, укреплении и расцвете идеи гуманности, что Гердер считал чертой, отличающей мир человека от мира животных.

Просветительскую идею поступательного развития единого человечества Гердер дополнил признанием особенностей,

свойственных отдельным историческим эпохам и народам. Каждое звено этой единой исторической цепи считалось у него необходимым этапом между прошлым и будущим, каждое вносило свой вклад в развитие культуры. Под ней Гердер понимал язык и мышление людей, религию, науку и искусство, трудовую деятельность, торговые и общественные отношения, наполняя это понятие широким и конкретным социальным содержанием. Такой всемирно-исторический подход — одна из главных заслуг Гердера в области истории.

Он считал родиной человечества Азию, где зародились скотоводство, земледелие и те общественные отношения, которые распространились затем и на европейские народы. Гуманистическое мировоззрение Гердера, мечтавшего о гармонии наций и осуждавшего любые колониальные войны и захваты, определило его глубокое уважение к великому вкладу народов Востока в становление общечеловеческой культуры. Он сумел преодолеть и отрицательное в целом отношение большинства просветителей к средневековью, показывая его значение как необходимого этапа в развитии культуры.

В силу своего положения главы веймарского духовного ведомства Гердер, по крайней мере формально, всегда подчеркивал теологические основы своих взглядов. Вместе с тем он выражал полное согласие с той негативной оценкой исторической роли христианства, которую давал английский историк Э. Гиббон, и резко осуждал церковные догматы и схоластическое богословие.

Связующим звеном между прошлой историей и будущим Гердер считал германскую культуру, на базе которой происходило, по его мнению, дальнейшее прогрессивное развитие Европы. Однако он непримиримо относился к проявлениям европоцентризма и шовинизма, называя его «неблагодарной гордыней варвара», и с симпатией относился к прибалтийским и славянским народам, считая, что последние еще скажут в будущем свое слово в истории человечества.

Гердер отвергал ставшую уже традиционной историографию, которая сводилась к прославлению королей и полководцев. Он считал, что «философия, которая намере-

⁷ Herder I. G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit — Sämtliche Werke. В., 1891. Bd. XIII — XIV; Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

вається служити народу, повинна поставити народ в центр проблем»⁸. Исходя из этой глубоко демократической задачи, Гердер рассматривал государство как машину угнетения, которая должна исчезнуть, когда у народа появится и окрепнет способность к самоуправлению. Само возникновение феодальных государств Европы Гердер связывал с войнами, породившими княжества и крепостную зависимость поработанного народа. Поэтому Гердер восторженно приветствовал начало революции во Франции, но с ее дальнейшим углублением для него, как главного пастора Веймарского герцогства, стали невозможными выступления на острые политические темы.

Предвосхищая деятельность романтиков, Гердер много внимания уделял изучению народных песен и легенд, видя в них «архив народной жизни». Он издал замечательный сборник «Голоса народов в песнях», где были собраны лучшие из известных тогда образцов творчества практически всех народов Европы, а также эскимосов Гренландии и индейцев Перу. Впервые в исторической науке Гердер поставил вопрос о том, что Библия — такой же продукт народного творчества, как и древнегреческие эпические поэмы, а потому и ее следует изучать, применяя научные методы.

Ю. Мёзер и зарождение романтизма. Еще до Французской революции идеология Просвещения наталкивалась на сопротивление со стороны не только феодального дворянства, но и цехового бюргерства, связанного с отживающим способом производства. Таким ранним представителем бюргерско-собственнической романтической реакции на идеи Просвещения был юрист и крупный чиновник захолустного вестфальского княжества Оснабрюк **Юстус Мёзер** (1720—1794). Поскольку в Оснабрюке правил сын английского короля, то Мёзер бывал по служебным делам в Англии, где имел возможность непосредственно наблюдать начавшийся промышленный переворот, социальные последствия которого произвели на него отрицательное впечатление.

В трехтомной «Истории Оснабрюка»

⁸ Herder I. G. Zur Philosophie der Geschichte. B., 1952. Bd. 1. S. 86.

(1765 г.— I том; 1780 г.— II том; последний, III том вышел лишь в 1824 г., через тридцать лет после смерти автора)⁹ Мёзер в полной мере высказал негативное отношение к идее прогрессивного развития общества и единства человечества, которым он противопоставил ставшие краеугольными для романтического мировоззрения идеи «золотого прошлого» и обособленную национальную историю. Идеалом Мёзера являлся замкнутый сословно-корпоративный строй, оплотом которого должны были быть мелкие хозяева — крепкий крестьянин-собственник и такой же городской ремесленник. Подобно просветителям, Мёзер широко пользовался термином «свобода», но утверждал, что политически свободными и равноправными могут быть члены только тех сословий, которые образованы из собственников.

Работа Мёзера была первой в немецкой науке историей не политического, а социального развития средневековой Германии. В ней автор стремился показать, что основой любого общественного и государственного устройства являются имущественные отношения. Но они интересовали Мёзера не столько в плане их реального социально-экономического содержания, сколько в аспекте их правовых форм, что придавало его трудам специфическую ограниченность.

Несмотря на консерватизм Мёзера, заслугой его является то, что он первым поставил важнейшую для аграрной истории Германии проблему общины-марки, хотя решил ее в совершенно антиисторическом ключе. Он не признавал принципиальных различий между родовой общиной древних германцев и соседской общиной раннего средневековья. Важным было и стремление Мёзера писать историю по-новому, опираясь лишь на документальные источники и воздерживаясь от всяческого морализирования и резонерства. Только строго эмпирический метод исследования и изложения мог и должен был, по мнению Мёзера, превратить историю в истинную науку.

Главную роль в построениях Мёзера играла апелляция к исторической тради-

⁹ Möser J. Osnabrückische Geschichte.— Sämtliche Werke. B., 1842. Bd. 6—8.

А. Л. Шлëцер

ции, стремление к устойчивости форм прошлого и их сохранению. В противовес идее коренного переворота общества Мëзер выдвинул принцип традиционализма, медленного органического развития всех общественных отношений. Эти консервативные идеи Мëзера легли в основу родившейся на рубеже XVIII—XIX вв. романтической историографии.

Гёттингенская школа. С эпохой Просвещения в Германии тесно связано стремление превратить изучение истории в самостоятельную научную дисциплину. Центром этих начинаний был Гёттингенский университет, видную роль в котором играл сын неграмотного драгунского унтер-офицера, ставший университетским профессором, **Иоганн Кристоф Гаттерер** (1727—1799). Его вклад в развитие исторической науки был связан с постановкой задач и организацией исторического исследования, и в меньшей мере с конкретными исследованиями.

В духе немецкого Просвещения Гаттерер осуждал как деспотический абсолютизм, так и республиканские идеи и полагал, что правильная форма правления устанавливается путем морального самовоспитания и разумного познания мира. В просвещении нации он видел особо важную задачу всех ученых.

Превращение истории в самостоятельную науку Гаттерер связывал с решением четырех задач: 1) точное определение предмета исторического исследования, 2) развитие теории исторического познания, которая была бы адекватна реальности, 3) разработка общих методов исторического исследования и 4) создание специ-

ализированных исторических учреждений. История, по его убеждению, обязана раскрыть «движущие силы развития» и показать «скрытые отношения между действующими причинами и дальнейшими последствиями». Считая, что господствующая политико-дипломатическая история не может решить эти задачи, Гаттерер подчеркивал, что историк должен исследовать духовные и материальные основы событий: географию и климат, общественные и политические отношения, торговлю и сельское хозяйство, рост народонаселения, формы веры, искусства и науки, методы и цели ведения войн. Среди методов исследования он выделял два главных: хронологический и синхронный. Первый в его представлении объяснял, как постепенно образуются государство, нация и культура, второй был нацелен на изучение одновременных сходных процессов при широком использовании статистических материалов.

Программа Гаттерера ставила перед исторической наукой его времени совершенно новые задачи и далеко опережала достигнутый ею уровень. Поэтому он приложил немало усилий, чтобы поднять значение вспомогательных исторических дисциплин, «которые имеют теснейшее родство с историей и оказывают на нее важнейшее влияние»¹⁰. Активность Гаттерера в этой области была огромна: он написал подробные руководства по дипломатике, хронологии, нумизматике, географии и генеалогии.

В 1764 г. Гаттерер основал Исторический институт при Гёттингенском университете, чтобы начать в нем критическое серийное издание работ средневековых немецких историков, перевод и публикацию классических произведений историков Греции и Рима, создать кабинеты для изучения вспомогательных исторических дисциплин. Предполагалось также начать издание журнала «Всеобщая историческая библиотека» (*Allgemeine Historische Bibliothek*) со специальным разделом о методах исторической науки и обширной критико-библиографической рубрикой. Но из-за финансовых затруднений и ухудшения личных отношений Гаттерера с влиятельным гёттингенским истори-

¹⁰ *Gatterer J. Ch. Handbuch der Universalgeschichte. Göttingen, 1761. S. 3.*

ком Шлёцером институт через несколько лет прекратил свое существование.

Наиболее крупный представитель гёттингенской школы **Август Людвиг Шлёцер** (1735—1809) вышел из семьи потомственных пасторов и изучал вначале теологию в Виттенбергском университете, а затем филологию, ориенталистику, медицину и иностранные языки в Гёттингене. После пребывания в Швеции и шести лет работы в Российской Академии наук в Петербурге он возвратился в Гёттинген. Там в 1769 г. Шлёцер стал профессором философского факультета и приступил к преподаванию курса политики, куда входили статистика, государственное право и история.

Лекции Шлёцера, насыщенные крепкими народными выражениями и ядовитой иронией в адрес мелкодержавных немецких правителей, пользовались огромной популярностью. Они собирали около четырехсот студентов из 700—900, которые учились тогда в университете. Среди его слушателей были будущие крупные историки Дальман и Шлоссер, руководители буржуазных реформ в Пруссии Штейн и Гарденберг. Широкое использование в лекциях материалов тех авторов, чьи произведения были запрещены, повлекло за собой даже обвинение Шлёцера в пропаганде якобинских идей.

Кроме преподавания, Шлёцер активно занимался политической публицистикой, выпуская журналы «Историко-политическая переписка» (*Briefwechsel, meist historischen und politischen Inhalts*), 1776—1782, и «Государственные ведомости» (*Staatsanzeigen*), 1782—1793, в которых выступал с острой критикой феодальных порядков, крепостничества и сословных привилегий. В апреле 1791 г. он первым в Германии опубликовал в своем журнале французскую «Декларацию прав человека и гражданина», но с углублением революции во Франции занял по отношению к ней отрицательную позицию.

Политическим идеалом Шлёцера оставался «просвещенный абсолютизм». Он высоко оценивал деятельность Екатерины II в России, Иосифа II в Австрии, Фридриха II в Пруссии, заложив основы легенды о просветительской миссии последнего. Главным предметом исследова-

ний Шлёцера оставалось государство, которое он рассматривал уже не с позиций теологии, а в рамках политики, как наиболее эффективное орудие прогресса.

В своих произведениях по всемирной истории Шлёцер не ограничивался лишь политическими и военными событиями. Он пытался учесть и экономический фактор и придавал большое значение «изменениям физических потребностей» людей. Он стремился показать, что отдельные отрасли хозяйственной деятельности развиваются не изолированно, сами по себе, а в тесной взаимосвязи. Конечно, Шлёцер еще не мог четко определить связь между общественным развитием и его экономическими основами. Много внимания уделял он общественным последствиям открытия огня, изобретения письменности, пороха, бумаги, книгопечатания, распространения новых предметов потребления — табака, сахара, кофе, чая.

Стремление охватить многие стороны социальной действительности, придать всеобщей истории подлинно всемирный характер было наиболее сильной стороной работ Шлёцера. Он исходил из того, что все народы и все исторические эпохи, о которых сохранились достоверные сведения, заслуживают тщательного научного изучения.

В течение всей жизни Шлёцер испытывал глубокий интерес к русской истории. Он основал в Гёттингене первое в Германии Общество по изучению русской истории и положил начало исследованиям истории России в европейской науке. Большой его заслугой явились сбор, изучение и издание древнерусских летописей в пяти томах¹¹. При этом он впервые систематически применил только еще зарождавшийся тогда метод сравнительной историко-филологической критики источников, чтобы попытаться восстановить первоначальный текст летописей и очистить его от позднейших искажений и ошибок. Хотя Шлёцер в целом придерживался норманнской теории происхождения Древнерусского государства, он указывал, что даль-

¹¹ Nestor Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt, 5 Theile. Göttingen, 1802—1809.

Г. Форстер

нейшее значение варягов в истории России было незначительным и не наложило на нее заметного отпечатка.

Творчество Шлёцера наиболее выпукло отразило сильные и слабые стороны немецкой исторической науки эпохи Просвещения и предвосхитило некоторые черты немецкой либеральной историографии первой половины XIX в.

Немецкое якобинство. Расцвет якобинской литературы и публицистики в Германии падает на середину 90-х годов XVIII в. Немецкое якобинство было не радикальной политической группировкой, как во Франции, а прежде всего литературным направлением, лишь немногие представители которого являлись последовательными сторонниками решительных революционных действий.

К ним принадлежал юрист **Карл фон Кноблаух**, воинствующий атеист и последователь Спинозы. Кноблаух защищал революционный террор как необходимое средство в борьбе против деспотизма. В книге «Политико-философские беседы»¹² он развивал идею народного суверенитета и считал, что высшим носителем политических установлений является нация, которая имеет право свергнуть недостойных и тиранических правителей.

Ведущее положение среди немецких якобинцев занимал **Георг Форстер** (1754—1794), ученый, путешественник-естествоиспытатель и активный деятель первой республики на немецкой земле — Майнц-

ской коммуны, которая приняла решение о присоединении к революционной Франции. Форстер получил известность еще после участия в кругосветном плавании знаменитого английского капитана Кука, когда выпустил научно-художественное произведение «Путешествие вокруг света» (1777). Увлекательно написанная книга была интересна тем, что убедительно опровергала утопическое представление Руссо о первобытном «золотом веке», показывая, что и на диких тихоокеанских островах счастья не больше, чем в цивилизованной Европе.

Политическим идеалом Форстера была буржуазно-демократическая республика, сила которой должна проистекать из того, что она выражала интересы народа. Он находил значение Французской революции в том, что она подняла на новую ступень мораль и нанесла удар по алчности и корыстолюбию. Форстер даже выступал с эгалитаристских позиций за ограничение собственности, хотя считал ее естественным правом человека.

Общеисторические взгляды Форстера выражены в небольшой, но глубокой по содержанию книге «Руководящая нить будущей истории человечества» (1789)¹³. В ней он писал, что отдельный человек и весь человеческий род развиваются по одним и тем же принципам и естественным законам. Все живое и в природе, и в обществе исходит из общего принципа сохранения и продолжения рода. Суть исторического прогресса заключается в переходе человечества от животной дикости к цивилизации естественным и закономерным путем. Но кроме такой биологизации общественно-политических отношений у Форстера имелось и другое, более глубокое понимание сущности исторического процесса. Он высказывал мысль, что внутри человеческого общества происходит неизбежная борьба между различными социальными группами. Связывая эту борьбу с материальными условиями существования, Форстер пришел к выводу, что она является постоянным явлением развития человеческого общества.

¹² *Knoblauch K.* Politisch-Philosophische Gespräche. В., 1790.

¹³ См.: *Форстер Г.* Избранные произведения. М., 1960.

Ярким представителем немецкого якобинства был **Август Айнзидель** (1754—1837), последовательный атеист, материалист и республиканец. Он считал, что человечество из первобытной орды организовалось как общество после возникновения частной собственности и начала борьбы за обладание ею. Айнзидель не требовал уничтожения собственности, но, как и Форстер, выступал за ее ограничение и даже уравнивание, видя источник зла в существовании богатства и бедности. Другим источником неравенства для него была торговля, поэтому Айнзидель ратовал за государственную торговую монополию и заявлял, что «капиталист (в его понимании, это просто богатый торговец.— *А. П.*) — это противоестественное существо»¹⁴.

О радикальности взглядов Айнзиделя говорит его утверждение, что за политической революцией, осуществляющей политическое равенство, должна последовать другая, социальная революция, которая

установит имущественное равенство. Поэтому он видел «золотой век» не в прошлом, а в будущем и связывал его приход с расцветом науки и техники. Необычайно интересно высказанная им мысль о том, что прогресс науки приведет к созданию таких орудий войны, которые сделают ее самоубийственной для человечества, а потому невозможной.

Взгляды Айнзиделя на государство были довольно туманными, но в целом носили отпечаток утопического эгалитаризма. Он высказывался за такую республику, где законодательством должно заниматься «культурное меньшинство», и полагал, что одинаково деспотичными являются и неограниченная воля монарха, и всеобщая воля народа. В такой республике необходимо «планировать и рассчитывать» все, что она производит для удовлетворения потребностей населения.

Возникновение немецкого якобинства показало, что в общем потоке просветительской историографии, достигшей вершины в гёттингенской школе, появляется и заметная демократическая струя.

¹⁴ *Einsiedel A. Ideen. B., 1957. S. 206.*

Глава 6

Война за независимость и социально-исторические воззрения североамериканских просветителей

У истоков американской историографии. Американская историография берет начало от хроник и мемуаров раннего колониального периода. Наиболее известными являются записки первых хронистов: капитана Джона Смита, губернатора Нового Плимута Уильяма Брэдфорда, первого губернатора колонии залива Массачусетс Джона Уинтропа¹. День за днем они воспроизводят историю английских поселе-

ний: рассказывают о взаимоотношениях колонистов с индейцами, о первых тяжелых годах существования колоний, борьбе поселенцев против голода и болезней. Однако хроники не были простым бытописанием. Историческая основа их трактовки исторических событий была вера в предопределение явлений общественной жизни божьим промыслом. Пуритане-хронисты, пытаясь осмыслить место колонистов в истории сквозь призму Ветхого завета, проводили аналогию между переселением из погрязшей в пороках Англии в Америку и легендарным исходом израильтян из Египта. Америка представлялась «землей обетованной», специально избранной богом для английских поселенцев. «Мы должны иметь в виду, что будем подобно го-

¹ *Smith J. A True Relation of Such Occurrences and Accidents of Noate as Hath Happend in Virginia since the First Planting of that Colony. L., 1608; Bradford W. The History of Plymouth Plantation. Boston, 1956; Winthrop J. The History of New England from 1630 to 1649. Boston, 1825—1826. V. 1—2.*

роду на холме, и глаза всех будут устремлены на нас»², — внушал своим единомышленникам Дж. Уинтроп в проповеди «Образец христианского милосердия».

Идеи предопределения и избранности были гносеологически тесно связаны с принципами пуританства, этой раннебуржуазной идеологии. Религиозное доктринерство достигло своего апогея в сочинениях Инкриза Мезера и его сына Коттона. В «Духовной истории Новой Англии» К. Мезер подчеркивал определяющую роль христианской церкви и божественного замысла при основании колоний в Северной Америке и свою главную задачу усматривал в том, чтобы рассказать, каким образом мудрость и вера господня проникли в «индейскую пустыню».

XVIII век принес немало нового в описание прошлого. За перо историка теперь брались не только служители церкви, но плантаторы и купцы, юристы и врачи. Хотя по-прежнему Америка рисовалась землей обетованной, а ее заселение объяснялось божьим промыслом, секуляризация пробиwała себе дорогу. Большинство колониальных историков объясняло те или иные конкретные события не волей провидения, а земными причинами. Критический дух проявлялся в скептическом отношении к повествованиям первых летописцев о чудесных событиях. Расширялся и круг рассматриваемых проблем. Теперь на первый план выступали не рассуждения о борьбе с кознями дьявола, как у Мезеров, а темы войн с индейцами и колонизации западных земель, англо-французского соперничества в Северной Америке и т. д. Таковы работы Р. Беверли «История Виргинии», У. Бирда «История пограничной линии», Т. Принса «Хронологическая история Новой Англии».

К середине XVIII в. в исторических работах появляются новые мотивы. У. Стит представил раннюю историю Виргинии как борьбу Лондонской кампании против узурпации короны, а колонистов — против губернаторов. У. Дуглас предпринял первую попытку дать обобщающий очерк развития всех английских колоний в Северной Америке.

Основные черты американского Просвещения. Новый этап в развитии американской общественной мысли связан с Просвещением. Американское Просвещение зародилось в условиях борьбы за независимость и национальное единство жителей тринадцати английских колоний в Северной Америке. Оно явилось идейной подготовкой Войны за независимость 1775—1783 гг. — первой буржуазной революции на Американском континенте. Перед революцией стояла задача не только завоевать национальную независимость, но и ликвидировать устаревшие социально-экономические и политические институты, консервировавшиеся английским колониальным господством, расчистить путь для развития американского капитализма.

Широкое идейное течение Просвещения имело возможность опереться на опыт, накопленный передовой мыслью колоний (Р. Уильямс, Т. Хукер и др.), прежде всего в обосновании договорной теории государства и учения о народном суверенитете. На его формирование оказала сильное воздействие английская и французская просветительская мысль, особенно были популярны в Америке Дж. Локк, Ш. Монтескье, Дж. Мильтон, Дж. Гаррингтон, английские радикалы 60—70-х годов XVIII в.

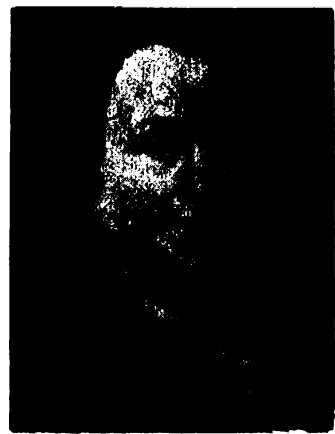
В основе нового миропонимания лежал рационализм; американская общественная мысль, обращенная к сфере политических и социальных доктрин, впервые сбросила теологические покровы. Американским просветителям не пришлось вести усиленную борьбу с феодально-богословскими концепциями, являющимися важными опорами «старого порядка» в Европе, но пропаганде рационализма и деизма противостояли догматы пуританства. Рационалистическое мышление опиралось на теории естественного права и общественного договора, получившие специфическое звучание на американской почве и давшие мощный стимул развитию национального самосознания. Если в Европе XVII—XVIII вв. естественноправовое учение было направлено против сословного неравенства, то в Северной Америке оно было повернуто против неравенства американских колоний и английской метрополии. Из этой трактовки и выростала концепция независимости США.

² Winthrop Papers. N. Y., 1968. V. 1—2; V. 1. P. 295.

Американское Просвещение достигло своей высшей точки в ходе буржуазной революции. В отличие от Франции, где просветителям было дано лишь подготовить почву для торжества революционных идей, выдающиеся деятели американского Просвещения — Б. Франклин, Т. Джефферсон, Т. Пейн — имели возможность принять непосредственное участие в революции в качестве ее идеологов и политических лидеров. Американские просветители видели свою задачу прежде всего в освоении опыта истории, а не исследовании отдельных исторических проблем. Однако их социальные воззрения и исторические экскурсы внесли немалый плодотворный вклад в процесс становления национальной американской историографии. Американские просветители порвали с теологическими доктринами, видели движущие силы развития в прогрессе знаний и морали, ввели в исследование аналитические методы рационализма, в отдельных случаях они обнаружили понимание фактов экономической жизни.

Б. Франклин. Творчество **Бенджамина Франклина** (1706—1790) открывает эпоху американского Просвещения. В его жизни и деятельности нашли живое воплощение просветительские идеи о самоценности человеческой личности, мерилом которой являются талант и труд. Выдающийся политический деятель, один из лидеров Американской революции, Франклин был крупнейшим ученым-энциклопедистом — естествоиспытателем и экономистом, философом и историком³.

Существенное место в его творчестве занимали морально-этические проблемы. В «Альманхе Бедного Ричарда» (1732—1758) и «Автобиографии» (1751) были сформулированы нормы повседневного обихода ремесленника, купца, фермера. Франклин высмеивал праздность, расточительность и прославлял трудолюбие, бережливость, благоразумие. Важными чертами нового буржуазно-индивидуалистического кодекса были отказ от религиозной санкции и враждебность феодально-аристократическим установлениям.

Б. Франклин

Франклин идеалистически рассматривал общественное развитие. На вопрос, что является главной движущей силой исторического прогресса, он в духе просветительства отвечал: совершенствование морали и знаний. Вместе с тем взгляды Франклина содержали прозорливые материалистические догадки и открытия. Ему принадлежит заслуга определения человека как «животного, делающего орудия». В памфлете «О работоторговле» (1790) Франклин, опираясь на естественноправовое учение, отмечал не только аморальность рабства, но и его экономическую неэффективность по сравнению с трудом наемных рабочих. Выступая в экономических исследованиях как буржуазный идеолог, Франклин «...сформулировал, — по выражению Маркса, — основной закон современной политической экономии»⁴. Он был одним из первых экономистов, уяснивших природу стоимости, т. е. подошедших к признанию человеческого труда как меры стоимости всех вещей.

В предреволюционный период в своих произведениях Франклин рассматривал политические вопросы национального значения, он стал крупнейшим выразителем антиколониальной критики. В публицистических статьях и особенно в работе «Исторический очерк конституции и правительства Пенсильвании» (1759) он неоднократно обращался к истории для аргументации

³ The Writings of Benjamin Franklin. N. Y., 1907. V. 1—10; Франклин В. Избр. произведения. М., 1956.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 42.

Т. Джефферсон

права североамериканских колоний на независимость. Франклин отвергал провиденциалистский подход к истории и выступал против тех, кто интересуется лишь «великими» событиями — историей войн и полководцев, а не историей «мельчайших существ» — простых поселенцев колоний. В «Историческом очерке...» Франклин рассматривал историю Пенсильвании прежде всего под углом зрения борьбы колониальных ассамблей против деспотической власти метрополии. Эта борьба определялась циничным попранием правителями колонии законности и конституционных основ и нежеланием жителей Пенсильвании терпеть систематическое нарушение их свобод. Обосновывая право североамериканских колоний на самоуправление, он обращался к теории договорного происхождения верховной власти. Единственным связующим звеном между Англией и Северной Америкой признавалась власть британского монарха, которая должна в колониях быть ограничена хартиями и ассамблеями, подобно тому как она урезана в английской метрополии конституционными установлениями.

Работа Франклина построена в основном в конституционном ракурсе, но американский просветитель, будучи крупнейшим знатоком политической экономии, отличался также интересом к экономическим условиям жизни. В его «Историческом очерке...» содержится немало ценных сведений об экономике американских колоний, финансах Пенсильвании, экономических противоречиях между Англией и ее американскими владениями. В политических целях

Франклин идеализирует начальный период истории Пенсильвании, рисуя картину равенства колонистов и патриархальные отношения между поселенцами и собственниками колонии. Однако затем положение коренным образом изменилось, в Пенсильвании образовалось два полюса: «...с одной стороны, высокомерный лорд, стремящийся превратить свободных арендаторов в подчиненных вассалов и пожинать то, что им не было посеяно... с другой стороны, те, кто достаточно хорошо знает свои права и обладает достаточным мужеством, чтобы их защищать»⁵.

В публицистических работах «Допрос доктора Бенджамина Франклина в английской палате общин» (1766), «Причины недовольства американцев в период до 1768 г.» (1768) и других Франклин особенно пристально всматривался в экономический аспект англо-американских противоречий после Семилетней войны — торговых, промышленных, фискальных и т. д.

Заметное место в творчестве Франклина занимала тема индейцев. В «Заметках относительно дикарей Северной Америки» (1784) и других исследованиях Франклин на основе собственных наблюдений, опираясь на опыт многочисленных путешественников, анализирует различные стороны жизни и быта индейцев. Он с симпатией рисует общественно-политическое устройство индейских племен, характеризуя его как демократическое, и противопоставляет так называемых дикарей их цивилизованным соседям. Несомненно, на отношение Франклина к индейцам оказали влияние идеи и представления о естественном состоянии людей, об ушедшем «золотом веке», свойственные многим просветителям. Но в основе его оценок лежали также не потерявшие значения до сих пор гуманистические идеалы равенства всех людей, принадлежавших к разным народам и расам.

Т. Джефферсон. Томас Джефферсон (1743—1826) — выдающийся мыслитель, представитель революционного крыла просветительства, являлся, так же как и Франклин, крупным американским государственным и общественным деятелем эпохи Войны за независимость.

⁵ Франклин В. Избр. произв. С. 105.

Написанная Джефферсоном Декларация независимости (1776) способствовала закреплению за ним славы ведущего идеолога Американской революции. Декларация независимости явилась не только «свидетельством о рождении США», но и воплощением основных принципов американского Просвещения. Доктринам о божественном происхождении верховной власти противостояло естественноправовое учение, теоретически обосновывавшее положение: о равенстве жителей колоний и метрополии, об общественном договоре, о суверенитете народа и праве на революцию. Все эти рационалистические положения, выдвинутые в борьбе с колониальной и феодально-сословной идеологией, закладывали основы буржуазно-демократической общественной мысли. О степени радикальности воззрений Джефферсона свидетельствует замена в Декларации независимости термина «собственность» формулировкой «стремление к счастью» (известное положение Локка о естественных правах гласило: «Жизнь, свобода и собственность»). Этой формулировкой Джефферсон обнаруживает связь с демократическими мыслителями французского Просвещения. Как и Руссо, Джефферсон не относил собственность к разряду изначальных естественных прав, а рассматривал ее как гражданскую, т. е. исторически возникшую социально-экономическую, категорию.

В Декларации независимости была как бы сформулирована историческая концепция происхождения революции. Помимо теоретических положений, из которых вытекало, что революция — результат развития колоний и существующая королевская власть не соответствует возросшему самосознанию жителей колоний, в Декларации независимости подробно перечислялись «злоупотребления и насилия» короля. Среди них: лишение жителей колоний права представительства в английском парламенте, роспуск законодательных собраний колоний, препятствование заселению колоний, затруднение приобретений земельных наделов, прекращение торговли колоний с другими странами, возбуждение «внутренних восстаний» (имеются в виду восстания негров-рабов), натравливание индейцев на белых колонистов и т. д.

Исторические суждения Джефферсона,

лежавшие в русле взглядов, общих для всех просветителей, отражали также американскую специфику. Джефферсон связывал утрату золотого периода англосаксонского прошлого в Англии с нашествием нормандцев, утвердивших феодальные институты и королевский суверенитет над всеми землями. Но английский король не имел никаких оснований притязать на право распоряжения землей в Северной Америке: «Америка не завоевывалась Вильгельмом Нормандским, и ее земли не подчиняются ни ему, ни кому-либо из его преемников. Несомненно, все владения носят аллодиальный характер»⁶.

Эгалитарный характер взглядов Джефферсона проявлялся в отношении к земельному вопросу. Специфические условия развития колоний Северной Америки, меньшее социальное расслоение, чем в Европе, существование большего числа мелкособственных хозяйств (при наличии свободных земель) порождали иллюзии о возможности обращения большинства американцев в независимых земледельцев. Им отдал дань молодой Джефферсон. Страдания городских низов Лондона и Парижа произвели на него гнетущее впечатление. Но еще до своего путешествия в Европу он считал, что естественное право каждого человека на землю может быть реализовано в Северной Америке, будущая Америка мыслилась ему как фермерская республика, где процветают высокие гражданские добродетели.

При всем внимании к аграрным вопросам эти положения — лишь отдельные звенья в общей идеалистической схеме понимания общественного развития Джефферсоном. Сравнивая взгляды Руссо и Джефферсона, нельзя не отметить, что Руссо мыслил глубже, материалистичнее. Причины зла, царящего в обществе, он искал в частной собственности и прогресс видел в появлении новых приемов производительной деятельности человека.

Для Джефферсона развитие общества — прежде всего продукт деятельности законодателей, а источник неравенства —

⁶ Американские просветители. Избр. произв. М., 1968—1969. Т. 1—2; Т. 2. С. 23.

Т. Пейн

в несовершенстве политических институтов. В то же время в своем республиканизме он был значительно последовательнее большинства французских просветителей и оказал влияние на формирование взглядов политических деятелей Французской революции: Кондорсе, Бриссо и др. Джефферсон признавал за народом безусловное право на революционное восстание против тирании. С этих позиций он оценивал восстание Даниэля Шейса 1786 г., напугавшее умеренные круги. Джефферсон писал: «Древо свободы должно удобряться кровью тиранов и патриотов. Это естественное состояние...»⁷. Позднее он выступал в защиту радикальных актов Французской революции.

Джефферсон так и не смог осуществить своего намерения написать историю США, но немало сделал для распространения исторических знаний. В 1779 г. он был инициатором билля в Виргинии, впервые предусматривавшего преподавание американской истории в публичных школах. В первые годы XIX в. Джефферсон резко выступил против тех историков, которые принижали значение революции в США; он был убежден, что лучшим средством борьбы против тирании является просвещение народа, которому «следует дать знание исторических фактов, содержащих опыт других поколений людей»⁸.

Т. Пейн. Томас Пейн (1737—1809) занимал наиболее радикальные позиции в американском Просвещении. «Моя родина там, где есть свобода», — сказал однажды Франклин Пейну. «А моя родина там, где нет свободы», — ответил на это Пейн, вся жизнь которого была борьбой против деспотизма и социальной несправедливости: в США, где он являлся идеологом освободительной борьбы, в Англии, где он родился, во Франции, где он был членом революционного Конвента.

Социальные воззрения Пейна в значительной степени близки ко взглядам левого крыла французских просветителей: он демократически истолковывал теорию естественного права, относя собственность к гражданским правам. На вопрос, откуда возникла земельная собственность, Пейн отвечал: «Вместе с началом обработки земли возникла и идея земельной собственности вследствие невозможности отделить улучшения, произведенные обработкой, от самой земли, на которой это улучшение сделано». Естественное состояние Пейн понимал как жизнь объединенных в коллектив людей, а не существование враждебных друг другу индивидов.

Менее глубок, чем рассмотрение происхождения собственности, анализ Пейном причин возникновения государства. Его образование он чаще всего связывал с чужеземным завоеванием. Однако и здесь во взглядах Пейна пробивалась материалистическая тенденция. В предреволюционном американском обществе он видел социальные группы: фермеров, мануфактуристов и ремесленников, торговцев и аристократов.

Славу Пейну принесли памфлет «Здравый смысл» (1776), сыгравший роль колокола, призывавшего подняться на освободительную борьбу, и публикации «Американские кризисы», которые по приказу Вашингтона зачитывались в армии как боевые приказы. В «Здравом смысле» Пейн, подобно Джефферсону, обосновывая концепцию независимости и республиканизма, проанализировал причины войны, показал историческую неизбежность разрыва между североамериканскими колониями и Англией. Он впервые в американской просветительской литературе с предельной ясностью показал, что в основе английской

⁷ Jefferson Th. *Memoirs, Correspondence and Private Papers*. L., 1829. V. II. P. 267.

⁸ *The Writings of Thomas Jefferson* / Ed. P. Ford. N. Y. 1892—1899. V. I—X; V. II. P. 221.

колониальной политики в Америке лежат экономические интересы и что Англия систематически эксплуатирует колонии, препятствуя их развитию.

В «Американских кризисах» Пейн кратко прослеживает важнейшие военные и политические события Войны за независимость. Он оценивает Войну за независимость как народную войну, захватившую большинство слоев американского общества. Он также дает социальную оценку лоялистам, сторонникам английской монархии. Пейн описывает американскую армию в дни побед и в трагическую осень 1777 г.

Пейном владела мысль написать историю Войны за независимость, но конгресс отказал ему в должности историографа, дававшей финансовые средства и открывавшей доступ к материалам о войне. Итогом выступлений Пейна по истории Войны за независимость был опубликованный в 1782 г. памфлет «Письмо аббату Рейналю — о делах в Северной Америке»⁹. Книга французского просветителя Г. Рейналя «О революции в Америке» (1781), по существу, была частью неоднократно переиздававшегося его известного труда «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях». Рейналь с позиций просветительского гуманизма осуждал английский колониальный гнет в Северной Америке. Но книга, написанная еще до Французской революции, выглядела слишком умеренной для Америки, только что пережившей свою революцию. Т. Джефферсон, Дж. Адамс и другие видные деятели революции были не удовлетворены ею. В памфлете-письме Пейн упрекал Рейналя за то, что он не увидел глубоких причин разрыва колоний с Англией, недооценил международное значение событий в Америке и не понял, что революция привела к рождению новой общественной системы. Пейн стремился к исправлению ошибки Рейналя, связанной с неверным изложением таких важных событий, как трудная зима 1777/78 года для истощенной

американской армии. Он отверг упреки Рейналя в том, что США пошли на союз с монархической Францией, указывая на необходимость использовать англо-французские противоречия для победы революции.

Новый этап в творчестве Пейна связан с его участием во Французской революции. С особой силой революционные идеи Пейна прозвучали в работе «Права человека» (1791—1792), написанной в ответ на контрреволюционный памфлет англичанина Э. Бёрка «Размышления о Французской революции». Если последний защищал «неизменный общественный договор» и силу традиций, то Пейн развил положение о праве народа на революцию, выдвинув идею необходимости постоянного возобновления «общественного договора» для приведения его в соответствие с волей большинства народа.

Участие в двух революциях расширило кругозор Пейна и углубило его радикализм. В «Веке разума» (1794) с позиций деизма рассматриваются вопросы религии, а Библия трактуется как легендарно-мифологический источник. Пейн с полным правом заявлял: «Я прошел по Библии, как человек проходит по лесу с топором в руках, срубая деревья на своем пути. Вот они лежат». Острой критике подверг он деятельность церкви, способствовавшую укреплению деспотизма.

В «Аграрной справедливости» (1797) Пейн осудил существовавшую систему распределения собственности, которая обрекает множество людей на нищету. Он развил утопический проект обеспечения немущих за счет налогового обложения состоятельных классов. Пейн высказывал прозорливую догадку об источнике капиталистической прибыли: «Если мы пристально исследуем этот вопрос, то обнаружится, что накопление движимой собственности является во многих случаях следствием слишком малой платы за труд, который создал эту собственность, вследствие чего рабочего ждет ужасная старость, а предприниматель купается в роскоши»¹⁰. Здесь уже проявились настроения, порожденные

⁹ Гольдберг Н. М. История США в произведениях Т. Пейна и Б. Франклина // Основные проблемы истории США в американской историографии / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1971.

¹⁰ Пейн Т. Избр. соч. М., 1959. С. 392.

разладом между просветительскими утопиями и практикой буржуазного общества. Возвратившись в 1802 г. в Америку, Пейн был встречен как опасный радикал. Он умер в одиночестве и нищете.

Американское Просвещение, складывавшееся под воздействием идей английских и французских просветителей, оказало в последующем благотворное влияние на европейскую общественную мысль.

Материалистические тенденции в истолковании общественных отношений деятелями умеренного крыла революции. В эпоху ранних буржуазных революций XVII—XVIII вв. накал социальной борьбы достигал порой такой силы, настолько заострял внимание на проблемах собственности, что некоторые буржуазные идеологи предпринимали попытки связать с ними явления общественно-политической борьбы. В период Английской буржуазной революции XVII в. с социологической доктриной, содержащей элементы материалистического подхода, выступил Дж. Гаррингтон; в эпоху Французской революции материалистические объяснения общественных отношений стремился дать А. Барнав.

Американская революция также дала сильнейший толчок развитию общественной мысли. Решающее воздействие на оформление материалистических тенденций оказало восстание Д. Шейса в 1786 г.— высшая точка в послевоенных усилиях народных масс углубить буржуазную революцию. Обострение социальных конфликтов побудило идеологов умеренного буржуазного лагеря к более глубокому осмыслению причин социальных антагонизмов в стране. При этом на них также оказали влияние отдельные материалистические положения, ранее выдвинутые в рационалистических построениях просветителей. У идеологов федералистского движения — Дж. Адамса, Дж. Мэдисона, А. Гамильтона — оформляются материалистические тенденции в объяснении общественных отношений, мысли о связи владения собственностью с разделением общества на враждебные социальные фракции¹¹.

¹¹ См.: *Согрин В. В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980. С. 242—246.

Одним из первых концепцию социальной дифференциации сформулировал **Джон Адамс (1735—1826)**. Просветители полагали, что существует лишь один источник социальных различий между людьми — привилегии феодального характера, а понятие «фракции» использовалось лишь для обозначения размежевания между штатами. Адамс же в работе «Защита конституций Соединенных Штатов Америки» (1786) рассматривал социальную дифференциацию и вытекающие из нее антагонизмы как универсальное явление в мировой истории; любое общество, будь это Древний Рим, средневековые государства или современные Соединенные Штаты, разделяется на привилегированное меньшинство и лишенное привилегий большинство. Адамс перечислял различные факторы, влияющие на формирование социального неравенства: неравенство наследуемых людьми имуществ, разные природные способности и т. д., но при этом он делал упор на экономические причины происхождения неравенства между людьми.

Роль экономического фактора в возникновении фракций была еще сильнее подчеркнута в работах **Джеймса Мэдисона (1751—1836)** и **Александра Гамильтона (1757—1804)**. Мэдисон впервые назвал фракции «различными классами» и отнес к ним такие социальные слои, как должники, фермеры, промышленники, купцы; чаще, однако, ими выделялись две большие социальные общности — «богатые» и «бедные». Источник фракций определялся совершенно отчетливо указанием на имущественное разделение общества. «Наиболее обычным и устойчивым источником существования фракций,— писал Мэдисон в знаменитом десятом номере «Федералиста»,— является неравное распределение собственности. Те, кто имеют собственность, и те, кто лишен ее, всегда образовывали в обществе различные интересы»¹². Мэдисон выделял и более мелкие социальные и политические фракции, но отмечал, что они составная часть двух главных

¹² The Federalist, Middletown (Connecticut). 1975. P. 59.

фракций — «меньшинства» и «большинства».

Построения идеологов-федералистов никак не носили абстрактно-теоретического характера. Отвергнув идиллические представления о гармоническом характере американского общества, Адамс, Мэдисон и Гамильтон предлагали руководствоваться при формировании политической структуры США положениями о вечности социальных разделений и неизбежности общественных катаклизмов. Противоядием должна была служить защищаемая федералистами Конституция 1787 г., с крепкой централизованной властью, способной обеспечить безопасность собственности и справиться с социальными бурями. Если Джефферсон видел в восстании Шейса борьбу против тирании, то Гамильтон, акцентируя внимание на экономической подоплеке фермерских движений, прямо писал: «Если бы Шейс не был безнадежным должником, очень сомнительно, что Масса-

хусетс был бы ввергнут в гражданскую войну»¹³.

Таким образом, материалистические представления идеологов федералистов о причинах общественных конфликтов поднялись в ряде положений выше достигнутого Просвещением. Гуманистической, но весьма абстрактной теории о развитии общества на основе социальной гармонии была противопоставлена более земная концепция углубления имущественного расслоения и обострения социальных конфликтов по мере развития конкуренции, роста промышленности и торговли. Социальные концепции идеологов-федералистов, содержавшие явно выраженный материалистический элемент, для той эпохи были наиболее реалистической попыткой объяснения происхождения собственности и природы социальных конфликтов.

¹³ The Federalist. P. 31.

Глава 7

Рационалистические идеи и просветительские течения русской исторической мысли

В XVIII в. происходят глубокие сдвиги в экономическом, социально-политическом и культурном развитии России, которая стала могучей европейской державой. Этот процесс в немалой мере был результатом активной преобразовательной работы Петра I, проводившейся, однако, в рамках феодально-крепостнического строя и связанной в конечном счете с усилением крепостничества.

Одновременно товарно-денежные отношения все глубже проникали в крепостное хозяйство, в недрах феодального способа производства формировались капиталистические отношения. Процесс этот был сложен и противоречив. Формирование капитализма шло параллельно с распространением крепостничества вглубь и вширь, охватывавшего все новые территории и категории населения. Увеличивалось землевладение дворян и их «крещеная собственность».

Обострение во второй половине XVIII в. противоречий феодально-крепостнического строя, прежде всего основного классового антагонизма — между закрепощенными крестьянами и помещиками, вылилось в Крестьянскую войну 1773—1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева.

Сдвиги в социально-экономическом развитии страны, обострение классовых противоречий обусловили превращение сословной монархии в абсолютистскую. Свою становившуюся все более консервативной с течением времени политику самодержавие нередко облекало в форму «просвещенного абсолютизма». При этом оно использовало фразеологию и отдельные идеи западно-европейских просветителей в интересах укрепления самодержавно-крепостнического строя и изображало себя надклассовой силой, которая заботится о благе народа.

Все эти обстоятельства резко подняли

общественное значение истории. С середины XVIII в. развитие исторической мысли в России становится особенно интенсивным. Исторические труды создавались в столице и в провинции, расширялась источниковая база исторических исследований. Публиковались летописи, Русская Правда, Судебник 1550 г. и другие источники. Встала задача совершенствования источниковедческих приемов.

Расширение связей с Западной Европой, в первую очередь с Францией, политика «просвещенного абсолютизма» способствовали увеличению числа переводов иностранных литературных, философских и исторических сочинений. Известностью среди образованной части русского общества пользовались труды французских просветителей Монтескье, Вольтера, Дидро, Руссо, Мабли, статьи из «Энциклопедии».

В XVIII в. в русской историографии были созданы первые концепции истории России на рационалистической основе, началось осмысление с этих позиций всемирной истории и места в ней русского народа. Дворянское направление, господствовавшее в историографии, пыталось использовать отдельные элементы рационалистического подхода для исторического обоснования самодержавно-крепостнического строя.

Обострение социальных противоречий в стране, выдвигание на первый план крестьянского вопроса привело к появлению просветительского направления в исторической мысли. В обстановке острой идейной борьбы 70—90-х годов просветители усиливают критику существующего строя, дворянского деспотизма, выдвигается идея народной революции как единственного средства уничтожения самодержавия, рождается революционное осмысление истории.

Рационалистические идеи в дворянской историографии. Уже в начале века господствовавший в общественной мысли России провиденциализм начинает вытесняться объяснением исторических событий волей и действиями людей — правителей и полководцев, борьбой человеческих характеров и рассмотрением их с позиций «человеческого разума».

Попытка с этих позиций создать обобщающий исторический труд, который об-

служивал бы политические интересы государства, была предпринята при Петре I. Петр I ставил задачу «ведать Российского государства историю», его интересовала деятельность государей. Такой труд должен был начинаться с XVI в. По распоряжению Петра проводится сбор исторических источников, переводятся «Введение в историю знатнейших европейских государств» и «О должности человека и гражданина» С. Пуфендорфа, где аргументы теории естественного права и общественного договора использовались в интересах абсолютизма.

Однако задуманный Петром I труд не был создан. Петр в своем замысле обогнал время. Историки не были готовы к решению этой проблемы, так как еще только овладевали рационалистической методикой, провидение продолжало признаваться ими главной движущей силой событий.

Ближе всего к замыслу Петра приблизился А. И. Манкиев, работа которого «Ядро Российской истории»¹ сочетала элементы рационализма с провиденциалистским подходом. Манкиев большую часть своего труда уделил событиям XVI—XVII вв. Движущими силами истории он считал действия личностей, их индивидуальные свойства и побуждения. Историю России Манкиев не отрывал от всемирной истории, хотя сведения по всеобщей истории (открытие Америки, изобретение пороха, книгопечатания и др.) не были у него связаны с общим текстом. В XVIII в. всеобщая история оставалась малоработанной темой в русской историографии.

Освещение, в основном уже с позиций рационализма, вопросов возникновения государства, роли и значения самодержавия в истории России превалирует в дворянской историографии XVIII в. Русская история рассматривалась в контексте всемирной истории в той или иной связи с процессами, происходящими в мировой истории, начиная с древности и кончая современностью.

Большая роль в создании основ дворянской концепции истории России принадлежала **Василию Никитичу Татищеву**

¹ Манкиев А. И. Ядро Российской истории. М., 1784.

(1686—1750) — политическому деятелю, ученому, выходцу из плеяды «птенцов гнезда Петрова». Заниматься историей Татищев начал после 1719 г., когда по поручению Петра I стал работать над географическим описанием России. Он собирал и изучал источники по русской истории. Посланный в Швецию для изучения горного и литейного дела, Татищев познакомился с западноевропейской исторической литературой, работал в шведских архивах над источниками по истории России. Результатом его работы явилось создание «Истории Российской»², которая увидела свет много лет спустя после смерти ее создателя (М., 1768—1784. Кн. 1—4; 1848. Кн. 5).

Татищев подчеркивал, что без знания истории, прежде всего отечественной, «человек мудр и полезен быть не может...». В то же время он считал, что «должно и то за верно почитать, что без знания иностранных своя (история.— В. М.) не будет ясна и достаточна», рассматривал русскую историю как часть всемирной истории. Татищев выделял истории древние, новые и «настоячих времен», но не связывал их друг с другом: это для него еще не единый последовательный процесс общественного развития. Историческое развитие Татищев объяснял не волею божьей, не деятельностью отдельных личностей, а развитием «всемирного умопроявления», совершенствованием человеческого разума, что, по его мнению, выражало сущность поступательного развития истории.

Татищев выделял три главные вехи в развитии всемирного просвещения: 1) появление письменности, 2) пришествие Христа, 3) книгопечатание. Эта схема общественного развития, применимая ко всем странам, соответствовала, по его мнению, возрастам человечества: письменность обозначала грань между младенчеством и юностью, с христианством наступает зрелость, а с книгопечатанием — старость. Татищев считал, что образование государства происходит в результате заключения общественного договора, потому что чело-

век в естественном состоянии не в силах приобрести себе «пользу и удовольствие». Складывание государства прошло ряд этапов, каждый из которых сопровождался договором: семья, род, собрание домовных или хозяйственных сообществ, которые избирали «несколько способнейших к правлению» людей. Таким образом, появилось аристократическое правление, замененное впоследствии монархией. Одной из важных причин, заставившей людей объединяться и образовывать гражданское управление, он считал развитие ремесел и торговли, которое усиливало зависть, ненависть нечестных людей, вело к росту насилия.

Принимая классификацию государств Аристотеля, Татищев писал о трех формах правления: демократии, аристократии, монархии. Он отмечал, сравнивая эти формы правления, что каждая из них пригодна для различных стран и зависит от их естественного географических условий. Для стран с небольшой территорией он считал пригодной демократию, в странах же со значительной территорией, хорошо защищенных от внешних вторжений, где просвещение сделало большие успехи, полагал он, «аристократия довольно способною быть может, как нам Англия и Швеция видимые примеры представляют». В странах с огромной территорией, писал Татищев, где «открыты границы, а наипаче, где народ учением и разумом не просвечен... тамо обе первые не годятся, но нужно быть монархии»³.

По своим политическим взглядам он был сторонником самодержавия и крепостничества. Татищев считал, что в России «монархическое правление государству нашему прочих полезнее, через которое богатство, сила и слава государства умножается, а через прочие умалается и гибнет»⁴. Вслед за Вольфом и Пуфендорфом Татищев рассматривал крепостное право, как акт добровольного договора, выгодного дворянам и крестьянам. Учитывая, по-своему, опыт России и Западной Европы, он выступал с осуждением народных выступ-

² Татищев В. Н. История Российская. 2-е изд. М., Л., 1962—1968. Т. I—VII.

³ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. С. 362.

⁴ Там же. С. 367.

лений, «бунтов» и революций. Говоря об Английской революции XVII в., он свел ее к религиозным распрям, а Кромвеля, отметив его ученость, назвал «преславным воином и бунтовщиком... хищником престола и разорителем вольности»⁵.

Татищев разрабатывал проблемы русской истории вне стен Академии наук, основанной еще в 1725 г. Тогда в Академии работали в основном иностранные ученые. Из них следует выделить немецких ученых-историков **Готлиба Зигфрида Байера** (1694—1738) и **Герарда Фридриха Миллера** (1705—1783), которые в середине XVIII в. создали норманнскую теорию происхождения Древнерусского государства. Эту теорию разделял и **Август Людвиг Шлёцер**, начавший работать в Академии во второй половине века.

Норманнская теория, основанная на легендарном летописном рассказе о призвании варягов, приписывала основание русского государства норманнам (варягам), утверждала мысль о неспособности русского народа к самостоятельному историческому творчеству. Общая концепция русской истории, созданная немецкими учеными, исходила из идей о главенствующей роли монархических принципов в развитии России. Норманнское завоевание привело к созданию русской государственности в форме самодержавной монархии. В такой форме история России включалась в мировую историю. Создавая свою концепцию, немецкие историки исходили из идеи завоевания, как основополагающего момента в возникновении государства. Эта идея была господствующей в европейской историографии с середины XVIII до середины XIX в. Наиболее заметно идея завоевания прозвучала в концепции мировой истории Шлёцера.

Появление норманнской теории было также выражением «идейной бироновщины», исторически оправдывавшей засилье иностранцев в управлении русским государством. Она получила поддержку придворных кругов, дворянства, все более отрывавшихся от народа. Однако нельзя

не отметить и той позитивной роли, которую сыграли немецкие ученые в развитии исторической науки в России. Они нередко подходили к изучению истории с рационалистических позиций, способствуя тем самым изживанию провиденциализма. Немецкие историки также внесли вклад в развитие источниковой базы, приступив к критическому изучению источников. С 1732 по 1766 г. в России издавался многотомный сборник материалов по русской истории «*Sammlung russischer Geschichte*» на немецком языке. Первым его редактором был Г. Ф. Миллер, который внес значительный вклад в источниковедение и историографию Сибири. А. Л. Шлёцер разработал методику изучения летописей. Суть ее сводилась к сличению различных списков летописи с целью выявления ее первоначального текста, избавляясь от искажений и ошибок.

Гениальный русский ученый **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711—1765) повел непримиримую борьбу с норманнской теорией. В центре его исторических трудов была проблема происхождения Руси⁶. Он считал, что любой народ проходит длительный и сложный процесс исторического развития еще до образования государства, и отмечал, что при этом им преодолеваются различные преграды: иностранные вторжения, домашние распри и т. д. Поэтому Ломоносов в своих трудах «*Древняя Российская история*» (1776) и «*Краткий Российский летописец*», написанный совместно с А. И. Богдановым в противовес норманистам, утверждал, что история русского народа началась не с Рюрика, а задолго до его появления. Опираясь на многочисленные как русские, так и иностранные источники, прежде всего античных историков и географов, он говорил о «древности славянского народа», об этнических различиях славян и скандинавов, месте славян во всемирной истории. Русский народ, по его мнению, сложился в период великого переселения народов, когда шел процесс образования новых этнических масс, из смешения славян и чудских племен. То, что Рюрик — первый самодержец в русской

⁵ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах//Татищев В. Н. Избр. произв. М., 1979. С. 88.

⁶ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., Л., 1950—1956. Т. 6, 8.

истории, Ломоносов, как и норманнисты, признавал, но, ведя борьбу с ними, пытался доказать славянское происхождение Рюрика.

Ломоносов выдвигал широкий круг проектов мероприятий по преодолению отсталости России, связывая все свои надежды на улучшение положения народных масс, преобразование России с развитием науки и просвещения, деятельностью мудрого, просвещенного монарха. Он несколько идеализировал Петра I, его деятельность, создавая свою концепцию идеального монарха. Позиции Ломоносова по отношению к Петру I во многом совпадали с отношением к великому реформатору России Вольтера, который, работая над «Историей Петра Великого», пользовался материалами Ломоносова.

Крупным дворянским историком был образованнейший аристократ, прекрасно знавший западноевропейскую литературу, князь **Михаил Михайлович Щербатов** (1733—1790). Главным его историческим трудом была семитомная «История Российская», где изложение доведено до 1610 г.⁷ Щербатов утверждал, что благополучие и сила государств определяются успехами человеческого разума и просвещения. Солидаризируясь с Юмом, явно под влиянием его взглядов он писал, что «наука притчин есть приключаящая наиболее удовольствия разума». Однако, поставив задачу понять причинные связи исторических явлений, выполнить ее Щербатов не смог, так как причинность раскрывалась им прежде всего в психологическом плане. Поэтому главенствующим действующим началом в истории у него все же оставалась личность, как правило царствующая, ее воля, ум, образованность. Щербатов считал, что на действия исторической личности воздействуют мысли, идеи (повторение просветительского тезиса «мнения правят миром»), распространенные нравы и обычаи.

В центре внимания Щербатова была история самодержавия и дворянства, их взаимоотношения. Рассуждая об образо-

⁷ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен... СПб., 1770—1791. Т. I—VII.

М. В. Ломоносов

вании государства, Щербатов исходил из теорий естественного права и общественного договора. Решая этот вопрос в соответствии с учением французских просветителей, он делал ряд существенных оговорок, которые свидетельствуют о том, что истолкование теории естественного права и общественного договора приобретают у него узкословный, дворянский характер. Щербатов заимствовал схему типов государственного устройства у Монтезкье, но в их характеристике расходился с ним. Он нетерпимо относился к деспотии и демократии, противопоставляя им аристократию в Польше и Швеции. Идеал Щербатова — монархия, где власть царя ограничивается дворянским сословием. Щербатов — убежденный сторонник крепостного права. Ликвидация крепостного права, по его мнению, приведет к тому, что Россия будет представлять «ужасную картину недородов, возмущений, убийств». Правда, Щербатов писал о «великом имени свобода», но имел в виду «свободу» лишь для дворянства, бунты и революции объявлял злом, заявляя, что Английская революция XVII в. показала, как много пролилось крови, а «добродетельные и правосудные монархи пришли в несчастье».

Современником М. М. Щербатова был представитель служилого дворянства, крупный землевладелец **Иван Никитич Болтин** (1735—1792). Это был образованнейший человек своего времени, знакомый с исторической и просветительской литературой. Болтин не написал целостного труда по русской истории. Главные его работы — двухтомные «Примечания на историю

древняя и нынешняя России г. Леклерка»⁸ и два тома критических замечаний на первый и второй тома истории Щербатова. Первый труд Болтина был следствием выхода в свет книги по истории России французского просветителя Леклерка, весьма слабой, изобиловавшей массой фактических неточностей, но резко критикующей самодержавие, крепостное право, угнетение крестьянства. Именно эта сторона книги вызвала недовольство и враждебность со стороны Екатерины II. «Примечания...» Болтина были ответом представителя дворянства «сущему вралю» Леклерку.

Историю России Болтин представлял как историю формирования и развития самодержавия. Оно, по мнению Болтина, — «надежнейшее убежище свободы», единственно удобная для России форма правления. В то же время он впервые в русской историографии выдвинул положение, что строй удельной Руси не отличался от западноевропейского феодализма. Сопоставляя историю Франции и России, он высказал положение о том, что французский феодал и русское поместье очень сходны. И то, и другое есть условное земельное держание, пожалованное государем. Много позднее помещики превратили поместья в наследственные держания, стали самовластными и независимыми. Все это вело к ослаблению единого самодержавия. Окончание раздробленности и усобиц в России приходится на период правления Ивана Грозного, а во Франции — Людовика XI. Это свидетельствовало о стремлении Болтина выявить общие черты в историческом развитии различных стран.

Процесс исторического развития, согласно Болтину, зависел прежде всего от изменения нравов и обычаев. Главной же причиной изменения последних, вслед за Боденом и Монтескье, Болтин считал климат, географическую среду. Признавая и подчеркивая черты общности в развитии всех народов, Болтин говорил о неизменности их природы, писал, что «во всех временах и во всех местах» люди, находившиеся в одинаковых обстоятельствах, имели оди-

наковые нравы и мнения⁹. Обосновывая неизбежность существующего в России общественного строя, Болтин говорил о том, что он порожден историческим развитием и особыми природными условиями России.

В целом Болтин стремился использовать некоторые элементы рационалистической философии для обоснования необходимости крепостничества в России.

Просветительское направление. Просветительская мысль в России зародилась в 60-х годах XVIII в. и была широким идейным течением, вызванным к жизни внутренней обстановкой, сложившейся в стране. Она испытывала на себе влияние западноевропейского просветительства, в первую очередь французского, брала его идеи на вооружение. Русская просветительская мысль приступила к пересмотру, прежде всего в теоретическом плане, исторического опыта как России, так и всего человечества в свете назревшей задачи ликвидации крепостного гнета.

Просветительство XVIII в. прошло два этапа. Первый — 60—70-е годы, когда просветители, не понимая еще связи между самодержавием и крепостничеством, резко критиковали отдельные наиболее вопиющие стороны существующего строя, возлагая надежды в социальном переустройстве на изменение нравов и законов благодаря деятельности «просвещенного монарха». Второй этап — 80—90-е годы — связан с творчеством Радищева, связавшего проблему уничтожения крепостничества с необходимостью ликвидации самодержавия путем народной революции. Одной из особенностей русского просветительства было то, что носителями его идей были передовые дворяне и представители разночинной интеллигенции.

Видная роль в этой области принадлежала **Ивану Андреевичу Третьякову** (ум. 1776 г.) и **Семену Ефимовичу Десницкому** (около 1740—1789 гг.). Оба они в начале 60-х годов для завершения образования были посланы в университет в Глазго, где читал курс «нравственной философии» Адам Смит. Во второй половине

⁸ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788—1794. Т. 1—2.

⁹ См.: Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983.

60-х годов они становятся первыми русскими профессорами юридического факультета Московского университета.

И. А. Третьяков преподавал римское право, выступал с публичными лекциями о формах правления Древнего Рима, его хозяйственной жизни¹⁰. Он отмечал, что в основе развития и прогресса (русские просветители признавали идею общественного развития и прогресса) лежит разделение труда. На ранних стадиях развития общества оно отсутствовало, так как производство было слабо развито. Дальнейший его рост привел к разделению труда. Оно, в свою очередь, ведет к «дешевизне и довольству товаров». Разделение труда открывает широкие возможности для развития изобретений, наук, «художеств» (промышленности.— В. М.), а это способствует обогащению государства.

На основе сравнительного метода, опираясь на положения Локка, Юма, А. Смита и других преимущественно английских мыслителей, С. Е. Десницкий пытался выявить в ряде своих «Слов» и «Рассуждений»¹¹ общие черты развития народов. Он считал, что развитие общества, форм и норм права, семьи, государства и религии определяется уровнем хозяйственной деятельности людей на том или ином этапе развития. Его интересовало, чем люди занимались, что производили. Под сильным влиянием социологической и исторической концепции А. Смита Десницкий выделял главные «состояния» развития человеческого общества: 1) звероловства и собирательства, 2) скотоводства и пастушества, 3) земледелия, 4) торговли и промышленности. Изменения в хозяйственной жизни определяли и эволюцию собственности. На первом этапе она отсутствует, у скотоводческих племен появляется собственность на движимое имущество, скот, которым владеют все семьи и общины сообща. Собственности на землю они не имели. Собственность появляется в земледельческом состоянии, а полное развитие право собственности получает в коммерческом состоянии, когда выросло разделение труда,

развились промышленность и торговля. Как особую форму собственности Десницкий выделял феодальную, которая была распространена в Западной Европе и России. Под феодализмом он понимал крупное землевладение и связанную с ним власть крупных землевладельцев.

С изменениями в хозяйственной жизни общества, возникновением и развитием частной собственности Десницкий связывал происхождение государства. Залогом прочности государства он считал «изрядное законоположение», единство веры и крепкие торговые связи. Законы, по его мнению, появляются только при наличии частной собственности, для предотвращения «смертоубийств среди людей», защиты прав граждан на собственность.

Десницкий подверг критике крепостничество, сословный строй России, говорил о необходимости правовой регламентации крепостного права, его постепенной ликвидации. Он был приверженцем конституционной монархии.

Важное место в разработке просветительской идеологии вообще и в области изучения истории в частности принадлежит выдающемуся русскому просветителю **Николаю Ивановичу Новикову** (1744—1818). Новиков в 1769—1774 гг. издавал сатирические журналы «Трутень», «Живописец», «Кошелек» и др., в которых выступал с резким осуждением деспотизма и тирании, против сословного неравенства, показал бедственное положение русских крестьян и ратовал за отмену крепостничества. Новиков верил во всеислие просвещения, считал, что распространение гуманных воззрений, воспитание подлинной нравственности являются единственным средством уничтожения зла.

В истории Новикова интересовали нравственная сторона, мотивы событий и поступков людей. Разделяя теорию исторического прогресса, он видел его прежде всего в развитии «духовных потребностей» человека, стимулировавших и расширявших его деятельность. Новиков был не согласен с Руссо в том, что развитие материального производства и духовной культуры пагубно отразилось на обществе и человеке. Он считал, что с успехами цивилизации будет совершенствоваться и общество, «золотой век» человечества в буду-

¹⁰ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. 1.

¹¹ Там же.

щем, а не в прошлом. Правда, при этом Новикову чужда мысль Руссо об общественных противоречиях, порожденных возникновением частной собственности.

Материалистическая струя в исторических взглядах Новикова пробивалась в признании зависимости людей от природных условий и климата страны, которые способствуют формированию характера народа. Новиков, разделяя теорию договорного происхождения власти, верил в правление, основанное на мудрых законах, под властью «добродетельного просвещенного монарха».

В 1772 г. Новиков выпустил в Петербурге «Опыт исторического словаря о российских писателях», где были опубликованы сведения о 317 писателях и ученых, писавших в период с X по XVIII в. Этот труд был первой попыткой дать историографическую оценку представителей русской общественно-исторической мысли. Им было предпринято издание «Древней Российской Вивлиофики» — публикации документов по русской истории.

В 1779—1789 гг. Новиков возглавил типографию Московского университета, которая стала важным центром просвещения, где он опубликовал более тысячи книг, серию различных газет и журналов. Особенно следует выделить издание им в эти годы газеты «Московские ведомости» и «Прибавления» к ней. «Прибавления к «Московским ведомостям» давали русскому читателю свежую и злободневную информацию о том, что происходило в Европе, Азии, Америке. Важнейшее место в периодике Новикова заняла Война Америки за независимость, подробно освещались военные и дипломатические аспекты борьбы, образование новой республики, ее историческое значение. В «Прибавлениях» славилась как выдающиеся деятели своего времени Франклин и Вашингтон, основавший республику, «которая будет прибежищем свободы, изгнанной из Европы». Их имена ставились в один ряд с именами Вольтера, Руссо, Рейналя. Много материалов было посвящено Англии, ее внутреннему положению, осуждалась ее колониальная политика.

В европейской литературе того времени много писали о торговле. В «Прибавлениях...» был опубликован главный труд

Новикова по этому вопросу — трактат «О торговле вообще»¹². В своей работе он опирался на труды Рейналя, Юма, Шмидта, Таубе, Фортбоне и др., «что открыли подлинные правила торговли и показали весьма ясно все ее отношения». Новиков считал, что торговля, источник благосостояния общества, связана со всеми элементами гражданского благосостояния. Показав неразрывную связь торговли и земледелия, их благотворное влияние на развитие ремесел, он высказывал мысль, что государство обязано изыскивать средства для развития мануфактур, а это невозможно без развития знаний, науки, техники. Считая торговлю важнейшей силой общественного развития, Новиков писал, что она расширила общение между нациями, способствовала совершенствованию человеческого общества.

На развитие торговли, по его мнению, оказывает влияние ряд факторов: географический (положение страны), исторический (предприимчивость нации) и политический (политика правительства). Последний фактор он считал главным. Новиков утверждал, что расцвет торговли немислим в условиях деспотизма и тирании, только политическая свобода — залог общественного прогресса, развития экономики. Более того, Новиков пришел к выводу о том, что республиканский строй всего более способствует развитию торговли. Именно установление республики в Голландии он считал основой процветания ее торговли. Много внимания Новиков уделил конституционной монархии Англии, утверждая, что своим подъемом и расцветом торговля обязана мудрому правлению.

Н. И. Новиков не поднялся до революционных выводов, но его многогранная деятельность была одним из факторов, подготовивших почву для перехода просветительской мысли от просветительско-реформистских к просветительно-революционным позициям.

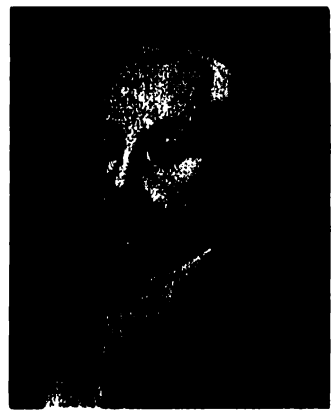
Зарождение революционного течения в русской исторической мысли. Первый революционер России Александр Николаевич Радищев (1749—1802), резко критикуя самодержавие и крепостное право,

¹² Новиков Н. И. Избр. соч. М., Л., 1951.

сделал вывод, что «просвещенная монархия», в сущности, мало чем отличается от абсолютизма. Он первым в России связал проблему уничтожения крепостничества с необходимостью устранения самодержавия революционным путем. Провозгласив и обосновав идею народной революции, Радищев заложил основы революционной идеологии в России, дальнейшее развитие которой стало делом революционных мыслителей XIX в. Взгляды Радищева формировались под влиянием обострения классовых противоречий в стране, Крестьянской войны под предводительством Пугачева и развития революции в Америке. Он также испытал сильное идейное воздействие французских просветителей Гельвеция, Руссо, Мабли и, конечно, третьего, женевского, издания «Истории обеих Индий» Г. Рейналя.

Выступая против самодержавного строя, Радищев подчеркивал, что последний противоречит принципам естественного права и общественного договора. В своем понимании общественного договора он во многом был солидарен с Руссо. Оба мыслителя прежде всего отстаивали идею народного суверенитета. Подобно Руссо, Радищев считал, что заключение общественного договора не отменяет естественных прав, их человек лишь ограничивает и препоручает обществу, получая от него защиту. Люди, вступившие в гражданское общество, доверяют, писал Радищев, «власть ее употребителю», который следит за исполнением законов, гарантирующих благосостояние граждан. Если правитель узурпирует власть, то общество (верховный его судья и истинный правитель) имеет право выступить против тирана. Борьба с тиранией, право на вооруженное выступление воспринимались Радищевым как естественная акция угнетенного народа.

Одной из центральных проблем в исторических изысканиях Радищева была роль народных масс. Угнетенный народ сам должен добиться своего освобождения. Этот вывод, обращенный в будущее, Радищев сделал на основе не только исторического опыта России. В этом его убеждали опыт революций в Голландии и Англии, борьба за независимость североамериканских колоний, а также начавшаяся в 1789 г.

А. Н. Радищев

революция во Франции. Тот факт, что простые земледельцы составили главную силу революционной армии США, убеждал Радищева в мысли, что лишь участие широких народных масс может привести к победе революции. Но Радищев, славя революцию в Америке, установившиеся там политические свободы, не обошел стороной тот факт, что в США и после революции продолжалось истребление индейцев, сохранилось рабство негров. Директорию во Франции он назвал «пятиглавой и ненавистной всем гидрой французского правительства».

Опыт революций в Европе и Америке, Крестьянская война под предводительством Пугачева в России привели Радищева к выводу, что пока еще «сил не достало к изгнанию всех духов ада», установлению свободы и счастья на земле, что у простого народа не хватает сил и возможностей добиться своего освобождения, что «не приспе еще година». Но это не значит, что Радищев отказался от революции как средства борьбы с тиранией, наоборот, он верил в ее неизбежность в будущем, «зрел сквозь целое столетье» и поэтому говорил о необходимости готовить народ к ней «словом вольности».

Радищев нигде прямо не говорил о том государственном устройстве, которое сменит ненавистную ему монархию. Для него хороша та форма правления, которая обеспечивает полное благоденствие народа. Видимо, он склонялся к республике, хотя прямо не употреблял этого слова. На страницах своих произведений¹³ он писал

¹³ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М., Л., 1938—1952. Т. I—III.

о народоправии. Этот термин в XVIII в. был синонимом республики. Выдвигая идею народной революции, которая уничтожит самодержавие, Радищев, видимо, думал об установлении республики в России. Он с сочувствием относился к Новгородской республике, где «народ в собрании своем на вече был истинный государь». Автор «Путешествия из Петербурга в Москву» с восторгом встретил республику, установившуюся в Америке.

Выступая в защиту угнетенного народа, обличая произвол помещиков — «этих зверей алчных, пиявиц ненасытных», Радищев верил в светлое завтра России, созидательные силы ее народа. Это отличало его от Рейналя и Дидро, которые не видели в России из-за отсутствия «третьего сословия» сил, способных обеспечить прогрессивное развитие страны.

С проблемой роли народных масс в истории у Радищева была тесно связана другая историко-социологическая проблема — о роли личности в истории. Он преодолел традицию дворянской историографии, утверждавшей, что история — это деяния венценосцев. К числу великих деятелей истории Радищев относил только тех государственных деятелей, которые способствовали прогрессу общества, а также вождей народных движений, например Степана Разина. Подходя с позиций революционера к оценке роли исторических личностей, он отмечал, что Петр I был великим государственным деятелем, но «мог бы Петр славнее быть», если бы он не оставался самодержцем. Ставя в заслугу Кромвелю казнь короля, Радищев осуждал его за то, что он в конце концов «твердь свободы сокрушил».

Радищев внимательно изучал всеобщую историю и полагал, что историю России можно понять только в контексте мировой истории, как ее составную часть. Он прекрасно знал античность, о чем говорят и ода «Вольность», и «Песнь историческая». Эпоха средневековья не получила у него развернутой характеристики, но, в отличие от французских просветителей, он не считал ее только периодом регресса. В то же время Радищев отмечал, что в средние века господствовало крепостничество, угнетение народных масс.

Развитие мировой истории представ-

лялось Радищеву как непрерывный процесс борьбы вольности и деспотизма. Ту же самую борьбу он видел и в истории России. Деспотизм и рабство, по его мнению, не были извечно присущи человечеству. С появлением собственности, особенно на землю, в людях «возгорелась... омерзительная страсть к богатствам» и стал утверждаться зверский обычай поработать себе подобных людей.

Но рабство (а это слово было у Радищева синонимом крепостничества) противоречит естественному праву. Деспотизм, как результат узурпации власти ее «употребителя», которому общество доверило следить за исполнением законов, гарантирующих общественное благосостояние, противоречит теории общественного договора. Каждый человек и общество в целом сохраняют право защищать свою свободу, выступать против рабства и деспотизма, за свои права. Поэтому закономерна в мировой истории борьба вольности и деспотизма. Опыт мировой истории показывает Радищеву, что после победы над деспотизмом народ не может удержать ее плоды в своих руках, потому что во главе народного движения могут стоять не только «мужи твердые» на «истину» и на «прельщение», но и льстецы, которые снова узурпируют власть. Узурпация, по его мнению, тем более неизбежна, если после победы над деспотизмом на престоле окажется пусть доброжелательный, но монарх. Он не верил в добрых царей.

Таким образом, период «вольности» сменяется новым периодом «деспотизма». Поэтому свой «социологический закон» Радищев сформулировал следующим образом: «из мучительства рождается вольность, из вольности рабство». Из абстрактной схемы Радищева не видно качественного различия отдельных периодов истории, а можно заметить только внешнюю повторяемость явлений. Конечно, он еще не мог выйти за рамки, которые ему «ставила собственная эпоха», но революционная суть мировоззрения Радищева позволяла представить ему борьбу вольности и деспотизма как главный процесс, верить в то, что эта борьба в конечном счете завершится уничтожением деспотизма и крепостничества.

Раздел

2

**Историография
первой половины XIX века.
Романтизм**

Введение

В первой половине XIX в. историческая мысль и историческая наука развивались в новых, отличных от века Просвещения условиях. Великая французская революция смела старый порядок во Франции; прямо или косвенно она нанесла сильные удары по феодализму в других европейских странах. Важнейшим явлением этого периода была промышленная революция. Начавшись еще в конце XVIII в. в Англии, она затем развернулась и в других странах Европы и в Северной Америке. Промышленная революция впервые создавала адекватную для капитализма того времени техническую базу. Поэтому в первой половине XIX в., несмотря на временное политическое торжество феодально-дворянской реакции в Европе, повсюду происходил рост капиталистических отношений.

Вместе с тем и в первой половине XIX в. в Европе и Америке существовала почва для буржуазных преобразований и буржуазных революций. Во многих странах еще были сильны полуфеодальные и феодальные порядки, сохранялись абсолютистские и полуабсолютистские режимы. Даже в наиболее развитых из них и уже буржуазных странах — Англии, Франции и США — буржуазия как класс в целом еще не добилась полного политического господства.

Незавершенность в большинстве стран буржуазных революций «в широком смысле»¹, настоятельная необходимость дальнейших буржуазных преобразований

вовлекали буржуазию в прогрессивные общественно-политические и идейно-культурные движения того времени. Преобладающим типом ее политической теории и практики стал буржуазный либерализм различных оттенков. Значительная роль в социально-политической борьбе принадлежала особенно многочисленным в тот период и в социальном плане неоднородным мелкобуржуазным слоям населения. Враждебные феодально-сословным, полицейско-бюрократическим порядкам, они страдали и от последствий ускоряющейся капиталистической эволюции. Эти слои являлись питательной почвой радикально-демократических течений в политике и общественной мысли; но чаяния мелкой буржуазии порождали и общественные идеи социально-консервативной ориентации.

Наконец, весьма значительным фактом было явно обозначившееся в 30—40-е годы XIX в. в развитых странах выделение рабочих в самостоятельный общественный класс. Это новое явление произвело огромное впечатление на современников, повлияло на развитие общественной мысли и общественной науки, в том числе и историографии.

В этих исторических условиях в основном — хотя далеко не полностью — исчерпало себя просветительское течение общественной мысли. С началом века в европейской культуре постепенно утвердилось новое, широкое и противоречивое по содержанию идейное и художественное течение — *романтизм*, который проник во все сферы художественного творчества, оказал сильное влияние на общественную мысль и науку об обществе. В этом куль-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 246.

турном потоке сформировалось и романтическое направление в историографии, занимавшее преобладающие позиции до середины XIX в.

Наряду с романтическим течением в историографии в его классической форме существовали течения и школы, развивавшие некоторые традиции Просвещения. Они не могли не воспринять то новое, что давал романтизм, но его влияние в данном случае оказывалось ограниченным.

Кризис просветительской рационалистической историко-социологической мысли и становление новых течений были тесно связаны с воздействием и результатами Французской революции. Она вызвала не только острейшую идейную борьбу, но и напряженную работу общественной, в том числе историко-социологической, мысли. Противники революции и ее сторонники должны были так или иначе уяснить ее причины, последствия, место в истории. Поставив эти насущные для того времени вопросы, революция обогатила общественную мысль реальным историческим опытом. На глазах одного поколения рушились многовековые монархии, в стремительном темпе возвышались и терпели поражение политические партии, сменялись политические формы и границы государств. Историки первых десятилетий XIX в. остро ощущали громадную значимость этого нового всемирно-исторического опыта, которым не располагали просветители XVIII в. «Любой из нас, людей XIX века,— писал один из крупнейших французских либеральных историков того времени О. Тьерри,— больше знает, чем Велли, Мабли и даже сам Вольтер, о восстаниях и завоеваниях, распаде империй, падении и реставрации династий, демократических революциях и сменяющей их реакции»².

Осмысление исторического опыта революции и последующей реакции побуждало публицистов, философов, историков разных направлений к пересмотру целого ряда характерных для века Просвещения методов объяснения общества и его истории. Французская революция, явившись прак-

тической проверкой общественных идей просветителей, во многом показала их жизненность и силу. В ходе ее просветительские идеи воплотились в конституционных и правовых документах, которые стали образцом для последующих буржуазных преобразований во многих странах мира.

Но практика революции наглядно обнаружила и ограниченность общественных идей Просвещения. Она выявила исторические пределы их реального социального содержания: обещанное Просвещением гуманистическое царство разума, торжества свободы и всеобщего счастья оказалось эгоистическим царством буржуазии. История оказалась неподвластной «разуму» и дала совсем не тот результат, который был предписан рационалистическими построениями просветительской мысли. Но тем самым раскрывалась и познавательная ограниченность социологического метода просветителей, чуждого историзму представления об обществе как простой сумме индивидов, которая может быть произвольно изменена согласно рационально составленному плану законодателя.

Разочарование в утверждавшемся после Французской революции буржуазном обществе, которое предвещали и обосновывали как самое разумное и естественное лучшие умы XVIII в., основательно подорвало и выдвинутую просветителями оптимистическую теорию исторического прогресса. Необходимо также иметь в виду и данный революцией опыт классовой борьбы. Ожесточенное противоборство различных общественных классов и политических группировок, не осложненное в плане общественного сознания религиозной идейной «драпировкой», дало с небывалой до той поры отчетливостью исторический пример классовой борьбы.

Наконец общественная мысль того времени не могла не учитывать и такое явление принципиальной важности, как промышленная революция, вызванные ею технический переворот и громадные социальные сдвиги. В полной мере воздействие этих процессов скажется на историографии в 50—60-е годы, но уже в первой половине XIX в. новый исторический опыт попал в сферу внимания не только филосо-

² *Thierry Aug.* Lettres sur l'histoire de France. P., 1877. P. 4.

фов и экономистов, но также и историков.

Крайняя неоднородность романтического течения в историографии очень затрудняет всякую попытку дать ему всеохватывающую характеристику. Все же представляется возможным выделить некоторые наиболее общие черты романтической историографии, отличавшие ее от просветительской.

Главной позитивной чертой романтической историографии были историзм и тесно с ним связанное представление об «органическом», т. е. не зависимом от сознательной воли отдельных людей, развитии исторического процесса. Историзм, ставший отличительным признаком научного мышления XIX в., требовал генетического анализа общественных явлений — конкретного изучения их развития с момента зарождения до наивысшего этапа и упадка. Определенная тенденция к историзму была присуща и исторической мысли просветителей, но она сильно ослаблялась их абстрактно-рационалистическим, механистическим методом мышления. В результате целые эпохи в истории человечества, прежде всего период средних веков, оказались лишеными позитивного исторического содержания. Романтическая историография пересмотрела эту оценку средневековья. Для нее характерен особенно пристальный интерес именно к истории данного периода, а для многих ее представителей — и его идеализация.

Характерной чертой романтической историографии, вытекавшей из историзма, было представление о том, что «органическое» развитие исторического процесса раскрывается не в глобальном развитии всего человечества, а в конкретной истории отдельных народов и стран. Если просветители в истории различных народов искали прежде всего общее, универсальное, то романтическая историография стремилась выявить особенные, самобытные черты каждой национальной истории. Эти особенности романтическая историография, идеалистическая по своей философской основе, связывала с чертами присущего каждой нации «народного духа» (*Volksgeist* — по терминологии немецких историков, стоявших у истоков этой идеи). Сообразно с ним происходит развитие национальной культуры и национального госу-

дарства. Сама идея «духа народа» (*l'ésprit du peuple*) была выдвинута еще просветителями (Монтескье, Вольтером), но в рамках рационалистической методологии не получила широкой разработки и позднее наполнилась иным содержанием.

Стремясь преодолеть абстрактно-рационалистический подход к истории, романтическая историография придавала большое значение отображению своеобразных черт каждой исторической эпохи в ее национальной и географической определенности. Историки-романтики хотели воссоздать неповторимые особенности духовного склада людей прошлого, их быта, одежды и т. д. Отсюда выдвигавшийся некоторыми историками первой половины XIX в. принцип «вживания», «вчувствования» в изучаемую эпоху, «сопереживания» с нею, присущая романтической исторической литературе живость и красочность изложения, стилизация (нередко в ущерб исторической точности).

Торжество историзма в общественной мысли в первой половине XIX в. вело к возрастанию общественной роли и влияния исторической науки, которая стала «научкой века». «Именно история, — с гордостью писал в 1823 г. О. Тьерри, — наложит свой отпечаток на XIX век... она даст ему имя, как философия дала свое имя XVIII веку»³. С этим был связан и процесс постепенной профессионализации труда историков, отделения историографии как особой отрасли научного знания от «изящной словесности».

В этот период повсюду в Европе (отчасти и в США) создавались исторические общества, журналы, музеи, совершенствовалось хранение архивных документов. В ряде стран были предприняты фундаментальные многотомные публикации исторических источников. Так, в Германии с 1826 г. стало выходить продолжающееся до наших дней издание «Памятники истории Германии» (*Monumenta Germaniae Historica*), во Франции с 1835 г. публикуют «Неизданные документы по истории Франции» (издано свыше 400 томов), в Италии (в Турине) в 1836 г. начали изда-

³ *Thierry Aug.* Op. cit. P. XX—XXI.

вать «Памятники отечественной истории» (*Monumenta Historiae Patriae*), в США в 1832—1861 гг. вышли 38 томов «Государственных документов Америки». Публикация источников, предпринятая в первой половине XIX в. во многих странах Европы (а также в США), была как бы «второй волной» издательской деятельности после трудов эрудитов XVII—XVIII вв., вызванной к жизни новыми историческими условиями и общественными потребностями. Этот поворот к историческим документам вновь ставил в повестку дня вопрос о методах работы над ними. Откликом на эту потребность был разработанный немецким историком XIX в. Л. Ранке историко-критический метод, содержащий ряд важных положений, необходимых при научной критике исторических источников.

Интерес к истории охватывал в этот период и широкие круги образованного общества. Сочинения историков читались и обсуждались в прессе; лучшие из них выдерживали по несколько изданий подряд. Лекции выдающихся историков (например, Ф. Гизо, Ф. Шлоссера, Т. Н. Грановского) собирали большие аудитории. Знаменем времени было создание нового литературного жанра — исторического романа. Интерес к романам Вальтера Скотта, оказывавшим влияние не только на литературу, но и на историографию, стал общественным явлением. К историческим сюжетам обращались крупнейшие писатели того времени: В. Гюго, О. Бальзак, А. С. Пушкин, Д. Ф. Купер и др. «Все принимает ныне форму истории,— писал в 1831 г. Ф. Р. Шатобриан,— полемика, театр, роман, поэзия»⁴.

Новые черты, внесенные романтизмом в историографию, по-разному отражались в творчестве историков различных стран и направлений. В сложной и противоречивой картине историографии того времени в Европе и США можно выделить некоторые общие направления, отличные по характерным для них общественным и научно-познавательным тенденциям в осмыслении исторического прошлого.

В первые десятилетия XIX в. вместе с утверждением романтизма приобрели значительное влияние идеи писателей и историков, обращавшихся к истории с консервативных, а некоторые и с реакционных общественных позиций. Это консервативно-романтическое направление восходило к публицистам и писателям конца XVIII — начала XIX в., работы которых явились ярко выраженной консервативной реакцией на Французскую революцию и утверждение буржуазного порядка — Э. Бёрк в Англии, Новалис (Ф. фон Гарденберг), Л. Тик, Ф. Шлегель в Германии, Ф. Р. де Шатобриан, Ж. де Местр, Л. де Бональд — во Франции.

Историки и публицисты этого направления вели широкое критическое наступление на Французскую революцию и на идейное наследие Просвещения. Тезису просветителей о безграничных возможностях человеческого разума, рационального научного познания они противопоставляли провиденциальное, мистическое видение истории, мысль о примате веры, а также интуиции и чувства над разумом. В противовес резко негативной (и недостаточно историчной) оценке просветителей средневековья консервативные романтики идеализировали средние века — «время рыцарей и святых» — как период упорядоченного общества, рыцарского благородства и патриархального обычая, единого христианства — источника высших духовных ценностей. Идеализированный образ средних веков противопоставлялся буржуазной действительности, порождающей бездуховность, мелочную расчетливость и эгоизм, социальные контрасты и антагонизмы.

Ожесточенной критике подверглись разработанная просветителями концепция человеческой личности и прав человека, идеи общественного договора и народного суверенитета.

Романтическая критика выявила действительные слабости рационалистических представлений об обществе и его истории: механистическое понимание общества как простого конгломерата индивидов, неисторичное представление о возможности перестройки общественных учреждений в духе «естественного права» путем свободного творчества мудрого законодателя. Но то

⁴ Цит. по кн.: *Carbonell Ch. O. L'histoire-géographie. P., 1981. P. 83.*

понимание историзма и органического развития, которое консервативно (и тем более реакционно) мыслившие романтики противопоставляли просветительскому рационализму, было крайне односторонним. Отвергая революцию как бесплодную аномалию в органическом естественном ходе истории, они, в сущности, отказывали в исторической правомерности и любому прогрессивному движению, посягавшему на освященные традицией и давностью общественные установления.

В том же ключе осмысливались и понятия «народного духа» и «народа» как особой коллективной индивидуальности, которую романтики противопоставляли просветительскому индивидуализму. Народ выступал в их сочинениях косной, неподвижной массой, народный дух трактовался как изначально данная, мистическая, иррациональная сущность. В историографии разных стран реакционно-романтическая тенденция получила различное распространение.

Классической страной романтизма была Германия. Здесь были заложены основы романтического мирозерцания. Консервативно-романтическая тенденция играла в германской историографии большую роль; она преобладала в Пруссии и других северогерманских государствах. В немецкой историографии наиболее полно идею традиционализма воплотила «историческая школа права» (К. Ф. Савиньи, К. Ф. Эйхгорн).

В тесной связи с нею формировалась историческая концепция создавшего собственную школу Леопольда Ранке, сторонника религиозно-консервативной трактовки истории.

В Англии наиболее ярким не столько представителем, сколько предвестником консервативно-романтических идей выступил известный вигский публицист Э. Бёрк, опубликовавший в 1790 г. памфлет «Размышления о Французской революции» и оказавший большое влияние на консервативную общественную мысль первой половины XIX в. В дальнейшем к этому направлению романтизма были идейно близки представители торийской историографии (среди них А. Алисон), а также некоторые литераторы и публицисты возникшей в 40-е годы группы «Моло-

дая Англия» (Б. Дизраэли и др.). Но в целом оно не выдвинуло в Англии ни одного действительно крупного историка.

Во Франции определенное влияние на историографию имели труды таких видных идеологов реакционного романтизма, как Ж. де Местр, Л. де Бональд, значительным было влияние на историков (в частности, на О. Тьерри) произведений крупного поэта и писателя, широко обращавшегося к истории, Ф. Р. де Шатобриана. С консервативно-романтических позиций изучали историю средних веков граф Ф. Д. де Монлозье и некоторые другие историки.

В России выразителем самодержавно-монархической исторической концепции выступил Н. М. Карамзин — крупнейший русский историк и известный писатель этого времени, который начал «штurm истории» в начале XIX в. одновременно с предшественниками французской романтической историографии. В духе времени в его «Истории государства Российского», над которой он работал в 1804—1826 гг., нашли отражение результаты и научного, и художественного постижения прошлого⁵. В 30—40-е годы официальная историография в России развивалась под знаком теории «официальной народности», утвердившей тезис о коренном различии исторических путей самодержавно-крепостнической России и стран Западной Европы (М. П. Погодин). В исторической концепции славянофилов (И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков) идеализация русской старины сочетались с резкой критикой капиталистического развития Запада.

По-иному преломлялись идеи романтизма в либеральной историографии. Ее подъем определился в 20-е годы XIX в., когда в Европе пробудились революционные и национально-освободительные движения, направленные против временно восторжествовавшей дворянско-клерикальной реакции. В 20—40-е годы либеральная историография приобрела господ-

⁵ См.: Макогоненко Г. П. Древняя Россия, открытая Карамзиным // Карамзин Н. М. Предания веков. М., 1989. С. 11, 17.

ствующее значение в странах Западной Европы и США.

В плане теоретическом для либеральной историографии было характерно стремление синтезировать идеи просветителей с наиболее плодотворными идеями романтизма. Либеральные историки отнюдь не отбрасывали идейное наследие Просвещения: ведь сами политические принципы буржуазного либерализма генетически были связаны именно с просветительской идеологией.

Вслед за просветителями либеральные историки сохраняли убеждение в силе рационального познания. Среди них только О. Тьерри придавал особенное значение методу интуиции, «вчувствования», как средству наиболее адекватного постижения исторического прошлого. Либеральные историки восприняли от просветителей и идею прогресса, усилив, однако, ее буржуазную ограниченность. Если просветители (особенно Кондорсе) мыслили прогресс как бесконечное совершенствование человеческого рода и всех его учреждений, то для либералов, по существу, он завершался торжеством политических принципов буржуазного либерализма.

Вместе с тем либеральные историки преодолевали свойственные просветительской мысли крайности абстрактно-рационалистического подхода к истории, их мысль развивалась в основном в русле историзма. При этом идея органического развития общества сочеталась у них с признанием необходимости реформ во имя буржуазного прогресса и даже с принятием революции при условии, что она выступает как единственно возможное в данных условиях средство осуществления назревших либеральных преобразований и не выходит за их пределы. В рамках этого историко-политического мышления родилась развитая французскими историками периода Реставрации буржуазная теория классово-борьбы — важнейшее достижение либеральной исторической мысли первой половины XIX в.

С этими чертами буржуазного историзма связан и подход либеральных историков к средневековью. Они живо интересовались и много занимались историей средних веков (Гизо, Тьерри, Шлоссер, Грановский и др.). Однако они были да-

леко от идеализации этой эпохи, хотя и не разделяли просветительского нигилизма в ее общей исторической оценке. Средневековье интересовало их как период зарождения современных европейских наций и государств, становления «третьего сословия» (в особенности буржуазии) и его борьбы против феодализма.

Наряду с историей средних веков либеральные историки разрабатывали и историю нового времени, изучали, в частности, историю (главным образом политическую) Английской и Французской революций (Ф. Минье, А. Тьер, Ф. К. Шлоссер, Ф. К. Дальман), историки США — историю Американской революции. Эти революции они оценивали с позиций буржуазного либерализма, усматривая позитивный исторический смысл в деятельности умеренно-буржуазных течений и, напротив, осуждая борьбу радикальных группировок, в первую очередь якобинцев.

При изучении национальной истории своих стран, пристальное внимание к которой характерно для романтизма, либеральные историки не принимали мистическое толкование «народного духа». Они выдвигали на первый план понятие нации как исторически сложившейся индивидуальности, делая главный акцент на особенностях духовного склада и национальной культуры.

В духе общей романтической идейной атмосферы своего времени либеральные историки придавали большое значение задаче воссоздания исторического прошлого во всей его неповторимой конкретности, отображению «местного колорита». Отсюда и присущая многим из них новая манера исторического изложения. На смену античной римской риторике гуманистических исторических сочинений и просветительскому изображению истории как всемирно-исторической сцены, на которой действуют люди, наделенные свойствами человека «вообще», пришло конкретное историческое описание, рассказ, украшенный живыми деталями, наделенный яркой художественной формой (Тьерри — во Франции, Маколей — в Англии, Бэнкрофт — в США).

Наибольших успехов либеральная историография достигла во Франции, где до начала 30-х годов буржуазия вела борьбу

бу с дворянством и легитимной монархией. Именно в это время здесь сформировалась историческая школа историков периода Реставрации (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Тьер).

В Англии, где проблемы буржуазных преобразований после реформы 1832 г. были в основном уже решены, а социальные противоречия буржуазного общества были выражены наиболее резко, либеральное направление в историографии отличалось политической умеренностью. Оно было представлено историками вигской школы (Галлам, Маколей и др.), защищавшими в своих трудах вигскую точку зрения на историческое развитие английского общества и обосновывавшими тезис о выдающихся достоинствах английской политической системы, которая обеспечивала умеренный конституционный порядок и позволяла, за отдельными исключениями в прошлом, избегать крайностей деспотизма и анархии.

В США первые десятилетия XIX в. были периодом становления национальной исторической науки, которое шло под влиянием романтизма. При этом в американской историографии романтизм с самого начала приобрел либерально-буржуазную окраску, что нашло отражение в творчестве наиболее видных историков США того времени — основателя так называемой ранней школы Д. Бэнкрофта и Ф. Паркмена.

Целый ряд ярких имен выдвинула и либеральная историография в Германии. Ее достижения были связаны с творчеством историков либерально-романтических воззрений (Г. Лудена, К. фон Роттека, Ф. К. Дальмана) и деятельностью гейдельбергской школы и ее главы — либерального историка Ф. Шлоссера. Одним из наиболее видных представителей ее был ученик Шлоссера — Г. Гервинус. Гейдельбергская школа с характерным для нее просветительски-дидактическим, морализующим подходом к истории продолжала просветительскую традицию в историографии.

Под знаменем просветительства развивалась в этот период и передовая, буржуазная по своей объективной направленности, общественная, в том числе историческая, мысль в России. В этом русле

формировались исторические идеи дворянских революционеров-декабристов, а также либерально-реформистское направление русского просветительства 40-х годов, представителями которого были видные историки, занимавшиеся историей западноевропейского средневековья, а отчасти и нового времени, — Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев и др.

Своеобразным явлением в передовой европейской общественной мысли было формировавшееся в 40-е годы революционно-демократическое направление в русском просветительстве — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, петрашевцы. Их просветительские идеи сочетались с историзмом, они высказали ряд глубоких мыслей и наблюдений об истории, в частности истории европейских революций XVII—XVIII вв.

В первой половине XIX в. в необычайно сложных для польского народа исторических условиях продолжалось развернувшееся в конце XVIII в. формирование польской национальной историографии. До 20-х годов теоретической основой ее являлись просветительские идеи; в дальнейшем на смену им пришли нашедшие широкий отклик в польской культуре идеи романтизма.

Основателем польской романтической историографии и видным ее творцом был Иоахим Лелевель, труды которого имели революционно-романтическую направленность.

Важным достижением исторической мысли первых десятилетий XIX в. было учение о диалектическом характере всемирно-исторического развития, связанное с именем крупнейшего представителя немецкой классической философии Г. Ф. Гегеля. Перекликавшаяся во многом с идеями Просвещения, историко-философская концепция Гегеля была в то же время пронизана историзмом. Исторический процесс он понимал диалектически, движущую силу его видел в развитии и борьбе противоположных начал.

Несмотря на свойственные взглядам Георга Вильгельма Гегеля многие консервативные черты, разработанный им принцип диалектического развития сыграл плодотворную роль в дальнейшем развитии исторической мысли.

В этот период в европейской историографии наблюдается также радикально-демократическая тенденция, отмеченная заметным влиянием романтизма. Ее представителями были Ж. Мишле (Франция), Ж. Сисмонди (швейцарец, тесно связанный с французской культурой), В. Циммерман (Германия), У. Коббет (Англия). Некоторыми сторонами своего творчества 30-х — начала 40-х годов к этому направлению был близок английский историк Т. Карлейль, противоречивый по своим взглядам и позднее эволюционировавший в консервативном направлении.

Историки-демократы стремились рассматривать историю с позиции простого народа. В своих работах они создали привлекательный и идеализированный в мелкобуржуазном духе образ народа-труженика, имея в виду прежде всего мелких производителей, крестьян и ремесленников. Особенно характерным является известное произведение Мишле «Народ». В рамках этого направления была создана знаменитая книга немецкого историка, ученика Шлоссера, В. Циммермана «История Крестьянской войны в Германии». Демократические историки подвергали критике капитализм, обличали крайне тяжелые для трудящихся первые результаты промышленной революции. Некоторые из них идеализировали патриархальный быт и мелкое производство («экономический романтизм» Сисмонди), что приводило к идеализации средних веков. Так, Сисмонди усматривал образец справедливого социального строя в средневековых итальянских городах-республиках, а Коббет мечтал о возврате к давно прошедшим временам «старой веселой Англии».

Вместе с тем часть представителей демократической историографии придерживалась идеи прогресса (Мишле, Циммерман); воззрения их приобретали порой

«якобинскую» и даже социалистическую окраску (Луи Блан).

В первой половине XIX в. оригинальные исторические идеи были выдвинуты и в рамках социалистической мысли, развитие которой вступило в этот период в новый этап. Социалистические теории XVIII в. создавались в пределах просветительской идеологии, опирались на рационалистическое мировоззрение. Иначе осмысливали проблемы общественного развития основатели критико-утопического социализма А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн. Используя идеи рационализма и материализма XVIII в., они положили начало историческому рассмотрению социального строя общества. Идеальный общественный строй без эксплуатации и нищеты выступал у них не как воплощение вечных принципов разума и справедливости, а как закономерный результат исторического развития общества. Оставаясь в целом идеалистами в понимании определяющих сил движения истории, теоретики критико-утопического социализма подчеркивали большое значение материального производства и форм собственности в общественном развитии. Тем самым их идеи явились вехой не только в истории социалистических учений, но и в развитии историко-социологической мысли.

В конце 40-х годов XIX в. появление первых произведений зрелого марксизма знаменовало создание и начало всесторонней разработки нового, диалектически-материалистического объяснения исторического процесса. Его создатели, К. Маркс и Ф. Энгельс, опирались на наиболее плодотворные результаты, которые были достигнуты общественными науками, в том числе историей, к середине XIX столетия⁶.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 49.

Французская историография. Школа историков периода Реставрации и ее концепция классовой борьбы. Проблемы революции 1789 года

Основным содержанием исторического развития Франции в первой половине прошлого столетия было дальнейшее утверждение буржуазного общества. Несмотря на характерную для Франции того времени относительную стойкость традиционных социально-экономических структур (мелкое крестьянское и ремесленное производство, различные формы мануфактуры), в сложном переплетении с ними в стране развернулась промышленная революция, происходили связанные с нею социальные сдвиги. Результаты этого процесса стали особенно ощутимы в 30—40-е годы.

В развитии социально-политических процессов в это время (после падения наполеоновской империи) отчетливо выделяются два периода. В 1815—1830 гг., во время реставрации монархии Бурбонов, развертывалось общественно-политическое движение против дворянской и клерикальной реакции, в котором ведущая роль принадлежала либералам. После революции 1830 г. идейно-политическая борьба протекала уже в рамках режима буржуазной Июльской монархии, против цензитарного режима правления буржуазных «кнотаблей». Речь теперь шла о том, чтобы сделать более полным господство буржуазии, привести политическую систему в соответствие с нуждами промышленно-капиталистического развития страны.

В то же время в социально-политической борьбе во Франции первой половины XIX в. пробивала дорогу и другая тенденция, связанная с развитием внутренних противоречий самого буржуазного порядка. Она определилась с углублением в 30—40-е годы капиталистической перестройки общественных отношений, когда оживилось демократическое движение, а формировавшийся рабочий класс заявил о себе как о самостоятельной силе общества.

Все эти особенности исторической обстановки во Франции первой половины

XIX в. наложили печать на развитие французской общественной мысли и общественной науки, в том числе и исторической науки.

Роль исторической науки во время Реставрации. В первые десятилетия XIX в. (особенно во время Реставрации) общественный интерес к истории, ослабевший во время революции, значительно возрос. История заняла свое место в новой государственной системе среднего и высшего образования, организованной согласно законам 1806—1808 гг.

Ее преподавание было введено в лицезах; в составе «словесных факультетов» (*facultés des lettres*), созданных в рамках новой университетской системы, были предусмотрены кафедры истории. В Сорбонне ее занимал с 1812 г. Ф. Гизо, он же вел историю в организованной в 1812 г. Высшей нормальной школе (из первого ее выпуска вышли знаменитые историки О. Тьерри и В. Кузен). При Наполеоне в рамках высшего научного учреждения — Национального института — была выделена секция истории и древней литературы (одна из четырех). В 1816 г. была восстановлена Академия надписей, которая продолжила «эрудитскую» традицию: она взяла на себя издание начатых еще бенедиктинцами многотомных публикаций источников. В 1821 г. для подготовки архивистов была организована «Школа хартий».

Наконец, в годы Реставрации возросло внимание к историческим памятникам, осознаны их ценность и необходимость охраны. С 1819 г. в ежегодные государственные бюджеты включались специальные ассигнования на поддержание памятников национальной истории. «Знание нашей истории, — говорилось в одном из исторических сочинений 20-х годов, — является велением времени»¹.

¹ *Dufey P.-J. S. Histoire, actes et remontances des Parlements de France. P., 1826. T. 1. P. 1.*

Что касается положения исторической науки, то во время авторитарного режима Первой империи она находилась в состоянии застоя. Единственно терпимой официальной историографии надлежало исторически обосновывать благодетельность правления первого консула и императора, сопоставляя его с деяниями Александра Македонского и Карла Великого. Правда, уже в эти годы в связи со становлением культуры романтизма совершались важные сдвиги в исторической мысли, но они давали о себе знать скорее в области художественной литературы, чем в историографии.

Перелом в состоянии исторической науки произошел в период Реставрации — именно в это время история становится во Франции «наукой века». Этот перелом связан и с характерным для «романтического сознания» обостренным интересом к историческому прошлому, и в особенности с той исключительной общественной ролью, которую приобрела в эти годы историческая наука. История стала главным полем идейно-политического противостояния дворянской реакции и либеральной буржуазии, а в качестве центральной проблемы был выдвинут вопрос об отношении к Французской революции и ее наследию, воплощенному в буржуазных институтах, нормах общественной жизни, политических доктринах. Ополчаясь на них, теоретики дворянской реакции апеллировали к старине, к традиции. В свою очередь, отстаивая правомерность Французской революции и ее завоеваний, либеральные политики и историки обращались не к абстрактным доводам естественного права, а к истории, они хотели отыскать в ней исторические корни революции и либеральных учреждений. В целом историческая мысль и историография этого времени были отчетливо политизированы и «идеологизированы». Большинство видных французских историков первой половины XIX в. были непосредственно вовлечены в политическую, а отчасти в государственную деятельность.

Возникновение романтической историографии. Консервативная реакция на Французскую революцию. Социально-психологические и теоретические истоки романтизма, как идейного и художествен-

ного движения во французской (как и в европейской) культуре, вызревали уже на исходе века Просвещения. Сама просветительская культура вызвала к жизни такое своеобразное явление в духовной жизни последних десятилетий старого порядка, как «предромантизм». Многие черты «предромантизма» выразил в своем полном противоречий мирозерцании Ж.-Ж. Руссо.

Однако романтическое течение в собственном смысле слова оформилось во французской культуре и общественной мысли, в том числе и исторической, в самом конце XVIII — начале XIX в. под непосредственным воздействием Французской революции. Первоначально романтическая историческая мысль возникла в русле ярко выраженной традиционалистской реакции на Французскую революцию. «Первый романтизм, — отмечает современный французский специалист, — предстает как контрреволюционный, охотно склонявшийся к теократическим и самым крайним идеям»². Виднейшие его представители во Франции принадлежали к поколению, пережившему революцию «по ту сторону баррикад», и были выходцами из дворянской эмиграции. Наиболее последовательно подобные взгляды нашли отражение в сочинениях идеологов ультрароялизма Ж. де Местра и Л. де Бональда.

Граф Жозеф' де Местр (1753—1821), публицист, политический деятель, религиозный философ, долгие годы проведенный в эмиграции (в 1802—1817 гг. жил в Петербурге), был одним из вдохновителей и идеологов клерикально-монархического движения. В 1796 г. он опубликовал в эмиграции трактат «Соображения о Франции», направленный против Французской революции; большой известностью пользовались его сочинение «О папе» (1819) и особенно написанные в форме диалога «Петербургские вечера».

Де Местр решительно отвергал взгляды просветителей на человека, лежавшие в основе их общественных идей. Ему присуще пессимистическое представление о человеческой природе — люди дурны.

² Ehrard J., Palmade G. L'Histoire. P., 1964. P. 57.

Поэтому законом мироздания являются зло, несправедливость, а неизбежным следствием их в обществе — убийства, войны, преступления. Для управления обществом требуются непрекаемая власть церкви и государства, жестокость и насилие, инквизиция и палач. Лучший государственный порядок, по мнению де Местра, — неограниченная власть короля, который правит при помощи дворянства. Выше короля на земле лишь власть католической церкви, воплощенная в папе, — де Местр отстаивал тезис о непогрешимости пап.

Убежденный противник Французской революции, де Местр обосновывал мысль о принципиальной невозможности преобразования общества и государства с помощью написанных в духе «разума» законов и конституций. Государства не основываются писаными конституциями. Суть дела в народном духе; в своей истории люди повинуются темным и могучим силам, какими являются нравы, обычаи, предрассудки, которые господствуют над людьми помимо их воли и сознания.

Общий взгляд де Местра на историю был религиозно-провиденциалистский. С этой точки зрения он осмысливал и Французскую революцию. Хотя революция, полагал де Местр, была делом сатанинским, все же и в ней ясно видна рука Провидения: революция явилась карой, обрушенной богом на впавших в грех французов. В своей гордыне философия (т. е. идеи просветителей) выступила с претензией на обладание мудростью и руководство людьми. «Чтобы покарать и посрамить ее, господь должен был осудить ее на мимолетное царствование»³; и это страшное наказание было единственным средством спасения Франции. Конкретные причины революции он связывал с развитием критической мысли, философии и науки XVII—XVIII вв., которые расшатали религиозную веру и весь старый порядок. Дальние истоки разрушительной философии де Местр усматривал в Реформации, учениях Лютера и Кальвина.

К взглядам де Местра были близки воззрения виконта Луи де Бональда (1754—1840), публициста, одного из вождей ультрамонтанской группировки в «бесподобной палате» 1815—1816 гг. Основное его произведение, созданное в эмиграции, «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе, основанная на разуме и истории» (1796).

Общественный порядок, согласно Бональду, зиждется на трех основах — господство религии, сословное неравенство, абсолютная монархия. Неограниченная монархия вытекает из общего закона мироздания, в котором все устроено монархически: бог правит миром, душа — человеком, отец — семьей. Всякое посягательство на монархию есть нападение на природу вещей. Англию с ее парламентским строем Бональд считал самой отсталой страной, хартию 1814 г. — «детischem безумия и мрака».

Как и де Местр, Бональд подвергал ожесточенной критике просветительскую концепцию личности, прав человека и общественного договора. Государство, доказывал Бональд, существует независимо от сознательной воли людей, общественное устройство с необходимостью вытекает из природы, как и физиологическое строение человека; постоянство общества обеспечивается не «правами человека», а обычаями и опытом.

Ко времени революции, полагал Бональд, Франция после 14 веков истории обладала превосходной монархической конституцией, «а французский народ был счастлив как никогда ранее»⁴. Отыскивая истоки грехопадения, которое сделало возможной Французскую революцию, он связывал их с идеями Просвещения, естественноправовыми теориями XVII в., с Яном Гусом, таборитами, Виклефом, включая в эту цепь и проповеди нищенствующих монахов-миноритов (францисканцев) XIII—XIV вв.

Большое влияние на историографию оказали произведения знаменитого писателя, не чуждого историко-политической публицистики, Франсуа Рене де Шато-

³ Цит. по кн.: *Cordelier J.-P. La théorie constitutionnelle de Joseph de Maistre. P., 1965. P. 116.*

⁴ *Bonald L. Considérations sur la Révolution française. P., б. д. [1907(?)]. P. 97.*

бриана (1768—1848), основоположника романтизма во французской литературе. Приверженец Бурбонов, он был, в отличие от ультрароялистов, сторонником относительно умеренной конституционной Хартии 1814 г.

В юности Шатобриан формировался в атмосфере философского и политического вольномыслия, от которых решительно отошел в годы революции. Находясь в эмиграции в Лондоне, он создал опубликованный в 1797 г. в Париже «Исторический, политический и моральный опыт о древних и новых революциях». Это было сочинение, написанное еще в духе «философских» трактатов XVIII в., но направленное против Просвещения и Французской революции. Выраженный в нем взгляд на историю исполнен скептицизма. Она представляется фатальным движением по замкнутому кругу, из которого человек тщетно пытается вырваться. Так, и Французская революция не дала, в сущности, ничего нового, в ней обнаруживается повторение того, что было уже в античной истории. Шатобриан выдвинул здесь обычную для враждебной революции публицистики того (как и более позднего) времени мысль, согласно которой главным пороком Французской революции были абстрактные, оторванные от реальной жизни идеи просветителей, которыми она руководствовалась. В частности, якобинцы пытались осуществить ложную идею совершенствования человека, его нравов и учреждений и совершили во имя этого беспримерные злодеяния.

Но наибольшее воздействие на историческую мысль оказали произведения Шатобриана, созданные уже в русле собственно романтической культуры. Это его полубеллетристический трактат «Гений христианства» (1802) и художественные произведения, в частности псевдоисторическая поэма из времен раннего христианства «Мученики» (1809). Создавая проникнутые духом сочувственного «сопереживания» картины нравов, быта средних веков, Шатобриан положил начало манере красочного исторического описания и ввел (наряду с В. Скоттом) в историческую литературу романтический принцип «местного колорита» («la couleur locale»).

Произведения Шатобриана привле-

Ф. Р. Шатобриан

кали внимание современников к средневековой истории Франции. Шатобриан стремился разрушить унаследованное от Просвещения одностороннее отрицательное отношение к этой эпохе. Он доказывал, что христианство оказало благотворное влияние на культуру, вдохновило великие творения искусства и архитектуры (например, создание готических соборов), обусловило нравственное совершенствование людей. Сочинения Шатобриана были проникнуты ностальгией о «добром старом времени». В средних веках, когда господствовал «гений христианства», Шатобриан видел навеки утраченный идеал общественного и политического устройства.

Основные проблемы, вокруг которых развернулась во время Реставрации острая полемика между консервативно-дворянской и либеральной историографией, наиболее отчетливо поставил граф **Ф. Д. Монлозье** (1755—1838). В серии историко-политических трактатов «О французской монархии от ее основания до наших дней» (1814—1821) он развивал сформулированную еще в начале XVIII в. дворянскую историческую концепцию графа Буленвилье.

Необходимой предпосылкой возникновения каждого государства, полагал Монлозье, является завоевание, а неизбежным его результатом — последующая борьба двух народов, победителей и побежденных. Так, из германского завоевания Галлии произошел общественно-политический строй средневековой Франции, установилось господство дворян —

потомков завоевателей, франков, которые являются истинным древним французским народом. Но против этого порядка с XII в., т. е. со времени коммунального движения, повел борьбу другой народ — третье сословие, буржуазия, появившаяся из потомков рабов, вольноотпущенников, крепостных и узурпировавшая прирожденные права дворян. Увенчанием этой узурпации была Французская революция, разрушившая нормальный, естественно выросший общественный строй Франции. Падение Первой империи и вступление во Францию войск коалиции Монлозье считал новым завоеванием, подобным франкскому. Оно должно возродить Францию, восстановить исконное положение дворянства.

Полемика с Монлозье оказала влияние на исторические воззрения одного из виднейших либеральных историков периода Реставрации О. Тьерри, который, однако, пришел к совершенно иным выводам.

Либеральная школа историков периода Реставрации. 20-е годы XIX в. отмечены во Франции значительным оживлением общественно-политической борьбы. Монархия Бурбонов все более определенно эволюционировала в сторону дворянской и клерикальной реакции, и это вызывало усиление либеральной оппозиции. В то же время в Европе поднялась новая революционная волна: произошли буржуазные революции в Испании, Португалии, Неаполитанском королевстве, в Пьемонте, находившие живой отклик в общественном мнении Франции.

В этих условиях на арену общественной и научной деятельности вышло новое поколение историков романтического направления, сформировалась знаменитая либеральная историческая школа периода Реставрации, представленная О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Тьером и рядом других историков. «В течение одного десятка лет, — отмечает Б. Г. Реизов, — силами одного поколения создается новая историческая наука и целый ряд ее шедевров»⁵.

Историки новой школы были молоды, обладали острым чувством современности,

выступали как публицисты и журналисты, участвовали в либеральной печати. Их выступления имели широкий общественный резонанс. Лекции в Сорбонне А. Ф. Вильмена (автора двухтомной «Истории Кромвеля», 1819 г.), В. Кузена (читавшего курс философии истории), Ф. Гизо собирали до двух тысяч человек; они печатались со стенограмм и выходили в виде брошюр.

В своем творчестве эти историки в ряде отношений продолжали традиции исторической мысли буржуазного направления в просветительстве. Они восприняли его антифеодальную заостренность, исторический оптимизм, убеждение в прогрессивном характере развития человеческой истории. Им не были чужды и элементы рационализма в подходе к истории.

Но в целом для либеральной школы был характерен историзм научного мышления, представление об органическом развитии общества. Отстаивая «представительное правление», т. е. буржуазную конституционную монархию, они стремились выявить в истории средних веков зарождение и генезис буржуазии и соответствующих ее интересам политических учреждений. В этом отношении они шли в русле романтизма, хотя восприятие его идей большинством из них имело свои пределы.

Важным вкладом либеральных историков периода Реставрации в развитие исторической мысли была разработка буржуазной концепции общественных классов и роли классовой борьбы в истории. «Историки периода Реставрации, — писал Ф. Энгельс, — от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера...», принадлежат к числу тех, кто постоянно указывает на факт классовой борьбы «...как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков»⁶.

Центральной проблемой, волновавшей историков этой школы, была Французская революция и шире — проблема буржуазной революции как таковой (хотя они и не употребляли этого понятия, введенного в науку позднее). Осмысливая ее, одни из них (О. Тьерри, Ф. Гизо) погрузились

⁵ Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. Л., 1956. С. 7.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 308.

в изучение средних веков, желая отыскать далекие исторические корни революции, другие (Ф. Минье, А. Тьер) обратились к изучению самой Французской революции. Живой интерес историков либеральной школы вызывала история Англии, которая ранее прочно вступила на путь буржуазного развития и конституционно-монархического правления. Понятно и внимание этих историков к Английской революции XVII в., которой они посвятили ряд трудов и документальных публикаций.

Одним из основателей школы историков периода Реставрации был **Огюстен Тьерри** (1795—1856). В 1817—1820 гг. он выступил с серией статей, объединенных позднее в сборнике «Десять лет исторических исследований». В 1825 г. вышел главный труд Тьерри 20-х годов «История завоевания Англии норманнами», а в 1827 г. — его «Письма об истории Франции».

Среди выдающихся историков этой школы Тьерри в наибольшей мере присущи черты, характерные для романтического подхода к истории. Поднимая в статьях 20-х годов «знамя исторической реформы», он ополчился на метод «абстрактного изложения истории» в духе просветительского рационализма XVIII в. Важной задачей историка он считал воссоздание прошлого в его неповторимом своеобразии, проникновение в «дух времени» с помощью художественного воображения и интуиции, «сопереживания» с изображаемой эпохой.

Вместе с тем Тьерри отнюдь не отвергал методов рационального познания и необходимости установления на их основе определенных исторических закономерностей. В юности (1814—1817) Тьерри был учеником и секретарем великого социалиста-утописта Сен-Симона. Несмотря на их разрыв, именно с влиянием Сен-Симона связаны некоторые важные стороны исторических воззрений Тьерри: концепция разделения общества на классы и их борьбы, понимание исторической науки как социальной истории, т. е. истории общества, народа. «История Франции, которую мы находим у современных писателей, — писал Тьерри, — не является ни подлинной историей страны, ни национальной, ни народной историей... Нам недостает

О. Тьерри

истории граждан, истории подданных, истории народа»⁷.

В историю исторической мысли Тьерри вошел как «...отец «классовой борьбы» во французской историографии...»⁸. Идею борьбы классов, точнее, в его трактовке — различных сословий, разных народов или «рас», он положил в основу своей концепции истории Франции, а ее возникновение связывал с германским завоеванием Галлии. В итоге завоевания на территории Франции оказались две непримиримо враждебные «расы», два народа — завоеватели-франки, предки дворянства, и пораженные галло-римляне, предки третьего сословия. Их борьба пронизывает дальнейшую историю страны. Ее великими вехами были «коммунальные революции» XII в., Французская революция XVIII в. Борьба возобновилась со времени Реставрации, ее завершением должно быть окончательное торжество третьего сословия.

Излюбленной темой Тьерри была борьба городских коммун против феодалов в XI—XII вв. Он считал ее «настоящей социальной революцией», исторической прелюдией Французской революции XVIII в. С сочувствием Тьерри относился в это время и к антифеодальной борьбе

⁷ *Thierry Aug. Dix ans d'études historiques.* P., 1883. P. 234.

⁸ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 321.*

Ф. Гизо

крестьянства, к Жакерии; он с гордостью заявлял: «Мы — сыны тех крестьян, которых перерезали рыцари близ города Мо ... сыны повстанцев Жакерии»⁹.

История классовой борьбы носит у Тьерри своеобразную «расовую» форму, выступает как возникшая в результате завоевания борьба различных национальностей. С этих позиций он подходил и к истории Англии. Однако, по существу, у Тьерри речь идет о борьбе социальных сил, дворянства и третьего сословия. При помощи тезиса о завоевании Тьерри пытался объяснить происхождение общественных классов, не видя иных путей решения этой проблемы.

Однако «классовая борьба», которая занимает такое большое место в исторической концепции Тьерри, сводилась для него исключительно к борьбе между привилегированными сословиями и третьим сословием. Идея единства третьего сословия — краеугольный камень его концепции истории Франции; оснований для классовой борьбы внутри третьего сословия Тьерри не видел.

Во время Реставрации были созданы лучшие труды и другого представителя

либеральной школы — Франсуа Гизо (1787—1874). Крупный историк, Гизо был и активным политическим деятелем. В 20-е годы он был в оппозиции к монархии Бурбонов и играл большую роль в умеренно-либеральной партии «доктринеров».

Подобно Тьерри, Гизо изучал преимущественно средневековую историю Франции, но в сфере его внимания была и история нового времени. Его главные труды 20-х годов посвящены истории Франции: «Опыты по истории Франции» (1823), особенно знамениты книги (курсы лекций, читанные в Сорбонне) «История цивилизации в Европе» (1828; доведена до Французской революции) и «История цивилизации во Франции» (1829—1830; доведена до времени Гуго Капета). В 1823 г. он организовал публикацию двух коллекций мемуаров, относящихся к Английской и Французской революциям (до 1934 г. вышли соответственно 26 и 31 томов обеих серий).

Гизо не разделял романтических увлечений Тьерри методами «сопереживания» и художественного постижения прошлого. Историк, обладавший незаурядным аналитическим умом, он стремился к выделению главных тенденций в развитии общества, к созданию «философской», т. е. обобщающей, генерализирующей истории. В этом отношении Гизо продолжал вольтеровскую традицию в историографии. Развивая ее, он отстаивал идею закономерного прогресса в истории. Свойственная и другим либеральным историкам, она была выражена у Гизо особенно последовательно и рельефно. Поступательное развитие в сторону совершенствования общества и нравственного совершенствования человечества он считал главной чертой цивилизации, особенно европейской, которая «существует уже пятнадцать столетий и находится постоянно в состоянии прогресса»¹⁰.

Наряду с Тьерри Гизо был одним из создателей буржуазной теории борьбы классов; на этой основе он строил свою концепцию истории Франции и Европы:

⁹ Цит. по кн.: *Вайнштейн О. Л.* Огюстен Тьерри // *О. Тьерри. Избр. произв.* М., 1937. С. XXIII.

¹⁰ *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. СПб., 1860. С. 36.

«...борьба между сословиями» наполняет всю новую историю, «из нее, можно сказать, родилась новейшая Европа»¹¹. Гизо, как и Тьерри, считал эту борьбу результатом германского завоевания: «Более тринадцати столетий... во Франции существовали два народа, побежденный и победитель. В течение тринадцати столетий побежденный народ боролся за свержение ига народа-победителя. Наша история есть история этой борьбы. В наше время произошла решающая битва. Имя ее — Революция. Результат революции не вызывал сомнений: бывший побежденный народ стал народом-победителем. В свой черед, он завоевал Францию»¹².

Однако в своих главных работах Гизо давал «борьбе сословий» более глубокое объяснение, связывая ее не с завоеванием, а с последующим развитием имущественных отношений, прежде всего отношений поземельной собственности: «Изучение земельных отношений должно предшествовать изучению положения людей. Чтобы понять политические учреждения, надо знать различные общественные слои, существующие в обществе, и их отношения. Чтобы понять эти различные общественные слои, надо знать природу отношений собственности...»¹³ Основываясь на этой идее, Гизо сделал ряд верных наблюдений о феодальном обществе, выдвинув на первый план характерную для него условность земельной собственности.

Однако Гизо не мог последовательно применить выдвинутый им принцип приоритета социальной истории и отношений собственности к конкретному анализу истории. В его конкретно-исторических построениях ведущим началом выступала борьба между отвлеченными политическими принципами (так, политическая борьба во Франции XVII—XVIII вв. объяснялась борьбой между «принципом абсолютной монархии» и «принципом свободного исследования»).

Трезвый буржуазный политик Гизо был чужд демократических симпатий Тьерри. Уже в 20-е годы он не разделял и иллюзий Тьерри о третьем сословии как единой массе. Высоко оценивая коммунальное движение, Гизо считал, что уже тогда в неимущих низах существовали враждебность к богатым, необузданный и дикий демократический дух. Только имущие слои были истинными носителями духа третьего сословия, из них вышел новый социальный класс — буржуазия, к которой принадлежат лучшие люди, обладающие особыми свойствами ума и характера, что позволяет им, создавая капитал, идти по пути благоденствия и прогресса. Возвышение ее — главное содержание последующей истории Франции. В ее конечном торжестве и установлении конституционной монархии, соединяющей традицию со свободой, он видел неизбежное завершение истории, как бы предустановленную провидением цель прогресса европейской цивилизации.

Ф. Гизо много занимался историей Английской революции XVII в. В 1826—1827 гг. вышли первые два тома его «Истории Английской революции», доведенные до казни Карла I. Гизо доказывал, что Английская революция, несмотря на ее особенности, однотипна Французской. Религиозная и политическая борьба «скрывала и социальный вопрос, борьбу различных классов за влияние и власть»¹⁴. Гизо сделал ряд метких наблюдений относительно соотношения социальных сил, определившего возникновение Английской революции. В то время как английская монархия стремилась к абсолютизму, а пришедшая в упадок высшая аристократия сблизилась с двором, «в глубине общества совершался переворот противоположный»: в городах быстро развивались торговля и промышленность, земельная собственность перемещалась в руки простого дворянства, фригольдеров, горожан, которые богатели и «овладевали всеми общественными силами, истинным источником власти»¹⁵.

Либеральные историки периода Реставрации создали важные труды, посвящен-

¹¹ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. С. 192.

¹² Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P.-Leipzig. 1858—1867. Т. 1—8; Т. 1. P. 296.

¹³ Guizot F. Essais sur l'histoire de France. P., 1823. P. 90.

¹⁴ Guizot F. Histoire de la Révolution d'Angleterre. P., 1856. V. I. P. 11.

¹⁵ Гизо Ф. История Английской революции. СПб., 1868. Кн. I. С. 7.

О. Минье

ные конкретной истории Французской революции. Широкий отклик вызвали «Рассуждения о главных событиях Французской революции» (опубликованы посмертно в 1818 г.), написанные на склоне лет **Жерменой де Сталь**, дочью Неккера — министра Людовика XVI. Ведущая идея ее книги, носившей публицистический характер, — историческая необходимость, даже неизбежность Французской революции (кроме эксцессов диктатуры и террора, которые связаны с тем, что народ не успел еще обрести добродетели, даваемые свободой).

Идея необходимости революции была основной и для либеральных историков, изучавших историю революции. Начало ее исследованию было положено работами молодых тогда еще историков Ф. Минье и А. Тьера (к началу 20-х годов оба достигли 25 лет). Живейший общественный интерес к Французской революции побудил их заняться разработкой ее истории на основе доступных источников. Архивные документы времен революции не были еще разобраны и классифицированы. Минье и Тьер изучали прессу, мемуары, переписку, беседовали с участниками революции. Итогом явились труды по общей истории революции, созданные за необычайно короткий срок¹⁶ и имевшие громадный успех, которые вызвали острую полемику и которым суждена была долгая жизнь (особенно «Истории революции» Минье). Оба автора сразу стали знамениты.

¹⁶ Минье посвятил созданию своей истории революции 8 месяцев, 8-томный труд Тьера был завершен в течение пяти лет (см.: *Godechot J. Un jury pour la Révolution. P., 1974. P. 61*).

В 1824 г. появилась двухтомная «История Французской революции», написанная **Франсуа Огюстом Минье** (1796—1884). Среди других работ о революции, созданных либеральными историками первой трети XIX в., она выдержала проверку временем: первые 3 издания вышли уже к 1825 г., в дальнейшем ее многократно переиздавали, вплоть до начала XX в.

Минье создал стройную концепцию Французской революции, выдержанную в духе общих принципов либеральной исторической школы. Революцию Минье считал явлением необходимым и благотворным. Идея «необходимости» революции была центральной в его труде, она пронизывает и его общую концепцию, и его суждения о конкретных событиях революции, роли в ней различных партий и исторических деятелей.

Революция была, согласно Минье, важным переломным рубежом в истории Франции. До революции во Франции «еще существовали средневековые формы общества». Этот старый порядок «революция заменила новым, более справедливым и более соответствующим требованиям времени»; она «изменила не только политическую власть, но и произвела переворот во всем внутреннем состоянии нации»¹⁷. Историю революции Минье рассматривал как борьбу различных классов; все годы ее «прошли в стараниях утвердить господство одного из классов, составлявших французскую нацию»¹⁸. Соответственно Минье различал в революции три главные борющиеся силы: привилегированные классы, стремившиеся установить свой порядок против двора и буржуазии; «средний класс», т. е. буржуазию, принципом которой была свобода и которая боролась против привилегированных, но также и против народной массы (ее интерес воплотился в Конституции 1791 г.); наконец, народ (*la multitude*, т. е. масса) — принципом его было равенство; попыткой «толпы», «массы», захватить власть были Конституция 1793 г. и якобинская диктатура.

Минье был убежден, что власть в обществе должна принадлежать «обеспечен-

¹⁷ *Минье Ф. История Французской революции. СПб., 1906. С. 4.*

¹⁸ Там же. С. 376—377.

ному и просвещенному классу»; этому вполне соответствовали преобразования Учредительного собрания и Конституция 1791 г. Он сожалел, что роковая сила обстоятельств подняла к власти якобинцев. Но Минье (в отличие от Ж. де Сталь) считал необходимыми и неизбежными все этапы Французской революции: каждый из них выполнял в ней отведенную ему силою обстоятельств роль, в том числе и якобинское господство и якобинский террор. Крайности якобинства были вызваны контрреволюцией и войной и необходимы для победы. Как можно было «победить иностранных врагов без фанатизма, обуздать партии, не наводя ужаса, прокормить толпу без максимума и содержать армию без реквизиций?»¹⁹.

Признание необходимости таких крайних мер революции, как революционная диктатура и террор, рождало вопрос о нравственной ответственности исторических деятелей за совершенные ими дела. Минье исходил из принципа, что деятелей истории нельзя судить с отвлеченно-нравственных позиций, а надо учитывать обстоятельства их деятельности и ее результаты. При этом одно и то же явление может быть оправдано с точки зрения политической, но осуждено в плане моральном. Так, деятельность Робеспьера и других якобинцев оказалась необходимой для революции, Минье оправдывал ее «силою обстоятельств»; но для достижения цели они использовали средства, недопустимые в нравственном отношении, и с этой нравственной точки зрения Минье их осуждал²⁰.

В основном с тех же позиций, что и труд Минье, была написана «История Французской революции» **Адольфа Тьера** (1797—1877), который играл тогда активную роль в либеральной оппозиции. Восемь томов этого труда вышли в 1823—1827 гг. Как и Минье, Тьер руководствовался идеей о необходимости, скорее даже фатальной обязательности, Французской революции в целом и всех ее этапов. В сущности, он развивал концепцию «революции-блока», осмысливаемую с буржуазно-либеральных

и патриотических позиций, которая широко вошла в буржуазную историографию XIX в. В работе Тьера приводился обширный новый материал по военной и финансовой истории революции.

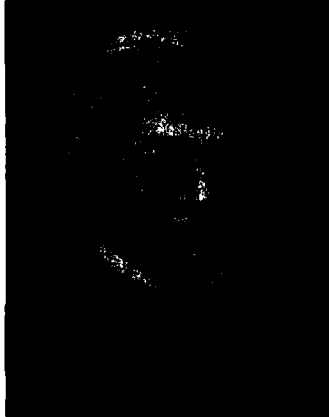
Исторические идеи критико-утопического социализма. Сен-Симон. Важным звеном в историко-социологической мысли в первые десятилетия XIX в. были идеи, развитые в русле критико-утопического социализма. Огромное воздействие на формирование историко-социологической мысли оказали идеи **Клода Анри де Сен-Симона** (1760—1825), социалиста-утописта, одного из выдающихся мыслителей нового времени. Подвергнув глубокой критике современное ему буржуазное общество, Сен-Симон противопоставил ему идеал грядущего общественного устройства, свободного от нищеты и эксплуатации, которое, как он полагал, явится необходимым и естественным продолжением всей предшествовавшей истории. Поэтому критику настоящего, размышления о будущем он тесно связывал с изучением и истолкованием прошлого. Он считал, что, подобно естественным наукам, история должна стать положительной («позитивной») наукой, основанной на наблюдениях и фактах.

Главный вклад Сен-Симона в развитие исторической мысли — его философско-историческая система. Разрабатывая ее, Сен-Симон опирался на достижения просветительской философии, но он преодолевал присущий ей антиисторизм, абстрактно-рационалистический подход к истории.

Стержень историко-социологической концепции Анри Сен-Симона — идеи закономерности и прогресса. Сен-Симон впервые в истории общественной мысли последовательно разработал эти идеи в духе историзма. Он выдвинул понимание истории как поступательного процесса закономерной смены исторически-обусловленных общественных систем. Каждая общественная система, по мысли Сен-Симона, до конца развивает составляющие ее элементы, т. е. присущие ей идеи, формы собственности и покоящиеся на них классы, после чего наступает период ее кризиса и упадка. В недрах отживающей системы рождаются новые элементы, вступающие

¹⁹ Минье Ф. История Французской революции. С. 376—377.

²⁰ См.: Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. С. 233—246.

Л. А. Тьер

в борьбу со старыми. Победив, они образуют более высокую общественную систему. Таким образом, взгляд Сен-Симона на историю содержал зримый элемент диалектического подхода; он делал шаг в сторону понимания общества как целостного, закономерно развивающегося организма.

Последовательную смену эпох в истории Сен-Симон объяснял изменением господствующих в обществе религиозно-философских и научных идей. Так, основой средневековой «феодально-богословской» системы он считал христианство, а начавшую, по его мнению, утверждаться с XV в. новую «метафизическую систему» (т. е. буржуазное общество) связывал с прогрессом светского знания, в результате которого на смену церковникам и феодалам поднимаются ученые, носители светского знания, и «промышленники» («индустриалы»), под которыми Сен-Симон разумел все слои, занятые в процессе производства (земледельцев, ремесленников и рабочих, буржуазию). Последующая, «позитивная», эпоха наступит с установлением «новой промышленной системы», устроенной в соответствии с утопическим идеалом Сен-Симона.

В его воззрениях есть элементы материалистического понимания истории. Большую роль в развитии и смене общественных систем Сен-Симон отводил изменениям в процессе производства («индустрии») и отношениях собственности. Разложение средневековой «феодально-богословской системы» он объяснял не только интеллектуальными, но и экономическими и социальными сдвигами. Происходивший интенсивно с XV в. экономический подъем класса

«промышленников» вел, по Сен-Симону, к перемещению собственности и реального могущества в его руки и упадку утратившего полезные социальные функции праздного класса феодалов.

В теории Сен-Симона классовая борьба выступает как необходимый признак всякого исторического общества; кризис и крушение изжившей себя общественной системы осуществляются в острой борьбе классов. С этой точки зрения он рассматривал вопрос о происхождении Французской революции XVIII в.: она явилась результатом борьбы «феодально-богословской» и промышленной систем и соответственно двух классов — феодалов и «промышленников». Сен-Симон указывал также, что в революции был и другой классовый конфликт — между собственниками и немущими, которые в период якобинского правления захватили даже на недолгое время власть.

Революция, по мысли Сен-Симона, уклонилась от верного пути — господствующее положение заняли не люди производительного труда и науки, а праздные слои общества (аристократы, сановники, военные, рантье). Общественный строй, соответствующий новой эпохе, еще предстоит создать — это будет «новая промышленная система», соответствующая разработанному Сен-Симоном идеалу.

Буржуазная историография в 30—40-х годах XIX в. Июльская революция 1830 г. покончила с режимом Реставрации. В стране установилась буржуазная Июльская монархия. С развитием промышленной революции шел процесс сращивания земельной (т. е. главным образом дворянской) и буржуазной аристократии. Цензовая избирательная система утвердила у власти слой буржуазных «нотаблей» из крупных землевладельцев и верхов буржуазии.

В новых условиях утратило свое значение характерное для периода Реставрации противоборство между дворянской реакцией и наследниками бывшего третьего сословия во главе с либеральной буржуазией, которое выступило как продолжение борьбы между старым порядком и революцией. Новые проблемы выдвинулись на первый план идейной борьбы и социально-политических конфликтов, которые отчет-

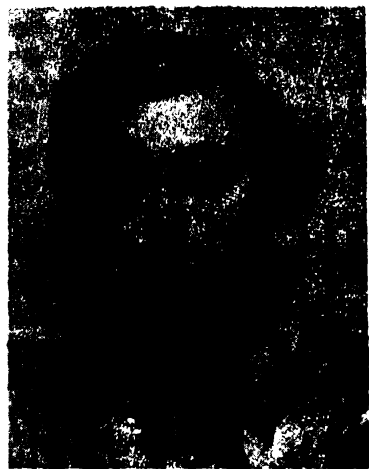
ливо выступали уже как борьба внутри бывшего третьего сословия. Широкое развитие получило республиканско-демократическое движение, опиравшееся на передовые элементы мелкой и средней буржуазии, интеллигенцию, ремесленников и рабочих. Формировавшийся рабочий класс выходил на арену самостоятельного движения. Влиятельным компонентом идейной жизни общества становились социалистические и коммунистические идеи.

Все эти новые черты, характерные для французского общества в период Июльской монархии, находили отражение в исторической мысли и историографии. Их развитие по-прежнему было тесно связано с динамикой политической жизни. К этому периоду полностью применимо замечание современного историка о том, что «французы XIX в. осмысливают свою политику не иначе как сквозь призму своей истории»²¹. Руководящие деятели нового режима, среди которых было немало историков, выдвинувшихся в годы Реставрации, понимали общественное значение истории. По инициативе Гизо, министра просвещения, в 30-е годы был создан Комитет исторических работ, который развернул многотомную публикацию «Неизданных документов по истории Франции» (к 1850 г. было опубликовано 13 томов, к настоящему времени издано свыше 400 томов этого монументального издания)²².

В 30—40-е годы XIX в. политические позиции и исторические воззрения историков, примыкавших к либеральной исторической школе периода Реставрации, существенно изменились. Они безоговорочно поддержали Июльскую монархию, стали ее официальными историками, а некоторые из них — Гизо, Тьер — ее видными государственными мужами. Они полагали, что с утверждением буржуазной конституционной монархии борьба классов в истории исчерпала себя.

²¹ Furet F. La gauche et la Révolution française au milieu du XX siècle. P., 1986. P. 8.

²² См.: Королев Г. Начало исторических документальных публикаций во Франции в период Июльской монархии // Французский ежегодник. 1969. М., 1971; Carbonnell O. Guizot, homme d'Etat, et le mouvement historiographique français du XIX siècle // Actes du Colloque Guizot. P., 1976. P. 222—224.

А. Токвиль

О. Тьерри в 40-е годы создал наиболее значительное свое произведение — «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия» (издано в 1853 г.). Сохранив идею о роли борьбы классов в истории Франции, он существенно смягчил ее прежнюю остроту. Тьерри считал нужным теперь указать на исторические заслуги дворянства (к ним он относил, в частности, военную доблесть, патриотизм). Но особенно настойчиво он проводил мысль о великом значении союза королевской власти и третьего сословия, «благодаря которому возникла современная Франция». Этим тезисом Тьерри хотел исторически обосновать Июльскую монархию.

В годы Июльской монархии широкую известность приобрели воззрения крупного политического писателя и историка **Алексиса де Токвиля** (1805—1859). В 1835—1840 гг., после путешествия в США, он опубликовал двухтомный труд «О демократии в Америке». Уже выход 1-го тома поставил 30-летнего автора в число известных политических писателей Европы (до 1850 г. эта работа выдержала 13 изданий, она продолжает издаваться и в наши дни).

Выходец из старинного дворянского рода, граф Токвиль сохранял, по словам русского историка В. И. Герье, «элегическое сожаление о погибшем (т. е. разрушенном Французской революцией.— А. А.) строе»²³. Аристократию с ее тради-

²³ Цит. по кн.: Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974. С. 232.

циями и культурой он считал лучшей частью нации, способной составить препятствие для деспотического абсолютистского правительства. Но Токвиль ни в коей мере не помышлял о возврате к старому порядку, считая необходимым компромисс между аристократией и буржуазией в рамках «либеральной демократии».

Главная проблема, занимавшая Токвиля как политического мыслителя (ей и посвящена его книга «О демократии в Америке»), — как в условиях демократии (т. е. гражданского и политического равенства) обеспечить свободу, которую он понимал прежде всего как гарантию для меньшинства против «тирании большинства». В условиях той эпохи «меньшинство», о правах которого размышлял Токвиль, выступало как меньшинство, обладающее привилегиями состояния и образования. Но, как показал исторический опыт, поставленные Токвилем проблемы о сложностях сочетания в обществе равенства и свободы имеют и более широкое общезначимое содержание.

Вдумчивый наблюдатель, Токвиль видел «неодолимость» эгалитарно-демократического процесса и опасался его последствий. Опасность его он усматривал в том, что установление гражданского и политического равенства, уничтожение сословных и местных привилегий и отличий может привести к утрате свободы и установлению цезаристского режима. Токвиль, в частности, считал, что установление бонапартистского режима во Франции после Французской революции явилось следствием именно установленной революцией демократии.

Но опасения, которые внушало Токвилю предвидимое им торжество демократии, имели и другой аспект, связанный с тревогой всех имущих классов за прочность своего социального господства: «Можно ли думать, — писал А. Токвиль, — что, разрушивши феодальный строй и победивши королей, демократия отступит перед буржуазией и богатым классом?»²⁴

В свете этих общих идей Токвиля понятен его интерес к США — стране, в которой

в тот период была наиболее широко развита политическая демократия и вместе с тем прочно сохранялось господство имущих верхов общества. Рассматривая политические институты США, Токвиль показал многие отрицательные стороны американского буржуазного общества — нищету рабочих, беззастенчивую алчность буржуазии, грубую, примитивную продажность буржуазных политиков. Но он с сочувствием подчеркивал те особенности политического устройства США, которые ограничивали реальное политическое влияние широкой массы и могли предохранить, по мнению Токвиля, американское общество от революционных потрясений (административная децентрализация, двухпалатная система, Верховный суд, широкие права центральной исполнительной власти в лице президента). Подобно Гизо, Токвиль одобрительно относился к Американской революции, которая, по его мнению, в отличие от революции Французской, развивалась «с любовью к порядку и законности», сохраняла тесную связь между «религиозным духом и духом свободы».

Свое место во французской историографии занял поэт-романтик **Альфонс Ламартин** (1790—1869). Подобно Токвилю, он происходил из дворянско-легитимистской среды. Крах режима Реставрации привел его к выводу о необходимости союза «с возвышающейся буржуазией, владычицей капиталов, прокармливающих пролетариат»²⁵. В 40-е годы он выступал с позиций умеренно-буржуазного республиканизма, в противовес коммунистическим идеям выдвигал филантропические проекты всеобщего примирения и братства.

В 1847 г. Ламартин опубликовал получившую большую известность книгу «История жирондистов». Написанная в приподнято-патетической манере книга увлекала яркостью рассказа о людях и событиях революции. Но она лишена реалистических элементов научного анализа, характерных для работ либеральных историков периода Реставрации. В условиях назревшей революции Ламартин желал преподать народу «нравственный урок»:

²⁴ Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897. С. 4.

²⁵ Ламартин А. Жирондисты. СПб., 1911. Т. IV. С. 280.

«Я желал бы, чтобы будущая республика была жирондистской, а не якобинской. Вот вся цель моей книги»²⁶. Этой цели подчинены отбор и освещение материала. Ламартин изобразил жирондистов апостолами свободы, основателями республики, которые погибли потому, что «отказали народу в пролитии крови». У них были слабости, они совершали ошибки, но искупили их мученическим концом, заслужив славу и прощение потомков.

Демократическая струя в романтической историографии. Ж. Мишле. Подъем левореспубликанского движения во время Июльской монархии привел к оформлению влиятельного демократического направления во французской историографии. Как и либеральную школу периода Реставрации, историков-демократов интересовала прежде всего Великая французская революция. Но они подходили к ней под иным углом зрения. В истории революции их привлекало не победоносное восхождение буржуазии, а народное движение, не либеральные принципы и учреждения конституционной монархии 1789—1791 гг., а исторический опыт и традиции первой французской республики.

Крупнейшим историком этого направления был **Жюль Мишле** (1798—1874), профессор Высшей нормальной школы и Коллеж де Франс. Главные его труды — многотомная «История Франции» от начала средних веков до 1789 г. (в 1833—1843 гг. вышли первые 6 томов, в 1867 г. — последний, 17-й том) и «История Французской революции» (в 6 томах; 1847—1853; в 1857 г. вышел последний, 7-й том.).

Мишле — историк-романтик, испытавший заметное влияние немецкого романтизма. Он стремился к живому «воскрешению» прошлого, «сопереживанию» с ним, проникновению в «дух» («гений») народа. Работы Мишле, обладавшего большим литературным дарованием, написаны художественно ярко, эмоционально приподнято, со многими лирическими отступлениями.

Ж. Мишле

Мишле вошел в историографию как ученый, посвятивший себя истории народа. В отличие от либеральной школы, главной силой французской истории он считал не буржуазию, а простой народ. «Его герой, которого он не устает превозносить, по поводу которого он радуется и над которым плачет, которого он неизменно прославляет, — это народ»²⁷. Для Мишле характерны мелкобуржуазное понимание и всемерная идеализация «народа», под которым он разумел мелких собственников-тружеников, особенно крестьян. Противопоставление буржуазии народу имеет у него не столько социально-экономический, сколько социокультурный смысл. Мишле считал, что в отличие от буржуазии, а также от образованных людей вообще народ сохраняет естественное совершенство. Он руководствуется в своих действиях не рассудочными умствованиями, а «могучим народным инстинктом», ему присущи любовь к родине и глубокая привязанность к земле, героизм и самопожертвование, сердечное тепло.

В духе этих идей написано лучшее произведение Мишле «История Французской революции», «эпическая поэма, герой которой — Народ»²⁸. Эта книга — своеобразная попытка написать историю революции «снизу», с точки зрения борьбы народных масс, а не как буржуазную и пар-

²⁷ *Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963. С. 405.

²⁸ *Lefebvre G.* La naissance de l'historiographie moderne. P., 1971. P. 197.

²⁶ *Ламартин А.* Жирондисты. С. 299—300.

ламентскую историю. Мишле первым среди историков Французской революции обратился к архивным документам (с 1831 г. он заведовал историческим отделом Национального архива), хотя он, как и другие авторы трудов о революции, не давал ссылок на свои источники. Особенно ценны изученные и цитированные им протоколы парижских секций, сгоревшие при пожаре ратуши во время подавления Парижской Коммуны 1871 г.

Мишле уловил глубокую народную основу Французской революции, дал яркие картины массовых народных выступлений. Придавая особое значение «наивному инстинкту», стихийному чутью народа, он подметил реальные черты массового народного сознания в первые годы революции. «У Мишле, — отмечает видный специалист по истории массового сознания («менталитета») революционной эпохи М. Вовель, — встречается немало озарений, проникающих в сердцевину современной проблематики, особенно в объяснении таких «революционных дней», как взятие Бастилии 14 июля 1789 г., возвращение в Париж королевской семьи во время «октябрьских дней» того же года или взятие Тюильрийского дворца 10 августа 1792 г.»²⁹

В основе революции, по мнению Мишле, лежали не материальные интересы, а идеи справедливости, братства, свободы. Следуя своему пониманию народа, Мишле противопоставлял необразованную, но сильную своим верным инстинктам народную массу образованной буржуазии, политическим деятелям («честолюбцам») и партиям. В то же время он стремился доказать, что тогда не было никаких оснований для социальных конфликтов между буржуазией и народом. Наибольшие симпатии Мишле вызывал Дантон, «трогательно стремившийся к примирению партий». Напротив, в якобинцах он усматривал нечто вроде инквизиторской, священнической корпорации, чуждой народному духу. Высшим достижением революции он считал 10 августа 1792 г. и провозглашение республики.

Возникновение якобинской традиции в историографии Французской революции. Негативной трактовкой якобинцев и Робеспьера Мишле резко отличается от других представителей демократической историографии того времени. Характерной чертой последней был совершенно иной подход к якобинскому периоду Французской революции. Либеральным и индивидуалистским «принципам 1789 года» историки-демократы противопоставили традицию якобинского «равенства и братства». Если либеральные историки считали якобинский режим, «временное господство массы» (Минье), лишь необходимым злом, оправдываемым чрезвычайными обстоятельствами, то историки-демократы именно в этом этапе революции усматривали воплощение ее истинных исторических задач. Господство якобинцев было для них тем периодом, когда революция, разбив внешних и внутренних врагов, наметила контуры нового общества подлинного равенства и братства. Поэтому, восприняв идею классовой борьбы, они делали основной акцент на борьбе между буржуазией и народом. Высоко оценивая историческую роль якобинцев и Робеспьера, эти историки истолковывали ее в соответствии с идеалами и иллюзиями мелкобуржуазной демократии того времени. Заметное место в демократической историографии занимала и трактовка Французской революции и якобинизма в духе тех социалистических идей, которые характерны были для Франции той эпохи.

Якобинская традиция в истолковании Французской революции начала формироваться еще в канун революции 1830 г. В 1829 г. опубликовал свои «Мемуары» бывший член Конвента Р. Левассер из Сарты. Он рассматривал революцию в круге идей якобинцев 1793 г., к числу которых принадлежал в молодые годы.

Иначе подошел к якобинскому наследию Филипп Бюше (1796—1865). В 20-е годы он был карбонарием и участником сенсимонистского движения, а после революции 1830 г. выступал как республиканец-демократ и один из основателей христианского социализма. В 1834—1838 гг. он опубликовал совместно с П. Ру-Лавернем «Парламентскую историю Французской революции». Эта монументальная 40-томная публикация документов, сохраняющая

²⁹ Vovelle M. La mentalité révolutionnaire. P., 1985. P. 9—10.

значение до сих пор, содержит материалы протоколов законодательных органов революции, Якобинского клуба, Парижской Коммуны, Революционного трибунала и другие источники.

В сопроводительных статьях Бюше изложил свою концепцию Французской революции, которая была попыткой опереться на якобинскую традицию для обоснования идей «социального католицизма». Задачей революции, утверждал Бюше, было проведение в жизнь возвешенных Евангелием нравственных принципов равенства и братства. Ближе всего к этой провиденциальной цели стояли Робеспьер, Сен-Жюст и их сторонники (хотя Бюше и порицает их за враждебность католицизму), которые отвергали эгоизм во имя добродетели и братства. Якобинцам противостояли «материалисты», сторонники индивидуализма и материального интереса. К материалистам Бюше причислял жирондистов, дантонистов и эбертистов, действия которых искажали революцию и отклоняли ее от истинного пути.

Наиболее ярким представителем «робеспьеристского» направления во французской историографии XIX в. был Луи Блан (1811—1882), демократический публицист и историк, создатель одной из социалистических доктрин того времени, которая потерпела полную неудачу во время революции 1848 г. В 1847 г. вышли два тома его «Истории Французской революции»; труд (12 томов) был завершен в 1862 г. Хотя Л. Блан не работал во французских архивах (главную часть истории революции он писал в эмиграции), его книга содержала громадный и во многом новый для того времени материал, почерпнутый в коллекциях (в том числе рукописных) библиотеки Британского музея. Л. Блан был первым историком Французской революции, который дал в своем труде примечания, указывавшие на использованные им источники.

Развитие истории Луи Блан считал закономерным и поступательным движением к истине, справедливости и счастью. В его основе лежит последовательная смена трех великих принципов — авторитета, индивидуализма и братства. Индивидуализм, провозглашенный Реформацией и Просвещением, стал принципом буржуа-

зии; братство, исходящее из Евангелия, нашло свое воплощение в Крестьянской войне в Германии, в идеях анабаптистов, Руссо и Мабли.

На этой основе Л. Блан строил общую схему истории Французской революции: он различал в ней две совершенно различные революции. Одна из них, революция 1789 г., сокрушила авторитет во имя индивидуализма; это была победа буржуазии, которую она одержала благодаря народу. Защитниками индивидуализма были Учредительное собрание, воплотившее идеи Вольтера, затем жирондисты. Вторая революция — революция 1793 г. — была бурной, но неудачной попыткой утвердить принцип братства. Его глашатаями были Робеспьер и якобинцы, духовным предтечей — Руссо, его воплощением — Конституция 1793 г.

Л. Блан идеализировал Робеспьера и не задавался вопросом о реальной социальной обусловленности его идей и политики. Он резко отрицательно относился к деятелям, стоявшим левее своего героя. Эбертистов он, подобно Бюше, причислял к представителям «индивидуализма», в Жаке Ру видел «злодея и фанатика».

Установленный революцией индивидуалистический порядок, считал Луи Блан, должен быть заменен порядком братства и «организацией труда», которые, как он полагал, в равной мере соответствуют и интересам рабочих, и верно понятым интересам буржуазии.

Исторические взгляды французских коммунистов 30—40-х годов XIX в. В связи с ростом противоречий между трудом и капиталом во время Июльской монархии, особенно в 40-е годы, получили распространение коммунистические идеи. Отстаивая коммунистический строй как наилучшее общественное устройство, его теоретики следовали традициям просветительской мысли XVIII в., обосновывали свой идеал, исходя из «вечных принципов» разума и справедливости. Поэтому история как наука не вызывала у них большого интереса.

Тем не менее активное участие в идейной борьбе в качестве сторонников коренного общественного переустройства побуждало их к переосмыслению традиций революционного движения, прежде всего Великой французской революции. К ее истории коммунисты подходили с позиции

решительных критиков частной собственности и буржуазного общества, защитников обездоленных трудящихся масс. В духе всей демократической литературы того времени утопические коммунисты высоко ценили якобинцев и Робеспьера и идеализировали их на свой лад. Если мелкобуржуазные демократы и социалисты видели в робеспьеризме предтечу «равенства и братства», то некоторые коммунисты сближали его с коммунизмом. Но пробивалась и критическая оценка Робеспьера и политики якобинского Конвента.

Теоретиков коммунизма интересовали Бабёф и движение «равных», которых они оценивали в зависимости от характера собственных коммунистических систем.

Возрождение коммунистических идей в литературе первой половины XIX в. связано с именем соратника Бабёфа **Филиппа Буонаротти** (1761—1837). В 1828 г. вышла его книга «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабёфа», содержащая воспоминания автора и подлинные документы бабувистского движения. До сих пор она остается одним из главных источников по истории движения «равных». Буонаротти был горячим приверженцем Робеспьера. Он рассматривал его как прямого предшественника бабувистов, друга «истинного равенства», понимаемого как «общность имуществ».

Автором ряда крупных исторических сочинений был **Этьен Кабе** (1788—1856), теоретик мирного «икарийского» коммунизма. Особенно известна его 4-томная «Народная история Французской революции» (1839—1840), введением к которой служил «Очерк истории французов». Книга была задумана как история революции,

написанная для народа и с народной точки зрения. Революция XVIII в. рассматривается Кабе с позиции признания борьбы между аристократией и «демократией», с одной стороны, и между буржуазией и народом внутри «демократии» — с другой. Видя в народе главную силу революции, Кабе обличал политику буржуазии, которая стремилась удержать народ в угнетенном положении; примечательно, что он назвал закон Ле-Шапелье «угнетательским декретом». В то же время он полагал, что противоречия между буржуазией и народом не были непримиримы, их разжигала «макиавеллистская» политика аристократии. Кабе доказывал, что эти противоречия могли бы примирить якобинцы. Политику якобинцев он рассматривал как попытку осуществить переустройство мира на основе принципа подлинного равенства, или «общности». Кабе полагал, что Робеспьер был близок к коммунизму, и упрекал его за то, что в нужный момент он не проявил должной решительности.

Значительно глубже, хотя и в рамках рационалистической манеры мышления, подошел к трактовке якобинцев **Теодор Дезами** (1803—1850), наиболее яркий теоретик революционного коммунизма 40-х годов. Признавая большие исторические заслуги деятелей 1793 г., он не наделял их коммунистическими стремлениями. Напротив, он полагал, что якобинцы не дошли до ясного понимания значения общности имуществ, к которой, по мнению Дезами, инстинктивно стремился народ, не отразили этой идеи в Конституции 1793 г. В результате якобинцы потерпели поражение и революция была приостановлена «термидорианским топором».

Германская историография: от Просвещения к романтизму. Немецкий идеалистический историзм

Социально-политические условия и организация исторической науки. В XIX век Германия вступила политически раздробленной и экономически отсталой страной, в которой господствовали феодально-абсолютистские порядки. Лишь Великая французская революция подтолкнула германские государства к умеренным буржуазным реформам, проводимым сверху. Реформы явились предпосылкой успешной освободительной войны против наполеоновского господства и перехода Германии на капиталистический путь развития. Этот процесс тормозился тем, что Венский конгресс закрепил своими решениями политическую раздробленность страны, а созданный в 1815 г. вместо Священной Римской империи Германский союз стал орудием репрессивной политики его фактического руководителя — австрийского канцлера Меттерниха. Под тяжелым полицейским гнетом почти совершенно замерла общественная жизнь. В Австрии и Пруссии цензура запрещала даже самое робкое проявление оппозиционных настроений. Зато одним изданием за другим выходили сочинения защитников феодальной системы и юнкерской реакции А. Мюллера, К. Л. Галлера и прочих идеологов Реставрации, обрушившихся на идеи Просвещения, Французской революции и буржуазного либерализма.

В таких условиях развитие либеральной исторической науки было возможно лишь в юго-западных Германских государствах, где в 1818—1819 гг. были приняты умеренно-либеральные конституции по образцу французской Хартии 1814 г., а полицейско-цензурный гнет был меньше, чем в Австрии или Пруссии.

Но временная победа реакции не могла устранить роста оппозиции феодально-монархическим режимам Германского союза. По мере развертывания с конца 30-х годов промышленного переворота экономически крепнувшая буржуазия, богатство которой, «...а вместе с богатством и политиче-

ский вес... в Германии непрерывно возрастали»¹, все активнее требовала преобразований и своего участия в управлении государственными делами.

Развернувшаяся в условиях медленной смены феодальных порядков буржуазными острая идейная борьба отразилась и в немецкой историографии. В ней проявлялись две основные тенденции: консервативно-романтическая, преобладавшая в Пруссии и других северогерманских государствах, и либерально-просветительская, которая получила наибольшее распространение на юго-западе страны.

Продолжала развиваться система высшего образования: число студентов в немецких университетах возросло с 7 тыс. в начале века до 15 тыс. на рубеже 20—30-х годов. Из этого количества около трети обучались на теологических факультетах, а от 14 до 18% изучали философию, филологию и историю. В 1803 г. старейший Гейдельбергский университет был реорганизован по французскому образцу. Вместо четырех традиционных факультетов — теологического, философского, юридического и медицинского — были созданы специализированные секции, среди них — историческая. В университете было ликвидировано засилье иезуитского ордена. Затем подобная реорганизация была проведена в баварских университетах Вюрцбурга и Ландсхута (последний в 1826 г. был переведен в Мюнхен и превратился в один из крупнейших в Германии). Уже в 30-е годы немецкие университеты по организации исторической науки и исследовательской методике начали опережать другие страны. Прежде всего это было связано с введением в университетах нового типа учебных занятий — семинаров, где изучались источники и готовились рефераты с последующим обсуждением. В крупных универ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 9.

ситетах создавались издательства, в которых публиковались диссертации и сборники работ университетских преподавателей.

После освободительной войны 1813 г., сопровождавшейся подъемом национальных чувств, в Германии резко возрос интерес к отечественной истории, для изучения которой было необходимо издание источников. Инициатором этого начинания выступил известный реформатор и государственный деятель Пруссии барон Карл Штейн; благодаря его усилиям по сбору необходимых денежных средств в 1819 г. во Франкфурте-на-Майне было создано Общество по изучению источников древней германской истории со своим журналом «Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde», где печатались обзоры и информация об источниках, обнаруженных в различных немецких архивах.

Из-за раздробленности и неупорядоченности германских архивов, разбросанных по городам и владениям, это издание натолкнулось на множество препятствий. Его предполагалось осуществить в течение десяти лет, но знаменитая серия «Исторические памятники Германии» («Monumenta Germaniae Historica») продолжает выходить по настоящее время.

Издание древних источников потребовало разработки методов и приемов исторической критики из-за огромного количества рукописей со множеством разночтений, искажений и позднейших наслоений. Это критическое издание, в котором участвовали многие видные историки Германии, дало значительный толчок изучению немецкой истории. Благодаря ему немецкая медиевистика получила гигантские фонды печатных источников, а это, в свою очередь, стимулировало и изучение истории нового времени.

Деятельность немецких исторических обществ. В первой половине XIX в. повсюду в Германии возникали многочисленные региональные исторические общества, в которых изучение отечественной истории становилось выражением патриотических и национально-объединительных настроений. Начиная с 1820 г. в Саксонии, Тюрингии, Вестфалии, Бадене, Баварии, Вюртемберге, Гессене создаются различные любительские или полупрофессиональные общества по изучению локальной истории.

К середине 40-х годов в Германии действовали 44 исторических общества, из них 8 — в Баварии, по 7 — в Саксонии и Тюрингии. Вместе с археологическими союзами их число достигало шестидесяти и охватывало более 9 тыс. членов.

Достижения этих обществ были весьма различны. В большинстве из них процветал дилетантизм, отсутствовала какая-либо научная методика. Но в лучших из них на первое место выдвинулись подлинное изучение жизни населения своего региона, сбор и публикация источников о положении крестьян и ремесленников, о развитии экономики, техники и торговли. Материал местных архивов, публиковавшийся обычно без купюр, играл большую роль в становлении национального самосознания и воздействовал на читателя сильнее, чем пространные теоретические рассуждения. Публикации местных исторических журналов впервые ввели в исторические исследования значительный материал об экономических условиях жизни немецкого народа.

Многие деятели местных исторических обществ активно участвовали в политической борьбе против реакции. Фрейбургское общество в Бадене в 1830—1831 гг. выступало в поддержку национально-освободительного восстания в Польше, видя в повстанцах своих союзников в борьбе против общего врага — Священного Союза. Патриотическая деятельность исторических обществ вызвала репрессии реакционных правительств, запрещавших большинство публикаций по современной истории и стремившихся не допустить создания общегерманской организации историков. С такой инициативой объединения в конце 20-х годов выступило общество в Бадене, возглавляемое либеральным историком К. Роттеком.

Первое общегерманское собрание историков и филологов состоялось в сентябре 1846 г. в обстановке нарастающей в Германии революционной ситуации. Оно заседало во Франкфурте-на-Майне под председательством крупнейшего филолога-романтика Я. Гримма. Либеральные историки рассматривали созыв собрания как триумф своих идей и даже как предпосылку общегерманского предпарламента. На заседании исторической секции было решено создать общегерманский союз и приступить

к организации германского Национального музея. Однако из-за вспыхнувших разногласий между либеральными историками юго-западной Германии и консервативными австро-прусскими учеными по поводу принципов организации и целей деятельности союза эти планы не были реализованы.

Исторические концепции немецкой классической философии. В условиях раздробленной Германии сфера философской мысли, которая по своему характеру менее поддавалась жесткой цензуре и была относительно свободна, приобрела значение связующего все государства общегерманского фактора. Большое влияние на развитие исторической мысли оказала сложившаяся в этот период немецкая классическая философия, перестройку которой начали Фихте и Шеллинг, «...а Гегель завершил новую систему»² и вооружил историческую науку новыми теоретическими концепциями.

В начале XIX в. огромную популярность приобрел профессор философии Йенского, а затем Берлинского университета **Иоганн Готлиб Фихте (1762—1814)**, сын бедного ремесленника, недюжинные способности которого открыли ему дорогу к высшему образованию. Боевой темперамент и страстный патриотизм Фихте глубоко связали его жизнь с жизнью Германии. Единственный из видных немецких мыслителей того времени, Фихте, вступив в ландвер, принял непосредственное участие в войне против Наполеона и умер весной 1814 г. от тифа, косившего ряды прусской армии.

Лейтмотивом всего творчества Фихте являлись идея национального единства Германии и поиски путей его осуществления. При этом, с одной стороны, сильное влияние на него оказали идеи Просвещения, с другой — он во многом шел вслед за реакционными романтиками с их идеализацией германского средневековья и религиозным мистицизмом. Не видя общественной силы, способной возглавить борьбу за объединение страны, Фихте в своей субъективно-идеалистической философии пришел к выводу, что подлинным творцом истории являются не государства или на-

роды, а некое творческое начало, абсолютизированное им в понятии «Я». Отвергая, в сущности, научный характер истории, Фихте в духе романтиков писал: «Нужна только такая история, которая не будет излагать факты и события в хронологическом порядке, а неосознанно чудесным образом перенесет нас в гущу исторического прошлого»³.

Современное общество Фихте рассматривал как этап рабства, при котором люди не только не достигли, но даже не осознали свою свободу и самостоятельность, в то время как, по его мнению, конечной целью любого общества являются свобода и полное равенство всех его членов. Само содержание прогресса Фихте понимал прежде всего как развитие науки, поэтому ведущую роль в обществе он отводил ученым.

Считая, что социальные противоречия и неравенство может уничтожить лишь государство, Фихте был сторонником его вмешательства в экономические, социальные и даже семейные отношения. В 1800 г. он опубликовал работу «Замкнутое торговое государство», где писал, что разумно устроенное общество должно состоять из трех сословий — сельского населения, городских ремесленников и торговцев. Вслед за физиократами Фихте считал производительным только труд крестьянина.

В обществе, рисуемом Фихте, государство устанавливает цены и контролирует производство и торговлю. Внешняя торговля является монополией государства, которое единолично распоряжается золотом, а внутри страны вводит особые бумажные деньги, обеспеченные запасами товаров. Государство выделяет каждому гражданину справедливую долю общественного богатства, и никто не обогащается за счет других. Фихте был противником частной собственности на землю, выступал за запрещение ее купли и продажи и передачу земли в руки государства, которое будет сдавать ее в аренду отдельным лицам. В целом идеал государства у Фихте представлял собой причудливую смесь из эле-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 537.

³ Fichte J. G. Reden an die deutsche Nation. Leipzig, 1909. S. 107.

Г. Гегель

ментов античной философии Платона, идей замкнутого цехового строя средневековья, рационалистического учения о всесии Разума и утопического эгалитаризма времен Французской революции.

В последний период жизни Фихте его учение все больше теряло черты диалектики и историзма. В нем начали преобладать морализирующие тенденции и появились даже националистические утверждения о превосходстве немецкой нации над другими народами.

Рано созревший как мыслитель, в 23 года уже ставший профессором философии Йенского университета, **Фридрих Вильгельм Шеллинг** (1775—1854) начал свою деятельность как последователь Фихте, но очень скоро перешел на позиции объективного идеализма. История существовала для Шеллинга в виде трех разновидностей: эмпирической, прагматической и поэтической. Первая заключалась в описании всех фактов, лежащих на поверхности событий. Вторая отбирала факты под определенным углом зрения, исходя из дидактического или политического критерия. Третья же представляла собой высший тип синтеза действительного и идеального.

Пытаясь решить проблему свободы и закономерности в истории, Шеллинг ввел третье, высшее по отношению к ним понятие абсолюта, открывающегося во всемирной истории. Ее Шеллинг делил на три основные эпохи — судьба, природа и провидение. Эпоха судьбы охватывала те древние периоды, о которых остались лишь туманные и отрывочные воспоминания. Второй период начался с упрочения Рима,

когда в обществе установились естественные законы, окрепли общение и связи между народами, идущими к единому всемирному государству. С его созданием начнется третий период, при котором законы природы преобразуются в осуществленные провидения, а сам бог «обретет бытие»⁴.

Идеи Фихте и Шеллинга нашли завершение в творчестве **Георга Вильгельма Фридриха Гегеля** (1770—1831), выдающегося мыслителя, который «...впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития»⁵.

В лекциях по философии истории, читаемых Гегелем с 1818 г. в Берлинском университете, он впервые попытался применить диалектический метод к мировой истории как к прогрессивному процессу, развивающемуся через борьбу противоположностей. Всемирную историю Гегель понимал как саморазвитие первичного мирового духа, заключающееся в непрерывном росте осознания свободы. Мировой дух у Гегеля представлял собой не что иное, как человечество, взятое в целом. Он считал, что реальность человечества заключается в мировом духе, но, с другой стороны, реальность мирового духа заключается в единстве человечества. Строение духа распадается у Гегеля на три элемента: общее, единичное и особенное. Общее — это сам мировой дух, единичное — отдельный человек, или дух во плоти, а особенное — это дух отдельного народа, который и является главным субъектом всемирной истории. Гегель всегда подчеркивал, что «особенный дух народа есть природный индивидуум», поэтому, как и все в природе, он является исторически переходящим⁶.

Из этого положения Гегеля видно, что обвинять его в национализме на основании деления им народов на «исторические» и

⁴ Schelling F. W. Sämtliche Werke. Stuttgart, 1856. Bd. III. S. 604.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 206.

⁶ См.: Hegel G. W. F. Die Vernunft in der Geschichte. Berlin, 1966. S. 67.

«неисторические» неправомерно. Мысль Гегеля заключалась в том, что в разные периоды всемирной истории на ее авансцену выдвигаются те или иные народы, но не существует и не может существовать какого-либо раз навсегда избранного народа.

В отличие от французских просветителей, Гегель подходил к проблеме закономерности общественного развития, истоков и перспектив социального прогресса с широкой социально-исторической точки зрения, а не только исходя из теории естественного права. Предшественникам Гегеля казалось, что достаточно установить разумное просвещенное конституционное правление, чтобы все социальные проблемы были разрешены. Но революция во Франции наглядно показала, что не отдельные личности устанавливают социальные порядки, а, наоборот, сама логика социального развития выдвигает либо отбрасывает тех или иных исторических деятелей.

Гегель одним из первых глубоко осознал, что не великие личности делают историю, а сама история создает своих героев и что развитие общества не является порождением субъективных стремлений правителей, а подчинено объективной закономерности, которую можно познать научно. Такой внутренней закономерностью истории Гегель считал прогресс в осознании свободы. Будучи идеалистом, он нашел движущую силу исторического развития не в сфере материального производства, а в сфере общественного сознания.

По учению Гегеля, история начинается на Древнем Востоке, где свобода впервые зародилась, но была задушена деспотиями. Далее мировой дух продвинулся в Элладу, где появилось уже осознание свободы как ценности, но лишь немногие избранные стали подлинно свободными. Необходимым условием свободы у античных народов была ее противоположность — рабовладение. Поэтому и там принцип свободы был лишь прикрытием ее фактического попрания.

Начало третьего этапа Гегель связывал с возникновением христианства и его распространением у германских народов, когда начал осознаваться принцип: человек как таковой свободен. Конечно, Гегель не считал, что этот высший принцип уже реализован; пока он только осознан. Само же

его внедрение и представляет собой содержание новой истории.

Таким образом, смысл истории у Гегеля заключался в неуклонном движении от «природного» рабства к подлинно человеческому бытию под защитой «конкретной свободы», воплощаемой в государстве. Его теория отразила вполне реальную тенденцию мировой истории, но лишь с ее политико-юридической стороны. Для первой трети XIX в., когда реставрационные стремления полуфеодальных держав Европы угрожали повернуть историю вспять, теория Гегеля приобретала революционное звучание. Другое дело, что буржуазно-либеральный философ Гегель завершал исторический прогресс этапом капитализма и считал, что заглянуть в будущее принципиально невозможно.

Поскольку история всегда пронизана борьбой противоборствующих сил, то, заявлял Гегель, «мы смотрим на историю, как на такую бойню, на которой приносятся в жертву счастье народа, государственная мудрость и индивидуальные добродетели»⁷. Поэтому, несмотря на свой гуманизм, Гегель полагал, что войны неустранимы из истории человечества. Он считал, что война не должна рассматриваться как абсолютное зло или как случайное явление. Но было бы заблуждением видеть в Гегеле апологета войны. В этом вопросе он исходил из своего учения о противоречиях как источнике развития. По мнению Гегеля, здоровье государства проверяется не в мирное время, когда каждый его член живет обособленно, а в военное, когда испытывается прочность государственной системы, связь ее отдельных элементов.

Ссылаясь на пример войны Пруссии с наполеоновской Францией, Гегель подчеркивал, что поражение заставило Пруссию извлечь из него уроки и оздоровить свое устройство путем реформ. Только в этом смысле Гегель писал, что война, показывая слабости государства, приводит к необходимости его совершенствования. Судьба отдельного индивида, страдающего от войны, не волновала философа, высшей ценностью была прочность государствен-

⁷ Гегель. Сочинения. М., Л., 1935. Т. VIII. С. 21.

ных устоев. Государство было для Гегеля той формой, в которой развивается принцип свободы, и он писал, что «вся ценность человека, вся его духовная действительность существует исключительно благодаря государству»⁸.

Наилучшей формой государственного устройства Гегель считал конституционную монархию, которая представлялась ему наиболее устойчивой, поскольку в отличие от демократии или тирании уравновешивала интересы большинства и меньшинства. В условиях слабой и раздробленной Германии Гегель высказывался за сильную централизованную власть, возводя ее в ранг всемирно-исторической добродетели. Однако было бы ошибочно Гегеля называть монархистом, так как, с его точки зрения, монарх нужен лишь как символ единства нации, а такую роль может с успехом выполнять и избираемый президент. Гораздо большее значение Гегель придавал бюрократической государственной машине, указывая, что действительная власть в государстве перешла от отдельных лиц к группам и корпорациям.

В чисто буржуазном духе Гегель решительно отвергал любые идеи уравнивания собственности, хотя его всегда занимала проблема ее возникновения. При этом Гегель высказывал гениальные догадки о роли материально-трудовой деятельности в развитии общества и об отчуждении человека, проявляющемся в том, что результаты его труда выступают как силы, чуждые ему и господствующие над ним. Он видел «противоположность большого богатства и большой нищеты», которая имеет тенденцию к постоянному возрастанию. Гегель отмечал, что основная масса людей «приговорена к суровой жизни» и даже «осуждена на совершенно отупляющий, нездоровый и необеспеченный труд» на фабриках, рудниках, мануфактурах, в то время как немногие умножают богатства и имеют все больше возможности грабить остальных⁹.

Не принимая революционных переворотов и предпочитая им реформы сверху, Гегель вместе с тем подчеркивал, что чело-

век вправе бороться за свою свободу, а рабом остается только тот, «кто не обладает мужеством рискнуть жизнью для достижения своей свободы»¹⁰. Веру Гегеля в конечное торжество человеческого разума и прогрессивные стороны его учения высоко оценивал В. И. Ленин¹¹.

Немецкий романтизм. На рубеже XVIII—XIX вв. в немецкой исторической науке все шире начинает распространяться романтизм, формирование которого связано с деятельностью йенского кружка, куда входили писатели Фридрих и Август Шлегели, драматург Людвиг Тик, писатель Фридрих Гарденберг, выступавший под псевдонимом Новалис, берлинский теолог и философ Фридрих Шлейермахер. Ранний немецкий романтизм был литературно-эстетическим течением. Он отражал разочарование немецкой интеллигенции в итогах показавшей к концу века свою прозаическую буржуазную сущность Французской революции, результаты которой оказались, говоря словами Ф. Энгельса, «...злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей»¹².

В историографии романтизм выступил в двух вариантах — реакционном и либеральном. Отрицая все созданное мыслью Просвещения, немецкие романтики подчеркивали индивидуальный характер исторического явления. Не принимая буржуазных отношений, они повернули к прошлому как воплощению идеальной сущности всего человеческого, к царству не разума и рационального расчета, а чувства, фантазии и мистики. Идеализация патриархального средневекового феодально-сословного строя «рыцарей и святых» еще не означала, что романтики выступали за возврат к средневековым порядкам. Если отдельные мыслители требовали именно такой реставрации прежних режимов, как, например, Карл Людвиг Галлер, то это были самые крайние высказывания — многие идеологи романтизма подвергали подобные взгляды резкой критике.

Понимая невозможность возврата к

⁸ Гегель. Сочинения. Т. VIII. С. 21.

⁹ Гегель. Работы разных лет. М., 1971. Т. I. С. 343—344.

¹⁰ Гегель. Соч. М., Л., 1935. Т. III. С. 226.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 7.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 193.

прощаю, романтики выступали за консервацию тех феодальных пережитков, которые еще продолжали существовать, прежде всего полуабсолютистских режимов и сословного деления немецкого общества. Только это могло, по мысли романтиков, сохранить патриархальность общества и восстановить гармоничное согласие всех сторон. Средством такого сохранения являлся для них классовый компромисс буржуазии и дворянства при руководящей роли аристократии.

Объективная реакционность и консерватизм немецких романтиков не мешали тому, что они постоянно звали к социальной справедливости. Именно поэтому были отвергнуты претензии одного из крупнейших немецких романтиков **Франца Баадера** (1765—1841) на роль главного теоретика Священного Союза. Баадер стремился к восстановлению органически естественного хода дел, но руководители Союза вовсе не желали превращать его в орудие романтической утопии. При наличии общих основных принципов немецкий романтизм в политическом отношении разделялся на два основных направления: северогерманский протестантский романтизм возлагал свои надежды на Пруссию и Гогенцоллернов; южногерманский католический романтизм обратился к монархии Габсбургов.

Романтическая историография в Германии при всей своей политической противоречивости разработала некоторые научно плодотворные методологические принципы изучения прошлого. Именно немецкие романтики внесли заметный позитивный вклад в формирование принципа историзма. Они рассматривали каждый этап в истории как определенное необходимое звено в цепи общего развития, являющегося плавным органическим процессом, который нельзя нарушать даже реформами, не говоря уже о революциях. Поэтому историзм романтиков имел ретроспективный характер; он был полностью обращен в прошлое. Если романтики справедливо рассматривали средние века как необходимый и закономерный этап истории, то применительно к буржуазным отношениям отбрасывали собственный принцип историзма и заявляли, что, коль скоро эти отношения не имеют исторических корней.

в прошлом, они являются незаконными и неисторическими.

Достижением романтизма было осознание национальной целостности и народности культуры, что было особенно трудно именно в Германии с ее раздробленностью, разобщением очагов культуры и прямым противостоянием католических и протестантских регионов.

Историческая школа права. Идею непрерывной преемственности и традиционализма наиболее полно воплотила школа права, которую К. Маркс назвал школой, оправдывающей «...подлость сегодняшнего дня... подлостью вчерашнего...» и объявляющей «...мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут...»¹³.

Крупнейшим представителем школы права был блестящий лектор **Фридрих Карл Савиньи** (1779—1861), уже в 21 год ставший профессором Марбургского университета. С основанием университета в Берлине Савиньи стал его ректором после недолгого пребывания на этом посту Фихте, а в 1842 г. был назначен министром юстиции Пруссии. Ярый противник любого конституционализма, Савиньи в 1814 г. выпустил подлинный манифест исторической школы права «О призвании нашего времени к законодательству и науке о праве»¹⁴. Книга была полемическим ответом на выступление гейдельбергского либерального правоведа Антона Тибо, требовавшего создания единой правовой системы для всей Германии как первого шага на пути к национальному объединению.

Савиньи в резкой форме отверг идею о праве как продукте разума, объявив его одной из прирожденных сторон национальной сущности любого народа, подобно языку, обычаям и традициям. Право невозможно сконструировать или заимствовать у соседних государств. Оно является органическим проявлением народного духа, не может быть ни создано, ни отменено отдельным законодателем, поскольку возник-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 416.

¹⁴ Savigny F. C. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Berlin, 1814.

ло из внутренней сущности нации и всей ее прошлой истории. Каждая эпоха в жизни народа является продолжением и развитием всех предшествующих периодов, поэтому основывается на уже заранее данном состоянии.

Ближайший соратник Савиньи **Карл Фридрих Эйхгорн** (1781—1854) в молодости был участником войны против Наполеона, стоял на либерально-патриотических позициях. Из-за своего либерализма в 1817 г. он был вынужден покинуть Берлинский университет и возвратиться в родной Гёттинген, где его лекции по истории права собирали огромную аудиторию. В начале 30-х годов Эйхгорн, взгляды которого решительно эволюционировали в сторону консерватизма, по приглашению Савиньи вновь оказался в прусской столице, где совмещал государственную службу и научную деятельность.

Его главным трудом была «История немецкого государства и права»¹⁵, в которой Эйхгорн впервые обстоятельно проследил историю германского права и государственных учреждений с древнейших времен до начала XIX в. Автор стремился рассмотреть все области права как части единого целого, объясняя его национально-историческими основами. Главная идея книги состояла в опровержении взгляда просветителей на немецкое право как на собрание анахронизмов и доказательстве того, что оно является продуктом закономерного органического развития немецкого народного духа.

Может показаться, что историческая школа права в своем обращении к нации и народному духу как творцу истории была настроена более демократично, чем большинство просветителей, для которых невежественный народ был лишь пассивным объектом воздействия со стороны просвещенных вождей или монархов. На деле же народ в концепциях Савиньи и Эйхгорна представлял как безликий носитель чисто традиционалистских и консервативных идей, застоя и ретроградности. Это была единая масса с единым национальным духом, перед мнимой общностью которого от-

ходили на задний план социально-классовые противоречия.

При столь реакционной исходной позиции даже наиболее сильная сторона исторической школы права — стремление опираться на первоисточники — была доведена до крайнего педантизма. К. Маркс писал о том, что «историческая школа сделала изучение источников своим лозунгом, свое пристрастие к источникам она довела до крайности, — она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по ее источнику»¹⁶. Историческая школа права надолго определила особую склонность немецкой буржуазной историографии к государственно-правовой трактовке исторического процесса.

Историческая концепция Л. Ранке. В тесной связи с исторической школой права в Германии в русле академической историографии возникла школа крупнейшего немецкого консервативного историка XIX в. **Леопольда Ранке** (1795 — 1886). Он родился в захолустном уголке Тюрингии в семье юриста, все предки которого были евангелическими пасторами. Набожная лютеранская семейная атмосфера и изучение богословия в университетах Лейпцига и Галле наложили на взгляды Ранке неизгладимый отпечаток.

В 1824 г., будучи учителем гимназии во Франкфурте-на-Одере, Ранке опубликовал свою первую книгу «История романских и германских народов с 1494 до 1535 года» с приложением небольшого методологического сочинения «Критика новейших историографов». Богатство фактического материала и тщательность его обработки сразу сделали книгу заметной в научных кругах; Ранке пригласили в Берлинский университет для чтения курса всеобщей истории. С 1834 г. Ранке ввел в университете постоянную новую форму занятий со студентами — семинары, в которых критически изучались источники по истории Германии раннего средневековья и из которых вышел целый ряд известных немецких и зарубежных ученых второй половины XIX в., чьим кумиром он оставался всю жизнь.

На протяжении шестидесяти лет своей

¹⁵ Eichgorn C. F. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. Göttingen, 1808—1823. Bd. 1—4.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 85.

научной деятельности Ранке опубликовал целую серию многотомных произведений, среди которых были история стран Средиземноморья, история римских пап, немецкая история периода Реформации, история Пруссии, Англии, Франции, работы по истории войн и международных отношений. На 85-м году жизни он начал работу над «Всемирной историей» и успел подготовить девять томов, доведя изложение до XV в. Неудивительно поэтому, что без «Всемирной истории» собрание сочинений Ранке насчитывает 54 тома¹⁷.

По своим общеисторическим взглядам Ранке был противником рационализма и приверженцем религиозно-консервативной трактовки истории. Его знаменитое требование — писать историю «так, как это происходило на самом деле», — было направлено как против морализма просветителей, стремившихся вершить суд над историей, так и против романтиков, которых Ранке упрекал в стремлении приукрасить истину и заменить «основательное исследование любой детали» различными «умственными построениями». Считая, что ход истории определяется божественным провидением, Ранке видел в каждой эпохе и каждом государстве индивидуальность, конкретное и уникальное воплощение божественной идеи¹⁸.

С этим было связано и убеждение Ранке в том, что интересы отдельной личности должны быть подчинены интересам государства. Последнее же может достичь полного расцвета лишь в случае независимости от прочих государств. Поэтому первостепенное значение имеет военная мощь, а внешняя политика определяет собой направление внутренней. В связи с этим Ранке почти не интересовался социально-экономическими и культурными проблемами в истории, все его внимание было приковано к международным отношениям и политической истории отдельных стран.

Весь ход всемирной истории Ранке изображал только в идейно-политическом аспекте, игнорируя социально-экономиче-

¹⁷ См.: *Ranke L. Sämtliche Werke*. Leipzig, 1867—1890. Bd. 1—54. На русском языке опубликована работа Ранке «Римские папы, их церкви и государство в XVI—XVII вв.». СПб., 1869. Т. 1—2.

¹⁸ См.: *Ранке Л.* Об эпохах новой истории. М., 1898.

Л. Ранке

ские факторы. Так, крестовые походы он объяснял чисто духовным стремлением вырвать христианские святыни из рук мусульман. Причины Реформации в Германии также являлись, по мнению Ранке, исключительно политическими: она была вызвана борьбой князей с императором и папой. К религиозным причинам он сводил предпосылки Нидерландской революции и Тридцатилетней войны. Идеологические моменты объясняли, по Ранке, и возникновение буржуазных революций. Хотя он правильно отмечал, что Французская революция приобрела больший размах, нежели Американская, причину этого он находил только в слабости и бездействии королевской власти, якобы уступавшей шаг за шагом натиску фанатичного санкюлотства.

Требую строго эмпирического и объективного изложения событий, Ранке понимал, что историк не может просто описать бесконечное множество отдельных фактов без какого-либо критерия их отбора. Для него таким критерием выступали наиболее крупные события, значимые для международной расстановки сил. В отличие от исторической школы права, Ранке утверждал, что внутреннее развитие народа определяется и внешними воздействиями. Так, Французская революция была вызвана, по его мнению, прежде всего утратой Францией прежнего положения господствующей на континенте державы, что ухудшило ее внутривнутриполитическую обстановку и привело к росту недовольства.

Ранке был противником решительных буржуазных преобразований и выступал за классовый компромисс между дворян-

ством и буржуазией. Особенно неприемлемой для Ранке являлась идея народного суверенитета. В таком аспекте он рассматривал и проблему национального объединения Германии, считая наилучшим ее решением восстановление политического устройства Священной Римской империи, сохранявшего обособленность отдельных немецких государств.

Основной заслугой Ранке в развитии историографии была разработка методики критики исторических источников. Историко-критический метод Ранке непосредственно продолжил начинание исследователя античности **Бартольда Нибура** и сохранил ряд важных положений, необходимых при научной критике источников вообще. К ним относились вопросы выяснения подлинности источника, его первичного или вторичного характера, учет влияния изучаемой эпохи на ее непосредственное отражение в источнике, сравнение всей известной совокупности источников по данному сюжету, их критический анализ с точки зрения достоверности содержащихся в них сведений.

Позитивной стороной методологии Ранке было и то, что в отличие от романтиков он признавал познаваемость истории, существование объективной исторической истины, которую можно установить средствами эмпирического познания. По убеждению Ранке, историческое познание не должно, однако, ограничиваться лишь познанием реальных исторических фактов как таковых, ибо в этом случае оно, по сути, будет не научным исследованием, а исторической хроникой. Хотя он всегда подчеркивал неповторимую индивидуальность явлений прошлого, тем не менее указывал, что «отдельное никогда не выступает во всей его сущности, если оно не исследуется в связи с общим»¹⁹. Поэтому единичное для Ранке представляло определенный момент в ряду прочих событий и требовало установления более общих причинно-следственных связей.

Требование Ранке основывать историческое исследование на широком привлечении и сравнительном анализе первоисточников противоречило его стремлению

на практике использовать прежде всего источники официального характера. Такими служили для него дипломатические архивные материалы, пример кропотливой работы над которыми дал сам Ранке, исследовав, хотя и не всегда основательно, почти все крупные архивы Германии, Австрии, Италии, Франции, Англии, Бельгии, Голландии, Испании. В то же время он демонстративно пренебрегал другими видами источников — мемуарами, прессой, публицистикой, поскольку относил их в разряд чисто субъективных, а потому недостоверных источников. В этом сомнении была рациональная основа, но Ранке преувеличивал их субъективность и абсолютизировал объективный характер излюбленных им дипломатических документов, считая, что они отражают прошлое совершенно точно. Отношение самого Ранке к источникам зачастую вступало в противоречие с его собственным требованием объективного, свободного от всякой партийно-политической позиции изучения истории. Так, при характеристике Томаса Мюнцера Ранке исходил из оценок Лютера и Меланхтона, хотя знал сочинения самого Мюнцера.

В конечном счете все произведения Ранке, написанные блестящим литературным языком и насыщенные яркими портретами и запоминающимися характеристиками его героев, лишь скользили по внешней стороне событий, не проникая в их скрытую сущность.

Либерально-романтическая историография. В первой половине XIX в. переживавшая историческая наука в Германии развивалась в тесной связи с прогрессивным буржуазным движением, идеологи которого рассматривали познание истории как политическую необходимость. Они ставили перед исторической наукой задачу активного содействия решению жгучих политических проблем своего времени. Видными представителями либерально-романтической историографии являлись **Генский** профессор Г. Луден, историк из Фрейбурга К. фон Роттек, боннский ученый Ф. К. Дальман.

Происходивший из простой крестьянской семьи **Генрих Луден** (1780—1847) начал учебу лишь в 17-летнем возрасте, но всего за шесть лет сумел окончить бремен-

¹⁹ Ranke L. Sämtliche Werke. Bd. 53—54. S. 273.

скую гимназию и Гёттингенский университет, где слушал лекции Шлёцера и Хеерена. Его первыми историческими работами были биографии немецкого гуманиста Х. Томазия и голландского юриста и социолога Г. Гроция. Выбор этих героев был далеко не случаен: Луден хотел познакомить читателей с теми мыслителями, которые, развивая учение об естественном праве, давали идейное оружие в борьбе против феодализма.

Лекциями по отечественной истории, которые Луден с 1808 г. читал в Йенском университете, он стремился идеологически поддержать начинавшуюся борьбу за освобождение и единство Германии, видя в истории могучее средство патриотического воспитания. Его лекции получили широкую известность далеко за пределами Йены, и даже сам Наполеон негодуяше говорил о тех «революционных семенах», которые падают в студенческую среду из «дерзких революционных речей» крамольного йенского профессора.

В годы Реставрации Луден стал общепризнанным теоретиком и любимым профессором студенческого оппозиционного движения. Его новые лекции о народных движениях в истории собирали более трехсот студентов из пятисот, учившихся тогда в Йенском университете. В эти же годы Луден создает трехтомную «Всеобщую историю народов и государств», затем вышли его 12-томная «История немецкого народа» (1825—1837) и 3-томная «История германцев» (1842—1843).

Исторические взгляды Лудена исходили из признания прогресса и закономерности исторического развития, лежащих в основе нравственного совершенствования человека. Он полагал, что каждый народ обладает естественной прирожденной жизненной силой, которая и определяет своеобразие его исторического пути. Идея органического развития проистекала из романтических позиций Лудена, но вместе с тем он требовал избегать произвольной интерпретации событий и призвал выводить все явления из реальных взаимосвязей прошлого. Луден писал, что «в каждом завершеном историческом произведении следует показывать любое изображаемое событие как результат всех предыдущих событий, который вместе с

ними образует общую основу всех последующих событий»²⁰.

Луден считал, что объективность историка заключается не в дословном воспроизведении источников. Он требовал выяснения мотивов, которыми руководствовались составители древних хроник, и не простого описания отдельных событий, а исследования тех отношений и тех причин, которые привели к изучаемому явлению. В связи с этим Луден, хотя и не одобрял революций, все же признавал их историческую обусловленность и считал революции результатом глубинных причин, коренившихся в условиях жизни общества. Чтобы вынести суждение о революции, подчеркивал Луден, необходимо понять и объяснить ее причины, ход и результаты. Но сам он искал причины значительных исторических событий прежде всего в политических, религиозных и нравственных факторах, почти не упоминая о материальном производстве в обществе и его социальных противоречиях.

Признанный идейный вождь раннего немецкого либерализма Карл фон Роттек (1775—1840) в духе идеологии Просвещения подчеркивал, что история «более, чем какая-либо иная наука, является воспитателем идей свободы, естественным образом связанной с любовью к отечеству»²¹. Роттек рассматривал историю как постоянный процесс продвижения к справедливому правовому обществу. Конституционная форма правления, за которую он ратовал в издаваемом совместно с К. Т. Велькером «Государственном лексиконе», представляла в глазах Роттека подлинно рациональную систему общественного устройства. Государство, по его мнению, должно основываться на общественном договоре между народом как источником суверенитета и правителями, которые являются народными представителями. Роттек выступал против революционной борьбы и как истинный либерал настаивал на применении исключительно законных, с его точки зрения, средств для установления «разумной системы» в государстве.

²⁰ *Luden H. Geschichte des Deutschen Volkes, Vierter Band. Gotha 1828. S. XIV.*

²¹ *Rotteck v. C. Gesammelte und nachgelassene Schriften. Pforzheim, 1841. Bd. I. S. 377.*

Ф. К. Шлоссер

Провозгласив известный лозунг «Лучше свобода без единства, чем единство без свободы», Роттек указывал, что национальное объединение Германии под руководством австрийской или прусской короны не будет действительно прогрессивным событием. Не случайно его «Всемирная история для всех сословий» была запрещена в Пруссии как произведение, написанное «в духе, враждебном к существующим порядкам». Решением Союзного рейхстага в Германии был запрещен и журнал Роттека «Политические анналы» («Politischen Appalen»).

Более умеренной политической позиции придерживался **Фридрих Кристоф Дальман** (1785—1860), профессор университетов Киля, Гёттингена и Бонна, взгляды которого являлись как бы переходным звеном от либерально-просветительских концепций к малогерманской школе второй половины XIX в. В своей книге «Политика» (1835) Дальман подчеркивал, что политические интересы государства должны иметь приоритет над интересами права и справедливости. Образцом для Германии Дальман считал английскую конституцию, являющуюся гарантом сохранения единства в государстве. Если даже государство и не является воплощением «божественного порядка», то, во всяком случае, по убеждению Дальмана, «ничто на земле не находится столь близко к божественному порядку, как государственный порядок»²².

²² Dahlmann F. Ch. Politik auf den Grund und das Maß der gegebenen Zustände zurückgeführt. Berlin, 1924. S. 55.

Дальман был историком, который активно использовал исторические знания как основу политических действий и обратился от традиционного изучения средневековой эпохи к проблемам истории нового времени. С 1842 г., когда в Германии стало ощущаться приближение революции, Дальман приступил к чтению лекций по истории нового времени в Боннском университете. Из этих лекций и выросли его книги об Английской и Французской революции. «История Английской революции» (1844) завоевала огромную популярность и уже в течение одного года вышла тремя изданиями. Еще более против феодально-абсолютистских порядков Пруссии была направлена его «История Французской революции», появившаяся спустя полгода.

В своих работах Дальман указывал, что благо народа можно обеспечить только представительным строем и конституцией, но при этом оговаривал, что подлинное счастье народу несет не республика, а конституционная монархия. Поэтому он подчеркивал, что революцию можно предотвратить своевременным введением либеральной конституции, согласно которой руководящие позиции должны принадлежать буржуазии.

Само построение книг Дальмана, базировавшихся на известных источниках и литературе, говорило о его политических симпатиях. Так, историю Английской революции он описывал от воцарения династии Тюдоров до «славной революции» 1688 г., которой, в его представлении, Англия и была обязана своей свободой. Такой взгляд был бы правомерным для обзора английской истории, но не для истории Английской революции, события которой затерялись в числе прочих фактов и прошли как рядовые. Таков же и подход Дальмана к Французской революции, историю которой он заканчивает периодом конституционной монархии, указывая, что с «дерзкой казнью короля» революция, вначале правомерная, переросла в разгул анархии и террора.

Либерально-просветительская гейдельбергская школа. Наиболее последовательно превратить историю в подлинного учителя и воспитателя человека стремились историки Гейдельбергского университета, группировавшиеся вокруг **Фридриха Крис-**

тофа Шлоссера (1776—1861). В обстановке отсталой Германии первой половины XIX в. они стремились пропагандировать исторические знания как оружие против феодально-сословных порядков. Они продолжали учение великих немецких просветителей Лессинга и Гердера, поклонялись Канту, считая его учение о нравственном долге человека критерием суждения об истории.

В 1823 г., когда в Германском союзе торжествовала реакция, Шлоссер опубликовал двухтомную «Историю восемнадцатого столетия», позднее расширенную до восьми томов. В ней автор дал первую немецкую либеральную концепцию Французской революции, показал себя убежденным противником феодального деспотизма и сторонником улучшения положения народных масс.

Хотя Шлоссер осуждал революционное насилие с позиций морализма, в конечном счете оправдывал его как необходимое и полезное для прогрессивного развития Франции: якобинцы «спасли отечество, основали новый дух свободы и истребили с корнем все средневековое зло»²³. Такое проявление симпатий к Французской революции означало солидарность Шлоссера с нарастающей в Германии антифеодальной оппозицией.

Много внимания уделял Шлоссер эпохе «просвещенного абсолютизма» Фридриха II, изображенного как идеал разумного монарха, обуздавшего феодально-юнкерскую аристократию и повернувшего Пруссию на путь прогресса и процветания. Фридрих был противопоставлен «подлой деспотичной массе дворянства и мелких князей»²⁴. Явная идеализация Фридриха Шлоссером во многом объяснялась тем, что реакционные романтики яростно нападали на прусского короля, видя в нем носителя ненавистных для них прогресса и свободы. Но дело заключалось не только в этом.

Политические идеалы Шлоссера сформировались под влиянием умеренного крыла Просвещения, прежде всего Канта. По-

²³ Шлоссер Ф. Х. История XVIII столетия. СПб., 1859. Т. IV. С. 376.

²⁴ Шлоссер Ф. Х. История XVIII столетия. СПб., 1858. Т. III. С. 259.

этому Шлоссер разделял устаревшую концепцию «просвещенного абсолютизма» и создал в книге его законченный идеал, отразив тем самым позицию и чаяния мелкого и среднего немецкого бюргерства, не способного на решительные революционные действия. Не случайно он критиковал демократическую теорию народного суверенитета Руссо за якобы бесплодное теоретизирование и пренебрежение более насущными народными потребностями. Сочувствуя народу, Шлоссер все же считал его темной невежественной массой, способной на любые «безнравственные действия». Невежество и породило, по убеждению Шлоссера, все крайности Французской революции, причину которой он находил в отсутствии во Франции умного просвещенного монарха, подобного Фридриху II.

Практической борьбе народных масс Шлоссер в своей «Всемирной истории» (1844—1857)²⁵ противопоставлял «нравственное самоусовершенствование» и изменение «злой природы человека» путем распространения просвещения. Типичное для умеренного крыла немецких просветителей убеждение в превосходстве политики «просвещенного абсолютизма» над демократической республикой приводило Шлоссера к выводу о невозможности и нежелательности для Германии добиваться свободы путем народной революции; вслед за Кантом он считал, что это благородная, но практически в Германии не осуществимая цель. Шлоссер не понял и не принял революцию 1848—1849 гг., увидя в ее поражении лишь подтверждение своих взглядов на роль народа в истории и его неспособность добиться своих целей без руководства со стороны «разумного просвещенного монарха».

Становившееся к середине XIX в. устаревшим и даже консервативным мировоззрение Шлоссера, его монархические симпатии вели к постепенной утрате его былой популярности. Хотя во «Всемирной истории», он, как и прежде, резко протестовал против деспотизма и произвола мелкодержавных правителей, но одновременно с моралистских позиций осуждал и капита-

²⁵ Шлоссер Ф. Х. Всемирная история. СПб., 1861—1869. Т. I—XVIII.

листический путь развития, видя в нем лишь усиление социального гнета.

Сочинения Шлоссера трудно отнести к лучшим образцам исторической литературы. Они были написаны без критического разбора источников, перегружены второстепенным историческим материалом; стиль автора был труден для восприятия и литературно небрежен в отличие от стилистически тщательно отработанных произведений Ранке. Но все же до середины века Шлоссер у буржуазного и мелкобуржуазного читателя был более популярен, чем Ранке. Объяснялось это тем, что при всех недостатках и противоречиях Шлоссер всегда оставался либеральным просветителем с определенной демократической окраской и горячим сочувствием к положению народных низов. Именно такая просветительски-антифеодалная заостренность дала основание Н. Г. Чернышевскому, переводившему сочинения Шлоссера на русский язык, высоко оценить их «правдивость и рассудительность»²⁶.

На более четких демократических позициях стоял талантливый ученик Шлоссера Георг Готфрид Гервинус (1805—1871), сын ремесленника, выступавший в 1837 г. вместе с Дальманом и знаменитыми филологами-романтиками братьями Гриммами инициатором протеста семи профессоров Гёттингенского университета против отмены конституционных статей в Ганновере. Переехав после этого в Гейдельберг, Гервинус активно участвовал в политической борьбе и с 1847 г. начал издание «Немецкой газеты» («Deutsche Zeitung»), ведущего органа умеренных либералов юго-западной Германии.

Гервинус всегда выступал за тесную связь истории и политики, подчеркивал необходимость изучения фактов политики и культуры, поскольку это казалось ему единственным путем охватить всю историческую действительность в полном объеме. Особенно привлекала его история немецкой литературы и ее влияние на политическую жизнь общества. Видя в литературе мощное средство национального воспита-

ния, Гервинус в своей пятитомной «Истории поэтической национальной литературы Германии»²⁷ изобразил язык и литературу главным носителем идеи объединения и национального самосознания начиная с периода Просвещения и немецкой классики, достигшей вершины в творчестве Гёте. Он подробно описал путь развития немецкой литературы, а вместе с ней и немецкой истории как путь преемственного прогрессивного процесса духовного возвышения нации. В соответствии с известным тезисом романтизма о литературе как непосредственном выразителе народного духа Гервинус интерпретировал ее историю не просто как совокупность произведений отдельных авторов, а как единый процесс осуществления свободлюбивых принципов в жизни общества.

История немецкой литературы сделала Гервинуса, наряду с Дальманом и Роттеком, одним из главных духовных вождей раннего немецкого либерализма и лидером либерально-просветительской (с элементами романтизма) историографии Германии.

После неудачи революции 1848 г., разочарованный политическим компромиссом либералов с реакцией, Гервинус создает свое второе крупное произведение — «История девятнадцатого столетия со времени Венских договоров» в восьми томах²⁸. Это ярко выраженное политическое сочинение, где было сформулировано «правило всего исторического развития» — от монархического через аристократическое к демократическому устройству государства. Процесс демократизации Гервинус изображал как постоянное возобновление революционных битв с враждебными прогрессу силами, которые могут одерживать временные победы, но не в состоянии повернуть закономерный ход истории назад.

Размышляя над ролью германских и романских народов в истории Европы, Гервинус полагал, что именно германцам в силу их исконно свободлюбивого харак-

²⁷ *Gerwinus G. G. Geschichte der poetischen National-Literatur der Deutschen. Leipzig, 1835—1842. 5 Bde.*

²⁸ *Gerwinus G. G. Geschichte des 19. Jahrhunderts seit den Wiener Verträgen. Leipzig, 1855—1866. 8 Bde.*

²⁶ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1950, т. V. С. 454—455.

тера суждено первыми добиться подлинной демократизации общественного строя. Романские же народы склонны, по мнению Гервинуса, указывавшего при этом на французский бонапартизм, к централизму и авторитарным формам правления. До конца жизни Гервинус оставался уверенным в том, что историческое развитие имеет конечную разумную цель — расцвет человеческого духа, который он, будучи идеалистом, ставил выше любых тенденций материального развития. Он осуждал политическое развитие в Германии 60-х годов как попятное движение, возвращение к периоду реакционного режима в духе Меттерниха, указывая, что «тому, кто смотрит на повседневную историю не с точки зрения сиюминутной выгоды, а с точки зрения истории», события 1870—1871 гг. кажутся сопряженными с «неисчислимыми опасностями, поскольку ведут нас по пути, который явно противоречит натуре нашего народа и, что намного хуже, природе всей эпохи»²⁹.

На левом, мелкобуржуазно-демократическом фланге гейдельбергской школы находился деревенский пастор, некоторое время преподававший в Высшей реальной школе Штутгарта, — **Вильгельм Циммерман** (1807—1878). Он написал много исторических драм, стихотворений и научных исторических работ, из которых наиболее значительными были трехтомная «История Великой крестьянской войны» (1841—1843)³⁰ и двухтомная «Германская революция» (1848).

Историю Крестьянской войны в Германии Циммерман воссоздал на базе изучения большого количества ранее неизвестных источников из Штутгартского архива. Книга, написанная в доступной для широкого читателя популярной форме, была проникнута горячим сочувствием к угнетенным народным низам, чьи революционные выступления в 1524—1525 гг. Циммерман ставил в один ряд с Английской и Французской революциями. Однако глубинное социальное содержание Крестьянской войны, ее характер раннебуржуаз-

Г. Гервинус

ной революции были не вполне ясны Циммерману, который несколько преувеличивал значение религиозно-политических противоречий той эпохи в сравнении с социальными конфликтами. Ф. Энгельс, использовавший фактический материал этой книги при написании своей работы «Крестьянская война в Германии», оценивал ее как «...похвальное исключение из немецких идеалистических исторических произведений...»³¹.

Демократические позиции Циммермана нашли отражение и в «Германской революции», в которой он по свежим следам подробно описал крестьянские волнения на юго-западе Германии в марте 1848 г. Автор раскрыл антифеодальный характер мартовских революций и показал героизм, проявленный немецкими рабочими и ремесленниками на баррикадах Берлина, Вены, Мюнхена и более мелких немецких столиц.

Но при дальнейшем изложении революционных событий Циммерман, сам бывший представителем крайне левого крыла во Франкфуртском парламенте, основное внимание уделил деятельности парламентской оппозиции и почти не коснулся событий в Пруссии, которые имели наибольшее значение для общего развития и исхода Германской революции. Не увидел он и той пропасти, которая разделяла революционную демократию и крупную либеральную буржуазию. Циммерман считал ее лидеров

²⁹ *Gerwinus G. G. Geschichte der deutschen Dichtung. Leipzig, 1871. Bd. 1. S. VII.*

³⁰ *Циммерман В. История крестьянской войны в Германии. М., 1937. Т. 1—2.*

³¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 413.*

типа Гагерна, Кампгаузена, Ганземана подлинными выразителями народных интересов. В то же время он неодобрительно отзывался о вооруженных выступлениях республиканской мелкобуржуазной демократии, считая, что такие выступления ослабляли общее революционное движение.

Страх перед «призраком коммунизма и богоотступничества» помешал Циммерману правильно понять причины поражения революции. Он объяснил ее неудачу роковой неподготовленностью немецкого народа к революции, недостатком у него исторической сознательности и зрелости, которые в представлении Циммермана должны были выражаться в безоговорочной поддержке либеральной оппозиции во франкфуртском собрании. Тем не менее проникнутое духом ненависти к абсолютизму и феодализму сочинение Циммермана было

значительным научным достижением. Оно надолго пережило свое время, оставаясь одним из лучших и наиболее богатых по содержанию произведений о событиях 1848 г. в Германии.

В первой половине XIX в. в немецкой исторической науке преобладало реакционно-романтическое направление, которое, однако, разработало ряд плодотворных для изучения истории методологических принципов и методов исследования. Крупнейшим достижением немецкой историко-философской мысли явилось учение о диалектическом характере всемирно-исторического развития, созданное Гегелем. При неразвитости буржуазных отношений в Германии первой половины XIX в. там все еще существовала почва для просветительской историографии, наиболее ярко представленной гейдельбергской школой.

Глава 3

Торийская и вигская историография в Англии. Влияние романтических идей

Социально-экономическое развитие Англии первой половины XIX в. происходило под воздействием промышленной революции, которая преобразила всю экономическую структуру Англии и превратила ее в одну из самых могущественных стран мира. Изменились отдельные классы английского общества, их численность и соотношение между ними, их относительный вес и роль в жизни общества. Главным социальным последствием промышленной революции был рост и усиление пролетариата.

В ходе промышленной революции и в результате ее изменилось соотношение сил в лагере имущих классов. Разбогатевшая и окрепшая промышленная буржуазия повела борьбу против монопольной власти земельной аристократии, претендовала на участие в управлении страной. В 1832 г. ее требования были отчасти осуществлены. Буржуазия получила определенную возможность влиять на законодательство, хотя парламентская реформа и не удовле-

творила до конца ее претензий на всю полноту власти.

Английская общественная мысль. Французская революция конца XVIII в. оказала сильное и разноречивое влияние на общественно-политическую жизнь Англии. Прогрессивные круги горячо ее приветствовали. Корреспондентские общества, возникшие по всей стране, вступали в переписку между собою для согласования действий в борьбе за реформы. Они надеялись, что им удастся демократизировать английскую политическую систему, устранить обветшалые остатки средневековья.

Развитие событий во Франции и в Англии вызвало серьезную тревогу среди имущих классов. Выразителем этих настроений явился политический деятель и публицист **Эдмунд Бёрк** (1729—1797). Свою публицистическую деятельность Бёрк начал с пропаганды идей французского Просвещения, в частности идей Монтескье. В 1756 г. он издал книгу под названием

«Оправдание естественного общества», в которой развивал концепцию естественного права. В годы борьбы американских колоний против Англии за свою независимость он поддерживал их требования и убеждал английских политиков пойти на уступки колонистам. Под влиянием Французской революции во взглядах Бёрка произошёл резкий поворот. В конце 1790 г. он опубликовал сочинение «Размышления о революции во Франции и об отношении некоторых лондонских обществ к этому событию»¹. В нём Бёрк выступил против Французской революции с позиций реакционного крыла романтизма.

Бывший поклонник энциклопедистов клеветал на парижскую «чёрнь», осмелившуюся поднять руку на священную особу короля. Он подверг осуждению прогрессивные идеи XVIII в. и призывал к пересмотру идейного наследия эпохи Просвещения, утверждая, что именно оно породило события во Франции. Идеи Бёрка были подхвачены реакционерами всех европейских стран, увидевшими в его книге настоящий манифест контрреволюции. На протяжении всего одного года книга Бёрка выдержала в Англии одиннадцать изданий. Польский король прислал автору в награду золотую медаль, а российская императрица Екатерина II, слышавшая поклонницей Вольтера и Дидро, направила ему благодарность.

В прогрессивных кругах выступление Бёрка было встречено с негодованием. Шотландский философ Дж. Макинтош в книге «Защита Галлии»² оспаривал взгляды Бёрка, доказывая право французского народа бороться с тиранией и абсолютизмом. Еще резче против Бёрка выступил революционный публицист Т. Пейн. В книге «Права человека» он отметил реакционный характер сочинения Бёрка, его страх перед народом. Пейн оправдывал меры, принятые французским народом против контрреволюции: «Вопреки чудовищным картинам, которые рисует мистер Бёрк, в действительности при сравнении

Французской революции с революциями в других странах можно только удивляться малочисленности ее жертв»³.

Рост консервативных настроений отразило и сочинение Томаса Мальтуса (1766—1834) «Опыт о законе народонаселения», опубликованное в 1798 г.⁴ Автор стремился доказать, что основная масса народа никогда не может надеяться на улучшение своего положения, ибо закон природы состоит якобы в несоответствии между ростом населения и производством материальных благ: первое всегда обгоняло и будет обгонять второе. Он доказывал, что войны и массовые эпидемии являются благодеянием для человечества, ибо только они противостоят безудержному росту населения, способствуют более правильному соотношению между его численностью и материальными благами. Теория Мальтуса, направленная против планов преобразований существующего строя, приобрела популярность у имущих классов.

Но идеи Мальтуса подверглись и резкой критике. Одно из наиболее аргументированных опровержений взглядов Мальтуса принадлежит прогрессивному писателю и публицисту Уильяму Годвину. В книге под названием «О населении. Исследование роста человечества» (1820)⁵ Годвин вскрыл реакционный характер идей Мальтуса, их направленность против попыток перестроить общество на справедливых началах.

Сочинения Бёрка и Мальтуса отразили сдвиг вправо в настроениях имущих классов. Под влиянием этих настроений в Англии почти полностью прекратились всякие толки о реформах, на любые проявления протеста власти отвечали суровыми репрессиями.

Помимо событий Французской революции сильное влияние на формирование общественной мысли Англии оказало вступление английского капитализма в эпоху

³ Пейн. Т. Избранные соч. М., 1959. С. 188.

⁴ Malthus T. R. Essay on the Principle of Population. L., 1798.— Русск. пер.: Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. СПб., 1868. Т. 1—2.

⁵ Godwin W. Of Population. An Inquiry Concerning the Power of Increase in the Number of Mankind. L., 1820.

¹ Burke E. Reflexions on the Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to that Event. L., 1790.

² Mackintosh J. Vindicias Gallias. L., 1791.

промышленной революции. Она породила новые философские и политические теории, изменила представления о сущности науки, характере и направленности научной деятельности. Понимание содержания научного знания нередко приобретало прагматический характер. Осознание того, что наука способна приносить прибыль и что «полезное» знание имеет практическую ценность, побуждало крепнущую промышленную буржуазию оспаривать монополию научной деятельности у буржуазно-дворянской аристократии.

Эта линия нашла выражение в философии утилитаризма — в ней буржуазные радикалы дали идейное обоснование программы промышленной буржуазии. Ее основатель — социолог, философ и юрист **Иеремия Бентам** (1748—1832) — доказывал, что критерием целесообразности любого учреждения и законодательного акта является его полезность (лат. — *utilitas*). Отражая стремление буржуазии к полной свободе предпринимательства, Бентам отвергал вмешательство государства в экономическую деятельность отдельных граждан и в отношения между капиталистами и рабочими. Он требовал отмены пошлин на вывоз товаров, видя в них помеху для развития промышленной и торговой деятельности.

В числе последователей философии утилитаризма был и крупный экономист **Давид Рикардо** (1772—1823). Финансист, наживший большое состояние операциями на бирже, Рикардо продолжал разрабатывать теорию трудовой стоимости. Подобно А. Смиту, он исходил из посылки, что труд рабочих — единственный источник прибыли, а поэтому и естественное мерило стоимости, т. е. признавал противоположность интересов труда и капитала. Для Рикардо капитализм — это вечный и неизменный порядок, универсальный способ организации человеческого общества, его естественное состояние.

В тот же период на общественно-политическую мысль Англии оказало влияние идейное и художественное течение романтизма. Как и в странах континентальной Европы, английский романтизм был неоднороден. В нем отразилась враждебность к Просвещению и революции. Вместе с тем в романтизме проявилось

недовольство народных масс узкоэгоистическим характером капиталистического прогресса, особенно последствиями промышленного переворота. Эти настроения характерны для идеологов мелкобуржуазного, радикально-демократического направления, резко критиковавших существующие социальные отношения и духовные ценности. Романтики ратовали за возвращение к идеализированному прошлому, к природе и естественному выражению человеческих чувств.

В 40-х годах XIX в. под влиянием обострившейся социальной и политической борьбы возникла группа «Молодая Англия». В нее входили известный политический деятель и публицист Б. Дизраэли (позднее ставший лидером партии консерваторов) и другие литераторы и публицисты, «Молодая Англия» пыталась ответить на острые социальные вопросы современности. Ее члены обратили внимание на противоречия английского общества и ярко описывали нищету пролетариата, резко изобличая эгоизм промышленной буржуазии, ее бессердечие и циничный расчет. Однако, нападая на промышленников, «Молодая Англия» искала идеал общественного устройства не в будущем, а в прошлом: она восхваляла феодальные порядки, осуждала выступления рабочих и призывала сплотиться вокруг церкви, трона и аристократии. Маркс и Энгельс точно охарактеризовали эту группу: «Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом»⁶.

Пролетарская идеология во времена, предшествовавшие возникновению марксизма, особенно ярко проявилась в чартистском движении, ставшем первым массовым, политически оформленным выступлением рабочего класса Англии.

Состояние исторической науки, Историческое знание в Англии в первые десятилетия XIX в. развивалось более быстрыми темпами, чем в предшествующий период.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 448.

Научно-технические открытия и возрастающий объем знаний в эпоху промышленного переворота ускоряли процесс дифференциации гуманитарного знания и постепенной профессионализации исторических исследований. История превращалась в самостоятельную дисциплину.

Бурное развитие промышленности и сельского хозяйства, совершенствование буржуазной партийно-политической системы, «строительство» Британской колониальной империи требовали совершенствования системы университетского образования. Однако в ведущих английских университетах — Оксфорде, Кембридже и др. — контроль за обучением студентов по-прежнему осуществляло англиканское духовенство. Ученые были вынуждены постоянно оглядываться на религиозные каноны. В тематике исторических работ видное место занимала история церкви и религиозных догматов.

Тем не менее, в 40-е — начале 50-х годов XIX в. в Оксфорде начала оформляться школа «юриспруденции и новой истории». Ее создание было связано с реформаторской деятельностью Т. Арнольда. В этой школе наряду с историей политической мысли, государственных и общественных институтов осуществлялось преподавание философии, политэкономии, психологии. И все же в целом университеты Англии отставали от жизни, историческая мысль в этот период развивалась вне университетских стен.

Необходимое условие совершенствования исторических знаний — рост источниковой базы. Процесс собирания, накопления исторических источников осуществлялся в этот период в Англии отдельными коллекционерами, членами антикварных и археологических обществ, библиотеками и музеями. Среди обществ, занимавшихся изучением отечественных исторических памятников, важную роль играли публикаторские клубы. К середине XIX в. их насчитывалось более 25. Некоторые из них испытали влияние передовой методики анализа источников, разработанной немецкими историками Нибуром и Ранке.

Взросший интерес к источникам побудил к заботе об архивах. Специальная комиссия, созданная парламентом в нача-

ле 30-х годов XIX в., подтвердила факты, на которые уже давно обращали внимание историки, и признала, что ценные материалы продолжают гибнуть. В 1838 г. было создано центральное архивное учреждение, которое должно было привести архивы в порядок. Это учреждение под названием Публичного архива (Public record office) и ныне является центром английского архивного дела.

Большую роль в развитии архивного дела сыграл Френсис Палгрев (1788—1861), крупный специалист по истории англо-норманнской эпохи. С 1838 г. вплоть до смерти он являлся фактическим организатором архивного дела в Англии. Благодаря его инициативе вышли в свет некоторые ценные публикации. Издания Палгрева отличаются полнотой, научной точностью и добросовестностью, а его комментарии свидетельствуют о больших знаниях и широкой начитанности.

Возрастание интереса к истории было связано в первую очередь с теми большими сдвигами, которые переживало английское общество в эти десятилетия. Под влиянием Французской революции в среде имущих классов усилилась тенденция к идеализации средневековья, восхвалению социального и политического строя, предшествовавшего революции. Борьба против завоевательных планов Наполеона, способствуя росту национального самосознания, также усиливала этот интерес к прошлому. Выражением его в исторической литературе явился романтизм. Публикации древних легенд, сказаний и других материалов встречались восторженно.

На развитие исторической науки в Англии оказали влияние немецкий романтизм, в частности, представитель его А. Мюллер и «историческая школа права» в лице Савиньи и Эйхгорна, а также германская «филологическая школа» в лице Гриммов. Работы этих немецких ученых побудили англичан к новой оценке источников средневекового права, языка и литературы.

Опираясь на построения немецкой философии конца XVIII — начала XIX в. и методику работы над источниками Нибура — Ранке, историки стремились воссоздать картину исторического прошлого на основе идеалистического историзма и кри-

тического подхода к источникам. Понятие исторического прогресса отождествлялось ими с совершенствованием морально-этических норм и роста духовности общества. Под воздействием этих идей и приемов работы над источниками английская вигская либеральная историография оказалась подготовленной к восприятию идей развития и принципов историзма в познании прошлого. Влияние романтизма испытали такие крупные историки, как Т. Маколей и Т. Карлейль.

Большую роль в усилении интереса к истории сыграли романы **Вальтера Скотта** (1771—1832). В них нашли отражение важнейшие события и процессы европейского средневековья. Особенно внимательно и любовно он прослеживал историческое развитие родной ему Шотландии. Скотт стремился воссоздать историческую действительность со всем ее колоритом, нарисовать картины быта и психологию людей того времени. В своих романах Скотт несколько идеализировал средние века, рисуя патриархальные отношения между феодалом и крестьянами, простоту и благородство нравов той эпохи.

Произведения Скотта основаны на тщательном изучении материалов и источников — исторических документов, фольклора и археологических памятников. Скотт состоял членом Шотландского исторического общества, принимал активное участие в его работе и в издании исторических документов. Ему принадлежат и собственно исторические работы: девятитомная «Жизнь Наполеона Бонапарта», «История Шотландии».

Английская историография этого времени расширила свой диапазон в предметном и географическом отношениях.

Характерная черта английской историографии первой половины XIX столетия — пробуждение интереса к истории экономики, что было вполне закономерно. Промышленная революция и вызванные ею бурные экономические сдвиги, на глазах изменявшие облик страны, возникновение новых форм экономической жизни — все это не могло не привлекать к себе внимания. В 1838 г. вышел в свет первый том обширного исследования Т. Тука «История цен и денежного обращения», в котором на основе богатых фактических

данных прослеживались движение цен на продовольствие и колебания курса денег начиная с 1793 г. Много томная работа Тука содержит обильный материал по истории экономики с конца XVIII в. по 1856 г.

В 1805 г. историк Макферсон опубликовал переработанное сочинение Андерсона по истории торговли. Он привлек новый материал и расширил объем его книги.

В 30—40-е годы, когда промышленная революция в своих основных чертах приближалась к завершению, обнаружился большой интерес историков к статистике и количественным оценкам. В Лондоне, Манчестере и некоторых других центрах новой промышленности возникли статистические общества, издававшие специальные журналы. В них публиковались интересные данные о развитии производства и торговли, о численности и составе населения и росте городов.

В те же годы стали появляться и первые обобщающие труды по истории отдельных отраслей — хлопчатобумажной, шерстяной, гончарного дела и др. В этих работах наряду с обстоятельным рассказом о развитии предприятий, их финансов и внутренней организации делались первые попытки понять причины возникновения новой промышленности и ее успехов.

Не случайно обращение английских историков к истории Востока. Обширные торговые интересы Англии на Востоке и активная колониальная экспансия, ставшая особенно энергичной после потери американских владений, стимулировали интерес к этой тематике. Центральное место среди колоний занимала Индия: огромная страна с многочисленным населением и богатой древней культурой привлекала к себе внимание. Начало изучения древней индийской литературы и языка связано с именем У. Джонса, который еще в 80-е годы XVIII столетия приступил к изучению памятников индийского права и литературы. Эту работу продолжил Г. Коулбрук, состоявший на службе Ост-Индской компании. В 1798 г. он завершил издание древнеиндийских законов, начатое еще Джонсом. Главный труд Коулбрука — «Очерки вед», с которого началось систематическое изучение этого замечательного памятника древнеиндийской письменности.

Формирование основных направлений английской историографии. Острая борьба на политической арене находила отражение в английской исторической науке. Различный подход к оценке исторического процесса наиболее отчетливо прослеживается в вопросах о реформе и революции. Для партии тори характерным был полный отказ от всяких реформ: в любой, даже самой скромной реформе они усматривали покушение на существующий порядок, уступку зловредному духу перемен, а с ним и духу революции.

Наиболее отчетливо торийская концепция политического устройства выражена в работах историка **Арчибальда Алисона** (1792—1867) — «История Европы в период Французской революции», «История от Реставрации до воцарения Наполеона III»⁷. Исходная позиция автора предельно проста: любые перемены нежелательны, они чреваты революцией и опасны для существующего порядка. Алисон нападал на «губительную страсть к новшествам» и восхвалял английскую политическую систему. История Французской революции изложена им крайне тенденциозно. Он безоговорочно осуждал все действия якобинцев. Наполеон в его изображении — кровожадный тиран. Напротив, английские политики того периода — Питт, Каслри, Веллингтон — воплощение миролюбия и благородства.

Иные позиции занимали историки вигского направления: в истории прошлого они искали аргументы в пользу умеренных реформ. Они признавали и даже порою подчеркивали недостатки существующих порядков, но не хотели решительных и крутых перемен и как огня боялись революции. Поэтому во всех своих выступлениях виги неустанно призывали к умеренности и постепенности в деле реформ.

Вигско-либеральную концепцию реформ ясно изложил один из лидеров этой партии и авторов парламентской реформы

1832 г. лорд **Джон Рассел** (1792—1878), занимавший пост премьер-министра с 1846 по 1852 г. В своей книге «Очерки истории английского правительства и конституции» он утверждал, что путь к «сохранению свободы», т. е. существующей системы, лежит через преобразование всего, что созрело для перемен⁸.

Несколько обособленное направление представляли историки буржуазно-радикального лагеря. Подобно вигам, они стояли за умеренные реформы, однако не разделяли страхов перед революцией и, считая ее опасность нереальной, требовали более решительных действий. Они с особой охотой распространялись об особой роли буржуазии, видя в ней наиболее важную и полезную часть общества. У. Маккиннон в работе «История цивилизации» заявлял, что «чем больше численность средних классов в отношении к другим классам, тем больше счастье нации». «Средние классы», т. е. буржуазия, были для него, не только воплощением национального богатства, но и подлинным выразителем общественного мнения страны. Причину Английской революции середины XVII в. Маккиннон видел в попытке игнорировать интересы буржуазии⁹.

Для подкрепления своей программы буржуазные радикалы часто обращались к истории древности. Крупный банкир **Джордж Грот** (1794—1871), депутат парламента и активный участник борьбы за его реформу, в своей «Истории Греции»¹⁰ превозносил афинскую демократию, видя в ней идеал, к которому должна стремиться Англия.

Торийское, вигское, буржуазно-радикальное направления не исчерпывали тогдашний круг школ и направлений. Наряду с ними в те десятилетия существовал мелкобуржуазный радикализм, в первой трети XIX в. его представляли такие крупные фигуры, как У. Коббет, и Т. Карлейль. Одновременно в английской историо-

⁷ Alison A. History of Europe from the Commencement of the French Revolution to the Restoration of the Bourbons. London, 1832—1842. V. 1—10; Alison A. History from the Restoration to the Accession of Napoleon III. L., 1852—1859. V. 1—9.

⁸ Russel J. Essay on the History of the English Government and Constitution. L., 1865. P. 350.

⁹ Mackinnon W. A. History of Civilization. L., 1846. V. 1—2; V. 1. P. 22, 175.

¹⁰ Grote G. History of Greece. L., 1846—1856. V. 1—12.

Т. Маколей

графии зарождалась и пролетарская струя. Исторические взгляды нового революционного класса находили выражение в сочинениях Р. Оуэна и еще более определенно — в исторических трудах чартистов.

В историографии Англии первой половины XIX в. ведущее место занимало **вигское направление**. Крупной фигурой этого направления был **Генри Галлам** (1777—1859). Основной его труд — «Конституционная история Англии от Генриха VII до Георга II (1485—1760)»¹¹. Автор превозносит английскую политическую систему, в которой якобы господствует «золотая середина» и отсутствуют крайности — деспотизм и анархия. В отличие от других стран, заявляет Галлам, в Англии всегда царила законность, и с ней считались все, в том числе правители. Правда, он признает, что и в истории Англии были периоды, когда какая-либо крайность на время брала верх. Так, в правление Генриха VIII царил деспотизм, а во время революции середины XVII в. — анархия. Однако такие периоды были исключением и длились недолго. В основном же Англия — это страна, процветающая под властью мудрого закона и конституции.

Четкость и определенность, с которой Галлам в работе сформулировал принципы вигской историографии, обеспечили его книге большой успех в вигских кругах. В научном отношении работа Галлама для

своего времени представляла значительный шаг вперед. Автор совсем не касался экономики и социальных проблем, однако сюжеты политической и конституционной истории освещены весьма полно, на обширном материале источников. Большой эрудицией отмечены и другие работы Галлама — «Взгляд на состояние Европы в средние века» в трех томах и «Введение в европейскую литературу».

Наиболее видным представителем вигской историографии в Англии был **Томас Бабингтон Маколей** (1800—1859), один из первых профессиональных историков в Англии. Избранный в 1830 г. в парламент, он активно участвовал в борьбе за парламентскую реформу 1832 г. В награду за это в правительстве вигов он получил выгодный пост в Совете по делам Индии, а в 1839 г. стал военным министром. Маколей был противником демократизации английского политического строя. В 1842 г. при обсуждении второй чартистской петиции, требовавшей всеобщего избирательного права, Маколей заявил, что это требование противоречит политическому строю Англии, поскольку последнее основано на частной собственности.

Маколей создал себе имя в литературе, опубликовав ряд ярких статей в журналах. Уже первой из них — «Этюд о Мильтоне» (1825) молодой автор обратил на себя внимание. В статье давался тонкий и глубокий анализ творчества Мильтона, его философских воззрений. Критики оценили и великолепный язык автора.

В дальнейшем он написал несколько десятков подобных статей и очерков, посвятив их самым различным вопросам, — политическим проблемам дня, историческим событиям и деятелям прошлого. Эти этюды закрепили за Маколеем славу блестящего публициста вигского лагеря. Он умел, привлекая обильный материал, в яркой и доходчивой форме пропагандировать вигские взгляды.

Главный исторический труд Маколея — «История Англии от воцарения Якова II»¹² — имел огромный, по тем

¹¹ *Hallam H. Constitutional History of England from Henry VII to the Death of George II. L., 1827. V. 1—3.*

¹² *Macaulay T. B. History of England from the Accession of James II. L., 1842—1859. V. 1—5; Маколей Т. Полн. собр. соч. СПб., 1860—1866. Т. 1—16.*

временам неслыханный успех. Всего за 25 лет в одной только Англии тираж его составил 140 тыс. экземпляров. Эта работа неоднократно переводилась на другие языки, в том числе на русский.

Маколей талантливо защищал и обосновывал политическую программу тех групп господствующих классов, которые выступали за упрочение сотрудничества буржуазии и землевладельцев на основе компромисса. Пять томов труда охватывают почти двадцать лет — с 1685 по 1702 г. В центре повествования — «славная революция» 1688 г. Маколей привлекал в ней прежде всего ее компромиссный характер. Он превозносил эту революцию как замечательный образец и противопоставлял ее событиям середины XVII в., которые, по его утверждению, подорвали мощь и величие Англии. Маколей отнюдь не скрывал своего взгляда на то, за что именно ценит переворот 1688 г., который ставил выше революции середины XVII в., — это верхушечный характер компромисса. Его книга представляет дириамб английской конституционной монархии, установленной в конце XVII в. Успеху книги Маколей в небольшой степени способствовала ее блестящая литературная форма. Произведение Маколей принадлежит к лучшим образцам английской научно-литературной прозы.

Вместе с тем в научном отношении труд Маколей не выдерживает серьезной критики, хотя современные его поклонники восхваляют огромную эрудицию автора и верность деталей, объявляя его книгу образцом научной добросовестности. Действительно, Маколей стремился к точности в деталях. Однако в характеристиках политических деятелей и в оценках событий прошлого Маколей нередко прибегал к произвольным утверждениям, не опирающимся на источники. В статье «Об истории» он даже пытался обосновать такой подход, утверждая, что «факты — это шлак истории и груда сырого материала, ожидающая руки творца».

Историк, писал Б. Маколей, не судья, который должен соблюдать беспристрастие, а адвокат, страстно заинтересованный в событиях, поэтому его задача заключается вовсе не в том, чтобы «слепо» следовать фактам.

Мелкобуржуазная критика капитализма. Наиболее влиятельным представителем мелкобуржуазного радикализма был талантливый публицист **Уильям Коббет** (1762—1835). Сын фермера, Коббет прожил долгую жизнь, полную превратностей. Он был учителем, затем несколько лет солдатом, пока, наконец, понял свое призвание публициста. В 1802 г. он начал издавать журнал «Еженедельный политический обозреватель». Первое время он поддерживал правительство в войне против Франции, однако вскоре посвятил журнал критике существующих порядков. Диапазон его критических выступлений был очень широк: он разоблачал паразитизм знати, бюрократизм и продажность чиновников, лицемерие служителей культа, жестокость судей, жадность предпринимателей, нападал на систему управления страной, налоги, критиковал военную политику. Меткая и беспощадная критика, а также умение Коббета говорить с народом ясно и понятно, его энергичный и живой язык сделали журнал весьма популярным. Публицистические выступления Коббета, его нападки на существующие порядки способствовали пробуждению самосознания народных масс, приобщению их к политической жизни.

Коббет много писал на различные темы, в том числе исторические. Самым крупным его историческим сочинением была двухтомная «История протестантской Реформации в Англии»¹³. Корни Реформации Коббет усматривал в жадности короля и знати, которые стремились завладеть огромными богатствами католической церкви. Коббет показывал, что одновременно с роспуском монастырей была совершена еще одна «реформа»: отменены законы, обязавшие общество заботиться о бедняках. Ярко и убедительно он рисует ухудшение жизни народных масс. Другая историческая работа Коббета — «История регентства и царствования короля Георга IV»¹⁴ — представляет собой острый памфлет, направленный против господствующей олигархии.

¹³ *Cobbett W. History of the Protestant Reformation in England, L., 1824—1826. V. 1—2.*

¹⁴ *Cobbett W. History of the Regency and Reign of George IV. L., 1830.*

Коббету принадлежит инициатива издания ряда ценных документальных исторических материалов. В 1806 г. он начал публикацию «Парламентской истории Англии от норманнского завоевания до 1803 года»¹⁵. В ней впервые были помещены все известные материалы о работе парламента — документы и протоколы, сопровождаемые комментариями. Почти одновременно он начал издание серии парламентских протоколов начиная с 1803 г. Эта серия выходит по сей день¹⁶. В 1809 г. им была предпринята публикация «Протоколов судебных процессов о государственной измене»¹⁷.

В 1812 г. Коббет, приговоренный к уплате большого штрафа за резкую критику правительства, был вынужден прекратить издательскую деятельность.

В своих сочинениях Коббет описывал последствия, которые имел промышленный переворот для развития сельского хозяйства: обнищание и эксплуатация трудящихся, вытеснение мелких фермеров, преобладание крупной собственности. Но его положительная программа носила консервативный характер. Он был убежден, что «золотой век» Англии остался в прошлом и мечтал о возвращении к «старой доброй Англии». Точную и яркую характеристику Коббету дал К. Маркс, который назвал его «...самым талантливым представителем или вернее основателем старого английского радикализма». Осуждая крупных земельных собственников, плутократию, государственный долг, централизацию, подрывающую местное самоуправление, Коббет, «плебей по своим инстинктам и симпатиям...», был, по мнению Маркса, «...инстинктивным защитником народных масс против посягательств буржуазии...» и «...одновременно и самым консервативным и самым радикальным человеком в Великобритании...». Его требования, писал

Маркс, «...скорее носили характер политической хитри промышленной мелкой буржуазии...»¹⁸.

Сложную фигуру в историографии Англии представлял Томас Карлейль (1795—1881). Он вышел из низов, был сыном каменщика. Он рано занялся литературной деятельностью. Знание языка позволило ему в подлиннике ознакомиться с немецкой литературой и философией. В его переводах вышли труды Гёте, Фихте и Гегеля. Философия последнего оказала влияние на Карлейля. По своим взглядам на историю Карлейль был близок к романтикам. В начальный период деятельности Карлейля можно с полным правом причислить к мелкобуржуазным критикам капитализма.

Первое крупное историческое произведение Карлейля — «Французская революция»¹⁹ (1838). Историю революции Карлейль доводит до 1795 г. Революция в его представлении — это анархия, вырвавшаяся из оков, это «безумие, которое живет в сердцах людей»²⁰. Карлейль осуждает Французскую революцию, как и все революции вообще. Однако он ярко изображает в отрицательном свете и старые, до революционные порядки, говорит о негодности и жестокости старых французских политических учреждений и в результате косвенно не только объясняет, но как бы даже оправдывает революцию как вспышку народного гнева. «Главными деятелями Французской революции, — писал он, — как всегда... при подобных революциях во всех странах, были голод, нагота и кошмарный гнет, давивший двадцать пять миллионов существ»²¹.

Характерная черта книги Карлейля — глубокое и искреннее сочувствие народу и его страданиям, восхищение его героизмом. Сочинение Карлейля — горячий призыв понять революцию, стремление правдиво описать страдания и надежды народа.

¹⁵ Cobbett's Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066 to the Year 1803. L., 1806—1812. V.1—12.

¹⁶ Cobbett's Parliamentary Debates (после 1812 г. переименована в Hansard's Parliamentary Debates).

¹⁷ Cobbett's Complete Collection of State Trials. L., 1809—1812.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 195, 196, 197.

¹⁹ Карлейль Т. Французская революция. История. СПб., 1907.

²⁰ Там же. С. 565.

²¹ Там же. С. 475.

Автор восхваляет Мирабо и Дантона и не скрывает своей неприязни к Робеспьеру и Марату. Вместе с тем он отдает должное якобинцам за их патриотизм и энергию. «Оружие Горы, — писал он, — оружие чистой природы: смелость и пылкость». Напротив, жирондистов он открыто презирает, называя их «иезуитами революции»²².

Книга Карлейля встретила одобрительные отзывы в обоих политических лагерях имущих классов. И тори, и виги восприняли ее как обличение революции, но тори более оценили его нападки на «анархию, вырвавшуюся из оков», а виги — критику им «старого порядка», который не сумел своевременными реформами предотвратить революцию.

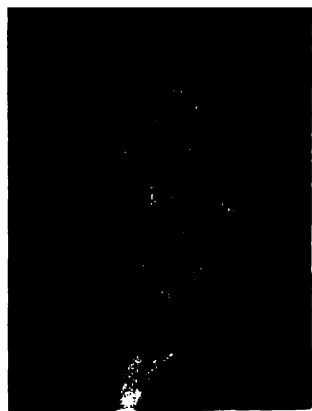
В сочинениях Карлейля, написанных до революции 1848 г., звучит резкая критика буржуазной идеологии и буржуазного порядка. «Томасу Карлейлю, — указывали Маркс и Энгельс, — принадлежит та заслуга, что он выступил в литературе против буржуазии в то время, когда ее представления, вкусы и идеи полностью подчинили себе всю официальную английскую литературу; причем выступления его носили иногда даже революционный характер»²³. Он ядовито и метко высмеивал убогую «мудрость» утилитаристов, разоблачал своекорыстную политику вигов, обличал лицемерие английской демократии. «Эта свобода, — писал он в 1843 г., — оказывается для работающих миллионов свободой умереть от недостатка питания...»²⁴ В книге «Чартизм»²⁵ Карлейль выражал сочувствие народу и его страданиям. В противовес буржуазным публицистам, которые заявляли, что все чартистское движение — дело рук зловредных смутьянов, Карлейль высказал убеждение, что корни чартизма — в нищете и несправии народных масс, и доказывал, что чартизм нельзя уничтожить репрессиями. Он резко критиковал законодательство о бедняках, продиктованное идеями Мальтуса.

²² См.: Карлейль Т. Французская революция. История. С. 479—480.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 268.

²⁴ Карлейль Т. Прежде и теперь. СПб., 1906. С. 313.

²⁵ Carlyle T. The Chartism. L., 1840. P. 2, 16—23.

Т. Карлейль

На протяжении 40-х годов взгляды Карлейля менялись в сторону консерватизма. Постепенно в работах Карлейля критика капитализма звучала все глуше, а его высказывания, направленные против выступлений народных масс, — все резче. В книге «Прежде и теперь» он рисовал идиллические картины средневекового общества, где якобы царили простые благородные нравы, добрый монарх обеспечивал благополучие и свободу подданных, а церковь пеклась о высоких моральных ценностях. Это была романтическая утопия, сближавшая Карлейля с феодальными социалистами.

В основе философских воззрений Карлейля лежал субъективный идеализм. Он исходил из убеждения, что исторический процесс не подчиняется каким-либо объективным закономерностям, а зависит от воли и деятельности отдельных личностей. В 1841 г. Карлейль прочел публичную лекцию на тему «Герои, почитание героев и героическое в истории». В 1844 г. она вышла в свет отдельной книгой. История, утверждал Карлейль, не что иное, как биография великих людей. Только последние творят историю, накладывают на нее печать своего гения, и, таким образом, целые эпохи являются продуктом их творчества. Роль великих творцов исторического процесса играют «истинные аристократы», а народная масса представляет собой слепое и безгласное орудие в руках великого человека²⁶.

²⁶ См.: Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. СПб., 1891. С. 19.

Преклонение Карлейля перед героическим в какой-то мере отражало протест против будничности и филистерства буржуазии. Однако вскоре под влиянием подъема народной борьбы за Хартию культ героев у Карлейля приобрел антиреволюционную и антипролетарскую направленность. Герой, по словам Карлейля, это «единственная живая скала среди всевозможных крушений, единственная устойчивая точка в современной революционной истории»²⁷. Герой должен быть спасителем общества от революции. «Пока человек будет человеком,— писал Карлейль,— Кромвель и наполеоны всегда будут неизбежным завершением санкюлотизма»²⁸.

Крупным историческим трудом Карлейля была публикация писем и речей Оливера Кромвеля (5 томов; 1845)²⁹. Карлейль по-новому показал роль Кромвеля в истории страны, в частности, его заслуги в возвышении морского могущества Англии и в усилении ее международного престижа. Работа носила для своего времени новаторский характер. Английские историки до того времени игнорировали этого деятеля, видя в нем только «цареубийцу» и «тирана». Карлейль сделал попытку вскрыть подлинные мотивы и значение государственной деятельности Кромвеля. Он пытался понять и характер самой революции, но исходил из того, что Английская революция, в отличие от Французской, носила религиозный характер и не имела «земных целей».

Консервативные черты в мировоззрении Карлейля приобрели более отчетливые формы после 1848 г. В своем труде «История Фридриха II Прусского, именуемого Фридрихом Великим»³⁰, Карлейль воспекает этого «короля-героя» и восхищается порядками крепостнической Пруссии. От критики капитализма он переходит к фак-

тической его защите. Он открыто выступает против народных и освободительных движений, в 1871 г. осудил Парижскую Коммуну. Оценивая творчество Карлейля в этот период, Маркс и Энгельс писали, что оно «...представляет нам еще доказательство того, как высоко парящее благородство превращается немедленно в неприкрытую низость, лишь только оно спускается с небес своих сентенций и фраз в мир реальных отношений»³¹.

Крупнейшим английским мыслителем, который в известной степени выражал тогда еще смутные идеи и чаяния нового общественного класса — пролетариата, был Роберт Оуэн (1771—1858). Главная заслуга Оуэна состоит в глубокой критике капитализма и в разработке идеи коммунистического общества.

Оуэн пришел к коммунистическим идеям не сразу. Он начал свою деятельность как буржуазный предприниматель и филантроп. Поворотным моментом в идейном развитии Оуэна явился 1817 год, когда он публично заявил, что существующее положение в обществе, где огромное большинство населения испытывает крайнюю нужду, «...проистекает из положения вещей, порожденного самим обществом»³². Затем он развил эти мысли, выдвинув проект создания общин на принципах коммунистической общности имущества и коллективного труда.

В отличие от других критиков и утопистов, он понял, что промышленный переворот создал «новую промышленную систему» и «новые производительные силы», которые дают возможность перестроить общество на новых началах. Сам термин «производительные силы» как совокупность техники и новой организации труда был впервые выдвинут именно Оуэном. Он подчеркивал, что рост этих производительных сил принял такие масштабы, что теперь он уже достаточен для того, чтобы насытить мир богатствами³³. Таким образом, Оуэн подходил к пониманию зна-

²⁷ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. СПб., 1891. С. 21.

²⁸ Там же. С. 220.

²⁹ Oliver Cromwell's Letters and Speeches / Ed. T. Carlyle. L., 1845. V. 1—5.

³⁰ Carlyle T. History of the Frederic II of Prussia Called Frederic the Great. L., 1858—1865. V. 1—6.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 276.

³² Оуэн Р. Избр. соч. М., Л., 1950. Т. 1. С. 87.

³³ Там же. С. 180.

чения объективных материальных условий для создания нового общественного строя.

При всем том системе взглядов Оуэна свойственны слабость и непоследовательность. Разделяя идеи рационалистов XVIII в., Оуэн полагал, что все недостатки и пороки современного ему общества проистекают из невежества. Достаточно объяснить причины зла и заблуждений, и истина, представ перед людьми, породит неудержимое стремление изменить существующее положение.

Идеи Оуэна оказали немалое положительное влияние на английскую общественную мысль. Маркс подчеркивал большие заслуги Оуэна в разработке коммунистических идей и причислял его к представителям критически-утопического социализма и коммунизма.

Историки-чартисты. Значительный интерес представляют исторические взгляды чартистов, хотя в них содержится немало незрелого и путаного. В то же время на страницах чартистской печати, в политической и художественной литературе чартистов мы находим достаточно глубокие и верные мысли и догадки о движущих силах исторического процесса, в том числе о социальной борьбе и ее роли в жизни общества, о месте отдельных классов, об исторической роли буржуазии и т. п.

Представителем чартистской историографии был видный публицист и теоретик чартизма **Джеймс Бронтерр О'Брайен** (1803—1864), весьма образованный человек, пользовавшийся популярностью как оратор и публицист. Лидер чартистов О'Коннор назвал его «школьным учителем чартизма». О'Брайен был последователем Оуэна, однако он внес в его систему существенную поправку: в отличие от своего учителя, который отвергал политическую борьбу, О'Брайен считал, что народ

должен добиться политических прав, для того чтобы избрать подлинно народный парламент, который осуществит идеи Оуэна и создаст систему нового общественного строя.

Основной исторический труд О'Брайена — биография Максимилиана Робеспьера³⁴. В отличие от вигских историков, которые замалчивали революцию, опасаясь активности народа, и прославляли верушечные комбинации имущих классов, О'Брайен на первый план выдвигает роль народа в революции. О'Брайен видит в нем основную движущую силу исторического процесса, а во Французской революции — вполне закономерное явление. О'Брайен характеризовал Робеспьера как крупного политического деятеля, глубоко понимавшего происходящее и тесно связанного с народом. Он уделил большое внимание экономике Франции того времени, рисовал роль отдельных классов и их борьбу.

Книга О'Брайена не лишена серьезных слабостей. В своих взглядах на исторический процесс он был идеалистом. В революции он видел результат борьбы идей и недооценивал роль материального фактора. Так, в частности, он считал, что справедливое законодательство, если бы оно было принято перед революцией, могло бы изменить положение классов, уничтожить народную нищету. Причины неудач Французской революции О'Брайен видел в ошибках и измене ряда ее деятелей. Однако при всех недостатках работа О'Брайена является заметным достижением, особенно если принять во внимание общий уровень историографии того времени.

³⁴ *O'Brien J. B. The Life and Character of Maximilian Robespierre. L., 1837.*

Русская историческая мысль в дореформенный период. Проблема «Россия и Запад»

Россия вступила в XIX век в обстановке, когда перед страной стоял ряд кардинальных проблем, для решения которых ни ее экономическая база, ни политические институты не были подготовлены. По-прежнему самым острым вопросом являлась ликвидация крепостничества — главного тормоза развития страны. Это ясно понимали передовые представители русского общества. Так, в 1806 г. в Гёттингене будущий профессор Дерптского университета А. С. Кайсаров защищал диссертацию «О необходимости освобождения крестьян в России».

Но большинство помещиков не желало поступать ни чем. Царизм в лице нового императора Александра I, особенно в первые годы его правления, пытался лавировать, идти на отдельные уступки, проводить умеренные социально-политические реформы, которые в то же время сохраняли бы незыблемую власть самодержавия и позиции дворянства.

Так, в области просвещения была несколько смягчена цензура, затем разрешено (хотя и с ограничениями) создавать частные типографии, ввозить книги из-за границы и т. д.

Наряду с Московским университетом (открыт в 1755 г.) в 1804 г. были созданы университеты в Казани и Харькове. В Петербурге был открыт Главный педагогический институт, преобразованный в 1819 г. в университет. Вместе с университетами в Вильно и в Дерпте (открыты в 1579 и 1802 гг.) в России действовали уже 6 университетов. В это же время возник еще один тип учебных заведений, рассчитанный только на дворян, — лицеи, в которых объединялись курсы высшей и средней школы.

Усиление внимания к просвещению, развитие общественной мысли в известной мере под воздействием дальнейшего распространения западноевропейских философско-исторических идей как просветительского, так и романтического направления, рост общественного движения в стра-

не — все это определяло особое внимание российских авторов к сфере национального самопознания народа, их стремление разобраться в такой сложной и важной проблеме того времени, какой являлась проблема «Россия и Запад». Огромную роль в подъеме русского национального сознания и освободительной антикрепостнической борьбы сыграла Отечественная война 1812 г. Н. Г. Чернышевский писал: «Не русские журналы пробудили к жизни русскую нацию, ее пробудили славные опасности 1812 года»¹.

В то же время торжество дворянско-монархической реакции в Европе, последовавшее за разгромом Наполеона I и крушением созданной им империи, было использовано коалицией монархических, в основном феодально-абсолютистских, государств, для укрепления своих пошатнувшихся позиций. «... После 1815 г., — писал Ф. Энгельс, — во всех странах антиреволюционная партия держала в своих руках бразды правления. Феодальные аристократы правили во всех кабинетах от Лондона до Неаполя, от Лиссабона до С.-Петербурга»².

Надежды на перемены, на которые рассчитывали передовые представители русского дворянства, в первую очередь будущие декабристы — «дети 12-го года», так не сбылись, не говоря уже о чаяниях крестьян, мечтавших об освобождении от крепостных уз.

После кончины императора Александра I и с восшествием на российский престол его брата Николая I страна вступила во вторую четверть XIX столетия. Для этого времени были характерны дальнейшее развитие капиталистических отношений, усиление разложения крепостного хозяйства Российской империи. Существова-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М. 1939—1953. Т. 1—16; Т. 4. С. 765.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. С. 573—574.

шая при Николае I экономическая ситуация привела страну в состояние еще большей отсталости по сравнению с развитыми государствами Запада, что заставляло передовых людей России задумываться над настоящим и будущим страны. Николай I, напуганный выступлением декабристов в 1825 г. и нараставшим революционным движением на Западе (особенно в связи с революцией 1830 г.), стремился противопоставить «вреднейшим идеям» охранительные идеи, сформулированные графом С. С. Уваровым (с 1834 г. министром просвещения) и получившие наименование «теории официальной народности». Она гласила: «Истинно русские охранительные начала — православие, самодержавие и народность, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества». Эта формула на долгие годы определила идейную направленность николаевской политики в области науки и просвещения. Откровенно об этой программе высказывался сам Уваров: «Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что говорят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно»³.

Одной из центральных проблем, которая уже многие десятилетия привлекала внимание общественной мысли и молодой русской исторической науки, продолжала оставаться проблема «Россия и Запад», явившаяся той теоретической ареной, на которой скрестились «ученые клинки» различных по своим идейным взглядам представителей русской общественной и исторической мысли дореформенного периода.

Вторая четверть XIX в. — это время поляризации идейно-политической борьбы, формирования уже в достаточной степени монолитных течений в исторической мысли: дворянско-монархического, славянофильского, либерально-западнического и революционно-демократического.

Дворянско-монархическое направление. Выразителем дворянско-монархической исторической концепции выступил

крупнейший историк, писатель и публицист **Николай Михайлович Карамзин** (1766—1826). Получивший блестящее образование и находившийся под определенным влиянием рационалистической мысли XVIII в., Карамзин в 1789—1790 гг. предпринял поездку по ряду стран Западной Европы, где познакомился с видными учеными, общественными и религиозными деятелями. Итогом этой поездки явились путевые записки-воспоминания «Письма русского путешественника», опубликованные в «Московском журнале» в 1791—1792 гг.

Взгляды Карамзина с момента выхода в свет его работ раннего периода до сочинения «О древней и новой России» (1811) и особенно его главного труда «История государства Российского» претерпели определенную эволюцию. Известный налет либерализма еще чувствовался в «Письмах русского путешественника». Карамзин выражал надежду на мирное торжество разума и просвещения; в начальный период революции во Франции он рассчитывал на установление конституционных форм правления. По мере развития событий на первый план все более выступали опасения перед крайностями революции.

Карамзин резко осудил крутую ломку феодальных общественных порядков, выступил непримиримым врагом революции. Карамзин считал, что после казни королевской семьи анархия и «безначалие» охватили Францию; он в самых черных красках рисовал период господства якобинцев, пытаясь доказать, что революцию поддерживала «едва ли сотая часть нации». «Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция отверстый гроб для добродетели и — самого злодейства»⁴. Революционным преобразованиям Карамзин противопоставлял идеи исторической традиции и преемственности. «Всякие же насильственные потрясения, — писал он, — гибельны...»⁵

Окончательный ответ на понимание содержания Французской революции Карамзин дал в статье, написанной им в 1802 г.

³ Цит. по кн.: *Никитенко А. В.* Дневник в 3-х томах. М., 1955. Т. I. С. 174.

⁴ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. 1987. С. 226.

⁵ Там же. С. 227.

Н. М. Карамзин

для журнала «Вестник Европы». Историк писал: «Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая сотрясала основание многих держав и, разрушая, угрожала еще **большими** разрушениями, которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя свое и на все другие части мира и которая будет славна в летописях под страшным именем **войны революционной**. Особенным ее характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при ее начале? Она не только государства, но и самые души приводила в смятение»⁶.

Эти наблюдения над ходом Французской революции конца XVIII в. привели русского историка к заключению о вредности революции вообще, которое красной нитью проходит через все его позднейшие произведения, явив собой продолжение дворянской концепции, заложенной еще В. Н. Татищевым и М. М. Щербатовым с их откровенной антиреволюционной направленностью. И не случайно Карамзин видит заслуги Наполеона Бонапарта в том, что тот, будучи еще консулом («монархом-консулом», по определению Карамзина), разрушил мечту о равенстве и, «уничтожив вредную для Франции демократию, заслуживает признательности

французов и почтение всех людей, умеющих ценить чрезвычайные действия героизма и разума»⁷.

Исторические взгляды Карамзина получили наиболее полное выражение в его «Истории государства Российского» (1816—1829, Т. 1—12). Объясняя причины непреходящего значения «Истории» Карамзина, академик Д. С. Лихачев писал: «Свой труд Карамзин рассматривал прежде всего как литературный; он хотел создать занимательное чтение по русской истории. И именно таким видим его и мы. Но создавая *занимательное* чтение, он не поддавался безудержному полету фантазии, соблазну угодить неподготовленному читателю, не сочинял альковных историй и не снижал образы государственных деятелей до уровня обывательских интересов. Он был исследователем, стремящимся установить прежде всего всю правду, но рассказать эту историческую правду так, чтобы о ней было интересно читать»⁸.

Характеризуя различные стороны концепции Карамзина, важно отметить, что он не противопоставляет Россию и Запад друг другу, рассматривая оба эти ареала как единое общеевропейское целое. Карамзин вообще считает, что каждый народ представляет собой часть всего человечества и его история составляет определенный этап в истории человеческого общества, которому соответствует та или иная степень просвещения и нравственности. Карамзин писал: «Одно утешает меня — то, что с падением народов не упадет весь род человеческий; одни уступают свое место другим — и есть ли запустеет Европа, то в середине Африки или в Канаде процветут новые политические общества, процветут науки, искусства и художества»⁹. Но Карамзин — патриот, и поэтому писал: «Знаю, что нужно беспристрастие историка. Простите: я не всегда мог скрыть свою любовь к Отечеству. Но не обращал пороков в добродетели; не гово-

⁷ Вестник Европы. 1802. № 1. С. 78.

⁸ Лихачев Д. С. Предисловие к кн.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. М., 1988. С. 5.

⁹ Карамзин Н. М. Соч. СПб., 1848. Т. II. С. 433.

рил, что русские лучше французоз, немецов, но любил их более; один язык, одни обычаи, одна участь и проч.»¹⁰

Карамзин в «Истории государства Российского» поднимает Россию на щит не потому, что она противостоит Западу, а потому, что в русской истории якобы отсутствуют те революционные начала, которых не удалось избежать Западу. Он отрицал творческую активность народных масс. И отсюда главный тезис Карамзина — «самодержавие основало и воскресило Россию». А основа всему — мощная российская государственность.

Исторические взгляды декабристов. В первой половине XIX в. революционные события на Западе оказали сильное воздействие на растущее освободительное движение в России. Особое внимание было привлечено к событиям Великой французской революции.

В период Отечественной войны 1812 г. и освободительных походов русской армии в Европу передовая дворянская молодежь, непосредственно соприкоснувшись с прогрессивными идеями европейских стран и их народами, еще более стремилась к освобождению своего народа от крепостного права и самодержавного абсолютизма. Труды французских просветителей Вольтера и Руссо, Мабли и Рейналя, философские трактаты немецких ученых Шеллинга и Гегеля формировали воззрения будущих декабристов на исторический процесс, но радикальный характер их общественно-политических и исторических взглядов был обусловлен российской действительностью.

Наибольшее внимание декабристов привлекали борьба славянских народов Балкан против ига Османской Турции, национально-освободительные движения на юге Европы — в Греции и Италии, «военные революции», прокатившиеся на Пиренеях — в Испании и Португалии, стремление к независимости народов Латинской Америки. Характеризуя настроения своего времени, один из выдающихся деятелей декабризма П. И. Пестель писал: «Нынешний (век) ознаменовывается

революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же: от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставлял, так сказать, везде умы клокотать (*fait bouillir les esprits*). Вот причины, полагаю я, которые породили революционные мысли и правила и укоренили оные в умах»¹¹.

Но внимание декабристов не ограничивалось кругом событий лишь последних десятилетий. В истории народов они стремились определить те «пики», которые явились определенными рубежами в поступательном движении всего человечества. Многие декабристы начало новой эпохи в мировой истории связывали с эпохой Возрождения. Они неоднократно обращались к буржуазным революциям XVI—XVIII вв. — в Нидерландах, Англии, США, Франции. Особенно оживленные дискуссии между будущими декабристами разгорались вокруг сюжетов из Французской истории: о роли просветительства в подготовке Великой французской революции, событиях самой революции, ее ходе и результатах и т. д.

В объяснении исторического процесса идеологи декабризма продолжали традиции Радищева и опирались на социологические обобщения французских просветителей. Движущей силой общественного развития декабристы считали развитие идей разума, духовное совершенствование человечества. Они объявляли разумным все то, что не противоречит «человеческой природе», соответствует «естественным правам» человека, важнейшим среди которых они считали право на свободу.

Наиболее последовательные революционеры-декабристы — П. И. Пестель, М. С. Лунин, Н. И. Тургенев, К. Ф. Рылеев, М. А. Фонвизин — сделали ряд верных исторических наблюдений, отметили «ненависть одного класса и другого». Эти общественно-исторические взгляды де-

¹⁰ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 160.

¹¹ Восстание декабристов. Материалы. М., Л., 1927. Т. IV. С. 105.

кабристов во многом переключались с идеями корифеев французской исторической науки О. Тьерри и Ф. Гизо. Конечно, декабристы, подобно французским историкам, сужали понятие народа, а провозглашенные ими принципы не получили широкой разработки. Но немалое значение имел новый подход, выдвижение новой обширной сферы исторических исследований.

Исходные методологические позиции привели декабристов к совершенно иной, чем в концепции Карамзина, постановке исторических проблем в их литературно-исторических произведениях. На тезис Карамзина «История народов принадлежит государю» даже один из умеренных членов декабристского общества Никита Муравьев решительно возражал: «История принадлежит народам». Муравьев резко выступал и против апологии Карамзиным неограниченной власти монарха, ведущей к деспотизму. «Насильственные средства и безумны и гибельны», — утверждал он. Под этими словами Муравьева «подписался» и Н. И. Тургенев: «История народа принадлежит народу — и никому более! — но прибавлял: — Смешно дарить ею царей. Добрые цари никогда не отделяют себя от народа»¹².

Не раз обращались декабристы и к проблеме неравенства между людьми. Так, Н. И. Тургенев, весьма критически относившийся к современным ему буржуазным правовым порядкам на Западе, в своей книге «Опыт теории налогов» (1818) делал заключение, что «от неравного разделения податей между гражданами рождается ненависть одного класса к другому, отчего происходит и ненависть к самому правительству»¹³. Существенно важной чертой общего исторического мировоззрения декабристов являлось то, что они никогда не ставили вопроса о принципиально отличных путях развития России и Запада. Народ везде борется с угнетателями, с «аристократиями всякого рода»¹⁴.

Среди буржуазных революций нового времени привлекала Война за независимость в США. Они восторженно приветствовали победу революции, но в их суждениях чувствовались нотки идеализации американского общественного строя. «Записки Франклина», произведения Дж. Адамса, Т. Джефферсона, Д. Уордена, Д. Рамсея и других американских авторов, в которых ставилась проблема республиканской формы правления, различные аспекты разработки и принятия конституции США как важнейшего результата борьбы американского народа за независимость, широко обсуждались участниками декабристских кружков и нашли отражение в Конституции Никиты Муравьева. Лишь позднее, в ссылке, некоторые из декабристов более вдумчиво и критически стали оценивать социальный строй заатлантической республики. М. С. Лунин в своем письме, отправленном сестре 22 октября 1839 г. и озаглавленном «Рабы», писал: «Рабство, несовместимое с духом времени, поддерживается только невежеством и составляет источник явных противоречий, по мере того как народы успевают на поприще гражданственности. Прискорбный, но полезный пример этой истины представляют Американские Штаты, в которых рабство утверждено законом. Признав торжественно равенство людей перед законом как основное начало их конституции, они виселицею доказывают противное и приводят оттенки цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество. Отличая даже могилу негра, эти поборники равенства уничтожают ближнего и за пределами земной жизни»¹⁵.

Декабристы отмечали всемирное значение Великой французской революции. Под ее влиянием, делал вывод К. Ф. Рылеев (в плане задуманной им работы «Дух времени или судьбы рода человеческого»), началась великая «борьба народов с царями», возобладало «свободомыслие в политике»¹⁶. 1789 год стал, по словам

¹² Архив бр. Тургеневых. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1825 годы. Пг., 1921. Вып. 5. Т. III. С. 115.

¹³ Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. М., 1937. С. 21.

¹⁴ Из показаний декабристов... СПб., 1908. С. 11—15.

¹⁵ М. С. Лунин. Письма из Сибири. М., 1987. С. 19.

¹⁶ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М., 1934. С. 412.

А. В. Поджо, «осветительной и изгоняющей мрак молнией».

Вместе с тем в оценке Французской революции проявилась ограниченность дворянских революционеров. Сочувствуя революционному движению на Западе, в частности его «испанскому» — бескровному варианту, декабристы стремились избежать массовой, народной революции. Одобряя «Декларацию прав» 1789 г., поддерживая в общем жирондистов, большинство декабристов резко осуждали якобинскую диктатуру как «крайность» революции, выражение «своеволия» черни. Лишь немногие радикальные деятели тайного общества, такие, как П. И. Пестель, смогли подняться до заявления, что «Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности». Тем не менее, не принимая этих «крайностей», декабристы поддерживали многое из того, что революция несла народам. По существу, стремясь в ряде случаев осуществить ее идеалы, они в то же время отвергали ее методы.

Как отмечал В. И. Ленин, дворянские революционеры вслед за Радищевым приняли самое активное участие в той решительной битве, которая развернулась начиная с XVIII в. в Европе «...против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях (разрядка наша.— В. Д.)...»¹⁷.

Таким образом, антисамодержавные, антикрепостнические взгляды декабристов содержали элементы разработанного исторического подхода к событиям мировой истории. Декабристы пролагали путь для утверждения в будущем революционно-демократического направления русской исторической мысли.

Шаги в этом направлении сделали много лет спустя после 1825 г. некоторые из оставшихся в живых декабристов. Одним из них был М. А. Фонвизин. В письме из Тобольска И. Д. Якушкину, направленном 5 мая 1849 г., учитывая и более поздний исторический опыт революционного движения в Европе, он вполне четко обозначил основные общественные классы

с позиций, которые претерпели существенные изменения за время, истекшее после восстания декабристов. «Западная Европа,— писал он,— вступила теперь в период реакции — нельзя, однако, полагать, чтобы реакция имела целью восстановление монархического принципа: она скорее происходит из опасения срединного класса, то есть вообще владельцев за свои имущества, которым угрожают пролетарии, эта бедственная язва всех европейских государств... Во Франции тот класс, который произвел революцию 1789 года, находится теперь почти в том же положении, в котором была аристократия, им ниспроверженная»¹⁸.

Хотя далеко не все выводы Фонвизина в дальнейшем подтвердились, его обращение к новым социальным движениям заслуживает пристального внимания. «Обозрение проявлений политической жизни в России» (1853) Фонвизина — наиболее полное описание событий 1812—1815 гг. В работах «Обозрение истории философских систем» (1849), «О коммунизме и социализме»¹⁹, «О подражании русских европейцам» (1852) Фонвизин резко выступал против теории «официальной народности» и ставил вопрос об усвоении всего того, что способствует прогрессу. Движение к прогрессу он видел в признании справедливости социального равенства. Но, не приняв различные проекты преобразования общества, исходившие от западноевропейских социалистов-утопистов, Фонвизин противопоставлял им идею русской общины как единственно возможную и эффективную форму переустройства общества.

Н. А. Полевой. Разгром движения декабристов коснулся многих передовых людей России, тесно связанных как своей общественной деятельностью, так и своими родственными узами с Петербургом. В связи с этим центр освободительного движения переместился в древнюю столицу — Москву. Все большую роль стали играть литературные журналы. Помимо художественной литературы и поэзии значи-

¹⁸ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. I. С. 313—314.

¹⁹ Там же. 1982. Т. II. С. 277—297.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 43.

Н. А. Полевой

тельное место в них заняли философия, право, история. Одним из таких журналов, завоевавшим популярность у читателей, явился издаваемый почти в течение 10 лет (с 1825 по 1834 г.) «Московский телеграф», названный В. Г. Белинским «лучшим журналом в России». Редактором его стал **Николай Алексеевич Полевой** (1796—1846).

Выходец из купеческого сословия, не получивший систематического образования, он благодаря своей целеустремленности и жажде знаний достиг немалых научных высот. Полевой не был радикалом или последователем декабристов. Не покушался он и на основы самодержавного строя, однако внес существенный вклад в распространение передовых для того времени идей. Он четко придерживался мнения о единстве исторического процесса, общности всех населяющих землю народов и отвергал попытки изолировать русскую историю от всемирной. Так, в своем труде «История русского народа» Полевой писал: «Необходимость рассматривать события русские в связи с событиями других государств заставляла меня вносить в историю русского народа подробности, не прямо к России относящиеся... Дела из истории, греческой, польской, венгерской, монгольской, турецкой, шведской, истории Европы вообще, особенно XVIII-го и XIX-го века, поясняют нашу историю; рассказывая их, историк, как будто поднимает завесы, которыми отделяется позорище (обзор.— В. Д.) действий в России, и читатель видит перед собою перспективы всеобщей истории

народов, видит, как действия на Руси... были следствиями или причинами событий, в других странах совершившихся»²⁰.

Защищая идею единства всех народов, он писал: «Мы решительно утверждаем, что относительного, превышающего достоинства в истории одного государства или народа, против других — нет и быть не может... Греция, Рим, Франция, Персия, Монголия, Россия в глазах просвещенного наблюдателя суть равно важны и велики...»²¹ Свою концепцию, что Россия, следуя по европейскому пути, неизбежно придет к торжеству буржуазных правопорядков, Полевой обосновывал и отстаивал во многих своих работах.

В рецензии на 12 томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина он, отмечая выдающийся научный подвиг «первого русского историографа», одновременно писал, — что «период его (Карамзина.— В. Д.) кончился. Ныне стоит задача синтеза главнейших общественных и естественных наук. Надобно было соединить труды Шеллингов, Шлегелей, Кузенов, Шлецеров, Гердеров, Нибуров, узнать Классицизм и Романтизм... Политические науки, оценить надлежащим образом древних, вполне сведать требования новейших... дабы могли мы наконец понять, что есть История, как должно ее писать, и что удовлетворяет наш век»²².

В соответствии с этой задачей в «Московском телеграфе» была широко представлена западноевропейская историческая, философская и экономическая мысль в виде отрывков из произведений ученых, рецензий на их работы, заметок. Среди их авторов были французские — Ж. Сисмонди, Э. Кине, Ж. Мишле, Ф. Минье, Ф. Гизо; немецкие — Б. Нибур, Ф. Шлоссер, Ф. Савиньи, Ф. Шеллинг; английские — А. Смит, Д. Рикардо и многие другие.

Полевой критически рассмотрел и глубоко проанализировал несколько истори-

²⁰ Полевой Н. А. История русского народа. М., 1830. Т. 1. С. XIV.

²¹ Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 3. С. 446, 447.

²² Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. С. 481.

ческих и историко-философских исследований: «Рассуждение о всеобщей истории» Ж. Б. Боссюэ, первые тома «Оснований философии истории» Дж. Вико и «Идеи о философии истории человечества» И. Гердера. Размышления, навеянные этими книгами, были опубликованы им в работе «О всеобщей истории»²³.

Подытоживая свои мысли, Полевой писал: «История человечества должна была принадлежать позднейшим поколениям; и в самом деле, только семнадцатый век получил о ней первую идею, осьмнадцатый век произвел ее на свет, и может быть девятнадцатому предназначено возвысить ее до положительной науки». Хотя Полевой менее всего представлял, на чьи плечи падает этот труд, его слова оказались пророческими. Особенно высокую оценку Полевого заслужил Гердер, строй мыслей которого во многом был близок ему самому: «Основная идея Гердера состоит именно в том, что он хочет дать отчет обо всех элементах человечества, и обо всех временах, обо всех исторических эпохах»²⁴.

Давая оценку книги Боссюэ, Полевой упрекал автора за безоговорочное признание им примата религии во всех областях истории человечества. Полевой присоединялся к выводу Дж. Вико о том, что все народы независимо от расы и географических условий проходят одни и те же ступени развития. Но он прошел мимо центральной идеи в концепции итальянского мыслителя о движении истории по спирали и значении социальных условий как одного из важнейших факторов общественного развития.

Внимания заслуживает многотомный труд Полевого «История Наполеона»²⁵, хотя в значительной степени компилятивный, но содержащий ряд мыслей и оценок автора. Так, он, подробно рассматривая историю Франции XVIII в., останавливается на конкретных событиях революции, показывает ее военные успехи, однако

абсолютно не приемлет якобинцев и их политику. Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности — это «собрание палачей», Франция в тот период «...призывала на помощь все порядки, не страшилась злодеяний». «Царство Ужаса достигло в 1794 г. крайней степени» и т. д. И здесь явился Наполеон Бонапарт, ставший «исполнителем судеб провидения». «Мощной рукой смирил он силу преобразователей и подчинил их своей неукротимой воле»²⁶. Относясь в общем благожелательно к Наполеону, историк видит главную ошибку французского императора в том, что он занял неверную позицию по отношению к России.

По мнению Полевого, все, что сотрясало в течение многих лет Францию, было чуждо России. «Наше самобытное, отделенное от всех других европейцев образование,— делает он вывод,— освобождает нас от страстей и крамол старой Европы»²⁷.

С сочувствием писал Полевой о национально-освободительных движениях в странах разных континентов. Он восхвалял деятельность Вашингтона, Боливара, освещал ход Французской революции 1830 г. Правда, имея в виду возможность вмешательства цензуры и Третьего отделения, с чем «Московскому телеграфу» приходилось часто сталкиваться, Полевой сообщал, что он помещает все материалы «без всяких политических догадок и суждений». Но и это его не спасло. При активном участии Уварова журнал был закрыт. Попытки Полевого найти какой-либо выход из создавшегося положения и его вынужденный отход от прежних либеральных позиций ничего не дали. Хорошо это понял и сам Полевой. В одном из своих последних писем брату он горестно писал: «Замолчать вовремя — дело великое: мне надлежало замолчать в 1834 году».

М. П. Погодин и славянофилы. Серьезный удар по дворянско-монархической концепции Н. М. Карамзина был нанесен декабристами и Н. А. Полевым. Однако и в 30-е годы «История государства Рос-

²³ См.: Полевой Н. А. О всеобщей истории// Московский телеграф. 1830. Ч. 31. С. 46—71.

²⁴ Там же. С. 47, 62.

²⁵ См.: Полевой Н. История Наполеона. СПб., 1844—1848. Т. I—IV.

²⁶ Полевой Н. История Наполеона. Т. I. С. 82, 123, VI.

²⁷ Там же. С. VIII.

М. П. Погодин

сийского» оставалась еще достаточно прочной идейной «твердыней». К тому же написанная на обширном круге источников, живым и образным языком, «История» Карамзина благодаря своим художественным достоинствам пользовалась большим успехом читателей, хотя ее основные концептуальные установки устарели.

В этой ситуации родилась попытка обосновать теорию, или, точнее, реконструировать идею об особом пути развития России, его коренном различии от исторического пути, пройденного Западом. Эту задачу взял на себя историк и публицист **Михаил Петрович Погодин** (1800—1875). Так, в 1832 г., читая курс лекций в Московском университете, Погодин отвергал все, что ставило под сомнение авторитет России после ее победы над Наполеоном. Он говорил: «...освободив Европу от такого врага, низложив его с такой высоты... может ли чего-нибудь опасаться Россия? Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелает»²⁸. Вступая в должность профессора, Погодин, продолжая ту же мысль, заявлял, что Россия не разделяет судьбы единоплеменных славянских государств и «высится своею славою не только над ними, но и над всеми западными и азиатскими». Пытаясь аргументировать этот вывод, Погодин связывал тезис об «особом пу-

ти России» с норманнской теорией, «призванием варягов». Он охотно использовал концепцию французских историков периода Реставрации (Гизо, Тьерри, Минье и др.), которые обосновывали возникновение государства и классовую борьбу во Франции завоеванием галло-римлян германцами.

С этой теорией французских историков, которые боролись против попыток навязать стране феодальные «институты» старого режима, Погодин не собирался спорить. Более того, он считал, что поскольку история Запада прошла и через насилие (во время завоевания), и через неоднократные катаклизмы (в период революций), то и завоевания, и революции — явления для Западной Европы вполне естественные и закономерные. Иное дело — Россия. Ее история началась не с завоевания, а с «мирного» призвания варягов, положившего, как полагал Погодин, начало русской государственности, «единению царя с народом» и вместе с тем развитию общины, патриархальных отношений между крестьянами и помещиками. Поэтому России чужда классовая борьба и ей не угрожает революция. В статье «Параллель русской истории с историей западноевропейских государств относительно начал» Погодин писал: «Нет! Западу на Востоке быть нельзя, и солнце не может закатываться там, где оно восходит»²⁹.

Таково было содержание тезиса об исключительности развития России, который для дворянской историографии явился ее последней «охранительной» надеждой и последним якорем спасения.

Во многом близкой, но не во всем совпадавшей с теорией М. П. Погодина была славянофильская концепция исторического процесса, сформировавшаяся в 1839—1845 гг. Обе теории связывало то, что и та и другая отстаивали тезис о самобытности исторической судьбы России, что якобы гарантировало ей избавление от социальных революций. Славянофилы также считали, что по отношению к странам Западной Европы России предстояло исполнить особую роль.

²⁸ Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. Ч. 1. С. 3—4.

²⁹ Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. Разд. «Науки». С. 18.

Важной идейной питательной средой для славянофилов служила западноевропейская мысль, абсолютизовавшая принципы традиционализма и выступавшая против революционных преобразований. Ее выразителями были философ Шеллинг, один из теоретиков немецкого романтизма Шлегель, утверждавший примат «народного духа», идеологи «исторической школы права» Савиньи, Эйхгорн и др.

Теория славянофильства сложна, взгляды ее представителей отнюдь не однозначны, что признают исследователи этой проблемы. Так, в начале 40-х годов нашего столетия С. С. Дмитриев, специалист по истории славянофильства, писал: «Самым важным по своей объективной роли в истории русской общественной мысли (и) вместе с тем наиболее сложным из трех этапов является, конечно, первый. История идейной жизни 40-х — начала 50-х годов — прежде всего история (острых дискуссий.— В. Д.) западников и славянофилов»³⁰. Именно в эти годы славянофильство особенно чутко реагировало на ту ситуацию, в которой оказалась русская общественная мысль под давящим воздействием жандармской идеологии николаевского самодержавного владычества.

Один из идеологов славянофильства А. С. Хомяков утверждал, что логика истории произносит свой суровый приговор не над формами, а над всей духовной жизнью Западной Европы, и делал вывод, что именно она, история, «призывает Россию стать впереди всемирного просвещения; она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал»³¹. Отсюда и вера славянофилов в то, что окончательное решение проблемы общественной справедливости будет осуществлено только в России, а ни в какой другой европейской стране. Именно этим объяснялись

и поддержка славянофилами русской общины, их требования отмены крепостного права, причем освобождения крестьян с землей, свободы слова, гласности суда, осуждение теории «официальной народности» и т. д.

Посещение славянофилами Западной Европы (особенно после революции 1848 г.) привело их к мнению, что только в русской общине не существует питательных корней для борьбы между трудом и капиталом и это исключает необходимость решения социальных вопросов. Поэтому у славянофилов — К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, А. И. Кошелева, Ю. Ф. Самарина и др. — идеализация русской общины сочеталась с резкой критикой развития капиталистического Запада. Славянофилов привлекала не столько политическая история народов, сколько быт, нравы, характер труда.

Славянофилы многое сделали в постановке проблем славяноведения и истории изучения славян. Они установили тесные связи с выдающимися учеными-славистами, деятелями западных и южных славян — Шафариком, Ганкой, Палацким и др. Серьезные работы по истории западных и южных славян принадлежат О. М. Бодянскому, А. Ф. Гильфердингу. Но поскольку вопросы истории славянства трактовались славянофилами в соответствии с концепцией противопоставления славянского и западноевропейского миров, их общие выводы позднее были подвергнуты критике представителями революционно-демократического направления, прежде всего Н. Г. Чернышевским.

Просветительское течение в русской общественной мысли. Западники. В условиях тяжкого гнета николаевского режима 30-х — середины 50-х годов русская общественно-историческая мысль напряженно развивалась, ставя и пытаясь решить многие проблемы, которые возникали перед страной, пережившей глубокий перелом. Еще более возрос интерес к опыту, накопленному многими западноевропейскими странами, что способствовало дальнейшему усилению просветительских тенденций в русской передовой мысли второй четверти XIX в. В. И. Ленин под просветительством понимал «горячую вражду» к

³⁰ Дмитриев С. Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли XIX века)//Историк-марксист. 1941. № 1. С. 89. (Дмитриев наметил следующие этапы: I — 1839—1857 гг.; II — 1858—1864 гг. и III — 1865—1880 гг.)

³¹ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 1. М., 1911. С. 173.

крепостному праву и «всем его порождениям в экономической, социальной и политической» областях, защиту интересов народных масс, прежде всего крестьян, веру в то, что «отмена крепостного права и его остатков» принесет всеобщее благосостояние³². Своими истоками русское просветительство было связано и с нараставшим сопротивлением крестьянства крепостническому гнету.

Часть представителей русской общественно-политической мысли 40—50-х годов XIX в., выступавшая против теории «официальной народности», считала, что Россия в своем развитии должна идти по западноевропейскому пути. Это были так называемые западники, к их числу относились публицисты и литераторы — И. С. Тургенев, В. П. Боткин, П. В. Анненков; ученые-историки — Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин. Они вели жаркие идейные споры со славянофилами. В 40-е годы вместе с западниками выступали и будущие революционеры-демократы — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев. Споры между западниками и славянофилами нашли яркое отражение в «Былом и думах» А. И. Герцена.

Выступая с критикой крепостничества, западники считали, что в России необходимо создать условия для роста промышленности, транспорта, торговли. Но, стремясь установить более тесные связи между Россией и государствами Западной Европы, западники не избежали идеализации буржуазной демократии и буржуазных правопорядков. Идея же социализма и тем более ее осуществление путем революции были для западников абсолютно неприемлемы: они признавали лишь мирные формы деятельности и полагали, что прогресс возможен преимущественно через просвещение. Когда наметились конкретные предпосылки для проведения реформы — отмены в России крепостного права, появились и реальные перспективы для сближения западников и славянофилов, а впоследствии и фактического ухода западников с общественно-политической арены.

Революционно-демократическое течение. В. Г. Белинский. Иной путь прошли русские революционеры-демократы. Для представителей революционно-демократической тенденции в просветительстве — В. Г. Белинского, А. И. Герцена, петрашевцев — характерен интерес к народным движениям, к самым радикальным проявлениям революционного творчества на Западе.

В. И. Ленин отмечал, что, прежде чем обосновать революционную программу, выработать правильную теорию, революционной мысли России предстояло пройти период «...блужданий и шатаний, ошибок и разочарований... В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области»³³.

Сложный путь развития в своем мировоззрении прошел **Виссарион Григорьевич Белинский** (1811—1848). В начале 30-х годов просветительские взгляды Белинского складывались под идейным воздействием Радищева, декабристов, французских просветителей. В эти же годы сильное влияние на него оказала немецкая идеалистическая философия, особенно Ф. Шеллинг и Г. Гегель. С конца 30-х годов идеалистические взгляды Белинского приводят его на короткое время к «примирению с действительностью», но уже с начала 40-х годов он решительно порывает с этими настроениями и обращается к революционному демократизму, выступает за уничтожение самодержавно-крепостнического строя в России.

В основе подхода Белинского к истории лежит идея исторической закономерности революционного перехода от одной общественной системы к другой и необходимости демократической народной революции в России.

Существо исторической (революционно-демократической) концепции Белинского мы находим в его статьях, большин-

³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 519.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 7—8.

ство которых посвящено проблемам литературы. Но поскольку здесь он был ограничен рамками цензуры, то многие свои взгляды высказывал в письмах друзьям: А. И. Герцену, В. П. Боткину, Т. Н. Грановскому и др. И от писателей, и от историков Белинский требовал точной передачи особенностей рассматриваемого ими материала, необходимости улавливать «дух народов и эпохи». Эта позиция четко прослеживается у самого Белинского в использовании им трудов по всеобщей истории³⁴, научное изучение которой в России делало только первые шаги. Обстановка идейной борьбы требовала от Белинского самостоятельного решения многих важных проблем историко-философского характера, ясного определения задач, стоявших перед изучением истории, в частности всеобщей.

Так, в 1844 г. в рецензии на учебник профессора Петербургского Александровского лицея С. Н. Смарагдова по новой истории он писал: «Задача всеобщей истории — начертать картину развития, через которое человечество из дикого состояния перешло в то, в каком мы его видим теперь. Это необходимо предполагает живую связь между современным и древним, теряющимся во мраке времен,— словом, предполагает непрерывающуюся нить, которая проходит через все события и связывает их между собою, давая им характер чего-то цельного и единого... так что в них все последующее необходимо выходит из предыдущего, а все предыдущее служит источником последующего...»³⁵

Выделяя три периода в истории человечества, Белинский особо отмечал период новой истории и был согласен с теми историками, его предшественниками, которые считали, что новая история «...должна обнимать собою только время от конца XV века, или от открытия Америки до конца XVIII века, или до Французской революции, которая начинается собою новейшую историю, так же точно относя-

щуюся к новой, как новая к средней. Ибо деление истории на периоды основывается не на произволе автора, не на привычке, а на духе событий»³⁶.

Особое внимание Белинского привлекали события западноевропейской истории XVII — XVIII вв.— периода наиболее острых социальных антифеодальных выступлений. В атмосфере идейной борьбы, горячего обсуждения прошлого и настоящего России и сопоставления его с прошлым и настоящим Запада часть представителей либерально-буржуазной мысли восхваляла английские политические учреждения. Белинский в статье «Общее значение слова „литература“» (1842—1844) уловил своеобразие в расстановке социальных сил в Англии после революции XVII в. и отметил характерные черты консерватизма, сохранившиеся в общественных учреждениях Англии, которая, по его словам, «упорно держится феодальных форм и чтит букву закона, потерявшего смысл и давно замененного другим»³⁷.

Несмотря на то что в истолковании исторических событий Белинский нередко оставался на позициях идеализма, не понимал определяющей роли материального производства в развитии общества, он сумел объяснить революционность буржуазии как новой общественной силы, ее стремление сломить сопротивление сил феодализма и реакции. Отмечая прогрессивное значение Французской революции конца XVIII в., нанесшей удар по абсолютизму, В. Г. Белинский писал В. П. Боткину в сентябре 1841 г.: «В истории — мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т. п. Мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было! Знаю, что средние века — великая эпоха... но мне приятнее XVIII век — эпоха падения религии: в средние века жгли на кострах еретиков, вольнодумцев, колдунов; в XVIII — рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам бога, разума и человечности». Более ради-

³⁴ См.: Описание книг библиотеки В. Г. Белинского // Литературное наследство. М., 1948. Т. 55. В. Г. Белинский. С. 431—572.

³⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953—1959. Т. I — XIII; Т. XII. С. 78.

³⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. XII. С. 288.

³⁷ Там же. Т. V. С. 644.

А. И. Герцен

кальный характер социальных и политических требований французской буржуазии по сравнению с английской он выводил из того, что первая «не отделяла своих интересов от интересов народа»³⁸.

Для Белинского было очевидно, что плодами победы Французской революции XVIII в. воспользовалась буржуазия, но особенно разительна была историческая эволюция буржуазии в последующий период. В рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны» (1844) Белинский с сарказмом замечал, что после революции 1830 г. «представители нации» «повыползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всех честных людей и, загребая жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности. А народ, который в безумной ревности лил свою кровь... что же выиграл этот народ? — Увы! Тотчас же после июльских происшествий бедный народ с ужасом увидел, что его положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего»³⁹.

Все обращения Белинского к фактам и событиям из истории нового времени стран Запада свидетельствуют о том, что он понимал огромную роль народных масс в истории человечества, протестовал против эксплуатации господствующими классами неимущих. Отправившись в

1847 г. за границу, он с негодованием писал Боткину из Дрездена: «Только здесь я понял ужасное значение слов **пауперизм** и **пролетариат**... У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат... Страшно»⁴⁰.

В условиях николаевской реакции В. Г. Белинский — первый разночинец в общественном движении России, страстный борец против самодержавия, противник «буржуазии торжествующей», был последовательным революционером-демократом, выразителем нужд и чаяний народных. В. И. Ленин писал о Белинском, что он был «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении...»⁴¹.

Историческая концепция А. И. Герцена. Александр Иванович Герцен (1812—1870) вместе с В. Г. Белинским принял деятельное участие в разработке теоретических принципов революционно-демократической исторической концепции и многих конкретно-исторических проблем истории Запада. Еще студентом Московского университета он увлекался идеями Просвещения, а затем утопического социализма и испытал сильное воздействие революции 1830 г. во Франции и польского восстания 1831 г. Активно включившись в борьбу между западниками и славянофилами, Герцен, как и многие его соотечественники, непрестанно думал о грядущих путях развития России и Запада, сходстве и несовпадении их исторических судеб.

В 40-е годы Герцена занимают проблемы методологии и философии истории, он тщательно изучает труды Гегеля, усваивает его диалектический метод. При общей идеалистической схеме понимания исторического движения для него в то же время была характерна попытка с помощью этого метода и его критического осмысления объяснить последовательность и закономерность исторического процесса, обусловленность смены одной фазы общественного развития другой. Именно понимание исто-

³⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. XII. С. 70, 451.

³⁹ Там же. Т. VIII. С. 171.

⁴⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. XII. С. 383—384.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 94.

ризма, прогресса в развитии человеческого общества заставляют Герцена усиленно размышлять по поводу того, кем будет проложена дорога к социализму, обращать свои взоры к Западу, сыгравшему столь большую роль в формировании социалистических идей. В теоретических работах Герцена «Дилетантизм в науке» (1842—1843), «Письма об изучении природы» (1844) проявились сильные и слабые стороны его методологии.

События истории нового времени постоянно привлекали внимание Герцена, ибо они были наполнены фактами антифеодальной борьбы народных масс. На основании их изучения он обосновывал идею исторической закономерности революционных движений и неизбежности, необходимости коренных социально-экономических и политических преобразований в России. Отсюда столь частые экскурсии Герцена в область революционных выступлений французских трудящихся в годы Великой французской революции 1789—1794 гг., революций 1830 и 1848 гг., что нашло свое отражение в «Письмах из Франции и Италии» (1847—1850), в книгах «С того берега» (1850), «Былое и думы» (1852—1865) и многих других работах.

Наиболее радикальной западноевропейской революцией, убедительно показавшей, что против абсолютизма можно успешно бороться революционными методами, Герцен считал буржуазную революцию во Франции конца XVIII в. Ее преддверием в Европе, по его мысли, были Реформация и Английская революция XVII в. «Для того чтобы дойти до вселенского переворота конца XVIII столетия,— писал Герцен в своем Дневнике в 1843 г.,— надобно испытать частные эмансипационные перевороты. Реформация торжественно заключается Английской революцией»⁴². И хотя он не смог определить социальной природы якобинства, как и действительных причин силы и размаха Французской революции, связать ее ход с развитием истории Европы в целом, его попытка показать закономерность револю-

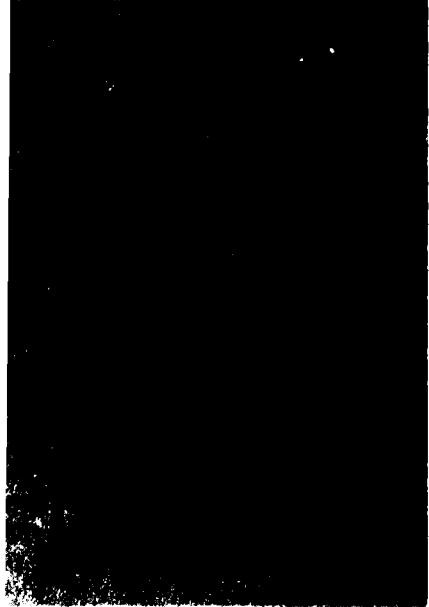
ционной борьбы и поступательный характер революции имела принципиальное значение для становления революционно-демократической мысли России.

Существенное влияние на формирование мировоззрения молодого Герцена оказало учение великого французского социалиста-утописта Сен-Симона. В его учении Герцен искал обоснование путей создания нового общества, важнейшей задачей которого являлось воспитание «нового человека». Герцену хорошо были знакомы труды и многих других утопических социалистов: Фурье, Консидерана, Л. Блана, Леру, Прудона, Вейтлинга. В отличие от идеологов домарксова социализма Герцен не сомневался в необходимости революционной борьбы за социалистические идеалы.

Еще до революции 1848 г. во Франции Герцен обличал буржуазное общество, на одном полюсе которого находятся «блузники», т. е. рабочие, а на другом — буржуа. Его точка зрения резко расходилась со взглядами историков периода Реставрации, которые стремились доказать единство «третьего сословия».

Правда, социалистические идеалы самого Герцена были далеки от научного социализма, что наложило отпечаток на его отношение к Французской революции 1848—1849 гг., непосредственным свидетелем которой он был. Не осознав поначалу ее буржуазного характера, Герцен считал, что она приблизит Европу к торжеству желанного будущего. Однако июньские дни 1848 г. заставили его переосмыслить свои взгляды и глубоко разочароваться в социалистических потенциях Запада. Его критика консервативной роли мелкой буржуазии, горячее сочувствие парижскому пролетариату убедительно свидетельствуют о том, что уже в эти годы Герцен начал преодолевать остатки мелкобуржуазных иллюзий. «Да, я плакал на июньских баррикадах, еще теплых от крови, и теперь плачу при воспоминании об этих проклятых днях, в которых каннибалы порядка восторжествовали,— писал Герцен в 1854 г.— Я буду очень счастлив, если мои писания могут служить для уяснения «патологии» революции, и цель моя будет совершенно достигнута, если я могу указать, как последние молнии

⁴² Герцен А. И. Собр. соч. М., 1954—1965. Т. I — XXX; Т. II. С. 291.

Т. Н. Грановский

революции сверкнули и отразились в русском понимании»⁴³.

Но, срывая маску с крупной буржуазии и обличая мелкобуржуазных демократов, Герцен не понял исторической роли пролетариата, хотя и был всей душой на его стороне. Этим и были вызваны его глубокий пессимизм в 1848—1849 гг., а затем пропаганда им теории «русского социализма» с ее иллюзорной верой в социалистическую природу крестьянской общины.

Все это привело Герцена к «духовной драме», о которой В. И. Ленин писал, что она «...была порождением и отражением всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»⁴⁴.

Дальнейшие наблюдения Герцена над событиями, свидетелем которых он был, еще больше убеждали его в несправедливости буржуазного общества, укрепляли революционно-демократические тенденции в его творчестве. Закономерно, что в его произведениях заграничного периода 50—60-х годов нашел отражение широкий круг ведущих проблем истории нового вре-

мени стран Европы и Америки. Среди них — национально-освободительное движение в Италии и Польше, объединение Германии, общественная жизнь Англии, политический строй в США и др.

Много внимания Герцен уделил характеристике современных ему исторических школ и течений. Так, рассматривая концепции французских либеральных историков периода Реставрации, он отмечал важное значение их вывода о роли классовой борьбы в жизни общества, но в то же время как революционный демократ он считал ошибочным их стремление доказать наличие единства у третьего сословия, критиковал их за отход после революции 1848 г. от прежних либеральных принципов. Не приемлет Герцен и увлечения этих историков эффектной внешней формой изложения материала, порой в ущерб глубине анализа исследуемых проблем.

Резкую оценку Герцена заслужил видный английский историк Т. Карлейль за проповедуемый им «культ героев», сожаление о канувших в Лету средневековых нравах и господстве «аристократии духа». Не прошел Герцен и мимо работ представителей французской (Ж. де Местр, Ф. Шатобриан) и немецкой (Г. Лео, Ф. Шлегель и др.) дворянской романтической историографии, выступавшей против теории прогресса и пытавшейся развенчать общественные теории эпохи Просвещения, противопоставляя им теократические догмы средневековья. Особо резкой критике Герцен подверг проповедуемую немецкими реакционными романтиками теорию «немецкой исключительности», которая, по его словам, сводилась к мании «классификаций и зоологических предпочтений рас».

Исторические идеи основоположников революционно-демократического течения в русской историографии В. Г. Белинского и А. И. Герцена получили свое дальнейшее развитие в творчестве Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

Либеральное течение в просветительстве. Представители либерально-реформистского течения в лице Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского и других внимательно анализировали умеренные направления европейских революционных движений в период средневеко-

⁴³ Герцен А. И. Собр. соч. Т. V. С. 224.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 256.

вья, в которых они искали возможный образец мирного перехода России на путь буржуазного развития.

Антикрепостническая направленность, хотя и с либеральной ограниченностью, была свойственна научной и педагогической деятельности замечательного русского историка, профессора Московского университета **Тимофея Николаевича Грановского** (1813—1855), одного из основателей русской школы медиевистики. С 1839 г. и до самой смерти он возглавлял кафедру всеобщей истории в Московском университете, глубоко разрабатывая исторические проблемы.

В начальный период научной деятельности, находясь под влиянием гегелевской философии, Грановский основной смысл всеобщей истории видел в «развитии духа рода человеческого». Но в отличие от знаменитого немецкого философа он рассматривал историю как самостоятельную науку, содержание которой «составляют факты, данные опытом, определенные обстоятельствами, ее форма не есть чисто отвлеченная мысль, но живое созерцание»⁴⁵. Динамика истории, по его словам, всегда «в борьбе развивающихся противоположений». Именно история, как полагал Грановский, позволяет проводить аналогию между прошлым и явлениями современной жизни и развивает «верное чувство действительности».

Грановский считал, что развитие науки, просвещения, моральное совершенствование народа определяют развитие человеческого общества по пути прогресса. Вместе с тем для него характерен интерес не только к духовной, но и к материальной сфере жизни человека, стремление раскрыть сущность социальных столкновений. Грановский подчеркивает важность смежных с историей наук, указывает на необходимость учета их достижений, что позволяло бы, по его мнению, сделать историю точной наукой.

Грановский обладал блестящим ораторским талантом, его публичные лекции собирали многочисленные аудитории и

стали важным явлением в общественной жизни страны; в них шла речь о закономерностях исторического прогресса, характере антифеодальных движений народных масс, следствием которых были Реформация и Великая французская революция.

Однако именно в оценке Великой французской революции либеральная умеренность Грановского обнаруживается весьма четко. Осуждая деятельность якобинцев, он склонен был возвеличивать жирондистов и их программу. Так, в письме В. Г. Белинскому начала 40-х годов он утверждал, что «Жиронда определила и указала на все процессы, о которых теперь размышляет Европа... Жиронда сошла в могилу чистая и святая, исполнив свое теоретическое назначение»⁴⁶. В письме он коснулся и своих разногласий с Белинским в оценке Робеспьера.

Революцию 1848 г. во Франции Грановский рассматривал как начало новейшей «социальной революции». «Буржуазия,— писал он Е. Б. Чичериной,— опять собирает силы, но угнетенные не спят. Они покрыли Париж баррикадами, и это было в полном смысле классовое восстание пролетариев...»⁴⁷ Эти взгляды Грановского подтверждает в своих воспоминаниях и А. А. Северцов, с которым историк близко соприкасался осенью и зимой 1848/49 года. Северцов писал: «Он (Грановский.— В. Д.) говорил мне, что отличительная черта новой истории есть стремление народных масс к полному и разумному участию в умственном и политическом движении, что как вторжение варваров сгубило древнюю цивилизацию, так сгубит нашу победа пролетариев, но что она неминуема, потому что на их стороне справедливость и более свежие нравственные силы»⁴⁸.

Великолепное знание источников и научной литературы, их всесторонний анализ позволили Грановскому широко

⁴⁶ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II. С. 440.

⁴⁷ Литературное наследство. М., 1933. Т. 7—8. С. 53.

⁴⁸ *Бакст Э. И.* Т. Н. Грановский в воспоминаниях А. А. Северцова // Тимофей Николаевич Грановский. М., 1970. С. 15.

⁴⁵ Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья (авторский конспект и записи слушателей). М., 1971. С. 42.

использовать в своих лекциях сравнительно-исторический метод, особенно при характеристике смены исторических эпох, когда новое рождалось в ожесточенных схватках со старым. И эти периоды привлекали самое пристальное внимание Грановского.

Научно-общественная деятельность Грановского заслужила самую высокую оценку представителей революционно-демократической мысли. Так, по словам Н. Г. Чернышевского, в лице Грановского необходимо признать «...не только ученого, имевшего огромное значение для Московского университета, русской литературы, русского просвещения вообще, признать в нем не только первого из немногочисленного круга ученых, занимающихся у нас всеобщей историей, но и одного из замечательнейших между современными европейскими учеными по обширно-

сти и современности знания, по широте и верности взгляда и по самобытности воззрения»⁴⁹.

Воздействие на Грановского революционно-демократических идей определило многие прогрессивные черты его исторической концепции⁵⁰. Однако в последние годы жизни либеральная тенденция в его творчестве стала усиливаться, что было отражением эволюции всего российского либерализма в связи с обострением классовой борьбы в стране накануне реформ 1861 г.

⁴⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. III. С. 363.

⁵⁰ См.: Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917) / Сост. Ю. Н. Емельянов. М., 1989. С. 696 (Указатель имен. Грановский).

Глава 5

Становление исторической науки в США. «Ранняя школа»

Победа буржуазной революции привела к образованию независимой республики США. Вместе с королевской властью пали и те элементы «старого порядка», которые сохранялись в колониях. Открывшиеся перед американским капитализмом перспективы развития были необычайно благоприятны. Перед ним лежали огромные нетронутые богатства целого материка. Французская Луизиана, испанская Флорида, английский Орегон, мексиканские Техас и Калифорния были присоединены к США. Индейцы не могли противостоять войскам и вооруженным поселенцам. К середине XIX в. американские колонисты достигли берегов Тихого океана. Европа выбрасывала в Новый Свет миллионы эмигрантов. В 1790 г. в Соединенных Штатах жило менее 4 млн. человек, а к 1860 г. население выросло до 31 млн. человек.

Период от Войны за независимость 1775—1783 гг. до Гражданской войны 1861—1865 гг. был временем поступательного развития американского капитализ-

ма, становления буржуазного общества. Развитие капитализма в США происходило неравномерно. В северо-восточной части страны развертывался промышленный переворот, формировались основные классы буржуазного общества. Новая Англия, где промышленная революция обнажила новые социальные противоречия, стала центром нравственно-философского течения трансцендентализма¹; Р. Эмерсон, Д. Торо, Н. Готорн в 30-х годах XIX в. с гуманистических позиций дали критику буржуазной цивилизации в США, превращавшей человека в «машину, добывающую деньги».

Однако, даже осуждая пороки современного общества, американские писатели-романтики не переставали верить в превосходство Нового Света над Старым:

¹ Трансцендентальный, т. е. находящийся за пределами опыта. Последователи этого учения противопоставляли чувственно познаваемой действительности «высший мир», познаваемый интуитивно.

если последнему еще предстояло сбросить оковы прошлого, то Америке, освободившейся от них в результате революции, был открыт путь в будущее. В значительной мере эта вера поддерживалась недостаточной выявленностью экономических и социальных противоречий, отличающих «зрелое» буржуазное общество, наличием «свободных» земель на бескрайних просторах Запада — иллюзорной базы фермерской утопии. И пока не завершился процесс колонизации страны, роста капитализма вширь, классовое деление общества в США не получило того жестко фиксированного характера, как в странах Европы. Маркс писал в начале 50-х годов, что в США «...классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в беспрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу...»².

Быстрое развитие капитализма, ставшее возможным в результате успешной Войны за независимость, формирование новых социальных противоречий определяли основные черты буржуазной идеологии. В конце XVIII в. в центре идейно-политической борьбы была полемика федералистов и антифедералистов. В первые десятилетия XIX в. важное место в США заняло широкое идейно-художественное течение романтизма. В его рамках сформировалось романтическое направление в историографии. Война за независимость являлась центральным событием американской истории, она и стала центральной темой работ историков романтического направления.

В то время как на севере страны шло бурное развитие капитализма, в южных штатах укреплялось и распространялось на новые территории рабство. Под влиянием промышленного переворота в Англии «король-хлопок» обрел силу. Плантаторы провозгласили рабовладение основой своей социальной системы и противопоставили его капиталистической системе. Назревал «неотвратимый конфликт» — Вторая буржуазная революция 1861—

1877 гг. Аболиционизм — общенациональное движение за отмену рабства — объединил усилия многих американцев. Он составил важную черту общественно-политической атмосферы 30—50-х годов XIX в. и получил выражение во всех областях общественной мысли, в том числе в историографии.

Историография Войны за независимость. Первые исторические сочинения, посвященные Войне за независимость, появились вскоре после ее окончания. Их авторами были активные участники революции. Исторические работы члена Контиентального конгресса Дж. Рамсея «История революции в Южной Каролине» (1785) и «История Американской революции» (1789), священника У. Гордона «История прогресса и установления независимости США» (1788) и другие еще дышат жаром революции, не слишком отличаясь по духу и форме от публицистики Войны за независимость.

Изгнанные из страны лоялисты — бывший губернатор Массачусетса Т. Хатчинсон, главный судья в Массачусетсе П. Оливер и др. — рисовали английское господство как «золотой век» колоний и сводили причины восстания патриотов к козням «поджигателей и узурпаторов», манипулировавших толпой «под фальшивым лозунгом свободы».

Историки революционного лагеря отвергали идеи историков-лоялистов. Они подчеркивали освободительный характер Войны за независимость, отстаивали республиканские идеалы, рисовали яркие патриотические картины борьбы против английских поработителей.

В ряде случаев работы, написанные по свежим следам событий, содержали и оригинальные документальные материалы. Так, Гордон вел интенсивную переписку со многими американцами, активными участниками событий войны, и брал интервью-воспоминания у ведущих военных и политических деятелей, а Дж. Мино, писавший о восстании Д. Шейса, приводил в своей книге прокламации участников фермерского движения, документы, взятые из местной печати. Нелегко выделить четкие методологические концепции у первых историков Войны за независимость, но очевидно, что провиденциалист-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 127.

ский подход занимал в них небольшое место.

Непосредственное влияние на интерпретацию важнейших сторон Войны за независимость оказало обострение противоречий в лагере патриотов после окончания войны, нашедшее выражение, в частности, в политической и идейной борьбе между федералистами и антифедералистами.

В работах историков федералистского направления (их было большинство) защищались многие освободительные идеи Американской революции, однако им давалась умеренная трактовка. Так, считая, что причиной Войны за независимость являлось деспотическое правление английского короля Георга III, историки-федералисты, как бы оправдывая его, писали, что стремление к господству и тирании — качество, всегда присущее человеческой природе. Они критически оценивали действия радикального крыла патриотов. Объектом особенно острой полемики между федералистами и антифедералистами стали первые послереволюционные годы истории США, когда выявились разногласия в вопросе о характере американских конституционных учреждений и по проблемам внутренней политики.

Работа Дж. Мино «История мятежа в Массачусетсе в 1786 г.» (1787) осуждала восстание Даниэля Шейса и, проникнутая страхом перед народным движением, подчеркивала необходимость сильного централизованного государства как барьера против своеволия «черни». Дж. Маршалл, в течение трех десятилетий занимавший пост председателя Верховного суда США, в своей исторической работе «Жизнь Джорджа Вашингтона» (1804—1807), охарактеризованной Т. Джефферсоном как «пятитомная клевета», с одобрением подчеркивал консервативные черты в деятельности Вашингтона. Последний том работы, посвященный послевоенному периоду, был особенно заострен против республиканцев — сторонников Джефферсона, которых автор рисовал анархистами.

В работах историков антифедералистского направления — М. Уоррен «История Американской революции» (1805) и М. Уимса «Жизнь и незабвенная деятель-

ность Джорджа Вашингтона» (1800) — с более демократических позиций освещались события Войны за независимость. Эти историки, соглашаясь с федералистами, отмечали, что причиной Войны за независимость являлась тирания английского короля, однако подчеркивали, что дело не в личных качествах Георга III, а в самом принципе монархии, так как тирания — неизбежный результат концентрации власти. Уоррен — страстная революционерка, отмечала заслуги левого крыла конгресса. Пастор Уимс рисовал Вашингтона близким антифедералистскому лагерю. Резко расходясь с федералистской историографией в оценке «критического периода» 1783—1787 гг., эти историки обращали внимание на рост аристократических тенденций в политической жизни США, защищали демократические свободы.

Источники. Публикация документов. В конце XVIII — начале XIX в. национальная американская историография делала лишь первые шаги. Кругозор историков был узок, ограничен, как правило, описанием лишь политических событий в рамках того или иного штата. Став после революции светской дисциплиной, история еще не вполне отделилась от литературы. Многие писатели, подобно Вашингтону Ирвингу, смотрели на свои исторические сочинения как на литературный труд, и исторические работы тех лет носят дидактический характер. Низкий уровень методики исторических исследований — также характерная черта историографии США. Так, например, Уимс в работе о Вашингтоне настолько свободно обращался с фактами, что изобретал целые эпизоды из жизни первого президента.

В своей работе американские историки сталкивались с большими трудностями. В стране не существовало хранилищ государственных документов, и официальные лица держали корреспонденцию у себя дома. Даже протоколы Континентального конгресса не были изданы, публиковались лишь отдельные выборочные правительственные документы, договоры. Поэтому работы первых американских историков Войны за независимость опирались прежде всего на сборники английских документов «Annual Register», где содержались воен-

ные и экономические материалы, парламентские отчеты и т. д., снабженные комментариями, которые отражали позиции вигов. Как показали позднейшие исследования американских историков, многие страницы исторических работ У. Гордона, Д. Рамсея и других являются заимствованиями из «Annual Register», воспроизводят (нередко без изменений) комментарии к событиям Войны за независимость из этого сборника. Еще сложнее обстояло дело с изучением истории колониального периода: значительная часть документов находилась в частных руках, другие — в государственных архивах Англии, Франции, Голландии, Испании, имевших прежде колониальные владения в Северной Америке.

Большая роль в собирании, сохранении и распространении документальных источников принадлежала местным историческим обществам. Старейшим из них является Массачусетское историческое общество, основанное в 1791 г. Дж. Белкнапом; оно опубликовало многие ценные документы по колониальной истории США. К 1860 г. в Соединенных Штатах существовали уже 111 исторических обществ, из которых около 90 издавали свои записки. В ведении исторических обществ оказались многие частные архивы, были сделаны копии с ряда документов, хранившихся в европейских архивах. В 1800 г. была создана Библиотека конгресса, куда с 1828 г. передаются копии федеральных законов, дебатов конгресса и других правительственных документов.

В первой половине XIX в. как историческими обществами, так и отдельными историками были предприняты обширные публикации источников. Исторические общества выступили с инициативой публикации документов колониальных ассамблей, ряда архивных документов из частных собраний. Значительное внимание было уделено публикации источников периода Войны за независимость. Наиболее известные из них: 12-томная «Дипломатическая корреспонденция Американской революции», опубликованная Дж. Спарксом, грандиозный проект публикации «Американских архивов», задуманный П. Форсом (издать удалось всего девять томов, охвативших 1774—1776 гг.). Были изданы

собрания речей, статей, писем лидеров Американской революции — Вашингтона, Джефферсона, Мэдисона и др. Указанные публикации выпускались в период, когда еще не были выработаны методы научной критики источников, в результате было допущено немало искажений. Так, Дж. Спаркс, издавая 12-томное собрание документов Вашингтона, чистосердечно полагал, что его дело исправить «ошибки пера», стилистические и грамматические погрешности президента. Неудивительно, что это издание изобилует купюрами, изменениями структуры и стиля документов.

Практические нужды государственной деятельности побудили федеральное правительство предпринять ряд публикаций источников, в первую очередь официальных документов федерального правительства. Важнейшей публикацией стали протоколы конгресса³, которые вместе с приложенными к ним официальными документами дают обширный материал по внутренней и внешней политике США. И поныне большой интерес представляет публикация «Государственные документы Америки»⁴, которые охватывают основные аспекты деятельности правительства США с 1789 г. до середины 1830-х годов. Она состоит из десяти серий: иностранные отношения, финансы, общественные земли, торговля и навигация, индейские дела и т. д.

При всех недостатках публикаций первой половины XIX в. они создали документальную основу для будущих исследований и способствовали распространению исторических знаний.

Романтизм. Историки «ранней школы». Господствующее положение в идейной жизни США первой половины XIX в. зани-

³ Debates and Proceedings in the Congress of the United States, 1789—1824. Wash., 1834—1856. V. 1—42. (Annals of Congress — Материал первоначально был заимствован из газетных отчетов и подвергался сокращению и переработке); Register of Debates in Congress, 1825—1837. Wash., 1825—1837. V. 1—29; Congressional Globe, 1833—1873. Wash., 1834—1873. V. 1—109; Congressional Record, 1873—... Wash., 1873—...

⁴ American State Papers: Documents, Legislative and Executive of the Congress of the United States. Wash., 1832—1861. V. 1—38.

мал романтизм. Он получил глубокое отражение во многих областях научного и художественного творчества — в философии, истории, литературе.

Американский романтизм отличался рядом особенностей от европейского в силу своеобразия исторических условий развития США. Если в Европе обращение к средневековью, воспевание руин замков и рыцарских нравов были связаны прежде всего с аристократической реакцией на Французскую революцию, то в Америке критика капитализма под лозунгом возвращения к колониальным порядкам была невозможна: в результате революции было создано независимое государство, молодая нация делала первые успешные шаги.

В американской историографии романтизм с самого начала получил либеральную окраску. Характерное для него обращение к прошлому, изучение национального характера преломилось в условиях США в поэтизацию борьбы за независимость, вызвало пристальное внимание к своеобразию национального развития страны. Со времени теологических утопий раннего колониального времени устойчивым элементом национального сознания стали представления об особой миссии Америки в создании идеального общественно-политического устройства, которые получили название «американской мечты». Война за независимость способствовала укреплению теории об «особой исторической миссии» Америки. Завоевание независимости принесло торжество принципов буржуазной свободы и демократии. В первой половине XIX в. США являлись единственной в мире крупной республикой. Здесь в течение длительного времени отсутствовала сильная бюрократическая машина.

Эти и другие особенности развития США, действительные завоевания американского народа в области демократии способствовали развитию иллюзий о коренном отличии политических учреждений США от европейских. Они стали неотъемлемой частью взглядов историков романтического направления. Сопоставляя теоретические положения просветителей и романтиков, следует отметить, что последние сделали шаг назад от светского и реалистического мировоззрения эпохи

Просвещения в сторону провиденциализма. Правда, они сохранили идею прогресса, но он виделся уже не в развитии знаний, а прежде всего в росте духовных морально-этических принципов. На романтическое направление в историографии США, центром которой был Гарвардский университет г. Бостона, оказали влияние культура и религиозные традиции Новой Англии. Романтическая историография принесла также новую манеру исторического изложения. Попытка «вчувствоваться» через исторические документы в описываемую эпоху, художественная живописная форма повествования расширили круг читателей исторических произведений.

Ведущим историком романтического направления и основателем так называемой ранней школы является **Джордж Бэнкрофт** (1800—1891). По окончании Гарвардского университета он завершил свое образование в Гёттингенском университете, где проучился еще 5 лет. По возвращении из Германии Бэнкрофт некоторое время преподавал в Гарварде и принимал активное участие в политической жизни. Вскоре он стал видным деятелем демократической партии, горячим приверженцем президента Джексона. В 1845—1846 гг. Бэнкрофт — морской министр, позднее посланник в Лондоне и Берлине, что открыло ему двери многих европейских архивов.

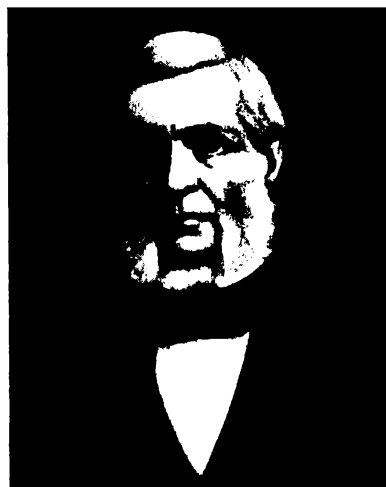
В 1834—1874 гг. был опубликован основной труд Бэнкрофта «История Соединенных Штатов»⁵, охвативший период от открытия Америки до окончания Войны за независимость. Методологической основой творчества Бэнкрофта являлся провиденциализм. Конечно, он не утверждал, подобно хронистам колониального времени, что каждое событие предопределено свыше, но считал, что общие линии развития определяются «божественным планом»⁶. В полном согласии с идеалистической философией XIX в. Бэнкрофт считал, что направление и характер истори-

⁵ Bancroft G. The History of the United States from the Discovery of American Continent. Boston, 1834—1874, V. I—X.

⁶ Ibid. V. II. P. 468; V. III. P. 265.

ческого процесса обнаруживают себя в виде «господствующих идей» и «принципов». Главные явления истории возникают как следствие борьбы идей, среди которых важнейшее место занимают религиозные. Представление об идеях как ведущей силе общественного развития сложилось у Бэнкрофта не без влияния немецких историков-романтиков, а также Л. Ранке; но его труд — прежде всего результат воздействия американских условий, развития американской либеральной идеологии. Недаром сторонник монархических принципов Ранке, одобрительно отозвавшись о труде Бэнкрофта, не мог принять его республиканизма: он не без раздражения отмечал, что «История Соединенных Штатов» написана с «демократической точки зрения»⁷.

Вслед за провиденциализмом другим краеугольным камнем концепции Бэнкрофта является тезис об американской исключительности. Красной нитью через всю работу Бэнкрофта проходят идеи избранности американского народа, который бог направил по более совершенному пути, чем другие народы⁸. Согласно Бэнкрофту, сочетание необыкновенно благоприятных природных условий Америки с моральными и религиозными принципами лучшей части европейских иммигрантов — поселенцев-пуритан — и привело к основанию нового общества. Колониальный период был временем роста сил, готовых бороться за осуществление демократических идеалов. «Дух свободы», живший с самого начала в колониях Новой Англии, распространился затем на все колонии, привел к созреванию нации и Войне за независимость. Бэнкрофт изобразил отделение колоний от Англии в романтическом ореоле, сумев во многом передать напряжение многолетней и часто неравной борьбы американского народа. Он был убежден в революционном характере Войны за независимость и высоко оценивал ее лидеров — Т. Джефферсона, Дж. Вашингтона, С. Адамса и др., называл героями революции американских «йоменов».

Д. Бэнкрофт

Бэнкрофт не ограничился противопоставлением республиканской Америки монархической Англии. Он поставил США во главе мирового прогресса, утверждая, что здесь осуществлены на практике идеалы свободы, демократии, «равенства прав человека». Намекая на не критическое отношение Бэнкрофта к американской действительности, английский историк Карлейль заметил, что «все вещи имеют свет и тень». Действительно, в палитре Бэнкрофта нет темных красок. Даже рабовладение он не принимал в расчет, считая его «небольшим пятнышком» на лучезарном небосклоне Американской республики.

Бэнкрофт ограничил свое исследование политическими, военными и дипломатическими аспектами истории США (это не мешало ему делать подчас весьма реалистические наблюдения, например о роли девственных земель в развитии колоний, или отмечать сковывавшее влияние английской меркантилистской системы на рост американского промышленного производства). Но он использовал больше источников, чем какой-либо другой американский историк до него, широко привлекал документы не только из американских, но и из английских и французских архивов. Бэнкрофт выступил как новатор в работе над источниками: он дал элементарную критику источников и сделал успешную попытку отделить ряд исторических фактов от легенд. Бэнкрофт одним из первых представил историю США не как разрозненное собрание историй отдельных

⁷ Цит. по кн.: Kraus M. The Writing of American History. Norman, 1953. P. 124.

⁸ См.: Bancroft G. Op. cit. V. IV. P. 15.

Ф. Паркмен

североамериканских колоний, а как широкое полотно развития всей американской нации, подчеркивая ведущую роль колоний Новой Англии. Современному читателю приподнятый, цветистый стиль Бэнкрофта может показаться напыщенным, но сто с лишним лет назад подобная манера изложения, характерная для романтизма, вполне соответствовала вкусам читателя и способствовала популярности работы. К 1879 г. первый том «Истории Соединенных Штатов» Бэнкрофта был переиздан 26 раз.

Работы **Фрэнсиса Паркмена** (1823—1893) — «Заговор Понтиака», «Франция и Англия в Северной Америке»⁹ и др. — посвящены войнам колонистов с индейцами и англо-французскому соперничеству за американский Запад. Обращение к этой тематике имело положительное значение для американской историографии, поскольку было распространено мнение о том, что история США, непосредственно не связанная с подготовкой Войны за независимость, мелка и тривиальна и не представляет интереса для историка. Паркмен хорошо знал американский Запад, по просторам которого не раз путешествовал. Он использовал материал местных архивов, познакомил читателей

с легендами и нравами жителей Запада. Красочный стиль Паркмена живо передавал местный колорит.

Хотя Паркмен отмечал, что его романтизм зажжен романами Фенимора Купера, но индейцы в изображении Паркмена далеко не соответствуют идиллическому представлению о них автора «Последнего из могикиан». Проведя ряд лет в племени сиу, Паркмен отзывался об индейцах как о жестоких дикарях. Нельзя не обратить внимание на общественное звучание работ Паркмена, вышедших в период усиления колонизации Запада, когда десятки индейских племен были уничтожены или согнаны со своих земель.

Если Бэнкрофт развивал тему «избранного» американского народа на материале Войны за независимость, то Паркмен старался иллюстрировать тезис о превосходстве английской цивилизации в битве за «лесной край». Победа в Северной Америке английской колонизации над французской, коренившаяся в материальных преимуществах капиталистического строя Англии над феодальным во Франции, истолковывалась им как торжество более совершенных политических идей, воплощенных в английской демократии. Говоря о победе английской цивилизации, Паркмен не избежал расистских аргументов о превосходстве «мужественных англосаксов» над «импульсивными французскими кельтами».

Хотя Паркмен продолжал писать вплоть до 80-х годов, по выдвинутым идеям и манере изложения его работы относятся к романтической школе.

К романтическому направлению принадлежали и видные бостонские историки **Джон Линтроп Мотли** (1814—1877) и **Уильям Хиклет Прескотт** (1796—1859). Они первыми в американской историографии вышли за рамки отечественной истории, обратившись к европейским и латиноамериканским сюжетам. Оба историка, и Дж. Мотли, и У. Прескотт, обладавшие незаурядным литературным талантом, обращали первостепенное внимание на психологический портрет исторических деятелей, их привлекали наиболее драматические события.

В работах «Возвышение Нидерландской республики» и «История Нидерланд-

⁹ *Parkman F. The Conspiracy of Pontiac. Boston, 1851; V. 1—2; idem. France and England in North America. Boston, 1865—1892. V. 1—9.*

дов»¹⁰ Мотли обратился к истории Нидерландской революции прежде всего потому, что видел в восстании голландцев против испанского господства начало борьбы против абсолютизма, которая затем была продолжена в Америке. Путь к установлению Нидерландской республики в его понимании был родствен рождению Американской республики, Соединенные провинции Нидерландов походили на Соединенные Штаты. Мотли находился под сильным влиянием Карлейля, провозгласившего культ героев, которые делают историю. Однако на американской почве эта схема получила республиканское звучание. «Я буду удовлетворен,— писал Мотли,— если после прочтения моей книги еще десятки людей будут ненавидеть деспотизм и любить гражданскую и религиозную свободу хотя бы немногим более, чем до этого». Герой Мотли — Вильгельм Оранский, вождь революции и олицетворение республиканских доблестей. Исследования Мотли не только блестяще литературно оформлены, но были основаны на весьма глубоком знании источников — плод многолетней работы в архивах Брюсселя, Гааги, Дрездена.

Прескотт, подобно Мотли, обратился к истории позднесредневековой Испании и испанским завоеваниям в Америке в надежде пролить новый свет на американскую историю: он был уверен, что она начинается не только с английских поселений Джеймстауна и Плимута, но многими нитями связана с европейской почвой. В первой работе по истории Испании Прескотт остановил свой выбор на времени царствования Изабеллы и Фердинанда. Эта тема привлекала внимание историка потому, что в эпоху слияния Кастилии и Арагона была открыта Америка и положено начало колонизации Нового Света.

Сочинение по истории Испании послужило прологом к основным исследованиям Прескотта «История завоевания Мексики»¹¹ и «История завоевания Перу»¹².

¹⁰ *Motley J.* The Rise of the Dutch Republic. N. Y., 1856. V. 1—3; *idem.* The History of the United Netherlands. N. Y., 1861—1868. V. 1—4.

¹¹ *Prescott W.* The History of the Conquest of Mexico. N. Y., 1943. V. 1—3.

¹² *Prescott W.* The History of the Conquest of Peru. N. Y., 1947. V. 1—2.

У. Прескотт

В середине XIX в. великие цивилизации доколумбовой Америки оставались малоисследованными, и нога археолога еще не ступала в Андах. Прескотт многое сделал, чтобы воссоздать панораму древнемексиканской цивилизации, дал зримое представление о государственном устройстве, системе религиозных представлений ацтеков, их материальной культуре, обычаях и нравах. Он переносил читателя в эпоху грандиозного катаклизма, столкновения двух культур, гибели древней цивилизации. Главной движущей силой покорения Мексики, по мысли Прескотта, был своевольный и жестокий, но рыцарственный дух конкисты, христианская Испания боролась против языческой Мексики, железный кавалер Кортес — против слабовольного тирана Монтесумы. Впрочем, хотя Прескотт и идеализировал конкистадоров, руководимых Кортесом, он отметил также героизм, проявленный народами Мексики и Перу в борьбе с захватчиками. В работе по истории Перу Прескотт лишил испанских завоевателей ореола рыцарственности, показав Писарро представителем банды конкистадоров-грабителей.

Деятельность Прескотта была научным подвигом. Он работал, будучи почти слеп. Тем не менее Прескотт, заказывая копии документов, использовал большое количество материалов из архивных хранилищ и библиотек Испании, Англии и Франции. По шесть — восемь часов в день он прослушивал чтеца, стремясь удержать в памяти важнейшие данные, составлял и хранил в уме текст предстоящих к написанию глав.

Открытие новой волнующей исторической темы, блестящее литературное изложение материала принесли Прескотту славу, а Бостон стал Меккой для историков-испанцев многих стран мира. Прескотт был очень популярен и в России. В 1844 г. в «Отечественных записках» печаталась его «История завоевания Мексики», а в 1886 г. «История завоевания Мексики» и «История завоевания Перу» вышли отдельными изданиями.

Идейная борьба по вопросу о рабстве и историография. По мере назревания Гражданской войны 1861—1865 гг. в стране обострялась борьба по вопросу о рабстве, охватывая все сферы общественной мысли. Poleмика шла по многим линиям и прибегала к аргументации различного характера.

Оправдание рабства было важной причиной возникновения американского расизма. Перед Гражданской войной Юг был наводнен расистской литературой. Доводы о превосходстве белой расы и «естественности» рабства развивали политики, социологи, священники. В 50-х годах была предпринята попытка использовать для оправдания рабства искаженные данные науки, прежде всего в области антропологии. Физические и психические особенности той или иной расы тенденциозно истолковывались, привлекались для доказательства неравенства рас. Так, профессор анатомии университета Луизианы Д. Нотт «доказывал», что если человеческие расы произошли от обезьян, то негры — от низшей породы. Другой ученый С. Картрайт утверждал, что негр потребляет меньше кислорода, чем белый.

Наиболее последовательно против расизма выступали аболиционисты: основатель Американского антирабовладельческого общества У. Гаррисон, выдающийся оратор и публицист беглый негр Ф. Дуглас и др. Защищая равенство всех людей, независимо от цвета кожи, они обращались к Декларации независимости, черпали аргументацию в гуманистической просветительской идеологии.

Важное место занимала конституционная полемика. Защитники рабства выдвигали концепции, согласно которым США были образованы не совместным выступлением народа Северной Америки,

а независимыми государствами-штатами, создавшими Союз. Поэтому отдельные штаты обладают обширными правами — от контроля над «особым институтом» рабства до права выхода из Союза. Особенно детальную аргументацию по этому вопросу развивал лидер плантаторской олигархии в конгрессе Дж. Кэлхун в трактате «Исследование о конституции и правительстве Соединенных Штатов». В противовес Кэлхуну трибун либеральной буржуазии Севера известный вигский деятель Д. Вебстер в работе «Комментарии к конституции» (1833) обосновывал взгляд на широкие права федерального правительства. По концепции Вебстера, конституция установлена народом США, а не является договором между независимыми штатами. Поэтому ни один из штатов не вправе расторгнуть Союз. При всей юридической логичности эти доводы имели коренной порок: они обходили вопрос о рабстве.

Предпринимались попытки оправдать рабство, апеллируя к его мнимому патерналистскому характеру, экономической эффективности, некоторые деятели старались представить его гарантом политической и социальной стабильности. Как буржуазия, так и рабовладельцы были владельцами собственности. Это обстоятельство пыталась использовать южная пропаганда в стремлении убедить буржуазию Севера, что рабство более надежно охраняет право собственности, чем капиталистическая система. Виргинский плантатор Дж. Фитцхью называл аболиционизм доктриной чартистов и европейских социалистов, а рабство — «альтернативой международному коммунизму». Наиболее убедительное опровержение доводов об экономическом процветании Юга было дано в книге «белого бедняка» из Южной Каролины Х. Хелпера «Неминуемый кризис Юга» (1857). Автор языком цифр нарисовал выразительную картину превосходства Севера и экономического и культурного упадка Юга. «Оставляя в стороне греховность и позор рабовладения, — писал он, — это самая расточительная и невыгодная система». В этом Хелпер видел симптомы «надвигающегося кризиса».

В ходе острого идейного противостояния по вопросу о рабстве борющиеся сто-

роны для подкрепления своих позиций нередко обращались к истории. Но при этом давались лишь разрозненные и фрагментарные зарисовки тех или иных исторических событий и проблем. В целом историография не была главным полем идейного столкновения. В немалой мере это объяснялось господством бостонской романтической школы, неспособной сыграть заметную роль в обострившейся идеологической борьбе двух лагерей. Недаром американский исследователь В. Паррингтон называет их «браминами» за аристократическую отрешенность, подчас равнодушные к неприглядным фактам американской действительности. В своих работах, славя послереволюционную Америку, они обошли вопрос о рабстве молчаливо. И даже позднее, когда разразилась Гражданская война, Бэнкрофт, Паркмен и Мотли откликнулись на нее лишь небольшими статьями в защиту единства Союза.

Наиболее крупным представителем антирабовладельческого направления в историографии являлся **Ричард Хилдрет** (1807—1865). Его художественная повесть «Раб, или записки Арчи Мура»¹³, опубликованная в 1836 г., быстро завоевала популярность на Севере США. Автор первым в американской литературе создал образ негра-бунтаря. «Будет ли Америка тем, чем мечтали сделать свою страну отцы-основатели,— подлинной демократией, основанной на утверждении прав человека? Или ей суждено выродиться в несчастную республику... возглавляемую кучкой рабовладельцев-линчевателей...?» — задавал вопрос Хилдрет. В 1840 г. вышел в свет памфлет Хилдрета «Деспотизм в Америке», представлявший собой полемику с книгой А. Токвиля «О демократии в Америке». Главной идеей памфлета была мысль о несовместимости рабства, деспотизма южной олигархии и демократии.

В 1849—1856 гг. Хилдрет опубликовал шеститомную «Историю США»¹⁴, охватывавшую период от открытия Америки до 1820 г. Смелым вызовом прозвучала критика Хилдретом признанных авторитетов

романтической школы, прежде всего Бэнкрофта. Осуждение рабства — лейтмотив всей «Истории США» Хилдрета. Он показал, что наличие рабства в колониях тормозило проведение революции 1775—1783 гг., подчеркнул несовместимость рабовладения с принципами Декларации независимости, провозгласившей равенство людей. В работе осуждалась политика уступок северян южным плантаторам в годы после Войны за независимость. Характерно, что работа Хилдрета заканчивается описанием Миссурийского компромисса 1820 г., когда антирабовладельческие силы на Севере впервые после Войны за независимость консолидировались, чтобы дать отпор притязаниям плантаторов. Хилдрет планировал в последующих томах своей истории уделить главное внимание борьбе против рабства.

Характеристика Хилдретом других проблем истории США также существенно отличалась от трактовки историками романтического направления. Он развенчивает колониальный период как время роста идей свободы. Хилдрет отходит от традиционного восхваления достоинств первых поселенцев-пуритан, не жалеет слов в критике суеверий теократии Новой Англии и резко осуждает роль Коттона Мезера в сейлемском «ведовском процессе» в 1692 г.

Хилдрет высоко оценивал значение Войны за независимость, но это не была апология. Он освобождает многих деятелей революции от ангельского ореола. Ряд его суждений родились как антитеза оценке историков «ранней школы». Хилдрет с симпатией относится к деятельности федералистов, и прежде всего Гамильтона. В немалой мере эта позиция Хилдрета обусловлена современной ему полемикой с защитниками рабства, которые, выступая с доктриной «суверенитета штатов», демагогически ссылались при этом на противника федералистов Джефферсона. Кстати, высоко оценивая демократические взгляды Джефферсона, Хилдрет порицал его как плантатора-рабовладельца.

Подобно историкам романтического направления, Хилдрет дал главным образом политическую историю США. Однако в ряде случаев он обратился и к экономической подоплеке партийной борьбы в

¹³ Хилдрет Р. Белый раб. М., Л., 1951. (Неоднократно переиздавалась на русском языке.)

¹⁴ Hildreth R. The History of the United States of America. N. Y., 1849—1856. V. 1—6.

США, отметил важную роль, которую сыграли в Войне за независимость «американские йомены» — фермеры Новой Англии, мужественно «сражавшиеся за свои фермы и домашние очаги». Еще больше роль материальных факторов в объяснении политических событий подчеркнута в теоретической работе Хилдрета «Теория политики» (1853).

Аболиционизм как буржуазно-демократическое движение был ограничен в критике социального неравенства. Ликвидация рабовладения казалась большинству аболиционистов преддверием установления в США социальной справедливости. Однако Хилдрет не разделял этих буржуазно-демократических иллюзий. Как отмечает американский исследователь Краус, Хилдрет одно время был близок к утопическому коммунизму оуэновского направления. Хилдрет писал: «Духовен-

ство, дворяне, короли, бюргеры — все сошли со сцены. Не настало ли время для господства народа — рабочих классов?»¹⁵

В аболиционистскую историографию внесла свою лепту и зарождавшаяся негритянская интеллигенция. В 1848 г. негр-аболиционист Г. Гарнет опубликовал историческое исследование «Прошлое, настоящее и судьба цветной расы». Вместе с лидером негритянского освободительного движения Дугласом он выступил против попытки расистов «вычеркнуть негров из семьи человечества».

Проблемы рабства, находившиеся в центре идейной полемики кануна Гражданской войны, стали главной темой историографии в ходе второй Американской революции.

¹⁵ Цит. по кн.: *Kraus M. Op. cit. P. 134—135.*

Глава 6

Формирование польской национальной историографии (конец XVIII — первая половина XIX века)

Польское Просвещение. Начавшийся процесс разложения феодально-крепостнических и развитие капиталистических отношений во второй половине XVIII в. явились важнейшей внутренней предпосылкой складывания польского Просвещения. На его формирование особенно значительное влияние оказали идеи французских просветителей.

Идеология Просвещения, при слабости городской буржуазии, нашла отклик прежде всего у передовой части шляхты, заинтересованной в ограничении своей власти магнатов и укреплении центрального государственного управления. Выступая за сохранение социально-экономических основ существующего строя при определенной их модификации, она заняла умеренные позиции и в трактовке просветительских идей. Однако даже скромные реформаторские требования части польской шляхты и нарождавшейся буржуазии встречали сопротивление консервативных

сил. Борьба между реформаторами и консерваторами осложнилась вмешательством Австрии, Пруссии и России, приведшим к трем разделам Польши (1772, 1793 и 1795 гг.) и ликвидации ее как самостоятельного государства.

Кризис польского государства обострил в шляхетско-буржуазных кругах интерес к прошлому, к поиску глубинных причин трагедии. Первый раздел Речи Посполитой вызвал волну политической литературы. По заказу правителей Австрии и Пруссии публицисты старались дать историческое обоснование этому разделу. Инициатором выступил габсбургский дом, захвативший в 1769 г. закарпатское владение По-льши — Спиш — и обосновавший этот захват тем, что эти земли в XIII в. в течение немногих лет были заняты венгерскими феодалами. Его примеру последовал прусский король Фридрих II, аргументировавший захват претензиями померанских князей на польские земли в XIII в. Против притязаний

государств-захватчиков выступили польские публицисты, близкие ко двору короля Станислава Августа. Началась литературная полемика, получившая название «войны исторических перьев».

Среди польских авторов на первый план выдвинулся **Феликс Лойко** (1717—1779). По поручению короля Лойко занялся изучением политико-правовых вопросов первого раздела. Его работы, преимущественно анонимные, выходили на нескольких языках и получили широкую известность в европейских странах. Отличительной чертой полемических трудов Лойко было критическое отношение к материалу, хорошее знание источников, позволявшее прибегать к их сравнению и анализу. В его работах читатель находил ссылки на многочисленные документы, логическую последовательность и обоснованность выводов. В 1773 г. он издал трактат «Известия о Галиче и Владимире», в котором доказывал, что венгерские короли никогда не владели землями Киевской Руси. Затем Лойко написал работу по истории поморских земель с древнейших времен до середины XVIII в. и показал процесс их захвата германскими феодалами.

В специфических условиях развития Польши в конце XVIII — начале XIX в. просветительские идеи быстро входили в арсенал нарастающего национально-освободительного движения. Причиной такой эволюции явилось складывание буржуазных отношений и формирование польской нации. Особенно заметно эти процессы протекали в Герцогстве Варшавском (1807—1815), а затем — Королевстве Польском, присоединенном в 1815 г. к Российской империи.

Распространению просветительских идей в Польше во многом способствовали труды и деятельность прогрессивных мыслителей Г. Коллонтая и С. Сташица. В своих публицистических сочинениях, написанных в 80—90-х годах XVIII в., они не только дали глубокую характеристику современной им Речи Посполитой, но и неоднократно обращались к прошлому, обосновывая программу реформ, направленных на ликвидацию крепостничества.

Гуго Коллонтай (1750—1812) окончил Краковский университет, служил каноником, принимал активное участие в полити-

ческой жизни, в частности в создании Конституции 1791 г., подготовке восстания под руководством Т. Костюшко. После подавления восстания он восемь лет провел в австрийской тюрьме, где написал свой историко-социологический труд «Критический разбор основ начальной истории рода человеческого»¹. Это было крупное исследование, в котором проводилась мысль о существовании законов в истории.

В своих трудах и научной переписке Коллонтай подчеркивал, что предметом изучения должна быть история «народной культуры» в широком смысле, т. е. весь комплекс жизнедеятельности человека — производство, обычаи, законодательство, наука, просвещение. Вместе с тем польский мыслитель оставался идеалистом во взглядах на человека, которого он рассматривал как неизменную биологическую сущность. Исходя из теории естественного права, он считал главным абстрактную свободу человека и стремился отыскать в прошлом причины социального неравенства людей, чтобы найти средства для возвращения их к первоначальной свободе.

Близко к Коллонтаю стоял **Станислав Сташиц** (1755—1826), в работах которого заметно стремление дать оценку общего хода исторического процесса². Будучи горячим сторонником реформ, Сташиц активно выступал против угнетения крестьян шляхтой, упадка городов и неразвитости торговли. В книге «Предупреждение Польше» (1790) он нарисовал картину эгоистической политики магнатов и шляхты, предложил программу реформ, призванных устранить неравенство сословий. Программа была демократической, но выполнение ее возлагалось на одну шляхту.

Свою концепцию общественного развития Сташиц изложил в поэтико-философском труде «Человеческий род», основанном на просветительских представлениях о сущности человека, природы и общества, которое должно прийти к счастливому

¹ *Kollqtaj H. Rozbiór krytyczny zasad historii o początku rodu ludzkiego. Kraków, 1842. T. 1—3.*

² *Staszic St. Pisma filozoficzne i społeczne. Kraków, 1954. T. 1.*

времени торжества знаний и разума. Развитие общества Сташиц рассматривал как объективное движение, протекающее в форме борьбы и социальных конфликтов. Прогрессивное развитие человечества это непрерывный процесс борьбы передового против угнетения, утвердившегося с появлением частной собственности, которая разделила людей на угнетателей и угнетенных.

А. Нарушевич и его последователи. Крупнейшим представителем шляхетско-буржуазной просветительской историографии являлся **Адам Нарушевич** (1733—1796) — преподаватель иезуитских коллегий Варшавы и Вильно, а позже официальный историограф польского короля Станислава Августа. По своим общественно-политическим взглядам Нарушевич принадлежал к лагерю умеренных реформаторов, сторонников конституционной монархии.

Главный свой труд Нарушевич назвал «Историей Польского народа»³. Он охватывал историю Польши с древнейших времен до 1386 г. и отличался широкой документальной базой, хронологической последовательностью в изложении событий. Через всю работу проходила идея сильной монархической власти, призванной обеспечивать равновесие между различными сословиями. Автор стремился убедить читателя в том, что сильное монархическое правление положительно влияет на благосостояние общества и мощь государства. Вину за ослабление и упадок польского государства он возлагал прежде всего на магнатов, обвиняя их в произволе, анархии, жадности. Это была история не польского народа, а польского государства и его правителей.

Нарушевич не избежал влияния «сарматизма» — консервативной теории, выводившей родословную шляхты от воинственных сарматских племен. Происхождение славян он также вел от сарматов, хотя и отбросил многие легенды о последних, не находившие подтверждения в источниках. Начало польской истории Нарушевич связывал с «гминовладством» — первобытной, общинной формой общественных

отношений у племен, населявших польские земли. Возникновение социального неравенства он связывал с распространением тогда «теорией завоевания», согласно которой славянские племена покорили местное население, превратили его в подневольное, а сами стали привилегированным сословием рыцарства — шляхты.

В отличие от французских просветителей, польский историк не выступал против социального неравенства, считая его обусловленным самой природой человека, поэтому само по себе не порождающего угнетения. Последнее происходит, по его мнению, в результате проявления таких человеческих качеств, как высокомерие, своеволие, жадность, которые пришли к славянам от германцев. Правда, в его труде содержались и сочувственные высказывания по отношению к крестьянам-труженикам и осуждение их угнетателей — богатых панов.

Высоко оценивая начальный период истории польского государства, Нарушевич видел причины его ослабления в переходе от польского права к германскому, которое оказалось более выгодным крупным землевладельцам и привело к ограничению власти короля. Однако вместе с ослаблением королевской власти нарушилось равновесие между сословиями, возросло угнетение одного сословия другим.

«История польского народа» и другие работы, написанные Нарушевичем, были проникнуты патриотическими чувствами. Колебания же и определенная непоследовательность его концепции были связаны с идеологией шляхетско-буржуазных кругов, к которым он принадлежал: в них отражалось стремление к некоторым буржуазным реформам при сохранении власти и влияния шляхты.

Крушение польской государственности, неудачи первых попыток восстановления независимости привели к усилению патриотических настроений, в первую очередь среди шляхты и шляхетской интеллигенции. В этих условиях особое значение приобрело обращение к прошлому, призванное пробудить национальное самосознание народа, вовлечь его в борьбу за независимость. Вместе с тем все отчетливее проявлялась тенденция идеализировать отдельные стороны минувшего, вос-

³ *Naruszewicz A. Historia narodu polskiego. Warszawa, 1780—1824. T. 1—7.*

славить исторические деяния шляхты, ее роль в развитии государства.

Ученики и последователи Нарушевича развивали его патриотические тенденции. Значительную роль в этом сыграло варшавское Общество друзей науки, объединившее польских ученых и литераторов, продолжателей идей Нарушевича. Одним из них был писатель, поэт и историк **Юлиан Немцевич** (1758—1841). Как и Нарушевич, он в своих художественных и исторических произведениях прославлял прошлое Польши и ее королей. В поэзии, прозе и трудах по истории Немцевич развивал идею особенного польского национального характера, наделенного положительными и отрицательными чертами. В 1816 г. он опубликовал книгу «Исторические песни»⁴, завоевавшую огромную популярность в XIX в.: за 100 лет она переиздавалась более 20 раз. В нее вошли 33 народные песни, поэтически обработанные и снабженные комментариями автора. Не очень заботясь о достоверности, Немцевич старался выделить героические страницы прошлого. Комментарии к последней части «Песен» он посвятил периоду упадка Польши, причину которого видел в усилении власти магнатов.

Немцевич написал также книгу «История правления Сигизмунда III» (1819), издал «Собрание документов древней Польши» (в 6 т.) и др. В соответствии с традициями Просвещения он оценивал XVIII век как период борьбы науки и просвещения со средневековой темнотой и отсталостью. Вслед за Нарушевичем он считал королевскую власть регулятором социальных отношений в государстве. Он не признавал «теории завоевания» и выводил социальное неравенство из «общественного договора», согласно которому одни люди должны производить продукты и изделия, а другие — защищать родину.

Среди представителей демократического крыла польского Просвещения выделялся экономист, юрист и историк **Вавжинец Суroveцкий** (1769—1827), последователь Сташица. Однако в своих трудах он пытался увязать критику недостатков устройства сословно-шляхет-

ской Речи Посполитой с идеализацией польского народа и считал, что своими достоинствами поляки превосходили окружающие их народы.

Пытаясь обосновать свои взгляды, Суroveцкий обратился к ранней истории славян. Свои изыскания он изложил в книге «Изучение генезиса славянских народов», где развивал идеи первобытного гминовладства как своеобразной, характерной только для славянских народов формы социального строя. Общество того периода он рисовал как почти идеальную форму взаимоотношений между различными «классами». Разложение гминовладства историк связывал с проникновением к славянам, в том числе и к полякам, «германского феодализма» с его привилегиями, неравенством, своеволием.

Новые тенденции, проявившиеся в сочинениях некоторых последователей Нарушевича, получили дальнейшее развитие в трудах историков-романтиков.

Польская историография в период подъема национально-освободительной борьбы 20—50-х годов XIX в. Отсутствие независимого государства, экономическая разобщенность польских земель, национальный гнет тормозили развитие капитализма и формирование польской нации. Остро стоявший национальный вопрос был тесно связан с социальным, с ликвидацией феодальных порядков. Своеобразие польского национально-освободительного движения в первой половине XIX в. состояло в том, что его гегемоном была шляхта, ограничивавшая цели и размах движения. В этом крылись главные причины поражения восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг. в Королевстве Польском, в 1846 г. — в Кракове, в 1848 г. — на Познанщине.

В польской идеологии и историографии этого времени произошли существенные сдвиги. Если до 20-х годов XIX в. в мировоззрении преобладали просветительские идеи, то на смену им в духовную жизнь общества пришли идеи романтизма. Романтизм, поднявший на щит веру в силу духовных начал и культ индивидуального, обостренное внимание к национальному своеобразию, оказался той идеологией, которая вполне соответствовала специфике польского освободительного движения.

⁴ *Niemcewicz J. U. Śpiewy historyczne.* Warszawa, 1816.

В начале XIX в. более благоприятные условия для развития науки и культуры сложились в Герцогстве Варшавском, а затем Королевстве Польском. Позднее, после поражения восстания 1830—1831 гг., центр польской научной и культурной жизни переместился в Галицию, находившуюся под властью Габсбургов. Культурными центрами Королевства Польского стали основанное в 1800 г. в Варшаве Общество друзей науки, созданный на Волыни в 1805 г. Кременецкий лицей, программа которого была приближена к университетской, а также Варшавский и Виленский университеты. Очагами науки и культуры являлись частные собрания и библиотеки магнатов Чарторыйских, Красиньских, Замойских. С 1841 г. стало выходить периодическое научное издание «Варшавская библиотека», публиковавшее и работы по истории.

На польских землях под властью Австрии сформировались два центра научной жизни: Краковский университет и действовавшее при нем с 1816 г. Краковское научное общество, а также музей и библиотека Оссолинских во Львове. Значительно позднее начали формироваться научные центры на польских землях под властью Пруссии. Здесь только в 1857 г. в Познани на частные пожертвования удалось создать Общество друзей науки и наладить выпуск периодических изданий. В результате крупной эмиграции после 1830 г. образовались польские научно-культурные очаги в Западной Европе: музей и библиотека в Рапперсвилле (Швейцария), историко-литературное общество в Париже и др.

И. Лелевель и романтическая историография. Основателем романтического направления в польской историографии был **Иоахим Лелевель (1786—1861)**. В отличие от других представителей романтической историографии концепция национальной истории Лелевеля опиралась на глубокое осмысление социальных проблем и путей их решения, симпатии к народным массам и веру в их революционные возможности, республиканские идеи. Все это придавало трудам ученого революционно-романтическую направленность и возвышало над общим уровнем романтической историографии.

Лелевель родился в Варшаве в дворянско-чиновничьей семье. Учился в Виленском университете, затем до 1824 г. был в нем профессором всеобщей истории. Его лекции, отличавшиеся смелостью мысли и выдвигавшие патриотические и демократические идеи, пользовались большим успехом у студентов. После раскрытия царскими властями тайных студенческих организаций в университете Лелевель был отстранен от преподавания и переселился в Варшаву.

Лелевель плодотворно занимался в Варшаве научной работой, в то же время он активно участвовал в национально-освободительном движении, избирался в сейм Королевства Польского.

Во время восстания 1830—1831 гг. Лелевель входил в состав повстанческого правительства, был избран председателем Патриотического клуба, возглавлявшего демократическую оппозицию консервативному руководству восстания.

После поражения восстания Лелевель эмигрировал во Францию, откуда вскоре был выслан в Брюссель, где прожил до конца жизни. Здесь он стал одним из вождей буржуазно-демократической польской эмиграции. В эти годы Лелевель активно выступал за освобождение польских крестьян с землей и предоставление им политических прав. В 1847 г. Лелевель вошел в международную Демократическую ассоциацию, созданную при участии К. Маркса и Ф. Энгельса, приветствовал выход в свет «Манифеста Коммунистической партии», поддерживал дружеские отношения с Марксом. Вожди мирового пролетариата ценили Лелевеля за патриотизм, веру в народные массы, демократическую позицию в крестьянском вопросе.

К. Маркс давал высокую оценку историческим исследованиям польского ученого. Он причислял Лелевеля к историкам, впервые обратившим внимание на проблемы социальной истории. «Своим тщательным исследованием экономических условий, превративших польского крестьянина из свободного в крепостного,— писал К. Маркс,— старик Лелевель сделал гораздо больше для выяснения причин поражения своей родины, нежели целый сонм писателей, весь багаж которых сво-

дится просто к ругательствам по адресу России»⁵.

Лелевель поддерживал тесные связи с многими прогрессивными русскими деятелями. А. И. Герцен, хорошо знавший польского ученого, часто ссылаясь на его труды; Л. Н. Толстой отзывался о нем как о «борце за свободу», а портрет Лелевеля висел у него в кабинете; М. А. Бакунин высоко ценил Лелевеля как ученого и общественного деятеля.

И. Лелевель поражал современников широтой кругозора, смелостью мысли, беспримерным трудолюбием. Его творческое наследие насчитывает десятки крупных трудов по истории Польши и других славянских народов, народов Индии, Скандинавии, античной истории, а также работы по вспомогательным дисциплинам: исторической географии, палеографии, нумизматике⁶. В истории каждого народа он стремился выявить «собственный национальный источник» развития, носителем которого считал народные массы. Под народом Лелевель понимал крестьянство и шляхту, считая, что их взаимоотношения составляют стержень польской истории.

Еще, начиная работу в Виленском университете, Лелевель большое внимание уделял методологическим вопросам истории. В работах «Историка», «Каким должен быть историк» и других он подчеркивал, что без знания прошлого невозможно понять современность. Ученый дал новое определение предмета истории как науки, полагая, что она должна изучать состояние человеческого рода, расцвет или упадок способов его труда, общественные отношения и связи, борьбу, которую ведут зависимые против правящих, правовое положение людей, т. е. все стороны деятельности человека.

Первым в польской историографии Лелевель разработал приемы оценки и критики источников. Он требовал проверять степень достоверности всех источников, так как многие из них тенденциозны. К историческим трудам ученый призывал

И. Лелевель

подходить критически, ибо многие из них не отражают реальности, а насыщены «фантастическими гипотезами». Задачей исторической науки Лелевель считал не просто описание действительного хода событий, а выявление отношений и связей, причин и следствий между ними.

Заслуга Лелевеля состоит также в том, что он сумел прийти к пониманию исторического процесса как борьбы классов. «Человечество,— писал он,— делится на две группы: одна из них активна в ущерб другой, которую она использует и эксплуатирует... Массу событий в славянских землях, которые до сих пор изображались в другом свете, легко объяснить борьбой господствующего класса с крестьянами»⁷.

Польский ученый дал конкретные рекомендации по методике исторического исследования. Он делил его на три части: историческую критику, «этиологику» (установление причин и следствий человеческих деяний) и историографию (описание).

Однако, несмотря на прогрессивные черты, исторические взгляды Лелевеля в целом оставались идеалистическими. Он считал, что исторический процесс зависит в своей основе от специфического «национального духа», неких «струй культуры» и других духовных явлений, подъем и упадок которых в конечном счете определяют судьбы народов. «Национальный дух» присутствует и проявляется во всех деяниях народа и обусловлен «антропо-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 435.

⁶ Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane przez I. Lelewela. Poznań, 1854—1868. Т. 1—20.

⁷ Polska, dzieje i rzeczy jej ... Т. 3. С. 31, 49.

логическими» и «политическими» (хозяйство, право, торговля и т. д.) факторами.

Историческая концепция Лелевеля легла в основу историографии романтизма. Она не имела ничего общего с реакционной романтической историографией и характерными для нее иррационализмом и теологизмом. Наоборот, исторические труды Лелевеля, опираясь на просветительский рационализм, рисовали картину общества в его развитии. Свойственный им историзм оказался весьма плодотворным для польской исторической мысли. Он выразился в восприятии исторического процесса как целого со свойственными ему определенными внутренними закономерностями, которые необходимо изучать в конкретных проявлениях и связях.

Выявляя и оценивая общие черты исторического развития, Лелевель вместе с тем всегда стремился определить особенные, специфические черты истории каждого народа, поиск которых составлял смысл и цель его методологических установок. Такой подход с особой силой проявлялся в работе над новым синтезом истории польского народа, которой он посвятил большинство своих трудов, в том числе написанные в эмиграции: «Возрождающаяся Польша» (1836), «Сравнение двух восстаний польского народа 1794 и 1830—1831 гг.» (1840), «Польша средних веков» (в 4 т.; 1846—1851), «История Польши» (в 2 т.; 1844), «Народы на славянских землях перед образованием Польши» (1853), «Заметки по истории Польши и ее народа» (1844) и др.

Стремясь выяснить составные части польского «национального духа», Лелевель обратился к генезису польского государства, связывая его с историей всех славянских народов. Он пришел к выводу, что в древности у славян существовали свобода, равенство, они не знали монархии, произвола, неравенства. Эти черты, а также мужество и миролюбие стали составными частями славянского, а затем и польского «национального духа». Общинный строй у славян и польское «гминовладство» Лелевель, как и другие романтики, идеализировал. Демократическое устройство славян впоследствии было нарушено проникновением «западной цивилизации». Такие ее формы, как

римское право, католическая церковь, феодализм, привели к выхолащиванию «национального духа». С этого времени в Польше происходила постоянная борьба двух стихий — чуждой монархическо-феодальной и славянско-республиканской, истинно польской. Все последующее развитие страны было отмечено постепенным усилением монархизма, аристократизма и фанатизма, которые и привели к ее упадку. Возрождение Польши Лелевель видел в возвращении к «национальным истокам», установлении отношений демократии и справедливости. Носителем «извечных идеалов» поляков ученый считал народ в лице мелкой шляхты и крестьянства.

Главную причину поражения польских национально-освободительных восстаний 1794 и 1830—1831 гг. он справедливо усматривал в том, что их руководители боялись народных масс и старались отстранить их от активного участия в борьбе. Причины ослабления Речи Посполитой Лелевель искал в ее социально-экономической и политической структурах, в неразрешенности крестьянского вопроса и в захватнической политике соседних государств.

В отличие от западной либерально-буржуазной историографии Лелевель не уделял внимания роли городов в истории, не понимал прогрессивной роли буржуазии на определенном этапе исторического развития, хотя его программа переустройства Польши объективно носила буржуазно-демократический характер. Во всех работах ученого прославлялся земледельческий облик Польши, являющийся якобы отличительной чертой «славянского национального духа».

Используемый Лелевелем подход к изучению прошлого позволил выявить некоторые существенные моменты формирования и борьбы классов, роль церкви и государства в укреплении власти феодалов. Ученому удалось также в целом верно определить причины, которые привели к упадку Польши. Он писал: «...умерла шляхетская Польша, Польша неволи привилегий, представленная только одним классом ее жителей. А та Польша, которая возродится, будет народной Польшей»

⁸ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956. Т. 2. С. 236.

В конкретных условиях Польши 20—50-х годов XIX в. концепция национальной истории Лелевеля служила делу демократии, разрешения аграрно-крестьянского вопроса, пробуждала национальное самосознание.

Не случайно труды Лелевеля оказали огромное влияние на многих польских революционеров.

Демократическая историческая концепция Лелевеля значительно отличалась от взглядов большинства историков-романтиков, которые, идеализируя древние общественные порядки славян, пытались перенести их на более поздние времена и реабилитировать шляхту. Они стремились пробуждать национальное самосознание поляков, но при этом обходили социальные проблемы.

Видным последователем Лелевеля в историографии считается **Енджей Морачевский** (1802—1855), историк, общественно-политический деятель, участник Познанского восстания 1848 г. Морачевский опубликовал обобщающий труд «История Речи Посполитой Польской». В нем он старался реабилитировать шляхетскую республику, изображая ее как проявление традиций народовластия. В отличие от Лелевеля, главную причину ослабления Польши Морачевский видел в моральном упадке шляхты.

Революционно-демократическое направление. В 40-х годах XIX в. начала складываться польская революционно-демократическая идеология, опиравшаяся на признание революционной роли народных масс.

Эта идеология оказала определенное влияние на формирование революционно-демократической историографии, представители которой развивали социальную сторону концепции Лелевеля.

Видным деятелем этого направления был **Эдвард Дембовский** (1822—1846) — участник и один из руководителей Краковского восстания 1846 г., на баррикадах которого он погиб. Несмотря на молодой возраст, Дембовский успел написать 46 работ, посвященных вопросам философии, истории и литературы. Его общественно-политические взгляды формировались под воздействием трудов французских материалистов XVIII в., а также видных

представителей утопического социализма⁹.

Историю Дембовский понимал как закономерный процесс общественного развития, в котором решающую роль играют народные массы. В прошлом он видел борьбу классов, неминуемо ведущую к революции и уничтожению эксплуатации. Вместе с тем он не смог понять глубинные социально-экономические причины, поднимавшие массы на борьбу, а сам прогресс понимал идеалистически: как развитие понятия свободы.

В работах «Замечания об источниках к историческим исследованиям», «Несколько мыслей о взгляде на развитие истории и общественной жизни поляков» Дембовский показал, что задачей исторической науки является изучение жизни крестьян, ремесленников, шляхты, а не королей. Историю Польши революционер представлял как историю борьбы крестьян против помещиков-шляхтичей. Он верно усматривал причины упадка родины в эгоистической политике помещиков и был далек от идеализации «шляхетской демократии». В течение всей своей недолгой жизни он боролся с распространенной в польских демократических кругах иллюзией о том, что якобы шляхетский патриотизм способен склонить имущие классы к отказу от своих классовых интересов. Шляхетскому эгоизму он противопоставлял глубокий патриотизм народных масс, на которые должно опереться польское национально-освободительное движение. В отличие от Лелевеля тезис об антагонизме между крестьянами и помещиками Дембовский развил до вывода о неизбежности антифеодальной революции.

Близко к Дембовскому стоял его соратник, видный революционер и мыслитель **Хенрик Каменьский** (1812—1865). Участник восстания 1830 г. и член польских патриотических организаций, он после эмиграции в 1852 г. из Польши перешел на либерально-буржуазные позиции. В своих ранних работах Каменьский выступал сторонником народного восстания, призванного открыть дорогу развитию буржуазных отношений. Социализм он рассматривал как далекую перспективу.

⁹ *Dembowski E.* Pisma. Kraków, 1955. Т. 1—5.

Свои взгляды на историю он изложил в трудах «Несколько слов о философии истории», «О жизненных правдах польского народа». В этих работах, оставаясь в целом на идеалистических позициях, Каменьский сформулировал ряд глубоких наблюдений об исторических знаниях, их взаимосвязи с соответствующей эпохой и с уровнем интеллектуального развития общества. Ученый высоко оценивал значение исторического опыта, а науку историю считал «провозвестницей основных истин человечества». Он призывал изучать историю народа, создателя основных материальных и духовных ценностей.

Монархическое направление. В первой половине XIX в. продолжали работать и эпигоны школы Нарушевича, развивавшие идеи сильной монархической власти. К ним принадлежал историк **Кароль Гоффман** (1798—1875). Он резко критиковал романтиков, умело находя слабые места в их концепциях. С либерально-буржуазных позиций он выступал против

идеализации прошлого, поисков особого «национального духа». В книге «История политических реформ в древней Польше»¹⁰ Гоффман развивал традиционные для школы Нарушевича взгляды на причины упадка страны: всевластие шляхты, бессилие монархов, слабость мещанства и городов. Применяя сравнительный метод, он находил общие черты в развитии и устройстве Польши и европейских стран в средние века. Его взгляды и оценки укладывались в шляхетско-буржуазную концепцию национальной истории, которая к середине XIX в. приобрела консервативные черты: враждебность революционным преобразованиям, антиреспубликанский характер. Однако некоторые критические замечания Гоффмана относительно романтической историографии были впоследствии взяты на вооружение позитивистскими историками.

¹⁰ *Hoffman K. Historia reform politycznych w dawnej Polsce. Lipsk, 1867.*

Раздел

3

**Возникновение марксизма.
Позитивизм
и историческая наука
во второй половине
XIX века**

Введение

С середины XIX в. в истории исторической науки начинается новый этап, исходным рубежом которого является значительный поворот в общественном познании — возникновение *марксистского учения* об обществе.

Выработка К. Марксом и Ф. Энгельсом нового мировоззрения, включавшего в себя прежде всего материалистическое понимание истории, не только имела важное значение для будущего исторической науки, но и была органической составной частью современных им историографических процессов. К открытию материалистического понимания истории они пришли не умозрительным путем: основные выводы их исторической теории являлись результатом тщательной проработки уже накопленных наукой данных о прошлом человечества и глубокого изучения буржуазного общества — наиболее высокой ступени, достигнутой к тому времени в ходе смены различных типов общественных отношений. На протяжении всей своей деятельности основоположники марксизма продолжали разрабатывать и защищать от нападок и искажений общие принципы исторического материализма, совершенствовать открытый ими метод исследования истории в конкретном применении к различным эпохам, явлениям и событиям.

Вторая половина XIX в. — сложный и отмеченный существенными типологическими различиями период в историческом развитии стран Европы и Америки. В зависимости от особенностей этого развития разными являются и проблемы, на которых сосредоточено преимущественное

внимание общественной мысли, публицистики и собственно исторической науки в рассматриваемых странах.

В Западной Европе и США к началу 70-х годов заканчивается эпоха буржуазных революций. Ее последними крупными событиями стали революции 1848—1849 гг. в ряде европейских стран, национально-объединительные процессы в Германии и Италии, Гражданская война и Реконструкция в США. В решении исторических задач буржуазного общественного переустройства на данном этапе возрастает роль «революций сверху»: опыт революций 1848—1849 гг. усилил в среде европейской буржуазии страх перед активными массовыми действиями и тяготение к компромиссу с консервативными силами. Но так или иначе в передовых странах к началу 70-х годов заканчивается восхождение буржуазии к политической власти, оформляется или упрочивается парламентско-конституционный строй. Буржуазное общество консолидировалось, хотя Парижская Коммуна 1871 г. есть первый предвестник таких революций, которые созревают уже на его почве и будут совершены рабочим классом против буржуазии.

В этих условиях претерпевает существенную эволюцию западноевропейский буржуазный либерализм. Оставаясь прогрессивным по отношению к консерватизму, он в то же время приобретает антиреволюционную направленность. Эта тенденция прослеживается и в сфере общественной мысли и историографии. Наиболее отчетливо она видна во Франции — стране с особенно богатой революционными потрясениями историей.

Школа либеральных французских историков, создавшая в период Реставрации буржуазную теорию классовой борьбы, после революции 1848—1849 гг. отказалась от нее, провозгласив (устаами Ф. Гизо) гибельность революционного духа и спасительность компромиссов типа «славной революции» 1688 г. в Англии, а затем и вообще практически прекратила свою деятельность. Упрочение в 70-е годы республиканского строя во Франции способствовало значительному оживлению интереса либеральной историографии к Великой французской революции, наследницей которой официально считалась Третья республика. Но она почти не занималась французскими революциями XIX в., в которых проявлялась нарастающая активность пролетариата: история этих революций наглядно свидетельствовала, что Франция отнюдь не случайно пережила в 1871 г. такое событие, как Парижская Коммуна.

На протяжении последней трети XIX в. наблюдается значительное по сравнению с предшествующим периодом ускорение экономического развития тех стран, где уже победили капиталистические отношения, причем более «молодые» из них (США, Германия) опережают более «старые» (Англия, Франция). Из свободной конкуренции начинают возникать монополии, особенно в более быстро развивающихся странах. Буржуазному обществу того времени свойственны острые социальные антагонизмы. Вокруг социальных проблем и способов их решения завязываются новые узлы идейной борьбы. Невиданного ранее размаха достигает борьба ведущих стран за колонии и сферы влияния, что находит отражение в формировании экспансионистской, направленной на оправдание колониальных захватов идеологии. Во внутривнутриполитической жизни этих стран новым явлением становится образование самостоятельных рабочих партий.

В отличие от стран с наиболее развитым капитализмом Центральная и Юго-Восточная Европа во второй половине XIX в. является ареной далеко не законченных национально-освободительных движений. Лишь к концу 70-х годов обретают самостоятельность Сербия, Болгария,

Румыния, но под чужеземным гнетом по-прежнему остаются все западные и значительная часть южных славян. Славянские и балканские народы — при всем различии конкретных исторических ситуаций, в которых они находятся, — переживают в это время важный этап своего становления как наций и развития национального самосознания. В их прошлом историки и общественные деятели ищут прежде всего опоры в обосновании национальных чаяний. С другой стороны, исторический опыт более передовых стран, где уже обнажились противоречия капиталистического общества, побуждает идеологов радикального крыла национальных движений к размышлениям об известных преимуществах запоздалого развития и о возможности для их стран избежать бедствий капитализма. Становление профессиональной исторической науки в этом регионе раньше всего происходит в польских и чешских землях.

Россия второй половины XIX в. резко отличается от стран Западной Европы и США политическим строем самодержавной монархии, но после отмены крепостного права включается в общий процесс развития капитализма. В российском обществе, обремененном тяжелыми и медленно отмиравшими пережитками крепостничества, капитализм утверждается форсированным темпом по сравнению с Западом, где его вызревание было длительным, органическим процессом. Все это придает новое содержание проблеме общего и особенного в историческом развитии России и Запада, давно поднятой различными течениями общественной мысли. Она не только активно обсуждается на публицистическом уровне, но и постоянно присутствует как фон в профессиональных исследованиях русских ученых по истории западноевропейских стран в новое время.

Для стран Латинской Америки (за исключением Кубы) во второй половине XIX в. борьба за политическую независимость есть уже пройденный этап, но все они в своем развитии сталкиваются с острейшими социальными проблемами — как унаследованными от колониального периода, так и возникшими в результате вовлечения этого региона в систему мирохозяй-

ственных связей капитализма. История становится здесь отраслью профессионального научного знания лишь к концу столетия. Общественная мысль обращена прежде всего к таким вопросам, как соотношение отсталости и прогресса на пути буржуазного развития, национального освобождения и социальных преобразований и т. д.

Во второй половине XIX в. в историографию (особенно таких стран, как Англия, Франция, США, Италия, Россия) широко проникают идеи *позитивизма*. Основы позитивистской философии были заложены еще в 30—40-е годы О. Контом. Но именно в рассматриваемый период позитивизм, получающий дальнейшее развитие в трудах Г. Спенсера, становится наиболее влиятельным течением буржуазной философской мысли.

Позитивистская философия возникла и развивалась на фоне бурного прогресса естественных наук и испытала на себе его воздействие. Одной из основополагающих ее идей стала возведенная в универсальный принцип идея эволюции, которой проложило путь открытие эволюционных процессов в природе Ч. Лайеллем (постепенность изменений земной коры) и Ч. Дарвином (эволюция биологических видов как результат естественного отбора). Позитивизм являл собой попытку противопоставить выстроенным умозрительно философским концепциям такое понимание мира, которое основывалось бы на положительных (позитивных) научных данных и охватывало бы как природу, так и общество.

Именно в русле позитивизма возникла новая специальная отрасль общественного познания — социология. Ее родоначальником, как и зачинателем философской традиции позитивизма, был О. Конт. Он мыслил социологию, которую первоначально именовал «социальной физикой», как одну из теоретических наук, изучающих фундаментальные законы определенной категории явлений, наравне с такими науками, как астрономия, химия, физика, биология.

Позитивистская социологическая теория исходила из представления о том, что развитие общества подчинено немногим вечным и неизменным «естественным

законам». Согласно О. Конту, это законы либо «существования», либо «последовательности» определенных явлений, составляющие предмет соответственно «социальной статистики» и «социальной динамики». Г. Спенсер понимал «естественные законы» общественного развития в духе своих идей о принципиальном сходстве человеческого общества с биологическим организмом и об универсальном характере закона эволюции. Найти действующие в истории «естественные законы» значило, по мысли теоретиков позитивизма, дать рациональную, упорядоченную картину исторического процесса.

Под «естественными законами» истории позитивисты имели в виду закономерности того типа, которые исследует статистика, т. е. проявляющиеся в больших совокупностях массовых явлений. Открытие подобных же закономерностей в природе было еще одним завоеванием естественнонаучной мысли, современным становлению позитивистской социологии и повлиявшим на нее (само понятие статистической закономерности возникло в физике, где его ввел Дж. Максвелл).

Стремясь, в соответствии со своим пониманием «естественных законов», выявить в историческом развитии то, что долговременно, устойчиво, постоянно, позитивистская социология совершенно не интересовалась единичным, конкретным, своеобразным в истории. Все это она оставляла на долю исторической науки, роль которой сводила к накоплению эмпирического материала, собиранию фактов. Сама же она выстраивала лишь абстрактную схему истории, «историю без имен людей и даже без имен народов», как трактовал «социальную динамику» О. Конт¹.

Позитивизм в философии претендовал на преодоление «односторонности» и материализма, и идеализма. Этой философской позиции соответствовало представление об истории как результате взаимодействия множества «факторов». В ранг, таких «факторов» возводились различные аспек-

¹ У Конта эта схема была трехчленной. Он выделял в истории периоды древности и средневековья, с 1300 по 1800 г. и после 1800 г., основываясь на представлении о трех последовательных стадиях в развитии человеческого разума — теологической, метафизической и позитивной.

ты социальной действительности (экономика, право, мораль, религия и т. д.), которые рассматривались в качестве неких самостоятельных сил. Не отдавая в теории предпочтения какому-либо из них как решающему, позитивистская социология на практике неизменно склонялась к объяснению истории через сознание людей (не индивидуальное, а массовое), оставаясь тем самым на почве идеализма.

Хотя в позитивизме была заложена тенденция к противопоставлению истории и социологии и к принижению роли исторической науки как таковой, его философские и социологические идеи оказали во второй половине XIX в. сильное воздействие на развитие исторической науки. Но оно было неоднозначным по своим результатам.

Позитивизм расшатывал ранее устоявшиеся в сфере понимания истории умозрительные концепции, подрывал позиции провиденциализма и других откровенно идеалистических истолкований исторического процесса, стимулировал поиски новых источников, их публикацию, разработку методики их анализа, способствовал развитию вспомогательных исторических дисциплин. На позитивистской идейно-методологической основе в конце XIX в. были созданы надолго вошедшие в научный арсенал специальные труды по источниковедению Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса во Франции, Э. Бернгейма — в Германии. Под влиянием позитивизма расширился диапазон исторических исследований, стала разрабатываться социально-экономическая история, так как согласно позитивистской теории «факторов» исторического развития одним из них (хотя и вполне равнозначным в ряду других) считались явления и процессы, относящиеся к материальной жизни общества.

В определенном смысле позитивизм помогал утвердиться представлению об объективной закономерности, присущей историческому развитию, и о прогрессивном, поступательном движении истории. Но при этом позитивистское понимание общественного развития было ограниченным, чисто эволюционистским, исключало возможность качественных революционных скачков. Так, О. Коит считал (прямо ссылаясь при этом на пример деятелей

Французской революции), что стремиться к революционным изменениям в обществе — значит нарушать законы истории, идти против них. Признание закономерности в истории исчерпывалось у позитивистов представлением о всеобщих социологических законах, не оставлявшим места для обобщений на каком-либо ином уровне (такие обобщения объявлялись «метафизикой», а не положительным знанием). Поэтому позитивистская историография чем дальше, тем больше уходила от широких, имевших кардинальное значение проблем и направляла свои усилия лишь на поиск и детальное описание фактов.

Таким образом, влияние позитивизма на историографию второй половины XIX в. шло в разных направлениях — и положительном, и отрицательном. Предпосылки к тому коренились в самом существовании его теоретических принципов. Но позитивизм еще и по-разному вписывался в культурно-исторический фон отдельных стран, выполнял неодинаковую роль в их духовной жизни вообще и национальной историографии в частности. Так, в России именно на позитивистской основе сложилась историческая школа, обратившаяся в условиях пореформенного периода к изучению аграрных проблем предреволюционной Франции и давшая признанные классическими труды в этой области. В Италии и других странах с сильным влиянием католической церкви в позитивизме нашли опору антиклерикальные тенденции.

Теоретически позитивистская историография декларировала принцип беспристрастности научного исследования. За историком отрицалось право вносить в изучение прошлого элемент оценки с позиций своего времени, от него требовалось полностью «отключить» свои политические убеждения (подобно естествоиспытателю, для которого участие в политической жизни лежит за порогом его лаборатории). Но практика приходила в противоречие с этими установками. Во Франции крупнейший представитель позитивистской историографии И. Тэн проявил в изображении Великой французской революции открытую приверженность реакционным взглядам, к которым он пришел после Парижской Коммуны. В США позитивистские идеи Г. Спенсера были восприняты

историками так называемой англосаксонской школы (Дж. Фиске и др.), которые использовали их в обосновании теории «американской исключительности» и экспансионизма. В общем же плане философии позитивизма в наибольшей степени соответствовала на политическом уровне идеология либерализма, и теснее всего с ним были связаны либеральные течения историографии и общественной мысли.

При всей значительности влияния позитивизма на историографию последних десятилетий XIX столетия оно вовсе не было безраздельным даже в тех странах, где ощущалось наиболее сильно. Позитивизму противостояла (особенно в Германии) историографическая традиция, восходящая к идеям Ранке. Но и эта так называемая немецкая школа, разрабатывавшая — в отличие от позитивистов — главным образом политическую историю, выступала как поборник научности исторического знания и важное место уделяла совершенствованию методов исследования, критике источников и т. д. В развитие источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин внесли заметный вклад принадлежавшие к этой школе И. Г. Дройзен, австрийские историки Ю. Фиккер и Т. Зиккель.

Вторая половина XIX в. ознаменована значительным прогрессом в организации исторических исследований, публикации документов, преподавании истории. На это время приходится основание множества исторических журналов — в том числе таких, которые в своих странах надолго становятся ведущими, а иные из них продолжают выходить и поныне. Местные исторические общества объединяются в общенациональные ассоциации (Германия, США) или под эгидой вновь созданных научных центров типа Итальянского исторического института. Они играют важную роль в деле выявления и публикации локальных источников. Продолжаются ранее начатые большие серийные публикации документов (такие, как «*Monumenta Germaniae Historica*») и предпринимаются новые, например, снискавшие высокий научный авторитет издания руководимого Т. Зиккелем Австрийского института исторических исследований, главным образом по истории средневековья. Из специализиро-

ванных центров изучения новой истории следует назвать основанное в 1888 г. и существовавшее до конца Третьей республики Общество истории Французской революции, а среди его изданий — начатые в ознаменование 100-летнего юбилея революции многочисленные публикации протоколов Якобинского клуба и актов Комитета общественного спасения.

Закладываются основы специального исторического образования в университетах. Впереди других стран в этом отношении идет Германия. В то время как в Англии первый университетский систематический курс по истории начинают читать в 70-е годы, а в США первая историческая кафедра создается в 1881 г., в германских университетах уже с начала 60-х годов существует специализация по различным отраслям исторических знаний. Именно в Германии впервые возникли университетские семинары по истории, в которых важнейшее место уделялось освоению приемов работы с источниками; во второй половине XIX в. этот опыт воспринимается в университетах США, Англии, России. Университетскими учеными-историками ведутся и значительные научные исследования. Некоторые университеты (прежде всего опять-таки немецкие) осуществляют публикации документов, имеют собственные периодические издания типа «ученых записок» и т. д.

Между историками отдельных стран складываются определенные научные связи. Часть из них получила образование и профессиональную подготовку в зарубежных университетах. Американские историки в то время нередко проходят обучение в Германии. Из России едут учиться историческому исследованию в университеты различных европейских стран, в русских университетах начинают свой путь в науку славянские историки. Научные контакты развиваются и посредством поездок с целью изучения на месте архивных первоисточников. Исследование аграрного строя Франции накануне революции конца XVIII в. ведется историками так называемой русской школы (Н. И. Кареевым, И. В. Луцицким, М. М. Ковалевским) по документам, извлекаемым из французских архивов. Русские слависты осваивают архивы Австро-Венгрии, Ита-

лии (В. И. Ламанский), иные из них по долгу живут в странах, историей которых занимаются, и активно способствуют становлению национальной историографии этих стран (П. А. Ровинский в Черногории).

Развитие исторической периодики помогает взаимному ознакомлению ученых с результатами исследований, ускоряет и облегчает циркуляцию идей в научной среде — и не только в пределах собственной страны. Историографические процессы в различных странах протекают в определенном взаимодействии, хотя в решающей мере обусловлены национальной спецификой.

Дискуссии в академической среде по крупным историческим проблемам стали зачастую приобретать международный характер. Примером может служить дискуссия, развернувшаяся в 80-е годы вокруг происхождения европейского феодализма. В ней участвовали прежде всего французские и немецкие историки, для которых после франко-прусской войны и образования Германской империи обрел новую актуальность насчитывавший уже вековую давность спор о роли германского завоевания и галло-римских институтов в становлении средневекового сословного строя во Франции. Но она привлекла внимание и в Англии, и особенно в США, где доводы «германистов» были подхвачены для обоснования превосходства англосаксонских политических институтов.

То, что эта дискуссия имела разные в различных странах политические призывы, не лишало ее, однако, собственно научного содержания. Само ее возникновение было связано и с поступательным развитием исторической науки. Обсуждение проблемы генезиса феодализма опиралось в последние десятилетия XIX в. на новый уровень знаний об общинной организации и истории ее разложения у различных европейских народов, достигнутый особенно благодаря трудам Г. Л. Маурера в Германии и М. М. Ковалевского в России.

К концу XIX в. в среде профессиональных историков начинает проявляться неудовлетворенность наличным теоретико-методологическим арсеналом, предпринимаются поиски новых, более эффективных подходов к изучению прошлого. Наиболее

примечательна в этой связи сделанная К. Лампрехтом в Германии попытка представить историю как закономерный процесс, этапы которого могут быть выделены с помощью метода «культурно-исторического синтеза», предполагающего комплексное изучение социально-экономических отношений и явлений культуры. Практически это означало, что исторические эпохи Лампрехт различал по характерному для каждой из них складу общественной психологии. Его социально-психологическая интерпретация истории была встречена в штыки приверженцами старого идеализма в духе Ранке, неправоммерно усмотревшими в ней материалистическое содержание. В действительности же она не только не выходила из идеалистических рамок, но была прямо противопоставлена самим Лампрехтом материалистическому пониманию истории, которое он объявил «односторонним», марксистскому взгляду на исторический процесс как на смену социально-экономических формаций.

На исходе XIX в. представители влиятельных историографических течений все чаще вступают в прямую конфронтацию с марксизмом или же пытаются заимствовать и включить в свои построения отдельные его элементы. Это — своеобразное мерило научного авторитета, завоеванного к тому времени марксистской исторической концепцией. Марксистские идеи уже стали проникать в сферу исторического познания. В национальной историографии ряда стран зародилось марксистское направление, представленное по преимуществу работами активных участников социалистического движения. Труды П. Лафарга (Франция), А. Лабриолы (Италия), Г. В. Плеханова (Россия) внесли важный вклад не только в пропаганду, защиту и дальнейшую теоретическую разработку марксистского учения об обществе, но и в освещение с марксистских позиций проблем конкретной истории, в том числе нового времени. Один из главных итогов развития историографии за истекшие полстолетия как раз и заключался в том, что открытое Марксом и Энгельсом принципиально новое понимание истории начало реально и все более эффективно соединяться с практикой ее изучения.

Материалистическое понимание истории. Исторические взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса¹

Предпосылки возникновения марксизма. Важнейшим историческим событием первой половины XIX в. было вступление на арену общественной борьбы новой силы — пролетариата, который все отчетливее выделялся из общей массы трудящегося люда и выдвигал собственные экономические и политические требования. В Англии, Франции и Германии классовая борьба между пролетариатом и буржуазией становилась все более ожесточенной, отражая глубокие противоречия капитализма.

Как и каждый класс, вступающий на арену общественной жизни и политической борьбы, пролетариат нуждался в осмыслении своей собственной природы и места в структуре общества, научном обосновании своей роли в историческом процессе. Ответы на эти объективные проблемы, поставленные самой жизнью, дали

Карл Маркс (1818—1883) и Фридрих Энгельс (1820—1895).

С конца XVIII в. революционные потрясения и стремительные перемены в судьбах стран и народов приковывали внимание общественной мысли к задаче объяснения исторических событий, к необходимости постигнуть их движущие причины. Направления исследований и борьба мнений в историографии первых десятилетий XIX в. фактически определялись этими вопросами, которые сводились в конце концов к проблеме закономерности исторического процесса. Идея закономерности прокладывала путь прежде всего классовая борьба внутри развивавшегося капиталистического общества — борьба буржуазии и ее идеологов против феодализма и дворянской реакции и в еще большей степени классовая борьба пролетариата и трудящихся масс против самой буржуазии.

Однако осмысление на новом уровне проблем закономерностей исторического развития требовало существенных изменений в сферах философии и политической экономии. Сами эти области человеческих знаний к моменту возникновения марксизма выдвинули ряд кардинальных проблем, проявившихся прежде всего в осмыслении общественных отношений, их природы, взаимосвязей и законов развития.

С самого начала марксизм создавался и развивался в единстве всех своих составных частей, причем научный поиск его основоположников был в первую очередь направлен на выяснение закономерностей исторического развития общества.

Возникновение нового понимания истории было подготовлено развитием наук о природе и обществе.

Большие успехи естествознания в XVIII и первой половине XIX в. утверждали идею закономерности развития природы и тем самым настойчиво выдвигали мысль

¹ Публикуемая глава была написана видным советским историком Н. Е. Застенкером, специалистом в области истории социалистической мысли вообще, истории марксизма в частности, в 1966 г. В то время это была новаторская работа, обобщавшая немного, что было сделано в этой области, и основанная на глубоком анализе всего, что давало новое, 2-е издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Естественно, с тех пор появилось немало исследований как фундаментального характера (Карл Маркс. Биография. 3-е изд. М., 1989; Фридрих Энгельс. Биография. 2-е изд. М., 1977; Маркс — историк. К 150-летию со дня рождения Карла Маркса. М., 1968; Энгельс — теоретик. М., 1970; Гольман Л. И. Энгельс — историк. М., 1983; Марксизм и Парижская Коммуна. М., 1973; и др.), так и отдельных статей по тем или иным аспектам темы; осуществлен ряд новых публикаций документов: вышло уже более 40 томов нового полного собрания Сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала (МЭГА). Тем не менее работа Н. Е. Застенкера как обобщающий труд не утратила своего значения и сегодня. Поэтому, указывая на новые труды, мы ограничились некоторыми изменениями в тексте главы.

о существовании закономерности и в развитии общества. В то же время возникали философские, экономические и исторические учения, подготовлявшие открытие этой закономерности. Таковыми учениями были немецкая классическая философия, английская классическая политическая экономия и французский утопический социализм.

Теоретические источники марксизма способствовали подготовке поворота в объяснении исторического процесса. Каждый из них привлекал по-своему внимание к той области социальных явлений, которой пренебрегала старая историография, упоминавшая «...производство и все экономические отношения... лишь между прочим, как второстепенные элементы „истории культуры“»².

Классическая немецкая философия дала предпосылки для возникновения материалистического взгляда на историю. В особенности велика здесь роль диалектической философии Гегеля, которая была пронизана историзмом и обращала особое внимание на «гражданское общество» как царство экономических отношений, приближаясь к пониманию важнейшего значения в жизни общества труда человека по овладению природой.

Классическая буржуазная политическая экономия своей трудовой теорией стоимости непосредственно направляла общественную мысль на понимание производственной деятельности людей как основы жизни общества.

Системы великих социалистов-утопистов (Сен-Симона, Фурье, Оуэна), при всем многообразии их умозрительных построений, сходились на признании важнейшего значения в судьбах человечества уровня развития производства. Еще большее место стали занимать экономические категории и проблемы у приверженцев Сен-Симона, Фурье и Оуэна и в учениях утопического социализма и утопического коммунизма 30—40-х годов. Таким образом, в разных аспектах и с разных сторон в общественную науку проникали плодотворные мысли о материальных основах

К. Маркс

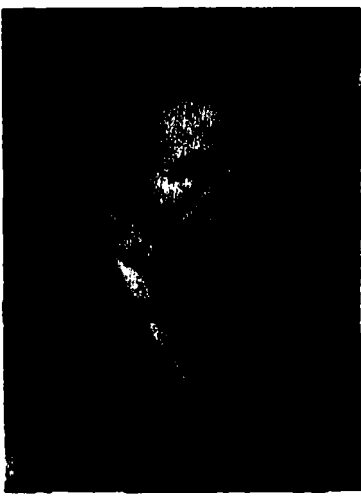
исторического процесса, выдвигался вопрос о его закономерностях.

Попытки подвести под историографию материалистическую основу отразились в трудах французских и английских либеральных историков, показавших развитие классовой борьбы в эпоху феодализма и буржуазных революций и попытавшихся впервые написать историю гражданского общества, торговли и промышленности. «Если материалистическое понимание истории открыл Маркс,— писал Ф. Энгельс,— то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому... время для этого созрело и это открытие должно было быть сделано»³.

Однако теории, послужившие источниками научного коммунизма, сами по себе содержали лишь очень важные элементы общественной науки, подходы к ней. Классическая немецкая философия рассматривала внутреннюю связь в исторических событиях как стремление истории к осуществлению некоей мистической идеи. Она подменяла диалектику исторического процесса диалектической игрой понятий, для которой история должна была служить лишь проверкой логической конструкции. Классическая буржуазная политическая экономия объявляла капиталистический способ производства внеисторическим, соответствующим природе человека, веч-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 208.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 176.

Ф. Энгельс

ным и затушевывала самые глубокие его противоречия. Сен-Симон, Фурье, Оуэн и их ученики, хотя и признавали важнейшее значение производства в истории общества, все же объясняли ход истории в конечном счете изменениями в философских и научных воззрениях либо в религиозных и нравственных принципах человечества.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс восприняли и осуществили переработку передовых философских, экономических и исторических теорий и их синтез на подлинно научной основе. Их теория представляла «...высшее развитие всей исторической и экономической, и философской науки Европы»⁴, она дала ответы на важнейшие вопросы, поставленные общественной мыслью. Был сделан значительный шаг вперед в области социального познания.

Маркс и Энгельс раскрыли действительные мотивы человеческой деятельности, выделив производственные отношения людей как основные и первоначальные. Подобный материалистический подход означал победу того взгляда на ход всемирной истории, который находит **конечную** причину и решающую движущую силу важных исторических событий в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена и вытекающих отсюда изменениях экономических отношений людей.

Признание того, что материальная

основа общества составляет «...как бы скелет его организации»⁵ и является основой изменения социальных отношений и сознания людей, открывало возможность ввести в историческую науку объективный общенаучный критерий. В развитии всех стран и народов, при всем огромном разнообразии составляющих их историю событий, политических порядков, воззрений и верований, марксизм нашел однородные крупные отличительные черты, соответствующие исторически определенному способу производства. Такие общие характерные черты, выражающие нормальное и типичное в производственных отношениях общества, находящегося на определенной ступени исторического развития, Маркс и Энгельс выразили понятием общественно-экономической формации. Учение об общественно-экономических формациях дало возможность рассмотреть всемирную историю как естественноисторический процесс восхождения человечества по ступеням развития от низших форм к высшим.

В самом общем виде главные ступени развития человечества определялись как первобытнообщинный строй, группа формаций, основанных на эксплуатации чужого труда, и высшая форма человеческого общества — коммунистическая общественно-экономическая формация, бесклассовое общество, с которого собственно и начнется подлинная история человечества. Опираясь на доступный им материал, Маркс и Энгельс определили рабовладельческую, феодальную и капиталистическую формации, как основные общественно-экономические формации эксплуататорского типа.

Маркс и Энгельс показали, что каждая формация имеет свои специфические исторические закономерности, свои законы возникновения, развития и гибели. Общей же чертой является то, что переход от низшей формации к более высокой и сложной неизбежен в силу развития в недрах всякой антагонистической формации неразрешимых противоречий, ведущих к ее гибели и одновременно создающих предпосылки для возникновения более прогрессивного общественного строя, который окон-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 49.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 736.

чательно побеждает предшествующую формацию более высокой производительностью общественного труда. Конкретизируя эту общую схему развития человечества, Маркс и Энгельс видели, что в определенных условиях отдельные народы могут миновать отдельные этапы этого развития (рабовладение, феодализм, капитализм).

Формирование законов исторического развития дало марксизму возможность противопоставить пониманию прогресса как гладкого, однолинейного, фатально поступательного хода истории новую научную концепцию исторического прогресса. Эта концепция охватывала противоречивость процесса развития общества и раскрывала его диалектику — развитие скачкообразное, с перерывом постепенности, развитие зигзагами, как бы по спирали, с возможностью временных и даже значительных регрессов, но с конечной неизбежной победой поступательного хода истории. В этом сочетании эволюционного и революционного развития Маркс и Энгельс прежде всего уделяли внимание именно революционному моменту, его закономерности.

Признание определяющего значения производственной деятельности, являющейся фундаментом жизни общества, впервые раскрыло роль народных масс как решающей силы исторического процесса. Маркс и Энгельс научно объяснили происхождение общественных классов и исторические рамки их существования. Появление классов они связали с возникновением общественного разделения труда и частной собственности на средства производства. На этой почве всякая борьба в истории в действительности — выражение классовых интересов, их противоречий и борьбы, которая так или иначе пронизывает собой все сферы жизни общества — экономическую, политическую и идеологическую. По словам Энгельса, это было великим научным открытием, имевшим для истории такое же значение, как закон превращения энергии в естествознании⁶.

Теория классовой борьбы Маркса и Энгельса существенно отличалась от тео-

рий буржуазных историков и экономистов своим пониманием борьбы классов как творческой силы истории всех антагонистических общественных формаций. Революционные перевороты, которые осуществляют всеобщее переустройство общества, уничтожают устаревшие производственные и общественные отношения и утверждают новые отношения, соответствующие характеру и уровню производительных сил общества, Маркс и Энгельс рассматривали как важнейшие события истории, отводя им роль ускорителей исторического прогресса — «локомотивов истории».

Маркс показал, что главной силой революционного преобразования капиталистического общества становится пролетариат — самый революционный класс в истории, который, в отличие от прежних революционных классов, не может освободить себя, не уничтожив самих основ эксплуатации человека человеком. Доказательство этого положения Маркс считал важным достижением своей теории классовой борьбы. В письме к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. он писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*»⁷.

Таковы были главные идеи, характеризующие материалистическое понимание истории. С этим открытием были созданы совсем иные основы изучения исторического процесса. Сам процесс формирования нового мировоззрения требовал прежде всего фокусирования внимания на выделении определяющих черт, характеризующих закономерности общественного развития. В немалой степени это обуславливалось и бурной предреволюционной эпохой, когда формировался марксизм.

Материалистическое понимание истории в первых произведениях зрелого марксизма. Материалистическое понимание истории было в своей основе разработано

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 259.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 427.

Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» (1845—1846). С тех пор, как свидетельствовал Энгельс, Маркс не написал ничего, в чем бы эта теория не играла роли. Эту характеристику можно полностью распространить и на труды самого Энгельса.

В историографическом плане можно выделить некоторые важные вехи, знаменовавшие дальнейший ход разработки Марксом и Энгельсом материалистических исторических воззрений. Такими вехами прежде всего были «Нищета философии» (1847) К. Маркса и «Манифест Коммунистической партии» (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса. В этих произведениях основные положения их теории исторического процесса впервые были опубликованы.

В этот же период Маркс и Энгельс приступили к изучению истории рабочего класса и рабочего движения. Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845) на материалах истории Англии с середины XVIII в. проследил процесс формирования английского пролетариата в класс и его борьбу, определявшую развитие его классового сознания. Энгельс выделил основные «фазисы возмущения рабочих против буржуазии»: борьба рабочих против введения машин, перераставшая в первые локальные рабочие восстания; создание рабочих коалиций и профессиональных союзов, развитие стачечной борьбы и наконец — политическая борьба пролетариата против буржуазии, борьба за «социальную демократию» и завоевание власти. Связывая этот фазис и его типичные черты с чартистским движением в Англии, Энгельс анализировал исторический опыт последнего, его сильные и слабые стороны.

Такая схема периодизации истории рабочего движения, основанная на данных страны наиболее «чистого» развития капитализма, нуждалась, естественно, в конкретизации и дополнениях, вытекавших из опыта рабочего движения и особенностей капиталистического развития других стран. В «Немецкой идеологии» рамки анализа истории рабочего движения заметно раздвигались. В этой работе гораздо полнее исследовался мануфактурный период развития капитализма и мануфактурный пролетариат, шире и сложнее выглядела

связь уровня рабочего движения с развитием крупной промышленности и всемирного рынка.

Еще далее продвинулись Маркс и Энгельс в работах и статьях 1846—1847 гг., посвященных тогдашнему английскому, французскому и немецкому рабочему движению, в которых достигло зрелости их понимание законов развития классовой борьбы пролетариата. Оно впитало в себя опыт усиливавшегося рабочего движения и растущий практический опыт революционной деятельности самих основоположников научного коммунизма, связанный с созданием Союза коммунистов.

В «Нищете философии» Маркс дополнил рядом характеристик схему Энгельса, обратив особое внимание на роль классового сознания в конституировании пролетариата как класса, в превращении его в «класс для себя».

Наибольшей силы исторического обобщения Маркс и Энгельс достигли в «Манифесте Коммунистической партии», содержащем цельное и стройное изложение революционного мировоззрения пролетариата. «Манифест Коммунистической партии» подвел итоги разработки Марксом и Энгельсом основных идей материалистического понимания истории за предшествующий период. Через весь этот документ красной нитью проходила мысль о том, что со времени разложения первобытной общины вся история человечества была историей классовой борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Было четко сформулировано важнейшее положение: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»⁸.

В «Манифесте Коммунистической партии» теория исторического материализма была применена ко всей новой истории. «Манифест» раскрывал, как на определенной ступени развития производительных сил в недрах феодализма возникают буржуазные отношения и сама буржуазия, показывал революционное прошлое буржуазии, ее исторически прогрессивную роль в средние века. Маркс и Энгельс прослеживали процесс политического воз-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424.

вышения буржуазии: подготовку ее к завоеванию власти и установлению ее политического господства.

В «Манифесте» Маркс и Энгельс, основываясь на наблюдениях над периодически повторяющимися кризисами перепроизводства, пришли к выводу, что к середине XIX в. буржуазные отношения, первоначально способствовавшие бурному развитию производительных сил общества и разрушению заскорузлых патриархальных и сословных отношений, превращаются в тормоз для роста производительных сил, а следовательно, экономическое и политическое господство буржуазии будет ниспровергнуто подобно тому, как был ниспровергнут феодализм.

В тесной связи с этим в «Манифесте» обрисовывалась историческая роль пролетариата как до конца последовательного революционного класса капиталистического общества. Пролетарское движение становится самостоятельным движением огромного большинства этого общества в интересах «огромного большинства». Оно должно привести к рабочей революции, первым шагом которой будет превращение пролетариата в господствующий класс, «завоевание демократии». В качестве господствующего класса пролетариат упразднит буржуазные производственные отношения и вместе с тем условия существования классового антагонизма. В результате на место старого общества с его классами и классовыми противоположностями придет ассоциация, в которой свободное развитие каждого явится условием свободного развития всех.

В специальной главе «Манифеста» Маркс и Энгельс дали критический обзор различных направлений утопического социализма, заложив фундамент их научного изучения.

«Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии» были первыми произведениями, в которых излагалось новое, материалистическое понимание истории, а его положения применялись к истории буржуазного общества и рабочего движения. Появились они в канун революции, в период, когда само новое мировоззрение формировалось и утверждалось в острой идейной борьбе с другими направлениями социалистической и революцион-

ной мысли; кроме того, в это время экономическая теория марксизма еще только формировалась. Все это наложило на первые произведения марксизма свой отпечаток; ряд положений был позднее пересмотрен самими Марксом и Энгельсом.

Прежде всего речь шла о переоценке уже достигнутой остроты противоречий капиталистической системы, близости перспективы социалистической революции. Начиная с 50-х годов Маркс и в особенности в конце 80-х — начале 90-х годов Энгельс уточняют это положение. Концентрируя свое внимание на обосновании исторической миссии пролетариата, Маркс и Энгельс в 40-е годы меньше внимания уделяют выявлению революционных потенций средних слоев, в особенности крестьянства, однозначно решая их исторические судьбы в ходе общественного развития. Незавершенностью экономической теории объясняется недооценка значения экономической борьбы рабочих, роли профессиональных союзов. Эти взгляды корректируются Марксом в 1864—1867 гг. в период деятельности I Интернационала.

К. Маркс о проблемах Великой французской революции. По мере созревания материалистических и коммунистических воззрений Маркс и Энгельс уделяли всевозрастающее внимание изучению опыта революционных движений. Особое их внимание привлекал опыт Великой французской революции. Еще в 1843 г. Маркс провел очень тщательное изучение истории этой революции. Он штудировал мемуары ее участников, Р. Левассёра и др., революционную прессу, протоколы Конвента, речи Робеспьера и Сен-Жюста, произведения Марата и Бабёфа, сочинения историков Тьерри, Гизо, Минье и др. Маркс собирался тогда написать историю Конвента, в котором он видел «...максимум политической энергии, политического могущества и политического рассудка»⁹.

Хотя намерение это не осуществилось, известное представление о проделанном

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 439. Наиболее полно выписки Маркса по истории Великой французской революции опубликованы в «Karl Marx / Friedrich Engels. Gesamtausgabe» (MEGA²). Brl., 1981. 4. Abt. Bd. 2.

Марксом исследовании и об основных идеях задуманного им труда могут дать многочисленные высказывания по истории Французской революции, встречающиеся в произведениях и рукописях Маркса тех лет. По ним можно судить о том, что его внимание привлекали в первую очередь движущие пружины развития и углубления революции и в связи с этим исторические причины якобинской диктатуры.

Маркс тщательно изучал политические позиции жирондистов, якобинцев и «болота» и, размышляя об источниках победы Горы, приходил к выводу: главное в том, что Гора выражала интересы народных масс¹⁰. Раскрывая для себя решающую роль масс, поддержка которых обеспечила победу якобинцев и возможность расправиться с врагами революции, Маркс все ближе подходил к пониманию исторического значения революционной активности пролетариата.

Большой интерес проявлял Маркс к вопросу о причинах падения якобинской диктатуры. Уже тогда ему становилась ясной сущность трагического противоречия, какое заключала в себе политика якобинских вождей, расчищавших путь буржуазному обществу со всеми его атрибутами анархии, всеобщей конкуренции, господства частнособственнических интересов и в то же время стремившихся ограничить накопление богатства отдельных лиц и построить политические институты буржуазного общества по образцу античной демократии. Выражением и одновременно разрешением этого противоречия и явился, по Марксу, термидорианский переворот, открывший путь «прозаическому осуществлению» результатов буржуазной революции.

Исследования Маркса и Энгельса по истории революции 1848 г. Исторические идеи «Манифеста Коммунистической партии» сразу же прошли через полосу испытаний в огне бурных лет европейских революций 1848—1849 гг.

Плодотворное применение эта теория получила в деятельности Маркса и Энгельса на посту руководителей пролетарского крыла немецкой демократии. В качестве

редакторов «Новой Рейнской газеты» («*Neue Rheinische Zeitung*») они повседневно анализировали ход событий в Германии. Многие из газетных статей Маркса и Энгельса носили подлинно исследовательский характер, содержали важные исторические наблюдения и обобщения. Статьи «Буржуазия и контрреволюция», «Монтескьё LVI», «Кампгаузен», «Франкфуртское собрание», «Подвиги Гогенцоллернов» и др. обнажали классовые корни политики соглашения с короной либеральных правительств Германии, образовавшихся после первоначальной победы революции. Эти статьи вскрыли причины измены немецкой буржуазии национальному делу народа, слабость мелкой буржуазии и неспособность немецкого крестьянства развить свою революционную энергию из-за отсутствия политического руководства.

Наряду с революционными событиями в Германии пристальное внимание Маркса и Энгельса привлекало положение во Франции. Объясняя причины особого интереса Маркса к историческому опыту Франции, Энгельс писал впоследствии: «Франция — та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты... Вот почему Маркс с особым предпочтением изучал не только прошлую историю Франции, но и следил во всех деталях за ее текущей историей, собирая материал для использования его в будущем»¹¹. Таково происхождение двух самых крупных исторических произведений К. Маркса, посвященных революции 1848—1849 гг., — «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1850) и «Во семнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852).

Исследование этого сложного события новой истории дало возможность Марксу пересмотреть первоначальные представления о закономерностях развития револю-

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 320—330.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 258—259.

ции 1848 г., навеянные опытом прошлых буржуазных революций — единственным историческим опытом, имевшимся в распоряжении пролетарских революционеров. Исторический опыт революций XVII—XVIII вв. порождал мысль о том, что революционная борьба в середине XIX в. повторит, с известными вариациями, общий поступательный ход развития прошлых революций, т. е. смену у власти умеренных партий и классов все более революционными. Такой вывод соответствовал представлению Маркса о том, что революция завершится победой пролетариата, которая будет достигнута в течение одного длительного периода «непрерывной революции». После революции эти взгляды постепенно корректировались.

Первоначально торжество реакции казалось кратковременным. Еще в 1850 г. в первых статьях Маркса о классовой борьбе во Франции чувствовались остатки иллюзий насчет близости нового подъема революционной волны в Европе. Заблуждения эти были преодолены Марксом благодаря тому, что с весны 1850 г. он получил возможность вновь приступить к экономическим занятиям и заново проштудировать экономическую историю последнего десятилетия. Глубокое изучение ее убедило Маркса в том, что экономический кризис, ускоривший революционный взрыв 1848 г., уже миновал, и буржуазно-помещичья контрреволюция в Европе получает прочную опору в наступившем новом мощном экономическом подъеме.

В работе «Классовая борьба во Франции...» Маркс впервые в тогдашней социалистической литературе правильно определил буржуазно-демократический характер февральской революции 1848 г., которую большинство социалистов ошибочно принимало за начало социалистической революции пролетариата. Однако, указывал Маркс, поскольку в этой революции решающую роль сыграл рабочий класс, доведший на этот раз борьбу до свержения монархии и заставивший временное правительство против желания крупной буржуазии провозгласить республику,— на весь ход событий наложили глубокий отпечаток классовые требования пролетариата, его смутные социалистические устремления.

Такой анализ позволил Марксу выявить закономерность дальнейшего хода революции во Франции, источники социальных иллюзий февральского периода и причины их крушения. Квинтэссенцией был вывод Маркса о том, что, в отличие от Великой французской революции, революция 1848—1849 гг. развивалась по нисходящей линии.

Данная Марксом периодизация истории революции во Франции отобразила объективный ход и главные ступени ее попятного движения. Проследивая конкретно развитие этого процесса, Маркс раскрывал его движущую силу в борьбе классов, в той роли, какую они играли в революции. Маркс охарактеризовал французский пролетариат того времени, его революционные силы и потенции и в то же время отметил его слабость и идеологическую незрелость.

Маркс показал, что в судьбах революции важную роль сыграла кровавая расправа буржуазии с июньским восстанием парижского пролетариата. Оценивая большое историческое значение пролетарского восстания в Париже в июне 1848 г., Маркс писал, что оно было «...первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного* строя»¹².

В работах «Классовая борьба во Франции...» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» были ярко охарактеризованы и все другие классы французского общества: мелкая буржуазия с ее колебаниями, утопическими стремлениями возвыситься над классовыми противоречиями; крестьянство с его внутренним расслоением и господством в его среде реакционных предрассудков, укрепляемых политикой буржуазии в отношении крестьян; крупная буржуазия с ее контрреволюционными антиреспубликанскими настроениями и мелкой возней соперничающих монархических течений.

В своих произведениях Маркс наглядно показал, что материалистическое понимание закономерностей исторического

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 29.

процесса несколько не отрицает большой роли в нем идеологических построений, традиций и убеждений, ибо над различными формами собственности, над социальными условиями существования «...возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений»¹³. Точно так же материалистическое понимание истории не отрицает за отдельными личностями возможности оказывать своими индивидуальными качествами воздействие на ход исторических событий. Маркс выпукло обрисовал роль буржуазных и мелкобуржуазных деятелей в событиях революции, показал, как повлияли на ее ход реакционность мышления одних, бесхарактерность и фразерство других, ограниченность и узость кругозора третьих, карьеризм и продажность четвертых.

Настоящим достижением исторической теории и научного метода Маркса были объяснение секрета успехов бонапартизма и оценка его действительной роли в судьбах Второй республики во Франции. Маркс раскрыл, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность ограниченному, беспринципному авантюристу Луи Наполеону Бонапарту сыграть роль героя. Маркс показал, что за ним стояли определенные классовые силы, обеспечившие его успех: буржуазия, контрреволюционные настроения которой отражали ощущение ею своей слабости перед лицом активности трудящихся масс и стремление прикрыть свое господство диктаторской властью, способной задушить классовую борьбу пролетариата и обеспечить буржуазии неограниченное накопление капиталов; массы собственнического крестьянства с их традиционными иллюзиями насчет «крестьянского императора» Наполеона; наконец, военно-бюрократический аппарат, оторванный и обособленный от общества, и деклассированные отбросы всех классов, составившие опору для алчных авантюристов, жаждавших власти и наживы.

Как показано в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», к исходу револю-

ции 1848 г. во Франции сложилась своеобразная обстановка. Основные антагонистические классовые силы истощили себя в длительной борьбе и пришли в известное равновесие. В этой ситуации для бонапартизма и его опоры — реакционной военизированной — открылась благоприятная возможность выступить под флагом «внеклассовой силы» в роли «спасителя общества» и установить свою диктатуру, которая держалась на полицейском терроре, социальной демагогии и лавировании между классами и в то же время была связана всеми нитями с интересами наиболее хищнических элементов крупной буржуазии. Но Маркс выявил и непрочность нового режима, неизбежность его краха. Как известно, эти положения и выводы позднее подтвердились всей историей Второй империи.

Энгельс писал: «И действительно, это был гениальный труд. Непосредственно после события, которое точно гром среди ясного неба поразило весь политический мир... Маркс выступил с кратким, эпиграмматическим произведением, в котором изложил весь ход французской истории со времени февральских дней в его внутренней связи и раскрыл в чуде 2 декабря естественный, необходимый результат этой связи, причем для этого ему вовсе не понадобилось относиться к герою государственного переворота иначе, как с вполне заслуженным презрением... Такое превосходное понимание живой истории современности, такое ясное проникновение в смысл событий в тот самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно»¹⁴.

Изучение классовой борьбы революционного периода во Франции во многом помогло Марксу и Энгельсу в понимании хода революций 1848—1849 гг. в Германии, Австрии, Венгрии, Италии и других странах. Плодотворные наблюдения, которые делались еще в статьях в «Новой Рейнской газете», получили дальнейшее развитие в работах Маркса и Энгельса по истории Германии. В этой области выдающееся место принадлежало историческим трудам Ф. Энгельса «Крестьянская

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 145.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 258.

война в Германии» (1850), «Германская кампания за имперскую конституцию» (1849—1850) и особенно серии статей «Революция и контрреволюция в Германии» (1851).

Главной целью этих работ Энгельса было выявление исторической роли различных классов немецкого общества в национальных судьбах немецкого народа и в его освободительной борьбе. Фактический материал для исследования уроков Крестьянской войны в Германии Энгельс почерпнул в основном из известного произведения В. Циммермана¹⁵. Однако Энгельс анализировал эти события с точки зрения современных ему актуальных политических проблем, искал в истории объяснение только что происшедших событий. Выясняя причины неудачи революционной борьбы немецкого крестьянства и предпролетариата в XVI в., Энгельс нашел их в двух решающих обстоятельствах: в предательской политике бюргерства и в разрозненности и неорганизованности выступлений самих крестьянских масс, не способных самостоятельно довести свою борьбу до победного конца и лишенных руководства со стороны тогдашней зарождавшейся буржуазии.

Эти работы Энгельса дополняют выше-названные статьи Маркса в изучении крестьянской проблемы, всю актуальность которой ясно выявили уроки революции 1848—1849 гг. Ими формулируется новое положение о том, что в борьбе с полуфеодальными абсолютистскими режимами и властью крупной буржуазии пролетариат не может победить, не опираясь на крестьянство.

Содержавшийся в серии статей «Революция и контрреволюция в Германии» очерк социально-экономического развития Германии на ранней стадии промышленного переворота объяснял неспособность немецкой либеральной буржуазии играть руководящую роль в демократической буржуазной революции и показывал, что только рабочий класс Германии, несмотря на свою молодость и незрелость, «...представлял действительные и правильно понятые

интересы всей нации в целом: он по мере сил ускорял ход революции...»¹⁶.

Подчеркивая роль освободительных движений угнетенных народов Европы как составной части европейской демократической революции, Маркс и Энгельс при оценке их исходили из общих интересов всего европейского пролетариата и европейской демократии того времени. Поэтому Маркс и Энгельс проводили различие между теми национальными движениями, которые ослабляли реакционные силы в Европе, и теми, которые объективно усиливали реакционный лагерь.

Так, Маркс и Энгельс высоко оценивали революционную борьбу польского народа в 1848 г. против русского и австрийского абсолютизма, за свое национальное освобождение, участие и большую революционную энергию поляков во всех европейских революциях и революционных войнах 1848—1849 гг. Вместе с тем они показывали контрреволюционную роль в этой борьбе тех славянских народов Австрийской империи, национальные движения которых были использованы Габсбургами, австрийскими помещиками и капиталистами как орудие подавления освободительных и революционных выступлений в Австрийской империи и в Италии.

Из этой, правильной в целом оценки Энгельс, однако, делал не всегда верные выводы. В «Революции и контрреволюции в Германии» он высказал ошибочный прогноз относительно исторических судеб ряда славянских народов Австрийской империи, утверждая, что они не способны к самостоятельному национальному существованию и будут неизбежно поглощены более крупными соседними нациями. Источник данной ошибки Энгельса был двойкий. С одной стороны, здесь сказывалось недостаточное знакомство его с ростом национально-освободительных движений славянских народов Австрии, известное преувеличение центростремительных сил капиталистического развития, прогрессивности и неизбежности этого процесса. С другой стороны, заблуждение Энгельса питалось тогдашним представлением его и Маркса о том, что в странах Западной

¹⁵ См. разд. второй, гл. 2 настоящего издания.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 104.

и Центральной Европы в ближайшем будущем победит социалистическая революция.

Развитие и углубление материалистического понимания истории. Изучение опыта европейских революций 1848—1849 гг. дало возможность Марксу и Энгельсу сделать несколько важных выводов, обогативших их историческую теорию. Революционная эпоха явилась знаменательным этапом совершенствования и углубления материалистического понимания истории. Особенно обогатилось понимание Марксом и Энгельсом закономерностей революционных процессов общественного развития. В свете опыта 1848—1849 гг. стали более ясными объективные и субъективные условия созревания революционных ситуаций, факторы обострения и спада революционных кризисов.

Сопоставление революций 1848—1849 гг. с революциями XVII и XVIII вв. дало возможность Марксу еще сильнее подчеркнуть ограниченность буржуазных революций, которые нуждаются в различных идеологических покровах для того, чтобы придать узкоклассовым интересам буржуазии вид общечеловеческих устремлений, тем не менее они не способны надолго увлечь за собой народные массы. В этом контексте особое значение приобрела проблема анализа политики и идеологии буржуазных и мелкобуржуазных партий и возникала необходимость правильно определить их связи с интересами борющихся классов. В истории революций 1848 г. Маркс уделил этой проблеме значительное внимание и пришел к очень важным выводам насчет соотношения классов и партий, подчеркивая, что «...в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью»¹⁷.

Маркс высмеял обывательские суждения о классовом лице тех или иных партий на основании биографий их политических деятелей. Неправильно, например, думать, писал Маркс, будто все представители мелкобуржуазной демократии —

лавочки или поклонники лавочников. «Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение»¹⁸. Маркс тем самым обратил внимание на решение одного из сложных вопросов исторического исследования, приобретающего особо важное значение при изучении новой истории ряда стран.

Как это нередко бывает в истории науки, понимание более сложных позднейших явлений дает возможность глубже понять явления и процессы прошлого. В работах Маркса и Энгельса периода 1848—1851 гг. много ценных экскурсов в историю ранних буржуазных революций. Один из наиболее интересных экскурсов такого рода представляет их рецензия на брошюру Ф. Гизо «Почему удалась Английская революция?» (1850).

Выявив несостоятельность попыток Гизо объяснить умеренность Английской революции XVII в. ее религиозным консервативным характером, Маркс кратко сформулировал научный ответ на вопрос, поставленный Гизо. «...Загадка консервативного характера Английской революции, — писали Маркс и Энгельс, — объясняется длительным союзом между буржуазией и большей частью крупных землевладельцев, союзом, составляющим существенное отличие Английской революции от Французской, которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение»¹⁹. В рецензии Маркса и Энгельса содержалось объяснение не только особенностей буржуазной революции в Англии, но и последующего экономического и политического развития английской буржуазии в эпоху конституционной монархии.

История Франции показала Марксу, что в процессе развития буржуазных революций происходит совершенствование

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 148.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 222.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 145.

враждебной народу буржуазной государственной машины, укрепление исполнительной власти, ее чиновничьего и военного аппарата. Отсюда Маркс сделал важнейший вывод о том, что ход исторического развития поставит перед пролетарской революцией задачу сломать военно-бюрократическую машину государственной власти буржуазии.

Исторический опыт подтвердил мысли Маркса, сформулированные в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», о важном отличии пролетарских революций от буржуазных. Он пришел к выводу о том, что пролетарские революции, в отличие от буржуазных, будут характеризоваться постоянной самокритикой: они «...постоянно критикуют сами себя, то и дело отстаиваются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток...»²⁰, ибо пролетарские революции не завершают революционные преобразования общественных отношений, как буржуазные революции, а только начинают их, и цель их состоит не в смене у власти одного эксплуатирующего класса другим, а в уничтожении навсегда всякой эксплуатации, в построении бесклассового коммунистического общества.

Развивая свое учение о государстве, его истории и судьбах на основе опыта революции, Маркс находит адекватный термин для понятия пролетарской государственности, призванной сменить государство эксплуататорских классов, — диктатура пролетариата. Использование контрреволюцией государственного аппарата как своей ударной силы, как необходимого элемента своей классовой диктатуры приводило к выводу: на смену диктатуры правящих классов должна прийти диктатура пролетариата. Однако в то время могло быть сформулировано только самое общее положение. Формы, функции, судьбы пролетарской государственности, ее взаимоотношения с демократической республикой

и т. д. не были, да и не могли быть выяснены.

Исследования Маркса и Энгельса по истории буржуазного общества в 50—60-е годы. Во время революции 1848—1849 гг. Марксом и Энгельсом были сделаны важные шаги по применению теории исторического материализма к объяснению событий кратковременного революционного периода в нескольких странах Европы. Дальнейшее обновление и развитие теории требовало расширения исследований и применения исторического материализма к истории различных народов и различных эпох, что составило существенную сторону их деятельности в период реакции и начала нового революционного подъема. В 50—60-е годы рамки и тематику исторических исследований Маркса и Энгельса значительно раздвинула их публицистическая деятельность в европейской и американской демократической прессе.

В своих статьях Маркс и Энгельс провели широкое исследование истории буржуазного общества в странах Европы и Америки и на колониальной периферии капитализма. В их статьях были освещены многие наиболее значительные события, имевшие место в 50-х — начале 60-х годов в международных отношениях и во внутренней жизни Англии, Франции, США, Германии, Австрийской империи, Испании, Италии и ряда других государств.

В этот период Маркс и Энгельс выступили исследователями международных отношений. Вскрывая тесную связь между внешней и внутренней политикой господствующих классов, они показали закономерность усиления агрессивной захватнической политики европейских держав после подавления революционных движений 1848—1849 гг.

В обзорах и статьях по истории восточного вопроса и войны 1853—1856 гг., при анализе внешней политики Пальмерстона и Наполеона III и в других работах по дипломатической истории Маркс и Энгельс сочетали критическое изучение документов и других источников, конкретный анализ действий государственных деятелей с выяснением мотивов их внешней политики и ее классовой обусловленности. Маркс блестяще раскрыл не только захватнические планы русского царизма, но и

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 123.

контрреволюционную сущность внешней политики Пальмерстона и показал роль Второй империи во Франции как нового оплота европейской реакции.

Эти выводы подкреплялись интенсивным изучением европейских национальных движений конца 50-х и 60-х годов, польского восстания 1863 г., ирландского революционного движения, итальянского Рисорджименто, освободительных устремлений балканских народов. Маркс и Энгельс предприняли самостоятельные исследования истории Польши, Ирландии и ряда других поработанных стран и народов. Об этих исследованиях дают представление, например, обширные подготовительные материалы и рукописи Маркса и Энгельса по польскому и ирландскому вопросам.

В 1863 г. Маркс писал оставшуюся незаконченной брошюру по истории Польши и ее разделов. Энгельс задумал к концу 60-х годов написать большой исторический труд «История Ирландии», однако успел набросать лишь две первые главы.

Значительно расширило тематику исторических исследований Маркса и Энгельса предпринятое ими изучение колониальной политики европейских держав и в связи с этим истории стран Азии, Африки и Латинской Америки. Статьи Маркса по истории Ост-Индской компании и английской политики в Индии содержали глубокий анализ приемов и целей этой политики и ее пагубных результатов для Индии. Они свидетельствовали о проникновении Маркса в важнейшие особенности социально-экономических отношений и политического устройства этого региона.

В статьях об опиумных войнах, о Тайпинской революции в Китае, об индийском национальном восстании 1857—1859 гг. Маркс и Энгельс заклеймили позором действия колонизаторов. Вместе с тем они выразили горячие симпатии передовых представителей европейского рабочего движения к борющимся за свое освобождение народам Китая и Индии. В этих статьях закладывались основы позиции пролетариата в национально-колониальном вопросе, содержались первые наброски идеи сотрудничества между освободительным движением в колониях и зависимых странах и революционным проле-

тарским движением в Европе. Маркса и в дальнейшем интересовали пути развития народов Азии, о чем ярко свидетельствовали составлявшиеся им для себя в последние годы жизни обширные хронологические выписки по истории Индии.

В разгар европейской реакции, когда Маркс и Энгельс напряженно следили за всеми даже малейшими симптомами пробуждения демократических сил в Европе, они обратили особое внимание на революцию 1854—1856 гг. в Испании. Маркс проштудировал с помощью богатой исторической литературы на нескольких языках историю испанских революций в XIX в. и написал о них исторический очерк, большая часть которого была опубликована в виде серии статей «Революционная Испания» (1854). В них были охарактеризованы и объяснены с материалистических позиций своеобразные черты и особенности буржуазных революций в Испании.

Новым в тематике исторических исследований Маркса и Энгельса было также их обращение к истории американских государств, и в первую очередь Соединенных Штатов Америки. Интерес Маркса и Энгельса к американской истории стимулировался тем, что борьба против рабства и Гражданская война в США в 1861—1865 гг. приобретали важное значение для рабочего и демократического движения в Европе.

В статьях, опубликованных в американской газете «Нью-Йоркская трибуна» («New York Tribune») и в венской газете «Пресса» («Die Presse») в 1861—1862 гг., Маркс показал, что подлинной причиной войны между Севером и Югом является не вопрос о сецессии и правах штатов, а нараставшая в течение полувека борьба фермерства за землю, борьба капиталистической системы наемного труда и свободного предпринимательства с рабовладельческой плантационной системой, ставшей тормозом для капиталистического развития США. В противостоянии этих социальных сил Маркс видел основу истории США первой половины XIX в. и ключ к пониманию истинного характера Гражданской войны 1861—1865 гг.

Постоянное и пристальное внимание Маркс и Энгельс уделяли развитию рабочего движения. В особенности с начала

60-х годов по мере оживления и подъема международного рабочего движения они все более концентрировали свое внимание на проблемах освободительной борьбы пролетариата. В их работах осмысливался исторический путь развития рабочего движения от первоначальных примитивных форм к более зрелым, от сектантских групп — к пролетарским классовым организациям. В переписке Маркса и Энгельса затрагивалась и обсуждалась история рабочего движения многих стран.

Ценные данные по истории рабочего движения содержали написанные Марксом и Энгельсом документы I Интернационала, руководителями которого они были. В «Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих» Маркс вкратце охарактеризовал перемены в положении рабочего класса после 1848 г. Именно в это время, пересматривая прежние взгляды, Маркс дает всестороннюю оценку борьбы пролетариата за свои экономические и политические интересы в рамках капитализма. Он показывает возможность улучшения материального и политического положения рабочих, неизбежность и необходимость борьбы за политические свободы, за ограничение рабочего времени и применения женского и детского труда, за повышение заработной платы.

Обобщая опыт рабочего движения этого периода, Маркс и Энгельс обращали внимание на то, что первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носил характер сектантского движения, которое представляло «...детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки»²¹. Интернационал, указывали Маркс и Энгельс, был противоположностью «...фантазирующим и соперничающим сектантским организациям...», он являлся «...подлинной и боевой организацией пролетариата всех стран, объединенного в общей борьбе против капиталистов и землевладельцев, против их классового господства, организованного в государство»²².

Анализируя проблему борьбы с сектантством, Маркс и Энгельс подметили важную историческую тенденцию известной повторяемости старых ошибок на новых этапах рабочего движения: «Подобно тому, как на каждом новом историческом этапе воскресают на короткое время старые ошибки, чтобы потом вскоре исчезнуть, так и в недрах Интернационала возродились сектантские группы, хотя и в слабо выраженной форме»²³. Выявленная Марксом и Энгельсом зигзагообразность развития неоднократно подтверждалась дальнейшей историей рабочего движения во многих странах.

Научная история капитализма в «Капитале» К. Маркса. Изучение конкретного процесса развития буржуазного общества оплодотворило всю дальнейшую разработку теории марксизма его основоположниками. Накопленный ими громадный исторический материал и сделанные из него выводы содействовали ускорению формирования экономического учения марксизма.

Экономические рукописи Маркса 1857—1859 гг. свидетельствуют о том, что в процессе выработки экономической теории он все более углублял материалистическое понимание истории, переходя от общих положений к конкретному анализу сложных диалектических форм исторического процесса.

Научный подвиг Маркса — создание «Капитала» — был в большой мере осуществлен благодаря изучению развития капитализма и буржуазного общества в новой фазе их истории. Маркс с особым вниманием изучал экономическую историю 50—60-х годов XIX в., источники нового промышленного подъема в Англии, Франции, Германии, новые формы капиталистического предпринимательства, начавшуюся индустриализацию отсталых аграрных стран.

«Капитал» свидетельствовал о неразрывной связи между Марксом-экономистом и Марксом-историком. В этом гениальном труде Маркс не только открыл основные экономические законы капиталистической общественной формации и обосно-

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 30.

²² Там же. С. 30—31.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 31.

вал вывод о ее преходящем характере, но и обрисовал все последовательные фазы экономической истории капитализма, от его зарождения до второй половины XIX в.

В «Капитале» был впервые выяснен генезис капитализма. Начало его эры Маркс связывал с эпохой великих географических открытий и зарождением мирового рынка в XVI столетии, а гигантские шаги на пути к зрелости капитализма — с XVIII веком.

Большой научной заслугой Маркса была постановка и решение проблемы первоначального накопления капитала, по существу представляющего собой историю происхождения капитала и наемного труда, целую историческую эпоху, которая «...вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня»²⁴. Маркс показал, что процесс этот имел своим основным содержанием насильственное отделение производителя от средств производства, экспроприацию непосредственных производителей — крестьян и ремесленников и что одним из источников первоначального накопления была система порабощения и хищнической эксплуатации колоний.

Хотя свой фактический материал Маркс почерпнул преимущественно из истории английского капитализма, в исследовании процесса первоначального накопления им были выявлены черты становления капиталистического способа производства во всех западноевропейских странах. Как указывал сам Маркс, он хотел «...обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя»²⁵.

Не менее важным достижением Маркса был анализ промышленного переворота в Англии с точки зрения не только изменений в технике и технологии промышленного производства, но прежде всего — его социального содержания. Маркс впервые раскрыл историческое значение этого переворота, который создал основные классы капиталистического общества —

промышленную буржуазию и индустриальный пролетариат и положил начало капиталистической индустриализации Европы.

«Капитал» давал яркую картину развития капитализма и обострения его противоречий. Маркс показал, что во всем этом необычайно сложном и противоречивом процессе действует закон капиталистического накопления, обеспечивающий расширенное воспроизводство капиталистических общественных отношений и растущую эксплуатацию рабочего класса и трудящихся масс, — производство во все возрастающих размерах прибавочной стоимости, или капиталистической прибыли. Этот открытый Марксом закон капитализма дал ключ к пониманию всей истории классовой борьбы внутри буржуазного общества того времени.

Ряд глав «Капитала» Маркса содержит детальный анализ борьбы рабочего класса в 40—60-е годы XIX в.; в «Капитале» обрисованы также судьбы крестьянства при капитализме. В Марксовой теории капиталистической земельной ренты получены объяснение растущая эксплуатация капиталом крестьян, дифференциация крестьянства, тенденция к разорению мелких крестьянских хозяйств в Западной Европе и усиление полуфеодальной эксплуатации крестьян Восточной Европы в течение всей эпохи капитализма.

Ценное историческое исследование представляла также историко-критическая часть «Капитала», названная «Теория прибавочной стоимости» и посвященная анализу развития экономической науки и взглядов буржуазных и мелкобуржуазных экономистов. Содержание этих экономических теорий Маркс тесно связывал с историческим развитием самого капитализма и его классовых антагонизмов с ростом противоречий между различными слоями буржуазии и с классовой борьбой пролетариата против буржуазии.

Значение «Капитала» Маркса для истории новой истории исключительно велико. Ленин подчеркивал, что Маркс, объясняя в «Капитале» строение и развитие капиталистической формации исключительно производственными отношениями, не ограничился этим, а «...везде и постоянно прослеживал соответствующие

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 727.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 119.

этим производственным отношениям надстройкой, облекал скелет плотью и кровью». Эта книга, писал Ленин, «...показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»²⁶.

Не менее велико значение «Капитала» для исторической науки в целом. В нем были исследованы производственные отношения самого развитого и сложного классового общества — капиталистического, понимание которого впервые давало возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех предшествующих общественных форм и, следовательно, научного анализа их истории. Вследствие этого экономическое учение марксизма являлось наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением теории исторического материализма.

Исследование Парижской Коммуны 1871 г. Маркс и Энгельс в течение двух десятилетий после революции 1848 г. тщательно изучали историю Франции при режиме II Империи. В их статьях и обзорах 50—60-х годов отмечалось неуклонное обострение классовых противоречий в этой стране, которое вело к банкротству бонапартистской политики лавирования между классами.

Детальное изучение текущих событий и истории Франции позволило Марксу создать произведение — «Гражданская война во Франции», посвященное истории, опыту и значению Парижской Коммуны, которое вышло в свет в середине июня 1871 г., менее чем за три недели после ее гибели. Ф. Энгельс писал, что это произведение Маркса, как и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», являлось образцом его удивительного дара «...верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще

только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились»²⁷.

Маркс не только выяснил непосредственные причины, вызвавшие пролетарскую революцию 18 марта 1871 г. в Париже. Возникновение Коммуны и ее сущность он связал со всем историческим опытом борьбы пролетариата против гнета буржуазного государства.

Проницательность Маркса состояла в том, что он сумел проникнуть в самую глубину исторического творчества рабочих масс Парижа и отчетливо распознал в первых и еще не ясных очертаниях Парижской Коммуны то, что составляло ее подлинную историческую сущность. В то время как буржуазные и мелкобуржуазные публицисты и историки приписывали Парижской Коммуне попытку осуществления плана коммунального переустройства Франции, воскрешения средневековых коммун и ликвидации всякой централизованной государственной власти и даже уничтожения государства вообще либо видели в ней патриотический орган парижской демократии, созданный в подражание Коммуне 1792 г., Маркс показал, что Коммуна, разбив угнетательский аппарат государственной власти буржуазии, строила государство нового типа, представлявшее, по существу, политическую форму диктатуры пролетариата. «Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»²⁸.

В данной оценке Маркс опирался на изучение обширного фактического материала, актов и документов Коммуны и версальского правительства, материалов демократической и реакционной прессы, на переписку с корреспондентами Генерального Совета в Париже и другие сведения. «Гражданская война во Франции» еще раз показала неразрывную связь истории и теории, исторического исследо-

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 189.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 346.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 139.

вания как одного из источников марксизма. Конкретное изучение исторических форм государства, классовой борьбы приводит Маркса к новым выводам. Он констатирует, что любое государство выполняет и общественно необходимые функции и что победивший пролетариат должен сохранить и преобразовать те органы государства, которые связаны с этими функциями. Особое внимание уделяется раскрытию общедемократического характера Парижской Коммуны, того, что она выступила как носитель подлинных интересов нации, гуманистическому характеру ее мероприятий.

Работы Энгельса по истории Германии. Внимательно изучали Маркс и Энгельс экономическое и политическое развитие объединившейся Германии. Первые итоги этого изучения Маркс подвел в своей известной характеристике Германской империи: «...обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейский охраняемый военный деспотизм...»²⁹

Особенно интенсивно проблемы истории Германии разрабатывал начиная с 60-х годов Ф. Энгельс. Он предпринял изучение германской истории с древнейших времен и вплоть до современных ему событий. Отдельные изыскания в этой области до некоторой степени были обобщены Энгельсом в задуманной им крупной работе «Роль насилия в истории», которую он писал в 1887—1888 гг. и которая осталась незаконченной.

Развивая и углубляя идеи исторического материализма о взаимоотношении экономики и политики в историческом процессе, Энгельс объяснял, почему в истории Германии второй половины XIX в. столь важную роль играло насилие, олицетворенное бисмарковской политикой «железа и крови». Анализируя экономические и политические предпосылки объединения Германии вокруг Пруссии, Энгельс вскрыл классовые причины успехов бисмарковской политики юнкерского бонапартизма. Он

показал, что в 60-х годах единство Германии сделалось совершенно неотложной необходимостью, ибо немецкая буржуазия с 1848 г. переживала экономический подъем и из ее непосредственных деловых потребностей выросло «...стремление практического купца и промышленника вымести весь исторически унаследованный хлам мелких государств, стоявший на пути свободного развития торговли и промышленности...»³⁰. Бисмарк, проводя «революцию сверху», понял и осуществил национальные и экономические требования немецкой буржуазии, отбрасывая и решительно отвергая ее парламентские политические притязания.

Подготовительные материалы Энгельса к этой работе свидетельствуют о том, как всесторонне изучал он экономическое развитие Германии после 1871 г., экономическую политику и законодательство, внешнюю политику Германской империи. На этой основе Энгельс сделал вывод, что юнкер Бисмарк в качестве поборника «национальной идеи» полагался в действительности не на народ, не на нацию, а на закулисные интриги, на средства тайной дипломатии, что эта политика, опиравшаяся также на поддержку либеральной буржуазии, определяла милитаристский облик новой Германской империи, реакционное содержание ее внешней политики, возбуждавшей у окружающих народов недоверие и ненависть к Германской империи. Решая важные исторические задачи, Бисмарк одновременно занимался и «...аннексией чужих земель...»³¹.

Наброшенный Энгельсом план не написанной части работы и заметки к нему свидетельствуют о его пронизательности и историческом чутье. Энгельс намеревался развернуто обосновать мысль о том, что внутреннее положение Германской империи неизбежно приведет ее к краху, тем более неминуемому, что немецкий милитаризм чреват мировой войной, в которой прусское государство и прусская армия, как считал Энгельс, потерпят поражение.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 28.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 425.

³¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. X. С. 390.

Исследования Энгельса по военной истории нового времени. Большое место в творчестве основоположников научного коммунизма заняла разработка Марксом и особенно Энгельсом теории и истории военного дела³².

Еще в период революции 1848—1849 гг. Энгельс проявил недюжинные познания в военной истории. В течение всей последующей жизни он продолжал ею заниматься, став знатоком военного дела. В своих многочисленных работах по истории войн, армии и военной техники Энгельс раскрыл тесную связь военного дела с экономикой и социальным строем общества, с уровнем его производительных сил, с борьбой классов и классовой политикой государства. Эту связь Энгельс проследил на всем протяжении военной истории от древности и почти до самого конца XIX в. Так, в большом цикле военных статей, написанных Энгельсом в 1857—1860 гг. для «Новой американской энциклопедии», показывалась классовая природа армий в рабовладельческих государствах древнего Востока, Греции и Рима и в средневековых феодальных государствах, анализировались изменения и революционные сдвиги в военной области, порожденные буржуазными революциями XVI—XVII вв., и особенно Великой французской революцией.

Обобщая всемирно-исторический опыт развития военного искусства, Энгельс позднее писал: «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам»³³.

Наиболее обстоятельно Энгельс изучал военную историю капиталистического общества, историю войн, вооружений и военной организации после революции 1848—1849 гг. Военные обзоры и статьи Энгельса содержали стратегический и историко-политический анализ восточной войны 1853—1856 гг., франко-итало-австрийской войны 1859 г., американской Гражданской войны между Севером и Югом в 1861—1865 гг., австро-прусской войны 1866 г., франко-прусской войны 1870—1871 гг., русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а также национально-освободительных восстаний и колониальных войн той эпохи, в том числе национального восстания 1857 г. в Индии.

Всеобщее внимание привлекли обзоры Энгельса о ходе франко-прусской войны 1870—1871 гг., отличавшиеся мастерством стратегического анализа, печатавшиеся без подписи в лондонской «Газете Пэл-Мэл» («Pall Mall Gazette»). После первых же сражений Энгельс объяснил поражение французских войск как закономерное следствие загнивания и разложения бонапартистского режима и предсказал седанскую катастрофу.

С пристальным вниманием следил Энгельс за ростом милитаризма в европейских государствах в 70—90-е годы. Рассматривая милитаризм как естественное проявление капиталистического общества, он писал: «Милитаризм господствует над Европой и пожирает ее. Но этот милитаризм таит в себе зародыш собственной гибели»³⁴.

Энгельс подчеркивал, что истинной представительницей милитаризма являлась в то время «...германская империя прусской нации»³⁵. В 1887 г. в одной из своих статей Энгельс высказал твердое убеждение в том, что «...для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны»³⁶. Вызванные такой войной опустошение, экономическое потрясение, голод и эпи-

³² Этой теме посвящены специальные исследования: «Карл Маркс и военная история». М., 1969; «Фридрих Энгельс и военная история». М., 1970.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 171.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 175.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 565.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 361.

демии, считал Энгельс, кончатся всеобщим банкротством и крахом буржуазных государств, который будет иметь один абсолютно несомненный результат: «...всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса»^{37—38}.

Исследования Маркса и Энгельса по истории России. Свидетельством проникновения в глубины исторического процесса было также обращение Маркса и Энгельса к проблемам истории России. До тех пор пока на арене освободительного движения в крепостной России не выступили широкие народные массы, Маркс и Энгельс уделяли наибольшее внимание изучению царизма и его роли в европейских делах, выяснению его связей с реакционными силами других держав. Такой характер носили статьи Маркса и Энгельса по внешней политике России, посвященные восточному вопросу и Крымской войне.

Они разъясняли революционной демократии Европы как завоевательные планы царизма, так и реакционные цели политики господствующих классов Англии и Франции в восточном вопросе.

В статьях конца 50-х годов Маркс и Энгельс отмечали симптомы нараставшего в России после Крымской войны кризиса крепостничества и самодержавия, признаки подъема оппозиционного либерального и особенно демократического революционного движения.

Революционное крестьянское движение в России накануне отмены крепостного права Маркс в 1860 году относил к числу величайших в тот момент событий в мире³⁹.

С 60-х годов внимание основоположников марксизма к историческому развитию России все возрастало. Хорошо овладев к 70-м годам русским языком, Маркс систематически анализировал для себя правительственные и земские статистические материалы и русскую социально-экономическую литературу, характеризовавшую происходившие в стране сдвиги. В познании

российской действительности Марксу и Энгельсу оказали ценную помощь работы Чернышевского, Добролюбова и других революционных демократов, которых основоположники марксизма весьма высоко ценили. Энгельс в 1884 г. в письме к русской корреспондентке отметил, что в России «...была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только о революционных социалистах, действующих на практике, но также об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой»⁴⁰.

Маркс был первым, кто начал применять научный метод анализа процессов развития капитализма в России в пореформенный период. В извлечениях Маркса из русских статистических материалов, в его записях о прочитанных книгах, в составившихся им для себя заметках о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России прослеживались конкретные формы товарно-капиталистического развития сельского хозяйства России и пути начавшейся перестройки аграрных отношений в русской деревне. «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г.,— писал Маркс в 1877 г. в редакцию «Отечественных записок»,— то она... испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁴¹.

В 1882 г. в Предисловии ко 2-му русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали, что если в момент его появления в свет Россия являлась резервом европейской реакции, то теперь «... Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»⁴². Еще определеннее Маркс и Энгельс излагали свои взгляды на будущую русскую революцию и ее значение революционерам-народникам, посетившим их в Англии. В 1883 г. в беседе с

^{37—38} Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 361.

³⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 4.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 147.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 119.

⁴² Там же. С. 305.

Г. А. Лопатыным Энгельс говорил: «Россия, это — Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового социального переустройства*»⁴³.

Маркс и Энгельс полагали, что «если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁴⁴. Это положение имеет большое методологическое значение, показывая, что Маркс и Энгельс были далеки от мысли превратить сделанные ими на западноевропейском материале выводы о порядке развития и смены формаций в универсальную схему всемирной истории, обязательную для каждой страны. Наоборот, они считали, что вопрос о судьбах той или иной страны можно решить лишь путем конкретного анализа ее развития при обязательном всестороннем учете особенностей исторической обстановки в целом.

«Анти-Дюринг». Экономические процессы и политические события конца XIX в. показывали все более сложные формы эволюции в сфере надстройки, возрастающее влияние буржуазного государства на экономику и важное место, которое принадлежит идеологической борьбе классов.

В таких условиях огромное значение приобретало идейное оружие рабочего движения. В оттачивании этого оружия крупнейшую роль сыграла полемическая работа Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» против немецкого мелкобуржуазного социалиста Е. Дюринга, написанная в 1876—1878 гг.

Нанося удар по идеалистическим и эклектическим воззрениям Дюринга, Энгельс предпринял ряд экскурсов в экономическую и социальную историю античности, средних веков и нового времени, в историю общественной мысли и историю рабочего движения. Особое внимание исто-

риков привлекает содержащийся в книге Энгельса очерк истории социалистических идей, представляющий подлинный вклад в науку. Из этой части своей книги Энгельс составил в 1880 г. по просьбе П. Лафарга брошюру, впервые опубликованную на французском языке под названием «Социализм утопический и социализм научный» и получившую впоследствии, в немецком издании 1883 г., название «Развитие социализма от утопии к науке».

Эта работа Энгельса продолжила научное исследование истории социалистических идей. В противовес теории филиации идей Энгельс доказал, что социалистические и коммунистические учения могут быть поняты лишь как отражение и выражение различных классовых стремлений, интересов и идеалов трудящихся масс. Поэтому в истории этих идей находит свое отражение идеологическая борьба классов. Энгельс показал вместе с тем, что в истории социалистических идей проявляется доказанная историческим материализмом относительная самостоятельность идеологии, выражающая специфику ее сложных связей с материальными условиями общества. Сама экономика, показывал Энгельс, не создает заново общественных идей, она определяет дальнейшее развитие имеющегося налицо мыслительного материала, но и это она производит косвенным образом, через политические, философские и моральные отражения исторической действительности.

В истории социалистических идей это проявилось в том, что, как и всякая новая теория, «...социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах»⁴⁵.

Разработанная Энгельсом методология подхода к истории идей дала возможность выявить закономерности развития социализма от утопии к науке, раскрыть социальные и идейные пружины этого развития и установить его основные этапы. В истории

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 490.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 305.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 189.

развития социалистических идей Энгельс придавал особое значение системам великих утопистов — Сен-Симона, Фурье и Оуэна, называл их «основателями современного социализма». Анализируя их основные идеи, Энгельс показал, что они были связаны с победой и утверждением капитализма в Англии и Франции, с ослаблением его противоречий и язв и с появлением индустриального пролетариата. Последний в то время был еще не способен к самостоятельному политическому действию, ввиду чего помощь ему казалась возможной лишь извне и сверху, а решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях капитализма, приходилось изобретать, создавать из головы.

Большая часть работы Энгельса посвящена анализу исторических предпосылок возникновения научного социализма и его победы в рабочем движении. В этом процессе Энгельс отводил важнейшее место развитию классовой борьбы пролетариата и росту его классового сознания. Ставя своей центральной задачей раскрытие качественной определенности марксизма, Энгельс не претендовал на то, чтобы дать целостную всестороннюю оценку немарксистским направлениям социалистической мысли.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства». В 70—80-е годы XIX в. в капиталистическом обществе развивались процессы, отмеченные заметным возрастанием роли государства. Усилиями идеологов господствующего класса буржуазное государство изображалось как надклассовая сила. В то же время перед рабочим движением стояли задачи освоения опыта Парижской Коммуны и выработки тактики политической борьбы в условиях парламентаризма. Все это делало теоретически актуальной проблему возникновения и развития государства.

В этих условиях Маркс в полной мере оценил значение появившегося в 1877 г. выдающегося исследования американского прогрессивного историка Л. Моргана «Древнее общество». Морган, изучив доклассовое общество американских индейцев, фактически подтвердил материалистическое понимание истории и пролил

свет на пути, по которым шло зарождение и образование частной собственности и государства. Маркс тщательно изучил книгу Моргана и составил ее подробный конспект.

Используя книгу Моргана и материалы Маркса, Энгельс написал в 1884 г. работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Она опиралась также на собственные изыскания Энгельса по истории древней Греции и Рима и по истории древних германцев. Подытожив результаты тогдашних исследований по истории доклассового общества и античности, Энгельс дал научный исторический очерк возникновения и развития государства. В его книге были прослежены главные формы, в которых возникает государство из начавшегося классового деления общества, и охарактеризованы меняющиеся формы государства на протяжении всей последующей истории, в том числе формы развития буржуазного государства в различные периоды новой истории. Подойдя глубоко исторически к проблеме государства, Энгельс обосновал важнейший вывод марксизма о неизбежности отмирания государства в процессе социалистических преобразований, когда произойдет исчезновение классов.

Работы Энгельса по истории коммунистического движения в Германии. Другим направлением исследовательской тематики Энгельса в последние десятилетия его жизни была история рабочего движения. Это направление отвечало в известном смысле «завещанию» Маркса, который, как свидетельствовал сам Энгельс, намеревался написать историю рабочего движения за период, завершившийся образованием Союза коммунистов.

Частичным осуществлением замысла Маркса явились статьи Энгельса по истории Союза коммунистов — «Маркс и „Neue Rheinische Zeitung“» (1884) и особенно «К истории Союза коммунистов» (1885). К ним непосредственно примыкал ряд произведений Энгельса по истории немецкой общественной мысли, его предисловия к переизданиям работ Маркса.

В предисловиях Энгельса к немецкому изданию Марксовой «Нищеты философии», ко второму немецкому изданию «К жилищному вопросу», к брошюре «Карл Маркс

перед судом присяжных» и в других трудах, особенно в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886), излагалась, в сущности, история той «философской революции», которая послужила теоретическим фундаментом немецкого социализма 30—40-х годов XIX в. В перечисленных работах Энгельса была дана характеристика основных течений утопического социализма в Германии, выяснились идейные предпосылки возникновения научного социализма и кратко излагалась история создания и деятельности первой коммунистической партии пролетариата — Союза коммунистов.

Все эти произведения, равно как и свои предисловия ко II и III томам «Капитала», Энгельс рассматривал как подготовительные к предполагаемому труду по истории научного социализма. Энгельс хотел написать такой труд в форме истории жизни и деятельности Карла Маркса. Болезнь и смерть помешали Энгельсу выполнить это.

Борьба Энгельса против искажений материалистического понимания истории. Маркс и Энгельс до конца своих дней усиленно занимались теоретическими проблемами исторической науки и материалистического понимания истории. Интенсивная разработка этих проблем в последние десятилетия их жизни диктовалась не отвлеченными соображениями, а жгучими потребностями рабочего и социалистического движения, растущим применением исторической теории марксизма для определения все более сложных задач этого движения.

Забота об эффективности теории требовала отпора искажениям материалистического понимания истории. Опасность их в последние десятилетия XIX в. возрастала. Укрепление позиций марксизма в рабочем движении привлекало к нему внимание различных слоев интеллигенции, вплоть до ее академических кругов. Духовные искания демократической интеллигенции приводили часть ее на сторону рабочего класса, но при этом нередко порождали у нее эклектическую смесь положений научного мировоззрения с неизжитыми воззрениями мелкобуржуазного социализма. У многих же деятелей буржуазной интеллигенции преобладали поиски новых

средств борьбы с идеологией революционного рабочего движения. Это умножало различные течения буржуазного социализма, представители модных разновидностей которого в то время нередко выдавали себя за сторонников материалистического мировоззрения, но искажали его и превращали в плоский «экономический материализм», прикрывавший буржуазно-позитивистские идеи.

Борясь с подобными искажениями, особенно заметными у немецких катедер-социалистов, Маркс и Энгельс еще острее ощущали необходимость их опровержения в связи с нарастанием оппортунистических тенденций в самом рабочем движении. В последние годы своей жизни Энгельс неоднократно подвергал критике «экономический материализм». Его выступления по этим вопросам содержали важные методические положения.

В одном из писем Энгельс разъяснял: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является *будто единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классово-вой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей...»⁴⁶

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 394—395.

Энгельс критиковал попытки мнимых «друзей» материалистического понимания истории превратить его в предлог для того, чтобы не изучать исторический процесс во всей его конкретности. Он писал: «...прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»⁴⁷. В своих письмах и выступлениях этого периода Энгельс многократно подчеркивал, что материалистическое понимание истории «...есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново... Сделано в этом отношении до сих пор немного, потому что очень немногие люди серьезно этим занимались»⁴⁸.

Для всей последующей марксистской историографии эти слова Энгельса, одного из ее основателей, звучали своего рода наказом.

Характерные черты и приемы исторического исследования в трудах Маркса и Энгельса. Поворот в историографии, совершенный основоположниками научного социализма, охватывал не только понимание исторического процесса и его закономерностей, но и определение позиций самого исследователя.

Маркс и Энгельс показывали в своих работах пример научной добросовестности в изучении фактического исторического материала. В их исторических произведениях важнейшие положения и выводы опирались на «Монблан фактов», которые со всей возможной полнотой собирались и со всей тщательностью проверялись. Маркс и Энгельс никогда не довольствовались сообщениями из вторых рук и всегда стремились добраться до первоисточника.

Максимально полное и всестороннее изучение исторических фактов и источников являлось для основоположников марксизма не только категорическим императивом научной этики, но прежде всего

методологическим требованием научного познания исторического процесса. Маркс всегда доказывал, что исторический процесс нельзя понять путем спекулятивных рассуждений, опирающихся на чистую логику мышления. Еще в 1847 г., критикуя Прудона, Маркс подчеркивал, что «...на формулах в исторической науке далеко не уедешь»⁴⁹. Материалистическая диалектика отвергала поиски ответа на конкретные вопросы в абстракциях общих истин, она требовала конкретного анализа каждой исторической ситуации. «Метод Маркса,— писал В. И. Ленин,— состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке»⁵⁰.

Выявление объективного содержания исторического процесса предполагало изучение в нем не только проявлений общих закономерностей, но и своеобразия таких проявлений, изучение всех конкретных форм всякого исторического развития, многообразии которых составляет свойство исторического процесса. В прямую связь с этим Маркс ставил то, что во всяком историческом событии ощутимо влияние различных случайностей, которые в конце концов оказываются подчиненными внутренним законам исторического развития, прокладываящим себе путь сквозь все случайности. Поэтому, подчеркивал Маркс, историк не может понять хода событий без учета влияния «случайностей», без них «...история носила бы очень мистический характер...»⁵¹.

Документальным свидетельством сугубо внимания основоположников марксизма к фактам исторического развития и к конкретным формам его могут служить многочисленные тетради и рукописи Маркса, содержащие громадное количество материалов по истории почти всех европей-

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 154.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 139—140.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 351.

⁴⁸ Там же. С. 371.

ских народов, данные экономической и политической истории, истории церкви, государственных учреждений, внешней политики и т. д.⁵² Настаивая на том, что сущность исторических явлений познается лишь через изучение конкретных ситуаций, и поясняя свою мысль сравнением процессов первоначального накопления капитала и экспроприации свободных крестьян Древнего Рима, Маркс в письме в редакцию «Отечественных записок» писал: «...события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, навывсшая добродетель которой состоит в ее надысторичности»⁵³.

Охватывая в своих исторических исследованиях социальный и исторический контекст общественных связей людей и различные сферы их практической деятельности, Маркс и Энгельс прорвали узкие рамки традиционного круга исторических источников. В то время как прежнюю историографию более всего интересовали государственные документы и законодательные акты, реляции полководцев и мемуары политических деятелей, Маркс и Энгельс широко вовлекали в исторический анализ важнейшие экономические данные, материалы по истории техники, по истории военного дела, науки, литературы и искусства. Они считали, что самое тщательное изучение и критическое сопоставление источников должно помочь распознаванию их социального характера и выявлению связанных с этим вольных и невольных искажений. В произведениях Маркса и Энгельса авторский анализ постоянно сопровождается демонстрацией этих фактических искажений и смещений оценок в источниках.

⁵² Ряд этих материалов опубликован в томах «Архива Маркса и Энгельса». В полном виде они будут опубликованы в IV отделе МЭГА.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 121.

Маркс и Энгельс были против огульного пренебрежения предшествующей, и в том числе буржуазной, историографией. Они считали научным долгом добросовестного исследователя иметь исчерпывающее представление о своих предшественниках в изучении данного вопроса, уметь не только обнаруживать встречающиеся у них искажения, но и видеть достижения того или иного предшественника, ценные фактические данные или плодотворные идеи, даже по частным вопросам, которые можно извлечь из его труда.

Сами Маркс и Энгельс на протяжении всей своей жизни неутомимо изучали историческую литературу и следили за состоянием современной им историографии. Еще в молодости Маркс штудировал античных историков и хорошо знал произведения Геродота, Фукидида, Аппиана, Тацита.

В последующие годы Маркс и Энгельс продолжали знакомиться с весьма широким кругом произведений немецких, французских, английских и других историков, а в последние десятилетия их жизни — и русских. Маркс упоминал и цитировал в своих сочинениях и письмах работы таких крупных немецких историков, как Нибур, Шлоссер, Ранке, Маурер, Зибель, Трейчке, Моммзен; французских историков Тьерри, Минье, Гизо, Тьера, Мишле, Бюше, Л. Блана, Токвиля; английских — Д. Юма, Роджерса, Коббета, Маколея, Карлейля, Бокля; труды выдающегося польского историка Лелевеля. Из русских работ по истории Маркс внимательно изучал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, сочинения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, В. В. Берви-Флеровского, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева и других авторов.

Маркс и Энгельс читали многие и многие десятки сочинений по истории разных эпох и народов, написанных и менее известными авторами. Они отмечали, что в подобных сочинениях подчас обнаруживаются ценные находки фактов и нередко правильные наблюдения. Особенно ценили Маркс и Энгельс проникновения в область экономической и социальной истории.

Основоположники марксизма решительно выступали против предвзятости

в науке и стремления подогнать факты к заранее определенной цели. Маркс писал на этот счет выразительные строки, которые относятся к любой области науки: «...человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами,— такого человека я называю „низким“»⁵⁴.

Объективность исторической науки, как показывал Маркс, не имеет ничего общего с объективизмом, с позицией тех историков, которые своей псевдообъективностью прикрывают восхваление совершившихся событий и действующих лиц исторического процесса.

Назначение исторической науки — не созерцание свершившихся фактов. Историческая объективность для марксизма неразрывно связана с практикой исторического действия.

Критикуя взгляды Фейербаха, Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии» о том, что Фейербах хочет «...добиться только правильного осознания *существующего* факта, тогда как задача действительного коммуниста состоит в том, чтобы низвергнуть это существующее»⁵⁵. Из этого принципиального положения выросло признание революционной роли той исторической науки, которая принимает участие в историческом движении с полным знанием дела и поэтому перестает быть доктринерской.

Вот почему Маркс и Энгельс подходили к исторической проблематике одновременно как великие ученые и как активные участники и вожди революционного движения. При этом они постоянно имели в виду потребности исторического развития и задачи рабочего движения, решению которых должен помогать осмысленный исторический опыт человечества. Поэтому Маркс и Энгельс глубоко верно решали проблему актуальности в исторической науке. Они посвящали свои исследования крупнейшим событиям истории XIX в.,

революции 1848 г., Парижской Коммуны 1871 г. и вместе с тем предпринимали самое тщательное научное изучение более отдаленных исторических событий и эпох, в особенности когда исторический опыт последних мог помочь решению злободневных вопросов исторического прогресса и классовой борьбы пролетариата.

Маркс и Энгельс показали своими работами, что научная история современности вполне возможна и необходима не только для успешной борьбы за исторический прогресс, но и для развития самой исторической науки. С одной стороны, только доведение исторического исследования до современности создает цельное понимание исторического процесса, всех его тенденций и движущих сил, только оно дает возможность проследить все связи исторических событий. С другой стороны, познание сложных процессов текущей истории позволяет лучше понять и историю прошлого, вплоть до самых отдаленных эпох, подлинное значение и объективное содержание которых яснее может быть постигнуто с высоты современности.

При этом Маркс и Энгельс нисколько не преуменьшали трудностей исследования вопросов новейшей истории. Энгельс в написанном за несколько месяцев до смерти Введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» отметил, что «при суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удастся дойти до *конечных* экономических причин»⁵⁶. Он объяснял это тем, что совершающиеся изо дня в день изменения в ходе развития промышленности, в методах производства, в мировой торговле и другие многосложные и постоянно изменяющиеся факторы «...большей частью действуют скрыто в течение долгого времени, прежде чем внезапно с силой прорваться наружу»⁵⁷. Поэтому, говорил Энгельс, ясную картину экономического положения какого-нибудь периода можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал.

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. II. С. 125.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 41.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 529.

⁵⁷ Там же.

Труды Маркса и Энгельса способствовали тому, что принципом научного познания во всех областях общественной науки стал последовательный историзм. Об этой коренной черте марксизма Ленин писал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»⁵⁸. Марксизм сделал принцип историзма обязательным при рассмотрении и решении любой проблемы общественных наук — не только исторической, но и философской, социологической, экономической или политической.

Однако не следует забывать, что уровень знаний, накопленных к тому времени, весьма отставал от нынешнего, и то, что многие документы не были доступны Марксу и Энгельсу. К тому же все их работы носили острополемический, а иногда памфлетный характер, что не могло не сказаться на резкости оценок, иногда приводило к односторонности. Так, одно из значительных произведений Маркса исторического характера — «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»⁵⁹ —

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.

⁵⁹ Работа эта не была завершена Марксом. См.: Вопросы истории. 1989. № 1—4.

почти целиком основано на недоброкачественных источниках. Приходится только удивляться, что наряду с неточностями, прежде всего в основном пункте — о зависимости внешней политики Англии от России, в оценках русской дипломатии и т. д., в работе содержатся важные и точные мысли о татаро-монгольском иге, о роли Петра I и т. д. Многие конкретно-исторические сведения в работах Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Крестьянская война в Германии» сейчас устарели. Весьма односторонними выглядят оценки Марксом и Энгельсом Бакунина, Боливара, Герцена, Кошута, Мадзини, Прудона, русских военачальников, буржуазных экономистов и т. д.

Сами Маркс и Энгельс считали, что их оценки и позиции не являются догмами, потребуют уточнений и коррективов в ходе развития человеческого знания. Они выступали против догматизации достигнутых результатов и выводов. К исторической науке они относились, как и к любой науке, как к живому, развивающемуся процессу познания. Этому критическому и самокритическому отношению к достигнутым результатам как важному методологическому требованию исторической науки учат произведения основоположников марксизма.

Глава 2

Английский позитивизм. Основные направления в историографии

Английский капитализм вступил во вторую половину XIX в. в расцвете своего могущества: промышленная революция и огромные колониальные владения вывели Англию на первое место в мировом промышленном производстве. Лондон стал центром международной торговли, фунт стерлингов — мировой расчетной единицей. В английской литературе этот период называют «викторианский эпохой» по имени королевы Виктории, правившей в 1837—1901 гг. Хотя к концу века появились признаки того, что экономическая

гегемония Англии пошатнулась (по темпам развития ее обогнали другие страны, в первую очередь США и Германия), Англия сохраняла позиции крупнейшей промышленной и торговой державы.

Особенности английского капитализма определяли общие черты социального и политического развития страны в эти десятилетия. Вплоть до конца XIX в. господство буржуазии в Англии не подвергалось серьезной угрозе. На эти годы приходится ряд реформ демократического характера. Право избирать в парламент

получила не только мелкая буржуазия, но и верхушка рабочего класса. Происходило явное сближение позиций либеральной и консервативной партий.

Общественная мысль в Англии. В английской общественной мысли во второй половине XIX в. развивался сложный двойственный процесс. Экономическое могущество Англии и политическая стабильность в стране, мощь Британской колониальной империи, новые открытия в науке и технике порождали у идеологов буржуазии оптимизм, убеждение в прочности капиталистического строя и в совершенстве английских институтов власти. Вместе с тем приближение империалистической эпохи давало знать о себе в появлении трудностей, которые нарастали как внутри страны, так и за ее пределами и вызывали серьезные раздумья и сомнения в обществе, чувство неуверенности и тревоги.

Сильное влияние на общественную мысль оказало учение Чарлза Дарвина. Его сочинение «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) означало коренной переворот в представлениях об органическом мире. Оно ставило на твердую почву науки о природе. Но открытие Дарвина по своему значению далеко выходило за рамки биологии. Идея эволюции опрокидывала прежние представления о неизменности мира. Она противоречила традиционному мышлению и поэтому встретила сопротивление со стороны церковников, утверждавших, что теория Дарвина находится в явном противоречии со священным писанием.

Открытие Дарвина явилось большим достижением науки, но совсем иной характер носили попытки использовать его для объяснения развития общества, в особенности возникшая на основе этого учения теория так называемого социал-дарвинизма. Ее сторонники переносили закономерности биологического мира на общество, утверждая, что борьба за существование является универсальным законом всего живого, включая и человека. Ожесточенная борьба за жизнь, по их мнению,— естественное состояние общества, и в ней побеждают лишь самые сильные. Социал-дарвинисты также утверждали, что, подобно тому, как между отдельными людьми имеются более или менее приспособ-

ленные к жизни, точно так же и среди народов есть «лучшие» и «худшие», иначе говоря, «высшие» и «низшие». Тем самым социал-дарвинизм прямо приводил к расизму. Социал-дарвинисты считали, что белая раса, и прежде всего англосаксонская,— прирожденная раса господ, призванная управлять другими народами. Почвой для складывания этой теории была активно проводившаяся Англией политика колониальных захватов.

Характерной чертой общественной мысли в эти десятилетия было распространение позитивистской социологии. Крупным английским философом-позитивистом был **Герберт Спенсер** (1820—1903), который предпринял грандиозную попытку, исходя из идеи эволюции, разработать философскую систему, охватывающую все отрасли знания. Инженер по образованию, Спенсер был хорошо знаком с точными науками, в частности с механикой. Свою философскую систему Спенсер назвал синтетической философией и изложил в серии книг. В эту серию входили следующие труды: «Основные начала» (1862), где даны исходные положения его системы, «Основания биологии» (1864—1867), «Основания психологии» (1855, 1870—1872), «Основания социологии» (1876—1896). Спенсер исходил из мысли, что в основе развития мира, включая и общество, лежит закон эволюции, который он определял как «интеграцию материи и сопутствующее ей рассеяние движения». При этом, как он считал, «материя переходит из состояния неопределенной, бессвязной однородности в состояние определенной связной разнородности», иначе говоря, дифференцируется. Этот закон Спенсер считал универсальным и пытался проследить его действие в различных сферах, опираясь на большой конкретный материал отдельных наук, в том числе и истории общества.

Попытка проследить действие закона эволюции и ее формы сама по себе была плодотворной, однако понимание эволюции Спенсером носило односторонний характер. Развитие он представлял лишь как медленное и постепенное, без всяких скачков. В основе развития, по его мнению, лежит закон равновесия: при нарушении равновесия природа стремится немедленно

вернуться к своему прежнему состоянию. Такое понимание развития применительно к общественному освящало незыблемость социальных и политических основ капиталистического строя.

Антиреволюционная направленность спенсеровской схемы особенно бросается в глаза в его социологических построениях. В истории общества он видел три этапа. На первом этапе возникает племенное общество, на втором появляется раннее классовое общество, происходит объединение племен в большие группы, появляются нации. Этот период он называл переходным. Третий этап он именовал индустриальным. На этом этапе, по его мнению, человечество и находится в настоящее время. Разделение функций внутри общества между его различными группами Спенсер отождествлял с дифференциацией органов в человеческом организме. Это так называемая органическая теория общества, переносящая на него законы развития отдельного организма, по существу, оправдывала социальное деление капиталистического общества.

Несмотря на свою ограниченность, философия Спенсера имела для того времени известное прогрессивное значение. Признавая закономерности развития общества, Спенсер отказывался от различных теологических объяснений, а его понимание общества как живого организма, все части которого взаимосвязаны, наталкивало на изучение истории и положения трудящихся классов, расширяло область исторического исследования. В трудах Спенсера по социологии, в особенности по истории первобытного общества, содержатся ценные данные и наблюдения. В конце XIX — начале XX в. этот мыслитель был настоящим властителем дум и оказал большое влияние на общественную мысль.

В те же годы была сделана попытка развить далее позитивистскую социологическую концепцию О. Конта. Ее предпринял экономист и публицист У. Бэдждот, редактор влиятельного журнала «Экономист». В своем труде «Физика и политика» (1872) Бэдждот попытался связать контовскую схему развития с учением Дарвина. В развитии общества Бэдждот видел три этапа. На этапе примитивного состо-

Г. Спенсер

яния в нем господствуют сила и обычай. На втором этапе возникают нации и складываются национальный характер, обычай, отдельные народы приходят в столкновение между собой, что порождает войны. Третий период, который Бэдждот именовал «периодом обсуждения», характеризуется тем, что насилие постепенно уходит в прошлое, войны играют все меньшую роль. На этом этапе в качестве главной движущей силы развития общества выступает общественное мнение. Бэдждот считал, что третий период начался еще в эпоху древней Греции и Рима, но в средние века общество попятилось назад, и прерванная линия развития возобновилась только в новое время. Он был убежден, что войны, которые он называл наследием варваров, по мере прогресса человечества уйдут навсегда в прошлое и на земле наступит вечный мир. Вся работа Бэдждота проникнута верой в прогресс.

В буржуазной общественной мысли второй половины XIX в. в целом идея прогресса преобладала. Она даже приобрела всеобщее признание, стала как бы символом веры. Однако в конце столетия появились первые признаки кризиса этой веры, что наиболее отчетливо выразил английский социолог К. Пирсон в книге «Национальная жизнь и характер» (1894). Прогресс, заявлял Пирсон, это явление кажущееся, а отнюдь не реальное. Человечество, по его убеждению, отнюдь не прогрессирует, а просто стоит на месте.

О новых тенденциях в идейной жизни тех лет свидетельствовал начавшийся отход от традиционного взгляда на роль

и функции государства. На протяжении всего XIX в. в этом вопросе господствовали взгляды сторонников фритреда, которые требовали полной и неограниченной свободы предпринимательства и невмешательства государства в экономическую жизнь страны. В конце столетия идеи фритредеров стали все чаще подвергаться сомнению и критике. Влиятельный философ-неогегельянец Д. Бозанкет в книге «Философская теория государства» (1899) доказывал, что государство не может оставаться безучастным наблюдателем происходящего, оно обязано вторгаться во все сферы жизни общества. Пересмотр прежних взглядов был прямо связан с новой обстановкой. Встававшие в жизни страны социальные проблемы, усиление международных противоречий требовали прочной и эффективной государственной системы.

Характерным явлением общественной жизни Англии этих десятилетий было усиление внимания к колониальным вопросам. В 1868 г. вышла в свет книга Ч. Дилка «Большая Великобритания», представлявшая собой итог его личных наблюдений и размышлений над проблемами Британской империи. Область этих наблюдений ограничивалась так называемыми переселенческими колониями: Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка. Он рисовал экономические успехи этих владений и блестящие перспективы их развития в будущем. Дилк как бы заново открывал для англичан их империю и ее огромные возможности для укрепления внутренних и международных позиций Англии. Примененный им термин «большая Великобритания» вошел в английский лексикон как обозначение широких имперских интересов.

Книга Дилка в значительной мере способствовала пропаганде колониальной политики. Для этой цели в 1869 г. в Лондоне был создан Королевский колониальный институт. В 1884 г. возникла Лига имперской федерации, которая выступала за более тесные политические и экономические связи внутри Британской империи. Колониальная пропаганда стала громко звучать в эти годы в публицистике, периодической печати, с церковного амвона. В художественной литературе проповедником идей колониализма стал

талантливый поэт и писатель Редьярд Киплинг, утверждавший, что англичане идут в колонии не в целях извлечения каких-то выгод или обогащения, а для того чтобы приобщить к цивилизации отсталые народы.

Развитие исторической науки. Вторая половина XIX столетия отмечена в Англии значительными успехами в развитии исторического знания. Прогресс науки выразился, в частности, в публикации исторических материалов. В 1857 г. началось издание серии архивных документов, хроник средневековья, а с 1863 г.— систематическая публикация «свитков»¹ (написанные, как правило, на пергаменте, эти средневековые документы хранились в свернутом виде). Стали выходить реестры государственных бумаг за период с 1547 г.² В 1859 г. Архивное управление занялось выявлением документов и материалов, хранящихся в частных коллекциях, разбросанных по стране. Для издания документов юридического характера в 1887 г. возникло Общество Селдена, названное по имени крупного юриста XVII в., а в 1893 г.— специальное Общество военно-морской истории с целью публикации документов по истории британского флота и морской политики Англии. В 80-е годы было также начато издание документов по истории Шотландии, в том числе протоколов шотландского Тайного совета, и т. д.

Совершенствовались и качество публикаций, что было связано с развитием научной критики. Известный английский историк-медиевист У. Стеббс в своих лекциях в Оксфорде говорил о «широком распространении вкуса к истории» и указывал на оживление деятельности различных исторических обществ, распространение исторических работ, на успехи вспомогательных исторических дисциплин,— нумизматики, сфрагистики и др., растущий

¹ *Rerum Britannicarum medii aevi Scriptores or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland During the Middle Ages*. L., 1863—1911. V. 1—243 (более известная как «Rolls Series»).

² *Calendars of State Papers*. (Foreign Series). L., 1863—1921. V. 1—20; *Domestic Series*. L., 1856—1917. V. 1—92.

интерес к археологии, заметный рост числа исторических трудов³. В ряде городов возникли местные исторические группы, которые по своей инициативе и за свой счет собирали исторические материалы локального характера, производили раскопки, реставрировали и ремонтировали старые здания и т. п.

Рост интереса к истории и активность историков потребовали публикации специального исторического журнала. В 1886 г. начал выходить журнал «Английское историческое обозрение» («The English Historical Review»), который издается по настоящее время. В 1868 г. возникла первая общенациональная организация — Историческое общество, получившее вскоре статус Королевского общества. Вначале в нем преобладали историки-любители, и уровень исторических изысканий, результаты которых публиковались в его «Трудах», был невысоким. В 80—90-е годы процесс профессионализации затронул и Королевское историческое общество. В него вступили известные университетские историки — Дж. Актон, У. Каннингем, Ф. Мейтленд, П. Г. Виноградов; повысилось качество издаваемых трудов. После объединения в 1897 г. Королевского общества с публикаторским обществом имени Кемдена оно стало приобретать характер ведущего профессионального национального объединения историков.

Произошли некоторые сдвиги и в университетском преподавании истории. До середины XIX в. на Британских островах существовало три английских университета (в Оксфорде, Кембридже и Лондоне), четыре университета в Шотландии (Сент-Эндрюсе, Глазго, Абердине, Эдинбурге) и один в Ирландии (Дублине). В последние десятилетия XIX — начале XX в. на базе университетских колледжей Манчестера, Ноттингема, Ливерпуля, Лидса, Бирмингема и некоторых других городов возникает ряд новых университетов. С 1873 г. начинается создание системы заочного университетского образования, которая открыла более широкий доступ к высшему образованию.

Но и в эти десятилетия сохранялся разрыв между исторической наукой и университетским преподаванием, некоторые видные ученые оставались за стенами университетов. Право назначения на профессорские кафедры истории в университетах принадлежало правительству, и оно использовало это право, руководствуясь не научными, а политическими соображениями. До 1871 г. существовало ограничение доступа в университеты для лиц, которые не принадлежали к англиканской церкви.

Оксфордская и Кембриджская школы. В английской историографии за эти десятилетия произошли сдвиги. Практически исчезло со сцены радикальное крыло с его требованием политических реформ; промышленная буржуазия добилась своих целей — она явно господствовала в системе управления. В то же время изменилось торийско-консервативное крыло: консерваторы отказались от сопротивления любым преобразованиям и в 1867 г. сами провели парламентскую реформу. В результате упрочились позиции вигско-либерального направления с его верой в эволюционный прогресс и превосходство английского политического строя.

В 70—80-е годы XIX в. в Англии складываются два основных центра исторических исследований — в университетах Оксфорда и Кембриджа. Применение к историкам этих университетов термина «школа» носит условный характер: между ними нет существенных различий в методике или методологии. Можно лишь отметить, что в работах ученых Оксфорда преобладала средневековая тематика, а в Кембридже больше внимания уделялось истории нового времени.

Основателем Оксфордской школы принято считать **Уильяма Стеббса** (1825—1901), который возглавил в 1866 г. кафедру новой истории. Главным его трудом была «Конституционная история Англии»⁴, в которой изложение доводится до 1485 г. Его перу принадлежат также «История Германии в средние века» и другие сочинения. Основная заслуга Стеббса состоит в издании документов и материалов по

³ Stubbs W. Seventeen Lectures on the Study of Medieval and Modern History. 3 ed. L., 1900. P. 55.

⁴ Stubbs W. The Constitutional History of England. L., 1874—1878. V. 1—3.

Д. Э. Актон

истории Англии. На протяжении двадцати пяти лет он принимал участие в публикации «свитков» и других архивных материалов. Издания Стеббса характеризуются большой точностью, а его комментарии к ним говорят о громадной эрудиции ученого. Сочинения Стеббса отличаются чрезвычайной добросовестностью в обращении с фактами и материалами и осторожностью выводов. В Оксфорде он первым ввел в практику семинары. В 1876 г. Стеббс отмечал как большое достижение «систематический и непрерывный курс истории», который Оксфордский университет смог наконец предложить студентам.

Глава Кембриджской исторической школы **Джон Эмери Актон** (1834—1902), занявший в 1895 г. кафедру новой истории, получил историческое образование в Германии, где посещал семинары Л. Ранке. Научное наследие Актона довольно скромно. Ему принадлежат всего лишь несколько журнальных статей и небольшой курс лекций⁵. Несмотря на это, Актон оказал значительное влияние на развитие английской исторической науки. Это был историк огромной эрудиции, с широким кругом интересов. Актон придавал большое значение исторической науке и подчеркивал ответственность историка, считая, что он должен быть «хранителем совести цивилизованного мира». Историк, по мнению Актона, не может ограничиваться описанием событий и изложением фактов, он призван

помогать читателю оценивать их. Его долг — обличать порок и поднимать на щит добродетель. В то же время Актон подчеркивал, что историк не имеет права в угоду своим взглядам и идеям замалчивать, а тем более исказить факты. Он обязан излагать их полностью.

Исходя из такого понимания задач историка, Актон в резкой форме осуждал исторический метод Карлейля, а его самого называл «самым ненавистным из историков». По своим политическим взглядам Актон примыкал к либералам. Он выступал в защиту демократических свобод, и прежде всего в защиту свободы совести. Много лет Актон вынашивал план большого труда, в котором намеревался рассмотреть всю историю человечества под углом зрения его духовного раскрепощения. С этой целью он собрал огромный материал, однако труд остался ненаписанным.

Актон был одним из инициаторов коллективной работы кембриджских историков по истории нового времени и составил план всего издания. Главную идею этого труда он видел в том, чтобы показать всю историю нового времени как непрерывное прогрессивное развитие. Актону принадлежит заслуга введения в Кембридже исторических семинаров по немецкому образцу, что способствовало поднятию уровня преподавания истории.

Историки-позитивисты **Г. Бокль**, **У. Лекки**. Практически все английские историки второй половины XIX в. в той или иной мере ощущали влияние позитивизма. Назревшая проблема превращения исторического знания в научную дисциплину создавала объективную потребность в более четком определении объекта и метода исторического исследования, совершенствовании техники работы над источниками и т. д. Однако призывы позитивистов к превращению истории в науку на практике воплощались медленно.

В середине XIX в. в английской историографии появились обобщающие труды, авторы которых стремились собрать воедино разрозненные элементы исторического знания и на основе позитивистской методологии создать целостную историко-культурную картину развития английского государства и общества.

⁵ Acton J. E. Lectures on Modern History. L., 1960.

Большое влияние на английскую историческую мысль оказал **Генри Томас Бокль** (1821—1862), автор работы «История цивилизации в Англии»⁶. Эту работу он задумал как введение к 15-томной «Истории мировой цивилизации». Бокль долго и основательно готовился к осуществлению своего грандиозного замысла: он изучил многие языки, собрал обширный материал и тщательно его обработал, но ранняя смерть помешала ему выполнить свой план, и в законченном виде осталось только введение к основному труду. Бокль предполагал показать полную и связную историю мировой цивилизации через историю отдельных народов, представить все развитие человечества как единый процесс. Это была для своего времени весьма смелая и прогрессивная идея.

Бокль серьезно относился к задачам изучения истории. «Я убежден,— писал он,— что приближается время, когда история будет поставлена на должную основу, когда изучение ее будет признано как самое благородное и самое трудное занятие». Он выражал уверенность в наступлении времени, когда история будет разрабатываться подготовленными людьми и «будет спасена от рук биографов, генеалогов и собирателей анекдотов, придворных хронистов, князей и дворян — этих пустых болтунов, которые стоят на каждом углу и засоряют движение нашей национальной литературы»⁷.

Бокль полагал, что исследование прошлого человечества возможно средствами, разработанными науками о природе. Одним из наиболее эффективных средств в арсенале естествознания он считал эксперимент, а его эквивалент в изучении истории видел в выработке эталона, прилагаемого затем к истории различных стран. Таким эталоном для него стала история Англии, на ее примере он хотел доказать существование общих закономерностей и для других стран.

Как позитивист Бокль также исходил

⁶ *Buckle H. T. History of Civilization in England. L., 1857—1861. V. 1—2.*— Русск. пер.: Бокль Г. История цивилизации в Англии. В 2 т. СПб., 1906.

⁷ Цит. по кн.: *Widgery A. G. Interpretations of History from Confucius to A. Toynbee. L., 1961. P. 210.*

Г. Т. Бокль

из убеждения, что общество в своем развитии подчиняется определенным законам, и надеялся, открыв их, сделать историю точной наукой. Он считал важнейшим законом общественного развития прогресс, отождествляемый им с накоплением знаний. В то же время он полагал, что, поскольку человеческое общество — часть природы, оно подчиняется и ее законам. Бокль подходил к пониманию решающего влияния на развитие общества материальных факторов, выдвигая среди них на первое место географический фактор — климат, почву и пищу. Он считал, что по мере развития общества роль этих факторов постепенно уменьшается, в то время как умственных и моральных факторов неуклонно возрастает.

Бокль пытался применить к изучению человеческого общества и метод статистики. Он обратил внимание на то, что события в индивидуальной жизни отдельного человека не только результат его эмоций, страстей, желаний, но могут рассматриваться и как проявление действия определенных закономерностей в обществе: число ежегодных рождений, смертей, преступлений и т. д.

Основные события английского средневековья и нового времени в своей «Истории цивилизации в Англии» Бокль трактовал с либеральных позиций. Он высоко оценил выступление народа в период Английской революции против феодальной аристократии и короны, приветствовал Войну за независимость в США, одобрял Французскую революцию. Бокль стремился показать, что негативная реакция Англии на

Американскую и Французскую революции была тесно связана с интересами земельной олигархии, стремившейся подавить народные движения внутри страны.

Работа Бокля, проникнутая глубокой верой в прогресс, оказала большое влияние на социальную и историческую мысль. Она была переведена почти на все европейские языки, неоднократно переиздавалась и в России.

Последователем и продолжателем методов Бокля был Уильям Лекки (1838—1903). В работе «История рационализма в Европе»⁸ Лекки доказывал, что с распространением просвещения и знаний и одновременно с уменьшением влияния церкви моральный уровень людей отнюдь не падает. Более того, полагал Лекки, именно господство теологических воззрений долго тормозило духовное развитие человечества, и подлинный прогресс его начинается только после того, как теология теряет свое влияние.

Самая крупная работа Лекки — «История Англии в восемнадцатом столетии»⁹. Хотя основное внимание в ней уделено политической истории, автор отводил место и вопросам культуры, экономики, религии. Лекки не стремился осветить в одинаковой степени все темы, поэтому одним вопросам уделено много внимания, другие только затронуты. Значительное место отведено Ирландии, войне Англии с ее американскими колониями в конце XVIII в. В главах об Ирландии, которые позднее были выделены в отдельные тома, Лекки с большим сочувствием рисовал борьбу ирландского народа за независимость и решительно осуждал жестокие расправы англичан, явившиеся, по его мнению, главной причиной Ирландского восстания в 1798 г.

Взгляды Лекки претерпели эволюцию. Вначале сочувственно относившийся к борьбе ирландского народа за свободу, в 1886 г. он выступил против проекта Гладстона о предоставлении Ирландии умеренного самоуправления под контролем Англии («гомруль»). Позднее в сочинении

«Демократия и свобода»¹⁰ Лекки открыто нападал на демократическую реформу и демократию вообще, утверждая, что дальнейшее расширение избирательных прав не только вредно, но даже опасно для общества.

Д. Р. Грин и его «Краткая история английского народа». В 1874 г. в свет вышло сочинение «Краткая история английского народа»¹¹ Джона Ричарда Грина (1837—1883), явившееся важным событием в английской историографии. Книга имела огромный успех: в течение нескольких месяцев она выдержала ряд изданий, была переведена на многие языки. Поощренный успехом автор в 1880 г. выпустил новое издание своего труда, расширив его до четырех томов.

Успех книги Грина объяснялся несколькими причинами. Нараставший интерес к прошлому давно уже требовал издания сочинения, которое охватило бы всю историю страны. Грин не ограничивался рассказом о политической истории, он рисовал также экономические и социальные процессы, большое внимание уделял духовной жизни и культуре. Напротив, войнам и сражениям, личностям и деяниям монархов и полководцев он отвел довольно скромное место, сознательно стремясь дать историю не королей, а народа. При этом Грин старался выявить действие наиболее важных сил и факторов исторического процесса. В частности, описывая гражданскую войну 1455—1485 гг., известную как «Войну роз», он пытался вскрыть ее экономические и социальные корни. Успеху книги Грина в немалой степени способствовала ее форма и прежде всего яркий, красочный язык.

Грин давал весьма нелестные характеристики некоторым английским королям. Отношение Грина к трудящимся массам отмечено искренним сочувствием, о чем свидетельствует, например, освещение и восстания 1381 г. Реакционные круги встретили книгу Грина в штыки; журнал

¹⁰ *Lecky W. E. Democracy and Liberty. L., 1896.*

¹¹ См.: *Green J. R. Short History of the English People. L., 1874.*—Русск. пер.: *Грин Д. Р. История английского народа. В 4 т. М., 1891—1892.*

⁸ *Lecky W. E. History of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism in Europe. L., 1865.*

⁹ *Lecky W. E. History of England in the Eighteenth Century. L., 1878—1890. V. 1—7.*

консерваторов «Ежеквартальное обозрение» («Quarterly Review») поместил рецензию на его книгу, которая резко осуждала ее и называла «демократическим манифестом».

Сочинение Грина не было свободно от недостатков. Вне поля зрения автора осталась роль классов и социальной борьбы. Это особенно сказалось на освещении им революции середины XVII в. Грин считал ее борьбой «между политической традицией и политическим прогрессом, между принципом религиозного единоверия и принципом религиозной свободы»¹². Он полагал, что начиная с Семилетней войны в стране происходит процесс перехода власти в руки народа¹³. Грин идеализировал английскую колониальную политику, был недостаточно хорошо знаком с источниками, в особенности по истории XVIII в. Несмотря на эти слабости, работа Грина явилась крупным достижением английской историографии XIX в.

История Английской революции. Как уже отмечалось, прогресс исторической науки выразился, в частности, в специализации исторических исследований, которая шла по отдельным хронологическим периодам, темам, проблемам. Один из крупнейших историков этого времени **Сэмюэл Гардинер** (1829—1902) посвятил свою жизнь изучению Английской революции XVII в. Первый том его исследования вышел в свет в 1883 г., а последний, шестнадцатый,— после его смерти. Сочинение Гардинера состоит из трех серий: «История Англии от восшествия Якова I до начала гражданской войны, 1603—1642», «История гражданской войны, 1642—1649» и «История республики и протектората»¹⁴. Последняя серия доведена им только до 1656 г. Автор проделал огромный труд, привлек материал из архивов Англии и других стран Западной Европы.

¹² Грин Д. Р. История английского народа. Т. 3. С. 201.

¹³ См. там же. Т. 4. С. 162.

¹⁴ Gardiner S. R. History of England from the Accession of James I to the Outbreak of Civil War. 1603—1642. L., 1883—1884. V. 1—10; idem. History of the Great Civil War. 1642—1649. L., 1886—1891. V. 1—3; idem. History of Commonwealth and Protectorate. L., 1894—1901. V. 1—3.

В своей трактовке революции Гардинер отказался от вигской концепции, которая видела в революции столкновение и борьбу двух начал — деспотизма в лице короля и исконных английских свобод, которые представлял парламент. Он создал концепцию английской буржуазной революции XVII в. как «пуританской революции», усматривал в ней борьбу религиозных принципов и игнорировал классовые интересы и мотивы. В его труде обойдены вопросы экономики и социальной борьбы. В этом смысле работа Гардинера представляет собой известный шаг назад даже по сравнению с историческими работами первой половины века. Исследование Гардинера, однако, имело большое значение для «реабилитации» Кромвеля: он убедительно показал большие заслуги этого деятеля в восстановлении военного и морского могущества страны.

Главное же достоинство Гардинера — в его строго научном подходе к фактам. Он проявлял величайшую добросовестность в обращении с материалами и документами, опроверг многие вымыслы и легенды, созданные вокруг революции и ее деятелей. Своим основным принципом он считал тщательную проверку каждого факта. Гардинер старался быть объективным в трактовке революции, но ему это не удалось. Его работа представляет апологию Кромвеля и пуританских деятелей революции.

Экономическая история. В последние десятилетия XIX в. под влиянием позитивизма важное место в тематике исторических работ стали занимать вопросы экономической истории. Наиболее крупным историком-экономистом в эти годы был **Торолд Роджерс** (1825—1890), занимавший некоторое время кафедру политической экономии в Оксфорде и преподававший также в Лондонском университете. Основной его труд — «История сельского хозяйства и цен в Англии в 1259—1793 гг.»¹⁵. Краткое изложение материалов и выводов из первых четырех томов

¹⁵ Rodgers J. E. T. History of Agriculture and Prices in England from the Year after the Oxford Parliament (1259) to the Commencement of the Continental War (1793). L., 1866—1902. V. 1—8.

этого труда было издано самим автором под названием «Шестьсот лет труда и заработной платы»¹⁶. Роджерс привлек разнообразные источники и материалы, проливающие свет на движение цен и заработков в эти столетия. Сопоставляя колебания цен на продукты питания и движение заработной платы, он стремился выявить, как изменялся материальный уровень жизни трудящихся. Эти процессы прослеживались на широком историческом фоне.

В смысле научной объективности труд Роджерса стоит значительно выше многих исторических трудов того времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с теми страницами, где автор рассказывает о восстании Уота Тайлера, вскрывая его глубокие причины. Роджерс с сочувствием относился к борьбе английских тред-юнионов за право на существование и за повышение заработной платы.

Однако по своим взглядам на исторический процесс Роджерс оставался идеалистом. Главной движущей силой развития общества он считал прогресс общественной мысли и давление общественного мнения. Улучшение положения рабочих он полагал самым надежным средством предотвращения революции, а социалистические идеи называл доктринами, которые, по его мнению, «столь же губительны для истинных интересов труда, насколько разрушительны для всякого прогресса и, наконец, для всякой надежды. Позволить отчаянию пересоздать общество в самых его основаниях,— писал Роджерс,— было бы самой роковой ошибкой»¹⁷.

Другим историком-экономистом этого периода был Уильям Кеннингем (1849—1919), работавший с 1884 г. почти до самой смерти на историческом отделении Кембриджского университета. Он написал «Историю английской промышленности и торговли в новое время»¹⁸, а также труд,

служивший как бы введением к ней,— «Историю английской промышленности и торговли в средние века»¹⁹. Эти работы содержат полезную сводку фактического материала, почерпнутого из официальных источников. Вместе с тем он усматривал причину происходящих экономических процессов в политических и психологических явлениях.

По своим политическим взглядам он принадлежал к либералам, осуждал вмешательство государства в экономическую жизнь и всю прошлую политику оценивал с позиций сторонника свободной торговли, которую считал главной причиной успехов английского капитализма XIX в.

Исследователем экономической истории был Уильям Эшли (1860—1927), некоторое время преподававший в Оксфорде. Его главный труд — «Введение в экономическую историю и теорию»²⁰ — посвящен экономической истории Англии в средние века. Изложение в книге доведено до XVI в. Работа основана на обширном круге источников. Большое внимание в ней уделяется экономическим доктринам средневековья. Консервативные политические взгляды Эшли позволили ему трезво оценить действительную роль свободной торговли в развитии английской экономики. Он одним из первых поставил под сомнение утверждение либеральных историков и экономистов о том, что успехи английской внешней торговли целиком проистекали из политики фритреда.

В эти годы впервые стали принимать научный характер работы по истории промышленной революции. Глубокие перемены в экономике страны, вызванные ею, не могли не привлечь к себе внимания современников. Однако долгое время изображение этих перемен ограничивалось описанием отдельных фактов без попыток осмыслить целое. Авторы работ, которые пытались рассказать о том, что происходит

¹⁶ *Rodgers J. E. T. Six Centuries of Work and Wages. L., 1884.*— Русск. пер.: *Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в. СПб., 1899.*

¹⁷ *Rodgers J. E. T. История труда и заработной платы... С. XII.*

¹⁸ *Cunningham W. The Growth of English Industry and Commerce in Modern Time. L., 1882.*

¹⁹ *Cunningham W. The Growth of English Industry and Commerce during the Early and Middle Ages. L., 1890.*

²⁰ *Ashley W. An Introduction to English Economic History and Theory. L., 1888—1893. V. 1—2.*— Русск. пер.: *Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897.*

в промышленности, все свое внимание уделяли изобретателям новой техники и предпринимателям, усматривая в их инициативе и энергии главную и даже единственную причину промышленного прогресса, т. е. история промышленной революции оказывалась на деле серией биографий. Этот взгляд особенно отчетливо выражен в книге популярного публициста С. Смайльса, вышедшей под заглавием «Жизнеописание инженеров».

Иначе к изучению этой проблемы подошел оксфордский историк **Арнолд Тойнби** (1852—1883)²¹. Он проявил блестящие способности еще на студенческой скамье и по окончании курса в университете был оставлен для преподавания политической экономии. Преподавание Тойнби сочетал с активной лекторской деятельностью в вечерних школах для рабочих. Особенно много он сделал для организации заочного образования рабочих Уайтчепла (рабочий район Лондона). Из прочитанных им лекций сложилась книга, вышедшая уже после смерти автора под названием «Промышленная революция в Англии в восемнадцатом столетии»²². Тойнби попытался взглянуть на эту революцию как на единый процесс в общеанглийском масштабе и дать ее связную историю. Он рассматривал промышленную революцию не только как решительное преобразование в сфере экономики, но и как глубокий социальный переворот, как определенный скачок в развитии общества. Анализируя последствия этой революции, Тойнби констатировал заметное ухудшение положения масс, резкое усиление эксплуатации труда. Имеются веские основания предполагать, что он был знаком с произведениями основоположников марксизма и находился под их известным влиянием.

Тойнби выступал за социальное законо-

²¹ Этого историка не следует смешивать с его племянником, тоже Арнолдом Тойнби (1889—1975) — автором многих работ по истории Византии, истории международных отношений в XX в. и известного десяти томного труда «Изучение истории».

²² *Toynbee A. Industrial Revolution in England of the Eighteenth Century. Oxford, 1883.*— Русск. пер.: *Тойнби А. Промышленный переворот в Англии. М., 1924.*

дательство с целью пресечения наиболее хищнических форм эксплуатации труда. Проповедуя умеренные социальные реформы, он высказывал уверенность в том, что в результате «воспитания капитала» можно навсегда устранить противоречия между рабочими и хозяевами, добиться гармонии классов, т. е. по своим политическим взглядам Тойнби был типичным либеральным реформатором. Тем не менее его труд отличает от работ других авторов о промышленной революции более научный подход.

История колониальной политики. Обострение международной борьбы за колонии в последние десятилетия XIX в. и активизация английской колониальной политики, сопровождавшаяся усиленной пропагандой экспансионистских идей, не могли не найти отражения в исторической литературе. В 1883 г. появилась книга кембриджского профессора **Джона Сили** (1834—1895) «Расширение Англии»²³, которая сразу же привлекла к себе внимание и выдержала несколько изданий. Автор книги, обращаясь к широкой публике, упрекал ее в недостаточном внимании к колониальной политике. Он утверждал, что Англия завоевала половину мира, не имея определенного плана и цели, как он выражался, «в припадке рассеянности», не осознавая огромной важности колоний. Это непонимание, по мнению Сили, продолжается и поныне, сказываясь также и на исторических сочинениях.

Перипетии парламентской борьбы заслонили от историков тот факт, что основные события английской истории последних двух столетий происходили не в Англии и даже не в Европе, а за океаном, в Америке и в Азии. История Англии представляет собой, в первую очередь, историю расширения британского государства за пределы Британских островов. Решающим этапом в ней Сили считал XVIII век. Основным содержанием бесконечных войн, которые вела тогда Англия, была борьба с Францией за обладание колониями, а главным результатом — создание империи. Подчеркивая, что в этой борьбе Ан-

²³ *Seeley J. Expansion of England. L., 1883.*— Русск. пер.: *Сили Дж. Расширение Англии. СПб., 1903.*

глией были затрачены огромные усилия, Сили призывал всех англичан, и в особенности английских политиков, проникнуться пониманием важности империи.

Книга Сили в значительной степени способствовала дальнейшему росту в Англии экспансионистских настроений. Она выросла из курса лекций, прочитанных Сили в Кембриджском университете. Еще в 1869 г. во вступительной лекции перед студентами он заявлял, что история представляет собой «практическую школу политики», и доказывал, что политические деятели обязаны знать историю, в особенности историю нового времени. Он утверждал, что «история без политики бесплодна», а «политика без истории беспочвенна». Сили высказывал надежду, что Кембриджский университет станет «семинаром политики», школой подготовки будущих политических деятелей Англии.

Другим историком, уделявшим в своих работах большое внимание колониальной тематике, был Джеймс Энтони Фруд (1818—1894), который в 1892—1894 гг. занимал кафедру новой истории в Оксфорде. «История Англии от падения Уолси до разгрома Великой Армады (1530—1588)»²⁴ Фруда содержит безудержную апологию Генриха VIII и Елизаветы I. В 1886 г. Фруд опубликовал книгу «Океана, или Англия и ее колонии»²⁵. Это был рассказ о путешествии, которое автор совершил в Австралию, Новую Зеландию и Америку. Фруд подчеркивал огромное политическое и экономическое значение колоний для метрополии, восхвалял колониальную политику Англии. Так, в книге «Англичане в Вест-Индии» он смаковал «подвиги» английских рыцарей первоначального накопления и колониального разбоя²⁶, а в книге «Англичане в Ирландии» оправдывал жестокости английского угнетения Ирландии²⁷.

²⁴ *Froude J. A. History of England from the Fall of Wolsey to Destruction of Great Armada. L., 1856—1870. V. 1—12.*

²⁵ *Froude J. A. Oceana, or England and Her Colonies. L., 1886.*

²⁶ *Froude J. A. The English in the West Indies. L., 1888.*

²⁷ *Froude J. A. The English in Ireland in the Eighteenth Century. L., 1872—1874. V. 1—3.*

Хотя в своих работах Фруд широко использовал архивные источники, по своему духу он был далек от науки и обращался произвольно с фактами и документами. Отвечая на обвинения в неправильном цитировании материалов и даже прямых подтасовках, Фруд заявлял, что факты для историка — всего лишь иллюстрация заранее составленного мнения, и ссылаясь на то, что среди историков нет единства по любому вопросу. Из этого Фруд заключал, что факты и документы позволяют делать противоположные выводы. Он писал, что из всех существующих историй Англии самую совершенную мы находим в исторических пьесах Шекспира. Известный историк того времени Э. Фримен в рецензии на одну из книг Фруда писал, что Фруд не является историком, «ему присуще врожденное и неизлечимое свойство искажения, которое не позволяет ему высказать правильное суждение ни по одному вопросу». Тенденция Фруда к искажению исторических фактов и материалов породила среди историков выражение «болезнь Фруда».

Социальные проблемы и история рабочего движения. Затяжные экономические кризисы, растущее недовольство рабочих условиями своей жизни — все это побуждало английскую общественную мысль, в частности историков, обратиться к изучению социальных проблем страны, и прежде всего положения трудящихся. Крупный судовладелец Ч. Бус задался целью опровергнуть утверждение социалистов о том, что значительная часть рабочего класса живет в нищете. Он собрал группу помощников, которая по его заданию и заранее разработанному плану начала в 1886 г. обследование рабочих кварталов Лондона. Эта группа произвела тщательный опрос населения этих кварталов, а собранный материал подвергла статистической обработке. В то время такая методика была новинкой. Данные, опубликованные в многотомном исследовании Буса²⁸, представляют важный материал для истории социальных проблем в Англии. Результаты обследования удивили самого Буса: оказа-

²⁸ *Booth Ch. The Life and Labour of the People of London. L., 1892—1903. V. 1—9.*

С. Вебб

Б. Вебб

лось, что в состоянии нищеты и на грани ее живет в Лондоне 32 % всего населения. Прделанная Бусом и его группой работа опровергла поверхностный оптимизм буржуазной статистики.

В эти годы в Англии делаются первые попытки осветить историю рабочего движения, причем некоторые из авторов подобных трудов сами были его активными участниками. Их свидетельства, нередко подкрепленные документами, представляют большой интерес как источники.

В 1877 г. вышла в свет книга Дж. Хауэлла «Столкновение капитала и труда». Каменщик, он был активным деятелем профессионального движения и членом Генерального Совета I Интернационала. К 70-м годам он, однако, превратился в реформиста. Активным участником рабочего движения был и Дж. Холиок, автор «Истории кооперативного движения» (в 2 т.; 1875—1877)²⁹. Особый интерес для историков рабочего движения в Англии представляет книга Р. Гаммеджа «История чартистского движения»³⁰. Автор последней — участник борьбы за Хартию, находившийся на левом ее фланге. Книга Гаммеджа не содержит обобщенного анализа, это, скорее, хроника событий, но она дает ценный материал, характеристики людей и событий.

В 80-е годы к истории рабочего движения обратилась и профессиональная историческая наука. Первыми исследователя-

ми рабочей проблематики стали супруги Сидней и Беатриса Веббы. Сидней Вебб (1859—1947) начал свою деятельность в качестве государственного чиновника. Он участвовал в обследовании рабочего Лондона под руководством Ч. Буса. В 1891 г. Вебб покинул государственную службу, чтобы посвятить себя целиком изучению социальных проблем. Его постоянным сотрудником в этой работе стала его жена Беатриса Поттер (1858—1943), дочь крупного фабриканта. В 1891 г. она опубликовала книгу по истории кооперативного движения в Англии³¹.

В 1894 г. супруги Веббы совместно издали книгу под названием «История тред-юнионизма»³², которая представляет собой первую попытку серьезного анализа происхождения и деятельности профессиональных союзов в Англии. Авторы использовали обширный круг источников, в том числе архивы тред-юнионов, а также государственных учреждений, в частности министерства внутренних дел. Они подробно ознакомились с практической деятельностью тред-юнионов своего времени и их структурой. Дополнительно они привлекли многочисленные политические брошюры, прессу и пр. Опираясь на эти материалы, Веббы смогли дать обстоятельный и хорошо документированный очерк истории тред-юнионов от самых первых попыток создания рабочих объединений. Они обри-

²⁹ Holyoake G. J. History of Co-Operation. L., 1875—1877. V. 1—2.

³⁰ Gammage R. History of Chartism. L., 1857; — Русск. пер.: Гаммедж Р. История чартизма. СПб., 1907.

³¹ Potter B. The Co-Operative Movement in Great Britain. L., 1891.

³² Webb S. and B. History of Trade Unionism. L., 1894. — Русск. пер.: Вебб С. и Б. История тред-юнионизма. М., 1923—1924. Вып. 1—4.

совали репрессивную политику правительства, местных органов и суда, показали, с каким упорством рабочие преодолевали все эти препятствия и как добились для себя права создавать свои организации и защищать свои интересы. Главное внимание в работе Веббы уделяли вопросам внутренней истории тред-юнионов, поискам наилучших форм организации союзов, рассмотрению их эволюции, структуры, целей и задач. Эта работа, опирающаяся на глубокое изучение предмета, до сих пор не утратила своего значения.

Однако при всем богатстве фактического материала и обилии использованных источников на книге Веббов лежит печать буржуазного мирозерцания. Авторы отрицали революционные традиции английского рабочего движения и в тред-юнионах видели лишь одну из форм защиты чисто профессиональных интересов рабочего класса. Политику правительства, которое долго не хотело признать профсоюзы, они считали досадной ошибкой и утверждали, что выступления рабочих были всего лишь реакцией на непримиримость правительства. По мнению Веббов, английским рабочим чужды революционные стремления. Они превозносили реформистских лидеров тред-юнионов. Героической эпохе борьбы чартистов в их книге отведено не более двух страниц. Они рассматривали чартизм как случайный эпизод, отнюдь не типичный для английского рабочего движения.

Супруги Веббы принадлежали к числу инициаторов и организаторов так называемого Фабианского общества, возникшего в 1884 г. Реформистские взгляды С. и Б. Веббов были наиболее отчетливо изложены в их работе «Промышленная демократия»^{33—34}. В этой книге авторы пытались определить общий характер английского тред-юнионизма и его места в современном английском обществе. По их теории, тред-юнионы представ-

ляют собой органическую часть капиталистической системы и необходимы для ее нормального функционирования.

Работы Веббов оказали большое влияние на последующую лейбористскую историографию.

Начало складывания марксистской историографии. В конце XIX в. в Англии зарождается марксистское направление в историографии, представленное историками-социалистами. Марксистская литература на английском языке была очень скудной. Хотя «Манифест Коммунистической партии» был еще в 1850 г. опубликован в чартистской газете «Красный республиканец» («The Red Republican»), тираж этого издания был невелик, а новое издание вышло только спустя почти 40 лет. Полный перевод первого тома «Капитала» К. Маркса вышел только в 1888 г. Становление марксистской историографии затруднялось и тем, что сторонники марксизма в Англии были в основном выходцами из среды трудящихся, которые не обладали ни досугом, ни необходимыми знаниями в области истории.

В центре внимания историков марксистского направления оказались проблемы революции и народных движений. Вклад в разработку этой тематики сделал Эрнест Белфорт Бакс (1854—1926), участник социалистического движения, хорошо образованный философ и историк. Его перу принадлежит ряд работ по философии и две серии книг по истории революционных и народных движений: о Французской революции и о социальной стороне Реформации в Германии³⁵. По истории Французской революции Бакс опубликовал серию статей (в 1890 г. она вышла отдельной книгой), книгу «Жан Поль Марат: друг народа»³⁶ и работу о «заговоре равных» Бабёфа³⁷. В истории Французской революции он пытался выделить интересы различных классов и проследить их борьбу. Бакс по-новому обрисо-

^{33—34} Webb S. and B. *Industrial Democracy*. L., 1897.— Русск. пер.: Вебб С. и Б. Теория и практика 1897.— Русск. пер.: Вебб С. и Б. Теория и практика английского тред-юнионизма. В 2 т. СПб., 1900. Переводчиком книги был В. И. Ленин (под псевдонимом Владимир Ильин). Она послужила материалом для характеристики тред-юнионизма в работе Ленина «Что делать?».

³⁵ Bax E. B. *The Social of the Reformation in Germany*. L., 1894—1903. V. 1—3; Idem. *The French Revolution*. L., 1890.

³⁶ Bax E. B. *Jean Paul Marat, the People's Friend*. L., 1900.

³⁷ Bax E. B. *The Last Episode of the French Revolution, Being a Story of Babeuf and the Conspiracy of the Equals*. L., 1911.

вал фигуры видных деятелей революции — Робеспьера, Марата и Бабёфа, отверг клеветнические вымыслы, показал их преданными интересам народа, честными и талантливыми людьми. В трилогии, посвященной Реформации в Германии, Бакс обрисовал Крестьянскую войну 1525—1526 гг. на фоне глубокого кризиса Священной Римской империи, связанного с кризисом феодальной системы.

В своих книгах Бакс опирался не только на обширную литературу, но и на источники. В частности, освещая историю «заговора равных», он широко использовал прессу и дневники современников. По истории Французской революции много писал и другой участник социалистического движения Дж. Лизем. Ему принадлежат также работы на историко-литературные темы.

Другая задача, стоявшая перед социалистами, состояла в восстановлении подлинной картины английского рабочего движения. Первую такую попытку сделали Э. Б. Бакс и У. Моррис в совместной книге «Социализм, его рост и последствия» (1893)³⁸. Авторы подробно изложили идеи научного социализма, а также факты истории европейского рабочего движе-

³⁸ *Bax E. B., Morris W. Socialism, its Growth and Outcome. L., 1893.*

ния, в том числе чартизма. Хотя Бакс и Моррис изображали чартизм как подлинно народное социальное движение, в котором основная роль принадлежала рабочим, все же его характеристика в их книге была довольно краткой.

Более полную картину этого движения нарисовала Элеонора Маркс (Эвелинг), дочь К. Маркса, активная участница социалистического движения, в брошюре «Рабочее движение в Англии — краткий исторический обзор»³⁹. Чартизм она расценила как «первое подлинно политическое движение современного рабочего класса» и осветила его в ключе полемики с реформистами, которые отрицали политическую борьбу пролетариата. Еще подробнее историю чартизма изложил с тех же позиций У. Дайек⁴⁰.

Так, медленно преодолевая трудности, складывалось марксистское направление в английской историографии. Тем не менее работы его представителей весьма интересны как ранние попытки марксистского анализа и конкретизации положений исторического материализма.

³⁹ *Marx-Aveling E. The Working Class Movement in England. Brief Historical Sketch. L., 1896.*

⁴⁰ *Diack W. Story of the Chartists//Social Democrat. 1900. N. 7.*

Глава 3

Историческая наука во Франции. Позитивистская историография

Во второй половине XIX в. в экономическом и социальном положении Франции произошли глубокие изменения. В стране завершилась промышленная революция; на рубеже XIX—XX вв. французский капитализм вступил в монополистическую стадию, хотя мелкое и среднее производство и связанные с ним средние слои все еще сохраняли существенные позиции в городе и деревне. В социальной структуре страны возрастал удельный вес пролетариата, крепло рабочее и социалистическое движение.

Бурными событиями была насыщена политическая история страны: бонапартистский переворот и цезаристский режим Второй империи, буржуазно-демократическая революция 4 сентября 1870 г. и Парижская Коммуна 1871 г., установление республиканского строя и длительная борьба за его упрочение и демократизацию.

В условиях совершавшихся в стране социально-политических процессов и накопления нового исторического опыта, крупных изменений в духовной жизни общества

происходили и важные сдвиги в развитии исторической мысли и историографии. На их развитии не могли не сказаться и глубокие перемены, которые совершались в естественных науках и вели к созданию новой естественнонаучной картины мира и его эволюции. В этот период во французской исторической науке вырабатывались методологические принципы и концепции, отвечавшие общественным и интеллектуальным запросам времени. Ведущей тенденцией было утверждение в ней позитивистской методологии, которая пришла на смену романтизму и либеральной «философской» истории первой половины века. Новой чертой в развитии французской общественной мысли, в известной мере и историографии, было возникновение в ней марксистского направления, связанного с деятельностью созданной в 1880 г. Рабочей партии, ее основателей Ж. Гада и П. Лафарга.

В развитии французской истории и историографии второй половины XIX в. отчетливо выделяются два этапа — 50-е — начало 70-х годов и 70—90-е годы.

Буржуазная историография в 50—60-е годы XIX в. 50-е — начало 70-х годов были переходным временем во французской истории, своеобразным «концом и началом». В этот период завершались исторические процессы, определившиеся в предыдущие десятилетия; вместе с тем уже обозначились новые явления, которым предстояло восторжествовать в ближайшем будущем. В главных чертах завершалась начавшаяся ранее промышленная революция, все более четко выступали связанные с этим социальные противоречия. Наметились тяга рабочего класса к политической самостоятельности, в рабочее движение стали проникать идеи «коллективизма». В то же время господство в стране цезаристского режима сохраняло почву для широкого общедемократического оппозиционного движения, которое все более кристаллизовалось вокруг республиканских требований, подготавливая установление республиканского политического строя.

Своеобразными переходными чертами отмечено и развитие французской исторической науки. В немалой мере оно шло еще в русле заложенных в первой половине века традиций. Но в ней возникли и новые

явления, предвещающие, в частности, грядущее торжество позитивизма.

Политическая реакция, особенно в 50-е годы, и засилье католической церкви во время Второй империи затормозили во Франции развитие исторической науки и образования. Официозная апологетическая историография, занятая прославлением Бонапартов, была плодотворна количественно, но в научном отношении бесплодна. В ее актив можно отнести лишь публикации документов, относящихся к Первой империи, в особенности 32-томное издание сочинений и переписки Наполеона I.

В середине XIX в. окончательно исчерпала себя либеральная историческая школа, сложившаяся в годы Реставрации. Опрокинув конституционную монархию и обнаружив явный антагонизм между пролетариатом и буржуазией, революция 1848 г. нанесла жестокий удар исторической концепции Тьерри. «Теперь я ее (историю Франции) больше не понимаю, — писал он, — настоящее ниспровергло мои представления о прошлом и будущем»¹. Тьерри больше ничего не писал, его талант угас. Гораздо глубже осмыслил события 1848 г. и их отличие от 1789 г. Ф. Гизо. «Демократический элемент разделился, — писал он в 1848 г., — против среднего класса выступил рабочий класс, против буржуазии — народ»². Это была оценка с позиций теории борьбы классов. Но эта борьба повернулась теперь против буржуазного порядка, защитником которого был Гизо.

Перед лицом этих новых реальностей один из отцов теории классовой борьбы во французской историографии отказался теперь от собственного детища. Гизо писал: «Революционный дух равно губителен как для тех, кого он низвергает, так и для тех, кого поднимает на высоту»³. С этих позиций были написаны в 50-е годы работы Гизо об Английской революции, в которых он прославлял «славную революцию»

¹ Цит. по кн.: Кучеренко Г. С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX века. М., 1975. С. 268.

² Guizot F. De la démocratie en France. P., 1849. P. 107.

³ Гизо Ф. История Английской революции. СПб., 1868. Т. I. Введение. С. LXXXIX, XXXIX.

1688 г., установившую конституционную монархию и избегнувшую, вместе с тем, насильственного вмешательства народа.

Однако с точки зрения развития исторической науки того времени Гизо, как и Тьерри, принадлежал прошлому.

А. де Токвиль. «Старый порядок» и революция. Значительно более сложным явлением был изданный в 1856 г. главный труд А. Токвиля «Старый порядок и революция»⁴. Эта небольшая книжка, которая с тех пор многократно издавалась и издается в наше время, была важной вехой во французской историографии XIX в. Книга была написана под впечатлением революции 1848 г. и установления бонапартистской диктатуры, которую Токвиль решительно не принял. Он отказался от присяги новому режиму и, оставив политическую деятельность, удалился в свое имение, в Нормандию, где и создал свой труд. Токвиля занимала бросающаяся в глаза схожесть в развитии двух французских революций, 1789 и 1848 гг., в которых демократический порыв сменился в конечном счете установлением деспотизма. Противник авторитарного режима, Токвиль отрицательно относился и к революционному пути общественного преобразования, к вмешательству в политику народного движения, «толпы»: «Умом я готов склониться к демократическим институтам, но я аристократ по инстинкту, т. е. я презираю толпу и боюсь ее. Я страстно люблю свободу, законность, уважение к правам, но не демократию»⁵. Ему был чужд революционный строй мысли: «Я думаю, что нет во Франции человека, испытывающего более глубокую ненависть к тому, что называют революционным духом»⁶.

При всем том Токвиль хорошо понимал необходимость совершенных революцией преобразований, в которых видел как бы продолжение внутренней эволюции

Франции при старом порядке; несмотря на свои аристократические симпатии, он не подвергал сомнению историческую обусловленность свержения этого порядка. «Некоторые умные люди предприняли попытку реабилитации старого порядка... — писал Токвиль. — Между тем, я вижу, что на протяжении всей этой столь гнетущей и страшной революции ненависть к старому порядку всегда преобладала в сердцах французов над ненавистью ко всему остальному... Для меня этого достаточно. Для меня испытание уже имело место и эта система осуждена»⁷.

Под этим углом зрения Токвиль пересматривал концепцию Французской революции, которая со времени историков периода Реставрации установилась во французской историографии. Подобно своим предшественникам, он считал ее революцией антифеодальной, антидворянской, разрушившей «все то, что в старом обществе произошло из учреждений аристократических и феодальных»⁸. Но Токвиль отвергал мысль об исторической необходимости именно революционного разрушения старого порядка. Задолго до революции, утверждал Токвиль, во Франции уже складывались основные элементы современного общества: крестьянская собственность, дробление земель, административная централизация, уравнивание граждан в правах.

Поставленный в книге Токвиля вопрос о соотношении элементов нового и старого в дореволюционном и послереволюционном французском обществе, о разрыве и преемственности между ними имел реальное и очень важное научное содержание. Но решение, выдвинутое Токвилем, было односторонним, оно было подчинено идее континуитета, эволюционной преемственности. В сущности, революция в его концепции оказывалась нежелательным, исторически не оправданным явлением; она лишь «закончила сразу судорожным и болезненным движением, без переходов, без предосторожностей... все то, что закончилось бы

⁴ Токвиль успел завершить лишь 1-й том, посвященный старому порядку. Подготовительные материалы и фрагменты 2-го тома были изданы в 1953 г.

⁵ Цит. по кн.: Ehrard J., Palmade G. L'Histoire. P., 1964. P. 61.

⁶ Цит. по кн.: Birnbaum P. Sociologie de Tocqueville. P., 1970. P. 87—88.

⁷ Цит. по кн.: Далин В. М. Историки Франции. М., 1981. С. 60.

⁸ Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 1906. С. 33—34.

О. Конт

мало-помалу, само по себе и в течение долгого времени»⁹.

Именно этой идее Токвиля была суждена особенно долгая жизнь в последующей французской историографии. В наши дни ее выдвигают на первый план те историки, которые оспаривают «классическую», прежде всего марксистскую, интерпретацию Французской революции и обосновывают мысль, что эта революция «может быть понята только как историческая непрерывность»¹⁰.

Однако содержание книги Токвиля выходит за рамки этой исторической схемы. Он первым приступил к изучению социального строя и общественных учреждений Франции конца старого порядка на основе архивных документов. Это позволило ему сделать ряд верных наблюдений и поставить проблемы, которые дали толчок дальнейшим конкретным исследованиям. В частности, он одним из первых обратился к крестьянскому вопросу, к проблеме исторических судеб крестьянской земельной собственности перед революцией и в результате ее. В архиве Турского генералства Токвиль изучал дореволюционные поземельные документы, акты продажи национальных имуществ во время революции. Должен быть оспорен вывод Токвиля, что уже при старом порядке, независимо от революции, существовала крестьянская собственность (в буржуазном смысле этого слова). Но его наблюдение о широком рас-

пространении мелкого крестьянского землевладения («собственности в пределах сеньории», по определению С. Д. Сказкина), о широте владельческих прав крестьянства было подтверждено впоследствии специальными исследованиями И. В. Луцицкого, Ж. Лефевра, С. Д. Сказкина.

Сам метод, примененный Токвилем к изучению французского общества старого порядка, в определенной мере предвосхищал приемы позднейшей социологии и историографии. Характерно заявление Токвиля, что к исследованию «старого порядка» он хотел подойти «как те врачи, которые в каждом погибшем органе стараются открыть законы жизни»¹¹. Его книга была не рассказом о событиях, а своеобразной попыткой историко-социологического анализа положения и взаимоотношений различных классов, их места в государственно-политической системе «старого порядка», эволюции ее институтов.

Начало проникновения позитивизма в историографию. В 50-х и особенно в 60-х годах началось проникновение во французскую историографию позитивистских идей. Основателем позитивизма и создателем позитивистской социологии, получивших широкое распространение в историографии многих стран, был французский философ **Огюст Конт** (1798—1857). Ему принадлежит и само понятие социологии. В 1817—1924 гг. он был секретарем Сен-Симона и испытал определенное влияние его взглядов на развитие общества и задачи общественной науки, затем был экзаменатором и репетитором Политехнической школы в Париже. Главный труд Конта, «Курс позитивной философии», появился еще в 1832—1842 гг., но приобрел широкую известность лишь в середине века.

Основная мысль Конта состояла в том, что на смену спекулятивному, умозрительному подходу к объяснению общественной жизни необходимо создать «позитивную» науку об обществе как едином социальном организме, основанную, подобно наукам естественным, на точных наблюдениях и фактах. Считая, что этот принцип должен быть применен и к истории, Конт выступал

⁹ Токвиль А. Старый порядок и революция. С. 35.

¹⁰ Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978. P. 29.

¹¹ Токвиль А. Старый порядок и революция. С. 9.

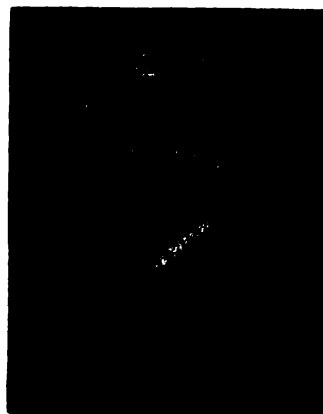
против мелочного фактоописательства и объяснения истории побуждениями отдельных выдающихся личностей.

Общему взгляду Конта на историю присущ дуализм. Наряду с основным для него духовным началом он придавал большое значение и воздействию материальных факторов — биологических, географических, экономических условий. Но все же человеческое сознание представлялось ему основным, определяющим фактором, который всегда идет впереди социального. При этом решающее значение в жизни и динамике общества он придавал не индивидуальному, а коллективному сознанию людей. История человечества выступает у него как отражение последовательной смены трех форм коллективного сознания («закон трех стадий»): теологического, метафизического, позитивного или научного. Их последовательная смена и определяет прогресс человечества.

Идея прогресса является одной из ведущих в системе Конта, и в этом его взгляды перекликаются с воззрениями просветителей, в особенности Кондорсе. Но в отличие от Кондорсе и Гердера, которые были исполнены убеждения, даже веры в безграничный, бесконечный прогресс человечества, идея прогресса у Конта носит финалистский характер: история неуклонно движется к положительному, позитивному веку, который будет организован на началах контовской философии и явится окончательным, финальным. По сути, таким веком виделось ему усовершенствованное буржуазное общество.

Что касается возможностей и пределов научного познания общества и его истории, то, отвергая «метафизические» теории, которые не основаны на опыте и видят основу всех явлений в абстрактных сущностях, Конт в духе агностицизма полагал, что наука не может дать ответ на вопрос о причинах и сущности общественного развития. Познание наукой его законов ограничено установлением функциональной зависимости между явлениями. Поэтому, согласно Конту, «позитивная» общественная наука не имеет нужды в какой-либо философии.

Идеи Конта о необходимости строго научного, основанного на точно установленных фактах изучения общества, о воз-

И. Тэн

ведении истории в ранг подлинной науки, подобной наукам естественным, с середины XIX в. стали вызывать растущий отклик среди французских историков. Именно в этот период, когда происходили крупные сдвиги в развитии естественных наук, ускорялось развитие техники, перед историками вновь, как неоднократно ранее, вставал вопрос о методах исторического познания, о включении истории, при всей специфике ее как науки, в общую систему знаний. Идеи позитивизма, казалось, подсказывали путь в этом направлении.

Видную роль в распространении позитивистских идей играл в этот период **Ипполит Тэн** (1828—1893), широко известный литературовед и искусствовед (основатель культурно-исторической школы в этой области, развивавшей историко-генетический анализ искусства), а также философ, историк. В плане политическом он стоял в то время на умеренно-либеральных позициях. Труды Тэна того времени посвящены философии, общей социологии, теории и истории искусства и литературы; среди них главный — четырехтомная «История английской литературы» (1863—1864).

В его общем взгляде на историю идеалистическое понимание ее переплеталось с вульгарно-материалистическими тенденциями. В целом историко-социологические воззрения Тэна были явно отмечены чертами сциентизма, присущими вообще интеллектуальной атмосфере времени; в 1866 г. он писал о необходимости основать «экспериментальную историю». Тэн отстаивал мысль о применении «естественнонаучного метода» к изучению социологии

и истории. Историю он рассматривал как науку, подобную наукам о живой природе. «История,— писал Тэн,— наука, аналогичная не геометрии, а физиологии и зоологии. Так же, как существуют определенные, но не поддающиеся количественному измерению отношения между органами и функциями живого тела, существуют и определенные отношения, которые не могут быть выражены в цифрах, между группами фактов, составляющими социальную и моральную жизнь»¹². Эти «определенные отношения», по мысли Тэна, могут быть названы законами, как в зоологии или ботанике, и познаны наукой.

Исходя из этого, Тэн разработал свой «психологический метод» изучения общества. Решающее значение в его жизни он придавал психологии составляющих его людей. Характерно, что саму науку историю Тэн определял как «психологическую анатомию». Формирование общественной психологии он объяснял совокупным воздействием трех факторов: «расы» (естественные национальные особенности), «среды» (климатические и географические условия, а также социальные и политические обстоятельства), конкретного исторического «момента» (взаимодействие «расы» и «среды» с исторической традицией).

В 60-е годы появились уже первые конкретные исследования историков-позитивистов, посвященные древней истории (труды Э. Ренана, первые работы Н. Д. Фюстеля де Куланжа). Однако в изучении новой истории позитивистское течение возобладавало позднее, в 70—80-е годы.

Демократическая и социалистическая историография 50—80-х годов. В условиях Второй империи, несмотря на цензурные стеснения и клерикальное засилье, в историографии пробивало себе дорогу республиканско-демократическое направление. История Великой французской революции оставалась центральным сюжетом, к которому обращались историки-демократы.

Крупнейшим из них оставался **Жюль Мишле**, продолжавший романтическую традицию в историографии. В эти годы он завершил «Историю Французской рево-

люции» (1853; с некоторыми добавлениями этот труд был переиздан в 1868 г.) и продолжал трудиться над многотомной «Историей Франции», которую успел довести до 1815 г. Мишле оставался верен демократическим и антиклерикальным убеждениям. Он сохранил и свою негативную историческую оценку якобинцев и Робеспьера. Мишле стремился опровергнуть сложившуюся уже к этому времени историографическую традицию (Минье, Тьер, Бюше, Луи Блан), которая рассматривала якобинский период революции как ее народный этап. «Народ в 1793 г. остается у себя дома»¹³,— утверждал Мишле и противопоставлял громадные и единодушные народные толпы 1789 г. действовавшему, по его мнению, в 1793 г. активному меньшинству.

Своеобразным явлением в левореспубликанской историографии 60-х годов явилось произведение **Эдгара Кине** (1803—1875) «Революция» (в 2 т.; 1865). Участник революции 1848 г., державшийся, подобно своему другу Мишле, антиклерикальных воззрений, Кине после бонапартистского переворота эмигрировал и в изгнании (в Брюсселе и Швейцарии) написал свою книгу.

Как и Токвиль, Кине предпринял свой труд в поисках ответа на вопрос: почему две пережитые Францией с конца XVIII в. революции, 1789 г. и 1848 г., завершились утратой свободы и приходом авторитарного режима. «Почему люди, которые оказались способны так великолепно умирать,— писал Кине,— не сумели быть свободными?»¹⁴ Кине стремился решить и другую проблему, которая являлась одной из основных в историографии революции в XIX в. и остается ею и в наши дни: вопрос о разрыве и преемственности между старым порядком и революцией.

Книга Кине не дает подробного изложения событий, скорее это написанное в риторическом ключе рассуждение о Французской революции, интерес которого не в новых материалах (в эмиграции Кине ра-

¹³ *Michelet J. Histoire de la Révolution française. P., 1952. T. II. P. 8.*

¹⁴ *Quinet E. La Révolution française. P., 1865. V. 1—2. T. 1. P. 1.*

¹² Цит. по кн.: *Ehrard J., Palmade G. L'Histoire. P. 71.*

ботал почти исключительно с опубликованными источниками), а в самой трактовке сюжета.

Во Французской революции Кине выделял два основных начала, две задачи, вытекавшие из устремлений французов. Первая из них — уничтожение привилегий, установление гражданского равенства. Такого рода революционное обновление Франции совершилось 4 августа 1789 г. принятием знаменитых декретов о ликвидации привилегий. Оно осуществилось, полагал Кине, единодушно, почти без сопротивления. Причина в том, что это обновление было подготовлено эволюцией в недрах старого порядка: явления, связанные с материальной стороной жизни, развиваются под действием собственных, внутренних присущих им сил. Революция лишь ускорила этот процесс и, обеспечив преемственность с развитием, совершавшимся уже при старом порядке, создала условия для быстрого и прочного успеха.

Безмерно более трудной задачей оказалась достижение свободы. Именно из-за политики и свободы (а также религии) развернулась ожесточенная борьба и было пролито много крови. Свобода была чем-то совершенно новым для Франции. Старый порядок воспитал нацию в духе повинования, а не в духе свободы, а революция не смогла дать ей иную, соответствующую времени духовную основу (какой была, по мнению Кине, реформированная религия в Нидерландской, Английской и Американской революциях).

Жирондисты попытались закрепить свободные институты, оставаясь на почве свободы, но потерпели неудачу. Напротив, монтаньяры решили привести народ к свободе через принуждение. Они хотели заставить его быть свободным и этим депотическим инстинктом соответствовали «темпераменту» старого порядка; в них как бы возродился дух Людовика XI и Ришелье. В итоге возрождение Франции было осуществлено «не свободой, этим новым явлением, а методами старой тирании»¹⁵. Франция вышла из революции, осуществив гражданское равенство, но утратив свободу. Не случайно и Наполеон I, по мнению

Кине, был в 1793 г. якобинцем школы Робеспьера¹⁶.

Написанная крайне субъективно книга Кине все же поставила вопросы, вокруг которых не стихают споры в историографии. Выдвинутые в ней тезисы вызвали тогда же возражения Мишле. Разделяя негативное отношение к якобинскому правлению, он настаивал на том, что все же и в этот период революция продолжалась — она сражалась с монархической Европой, укрепляла труженика на земле продажей национальных имуществ. В конечном итоге она «потерпела поражение в ее настоящем, оплодотворив, однако, весь мир и его будущее»¹⁷. Расхождение Мишле и Кине в интерпретации Французской революции вызвали разрыв двух историков, связанных более чем сорокалетней дружбой, что свидетельствовало о том, насколько «горячей», связанной со жгучими проблемами действительности была тема Французской революции для людей того времени.

«Робеспьеристскую» концепцию революции продолжал в этот период разрабатывать Луи Блан (1811—1882), завершивший в эмиграции свою 12-томную «Историю Французской революции» (1862). Луи Блан оставался верен высокой исторической оценке роли Робеспьера в революции. Но он выступал и как панегирист Робеспьера, видя в нем борца за принцип «братства» в противовес буржуазному индивидуализму.

Убежденным робеспьеристом в историографии выступил, вслед за Луи Бланом, Эрнест Амель. Его трехтомная «История Робеспьера» (1865—1867) была прославлением Робеспьера с позиций мелкобуржуазного демократизма середины XIX в. Вместе с тем это было первое специальное исследование о Робеспьере, основанное на большом материале неизданных и впервые введенных в научный оборот источников.

В 60-е годы, в условиях оживления рабочего движения, в исторической литературе и публицистике отчетливо обоз-

¹⁶ Ibid. P. 465.

¹⁷ Цит. по кн.: Furet F. La gauche et la Révolution française au milieu du XIX siècle. P., 1986. P. 101.

¹⁵ Quinet E. Op. cit. T. II. P. 17.

начилось социалистическое направление. Принадлежавшие к нему историки (Тридон, Авенель, Верморель), опираясь на занятую ими социалистическую идейную позицию, сумели внести свежую струю в освещение революционного прошлого Франции. В частности, своеобразную трактовку якобинской диктатуры и якобинизма выдвинули представители революционно-бланкистского течения.

Так, автором ряда работ о Французской революции был ученик Бланки **Гюстав Тридон** (1841—1871), журналист, член Парижской Коммуны 1871 г. Особенно широкий отклик вызвала его книга «Парижская Коммуна в 1793 г. Эбертисты» (1864). Тридон видел в эбертистах «сердце революции», самое революционное крыло демократии, в Коммуне II года Республики — «вечную славу плебса». Он сурово осуждал Робеспьера за расправу с «крайними» якобинцами и Коммуной.

Исторической реабилитацией эбертистов была и известная работа публициста **Жоржа Авенеля** (1828—1876) «Анахарсис Клоотс, оратор человеческого рода» (1865). Содержавшийся в ней свежий архивный материал по истории высшего этапа революции привлек внимание Маркса и Энгельса¹⁸.

Таким образом, историки-бланкисты подвергли резкой (и далеко не всегда обоснованной) критике слева Робеспьера и робеспьеристов, противопоставив им в качестве революционного идеала эбертистов и Парижскую коммуну 1793—1794 гг. Верно подметив социальный и политический радикализм деятелей этой Коммуны и их расхождение на этой почве с якобинским революционным правительством, они в то же время идеализировали их на свой лад, подобно тому, как историки-робеспьеристы идеализировали Робеспьера и его сторонников.

Позитивистская историография в 70—90-е годы XIX в. Разгром Франции во франко-прусской войне и Парижская Коммуна 1871 г. оказали большое воздействие на буржуазную общественную мысль. С падением Второй империи и установлением

республиканского строя завершилась во Франции эпоха буржуазных революций. Коммуна показала остроту социальных противоречий, развивавшихся внутри французского буржуазного общества того времени. Характерны лозунги, выдвигавшиеся буржуазными политиками 80—90-х годов: «Главная опасность — слева!» (Ж. Ферри), «Социализм — вот враг!»

Вместе с тем наглядные уроки социально-политической борьбы в стране необычайно остро поставили перед французской буржуазией вопрос о выборе политических форм ее классового господства. Побуждаемая к этому демократическими слоями населения, прежде всего рабочим классом, основная часть буржуазии перешла от монархических на республиканские позиции. Умеренный республиканизм стал теперь политической идеологией французской либеральной буржуазии. Учитывая исторический опыт пережитых Францией революционных потрясений, ее политические деятели вели борьбу против попыток монархистов и клерикалов восстановить в той или иной форме монархию или авторитарный режим.

Новые исторические условия нашли отражение и в общественно-политической ориентации буржуазной историографии — в ней безусловно возобладал республиканизм различных оттенков, хотя монархическая и клерикальная тенденция все еще сохраняла значительные позиции.

События франко-прусской войны и Парижской Коммуны поставили также вопрос об укреплении идеологического влияния и политической гегемонии буржуазии и о воспитании масс в духе «национального единения» на основе буржуазно-республиканского строя. Истории отводилась в этом капитальная роль.

Эти насущные запросы установившейся в стране Третьей республики вызвали живой отклик среди историков. «Изучение прошлого Франции... — писали в 1876 г. Г. Моно и Г. Фаньез, — имеет ныне национальное значение. При помощи его мы можем вернуть нашей стране единство и моральную силу, в которых она нуждается...»¹⁹ В согласии с правящими кругами

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 266.

¹⁹ Monod G., Fagniez G. Avant-propos // Revue historique 1876. Т. 1. N. 1. P. 4.

республики был предпринят целый ряд мер для оживления исторического образования и исследований. В духе умеренного республиканизма было перестроено преподавание истории на всех уровнях народного образования. Активную роль в этом играл историк средних веков и нового времени, академик **Эрнест Лависс** (1842—1922), бывший в конце XIX — начале XX в. своеобразным «папой официальной историографии» Третьей республики²⁰. Большое значение для подготовки квалифицированных специалистов имели семинары в «Высшей практической школе научных исследований» (создана при Сорбонне в 1868 г.). В 1876 г. был основан общесторический журнал «Историческое обозрение» («*Revue historique*»), инициатором и редактором которого был историк-медиевист Г. Моно.

Одновременно совершалась методологическая перестройка историографии на основе позитивизма. Это была вторая крупная «смена вех» в историографии Франции XIX в. В 20-е годы в статьях О. Тьерри было поднято «знамя исторической реформы» в духе либерального романтизма и откровенной антидворянской «партийности». Своеобразным манифестом «позитивистской исторической реформы» явилась программная статья Г. Моно, открывшая первый номер «Исторического обозрения». «Мы,— заявлял Моно от имени основателей журнала,— не поднимаем никакого знамени», желая оставаться строго на почве точных исторических фактов. В действительности же его статья поднимала вполне определенное знамя. В плане методологическом это было знамя позитивизма в той его интерпретации, которая возобладала во французской историографии в 70—90-х годах XIX в. История, говорилось в статье, должна развиваться как «позитивная наука», основанная на научных методах исследования. Историк должен строго ограничивать себя областью документов и фактов, отвлекаясь от политических и философских теорий.

Одна из основных идей этой программной статьи — идея эволюционной преемственности истории старой и новой (т. е.

республиканской) Франции как единой национальной истории французского народа. Историк, писал Моно, «примиряет все, что есть законного в консервативной идее, с непреодолимыми требованиями разума и прогресса»; всякое изменение в истории всегда есть лишь «трансформация старых элементов, а не создание совершенно новых». В плане общественно-политическом статья Моно «поднимала знамя» восстановления «единства нации», утраченного в революциях XVIII—XIX вв., она призывала историков «внушить французам», что все они являются «детьми одного народа... детьми древней Франции и в то же время гражданами Франции современной»²¹.

При всем том «Историческое обозрение» придерживалось вполне определенно республиканской и светской ориентации и противостояло основанному еще в 1866 г. роялистскому и клерикальному журналу «Обозрение исторических проблем» («*Revue des questions historiques*»). Программу журнала «Историческое обозрение» поддержали 53 ведущих французских историка, среди них 24 профессора высшей школы²². В 70—90-е годы позитивистское течение стало преобладающим во французской историографии.

Как и в других странах, это течение во Франции было очень широким, вмещавшим в себя весьма различные (в плане идеологической ориентации) направления. Позитивистские идеи брали на вооружение и некоторые консервативные историки и мелкобуржуазные радикалы. Но все же преобладающим в позитивистской историографии, как и во французской историографии в целом, было буржуазно-республиканское, преимущественно либеральное направление; внутри него существовали различные оттенки — от очень умеренного (А. Сорель), до более радикального (А. Олар, А. Дебидур).

Среди крупных проблем истории нового времени, которые привлекали наибольшее

²¹ *Monod G. Du progrès des études historiques en France depuis le XVI siècle//Revue historique. 1876. T. I. N. 1. P. 36—38.*

²² *Carbonelle Ch.-O. La naissance de la Revue historique. Une revue du combat//Revue historique. T. CCIV. N. 2. P. 336.*

²⁰ См.: *Ehrard J., Palmade G. Op. cit. P. 75.*

внимание, на первом плане оставалась Великая французская революция. В условиях, когда шла борьба за упрочение республики, активно действовали роялистские и клерикальные силы, когда поражение во франко-прусской войне толкало к возвеличению национальной традиции, тема Французской революции сохраняла жгучую актуальность. В ней искали истоки и традиции для освящения или осуждения политических институтов и позиций, героев и «отцов-основателей» для почитания и наизидания. Все это стимулировало (но и вводило в определенные интеллектуальные рамки) развитие научных исследований. Изучение революции XVIII в. стало особой отраслью французской исторической науки, со своим учебным центром, специальной научной печатью, солидной публикаторской базой.

И. Тэн. «Происхождение современной Франции». Виднейшим представителем консервативного направления в изучении Французской революции был **Ипполит Тэн**. Идейная эволюция Тэна после событий Парижской Коммуны 1871 г. от умеренного либерализма к воинствующему консерватизму сказала на его подходе к истории революции, изучению которой он посвятил последние 20 лет своей жизни.

В 1876—1893 гг. Тэн создал пятитомный труд «Происхождение современной Франции» (последний том, посвященный «современному порядку», остался незавершенным). Тэн работал в Национальном архиве; он заявлял, что следовал «беспристрастному научному методу». В действительности созданный им труд, основанный на его «психологическом методе» изучения истории, глубоко пристрастен, он представляет собою решительное осуждение Французской революции. Этому был подчинен и отбор документов.

Глубинным истоком революции Тэн считал особенности «французского духа», сложившегося под воздействием рационализма XVII в. и Просвещения. Абстрактный, прямолинейный, этот тип сознания, полагал он, стремился подчинить умозрительной жесткой схеме живую, исполненную многообразия действительность. Особенно вредоносной он считал систему Руссо — в ней уже были заложены и анархия (так как форма правления должна подчи-

няться в любой момент «общей воле»), и деспотизм (так как права индивида в ней отчуждены в пользу коллектива, «народасуверена»).

Между тем именно этому духу следовала во всем Французская революция, в которой Тэн, в отличие от Токвиля, восхитившегося порывом к свободе в 1789 г., не видел ни одного светлого эпизода. В сущности, согласно Тэну, уже с Учредительного собрания все было предрешено: воплощение руссоистской схемы «общественного договора» вело к превращению Франции во «вместилище распыленных, равных друг другу, оторванных друг от друга и подобных друг другу, как песчинки, индивидов»²³.

Революцию в целом Тэн считал губельным взрывом преступных страстей. Он видел в ней две главные действующие силы. Первая — народ. Измученный нищетой, грубый и невежественный, он был отравлен разрушительной философией XVIII в., которая опрокинула сдерживающие традиции и разнуздала низменные инстинкты: «Несколько тысяч говорунов спустили с цепи несколько миллионов дикарей»²⁴. Вторая сила революции, по Тэну, — «якобинцы» (к ним он причислял и Жиронду). «Якобинцы» в схеме Тэна не социально-политическое течение, а особый психологический тип: это озлобленный демагог и догматик, пропитанный абстрактными идеями философии, олицетворявший самый дух революции, ее собирательную психологию.

Из анархии, по мысли Тэна, естественно вырастал деспотизм, тоже взявший на вооружение философию и построивший в наполеоновское время основы современной Франции. «В этой философской казарме, — заключал Тэн, — мы живем уже восемьдесят лет»²⁵.

Книга Тэна содержала некоторые реалистические наблюдения относительно массовой психологии эпохи, особенно предреволюционного времени (хотя *ergo*

²³ Цит. по кн.: *Furet F., Ozouf M. Dictionnaire critique de la Révolution française*. P. 1988. P. 1067.

²⁴ *Тэн И.* Происхождение общественного строя современной Франции. СПб., 1907. Т. I. С. 550—551.

²⁵ *Тэн И.* Происхождение современной Франции. Т. IV. 1907. С. 256.

подход к проблеме был в духе антропоморфизма: психологию массы он отождествлял с психологией отдельного человека). Желая показать «разгул анархии» в годы революции, Тэн уделил большое внимание народным движениям и был первым историком, попытавшимся дать по документам Национального архива общий обзор крестьянских восстаний. Эта сторона его труда заинтересовала П. А. Кропоткина. «После Тэна,— писал он в 1878 г.,— формальная история революции уже невозможна. Будущая история революции должна быть историей народного движения за этот период»²⁶.

Написанная ярко, талантливо, книга Тэна стала заметным явлением во французской историографии последней трети XIX в. Она была с одобрением встречена в консервативных и реакционных кругах. До конца столетия отдельные ее тома выдержали от 5 до 25 изданий. В 80-е годы XIX в. во Франции выходил журнал «Вестник революции» («Revue de la Révolution»), в котором история Французской революции трактовалась в духе тэновского подхода.

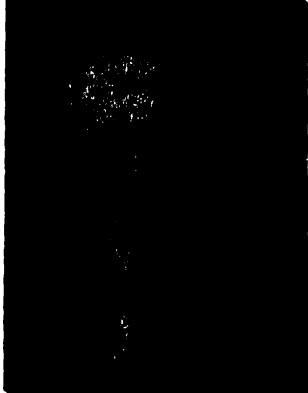
Революция в буржуазно-республиканской историографии. А. Олар. Однако ведущую роль в изучении Французской революции играли в конце XIX — начале XX в. историки буржуазно-республиканского направления. Их деятельность встречала официальную поддержку. Третья республика объявила себя наследницей революции. День 14 июля был объявлен национальным праздником, «Марсельеза» — национальным гимном Франции. В 1889 г. Всемирной выставкой в Париже (и сооружением Эйфелевой башни) была торжественно отмечена столетняя годовщина революции. С 1881 г. стал издаваться журнал «Французская революция» (*La Révolution française*), в 1888 г. создано Общество по истории Французской революции. В Сорбонне была учреждена кафедра истории Французской революции (1886). Широко развернулась публикация архивных документов, был создан большой научно-вспомогательный аппарат (специальные справочники, каталоги, словари).

²⁶ Кропоткин П. А. Великая французская революция: 1789—1793. М., 1979. С. 459—460.

Историки республиканской школы создавали свой образ Французской революции, который соответствовал идеям буржуазного республиканизма первых десятилетий Третьей республики. Они выдвигали на первый план рожденные революцией принципы буржуазной демократии, заложенные ею светские, а также национальные традиции, которые противопоставляли клерикально-монархической реакции, с одной стороны, социалистическому движению — с другой. Продолжая традицию, заложенную еще историками периода Реставрации, республиканские историки Третьей республики считали исторически оправданными все этапы Французской революции, принимали ее как «блок» (известное выражение Ж. Клемансо). При этом они стремились по возможности сгладить непримиримость, остроту социально-политической борьбы революционного времени. Их любимыми героями были Мирабо и в особенности Дантон. В нем видели реалистического политика и сторонника примирения партий, героя национальной обороны. Апофеозом возвеличения Дантона явилось сооружение памятника ему в Париже (1891); именем Дантона был назван один из броненосцев военного флота.

Виднейшим представителем буржуазно-республиканской школы, стоявшим на левом ее фланге, был Альфонс Олар (1849—1928), примыкавший к партии радикалов. Олар занимал кафедру по истории революции в Сорбонне (до 1923 г.), с 1887 г. редактировал журнал «Французская революция», возглавлял Общество по истории Французской революции. Олар ввел в изучение революции приемы научной «эрудиции», т. е. тщательного критического изучения архивных документов. Под его руководством были изданы важные публикации источников: протоколы Якобинского клуба, акты Комитета общественного спасения. Олар вел энергичную полемику с консервативной и реакционной историографией. Специальную книгу он посвятил критике исследовательских приемов и взглядов И. Тэна²⁷.

²⁷ См.: Aulard A. Taine historien de la Révolution française. P., 1907.

А. Олар

Как исследователь Олар занимался историей политических идей и учреждений во время революции. Этому посвящен его главный труд «Политическая история Французской революции» (1901). Революцию он рассматривал как воплощение в жизнь принципов «Деклараций прав» 1789 и 1793 гг.: «Великая французская революция состояла в Декларации прав, отредактированной в 1789 г. и дополненной в 1793 г., и во всех попытках, делавшихся с целью осуществления этой Декларации; контрреволюция состояла в попытках отвратить французов от поведения, согласно с основными принципами Декларации прав, т. е. согласного с разумом, просвещенным историей». Для Олара было характерно обычное для буржуазно-республиканской историографии возвеличение Дантона: «Политика Дантона была именно тем, что называют в настоящее время «оппортунизмом», если принять это слово в его хорошем значении. Дантон был продолжателем Мирабо, так же как Гамбетта был продолжателем Дантона»²⁸.

Фундаментальный труд Олара содержал громадный новый материал относительно политических аспектов Французской революции и в этом смысле не утратил значения до сих пор. Однако глубинные пласты социальной и экономической ее истории оставались в тот период вне поля зрения Олара.

Проблемы внешней политики в историографии. А. Сорель. Внешнеполитические условия Франции в последней трети

XIX в., широкое обращение к национальной традиции в общественно-политической жизни, рост в этих условиях националистических настроений, участие Франции в борьбе за раздел мира и колониальном соперничестве определили интерес французской историографии к истории внешней политики. В 1887 г. было создано Общество по истории дипломатии, издававшее свой журнал. Возникла значительная мемуарная, отчасти и историческая литература о франко-прусской войне. Началась разработка истории французской колониальной экспансии. В работах буржуазных авторов обосновывался тезис о цивилизующей роли французского колониализма для судеб колониальных народов.

Характерной чертой французской историографии конца XIX — начала XX в. было также усиленное внимание к истории наполеоновских войн и к истории самого Наполеона I как воплощения военного величия и славы Франции, победителя Германии, восстановителя порядка внутри страны. «Поколение 1914 г., — отмечал современный ученый Ж. Годшо, — было воспитано в культе Наполеона»²⁹.

Изучением этих вопросов занимались главным образом представители «академической» историографии³⁰, праволиберального и консервативного толка, которые вносили в их разработку сильную националистическую и апологетическую струю. Научной значимостью созданных работ выделяется среди них **Альбер Сорель** (1842—1906), профессор Высшей школы политических наук, член Французской академии. Его главный труд — «Европа и Французская революция» (1885—1904).

В этом ярко написанном восьмитомном исследовании, над которым Сорель работал 20 лет, была дана широкая панорама международных отношений в Европе от конца «старого порядка» до 1815 г. Наряду с богатством материала сильной стороной работы Сореля было его стремление выяснить взаимную связь внешней

²⁹ Godechot J. L'Europe et l'Amérique à l'époque napoléonienne. P., 1967. P. 280.

³⁰ Виднейшие из них были членами Французской академии (А. Сорель, А. Вандаль, Ф. Массон, Л. Мадлен и др.), которая является традиционным оплотом консерватизма во французской культуре.

²⁸ Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С. 948; 516—517.

и внутренней политики. Общая концепция Сореля, принадлежавшего к наиболее умеренному крылу буржуазно-республиканской историографии, продолжала линию А. Токвиля. Ее основой была идея эволюционной преемственности, преодоления власти традиции.

Главную задачу своего труда Сорель видел в том, чтобы «показать во Французской революции, которая одним представляется разрушением, другим возрождением старого европейского мира, естественное и необходимое продолжение истории Европы и обнаружить, что у нее не было ни одного следствия, даже самого необычайного, которое не вытекало бы из этой истории и не объяснялось бы прецедентами старого порядка»³¹. Руководствуясь этим исходным принципом, Сорель стремился доказать, что фатальной силой вещей революция и империя, Комитет общественного спасения и Наполеон I продолжали в своей внешней политике осуществлять задачи, поставленные еще абсолютной монархией, — завоевание «естественных границ» Франции (т. е. границы по левому берегу Рейна, Альпам и Пиренеям).

Сорель действительно показал наличие определенной преемственности в долговременной ориентации внешнеполитической деятельности Французского государства. Но, следуя изначально заданной схеме, он не видел исторической обусловленности различных типов внешней политики социальным характером сменявшихся во Франции режимов. Освободительные войны революции и экспансионистские войны Первой империи сливались у него в одно целое. Не диалектическое переплетение элементов разрыва и преемственности, а континуитет доминировал в созданной им истории, и это вело к упрощению сложной, противоречивой реальности международных отношений той эпохи.

Левореспубликанская тенденция в изучении истории международных отношений нашла отражение в творчестве **Антонена Дебидура** (1847—1917), близкого к буржуазно-радикальным кругам Третьей республики. Его исследование «Дипломати-

ческая история Европы от Венского до Берлинского конгресса» (1891) благодаря богатому и умело сгруппированному материалу долгое время сохраняло значение одного из основных пособий по дипломатической истории Европы в XIX в. В этом труде Дебидур постарался проследить развитие европейской международной системы от падения Наполеона I до 70-х годов. Его главной чертой он считал постепенно совершившийся переход от диктатуры одной державы — наполеоновской Франции — к преобладанию в 70—80-е годы шести великих держав («гекзархия»), взаимно уравновешивавших друг друга (Англия, Россия, Франция, Австрия, Германия, Италия). Значительную роль в развитии международных отношений Дебидур отводил революционным и национально-освободительным движениям, которые способствовали утверждению в Европе «принципа национальности» и «принципа народного суверенитета», провозглашенных Францией. Характерно для Дебидура и стремление изучать дипломатическую историю стран в связи с их внутренней жизнью.

Как и другие французские историки того времени, Дебидур мало интересовался экономической стороной международных отношений. Он полагал, что утверждение буржуазного строя и «европейского равновесия» великих держав уменьшило опасность завоевательных войн. История последующих десятилетий опровергла этот оптимистический прогноз.

Позитивистская историография к концу XIX в. В целом к концу XIX в. в изучении истории нового времени во Франции произошли заметные сдвиги. На эту область истории распространились методы строгой критической обработки документов, применявшиеся ранее лишь в медиэвистике. Обращение к архивным документам стало неременным условием всякого серьезного труда. Была создана упорядоченная система преподавания истории как университетской дисциплины. Если в начале XIX в. во Франции не было ни одной кафедры истории, то к концу века их было уже 71 (в Германии соответственно 12 и 175). В ряде университетов были организованы кафедры новой и современной истории и введена соответ-

³¹ Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1892. Т. 1. С. 6.

вующая специализация³². Выросло число научных обществ и журналов по истории нового времени³³.

Стремление к точному установлению и описанию событий и критическому анализу документов, убеждение в объективной детерминированности исторического процесса и возможности реального объективного познания истории являлись сильными сторонами позитивистской историографии. Однако результаты, достигнутые французской позитивистской историографией к концу XIX в., в ряде отношений уступали тому, что было сделано в других странах. В то время как в Англии, Германии, России, отчасти и в США развивалась разработка экономической и социальной истории (Роджерс, Эшли, Тойнби, «новая историческая школа» в германской политэкономии, «русская историческая школа» в России), интересы французских историков нового времени все еще были сосредоточены в основном на политической и военно-дипломатической истории. Они уделяли мало внимания социально-экономической истории, истории народных масс и социальных движений³⁴. Сам «научный метод», за применение которого ратовали французские историки-позитивисты, сводился для них преимущественно к методике изучения документов и точного установления фактов. Они заявляли о принципиальном отказе от всякой философии

³² Согласно утвердившейся тогда периодизации (которая принята во Франции и в наши дни), под «новой историей» имелся в виду период XVI—XVIII вв., под «современной историей» — период после 1789 г.

³³ Об институционализации французской исторической науки на рубеже XIX—XX в. см. разд. 4, гл. 3, с. 383—385.

³⁴ Социально-экономической историей Франции в новое время из числа видных ученых специально занимался лишь **Пьер Эмиль Левассер** (1828—1911), автор ряда трудов по истории промышленности, торговли, цен, народонаселения Франции, начиная от средних веков до нового времени, в том числе фундаментального исследования «История трудящихся классов и промышленности во Франции от 1789 г. до наших дней» (1867); в 1903—1904 гг. вышло 2-е издание, в котором изложение доведено до 1870 г. Под «рабочими классами» он имел в виду «всех, кто живет промышленным трудом, хозяев, подмастерьев, рабочих» (*Levasseur E. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. 2-e éd. P., 1903. P. VII*).

истории (в своей практике они следовали чаще всего плюралистической теории факторов). Это способствовал распространению эмпиризма, отказу от синтетических обобщений. Исторический процесс трактовался как только эволюционный.

Нередко крупные сдвиги и потрясения в истории объяснялись случайным стечением обстоятельств. Характерным примером такого подхода к истории являлась «Политическая история современной Европы» с 1814 по 1896 г. (1-е изд.; 1897), написанная видным представителем позитивистской историографии во Франции **Шарлем Сеньобосом** (1854—1942), которая содержала обильный и хорошо выверенный материал и рассказывала о фактах политической истории, но без попыток раскрыть ее связь с глубинными социально-экономическими процессами.

В конце XIX в. методические и методологические принципы позитивистской историографии были обобщены в совместном труде Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в историческую науку» (1898), надолго ставшем настольной книгой французских историков. Содержавшиеся в ней полезные методические рекомендации прочно вошли в историческую науку. Однако суть «научного метода» исторических наук ее авторы видели в точном описании и классификации фактов, выявленных в результате критического анализа документов. Выходящие за рамки описания событий оценочные суждения они считали излишними и вредными, отказываясь даже обсуждать «праздные», по их мнению, вопросы: «что такое история?», «каковы задачи истории, чему служит история?»³⁵.

Зарождение во Франции марксистской историографии. В 70-е годы XIX в. появилась значительная литература о Парижской Коммуне, созданная в эмиграции ее участниками (Б. Маломом, Г. Лефрансе, А. Арну, П. О. Лиссагаре и др.). Труды коммунаров противостояли клеветническим измышлениям о Коммуне, которые распространяла буржуазная литература, в них подчеркивался освободительный,

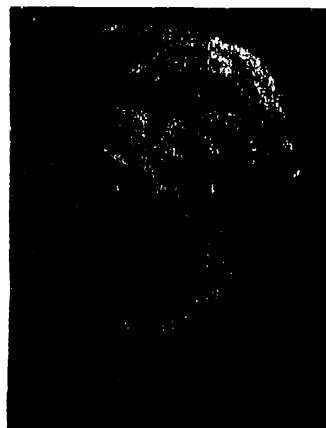
³⁵ *Ланглуа Ш. В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 6.*

народный характер революции. Они содержали материал личных воспоминаний и наблюдений их авторов, непосредственных участников событий. В 1876 г. вышла книга **Проспера Оливье Лиссагаре** (1838—1901) «История Коммуны 1871 года», которую высоко оценил Карл Маркс³⁶. Лиссагаре видел в Коммуне «революцию масс, а не кучки выдающихся умов», «борьбу за республику и за торжество социализма», подчеркивал роль в ней пролетариата³⁷.

Авторы мемуарных и исторических работ, созданных участниками Парижской Коммуны, рассматривали ее с позиций домарковского социализма. Особенно отчетливо проявились в трактовке Коммуны прудонистские и анархистские тенденции. Характерна в этом смысле получившая широкую известность «Народная и парламентская история Коммуны» (1878) прудониста **Артюра Арну** (1833—1895). Он считал, что Коммуна была создана народом и имела свою социальную идею, «подняла знамя социализма»; он дал ряд ярких живых картин ее истории. Политическую суть революции он усматривал в борьбе против всякой централизованной власти; смысл Коммуны для него заключен в словах: автономия, федерация, коллективизм.

Между тем в 70-е годы вышло первое французское издание 1-го тома «Капитала» Маркса, часть французских социалистов восприняла идеи марксизма. В 1879 г. была основана Рабочая партия, основатели которой, Ж. Гед и П. Лафарг, были крупнейшими представителями первого поколения французских марксистов. Все эти факты в истории рабочего движения Франции означали возникновение марксистского направления во французской общественной мысли. В русле его были предприняты и первые на французской почве шаги по применению марксизма к осмыслению и изучению истории.

Проблемами истории много занимался **Поль Лафарг** (1842—1911), виднейший во Франции пропагандист и теоретик марксизма. Обладая огромной эрудицией в различных отраслях знания, он создал яркие

П. Лафарг

труды по философии, политэкономии, социологии, литературоведению, лингвистике. Лафарг много занимался проблемами материалистического понимания истории. Особенно большое внимание он уделял разработке вопроса о социально-экономической обусловленности форм общественного сознания — философии, морали, религии.

Лафарг выступал с критикой, позитивистской социологии и свойственного ей вульгарного приспособления естественнонаучных теорий к общественным наукам (социал-дарвинизм), а также односторонне-эволюционистского взгляда на историю, присущего Конту, Спенсеру и другим позитивистам.

Лафарг предпринял и плодотворные попытки рассмотрения в свете марксизма некоторых конкретных проблем новой истории Франции.

Его внимание привлекли новые явления в развитии капитализма на рубеже XIX—XX вв. «Чудовищное сосредоточение капиталов в грозных, невиданных до сих пор размерах,— писал он в работе «Американские тресты» (1903),— представляет явление, уже само по себе характеризующее особую стадию капиталистической эволюции»³⁸. Таким образом, «Лафарг был одним из первых марксистов, который увидел в монополизации особую стадию капитализма»³⁹, хотя он

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 157—160.

³⁷ См.: Лиссагаре О. История Парижской Коммуны в 1871 г. СПб., 1906. С. 521, 329.

³⁸ Лафарг П. Соч. М., Л., 1931. Т. II. С. 209.

³⁹ Протасенко Э. М. Вопросы исторического материализма в трудах Поля Лафарга. Л., 1962. С. 42.

и не охватил всесторонне эти новые явления.

Большой интерес представляют созданные в 90-е годы очерки Лафарга «Классовая борьба во Франции» и «Социализм во Франции от 1876 до 1896 года» — первые в исторической литературе очерки истории рабочего и социалистического движения во Франции второй половины XIX в. Написанные его активным участником, они сохраняют значение и важного исторического источника.

Жюль Гед (1845—1922), будучи прежде всего выдающимся практиком рабочего движения, страстным агитатором, не занимался специально историей. Но в своей публицистике он не раз обращался к революционному историческому опыту Франции. Признавая большое историческое значение революции 1789 г. как «революции Третьего сословия», «которая сделала из буржуазии руководящий и господствующий класс», Гед противопоставлял ей «республиканскую и социалистическую революцию 18 марта» — Парижскую Коммуну 1871 г., которую он рассматривал как «рабочую революцию», «самый грандиозный революционный взрыв всех времен». Подчеркивая прежде всего буржуазный харак-

тер революции 1789 г., гедисты вели острую критику провозглашенных ею прав и свобод. Эти права, писал Гед, «всего лишь пустые слова для тех, у кого недостает средств для их осуществления»⁴⁰. Поэтому гедисты отказались участвовать в организованном деятелями Третьей республики столетнем юбилее революции 1789 г. «У Четвертого сословия или пролетариата есть другие дела, кроме празднования и продолжения Революции Третьего сословия, все издержки которой пали на его плечи», — писала в 1887 г. издававшаяся Гедом и Лафаргом газета «Социалист»⁴¹. Вместе с тем, как отмечает современный историк-марксист К. Мазорик, «мы совершили бы большую ошибку, ограничивая этим узким и, прямо скажем, сектантским представлением взгляды первой французской рабочей партии на Французскую революцию»⁴². Гедисты высоко ценили заложенную этой революцией республиканскую и революционную традицию.

⁴⁰ *Guesdes J. Textes choisis. 1867—1882. P., 1970. P. 83.*

⁴¹ Цит. по кн.: *Mazauric C. Jacobinisme et la Révolution. P., 1984. P. 31.*

⁴² *Ibidem.*

Глава 4

Немецкая историография. Малогерманская историческая школа

Социально-политические условия развития исторической науки. Во второй половине XIX в. Германия вступила в период мощного хозяйственного подъема, превратившего буржуазию в экономически ведущий класс немецкого общества. В стране была заложена основа крупной промышленности, использовавшей новейшее оборудование, опыт и достижения британской индустрии.

Завершилось капиталистическое переустройство сельского хозяйства, несмотря на сохранение множества феодальных пережитков. К концу 60-х годов были выкуплены основные феодальные повинно-

сти; выкупные платежи разорили массу бедного крестьянства и обогатили юнкерство, которое превратило свои имения в крупные капиталистические хозяйства. Противоречия юнкерства и буржуазии утратили свой антагонистический характер и уступили место классовому компромиссу: буржуазия отказалась возглавить борьбу за объединение Германии в союзе с народными массами.

Такое положение привело к объединению Германии под эгидой Пруссии с исключением Австрии. Объединение было осуществлено путем «революции сверху», проходившей в форме трех династических

войн. Германская империя возникла как одна из сильнейших европейских держав. Ее политический режим имел черты бонапартизма и милитаристско-антидемократическое содержание. В 70-е годы капитализм свободной конкуренции достиг в Германии высшей точки расцвета, за которой последовало вызревание в последующем десятилетии экономических и политических предпосылок для перехода в стадию империализма.

Рост социалистического движения оказывал все более заметное влияние на идейную жизнь в Германии, становился одним из важных факторов развития философии, социологии и исторической науки.

В этот период в немецких университетах наблюдался заметный прогресс в организации исторических исследований. Более трети студентов обучалось на философских факультетах, ставших ведущими во всех университетах Германии при одновременном падении значения теологических факультетов. В системе преподавания прочно укоренился лекционно-семинарский метод. Студенты приучались работать с первоисточниками, на основе которых писали рефераты и доклады с последующим обсуждением в семинаре. Тщательность и скрупулезность работы с источниками, настойчиво прививаемые студентам, сделали немецкие университеты образцом для других стран. Не случайно, что и в первой и особенно во второй половине XIX в. почти все одаренные иностранные студенты считали обязательным хотя бы три-четыре семестра проучиться в каком-нибудь из ведущих университетов Германии.

С начала 60-х годов в университетах была введена специализация по древней, средневековой и новой истории, в связи с чем возник ряд новых исторических кафедр и институтов. Крупнейшие университеты Берлина, Мюнхена, Гейдельберга, Галле, Лейпцига, Мюнстера начали выпускать серийные исторические публикации. В крупных научных центрах были созданы исторические комиссии, среди которых наиболее известной являлась комиссия при Баварской академии наук.

В 1852 г. был создан Германский Национальный музей в Нюрнберге, где за корот-

кое время удалось собрать значительное количество культурно-исторических экспонатов; за ним последовал Римско-германский Центральный музей в Майнце. Начал выходить ряд новых периодических изданий по проблемам истории. Среди них особенно выделялся ведущий орган немецкой буржуазной историографии «Исторический журнал» («Historische Zeitschrift»), выходивший с 1859 г. в Мюнхене. Но сама структура немецкой исторической науки оставалась федералистской, в империи не существовало координирующих центров исторических исследований, не было каких-либо определенных программ научно-исследовательской работы в области истории.

Малогерманская историческая школа. Господствующее положение в немецкой буржуазной историографии второй половины XIX в. занимали малогерманские историки, получившие такое название за активное участие в политической борьбе вокруг объединения Германии под руководством Пруссии и после 1871 г. ставшие официальной исторической школой Пруско-Германской империи. Признанными лидерами и вдохновителями малогерманской школы являлись И. Г. Дройзен, Г. фон Зибель и Г. фон Трейчке. К малогерманцам примыкал и ряд других видных историков, среди которых был и крупнейший исследователь античности Т. Моммзен, в отличие от прочих малогерманцев сохранивший либеральные воззрения и после создания Германской империи.

Иоганн Густав Дройзен (1808—1884) происходил из семьи бедного гарнизонного пастора провинциального померанского городка Трептов, и уже в детстве в его сознание были заложены сохраненные на всю жизнь идеи лютеранства и пруссачества. Окончив Берлинский университет, Дройзен занимался проблемами античности и в 1833 г. опубликовал «Историю Александра Великого» (1836), за которой последовала двухтомная «История эллинизма» (1853). Уже в этих первых работах Дройзен расценивал проведенное военным путем объединение мелких греческих государств вокруг Македонии как образец национального объединения.

Став в 1840 г. профессором в Кильском университете, Дройзен обратился к изуче-

Г. Зибель

нию нового времени и создал двухтомные «Лекции по освободительным войнам» (1846), затем биографию одного из видных деятелей этих войн фельдмаршала Йорка (1851—1852) и после перехода в Берлинский университет свой главный труд — «Историю прусской политики» в 14 томах, доведенную до начала Семилетней войны¹. Одновременно с этим в последние годы жизни Дройзен руководил изданием документов из прусских архивов, которое должно было доказать благотворность политики Пруссии для всей Германии.

В отличие от Дройзена Генрих фон Зибель (1817—1895) принадлежал к числу выходцев из крупной рейнской буржуазии. Его отец, преуспевающий юрист и прусский чиновник, получивший дворянский титул, примыкал к умеренно-либеральной буржуазии и был близок с ее лидерами — Ганземаном, Кампгаузенем и Мефиссенем. В Берлинском университете Зибель учился у Савиньи и Ранке и уже в своем первом крупном произведении «Политические партии Рейнской провинции» (1847) выступил за предоставление буржуазии права в управлении государством путем реформы. Зибель четко осознавал, что для буржуазии наиболее опасным становится не полуфеодалное юнкерство, и требовал создания под эгидой прусской короны прочного союза имущих классов в совместной борьбе против угрозы со стороны «четвертого сословия».

После недолгого пребывания в Мюнхене (1856—1861), где Зибель вел как секретарь Исторической комиссии большую научно-организационную работу и основал «Исторический журнал», и Бонне (1861—1875) он был назначен директором Прусского государственного архива. Находясь на этом посту, он создал свой главный, оставшийся незаконченным труд — «Основание Германской империи Вильгельмом I»².

Наибольшим политическим темпераментом отличался младший коллега Дройзена и Зибеля, сын дрезденского офицера Генрих фон Трейчке (1834—1896), взгляды которого первоначально формировались под влиянием лекций либерального профессора Дальмана в Боннском университете.

В своих первых небольших работах, посвященных различным локальным проблемам английской истории и написанных с прогрессивных для того времени позиций, Трейчке ратовал за национальное единство на основе конституционной монархии. Но если в начале конституционного конфликта в Пруссии Трейчке стоял еще в оппозиции прусскому правительству и Бисмарку, то уже в 1864 г. он становится ярким бисмаркианцем. Независимо от своей национал-либеральной партии он настолько следовал за всеми изгибами бонапартистской политики Бисмарка, что получил вполне заслуженное прозвище «пророк нашего рейха».

Основой исторических воззрений малогерманских историков была их этатистская и антиреволюционная идеология, отличавшаяся, однако, определенной двойственностью и противоречивостью. Их выступления за национальное объединение Германии, борьба с феодализмом, сепаратистскими течениями и юнкерством сыграли в начале их деятельности прогрессивную роль, хотя уже тогда малогерманцы стремились не к последовательной борьбе против реакции, а к компромиссу с прусской монархией.

Наибольшие достижения в этой области принадлежали Зибелю, написавшему

¹ Droysen J. G. Geschichte der preußischen Politik. 14-Bde. Leipzig, 1855—1886.

² Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. 7-Bde. München, 1889—1894.

проникнутую апологией буржуазного общественного строя «Историю революционного времени с 1789 по 1800 г.»³. Зибель пытался противопоставить свое понимание Великой французской революции как консервативным, так и демократическим ее оценкам. Главную позитивную сторону революции он находил в том, что она установила господство капиталистических отношений, а ее основную негативную черту — в том, что она, как и всякая революция, с самого начала имела тенденцию угрожать порядку и собственности, поскольку выводила на сцену истории народные массы.

Зибель признавал прогрессивное значение революции в смысле уничтожения феодальных порядков, но подчеркивал, что для истории предпочтительнее путь реформ сверху. Он оправдывал революцию только на первом этапе, до свержения фельянов и провозглашения республики, изображая дальнейшие события как хаос и господство анархии.

Новой в научном отношении стороной работы Зибеля было его стремление рассмотреть события во Франции в широком контексте международных отношений и показать значимость революции для других государств Европы. Определенное внимание уделил он и социально-экономическому фактору, показав значение аграрной и финансовой реформ для ликвидации устаревших феодальных отношений. Зибель ввел в научный оборот много неизвестных ранее документов из архивов Англии, Голландии, Польши, Швейцарии. Одним из первых он указал на стремление жирондистов решить внутренние затруднения путем успехов на полях сражений, но совершенно неправомерно снимал ответственность за начало войны с реакционных монархов Европы. На основе архивных материалов Зибель показал непрочность первой антифранцузской коалиции, раздиравшие ее противоречия, главным источником которых была польская проблема. Он обратил внимание на намерения Екатерины II,

³ *Sybel H. Geschichte der Revolutionszeit von 1789—1795 (1800). 5-Bde. Düsseldorf, 1853—1879.*— Русск. пер.: *Зибель Г. История французской революции и ее времени (1789—1795 гг.). СПб., 1863—1867. Ч. I—IV.*

Г. Трейчке

стремившейся втянуть Австрию и Пруссию в войну против Франции, а за их спиной захватить Польшу.

Но общая оценка революции Зибелем была шагом назад от позиции Роттека или Шлоссера, которые, осуждая революционный террор, все же видели в ней классический образец установления свободы и равенства. Зибель же решительно отказывался признать внутреннюю закономерность и неизбежность революции, противопоставил ей путь реформ сверху как идеал прогресса.

Во время франко-прусской войны, завершившей объединение Германии, малогерманские историки приняли активное участие в разжигании инспирируемой правящими кругами шовинистической лихорадки. В бесчисленных публицистических статьях они не переставали доказывать, что со стороны Германии война является справедливой не только на первом этапе, но и на завершающей фазе военных действий, закончившихся аннексией Эльзаса и Лотарингии.

После 1871 г., когда главная политическая задача малогерманских историков была выполнена, из их сочинений начали исчезать относительно прогрессивные прежде национальные тенденции, их стали заменять тенденции откровенно националистические. Малогерманцы перешли на открыто реакционные позиции грубого восхваления сложившейся в империи социально-политической системы. Обеспокоенные усилением рабочего и социалистического движения в Германии, они старались убе-

дить предпринимателей пойти на умеренные социальные уступки рабочим. Поэтому они приветствовали начатую Бисмарком патерналистскую политику социальных подачек и принятие «исключительного закона» против социалистов.

Произведения малогерманцев, написанные в 80-е годы, сводились к прославлению милитаристского курса Пруссии как единственно возможной «реальной политики». В таком духе было создано единственное значительное историческое сочинение Трейчке «Немецкая история девятнадцатого века» (в 5 т.; 1879—1894), доведенная до начала революции 1848 г.⁴ В ней автор на все лады пропагандировал легенду об исторической миссии Пруссии, считая ее единственным немецким государством, которое неуклонно и последовательно воплощало национальные интересы. Династия Гогенцоллернов представляла под пером Трейчке как галерея великих исторических деятелей, подлинных героев немецкой истории. Направляя свою полемику против Австрии и мелких немецких государств, против идей Французской революции и южногерманского либерализма, Трейчке ограничил свою источниковую базу только прусскими архивами (хотя привлек и некоторые документы из баденского архива), материалы которых он обещал Бисмарку использовать исключительно во благо, а не во вред Пруссии. Опус Трейчке, за который он был удостоен официального титула «историограф прусского государства», носил настолько тенденциозный и даже фальсификаторский характер, что от позиции автора публично отмежевались его многолетние и близкие коллеги Баумгартен и Дройзен.

Столь же научно несостоятельной была и работа Зибеля «Основание Германской империи» (1889—1894), которая вызвала острую научную критику. Она была написана по прямому желанию Бисмарка, не решившегося, однако, предоставить автору право на использование большинства документов из архива ведомства иностранных дел: они содержали множество таких сведений, что канцлер предпочитал хранить их в секрете.

После отставки Бисмарка Зибелю по личному распоряжению нового кайзера Вильгельма II было вообще запрещено использовать дипломатические документы из архива. Император был недоволен общей концепцией Зибеля, изобразившего основание империи как деяние исключительно Бисмарка, по сравнению с которым все прочие лица, даже заглавная фигура книги — Вильгельм I, превратились во второстепенных персонажей.

Тезис о творении истории великими людьми нашел в книге Зибеля законченное воплощение. Объединение Германии по его концепции было возможно лишь путем бисмарковской «революции сверху». Никакой демократической, связанной с активностью народных масс альтернативы этому пути Зибель не признавал. Даже либеральное буржуазное движение он принимал во внимание только с 1867 г., когда оно пошло на признание политики Бисмарка и превратилось из его противника в подчиненного союзника.

Не менее тенденциозной была и «История прусской политики» Дройзена, все четырнадцать томов которой представляли апологию исторического права Пруссии на гегемонию в Германии. Дройзен откровенно определил свои взгляды как «не либеральные и не консервативные, а прусские, то есть немецкие, немецкие, то есть прусские».

Методологическая платформа малогерманцев в отличие от их ясной идейно-политической позиции была гораздо сложнее и противоречивее. Многие важные теоретические проблемы исторического познания малогерманцы решали совершенно иначе, чем Ранке или консервативные романтики. Это делало их самостоятельным историографическим направлением не только в политическом, но и в теоретико-методологическом отношении.

Большинство малогерманцев в идеалистической форме признавали закономерный и прогрессивный характер исторического развития, считая воплощением прогресса историю Пруссии XVII—XIX вв. В отличие от Ранке, который практически полностью исключал экономику из сферы изучения, малогерманцы в условиях быстрого развития капитализма в Германии не могли не признать, что «история эконо-

⁴ Treitschke H. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert, 5 Bde. Leipzig, 1879—1894.

мических процессов стала такой же важной, как и история разных дипломатических переговоров»⁵. Но развитие экономики они объясняли прежде всего моральными, этическими и психологическими мотивами и не шли дальше признания за ней роли одного из факторов исторического процесса. На практике же малогерманцы лишали экономику даже этого ранга равноправности по сравнению с прочими факторами и ограничивались в своих книгах лишь небольшими и формальными экскурсами в сферу материального производства.

Представители малогерманской школы открыто провозгласили принцип буржуазной партийности исторической науки. Они не скрывали, а, наоборот, подчеркивали, что стоят на «прусских и национально-либеральных» позициях. Трейчке писал: «С тех пор, как существует мир, в бурные периоды его бытия историк всегда назывался беспартийным только в одном случае: когда он лежал в могиле»⁶. Провозглашение малогерманцами принципа партийности исторической науки было более правомерным и обоснованным в отличие от мнимого объективизма Ранке. Но малогерманцы отождествляли свою буржуазную партийность с подлинной научной объективностью, что было столь же несостоятельным, как и показная беспартийность.

Великогерманское направление. Малогерманской школе до объединения страны активно противостояли великогерманские католические историки, центрами деятельности которых были Вена и католические земли юга Германии. Как политическое направление великогерманцы прекратили свое существование после австро-прусской войны 1866 г. и образования Северогерманского союза. Но в качестве историографического это направление не отмерло. Оно было представлено католическими историками Баварии, Вюртемберга и рейнских областей, объединенными единой исторической концепцией апологии католи-

цизма и осуждения Реформации и прусского протестантизма.

Самым авторитетным представителем великогерманского направления являлся профессор Инсбрукского университета **Юлиус Фиккер** (1826—1902), родом из отсталого аграрного района Вестфалии. Работы по истории средневекового немецкого и итальянского права принесли Фиккеру известность благодаря богатству содержавшегося в них фактического материала и тщательности обработки источников. Весьма ценными для своего времени были и его «Очерки по источниковедению» (1877—1878).

Фиккер являлся ревностным приверженцем Габсбургской династии и участвовал добровольцем в войне против Пруссии, считая Австрийскую империю с ее многонациональным составом лучшим гарантом национальных и международных интересов Германии.

Наиболее полно свою историческую концепцию Фиккер изложил во время ожесточенной четырехлетней дискуссии с Зибелем о значении средневековой Германской империи и ее внешней политики для последующей исторической судьбы немцев. Исходя из политических соображений, Зибель резко обрушился на романтическую идеализацию империи историками-великогерманцами и справедливо указал, что бесплодные итальянские походы императоров вредили национальным интересам Германии и во многом были продиктованы личными амбициями правителей, которых всегда манил «мираж господства к югу от Альп». Но вместе с такой здравой оценкой Зибель проводил идею, будто подлинно национальной немецкой политикой являлся «натиск на Восток», в Польшу и Прибалтику.

Фиккер, который раскрыл не столько научную, сколько политическую подоплеку концепции Зибеля, сам в свою очередь перешел к явной апологетике средневековой империи, объявив ее подлинным наследником только Австрию.

Дискуссия Зибеля и Фиккера была не совсем обычным столкновением различных точек зрения, независимо от их политических или научных устремлений. Речь шла о противоборстве двух давних принципиальных тенденций немецкой историогра-

⁵ Sybel H. Kleine Historische Schriften. Stuttgart, 1880. Bd. I. S. 360.

⁶ Schiemann Th. Heinrich von Treitschke. Lehr- und Wanderjahre. München, 1896. S. 226.

фии по проблеме возникновения германского государства. Первая тенденция исходила из чисто националистической позиции: решающее значение в возникновении государства придавалось «немецкому народному духу». Представители второй считали создание государства следствием лишь династической политики, делом рук отдельных правителей, наследниками которых являлись якобы только Габсбурги. Но в обоих случаях социально-экономические процессы и значение для складывания немецкого государства классовых противоречий между феодалами и крестьянами практически игнорировались.

В споре о содержании и значении итальянской политики императоров в научном плане последнее слово осталось за более подготовленным Фиккером. Большинство немецких историков, включая и Дройзена, высказались в его поддержку, в то же время отметив многие грубые фактические ошибки Зибеля и его слишком бросающаяся в глаза политическую тенденциозность.

В самой Германии Фиккера наиболее ревностно поддерживал учитель гимназии во Франкфурте-на-Майне Иоганн Янсен (1829—1891), автор солидной «Истории немецкого народа с конца средневековья» (1876—1888). На сочинение Янсена очевидный отпечаток наложила проводившаяся в эти годы политика культуркампфа. Поэтому его многотомная история была проникнута стремлением доказать необходимость католической идеологии и ее значимость в борьбе против угрозы социального переворота. Отсюда и та крайне отрицательная оценка, которую автор давал Реформации и Крестьянской войне, считая их порождением пагубного капиталистического духа, пришедшего в идиллическую сельскую местность из развращенных городов. Осуждая евангелизм, Янсен тем не менее достаточно верно считал его не просто религиозным учением, а порождением социального развития, хотя более отчетливо его сущность не определял.

История Янсена была интересна тем, что в ней использовались новые виды источников бытового характера, отразившие повседневную крестьянскую жизнь, обычаи, нравы, психологию сельского населения. Хотя интерпретация этих источни-

ков была довольно произвольной и отвечала стремлению показать картину патриархальных отношений в средневековой деревне, их привлечение все же расширяло исторический кругозор и освещало прошлое с новой стороны.

Либеральное направление. Если мало-германские историки после объединения страны окончательно повернули в сторону реакции и отбросили свои прежние либеральные идеи середины века, то это еще не означало исчезновения либеральной историографии в Германии. На позициях умеренного либерализма оставались те буржуазные историки, которые осуждали засилье пруссачества и склонялись к интерпретации истории как постоянного прогрессивного развития человеческой культуры. Методология либеральных ученых продолжила традицию гейдельбергской школы, дополненную некоторыми элементами позитивистской методологии.

Сложным и противоречивым представителем либерального направления был профессор истории искусств Базельского университета Якоб Буркхардт (1818—1897). Он окончил Берлинский университет, где был учеником Ранке. Однако Буркхардт не только не воспринял строгого научно-критического подхода Ранке к источникам, но и занял по отношению к нему враждебную позицию. В противоположность школе Ранке, он выдвигал на первый план не государство и политическую историю, а историю духовной и отчасти материальной культуры человечества. Он писал: «История была и остается для меня величайшей поэзией; я рассматриваю ее как удивительный процесс... новых, вечно новых открытий духа»⁷.

В ранний период творчества Буркхардт видел суть исторического прогресса в раскрытии возможностей человеческой личности. Считая, что история представляет собой взаимодействие государства, религии и культуры, особо важную роль он отводил последней, поскольку именно в культуре человеческий дух раскрывался наиболее полно. Подробно такая концепция была

⁷ *Burckhardt J. Briefe. Vollständige Ausgabe. Basel, 1949. Bd. I. S. 208.*

развита в работе «История Ренессанса в Италии» (1860), где Буркхардт создал яркую картину культуры итальянского Возрождения как переломного момента в развитии общеевропейской культуры. Одним из первых среди историков он попытался на основе воссоздания быта и нравов описываемой эпохи, характеристики взглядов ее выдающихся представителей выявить свойственный Возрождению и охватывающий все его аспекты тип культуры. Этим и объяснялось статичное изображение итальянского Возрождения как единого целого, без выделения каких-либо хронологических этапов. Само возникновение Ренессанса Буркхардт считал загадочным феноменом взлета человеческого духа и не ставил вопроса о классовой природе культуры и идеологии Возрождения. Это было связано с общенсторической концепцией Буркхардта, который рассматривал историю не как осуществление какого-то «мирового божественного плана», а как смену культур на основе «высших и непостижимых законов жизни»⁸.

Либерализм Буркхардта нашел свое выражение и в его отношении к французским просветительским идеям и в его увлечении Французской буржуазной революцией. Курс по истории этой революции он читал между 1860 и 1881 гг. 11 раз. При этом Буркхардт неоднократно подчеркивал влияние, оказанное на него Тьерри, Гизо, Кине и другими либеральными французскими историками.

Необычайно разносторонними были интересы другого либерального историка, гейдельбергского профессора **Эберхарда Готхайна** (1853—1923), занимавшегося не только историей, но и политэкономией, философией, социологией, психологией, историей искусства и религии. Буркхардт рассматривал Готхайна после появления его книги «Развитие культуры Южной Италии» (1886) как своего лучшего последователя и преемника. Готхайн полагал, что если в XVIII в. царией общественных наук была философия, то теперь ею долж-

на стать история, и прежде всего история общечеловеческой культуры. Он писал, что «существует лишь одна наука о человеческом духе. Если мы понимаем ее в ее постоянных основах, то называем ее философией; если мы хотим познать изменения и развитие ее предмета, то она называется историей культуры. Tertium non datur (Третьего не дано — лат.— А. П.)»⁹.

В условиях, когда большинство немецких историков превозносили государство, Готхайн осмелился заявить, что в истории Германии все наиболее плодотворные духовно-культурные явления развивались не под опекой государства, а вопреки его противодействию. В духе позитивизма Готхайн рассматривал экономику как составную часть общей истории культуры, органически связанную с другими сферами общественной жизни; он написал насыщенную богатым фактическим содержанием «Экономическую историю Шварцвальда» (1892) и экономически-правовую историю города Кёльна (1916).

Считая предметом истории общую культуру эпохи, Готхайн не сводил ее к простой сумме экономических, правовых, религиозных и политических явлений, фактов науки и искусства: они были для него лишь отдельными конкретными проявлениями духовной жизни; стержнем же истории Готхайн считал идеи, их генезис, развитие и расцвет. История как развитие человеческого духа во всем многообразии окружающих его реальных явлений — вот что составляло, по убеждению Готхайна, подлинный предмет изучения. Поэтому его концепция не выходила за пределы идеалистически понимаемой истории духа и идей.

Гёттингенский профессор **Макс Леман** (1845—1929) в начале своей деятельности примыкал к малогерманской школе, но в отличие от ее лидеров и после объединения Германии сохранил либеральные идеи. Поступив, по предложению Зибеля, в Прусский государственный архив, Леман руководил изданием семитомной серии документов «Пруссия и католическая церковь с 1640 года» (1878—1894), за которую

⁸ *Burckhardt J. Gesammelte Werke. Darmstadt, 1956. Bd. IV. S. 42.* — Русск. пер.: *Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения.* СПб., 1904—1908. Т. I—II.

⁹ *Gothein E. Die Aufgaben der Kulturgeschichte. Leipzig, 1889. S. 49.*

фракция партии Центра в прусском ландтаге обвинила его в «систематической фальсификации истории». Из этих архивных изысканий выросла первая крупная работа Лемана — биография руководителя военной реформы начала XIX в. в Пруссии Герхарда Шарнхорста¹⁰. Автор впервые детально исследовал отношение Шарнхорста к Французской революции и к Прусскому королевству; он показал, что Шарнхорст являлся не просто прусским генералом, а немецким патриотом, осуществившим военную реформу не по доброй воле прусского короля, а лишь сломив его долгое сопротивление нововведениями в армии.

Приступая к работе, Леман намеревался оказать «патриотическую услугу» Пруссии и обогатить картину «отечественной истории». На деле же биография Шарнхорста развенчивала легенду малогерманцев о национальной миссии Пруссии и ее правителей в Германии.

Еще больший резонанс вызвала другая книга Лемана — «Фридрих Великий и происхождение Семилетней войны»¹¹. Поводом к ее созданию послужило ознакомление Лемана с хранившимся за семью печатями «Политическим завещанием» Фридриха, прочитав которое, Леман был потрясен аннексионистскими замыслами короля и его политическим вероломством. Поставив задачу показать истинное лицо прусского короля и опровергнуть созданные о нем многочисленные апологетические легенды, Леман сознавал, что становится еретиком среди немецких историков. Еще до выхода книги он писал своему близкому коллеге Г. Дельбрюку: «Скоро Вы услышите обо мне — будет ужасный скандал, вся свора пруссаков и ортодоксальных поклонников Фридриха попытается меня растерзать»¹².

Действительно, Леман настолько убедительно доказал агрессивный характер внешней политики Фридриха, что против

него была развязана настоящая травля печати, и он был вынужден уйти с поста второго редактора «Исторического журнала». Леман остался либералом. В среде университетских ученых он оказался изолированным. Теоретико-методологические взгляды Лемана носили идеалистический характер: для него история была деянием великих личностей, и его обращение прежде всего к жанру исторических биографий было далеко не случайным.

В этом жанре была написана и следующая книга Лемана — трехтомная биография инициатора и руководителя прусских реформ Карла Штейна¹³, потребовавшая около пятнадцати лет работы. Хотя в этом произведении, явившемся дальнейшим опровержением прусской легенды, Леман несколько преувеличивал степень влияния Французской революции на взгляды Штейна и других реформаторов, на что обоснованно указывали его критики, главное заключалось в другом. Леман верно выдвигал на первый план буржуазный характер обоих явлений: Французской революции и прусских реформ, видя в последних порождение и влияние революции.

В своих работах Леман сознательно акцентировал внимание на личностях и деятельности реформаторов, заслонивших собою народные массы. О последних Леман упоминал в биографии Штейна лишь мельком, но в весьма интересной связи. Он писал, что «система Штейна страдала одной ошибкой, которая чем дальше, тем больше должна была стать заметной: она игнорировала слои ниже бюргеров и крестьян, но которые также принадлежали к нации: челядь и поденщиков в деревне, подмастерьев и фабричных рабочих в городах»¹⁴. Автор не развивал эту глубокую мысль, но она свидетельствовала о том, что при всей идеализации Штейна и его реформ Леман понимал их ограниченный характер.

Стремление Лемана сохранить в новых условиях либеральное идейное наследие XIX в. изолировало его от пропрусских историков, с которыми он постоянно вел

¹⁰ *Lehmann M. Scharnhorst. 3 Teile. Leipzig, 1886—1887.*

¹¹ *Lehmann M. Friedrich der Große und Ursprung des siebenjährigen Krieges. Leipzig, 1894.*

¹² *Lehmann an Delbrück, 2.6.1894//Deutsche Staatsbibliothek zu Berlin, Handschriftenabteilung, Nachlaß Hans Delbrück.*

¹³ *Lehmann M. Freiherr vom Stein, 3 Teile. Leipzig, 1902—1905.*

¹⁴ *Lehmann M. Op. cit. Bd. 3. S. 482.*

страстную полемику, и обусловило его подчеркнута индивидуалистическую позицию.

Историко-экономическое направление. С 70-х годов XIX в. в немецкой буржуазной историографии начинает усиливаться историко-экономическое направление, в центре внимания которого оказались процессы, происходившие в базисе общества. Его формирование было обусловлено ростом классовой борьбы пролетариата и влиянием марксизма, которому представители этого направления пытались противопоставить собственную концепцию социально-экономического развития общества. Она была призвана доказать извечность частной собственности и обосновать такое понимание исторического процесса, по которому капитализм представал как завершение истории человечества.

Представители этого направления выступали как сторонники реформ для смягчения обострившихся социальных противоречий. Во имя сохранения капитализма они пропагандировали активную социальную политику и усиление прямого государственного вмешательства в экономическую сферу деятельности. Для распространения своих взглядов они создали в 1872 г. Союз социальной политики, просуществовавший до первых лет фашизма. От своих противников, идеологов фритредерства в Германии, представители этого направления получили укоренившееся за ними ироническое название «катедер-социалисты» (т. е. кафедральные социалисты, от немецкого слова *Kathedr* — кафедра).

В методологическом плане историко-экономическое направление отрицало какие-либо общие законы и заменяло экономическую теорию сбором и описанием фактов хозяйственной деятельности в различные эпохи. Во многом оно было близко к позитивизму, но вместе с тем находилось и под заметным влиянием традиционной для немецкой историографии идеи органического развития общества, почерпнутой из арсенала исторической школы права.

Это направление имело своим предшественником «историческую школу в политэкономии», которая возникла в Германии в 40-е годы XIX в. и выступила с критикой классической буржуазной политической экономии А. Смита и Д. Рикардо,

прежде всего ее абстрактно-логического и внеисторического характера. Абстрактной политэкономии представители «исторической школы» пытались противопоставить иной подход, при котором были бы установлены законы не экономического развития вообще, а только такие, которые специфичны для определенных исторических периодов.

Старая «историческая школа» выступала за ликвидацию феодальных пережитков путем буржуазных реформ, проводимых государством, и боролась против различных течений утопического социализма.

Развитие капиталистических отношений, рано проявившиеся в Германии тенденции к монополизации, быстрое распространение в пролетарской среде марксизма привели к возникновению новой «исторической школы», которая видела свою главную задачу в предотвращении порожденной антагонизмом имущих и неимущих классов «пока еще далекой, но в достаточной степени грозной опасности социальной революции»¹⁵. Ведущими лидерами новой школы и руководителями Союза социальной политики были Г. Шмоллер и Л. Brentano.

Густав Шмоллер (1838—1917) был профессором Страсбургского, а затем Берлинского университета, членом Прусской академии наук, официальным придворным историографом Бранденбурга, инициатором и руководителем издания знаменитой серии исследований и документов по административной и социально-экономической истории Пруссии — «Прусские акты», («*Acta Borussia*»). Он создал также «Ежегодник по вопросам законодательства, управления и народного хозяйства» («*Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft*»), иначе называемый «Ежегодником Шмоллера» («*Schmollers Jahrbuch*»).

В многочисленных трудах, посвященных генезису капиталистических отношений в Германии и различным проблемам социально-экономической политики прус-

¹⁵ *Schmoller G. Rede zur Eröffnung der Besprechung über sociale Frage in Eisenach, den 6. Oktober 1872. Leipzig, 1890. S. 5; см. также Шмоллер Г. Борьба классов и классовое господство. М., 1906.*

Г. Шмоллер

ских королей, Шмоллер подробно разработал легенду о «социальной миссии» Гогенцоллернов. Легенда сводилась к тому, что главной причиной перехода от феодального застоя XVI в. к ускоренному развитию капитализма с начала XIX в. была социально-экономическая и торговая политика прусских правителей, которую Шмоллер именовал социальной и служившей интересам страны и народных масс.

Для новой школы экономическая история являлась закономерным эволюционным процессом, который можно познать средствами и методами науки. Экономика неразрывно связывалась с прочими сферами жизни общества: языком, религией, искусством, государством, правом — но не признавалась их основой, поскольку сама интерпретировалась как взаимодействие психологических и природных факторов. Такое дуалистическое толкование свидетельствовало о влиянии позитивизма на представителей «исторической школы».

В некоторых отношениях принципы этой школы были плодотворны и представляли определенный прогресс в развитии буржуазной исторической науки. В исследованиях принадлежавших к ней ученых подчеркивалось особо важное значение экономики как специального предмета научного изучения. Они впервые попытались дать периодизацию истории по экономическому критерию. Сделал это еще представитель старой школы Б. Хильдебранд, разделивший всю историю на три периода: натуральное, денежное и кредитное хозяйство. Воспринявший его периодизацию Шмоллер дополнительно разделил

период денежного хозяйства на три фазы: городское, территориальное и народное хозяйство. Нетрудно увидеть, что в такой периодизации своеобразно отражались действительно существовавшие типы экономики, хотя сам принцип классификации базировался не на характере производства, а на характере обмена.

Сложной и своеобразной личностью был представитель левого крыла катедер-социализма **Луио Brentano** (1844—1931), чей жизненный путь начался, когда в Вене еще правил Меттерних, а закончился, когда в Германии на пороге власти стоял уже Гитлер. Brentano происходил из итальянского аристократического рода, еще в средние века переселившегося во Франкфурт-на-Майне и давшего миру знаменитого поэта-романтика Клеменса Brentano.

Окончив Гёттингенский университет, Л. Brentano начал свою научную деятельность как классический либерал, убежденный в том, что политическая экономия, если она стремится объяснить реальные проблемы общества, должна брать мир таким, каков он есть в действительности, а не таким, каким он должен быть в идеализированном представлении.

От прочих представителей новой «исторической школы» Brentano отличался отсутствием большого интереса к истории и архивным изысканиям, поскольку разделял убеждение в том, что история — это прежде всего наука об индивидуальном. Brentano, однако, подчеркивал, что «наиболее интересным в научном отношении является установление законов, то есть всеобщего в особенном»¹⁶. Не был он и поклонником государства, особенно прусского. Будучи профессором университета в Бреслау (Вроцлав), Brentano писал Шмоллеру: «Политически разница между нами заключается в том, что Вы — абсолютист, а я — либерал. Куда Вы пришли с Вашим абсолютизмом, теперь показывает закон о социалистах... Абсолютизм... есть не что иное, как организованное зверство»¹⁷.

Brentano, в отличие от Шмоллера, не считал, что государство определяет разви-

¹⁶ Brentano an Schmoller, 27.10.1878//Archiv für Kulturgeschichte. 1941. Bd. 30. S. 200.

¹⁷ Ibidem.

тие экономики. Для него экономика являлась автономной от государства сферой, всецело управляемой рыночными отношениями, в которые государство не должно вмешиваться.

Позиция Brentano во многом диктовалась его англофильскими настроениями. Во время пребывания в Лондоне он встречался с буржуазными реформаторами и лидерами рабочего движения и вернулся в Германию с идеей о том, что рабочие могут удовлетворить свои требования и в рамках капиталистического общественного строя. Написав после поездки в Англию книгу «Рабочие гильдии современности» (1871—1872), Brentano, по оценке К. Каутского, объявил в ней «немецкой нации, что нашел в английских тред-юнионах с их компромиссными мерами панацею, великое средство примирения рабочих с современным обществом»¹⁸.

В первом томе книги Brentano проследил историю английского профсоюзного движения и описал ее как процесс, в ходе которого умеренные и разумные британские рабочие отвергли опасный путь чартизма и при дружеской поддержке либеральных реформаторов создали прагматично настроенные и мощные профессиональные организации. Главной заслугой профсоюзов Brentano считал защиту ими интересов рабочих без посягательства на капиталистическую социально-экономическую систему. Он надеялся на повторение такого же процесса и в Германии, но только в том случае, если либеральные реформаторы раскроют пролетариату его истинные потребности и сумеют оторвать его от революционной социал-демократии.

Выводя историческую родословную профсоюзов из средневековых цехов, Brentano выступал в защиту их прав и указывал, что в современном обществе «естественным состоянием и принципом предпринимателей является конкуренция, естественным принципом рабочих — организация»¹⁹. Слабость Brentano как ученого, отразившаяся в этой книге, состояла в том, что он прямолинейно подходил к прошлому

лишь с точки зрения его связи с современностью, а его исторические экскурсы были слишком поверхностны и потому малоубедительны.

Видным ученым историко-экономического направления был лейпцигский профессор Карл Бюхер (1847—1930), которому принесла широкую известность работа «Возникновение народного хозяйства» (1893), за несколько лет вышедшая шестью изданиями. Это была теоретическая книга, в которой Бюхер разработал экономическую периодизацию истории, выделив три периода по типу хозяйств: домашнего, городского и народного.

Домашним Бюхер называл полностью обособленное натуральное хозяйство, которым по его периодизации характеризовались первобытное, рабовладельческое общество и средневековье на стадии вотчинного хозяйства. Когда в средние века с развитием городов обмен принимает регулярный, устойчивый характер, наступает, по Бюхеру, период городского хозяйства. С укреплением политической централизации разобщенные городские хозяйства превращаются в единое народное хозяйство, которое охватывает уже всю страну.

Бюхер разработал и периодизацию промышленного производства, в развитии которого различал пять стадий: домашнее производство, ремесленное производство по индивидуальным заказам, ремесло, рассчитанное на рынок, домашняя промышленность и фабричное производство.

Критерий для разделения экономической истории на периоды был взят Бюхером из сферы не производства, а обмена. Тем не менее его периодизация имела и положительное значение, так как придавала историческому процессу характер закономерного прогрессивного развития. Но при этом она, как и периодизации Хильдебранда и Шмоллера, была попыткой опровергнуть марксистскую теорию социально-экономических формаций.

По мере развития историко-экономического направления в нем происходила дальнейшая специализация. В особые отрасли исследования выделились история городов (урбанистика) и история аграрных отношений. Видным представителем последней был страбургский профессор Георг Фридрих Кнапп (1842—1926), чей

¹⁸ Neue Zeit. 1890—1891. Hf. 2. S. 165.

¹⁹ Brentano L. Die Arbeitergilden der Gegenwart. Bd. 2. Leipzig. 1872. S. 315.

К. Лампрехт

труд «Освобождение крестьян и происхождение сельских рабочих в старых провинциях Пруссии» (1887) впервые дал четкую классификацию различных типов земельных владений по принципу их хозяйственной организации и стал в буржуазной аграрной литературе классическим.

Работы историков-экономистов ввели в научный оборот огромное количество нового материала и статистических данных. Они способствовали преодолению давней традиции изучать общественные отношения в основном через призму историко-юридических категорий, что содействовало более углубленному познанию исторического прошлого. Но усиление позитивистских элементов в немецкой буржуазной историографии вызвало протест сторонников традиционной политико-дипломатической интерпретации истории, что привело к острой методологической дискуссии середины 90-х годов.

Культурно-исторический синтез К. Лампрехта и методологическая дискуссия. Непосредственным поводом для дискуссии послужила попытка талантливого лейпцигского историка **Карла Лампрехта** (1856—1915) осуществить пересмотр теоретико-методологических основ немецкой буржуазной историографии и заменить обветшавший ранкеанский идеализм новым культурно-историческим синтезом на позитивистской базе.

В число ведущих немецких историков Лампрехт вошел после опубликования богатейшей по фактическому материалу книги «Хозяйственная жизнь Германии в средние века» (1885—1886). Интерес к социально-экономическим проблемам со-

четался у Лампрехта с интересом к изучению истории искусств, что и привело к мысли о единстве процесса развития культуры и о решающем значении истории культуры в целом. В методологическом плане Лампрехт более прочих немецких историков воспринял позитивистские идеи, сделав при этом упор на социально-психологическом истолковании закономерностей исторического развития.

В 1891 г. Лампрехт приступил к созданию своего главного труда — многотомной «Истории Германии» (1891—1909), где предложенный им метод культурно-исторического синтеза нашел практическое воплощение²⁰. Настаивая на том, что объектом исторического изучения должен быть коллектив, а не отдельная личность, Лампрехт движущей силой истории считал при этом развитие социальной психики. Вся история немецкого народа рассматривалась им как последовательная смена культурно-исторических эпох. Изменения социальной психологии обуславливались якобы саморазвитием самой психологии, в результате которого происходило формирование новых социальных и экономических институтов.

Таких культурно-исторических эпох, через которые проходит в своем развитии все человечество, в концепции Лампрехта насчитывалось шесть: анимизм, символизм, типизм, конвенционализм, индивидуализм и субъективизм. Для эпохи *анимизма* характерно существование родов, ведущих происхождение от общего предка, коллективной собственности и примитивного коммунизма. При этом Лампрехт утверждал, что как исторический феномен коммунизм во всех его проявлениях принадлежит прошлому и нет никаких оснований ожидать его наступления в будущем.

Эпоха *символизма* связана с возникновением племен, разделением труда и зарождением социального неравенства.

Типизм — это такая эпоха, когда происходит возникновение государства. Родо-племенные связи теряют свое значение, исчезают коллективная собственность и со-

²⁰ Лампрехт К. История германского народа. М., 1894—1896. Т. I—III.

циальное равенство. Возникает общество индивидуальных собственников, существовавшее у германцев до конца XI в.

С XII в., по Лампрехту, начинается эпоха *конвенционализма*, или договорного строя. Это период господства крупной феодальной вотчины и преобладания натурального хозяйства. В начале XIV в. происходит зарождение нового социально-психологического склада, возникшего в городах и выразившегося в борьбе с универсализмом папства и императорской политики.

Пятую эпоху — *индивидуализм* — Лампрехт ведет с XVI в., когда немецкое национальное сознание освобождается от духовного засилья церкви. В сфере социальных отношений происходит освобождение от корпораций, развиваются личная инициатива и денежное хозяйство, в сфере политических отношений в Германии складываются отдельные самостоятельные государства.

Наконец в XIX в. начинается последняя эпоха — *субъективизма*, когда человеческий дух окончательно освободился от любых пут сословного и корпоративного деления и получил полную свободу проявления в сфере экономической деятельности. Поскольку эту качественно новую форму жизни может защитить только сильное и единое национальное государство, постольку и родилась Германская империя, которая, таким образом, явилась итогом всей немецкой истории.

Такова историко-социологическая схема Лампрехта, в основе которой лежала не просто теория факторов, а концепция развития национально-социальной психологии. Она использовала некоторые элементы позитивистских представлений И. Тэна, О. Конта, Г. Шмоллера, Я. Бурхардта и была противопоставлена материалистической теории социально-экономических формаций, претендуя на научное опровержение «одностороннего постулата» марксизма об определяющем значении в истории изменений в экономическом базисе общества.

Но при этом Лампрехт определенно стоял на почве признания объективной закономерности в истории и настаивал на изучении не индивидуальных явлений, и тем более отдельных личностей, а явля-

ний коллективных — наций, сословий и классов. Он открыто заявил о стремлении «заменить одностороннюю, принимающую во внимание исключительно или преимущественно политическую сторону историю всесторонним, охватывающим все стороны жизни историческим рассмотрением и найти для него правильные научные методы»²¹.

Лампрехт навлек на себя резкую критику. Причина заключалась не столько в его идее культурно-исторического синтеза как таковой, сколько в том, что он открыто выступил против стремления немецких историков следовать за давно и безнадежно устаревшим учением Ранке, чья политико-дипломатическая история являлась в глазах Лампрехта не наукой, а областью произвольных интерпретаций или, в лучшем случае, грудой сырого фактического материала. Можно описывать отдельные факты, считал Лампрехт, но раскрыть истинные причины исторических явлений возможно только на основе изучения истории нации, социально-экономических отношений и явлений культуры в комплексе.

Пolemические статьи Лампрехта, именуемые его оппонентами материалистическими и даже марксистскими, вызвали возражения почти всех ведущих буржуазных историков Германии. Противники Лампрехта утверждали, что естественно-научные понятия, прежде всего понятия закономерности и причинности, нельзя прилагать к изучению истории. По своей природе исторические явления индивидуальны и неповторимы, они зависят от человека, поэтому не могут дать никаких оснований для выведения общих законов. Лишь в своем Лейпцигском университете, где работал ряд позитивистски настроенных крупных ученых — психолог В. Вундт, географ и геополитик Ф. Ратцель, основатель «энергетизма» В. Оствальд, социолог П. Барт, Лампрехт нашел признание и в 1909 г. создал Институт культурной и всеобщей истории.

В исходе дискуссии сыграло свою роль и то, что среди академических историков

²¹ *Lamprecht K. Der Ausgang des geschichtswissenschaftlichen Kampfes//Die Zukunft. 1897. Bd. 20. S. 195.*

репутация Лампрехта как ученого оказалась подорванной: в обширной рецензии молодого историка Г. Онкена на пятый том «Истории Германии»²² были отмечены неточности в изложении хода событий, в датах, именах, а также компилятивный характер труда Лампрехта. Не сумев убедительно опровергнуть рецензию по существу, Лампрехт отвечал личными выпадами против Онкена, что еще больше ухудшило его позиции.

Но главное заключалось в другом. Сам Лампрехт в ходе дискуссии постепенно сдавал свои позиции и, отбиваясь от нападок и обвинений в грубом материализме, все настойчивее доказывал идеалистический характер своих построений. Однако, оставаясь в пределах идеалистической методологии, он не мог доказательно в научно-теоретическом отношении обосновать культурно-исторический синтез, оказавшийся легко уязвимым даже для критики с позиций откровенного субъективного идеализма. С поражением Лампрехта в немецкой буржуазной историографии было сломлено влияние позитивистской методологии, над которой взяли верх чисто идеалистические теории исторического познания.

Противники Лампрехта верно подметили многие обнаружившиеся к концу века слабости позитивизма и выступили за сохранение специфики исторического познания, но с субъективно-идеалистических позиций. Для консервативной историографии идея прогресса, исторической закономерности даже в ее идеалистически-позитивистском и психологизирующем виде становилась политически опасной и неприемлемой. В таком четко обозначенном повороте вправо и заключался подлинный смысл методологической дискуссии.

Социал-демократическое направление. С распространением марксизма и развитием организованного рабочего движения в Германии начала формироваться социал-демократическая историография, имевшая вначале главным образом популяризаторский характер. На основе уже известного материала деятеля немецкой социал-демократии стремились противопоставить бур-

жуазным концепциям понимание истории как борьбы классов и раскрыть роль народных масс.

Руководитель германской социал-демократии **Август Бебель** (1840—1913) много внимания уделял истории революций, социальных движений и классовых столкновений. Высокий уровень научного понимания истории был достигнут Бебелем в таких трудах, как «Крестьянские войны в Германии» (1876), «Женщина и социализм» (1879), «Шарль Фурье» (1888).

Книга о крестьянских войнах знаменовала зарождение марксистской историографии в Германии и была направлена против малогерманской школы, отрицавшей какое-либо значение этих войн. В ней Бебель не только указал на историческое значение классовой борьбы немецкого крестьянства, но и дал марксистский анализ «экономического развития классов, сыгравших свою роль в крестьянских войнах»²³.

В своем известном историко-теоретическом произведении «Женщина и социализм» Бебель подробно описал приниженное положение женщины в различные исторические эпохи и впервые поставил новую проблему — широкое привлечение женщин к участию в классовой борьбе пролетариата.

В книге о Фурье, которая была первым в Германии марксистским анализом проблем утопического социализма, Бебель раскрыл историческую обусловленность мировоззрения Фурье и пришедшую отсюда ограниченность его идей как утопических. Автор убедительно показал, что представление о Фурье как умеренном реформаторе или как отце анархизма является научно несостоятельным.

Задачу восстановления исторической истины ставила книга и другого вождя социал-демократии **Вильгельма Либкнехта** (1826—1900) «Р. Блюм и его время» (1888). В ней Либкнехт показал, что «ни в одной стране преподавание истории не ставилось на службу интересам господствующих классов столь решительно, как

²² Preußische Jahrbücher. 1897. Bd. 89. S. 82—126.

²³ Бебель А. Крестьянские войны в Германии. М., Л., 1928. С. 24.

в Германии»²⁴. Автор разоблачил легенду о Роберте Блюме как либерально-буржуазном реформаторе, созданную в буржуазной литературе сыном Блюма — публицистом Гансом Блюмом.

Либкнехт восстановил истинный облик Роберта Блюма — решительного противника монархии и феодализма, выдающегося мелкобуржуазного демократа эпохи 1848 г. со всеми его достоинствами и недостатками. Вместе с тем Либкнехт дал и марксистский очерк мартовской революции 1848 г. и показал роль, сыгранную в ней различными классами и слоями. Однако в оценках автора имелись существенные неточности. Он явно преувеличил уровень отсталости Германии и ее экономики накануне революции, а соответственно и степень незрелости пролетариата. В связи с парламентскими успехами социал-демократии Либкнехт выдвинул спорное положение о том, что революция 1848 г. якобы имела возможность решить свою задачу чисто парламентскими методами.

Продолжением работы Либкнехта явилась первая социал-демократическая история революции 1848 г. Вильгельма Блоса (1849—1927)²⁵. Она была написана в основном с позиций марксизма и уделяла главное внимание народным движениям и выступлениям пролетариата. Но при этом Блос на первый план поставил «Рабочее братство» Стефана Борна и почти не затронул деятельности в революции Маркса и Энгельса, ограничившись формальным замечанием о том, что они «боролись с капитализмом во всеоружии научного социализма»²⁶. Исторический опыт революции казался Блосу (ввиду буржуазного характера революции 1848 г.) безнадежно устаревшим и непригодным для современного ему рабочего движения.

В 80—90-е годы в социал-демократической историографии появились новые значительные работы, созданные К. Каутским и Э. Бернштейном.

В своих тогдашних исторических

произведениях Карл Каутский (1854—1938) в целом последовательно придерживался марксистского принципа классового анализа. Его первой работой, созданной на основе материалистического понимания истории, была книга «Томас Мор и его утопия» (1883). Учение Мора Каутский рассмотрел в широком историческом контексте разложения феодальных и складывания капиталистических отношений. Его особое внимание привлекли роль христианской церкви и развитие международной торговли в исследуемый период. Хотя книга страдала некоторыми модернизаторскими тенденциями, ее значение было велико и состояло в раскрытии смысла философской утопии Мора.

В серии статей, опубликованных в 1889 г. отдельным изданием под заголовком «Классовые противоречия в 1789 г.», Каутский с марксистской позиции осветил некоторые проблемы Великой французской революции. Он детально показал, что к революции привело развитие классовой борьбы, а не просто идеология Просвещения или деятельность отдельных просветителей, как зачастую утверждали немецкие историки. Опроверг Каутский и представление о якобы случайном характере революции как следствии ошибок короля. Он проанализировал социально-экономические предпосылки революции и показал, что она была закономерным результатом объективных процессов, развивающихся во Франции во второй половине XVIII в. Энгельс положительно оценил книгу Каутского в целом, но отметил недостаточное использование автором источников, из-за чего многие ее правильные положения остались декларативными суждениями²⁷.

Двухтомная монография Каутского «Предшественники современного социализма» (1895) осветила различные средневековые еретические движения как проявление в религиозной форме антифеодальной идеологии и следствии социальной борьбы. В ней содержалось обстоятельное изложение воззрений предшественников социалистических идей — от Платона и раннехристианского коммуниз-

²⁴ *Liebknrecht W. R. Blum und seine Zeit. Nurnberg, 1888. S. 357.*

²⁵ *Blos W. Die deutsche Revolution 1848. Stuttgart, 1891.* — Русск. пер.: *Блос В. История Германской революции 1848 года. СПб., 1906.*

²⁶ *Blos W. Op. cit. S. 299.*

²⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 125.*

ма через коммунистические средневековые секты вальденсов, бегардов, лоллардов, таборитов, богемских братьев до Томаса Мюнцера и перекрещенцев (анабаптистов). Книга наглядно показывала расстановку социальных сил во время Крестьянской войны в Германии, изображая Реформацию как мелкобуржуазное по своей сущности явление.

Именно анализ движения таборитов, анабаптистов и Мюнцера заслужил наибольшее одобрение Энгельса. Но исследование Каутского имело и крупные недостатки. Совершенно неубедительной была его трактовка Платона как предшественника социалистических идей. Неверно оценил Каутский и историческое место деклассированных элементов феодального общества, тех изгоев, из которых, по словам Энгельса, «...постепенно, с распадом феодальных связей... образуется тот *пред*-пролетариат, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях, вобрав в себя всех отверженных феодального и цехового общества»²⁸. Если Энгельс считал эти элементы только историческими предшественниками пролетариата, то Каутский, опять-таки модернизируя, включал их уже в понятие пролетариата.

Последней крупной марксистской исторической работой Каутского была «Сущность христианства» (1908). Этот сюжет интересовал его всю жизнь. Возникновение христианства Каутский рассматривал как выражение в религиозной форме движения масс против рухнувшей рабовладельческой формации. Идейный распад римского общества, нарастание пессимизма во всех общественных слоях были тем фоном, на котором родилось христианство, одна из широко распространенных мистических надежд на «спасение» и помощь бога. Отметив бессилие и иллюзорный характер такого пути, Каутский, однако, прошел мимо гносеологических корней религии. Его книга имела и другой

недостаток, присущий почти всем трудам Каутского, так и не овладевшего диалектикой. В ней масса вопросов, проблем и явлений переплеталась таким образом, что было трудно уловить нить логики автора и главный стержень описываемых им отношений.

Будущий лидер ревизионизма **Эдуард Бернштейн** (1850—1932) находился в целом еще на марксистских позициях, когда написал свой наиболее значительный исторический труд «Коммунистические и социалистически-демократические течения в Английской революции XVII века» (1895). Используя уже известный материал, Бернштейн подчеркнул социальный характер революции и дал высокую оценку народным движениям как ее решающей силе. Книга сыграла определенную роль в преодолении буржуазных интерпретаций, полностью игнорировавших радикальные элементы, так что труд Бернштейна был пионерским не только для немецкой, но и для английской историографии. Однако глубоко ошибочным было утверждение автора, будто истинные левеллеры являлись выразителями настоящей социалистической идеологии. Демократические идеи также давались Бернштейном в отрыве от их материальной почвы.

С иных, уже чисто реформистских позиций была написана Бернштейном трехтомная «История рабочего движения в Берлине» (1907). Она охватывала период от революции 1848 г. до начала XX в. и содержала интересный материал о берлинском пролетариате, изложенный в чисто описательной манере, почти без оценок и комментариев автора. Но вся концепция книги подводила к выводу о том, что мощное немецкое рабочее движение имеет наилучшие шансы достичь политической власти парламентским, а не революционным путем, который якобы в Германии превратился в анахронизм.

Зарождение марксистской школы было новым важным явлением в немецкой историографии. Она противостояла господствующим в немецкой исторической науке различным направлениям буржуазной историографии.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 399.

Историография США в период Гражданской войны и Реконструкции. Утверждение позитивизма в конце XIX века

В течение последних четырех десятилетий XIX в. произошли глубокие перемены в социально-экономической, политической и идейной жизни США. В американской истории этого времени отчетливо выделяются два периода: Вторая буржуазная революция 1861—1877 гг. и перерастание американского капитализма в монополистическую стадию в последние десятилетия XIX в.

Буржуазная революция явилась закономерным итогом постепенно нараставших и обострявшихся противоречий «...двух социальных систем — системы рабства и системы свободного труда»¹.

Она прошла два этапа: Гражданскую войну 1861—1865 гг., в ходе которой было сметено рабство и нанесено военное поражение южным плантаторам, и Реконструкцию 1865—1877 гг., когда борьба велась за завершение буржуазно-демократических преобразований на Юге.

Революция разделила американскую нацию. В борьбе с плантаторами руководящая роль принадлежала буржуазии, которая в конце концов стала на революционный путь. Решающий вклад в разгром мятежников внесли народные массы — фермеры, рабочие, негры. В период Реконструкции негры стали наиболее радикальной силой. «Сорок акров и мул!» — таков был лозунг вчерашних невольников. Однако буржуазия Севера, не допустив реставрации рабства, уклонилась от демократического разрешения аграрного вопроса и пошла на сближение с плантаторами. Дорого стоило американскому народу подавление мятежа рабовладельцев: около 600 тыс. жизней унесла Гражданская война, один миллион американцев были искалечены. Рабство негров оставило глубокий след на теле нации.

Новый этап в истории США начался с окончанием революции. Победа над

плантаторами дала гигантский толчок экономическому развитию США. С рабством было покончено, и вся полнота политической власти в стране перешла в руки буржуазии. Демократическое решение вопроса о земле открыло просторы Запада для фермерского пути развития капитализма. К концу XIX в. США превратились в высокоразвитую индустриальную страну — первую промышленную державу мира. Рост производства происходил одновременно с концентрацией и централизацией капитала. В период «позолоченного века» создает свой нефтяной трест Рокфеллер, Карнеги закладывает основы стального треста, Стэнфорд и Вандербильт учреждают «железнодорожные империи». В конце XIX в. капитализм свободной конкуренции начал перерастать в монополистический.

Бурный рост крупного капитала, все больше подчинявшего своему контролю экономику, обострил социальные противоречия в стране. 80—90-е годы принесли первомайские выступления 1886 г. в Чикаго, знаменитую стачку сталелитейщиков Гомстеда, вооруженные столкновения рабочих с армией и полицией на вагоностроительных заводах Пульмана. Энгельс отмечал, что в этот период произошло «вступление в движение массы коренных рабочих Америки...»². Вместе с тем существовал немалый разрыв между боевым настроением рабочего класса и его идеологической отсталостью.

Социальное недовольство проявлялось не только на фабриках и заводах. Концентрация экономического могущества и все большее сосредоточение средств политического господства в руках крупного капитала глубоко затрагивали интересы различных общественных слоев — фермеров, городских мелких собственников,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 355.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 407.

значительной части интеллигенции и служащих. Недовольство масс вылилось в потрясавшие США в последней четверти XIX в. широкие демократические движения грейнджеров, гринбекеров, популистов, носившие антимонополистический характер. Их ядро составляли фермеры.

После окончания Реконструкции Юга расхождения между республиканской и демократической партиями теряли существенное значение. Политический процесс развивался в сторону усиления государственной централизации, что диктовалось как интересами власти буржуазии внутри страны, так и подготовкой к внешнеполитической экспансии.

Историография Гражданской войны 1861—1865 гг. в период революции. Американская общественная мысль в период революции была целиком поглощена проблемами великой социальной битвы, и историческая мысль была предельно политизирована. То или иное истолкование общественными и политическими деятелями причин, характера и целей Гражданской войны служило подчас обоснованием практических мероприятий, связанных с осуществлением революции.

В. И. Ленин отмечал, что «...дело публицистов — писать историю современности...»³. Публицисты этого времени первыми дали оценку исторических событий, приведших к падению рабства. Лишь позднее, в период Реконструкции, появились исторические исследования причин, характера и хода Гражданской войны. В идейной борьбе сложились реакционно-рабовладельческое, либеральное и радикально-аболиционистское направления.

Историки рабовладельческого лагеря. Рабовладельческий Юг поднял мятеж под знаменем защиты рабства. Вице-президент южной Конфедерации А. Стефенс в марте 1861 г. заявил: «Краеугольным камнем нашего нового правительства является та великая истина, что негр не равен белому, что рабство — подчинение высшей расе является его естественным, нормальным состоянием»⁴. Однако откровенная апологетика рабства и сецессии (отде-

ления) южных штатов от Союза со временем уступила место более завуалированной их пропаганде. Конституционное объяснение причин Гражданской войны становилось наиболее характерным для прорабовладельческой историографии в период Реконструкции, когда легальная политическая борьба выдвинулась на первый план. «Война выросла из различных и прямо противоположных взглядов на природу правительства США»⁵, — утверждал Стефенс. Опираясь на сформулированную в предвоенный период теорию суверенитета штатов, он выдвинул объяснение Гражданской войны как войны между штатами.

Руководители разбитого мятежа плантаторской олигархии старались доказать, что народ Юга был един, ибо все сражались за суверенные права штатов. Дж. Мак Кейб писал о невежественных «белых бедняках» как о людях, которым свойствен «инстинкт свободы в большей степени, чем северянам»⁶.

В изображении картины «спокойного Юга», пожалуй, превосходил своих коллег бывший президент рабовладельческой Конфедерации Дж. Дэвис. Умалчивая об известных фактах восстаний негров-рабов в Виргинии, Луизиане, Алабаме, он писал о лояльности рабов к своим хозяевам. Дэвис писал в своих мемуарах, что для разрешения вопроса о причинах войны рабство — «абстрактная проблема и будет лишь отвлекать от предмета спора»⁷. Особое недовольство защитников старого Юга вызывали революционные акты Линкольна. Мак Кейб называл освобождение рабов «деспотическим и произвольным»⁸, Дэвис — «узурпацией и варварством»⁹.

Вопросами военной истории Гражданской войны занималось основанное в 1869 г. Южное историческое общество, во главе которого стоял ряд бывших

⁵ Stephens A. The Reviewer Reviwed. A Supplement to the War between States. N. Y., 1872. P. 42.

⁶ McCabe J. The Life and Campaigns of General R. Lee. Atlanta, 1866. P. 117.

⁷ См.: Davis J. The Rise and Fall of Confederate Government. N. Y., 1881. V. I—II; V. 1. P. 303, 78.

⁸ McCabe J. Op. cit. P. 62.

⁹ См.: Davis J. Op. cit. V. II. P. 162.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 208.

⁴ New York Daily Tribune. March 27. 1861.

военных деятелей Конфедерации. В 1873 г. был созван съезд историков 12 южных штатов и созданы филиалы Общества в каждом из них. Издавался журнал Южного исторического общества («Southern Historical Society Papers»).

Либеральное направление. Первыми историками Гражданской войны, выступившими с либерально-буржуазных позиций, стали деятели Севера, принимавшие активное участие в войне. В 1866 г. в ответ на контрреволюционный памфлет южного журналиста Э. Полларда «Проигранное дело» появился второй том работы Х. Грили «Американский конфликт». Этими работами на новом уровне была продолжена ожесточенная полемика между двумя видными публицистами Юга и Севера, начавшаяся еще в дни войны. Она приковала всеобщее внимание. В дальнейшем со стороны Севера появились описания войны видного ученого Дж. Дрэпера, вице-президента Г. Вилсона, мемуары генерала У. Шермана и др.

Хорас Грили (1811—1872) прошел сложный путь. Начало его политической деятельности связано с партией вигов. Грили также примыкал к национально-реформаторскому движению, идеалом которого была самостоятельная ферма. Он бросил крылатый лозунг «Молодой человек, иди на Запад!», обращенный к бедноте промышленных городов Атлантического побережья. Накануне и в годы войны Грили был редактором наиболее влиятельной республиканской газеты «Нью-Йоркская ежедневная трибуна» («New York Daily»), выступавшей против рабства. Это сделало возможным сотрудничество в ней Маркса в течение 11 лет (с 1851 по 1862 г.): около 50 его статей с блестящим анализом рабства и хода Гражданской войны появилось на ее страницах. В 1864 г. пацифистские настроения взяли верх у Грили, и он выступал как сторонник мирных переговоров с рабовладельцами. В период Реконструкции он выдвинул платформу «мягкого» отношения к Югу.

Работа Грили «Американский конфликт» была первой попыткой систематизации фактов истории Гражданской войны. Она основывалась в значительной мере на опубликованных сборниках «Документы

мятежа», представлявших преимущественно вырезки из газет. Грили не был склонен к социологическим обобщениям. Пространные выдержки из выступлений политических деятелей, дебатов в конгрессе снабжены лишь краткими комментариями автора.

Грили выступал против утверждения южной историографии, будто причиной войны явились различные взгляды на природу американской конституции. При этом он частично повторял известные конституционные доводы предвоенного времени. Однако аргументация Грили глубже и убедительнее, ибо он показывал, что вопросы о правах штатов и сецессии тесно связаны с рабством. Понимание антирабовладельческого характера борьбы позволило ему дать верную оценку многим событиям Гражданской войны. Он с одобрением отнесся к освобождению рабов генералами Фримонтом и Батлером. Приведя веские факты, он сделал вывод, что «негры сыграли очень значительную роль в победе над заговорщиками... они щедро отдавали свои жизни ради спасения страны»¹⁰.

Однако Грили не осознавал революционного характера Гражданской войны, рассматривал даже отмену рабства как чисто конституционную меру. Грили не показал, что переход к революционной войне 1863—1865 гг. был вызван давлением радикальных сил на правительство Линкольна.

Джон Дрэпер (1811—1882) — видный американский ученый, известный своими открытиями в области физики, химии, физиологии. Он пользовался широкой известностью и как социолог. Его работы «История интеллектуального развития Европы» и «Конфликт между религией и наукой» были переведены на ряд европейских языков, в том числе на русский. По своим социологическим воззрениям Дрэпер был ранним американским позитивистом. На его мировоззрение сильное влияние оказали Конт и Бокль. Работы Дрэпера «Мысли о будущей гражданской

¹⁰ Greeley H. The American Conflict. A History of Great Rebellion in the United States of America. Chicago, 1864—1866. V. I—II; V. II. P. 528.

политике Америки» и «История американской Гражданской войны»¹¹ являются во многом социологическими трудами, написанными на определенном конкретно-историческом материале.

Движущие силы общественного развития Америки Дрэпер видел, во-первых, в саморазвитии идей (прежде всего идеи централизации), во-вторых, во влиянии географической среды. Идеи централизации, «чувства единства нации», согласно Дрэперу, достигли значительного развития в США уже в XVIII в., однако природа, различный климат на Севере и Юге страны привели все же к временному торжеству «идей разделения». Жаркий климат Юга развил стремление использовать невольничий труд и породил аристократическую форму правления; напротив, «самосознательная демократия, одушевленная идеями индивидуализма, была климатическим следствием на Севере».

Выдвинутая Дрэпером климатическая теория оставалась наивной социологической схемой, не давала возможности показать неизбежность победы «системы Севера», поэтому он подчас отступал от нее и указывал на роль других факторов. Дрэпер отмечал стимулирующее влияние на рост рабства промышленного переворота в Англии и наличия свободных земель на западе США; причину экономического подъема Севера он находил в «свободном труде» и «машинном производстве» и характеризовал действия рабовладельцев как «заговор против единства нации»¹².

Описывая Гражданскую войну, Дрэпер отмечал мужество солдат-северян, вклад негров в победу Севера¹³. Он одним из первых среди историков привлек к анализу военных операций некоторые архивные документы. Однако географический детер-

¹¹ *Draper J. Thought on the Future Civil Policy of America.* N. Y., 1865; *idem. History of the American Civil War.* N. Y., 1867—1870. V. I—III.— Русск. пер.: *Дрэпер Д. Природа и жизнь Америки и их отношение к происхождению войны.* СПб., 1871.

¹² *Draper J. History, of the American Civil War.* V. III. P. 432, 600—601.

¹³ См.: *Дрэпер Д. Природа и жизнь Америки и их отношение к происхождению войны.* С. 11.

минизм, приводивший нередко к фаталистическому истолкованию событий, не позволил Дрэперу осветить Гражданскую войну как революционное событие. «Возникновение Гражданской войны в Америке показывает,— писал Дрэпер,— что влияние отдельных индивидуумов на судьбу нации незначительно и что прогресс человечества не является результатом политических акций, а определяется неизменным законом»¹⁴. Выступая в период Реконструкции, Дрэпер подчеркивал необходимость примирения с Югом, выражая надежду, что если люди поймут, что война была продуктом «естественных причин», то страсти утихнут.

Радикально-аболиционистская публицистика. В период буржуазно-демократической революции 1861—1877 гг. радикальные аболиционисты были революционным авангардом американского народа. Во время Гражданской войны они поднимали народные массы на революционную войну с рабством, в годы Реконструкции возглавляли борьбу негритянского народа за социальное и политическое равенство. В первой шеренге борцов против невольничества находились аболиционисты Ф. Дуглас, У. Филлипс, радикальные республиканцы Т. Стивенс, Ч. Самнер, возглавившие левое крыло конгресса. Они так и не выделились, по замечанию Маркса, в самостоятельную, принципиально последовательную партию Севера, однако они по праву заслужили от врагов гордое прозвище «американских якобинцев».

Радикальные аболиционисты не создали в этот период специальных научных исследований, посвященных тем или иным вопросам Гражданской войны. Однако их политическая публицистика, документы политической борьбы являются важным вкладом в осмысление событий Второй американской революции с прогрессивных позиций. Особенно богато публицистическое наследие негритянского лидера **Фредерика Дугласа** (1817—1895).

В идеологической борьбе Севера и Юга с началом войны на первый план выдвиг-

¹⁴ *Draper J. History of the American Civil War.* V. III. P. 635.

нулся вопрос о причинах и характере конфликта. Дуглас отверг попытку рабовладельцев представить контрреволюционный мятеж как борьбу в защиту прав штатов и указал на тесную связь теории суверенитета штатов с рабством. В отличие от многих либерально-буржуазных идеологов, Дуглас подчеркивал, что сецессия не просто «заговор южных политиков», это — «мятеж рабовладельцев». Комментируя открытое письмо Линкольна к Грили, утверждавшее, что «высшая цель борьбы — спасение Союза», Дуглас писал: «Мы боремся не только за старый дом, но за драгоценные принципы — жизнь, свободу и счастье. Необходимо уничтожить все, что им угрожает. Больше всего им угрожает рабство»¹⁵.

Понимание того, что главным содержанием войны является вопрос о рабстве, позволило Дугласу прийти к верным выводам. Призывая перестать цепляться за букву конституции, он подчеркивал: «Негр — ключ к ситуации, стержень, вокруг которого вращается весь мятеж». Дуглас и другие радикалы выдвинули лозунги: освобождение и вооружение негров-рабов, чистка армии от прорабовладельческих элементов. Гражданскую войну Дуглас называл «гигантской кровавой революцией». В статье «Цветные люди, к оружию!», напечатанной в ведущих газетах Севера в марте 1863 г., Дуглас писал: «Армия рабов была бы лучшей защитой против армии рабовладельцев... Действие! Действие... прямой долг этого часа... Лучше умереть свободными, чем жить рабами». Дуглас призывал обратиться к революционным традициям борьбы негритянского народа, «вспомнить Вези, Тернера, Брауна... которые погибли как славные мученики за дело рабов»¹⁶. Эти оценки революционного демократа Дугласа близки концепции Гражданской войны К. Маркса.

Защита революционных актов Гражданской войны, справедливая оценка важной роли негров в победе над рабством,

¹⁵ The Life and Writings of Frederick Douglass/Ed. Ph. Foner. 1950—1955. V. I—III; V. III. P. 131.

¹⁶ The Life and Writings of Frederick Douglass. V. III. P. 317—319.

последовательное выступление против рабства отличают Дугласа от либеральных историков.

Основные черты развития американской общественной мысли в последней трети XIX в. Глубокие социальные изменения, происходившие в США в последней трети XIX в., во многом предопределили сдвиги в общественной мысли. В первой половине XIX в. в духовной жизни важную роль играла теология. Однако после Второй американской революции 1861—1877 гг. возникли новые острые и сложные проблемы, при решении которых религия была слабой опорой.

На общественную мысль оказывали влияние успехи естественных наук и их методы научного исследования. Большую роль сыграла естественнонаучная теория Ч. Дарвина. Его работа «Происхождение видов...» встретила горячий прием в научных кругах Америки.

Особенно большое распространение в США получили идеи Г. Спенсера. Социологическая концепция Спенсера, достаточно широкая и противоречивая, вызвала интерес у людей различных взглядов — от агностиков и реформаторов типа Р. Ингерсолла до деистов и консерваторов вроде Дж. Фиске. Философы У. Джеймс, Дж. Дьюи, социологи У. Самнер, Л. Уорд, писатели Дж. Лондон, Х. Гарленд испытали его влияние. В Спенсере привлекали уверенность в неодолимости социальной эволюции, строгая логика, антиклерикализм. В то же время ссылки на биологическую науку он использовал для оправдания социальной структуры буржуазного общества и осуждал попытки революционного или даже реформистского вмешательства в процесс общественного развития.

Большой популярностью пользовался социал-дарвинизм. Основные положения Дарвина о роли естественного отбора как фактора эволюции в органическом мире были механически перенесены на человеческое общество. Борьба за существование объявлялась движущей силой исторического процесса. Профессор Йельского университета У. Самнер, один из наиболее влиятельных американских социал-дарвинистов, считал бедность уделом слабых, а миллионеров называл «цветами цивили-

зации». Принятие принципа «выживание наиболее приспособленных» было не только развитием доктрины «laissez faire», но и определенным разрывом с ней. Теория экономического либерализма, первоначально отражавшая интересы всего класса буржуазии, теперь оказалась повернутой против его большей части, и социал-дарвинизм означал оправдание неограниченной эксплуатации пролетариата и мелкой буржуазии.

Усилились нападки на социалистические учения. Видный историк Г. Осгуд в своей докторской диссертации подверг критике «коммунистических анархистов» (имея в виду Прудона), а Дж. Барджесс в Колумбийском университете доказывал, что Маркс заимствовал основные положения своего учения у Родбертуса.

В эти же годы появились первые работы Л. Уорда о «социальном мелиоризме» (улучшение социальной среды путем реформ в рамках существующей системы), зародилась новая школа в буржуазной политической экономии во главе с Р. Эли, считавшая необходимым государственное вмешательство и регулирование для смягчения наиболее острых социальных и экономических конфликтов.

В 80—90-е годы начинает формироваться антимонополистическая идеология. Внимание читателей привлекли книги «Прогресс и бедность» (1879) Г. Джорджа, видевшего причину социальных бед в земельной монополии, и «Богатство против общества» (1894) Г. Д. Ллойда, показавшего на примере нефтяного треста «Стандард Ойл» угрозу монополий экономическим и политическим свободам. Утопический роман Э. Беллами «Взгляд назад» (1888) по праву называли «Хижинной дяди Тома» капиталистической Америки. В книге были даны впечатляющие картины будущего коммунистического устройства США.

Состояние американской исторической науки. Последняя треть XIX в. принесла заметные успехи в развитии исторических знаний: выросла источниковая база американской историографии, улучшились отбор фактов путем критического анализа документов, их классификация. В немалой мере этот прогресс связан с влиянием более зрелой европейской исторической

науки. Как позитивизм с его стремлением к точным знаниям, так и немецкий идеалистический историзм, представляемый Л. Ранке, соединились на американской почве в признании необходимости скрупулезного изучения фактов.

В этот период в США были вновь переизданы с большой научной точностью документы видных политических деятелей периода Войны за независимость. По постановлению конгресса были опубликованы официальные документы, освещающие ход Гражданской войны¹⁷. Эта многотомная публикация, включающая рапорты, приказы, донесения федеральных и конфедеративных войск, позволяла детально проследить характер военных операций как на суше, так и на море. Увеличились сеть библиотек и их фонды. Библиотека конгресса в Вашингтоне стала крупнейшей в стране и получала обязательный экземпляр каждой книги, напечатанной в США. Гарвардская библиотека насчитывала к концу XIX в. около 5,5 млн. книг и брошюр, в 1895 г. открылась Нью-Йоркская публичная библиотека.

Происходили значительные изменения в постановке исторического образования и организации работы историков. Историю впервые начали преподавать в колледжах, а в ведущих университетах страны читать курсы лекций и проводить семинарские занятия по истории. Настольной книгой студентов по правилам работы над источниками стал учебник «Введение в изучение истории» профессоров Сорбонны Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Немалое значение имели поездки американских студентов в Германию, где они усваивали более совершенную технику работы над источниками. По возвращении в США многие из них заняли кафедры истории или политических наук в ведущих американских университетах, например Г. Б. Адамс — в университете Джонса Гопкинса (г. Балтимор), Дж. Барджесс —

¹⁷ War of the Rebellion: A Compilation of the Official Record of the Union and Confederate Armies. Wash., 1880—1901. V. 1—130; Official Records of the Union and Confederate Navies in the War of the Rebellion. Wash., 1894—1914. V. 1—30.

в Колумбийском (г. Нью-Йорк), А. Уайт — в Корнельском (г. Итака), Ч. К. Адамс — в Мичиганском и т. д. Колумбийский и Джонса Гопкинса университеты начали выпускать «Исторические записки». Создание исторических работ перестало быть, как прежде, делом литератора, занятие историей становилось профессией.

В 1884 г. была создана Американская историческая ассоциация. С самого начала она получила поддержку от правительства, ее отчеты стали публиковаться в официальных изданиях конгресса. К концу XIX в. Историческая ассоциация объединяла уже около двухсот исторических обществ. Характерно, что в 1885 г. на втором съезде Исторической ассоциации знаменитый Л. Ранке был избран ее почетным членом. С 1895 г. ассоциация начала издавать журнал «Американское историческое обозрение» («American Historical Review»).

Специализация научной работы историков вместе с успехами смежных наук благотворно сказалась на расширении проблематики. Большой вклад в изучение первобытного общества внес Л. Морган. Ученый, исследуя жизнь индейцев ирокезских племен, обратил внимание на материальные условия первобытного общества и привел важные данные об историческом характере возникновения частной собственности. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» опирался на фактический материал книги Моргана «Древнее общество». Сделала новый шаг вперед американская медиэвистика. Традиции изучения европейского средневековья, заложенные в американской историографии еще в первой половине XIX в., продолжал Г. Ли. В работах «История инквизиции» (1888), «История тайной исповеди и индульгенций» (1896) Ли на документальном материале, почерпнутом из многих архивов Европы, проследил борьбу церкви против еретических движений, показал ужасы инквизиции.

Важной предпосылкой появления обобщающих трудов по национальной истории была разработка истории отдельных районов, имевших в условиях США существенные особенности. Активную деятельность по собиранию материалов,

относящихся к истории Западного побережья Северной Америки, развернул вместе со своими помощниками Хьюберт Бэнкрофт. В 1874—1876 гг. был опубликован его 5-томный труд о местном населении Западного побережья Северной Америки, а позднее появилась 34-томная история тихоокеанских штатов¹⁸. Исследователи до сих пор пользуются собранными Бэнкрофтом уникальными рукописями.

Шло интенсивное накопление материалов и по истории Гражданской войны. Так, в каждом штате и во многих крупных городах были созданы истории местных полков, принимавших участие в Гражданской войне. Не обладавшие высокими научными достоинствами, эти работы содержали, однако, громадный материал, ждавший анализа и обобщения.

В конце XIX в. произошли важные изменения в теоретико-методологических принципах историографии. Позитивизм принес в американскую историографию не только более высокую технику работы над источниками, но и требование создания социологической модели общественного развития по аналогии с естественными науками. Как и в европейских странах, позитивизм в США сочетал приспособление к успехам научного мышления со стремлением откликнуться на запрос буржуазной идеологии второй половины XIX в. — отвергнуть революционное понимание исторического процесса и утвердить его эволюционное истолкование.

В конце XIX в. наступает упадок господствовавшего в первой половине XIX в. романтического направления; ведущее место занимает течение, которое обычно называют «научным», или «критическим» (имея в виду критический подход к источникам). Все его представители в той или иной мере испытали влияние позитивистской социологии. Его ядром стали историки, получившие образование в университетах Германии и Англии. Дж. Фиске писал: «Революция, которая происходит в исторической науке

¹⁸ Bancroft H. H. Native Races of the Pacific States of North America. N. Y. 1874—1876. V. 1—5; idem. History of the Pacific States of North America. San Francisco, 1882—1890. V. 1—34.

начиная с середины XIX в., так же решительна и всеобъемлюща, как и революция, свершившаяся под руководством Дарвина в биологии»¹⁹.

Для всех историков этого течения характерно стремление выводить законы общественного развития по аналогии с естественными законами. Вместе с тем в их схемах были немалые различия, берущие начало от той или иной социологической концепции. Как отмечалось, Дж. Дрэпер, применяя географическую теорию Бокля к объяснению Гражданской войны, видел причины возникновения рабства в жарком климате южных штатов. Б. Адамс в книге «Закон цивилизации и упадка» (1895) положил в основу своей исторической конструкции энергетические законы физики. Страстный пропагандист социологии Спенсера Дж. Фиске стремился приспособить его позитивистский эволюционизм к духу традиционной новоанглийской теологии.

Другая группа историков, подобно Дж. Родсу, мало интересовалась проблемами философии и социологии. Влияние позитивизма в их работах сказывалось главным образом в применении критических приемов анализа источников и подчеркнутом «научном объективизме».

Американским историкам этого времени присуща апология капиталистического прогресса, враждебное отношение к рабочему и радикальным фермерским движениям. Господствовал консерватизм, не оставлявший места каким-либо реформам. Красной нитью через их работы проходила идея превосходства американской социально-политической системы над европейскими институтами.

Пропаганду марксизма в США вели социалисты. Первые шаги делала марксистская историография.

Закат романтической школы. В 1874 г. вышел завершающий том «Истории США» Джорджа Бэнкрофта. В 1882 г. появилась его новая работа «История создания конституции США». Продолжали публиковаться работы Паркмена. Однако книги

этих известных авторов уже не привлекали внимания публики.

Последнюю попытку продолжить традиции «ранней школы» сделал **Джеймс Скулер** (1839—1920). Бэнкрофт закончил свою историю Войной за независимость, а Скулер решил «создать связующее звено между Американской революцией и Гражданской войной». Многоотомная «История США» Скулера была первой обобщающей работой по истории США от Войны за независимость, и в этом ее главное значение. Работая в Библиотеке конгресса, Скулер ввел в научный оборот многие документы: бумаги президентов Монро, Джексона, Ван Бюррена (часть материалов была передана ему Бэнкрофтом). Однако «История США» Скулера²⁰, написанная как бы с позиции наблюдателя в конгрессе, охватывала узкий круг политических и конституционных вопросов; периодизацию истории США он давал по президентским администрациям и созывам конгресса.

Его работе присущи многие черты «ранней школы»: сведение истории США к шумным словесным дуэлям в конгрессе, культ героев, первостепенное внимание к истории Новой Англии. Партийную борьбу он во многом понимал лишь как результат личного и группового соперничества и не вникал в ее социальную подоплеку. Вместе с тем Скулер, в отличие от Бэнкрофта, резко отрицательно относился к рабству: осуждал Миссурийский компромисс; называл захватнические войны против Мексики, инспирируемые прежде всего рабовладельцами, темной страницей американской истории; приветствовал отмену рабства. Эти оценки шли в общем русле представлений буржуазных историков того времени. Однако работа Скулера, оставшегося в основном на методологических позициях Бэнкрофта, но уступавшего ему в яркости изложения, успеха не имела.

Историография Гражданской войны в конце XIX в. В последней четверти XIX в. тема Гражданской войны по-прежнему

¹⁹ Цит. по: Political Science Quarterly. September. 1939. P. 421.

²⁰ Schouler J. The History of the United States under the Constitution. N. Y., 1880—1899. V. 1—6.

занимала видное место в американской историографии. Хотя еще сказывалось размежевание между американскими историками-северянами и защитниками «проигранного дела» из числа бывших конфедератов, достигнутое «Национальное единство» требовало своего оформления в идеологии. Признание положительного значения отмены рабства заняло прочное место в работах историков. Вместе с тем переосмысление Гражданской войны в новых условиях проявилось в более примирительном отношении к контрреволюционному мятежу рабовладельцев. Историки начали развивать идеи о том, что многие действия правительства Линкольна, способствовавшие развязыванию революционной активности американского народа, были ошибочны; к тому же они оказались не в состоянии оценить вклад негритянского народа в уничтожение рабства.

Эти черты характерны для работ Джеймса Форда Родса (1848—1927). Жизненный опыт Родса способствовал переоценке им Гражданской войны. Он происходил из семьи крупных кливлендских промышленников, не скрывавших своих проюжных симпатий. Отец Родса по партийной принадлежности был демократом, старший брат — участником рабовладельческого конвента 1860 г. Сам Родс, крупный бизнесмен, считал, что «старые вопросы решены», и поэтому его партийные симпатии и антипатии определялись лишь соображениями политической целесообразности: «Сначала я был ярым демократом, потом ярым республиканцем, затем тепловатым демократом, теперь я тепловатый республиканец»²¹, — не без иронии признавался он.

Труд Родса «История Соединенных Штатов от компромисса 1850 г.» (в 7 т.; 1892—1906) — по существу, первая систематическая политическая история США периода Гражданской войны. Заслугой Родса является привлечение в качестве источника многочисленных газет Севера и отчасти Юга. Он более критично, по сравнению с другими историками, подошел

к свидетельствам отдельных документов, полнее осветил многие стороны бурной эпохи: восстание Джона Брауна, ход военных действий, выступления радикальных деятелей Севера за освобождение рабов и т. д. Родсу, восторгавшемуся «позолоченным веком», наступившим по окончании войны, представлялось очевидным положительное значение отмены рабства. Он писал, заканчивая свой труд, что США стали лучшей, чем прежде, страной, «ибо рабство было отменено, доктрина сецессии мертва, характер и слава Линкольна стали достоянием нации».

Вместе с тем критический подход к источникам, детальное освещение отдельных событий сопровождалось отходом Родса от ряда прогрессивных исторических оценок первых исследователей Гражданской войны. В его работе отчетливо звучит мотив примирения с Югом. Он подчеркивал, что южане искренне верили в законность рабства, «для них это было делом жизни, свободы и собственности». Первые буржуазные историки дали довольно верную картину социальной борьбы на Юге; Родс также описывал тяжелую жизнь, деградацию «белых бедняков». Однако противоречия у него растворялись в чувствах «общности белой расы», «единства Юга». Он отверг определение сецессии как заговора южных политиков и развивал мысль о том, что «сецессия имела все признаки народного движения»²².

Родс поддерживал рабовладельческую историографию и в другом важном вопросе. Опираясь на южную мемуарную литературу, он пытался доказать, что «негры проявляли покорное подчинение и преданность своим хозяевам»²³. Некоторые традиции рабовладельческого Юга включались Родсом в общенациональные. Он писал о «доблести и храбрости солдат рабовладельческой конфедерации», военном искусстве генералов Ли и Джексона.

²² Rhodes J. History of the United States from the Compromise of 1850. N. Y., 1892—1906. V. I—VII; V. III. P. 160.

²³ Rhodes J. History of the United States from the Compromise of 1850. V. V. P. 461.

²¹ Цит. по кн.: Pressly T. American Interpret Their Civil War. Princeton, 1954. P. 140.

В конце XIX в. сближение между северной и южной историографией Гражданской войны получило выражение и в организационных мероприятиях. В 1886 г. на третьем съезде Американской исторической ассоциации состоялось символическое примирение историков Севера и Юга. Дж. Бэнкрофт как президент от имени Исторической ассоциации приветствовал выступление на съезде бывших офицеров рабовладельческой Конфедерации. После реорганизации в 1896 г. Южное историческое общество вступило в тесный контакт с Американской исторической ассоциацией.

Англосаксонская школа. В широком русле «критического» течения, пришедшего в конце XIX в. на смену романтическому, заметное место занимала англосаксонская школа. Ее ядро составляли американские историки, получившие образование в немецких университетах и усваивавшие там не только более совершенную методику, но подчас и общие исторические идеи и концепции. Господствовавшее в то время в немецкой историографии малогерманское направление Зибеля — Трейчке объявляло германцев наиболее последовательными носителями идей «индивидуальной свободы» и ведущей силой европейской истории. Большое влияние на формирование англосаксонской школы оказал также английский историк Э. Фримен. Уделяя исключительное внимание истории политических учреждений, он выдвинул формулу: «История — это политика в прошлом, политика — история настоящего». Фримен некритически распространял сравнительный метод, с успехом применяемый в лингвистике, на изучение политических институтов. Сравнительная лингвистика выделяла общие элементы в языках родственных народов; «сравнительная политика» объясняла сходные черты политического устройства у государств, существовавших в различные исторические эпохи, происхождением от общего корня — расовой общностью²⁴.

Обращение американских историков к германистской теории и «сравнительной политике» было во многом продиктовано желанием найти в глубине веков дополнительные доводы исключительности американской демократии. Представители англосаксонской школы утверждали, что только народы арийской расы создали наиболее демократические конституционные учреждения, сочетающие принципы индивидуализма и сильную государственную власть, местное самоуправление и федерализм; «тевтонское политическое наследие», заявляли они, англосаксы перенесли в V в. в Англию, а затем английские колонисты-пуритане — в Северную Америку. Особое внимание они уделяли генеалогии американских политических учреждений, пытались найти в колониальной Америке связующее звено со старогерманской племенной организацией.

Центром нового направления стал университет Джонса Гопкинса в Балтиморе, а его энергичным пропагандистом — Герберт Бакстер Адамс (1850—1901). Его семинары были самыми многочисленными в США. В работах «Саксонская десятина в Америке», «Германское происхождение городов Новой Англии»²⁵ и других Г. Б. Адамс сопоставлял политические организации и земельные отношения в ранних колониальных поселениях Новой Англии и у германцев, описанных Тацитом. Он привел новые факты, показывавшие, что в ранних колониальных поселениях Америки сохранились отдельные элементы сельской общины, сделал интересные наблюдения об управлении пуританскими поселениями и провел лингвистический анализ названий городов Северной Германии, Англии и США. Однако, расширительно истолковывая эти вполне определенные свидетельства источников, Адамс пришел к выводу о «политическом родстве», идущем от расовой общности американских колонистов с древними германцами.

²⁵ Adams H. B. Saxon Tithingmen in America; The Germanic Origin of New England Towns // Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. 1882—1883.

²⁴ Freeman E. Comparative Politics. N. Y., 1873.

Англосаксонская школа доминировала не только в университете Джонса Гопкинса. Подобные идеи развивали в Корнельском университете М. Тайлер, в Гарвардском — А. Харт и Д. Фиске, в Колумбийском — Дж. Барджесс, в Вашингтонском — Д. Госмер. Особой известностью пользовались работы Джона Фиске (1842—1901). В духе германистской теории он писал: «В самом глубоком и широком смысле наша американская история началась не с Декларации независимости и даже не с основания Джеймстауна или Плимута. Она в своих истоках восходит к тем дням, когда отважный Арминий в лесах Северной Германии разбил легионы Римской империи»²⁶. В работе «Происхождение Новой Англии»²⁷, рассматривая городское самоуправление, формирование городских ассамблей, образование федерации провинциальных ассамблей и т. д., Фиске старался показать, что на американской земле шло дальнейшее развитие англосаксонских политических принципов. Новая Англия улучшила староанглийскую модель. Даже Войну за независимость и Гражданскую войну 1861—1865 гг. Фиске рассматривал под углом зрения развития и сочетания конституционных идей федерализма и местной автономии.

Хотя положения, выдвинутые англосаксонской школой, преследовали прежде всего цель апологетики американских конституционных учреждений для «внутреннего» потребления, некоторые влиятельные историки провозгласили «право и обязанность» США распространить свои «совершенные» политические институты за пределы страны и даже на весь мир. Эти идеи вместе с традициями американского экспансионизма стали составной частью новой идеологии, складывавшейся в Соединенных Штатах на рубеже XIX—XX вв.²⁸

²⁶ Fiske J. American Political Ideas. N. Y., 1885. P. 7.

²⁷ Fiske J. The Beginnings of New England. Boston, 1899.

²⁸ См. подробнее: Деметьев И. П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973. Ч. I.

Д. Фиске

«История американского народа» Джона Мак Мастера. Восьмитомная «История американского народа» Джона Мак Мастера (1852—1932), как и работа Скулера, охватывала период от Войны за независимость до Гражданской войны. Заслугой Мак Мастера был отход от традиционных исторических сюжетов, что принесло ему широкое признание. Он выступил против исключительного внимания американских историков к политическим вопросам. «Наша история не в одном конгрессе, это в действительности лишь малая часть ее», — писал он. (Мак Мастер вспоминал позднее, что на него оказало сильное влияние знакомство с работами английских историков Маколея и Грина.) Мак Мастер поставил перед собой задачу показать «ослепительный рост цивилизации в США», «описать одежду, занятия, развлечения, литературные каноны, показать изменения нравов и морали, проследить рост человеческого духа»²⁹. Он собрал большой материал по истории быта, нравов, духовной культуры и техники страны; широко использовал в качестве исторического источника газеты, обратился к забытым мемуарам, письмам, дневникам. Мак Мастер расширил круг исторических проблем, рассматривавшихся в американской историографии, в частности, привел материал о колонизации Запада. О чем бы ни писал Мак Мастер — о пионерах

²⁹ McMaster J. A History of the People of the United States from the Revolution to the Civil War. N. Y., 1883—1913. V. I—VIII; V. I. P. 2.

Г. Адамс

Запада, войне с Англией 1812—1814 гг. или периоде джексоновской демократии,— он всегда находил красочные детали для картин быта и нравов эпохи.

Новаторски обратившись к новым социальным сюжетам развития США, Мак Мастер придерживался оценок исторических событий, господствовавших в современной ему буржуазной историографии. Он старался представить историческое развитие страны как плавный эволюционный процесс. Под его пером Война за независимость превратилась в респектабельную революцию, «соединенную с умеренностью и достоинством, с любовью к законам и порядку», в противоположность «кельтской революции» во Франции, где «главную роль играло насилие»³⁰. Герой истории США у Мак Мастера — «великий средний класс англосаксов»; Джефферсона и его сторонников он характеризовал как «партию силы и беспорядка», «правление толпы». Такая оценка шокировала даже поклонников Мак Мастера. В редких случаях он обращался к противоречиям труда и капитала, причем объяснял выступления рабочих кознями «иностранцев» и «социальных агитаторов»³¹.

Мак Мастер имел много подражателей, но он не создал своей школы в историографии. Зато велико было его влияние на

поколение молодых американцев как автора неоднократно переиздававшихся учебников по истории США.

Культурная и дипломатическая история Г. Адамса. Генри Адамс (1838—1918), внук шестого президента США Джона Квинси Адамса, был одним из зачинателей культурно-психологической и дипломатической истории. По возвращении из Германии, где он завершал свое историческое образование, Адамс одним из первых в США ввел семинарский метод обучения. Курс лекций по истории страны, прочитанный им в Гарвардском университете, послужил импульсом для написания его главной работы «История США в период администраций Джефферсона и Мэдисона». На мировоззрение Адамса оказала влияние позитивистская философия Конта. Адамс полагал, что история может быть изучена «в том же самом духе и теми самыми методами, которыми исследуется строение кристалла»³². Отсюда появление на страницах его труда аналогий между социальным развитием США и физическими процессами в природе. Еще в большей мере влияние позитивизма выразилось в стремлении Адамса показать развитие «американской коллективной психологии» (Адамс воспринял контовские стадии умственного развития человечества: теологическую, метафизическую, научную, считая, что США находятся на последней).

Стремясь раскрыть национальный характер американцев, Адамс обращался к различным сторонам духовной жизни страны. Он рельефно рисовал религиозную жизнь в Новой Англии, роль просветительских идей, в особенности философии Джефферсона, задавался вопросом о влиянии колонизации Запада на психологию американцев. В Америке, полагал Адамс, появился «новый тип человека». Однако жизнь трудящихся масс осталась вне поля зрения Адамса. Подобно Конту, он полагал, что интеллектуальная элита является движущей силой в истории.

³⁰ *McMaster J. A History of the People of the United States from the Revolution to the Civil War. V. II. P. 309.*

³¹ *Ibid. V. II. P. 616; V. IV. P. 369.*

³² *Adams H. The History of the United States of America during the Administration of Jefferson and Madison. N. Y., 1889—1891. V. 1—9; V. 9. P. 224.*

«Каждый день миллионы людей приступают к работе, каждый вечер, завершив ее, возвращаются домой, но результат их труда относится скорее к переписи цензов, чем к истории», — писал Адамс.

Важное место в труде Адамса занимает внешнеполитическая история США. Плотворной была попытка Адамса проанализировать всю систему международных отношений того времени. Применяя передовую исследовательскую методику, он старался привлечь возможно более широкий круг политических документов и изучить личные особенности их авторов. Опираясь на американские и многочисленные европейские архивные источники, он показал отношения США с Англией, Францией, Испанией. Однако история внешней политики в изображении Адамса — в основном серия дипломатических событий в залах американского конгресса, английского парламента или при дворе испанского монарха. Адамс остался далек от анализа социально-экономических основ внешней политики Соединенных Штатов Америки.

Изучение истории рабочего движения. Как отмечал американский историк-марксист Ф. Фонер, «к изучению истории рабочего движения в США серьезно не приступали вплоть до XX столетия». В конце XIX в. еще шел процесс накопления материала по истории американского рабочего и социалистического движения. Первые работы по этим сюжетам носили фактографический характер. Участник движения американских социалистов-утопистов, основатель коммуны в Анейде, Дж. Нойс опубликовал работу «История американского социализма»³³. Книга в значительной части была написана на материалах, собранных Макдональдом — учеником английского социалиста-утописта Оуэна. Нойс был первым историком движения утопического социализма в США. Он привел в своей книге яркие факты из истории оуэновских и фурьеристских коммун в Америке. Сам Нойс был очень религиозным человеком и рассматривал утопические эксперименты как эхо раннехристианских учений.

³³ *Noyes J. History of American Socialism. Philadelphia, 1870.*

Материал по истории «Ордена рыцарей труда», стачечного движения и борьбы за 8-часовой рабочий день в 70—80-х годах XIX в. содержала работа Т. Паудерли «Тридцать лет труда»³⁴. Она носила автобиографический характер и была написана на основе личной переписки, частных материалов и официальных документов Ордена (Паудерли возглавлял Орден рыцарей труда с 1879 по 1893 г.). В ней впервые была представлена история одной из массовых рабочих организаций США. Паудерли предлагал сосредоточить все усилия на просветительской деятельности и отрицал необходимость рабочей политической партии, полагая, что «она не соответствует духу американских институтов»³⁵.

Полезной попыткой осветить историю рабочего движения США была книга видного рабочего деятеля Дж. Мак Нейла «Рабочее движение — проблема нашего времени»³⁶. Мак Нейл, показывая рабочее движение от колониального периода до конца XIX в., основывался в значительной мере на данных рабочих газет, отчетов местных профсоюзных организаций, переписки лидеров и т. д. Подобно Паудерли, он недооценивал значение политической борьбы пролетариата, поэтому мало внимания уделил деятельности политических организаций рабочих США и, в частности, развитию социалистического движения.

Распространение марксизма в США. Первые шаги марксистской историографии. Еще в 50-е годы XIX в. в США началось распространение марксизма. Основную роль при этом сыграли немецкие иммигранты, видные деятели Союза коммунистов, переселившиеся в Америку после поражения революции 1848—1849 гг. Среди них близкий друг Маркса Иосиф Вейдемейер, Фридрих Зорге, Адольф Клусс, Абрам Якоби и др. Эти пионеры коммунистического движения создали первые марксистские организации в США и начали пропаганду марксизма.

³⁴ *Powderly J. V. Thirty Years of Labor from 1859 to 1889. Columbus, 1887.*

³⁵ *Ibid. P. 283.*

³⁶ *McNeill G. Labor Movement: The Problem of To-day. N. Y., 1887.*

В 1852 г. возникла первая марксистская политическая организация — Пролетарская лига, в 1853 г. — Американский рабочий союз, органом которого являлась газета «Реформа» («Die Reform»). Американские марксисты печатали и распространяли произведения К. Маркса, Ф. Энгельса. В начале 50-х годов в США были опубликованы «Манифест Коммунистической партии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и ряд других работ.

Большое значение для идеологической борьбы американских марксистов имела деятельность Маркса в качестве европейского корреспондента газеты «Нью-Йоркская ежедневная трибуна». Многие американские марксисты поддерживали постоянную переписку с Марксом и Энгельсом, советовались с ними по организационным и теоретическим вопросам.

Американские марксисты выступали не только как пропагандисты научного коммунизма: опираясь на труды основоположников марксизма, они предприняли ряд самостоятельных исследований. В работах И. Вейдемейера «Национально-экономические очерки США», «О диктатуре пролетариата» и А. Клусса «Социальные очерки по истории Америки» анализировались особенности экономического развития и рабочего движения в стране. Американские марксисты стремились вырвать рабочих из-под влияния буржуазных теорий, пропагандировавших содружество труда и капитала, критиковали мелкобуржуазные взгляды о возможности некапиталистического пути развития США.

Американские марксисты четко осознавали, что наиболее серьезным препятствием на пути развития рабочего движения в 50-е годы XIX в. являлось рабство негров. Маркс писал позднее: «В Соединенных Штатах Северной Америки всякое самостоятельное рабочее движение оставалось парализованным, пока рабство уродовало часть республики. Труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо»³⁷.

В газетах «Реформа», «Национальный защитник рабочих» («Workermens National Advocate») появлялись многочисленные статьи, анализировавшие проблему рабства и разъяснявшие рабочим, что рабовладение ведет к снижению заработной платы рабочих, к падению жизненного уровня и что агрессивный рабовладельческий Юг угрожает уничтожить буржуазно-демократические свободы на Севере. Марксисты анализировали обострение политической обстановки в связи с переходом рабовладельцев в наступление. Активно действовали коммунистические клубы на севере страны, но и на юге марксисты организовали несколько антирабовладельческих газет, из которых наиболее известной являлась «Газета Сан-Антонио» («San Antonio, Zeitung»), которую издавал в 1853—1856 гг. А. Дауэй.

В период, предшествовавший Гражданской войне, марксизм делал первые шаги в США. Вместе с тем было немало предпринято в борьбе против мелкобуржуазных иллюзий и для вовлечения рабочих в антирабовладельческое движение. Когда началась война, коммунистические клубы послали в армию большинство своих членов.

Уничтожение рабства разорвало многие путы, сковывавшие рабочее движение в США, открыло новые возможности для распространения социалистических идей. Однако и в дальнейшем путь социализма в Америке был нелегким, ибо ряд специфических черт развития страны способствовал сохранению мелкобуржуазных иллюзий в рабочем классе. Сказывались особенности формирования американского пролетариата: наличие свободных земель, региональные, религиозные и межгрупповые деления, национальная раздробленность, давление буржуазной двухпартийной системы. И все же в конце XIX в. удельный вес социалистических идей в американской общественной мысли существенно вырос. К этому времени наиболее значительные работы К. Маркса и Ф. Энгельса были хорошо известны в США («Капитал» Маркса был в числе широко читаемых произведений, в 1889 г. книга была распродана в нескольких десятках тысяч экземпляров).

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 309.

Серьезное значение для складывания марксистского направления в американской историографии имела работа соратника Маркса, ветерана американского рабочего движения Фридриха Зорге (1828—1906) — «Рабочее движение в Соединенных Штатах»³⁸. Зорге использовал весьма обширный документальный материал по истории американского пролетариата, собиравшийся им в течение многих лет. Разделяя многие оценки Маркса и Энгельса, он дал трактовку важнейших событий американской истории, партий и политических деятелей. Зорге стремился показать борьбу рабочего класса в связи с социально-экономическим развитием страны. Он отметил, что политические формы американской буржуазной демократии соответствовали уровню экономического развития капитализма и состоянию классовой борьбы в США.

Зорге уделил существенное внимание проблеме формирования американского пролетариата и в связи с этим проанализировал роль иммиграции, притока иностранных рабочих в США. В регионе Новой Англии, ставшем одним из первых центров пролетарского движения, в иммиграционном потоке преобладали ирландцы. Немецкие переселенцы, устремившиеся в США после революции 1848 г., сыграли важную роль в рабочем движении штатов Среднего Запада.

Подчеркнув вклад рабочих в победу над рабством, Зорге отметил также деятельность аболиционистов — У. Филлипса, У. Гаррисона, Дж. Брауна и др. Он видел огромное значение победы над рабством для развития рабочего движения

³⁸ Зорге Ф. Рабочее движение в Соединенных Штатах. СПб., 1907 (впервые опубликовано в «Neue Zeit», 1890—1892).

в США. С этого времени возведенная одним из лидеров республиканской партии У. Сьюардом «неизбежная борьба между рабством и свободным трудом закончилась, и ее место заняла борьба между трудом и капиталом»³⁹. Много внимания уделил Зорге борьбе рабочего класса в 70—90-е годы: стачке на железной дороге Балтимор — Огайо в 1877 г., Хеймарктским событиями и т. д.

Работе Зорге были свойственны некоторые существенные слабости. Так, в идиллических тонах в ней нарисованы общественные отношения в колониальной Америке, не показана революционная роль фермерства во время Гражданской войны. Зорге отрицательно относился к фермерским движениям конца XIX в. Однако, несмотря на это, работа имела немалое положительное значение: в ней была предпринята попытка с марксистских позиций осветить ряд существенных аспектов истории американского капитализма, даны яркие картины борьбы американского пролетариата.

³⁹ Зорге Ф. Рабочее движение в Соединенных Штатах. СПб., 1907. С. 84.

История нового времени в России в пореформенный период

Вторая половина XIX в. характеризуется проведением «сверху» крестьянской реформы, с которой начался новый исторический период в России, продолжавшийся до 1905 г. В. И. Ленин писал о нем: «В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»¹. Это противоречие, проявляясь через все стороны жизни русского пореформенного общества, определяло и характер классовой борьбы в стране. Стержнем ее являлся аграрный вопрос, в основе которого лежала борьба крестьянских и помещичьих интересов. Вместе с тем с развитием капитализма в России в 80—90-е годы разворачивается рабочее движение, начинается распространение марксизма.

Исторический опыт Запада в общественно-политической борьбе пореформенного периода. Сложный переплет социальных противоречий нашел свое выражение в борьбе различных идейно-политических направлений, выражавших воззрения основных классов русского общества о путях дальнейшего развития страны. Это были: реакционно-охранительное течение, защищавшее интересы помещиков-крепостников и тесно связанное с правительственной бюрократией; революционно-демократическое, объективно выражавшее чаяния крестьянства; занимавшее промежуточное положение между ними либеральное течение, выражавшее интересы буржуазии, которая выступала против крепостнических пережитков в стране, но в то же время страшилась революционного пути их ликвидации.

В рамках каждого из этих течений сложилась определенная система представлений о настоящем и будущем России,

равно как и об историческом процессе в целом. В развернувшейся общественной борьбе история становилась важным аргументом, призванным не только обосновать тот или иной идеологический лозунг, но и прояснить перспективы развития страны. При этом особенно большое значение приобретал опыт стран, ушедших вперед в своем историческом развитии, который истолковывался разными идейно-политическими направлениями в зависимости от их исходных позиций.

Сугубо негативную оценку ему давало реакционно-охранительное течение, исповедовавшее теорию официальной народности. Провозглашая принципы православия, самодержавия и народности незыблемой основой всей русской истории, сторонники этой теории противопоставляли ей в качестве антитезы историю Западной Европы. Идеологи официальной народности настаивали на коренном различии русского и западноевропейского путей исторического развития. Западноевропейская история привлекала их внимание в единственном качестве: как история-предупреждение. Насыщенная революционными потрясениями, она должна была служить грозным предостережением против «тлетворного влияния» Запада в любых его проявлениях, и прежде всего против влияния прогрессивных идей.

Иначе относились ко всеобщей и в особенности новой истории два других течения русской общественной мысли. И революционные демократы, и либералы исходили из признания общности исторических судеб России и Запада, хотя и делали из этого существенно разные выводы. Поэтому уроки западноевропейской истории приобретали для них важное практическое значение.

Революционные демократы впервые в России обратились к систематическому рассмотрению новой истории, показав ее значение для осмысления самых жгучих вопросов российской пореформенной действительности. Русская революционно-демократическая мысль прошла сложный

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38.

путь теоретических исканий от увлечения гегелевской философией до выработки собственной теории исторического процесса, явившейся высшим достижением домарксовской общественно-философской мысли и получившей наиболее глубокое и систематическое выражение в творчестве Н. Г. Чернышевского. Не сумев в силу отсталости России прийти к последовательному материалистическому объяснению истории, революционные демократы тем не менее подошли к нему ближе, чем какое-либо другое течение немарксистской исторической мысли. Это нашло выражение в их постоянном внимании к материальным условиям жизни общества, а главное в понимании движущих сил и характера исторического процесса. Обосновывая историческую необходимость и неизбежность социальной революции, признавая активную роль народных масс в истории, революционные демократы проявляли особый интерес к массовым освободительным движениям в Западной Европе, с успехом или неудачей которых они непосредственно связывали судьбы исторического прогресса.

Идейными наследниками революционных демократов 60-х годов явились идеологи революционного народничества. Правда, их осмысление исторического процесса не было таким глубоким, но они сохранили революционный пафос своих предшественников, их убеждение в близости русской революции.

Именно в отношении к революции заключалось главное расхождение между революционно-демократическим и либеральным течениями. Разделяя представление о закономерном и поступательном характере общественного развития, либералы вместе с тем были решительными противниками революционного пути социального переустройства. Их политическим идеалом была конституционная монархия, способная обеспечить завершение буржуазных преобразований в России. Соответственно этому «нормальным» путем исторического развития признавался путь правительственных реформ, своевременно разрешающих накапливающиеся в обществе противоречия. Подчеркивая неизбежность и прогрессивность развития капитализма в России, либеральные идео-

логи в то же время стремились избежать тех социальных потрясений, которыми сопровождалось это развитие на Западе. Отсюда вытекали значение для них опыта Запада и сам подход к его изучению. Он должен был обосновать и неотвратимость буржуазных преобразований в России, и такую политику, которая свела бы к минимуму связанные с ними «издержки».

Отрицательное отношение к революционным методам общественных преобразований сближало русских либералов с западноевропейскими. Однако между ними существовало и серьезное различие, вызванное спецификой пореформенного развития России. Нерешенность задач буржуазной революции, с одной стороны, относительная слабость рабочего движения, с другой, были причиной того, что, в отличие от западноевропейского либерализма второй половины XIX в., в идейной программе русских либералов на первый план выступала (особенно в последней четверти столетия) критика пережитков феодализма, экономической и социально-политической жизни страны. Хотя их борьба с этими пережитками не являлась последовательной, сопровождалась стремлением к компромиссу с царизмом и крепостниками, тем не менее она обусловила наличие определенных относительно прогрессивных моментов как в идейно-политических установках либеральных историков, так и в особенности в их методологии.

Марксистское направление в русской общественной мысли складывается начиная с 80-х годов, когда развернула свою деятельность основанная Г. В. Плехановым группа «Освобождение труда» (1883—1903). Марксистские теоретические труды Плеханова внесли важный вклад в преодоление ошибочных народнических представлений о характере общественного развития России, преувеличивавших и абсолютизовавших своеобразие ее исторического пути по сравнению со странами Запада.

История в университетах. Исторические общества и журналы. Общественный подъем 60—70-х годов способствовал демократизации университетской науки, усилению ее связи с реальными потребностями жизни. Определенную позитивную роль в повышении уровня преподавания и раз-

витии научных исследований сыграл университетский устав 1863 г., предоставивший университетам ограниченную автономию. Существенно улучшилось преподавание истории. Наряду с лекциями обязательным элементом учебного процесса стали практические (семинарские) занятия, приобщавшие студентов к самостоятельной работе с историческими источниками и специальной литературой. Выпускники университетов, оставленные для подготовки к профессорскому званию, посылались за границу, где они посещали лекции и семинары в лучших европейских университетах, а также работали в исторических архивах. Все это способствовало тому, что изучение истории в русских университетах в последней четверти XIX в. поднялось на качественно новый уровень. В частности, началось систематическое изучение новой истории, которая уже к концу XIX в. стала процветающей научной дисциплиной.

В пореформенную эпоху возникла сеть исторических обществ, создававшихся преимущественно при университетах. Они издавали свои журналы, в которых помещали научные публикации, содействуя таким образом изучению истории и распространению исторических знаний. В основном их деятельность относилась к отечественной истории, но некоторые из них занимались изучением и всеобщей, в частности, новой истории. Большую роль в популяризации и совершенствовании исторических знаний сыграло Историческое общество, созданное в 1889 г. при Петербургском университете, председателем которого являлся Н. И. Кареев. Согласно уставу Общества его задачи заключались в исследовании «научных вопросов из всех областей русской и всеобщей истории», разработке теоретических проблем исторической науки и обсуждении вопросов, связанных с преподаванием истории в высшей и средней школе.

Важное место в реализации этих задач отводилось печатному изданию Общества — журналу «Историческое обозрение», претендовавшему на роль центрального органа исторической науки в России. И хотя в полной мере таковым он не стал, журнал, выходивший с 1890 г. под редакцией Кареева, как и общество в целом,

включавшее в себя в отдельные годы до 270 человек, представлявших различные университетские центры страны, внесли определенный вклад в консолидацию русской исторической науки. Наряду со статьями по широкому кругу проблем отечественной и всеобщей истории, а также теоретико-методологическим вопросам исторической науки, в журнале публиковались рецензии и обзоры русской и зарубежной исторической литературы, библиографические указатели, обзоры, освещавшие состояние преподавания истории в университетах и гимназиях, сообщения об исторических диспутах, публичных лекциях по истории и т. п. Более локальный характер имели «Известия», издаваемые каждым университетом.

Возросший интерес русского пореформенного общества к истории выразился в появлении ряда исторических журналов, издававшихся на частнопредпринимательской основе. В них освещалась отечественная история, но некоторые из них, например «Исторический вестник», публиковали материалы и по всеобщей истории.

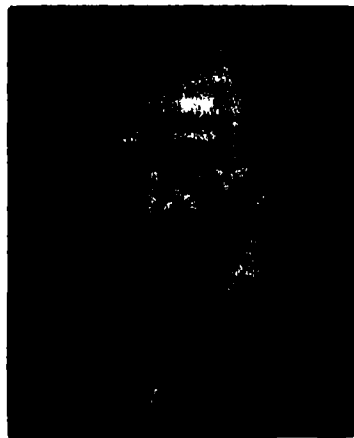
Однако наиболее ярко общественный интерес к истории, а вместе с тем и социальная значимость исторического познания проявились в широкой публикации разнообразных исторических материалов на страницах общественно-политических и литературно-художественных журналов различных идейных направлений. Такие органы революционной демократии, как «Современник», «Слово», «Дело», а также либеральные издания «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство» и другие публиковали исследования по проблемам отечественной и всеобщей истории, исторические обзоры, рецензии на книги русских и зарубежных историков и другие материалы, свидетельствовавшие не только о широком общественном интересе к историческим знаниям, но и об активном использовании их в идейной борьбе.

Русские революционные демократы 50—60-х годов о предмете и задачах исторической науки. Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и их соратники выдвинули и обосновали самое глубокое в домарксистской науке понимание природы и задач исторического познания, прони-

занное мыслью о большом социальном значении истории. Главным объектом исторического исследования революционные демократы провозглашали народные массы, их повседневную жизнь и особенно их борьбу. «Но много ли,— спрашивал Добролюбов,— являлось в Европе историков народа, которые бы смотрели на события с точки зрения народных выгод, рассматривали, что выиграл или проиграл народ в известную эпоху, где было добро и худо для массы, для людей, а не для нескольких титулованных личностей, завоевателей, полководцев и т. п.»²

Вопросы о месте истории в жизни общества, ее предмете и задачах получили обстоятельное освещение в трудах вождя русской революционной демократии **Николая Гавриловича Чернышевского** (1828—1889). Энциклопедически образованный ученый, внесший значительный вклад в развитие философии, политэкономии, эстетики, литературоведения, Чернышевский придавал исключительное значение истории как могущественному средству народного просвещения. С большой глубиной он поставил вопрос о гражданской направленности историка, обращающегося к прошлому «под влиянием своего взгляда на потребности настоящего времени». «Иных историков никогда не было и быть не может,— подчеркивал он,— каждый излагает факты сообразно своим убеждениям, а убеждения влагаются в человека настоящим временем и его потребностями». И далее четко, насколько это было возможно в подцензурной печати, Чернышевский формулировал соотношение между идейной направленностью и объективностью в историческом познании: «Дело не в том, чтоб историк писал без идеи подтвердить свои убеждения образом прошедшего,— дело в том, каковы его убеждения. Если они действительно широки и благородны, он будет беспристрастен: правое дело не нуждается ни в натяжках, ни в искаженных фактах»³.

Свое понимание задач русской исто-

Н. Г. Чернышевский

рической науки Чернышевский наиболее полно сформулировал в статье, посвященной научной и общественной деятельности Т. Н. Грановского. Он подчеркивал, что историк должен быть не узким специалистом, а энциклопедистом, ибо главная его задача — быть «просветителем своей нации», способствовать пробуждению «сочувствия к высшим человеческим интересам». В служении обществу он видел призвание русской исторической науки, что и определяло его высокую оценку деятельности Грановского как «истинного сына своей родины, служившего потребностям ее, а не себе»⁴.

Необходимым условием эффективного служения исторической науки общественным потребностям Чернышевский считал коренное переосмысление ее предмета. Он подверг критике господствовавшую в его время политическую историю, которая была «скорее похожа на сборник анекдотов, прикрываемых научною формою, нежели на науку в истинном смысле слова», и подчеркивал, что «ныне мы имеем только идею о том, чем должна быть эта наука, но едва еще видим первые, односторонние опыты осуществить эту идею». Подлинная историческая наука, по убеждению Чернышевского, должна быть историей умственной жизни, нравов, но в особенности она должна изучать «материальные условия быта, играющие едва ли не первую роль в жизни, составляющие коренную причину

² Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1934—1941. Т. 1—6; Т. 1. С. 211.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939—1953. Т. I—XVI; Т. IV. С. 823.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. III. С. 349—350, 352—353.

почти всех явлений и в других, высших сферах жизни»⁵.

Проблемы новой истории в революционно-демократической литературе 60-х годов. В числе разделов истории, привлекавших постоянное внимание Чернышевского и других революционных демократов, видное место занимала новая история, уроки которой приобретали важное практическое значение в пору назревания революционной ситуации в России. В поле зрения революционных демократов находились практически все крупные события европейской истории в новое время, равно как и все сколько-нибудь значительные труды, эту историю освещавшие. Чернышевский констатировал неудовлетворительное состояние изучения новой истории и в России, и на Западе. Отмечая, что быт народов является самой важной частью истории, он с горечью писал, что «на десять человек, занимающихся исключительно громкими событиями и именами, едва ли найдется между исследователями новой истории один, обращающий главное внимание на развитие истинно важных вопросов и элементов народной жизни»⁶. С этой точки зрения он предъявлял претензии даже к таким высоко ценимым им историкам, как Гизо и Шлоссер, указывая, в частности, что в их трудах не упоминается «об истории отношений человека к природе»⁷.

В истории нового времени преимущественное внимание русских революционных демократов привлекали крупные социальные движения, в которых с особой силой проявлялась роль народных масс в истории. Подчеркивалась историческая закономерность этих движений, их обусловленность материальными условиями жизни общества. О глубине такого подхода свидетельствует трактовка истории Великой французской революции. Наиболее основательно она была представлена в статье Д. И. Писарева «Исторические эскизы», пронизанной идеей исторической необходимости революции. «Первая при-

чина революции,— считал он,— заключалась... в экономическом истощении народа и государства»⁸. Он отмечал решающую роль народных масс в коренной ломке отживших общественных отношений, что и определяло, по его убеждению, историческое значение Французской революции.

Революционные демократы уделяли большое внимание революционным движениям XIX в., в особенности революции 1848—1849 гг. во Франции. Ее оценка Чернышевским свидетельствует о том, что он (так же как и бывший очевидцем этой революции Герцен) не смог понять роль рабочего класса. Однако в обстановке складывавшейся в России революционной ситуации он сумел глубоко осмыслить и опыт европейских революций 1848—1849 гг.

Подъем русского освободительного движения способствовал оптимистическому прогнозу Чернышевского перспектив революционного движения на Западе, что нашло отражение во многих его произведениях. В наиболее развернутом и аргументированном виде такая оценка присутствует в обзорах зарубежных событий, которые ежемесячно публиковались Чернышевским в 1859—1862 гг. на страницах боевого органа русской революционной демократии журнала «Современник». Их своеобразным смысловым стержнем является очерк теории исторического прогресса. Начиная его с признания, что «последнее десятилетие было очень тяжело для друзей света и прогресса в Западной Европе», Чернышевский вместе с тем писал: «Мы вовсе не отвергаем прогресса, а хотим только показать... что прогресс всегда и везде происходил очень медленно, сопровождаясь целую тучею самых неблагоприятных обстоятельств и случаев, беспрестанно прерываясь видимым господством реакции или, по крайней мере, застою»⁹. Подчеркивая сложный и противоречивый характер исторического прогресса, Чернышевский в то же время всей логикой своих рассуждений обосновывал

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. III. С. 357.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. II. С. 550.

⁷ Там же. Т. III. С. 357 (сноска).

⁸ Писарев Д. И. Полн. собр. соч. СПб., 1909—1913. Т. I—VI; Т. III. С. 230.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 5, 11.

его неодолимость. И хотя русский мыслитель справедливо отмечал, что социальные процессы гораздо сложнее природных и поэтому следить за их законами труднее, он решительно утверждал, что «во всех сферах жизни законы одинаковы», а следовательно, «отвергать прогресс — такая же нелепость, как отвергать силу тяготения...»¹⁰.

Чернышевский был убежден в том, что закон прогресса может быть обоснован только на исторически длительном отрезке времени. Поскольку исторический прогресс совершается медленно и тяжело, то, предупреждал он, если мы будем ограничиваться слишком коротким периодом времени, «колебания, производимые в поступательном ходе истории случайностями обстоятельств, могут затемнить в наших глазах действие общего закона. Чтобы убедиться в его неизменности, надобно сообразить ход событий за довольно продолжительное время»¹¹. Таким образом, только из истории можно вывести и доказать закон прогресса, что и определяет ее социальную значимость. Пример этого демонстрирует сам Чернышевский, обращаясь к опыту Англии и Франции XVIII — первой половины XIX в.

Особенно ярко суть взглядов Чернышевского выразилась в его понимании механизма действия закона прогресса. Он считал, что прогресс в истории главным образом («на девять десятых») осуществляется в результате революций, или, как он по цензурным условиям вынужден был писать, «кратких периодов усиленной работы», «скачков», «ускоренного движения», «минут творчества» и т. п. Причем, полагал он, «революционное дело» должно осуществляться «революционным путем»¹².

Не со всеми положениями созданной Чернышевским теории прогресса мы можем сегодня согласиться. В частности, представляется упрощенным и даже несколько наивным положение, будто существует некий цикл продолжительностью

в среднем 15 лет, в течение которого происходит смена реакции революцией. Этот цикл, по Чернышевскому, соответствует «простому арифметическому закону физической смены поколений», когда на место усталых и «изношенных» приходят «новые люди», способные в силу благоприятных обстоятельств оказать «решительное влияние на ход событий»¹³.

Следует, однако, подчеркнуть, что за этими выкладками стояло эмпирическое обобщение исторического опыта европейских революций конца XVIII — первой половины XIX в., позволившее в пору реакции, последовавшей за поражением революции 1848—1849 гг., предсказать неизбежность нового революционного подъема. Чернышевский обосновал историческую закономерность его наступления. «Не год и не два, — писал он, — продолжается тяжелый застой в истории Западной Европы, но несомненные признаки показывают, что полночь уже прошла и до нового дня осталось меньше времени, нежели сколько пережитого от заката солнца в предыдущий день»¹⁴. Цель обзоров «Современника» в том и заключалась, чтобы обосновать это положение конкретно-историческим материалом, показать неминуемое нарастание примет грядущего революционного взрыва. При этом показывалось, что именно социальные антагонизмы, коренящиеся в материальных условиях жизни общества, являются определяющим фактором исторического развития.

Чернышевский приближался к пониманию роли материальных интересов как основы общественных антагонизмов. «По выгодам, — писал он, — все европейское общество разделено на две половины: одна живет чужим трудом, другая — своим собственным; первая благоденствует, вторая терпит нужду». Естественно, что и интересы их противоположны. В то время как интерес первой заключается в том, чтобы сохранить существующее положение вещей, интерес второй, включающей в себя $\frac{9}{10}$ всего населения, «состоит в том, чтобы изменилось нынешнее положение и тру-

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 12.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 418.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 15—16.

¹⁴ Там же. С. 14.

дящийся человек пользовался всеми плодами своего труда, а не видел их достоящимися в чужие руки»¹⁵.

На этом основании Чернышевский приходил к выводу об отсутствии социальной стабильности в современном ему западноевропейском обществе, чреватом новым революционным взрывом. В начале 1862 г. он писал: «Зловещие птицы начинают каркать похоронную песню над существующим порядком Западной Европы... Мы не скажем, что ошибаются зловещие птицы... В народах Европы, как и во всех других народах, есть недовольство существующим порядком, и от времени до времени стекаются обстоятельства, доводящие недовольство до взрыва». При этом он отмечал, что «карканье зловещих птиц, чующих поживу себе в Западной Европе... оживлено ходом дел во Франции»¹⁶.

Новейшая история Франции, пережившей за короткий период три революции, которые всколыхнули всю Европу, всегда привлекала внимание Чернышевского как история «народа, который каждым изменением в характере своей истории прямо возбуждает или придавливает политическую энергию других западных обществ»¹⁷. Каждая из этих революций являлась, по его глубокому убеждению, исторически закономерной. В статье «Турго» он подчеркивал неизбежность революции конца XVIII в. и несостоятельность попыток ее предотвращения путем правительственных реформ. Таким же неизбежным он считал наступление нового революционного взрыва. Уже в 1856 г., констатируя, что «бонапартизм с каждым днем приобретает во Франции все более и более значения», Чернышевский обращал внимание читателей «Современника» на «другую сторону медали», заключавшуюся во все более резком контрасте «торжества наглости и бесстыдства» и «постоянных лишений» тружеников¹⁸.

В своих обзорах Чернышевский разоблачал авантюризм внутренней и внешней

политики Наполеона III, приведшей к значительному ослаблению правительственной системы; он проницательно замечал, что война явится для Наполеона «последним средством» для выхода из постоянно нарастающих трудностей. Тщательно следя за дальнейшим развитием событий во Франции, Чернышевский приходил к выводу о неизбежности новой революции. Сравнивая эту страну с вулканом, взрывы которого периодически потрясали всю Европу, он пророчески писал в начале 1862 г.: «Вот и теперь чуткое ухо злонамеренных людей слышит в подземных слоях Франции глухой гул — предвестник приближающегося извержения»¹⁹.

Так, глубокое осмысление с революционно-демократических позиций западноевропейской действительности питало исторический оптимизм Чернышевского, укрепляя его веру в неотвратимость революционных перемен в мире, а сама история становилась действенным средством политического воспитания русского общества. Обоснованная конкретным историческим материалом теория прогресса активно служила делу революционной пропаганды.

Революционно-демократическая мысль 70-х годов о революционных движениях на Западе. Неудача освободительного движения начала 60-х годов вызывала в революционно-демократическом лагере мучительные раздумья о новых путях и методах борьбы с самодержавием, что заставляло глубоко изучать историческое прошлое русского народа. В то же время усилившееся осознание общности исторического развития России и Западного стимировало интерес к переломным этапам западноевропейской истории. Только всестороннее изучение исторического процесса могло привести к установлению закономерностей общественного развития и тем самым дать научную основу для практической революционной деятельности. «Для русского общества, — подчеркивал Н. В. Шелгунов, — наступила теперь пора зреть мыслью на дальнейших очередных вопросах, и эти вопросы — исторические,

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 337.

¹⁶ Там же. С. 609—610.

¹⁷ Там же. Т. IV. С. 17.

¹⁸ См. там же. Т. II. С. 731.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 610.

тесно связанные с вопросами социологическими... Уяснение себе законов жизни личности и общества невозможно без изучения истории»²⁰.

На страницах подцензурных демократических периодических изданий заметное место занимали публикации по новой истории (по принятой тогда периодизации ее началом считали рубеж XV — XVI вв.), посвященные главным образом революционным движениям на Западе, начиная с Крестьянской войны в Германии и кончая Великой французской революцией²¹. Заслугой революционно-демократической публицистики стало стремление утвердить представление о классовой борьбе и ее высшей форме — социальной революции как закономерном явлении истории. Можно говорить о существовании революционно-демократической концепции новой истории, основное содержание которой составляло обоснование закономерного характера революционного уничтожения феодально-абсолютистских порядков.

В выработке этой концепции после Н. Г. Чернышевского большая роль принадлежала Петру Никитичу Ткачеву (1844—1885/86). Не будучи марксистом, он тем не менее испытал влияние материалистического понимания истории, выразившееся в признании решающей роли экономических отношений в историческом развитии. Под этим углом зрения, пусть не всегда последовательно, а порой и вульгарно прямолинейно, Ткачев подходил к истории Западной Европы в новое время, пытаясь раскрыть ее существенные закономерности.

Главное внимание Ткачева привлекали два эпохальных события — Реформация и Крестьянская война в Германии и Французская революция конца XVIII в. И хотя

²⁰ Шелгунов Н. В. Историческая сила критической личности // Дело. 1870. № 11. С. 14—15.

²¹ В бесцензурной печати освещались и новейшие революционные выступления. Отметим, в частности, опубликованную в издававшейся в Англии газете «Вперед» статью П. Л. Лаврова «Парижская Коммуна», в которой подчеркивалось историческое значение восстания парижских трудящихся как «первой революции пролетариата».

он не сумел разглядеть действительное содержание этих событий, неоправданно преувеличивая, в частности, противоречия между народными массами и буржуазией, важен был сам факт привлечения к ним внимания русского читателя. Ткачев показал их закономерный характер. В народных массах (прежде всего крестьянстве) он видел главную движущую силу истории.

В особенности плодотворным был подход Ткачева к истории Французской революции. Первым в русской литературе он дал резкую отповедь антиреволюционному памфлету И. Тэна, показал ограниченность понимания им революции. Ряд зарубежных ученых, писал он, «игнорировали роль крестьянина, рабочего». С полным основанием он утверждал, что действительная история революции «будет вполне издана лишь тогда, когда роль и участие народа в подготовке и осуществлении революции будут также тщательно и всесторонне выяснены, как теперь выяснены роль и значение буржуазии»²².

Рассматривая освещение новой истории в революционно-демократической литературе, необходимо учитывать ее своеобразие. Здесь выступали не профессиональные историки, а публицисты, которые не занимались самостоятельными историческими исследованиями на основе изучения источников; их взгляды формировались исходя из данных, уже бывших в научном обороте, конкретный материал, как правило, они заимствовали у историков-профессионалов.

Вместе с тем революционно-демократическая публицистика с присущими ей богатством мысли, новизной и смелостью в постановке вопросов, высокой гражданской ответственностью сыграла немалую роль в развитии исторической науки в России, в частности в изучении новой истории. Впервые в русской исторической литературе социально-экономические отношения провозглашались важным объектом исторического исследования, а народные массы и их борьба — движущей силой истории. Эти взгляды, хотя и не сразу, стали рас-

²² Ткачев П. Н. (П. Гра-ли). Новые исследования по истории Французской революции // Дело. 1878. № 7. С. 309.

пространяться и в профессиональной историографии.

Либеральная историография новой истории. В области профессиональных исторических исследований, в частности по проблемам новой истории, ведущая роль принадлежала либеральному течению. Русская либеральная историография новой истории складывалась на методологической основе позитивизма. Вследствие отмеченного выше своеобразия пореформенной действительности позитивистская методология в русской науке вообще, в историографии новой истории в частности, получила относительно прогрессивное истолкование, что нашло свое выражение в повышенном интересе к материальным условиям исторического процесса. Оставаясь идеалистами в объяснении истории в целом, русские либеральные ученые обращали преимущественное внимание на сферу социально-экономических отношений, подчеркивали их важную роль в жизни общества.

Высшим достижением в методологических поисках русских либеральных историков стало усвоение некоторыми из них отдельных положений материалистического понимания истории. Не принимая марксизм как революционное учение пролетариата, они в то же время, хотя и не без оговорок, признавали плодотворность самой постановки вопроса о материальной обусловленности общественного развития и в отдельных случаях пытались исходить из нее в своей исследовательской практике. Причину такого отношения к марксизму раскрыл В. И. Ленин. «До 1905 года, — писал он, — буржуазия не видела другого врага кроме крепостников и «бюрократов»; поэтому и к теории европейского пролетариата она старалась относиться сочувственно, старалась не видеть «врагов слева»²³.

Влияние марксизма, пусть даже ограниченное, существенно обогащало методологию русских либеральных историков, служило до известной степени противовесом против распространявшихся в конце XIX — начале XX в. в буржуазном общественном сознании кризисных тенденций.

Либеральная историография испытала и определенное влияние революционно-демократической публицистики с ее идеей высокого социального назначения истории. Это влияние в немалой степени способствовало тому, что исследовательские усилия русских ученых сосредоточивались на изучении ключевых проблем новой истории. Главной из них была проблема революционных движений на Западе, в особенности история Великой французской революции.

Новая история как научная дисциплина складывалась в России преимущественно как история западноевропейских революций. При этом особое внимание уделялось социально-экономической стороне революционного процесса, прежде всего аграрным отношениям. С деятельностью ведущего в русской либеральной историографии всеобщей истории социально-экономического направления были связаны наиболее значительные успехи в изучении новой истории, выдвинувшие русскую науку на уровень мировой.

Начало изучения новой истории в русских университетах. Главными центрами изучения новой истории в России во второй половине XIX — начале XX в. являлись университеты. Зачинатели систематического изучения и преподавания новой истории в русских университетах принадлежали преимущественно к либеральному течению в историографии. Первым среди них должен быть назван профессор Харьковского университета **Михаил Назарьевич Петров** (1826—1887). Талантливый ученый и блестящий преподаватель, испытавший известное влияние прогрессивных идей своего времени, Петров выступил несомненным новатором в науке. Свидетельство тому — его докторская диссертация «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции». Это был первый систематический критический анализ западноевропейской историографии XIX в., пронизанный убеждением в неразрывной связи истории и жизни. Отмечая, что в историографии отражаются господствующее настроение, характер времени и нации, Петров подчеркивал, что в оценке исторических явлений «более чем где-нибудь заметно направление общества, его желания, цели и идеалы».

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 34.

Автор сделал немало метких наблюдений, обнаруживающих понимание социальной обусловленности исторического познания и активной роли истории в идейно-политической жизни общества. Такова, например, его оценка романтической историографии как дворянской реакции на идеи Просвещения и Французской революции. О том, насколько глубоко для своего времени было понимание М. Н. Петровым природы общественного развития, свидетельствует его критика взглядов одного из крупнейших представителей немецкого реакционного романтизма Ф. К. Савиньи. Отмечая заслуги этого ученого в утверждении представления об органическом характере общественного развития, Петров в то же время подмечал «слишком большую привязанность» Савиньи к исторически сложившимся формам и учреждениям, его стремление удержать их даже тогда, когда они сделались мертвыми. «Естественно... — писал русский ученый, — что он враждебно смотрел на всякие насильственные перевороты в обществе как нарушающие «естественный» ход его развития, тогда как перевороты эти нередко вносят в жизнь вдруг такую массу новых понятий и отношений, что от этого нормальный ход народного развития получает быстрый и резкий толчок, влияние которого не проходит бесследно и который однако ж нельзя назвать неисторическим»²⁴.

Явственно проявившийся у Петрова интерес к революционным движениям как переломным моментам истории особенно рельефно обнаруживается в его очерке «Томас Мюнцер. Великая крестьянская война»²⁵. Решительно выступая вслед за Циммерманом против недооценки Крестьянской войны как «какого-то второстепенного эпизода Реформации», Петров усматривал в ней кульминационный пункт «немецкой революции XVI в.», а Т. Мюнцера называл «самым оригинальным и даровитым» из ее вождей.

²⁴ Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861. С. 45.

²⁵ Петров М. Н. Очерки из всеобщей истории. Харьков, 1868.

С обращения к этой переломной в истории Германии эпохе начинаются изучение и преподавание новой истории и в Петербургском университете. С конца 60-х годов Василий Васильевич Бауэр (1833—1884) стал здесь читать курсы по новой истории, уделяя особое внимание Реформации и Германии. С ней также были связаны исследовательские интересы ученого. В лекционном курсе «История германороманского мира в XV и XVI столетиях. Реформационная эпоха» и монографии «Так называемая „Реформация императора Фридриха III“». Политический памфлет конца XV столетия», опубликованных в первом томе его «Лекций по новой истории» (1886), Бауэр обосновывал оригинальную концепцию Реформации, основывающуюся на признании ее закономерного характера и всемирно-исторического значения. Вместе с тем он не скрывал своего враждебного отношения к народным движениям в этот период, усматривая в их «необузданности» «все несчастье Германии».

Понимание социальной актуальности новой истории выразилось в обращении к ней специалистов по отечественной истории. Так, в 1869—1873 гг. публикуется в двух частях «Курс новой истории» С. М. Соловьева. Особый интерес представляет вторая часть этого курса, по существу посвященная предьстории Французской революции. Здесь содержится немало ценных наблюдений, свидетельствующих о проницательности ученого, стремившегося за калейдоскопической сменой совершавшихся в политической жизни Франции событий разглядеть их глубинные истоки, раскрыть их подлинное содержание. Так, он характеризует Фронду как «неудавшуюся революцию», пытается обнаружить долговременные тенденции общественно-политического и духовного развития Франции, обусловившие разложение старого порядка. Главную причину, сделавшую Французскую революцию неизбежной, ученый усматривает в слабости правительственной власти. В его исторической концепции «пагубному» французскому пути противопоставлен русский «путь своевременных преобразований сверху». Обращение к новой истории западноевропейских стран, в особенности

Франции, должно было рельефно показать благотворность пути государственных реформ как главного фактора исторического прогресса.

Аналогичных взглядов придерживался профессор Московского университета **Владимир Иванович Герье** (1837—1919), с именем которого связано начало систематического изучения и преподавания в России истории Великой французской революции. Начиная с 1873 г. он пишет ряд статей и очерков, позднее объединенных в сборнике «Идеи народовластия и Французская революция 1789 г.» (1904). Они пронизаны мыслью о том, что потрясения конца XVIII в. явились результатом слабости королевской власти, не сумевшей выполнить свою историческую задачу борьбы с феодализмом. Сама революция трактовалась Герье сугубо идеалистически, как продукт идеи народовластия.

Однако в первых своих работах Герье был далек от огульного отрицания революции. В этом отношении показательна его большая статья «Французская революция 1789—1795 гг. в освещении И. Тэна», опубликованная в 1878—1879 гг. в журнале «Вестник Европы». Признавая, что книга Тэна открыла новое направление в изучении революции, Герье в то же время решительно критиковал французского автора за то, что тот видел только уродливые и патологические явления, заблуждения революции, но не ее заслуги в истории цивилизации. «1789 год,— подчеркивал он,— всегда будет считаться одним из замечательных памятников на пути человечества к гражданскому прогрессу». Однако по мере усиления консервативных элементов в мировоззрении Герье на первый план в 80-е годы у него уже выступает стремление дискредитировать революцию.

Важное значение имела преподавательская деятельность Герье. Впервые в России он поставил в Московском университете семинарий по истории Французской революции, из которого вышли первые серьезные исследования русских авторов по этой проблематике.

Социально-экономическое направление в изучении новой истории. Во второй половине 70-х годов свой путь в науке начинает новое поколение русских ученых — иссле-

дователей всеобщей истории, представленное такими именами, как Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов. С их трудами связан расцвет русской дореволюционной историографии всеобщей истории, сумевшей не только стать вровень с лучшими достижениями западной науки того времени, но и в некотором отношении даже превзойти их. Ряд из них, главным образом Кареев и Ковалевский, высоко были оценены Ф. Энгельсом. Так, например, он писал, что «...лучшая работа о крестьянах — Кареева — написана по-русски»²⁶.

Эти историки начинали свою деятельность в обстановке назревания в стране новой революционной ситуации. Все они в той или иной мере испытали влияние освободительных идей своего времени. Оно отразилось не только на их идейно-политических позициях, сообщив определенную остроту их критике самодержавно-крепостнических порядков; им было присуще шедшее от революционно-демократической мысли страстное убеждение в высоком гражданском призвании истории. Определяя ее как великую воспитательницу человечества, они подчеркивали важность широкого распространения исторических знаний, необходимость обращения к истории для решения актуальных проблем современности.

По своим теоретико-методологическим взглядам эти историки являлись позитивистами, рассматривая исторический процесс как продукт действия разнообразных факторов. Однако в числе этих факторов они под несомненным влиянием марксизма первенствующую роль отводили экономическому как «важнейшему из факторов жизни», в качестве главной задачи исторического исследования указывали на «выяснение во всех деталях процесса экономических изменений, происходивших в жизни как отдельных народов, так и всей Европы... в связи с остальными явлениями жизни»²⁷.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 125.

²⁷ Лучицкий И. В. Джемс Сорольд Роджерс (некролог) // Юридический вестник. 1891. Февраль. С. 172.

Это позволяет говорить о существовании в русской историографии всеобщей истории социально-экономического направления, которое начинает складываться во второй половине 70-х годов. Для его представителей были характерны многообразие научных интересов, широта исследовательского подхода; каждая крупная проблема рассматривалась ими в свете общих закономерностей исторического развития, а каждый временной период — как неотъемлемое звено всего развития человеческого общества. Отсюда вытекало убеждение, что «знание западноевропейской истории особенно важно», поскольку данные ее могут служить для русского общества «уроками и предостережениями».

Выделяя новую историю как закономерную стадию всемирно-исторического процесса, сторонники социально-экономического направления исходили из представления, что решающие критерии такого выделения следует искать в объективных условиях жизни общества, в сфере его социальных отношений. Наиболее четко и глубоко это представление выразил П. Г. Виноградов. Традиционной периодизации всеобщей истории, согласно которой ее главными вехами являлись падение Западной Римской империи и изобретение книгопечатания, он противопоставлял «новую точку зрения», связавшую переход к истории средних веков с заменой рабского труда крепостным, а начало новой истории — с преобладанием свободного труда. «Великие разделы истории,— подчеркивал он,— располагаются действительно около трех пунктов эксплуатации и организации труда: рабства, крепостничества и свободного состояния»²⁸.

Соответственно такой периодизации новая история рассматривалась как история разложения и гибели средневекового феодально-крепостнического строя, а важнейшими событиями, сыгравшими большую роль в ликвидации этого строя, признавались европейская Реформация XVI в. и Французская революция конца XVIII в. Поэтому, писал Кареев, «новая

история Западной Европы может быть сосредоточена на этих двух событиях, нанесших самые сильные удары основам средневекового быта — католицизму и феодализму»²⁹.

Оставаясь идеалистами в объяснении исторического процесса в целом, историки социально-экономического направления в изучении новой истории обращали преимущественное внимание на сдвиги, совершавшиеся в материальных условиях жизни общества. Так, Кареев прямо связывал переход от средних веков к новому времени с развитием промышленности и торговли, денежного хозяйства и городской жизни, таившим в себе «будущую гибель феодализма». Отмечая, что за последние столетия сильно изменилась политическая карта Европы и что к этому привели различные причины, он добавлял: «Но одно из самых важных мест занимали причины материальные, экономические»³⁰.

В соответствии с таким пониманием новой истории интересы названных ученых сосредоточивались главным образом на исследовании социально-экономических отношений, а также на таких событиях, имевших мировое значение, как европейская Реформация, Английская революция XVII в. и в особенности Великая французская революция, ставших важнейшими вехами в процессе ликвидации феодализма и утверждения буржуазных отношений.

Труды И. В. Лучицкого по истории реформационного движения во Франции. Первым русским ученым, приступившим к систематическому изучению социальной истории нового времени, стал профессор всеобщей истории Киевского университета, разносторонне одаренный исследователь, испытывавший влияние народнических идей, Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918). Он начал свою научную деятельность с истории религиозных войн во Франции, которой посвятил целую серию своих работ: монографию «Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфоломеевской ночи (до Булонского мира)»

²⁹ Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1892. Т. 1. С. 556.

³⁰ Кареев Н. И. Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903. С. 33.

²⁸ Виноградов П. Г. История средних веков. М., 1892. С. 18.

И. В. Лучицкий

(1870), исследования «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» (1871), «Католическая лига и кальвинисты во Франции. Опыт истории демократического движения во Франции во второй половине XVI в.» (1877) и ряд других сочинений.

В совокупности они рисуют яркую, хотя и оставшуюся незавершенной, картину социальной борьбы во Франции XVI в.

Лучицкий впервые в историографии данной проблемы обратился к огромному, не известному ранее в науке материалу, хранившемуся в провинциальных архивах юга Франции, который являлся важнейшим очагом гугенотского движения. Это позволило ему пролить новый свет на религиозные войны, раскрыть несравненно глубже, чем это делали его предшественники, их социальную подоплеку.

В трудах Лучицкого была предпринята первая в исторической науке серьезная попытка выявить место и роль широких народных масс в религиозных войнах во Франции XVI в. Подчеркивая размах демократического движения в этот период, ученый показал определяющее влияние социальных противоречий и классовой борьбы на характер религиозных войн. Уделяя особое внимание роли среднего сословия, он вместе с тем отметил большое, а в ряде случаев и решающее значение в этих событиях борьбы городских низов и крестьянства.

Начало изучения положения французского крестьянства накануне и в годы революции. Н. И. Кареев. В истории нового времени не было другого события,

которое привлекало бы такое широкое и стойкое внимание русских ученых, как Французская революция. В той или иной форме она интересовала всех представителей социально-экономического направления. Даже П. Г. Виноградов, получивший мировую известность как медиевист, читал в 80-е годы в Московском университете курс по истории Франции XVIII в., центральной проблемой которого являлась Французская революция, определившая, по убеждению ученого, всю историю XIX в. Это убеждение, характерное для всех историков рассматриваемого направления, сочетавшееся с признанием особой актуальности изучения Французской революции для русского пореформенного общества, обуславливало не только место революции в русской историографии всеобщей истории, но и выбор проблематики в ее изучении. Главное внимание исследователей привлекали социально-экономические, прежде всего аграрные, отношения накануне и в годы революции. Крестьянский вопрос рассматривался ими как ключ к пониманию революции и ее исторического значения. Глубокое исследование истории Великой французской революции принесло русской школе новой истории широкое европейское признание.

Начало изучению этого вопроса положил выдающийся русский историк и публицист **Николай Иванович Кареев** (1850—1931). Его идейно-политические и научные взгляды формировались под влиянием революционно-демократической литературы. И хотя в целом ученый оставался на позициях буржуазного мировоззрения, это влияние оказалось достаточно стойким, сообщив его взглядам несомненный демократический оттенок. Неизменно находясь на левом фланге российского либерализма, Кареев, подобно Лучицкому, проявлял живой интерес к положению трудящихся масс, сопровождавшийся не только явным сочувствием к ним, но и определенным осознанием их роли в истории.

Эти черты мировоззрения Кареева наиболее заметно проявлялись в начальный период его научной деятельности, обусловив как выбор молодым ученым своей исследовательской проблематики, так и в особенности подход к ней. Ученик

Герье, активный участник его известного семинария в Московском университете, он резко разошелся со своим учителем как раз в этом подходе. В полной мере это обнаружилось уже в магистерской диссертации Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» — лучшим его конкретно-историческом исследовании, основанном в значительной мере на архивных материалах (крестьянские наказания и другие документы, относящиеся к выборам в Генеральные штаты 1789 г.). Французская революция истолковывалась Кареевым как грандиозное событие всемирно-исторического значения, коренные предпосылки и причины которого заключались в материальных условиях жизни общества, прежде всего в положении крестьянства. Крестьянский вопрос выступал как главный вопрос революции.

В таком подходе не только ощущалось дыхание российской пореформенной действительности с ее собственным нерешенным крестьянским вопросом, но и сказывалось прямое влияние марксистской методологии исторического исследования. Впервые в русской либеральной историографии Кареев в своей книге непосредственно обращался к авторитету Маркса-мыслителя, нередко цитируя «Капитал».

Свою концепцию аграрного развития предреволюционной Франции Кареев во многом основывал на марксовом учении о первоначальном накоплении. Вступив в полемику с французскими историками, рассматривавшими положение крестьянства перед революцией исходя из чисто юридических критериев и тем самым идеализировавшими его, он поставил своей задачей выяснение реальных экономических отношений, господствовавших во французской деревне последней четверти XVIII в. В книге исследовались взаимоотношения крестьянства с другими общественными классами и государством, а главное, его отношение к земле, показывалось экономическое расслоение крестьян.

Кареев раскрывал значение классовой борьбы крестьянства, связывая с ней освобождение его от феодально-крепостнического гнета. Однако ученый отнюдь не отождествлял реальное положение кре-

Н. И. Кареев

стьян с их юридическим состоянием. Напротив, подчеркивал он, «сущность истории французского крестьянства заключается в том, что рядом с уничтожением крепостничества и ослаблением государственной власти сеньюров происходит, так сказать, закрепление сеньориальных прав на землю»³¹. Этим определялось значение революции, ибо, согласно концепции Кареева, только она положила конец феодальным отношениям в деревне.

Конечно, и на этом произведении лежит печать либеральной ограниченности исторического мировоззрения Кареева. Она обнаруживается в признании возможности предотвратить революцию путем своевременных правительственных реформ. Тем не менее для своего времени книга Кареева явилась значительным событием не только в русской, но и в мировой науке. Она положила начало систематическому исследованию социально-экономических предпосылок Французской революции, была переведена на французский язык и получила высокую оценку в русской и зарубежной литературе. Маркс назвал ее превосходной³², Энгельс даже спустя 10 лет после ее публикации считал ее «лучшей работой» о французских крестьянах перед революцией³³.

³¹ Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879. С. 26.

³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 286.

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 125.

Исследование аграрных отношений во Франции накануне и в период революции И. В. Лучицким. Книга Кареева положила начало стойкому интересу в русской либеральной историографии к положению французских крестьян в XVIII в. В конце 70-х годов обширное исследование «История крестьянской реформы в Западной Европе с 1789 г.» задумал И. В. Лучицкий. Он намеревался показать решающее значение Французской революции в ликвидации феодальных отношений в европейской деревне. Этот замысел не был полностью реализован. В конце 70-х — начале 90-х годов в разных периодических изданиях были опубликованы лишь фрагменты этой работы, которые свидетельствовали о широте исследовательского подхода автора, пытавшегося нарисовать грандиозную картину ломки европейского феодализма, выделить основные типы перестройки аграрных отношений в XVIII в.

С середины 90-х годов научные интересы Лучицкого сосредоточились на исследовании аграрных отношений во Франции накануне и в годы революции. В монографии «Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене)» (1900) и др. работах он, опираясь на исследования Кареева, на огромном фактическом материале обосновал ряд важных выводов о характере аграрного развития Франции перед революцией, в частности о широком распространении в это время крестьянской собственности, глубокой дифференциации среди крестьянства и развитии в связи с нею деревенских промыслов и т. д.

Исследования Лучицкого носили новаторский характер. Новым в историографии вопроса был сам его метод. Его предшественники опирались главным образом на такие источники, как мемуары и письма современников, донесения правительственных чиновников, крестьянские указы. Не отрицая значения этих источников, ученый справедливо подчеркивал, что их данные требуют тщательной критической проверки, сопоставления с обильным статистическим материалом, содержащимся в налоговых списках, описях, в свидетельствах о земельных сделках, о ценах на продукты и землю, показывающих процесс передви-

жения собственности. Соответственно этому главным в исследовательском арсенале историка стал статистический метод.

Такая исследовательская техника Лучицкого, его стремление исходить в своих выводах из всестороннего учета достоверного фактического материала, поддающегося статистической обработке, обусловили несомненные достижения ученого. Созданная им концепция аграрного развития Франции накануне и в период революции оказала определяющее влияние на все последующее изучение этого вопроса.

Труды Лучицкого переводятся на французский язык; уже при его жизни они становятся классическими, за ними утверждается значение основополагающих в изучении аграрных отношений во Франции XVIII в.³⁴ Впервые обоснованное ученым положение о широком распространении во Франции XVIII в. крестьянской собственности как отличительной черты ее аграрного строя получило в науке широкое признание, хотя нельзя согласиться с его пониманием этой собственности как буржуазной.

Это положение Лучицкого созвучно известному тезису Токвиля о том, что еще задолго до революции «французский крестьянин сделался поземельным собственником». Но было бы неверным отождествлять взгляды обоих ученых на характер аграрных отношений в предреволюционной Франции. Токвилевский тезис представлялся Лучицкому упрощенным, нуждающимся в ряде существенных оговорок. В частности, он подчеркивал неравномерность в обеспечении крестьян землей.

Однако взгляды Лучицкого и Токвиля сближались по вопросу о природе крестьянской собственности перед революцией. Подобно Токвилю, Лучицкий отрицал феодальный характер поземельных отношений в это время. Поэтому, в отличие от Кареева, он отодвигал на задний план вопрос о феодальной эксплуатации. Само предреволюционное общество Лучицкий отказывался определять как фео-

³⁴ См.: Ся А. Чем экономическая и социальная история Франции в XVIII в. обязана трудам Лучицкого? // Научный исторический журнал. 1914. № 4.

дальное, утверждая, будто основой классового деления было отношение различных слоев населения к уплате налогов. Отсюда следовал его ошибочный вывод о том, что революция в сущности ничего не изменила в аграрном строе Франции.

Проблемы социально-политической истории Английской и Французской революций в трудах М. М. Ковалевского. Аграрные отношения составляли главный, но не единственный объект научных интересов историков социально-экономического направления. По мере развития этого направления неуклонно расширялась его исследовательская проблематика. В частности, все более пристальное внимание его представителей стала привлекать социально-политическая история нового времени в ее переломные моменты. Назревание революционного кризиса в России настоятельно побуждало их искать в этой истории ответы на вопросы, приобретающие все большую актуальность для страны, шедшей навстречу своей первой революции.

Наиболее основательное освещение социально-политическая проблематика истории западноевропейских революций получила в трудах выдающегося ученого **Максима Максимовича Ковалевского** (1851—1916). Обладавший энциклопедическими познаниями во многих областях науки, оставивший заметный след в развитии истории, социологии, правоведения, этнографии, активный участник общественно-политической борьбы, человек, которого Маркс называл одним из своих «научных» друзей³⁵, Ковалевский, несомненно, был самой яркой фигурой в русской либеральной историографии. Получив широкую научную известность благодаря своим исследованиям первобытной общины, значение которых высоко оценивалось основоположниками марксизма, он проявил себя как оригинальный исследователь и в других областях исторического знания, в частности в изучении новой истории.

В начале 90-х годов Ковалевский приступил к изучению истории Английской революции XVII в. Задуманная им моно-

М. М. Ковалевский

графия «Англия в эпоху республики» так и не была завершена, но он опубликовал в различных изданиях ряд статей, которые в совокупности позволяют судить о его концепции революции. Особенно большой интерес представляет статья Ковалевского «Общественный строй Англии в эпоху республики», являющаяся развернутым изложением этой концепции. Отмечая, что социальная история Английской революции еще не стала предметом специального изучения, Ковалевский сформулировал основные, по его выражению, вопросы, без решения которых невозможно правильное определение ее характера: «Каковы были условия, в которых английское простонародие пережило этот критический момент своей истории; в какой мере его насущнейшие интересы были затронуты переворотом; насколько политический катаклизм был обусловлен или обусловил собой перемены в общественном строе»³⁶.

Отвечая на эти вопросы, Ковалевский подчеркивал, что революция стала поворотным событием не только в политической, но и в социальной жизни Англии, потому что знаменовала решительный разрыв со средневековым экономическим строем, основанным на господстве натурального хозяйства. В статье убедительно обосновывался вывод о том, что революция ничего не сделала для улучшения быта крестьян-общинников и арендаторов и в то же время содействовала упрочению положения земельных собственников. В итоге формулировалось положение о «буржуаз-

³⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 323.

³⁶ Ковалевский М. М. Общественный строй Англии в эпоху республики // Юридический вестник. 1891. № 12.

ном характере первой Английской революции».

В 1895—1897 гг. Ковалевский опубликовал четырехтомный труд «Происхождение современной демократии», основанный на совокупности первоисточников и многообразных литературных данных и посвященный социально-политической истории Французской революции. Отвергая подход Тэна, который «не увидел или не захотел увидеть совершенного революцией дела», русский ученый пытался показать это «дело». В отличие от многих представителей тогдашней историографии он признавал, что социальные противоречия перед революцией обострились настолько, что «реформа становилась невозможной; необходим был переворот в корне, переворот, который смысл бы как различие провинций, так и различие сословий, создал бы гражданское единство Франции»³⁷.

Идеалистическая основа исторического мировоззрения Ковалевского обнаруживается в преувеличении им роли идей в истории революции. Однако его концепции были присущи и реалистические моменты. Исходя из «той истины, что движениями классов управляют сколько-нибудь продолжительно не отвлеченные идеалы, а экономические и политические интересы»³⁸, Ковалевский стремился более или менее детально рассмотреть социально-экономическую почву, на которой выростали те или иные политические теории, требования, решения, раскрыть их характер.

Ковалевский в своей книге показывал историческую обусловленность возникновения современной демократии. В то же время он старался извлечь из французского опыта определенные уроки, полезные для русского общества, которое, по убеждению Ковалевского, как и других либеральных историков, стояло на пороге новой социальной эры. Осмысление опыта Французской революции должно было помочь быстро и безболезненно переступить этот порог.

Будучи сторонником конституционной монархии как оптимальной политической формы организации русского общества, Ковалевский пытался найти в событиях Французской революции ее историческое обоснование. Историю революции он делил на два качественно неравноценных периода: до и после принятия Конституции 1791 г. Первый период получил высокую оценку либерального историка как время своеобразного единения короля и народа, воплотившегося в так называемой народной монархии. Именно тогда, полагал он, благодаря тесному единению королевской власти и народного представительства были осуществлены важнейшие буржуазные преобразования. Исключительную вину за то, что в дальнейшем это единение нарушилось, Ковалевский возлагал на противников монархии.

В свете опыта Французской революции «республиканизм» как политическая доктрина и в особенности как форма государственного устройства был для Ковалевского неприемлем прежде всего потому, что он способствовал поляризации общества и неизбежно вытекающему отсюда обострению классовых конфликтов. Как и другие русские либералы, Ковалевский был убежден в том, что суть прогресса заключается в росте общественной солидарности, тогда как всякое насильственное столкновение классов неизменно грозит катастрофическими последствиями. В этом и заключался для него как позитивный, так и негативный опыт Французской революции.

Западноевропейская история XIX в. в освещении Н. И. Кареева. Обращение к историческому опыту Запада в русской науке не замыкалось хронологическими рамками XVIII в. Хотя события западноевропейской истории XIX в. редко становились предметом специального исследования русских ученых, их интерес к этим событиям был несомненен и находил выражение в их публицистике и особенно в преподавательской деятельности.

Первым систематическое чтение курсов по западноевропейской истории XIX в. начал Н. И. Кареев. Уже в 1878/79 учебном году он, будучи приглашенным в Московский университет в качестве «стороннего преподавателя», читал курс, посвя-

³⁷ Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. М., 1895—1897. Т. I—IV. Т. I. С. 195.

³⁸ Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. Т. III. С. 159.

щенный событиям начала XIX в., включая реставрацию Бурбонов. Впоследствии, став профессором Петербургского университета, он значительно расширил хронологические рамки и проблематику своих курсов. На их основе была создана капитальная семитомная «История Западной Европы в новое время», не имевшая себе равных в тогдашней мировой литературе по широте охвата материала и основательности его рассмотрения. В 90-е годы Кареев опубликовал первые пять томов этого труда, два из которых (4-й и 5-й) освещали историю XIX в.

Великую французскую революцию Кареев признавал «исходным пунктом новейшей истории со всеми политическими, социальными и национальными движениями, которыми так было богато подходящее теперь к своему концу XIX столетие»³⁹. В определенном противоречии со своими теоретико-методологическими представлениями о творческой роли личности как «единственного фактора истории» он уделил преимущественное внимание в истории XIX в. массовым движениям, пытался выявить их материальные предпосылки. Эти движения Кареев считал характерной чертой западноевропейской истории XIX в., во многом определяющей ее содержание.

В трактовке социального антагонизма имущих и неимущих Кареев оставался либералом. Главным виновником социальных потрясений выступали у него правящие классы, не делавшие своевременно уступок народным низам. Однако историческая концепция Кареева была значительно богаче его идейных установок. Рассматривая социальную историю Западной Европы в XIX в., он, по собственным словам, выдвигал на первый план «экономическую точку зрения», что позволило ему раскрыть действительно важные явления и тенденции жизни западноевропейского общества того времени. С этой позиции Кареев существенное содержание западноевропейской социальной истории XIX в. видел в борьбе классов, а ее важнейшими вехами провозглашал революцию.

³⁹ Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время (развитие культурных и социальных отношений). СПб., 1892—1917. Т. I—VII. Т. IV. С. 1.

Н. И. Кареев выделял два основных социальных антагонизма XIX в.: между реакционной аристократией (земельными собственниками) и либеральной буржуазией (капиталистами) и между буржуазией и народом. Первый из них, по его мнению, определял социально-политическое развитие Западной Европы в первые три десятилетия XIX в., второй — в последующее время. Переломным моментом стала революция 1830 г. При этом Кареев подчеркивал, что «хотя в июльские дни победа над старым порядком была одержана народом, плодами победы воспользовалась буржуазия»⁴⁰.

Преимущественное внимание Кареева привлекал антагонизм между буржуазией и народными массами, ибо он породил рабочий вопрос как «главный социальный вопрос XIX в.». Ученый обстоятельно рассматривал возникновение и развитие этого вопроса как закономерного продукта буржуазных социально-экономических отношений и обусловленной ими социальной и экономической обездоленности пролетариата. В специальных главах освещались промышленная революция XVIII—начала XIX в., становление и развитие капиталистического производства с присущим ему циклическим характером, важнейшие социальные последствия этих экономических процессов. Признавая, что развитие капиталистического производства необычайно увеличило производительность труда, создало небывалое ранее богатство и резко ускорило промышленный прогресс, Кареев в то же время подчеркивал оборотную сторону этого процесса, выразившуюся в быстром обнищании трудящихся.

Однако в изображении Кареева пролетариат отнюдь не выступал лишь страдающей массой. Главное внимание уделялось его борьбе. «Весьма важным» Кареев называл «то обстоятельство, что, начиная с Французской революции, сами рабочие все более и более стали напоминать имущим классам о своем существовании и предъявлять государству и обществу требования, в конце концов вытекающие из

⁴⁰ Кареев Н. И. История Западной Европы... Т. V. СПб., 1898. С. 90.

того же самого „естественного права“⁴¹. Большое внимание в книге уделялось выступлениям рабочих в европейских революциях 1848—1849 гг., особенно восстанию парижского пролетариата в июне 1848 г. Подробно рассказывая о июньском восстании, Кареев, в сущности, солидаризировался с приводимой им оценкой восстания Марксом как первой битвы между основными классами буржуазного общества.

Следует подчеркнуть широкое для буржуазного ученого обращение Кареева к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса при рассмотрении крупнейших явлений западноевропейской истории XIX в. Несмотря на непонимание либеральным ученым всего значения марксизма, особенно заметно проявившееся в его полемике с русскими марксистами⁴², труды Маркса и Энгельса оказали существенное влияние на кареевскую концепцию западноевропейской истории XIX в. Суть ее состояла в том, что Кареев в истории Западной Европы XIX в. видел закономерный поступательный процесс, в основе которого лежало развитие капиталистического производства и соответствующих ему общественно-политических отношений, антагонистических по своей природе. И хотя либеральная ограниченность автора сказалась в предпочтении эволюционного пути исторического развития революционному, созданная Кареевым общая концепция этой истории стала крупным достижением русской либеральной историографии в осмыслении исторического опыта западноевропейского общества в новое время.

Марксистское направление в русской общественной мысли. Труды Г. В. Плеханова по вопросам теории исторического процесса. Становление марксистской общественной мысли в России связано с творчеством блестящего теоретика и популяризатора марксизма, выдающегося деятеля российского и международного социалистического движения Георгия Валентиновича Плеханова (1856—1918).

В 1883—1903 гг. Плеханов опублико-

вал целый ряд произведений («Очерки по истории материализма», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Нечто об истории», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «Материалистическое понимание истории» и др.), в которых содержалась основательная разработка марксистского учения об обществе. В острой полемике с идеологами либерального народничества и другими противниками революционного марксизма он показал значение исторического материализма для понимания всемирной истории.

Плеханов вел активную борьбу против вульгаризации и опошления марксизма. Он подверг аргументированной критике широко распространенное в буржуазной литературе отождествление марксизма с экономическим материализмом, представлявшим историю процессом, фатально predetermined развитием экономики. Марксистская теория общественного развития, доказывал он, несравненно шире и сложнее, чем это думают ее противники. В частности, он подчеркивал нелепость утверждений о том, что марксизм якобы противопоставляет историческую деятельность людей законам общественного развития. Высмеивая субъективно-идеалистические представления о герое и слепостяжущей за ним толпе, Плеханов блестяще обосновал марксистское положение о решающей роли народных масс в истории и вместе с тем показал действительное значение деятельности исторической личности.

Отвергая как ненаучные фаталистические и волюнтаристские представления о характере общественного развития, Плеханов выдвинул положение о трех уровнях исторической причинности. Он выделял *общие* причины исторического движения человечества, коренящиеся в развитии производительных сил общества; *особенные* причины, т. е. ту историческую обстановку, в которой совершается развитие производительных сил у данного народа; наконец, *единичные причины*, т. е. личные качества исторических деятелей и другие случайности, благодаря которым исторические события получают свои конкретные отличительные черты. «Единичные причи-

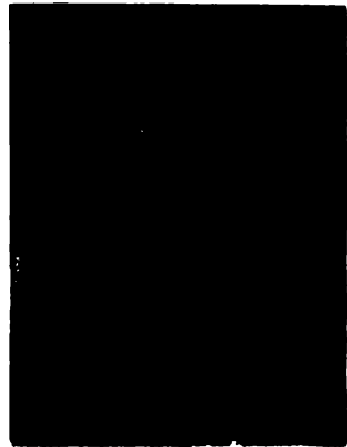
⁴¹ Кареев Н. И. История Западной Европы... Т. IV. С. 505.

⁴² См.: Кареев Н. И. Старые и новые этюды об экономическом материализме. СПб., 1896.

ны, — писал он, — не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, которыми к тому же обусловливаются направление и пределы влияния единичных причин. Но все-таки несомненно, что история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка»⁴³.

Плеханову принадлежит глубокая мысль о том, что историческая наука, если ей суждено избавиться от одностороннего взгляда на свой предмет, должна решить вопрос о роли личности в истории. «Будущее, — пронзительно замечал он, — принадлежит той школе, которая даст наилучшее решение... и этого вопроса»⁴⁴. Значительный вклад в такое решение внесли труды самого Плеханова, в особенности книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «...на которой воспиталось целое поколение русских марксистов...»⁴⁵, способствовавшая преодолению как фаталистического, так и субъективно-идеалистического взгляда на исторический процесс.

Одним из первых среди марксистов Плеханов стал разрабатывать проблемы коллективной психологии. Решительно отвергая широко распространенную точку зрения, согласно которой объяснение истории следует искать исключительно в психологии общества, он в то же время предостерегал против недооценки значения социальной психологии. Принципиально важным является его положение о диалектике отношений между экономической основой и психологией общества. Подчеркивая, что «психология общества приспосабливается к его экономии», вырастает из определенной экономической основы, Плеханов указывал и на другую сторону вопроса: каждый новый шаг в развитии производительных сил, ставя людей в новые взаимные положения, не соответствующие отживающим отношениям произ-

Г. В. Плеханов

водства, влияет на их психологию, ведет к ее изменению. «Одни члены общества отстаивают старые порядки, это люди застоя. Другие — те, которым невыгоден старый порядок, — стоят за поступательное движение, их психология видоизменяется в направлении тех отношений производства, которыми заменяются со временем старые, отживающие экономические отношения... Медленная психологическая эволюция предшествует экономической революции»⁴⁶.

Отсюда вытекает важность изучения социальной психологии, без чего, подчеркивал Плеханов, невозможно материалистическое объяснение духовной жизни общества. Поскольку формы человеческого сознания составляют часть истории, «историческая наука не может ограничиваться одной экономической анатомией общества, она имеет в виду всю совокупность явлений, прямо или косвенно обусловленных общественной экономией, до работы воображения включительно. Нет ни одного исторического факта, который своим происхождением не был бы обязан общественной экономии, но не менее верно и то, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы известное состояние сознания»⁴⁷.

Г. В. Плеханов о проблемах новой истории. Плеханов впервые в русской литературе дал марксистское освещение ряда

⁴³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956—1958. Т. I—V; Т. II. С. 332.

⁴⁴ Там же. С. 315.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 313 (примеч.).

⁴⁶ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. С. 647—648.

⁴⁷ Там же. С. 247—248.

больших разделов истории, в том числе и новой истории, что имело большое значение для распространения в отечественной науке материалистического понимания исторического процесса. Характерной чертой его подхода к проблемам новой истории был последовательный социальный анализ рассматривавшихся исторических явлений.

Наглядным примером тому служит оценка Плехановым якобинской диктатуры. В статье «Столетие Великой революции» (1890), доказывая несостоятельность утверждения о «незакономерности» революционной диктатуры, он обосновал принципиально важное положение о том, что в реальных условиях того времени только якобинцы могли спасти Французскую революцию, так как лишь они обладали необходимой для этого социальной базой. Ведь милые сердцу некоторых историков «умеренные и аккуратные жирондисты», подчеркнул Плеханов, опирались на средний класс, не способный к энергичной борьбе с внутренними и внешними врагами революции, в то время как «низший, самый революционный слой населения... не мог сочувствовать Жиронде»⁴⁸.

Не со всем в плехановской оценке расстановки классовых сил в период Французской революции можно сегодня согласиться, в частности с его характеристикой якобинской диктатуры как пролетарской по своей классовой природе. «Борьба между тогдашним пролетариатом и имущим классом,— писал Плеханов,— по роковой, неотвратимой необходимости должна была принять террористический характер. Только террором и мог отстаивать пролетариат свое господство в своем тогдашнем положении, полном самых неразрешимых экономических противоречий»⁴⁹. Однако важное значение имела сама постановка Плехановым вопроса об объективных предпосылках революционного насилия.

Тема классовой борьбы пролетариата присуща всем работам Плеханова по новой истории. Он по праву может быть назван первым русским историком международного рабочего движения, в развитии кото-

рого усматривал существенное содержание всего XIX века. «Подобно тому,— подчеркнул он,— как XVI, XVII и XVIII столетия озаменовались освободительным движением буржуазии, XIX век был веком **освободительного движения рабочего класса**. В этом заключается главная отличительная черта его культурной истории и драгоценнейшее наследие, переданное им XX веку»⁵⁰.

Такие плехановские работы, как «Фердинанд Лассаль», «Анархизм или социализм», «Иностранное обозрение», «1 мая 1890 г.», «Ежегодный всемирный праздник рабочих», «Рабочее движение в 1891 г.», «На пороге XX века», «Мартовские иды», представляют в своей совокупности настоящую летопись западноевропейского рабочего и социалистического движения, пронизанную убеждением в исторической неизбежности экономического и политического освобождения пролетариата. Плеханов раскрыл историческое значение соединения на марксистской основе рабочего и социалистического движения, показал его бурный рост в конце XIX в. и охарактеризовал его своеобразие в разных странах Западной Европы.

В ряде своих работ, прежде всего в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов выступал как историк общественно-политической и философско-исторической мысли нового времени. Ему принадлежит основательный критический анализ исторических взглядов французских просветителей, утопических социалистов, историков периода Реставрации, немецких реакционных романтиков, Гегеля, др. мыслителей XIX в.

Работам Плеханова были присущи и некоторые слабые стороны. Его оценка международного социалистического и рабочего движения на рубеже XX в. носила чересчур оптимистический характер, он не сумел разглядеть существенных сдвигов, происходивших в это время в капиталистическом мире и связанных с наступлением эпохи империализма. Однако в целом труды Плеханова, созданные в 1883—1903 гг., сыграли большую роль в распространении в России марксистского понимания истории нового времени.

⁴⁸ Плеханов Г. В. Соч. М., Л., 1923—1927. Т. 1—24; Т. 4. С. 61.

⁴⁹ Там же. Т. 4. С. 62—63.

⁵⁰ Плеханов Г. В. Соч. Т. 12. С. 63—64.

Итальянская историография после национального объединения. Позитивизм в Италии

Общественная мысль и историография в начальный период Рисорджименто. Италия лишь в новое время стала единым государством. Борьба за национальное объединение и освобождение от австрийского владычества выдвинулась здесь на первый план в ряду исторических задач буржуазной революции и составила содержание целой эпохи (Рисорджименто), начавшейся в конце XVIII в. и охватившей почти столетие.

Развитие итальянской общественной мысли и историографии в первой половине XIX в. происходило в тесной связи с идеологическими запросами национального движения. Пробуждение национального самосознания стимулировало активный интерес к историческому прошлому Италии как в академической среде, так и со стороны идеологов сложившихся в 30—40-е годы XIX в. основных политических течений Рисорджименто — умеренного (либерального) и мелкобуржуазно-демократического. В отечественной истории общественная мысль искала ответ на вопрос, почему страна оказалась политически раздробленной и поработенной иноземными захватчиками, обоснование необходимости национального объединения и аргументы в пользу того или иного пути к этой цели.

Академическая историография первой половины XIX в. направляла свои усилия на изучение главным образом средневековья. Варварские завоевания, их влияние на судьбы Италии, роль папства в борьбе против Священной Римской империи, борьба итальянских городов с сеньорами и их превращение в независимые коммуны — вот проблемы, которым посвящают свои труды виднейшие историки того времени.

Сильное воздействие на итальянскую историографию этого периода оказали идеи романтизма. Особой известностью в Италии пользовались труды Сисмонди, который посвятил ряд своих произведений итальянскому средневековью.

В трактовке проблем средневековья

итальянские историки начиная с 20-х годов XIX в. размежевались на два основных течения — «неогвельфов» и «гибеллинов». Расхождения между ними касались прежде всего оценки прошлой и настоящей роли папства¹. *Неогвельфы* или, иначе, либерально-католическая школа, приписывали папству роль прогрессивной силы, способной возглавить дело национального объединения Италии. Взгляды неогвельфов стали важным элементом идеологической платформы умеренного крыла Рисорджименто, отражавшего интересы верхушки буржуазии и обуржуазившегося дворянства, и развивались такими видными историками-либералами, как В. Джоберти и Ч. Бальбо. *Гибеллины* стояли на более передовых политических позициях, считая папство реакционной, враждебной национальному единству силой. Но как те, так и другие не были в состоянии понять, что возможность и необходимость объединения Италии возникла лишь в определенных исторических условиях, которых в средние века не было.

Проблемы истории нового времени еще не находили отражения в академической историографии. Но в мемуарной и публицистической литературе различных направлений немалое место уделялось оценке Французской буржуазной революции конца XVIII в., наполеоновских войн и французского господства в Италии, осмыслению опыта итальянского патриотического движения в период карбонады и освещению борьбы за национальную независимость народов других стран — США, Греции, Колумбии и т. д.

Особенно острая идейная борьба шла вокруг сложных и противоречивых событий периода 1789—1815 гг.

В условиях наступившей после 1815 г. реакции была чрезвычайно распространена

¹ Названия этих течений заимствованы из эпохи борьбы империи и папства (XI—XIII вв.), когда гвельфами называли себя сторонники пап, а гибеллинами — их противники.

на резко отрицательная оценка Великой французской революции и всего периода французского господства в Италии. С ней часто связывалась идеализация порядков, существовавших в итальянских государствах до 1789 г. Такую точку зрения отстаивал, например, Карло Ботта в своей работе полумемуарного характера «История Италии с 1789 по 1814 год»².

Настроениям крепнувшей либеральной буржуазии была ближе другая позиция, нашедшая отражение в хронике Пьетро Коллетты «История Неаполитанского Королевства»³: враждебное отношение к революционным идеям и методам в сочетании с апологией буржуазных реформ периода наполеоновского господства в Италии. Лишь в произведениях идеологов сложившегося в 30-е годы демократического крыла итальянского Рисорджименто Французская революция нашла сочувственный отклик и известное понимание ее исторического места.

Дж. Мадзини в своих ранних работах рассматривал Французскую революцию как великий исторический образец для Италии, высоко оценивая, в частности, деятельность Робеспьера и других якобинских вождей. Однако свойственное Мадзини непонимание роли крестьянства в итальянском национальном движении отрицательно отразилось на его выводах из исторического опыта якобинской диктатуры. Мадзини ставил в заслугу якобинцам прежде всего то, что они в труднейших условиях сумели отстоять национальную независимость Франции, но их аграрные преобразования пугали его своим радикализмом.

На дальнейшее развитие историографии и исторической мысли в Италии оказали существенное влияние революции 1848—1849 гг.

Исторические взгляды идеологов Рисорджименто в 50-е годы. На протяжении 50-х годов в Италии появилась огромная публицистическая литература, созданная современниками и участниками революционных событий и отразившая процесс

осмысления исторического опыта революций 1848—1849 гг. различными течениями национального движения.

Общей чертой всех работ о революции в Италии, созданных идеологами демократов — Дж. Мадзини, Дж. Феррари, К. Пизакане и др., являлась критика действий умеренных и Савойской династии. В остальном выводы этих авторов резко расходились между собой, что отражало усилившийся под влиянием событий 1848—1849 гг. процесс политической дифференциации в лагере итальянской мелкобуржуазной демократии.

Революция 1848—1849 гг. заставила представителей демократического крыла Рисорджименто переосмыслить итоги и других революционных движений нового времени. Это относилось в особенности к Великой французской революции.

События 1848—1851 гг. во Франции обнажили противоречия между буржуазией и пролетариатом как продукт развития тех общественных отношений, которые утвердились во Франции в результате революции конца XVIII в. Поэтому оценка итальянскими демократами 50-х годов истории Франции после этой революции во многом определялась их отношением к классовой борьбе и к социалистическим идеям своего времени.

Во взглядах **Джузеппе Мадзини** (1805—1872) по этим вопросам наблюдался сдвиг вправо. Давно нараставшее у него враждебное отношение к социализму после революций 1848—1849 гг. заметно усилилось. Он рассматривал теперь Францию как общеевропейский рассадник «пагубных» социалистических идей, а Французскую революцию расценивал скорее как завершение предшествующей, чем начало новой исторической эпохи. Существенно изменилось отношение Мадзини к якобинцам и к революционному террору, который он раньше считал правомерным в чрезвычайных условиях 1793—1794 гг., а теперь изображал как ничем не оправданную жестокость.

Иной была позиция **Джузеппе Феррари** (1811—1876). До 1848 г. из всех идеологов итальянской демократии он наиболее сочувственно относился к Французской революции. Под влиянием событий 1848—1849 гг. Феррари, в отличие от Мадзини,

² Botta C. Storia d'Italia dal 1789 al 1814. Parigi, 1824. V. 1—4.

³ Colletta P. Storia del Reame di Napoli dal 1734 sino al 1825. Capolago, 1834. V. 1—4.

эволюционировал в сторону утопического социализма и проявлял симпатии к различным течениям социалистической мысли во Франции. Он подчеркивал огромное значение революционных событий во Франции для судеб Италии и всей Европы. Однако Феррари не видел исторической обусловленности буржуазного содержания Великой французской революции. В его представлении она должна была привести к радикальному уравнительному переделу собственности в пользу бедняков, а поскольку эта цель не была достигнута — революция потерпела поражение.

Так же расценивал итоги Великой французской революции Карло Пизакане (1818—1857), занимавший самую левую позицию среди идеологов демократического крыла Рисорджименто. В остальном отношении Пизакане и Феррари к Французской революции и ее наследию было различным. Пизакане в еще большей мере, чем Феррари, испытал после 1848—1849 гг. влияние утопического социализма и шел дальше в определении исторических задач революции конца XVIII в., видя их в упразднении частной собственности как таковой. С другой стороны, Пизакане отвергал (и чем дальше, тем более решительно) мысль о зависимости судеб итальянского национального движения от революционной инициативы Франции. Он давал одностороннюю, резко отрицательную оценку результатов французского господства в Италии в период наполеоновских войн.

Умеренное течение Рисорджименто после революции 1848—1849 гг. сплотилось на платформе поддержки Савойской династии как объединителя Италии «сверху». В основных чертах трактовка революции 1848—1849 гг. идеологами умеренных выглядела следующим образом: в хронологические рамки этой революции включались и превозносились как ее высшее достижение либеральные реформы, проведенные в большинстве итальянских государств еще в 1846—1847 гг.; они выдавались за единственно верный путь осуществления идеалов Рисорджименто, с которого Италию совратили пагубный пример февральской революции 1848 г. во Франции и действия демократов; последние изображались как главные виновники поражения революции.

Революция 1848—1849 гг. нанесла смертельный удар «неогвельфизму» как политической программе и исторической концепции. Вместе с неогвельфской школой сошел со сцены и ее антагонист — школа гибеллинов. Предмет их полемики был исчерпан опытом революции, убедительно показавшим враждебность папства делу национальной независимости и единства Италии.

Новый этап в развитии итальянской историографии открылся после того, как на рубеже 50—60-х годов была в основном (а к 1870 г. окончательно) решена задача национального объединения Италии.

Общие условия развития итальянской историографии после 1860 г. С созданием единого и независимого государства была завоевана важнейшая предпосылка победы в Италии капиталистических отношений. К власти пришло умеренное крыло буржуазии, сумевшее одержать верх в борьбе за руководство национальным движением, в первую очередь потому, что демократическое течение не выдвинуло программы радикального аграрного переустройства и тем самым лишило себя поддержки крестьян. В итоге буржуазная революция в Италии осталась незавершенной, она не затронула системы полуфеодальных отношений в деревне. Старая землевладельческая аристократия не была ущемлена экономически, она сохранила и сильные политические позиции, а к началу 80-х годов окончательно оформился ее политический блок с верхушкой итальянской буржуазии.

Незавершенность буржуазной революции наложила глубокий отпечаток на последующее историческое развитие Италии. Переплетение капиталистической и полуфеодальной эксплуатации придавало особенно мучительный характер развернувшейся ломке традиционных условий существования трудящегося населения и постоянно вызывало острые вспышки классовой борьбы в городе и деревне. Страх перед угрозой «снизу» сближал либеральную буржуазию с полуфеодальной аристократией, скреплял их политический союз и питал консервативные, антидемократические тенденции в политической жизни.

Оказавшись не в состоянии довести до конца борьбу против феодального прош-

лого и разрешить возникавшую отсюда повышенную социальную напряженность, итальянская буржуазия почти сразу после завершения национальных войн Рисорджименто ринулась на путь внешней агрессии и колониальных авантур. Но при этом она плохо рассчитывала свои силы и неизменно терпела неудачи, которые еще больше обостряли политическую обстановку в Италии.

Такова была та общественная атмосфера, в которой протекало развитие итальянской историографии в последние десятилетия XIX в.

Историческая наука после национального объединения. Позитивизм и «филологическая школа». Образование единого итальянского государства привело к значительному прогрессу в развитии исторической науки. В результате проведенной по всей стране реформы университетского образования впервые было широко поставлено преподавание истории и вспомогательных исторических дисциплин в высшей школе. Была создана общенациональная система государственных архивов. После 1860 г. стали возникать многочисленные общества по изучению отечественной истории, которые с 1879 г. созывали общенациональные съезды. В 1883 г. в Риме возник Итальянский исторический институт. Выходило множество общих и специальных исторических журналов: новая серия основанного в 1841 г. во Флоренции журнала «Итальянский исторический архив» («Archivio storico italiano»); «Итальянский исторический журнал» («Rivista storica italiana») — с 1884 г.; бюллетень Итальянского исторического института; периодические издания по археологии, древней истории, журнал по истории Рисорджименто и т. д. Повышение уровня исторических знаний дало стимул развитию библиографии. Началась публикация обширного документального материала по самым разнообразным вопросам.

Существенное влияние на итальянскую историографию последних десятилетий XIX в. оказал позитивизм, пришедший на смену гегельянству после его расцвета в 60-е годы. В истории Италии только что закончилась целая эпоха и происходил пересмотр взглядов и концепций, порожденных ею. Успеху позитивизма здесь, как

и в других странах, содействовал прогресс естественных наук, выдвинувший такие проблемы, которые не поддавались осмыслению с позиций откровенно идеалистической спекулятивной философии.

В Италии, где в условиях конфликта между церковью и государством из-за «римского вопроса» особенно острый характер приняла борьба за светскую культуру, позитивизм приобрел специфическую антиклерикальную направленность и в этом смысле сыграл прогрессивную роль. Апелляция позитивистов к «положительным фактам», к данным опыта в противовес абстрактным философским построениям обращалась против традиционных духовных авторитетов, и в первую очередь против доктрины воинствующего католицизма с ее догматом о непогрешимости папы. В области исторической науки позитивизм способствовал в Италии пересмотру преобладавших до того отрицательных оценок рационалистической философии XVIII в. и Французской революции, а также повороту к изучению социально-экономической истории⁴.

Методологию позитивизма приняла на вооружение так называемая филологическая школа, которая играла ведущую роль в итальянской академической историографии последней трети XIX в. Понятие «филология» в Италии, кроме общепринятого смысла, употребляется еще и для обозначения детального, опирающегося на методы различных специальных дисциплин анализа текстов с целью их точного истолкования. Отсюда и произошло наименование данной историографической школы, видевшей в таком анализе суть работы историка. Ее деятельность дала на первых порах положительные результаты в плане усовершенствования техники исторического исследования, улучшения качества публикации документов и т. д. Однако в дальнейшем все отчетливее выступала ограниченность этой школы, ее ориентация на разработку узких, частных тем, на накопление фактов без их серьезного аналитического осмысления.

Специальные труды историков «филологической школы» были посвящены глав-

⁴ См.: *Тольятти П.* Развитие и кризис итальянской мысли в XIX в. // Вопросы философии. 1955. № 5. С. 69—70.

ным образом итальянскому средневековью, но в подходе к этой тематике (традиционной и для романтической историографии) они существенно отличались от своих предшественников стремлением развеять дымку патриотических легенд и оперировать лишь документально установленными фактами. Исследованием же сколько-нибудь близкого прошлого они почти не занимались ввиду очевидной невозможности выдержать по отношению к «современной истории» ту позицию политической нейтральности, которая, с их точки зрения, подобала ученому-историку в такой же мере, как и естествоиспытателю.

Ученые, не принадлежавшие к «филологической школе», также работали преимущественно в области медиевистики, античной истории и т. д., а из проблем нового времени занимались лишь историей Рисорджименто.

Изучение истории Рисорджименто. Еще до объединения Италии сложилась традиция изображать все предшествующее историческое развитие Апеннинского полуострова как движение к этой провиденциально предуказанной цели и искать корни национального единства в глубокой древности. Подобного рода представления продолжали бытовать и позднее. Но с образованием единого государства те стимулы, которые побуждали буржуазных идеологов и историков рассматривать прошлое страны как своего рода предысторию борьбы за национальное объединение, стали действовать значительно слабее. Возникла тенденция к общему пересмотру сложившейся в период Рисорджименто трактовки истории Италии. Ее отчетливо выразил историк Ф. Бертолини, который в 1876 г. заявил: «Сейчас уже больше ни к чему окружать историческую истину поэтическим ореолом, чтобы использовать ее как аргумент в политических демонстрациях»⁵.

Эта переоценка ценностей в той мере, в какой она способствовала преодолению наивных патриотических легенд и представлений и более правильной исторической оценке прошлого, имела положитель-

ное значение. Так, например, борьба республиканских и олигархических тенденций в средневековых коммунах, борьба за сохранение коммунальных вольностей стала рассматриваться уже не просто как эпизод «национального сопротивления», а с учетом того отрицательного влияния, какое она оказывала на формирование предпосылок национального единства, поскольку задерживала преодоление партикуляризма и раздробленности.

Что же касается историографии Рисорджименто в собственном смысле слова, то здесь пересмотр традиционных канонов определялся идеологическими запросами умеренного крыла буржуазии, вставшего у руля нового государства.

Эпоху Рисорджименто историография первых лет после национального объединения начинала обычно с 1815 г. События «революционного трехлетия» (1796—1799) и период наполеоновского господства выносились за рамки Рисорджименто и рассматривались лишь как его подготовка. Затем появилась тенденция отодвигать истоки Рисорджименто еще дальше в прошлое — к периоду реформ «просвещенного абсолютизма» и деятельности итальянских просветителей (вторая половина XVIII в.), который изображался как явление целиком самобытное, не связанное с общественным развитием других стран. В конечном итоге все это вело к отрицанию связи между итальянским Рисорджименто и Французской революцией, к принижению либо игнорированию ее роли в активизации сил итальянского патриотического движения и к националистической трактовке всей истории Италии в новое время.

В частности, сложилась и надолго закрепилась в историографии негативная оценка «революционного трехлетия» — одного из начальных этапов Рисорджименто, развернувшегося под непосредственным влиянием Французской революции. Итальянским республиканцам того времени («якобинцам»), которые не смогли преодолеть отрыва от народа и были раздавлены силами реакции, историки умеренного толка отказывали в каких бы то ни было патриотических заслугах, изображая их как одержимых «чужими» идеями слепых доктринеров и демагогов. Подобный

⁵ Цит. по кн.: *Croce B. Storia della storiografia nel secolo decimonono*. Bari, 1947. V. 2. P. 53.

взгляд на итальянское «якобинство» отражал и свойственную либерально-монархической историографии тенденцию преуменьшать роль демократического, революционного начала в Рисорджименто вообще.

Усилиями официальной историографии все более настойчиво утверждалась концепция Рисорджименто как объединения «сверху», как «королевского завоевания». Этому способствовало исключительное обилие работ по истории Пьемонта и Савойской династии в XVIII—XIX вв. (Ф. Рикотти, Дж. Сиотто Пинтор, Н. Бьянки, Д. Карутти, Ф. Лемми, Д. Перреро, В. Берсецио и др.). О научном уровне большинства из них можно судить по книгам Бьянки, который, будучи директором государственного архива в Турине и имея неограниченный доступ к источникам, приводил (нередко в искаженном виде) лишь документы, рисовавшие политику Савойской династии в благоприятном свете, а свидетельства в пользу ее противников просто опускал.

Ведущая в научном отношении школа итальянской историографии — «филологическая» — стояла в стороне от изучения истории Рисорджименто. «Филологи» старшего поколения (П. Виллари, Дж. Де Блазиис, Дж. Де Лева и др.) в 60-е годы активно пропагандировали с университетских кафедр и в печати тезис о давних исторических корнях итальянского единства, но не дали ни одной крупной работы о Рисорджименто в собственном смысле слова. Из младшего поколения «филологов» лишь К. Тиварони выступил с 9-томной «Критической историей Рисорджименто», которая охватывала период начиная с реформ «просвещенного абсолютизма»⁶. Тиварони был демократом по убеждениям и активным участником гарибальдийского движения. Но в соответствии с установками «филологической школы» он старался избегать какой-либо оценки событий и дал в своем труде огромную массу сырого фактического материала, никак не обработанного и не обобщенного.

В целом история Рисорджименто в последние десятилетия XIX в. еще не стала

объектом глубокого научного исследования. Изучалась главным образом внешняя ее сторона — отдельные наиболее заметные события военного и дипломатического характера, заговоры, восстания, биографии видных деятелей патриотического движения. Расхождения между историками в трактовке этих вопросов в основном были не результатом различий в методологии, а продолжением политических разногласий периода самой борьбы за национальное единство.

Мемуары и публикации документов по истории Рисорджименто. Из источников по истории Рисорджименто во второй половине XIX в. публиковались прежде всего мемуары. Свои воспоминания оставили многие участники революции 1848—1849 гг. — как умеренные, так и демократы. Большею частью они были изданы еще в 50-е годы, но есть и публикации 70—90-х годов. В 1860 г. в Париже в обработке А. Дюма были опубликованы мемуары Дж. Гарибальди, освещавшие его деятельность от начала 30-х годов до падения Римской республики. Позднее (в 1874 г.) Гарибальди выступил с воспоминаниями о походе «тысячи». Различные экспедиции Гарибальди нашли освещение и в мемуарах его соратников.

Появилось немало публикаций эпистолярного наследия деятелей Рисорджименто (К. Кавур, М. Д'Адзельо, Дж. Капони, Д. Манин, Ф. Д. Гуэррацци и др.) и первые многотомные издания, написанные ими (Мадзини, А. Саффи). Что касается публикации документов официального происхождения — в этом отношении было сделано еще немного и главным образом по свежим следам революции 1848—1849 гг., а не после объединения Италии.

Зарождение историографии южного вопроса. Национальное объединение, не подкрепленное радикальным переворотом в аграрных отношениях, не ликвидировало различий в уровнях социально-экономического развития отдельных областей Италии. Политика пришедшей к власти буржуазии, направленная на консервацию отсталости Юга и превращение его во «внутреннюю колонию» Севера, уже в первые десятилетия существования единой Италии привела к возникновению одной из самых острых проблем ее внутренней

⁶ *Tivaroni C. Storia critica del Risorgimento italiano. Torino, 1888—1897. V. 1—9.*

жизни — так называемого южного вопроса. Крестьянский Юг таил в себе угрозу стихийного социального взрыва, который мог расшатать устои буржуазно-помещичьего государства. Эту опасность осознавали и в правящем лагере. Уже с 70-х годов стали появляться многочисленные работы, имевшие целью ответить на вопрос, как изменить положение на Юге без ущерба интересам господствующих классов. Из написанных с подобных позиций исследований наиболее крупные принадлежали Л. Франкетти, С. Соннино, Дж. Фортунато.

Сами буржуазные меридионалисты⁷ этого периода откровенно говорили о том, что побудило их заинтересоваться положением Юга. «Начинает становиться всеобщим то мнение, — писал Соннино, — что для эффективного противодействия социализму и коммунизму недостаточно показать теоретически, опираясь на доводы истории, разумность и полезность учреждений, составляющих основу современной цивилизации, но необходимо также специально исследовать, каковы изъяны нашего общества при его нынешней организации, каковы бедствия, которые оно порождает, каковы болезни, которых оно не излечивает, и какую часть тех и других можно было бы устранить, не затрагивая устоев»⁸.

Соннино и другие меридионалисты показали в своих работах глубокие социальные язвы Юга — всевластие крупного полуфеодалного землевладения, бедственное, приниженное положение крестьянства, чудовищное распространение ростовщичества. Но они были далеки от понимания глубинных причин всех этих явлений и объясняли их в первую очередь «законами природы». Тем более они не были в состоянии предложить сколько-нибудь радикальное средство решения южной проблемы. Выход они видели в проведении реформ, имевших целью несколько облегчить положение крестьянства (приостановка раздела общинных земель, изме-

нение налоговой системы и условий сельскохозяйственных контрактов, развитие сельскохозяйственного и поземельного кредита) и в конечном счете усилить в деревне зажиточную, «крепкую» прослойку, которая могла бы служить опорой существующему строю.

Работы Соннино, Франкетти, Фортунато, в которых давалась яркая и во многом правдивая картина социально-экономических отношений южноитальянской деревни первых лет после национального объединения, положили начало обширной историографии южного вопроса, созданной в Италии в последующие десятилетия.

Экспансионистские идеи в историографии. С конца 80-х годов усилилась колониальная экспансия Италии в Африке. В связи с этим в итальянской исторической литературе зазвучали новые мотивы и по-новому, в целях оправдания агрессии, стали использоваться некоторые старые идеи и концепции.

Характерной в этом отношении явилась работа Альфредо Ориани (1852—1909) «Политическая борьба в Италии» (в 3 т.; 1892), от которой ведет начало целое направление в итальянской историографии. Поставив своей задачей исследовать «источники современной борьбы», Ориани обратился к весьма отдаленному прошлому: его работа охватывала период от падения Римской империи (476) до 1887 г. В этом отношении он отнюдь не оригинален (как уже отмечалось, попытки искать корни политических проблем XIX в. в средневековье и даже в древности были в среде итальянских историков распространенным явлением). Не отличалась оригинальностью и его концепция Рисорджименто: относя истоки Рисорджименто далеко в глубь веков, Ориани рассматривал его историю как борьбу начал единства и федерализма и развивал этот тезис в чисто идеалистическом духе.

Обращение к отдаленным эпохам истории Италии Ориани использовал прежде всего для того, чтобы обосновать «историческую необходимость» итальянской колониальной экспансии в современных ему условиях. В его интерпретации захват колоний, порабощение более слабых народов выглядели едва ли не главным двигателем исторического прогресса: «Если бы более

⁷ Меридионалисты (от итал. meridione — юг) — исследователи южного вопроса и поборники возрождения Юга.

⁸ Franchetti L., Sonnino S. La Sicilia. Ed. 2. Firenze. S. d. V. 2. P. 5.

цивилизированные народы не подчиняли себе постоянно народы более варварские, цивилизация никогда не развилась бы», — заявлял он⁹. Из рассуждений Ориани следовало, что процесс консолидации европейских народов в нации, развернувшийся после Французской революции, с «фатальной» неизбежностью повелевает им завоевать «варварские» народы... во имя европейской цивилизации. И Италия не должна отстать от других, к завоеванию Африки зовет вся ее предшествующая история, начиная с тех времен, когда вся африканская цивилизация находилась в орбите влияния древнего Рима: «Италия написала в Африке слишком много глав своей древней истории, чтобы не вернуться туда теперь в ходе завоевательной войны, которую столь активно возобновила Европа в начале нашего века»¹⁰.

Излагая свои колониалистские идеи под свежим впечатлением краха итальянской авантюры в Африке в 1887 г., Ориани резко критиковал правительственные круги Италии, считая, что они действовали слишком робко, нерешительно и непоследовательно. В сущности, он вел речь о том, что государство, возникшее в результате национального объединения Италии, не выдержало первого испытания в борьбе за создание «великой итальянской колониальной империи» по образцу древнего Рима.

Кризис позитивистской историографии. Примерно к 90-м годам развивавшаяся на позитивистской основе итальянская историография вступила в полосу кризиса, что в наибольшей степени сказалось на судьбе «филологической школы».

Беспроblemность, эмпиризм, фетишизация документов, анализ источников без последующего синтеза в тенденции были свойственны всей этой школе, но особенно младшим ее представителям (К. Чиполла, Э. Паис и др.). Возведя в принцип отказ от оценки фактов, эти ученые не пытались определить их историческое место и значение и лишь скрупулезно описывали их.

Суждения, высказывавшиеся историками о тех или иных личностях и их деятельности, все чаще основывались лишь на чисто моралистских критериях.

Представители «филологической школы» начали открыто сомневаться в самой возможности познания исторического процесса. Так, Э. Паис, занимаясь историей Древнего Рима, пришел к утверждению, что при наличном уровне знаний нельзя восстановить картину античной истории, так как ученые располагают источниками, сохранившимися в силу не своей объективной значимости, а чисто случайных обстоятельств. Знаменательно появление в 1891 г. статьи П. Виллари «Является ли история наукой?», которая содержала, по существу, отрицательный ответ на этот вопрос.

Кризисное состояние исторической науки стало настолько очевидным, что из среды самих «филологов» зазвучали голоса, выражавшие неудовлетворенность создавшимся положением и известное разочарование в позитивизме. В 1898 г. В. Фьорини подверг резкой критике укоренившийся отрыв итальянских историков от жизни, от жгучих проблем современности. В упомянутой статье П. Виллари проглядывало сомнение в применимости к истории «позитивного метода» естественных наук, который он сам горячо отстаивал раньше.

Кризис позитивистской историографии отражал начавшийся упадок влияния позитивизма в итальянской культуре в целом.

Распространение марксизма. Антонио Лабриола и зарождение марксистской историографии. К концу XIX в. в Италии вышла на сцену новая общественная сила — политически организованное рабочее движение. В 1892 г. возникла Партия итальянских трудящихся (Итальянская социалистическая партия), основатели которой считали себя сторонниками научного социализма.

К. Маркс как экономист был известен в итальянских академических кругах уже в 70-е годы. Тогда же связанная с Марксом и Энгельсом группа социалистов из г. Лоди (Ломбардия) пыталась распространять в Италии французское издание «Капитала». В связи с деятельностью I Интернационала в социалистических га-

⁹ Oriani A. La lotta politica in Italia. Ed. 4. Bologna, 1939. V. 3. P. 396.

¹⁰ Oriani A. La lotta politica in Italia. Ed. 4. V. 3. P. 404.

зетах печатались некоторые статьи и заявления Маркса и Энгельса, в одной из них началась (но не была закончена) публикация «Гражданской войны во Франции» Маркса. Однако в целом итальянское социалистическое движение развивалось в тот период преимущественно под влиянием идей Бакунина и еще не начало осваивать марксизм как теорию.

В 80-е годы распространение марксизма в Италии значительно шагнуло вперед. Вышли в итальянском переводе важнейшие теоретические работы Маркса и Энгельса — «Развитие социализма от утопии к науке» (1883), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1885), первый том «Капитала» (1886), «Манифест Коммунистической партии» (1889).

Однако то поколение социалистов, усилиями которого была создана ИСП, в процессе своего мировоззренческого формирования испытало сильное влияние позитивизма, отразившееся и на его представлениях об учении Маркса. ИСП пропагандировала марксизм в своеобразном позитивистском прочтении, характерным образчиком которого была работа Э. Ферри «Социализм и позитивная наука (Дарвин — Спенсер — Маркс)»¹¹. При этом особенно вульгаризировалось и искажалось марксистское понимание истории. Общественное развитие изображалось как процесс, управляемый неукоснительно и автоматически действующими «естественными законами», фатально predetermined эволюцией экономического базиса.

На таком идейном фоне тем ярче выделялась фигура крупного теоретика-марксиста **Антонио Лабриола** (1843—1904), зачинателя марксистской историографии в Италии. Лабриола — философ и историк, профессор Римского университета — пришел к марксизму на рубеже 80—90-х годов, тогда же он вступил в переписку с Энгельсом. Об интенсивности этой переписки, длившейся до самой смерти Энгельса, можно судить по тому, что публикация

¹¹ *Ferri E. Socialismo e Scienza Positiva (Darwin — Spencer — Marx). Roma, 1894.* — Русск. пер.: *Ферри Э. Социализм и позитивная наука.* СПб., 1906.

А. Лабриола

писем к нему Лабриола составила целую книгу¹² (из писем Энгельса к Лабриоле разысканы лишь три).

Лабриола активно включился в начатую Энгельсом борьбу против вульгаризации материалистического понимания истории, его подмены «экономическим материализмом». Он подверг критике не только тенденцию упрощать характер связи между надстроечными явлениями и базисом или абсолютизировать роль последнего в историческом процессе, но и плюралистическую позитивистскую теорию «факторов» общественного развития.

Теоретическим проблемам исторического материализма посвящены основные труды Лабриолы, известные под общим названием «Очерки материалистического понимания истории»¹³. В. И. Ленин в конце 90-х годов отозвался о них как о «превосходной книге», а позднее поставил работы Лабриолы на одно из первых мест среди произведений, рекомендуемых для ознакомления с философией марксизма¹⁴.

В «Очерки...» вошли три отдельные работы: «В память о Манифесте Коммунистической партии» (1895), «Об истори-

¹² *Labriola A. Lettere a Engels. Roma, 1949.* — Впервые опубликованы на русском языке: *Лабриола А. Письма к Энгельсу*//Под знаменем марксизма. 1924. № 1.

¹³ *Labriola A. Saggi sul materialismo storico. Roma, 1964.* — Частичн. русск. пер.: *Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории.* М., 1960.

¹⁴ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 500; Т. 26. С. 88.*

ческом материализме» (1896), «Беседы о социализме и философии» (1897). Четвертый очерк, не законченный Лабриолой, был опубликован посмертно под названием «На рубеже двух столетий»¹⁵.

Но прежде всего Лабриола пропагандировал марксистскую историческую концепцию в своих университетских курсах, отводя в них значительное место вопросам методологии, или, как тогда называли, философии истории. Одну из лекций курса по философии истории в 1902/03 учебном году Лабриола специально посвятил ответу на вопрос, поставленный П. Виллари: является ли история наукой? Он доказывал, что прогресс вспомогательных исторических дисциплин привел к выработке научных приемов изыскания в области истории, которые, однако, могут открыть путь к действительному познанию лишь в том случае, если исследователь будет вооружен ясным пониманием основных закономерностей развития изучаемых событий¹⁶.

Подчеркивая значение методологии исторического исследования, призывая выработать осмысленный, озаренный светом передовой теории подход к историческому материалу, Лабриола рушил насаждавшееся позитивистской историографией представление, будто можно писать историю, не имея вообще никакой методологии и стоя «над партиями». «Нет такого историка,— писал он,— который мог бы считаться совершенно беспристрастным, ибо, чтобы быть таковым, он должен был бы встать вне всех точек зрения,— а это так же невозможно для нормального интеллекта, как и для нормального глаза»¹⁷.

Ряд курсов Лабриола посвятил отдельным узловым проблемам итальянской и всемирной истории. Он обращался в своих лекциях к истории первобытного общества, анализу происхождения итальянской бур-

жуазии, истории социалистических идей от Бабёфа до I Интернационала, к Великой французской революции (последней темой Лабриола занимался специально и неоднократно возвращался к ней).

Лабриола первым в Италии наметил марксистский подход к пониманию Рисорджименто, рассматривая борьбу за национальное единство как часть истории нового времени, порождение «буржуазного века», начало которого ознаменовано промышленным переворотом в Англии, Французской революцией и Войной за независимость в США. Подчеркивая буржуазный характер движения Рисорджименто, он резко критиковал попытки официальной историографии вывести единство Италии из отдаленного прошлого. В то же время Лабриола предостерегал от механического отождествления эпохи Рисорджименто с эпохой существования итальянской буржуазии, отмечая, что последняя существует уже в течение нескольких столетий, но пережила в своем развитии период длительного упадка, продолжавшийся с конца XVI в. до Французской революции. Он высказывал и мысль о том, что путь объединения Италии не был идентичен германскому, отличаясь более демократическим характером.

Французскую революцию конца XVIII в. Лабриола считал событием всемирно-исторического значения, важнейшим рубежом, обозначившим (во всяком случае, для передовых стран) начало «либеральной эры», т. е. истории нового времени. В истории революции, как о том свидетельствует статья, написанная Лабриолой к столетию взятия Бастилии, его привлекали прежде всего действия народных «низов». Именно увенчавшееся штурмом Бастилии народное движение, подчеркивал он, составляет «революцию в собственном смысле слова, которая не позволила заседавшему в Версале собранию вырождаться в ученую говорильню»¹⁸.

Лабриола дал образцы марксистского подхода к изучению истории идей, исследуя философию того или иного мыслителя на широком историческом фоне, исходя из строгого учета условий породившей ее

¹⁸ *Labriola A. Scritti varii di filosofia e politica raccolti e pubblicati da B. Croce. P. 338.*

¹⁵ *Labriola A. Saggi intorno alla concezione materialistica della storia. IV. Da un secolo all' altro. Considerazioni retrospettive e presagi. Ricostruzione di L. Dal Pane. Bologna, 1925.*

¹⁶ См.: *Labriola A. Scritti varii di filosofia e politica raccolti e pubblicati da B. Croce. Bari, 1906, P. 234.*

¹⁷ *Labriola A. Scritti varii di filosofia e politica raccolti e pubblicati da B. Croce. P. 234.*

эпохи во всем их сложном взаимодействии. Пример тому — его курс, посвященный памяти Джордано Бруно (1900), где Лабриола поставил своей задачей «...обрисовать такой исторический момент, когда великий конфликт общественных сил и течений превращается в конфликт идей и тенденций, и этот конфликт, т. е. борьба, вовлекает в свою орбиту людей, общественные системы, политические формы...»¹⁹, и показал, что трагедия Бруно связана с трагедией более крупного плана — упадком Италии.

Свой главный долг социалиста в такой сравнительно отсталой стране, как Италия конца XIX в., Лабриола видел в теоретической работе, раскрывающей историческую необходимость «грядущей, но не очень близкой пролетарской революции». Он стремился дать строго марксистское объяснение истории, вопрос же о возможности активного, революционно-преобразующего исторического действия не занимал его,

¹⁹ *Labriola A. Scritti varii di filosofia e politica raccolti e pubblicati da B. Croce.* P. 415.

не был для него актуальным. Присущую Лабриоле известную созерцательность в подходе к истории П. Тольятти назвал «тенью объективного фатализма». Но эта особенность взглядов Лабриолы, коренящаяся в условиях его деятельности, не имеет ничего общего с фатализмом вульгарного «экономического» толка, против которого он вел неустанную борьбу.

Как историк-марксист Лабриола не нашел среди своих современников в Италии достойных продолжателей, что было связано с общей теоретической слабостью итальянского социалистического движения. Тем не менее идеи марксизма начиная с 90-х годов все шире проникали в сферу профессионального исторического знания. Их влияние проявлялось в попытках некоторых исследователей заимствовать элементы марксистской методологии, в обращении к нетрадиционным для буржуазной историографии сюжетам (социально-экономическая история, история классовая борьба). Эти тенденции в развитии итальянской историографии раскроются в полной мере уже в новом столетии.

Глава 8

Польская историография 60—90-х годов

Условия развития исторической науки. В 50—60-е годы в результате национально-освободительного движения и аграрных реформ на всех польских землях утвердились капиталистические отношения. Ликвидация феодально-крепостнической системы посредством реформ «сверху» привела к сохранению многочисленных феодальных пережитков, направила развитие капитализма в сельском хозяйстве по тяжелому для народа «прусскому пути». Особенно сильны феодальные пережитки были в Галиции и в меньшей мере — в Королевстве Польском, где российское самодержавие вынуждено было пойти на некоторые уступки крестьянству, стремясь отвлечь его от участия в национально-освободительном движении.

Сравнительно быстрое развитие капитализма в Королевстве Польском сделало

его одной из наиболее развитых частей Российской империи. Здесь заметно возросло влияние буржуазии. Польские же земли, находившиеся под властью Австро-Венгрии и Германии, играли в экономике этих государств роль аграрно-сырьевого придатка. Капиталистические отношения развивались здесь медленно. Австрийское правительство, стремясь ослабить национально-освободительное движение, пошло на известные уступки польскому консервативному дворянству, предоставив Галиции автономные права. Этот шаг склонил польскую аристократию и шляхту к сотрудничеству с Габсбургской монархией. Польское население Германской империи подверглось усиленной германизации.

Во второй половине XIX в. в польской историографии началось распространение позитивизма, совпавшее с критикой роман-

тиков после неудачи восстания 1863—1864 гг. Критика шла с двух сторон: со стороны идеологов либеральной буржуазии и консервативных кругов шляхты. И те, и другие осуждали романтиков за их приверженность вере в духовные начала человеческих деяний, бунтарские порывы, не принесшие никакой пользы делу независимости страны, и выдвигали программу мирной, позитивной, «органической работы» по развитию национального предпринимательства, науки, культуры, воспитанию необходимых национальных кадров. В области политической это была программа сотрудничества с властями государств-захватчиков в классовых интересах польских либерально-буржуазных и консервативно-шляхетских кругов. Критики романтической историографии предлагали удалить из науки эмоции, чувства и взять за основу строгие факты. Позиции польских позитивистов быстро крепили.

Однако отсутствие национальной независимости, усиление после восстания 1863 г. национального и политического гнета тормозили развитие польской науки и культуры, в том числе историографии. Царское правительство закрыло все польские высшие учебные заведения, научные общества, запретило издавать исторические журналы. Историки в Королевстве Польском были вынуждены работать на средства из частных пожертвований. В 1881 г. здесь был организован частный фонд (так называемая «касса Мянковского»), субсидировавший исследования в области польской культуры.

В несколько иных условиях находилась историческая наука в Галиции. Здесь существовали такие центры польской культуры и науки, как Краковский и Львовский университеты, в которых были созданы исторические кафедры и работали известные польские историки. В 1871 г. в Кракове была открыта Академия знаний. При ней была учреждена историческая комиссия, занявшаяся сбором и изданием источников по польской истории. В состав комиссии вошли около 70 историков. Они подготовили и издали три серии документов, в общей сложности 51 том. Академия начала издание различных научных сборников, журналов, монографий. В 1880 г. по инициативе Академии в Кра-

кове был проведен I съезд польских историков.

В 1886 г. во Львове польские историки образовали Историческое общество и приступили к изданию с 1887 г. регулярного журнала «Исторический кварталник» («Kwartalnik Historyczny»), который и поныне остается одним из ведущих польских исторических журналов.

Во второй половине XIX в. в Пруссии, а затем Германской империи условия работы польских деятелей науки и культуры осложнялись усиливавшимися антипольскими тенденциями правительственной политики. Ведущими в польской историографии этого времени были две школы: краковская, тесно связанная с магнатско-буржуазными кругами Галиции, и варшавская, отражавшая интересы либерально-буржуазного лагеря Королевства Польского. Меньшее значение имели львовская школа историков и группа историков в Познани.

Краковская школа. Виднейшими представителями краковской школы были В. Калинка, Ю. Шуйский, М. Бобжинский, С. Смолька. Польские историки в Галиции приложили немало усилий, чтобы обосновать «жизненную необходимость» соглашения с Габсбургской монархией, и сформировали идеологию, служившую интересам консервативных кругов Галиции. Вместе с тем они внесли известный вклад в совершенствование методики исторических исследований и развитие польской исторической мысли.

Основателем краковской школы считается **Валериан Калинка** (1826—1886). Он родился в чиновничьей семье, в молодости активно участвовал в польском национально-освободительном движении и восстании 1846 г. Однако позднее, особенно после восстания 1863—1864 гг., он сблизился с консервативным лагерем и католической церковью, принял сан священника.

В 50-х годах Калинка издал большую работу под названием «Галиция и Краков под австрийской властью»¹, где идеализировал патриархальные отношения в польской деревне в период господства барщинно-фольварочной системы; даже пере-

¹ *Kalinka W.* Galicja i Kraków pod panowaniem austriackim. Kraków, 1892.

вод крестьян на денежный оброк в конце XVIII в. он считал преждевременной мерой. Эти взгляды Калинка развил в своих работах, посвященных разбору причин упадка Польши, — «Последние годы правления Станислава Августа» и «Четырехлетний сейм»². В них он выступил с критикой взглядов Лелевеля и прогрессивных деятелей периода Просвещения, отверг их взгляды на разделы Польши. Калинка резко критиковал польских реформаторов второй половины XVIII в., патриотический лагерь, который якобы вынудил короля искать соглашения с соседними государствами. Таким образом, вся вина за крах Польши возлагалась на народ, а истинные виновники падения Речи Посполитой — аристократы и реакционные правительства соседних государств — оправдывались.

В своих работах Калинка проводил мысль о положительной роли католической церкви в истории Польши, идеи же Просвещения оценивал как вредные и пагубные для народа.

Работы и выводы Калинки вызвали шок у современников. Они обвинили его в том, что его крайне пессимистические взгляды на историю Польши повторяют писания официальных российских и немецких историков.

Признанным главой краковской школы являлся **Юзеф Шуйский** (1835—1883) — историк, публицист, писатель и поэт. Он родился в семье мелкого шляхтича, учился в Кракове и Вене, был профессором и ректором Краковского университета. В ранний период своей деятельности он был связан с национально-освободительным движением. Однако поражение восстания 1863—1864 гг. привело его к разочарованию в революционных методах борьбы и сблизило с реакционными кругами Галиции. Ученый написал ряд публицистических статей, в которых призывал к сотрудничеству с австрийским правительством и католической церковью, к отказу от освободительной борьбы. Враждебно было его отношение к прогрессивной русской общественности и ко всему русскому народу.

² *Kalinka W. Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Kraków, 1891; idem. Sejm czteroletni. Kraków, 1895.*

Шуйский явился одним из основателей и идеологов крайне консервативной партии «станьчиков» в Галиции. Он был автором многих научных и литературных трудов, в том числе специальных монографий и обобщающих работ, занимался публикацией источников. Главное внимание в своих сочинениях, основанных на множестве документов, Шуйский уделял политической истории. В противовес Лелевелю он утверждал, что уже у колыбели Польши стоял «княжеский абсолютизм», а не демократия. В дальнейшем из-за таких сторон польского национального характера, как «недостаток инстинкта управления», «склонность к анархии» и др., монархическая власть ослабела.

Работы Шуйского пронизаны идеей сильной монархической власти, образец которой он видел в Австро-Венгрии. Правильно отмечая непрочность польской государственности и политического строя, он всю вину за это, а также за разделы Польши возлагал на польский народ. Считая, что в своем развитии Польша постоянно «отставала» от западной цивилизации, Шуйский объяснял это ее отдаленностью от Рима и других европейских центров. Вместе с тем он восхвалял Люблинскую унию, видя в ней осуществление западной цивилизаторской «миссии» Польши на Востоке.

Представителям краковской школы было свойственно противопоставление монархии народу, патриотическим силам. Таких взглядов придерживался **Михаил Бобжиньский** (1849—1935) — профессор Краковского университета. Он стоял на австрофильских позициях, принимал активное участие в политической жизни Галиции и одно время был ее заместителем. От других краковских историков его отличал более реалистический взгляд на прошлое, стремление последовательно проводить в жизнь позитивистские идеи, избавиться от субъективизма и фидеизма при объяснении исторических явлений. Однако в конкретно-исторических сочинениях он зачастую отступал от своих теоретических принципов. В научной работе Бобжиньский уделял большое внимание государственно-правовым вопросам истории Польши XV—XVI вв.

Наиболее полно свои исторические

и политические взгляды Бобжиньский выразил в двухтомном очерке истории Польши (1879), дополненном в 1931 г. третьим томом, охватывающим начало XX в., а также в работе о восстановлении польского государства³. Решающую роль в историческом развитии он отводил государству, в сильном бюрократическом аппарате которого видел гарантию общественного порядка. Вся польскую историю он делил на три периода: патриархальное государство (до середины XIII в.), патримонильное (до конца XV в.) и новый (с конца XV в.) периоды. Бобжиньский считал, что специфической чертой истории Польши было разделение государства и общества, отставание первого от стремлений второго из-за отсутствия сильной монархической власти, особенно в период, когда исторической необходимостью стал абсолютизм. Шляхетский парламентаризм, вольности, «нездоровая свобода» шли вразрез с «порядком и законом». В этом Бобжиньский видел единственную причину падения Польши, сбрасывая со счетов другие.

В очерке истории Польши содержалась критика иезуитов, отмечалось тяжелое положение народа, угнетенного панями. Одновременно Бобжиньский восхвалял экспансию Польши на Восток, поддерживал идею ее «цивилизаторской миссии». Книги Бобжиньского пронизаны осуждением революционно-освободительной борьбы и упованием на сильную государственную власть.

Эрудитом краковской школы считался Станислав Смолька (1854—1924) — профессор кафедры истории Польши Краковского университета. Высшее образование он получил в Германии, был близок к правящим кругам Галиции. Со временем взгляды Смольки приобретали все более явный религиозный оттенок. Являясь главой польских медиевистов, он написал около 50 работ, большинство которых посвящено истории Польши X—XV вв.

Смолька видел в образовании государства и других исторических процессах

результат эволюционных изменений. Он признавал существование закономерностей в истории, однако их познание считал невозможным.

От других историков краковской школы Смольку отличало то, что в своих работах он уделял значительное внимание социальным проблемам, стремился к обобщениям, широко использовал сравнительный метод. Аналоги исторического развития Польши Смолька искал в истории других западнославянских народов. Вместе с тем он идеализировал католическую церковь, приписывал ей чрезвычайно большую роль в пробуждении и развитии национального самосознания, в ликвидации феодальной раздробленности и распространении «цивилизации» на Востоке.

Варшавская школа. Наряду с краковской школой историков в 70-е годы сформировалась варшавская школа. Она была тесно связана с культурно-идеологическим течением, получившим название варшавского позитивизма и отражавшим интересы либеральной буржуазии. Либерально-буржуазное позитивистское течение придерживалось позиции соглашения с царскими властями — но соглашения во имя капиталистического прогресса и борьбы с феодальными пережитками. Поэтому в 70—90-х годах XIX в. оно играло до известной степени прогрессивную роль.

Главное внимание историки варшавской школы уделяли вопросам социально-экономического развития, особенно в XVIII в. Это было не случайно, поскольку во второй половине XVIII в. в Речи Посполитой вызревали элементы капитализма, начала формироваться польская буржуазия. Варшавские историки стремились подчеркнуть положительную роль мещанства в истории Польши, показать роль других сословий и социальных слоев в историческом процессе. Изучение социально-экономических отношений и культуры приводило их к мысли о существовании в истории определенных закономерностей.

Вместе с тем представители варшавской школы отвергли многие прогрессивные идеи предшествующей историографии, и прежде всего представление о необходимости революционных действий для завоевания национального освобождения. Единственным путем развития они считали

³ *Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie.* Wyd. 4. Warszawa, 1927. Т. 1—2; Warszawa, 1931. Т. 3. *Idem. Wskrzeszenie Państwa Polskiego.* Warszawa, 1920—1925. Т. 1—2.

медленные, постепенные реформы, проводимые господствующими классами; народным массам они почти не уделяли внимания. Им была чужда мысль о солидарности прогрессивных, патриотических сил национально-освободительных движений разных народов.

Виднейшими представителями варшавской школы были Т. Корзон и В. Смоленский.

Тадеуш Корзон (1839—1918) происходил из деклассированной шляхетской семьи, окончил Московский университет. За участие в польских патриотических организациях начала 60-х годов он был выслан в Оренбург. После ссылки Корзон работал в Варшаве преподавателем истории в частных учебных заведениях. Он был избран действительным членом Краковской Академии знаний.

Корзон написал ряд крупных монографий, учебников по всеобщей истории и статей по теории и методике исторического исследования. Крупной его работой стала шеститомная «Внутренняя история Польши при Станиславе Августе» (1882—1886)⁴. Она отличалась от трудов предшественников Корзона, особенно от работ краковских историков. В центр своего труда Корзон поставил изучение социальных и экономических отношений в польском обществе второй половины XVIII в. Он использовал большое число опубликованных и архивных документов, широко применял статистический и сравнительный методы исследования. Корзон стремился не только выяснить причины упадка Речи Посполитой, но и выявить глубинные творческие силы, которые были бы способны вывести страну на путь возрождения. Для этого он предпринял тщательный анализ экономики государства, бюджетов, сеймовых отчетов и т. д.

Все это позволило Корзону прийти к важным выводам. Он указал, что во второй половине XVIII в. разложение феодальных и формирование буржуазных отношений в Польше продвинулось достаточно далеко. Старые силы (аристократия, высшее духовенство, реакционная шляхта)

вели страну к упадку, а новые («просвещенное» мещанство и связанная с ним патриотическая шляхта) — к возрождению и спасению.

Однако польские магнаты и реакционная шляхта, не желая допустить каких-либо изменений, отдали страну во власть соседних государств.

Важную роль в историческом развитии Польши Корзон отводил торговле и промышленности. В своих исследованиях и учебниках он, с одной стороны, неоднократно подчеркивал преимущества тех стран (Англия и др.), которые имеют развитую промышленность, торговлю, банковскую систему, а с другой — указывал на плачевную судьбу Испании и Португалии, правительства которых недооценили значение развития собственной промышленности и торговли.

В своих трудах Корзон не оставил без внимания и крестьянство. Он возмущался эгоизмом и консервативностью шляхты по отношению к крестьянским нуждам, хотя не признавал революционного пути решения аграрного вопроса. Корзон критиковал польскую Конституцию 3 мая 1791 г. за то, что в ней не было провозглашено освобождение всех крестьян. Но, сравнивая решение крестьянского вопроса в Польше и во Франции в период буржуазной революции, он отдал предпочтение действиям польского сейма, который поступил более благоразумно, не допустив потрясений в сельском хозяйстве.

Корзон осуждал покорение и угнетение других народов и оправдывал национально-освободительную борьбу. Так, он высоко оценивал борьбу американского народа против Англии за свободу и независимость. Однако он высказывался негативно, когда речь заходила о народных революционных движениях. Поэтому он приносил социальное значение Жакерии во Франции, Крестьянских войн в Германии и под предводительством Пугачева в России, Французской революции. Его симпатии всегда были на стороне умеренных реформаторов.

По мере обострения классовых противоречий и развития рабочего движения Корзон постепенно утрачивал многие прогрессивные черты своих взглядов. В его работах 90-х годов усилились реакционно-

⁴ *Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. W. 2. Warszawa-Kraków, 1897—1898. T. 1—6.*

националистические и субъективистские тенденции. Он все настойчивее начинал прославлять шляхетскую Польшу. Монографии Корзона о Костюшко и Собеском⁵ были пронизаны культом героя, идеализацией шляхты, а важнейшие проблемы развития этого периода в них замалчивались.

Владислав Смоленский (1851—1926) также происходил из мелкошляхетской семьи, окончил Варшавский университет, являлся действительным членом Краковской академии. По своим взглядам он был близок к Корзону, но главное внимание в исследованиях уделял развитию польской культуры и общественно-политической мысли XVIII в. Кроме того, его интересовали история мелкой шляхты и мещанства, проблемы польской историографии.

Ранние работы Смоленского были посвящены польской шляхте. В них он показал классовую ограниченность и неприглядную роль шляхты в истории Польши, отметил разложение класса феодалов во второй половине XVIII в. и его частичное обуржуазивание.

В 80-х годах Смоленский издал «Коллонтаевскую кузницу»⁶ и ряд других работ об общественно-политическом и культурном движении в Польше в период Просвещения. В них он впервые в польской историографии охарактеризовал идеологов шляхетско-буржуазного лагеря реформ — Сташица, Коллонтая и их единомышленников.

Наиболее известной работой Смоленского была монография «Интеллектуальный переворот в Польше XVIII века»⁷. В ней он высоко оценивал изменения в общественном сознании Польши второй половины XVIII в., связывая их с распространением идей Просвещения. Историк верно определил социальную базу реформаторского движения, подчеркнул значение мещанства в формировании шляхетско-буржуазной идеологии, вскрыл реакционную роль католической церкви

и клерикализма в истории Польши. В одной из специальных работ Смоленский показал католическую церковь как угнетателя крестьянства и фактор, подрывавший силу централизованного государства. Это вызвало бурю негодования в клерикальных кругах и среди краковских историков.

Вместе с тем Смоленскому не были чужды националистические тенденции. Он относил Польшу к «западной цивилизации» и считал, что она была вынуждена вести борьбу с «элементами востока». В оценке Просвещения у Смоленского проявлялась либерально-буржуазная ограниченность: он не видел противоречия между феодалами и зависимым крестьянством, считая, что не крестьянский, а городской вопрос был центральной проблемой той эпохи.

Историки варшавской школы придерживались так называемой «оптимистической» оценки национальной истории, согласно которой в XVIII в. начался перелом в общественно-экономическом развитии страны, связанный с ростом торговли, промышленности, распространением научных знаний и т. д. Не отрицая негативных сторон устройства шляхетской Речи Посполитой, они видели основную причину разделов страны в агрессивных действиях соседних государств. Варшавские ученые старались сохранить лучшие традиции предшествовавшей историографии, приспособив их к новым условиям, поэтому они выступили против попыток краковской школы утвердить «пессимистическую» оценку национальной истории.

В 1887 г. глава краковских историков Ю. Шуйский опубликовал брошюру «О фальшивой истории как искусстве фальшивой политики», в которой четко изложил оценку основных проблем национальной истории представителями краковской школы. В ней был сделан упор на несовершенство внутреннего устройства Речи Посполитой, слабости центрального управления, своеволия и анархии польского народа, на который возлагалась вина за упадок страны. Брошюра вызвала острую критику со стороны варшавских историков. Завязалась полемика, вылившаяся на страницы монографий, газет и журналов.

⁵ *Korzon T. Kościuszko. Biografia z dokumentów wysnuta.* Kraków, 1894; *idem. Dola i niedola Jana Sobieskiego.* Kraków, 1898. Т. 1—3.

⁶ *Smoleński W. Kuźnica Kollatajowska.* Kraków, 1885.

⁷ *Smoleński W. Przewrót umysłowy w Polsce wieku XVIII.* Kraków-Warszawa, 1891.

Т. Корзон на втором съезде польских историков в 1890 г., а также в статьях и рецензиях резко критиковал краковскую школу за подчинение исторической науки политике реакционных кругов Галиции. Он указывал на присущие краковским ученым необъективность выводов, узость проблематики, игнорирование вопросов экономического развития, на их разрыв с прогрессивной традицией польской историографии.

Корзон считал вредным утверждение о вине польского народа в утрате независимости страны, так как такая позиция убивала в народе любовь к прошлому, стремление к свободе.

Активное участие в полемике с историками краковской школы принимал В. Смоленский. В нескольких работах он выявил общественно-политические источники взглядов краковских историков. Смоленский подчеркнул, что их доктрина родилась в центре консерватизма, католицизма и аристократизма, и подверг их работы критике за тенденциозность выводов, связь с политикой правящего лагеря.

Пolemика между двумя школами, стоявшими на сходных методологических позициях, не принесла перевеса ни одной из сторон. Критикуя краковскую школу за привнесение в науку политики, варшавские историки сами были далеки от объективности в оценках и выводах, оставаясь на позициях либерально-буржуазных кругов. Дискуссия постепенно исчерпала себя с появлением новых направлений в историографии в конце XIX — начале XX в.

Львовские историки. Помимо Кракова важным центром исторической мысли в Галиции был Львов, где ее очагами являлись университет, историческое общество и его печатный орган «Исторический кварталник». Львовские историки были меньше, чем краковские, связаны с правящим лагерем Галиции, в политическом отношении они не были едины. В области методологии они стояли на позициях позитивизма; для них были характерны тщательная работа над источниками, осторожность в выводах.

Львовские историки занимались преимущественно изучением средневековой

Польши, историей галицких земель, проблемой унии с Литвой.

Основателем львовской школы историков считается **Ксаверий Лиске** (1838—1891). В молодости он принимал участие в национально-освободительном движении в Великопольше, затем переехал в Галицию и стал профессором Львовского университета. Лиске уделял большое внимание подготовке кадров польских историков, был известен как автор многочисленных критических обзоров, рецензий, статей, издатель источников.

Провозгласив поход «за научной правдой», Лиске требовал от исследователей особой критичности в оценке источников. Он являлся инициатором и издателем обширного свода документов «Акты гродские и земские».

Крупным историком-медиевистом был профессор Львовского университета **Тадеуш Войцеховский** (1838—1919), в прошлом также участник национально-освободительного движения. В своих работах он уделял главное внимание дофеодальной и раннефеодальной истории Польши. Во взглядах на предмет и цели истории Войцеховский был близок к варшавской школе. Историческое развитие он ставил в зависимость от территориально-этнического фактора.

В монографии «Хробация» (1873), возражая немецким историкам-шовинистам, П. Войцеховский привел весомые доказательства автохтонности славян на польских землях.

Начало распространения марксизма в Польше. Начало распространения марксизма на польских землях приходится на конец 70-х — начало 80-х годов XIX в. В его пропаганде значительную роль сыграли женевская группа польских социалистов и первая организация польского рабочего класса «Пролетариат» (1882—1886). В их документах и публицистике нашел отражение новый подход к историческим явлениям. Усилиями польских социалистов, в первую очередь Л. Кшивицкого, в 80-х годах были переведены на польский язык и изданы за границей некоторые основополагающие труды К. Маркса и Ф. Энгельса, в том числе первый том «Капитала», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Гражданская

война во Франции» и др. Первые польские марксисты призывали рассматривать события истории как отражение борьбы классов, которая движет общество к социальной революции.

Одним из крупнейших деятелей начального этапа польского социалистического движения был **Людвик Варыньский** (1856—1889), активный пропагандист марксистских идей и руководитель первых рабочих организаций. В 80-х годах в заграничных социалистических изданиях он опубликовал ряд теоретических статей, в которых коснулся и вопросов истории. В статье «О роли польских господствующих классов» Варыньский выступил против реакционной историографии, распространявшей представление о национальном единении польского общества в прошлом. Он отмечал, что вся история Польши представляет собой историю борьбы антагонистических классов. В другой статье — «Есть ли у нас рабочий вопрос?» — Варыньский показал становление польского пролетариата и особенности формирования его классового сознания, связанные с насаждением среди рабочих идей солидарности всех классов во имя национального дела.

В пропаганде марксистских идей в Польше видную роль сыграл **Шимон Дикштейн** (1858—1884). В цикле статей о прибавочной стоимости, а затем в брошюре «Кто на что живет?» он популяризировал теорию прибавочной стоимости Маркса и убедительно раскрыл суть капиталистической эксплуатации.

Ш. Дикштейну принадлежит также большая статья о формировании революционной идеологии польских эмигрантов после восстания 1830 г.

Дальнейшая пропаганда исторического материализма и основ марксистской политической экономии связана с научной и публицистической деятельностью видного социолога, экономиста, этнографа и

историка **Людвика Кшивицкого** (1859—1941), стоявшего тогда на марксистских позициях и участвовавшего в социалистическом движении.

По его инициативе для марксистского просвещения рабочих за границей на польском языке была издана серия книг, куда вошли труды основоположников марксизма, крупных мыслителей прошлого, деятелей международного рабочего движения, в том числе работы о материалистическом понимании истории. Кшивицкий подчеркивал необходимость сочетания организаторской и идеологической работы среди рабочих. В 1884 г. он писал, что нужно найти средства, чтобы «польский рабочий был в состоянии уяснить цели и пути революции, чтобы он мог основательно познакомиться с социально-экономическими вопросами».

Для пропаганды марксистских идей Кшивицкий использовал как нелегальные, так и легальные издания. Весь свой талант ученого и публициста он направил на критику позитивизма, идеи которого, получив широкую популярность, были одним из препятствий на пути распространения марксизма в Польше. В полемике с позитивистами Кшивицкий убедительно показал, что капиталистический строй несет нужду и бедствия трудящимся, и делал вывод о необходимости замены его социалистическим. Статьи и рецензии Кшивицкого 80-х годов являлись образцом революционной публицистики. Сложные проблемы он излагал доступно и просто. В циклах статей об условиях жизни польского пролетариата, о сущности научного социализма Кшивицкий сумел подняться до подлинно материалистического понимания исторического процесса.

Деятельность первых польских марксистов подготовила возникновение марксистского направления в польской историографии.

Чешская и словацкая историография в XIX веке

Условия развития исторической науки в чешских землях. В конце XVIII—первой половине XIX в. в чешских землях, входивших в состав многонациональной Австрийской империи, происходило разложение феодальных и становление капиталистических отношений. Это была эпоха национального возрождения, когда решались задачи перехода от феодализма к капитализму, шел процесс формирования наций и складывания национальных культур, разворачивалось национально-освободительное движение, носившее у чехов на первых порах культурно-просветительский характер.

Глубокие сдвиги в жизни чешского общества вели к отрицанию феодально-клерикальной идеологии и утверждению буржуазного миропонимания, способствовали становлению национальной историографии. Чешские историки конца XVIII—первых десятилетий XIX в. публиковали свои работы, как правило, на немецком языке. Национальных центров исторической науки еще не было. Королевское чешское общество наук, возникшее в XVIII в., являлось по своему составу преимущественно немецким.

Перемены наметились к концу второго десятилетия XIX в. в связи с активизацией национального движения. В общественной жизни на первый план выдвинулись проблемы, связанные с формированием чешской нации при отсутствии собственной государственности. Рост национального самосознания проявился прежде всего в усилении внимания к родному языку и культуре как важнейшим средствам консолидации нации.

Патриотически настроенная интеллигенция и молодая чешская буржуазия пытались объединить различные общественные слои. В 1818 г. в Праге был основан Чешский музей, вокруг которого сплотился ряд ученых-патриотов. Их усилия были направлены на собирание исторических, археологических и художественных памятников. В 1827 г. стал издаваться «Журнал

Чешского музея» («*Časopis Českého muzea*») на чешском и немецком языках. Позднее было создано Общество Матицы чешской—первый самостоятельный общечешский национальный культурный институт, преследовавший культурно-просветительские цели. Общество выпускало научную литературу на родном языке. Издавались фундаментальные собрания источников.

Во время буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Австрийской империи национально-освободительное движение чехов приобрело открыто политический характер. В самом чешском национальном политическом лагере произошло идейно-политическое размежевание между радикально-демократическим и либеральным течениями. В решающий момент революции чешская либеральная буржуазия, выступившая с программой австрославизма, которая предусматривала реорганизацию Австрийской империи в буржуазно-конституционную федерацию равноправных народов, встала на сторону реакции.

На протяжении всего периода национального возрождения для чешских историков оставалась актуальной задача обосновать законность требований национального движения. Характерной чертой развития исторической мысли было распространение концепции славянской общности, согласно которой история чешского народа рассматривалась в тесной взаимосвязи с историей других славян.

Чешская просветительская историография. Начало изучения прошлого чешского народа связано с воздействием идей Просвещения, с борьбой буржуазно-просветительского и феодально-религиозного мировоззрений, с ростом национально-патриотических настроений. Развернувшаяся в чешских землях во второй половине XVIII в. деятельность «будителей»—патриотически настроенной интеллигенции, видевшей свою задачу в пропаганде родного языка, развитии литературы и ис-

куства, в расширении книгоиздательской деятельности, основании музеев, распространении и на изучение исторической грамматики, истории литературы, собственно истории. Появление общественной потребности в осознании прошлого способствовало тому, что ученые начали более тщательно проверять факты и отделять в источниках правду от вымысла. Связывая свои работы с задачами национально-патриотического воспитания народа, они стремились пробудить у чехов гордость за свое прошлое.

Утверждение критического подхода к источникам связано с деятельностью **Гелазия Добнера** (1719—1790). Обратившись к источникам, он стал освобождать чешскую историю от легенд. Особенно показательна в этом отношении опубликованная им «Чешская хроника» В. Гаека¹. Добнер сопроводил ее комментариями, указывавшими на несостоятельность многих положений этого анналиста XVI в. Своими изысканиями он ставил под сомнение притязания шляхты на особое происхождение, права и господство в общественной жизни. Добнер доказывал, что древние чехи, как и остальные славянские народы, не знали монархического строя, а система общественных отношений, сложившихся у славян, отличалась демократизмом. Добнер был издателем и первой чешской хроники Козьмы Пражского².

Один из учеников Добнера, **Франтишек Пельцль** (1734—1801), написал «Краткую историю Чехии»³, пересмотрев в ней феодально-католическую концепцию гуситского движения. В третьем издании книги (1782) Пельцль писал о Яне Гусе как о патриоте, взгляды которого сложились в борьбе с немецким засильем, высоко оценивал его борьбу за права чешского языка. Пельцль написал также «Историю немцев в Чехии», в которой много внимания уделил борьбе чехов с немцами и деятельности Яна Жижки.

¹ Dobner G. Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum... Pragae, 1761—1783. B. 1—6.

² Dobner G. Monumenta historica Bohemiae. Pragae, 1764—1785. B. 1—6.

³ Pelcl F. Kurzgefasste Geschichte der Böhmen von den ältesten bis auf die jetzigen Zeiten. Pragae, 1774.

На рубеже XVIII и XIX вв. началась деятельность основателя научной славистики **Йозефа Добровского** (1753—1829), работы которого были проникнуты гуманизмом и духом рационалистической критики. Добровский подчеркивал роль крестьянства как хранителя традиций национальной культуры. В «Истории чешского языка и литературы»⁴ он рассматривал эпоху гусизма как время расцвета самобытной национальной культуры, а Гуса как ее выдающегося представителя. Одним из первых он обратил внимание на роль гуситского движения в развитии чешского языка, литературы и культуры, на заслуги Гуса в установлении нового чешского правописания. На основе введенной им в научный оборот «Гуситской хроники» Лаврентия из Бржезовой Добровский приступил к изучению различных течений в таборитском лагере.

Романтическое направление в чешской историографии. С развитием капитализма в чешских землях на смену просветительской идеологии пришел романтизм. Это выразилось в повышенном интересе к народному творчеству, идеализации старины, увлечении героическим прошлым своего народа. В исторических исследованиях особое внимание романтиков привлекали древний период, свидетельствующий о глубокой традиции самобытной исторической жизни, и периоды борьбы с иноземными нашествиями. Для романтического направления в чешской историографии были характерны ярко выраженная национальная окраска, преимущественный интерес к гусизму. Ведущей идеей культурной жизни этого времени стала мысль о национальном единстве.

Родоначальником и главным представителем романтической историографии был идеолог национального возрождения **Франтишек Палацкий** (1798—1876). Официально он именовался сословным земским историографом Чешского королевства. Под руководством Добровского Палацкий изучил методику научного исследования. В 1831 г. он возглавил Общество Матицы чешской; будучи редактором «Журнала

⁴ Dobrovský J. Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur. Pragae, 1791.

Чешского музея», превратил его в печатный орган историков. Как секретарь Чешского общества наук Палацкий способствовал его переходу на национальные позиции.

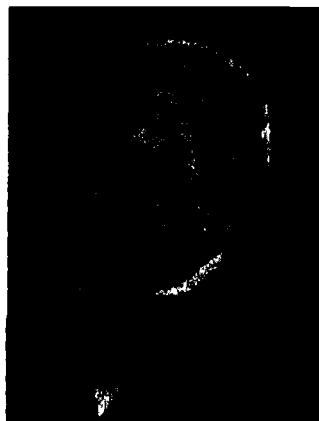
Палацкий вел большую работу по изданию документов и материалов. В 1840 г. он положил начало публикации «Чешский архив»⁵, который выходил вплоть до 1944 г. Однако главным делом его жизни явился труд «История чешского народа в Чехии и Моравии»⁶, написанный по первоисточникам. В 1836 г. вышел на немецком языке первый том этого труда, на концепции которого сказывалось еще влияние просветительской идеологии. Чешская история показана в нем как результат взаимодействия германского и славянского начал. С 1848 г. он начал печататься на чешском языке. Чешское и немецкое издания не были идентичными. В чешском упор был сделан на моменты, важные для воспитания национального самосознания. Хронологически «История чешского народа» охватывала время начиная с древности до 1526 г., когда чешские земли вошли в состав монархии Габсбургов.

Мировоззрение Палацкого формировалось под воздействием философии Канта и Гегеля. Движущей силой исторического процесса он считал борьбу противоположностей. От немецкого философа-просветителя Гердера Палацкий воспринял романтические представления о характере древней культуры славян. Знакомство с работами Ф. Гизо и О. Тьерри способствовало более углубленной разработке многих проблем отечественной истории.

Опираясь на Зеленогорскую и Краледворскую рукописи — подделки, созданные во втором десятилетии XIX в., в подлинность которых Палацкий, однако, твердо верил, он изобразил древних чехов как народ, у которого и после возникновения княжеской власти сохранились внутренняя свобода, исконная демократия и мирные отношения с соседями. В дальнейшем, считал он, демократическое славянское начало было вытеснено сословным немецким

⁵ Archiv český čili staré písemné památky české a moravské, sebrané z archivů domácích i cizích. Praha, 1841—1872. D. 1—6.

⁶ Palacký F. Dějiny národu českého v Cechách a v Morávě. Praha, 1848—1876. D. 1—V.

Ф. Палацкий

или католическим, привнесенным в страну немцами. Из борьбы против сословного немецкого начала родилось движение за свободу — гусизм. Палацкий определил его как «вершину чешской истории».

Эпоху гусизма Палацкий поставил в центр периодизации чешской истории: древнее время — до гусизма; средние века — гусизм; новое время — послегуситский период порабощения чешского народа. Гусизм он рассматривал как проявление славянского демократического духа, чешской национальной идеи, как народное движение, в котором нашла выражение свобода мысли. В то же время Палацкий не смог понять социальную сущность гусизма, подчеркивая, особенно после 1848 г., лишь его национальную и религиозную стороны. Это проявилось в периодизации гуситского движения по крестовым походам против гуситов.

Для своего времени «История чешского народа» явилась крупным научным достижением. Она сыграла значительную роль в подъеме национального движения и развитии чешской исторической науки. В этом труде история чехов впервые была показана как непрерывно развивающийся процесс. В нем собран обширный фактический материал, без которого не может обойтись современный исследователь. Труды Палацкого способствовали утверждению в историческом сознании чешского народа имен Гуса и Жижки как национальных героев.

В то же время Палацкий старался показать, что исторический процесс раскрывается не в деятельности выдающихся личностей, а в деяниях народа. Его концепция получила широкое признание, так

как отвечала задачам политической борьбы чешской буржуазии. Ученый отстаивал свою точку зрения в борьбе с реакционной немецкой историографией, принижавшей значение гусизма.

Историческая мысль чешских радикальных демократов. Накануне революции 1848 г. в чешском национальном движении сформировалось радикально-демократическое течение. Его идеологи (Э. Арнольд, К. Сабина, Й. Фрич и др.) ратовали в первую очередь за социальные преобразования, выдвигая демократические лозунги. В обращении к историческому прошлому они видели возможность обосновать свои программные требования, разоблачить антинародную роль дворянства и нерешительную позицию либеральной буржуазии. В их работах наметилась тенденция осмыслить отечественную историю с демократических позиций.

На **Эмануэла Арнольда** (1800—1869) сильное влияние оказали идеи утопического социализма. Он рассматривал современную ему революционную борьбу как часть общего прогрессивного исторического развития, а политическую активность крестьянских масс — как необходимое условие победы революции. Книгу «Деяния гуситов, изложенные с особым вниманием к Яну Жижке»⁷ Арнольд написал под непосредственным воздействием революционных событий. Он ставил в пример современникам выступление гуситов, называя его революцией, целью которой было, по его мнению, установление социального равенства, национальной свободы и республиканского строя. Главную силу таборитов он видел в крестьянстве и ввел в чешскую историографию термин «крестьянская война».

Демократические идеи развивал **Йозеф Фрич** (1829—1890), один из организаторов Пражского восстания 1848 г. В связи с подъемом борьбы славянских народов за свои права в 60-е годы XIX в. он выступил в заграничных изданиях с серией статей о национально-освободительном движении в Австрийской империи. Это движение рассматривалось им как борьба поработанных Габсбургами народов за

демократию, за развитие национальной культуры и политическое самоопределение. Фрич подчеркивал значение революционных связей между народами для развертывания национально-освободительного движения. В 1867 г. в Париже он издал книгу «Богемия»⁸ о жизни чешского народа.

К радикально-демократическому течению принадлежал и **Карел Сабина** (1813—1877), чьи взгляды оформились под влиянием июльской революции 1830 г. во Франции и восстания 1830—1831 гг. в Польше. Творцом истории он признавал народ. Историческая наука, как и демократическая литература, писал Сабина, «должна пробуждать сознание людей, чтобы народ познал свои задачи и свою силу, чтобы он... не ошибся в средствах».

В 70-е годы Сабина выступил с циклом статей в защиту Парижской Коммуны.

Словацкая историография конца XVIII — первой трети XIX в. В обстановке социального и двойного национального гнета австрийских и венгерских правящих кругов, мадьяризации, с особой силой проводившейся с конца XVIII в., национальное движение словаков развивалось замедленными темпами. При неразвитости буржуазных отношений, отсутствии национального литературного языка ведущее место во взглядах словацких «будителей» и в первой трети XIX в. сохраняли просветительские идеи.

«Будители» пытались увязать просветительскую идеологию с борьбой за национальные права. При этом важное значение придавалось истории как средству пробуждения патриотических настроений и фактору формирования национального самосознания.

Романтизм в словацкой историографии. В 30-е годы XIX в. для патриотических кругов словацкой интеллигенции, усваивавших идеи романтизма, характерно стремление возвеличить славянские народы, доказать высокий уровень их развития, научно обосновать их исторические права на заселенные ими территории.

Выдающимся представителем романтического направления в словацкой историографии был деятель словацкого и чеш-

⁷Arnold E. Děje Husitů s zvláštním vzhledem na Jana Žižku. Praha, 1848.

⁸Frič I. V. La Bohemie. P., 1867.

ского национального возрождения **Павел Йозеф Шафарик** (1795—1861), близкий по своим взглядам к Палацкому. Работая с 1819 по 1833 г. в Нови Саде, он изучал рукописные памятники и печатные труды, хранившиеся в окрестных монастырях. Основываясь на трудах чешских просветителей и деятелей национального возрождения, русских и польских историков и филологов, Шафарик написал «Историю славянского языка и литературы на всех наречиях»⁹, которая отличалась широтой охвата материала, проанализированного с помощью сравнительно-исторического метода. Автор доказывал индоевропейское происхождение славян и их заметный вклад в мировую культуру.

В 1833 г. Шафарик переехал в Прагу, где написал двухтомный труд «Славянские древности»¹⁰. Для освещения проблем происхождения славян, их расселения и начального этапа их истории он привлек в основном свидетельства античных авторов, западноевропейских хронистов, русских летописцев и фольклорный материал. Проведя сравнительно-исторический анализ названий, бытующих у славянских народов, Шафарик пришел к выводу, что славяне являются исконными обитателями Европы. С I тысячелетия н. э. начинал он историю славян, обосновывая мысль о том, что славянские народы вместе со своими соседями явились творцами европейской культуры, показал их вклад в мировую цивилизацию.

Работа Шафарика была переведена на русский, польский и немецкий языки. Автора ее именовали «звездой первой величины в славяноведении». Своеобразным манифестом славянской взаимности стала книга Шафарика «Славянская этнография»¹¹. Многие из поставленных Шафариком вопросов, прежде всего проблемы славянского этногенеза, продолжают быть актуальными и поныне.

Чешская историческая наука в середине XIX в. Утверждение капиталистических отношений, упрочение в ходе промышленного переворота позиций чешской буржуазии в экономике, оживление национального движения способствовали интенсивному развитию историографии. Внутри нее существовали различные по политической направленности течения, что находило выражение в интерпретации событий прошлого и настоящего.

В 60-е годы в чешских землях сложились более благоприятные условия для развития исторической науки. Кроме уже существовавших Чешского национального музея и Матицы чешской, в Праге в 1866 г. был образован Исторический кружок. Эти учреждения вместе с архивами Праги и Брно являлись важными центрами исторической науки. Исторические работы публиковались в «Журнале Чешского музея» и «Журнале Матицы моравской» («Časopis Matice moravské»). Созданное в 50-е годы при Чешском национальном музее Археологическое общество выпускало специальный журнал «Археологические памятники» («Památky archeologické»).

Историческая концепция В. В. Томека. После революции 1848—1849 гг. национальное движение в Чехии было на время подавлено. Духовная жизнь оказалась под контролем католической церкви. В этих условиях против романтической концепции Палацкого выступил **Вацлав Владивой Томек** (1818—1905), представитель консервативного направления чешской историографии второй половины XIX в.

В начале своей научной деятельности Томек разделял большинство положений концепции Палацкого, но в 50-е годы перешел на сторону абсолютизма и реакции. С этого времени характер его взглядов стала определять апология династии Габсбургов и католической церкви.

Томек отказался от рассмотрения гуситского движения как освободительной борьбы чешского народа и одного из главных периодов его истории. В противовес принятой большинством чешских историков оценке, он считал поражение чешских сословий в 1620 г., установление австрийского господства, потерю национальной независимости положительными моментами. Проводившаяся Габсбургами

⁹ *Schaffarik P. I. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Offen, 1856 (Budín, 1826).*

¹⁰ *Sáfařik P. J. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837. D. 1—2.*

¹¹ *Sáfařik P. J. Slovanský národopis. Praha, 1842.*

контрреформация и германизация трактовались им как приобщение чехов к более высокой немецкой культуре.

Томек первым занялся изучением современного ему периода. Подготовленный им учебник по истории Австрийской монархии для гимназий в течение 30 лет считался лучшим и был переведен на немецкий, итальянский, венгерский и сербскохорватский языки. Несколько изданий выдержала его «История Чешского королевства»¹². В 1888 г. вышла работа Томека «Новейшая история Австрии»¹³, в которой освещались события с 1526 по 1860 г. Расположив события синхронно, автор создал общую картину развития различных народов многонациональной империи Габсбургов.

В конце XIX в. Томек стал активным участником полемики вокруг Краледворской и Зеленогорской рукописей, отстаивая их подлинность. Издательство Матицы чешской выпустило в 1855—1901 гг. его 13-томную «Историю города Праги»¹⁴. В ней Томек, подробно остановившись на системе земельного, церковного и городского управления, попытался отразить политические события, показать развитие ремесленного производства, торговли, социальной и культурной жизни.

Томек идеалистически трактовал исторический процесс. Для его работ характерны использование разнообразных источников, обширное их цитирование. Чрезмерная увлеченность источниками и доверие к ним, отсутствие обобщений вели Томека к фактографии и описательству.

Либеральное направление в 60—70-е годы. В условиях национального подъема 60-х годов XIX в. определяющим в развитии чешской исторической мысли стало либеральное направление. Представителем его был **Антонин Гиндели** (1829—1892). Палацкий видел в нем продолжателя сво-

его дела. Являясь директором Земского архива, Гиндели предпринял несколько крупных публикаций документов. Наиболее значительная из них — «Чешские сеймы»¹⁵. Гиндели был автором больших работ по средневековой истории Чехии, написанных с позиций лояльности по отношению к династии Габсбургов. Он использовал новые документальные материалы, извлеченные из чешских и других европейских архивов.

Широкую известность получила написанная Гиндели «История чешского восстания 1618 г.»¹⁶. Обширный материал, введенный им в этой работе в научный оборот, во многом не утратил своего значения до сих пор. Гиндели углубил разработку либеральной концепции чешского сословного движения, признал правомерность антигабсбургской борьбы в начале XVII в. В духе Палацкого он осудил отказ сословий опереться на народные массы, вооружить народ, пойти на уступки городам, указал на ошибочный курс руководителей восстания, его организационную слабость. Поражение на Белой горе Гиндели рассматривал как национальную трагедию чехов.

Первые работы социал-демократов. Во второй половине XIX в. появились первые работы чешских социал-демократов, затрагивавших историческую проблематику. С пропагандой марксистских взглядов выступил **Йозеф Болеслав Пецка** (1849—1897). В ряде статей он осветил историю рабочей печати в чешских землях после 1849 г. с революционно-пролетарских позиций, вскрыл классовую направленность буржуазной прессы.

Пецка настаивал на первостепенном значении социальных вопросов. Он писал о влиянии Парижской Коммуны на развитие международного рабочего движения, на процесс формирования революционных рабочих партий. Обращаясь к современности, он пытался интерпретировать события исходя из интересов пролетариата.

¹² *Toměk W. W. Děje království českého. Praha, 1850.*

¹³ *Toměk W. W. Novější dějepis Rakouský (od r. 1526 do r. 1860). Praha, 1888.*

¹⁴ *Toměk W. W. Dějepis města Prahy. Praha, 1855—1901. D. 1—13.*

¹⁵ *Sněmy české od léta 1526 až po naši dobu. Praha, 1877. D. 1 (1526—1545).*

¹⁶ *Gindeli A. Dějiny českého povstání léta 1618. Praha, 1870—1880. D. 1—4.*

Раздел

4

**Историческая наука
в начале XX века**

Введение

На рубеже XIX—XX вв. с наступлением эпохи империализма в развитии исторической науки отчетливо выступили две противоположные тенденции. С одной стороны, марксистская историческая мысль вышла на новую ступень с возникновением ленинизма, обогатившего применительно к условиям этой эпохи учение К. Маркса. С другой стороны, в западной историографии все больше проявлялись признаки методологического кризиса. Основные принципы методологии истории, характерные для нее во второй половине XIX в., прежде всего позитивизм, подверглись серьезной критике и коренному пересмотру. Причины такого пересмотра были двоякого рода. Одни проистекали из социально-политических, идеологических и психологических изменений в буржуазном обществе, другие коренились в области гносеологии и были вызваны к жизни прогрессом самой исторической науки.

Историки начали утрачивать тот социальный оптимизм, который был присущ родоначальникам позитивизма — О. Конту, Д. Миллю, Г. Спенсеру. Нарастание классово-политической борьбы, развитие социалистического движения, усиление межимпериалистических противоречий, бурный рост национализма и милитаризма — все это приводило к тому, что даже либеральными историками все чаще овладевало чувство тревоги.

Прежние представления о наступлении эпохи мира и социальной гармонии казались наивными и утопическими фантазиями.

Рубеж XIX—XX вв. был ознаменован коренным переворотом в естествознании, прежде всего в физике. Открытие первой элементарной частицы — электрона, установление зависимости его массы от скорости его движения, обнаружение радиоактивности и, наконец, создание выдающимся ученым Альбертом Эйнштейном теории относительности поколебали прежние представления об окружающем мире. Они разрушили старые механистические воззрения на живую природу. Но из того факта, что некоторые свойства материи, ранее рассматривавшиеся как абсолютные и неизменные, оказались присущи только определенным состояниям материи, многие ученые сделали однозначный вывод о том, что материя как таковая исчезает, а законы природы вообще являются простой условностью. Появление философии эмпириокритицизма наиболее наглядно отразило тенденцию отвергнуть существование объективной истины и свести окружающий мир к субъективным человеческим ощущениям, за пределами которых ничего существовать не может. Появление неевклидовой геометрии и теории множеств вызвало потрясение в математике, так как выяснилось, что основания даже этой самой точной науки не являются такими самоочевидными, как полагали ученые XIX в.

Кризис естествознания в начале XX в., глубоко проанализированный В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм», вызвал резонанс и в гуманитарных науках — психологии, социоло-

гии, истории. Он привлек всеобщее внимание к философско-теоретическим основам научного познания. Выявилась острая необходимость тщательной проверки основных понятий и методов науки, выяснения соотношения и специфики естественных и гуманитарных дисциплин.

Сыгравший положительную роль в подъеме исторической науки на новую ступень позитивизм к началу XX в. обнаружил явную ограниченность и односторонность. Раскрывая единство исторического процесса, классический позитивизм игнорировал его многообразие. Идея развития подавалась позитивистами в чрезвычайно упрощенном виде — как плавное и прямолинейное движение к некоторой изначально поставленной цели. Они настаивали на полной идентичности методов общественных и естественных наук, упуская из поля зрения специфику тех и других. Позитивизм всегда фиксировал лишь одну — объективную — сторону истории и оставлял без внимания другую, на которой и сконцентрировался интерес его субъективно-идеалистических противников.

К этому времени историческая наука значительно продвинулась вперед в расширении своей проблематики и совершенствовании техники исследования. Возникли новые исторические организации и общества, росло число исторических кафедр и научно-исследовательских центров. Появился ряд крупных коллективных работ по всемирной и национальной истории. Так, во Франции вышла «Всеобщая история» (в 12 т.), в Великобритании — «Кембриджская история нового времени» (в 12 т.), в США в 1904—1908 гг. была опубликована монументальная «История американской нации» (в 26 т.). Сформировалась и окрепла историография социально-экономической истории и проблем рабочего движения.

Активно развивалось экономическое направление в историографии США, наиболее ярко представленное работой Ч. Бирда «К экономическому объяснению конституции США» (1913). В 1910—1911 гг. в США было опубликовано десяти томное издание материалов по истории рабочего движения. Социально-экономические сюжеты изучали Э. Левассёр и

Ж. Вейль во Франции, М. Вебер и В. Зомбарт в Германии, Дж. Клэпем в Великобритании, Е. В. Тарле в России. В своих исследованиях они ввели в оборот ценный фактический материал, но осмысливали его с либеральных позиций, сглаживая классовые противоречия в истории или же подменяя эти противоречия борьбой групповых экономических интересов. Успехи в изучении истории и культуры азиатских, африканских и латиноамериканских народов серьезно подорвали влияние традиционного европоцентристского подхода. Заметный шаг вперед сделала историческая наука в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, Скандинавии, Латинской Америки. Хотя в этих странах она развивалась под влиянием историографии ведущих европейских государств, тем не менее и там начинали формироваться самобытные национальные исторические школы и росло число исследований отечественного прошлого.

Многие новые открытия в области конкретной истории не поддавались объяснению с позиций прежних обобщающих схем и понятий, более того, зачастую вступали с ними в противоречие. На смену глобальным обобщениям прошлой историографии, созданным на сравнительно скудной эмпирической базе, пришло бесчисленное множество узкоспециальных частных исследований. Они показали, как много неточного, приблизительного и просто неверного сохранилось в исторических построениях позитивизма. Углубление специализации исторического знания с новой силой поставило проблему воссоздания целостной картины мира.

Но из справедливого обвинения позитивизма в неспособности охватить всю многогранность и противоречивость истории некоторые критики сделали принципиально ошибочный вывод о неспособности на верные обобщения исторической науки в целом.

Характерные для западной исторической мысли начала XX в. сомнения в познавательных способностях исторической науки были далеко не новыми. Еще в середине XIX в. немецкий философ А. Шопенгауэр указывал на якобы несостоятельные претензии истории делать

широкие обобщения и выводить законы развития. Вслед за ним подверг критике веру в возможность точного познания реальной картины прошлого главный теоретик малогерманской школы И. Г. Дройзен. Сомнения в научном и объективном характере исторических знаний высказывали отдельные ученые других стран — Н. И. Кареев в России, Ж. Флакк во Франции, Ф. Мейтленд в Англии, Г. Адамс в США. Но до конца XIX в. такие выступления оставались единичными.

Развернутая атака против позитивистской методологии началась только в ходе методологической дискуссии в Германии вокруг позитивистских принципов К. Лампрехта. Именно эта дискуссия и послужила отправной точкой в формировании субъективистских теорий исторического познания, представлений об истории как науке об индивидуальном и неповторимом явлении. Почти одновременно с Германией начались методологические дискуссии в США и Франции. Все они были выражением общей методологической переориентации исторической науки, но ее проявления в каждой стране были различны и зависели как от конкретной социальной действительности, так и от традиций и особенностей развития национальных историографических направлений.

Из многих идеалистических течений, участвовавших в методологических дискуссиях начала XX в. (неогегельянство в Германии и Италии, интуитивизм французского философа А. Бергсона, феноменологическое учение немецкого философа Э. Гуссерля и др.), на теоретические принципы историографии самое большое влияние оказали тогда сложившиеся в Германии философия жизни В. Дильтея и учение неокантианства.

Именно в Германии методологический кризис проявился в наиболее чистом виде. Этому способствовала как четко выраженная конфронтация реакционного юнкерско-буржуазного блока и организованного в рядах самой массовой и мощной в Европе социал-демократической партии пролетариата, так и традиции немецкой буржуазной историографии: слабое влияние позитивизма, который всегда был заглушен в Германии открыто идеалистиче-

скими концепциями в исторической науке, имевшей давние и особо прочные связи с философским идеализмом. Поэтому в Германии наблюдалось наибольшее негативное отношение историков к социологии, которая, как писал в 1912 г. руководитель Немецкого социологического общества Ф. Тённис, «не принята в германских университетах даже как придаток философии»¹. В других ведущих капиталистических государствах положение социологии было более благоприятным. В Великобритании первая кафедра социологии была создана в Лондонском университете в 1907 г. Во Франции уже в 1896 г. в университете Бордо приступил к работе первый профессор «социальной науки», крупнейший социолог Э. Дюркгейм. В США, где в 1893 г. была открыта кафедра социологии, к 1901 г. 169 университетов и колледжей предлагали своим студентам курсы социологии.

Наступление немецких историков на позитивистскую методологию и на неправомерное, с их точки зрения, преувеличение роли социально-экономических факторов общественного развития опиралось на новейшие разновидности субъективно-идеалистической философии.

Большую роль сыграли в этом отношении выступления профессора философии Берлинского университета **Вильгельма Дильтея** (1833—1911), автора не только работ по проблемам теории познания в общественных науках, но и блестяще написанных исторических биографий Гарденберга, В. Гумбольдта, Гнейзенау, Лессинга, Гегеля, книг по истории гуманизма, Ренессанса, Реформации.

Свои взгляды Дильтея развивал в энергичной полемике против методологии англо-французского позитивизма, который, по его выражению, «уродует историческую действительность для того, чтобы подогнать ее к понятиям и методам, свойственным естественным наукам»². Обще-

¹ *Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Leipzig, 1932. S. XXVI.*

² *Dilthey W. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipzig, 1883. Bd. 1. S. XVI.* — Фрагмент работы Дильтея в русск. пер.: *Дильтея В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. М., 1987. С. 108—135.*

ственные науки Дильтей рассматривал прежде всего как науки о духе, исходя из той посылки, что они в отличие от естественных наук исследуют не предметные явления реальной действительности как таковой. Он утверждал, что общественные науки имеют дело с познанием принципов духовного мира, которое, следовательно, может осуществляться только в области явлений духовных, а не материальных.

Все теоретические построения Дильтея пронизывало глубокое противоречие. С одной стороны, он стремился разработать для общественных наук специфическую теоретико-познавательную основу и всю жизнь доказывал возможность объективного познания истории. С другой — его главный тезис, гласивший, что «природу мы объясняем, а духовную жизнь понимаем», справедливо указывал на одну из основных слабостей позитивизма — пренебрежение ролью субъекта исторического познания, но вел к неминемому заключению, что любое знание в истории является релятивным и субъективным. Не в силах разрешить это противоречие, Дильтей оставил незаконченным свой главный труд — «Введение в науки о духе», опубликовав в 1883 г. только первый том.

Дильтей настаивал на том, что можно обладать точным знанием только о человеческом мире, но не о мире природном, поскольку объект естествознания известен нам лишь опосредованно, как внешнее по отношению к нам явление. Поэтому его можно объяснить, но нельзя понять. В общественных же науках возможно подлинное познание, поскольку социальные факты не просто объяснимы, но и доступны человеческому пониманию. Следовательно, определяющим методом познания в науках о духе является непосредственное внутреннее переживание, которое и служит основой интуитивного понимания, т. е. расшифровки чужого внутреннего мира.

Теория понимания Дильтея была важна как первая попытка решить проблему постижения человеческим разумом скрытого внутреннего смысла социальной деятельности. Но, решая ее на идеалистической основе, Дильтей пришел к чистому субъективизму и даже иррационализму. Он писал, что «жизнь невозможно поставить

перед судом разума». В его теории познающий субъект и исследуемый объект истории оказывались неразделимо слитыми. Поэтому все прежние понятия о народном духе, нации, социальном организме, которыми оперировали буржуазные историки, Дильтей объявил мистическими категориями, непригодными для исторического познания. Для него история превращалась в процесс освобождения творящего ее человеческого духа от оков религии, натурализма и метафизики, в саморазвитие этого духа, которое выступает в форме определенных исторических феноменов, таких, как семья, общество, государство и право, искусство, религия и наука. Их можно понять, считал Дильтей, лишь потому, что они являются продуктами человеческой деятельности, т. е. созданиями активного человеческого духа.

Но это не означало приближения Дильтея к теории гегелевского абсолютного духа. Для Гегеля все явления истории были конкретными формами выражения этого прогрессивно развивающегося духа, которые можно понять и объяснить научно. Дильтей же повернул в сторону иррационализма, считая, что история — это непосредственное проявление жизни, которую можно познать только интуитивно, методом сопереживания, впечатления и воспоминания.

Наряду с Дильтеем настойчивыми поисками нового методологического обоснования специфики исторического познания занимались создатели баденской школы неокантианства **Вильгельм Виндельбанд** (1848—1915) и **Генрих Риккерт** (1863—1936), работы которых положили начало интенсивной деятельности неокантианцев в области теории общественного познания и его логических основ. Главные положения неокантианской концепции были изложены Виндельбандом во введении к его «Истории философии» (1889) и докладе в Страсбургском университете «История и естествознание» (1894).

Виндельбанд решительно возражал против свойственного позитивизму игнорирования специфики различных областей знания. Он предлагал исходить не из традиционного деления наук на естественные и гуманитарные по предмету их изучения, а из разработанной им классификации

наук по их методу. Он подчеркивал, что «опытные науки ищут в познании реально-го мира либо общее, в форме закона природы, либо единичное, в его исторически обусловленной форме... Одни из них суть науки о законах, другие — науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние — тому, что однажды было»³. Поэтому Виндельбанд делил все науки на две большие группы — номотетические науки (т. е. науки о законах развития, от греческого νόμος — закон) и науки идиографические (т. е. науки, описывающие единичное и неповторимое, от греческого ίδίος — своеобразный).

Более подробно развил такое деление Риккерт в книге «Границы естественно-научного образования понятий» (1902). Он не соглашался с мыслью о том, что естествознание имеет дело только с общим, а история — только с индивидуальным, подчеркивая, что «всякое научное мышление должно быть мышлением в общих понятиях». Риккерт разграничивал историю и естествознание постольку, поскольку для естествознания общие понятия представляют цель познания, а для истории — необходимое средство познания индивидуального. Естественнонаучное понятие предполагает выделение из множества индивидуальных явлений общего им всем; историческое же понятие, наоборот, выделяет из них то, чем эти индивидуальные явления друг от друга отличаются. Поэтому в принципе, как считал Риккерт, индивидуализирующий метод можно применять и в естественных науках, например, описывая индивидуальные особенности какого-либо явления природы и выделяя его из ряда однородных фактов. Генерализирующий же метод применим в таких гуманитарных науках, как социология, психология, лингвистика, где устанавливаются общность и типичность процессов.

Специфику исторического познания Риккерт видел в том, что оно не находит нечто среднее и общее ряду действительных явлений, а выделяет в них индивидуальное и особенное путем сопоставления с общезначимыми культурными ценностями

ми, которые он определял как «смысл, лежащий над всем бытием». Раскрыть смысл или ценность культурных явлений — задача философии истории, которая дает самой истории критерий для разграничения существенного и несущественного. Настаивая на том, что отнесение к ценности не является субъективным произволом, Риккерт, однако, так и не сумел убедительно обосновать критерии объективности предлагаемого им метода.

Во многом это объяснялось тем, что Риккерт отрицал характер социального развития как процесса объективного, естественного и закономерного и не мог найти в нем самом объективных критериев расчленения. Единственным выходом из тупика было признание каких-то трансцендентальных общих ценностей, априорных по отношению к реальному историческому процессу.

Работы неокантианцев были первой попыткой анализа логических основ гуманитарного познания и рельефно показали те сложности, с которыми связано применение теоретического метода в историческом исследовании. Но они не смогли решить эту проблему, как не сумели и опровергнуть диалектико-материалистическую теорию отражения, на что постоянно претендовали. Более того, ратуя в принципе за расширение познавательных возможностей исторической науки и ее прочное теоретико-методологическое основание, сам Риккерт смог сделать из своих построений лишь вывод о том, что историческое познание не в силах адекватно отразить реальную действительность. Тем самым он приблизился к принципиальному агностицизму, опровергнуть который намеревался вначале⁴. В конечном счете неокантианство оказалось в замкнутом круге, оно теоретически обосновало и надолго закрепило тот разрыв между историей и социологией, который уже существовал в Германии.

Преодолеть этот разрыв стремился крупнейший немецкий социолог, историк и экономист **Макс Вебер** (1864—1920),

⁴ Именно за такой агностицизм критиковал теорию Риккерта Г. В. Плеханов. См.: *Плеханов Г. В. О книге Риккерта // Избранные философские произведения. М., 1957. Т. 3.*

³ *Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904. С. 320.*

круг интересов которого был необычайно широк: он занимался историей мирового хозяйства, социальных и аграрных отношений в античности, проблемами права, религии, искусства, осуществил ряд значительных эмпирических социальных исследований, изучал проблему происхождения современного капитализма, много размышлял над вопросами логики и методологии социальных наук, соотношением этики, науки и политики, проблемами взаимосвязи религиозной этики и повседневной хозяйственной деятельности человека.

Вебера постоянно интересовали актуальные вопросы современной ему политической жизни. Он подвергал острой критике засилье реакционного юнкерства в Германии. Во время революции 1905 г. в России он за несколько недель выучил русский язык, чтобы по русской литературе и прессе составить собственное представление о происходящих событиях.

Самой характерной чертой методологического учения Вебера явилась разработанная им категория идеального типа, создаваемого на основе выделения элементов реальной действительности. В результате такой абстрагирующей операции возникла свободная от реальных противоречий мысленная конструкция. По своей сути идеальный тип Вебера представлял собой аналогию идеальной модели в естественных науках и должен был служить инструментом для познания исторической реальности, средством и масштабом ее измерения.

Вебер считал идеально-типическими конструкциями такие понятия, как экономический обмен, ремесло, капитализм, церковь, секта, христианство, город и городское хозяйство и т. п. Все они рассматривались Вебером как средства для изображения индивидуальных исторических феноменов, а сам идеальный тип — как чисто логическое, доведенное до предельно полного выражения средство познания, упорядочивание множества реальных явлений на основе выделения их существенных отдельных аспектов и соединение последних в единый мысленный образ.

При помощи идеального типа Вебер пытался разрешить сложную проблему социального познания: как можно соче-

тать индивидуальный и неповторимый характер исторических явлений с возможностью их научного познания, выраженного в обобщающих понятиях? Но он так и не довел до полного завершения исследование о принципах образования идеального типа. С одной стороны, Вебер подчеркивал утопический характер идеального типа, с другой — то, что идеальный тип извлекается из самой реальной действительности. Поэтому у него идеальный тип означает то чисто мысленную конструкцию, то понятие, обобщающее эмпирическую действительность. Во многом это было связано с тем, что для Вебера история и социология тесно переплетались друг с другом, а идеальные типы являлись методологическим средством познания как той, так и другой науки.

В отличие от неокантианцев Вебер видел задачу истории в том, чтобы установить причинные связи между индивидуальными историческими явлениями, а социологии — в том, чтобы установить общие правила (законы) событий независимо от места и времени их свершения. В историческом познании его идеальный тип выступал поэтому как обобщающий реальности, а в социологическом — как чистый идеальный тип, которого в действительности нет и быть не может. Вебер вполне резонно считал, что абстрактные модели и категории нельзя смешивать с реальностью, нельзя живые общества подгонять в качестве видового экземпляра под какую-нибудь общую схему.

Поскольку идеальный тип понимался Вебером как созданный в зависимости от направления интересов исследователя, отсюда вытекало, что на одном и том же материале можно сконструировать самые разнообразные идеальные типы. Вместо фактической взаимосвязи явлений Вебер выдвигал на первый план мысленную взаимосвязь проблем в человеческом сознании. Поэтому абсолютно все теоретические понятия, в том числе и марксистские категории, были в его представлении лишь действенным теоретическим инструментом познания, а не категориями, непосредственно отражающими реальное содержание и сущность исторического явления. Но если бы они не были упрощенным отображением некоторых черт или

явлений реального мира, то просто не могли бы выполнять признаваемые за ними Вебером функции инструментов анализа.

В своих получивших мировую известность работах по социологии религии — «Протестантская этика и дух капитализма» (1904—1905) и «Хозяйственная этика мировых религий» (1916—1918) — Вебер рассмотрел такой аспект проблемы генезиса капитализма, как влияние на этот процесс протестантской религии и соответствующей ей этики поведения и экономической деятельности. Исходя из мысли (которую в свое время высказывал и К. Маркс) о том, что между кальвинизмом и становлением капитализма существует определенная связь, Вебер пришел к выводу, что протестантская религия воплотила самую суть новой цивилизации — дух капитализма. Вебер не считал протестантизм ни единственной, ни даже просто достаточной причиной возникновения капитализма, но подчеркивал, что это был элемент, без которого историческое развитие в Европе могло бы не привести к такому результату. В тех или иных формах капитализм, как утверждал Вебер, существовал в любую историческую эпоху и во всех регионах Земли. Но только протестантская этика пробудила к жизни европейский рациональный капитализм, базирующийся на частной собственности на средства производства и формально свободной наемной рабочей силе.

Современный ему капитализм Вебер рассматривал в духе социального дарвинизма — как царство жестокой и неумолимой экономической и социальной борьбы внутри каждой отдельной нации и на международной арене. Отсюда он еще в конце XIX в. сделал вывод о неизбежном в недалеком будущем столкновении между крупнейшими мировыми державами за обладание экономически и стратегически важными для них территориями, видя в этом вечный и неустрашимый закон истории.

Отмечая постоянно возрастающее значение науки и техники, механизацию и бюрократизацию человеческого общества, Вебер приходил к пессимистическому выводу о том, что дело идет к созданию «дома рабства», обитатели которого потеряют все способности и возможности

противостоять давлению государственной машины и превратятся в манипулируемых сверху марионеток. Уловив бесчеловечную тенденцию развития капитализма, Вебер не видел выхода из этого положения и при социализме, который рассматривал как в принципе вполне осуществимый общественный строй. Однако Вебер истолковывал социализм как государственный капитализм и писал, что «любое рационально-социалистическое единое хозяйство сохранило бы экспроприацию (т. е. отделение от средств производства.— А. П.) всех рабочих и только дополнило бы ее экспроприацией частных собственников»⁵. Глубокая противоречивость и научной концепции, и личности самого Вебера отражала тот духовный перелом, который охватил западный мир.

Вслед за Германией резкой критике позитивистская методология подверглась в Италии. В начале XX в. позитивизм в итальянской историографии уступал ведущие позиции неогегельянству, видным представителем которого был историк и философ **Бенедетто Кроче** (1866—1952). В отличие от представителей неокантианства Кроче настаивал на познавательных возможностях исторической науки. Но при этом он утверждал, что исторические источники сами по себе ничего не значат вне человеческой мысли, которая есть единственная реальность. Главной движущей силой истории Кроче считал взаимодействие и борьбу идей. Марксизм Кроче отождествлял с вульгарным экономизмом. Он трактовал исторический процесс как непрерывное эволюционное движение, как саморазвитие мирового духа, который реализует себя через деятельность людей.

В Великобритании, Франции, США и России продолжала в целом господствовать позитивистская историография, влияние которой было поколеблено, но оставалось определяющим.

⁵ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1925. I Hlb. S. 79.— Русск. пер. произведений Вебера: *Вебер М.* Город. Пг., 1923; *Вебер М.* История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг., 1923; *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990.

Попытки румынского историка А. Д. Ксенопола пропагандировать во Франции идеи специфичности исторического познания, во многом близкие неокантианским⁶, были отвергнуты большинством французских историков. В противовес Ксенополу крупный историк-экономист Ф. Симиан настаивал на том, что история является социальной наукой, которая в состоянии раскрывать структурные взаимосвязи явлений с помощью точных объясняющих теорий⁷.

Критика позитивистских концепций получила во Франции иную направленность, нежели в Германии. Во Франции усилились тенденции к обновлению позитивистской методологии с позиций широкого обобщения или «исторического синтеза», наиболее радикальным сторонником которого выступал А. Берр. В теоретической работе «Синтез в истории» (1911) Берр резко критиковал как позитивистский плоский эмпиризм, так и неокантианский субъективизм. Главной задачей историографии он считал синтез на базе тесного взаимодействия философии истории, социологии и самой исторической науки. Последнюю Берр рассматривал как науку о причинных и закономерных связях, доступных познанию и объяснению. Однако на первое место среди различных типов причинных связей Берр ставил «внутреннюю причинность», т. е. мотивы человеческих действий, что роднило его с Вебером и увело в сферу индивидуальной психологии. Прежнее позитивистское понимание закономерности и причинности было переосмыслено Берром в плане усиления субъективно-иррационалистического момента, поскольку основу исторического процесса он искал в действии человеческой воли, свободы и принципа случайности.

Если во Франции позитивизм подвергся пересмотру с позиции «исторического синтеза», то в Великобритании, где среди историков продолжал господствовать самодовольный эмпиризм, его серьезным соперником выступило неогегельянство во

главе с Ф. Г. Брэдли, а в США — субъективно-идеалистическая философия прагматизма, представленная Ч. Пирсом, У. Джеймсом, Д. Дьюи. В России позитивизм еще сохранял относительно прогрессивное значение и оставался платформой большинства буржуазных историков. Признаки его кризиса проявились здесь позднее, чем на Западе, и стали заметны лишь после революции 1905—1907 гг. Эволюция в направлении неокантианства и субъективного идеализма произошла только у отдельных ученых, преимущественно античников и медиевистов — А. С. Лаппо-Данилевского, Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского. Позитивистская методология продолжала в целом господствовать в историографии стран Восточной Европы и государств Латинской Америки, хотя и там проявилось некоторое усиление субъективно-идеалистических и иррационалистских тенденций, выраженных пока довольно слабо.

Под влиянием критики позитивистская методология в начале XX в. претерпела определенные изменения. Положение позитивистской историографии было поколеблено не только внешне, но и внутренне; она была вынуждена начать пересмотр некоторых своих общих принципов. Отвергая обвинения в материализме, позитивистские историки выдвигали на первый план плюралистическую интерпретацию истории и все чаще подчеркивали важность и ценность психологического объяснения исторического процесса.

В целом позитивистская историография и в начале XX в. удерживалась на более научных позициях, чем ее субъективно-идеалистическая критика. Она исходила из признания объективности исторического знания, существования законов исторического развития, возможности обобщающих исторических работ и концепций. По-прежнему позитивистских ученых привлекала проблема существования определяющих движущих сил в истории. Позитивисты справедливо указывали своим оппонентам на деструктивный в основном характер их критики, на важность исследования социально-экономических аспектов истории, на необходимость новых позитивных обобщений исторического процесса.

⁶ *Xénopol A. Les Principes fondamentaux de l'Histoire. P., 1899.*

⁷ *Simiand F. Méthode historique et science sociale//Revue de synthèse historique. 1903. T. 6.*

Подчеркивание научного характера истории привлекало к позитивистскому направлению внимание и симпатии многих видных представителей немарксистской исторической науки и социологии. Не случайно, М. Вебер в своих работах по социально-экономической истории пытался синтезировать элементы неокантианства, позитивизма и материалистического понимания истории. Такой синтез представлялся многим ученым наиболее плодотворным и свидетельствовал о начале перерастания классического позитивизма Конта, Спенсера и Милля в позитивизм XX в.

Большую роль в международных методологических дискуссиях начала XX в. играли два новых журнала. С 1900 г. в Париже А. Берр приступил к изданию «Обзора исторического синтеза» («Revue de synth  s historique»), посвященного, главным образом теоретическим проблемам исторической науки. В журнале Берра публиковались не только его единомышленники в области методологии истории — Ф. Симиан, П. Лакомб, К. Лампрехт, но и противники — А. Д. Ксенопол, Б. Кроче, Г. Риккерт. Еще ранее, в 1893 г., в Вене стал выходить «Журнал социально-экономической истории» («Zeitschrift f  r Social — und Wirtschaftsgeschichte»), издание которого в 1903 г. под новым названием («Ежеквартальник социально-экономической истории») было перенесено в Германию. Основателями журнала являлись австрийские социал-демократы Л. М. Гартман, С. Бауэр, К. Грюнберг, а с 1903 г. им руководил архиконсервативный пангерманский историк Г. фон Белов, что, однако, не снизило ценности публикуемых в нем эмпирических исследований по проблемам социально-экономической истории. До первой мировой войны журнал имел международный характер, в его редакционный совет входили бельгийский историк-позитивист А. Пиренн и русский профессор, переехавший в начале века в Оксфорд, П. Г. Виноградов, а статьи печатались на немецком, английском, французском и итальянском языках в соответствии с национальностью их авторов.

На профессиональную историческую науку методологические дискуссии начала XX в. непосредственного влияния почти не оказали. Практика исторических исследо-

ваний изменялась гораздо медленнее, чем их теория. В ней продолжали господствовать традиционные описательно-позитивистские методы, на основе которых освещалась не только политико-дипломатическая, но и социальная сторона исторического процесса. Дальше других в практическом осуществлении синтезирующего рассмотрения всех аспектов истории продвинулись тогда А. Пиренн (Бельгия) и Л. Февр (Франция).

В мировой историографии начала XX в. становилось все более заметным размежевание между различными идейно-политическими направлениями. Наблюдалось явное усиление антидемократических и экспансионистских тенденций, опиравшихся на псевдонаучные концепции геополитики, расизма и социального дарвинизма. Наиболее откровенно выступала с такими идеями пангерманская историография, поставившая задачу планомерной и целенаправленной подготовки народа к войне за мировую гегемонию Германии. Усиленно пропагандировало «божественное предначертание латинской нации» движение националистов в Италии. Американские историки экспансионистского направления громкогласно провозглашали исконные политические права англосаксонской расы распространить мирно или силой свои «принципы свободы и демократии» на весь земной шар.

Мелкобуржуазным слоям наступление империализма несло разорение, питало в них чувство неуверенности, усиливало их склонность к политическим колебаниям. Но в этих слоях развивались и антимонаполистические тенденции. В сфере историографии возникло пестрое и разноликое мелкобуржуазно-демократическое направление, которое, располагаясь слева от либерально-буржуазного реформизма, в ряде пунктов смыкалось с ним. Критикуя засыле монополий и реакционные тенденции, представители мелкобуржуазно-демократической историографии испытывали подчас определенное влияние марксизма, но, не понимая до конца классовой природы и сущности империализма, обычно считали его чисто политическим явлением, которое можно ликвидировать без изменения социально-экономических основ капиталистического строя.

Наиболее ярким примером мелкобуржуазной критики империализма была книга британского экономиста Д. Гобсона «Империализм» (1902), в которой автор, по характеристике В. И. Ленина, «...дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма»⁸.

В международном рабочем и социалистическом движении в большинстве развитых стран оформилась историография, пытавшаяся соединить новейшие реформистские концепции с марксизмом, прежде всего выделением социально-экономических аспектов как одного из наиболее важных факторов общественного развития. Наиболее значительными представителями социал-реформистской историографии являлись Э. Бернштейн в Германии, Р. Гильфердинг в Австро-Венгрии, Ж. Жорес во Франции, супруги Д. и Б. Хэммонд в Великобритании, М. Хилквит

в США. В их сочинениях, посвященных главным образом проблемам истории организованного рабочего движения и социализма, содержался богатый и ценный фактический материал. Однако труды их были пропитаны апологией реформизма и верой в возможность примирения между пролетариатом и буржуазией.

Наиболее выдающимися марксистскими исследователями проблем истории в начале XX в. обычно были не профессиональные историки, а политические деятели и идеологи социалистического движения — Ф. Меринг в Германии, П. Лафарг во Франции, Д. Конноли в Ирландии, Ю. Мархлевский в Польше. Несмотря на известные упрощения и некоторую схематизацию исторического процесса, склонность к прямолинейно экономическому объяснению многих надстроечных явлений и недооценке субъективного фактора истории, произведения марксистских исследователей представляли собой значительное достижение исторической науки начала XX в.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 309.

Глава 1

Проблемы новой истории в трудах В. И. Ленина

Бурный подъем классовых битв в 1848 г. и Парижская Коммуна 1871 г. как бы исчерпали на время силы французского пролетариата. В последней четверти XIX в. ведущая роль в международном рабочем движении перешла к рабочему классу Германии. Но уже в конце 70-х годов, когда в России назревала революционная ситуация, К. Маркс, тщательно изучавший состояние российского общества, пришел к выводу: «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции»¹.

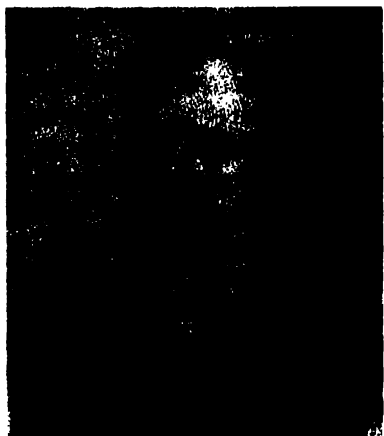
Революционная деятельность В. И. Ленина началась в условиях, когда Россия быстро, хотя и с запозданием по сравнению

с более передовыми странами, продвигалась по пути капиталистического развития. На арену общественной жизни вышел пролетариат. Сохранение в стране пережитков крепостничества усугубляло остроту классовых противоречий и порождало особенно жестокие формы эксплуатации. Ленин отмечал (пользуясь относящимся к аналогичной ситуации выражением Маркса), что в России трудящиеся классы страдали «...и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»².

Перерастание российского капитализма в империализм ускорило революционизирование трудящихся масс страны. Они испытывали гнет как отечественного, так

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 230.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 601.

В. И. Ленин

и проникавшего в экономику России иностранного капитала. В то же время царизм выступал как эксплуататор и душитель не только русского, но и других народов, входивших в состав Российской империи. В 1905 г. в России началась буржуазно-демократическая революция.

Теоретическая мысль Ленина развивалась прежде всего на почве российской действительности, но в тесном взаимодействии с опытом международного освободительного движения. Ленину было глубоко свойственно творческое, свободное от догматизма отношение к марксистскому учению, которое он существенно обогатил. В частности это касалось марксистской концепции исторического процесса.

Распространение идей утопического социализма, деятельность революционных демократов — Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского — подготовили почву для восприятия в России идей марксизма. Ленин позднее писал: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»³. Россия, по словам Ленина, обладала таким богатством интернациональных связей, такой

превосходной осведомленностью о всемирных формах и теориях революционного движения, как ни одна страна в мире.

Принципы ленинской теории познания и развитие материалистического понимания истории. Деятельность В. И. Ленина развертывалась в эпоху, во многом отличную от той, когда марксистское учение создавалось его основоположниками. Перед Лениным вставали такие проблемы, которые не могли существовать во времена Маркса и Энгельса; требовалось глубокое обоснование марксистской позиции по коренным мировоззренческим вопросам в борьбе с новыми идейными противниками. Последнее относилось, в частности, к области философии.

Ленин отмечал, что Маркс и Энгельс в свое время не сталкивались с необходимостью специально разъяснять и защищать основы, «азбучные истины» материалистической философии, так как вступили на философское поприще тогда, когда и в среде передовой интеллигенции, и в рабочих массах уже господствовал материализм. Поэтому их главное внимание было обращено «...не на повторение старого... а на серьезное теоретическое *развитие* материализма, на применение его к истории, т. е. на *доистраивание* здания материалистической философии *доверху*»⁴. Для самого Ленина в начале XX в. первоочередной философской задачей стала именно защита основополагающих принципов диалектического, марксистского материализма от усилившегося натиска на материалистическую теорию познания со стороны идеалистической философии. Этой задаче отвечал ленинский труд «Материализм и эмпириокритицизм».

В центре философской полемики Ленина с идеализмом и агностицизмом Маха, Авенариуса и их российских сторонников стояли вопросы об объективной реальности внешнего мира, ее отражении в человеческом сознании и ее познаваемости. Ленин рассматривал ощущения, восприятия, представления как «образы» существующей независимо от человека действительности, истинность которых проверяется

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 8.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 255—256.

практикой, и настаивал на том, что человеческое знание о мире содержит в себе объективную истину, хотя может лишь бесконечно приближаться к ее абсолютному, полному выражению (абсолютная истина складывается из бесконечного множества относительных истин).

«Быть материалистом,— разъяснял Ленин,— значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину»⁵. Он подверг резкой критике защищаемый российскими махистами релятивистский подход к вопросу об истине, состоявший в доведении принципа относительности знания до полного отрицания как абсолютной истины, так и «...какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание». Обосновывая в противовес релятивизму диалектико-материалистическую постановку данной проблемы, Ленин отмечал, что диалектика «...включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму». Иначе говоря: «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней»⁶.

Ленин подчеркивал, что все эти философские принципы находят свое выражение и в историческом материализме, относятся также и к познанию общественных явлений: «Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отра-

жение»⁷. Рассматривая применение материализма к истории как главное направление развития Марксом и Энгельсом материалистической философии, Ленин в свою очередь значительно обогатил и продвинул вперед марксистскую мысль в сфере теории исторического процесса.

Одной из коренных проблем материалистического понимания истории является проблема детерминизма, т. е. объективных закономерностей, присущих развитию общества. Уже в самом начале революционной деятельности Ленина эта проблема встала перед ним в ходе идейной борьбы вокруг судеб капитализма в России против народничества, с одной стороны, «легального марксизма» — с другой.

Народники, утверждая, что в России нет почвы для капитализма, усматривали в выводах Маркса о развитии капиталистических отношений как исторически закономерном явлении фаталистический подход к истории и оспаривали их с субъективистских позиций. «Легальные марксисты» критиковали их точку зрения, доказывая, что развитие капитализма в России уже началось и отвечает исторической необходимости, но при этом игнорировали свойственные самому капитализму противоречия и борьбу классов и абсолютизировали его прогрессивность. Ленин показал, что обе эти позиции имели в основе неправомерное отождествление детерминизма в марксистском понимании с историческим фатализмом, но в полемике с тем и другим идейным противником выдвинул на первый план различные стороны проблемы.

В противовес субъективистским взглядам народников, настаивавших на том, что историю делают «живые личности», Ленин сделал упор на обусловленности людских деяний отношениями, характеризующими определенный тип организации общества — общественно-экономическую формацию. Он подчеркнул, что открытый Марксом подход к историческому развитию как закономерному процессу смены различных формаций позволил по-новому понять и человеческую деятельность в истории, преодолеть субъективист-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 134—135.

⁶ Там же. С. 139, 138.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 346.

ское представление о ней как о совокупности чисто индивидуальных действий: «...действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразны и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой,— одним словом, к действиям *классов*, борьба которых определяла развитие общества»⁸.

Ленинская критика «легальных марксистов», которые в противоположность народникам объявляли себя приверженцами марксистского принципа детерминизма, сосредоточена на другом, а именно на узком, одностороннем истолковании ими этого принципа, взятого в отрыве от диалектики классовых взаимоотношений. Полемизируя с представителем «легального марксизма» П. Б. Струве, Ленин подчеркнул, что тот возражает народникам на языке «объективиста, а не марксиста (материалиста)», и указал на принципиальное методологическое отличие объективистского подхода от марксистского: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов». Отсюда Ленин сделал два важных взаимосвязанных вывода:

во-первых, о том, что марксист «...последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм», поскольку не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, «...какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость»;

во-вторых, о том, что марксистский подход — именно потому, что он в полной мере учитывает объективно существующие общественные противоречия — «...включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁹.

Позднее Ленин в специальной работе о Марксе и марксизме («Карл Маркс») именно с открытием объективных закономерностей истории связал качественный скачок в развитии исторического познания. «Домарксовская «социология» и историография, — писал он, — в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил». Установив, что объективные условия производства материальной жизни являются основой всей исторической деятельности людей, Маркс тем самым объяснил, «...чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ». Все это и означало, что найден

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 430.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418—419.

«...путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»¹⁰.

Последовательно отстаивая открытое Марксом понимание объективных закономерностей исторического процесса, Ленин одновременно внес существенный вклад в марксистское обоснование роли в истории явлений, относящихся к сфере субъективного фактора, — идеологической борьбы, деятельности политических партий, различного рода массовых действий и т. д. «Марксизм — подчеркивал он, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹¹. Игнорирование «...действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов», Ленин расценивал как принижение материалистического понимания истории и уподоблял позиции тех философов, которые, говоря словами Маркса, «...только истолковывали мир различным образом... а дело в том, чтобы *изменять* этот мир»¹².

Ленин постоянно имел в виду, что посколькү действие объективных закономерностей в истории опосредуется взаимоотношениями классов, партий и других общественных сил, оно может в зависимости от расстановки этих сил принимать различные формы, приводить к неодинаковым результатам. Например, революционная ситуация (совокупность определенных изменений в обществе, носящих объективный характер, т. е. не зависящих

от воли классов, групп или партий) не всегда приводит к революции: революция возникает лишь в том случае, если к таким объективным переменам «...присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое некогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»¹³. В ходе буржуазных революций возможны (в соответствии с интересами различных классов, участвующих в них) разные пути решения их объективно-исторических задач, разные линии развития, и какая из этих линий возобладает — решается борьбой. Отвечающий объективной необходимости буржуазный аграрный переворот может осуществиться путем реформы, с опорой на постепенно обуржуазивающееся помещичье хозяйство, или же путем революции, с опорой на крестьянское хозяйство, превращающееся в фермерское (путь прусского и путь американского типа), и т. д.

Такой подход позволял Ленину чутко улавливать свойственные отдельным странам особенности исторического развития, которым он придавал важное значение и с точки зрения революционной политики. Настаивая на том, что теорию Маркса не следует рассматривать как «нечто законченное и неприкосновенное», что она «...положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни», Ленин подчеркивал: «...эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»¹⁴.

Внимательное отношение к национальной специфике было неотъемлемой составной частью ленинского понимания историзма. Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса Ленин считал постановку его в «*определенные*

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 57—58.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 23.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 31.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 219.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

исторические рамки», а если речь идет об одной стране — учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи¹⁵.

Подойти к какому-либо явлению исторически для Ленина означало не просто объяснить, как оно возникло в своем существующем на данный момент виде, но и раскрыть тенденцию его будущего развития. Излагая взгляды Маркса на нацию и государство, он отметил, что эти вопросы (как и другие) были поставлены в марксистском учении на «...историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»¹⁶.

Неоднократно затрагивал Ленин вопросы периодизации истории — применительно к историческому процессу в целом, к истории марксизма, истории рабочего движения, освободительного движения в России и т. д. Он считал необходимым различать большие исторические эпохи в развитии человеческого общества в зависимости от того, «...какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»¹⁷.

В истории нового времени Ленин разграничивал два этапа. Он признавал исходным рубежом новой эпохи в истории человечества Великую французскую революцию. Период от начала этой революции до Парижской Коммуны 1871 г. Ленин называл временем «подъема буржуазии, ее полной победы» и характеризовал как эпоху «...буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности...», эпоху «...быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»¹⁸. Вслед за ним Ленин выделил новый, «...вполне законченный

исторический период, именно: от Парижской Коммуны до первой Социалистической Советской Республики...»¹⁹.

В. И. Ленин о буржуазных революциях. Среди проблем истории нового времени особое внимание В. И. Ленина привлекали буржуазные революции. Анализ их исторического опыта стал в начале XX в. актуальной политической задачей в связи с революцией 1905—1907 гг. в России — первой народной революцией в условиях империализма.

Обращаясь к истории буржуазных революций на Западе, Ленин подчеркивал, что и в этих революциях, происходивших при иной, чем в России, расстановке классовых сил, наибольший успех достигался там, где в них активно участвовали народные массы. «Именно... союз городского «плебса»... с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века»²⁰, — отмечал он, ссылаясь на исторический опыт всех европейских стран в подтверждение того, что «...в эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков...»²¹.

Из всех прошлых буржуазных революций Ленин особо выделял Великую французскую революцию, видя в ней образец радикального, доведенного до решительного конца революционного переустройства. Это — постоянная, устойчивая основа ленинского подхода к истории Французской революции, хотя на разных этапах революционного движения в России в нем в связи с конкретными задачами момента можно проследить определенную динамику в оттенках.

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 263—264.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 75.

¹⁷ Там же. С. 142.

¹⁸ Там же. С. 143.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 16—17.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 89.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 283.

В период первой российской революции Ленин добивался, чтобы пролетариат, завоевав в ней гегемонию, превратил ее в революцию «типа 1789 года», которая «по-якобински» разделяется с царизмом. Такой революции он противопоставлял революцию «типа 1848 года» — половинчатую, непоследовательную, незавершенную, наподобие революции 1848—1849 гг. в Германии.

Сопоставляя эти два пути развития буржуазной революции, Ленин писал: «В чем коренная разница между обоими путями? В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществленный Францией в 1789 году, Германией в 1848 году, в первом случае был доведен до конца, а во втором — нет; — в первом случае дошел до республики и полной свободы, а во втором остановился, не сломив монархии и реакции; — во втором случае прошел под руководством, главным образом, либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс, в первом случае проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию; — во втором случае быстро привел к «успокоению» страны, т. е. к подавлению революционного народа и к торжеству «урядника и вахмистра», в первом доставил на известный период господство революционному народу, раздавившему сопротивление «урядников и вахмистров»²².

Эта характеристика направлена на развенчание политической линии российской либеральной буржуазии, стремившейся к тому, чтобы свести революционный взрыв 1905 г. к революции «типа 1848 года». Конкретно же Ленин в данном случае полемизировал с известным историком П. Г. Виноградовым, выступившим в либеральной печати с предостережениями насчет гибельности для России французского пути, которому он откровенно предпочитал немецкий.

В 1905 г., когда Ленин считал важнейшей задачей максимально широкое

развертывание борьбы за полный демократический переворот, опыт Французской революции интересовал его по преимуществу в целом, без вычленения отдельных этапов. В 1917 г. положение изменилось. Хотя Февральская революция решила лишь часть общедемократических задач (завоевание республики и свободы), не затронув сферы аграрных отношений, Ленин нацелил стратегию партии уже не на завершение демократической революции по схеме 1905 г., а на переход к социалистической революции. В связи с этим в своих экскурсах в историю Французской революции он стал особо выделять якобинский этап, озаглавленный наиболее активными попытками городского предпролетариата и крестьянской бедноты направить ход событий в соответствии с собственными чаяниями.

Об опыте якобинства вспоминали в то время и буржуазные идеологи, отождествляя его лишь с террором и недвусмысленно отвергая как нечто такое, чему не должно быть места в русской революции. В полемике с одним из них (не названным по имени кадетским историком) В. И. Ленин писал летом 1917 г.: «Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики»²³. В другой статье того же времени Ленин отмечал, что якобинцы 1793 г. «...были представителями самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты» и вошли в историю «...великим образцом действительно революционной борьбы с *классом эксплуататоров* со стороны взявшего *всю* государственную власть в свои руки *класса трудящихся и угнетенных*»²⁴.

Когда в преддверии социалистической революции в России В. И. Ленин акцентировал в деятельности якобинцев черты диктатуры эксплуатируемого класса, то, несомненно, в определенной степени перео-

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 226—227.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 374.

²⁴ Там же. С. 307.

смысливал образ реального исторического якобинства. Но он подходил к истории Французской революции не как ученый академического склада, а как политик, для которого ее наследие оставалось живым, действенным уроком. В 1917 г., как и в 1905 г., он призывал учиться у якобинцев прежде всего последовательно революционной тактике.

Отмечая мощный размах и глубину Французской революции конца XVIII в. и ее значение для буржуазного переустройства всей Европы²⁵, Ленин в то же время неоднократно указывал именно на Францию как на страну, где общедемократические задачи были в полном объеме решены не одной, а целой серией буржуазных революций. Каждую такую революцию он рассматривал как «...одну из „волн“, ... которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций»²⁶. В определенном смысле Ленин даже считал, что этот цикл завершается Парижской Коммуной 1871 г., поскольку лишь она закрепила завоевание во Франции республики: «...Франция пришла к концу „общедемократических“ натисков не после 1789—1793, а после 1871 (т. е. после 1830, 1848 и 1871)...»²⁷

Во всем цикле буржуазных революций во Франции вехой, следующей по важности за революцией конца XVIII в., была для Ленина революция 1848 г. Отмечая, что по своим объективным задачам это была «буржуазно-демократическая революция»²⁸, он, однако, обратил внимание на проявившиеся в 1848 г. (пусть еще в незрелой, во многом иллюзорной форме) социалистические устремления французского пролетариата. Уроки, извлекаемые Лениным из опыта революции 1848 г. во Франции, в решающей мере определялись тем, что в ней рабочие Парижа впервые предприняли попытку свергнуть власть буржуазии и было «опробовано» поведение в по-

добной ситуации различных классов общества.

В статье «О двух линиях революции» (1915), настаивая в полемике с Плехановым на том, что восходящая или нисходящая линия революции зависит не от правильности «стратегических понятий» участвующих в ней политических партий, а от соотношения классовых сил, Ленин писал: «В 1848 г. дело шло о свержении буржуазии пролетариатом. Последнему не удалось привлечь к себе мелкой буржуазии, и ее измена вызвала поражение революции. Восходящая линия была в 1789 г. формой революции, в которой масса народа победила абсолютизм. Нисходящая линия 1848 г. была формой революции, когда измена пролетариату со стороны массы мелкой буржуазии вызвала поражение революции»²⁹. Но особенно часто Ленин обращался к опыту революции 1848 г. во Франции летом 1917 г., анализируя на ее примере, как перед лицом социалистического пролетариата превращается в контрреволюционную силу либеральная буржуазия, выдвигающая деятелей типа Кавеньяка, какова при этом роль политических колебаний мелкобуржуазных масс и идей классового сотрудничества в духе Луи Блана, откуда и при какой расстановке классовых сил возникает опасность бонапартизма и т. д.³⁰

Ленин не раз подчеркивал, что опыт буржуазных революций на Западе многообразен, что его нельзя схематизировать, а тем более искать в нем готовые ответы на вопросы, поставленные российской действительностью XX в. В первой российской революции он стремился выявить прежде всего новые черты, отличавшие ее от буржуазных революций прошлого. Однако, как явствует из вышеизложенного, он признавал непреходящее значение многих уроков этих революций не только в условиях буржуазно-демократической, но и накануне социалистической революции в России. Сравнительный анализ продемонстрированных странами Запада раз-

²⁵ См. в особенности более позднюю ее оценку: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 367.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 247.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 224.

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 12.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 77.

³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 311, 343—345.

личных типов буржуазных революций и линий их развития, их успехов и поражений служил Ленину необходимым материалом для разработки стратегии, мобилизующей революционную энергию российского пролетариата на борьбу и за общедемократические, и за социалистические цели.

В. И. Ленин о Парижской Коммуне 1871 г. Выделяя уже в истории буржуазных революций плебейскую, предпролетарскую струю как предвестье социальных революций пролетариата, направленных против буржуазии, Ленин с тем большим вниманием относился к историческому опыту первой из них — Парижской Коммуны 1871 г.

Ленинские работы о Коммуне основаны на изучении самых различных источников (документы I Интернационала, письма Маркса к Л. Кугельману) и специальной исторической литературы. Об этом свидетельствует, например, «План чтения о Коммуне»³¹, являвшийся планом доклада, прочитанного Лениным 5(18) марта 1905 г. в Женеве для русской колонии политических эмигрантов (сам доклад до сих пор не найден). Из него видно, что Ленин опирался на анализ Коммуны в произведениях Маркса и Энгельса, использовал написанные Марксом воззвания Генерального Совета I Интернационала о франко-прусской войне, «Историю Коммуны» П. О. Лиссагаре, новую в то время работу Ж. Вейля «История социального движения во Франции (1852—1902)» и другие материалы.

Отсчитывая от Коммуны начало нового периода истории, В. И. Ленин, как уже упоминалось, не сбрасывал со счета и то, что делало ее завершением (для Франции) полосы «общедемократических натисков». К демократическим аспектам Коммуны он проявлял особое внимание в связи с обоснованием стратегической линии большевиков в революции 1905—1907 гг. (гегемония пролетариата как условие доведения до конца буржуазно-демократической революции и ее последующего перераста-

ния в социалистическую)³². Однако главным в Коммуне для Ленина все же было заложенное в ней новое, отличное от всех предшествующих революций историческое содержание, выразившееся наиболее отчетливо в том, что она впервые попыталась сломать систему политического господства буржуазии и продемонстрировала рождающуюся из опыта массового движения конкретную форму пролетарской государственности.

Наиболее значительным из всего, что написано Лениным о Коммуне, является специально посвященный ее государственному строительству раздел в теоретическом труде «Государство и революция», создававшемся в канун Октября 1917 г. Основные мероприятия Коммуны в социально-экономической области, позиции представленных в ней течений (прудонистов и бланкистов), причины ее поражения охарактеризованы в двух более ранних ленинских статьях — «Уроки Коммуны» (1908) и «Памяти Коммуны» (1911).

Дававшиеся Лениным в различном идейно-политическом контексте оценки Коммуны были по-разному акцентированы, но всегда точно соотнесены с реальными условиями ее возникновения и деятельности, определявшими своеобразие, а во многом и слабости этой ранней пролетарской революции. Он обратил внимание, в частности, на то, что «Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял»³³, отметил роль в революции 18 марта национальных чувств, обостренных поражением Франции в войне: «Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи — общенациональную и классовую: освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач — оригинальнейшая чер-

³² Так, например, в написанной при участии Ленина и им отредактированной статье «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры» (Пролетарий. 1905. 17 (4) июля) подчеркивалось, что непосредственной целью Коммуны не являлся полный социалистический переворот и реально она осуществляла социальные преобразования прежде всего демократического, а не социалистического характера.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 217.

³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 328—330.

та Коммуны». С этой ее чертой Ленин в определенной мере связывал и своиственные коммунарам иллюзии, допущенные ими ошибки — то, что в смысле приступа к «экспроприации экспроприаторов» они действовали слишком робко и неуверенно, не осуществив возможных в то время шагов (например, не овладев Французским банком), а также «излишнее великодушие пролетариата», который «...презрел значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже... медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе»³⁴.

Поражение Коммуны Ленин объяснил как незрелостью материальных предпосылок социалистического переустройства во Франции того времени, так и соответствующим уровнем развития самого рабочего класса, который не имел партии, профсоюзов и других организаций и «...в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления»³⁵. Даже главное деяние Коммуны — создание первой исторической формы пролетарского государства — было, как отметил позднее Ленин, совершенно как бы ошущью, «...без сознания того, что делали». В этой же связи Ленин указал и на другую важную черту Коммуны: те, кто творил ее, не отдавая себе отчета в ее историческом смысле, «...творили гениальным чутьем проснувшихся масс...»³⁶. И именно потому, что Коммуна была взлетом революционного творчества рабочих масс в еще невиданном деле — осуществлении первых шагов к их собственному освобождению, Ленин при всех ее ошибках расценивал ее как величайший образец величайшего пролетарского движения XIX в.³⁷

В. И. Ленин об истории марксизма и социалистического движения. Одно из важнейших направлений идейной борьбы

в российской и международной социал-демократии в начале XX в. было связано с вопросом о том, подтвердил ли ход исторического развития основные выводы К. Маркса и в какой мере они применимы в новых условиях. Принимая в этой борьбе активное участие, В. И. Ленин в обосновании своей позиции постоянно обращался к истории марксизма и социалистического движения.

Истории марксизма Ленин посвятил ряд работ, начиная со статьи «Фридрих Энгельс», написанной в 1895 г. в связи со смертью Энгельса. Наиболее важными из этих работ являются статьи «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Три источника и три составных части марксизма» и «Карл Маркс» (первые две опубликованы в партийной печати к 30-летию со дня смерти Маркса, а последняя написана в 1914 г. для энциклопедического словаря Гранат).

Защищая марксизм от нападок откровенно враждебных ему буржуазных идеологов, видевших в нем «нечто вроде „вредной секты“», Ленин подчеркивал: «...в марксизме нет ничего похожего на «сектантство», в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

...Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»³⁸.

Но, ставя вопрос о месте марксизма в истории человеческой мысли, Ленин не ограничивался указанием на преемственную связь учения Маркса с ее важнейшими предшествующими достижениями, а рассматривал возникновение марксизма как качественный скачок в ее развитии. В об-

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 451, 452—453.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 219.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 50.

³⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 453.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40, 43.

ласти философии Ленин видел новизну сделанного Марксом в том, что он воспринял и развил революционную сторону учения Гегеля — диалектику, соединив ее с последовательным, распространенным также и на познание человеческого общества философским материализмом. Маркс, таким образом, придал материализму диалектический характер и выступил создателем исторического материализма, явившегося, по оценке Ленина, величайшим завоеванием научной мысли³⁹. В области политической экономии Маркс, продолжая начатую А. Смитом и Д. Рикардо разработку трудовой теории стоимости, пришел к открытию прибавочной стоимости; учение о ней «...есть краеугольный камень экономической теории Маркса»⁴⁰. Наконец, Маркс не только исследовал производственные отношения буржуазного общества, но выявил в нем самую сильную, способную стать творцом нового общества, осуществив тем самым переход от утопии к науке в области теории социализма: «Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества»⁴¹.

Вся статья «Исторические судьбы учения Карла Маркса» построена как ответ на вопрос: «Подтвердил ли ход событий во всем мире это учение после того, как оно было изложено Марксом?» Под таким углом зрения Ленин выделил в истории после возникновения марксизма три периода: «1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции»⁴².

Первый из них Ленин обрисовал как насыщенный борьбой марксизма с различными течениями утопического социализма, которым в начале этого периода принадлежало преобладающее влияние. Но их позиции подорвала уже революция 1848 г., которая, показав во всех странах в действии разные классы общества, выявила несостоятельность учений «...о не-

классовом социализме и о неклассовой политике...». Этот урок был закреплен Парижской Коммуной и повсеместным утверждением в европейских странах классовых отношений сложившегося буржуазного общества. «К концу первого периода (1848—1871), периода бурь и революций, домарксовский социализм умирает, — констатировал Ленин. — Рождаются самостоятельные пролетарские партии: первый Интернационал (1864—1872) и германская социал-демократия»⁴³.

Второй период, по оценке Ленина, «...отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос». По сравнению с периодом до 1871 г. качественно изменился уровень развития социалистического движения и роль в нем марксизма: «Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — идет *вширь*. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам». Но в условиях, когда Запад вступил в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований, в социалистическом движении возникло течение, сводящее его деятельность всецело к борьбе за реформы, которому Ленин дал жесткую, полемически заостренную характеристику: «Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв»⁴⁴.

В качестве наглядного опровержения подобных взглядов Ленин ссылался на события, которыми ознаменовался начавшийся с 1905 г. новый период: «...Открыл-

³⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 44.

⁴⁰ Там же. С. 45.

⁴¹ Там же. С. 1.

⁴² Там же.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 2.

⁴⁴ Там же. С. 2, 3.

ся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе». Ленин отметил, что революции в странах Азии не только означали вовлечение многомиллионного населения этого континента «в борьбу за те же европейские идеалы», но и заново подтвердили ряд уроков европейских революций (1848 г.— И. Г.), показав «...ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии». Он указал и на происходящую активизацию рабочего движения и назревание политического кризиса в Европе, где так называемый «социальный мир» «...больше всего похож на бочку с порохом». Все это дало Ленину основание даже при незавершенности развернувшихся после 1905 г. исторических процессов констатировать: «„Мирный“ период 1872—1904 годов отошел бесповоротно в вечность»⁴⁵.

В итоге Ленин пришел к выводу, что каждый из периодов всемирной истории после возникновения марксизма приносил ему «...новые подтверждения», и высказал уверенность в успехах, ожидающих марксизм как учение пролетариата в будущем⁴⁶.

Историю марксизма В. И. Ленин (как явствует из вышеизложенного) рассматривал в тесной связи с историей рабочего и социалистического движения. Уже приведенные характеристики различных периодов исторического развития после возникновения марксизма содержат важные в этом отношении наблюдения и выводы.

Подход Ленина к истории рабочего движения, к оценке его организаций, течений, деятелей никогда не был бесстрастно-созерцательным. Это подход революционного политика, находящегося в гуще борьбы и стремящегося в максимальной степени содействовать (также и с помощью

уроков прошлого) мобилизации сил рабочего класса на решение стоящих перед ним грандиозных задач. Иные суждения, высказанные Лениным в ходе текущей политической полемики по проблемам современного ему рабочего движения, в свете позднейшего исторического опыта выглядят как преувеличенно резкие или упрощенные. Это относится не только ко многим личностным характеристикам, но и к объяснению таких, например, явлений, как социал-демократический оппортунизм, его идейные и социальные корни. Но Ленину принадлежат и глубокие оценки крупных этапов в истории освободительного движения рабочего класса, являющиеся результатом всестороннего осмысления процесса его развития и обогащающие собственно историческое знание о нем.

Так, именно Ленин раскрыл сложную диалектику идейных взаимоотношений марксизма и различных течений домарксова социализма в I Интернационале, показав, что победа над ними была достигнута благодаря принципиальной и в то же время чуждой всякому сектантству линии Маркса: «Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, ласальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах». Причины прекращения деятельности I Интернационала Ленин видел в том, что он «...кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств»⁴⁷.

Такие партии послужили основой для новой международной социалистической организации — II Интернационала, в деятельности которого В. И. Ленин принимал

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 3, 4.

⁴⁶ См. там же. С. 3, 4.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 49, 50.

активное участие. По всем актуальным вопросам, встававшим перед II Интернационалом, Ленин неизменно отстаивал революционную точку зрения против реформистской, стремясь сплотить вокруг большевиков левые элементы международной социал-демократии.

Однако до первой мировой войны Ленин при всей резкости своей полемики с правым крылом II Интернационала отнюдь не рассматривал его как организацию, где безраздельно господствует оппортунизм. Наоборот, он отмечал («Марксизм и ревизионизм». 1908), что при своем основании эта организация «...сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма», что результатом борьбы с ревизионизмом стало «...плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма...»⁴⁸, что выступающему как интернациональное явление ревизионизму в различных странах противостоят течения левой ориентации.

С началом мировой войны, когда II Интернационал предал забвению свои прежние антимилитаристские резолюции и большинство принадлежавших к нему партий стало поддерживать политику классового сотрудничества во имя «защиты отечества», Ленин квалифицировал происшедшее как крах II Интернационала, его переход на позиции социал-шовинизма. Он предельно заострил критику социал-шовинизма, указывая на связь этого явления с предвоенным оппортунизмом, подчеркивая, что и то и другое — «...не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи». Тем не менее и в этих условиях максимального накала идейной борьбы Ленин не игнорировал той положительной роли, какую сыграл II Интернационал в истории международного рабочего движения, признавая, что он «...выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого ка-

питалистического прогресса последней трети XIX и начала XX века»⁴⁹.

Освещая основные проблемы истории международного рабочего движения, деятельность международных пролетарских организаций, В. И. Ленин внимательно следил за развитием рабочего и социалистического движения в отдельных странах. Ленин подчеркивал, что рабочее и социалистическое движение не может развиваться равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Он указывал, что своеобразии исторических условий в каждой из них неизбежно накладывает отпечаток и обуславливает различные формы рабочего и социалистического движения.

Высоко оценивая деятельность германской социал-демократической партии в 70—80-е годы XIX в., после поражения Парижской Коммуны, Ленин, однако, отмечал, что германская социал-демократия, отстаивавшая революционную точку зрения в марксизме, постепенно начала склоняться к оппортунизму. Особенно явно это стало проявляться с начала XX в. Ленин отмечал, что дух филистерства стал разлагать германскую социал-демократию⁵⁰.

Большое внимание Ленин уделял проблемам рабочего и социалистического движения в Англии и Соединенных Штатах Америки. Характеризуя положение в английском рабочем движении, он отмечал, что в нем «... до сих пор (до 1913 г. — И. Г.) большинство квалифицированных, обученных фабрично-заводских рабочих — либералы и полулибералы. Это — результат исключительно выгодного, монопольного положения Англии во второй половине прошлого века»⁵¹.

Наличие в Англии и США политической свободы, при отсутствии всякой или по крайней мере сколько-нибудь живой революционной и социалистической традиции у пролетариата, привело к тому, что обострение классовых противоречий выразилось прежде всего в подъеме экономической борьбы. В. И. Ленин настойчиво напоминал мысль Ф. Энгельса о том, что

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 253, 42.

⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 20. С. 11.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 291.

⁴⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 18, 20.

социалисты обязаны терпеливо работать в гуще пролетарских масс. Он отмечал, что английские и американские социалисты «...делают ошибку, поступая по-сектантски, не умея примкнуть к бессознательному, но могучему классовому инстинкту тред-юнионов, превращая марксизм в «догму», тогда как он должен быть «руководством к действию»⁵².

Отмечая особенности развития рабочего движения в США, Ленин указывал на умелое использование американской буржуазией национальной пестроты рабочего класса для его раскола, на особенно жестокую эксплуатацию иммигрантов и негров.

Уделяя пристальное внимание развитию рабочего и социалистического движения в романских странах, особенно во Франции и Италии, Ленин отмечал распространение в них идей анархо-синдикализма, которые являлись отражением взглядов и настроений пролетаризированных мелкобуржуазных элементов — тех слоев рабочего класса, которые формировались из разоряемых капитализмом ремесленников, кустарей, мелких крестьян. Другой причиной распространения анархизма была также ненависть к оппортунизму и реформизму в социалистических партиях⁵³. Противопоставляя политической борьбе во всех ее формах так называемую тактику «прямого действия» — саботаж, бойкот, стачку — анархо-синдикалисты толкали пролетариат на ложный путь.

Ленинская теория империализма. Важнейшей научной заслугой В. И. Ленина было предпринятое в годы первой мировой войны всестороннее исследование империализма как особой, новой стадии в развитии капиталистической общественно-экономической формации. Результаты этого исследования изложены в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» (она готовилась Лениным для легального издания и потому посвящена преимущественно экономическому анализу империализма) и в дополняющих ее работах, опубликованных в заграничной большевистской печати («Империализм и раскол соци-

ализма» и др.), где без цензурных помех сформулированы политические выводы из ленинской теории империализма.

Для характеристики творческой лаборатории Ленина исключительный интерес представляют его подготовительные материалы к этим трудам, собранные в «Тетрадах по империализму»⁵⁴. Общий объем их составляет около 50 печатных листов. Они содержат выписки из 148 книг (в том числе 106 немецких, 23 французских, 17 английских и 2 в русском переводе) и из 232 статей (из них 206 немецких, 13 французских, 13 английских), помещенных в 49 различных периодических изданиях (34 немецких, 7 французских и 8 английских). Многие страницы «Тетрадей по империализму» заполнены перечнем различных источников. Так, в первой ленинской тетради библиография занимает 12 страниц.

Использованные Лениным материалы относились к самым различным областям и содержали данные об истории, экономике, технике, политике, дипломатии, разделе колоний, национально-освободительном движении, рабочем движении и т. д. В процессе работы Ленин составил две синхронистические таблицы, включив в них основные события всемирной истории с начала 70-х годов XIX в. до первой мировой войны. В первой из них рассмотрены колониальные захваты и войны с 1873 по 1914 г.⁵⁵ Эта таблица содержит сведения по трем географическим комплексам: 1) Америка и Западная Европа, 2) Восточная Европа (Австро-Венгрия, Балканы, Россия), 3) остальные страны (главным образом азиатские и африканские). Вторая таблица, названная Лениным «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года»⁵⁶, составлена им по материалам книги немецкого историка Г. Эгелгафа «История новейшего времени от Франкфуртского мира до современности» (1913) и различных других публикаций. В ней выделены следующие разделы: войны, дипломатия, колониальная политика,

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 239.

⁵³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 201.

⁵⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28.

⁵⁵ См. там же. С. 489—494.

⁵⁶ См. там же. С. 670—687.

экономическая политика, рабочее движение и социалистические партии, революционное движение (непролетарские партии), национальное движение и национальный вопрос, демократические реформы, социальные реформы. Все это свидетельствует об огромной масштабности, широте исследовательского замысла Ленина.

Ленин определил империализм как особую историческую стадию капитализма, коренная экономическая черта, *суть* которой заключается в смене свободной конкуренции монополией⁵⁷. Последнюю треть XIX в. он рассматривал как переходный к империализму период, начало же собственно империалистической эпохи датировал рубежом XIX—XX вв.: «Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1900—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900 года — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»⁵⁸.

По ходу анализа основных экономических особенностей империализма Ленин имел в виду показать их «связь и взаимоотношение»⁵⁹. Итоги этого анализа он обобщил в характеристике империализма, включающей пять основных признаков: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»⁶⁰.

Оценивая историческое место империализма, Ленин пришел к выводу, что он за-

кономерно вырастает из капитализма свободной конкуренции (а не представляет собой, как полагали мелкобуржуазные критики империализма типа Дж. Гобсона, некое патологическое отклонение от «свободного» капитализма как нормы) и создает вполне зрелые объективные предпосылки социалистического переустройства, так как «...монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу»⁶¹. В этих условиях в империалистических странах встает в порядок дня «...революционная борьба пролетариата за низвержение капиталистических правительств, за экспроприацию буржуазии. Империализм толкает массы к такой борьбе, обостряя в громадных размерах классовые противоречия, ухудшая положение масс и в экономическом отношении — тресты, дороговизна — и в политическом: рост милитаризма, учащение войн, усиление реакции, упрочение и расширение национального гнета и колониального грабежа»⁶². Иначе говоря, Ленин рассматривал империализм как канун социалистической революции.

Формулируя основные признаки империализма в том виде, как он сложился к началу XX в., Ленин опирался на совокупность наиболее существенных фактов, типичных для империализма в целом, независимо от того, какому «национальному» монополистическому капитализму они принадлежали. Но он подчеркивал обязательность для марксиста конкретного изучения явлений империализма в различных странах, хотя экономическая и социальная сущность этих явлений всюду была одинакова. Ленин выявил особенности развития монополистического капитализма в Англии, Франции, Германии. Выделяя наиболее характерное в каждом «национальном» империализме, он, в частности, назвал английский империализм колониальным, а французский — ростовщическим⁶³.

Ленин дал анализ и оценку различных существовавших в то время истолкований

⁵⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 163.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 164.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 310.

⁶⁰ Там же. С. 386—387.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 420—421.

⁶² Там же. С. 252.

⁶³ См. там же. С. 362.

империализма. Он отметил, что среди буржуазных ученых и публицистов циничные, откровенные апологеты империализма встречаются реже, нежели те, кто выступает «...защитниками империализма... в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности...»⁶⁴. На примере «антиимпериалистов» (противников экспансионизма и войны 1898 г.) в США Ленин охарактеризовал коренную слабость мелкобуржуазной критики империализма: «...пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь империализма с трестами и, следовательно, основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась „невинным пожеланием“»⁶⁵.

Особенно резкой критике Ленин подверг взгляды на империализм К. Каутского, расценив его позицию в этом вопросе как полный разрыв с марксизмом. Каутский понимал под империализмом не определенную фазу в развитии капитализма, а экспансионистскую политику финансового капитала и полагал, что с чисто экономической точки зрения можно себе представить переход в будущем от империализма к «ультраимпериализму», т. е. к прекращению военных конфликтов в условиях эксплуатации всего мира одним гигантским трестом. Ленин был готов допустить, что такой единый трест, абстрактно говоря, мыслим, но считал «чисто экономическую точку зрения» в данном случае совершенно неприемлемой и несостоятельной. «Не подлежит сомнению,— писал он,— что развитие идет в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях,— отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр.,— что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультра-

империалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»⁶⁶.

Ленинское учение о войнах. Предпринятый Лениным экономический анализ империализма имел основополагающее значение для исследования корней первой мировой войны и научной оценки ее характера. Сам В. И. Ленин в предисловии к немецкому и французскому изданиям своей книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1920) отметил, что в этой книге доказан империалистический, захватнический характер войны 1914—1918 гг. для обеих сторон. «Ибо,— пояснял он,— доказательство того, каков истинный социальный, или вернее: истинный классовый характер войны содержится, разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе *объективного* положения командующих *классов* во *всех* воюющих державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо взять не примеры и не отдельные данные... а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и всего мира»⁶⁷.

В. И. Ленин делил войны на несправедливые, например, захватнические, и справедливые — прогрессивные. «Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело»,— писал Ленин. Но вместе с тем он отмечал: «В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы... неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)». В частности, Ленин отстаивал «...законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих про-

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 407.

⁶⁵ Там же. С. 409.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 98.

⁶⁷ Там же. С. 304.

тив буржуазии» и напоминал, что марксисты в принципе исходят из необходимости «...исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности»⁶⁸.

Ленин напоминал, что Маркс и Энгельс всегда рассматривали каждую войну «...как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри их — в данное время»⁶⁹. С этим критерием он подходил к оценке основного исторического содержания той или иной войны и соответственно — ее прогрессивности или реакционности.

Так, Ленин отмечал, что в эпоху восходящего развития капитализма (от Великой французской революции до Парижской Коммуны) «...одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета. Поэтому то были прогрессивные войны...». Напротив, единственное действительное содержание начавшейся в 1914 г. мировой войны есть продолжение политики «...империалистической, *то есть* ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии...»⁷⁰.

Поэтому проповедь оппортунистами «защиты отечества» в такой войне есть измена делу пролетариата, тогда как подлинным его интересам отвечает лишь превращение империалистической войны в гражданскую войну против «своей» буржуазии.

Ленин отверг утверждение Каутского, будто мировая война не носит «чисто» империалистического характера, поскольку крах царизма будет способствовать национальному освобождению угнетенных народов Австро-Венгрии и Турции. Он считал недопустимым выводить оценку ведущейся в данный момент данными господствующими классами войны, «...которая ни одной нации не освобождает, а при всяком исходе многие нации поработает...», из

гипотетических рассуждений о будущем. «Национальный элемент в теперешней войне,— подчеркивал он,— представлен *только* войной Сербии против Австрии...»⁷¹ Но по этой «примеси» нельзя судить о характере войны в целом, вытекающем из отношений главных ее участников: «Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает... изолированное, т. е. одностороннее и уродливо искаженное, рассмотрение предмета. Национальный момент сербско-австрийской войны *никакого* серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь». Подобным же образом в войнах периода Французской революции «...был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это несколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы»⁷².

Но, выступая за оценку каждой конкретной войны по ее основному содержанию и за строгий учет специфики соответствующей исторической эпохи, Ленин не считал, что при империализме возможны лишь империалистические (несправедливые, грабительские) внешние войны. Критикуя ошибочные взгляды на этот счет Р. Люксембург, он подчеркивал, что в эпоху империализма «не только вероятны, но *неизбежны*...»⁷³ национальные войны против империализма со стороны народов колоний и полуколоний. Такие войны Ленин рассматривал как продолжение национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, которое возникает в ответ на проистекающее из господства финансового капитала повсеместное усиление национального гнета.

В. И. Ленин о национально-колониальном вопросе и национальных движениях в условиях империализма. Положение колониальных и зависимых стран занимает важное место в ленинской характеристике процессов и явлений, связанных с переходом капитализма в империалистическую стадию.

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 311.

⁶⁹ Там же. С. 224.

⁷⁰ Там же. С. 312, 226.

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 240.

⁷² Там же. С. 241, 312.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 6.

В. И. Ленин отмечал, что эксплуатация горсткой «великих» держав угнетенных наций и особенно эксплуатация колоний «...все больше превращает «цивилизованный» мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов»⁷⁴. Он усматривал глубокую связь между империалистическим господством над колониями и оппортунистическими тенденциями в рабочем движении стран-метрополий, проявившимися, например, при обсуждении колониального вопроса на Штутгартском конгрессе II Интернационала. Начавшиеся после российского 1905 года революции в странах Азии Ленин, как уже упоминалось выше, считал одним из важнейших признаков смены «мирного» периода 1872—1904 гг. периодом новых социальных бурь. При остроте национальных противоречий в Российской империи он придавал огромное значение выработке РСДРП четкой, последовательно революционной позиции в национальном вопросе. Все это обусловило пристальное внимание Ленина к данному кругу проблем накануне и в годы первой мировой войны.

Выступив в 1914 г. в связи с происходившей в партии дискуссией по национальному вопросу со статьей «О праве наций на самоопределение», Ленин дал в ней не только политическое, но и историческое обоснование этого программного марксистского требования. «...Если — писал он, — мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чужденациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства»⁷⁵.

Возникновение национальных движений в прошлом Ленин связывал с процессом становления капиталистической формации, с развитием товарного производства, для полной победы которого «...необходимо завоевание внутреннего рынка

буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе». Поэтому «...для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — *типичным*, нормальным для капиталистического периода является... национальное государство». Но если для стран этого региона эпоха национальных движений к 70-м годам XX в. заканчивается, то страны Восточной Европы и Азии лишь в начале XX в. вступают в нее: «Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий *нашей* эпохи нашего «востока». И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения *целого ряда* буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств»⁷⁶.

В дальнейшем Ленин ввел при анализе национального вопроса в разных регионах дополнительное разграничение между Восточной Европой (Австро-Венгрия, Балканы, Россия), где «...именно XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу», и колониями и полуколониями, где «...буржуазно-демократические движения частью едва начинаются, частью далеко не закончены»⁷⁷.

Во время войны Ленин стал рассматривать национально-колониальный вопрос во все более тесной связи с перспективой социалистической революции. Он подверг острой критике так называемый «империалистический экономизм» — направление, представители которого отрицали применительно к условиям империализма возможность и необходимость борьбы за демократические требования вообще и за самоопределение наций в частности. «Было бы коренной ошибкой думать, — подчеркивал Ленин, — что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, за-

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258, 259, 269.

⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 260, 261.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 165.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 259.

тенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию»⁷⁸.

В полемике с «империалистическим экономизмом» Ленин настаивал на исключительной важности борьбы за полную свободу национального самоопределения в условиях России, превращенной царизмом в «тюрьму народов»: «Пролетариат России не может ни идти во главе народа на победоносную демократическую революцию (это его ближайшая задача), ни бороться вместе со своими братьями-пролетариями Европы за социалистическую революцию, не требуя уже сейчас полностью и «rückhaltlos» (безоговорочно.— И. Г.) свободы отделения всех угнетенных царизмом наций от России. Мы требуем этого не независимо от нашей революционной борьбы за социализм, а потому, что эта последняя борьба останется пустым словом, если не связать ее воедино с революционной постановкой всех демократических вопросов, в том числе и национального»⁷⁹. Такая позиция, доказывал Ленин применительно и к России, и к другим странам, вовсе не означает требования отделения во что бы то ни стало и исходит не из стремления к хозяйственному и политическому разобщению наций. «Если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и *всех* без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что *мы за отделение* их, а *только* потому, что *мы за свободное, добровольное* сближение и слияние, а не за насильственное. *Только* поэтому!»⁸⁰ В таком сближении наций «на истинно демократической, истинно интернационалистской базе»⁸¹ кровно заинтересован и сам социалистический пролетариат, «...ибо иначе социализм в Европе будет *н е п р о - ч е н*»⁸².

Основной вывод Ленина по национально-колониальному вопросу состоял в том, что империализм, втягивая колонии и зависимые страны в развитие капиталистических отношений, тем самым активизирует в них буржуазно-демократическое по содержанию национальное движение, но это движение в силу своей антиимпериалистической направленности становится союзником пролетариата в его борьбе за социализм. Ленин пришел к заключению: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»⁸³.

Развитие Лениным теории социалистической революции. Проблемы социалистической революции стояли в центре теоретической деятельности В. И. Ленина в условиях мировой войны, которая приближала революционный взрыв и с которой он считал возможным покончить лишь путем революционного свержения буржуазного строя. Принципиально новые выводы Ленина относительно перспектив социалистической революции основывались на анализе и учете связанных с переходом к империализму сдвигов в ходе всемирной истории.

Только что приведенный вывод о том, что социальная революция пролетариата будет длительным, в масштабе целой эпохи, процессом с участием различных отрядов трудящихся и угнетенных масс, логически вытекал из обоснованного Лениным понимания империализма как системы господства финансового капитала ведущих стран над всем земным шаром, увековечивающей и порождающей заново многообразные формы гнета, зависимости, порабощения. К этому выводу Ленин возвращался неоднократно, настаивал на нем, критикуя доктринерство тех, кто ждет «чистой» социалистической революции. «Социалистическая революция не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых кон-

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 253.

⁷⁹ Там же. С. 67—68.

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 120.

⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 68.

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 120.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 112.

фликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т. е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии»⁸⁴, — писал он. И снова о том же в другой работе: «...думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так значит *отрекаться от социальной революции*».

Социалистическую революцию в Европе Ленин представлял себе как взрыв массовой борьбы всех угнетенных и недовольных, которые неизбежно будут вносить в революцию свои представления, свои слабости и ошибки. «Но *объективно*, — подчеркивал он, — они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне нераздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприровать ненавистные всем... тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков»⁸⁵.

С представлением о том, что пролетарские революции займут целую историческую эпоху и вовлекут в русло борьбы против господства империалистической буржуазии самые различные потоки массовых движений, связана и мысль Ленина о многообразии их форм и путей развития. «Даже тресты, даже банки в современном империализме, будучи одинаково неизбежны при развитом капитализме, неодинаковы в их конкретном виде в разных странах, — писал он. — Тем более неодинаковы, несмотря на их однородность в основном, политические формы в передовых империалистических странах — Америке, Англии, Франции, Германии. Та-

кое же разнообразие проявится и на том пути, который проделает человечество от нынешнего империализма к социалистической революции завтрашнего дня. Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того»⁸⁶.

Отметив обострившуюся в условиях империализма неравномерность экономического и политического развития отдельных стран, Ленин сделал еще один важный вывод: «...социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»⁸⁷. Победу социалистической революции «...первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁸⁸ Ленин рассматривал как отправной пункт глобального по масштабу, протяженного во времени и заполняющего целую эпоху революционного процесса.

В этих прогнозах Ленин не имел в виду какую-либо определенную страну. Но ею стала в 1917 г. Россия, где революция началась как буржуазно-демократическая и на протяжении нескольких месяцев переросла в социалистическую. В ходе революции вступили в действие, как и предвидел Ленин, различные массовые силы и движения; руководимая им «партия соединила в один могучий поток пролетарскую борьбу за социализм, крестьянскую борьбу за землю, национально-освободительную борьбу угнетенных народов России, общенародное движение против империалистической вой-

⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 122—123.

⁸⁷ Там же. С. 133.

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 253.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 55.

ны, за мир и направила его на свержение буржуазного строя»⁸⁹.

Выдвигая уже с весны 1917 г. курс на социалистическую революцию в России, Ленин не сбрасывал со счета объективных материальных условий, при которых эта революция должна была произойти. Но он, с одной стороны, придавал важнейшее в этом смысле значение не относительной экономической отсталости России в ряду других империалистических стран, а тому, что в ходе войны здесь — как и повсюду — сложился государственно-монополистический капитализм, с экономической точки зрения вплотную подводящий к социалистическому обобществлению производст-

ва; а с другой стороны он считал, что империализм и война поставили Россию на грань экономического краха и создали такую ситуацию, при которой бороться с «грозящей катастрофой» можно было лишь на пути к социализму.

Однако в канун Октября Ленин настаивал не только на том, что для победы российского пролетариата есть необходимые объективные условия, но и на решительных действиях, направленных к этой цели. Такая позиция находилась в полном соответствии с его выводами о роли субъективного фактора в революционном движении, проходившими теперь проверку исторической практикой.

Разработанная Лениным концепция социалистической революции основывалась на глубоком проникновении в суть современных ему исторических явлений и теоретически подготовила победу Октября в России.

⁸⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 124.

Глава 2

Германская историография: неоранкеанство и упадок позитивизма

Империализм и немецкая историческая наука. Конец XIX в. ознаменован окончанием «мирного» периода развития капитализма и вступлением его в новую, империалистическую стадию. В начале XX в. в Германии были монополизированы важнейшие отрасли промышленности. Началось сращивание немецких банков с промышленными картелями и формирование на этой основе финансовой олигархии.

Ранее, чем в других странах, в Германии стали проявляться государственно-монополистические тенденции. Уже в начале XX в. железные дороги и 40 % угольных залежей принадлежали государству, поэтому оно само выступало в роли предпринимателя и тесно сотрудничало с монополиями. В итоге быстрого экономического развития Германия стала второй промышленной державой мира после США. Она

стремилась расширить сферы влияния и захватить новые колонии. Но мир уже был поделен между старыми европейскими державами, и осуществить это можно было только путем его передела, что и предопределило особую агрессивность германского империализма.

Обострение противоречий капиталистической экономики, усиление классовой борьбы, замена свободной конкуренции господством монополистического капитала — все это вызывало серьезные сдвиги в буржуазной идеологии. В Германии эти общие для мирового империализма процессы развивались при наличии все еще нерешенных задач буржуазного развития, поскольку господствующее положение у руля власти занимало прусское юнкерство.

Оптимизм буржуазных исторических концепций, который начал улетучиваться

уже после 1848 г., к началу XX в. у наиболее дальновидных и проницательных мыслителей уступает место чувству глубокой тревоги. Ощущение социального кризиса буржуазного общества ярко и образно выразил философ Ф. Ницше: «Распадение, следовательно, неопределенность свойственны этому времени: нет ничего, что бы стояло на ногах крепко, с суровой верой в себя; живут для завтрашнего дня, ибо послезавтра сомнительно. Все на нашем пути скользко и опасно, и при этом лед, который нас еще держит, стал таким тонким; все мы чувствуем теплое и грозящее дыхание оттепели — там, где мы ступаем, скоро будет нельзя пройти никому!»¹.

В германской исторической науке резко усилился такой подход к историческому процессу, при котором усиленным нападкам подвергалась идея объективной закономерности. Обострившийся с начала XX в. интерес к соотношению и специфике естественных и гуманитарных наук был связан с разрывом между точными методами естествознания и традиционными методами общественных наук. Поэтому среди историков усилилось убеждение, особенно в связи с явным кризисом позитивизма, что человеческое общество невозможно изучать точными методами, подобными методам естествознания. Усиление антипозитивистской ориентации, уходившей своими корнями в идеалистический историзм романтиков, особенно проявилось в Германии в ходе методологической дискуссии 90-х годов.

Теоретические поиски выявили противоречия и в самом развитии исторической науки. Значительный прогресс в накоплении исторических знаний, дальнейшая дифференциация областей исследования, обнаружение все новых фактов, которые не поддавались обобщению на базе традиционных методов, приводили к сомнению в способности историков дать достоверное и объективное научное знание.

В немецких университетах царили консерватизм и конформизм. Этому способствовало и то, что профессора принадле-

жали к наиболее высокооплачиваемой прослойке университетской интеллигенции и резко противились планам социальных реформ и демократизации образования, большинство из них одобрило принятый в 1898 г. в Пруссии закон о запрещении социал-демократам преподавать в университетах империи.

В 21 немецком университете на философских факультетах существовали самостоятельные исторические семинары, обычно имевшие отделения по древней, средневековой и новой истории. В некоторых университетах при семинарах были созданы также специальные отделения социальной истории или отделения истории культуры.

Возросло количество исторической периодики. С 1898 г. начал издаваться весьма широкий по охвату проблем «Исторический кварталник» («Historisches Vierteljahrsschrift»), с 1903 г. — «Кварталник социально-экономической истории» («Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte»). Продолжало расширяться издание источников по традиционной средневековой тематике, больше стало издаваться материалов по истории нового времени, наиболее значительными серийными публикациями которых являлись исследования и документы по истории Пруссии — «Acta Borussica» и «Политическая корреспонденция Фридриха II».

В этот период были опубликованы важные источники по истории революции 1848—1849 гг., среди них — переписка прусского короля Фридриха Вильгельма IV с лидером либералов Л. Кампгаузенем (1906), трехтомное издание бумаг из архива самого Кампгаузена (1915), были выявлены и описаны основные архивные фонды, появилось множество многотомных библиографий исторических публикаций. Из источников по второй половине XIX в. наиболее интересной была публикация четырнадцати томов речей и выступлений Бисмарка.

Шаг вперед был сделан в организации исторической науки. В апреле 1895 г. на третьем съезде немецких историков во Франкфурте-на-Майне была создана общегерманская организация — Союз немецких историков. Еще двумя годами ранее в Мюнхене состоялась первая встреча,

¹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. М., 1910. Т. 9. С. 43.

поводом к которой послужили проекты реформы преподавания истории. Инициатором реформы выступил сам кайзер Вильгельм, потребовавший «энергичного противодействия распространению социалистических и коммунистических идей»². Выступление императора означало открытое требование превратить историю в орудие политики и пропаганды, что вызвало протест южногерманских либеральных ученых, решивших организовать историков для борьбы за сохранение традиционной автономии университетов. Видную роль среди инициаторов встречи играл мюнхенский профессор Людвиг Квидде (1858—1941). Годом позднее прогремела на всю Германию его знаменитая сатира на стиль правления неуравновешенного кайзера «Калигула», за которую он был подвергнут подлинному ostracism со стороны большинства немецких историков.

Либерально-антипрусский характер первых съездов, в которых почти не участвовали берлинцы, был очевиден. Но уже тогда в деятельности Союза проявилась тенденция, постепенно выдвинувшая на первый план идею «великогерманской культурной общности» как выражение экспансионистских планов немецкого империализма. Съезды Союза историков (всего до первой мировой войны их состоялось тринадцать) постепенно утратили полемический характер, на них стали преобладать бесцветные и сугубо академические доклады, интересные только узкому кругу специалистов.

В то же время страсбургский съезд 1909 г. и венский съезд 1913 г. имели демонстративно политический характер. Первый, который проходил в отторгнутом у Франции Страсбурге, прославлял «немецкий национальный героизм» и военное могущество Германии. Второй, получивший в прессе название «великогерманского», символизировал нерушимость австро-германского союза. Доклады венского съезда пестрели антианглийскими и особенно антиславянскими выпадами и ратовали за усиление военной мощи

Австрии и Германии. Начавшись с либерального протеста против государственного вмешательства в науку и преподавание, за двадцать лет съезды историков кайзеровской Германии (в Союз входили также австрийские и немецкоязычные швейцарские историки) превратились в националистически-конформистские собрания, участники которых стремились прежде всего подчеркнуть «национально-патриотический» долг ученых перед фатерландом.

Пангерманская историография. В основе пангерманской идеологии лежали социальный дарвинизм, геополитика и расовая теория. На этих трех китах покоилась и пангерманская историография, представителями которой выступали публицисты, лица свободных профессий, учителя гимназий. Но решающее влияние имели мастиные университетские профессора — члены Пангерманского союза Д. Шефер, Г. фон Белов и др. Они идеализировали историю германской нации, апологетизировали Гогенцоллернов и пруссачество, выступали не только против рабочего движения и марксизма, но и против либерально-буржуазной идеологии, позитивистского и социологического подхода к истории. В центре их интересов находилось государство силы, а сами их исследования отличались явным креном в сторону политико-дипломатической истории. Пангерманские профессора вырабатывали принципиальные теоретические основы исторической концепции, которую затем в огрубленной и доступной форме рьяно пропагандировали публицисты и журналисты.

Георг фон Белов (1858—1927) происходил из восточнопрусского юнкерства, в 33 года он — профессор Мюнстерского университета. С 1905 г. он работал во Фрейбурге, где стал одним из ведущих специалистов по социально-экономической и правовой истории средневековья. Главное содержание исторического процесса для Белова составляли уникальные и неповторимые явления, поэтому он был наиболее активным противником концепции Лампрехта и экономизма Шмоллера.

Белов всегда придерживался концепции примата государства над обществом и политики над экономикой. Идеи прогресса и исторической закономерности являлись для него не более чем «нелепыми

² Verhandlungen über Fragen des höheren Unterrichts. Berlin, 1891. S. 71—72.

предрассудками». Исходя из этого, Белов понимал феодализм как чисто политическое явление, сущностью которого являлись «отчуждение верховной власти и самостоятельность местных властей». Решительно выступал он и против периодизации истории по экономическому принципу, причем правильно отмечал, что системы Бюхера, Хильдебранда и Шмоллера страдают схематичностью и выделяют различные экономические типы не по главным экономическим особенностям, а по внешнему показателю — характеру обмена. Но из этой во многом справедливой критики Белов делал неправомерный принципиальный вывод о невозможности основанной на экономических критериях периодизации вообще.

Самым авторитетным пангерманским историком являлся **Дитрих Шефер** (1845—1929), книги которого «Всемирная история нового времени» (1907) и «Немецкая история» (1910) вместе с «Немецкой историей» председателя Пангерманского союза Г. Класа явились классическими образцами и квинтэссенцией пангерманской историографии.

В отличие от Белова Шефер происходил из пролетарских слоев, его отец был бременским портовым рабочим. Шефер был общепризнан как видный ученик Трейчке и продолжатель его идейно-политического наследия. Он активно выступал за строительство военно-морского флота, видя в этом главное орудие успешной борьбы против Великобритании. Будучи самым крупным немецким специалистом по истории Скандинавии и Ганзы, Шефер использовал свои богатые познания в морской истории для настойчивой пропаганды в пользу флота и прочел для этого цикл популярных лекций, выпущенных отдельным изданием под заглавием «Германия, на моря!» (1897). Шефер подчеркивал, что растущая немецкая внешняя торговля нуждается в защите сильного военного флота, из-за отсутствия которого в свое время и произошло резкое ослабление Ганзейского союза. Лихорадочная деятельность Шефера в баденском отделении Флотского союза принесла ему заслуженное прозвище «флотский Шефер» (игра слов: Шефер означает по-немецки «пасть»).

В 1903 г. военно-морское ведомство по инициативе адмирала Тирпица сочло необходимым выпустить популярную всемирную историю и обратилось к Шеферу с предложением написать такую книгу. Формально Шефер отказался от прямо служебного заказа, но через четыре года опубликовал «Всемирную историю» именно в желаемом военщиной духе. То же самое произошло и в 1907 г., когда Пангерманский союз предложил Шеферу создать популярную немецкую историю. Книги пользовались большим успехом: так до войны «Всемирная история» вышла шестью изданиями, «Немецкая история» — четырьмя. В них автор категорически выступал против выдвижения на первый план экономических или социально-политических явлений. Он считал, что история является прежде всего политической наукой, задача которой помочь утверждению Германской империи на мировой арене в качестве сильнейшей ведущей державы. В центре немецкой истории для Шефера находилась Пруссия, а в центре всемирной — Германия. Превознося национальное объединение Германии как выполнение исторической миссии Пруссии, Шефер высказывал многочисленные откровенно антифранцузские и антиавстрийские положения.

Обе книги были крайне реакционными по своему духу. Шефер утверждал, что революция 1848 г. не только не принесла никакой пользы, но, напротив, явилась таким пагубным этапом немецкой истории, что отрицательные последствия этого сказываются и в начале XX в. Гонку вооружений Шефер оправдывал геополитическими мотивами, утверждая, что Германия окружена со всех сторон врагами и должна непрестанно вооружаться для самосохранения и самоутверждения. С этим был связан и его вывод о необходимости сохранения единства немецкой нации. Шефер, хотя и был ярким противником социал-демократии, все-таки выступал против планов принятия нового «исключительного закона», так как опасался в этом случае нарастания социальных противоречий. Он считал, что рабочих также следует заинтересовать в дальнейшем существовании сильной Германской империи и в приобретении новых заморских колоний.

Произведения г. Класа «Немецкая история» (1909) и «Если бы я был кайзером» (1912), опубликованные под псевдонимами, были пропитаны открыто расистским духом, ядом антисемитизма и антидемократизма. Клас требовал развертывания экспансии на Восток, ратовал за установление в Германии диктаторского режима, за отмену всеобщего избирательного права, принятие нового исключительного закона против социал-демократической партии, высылку ее руководителей и депутатов в рейхстаге за границу, запрещение всей оппозиционной печати.

Книги Класа, проникнутые ненавистью к другим народам, требующие широких территориальных приобретений в Европе и создания обширной колониальной империи, являлись по сути дела изложением официальной программы Пангерманского союза.

Консервативное направление. В конце XIX в. в немецкой исторической науке на ведущее место выдвинулось неоранкеанство, сменившее откровенно политическую и тенденциозную малогерманскую школу. Неоранкеанство в теоретико-методологическом плане было едино, но в политическом аспекте делилось на два направления: консервативное и умеренно-либеральное.

Ведущими представителями консервативного направления неоранкеанцев были **Макс Ленц** (1850—1932), **Эрих Маркс** (1861—1938), **Феликс Рахфаль** (1867—1925).

В теоретико-методологическом отношении неоранкеанцев объединял идеал объективности исторического познания, апостолом которого предстал Ранке. Критерием объективности для них выступала беспристрастность в рассмотрении прошлого, что могло быть достигнуто только путем чисто эмпирического исследования на основе первоисточников. Но и неоранкеанцы понимали явную утопичность требования абсолютно беспристрастного подхода к истории, поэтому рассматривали объективность как желаемый, но практически никогда полностью не осуществимый идеал.

В центре концепции консервативных неоранкеанцев находилось государство как индивидуальное неповторимое явление

истории. В обстановке нарастания межпериалистических противоречий они усилили высказанную Ранке идею примата внешней политики над внутренней и утверждали, что весь ход мировой истории определяется неизбежной борьбой за гегемонию между великими державами.

Из такой позиции вытекало отношение консерваторов к социальной проблеме и рабочему движению в Германии. Они стремились убедить читателей, что с развитием капитализма и началом мировой экспансии национальная идея вытесняет социальную проблему, а тем самым время революций для Германии окончательно ушло в прошлое. Хотя подъем рабочего движения и усиление социал-демократии в определенной мере беспокоили консерваторов, они не могли предложить какого-либо практического решения социального вопроса и постоянно колебались между политикой кнута и пряника, курсом жестких репрессий или социальных уступок.

Движущей силой истории консервативные ученые считали идеи, без которых, как подчеркивал Ленц, не может быть ничего постоянного, поскольку только идеи указывают направление исторического развития, формулируют его законы и создают жизнь. Главным стержнем немецкой истории была для Ленца протестантская религия, которая определяла содержание и направление ее развития от Лютера и Реформации через деятельность прусских курфюрстов и королей, через прусские реформы начала XIX в. к Бисмарку и созданию Германской империи на духовном фундаменте лютеранства. «Древнейшее и вечно развивающееся» взаимопереплетение политики и истории Ленц изобразил в своей книге «От Лютера до Бисмарка» (1910), а Э. Маркс в работах, посвященных вождю французских гугенотов адмиралу Колиньи, английской королеве Елизавете и испанскому королю Филиппу II.

В сочинениях Ленца и Э. Маркса красной нитью проходила идея необходимости синтеза «силы и духа». Первую воплощало государство, второй — лютеранская религия и культура. Пятитомная «История Берлинского университета» (1910—1918) Ленца ставила своей целью доказать, что прусское государство и немецкая культура

неразрывно связаны между собой в одно гармоничное целое.

Мощное государство во главе с сильной личностью казалось консервативным историкам надежным барьером против демократизации политической системы и общественной жизни в Германской империи. Ленц проводил прямую аналогию между Великой крестьянской войной, которая стремилась к «разрушению государства и установлению анархии», и революционными тенденциями социал-демократии. Его позицию характеризовал девиз «Там, где есть сила, там царит мир!». Э. Маркс выражал надежду, что как во времена Фридриха II и Бисмарка, так и теперь появится новый гений, который поведет за собой единую Германию и победоносно справится со всеми внешними врагами.

В 1901 г. вышла книга ученика Ленца, фрейбургского историка Рахфалья «Германия, король Фридрих Вильгельм IV и мартовская революция в Берлине». Она была наиболее последовательным развитием тех идей, которые в 1898 г. высказали Ленц и Э. Маркс в юбилейных статьях о революции. К этому времени в немецкой буржуазной историографии почти не было посвященных революции исследований, поскольку в ней укоренилось представление о мартовской революции в Берлине как о заговоре иностранных агентов из Франции и Польши, который не заслуживает научных изысканий. Рахфаль также отдал этому дань, упоминая об «иностранных эмиссарах» в Берлине, но в стиле показной объективности призвал не преувеличивать значения их агитации.

Ленц, Маркс и Рахфаль рассматривали берлинскую революцию более трезво, нежели их предшественники. Они оценивали революцию как выражение стремления буржуазии к политической власти и указывали, что Франкфуртский парламент и берлинские повстанцы имели перед собой одну и ту же историческую задачу. Консерваторы даже соглашались с тем, что самыми последовательными борцами за свободу и национальное объединение Германии выступали радикально-демократические круги и мелкобуржуазные республиканцы.

Но общая их концепция сводилась к тому, что мартовская революция в Берлине была крайне негативным событием в исто-

рии Пруссии и династии Гогенцоллернов. К тому же революция противоречила концепции консерваторов о том, что, в противоположность французской, немецкая история развивается не революционным, а преемственно-эволюционным путем, в котором они видели образцовую предпосылку подлинного исторического прогресса. Чтобы привести в соответствие свою концепцию и реальную историю, консерваторы подвергли пересмотру политику прусского короля Фридриха Вильгельма IV. Они объясняли противоречивую политику Пруссии в период революции не личными слабостями или реакционными политическими целями короля, а поставили ее во взаимосвязь с расстановкой сил на европейской арене, чтобы таким образом еще раз обосновать ранкеанский тезис о примате внешней политики.

Малогерманская школа довольно резко осуждала короля за безволие и уступки революционному движению. Консервативные неоранкеанцы, наоборот, находили в них высшее проявление государственного разума, стремление сплотить все силы и слои Пруссии под знаменем национального объединения Германии. Именно поэтому король приказал вывести свои уже близкие к победе войска из столицы, чтобы восстановить в Пруссии гражданский мир и сотрудничество. Однако осуществить объединение страны Пруссия тогда не смогла из-за непреодолимого противодействия Австрии, России и мелких государств юго-западной Германии. Нужно было бы быть Фридрихом Великим или Бисмарком, демагогически утверждали консерваторы, чтоб в таких неблагоприятных условиях решиться на активные действия по национальному объединению.

Историческую роль революции для немецкой истории консерваторы видели лишь в том, что она якобы наглядно доказала невозможность объединения Германии путем демократической революции снизу и оставила единственную реальную возможность — объединить Германию сверху. На деле объективистский подход неоранкеанцев оборачивался апологетикой Бисмарка и Германской империи, а также того социально-политического компромисса, который заключила немецкая буржуазия с прусской короной и юнкерством.

Либеральное направление. В теоретико-методологическом отношении либеральные историки в основном также стояли на позициях неоранкеанства. Разделяли они с консерваторами и убеждение в необходимости активной внешнеполитической и экономической экспансии империалистической Германии. Разногласия с консерваторами начинались, когда речь шла о проблемах внутренней политики, об отношении к рабочему движению и проблеме парламентаризации государственного устройства империи.

Активно на этом поприще действовал гейдельбергский профессор **Герман Онкен** (1869—1945), первым среди немецких университетских профессоров обратившийся к истории немецкого рабочего движения в обширной биографии Ф. Лассалья (1904). Сфера научных интересов Онкена охватывала международные проблемы второй половины XIX в., историю дипломатии и историю Великобритании и США, к которым он стал проявлять повышенный интерес после чтения курса лекций в Чикагском университете в 1905—1906 гг. Основная форма сочинений Онкена — это историко-политические эссе и биографии.

В книге о Лассале Онкен изобразил его крупным и оригинальным мыслителем, твердо стоявшим на почве реалистического «национального социализма» с опорой на государство в отличие от якобы химерических идей Карла Маркса о мировой пролетарской революции. Преклонение Лассалья перед государством особенно привлекало внимание Онкена, главный вывод которого гласил, что преждевременная смерть Лассалья унесла вместе с ним и шансы на быструю национальную интеграцию рабочего класса в капиталистическую общественную систему Германии.

В отличие от популярно написанной биографии Лассалья, другое крупное доверенное произведение Онкена «Рудольф фон Беннигсен» (1910) основывалось на привлечении ранее неизвестного круга источников из архива этого видного представителя немецкого национал-либерализма, предоставленного в распоряжение автора семьей покойного Беннигсена.

Онкен чрезвычайно высоко оценивал деятельность Беннигсена после 1866 г., когда немецкие либералы под его руковод-

Г. Дельбрюк

ством повернули к союзу с Бисмарком, что в глазах Онкена было одновременно и переходом на почву реальной политики вместо догматической приверженности устаревшим принципам. Своей книгой он стремился сгладить межпартийные противоречия в империи и подчеркнуть целесообразность отказа в случае изменения политической ситуации от прежних принципов и традиций. Именно тяготение немецкого либерализма к абстрактным принципам и устаревшим догмам, указывал Онкен, во многом обусловило его ослабление и упадок политического влияния с середины XIX в.

Профессор Берлинского университета **Ганс Дельбрюк** (1848—1929) занимался историей военного искусства. Такой интерес пробудился у Дельбрюка уже в начале его научной деятельности, когда ему было поручено обработать архив Гнейзенау, на материалах которого он и опубликовал большой труд — «Жизнь графа Н. Ф. Гнейзенау» (1882).

Дельбрюк постоянно проявлял большой интерес к политике и в течение тридцати лет издавал один из наиболее престижных и влиятельных журналов Германии — «Прусские ежегодники». («Preußische Jahrbücher»), где помещал свои ежемесячные политические обзоры. Лейтмотивом обзоров была идея соединения «силы и культуры», пропаганда «национального идеализма, но не национального фанатизма, государственного мировоззрения вместо мировоззрения партийного»³.

Дельбрюк разделял концепцию примата внешней политики, но полагал, что

³ Delbrück H. Krieg und Politik 1914—1916. Berlin, 1918. S. 3.

Германия должна стремиться не к установлению своей гегемонии, а к сохранению и поддержанию равновесия великих европейских держав. Фактически это означало скрытое оправдание агрессивного курса Германии, поскольку, по утверждению Дельбрюка, такое равновесие оказалось нарушенным Англией, Францией и Россией, поэтому Германия вынуждена стремиться к восстановлению прежнего равновесия.

Главным трудом Дельбрюка была четырехтомная фундаментальная «История военного искусства в рамках политической истории» (1900—1920), в которой он стремился показать социальную подоплеку военно-политических событий и связь состояния вооруженных сил и тактики с внутренним состоянием государства и общества. До появления труда Дельбрюка доминировали апологетические и поверхностные сочинения, прославлявшие воинский дух и выдвигавшие на первый план подробные описания битв и походов. Дельбрюк же показывал войны не сами по себе, а как определенную функцию и выражение политики государства в условиях соответствующей исторической эпохи, обуславливавшей характер и способы ведения войн.

Большое влияние на взгляды Дельбрюка оказала диалектика Гегеля, и его историческая концепция покоилась на идее борьбы противоположностей или, по его терминологии, на принципе полярности. Содержание исторического процесса в глазах Дельбрюка составляет борьба человека и природы, личности и массы, индивида и общества, духа и силы. Борьба всех этих полярностей пронизывает историю и наиболее полное выражение находит в войнах. Дельбрюк включал сферу военного искусства в область общечеловеческой культуры и подчеркивал справедливый характер оборонительных войн как средства защиты национальной культуры. Независимо от его намерений, такая концепция была широко использована в Германии для оправдания развязанной при ее активном участии империалистической мировой войны 1914—1918 гг.

В начале XX в. в число ведущих либеральных историков выдвинулся профессор Берлинского университета **Фридрих Мей-**

неке (1862—1954), являвшийся с 1896 г. редактором «Исторического журнала». Уже в своих первых исторических работах Мейнеке попытался представить немецкую историю нового времени как единый процесс развития определенной системы идей. Выстраивая в общий ряд прусские реформы начала XIX в., революцию 1848 г. и объединение Германии под эгидой Пруссии, Мейнеке интерпретировал эту цепь событий как реальное осуществление прусской консервативно-романтической идеи национального государства. Такую концепцию Мейнеке разработал в книге «От Штейна к Бисмарку» (1907), в работе о революции 1848 г. «Радовиц и германская революция» (1913), но прежде всего в своем самом крупном довоенном произведении «Космополитизм и национальное государство» (1908).

Мейнеке исходил из априорного постулата о том, что объединение Германии могло быть осуществлено только силой оружия Пруссии. Поэтому главной заслугой Бисмарка, его историческим шагом Мейнеке считал разрыв с прежними представлениями прусских правителей о нравственном императиве государства, означавшими осуждение внутригерманской войны и тем самым превратившими проблему объединения в гордиев узел, разрубить который осмелился только Бисмарк. Такая апология бисмарковского пути объединения как единственно возможного роднила Мейнеке с малогерманскими историками Зибелем и Трейчке, с которыми он поддерживал тесные дружеские отношения. Но их историческую концепцию Мейнеке стремился дополнить своеобразным одухотворением истории как мира идей.

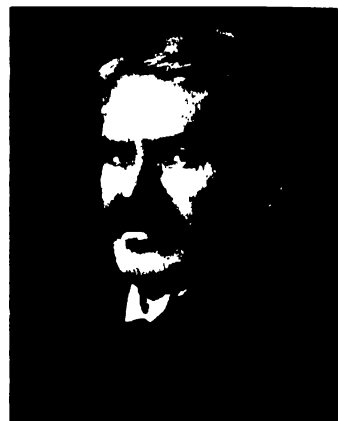
Политика Бисмарка по объединению Германии представляла в трактовке Мейнеке как опиравшаяся на наследие романтизма, исторической школы права и Ранке, с одной стороны, и как продолжение немецкого Просвещения и классической немецкой философии — с другой. Германская империя превращалась в наследницу классической культуры на основе неразрывной преемственности, изображенной у Мейнеке как триада: Гегель, Ранке и Бисмарк — три «великих освободителя национально-государственной идеи» из духовного плена космополитизма.

В 1911 г., когда обострилась борьба вокруг реакционной трехклассной избирательной системы в Пруссии, Мейнеке написал дополнительную главу ко второму изданию книги, где изложил свою политическую программу того времени.

Теперь он отказался от слишком апологетического утверждения, что созданная Бисмарком система является идеальной, и трезво отметил «раздвоенность» государственного организма между имперским рейхстагом и прусским ландтагом, способствовавшую установлению режима бонапартистского характера. Мейнеке выступил как противник избирательной реформы, поскольку был убежден в необходимости сохранения прежнего состояния Прусской монархии как «прочнейшей опоры внутренней политики». По его заявлению, «старопрусская консервативная структура» была необходимой основой мировой политики Германии. Поэтому он призывал предоставить проблему прусско-германского дуализма «естественному ходу развития», который породит что-то новое без насильственного разрыва с традицией и приведет к отмиранию либо парламентаризма, либо авторитарной системы правления, самому Мейнеке казавшейся более жизнеспособной.

Представление об истории как развитии идей характерно также для профессора теологии Гейдельбергского университета, одного из блестящих знатоков проблем религии **Эрнста Трельча** (1865—1923). Его труды «Значение протестантизма для возникновения современного мира» (1906) и «Социальные учения христианских церквей и сект» (1912) идейно обосновывали необходимость проведения широких социальных реформ для преодоления классовых противоречий в Германии. Трельч всегда исходил из признания тесного переплетения религии и политики и довольно резко критиковал консервативный характер Германской империи, противопоставляя ему более отвечающие духу времени политические системы Великобритании и США.

Отправляясь от тезиса своего близкого друга М. Вебера о взаимосвязи кальвинизма и капитализма, Трельч трактовал западноевропейскую и североамериканскую систему как следствие взаимодейст-

Э. Трельч

вия кальвинизма, новых экономических явлений и учения об естественном праве. В противоположность этому немецкий тип авторитарной монархии Трельч выводил из наследия лютеровской Реформации, территориальной раздробленности и патриархальной социальной структуры, при которой государство оказалось вознесенным над обществом и подчинило его себе.

Поскольку историю Трельч понимал как развитие человеческого духа, ее периодизацию он давал по системам господствующих идейных течений, хотя одновременно указывал на необходимость учета социально-экономических отношений, также формирующих определенный духовный облик исторической эпохи.

Исследования по социально-экономической истории. Среди либеральных немецких историков, которые занимались изучением социально-экономических аспектов исторического процесса, в начале XX в. наиболее значительными были стоявший на праволиберальных, близких к консервативным позициях О. Хинтце и слышавший в то время марксистом В. Зомбарт.

Берлинский профессор **Отто Хинтце** (1861—1940) благодаря своей многолетней работе над изданием источников по прусской административной истории был одним из лучших специалистов по истории Пруссии вообще. Его интересовали проблемы XVII и особенно XVIII в., когда складывался абсолютистский режим с его ярко выраженной меркантилистской политикой, которая стала вновь привлекать к себе внимание в условиях обострившейся борьбы на мировом рынке.

Хинтце рассматривал экономическую,

внешнюю и внутреннюю политику Фридриха II как образцовую модель и для Германской империи начала XX в. Такое суждение базировалось на убеждении Хинтце, что современность можно объяснить только исходя из опыта прошлого, а следовательно, историческое познание может стать средством ориентации для современных политических акций и решений. Считая государство движущей силой внутренней модернизации общественных систем, Хинтце характеризовал прусскую монархию и бюрократию как главных носителей прогрессивных социально-экономических и политических преобразований. Его исследования по истории прусской шелковой промышленности при Фридрихе (1892), истории правительственных учреждений в Пруссии (1901), книга «Дух и эпохи прусской истории» (1903) содержали богатый фактический материал и характеризовались чертами системного подхода к истории, стремлением показать функциональные отношения управленческой политики и состояния народного хозяйства.

Однако Хинтце абсолютизировал относительную самостоятельность фридриховской монархии и отрицал классово-обусловленную природу ее политики. Недооценивал Хинтце и тот факт, что мелочная опека промышленности и торговли со стороны прусского государства с его меркантилистской политикой сковывала хозяйственную инициативу буржуазии и тормозила процесс либерально-демократического развития в политическом отношении.

Специфичность развития отдельных государств Хинтце был склонен объяснять главным образом географическими и внешнеполитическими факторами и подчеркивал, что «степень свободы, которая может существовать в каком-либо государстве до разумных пределов, обратно пропорциональна тому военно-политическому давлению, которое оказывается извне на его границы»⁴.

Профессор университета в Бреслау (Вроцлав), ученик Шмоллера **Вернер Зомбарт** (1863—1941) до войны был известен как автор фундаментального произведения

«Современный капитализм»⁵, в котором под покровом марксистской терминологии давалась приукрашенная концепция возникновения и развития капитализма.

Семинары Зомбарта в университете Бреслау, на которых изучались «Манифест Коммунистической партии», Эрфуртская программа СДПГ, первый том «Капитала» и экономические статьи К. Маркса, а также серии его собственных статей о тяжелом положении рабочих-надомников, навлекли на него резкие нападки консерваторов, чей орган «Силезская газета» опубликовал о Зомбарте передовую статью под заголовком «Демагогия в одеянии науки».

Свое отношение к марксизму Зомбарт изложил в работе «Социализм и социальные движения в XIX в.» (1896) и ряде статей, где заявил, что любое современное социально-историческое исследование должно опираться на учение Маркса, но сразу оговорился, что это учение является не «вечной истиной», а «подлинным детищем своего времени, вместе с которым оно уйдет»⁶. Книга и статьи Зомбарта интерпретировали марксизм в эволюционно-реформистском смысле. Он неустанно пропагандировал необходимость превращения СДПГ из социалистической классовой партии пролетариата в «демократическую народную партию» и утверждал, что классовая борьба является реальностью, выступающей в двух формах: экономической, которую ведут профсоюзы, и политической — в парламенте на почве законности и существующего права. Революционные методы классовой борьбы Зомбарт категорически отвергал. Он настойчиво стремился установить сотрудничество буржуазно-либеральных реформаторов с ревизионистским течением и направлял в этом духе деятельность руководимого им в Бреслау отделения «Общества социальной реформы». Видные реформисты, супруги Генрих и Лили Браун не раз уговаривали Зомбарта вступить в социал-демократическую партию, видя в нем второго Лассаля, способного перевести партию на реформистские рельсы.

⁵ *Sombart W. Der Moderne Kapitalismus. Munch — Lpz., 1902. Bd. 1—2.* — Русск. пер.: *Зомбарт В. Современный капитализм. М., 1903—1905. Т. 1—2.*

⁶ *Die Zukunft. 1895. Bd. 13. S. 39—69.*

⁴ *Hintze O. Gesammelte Abhandlungen, Bd. 1. Göttingen, 1962. S. 411.*

В своем главном произведении «Современный капитализм» Зомбарт исходил из убеждения, что движущей силой этого общественного строя явились прежде всего не новые производительные силы, а духовные интересы буржуазии. Считая, что в основе любой экономической системы лежит определенный комплекс идей, Зомбарт схематизировал мысли **М. Вебера** из «Протестантской этики». Во втором издании Зомбарт попытался в вульгаризированной форме практически применить теорию «идеальных типов» Вебера, сконструировав понятие «хозяйственной системы», которое игнорировало объективные закономерности развития и открывало широкий простор для произвольной группировки исторических фактов.

Образование монополий Зомбарт трактовал как возрастание планового начала в капиталистической экономике, а подчеркнутую им тенденцию к развитию государственно-монополистического капитализма считал началом мирного перехода к социализму.

Социал-реформистская историография. В начале XX в. в социал-демократической историографии происходил процесс размежевания.

Пересматривая принципы материалистического понимания истории, ревизионисты утверждали, будто оно является чисто экономическим учением, а вовсе не философским мировоззрением. Поэтому они требовали дополнить его неокантианской гносеологией. Они объявили несостоятельной саму мысль о научной доказуемости социализма, рассматривая его как прежде всего извечную «этическую идею», а не как закономерно возникающий на определенном историческом этапе новый общественный строй.

В историческом процессе ревизионисты дополняли определяющую роль способа производства факторами права и морали, историческими и религиозными традициями каждой эпохи, влияниями природных условий и окружающей среды, духовными способностями самого человека. Такой комплексный подход имел несомненно право на существование и нес в себе позитивный момент. Однако ревизионисты грешили эклектическим соединением совершенно разнородных и неравнозначных

аспектов из сферы сознания, надстроечных явлений и элементов материальных условий. Считая идеологические факторы определяющими конкретный ход исторического развития, лидер ревизионизма Бернштейн доводил положение марксизма об относительной самостоятельности идеологических явлений до их зачастую практически полной независимости от экономического базиса.

Государство ревизионисты считали надклассовой национальной общественной организацией, игравшей извечно прогрессивную роль в жизни общества. Как писал П. Кампфмейер, «государство всегда выполняло определенные, коренящиеся в жизненных интересах общества задачи», а ядром его деятельности «постоянно является забота об определенных общих социальных интересах»⁷.

Распространяя подобные оценки и на Германскую империю, реформисты оправдывали, в частности, ее экспансионистскую империалистическую внешнюю политику. Исторические взгляды социал-реформистов приобретали черты националистического, а иногда даже шовинистического характера. Наиболее правые из них стали считать фундаментом строения общества прежде всего расы или нации, подменив учение Маркса о классовой борьбе расовой теорией.

Особенно активным ее пропагандистом был **Людвиг Вольтман** (1871—1907), в 1902 г. основавший журнал «Политико-антропологическое обозрение» («*Politisch-Anthropologische Revue*»). В своей книге «Политическая антропология» (1903) он утверждал, что определяющим законом исторического развития является борьба рас и что способность к политическому господству определяется антропологическими признаками. Биологические закономерности Вольтман переносил на развитие человеческого общества, заявляя, что марксизм является биологическим учением об обществе, поскольку признает основой развития истории борьбу классов. Он писал, что «в основе политических партий первоначально всегда лежат расовые про-

⁷ *Kampfmeier P.* Vom Einfluß des Staates auf das Wirtschaftsleben // *Sozialistische Monatshefte*. 1903. Hf. 6. S. 492.

Ф. Меринг

тиворечия и лишь потом — экономические классовые противоречия, на которые продолжают оказывать сильное воздействие расовые противоречия в более или менее скрытом виде»⁸.

В других работах — «Германцы и Ренессанс в Италии» (1905) и «Германцы во Франции» (1907) — Вольтман заявлял, что только германская раса способна встать во главе мировой цивилизации, которая представляет собой продукт ее деятельности и творческого начала. Называя Ренессанс «германским движением», Вольтман писал, что «после падения Римской империи носителями политической и духовной истории Европы стали прежде всего германцы»⁹.

В целом исторические концепции социал-реформистов характеризовались сближением с открыто идеалистическими трактовками общественного развития и усиленным подчеркиванием субъективного в значительной мере характера всех наук о человеческом обществе.

Марксистская историография. В начале XX в. марксистская историческая наука в Германии пополнилась новыми крупными работами, в которых отстаивалось материалистическое понимание истории и развивалась ее научная концепция.

Наиболее значительным марксистским историком был **Франц Меринг** (1846 — 1919), огромное творческое наследие кото-

рого включает такие крупные исторические работы, как «Легенда о Лессинге» (1893), «История германской социал-демократии» (1898), «История Германии с конца средних веков» (1910), «Очерки по истории войн и военного искусства» (1908—1914), «Карл Маркс. История его жизни» (1918)¹⁰.

Путь Меринга к марксизму был сложным процессом перехода с позиций буржуазного демократизма и реформизма на позиции революционной социал-демократии. Его первым большим историческим сочинением была «Легенда о Лессинге», опиравшаяся на значительное количество опубликованных источников и большую литературу. Тщательное критическое использование Мерингом богатого материала было отмечено даже в рецензии «Исторического журнала» — самого авторитетного в буржуазных научных кругах периодического издания. Значение работы о Лессинге состояло в том, что она убедительно показала ложность распространенной среди юнкерско-буржуазных историков пруссофильской монархической легенды и противопоставила ей марксистскую концепцию истории Пруссии.

Меринг показал, что возвышение Пруссии было не результатом желания отдельных правителей, а выражением потребностей капиталистического развития. Он раскрыл милитаристский характер Бранденбургско-Прусского государства и указал, что его экономическую основу составляло крепостничество. На большом конкретном материале Меринг подробно исследовал социальную политику Фридриха II и опроверг легенду о том, что тот был «королем бедняков». Меринг ясно показал, что забота короля о сохранении крестьянских наделов диктовалась военно-фискальными соображениями и стремлением сохранить крестьянские дворы как налоговые единицы.

Другим важным аспектом книги был анализ социального характера немецкого

¹⁰ Есть русск. пер.: *Меринг Ф.* Легенда о Лессинге//Избр. труды по эстетике. М., 1985. Т. 1; *его же.* История германской социал-демократии. М., Л., 1923—24; Т. 1—4; *его же.* История Германии с конца средних веков. М., 1924; *его же.* Карл Маркс. История его жизни. М., 1957.

⁸ *Woltmann L.* Politische Anthropologie. Eisenach-Leipzig, 1903. S. 300.

⁹ *Woltmann L.* Die Germanen in Frankreich. Jena, 1907. S. 150.

Просвещения, которое Меринг трактовал как первое проявление борьбы буржуазии против феодализма. С большой теплотой нарисовал Меринг образ Лессинга как великого гуманиста и защитника интересов народа, а не как верного сподвижника короля, каким изображали его буржуазные историки.

В книге Меринга были и недостатки, связанные с некоторой вульгаризацией диалектико-материалистического метода. Ему были присущи определенный механицизм, тенденция выводить идеологические явления непосредственно из экономики. Не совсем верно понимал Меринг классовую сущность прусского абсолютизма, считая его компромиссом короля и юнкерства.

Тем не менее книга заслужила высокую оценку Энгельса, который в письме к Бебелю писал: «Отрадно видеть, что материалистическое понимание истории, после того как оно в течение 20 лет, как правило, оставалось в работах молодых членов партии только трескучей фразой, наконец начинает применяться надлежащим образом — в качестве путеводной нити при изучении истории»¹¹.

Самым крупным историческим трудом Меринга была «История германской социал-демократии», в которой представлена и более общая картина истории Германии XIX в. — история экономики, политической и духовной жизни. Такая широта подхода объяснялась тем, что тогда еще не существовало общей марксистской истории Германии и работа Меринга восполняла этот пробел.

Меринг дал первый очерк истории Союза коммунистов, показал участие Маркса и Энгельса в революции 1848 г., изложил общую историю социал-демократии во второй половине XIX в. Но он переоценивал значение деятельности Стефана Борна и его Рабочего братства, а также явно идеализировал Лассалья и его роль в истории немецкого рабочего движения. Не понял Меринг и глубинной принципиальной сущности разногласия эйзенахцев и лассальянцев. Однако эти недостатки не могли

уменьшить огромного значения труда Меринга, показавшего поступательное развитие и закономерный подъем рабочего движения.

Большой интерес представляли военно-исторические работы Меринга — «Йена и Тильзит» (1906), «От Тильзита до Таурогена» (1913), «От Калиша до Карлсбада» (1913), в которых период наполеоновских войн был впервые подробно проанализирован с марксистских позиций. Меринг рассмотрел историю антифранцузских коалиций с их сложным переплетением экономических и военно-политических интересов и выделил главное для того периода противоречие, понимание которого позволяло понять и все остальные, — экономическое соперничество между Англией и Францией. Самые яркие страницы книги были посвящены йенской катастрофе и показывали, что этот позор был естественным последствием безнадежной отсталости феодальной Пруссии от передовой буржуазной Франции.

Большое внимание Меринг уделил прусской военной реформе, показав ее исторически прогрессивный характер и подчеркнув, что она была плодом не мудрости короля, а усилий группы прогрессивных деятелей, стремившихся перевести Пруссию на путь буржуазного развития.

Последним научным трудом Меринга была биография Карла Маркса, явившаяся итогом всего его творчества. Она была глубоким исследованием, основанным на самых разнообразных источниках: переписке Маркса, прессе, материалах партийного архива, мемуарной литературе. Несмотря на неверные оценки деятельности Лассалья и Бакунина, Меринг создал замечательное произведение, показавшее полную трудностей, но яркую жизнь Маркса, отказавшегося от личного благополучия ради служения высшим идеалам человечества. Маркс представлен у Меринга как гениальный мыслитель и страстный революционер.

Успех книги во многом определялся и тем, что она была примером органического сочетания научного исследования и художественной публицистики и являлась в этом смысле классическим образцом.

Подлинная объективность, глубокий научный анализ, страстная полемичность и

¹¹ Маркс К., Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 38. С. 268—269.

М. Вебер

блестящая литературная форма являлись большими достоинствами исторических работ Меринга, ставших в ряд наиболее значительных произведений марксистской историографии.

Историки в годы первой мировой войны. Германские буржуазные историки всех направлений приветствовали начало войны и, оставив академические научные исследования, занялись воспитанием «единого национального духа» для установления в стране «гражданского мира», а также обработкой общественного мнения нейтральных стран в пользу Германии. Широкую известность получило «Воззвание 93-х. К культурному миру», которое вышло из университетских кругов и доказывало оборонительный характер войны со стороны Германии. Из 43 университетских ординарных профессоров истории 38 разделяли такое убеждение.

В 1915 г. Хинтце по случаю 500-летнего юбилея династии написал официозную книгу «Гогенцоллерны и их дело», которую бесплатно раздавали в школах Пруссии. В том же году вышло сочинение Зомбарта «Торговцы и герои», необычайно резкое по антианглийской направленности и крайне агрессивное по тону. Среди ведущих историков отмалчивался лишь М. Вебер, а Г. Дельбрюк призывал к умеренности, к отказу Германии от помыслов о гегемонии в Европе, напоминая, что подобные притязания были кардинальной ошибкой Наполеона, приведшей его к полному краху.

Наиболее агрессивно выступали пангерманские историки, подготовившие летом 1915 г. «Профессорский меморан-

дум» — перепев программы Пангерманского союза, который в числе прочих подписали 352 профессора, среди них — Белов, Ленц, Маркс, Шефер. Дельбрюк, пытавшийся противопоставить меморандуму контрзаявление с протестом против программы аннексий на Западе (но не на Востоке), сумел собрать всего 141 подпись, в том числе — Brentano, Вебера, Трельча, Шмоллера.

В 1916 г. разногласия между либералами и пангерманцами усилились в связи с планами неограниченной подводной войны, из-за которой мог последовать разрыв в США. Либералы, среди которых на первый план выдвинулся М. Вебер, считали такую политику безрассудной авантюрой. Раздраженный политической близорукостью окружения кайзера, которую он критиковал еще до войны, Вебер впервые открыто заявил, что при затягивании войны Германию ожидают неминуемая катастрофа и революция.

Либеральные историки утратили тот энтузиазм, с которым они встретили начало войны, и начали осознавать ее бессмысленность и трагические для европейской культуры последствия.

Уловивший приближение внутривнутриполитического кризиса Дельбрюк считал необходимым срочное проведение избирательной реформы в Пруссии и парламентаризацию имперской системы. Пангерманцы, которые вместе с военщиной и магнатами индустрии создали шовинистическую Отечественную партию, напротив, требовали введения в Германии открытой военной диктатуры и роспуска рейхстага.

Вебер и Дельбрюк резко критиковали курс новой партии, ведущий страну к революции. Они пытались создать как противовес Отечественной партии свою организацию — Народный союз за свободу и отечество. Но либералы так и не смогли разработать собственную позитивную программу и повернуть к союзу с демократическими силами, а тем более с пролетариатом.

После заключения Брестского мира обе группы историков начали уповать на победу на Западе; пангерманцы заговорили о присоединении к рейху Крыма и Прибалтики, многие либералы также начали отходить от идеи скорейшего компромиссного мира.

После провала последнего наступления немецкой армии на Западном фронте летом 1918 г. либеральные историки прилагали отчаянные усилия, чтобы создать поддержку правительству Макса Баденского. Они требовали распустить Пангерманский

союз и Отечественную партию. Но все эти попытки не увенчались успехом. Реальностями немецкой истории стали военное поражение и революция, опрокинувшая в ноябре 1918 г. императорский трон.

Глава 3

Французская историография. Кризис позитивистской методологии и начало формирования «новой научной школы»

Рассматриваемый период в развитии общественных наук во Франции — один из самых насыщенных сложными и противоречивыми процессами. В то время наметился, но еще не осуществился переход исторической науки к современному типу гуманитарного знания. Она находилась «на изломе», испытывая кризисное состояние, когда старое уже отвергалось, но продолжало жить, а новое еще не преодолело инерцию старого. В такое переломное время наиболее рельефно вырисовываются закономерности развития науки: выявляется взаимосвязь всех наиболее существенных внешних и внутренних факторов ее развития.

Для понимания идейной ситуации, сложившейся во французской историографии на рубеже XIX—XX вв., необходимо учитывать влияние нескольких автономных, разнообразных по силе воздействия и продолжительности и в то же время взаимосвязанных тенденций:

поворот в историческом сознании и всей господствовавшей во французском обществе идеологии от исторического оптимизма и жизненного кредо, выраженного лозунгом *laissez faire*, к ощущению социальной неопределенности, неуверенности, тревоги;

революция в естествознании, крушение классической картины мира и представлений о закономерностях его развития, дискредитация идей прямолинейного натуралистического эволюционизма, механистического детерминизма;

кризис позитивизма и начавшееся во Франции противоречивое, охватывающее

разные интеллектуальные сферы антипозитивистское движение.

Эти ведущие тенденции на рубеже веков носили общеевропейский характер, но во Франции они получили свое оригинальное преломление, благодаря действию специфических социальных и духовных сил, национальных традиций, определивших своеобразие французской исторической школы XX в.

Историческое сознание и историческая наука во Франции на рубеже XIX — XX вв. Историческое сознание — само по себе уже достаточно сложный феномен. Оно не сводится только к знаниям о прошлом, хотя без них оно беспредметно и невозможно. В каждую социально-культурную эпоху историческое сознание зиждется на определенных представлениях о ценностях, о смысле прошлого, на целостной концепции истории. Кроме накопленных наукой знаний, разрабатываемых теорий, слагаемыми исторического сознания являются еще и формирующиеся стихийно представления, сохраняющиеся традиции, символы, обычаи, словом, все, с помощью чего общество запоминает, осознает, научно и образно воспроизводит свое прошлое.

Не менее сложное явление — связь исторического сознания с исторической наукой, диалектика их взаимоотношений. Историческая наука развивается под непосредственным воздействием исторического сознания своей эпохи, выражает его, но она также его и формирует.

Случалось, что историческая наука оказывалась как бы впереди своего времени, выступала в роли идейного возбудите-

ля общественного сознания в целом. Но бывает и так, что историческая наука, всецело устремившись в прошлое, надолго отстает от своего времени и вместо стимула превращается в тормоз исторического сознания. Отгородившись от современности, она в этом случае не только не расширяет кругозор эпохи, но, напротив, способствует сгущению в общественном сознании идеологического и политического дурмана. Обе эти тенденции обнаружались во французской исторической науке начала XX в. Она выражала вполне определенное состояние исторического сознания, ее целиком охватывали доминировавшие здесь настроения.

Причин для тревоги было более чем достаточно. Продолжал разрушаться сельский мир, казавшийся олицетворением незыблемости мироздания, неисчерпаемым источником традиционного мышления, мощным основанием привычных поведенческих стереотипов. Монополистические объединения развеяли оптимистические грезы о безграничности свободной конкуренции. Финансовый капитал, определивший своеобразие французского империализма, делал жизнь еще менее постижимой на основе сложившихся к тому времени представлений о нормах делового предпринимательства. Рушились прежние представления о мире в целом. Колониальная экспансия втягивала в орбиту всеобщих связей все новые общества, пребывавшие до того как бы вне времени и истории.

Европоцентризм в первой четверти XX века стал выветриваться из общественного сознания, уступая место культурному релятивизму.

Историческое сознание французского общества конца XIX — начала XX в. характеризовалось прежде всего принципами «национального единения». Все прошлое Франции представало как целостная национальная история, способная противостоять социальным конфликтам, политическим просчетам и неудачам.

Величественные истоки, священная история, единая нация, независимая республика — таковы были основные заповеди французского национализма конца XIX — начала XX в. В буржуазном историческом сознании мифологические, идеоло-

гические начала стали преобладать над началами рационалистическими. Этим определялся и облик исторической науки. История как «сознание» в значительной мере воспроизводила и формировала историю как «знание».

К началу XX в. история получила во Франции статус научной дисциплины. Но ее научность была весьма относительной. Прошлое изучалось как история «национального становления Франции». Такой подход ограничивал изыскания узкими рамками политической и военно-дипломатической сферы и с необходимостью определял характер повествования: «факты» и «даты», добытые главным образом из официальных правительственных документов, располагались в причинно-следственной цепочке и обволакивались идеологическим туманом.

Начало методологического кризиса позитивистской историографии. На рубеже двух веков французская историография продвигалась в направлении от позитивного знания к псевдонаучной истории: на первом месте в качестве главной задачи оказывалось не постижение истины, а поиски аргументов для обоснования и оправдания политических решений, а также тенденциозное восхваление или осуждение фактов прошлого в воспитательных целях.

Такая эволюция может показаться неожиданной: в XIX в., особенно во второй его половине, среди французских историков преобладающим было именно стремление к истине, намерение превратить историю в науку, и это стремление отражалось в поступательном развитии исторического знания, в повышении уровня его научности. Но поворот выглядит внезапным и крутым лишь при допущении, что такие свойства историографии, как стремление произвести впечатление на читателей, найти формы повествования, способные их «тронуть», изображение истории в виде школы политической и моральной мудрости — были присущи лишь «донаучной» романтической историографии. Такие свойства, как беспристрастность, фактическая доказательность, убеждение, что «история не должна ставить себе целью нравиться, или делать практические наставления относительно поведения, но

только познавать»¹, составляли во второй половине XIX в. незыблемые правила приверженцев строгой научности и возможности объективного исторического знания.

В действительности жесткого размежевания между двумя типами исторической науки никогда не было. Как романтизму были известны основные приемы «эрудиции» и свойственны проявления беспристрастности, так и позитивизм не избавился ни от предвзятости, ни от выражения чувств автора. Вместе с тем в рассматриваемый период не было полной замены одного типа исторической науки другим, оба они продолжали сосуществовать, иногда в работах одного и того же историка.

К началу XX в. методология позитивистской историографии во Франции не представляла собой строгую систему принципов, положений и правил исторического познания. В ней проявились не только определенные каноны философии позитивизма, но и общая устремленность XIX в. к позитивному (а не метафизическому) знанию. Историческая наука должна была на равных занять свое место в общей системе наук вообще.

Позитивистская методология не только служила обновлению исторического метода, но и сформировала под воздействием естественных наук определенный тип мышления. Он способствовал достижению значительных результатов: история из описания стала превращаться в исследование. Этот качественный переход происходил на основе утверждения и распространения универсальных представлений о характере научного исследования вообще: как естествоиспытатель выпытывает тайну у природы (потому он и естествоиспытатель!), так и историк с помощью имеющихся у него средств отыскивает ответ на заранее сформулированный им вопрос. Вместе с тем тот же тип мышления, что привел к обогащению способов исторического познания, к совершенствованию метода, с течением времени из-за игнорирования сущности и специфики этого познания превратился в стереотип, стал препятствовать дальнейшему развитию исторической мысли.

Методология позитивистской историо-

графии основывалась на убеждении, что призвание истории, как и любой другой науки, — изучение фактов, которые устанавливаются путем непосредственного наблюдения в ходе тщательного изучения источников. «История пишется по документам» — этим утверждением начинается и заканчивается «Введение в изучение истории» Ланглуа и Сеньобоса². В книге выделяются четыре этапа в работе историка. Первый — эвристический, отыскивание и сбор документов. Второй этап — критика документов (восстановительная, анализ происхождения, критика толкования — герменевтика). После того как определена бесспорность документов, следует этап извлечения из них частных фактов. И наконец, синтетический процесс: установленные факты группируются, между ними устанавливаются связи и начинается повествование. Все эти положения воспринимаются сегодня как несколько наивные, но в начале XX в. они представляли собой научную программу для большинства историков.

Признаки методологического кризиса позитивистской историографии проявлялись в отношении историков к тексту, к документу. Вера в то, что текст «всегда говорит сам за себя», что «он «ясно» отвечает на «четко» поставленные ему вопросы, буквально завороживала французских историков. Их методологическая скованность наглядно проявилась в том, что Ш. В. Ланглуа, например, в конце своей научной карьеры не осмеливался даже на самые скромные, обоснованные и разработанные в тончайших технических деталях им же самим «исторические построения». Он предпочел просто предлагать читателям монтаж текстов³. «О, наивность! — восклицал по этому поводу А. И. Марру, — как будто сам отбор для публикации свидетельств уже не представляет собой опасное вмешательство личности автора со всеми его ориентациями, предрассудками, ограничениями!»⁴

² Ланглуа Ш. В., Сеньобос Ш. Указ. Соч. С. 13, 250.

³ Langlois Ch. V La connaissance de la nature et du monde après les écrits anciens. P. 1911

⁴ Marrou A. I. De la connaissance historique. P. 1935. P. 54

¹ Ланглуа Ш. В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899, С. 240.

Так изначальное стремление к строгой научности, к максимальному исключению субъективности, не будучи соответственно обеспечено методологически, вело историческую науку не к углубленному познанию человеческого общества, а лишь к оттачиванию филологической критики текста.

Продвижение исторической науки в этом же направлении осуществлялось и иными путями, в частности в ходе позитивистской интерпретации понятия «исторический факт». Оставаясь и здесь под влиянием естествознания, французские историки были убеждены, что «факты» можно извлекать в готовом виде из текстов, так же, как, например, химик находит свои в ходе эксперимента. По общему убеждению историков, считалось, что каждый факт можно и должно познавать изолированно, как самостоятельный объект. И, наконец, еще одно правило, также превратившееся в догму: поскольку каждый факт уже дан и независим от познающего его историка, последний не должен привносить в познание ничего субъективного: личностный, оценочный момент должен быть полностью исключен из этого процесса, историку надлежит лишь строго следовать за фактами. Все три постулата в целом не учитывали специфику исторического знания. Будучи тесно увязанными между собой в жесткую познавательную схему, они сделали историческую мысль беспомощной.

Представление о факте-«кирпичике», который всегда можно непосредственно обнаружить в источнике, вело историков не к проблемной, а все к той же повествовательной истории. Позитивистская историография неизбежно сбивалась на проторенную дорожку событийной истории, «факты» добывались из письменных источников. Наиболее авторитетными были официальные документы, исходящие из «первых рук» — от правительства; наиболее типичными были факты в виде событий политической жизни. Уверенность в том, что каждый факт следует рассматривать как самостоятельный познавательный объект, в конечном счете стимулировала фрагментацию тематики исторических исследований. Сформировалось убеждение, что предмет истории может быть лишь отдельная, ограниченная по времени и со-

держанию проблема. Даже в тех случаях, когда в поле зрения историков оказывались экономика, религия, культура, проблемы социальной истории, они всегда рассматривались изолированно. «Специализируясь, сужая с каждым днем поле своих исследований,— констатировал Л. Альфан,— историки оказались перед угрозой не видеть больше ведущих линий и даже утратить понимание деталей, в пределы изучения которых они добровольно себя заключили. Чтобы направлять историков в их поисках, необходима была некая путеводная нить. Но кто дает им ее?»⁵

«Всеиндуктивизм» XIX в. проявился и в самом отношении научного знания к изучаемой реальности, в представлениях о познании как пассивном отражении внешнего мира. Запрет на оценку фактов, хотя он, как и все другие каноны позитивизма, не соблюдался абсолютно, имел тем не менее существенные негативные последствия для исторической науки. Он привел к фактографичности, к одностороннему эмпиризму. Историки оказались не способными выдвигать гипотезы, делать обобщения, поскольку они являются результатом сложных логических операций, а не простого наблюдения. Сама структура исторического знания ограничивала творческую проницательность ученого, а теоретический уровень этого знания редко поднимался выше классификации и описания фактов.

Таким образом, к началу XX в. социально-политические условия и внутренняя закономерности исторической науки во Франции стали действовать односторонне. Это привело к тому, что кризис истории распространился на сферу общественного сознания, определил социальные функции исторической науки, обусловил методологические тупики исторического знания.

Критика позитивистской историографии во Франции. Критика позитивистской историографии во Франции была весьма продолжительной, захватив несколько десятилетий. Если за точку отсчета взять публикацию книги П. Лакомба «Об исто-

⁵ Halphen P. L'Histoire en France depuis cent ans. P., 1914. P. 175.

рии как науке», в которой он показывал несостоятельность позитивистской историографии и сделал заявку на «историо-науку»⁶, а за итог — первое преодоление этой историографии, на практике воплощенное в докторской диссертации Ж. Лефевра «Крестьяне департамента Нор во время Французской революции», то хронологические рамки этого явления будут определяться 1894 — 1924 гг. Критика позитивизма во Франции охватила многие отрасли знания, объединила и сплотила выдающиеся умы французской нации, положила начало значительным течениям и школам XX в.

Основными антипозитивистскими центрами в начале XX в. были социологическая школа, возглавляемая **Эмилем Дюркгеймом** (1858 — 1917), с журналом «Социологический ежегодник» («L'Année sociologique») и «Международный центр синтеза» во главе с **Анри Берром** (1863 — 1954), издававший журнал «Обозрение исторического синтеза» («Revue de synthèse historique»). Вокруг этих центров объединялись социологи, философы, экономисты, географы, этнографы. Это были люди разных научных наклонностей, неодинаковых политических ориентаций, по-разному видевшие сущность исторической науки.

Но между двумя этими научными направлениями было много общего, что и дает основание рассматривать их как относительно единый феномен. Это общее в своей основе определялось социально-политическими позициями и идейно-теоретическими воззрениями большинства ученых, объединившихся вокруг Э. Дюркгейма и А. Берра. Социально-политическая и теоретическая концепция Дюркгейма отвечала запросам реформистски настроенной либеральной буржуазии. Идейный смысл «теории исторического синтеза» Берра состоял в том, чтобы устранить наиболее очевидные пороки традиционной буржуазной историографии и с помощью элементов «экономического материализма» создать видимость, что исторический материализм — это уже пройденный этап науки, поскольку все «ценное», что в нем

было, якобы уже «синтезировано», а то, что осталось, односторонне и не заслуживает серьезного внимания.

Эти научные направления отличало единство взглядов по многим вопросам, относящимся к характеру современной науки, ее социальным функциям. Берр и Дюркгейм выступали против иррационализма и бездумной фактографии. Со страниц их журналов нередко звучал решительный протест против откровенного спиритуализма и клерикальной реакции.

Многие из ученых, объединившихся вокруг этих центров в начале XX в., стали впоследствии крупными авторитетами в различных отраслях знания. Важно и то, что среди сторонников Дюркгейма и Берра были представители левого крыла французской интеллигенции, участники социалистического движения. Многие из них были знакомы с марксизмом, разделяли некоторые научные и политические взгляды его основоположников. «Международный центр синтеза» объединил таких выдающихся ученых, как А. Эйнштейн, Э. Резерфорд и др. В историческую секцию «Центра» входили известные историки М. Блок, Ж. Буржен, П. Ренувен (Франция), А. Пиренн (Бельгия), Д. Тревельян (Англия) и др.

Передовые научные позиции ученых этих центров, активное участие некоторых из них в социалистическом движении, восприятие другими идей марксизма — все это вело к тому, что разрабатываемые ими научные концепции, да и сами эти центры воспринимались как близкие социализму. Что же представляла собой их критика позитивистской историографии в содержательном отношении?

С одной стороны, как отмечалось, то, что принято называть «позитивистской историографией», не было чем-то однородным, монолитным идейно и методологически. В ней были представлены противоречивые, порой взаимоисключающие концепции, методические установки, идейно-политические ориентации. С другой стороны, и лагерь критиков позитивистской историографии меньше всего выглядел единым в теоретическом и идейно-политическом отношениях. Критики, по меткому замечанию Р. Коллингвуда, «делали свою работу в тени позитивизма и сталкивались

⁶ Lacombe P. De l'histoire considérée comme science. P., 1894. P. 2.

с большими трудностями, освобождаясь от влияния позитивистских точек зрения. Справившись с этими трудностями в одних разделах своей теории, они вновь впадали в позитивизм в других. Все это привело к тому, что когда мы сейчас ретроспективно оцениваем это движение, оно представляется нам запутанным клубком, в котором сплелись позитивизм и различные антипозитивистские мотивы»⁷.

Этим, очевидно, во многом и объясняется тот факт, что выступления Дюркгейма, Берра и их сторонников против позитивистской историографии, которую они называли «историзирующей» (*l'histoire historisante*), «событийной» (*l'histoire événementielle*), имели широкий резонанс, но все-таки никакой «революции» не сделали и в самой исторической науке в это время никак еще реально не проявились. Критика позитивистской историографии осуществлялась в основном с позиций философии позитивизма. Данное обстоятельство во многом объясняет несколько приглушенное звучание антипозитивистской критики. Эти выступления не завершились разработкой конструктивной программы обновления методологических основ исторической науки. В планы Дюркгейма такая задача вообще не входила. Берр прилагал определенные усилия в этом направлении, однако, не будучи профессиональным историком, не смог продвинуться дальше осуществления некоторых организационных мер.

Позиция Берра в отношении исторической науки была в основном определена в его докторской диссертации «Синтез исторических познаний. Очерк о будущем философии». В ней он сформулировал ту магистральную линию, которой придерживался всю жизнь: исправить, дополнить, заменить «ныне осужденную» философию истории. Берр выступил не против сотрудничества истории и философии вообще, а против традиционной философии истории гегелевского толка. История и философия должны были, по убеждению Берра, стать двумя основными аспектами будущей науки, которая приобретает характер «исторического синтеза»; это будет наука «в оди-

наковой мере умозрительная и основанная на практике, ретроспективная и устремленная в будущее»⁸.

Приверженцы Дюркгейма тоже, как и сторонники «исторического синтеза», выступали за единство истории и социологии. Но этот синтез, по убеждению Дюркгейма, мыслился под эгидой социологии, история же рассматривалась лишь как материал для социологии.

Важную роль в критике позитивистской историографии сыграл один из самых видных ученых дюркгеймовской школы, экономист и социолог **Франсуа Симиан** (1873—1935). Занимаясь и методологическими вопросами обществоведения, он посвятил проблемам исторического знания две работы: статью «Исторический метод и социальная наука» (1903) и доклад «Причинность в истории» (1906). Симиан разоблачил в этих работах «три идола племени историков»: «политический идол» — преобладающее изучение или во всяком случае предпочтительное отношение к политической истории; «идол индивидуального» — укоренившаяся привычка рассматривать историю как историю индивидов, а не институтов, социальных явлений, с установлением отношений между ними; «хронологический идол» — привычка погружаться в исследования истоков, частных различий, вместо изучения и постижения типического, в обществе и во времени.

Ученик Дюркгейма **Марсель Мосс** (1873—1950), разработавший понятие «целостного (тотального) социального факта», положил начало структурно-функциональному рассмотрению социальных объектов. Он предлагал отказаться от построения нежизненных абстракций, от искусственного расчленения социальной совокупности и настаивал на единстве наук о человеке и обществе.

Заметный вклад в развитие антипозитивистской критики внес **Морис Хальбвак** (1877—1945) — один из крупнейших представителей французской социологической школы. В круг его научных интересов входили проблемы демографии, экономики, статистики, психологии, истории. Хальб-

⁷ Коллинз Р. Дж. Идея Истории. Автобиография. М., 1980. С. 129.

⁸ Berr H. La synthèse des connaissances de l'histoire. Essai sur l'avenir de la philosophie. P., 1954. P. 524.

вакс призывал историков исследовать современное капиталистическое общество и, что особенно важно, положение общественных классов, в частности рабочего класса.

Итак, критика позитивистской историографии во Франции велась с разных сторон, внешне она выглядела довольно решительной и бескомпромиссной.

Однако вплоть до второй половины 20-х годов наиболее существенная особенность этой критики состояла, во-первых, в том, что антипозитивистские атаки велись, по существу, без участия в них самих историков. Все это привело к тому, что практические результаты критики позитивизма были незначительными.

Во-вторых, она направлялась против основных элементов исторического знания того времени, составляющих теоретико-методологический каркас позитивистской историографии: фактографичности, эмпиризма, привязанности к письменному источнику, преобладания политической истории, событийности, повествовательности. Систематизирующий элемент позитивистской историографии — событийность. В повествовании о событиях, как в типе истории, запечатлелись характерные именно для XIX в. представления об истории, о способах ее воссоздания. Преодолеть рамки событийности — таков главный пафос критиков. Но исторический синтез А. Берра еще не представлял собой научного преодоления событийности, ибо не формулировал основополагающих положений «новой научной школы».

Организационные основы исторической науки во Франции в начале XX в. К началу XX в. во Франции история в целом сформировалась как научная дисциплина с присущими ей структурой знания и деятельности, историографическими направлениями, проблематикой. Ее организационное строение определялось как закономерностями развития исторического знания в условиях начавшейся общенаучной революции, так и особенностями общественной жизни страны.

Преобладание позитивистской методологии в исторической науке Франции во многом обуславливало структуру исторического знания. Приоритетное положение занимали политическая история (политико-правовая, административная, диплома-

тическая, военная) и история идей. Вместе с тем на рубеже XIX — XX вв. в этой структуре обозначались контуры новых направлений экономической и социальной истории (последняя выглядела тогда младшей сестрой экономической истории). Складывание этих направлений совершалось под сильным воздействием социальных наук, и прежде всего активно утверждавшейся социологии. Существенно расширилось исследовательское поле исторической науки. Кроме привычных географических районов (Средиземноморского бассейна), внимание историков к началу XX в. стали привлекать новые — Африка, Дальний Восток, Латинская Америка. Заметно разнообразилась тематика исторических исследований.

Энергичная деятельность реформаторов по профессионализации исторического образования в университетах привела в начале XX в. к реорганизации обучения и преподавания истории. Характерны изменения, происшедшие в системе исторической подготовки студентов Парижского университета, в состав которого вошли самые авторитетные центры гуманитарного образования страны — Национальная школа хартий, Высшая нормальная школа, Практическая школа социальных знаний. Реформаторами изучения и преподавания истории в этом университете выступали Лависс, Рамбо, Моно, Сеньобос.

В начале XX в. в университете расширилось преподавание древней и средневековой истории, истории государственных учреждений и права, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. С 1896/1897 г. Ш. Сеньобос совместно с Ш. В. Ланглуа стал систематически читать курс лекций по «историческому методу». Значительно повысилось внимание к новой и современной истории. Лекции и семинары по новой истории проводились в Сорбонне при участии известных историков Франции. Историко-позитивисты, добивавшиеся превращения истории в «науку», стремились распространить на историю нового времени те же принципы «научного», «беспристрастного» изучения предмета, те же методики анализа источников, которыми пользовались применительно к древней и средневековой истории. Важная роль в утверждении новой истории в этом универ-

ситете принадлежала кафедре истории Французской революции конца XVIII в., которую долгие годы возглавлял А. Олар и вокруг которой сложилась мощная научная школа.

Процесс профессионализации исторической подготовки и институционализации новой истории в академической системе сопровождался созданием общенациональных и местных исторических обществ и журналов. К началу XX в. новая история Франции была поделена между следующими профессиональными объединениями историков: «Общество исследований эпохи Рабле» и журнал «Шестнадцатый век» («*Sixième siècle*»), общество и бюллетень «История французского протестантизма» («*Histoire du protestantisme français*»), общество и журнал «Восемнадцатый век» («*Dix-Huitième siècle*»), общество и журнал «Французская революция» («*Révolution française*»), общество и журнал «Политические науки» («*Sciences politiques*»), общество и журнал «История французских колоний» («*Revue de l'histoire des colonies françaises*»), журнал «Военная история» («*Histoire militaire*»), журнал «История экономических и социальных доктрин» («*Revue d'histoire des doctrines économiques et sociales*»).

Большая часть этих обществ создавалась по инициативе или при активном содействии видных академических историков-профессионалов. В 1899 г. университетскими историками был основан журнал «Обозрение новой и современной истории» («*Revue d'histoire moderne et contemporaine*»). В 1901 г. на его основе образовалось общество новой истории, в которое вошли Т. Моно, Э. Лависс, А. Олар, А. Матъез и др.

Значение этих обществ и журналов для развития исторической науки Франции заключалось в том, что они, фактически представляя собой коллективную форму проведения исторических изысканий, способствовали рождению исследовательских школ со своими научными программами. Важное место в их деятельности занимала работа по выявлению, отбору, систематизации и изданию документов. Так, значительный вклад в расширение источниковой базы исследований по истории Великой французской революции внесли члены

Общества истории Французской революции конца XVIII в. и журнал «Французская революция», руководимый А. Оларом. К 1913 г. были изданы 53 тома документов, 6 томов протоколов Якобинского клуба, 5 томов документов по истории Парижа времен термидорианской реакции и Директории, «Собрание актов Комитета общественного спасения». Повсеместно существовавшие провинциальные исторические общества издавали многотомные коллекции документов по локальной истории.

У каждого исторического общества были свои идеалы и свои герои. В 1904 г. во Франции возникло Общество по истории революции 1848 г., объединившее академических историков, архивистов, политических деятелей, писателей, публицистов, представителей либеральной и радикальной интеллигенции. Руководство Общества представляли А. Карно, А. Олар, П. Карон, Ж. Ренар и др. Оно организовало издание монографических исследований в серии «Библиотека революции 1848 г.». Их авторы придавали особое значение введению в научный оборот архивных материалов. Это объясняет повышенный интерес участников Общества к выявлению в архивохранилищах страны неопубликованных документов по революции 1848 г. Подготовленные материалы выходили в виде тематических сборников в той же серии «Библиотека».

Одним из наиболее ценных источников, опубликованных Обществом, были «Протоколы Комитета труда Учредительного Собрания»⁹. Общество издавало также журнал «Революция 1848 г.» («*La Révolution de 1848*»). Главным его редактором был социалист Ж. Ренар. Много места в журнале отводилось освещению деятельности и идеологии мелкобуржуазных демократов. На его страницах публиковались архивные документы и исследования по истории революции. В 1916 г. Общество расширило круг своих научных интересов за счет изучения революций 1830 и 1870 гг., поэтому издававшийся им журнал стал называться «Революция 1848 г. и революции XIX в.» («*La Révolution de 1848 et les Révolutions du XIX-e siècle*»).

⁹ Procès — Verbaux du Comité du travail à l'Assemblée à l'Assemblée constituante. P., 1908.

Формирование научных учреждений было тесно связано с развитием в историческом знании соперничающих течений и школ, которые различались по своим теоретико-методологическим установкам (несмотря на торжество позитивизма в историографии), пониманию социальных функций истории, идейно-политическим позициям. Ведущее место в исторической науке занимали историки либерально-республиканской ориентации, разделявшие основные идеологические принципы правящей партии радикалов (защита Республики от монархизма и социализма, умеренный реформизм).

Общее направление их деятельности по организации исторического знания во Франции было четко определено Ш. Сеньбосом еще в 1903 г. в одной из его университетских лекций — привести изучение и преподавание истории в соответствие с «нуждами демократического и рационального общества» (имелась в виду Третья республика). Либерально-республиканскими историками и социологами владела мысль — посредством реформ высшей школы и создания сети объединений профессионалов утвердить историческую и социальную науку в качестве краеугольных камней новой республиканской ортодоксии.

Защищая научные принципы и профессионализацию исторического знания, республиканские историки-позитивисты стремились противостоять атакам историков консервативно-монархического лагеря. Это правобуржуазное крыло французской историографии активизировалось в связи с делом Дрейфуса и оживлением реакционных националистических настроений в обществе в начале XX в. Историки — «философы», «литераторы», «импрессионисты», как их называли противники, упорно отстаивали принадлежность истории к литературе или искусству и хранили верность традиции любительства в историографии.

Профессор Высшей школы политических наук, ученик Тэна и Токвиля А. Сорель в исследовании «Европа и Французская революция»¹⁰ обосновывал эволюционистскую концепцию истории, доказы-

вая, что внешняя политика эпохи революции и империи — политика «естественных границ» — была не чем иным, как продолжением той же самой политики «старого порядка». Эта концепция Сореля стала основополагающей для многих публикаций начала XX в., осуществленных в рамках созданного еще в 1887 г. Общества по истории дипломатии и журнала «Обзорные дипломатической истории» («Revue d'histoire diplomatique»).

Другой видный историк того времени **Альбер Вандаль** (1853 — 1910) посвятил свои труды наполеоновскому периоду — теме, ставшей столь же актуальной во Франции в первые десятилетия XX в., как и история дипломатии. В работах «Наполеон и Александр I»¹¹ и «Возвышение Бонапарта»¹² он с литературным блеском нарисовал апологетическую картину империи и внес тем самым свою лепту в «национальное достояние»: история Наполеона I, согласно Вандалью, преумножила «величие» и «славу» Франции. В 1912 г. его последователями — правобуржуазными историками было создано специальное Общество по изучению истории наполеоновского периода. Основателем Общества и редактором его периодического издания стал Э. Дрио, занимавшийся историей внешней и колониальной политики Франции. Деятельность членов Общества сводилась, главным образом, к безудержной апологетике периода Первой империи и личности самого Наполеона.

Начало XX в. во Франции характеризовалось заметным ростом демократического и социалистического движения. Это содействовало активизации историков, принадлежавших к радикально-демократическому и социалистическому направлениям в историографии. В 1907 г. **Альбером Матьезом** (1874 — 1932), демократом по политическим взглядам, было основано Общество по изучению робеспьеризма. Образованию этого Общества предшествовали исторические исследования А. Матьеза по религиозно-политическим проблемам эпохи Великой французской

¹¹ Vandal A. Napoléon et Alexandre I-er. P., 1891—1893. V. 1—3.

¹² Vandal A. L'avènement de Bonaparte. P., 1902.

¹⁰ См.: Sorel A. D'Europe et la Révolution française. P., 1885—1904. V. 1—8.

Ж. Жорес

революции и истории революционных организаций того времени. В обществе объединились историки преимущественно радикально-демократической ориентации. С 1908 г. под редакцией Матьеза начал издаваться журнал «Анналы Французской революции» («Annales paires révolutions»).¹³

В трудах членов Общества и в журнальных статьях высоко оценивалась деятельность Робеспьера и якобинцев как наиболее передовой политической группировки эпохи революции. Одновременно развенчивалась личность Дантона, которого либеральные историки считали родоначальником политических устоев Третьей республики.

Развитие социалистического направления во французской историографии начала XX в. организационно воплощалось в коллективных формах научных изысканий по социально-экономической проблематике национальной истории. Один из руководителей социалистического движения **Жан Жорес** (1859 — 1914) выступил инициатором создания многотомной «Социалистической истории 1789 — 1900 гг». К работе над ней (первый том вышел в 1901 г.) были привлечены многие деятели Социалистической партии. В томах, написанных Жоресом, содержался богатый фактический материал по социально-экономической истории Французской революции конца XVIII в. В 1903 г. также под руководством Жореса была создана Комиссия по изучению экономической и социальной истории Французской революции, которая продолжала работу Комиссии по публикации документов Французской

революции 1789 г., образованную еще в 80-х годах XIX в.

Изучение Великой французской революции в начале XX в. А. Олар. Общая цель буржуазной историографии начала XX в. — оправдать государственную политику — наиболее зримо проявилась в подходе к Великой французской революции. И в этом случае связь исторических интерпретаций с господствующими настроениями просматривается вполне определенно. В исторической науке того времени утвердилось стремление видеть в событиях прошлого не столько предметы познания, сколько символы веры, что сделало и саму историю, в частности историю Французской революции, одним из ритуальных атрибутов Третьей республики.

Казалось бы, было все для постижения этого исторического события — кафедра, Общество, журнал, публикация огромного количества архивных документов, добротный научно-вспомогательный аппарат (справочники, словари, каталоги), совершенные методы научной критики источников; однако глубинные пласты истории революции так и остались не затронутыми, сущность ее не раскрытой. Самый видный историк революции рассматриваемого времени Альфонс Олар и его школа воссоздали в целом идеологический, а не научный образ революции.

В этом плане Олар оставался близким И. Тэну, несмотря на то что позиции этих двух историков выглядят едва ли не прямо противоположными. В книге «Тэн как историк революции»¹³ Олар подверг резкой и убедительной критике основные идеи и исследовательские приемы Тэна, обнажил его тенденциозность и предвзятость. Позиции Олара придавали убедительность его постоянное обращение к источникам, опора на документы. И тем не менее преобладающим в этой критике было разоблачительство, а не научное преодоление. Реакционному субъективизму Тэна был противопоставлен пусть и существенно отличный от него, левoliberalный, но все-таки тоже субъективизм. При этом выявились принципиально разные оценки: было видно, что у каждого из историков

¹³ Aulard A. Tain historien de la Révolution française. P., 1907.

свои герои, свои симпатии и антипатии, они делали различные акценты на одни и те же даты, события, и в итоге получалась разная степень приближения к реалистической картине революции.

Для преодоления позиции Тэна одних лишь субъективных намерений, даже если они подкреплялись документами, оказалось недостаточно, здесь нужен был принципиально иной подход, который позволил бы проникнуть в тайны исторического процесса глубже лежащих на поверхности видимых причин и следствий и обеспечить бы постижение на этой основе механизма взаимодействия экономического, социального, политического и других уровней общественного устройства, что помогло бы обнажить динамику и определить остроту социальных противоречий в ходе революции. Однако исторический горизонт Олара позволял ему обозревать лишь тонкий слой исторической действительности, главным образом ее политический уровень¹⁴.

Олар мог уличить Тэна в предвзятости при отборе документов, в нарушении правил их научной критики и интерпретации. Но противопоставить Тэну принципиально иную концепцию революции Олар не мог. Им обоим был присущ один и тот же тип исторического мышления: к прошлому они обращались с целью оправдания существующих политических порядков и обоснования господствующих морально-нравственных ценностей.

Э. Лависс и его концепция национальной истории. Еще более рельефно эта особенность официальной французской историографии конца XIX — первой четверти XX в. проявилась в деятельности Эрнеста Лависса (1842 — 1922).

Это была крупнейшая фигура в исторической науке, в университетской деятельности, в школьном образовании и воспитании конца XIX — начала XX в. Лависс был профессором Сорбонны, директором Высшей нормальной школы, руководил отделом истории в журнале «Парижское обозрение» («Revue de Paris »); он был академиком, входил в многочисленные комис-

сии, участвовал в церемониях; оказывал влияние на солидные издательства; был своим человеком в правительственных кругах и личным другом Р. Пуанкаре. Лависс был оракулом и рупором, официальной мудростью Третьей республики и оказал на своих современников и на будущие поколения глубокое воздействие — прежде всего в формировании национального самосознания в том его виде, как оно тогда мыслилось. Лависс был несравненным учителем патриотизма, национальным наставником. Школа при нем стала очагом культуры Родины.

Совместно с А. Рамбо Лависс издал коллективный труд «Всеобщая история» в 12 томах¹⁵, 7 из которых посвящены новому времени. Под его же руководством издавалась и «История Франции от ее истоков до революции»¹⁶. Три тома этой истории — VII, VIII и IX — были посвящены начальному периоду новой истории. Но на формирование исторического сознания французов, пожалуй, гораздо большее влияние оказали не эти многотомные издания, а «маленький Лависс» — учебник по истории Франции для начальных классов, который, сделавшись для детей своего рода евангелием, многократно переиздавался миллионными тиражами. Первое его издание появилось в 1884 г., а последнее, пятидесятое, в 1950 г.

Как историк Лависс не отличался ярко выраженной научной индивидуальностью. Он не был, как его современники Ланглуа и Сеньобос, приверженцем строгой «эрудиции». Он не последовал и за именитыми предшественниками и не стал пропагандировать ни философскую, ни синтезирующую историю. Его концепция истории не была оригинальной в том смысле, что в ней просматриваются многие из наиболее типичных характеристик современной ему позитивистской историографии: эволюцио-

¹⁵ Histoire générale du IV siècle à nos jours. Ouvrage publié sous la direction de M. M. Ernest Lavis, Alfred Rambaud. P., 1892—1901. Т. 1—12.

¹⁶ Lavis E. Histoire de France des origines à la Révolution. P., 1900—1911. Т. 1—9. — Русск. пер.: Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. М., 1897—1903; Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. М., 1937. Т. 1—8.

¹⁴ Aulard A. Histoire politique de la Révolution française. P., 1901. — Русск. пер.: Олар А. Политическая история Французской революции. 4-е изд. М., 1938.

низм, эмпиризм, событийность, предпочтительнее военно-политической истории.

Особое место в истории французской исторической науки Лависс обеспечил себе тем, что объединил в своей деятельности профессии историка и воспитателя молодежи. Это сочетание двух видов деятельности определили оригинальность, своеобразие места и роли этого историка в формировании исторического сознания французского общества.

В своих изысканиях Лависс никогда не руководствовался чисто научными стремлениями. Уже в ранних работах, посвященных истории Пруссии¹⁷, он исследовал, по существу, французскую национальную историю. В последующих его работах пути человечества рисовались как неизменно перекрещивающиеся во Франции, а сама она изображалась как личность, с присущими ей закономерностями развития и взросления. Короли и президенты, монархии и республики, войны и революции оказывались у Лависса внешними по отношению к Франции силами, способствовавшими или мешавшими ее росту. Короли, монархические режимы, обеспечивавшие территориальное, моральное и административное единство родины, получили у него одобрение и преподносились как предтечи республиканских порядков и ценностей. И, напротив, кто не способствовал этому единству или подрывал его, будь то якобинец или восставший в Вандее, независимо от политических мотивов безоговорочно им осуждался, так как он предавал Францию.

Даже импрессионисты в этом смысле раздражали его. Как для академических художников они были «революционерами», так и для Лависса импрессионисты — «французские прихоти», которые лишь «доставляют удовольствие врагам». Режим и нация, республика и родина, республика и Франция — эти исторические, географические и политические понятия идентифицировались, смешивались, становились неразделимыми в работах Лависса. Республика представлялась как неиз-

бежное завершение, логический итог истории Франции, а сама эта история была для него прежде всего реестром правил и примеров для учебника гражданского обучения¹⁸.

Содержание и характер исторического обоснования Лависсом «национального единства» и «патриотизма» сводились к апологетике социально-политических и нравственных ценностей буржуазии. «Франция — самая прекрасная, самая щедрая земля в мире ... самое справедливое, самое свободное, самое человеческое из всех отечеств», — писал Лависс в 1895 г., спустя четыре года после расстрела первомайской манифестации в Фурми. Хорошее правительство, разъяснял Лависс в школьном учебнике, — то, которое основывается на труде, экономии, обеспечивает финансовую стабильность, управляет, как предприятием, домом-Францией. Идеальный правитель — Кольбер: при нем расцвели сельское хозяйство, мануфактуры, торговля. Сравнивая министра и короля, Лависс сообщал учащимся: «Кольбер был очень опечален тем, что король слишком много тратил и делал долги. Он его упрекал в том, что тот предпочитал удовольствия исполнению своих обязанностей. Но Людовик XIV не хотел ничего слышать, и потому Кольбер становился грустным. Ему уже не работалось с удовольствием».

Напуганный революциями середины XIX в., в особенности Парижской Коммуной, Лависс не допускал никакой политической неопределенности в своих исторических повествованиях. Говоря о Французской революции, он однозначно становился на сторону жирондистов, о коммунарах отзывался с возмущением: «Из всех восстаний, о которых сохранила память история, самое преступное было, конечно же, то, что произошло в марте 1871 г., на гла-

¹⁸ Учебник Лависс опубликовал под весьма примечательным псевдонимом — Пьер Лалуа (Pierre Lalo; la loi — закон). Наставительный тон учебника вполне соответствует псевдониму автора: он не советует, не предлагает, но повелевает: «Родина — это Франция в прошлом, Франция в настоящем, Франция в будущем. Родина, я люблю ее всем сердцем, с исключительной привязанностью и ревностью...»; «Вы должны любить ваших родителей, которые вас любят, вас кормят, вас обучают. Вы должны им повиноваться. Не спорьте с ними».

¹⁷ *Lavisse E. Essais sur l'histoire de Prusse. Paris, 1881; idem: Etudes sur l'Allemagne impériale. P., 1888.*

зах у врага-победителя». Общее представление Лависса о революциях сводилось к тому, что, если они «когда-то и были необходимы, то теперь таковыми не являются»¹⁹.

Навязчивая идея ослабевающего на-

¹⁹ *Lavisse E. Nouvelle Deuxième Année d'Histoire de France. P., 1895. P. 415.*

ционального чувства, исключительная приверженность к французской традиции, культ земли, неба, мертвых, вера в республику, как в провидение Франции, в национальное единение как спасение родины, ненависть к революции, филистерство — таков набор основных элементов, которые составили в конце концов довольно стройную философскую систему этого «нефилософствовавшего» республиканского историка.

Глава 4

Историческая наука в Англии. Кризис ортодоксального позитивизма

В начале XX в., с переходом Англии в стадию империализма, в ее экономике, социальной и политической жизни заметно усилились черты, которые только намечались в предыдущие десятилетия. Господство финансового капитала в Англии находило выражение в огромном усилении банков и дальнейшей активизации их деятельности. По вывозу капитала Англия занимала первое место среди других капиталистических держав. Вплоть до 1914 г. она продолжала играть ведущую роль также в мировой торговле и судоходстве.

Между тем доля Англии в мировом промышленном производстве сокращалась, она все заметнее отставала от своих конкурентов — США и Германии. Торговля с колониями и высокая прибыль от их эксплуатации позволяли английской буржуазии до известной степени возмещать ее потери в борьбе с конкурентами. Принимая во внимание ту огромную роль, какую играли колонии в развитии английского капитализма как до эпохи империализма, так и позднее, В. И. Ленин определил его как империализм колониальный¹. Забота о сохранении и дальнейшем расширении колониальных владений, страх за их целостность играли решающую роль в английской внешней политике начала XX в.

Вступая в новое столетие, английская буржуазия уже не ощущала былой уверенности в прочности своих экономических и политических позиций. Свойственный ей прежде безграничный оптимизм слабел и сменялся сомнениями и скептицизмом. В господствующей буржуазной общественной мысли все громче звучали пессимистические ноты. Философ и теолог Дж. Тиррел в книге «Христианский мир на перепутье» (1909) утверждал, что непримиримые противоречия, свойственные обществу, исключают возможность гармонии. «Вся жизнь, — заключал он, — проходит под знаком смерти»².

Мрачные мысли Тиррела были отнюдь не единичным явлением. На сцену выдвигаются такие философские системы, которые отрицают познаваемость объективного мира, провозглашают, что человеческая мысль бессильна и ненадежна.

Состояние и организация исторических исследований. В английской исторической науке начала XX в. развивается дальнейшая специализация знаний, углубляются исследования, расширяется их тематика. Быстро увеличивается число исторических документов, начинают выходить в свет новые издания, улучшается их качество. Успешно развивалась классическая и сред-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 361—362.

² Цит. по кн.: *Ballie J. Belief in Progress. Oxford, 1951. P. 195.*

невековая археология, заметные успехи делали вспомогательные исторические дисциплины.

В начале XX в. в Англии, помимо двух традиционных центров исторического исследования (Оксфорда и Кембриджа), возникает третий — в Манчестере. Основателем манчестерской исторической школы считается Т. Ф. Таут. Он известен в английской исторической науке прежде всего работами по административной истории эпохи средневековья.

Историки манчестерской школы уделяли большое внимание экономической истории. Специалистом по экономической истории был видный представитель этой школы Дж. Энвин, посвятивший свои исследования истории промышленной организации, роли гильдий и средневековых промышленных объединений³.

Характерным для исследований манчестерской школы было пристрастие к деталям при отказе от каких-либо обобщений и выводов. Наглядный пример тому — шеститомный труд Таута⁴, где весьма тщательно, на основе архивных материалов изучены гардероб, домашнее хозяйство, быт, личные печати английских королей XIII—XV вв.

На рубеже XIX—XX вв. укрепилось положение истории как академической дисциплины в одном из крупнейших новых университетов — Лондонском. Видная роль в этом принадлежала А. Полларду — специалисту по политической истории Англии в эпоху Тюдоров. По его инициативе в 1910 г. в университете открылось историческое отделение.

Важное значение имело создание в 1895—1898 гг. в Лондонском университете школы экономики и политики, ставшей пионером в систематическом изучении социальной истории, проблем промышленной революции, истории тред-юнионов и т. д. В числе преподавателей школы были известные философы, историки, экономисты — Б. Рассел, С. Вебб, У. Кеннингем и др.

Более организованные формы приобрело в Англии в этот период изучение местной истории, т. е. истории отдельных городов, графств и т. д. Многочисленные общества местной истории активизировали свою деятельность. Они отыскивали и описывали исторические памятники, создавали архивы, занимались раскопками, пробуждали интерес к истории и распространяли исторические знания. Результатом возросшего интереса к местной истории было издание многотомной истории отдельных графств под общим названием «Викторианская история графств»⁵. В ней на основании документов (главным образом архивных) воссоздавалась история каждого графства и даже прихода — экономическая, социальная, политическая, культурная и т. д. Каждому графству посвящался отдельный том, а иногда даже несколько томов. Это ценное издание продолжается и в наши дни.

В эти же годы предпринимались попытки создания обобщающих коллективных трудов. Крупнейшим изданием такого рода была многотомная «Кембриджская история нового времени»⁶. В разработке общего замысла и создании плана этого труда участвовал Дж. Э. Актон. Влияние его сказалось и на общем введении к изданию под названием «Проблемы новой истории». Идея всего сочинения, гласило введение, заключалась в том, чтобы показать, что основные черты нового времени заключаются в росте национального сознания и индивидуальной свободы, а также в распространении европейской культуры за пределы континента⁷. В «Кембриджской истории нового времени» уделено внимание (хотя и довольно ограниченное) вопросам экономического развития и культуры. В ее составлении принимали участие известные английские историки нового времени. Однако широкие замыслы, предполагаемые в связи с этим изданием, не были осуществлены. В нем отсутствует единая концепция. Авторы глав и разделов по-разному подходят к отдельным пробле-

³ *Unwin G. Industrial Organization. L., 1904; idem Guilds and Companies of London. L., 1908.*

⁴ *Taut T. F. Chapters in the Administrative History of Medieval England. L., 1920—1930. V. 1—6.*

⁵ *Victoria History of the Counties of England. L., 1900.*

⁶ *Cambridge Modern History. Cambridge, 1907—1924. V. 1—XIV.*

⁷ *Cambridge Modern History. V. I. P. VII.*

мам и расходятся в их оценке. Каждая глава книги, по существу, представляет самостоятельное произведение.

Иначе было задумано и построено другое коллективное издание, созданное в Оксфордском университете. Его идея и общая редакция принадлежат У. Ханту и Р. Пулу. Эта 12-томная серия вышла под названием «Политическая история Англии»⁸. В отличие от кембриджского издания, в этой серии каждый том был написан одним автором. Единство концепции отсутствует и здесь, однако в силу того, что каждый автор рассматривал большие исторические периоды, разноречиво не так бросается в глаза. Авторы этого труда стояли на более консервативных позициях и почти без внимания оставили вопросы, выходящие за рамки политической жизни.

В начале XX в. возникает Историческая ассоциация — объединение историков в масштабах всей страны. В создании Исторической ассоциации приняли участие многие крупные университетские историки, в частности Ч. Фёрс, А. Поллард, Т. Ф. Таут и др. По их инициативе в мае 1906 г. в Лондоне состоялась первая конференция историков, на которой и была основана Историческая ассоциация. С тех пор собрания этой Ассоциации происходят ежегодно. С 1912 г. Ассоциация издает собственный журнал «История» («History»). В 1914 г. численность Ассоциации составила около 1200 человек.

Кризис позитивистской методологии исследований. Наряду с успехами в развитии исторического знания в сфере методологии исторических исследований нарастали кризисные явления. Позитивистские постулаты, вчера еще казавшиеся незыблемыми, ныне подвергались усиленной критике.

Кризис позитивизма проявился в различных аспектах. Несмотря на предпринимавшиеся во второй половине XIX в. попытки выявить единство исторического процесса, всемирный характер истории, английская историография к началу XX в. оставалась во власти европоцентризма, т. е. представления о том, что Европа всегда была и останется центром челове-

ческой культуры и что эта цивилизация являет собой вершину человеческого гения, а все остальные цивилизации следует оценивать по тому, насколько они подходят под европейский «образец». Более глубокое знакомство с историей и культурой других стран показало несостоятельность такого подхода. Историческое развитие представало как сложный процесс, складывавшийся из многочисленных потоков и ручейков. Однако вместо объективного вывода о том, что историю следует изучать во всей ее сложности и неповторимости, был сделан другой, а именно: единства в истории нет и не может быть.

Изменилось отношение к идее прогресса. Более глубокое изучение истории показало сложность этого явления. Долго царившее позитивистское понимание прогресса как равномерного и непрерывного движения вверх часто не находило подтверждения в конкретной истории: история знает периоды замедленного развития и даже попятных движений, которые сменяются скачками, когда темпы развития неслыханно ускоряются. Бесчисленные факты острых классовых антагонизмов буржуазного общества опровергали позитивистскую концепцию мирного эволюционного развития. Не сумев научно осмыслить сложную диалектику истории, некоторые исследователи сделали вывод о несостоятельности идеи прогресса вообще. Эти настроения выразил историк Дж. Анвин, который в одной из своих статей (1899) заявлял, что от взглядов на прогресс как на универсальную черту человеческой истории следует отказаться. «В действительности,— писал он,— это признак лишь некоторых эпох, отдельных избранных народов и даже только отдельных классов внутри народа»⁹.

Из позитивизма, унаследованного английской историографией конца XIX — начала XX в., также постепенно удалялись положения о связи истории с социологией, о возможности познания законов общественного развития. На передний план выдвигались идеалистические положения позитивистской методологии. Сведение позитивизма к эмпиризму и фетишизации

⁸ Political History of England. L., 1905—1907. V. 1—12.

⁹ Unwin G. Studies in Economic History. L., 1927. P. 450.

исторических фактов, а целей самого познавательного процесса к субъективистскому воспроизведению и осмыслению исторического прошлого способствовало эклектическому соединению элементов позитивистской методологии и неоранкеанства. Этот своеобразный методологический сплав стал трактоваться в XX в. как универсальный исторический метод. Развивавшийся в английской историографии культ исторического метода усугубил негативное отношение буржуазных историков к общесоциологическим построениям.

В этот период также возросло влияние релятивистских концепций общественного развития, развернулись дискуссии о месте истории в системе гуманитарного знания и ее соотношении с естественными науками. С этой точки зрения представляет интерес полемика, возникшая между Дж. Бери и Дж. М. Тревельяном. Дж. Бери, исследователь Древней Греции и Византии, получивший в 1903 г. кафедру в Кембридже, в своей вступительной лекции заявил, что «хотя история... и может дать материал для литературы и политических умозаключений, но она сама по себе представляет только науку и ничего больше»¹⁰.

Против этого тезиса Бери выступил Дж. М. Тревельян. В книге под несколько претенциозным заглавием «Клио — муза истории» он заявил, что историю нельзя причислять к точным наукам и даже вообще к науке. Исторический факт, по его мнению, представляет собой индивидуальное неповторимое явление, и поэтому никаких законов в истории нет и не может быть. Есть только игра случайностей, которая в зависимости от обстоятельств может дать различные результаты. Тревельян отождествлял историю с литературой, а задачи историка с задачами поэта: не случайно, писал он, в Древней Греции история причислялась к искусствам.

Либеральное и консервативное направления в историографии. В английской историографии начала XX в. ведущие положения, как и раньше, занимали два традиционных направления — либеральное и консервативное. Преобладающая роль в историографии по-прежнему принадлежала

либеральному направлению. Представителей его объединяла не только принадлежность к либеральной партии, но в некоторой степени и сам их подход к истории. При оценке фактов прошлого историки исходили из того, в какой мере эти события шли на пользу либеральной политике. Положительным они считали все, что способствовало успехам либеральной партии, а отрицательным — все, что ей мешало. История нового времени под пером либеральных историков превращалась в процесс утверждения вигско-либеральных интересов и принципов.

Характерным представителем либерального направления был лорд Розбери, видный деятель либеральной партии, одно время занимавший пост премьер-министра. Его перу принадлежат биографии государственных деятелей прошлого — Питта, Кромвеля и Наполеона, а также несколько исторических этюдов и очерков. Розбери не был профессионально подготовлен для занятий историей, являясь скорее дилетантом. Он не использовал многих важных и даже необходимых документов, имел слабое представление о научной критике источников. Тем не менее благодаря политической позиции и громкому имени автора (он, член аристократической фамилии, был женат на дочери крупнейшего банкира Ротшильда) его работы имели определенный успех.

Видным представителем вигско-либерального направления был **Джордж Отто Тревельян** (1838—1928) — отец упомянутого выше автора книги «Клио — муза истории». Тревельян-старший был крупным деятелем либеральной партии, занимал высокие правительственные посты (министр морского флота, министр по делам Ирландии и др.). Наряду с биографией своего близкого родственника историка Маколея Тревельян опубликовал многотомную «Историю Американской революции»¹¹, в которой пытался объяснить «великий раскол» англосаксонской нации. Он игнорировал сложные проблемы в отношениях между Англией и ее американскими колониями и все сводил к недоразумению, вину за которое нес упрямый ко-

¹⁰ Цит. по: Canadian Historical Review. Dec., 1962. V. 43. № 4. P. 316.

¹¹ Trevelyan G. O. American Revolution. L., 1899—1912. V. 1—6.

роль и его неумные министры из лагеря тори. Тревелиян был убежден, что если у власти стояли бы более разумные люди, дело не дошло бы до разрыва, и Британская империя сохранилась бы в целостности.

Концепция Тревелияна имела и определенный политический смысл. В условиях резкого обострения международных противоречий и назревавшего военного столкновения между Англией и Германией английские политики искали сближения с США, которые казались менее опасным соперником, чем Германия. В прессе тех лет много говорили о братстве обоих народов, о тесных узах крови и т. д. Этим мотивам и была созвучна книга Тревелияна, хорошо встреченная также за океаном — в особенности в кругах, склонявшихся к сближению с Англией. Президент США Т. Рузвельт и близкие к нему лица преподнесли Тревелияну в подарок серебряную чашу с надписью «От друзей — историку Американской революции».

Исторические труды, выходявшие из консервативного лагеря, в принципе мало отличались от работ либерального толка. Однако критическое отношение к политике либералов, особенно на протяжении XIX в., как, например, в работе Г. Максвелла «Век империи. 1801—1900» (1911), позволяло консерваторам несколько более трезво оценивать достижения английского капитализма и политику либералов.

Радикальная критика империализма. Утверждение господства монополий порождало в Англии, как и в других странах, различные проявления антимонополистических тенденций в настроениях общественности. В английской историографии стало складываться радикальное крыло. Оно заявило о себе прежде всего критикой империализма, понимаемого как политика экспансии, колониальных захватов.

Наиболее значительным представителем радикальной историографии начала XX в. был Джон Гобсон (1858—1940), плодовитый публицист, автор ряда работ по английской экономике. Уже в книге «Эволюция современного капитализма»¹² Гобсон отметил такие новые явления в

¹² *Hobson J. Evolution of Modern Capitalism. A Study of Machine Production. L., 1894.* — Русск. пер.: Гобсон Д. Эволюция современного капитализма. СПб., 1898.

экономической жизни Англии, как тенденция к укрупнению капитала, увеличение масштабов и значения вывоза капитала за границу. В период войны против бургских республик Гобсон решительно занял антивоенную позицию, резко осуждал агрессивную политику Англии, клеймил разгул шовинизма¹³.

Самой крупной и значительной работой Гобсона была книга «Империализм»¹⁴. В ней Гобсон приводил большой материал по экономике современной ему Англии и разоблачал агрессивную политику воротил биржи и крупного капитала. Главная заслуга Гобсона состоит в том, что он установил связь между колониальной экспансией и некоторыми новейшими тенденциями капиталистической экономики. Таким образом, он сделал шаг к пониманию природы империализма, предпринял успешную попытку выявить пружины внешней политики.

При всей меткости наблюдений Гобсона относительно политики империалистической экспансии и ее связи с явлениями внутривнутриполитической жизни Англии (за это его работу «Империализм» высоко ценил В. И. Ленин) его концепция империализма все же была ограниченной. Так, Гобсон считал, что стремление к экспансии не вытекает из природы капитализма, что его можно «исправить», «отучить» от агрессивности, и приводил аргументы, которые должны были доказать, что империалистическая политика в конечном счете «невыгодна». Он был убежден, что если бы избыток капитала, образующийся за счет «недопотребления низших классов», не вывозился за границу, а был использован на нужды социальных реформ в самой Англии, то это ликвидировало бы главную причину ее отставания от быстрорастущих стран, повело бы к повышению занятости, расширению производства, решило бы трудности внутреннего рынка и обеспечило бы экономическое процветание.

¹³ См.: *Hobson J. The War in South Africa. L., 1900; idem. The Psychology of Imperialism. L., 1901.*

¹⁴ *Hobson J. Imperialism. A Study. L., 1902.* — Русск. пер.: Гобсон Дж. Империализм. Л., 1927.

К радикальному крылу английской историографии относятся и историки фабианско-лейбористского направления. Наиболее видными его представителями были супруги Вебб — Сидней и Беатриса. Продолжая свое изучение «анатомии» английского общества, начатое с тред-юнионов, они в начале XX в. приступили к исследованию английских местных учреждений. На огромном архивном материале они проследили развитие в Англии различных местных институтов (приходских советов, городских и муниципальных институтов, советов графств). В трудах Веббов впервые дана обобщенная картина деятельности этих учреждений, показаны их структура и функции¹⁵.

С. Вебб был членом парламентской комиссии, созданной в 1906 г. для изучения и реформы законодательства о помощи беднякам. Не согласившись с решениями этой комиссии, Вебб опубликовал свои предложения в виде доклада меньшинства, где критиковал существующее законодательство и выдвигал план полного его пересмотра, который намечал создание системы социального страхования в масштабах всей страны. В 1910 г. С. и Б. Вебб опубликовали большую работу по истории законодательства о бедных¹⁶.

Историки марксистского направления. В начале XX в. в английской историографии продолжает развиваться марксистское направление. Историки-марксисты по-прежнему работали в неблагоприятных условиях. Основной ареной их деятельности являлась публицистика, особенно выступления в рабочей и социалистической периодике. Тем не менее уже в эти годы появляются и некоторые значительные работы, написанные с марксистских позиций.

Талантливым историком был видный деятель ирландского и шотландского рабочего движения **Джеймс Коннолли** (1868—1916), расстрелянный англичанами при подавлении восстания в Ирландии против английского владычества. Его перу при-

надлежат два исследования — «Труд в истории Ирландии» и «Ирландская реконкиста»¹⁷. В первой книге на обширном материале рассматривается история трудящихся классов Ирландии, в основном на протяжении XVIII и XIX вв., их положение и борьба против помещиков и буржуазии. Во второй анализируются формы и методы английского господства в Ирландии, развитие национальной борьбы ирландского народа.

В своих исторических работах, обобщая опыт ирландского освободительного движения, Коннолли подчеркивал роль народных масс как творцов истории. Этой же мыслью пронизана его статья «Ирландские массы в истории», где он отмечал, что господствующая историография, выдвигая на первый план представителей имущих классов, искажает подлинную историю страны и что главной силой освободительного движения на протяжении всей истории Ирландии были трудящиеся.

Другим историком-марксистом был левый социалист **Федор Аронович Ротштейн** (1871—1953). Он начал революционную деятельность в России, но в 1891 г., спасаясь от преследований полиции, был вынужден эмигрировать, поселился в Англии и только в 1920 г. вернулся на родину, в Советскую Россию. На протяжении трех десятилетий Ротштейн активно участвовал в английском рабочем и социалистическом движении, неизменно занимая позиции на его левом, революционном крыле. Он был одним из инициаторов создания Коммунистической партии Великобритании.

Наряду с многочисленными работами публицистического характера, Ротштейну принадлежит работа о чартизме, которая вначале печаталась в виде журнальных статей, а позднее была издана отдельной книгой¹⁸. Автор обратился к источникам по истории этого движения, в частности к чартистской прессе. Он привлек также многочисленные брошюры современников и другие материалы. Несмотря на некото-

¹⁵ См.: *Webb S. and B. English Local Government. The Parish and the Country.* L., 1906. V. 1—2; *idem. The Manor and the Borough.* L., 1908.

¹⁶ *Webb S. and B. English Poor Law Policy.* L., 1910.

¹⁷ *Connolly J. Labour in Irish History.* Dublin, 1910; *idem. Re-Conquest of Ireland.* Dublin, 1914.

¹⁸ *Ротштейн Ф. А. Очерки по истории рабочего движения в Англии.* М., 1923.

рые слабости, например преувеличение революционной сознательности ведущих деятелей чартистского движения, книга Ротштейна представляет собой ценное исследование.

В 1910 г. вышла в свет работа Ротштейна «Гибель Египта»¹⁹. В ней рассматриваются мотивы, побудившие Англию пойти на захват Египта, предшествовавшие этому события и политика Англии в Египте после его подчинения. Факты и цифры, приводимые в книге, были почерпнуты преимущественно из английских официальных источников — так называемых Синих книг, парламентских отчетов и т. п. В книге раскрывается роль английского финансового капитала в захвате и закабалении Египта, показаны движущие силы английской колониальной политики. Труд Ротштейна направлен как против апологии империализма, характерной для вышедшей незадолго до того книги лорда Кромера «Современный Египет», так и против Э. Бернштейна, восхвалявшего культурные «достижения» Англии в Египте.

Проблематика исторических исследований. Политическая история. Для исторической науки в Англии, как и для других стран Западной Европы, характерно в начале XX в. расширение проблематики; в круг ее интересов включаются и становятся предметом специального исследования различные стороны жизни общества — экономика, социальные процессы, духовная жизнь, искусство, литература и т. д. Правда, в большинстве английских исторических работ все еще преобладал политико-юридический подход. Это относилось и к коллективным трудам, в частности к уже упомянутой «Политической истории Англии», а также к «Истории Англии», начавшей выходить в 1910 г. под редакцией Ч. Омэна²⁰.

Некоторые историки пытались поставить под сомнение вопрос о необходимости специального изучения экономики и социальной истории. Так, Р. Гриттон,

автор «Новейшей истории английского народа», критиковал Дж. Р. Грина, который призывал историков изучать факты повседневной жизни народа. Гриттон утверждал, что в этом нет никакой необходимости. «Судьбу среднего человека, — писал он, — определяют явления высокой политики, а не повседневные события его жизни»²¹. Однако общая тенденция исторических исследований к расширению тематики, к все более широкому охвату самых различных сторон жизни людей не вызывает сомнений и свидетельствует о развитии исторической науки, об увеличении ее удельного веса в духовной жизни общества.

Одновременно наблюдалось и другое явление — дальнейшая специализация исторического знания, превращение определенных разделов истории в особые отрасли и дисциплины. Так, в частности, произошло с военной историей. Дж. Фортескую в работе «История британской армии» создал настоящую историческую энциклопедию английских вооруженных сил, подробно описал все их операции как в самой Англии, так и за ее пределами²². Дж. Корбетт посвятил ряд трудов истории английского военно-морского флота и его действиям²³. Созданное по его инициативе Общество по изданию документов военно-морского флота опубликовало ценные материалы. Оба историка стремились окружить английские военные силы ореолом непобедимости, представить их как защитников свободы, как орудие «цивилизации». Но эти авторы обходили молчанием черные страницы английской военной истории, жестокость англичан в колониях и т. д.

Особое место в политической историографии начала XX в. занимал Чарльз Фёрс (1857—1936), посвятивший свою жизнь изучению истории гражданской войны в Англии в годы революции середины XVII в. В своих трудах, основанных на тщатель-

¹⁹ Rotstein T. Egypt's Ruin. L., 1910.— Русск. пер.: Ротштейн Ф. А. Захват и закабаление Египта. М., 1959. Для русского издания, впервые осуществленного в 1925 г., автор написал дополнительно четыре главы, доведя изложение до 1924 г.

²⁰ History of England. L., 1910—1918. V. 1—8.

²¹ Gritton R. H. Modern History of the English People. L., 1910—1914. V. 1—2; V. 1. P. 6.

²² Fortescue J. W. History of the British Army. L., 1899—1930. V. 1—19.

²³ Corbett J. Drake and the Tudor Navy. L., N. Y. and Bombay, 1898; idem. England in the Mediterranean. L., N. Y. and Bombay, 1904; idem. The Campaign of Trafalger. L., N. Y. 1910.

ном и глубоко изучении источников, Фёрс анализирует состав армии Кромвеля, ее структуру, прослеживает историю отдельных воинских соединений²⁴. Он был большим знатоком истории революции и много сделал для публикации источников этого периода — актов Долгого парламента и других революционных учреждений, личного архива секретаря Совета армии в 1647—1649 гг. У. Кларка и др. Фёрс продолжил труд Гардинера, который довел изложение истории революции только до 1656 г. В работе «Последние годы протектората»²⁵ Фёрс изложил события после смерти Кромвеля. Он считал себя учеником Гардинера и вслед за ним полагал, что революция — это прежде всего явление духовной жизни. Содержание ее он видел в столкновении религиозных идей. По мнению Фёрса, главная задача историка — проникновение в духовную атмосферу изучаемой эпохи.

Прогрессирующая специализация исторической науки вела к более глубокому проникновению в предмет исследования, но одновременно ограничивала его, что влекло за собой сужение интересов историка. Ученые все реже брались за разработку широких проблем, все чаще замыкались в узких рамках частных тем и локальных вопросов. Подобные исследования не давали ученому возможности сделать какие-либо выводы. Порою за сужением тематики скрывалось стремление уйти от больших и трудных вопросов и избежать обобщений.

Экономическая история. Крупнейшим историком-экономистом в эти годы был кембриджский профессор Джон Клепем (1873—1946). Еще в 1899 г. он опубликовал работу о причинах войны между Англией и Францией в 1792 г., в которой прослеживал роль экономических факторов в возникновении войны²⁶. Его труд по истории английской шерстяной промышленности построен на обширном мате-

риале источников и дает весьма полную картину ее развития²⁷.

Работы Клепема отличаются основательность источниковой базы и тщательная документированность изложения. Капитальный труд Клепема — «Экономическая история Англии в XIX в.» — вышел после окончания первой мировой войны. Он старательно избегал обобщений и пытался быть беспристрастным, оперировать только фактами. Однако характер изложения того или иного вопроса выдавал тенденцию автора. Так, например, рисуя положение английских трудящихся в ходе завершающейся промышленной революции, Клепем заявлял, что утверждения об ухудшении их жизненного уровня представляют собой легенду и что в действительности уровень жизни масс после 1815 г. вырос. Однако его аргументы весьма поверхностны и не могут убедить более или менее взыскательного читателя.

Социальная история. Крупнейшим исследованием в области социальной истории явилась серия работ супругов **Джона и Барбары Хэммонд**. Эту серию открыла в 1910 г. книга «Сельский рабочий в 1760—1832 гг.» Позднее, уже в годы первой мировой войны, вышла их книга по истории городских рабочих в тот же период, а в 1919 г. — последний том серии, посвященный квалифицированным рабочим²⁸. Авторы привлекли разнообразные материалы парламента и его комиссий, протоколы специальных обследований и т. д. Они впервые использовали архивы министерства внутренних дел — распоряжения центрального правительства, донесения местных властей и многое другое. Авторы с сочувствием писали о страданиях английских рабочих и их борьбе и пытались воссоздать атмосферу времени, показать психологию отдельных социальных слоев. Книги Хэммондов до сего дня не утратили научного значения.

²⁷ *Clapham J. Woolen and Worsted Industries. L., 1907.*

²⁸ *Hammond J. L. and B. The Village Labourer 1760—1832. A Study in the Government of England before the Reform Bill. L., 1911; Hammond J. L. and B. The Town Labourer 1760—1832. The New Civilization. L., 1917; Hammond J. L. and B. Skilled Labourer 1760—1832. L., 1919.*

²⁴ *Firth Ch. Cromwell's Army. L., 1902; idem. Regimental History of Cromwell's Army. L., 1906. V. 1—2.*

²⁵ *Firth Ch. The Last Years of Protectorate 1656—1658. L., 1909. V. 1—2.*

²⁶ *Clapham J. The Causes of the War of 1792. Cambridge, 1899.*

Однако концепция авторов снижает ценность их трудов. Тема исследования была подсказана авторам злобой дня. Канун первой мировой войны был отмечен в Англии мощным подъемом стачечной борьбы. В те годы резко усилилась борьба двух тенденций в рабочем движении, обострились противоречия между рабочими и их официальными лидерами. Исторический опыт английского рабочего движения приобретал особое значение.

Фабианцы супруги Хэммонд, исходившие из идеи о совпадении интересов труда и капитала, полагали, что пониманию этой истины мешает недостаточная образованность как рабочих, так и капиталистов. По мере осознания этого теми и другими должен наступить классовый мир.

Период между 1760 и 1832 гг. авторы считали переходным. Старые корпоративные рамки цехов были сломлены, но идеи единства еще не были поняты. Революционные выступления рабочих времен чартизма, по мнению супругов Хэммонд, явились печальным результатом отсутствия духа согласия между различными классами. Они были порождены злоупотреблениями, эгоизмом и несовершенством политической системы. По мере развития капиталистического общества, полагали они, эти пороки системы будут ликвидированы, а с ними исчезнут и причины острых конфликтов между трудом и капиталом.

В начале XX в. были сделаны попытки научного изучения положения рабочего класса. В работах А. Боули и Г. Вуда прослеживается движение заработной платы рабочих на протяжении всего XIX в.²⁹ В книге Вуда исследуется динамика заработной платы только в одной отрасли — в хлопчатобумажной промышленности. Его выводы, построенные на конкретных данных, представляют большой интерес. Вуд констатировал, что вплоть до середины века заработок рабочих все время падал. Однако он ограничился подсчетами лишь номинальной

заработной платы, не сделав попытки сопоставить ее с ценами, и не показал поэтому движения реальных заработков.

Боули поставил перед собой более широкую задачу: он собрал данные по всем отраслям и в целом по стране. Чтобы преодолеть огромные трудности, связанные с разнородностью в оплате труда разных профессий в отдельных отраслях и в отдельных районах, несопоставимостью целых рядов данных и т. д., автор применил метод статистических «средних величин», а для построения сплошной линии из несравнимых величин прибег к произвольным подстановкам. Все это он назвал «кинетическим методом». Выводы Боули являются спорными и шаткими. Подводя итоги исследования, он сам признал несовершенство примененного метода, рассматривая свою работу лишь как первый шаг к выяснению вопроса.

Биографический жанр. К началу XX в. в Англии получил широкое распространение историко-биографический жанр. Известный историк Г. Никольсон подсчитал, что за первые полтора десятилетия XX в. ежегодно выходило в среднем по 5 тыс. работ биографического характера³⁰. Некоторые из них имели немалую ценность, особенно в тех случаях, когда автор привлекал неизвестные документы и раскрывал неизвестные факты. Однако чаще всего авторы ставили перед собой задачу возвысить или оправдать своего героя, имея мало представления о методах научного исследования.

Видным представителем либеральной историографии, много работавшим в биографическом жанре, был **Джон Морли** (1828—1923). Он был известным деятелем либеральной партии, долго состоял членом парламента и занимал министерские посты. Ему принадлежат биографии Бёрка, Кобдена и Гладстона³¹, а также французских просветителей — Руссо, Вольтера и Дидро³². Некоторые работы Морли

³⁰ См.: *Nicolson H. Development of English Biography. L., 1947. P. 156.*

³¹ *Morley J. Edmund Burke. A Historical Study. L., 1867; idem. Life of R. Cobden. L., 1881; idem. Life of E. Gladstone. L., 1903. V. 1—3.*

³² *Morley J. Voltaire. L., 1872; idem. Rousseau. L., 1876; idem. Diderot and the Encyclopaedists. L., 1878.*

²⁹ *Bowley A. L. Wages in the United Kingdom in the Nineteenth Century. Notes for the Use of Students of Social and Economic Questions. Cambridge, 1900; Wood G. H. History of Wages in the Cotton Trade During the Past Hundred Years. L., 1910.*

представляют большой интерес, в частности биография Гладстона, построенная на документах его личного архива. Однако в целом сочинениям Морли также свойственны серьезные недостатки, такие, как, например, произвольный отбор фактов, идеализация героя повествования.

Свои взгляды на историю Морли изложил в работе «Заметки о политике и истории». Он утверждал, что научное исследование в области истории вообще невозможно, ибо жизнь общества, по существу, складывается из отдельных биографий, а в жизни людей господствуют произвол и случайность. Морли выдвигал на первое место изучение психологии политических деятелей. В их интересах и стремлениях, симпатиях и антипатиях он усматривал основную движущую силу исторического процесса.

История колониальной политики. Несмотря на повышенный интерес английской буржуазии к вопросам колониальной политики, историческая наука Англии долго не уделяла серьезного внимания исследованию этих вопросов. Работы по этой тематике обычно содержали либо пересказ фактов, либо общие рассуждения. Так, книга проф. Ч. Люкаса, который некоторое время состоял на службе в министерстве колоний, «Великий Рим и Великая Британия»³³ была посвящена поискам аналогий между политикой Древнего Рима и колониальной экспансией Англии в новое время. Люкас утверждал, что общим для обоих государств был не только грандиозный размах завоевательной политики, но также и содержание этой политики: завоевывая все новые страны, Англия, как и Рим, писал он, несет на смену варварству свет цивилизации, прогресса и свободы. Это была откровенная апология колониализма.

Рассуждениями, направленными на оправдание британского колониализма, полна и книга лорда Кромера «Древний и современный империализм»³⁴. Автор определял империализм как явление чисто психологическое: это, по мнению Кромера,

извечное стремление повелевать заложено в самой природе человека. Современный империализм также есть не что иное, как выражение этого стремления. Лорд Кромер происходил из семьи крупнейших английских банкиров Бэрингов и получил титул графа за свою деятельность на посту английского резидента в Египте, которым он фактически на протяжении многих лет почти бесконтрольно управлял. В. И. Ленин, ознакомившись с трудами Люкаса и Кромера, дал им резко отрицательную оценку³⁵.

В сравнении с этими апологетическими сочинениями чиновников колониального ведомства серьезным шагом вперед явились работы Хью Эдуарда Эгертона (1855—1927) — «Краткая история английской колониальной политики» и др.³⁶ Эгертон привлек к изучению истории колониальной политики солидные источники, в частности документы, почерпнутые в английских архивах. Он попытался осмыслить историю Британской империи как единого целого, проследить общие линии английской колониальной политики, наметить ее периодизацию.

Однако более высокий общий уровень работ Эгертона не может скрыть того факта, что они также являлись оправданием английской колониальной политики. Эгертон переносил центр тяжести своего изложения на экономическую политику английского правительства в колониях и на вопросы торговли. В отличие от историков типа Фруда, готовых оправдать любую жестокость английских колонизаторов, Эгертон очень бегло излагал «неприятные» эпизоды английской истории, особый интерес проявляя к переселенческим колониям и их конституционной истории.

Заслуги Эгертона в этой области были высоко оценены английскими правящими кругами. В 1905 г. он получил только что основанную кафедру истории Бри-

³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 540, 551.

³⁶ Egerton H. E. Short History of British Colonial Policy. L., 1897; idem. Origin and Growth of the English Colonies and of their System of Government. Oxford, 1903; idem. Origin and Growth of Greater Britain. Oxford, 1908.

³³ Lucas Ch. Greater Rome and Greater Britain. Oxford, 1912.

³⁴ Cromer E. B. Ancient and Modern Imperialism. L., 1910.

танской империи в Оксфордском университете. Эта кафедра была создана на деньги, завещанные известным миллионером и колониальным политиком С. Родсом. Ассигнуя их, Родс подчеркивал, что надеется сделать Оксфорд, где он сам учился, центром пропаганды активной колониальной политики и орудием сплочения и укрепления империи.

Работы Эгертона знаменовали начало более серьезного подхода к изучению истории английской колониальной политики. Об этом же свидетельствовал характер большого коллективного издания, предпринятого в том же Оксфордском университете, под общим названием «Историческая география Британской империи»³⁷. Каждый том его был посвящен географии и экономике отдельных английских колониальных владений; томам предпосылались пространные исторические очерки, посвященные истории захвата данной колонии и ее управлению. Это капитальное издание суммировало те знания, которые были накоплены в изучении Британской империи, и должно было служить руководством для колониальных политиков.

История внешней политики. Английская историография всегда уделяла большое внимание вопросам внешней политики. Начало XX в. отмечено расширением источниковой базы в этой области исследований, более широким использованием архивных материалов. В 1904 г. Дж. Роз издал книгу «Исследования из истории Наполеоновской эпохи»³⁸, в которой собрал свои многочисленные статьи, ранее опубликованные в журналах. Книга целиком построена на архивных документах. Кроме того, Роз опубликовал сборник архивных документов по истории третьей коалиции против Наполеона³⁹. Другие историки в своих работах использовали, наряду с английскими, также материалы из других европейских архивов.

Обращает на себя внимание обилие в эти годы исторических трудов, посвя-

щенных международным отношениям эпохи Наполеона. Помимо уже названных работ Роза, которому принадлежала также большая биография Наполеона⁴⁰, вышло несколько биографий Кэслри, Кеннинга и других деятелей английской дипломатии той эпохи⁴¹. Общими чертами всех этих работ являются идеализация английской внешней политики, стремление подчеркнуть ее чисто оборонительный характер и противопоставить агрессивной политике Наполеона.

Интерес к этой теме и ее трактовка были связаны с международной обстановкой: между английским и германским империализмом усиливались противоречия, которые через несколько лет привели к войне. Английские историки искали аналогии со своей эпохой в дипломатической борьбе столетней давности и находили их в сопоставлении политики Вильгельма II и Наполеона.

В условиях начавшегося сближения с Францией и Россией в английской исторической и публицистической литературе, как ни странно, обсуждались и темы «русской угрозы» и «французской опасности». В 1907 г. вышел в свет большой труд полковника Мэррея «Имперские аванпосты» с предисловием начальника имперского генерального штаба фельдмаршала Робертса⁴². В этом труде анализ стратегического положения Англии и ее владений проводился с точки зрения наиболее вероятного военного столкновения не с Германией, а с Францией и Россией.

Война и историческая наука. Политическое перемирие, заключенное между обеими правящими партиями после вступления Англии в первую мировую войну, отразилось и на исторической науке. Английские историки независимо от партийной принадлежности активно включались в пропагандистскую кампанию с целью доказать широкой публике, что единственной причиной вступления Англии в войну

³⁷ Historical Geography of the British Empire. Oxford, 1897—1923. V. 1—15.

³⁸ Rose J. H. Napoleonic Studies. L., 1904.

³⁹ Select Despatches from the British Foreign Office Archive Relating to the Formation of the Third Coalition Against France 1804—1805. L., 1904.

⁴⁰ Rose J. H. Life of Napoleon I. L., 1901. V. 1—2.

⁴¹ См., например: Marriott J. Georg Canning and his Times. L., 1903; Webster Ch. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815—1822. L., 1925.

⁴² Murray A. M. Imperial Outposts. L., 1907.

явилось грубое нарушение Германией международных соглашений и что Англия не связывает с войной никаких корыстных целей.

Некоторые историки пошли на службу в правительственные организации. Известный исследователь английской внешней политики, автор биографии Кеннинга Г. Темперлей занял пост начальника политического подотдела разведывательного управления генерального штаба. На этом посту он вместе со своими сотрудниками составил для правительства ряд меморандумов по различным аспектам международных отношений. Позднее в составе британской делегации на Парижской мирной конференции он принимал участие в выработке Версальского мирного договора. Другой видный историк Р. Сетон-Уотсон, специалист по странам юго-восточной Европы, стал консультантом министерства иностранных дел. В годы войны он выступал за расчленение империи Габсбургов и расширение английского влияния на Балканах.

Сильное воздействие империалистиче-

ской пропаганды и насаждаемых ею представлений о войне испытали в годы войны и мелкобуржуазные историки и публицисты. Лишь некоторые из них смутно осознавали реальную подоплеку войны и подлинные цели английской внешней политики, но не были в состоянии дойти до глубоких корней происходящего. Так, Г. Н. Брэйлсфорд в 1915 г. издал книгу «Война стали и золота», в которой пытался доказать, что главными виновниками войны являются производители оружия, «пушечные короли»⁴³. Такая концепция возлагала всю ответственность за войну на одну группу имущих классов.

В рабочем движении лишь представители левых социалистов — Ф. А. Ротштейн и др. — в ряде брошюр, а также на страницах созданной в 1916 г. газеты «Призыв» («Call») раскрывали подлинный характер войны и захватнические цели британского империализма.

⁴³ *Brailsford H. N. The War of Steel and Gold. L., 1915.*

Глава 5

Эволюция позитивизма в историографии США. Возникновение прогрессистского направления

На рубеже XIX—XX вв. американский капитализм вступил в монополистическую стадию. «Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках *одной сотой доли* общего числа предприятий!»¹ — отмечал В. И. Ленин, анализируя данные переписи 1909 г. в США.

Укрепление в Соединенных Штатах могущества трестов сказалось на положении всех классов и слоев общества. Бурно разгоралась стачечная борьба в промышленности. Как и в конце XIX в., США были далеки от перспективы революционных перемен, но влияние социалистических идей возросло.

Обострение противоречий между монополиями и основными слоями нации вызвало к жизни демократические движения, носившие антимонополистический характер. Теперь, в отличие от конца XIX в., основной силой в них были не фермеры, а городская мелкая буржуазия. Видная роль принадлежала интеллигенции. Первым значительным общедемократическим движением эпохи империализма стало антивоенное и антиколониальное движение, возникшее в период испано-американской войны 1898 г. Огромный резонанс в стране получили сенсационные разоблачения «разгребателей грязи» — критика хищников капиталистической наживы. Началась более активная борьба негров за свои права. Организаторы «ниагарского

¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 311.*

движения» заявили в 1905 г.: «Мы не удовлетворимся меньшим, чем полное признание наших гражданских прав».

В условиях вызревания новых противоречий в стране и роста социальной напряженности правящие круги были вынуждены учитывать недовольство масс. Ширились тенденции к государственному регулированию социально-экономических проблем, формировалась стратегия долгосрочной защиты устоев капитализма. И президент Т. Рузвельт, и президент В. Вилсон выдвигали широкую программу реформ, включавшую контроль над трестами, рабочее законодательство, демократизацию политической жизни. В. И. Ленин тогда же точно оценил этот поворот в политическом курсе. Он видел в событиях в США «...необычайно ясное и яркое выступление *буржуазного реформизма*, как средства борьбы против социализма»².

Реформизм в общественной мысли. Зарождению буржуазно-реформистского курса в сфере политики способствовало возрастание влияния реформизма в области общественной мысли. В период, когда давление «железной пяты» монополистического капитализма чувствовалось во всем, теория *laissez faire* — свободной игры экономических сил, индивидуализма, невмешательства государства в социальные конфликты не могла рассчитывать на прежний прием. Приутихло безудержное восхваление миллионера как «лучшего человека» за то, что он в конкурентной борьбе оказался «наиболее приспособленным». Либеральный реформизм получил разностороннее выражение в политэкономии, философии, истории, праве, этнографии и т. п. Еще в конце XIX в. группа молодых экономистов, объединившаяся под руководством Р. Эли в Американскую экономическую ассоциацию, заявила: «Мы рассматриваем государство как институт, активное вмешательство которого в жизнь является неременным условием человеческого прогресса».

В начале XX в. подобные мысли вместе с идеями постепенного улучшения социальной среды путем реформ — так называемого социального мелиоризма, выдвигались

Л. Уордом, приобретает все большее влияние. Наряду с развитием этих идей в реформистской мысли XX в. выдвинулись идеологи «новой волны», поднявшие ряд проблем, связанных с воздействием государства на взаимоотношения монополий и немонополистической буржуазии, предпринимателей и профсоюзов и т. д. Видный экономист Т. Веблен, выступив с критическими замечаниями о «праздном классе», выдвинул теорию эволюции экономических институтов и приспособления их к новым историческим условиям. В области юриспруденции приобрели широкую известность предложенные Л. Брандейсом реформы трудового законодательства. Большой общественный резонанс получили исследования Дж. Смита «Дух американского правительства» (1907) и особенно Ч. Бирда «К экономическому объяснению конституции» (1913), показавшие, что формальное политическое равенство используется в своих интересах могущественными экономическими группами.

Реформистская мысль стала более прагматичной и конкретной в своих рекомендациях. Недаром лидер прогрессивной партии Т. Рузвельт воспользовался программой «нового национализма» Г. Кроули, выдвигавшей требование контроля над трестами, а лидер демократической партии В. Вилсон ссылаясь на идеи роспуска трестов и возрождения традиционной конкуренции, сформулированные Л. Брандейсом.

В целом главными новыми чертами буржуазно-реформистской мысли по сравнению с классическим либерализмом были умеренная критика «дурных» сторон капитализма, признание за буржуазным государством возрастающей роли в регулировании социально-экономических отношений, а также осознание значения рабочего движения³.

Состояние исторической науки. Американская историческая наука достигла к этому времени высокого уровня в овладении техническими приемами исторической критики. Происходило дальнейшее углубление специализации исторических

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 192.

³ См.: Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.

дисциплин. Это нашло выражение в резко возросшем количестве различных исторических журналов, посвященных тем или иным проблемам истории США и европейской истории. Большинство кафедр истории в университетах в начале XX в. занимают американские историки-профессионалы, получившие образование в США.

В начале 900-х годов продолжалась интенсивная публикация источников. Были изданы документы периода Войны за независимость и Гражданской войны: «Протоколы федерального Конвента 1787 г.»⁴, включившие официальный журнал Конвента, заметки Мэдисона о дебатах и т. д.; вышли первые тома «Протоколов континентального конгресса»⁵, «Протоколы конгресса Конфедеративных Штатов Америки, 1861—1865 гг.»⁶ Конгрессом были начаты публикации по вопросам внутренней и внешней политики: «Индийские дела. Законы и договоры»⁷, «Договоры, конвенции, международные постановления, протоколы и соглашения между США и другими державами»⁸.

Историческая наука расширила поле своей деятельности как вследствие овладения новыми архивными источниками, так и под влиянием общественно-политической борьбы. Тысячи фактов современной жизни обнажили связь экономики и политики. Социально-экономическая тематика заняла отныне важное место в американской историографии. Существенное значение при этом имели публикации Институтом Карнеги документов по истории промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Возникшее в 1907 г. Историческое общество долины Миссисипи приступило к изучению истории Среднего Запада.

В этот период предпринимаются по-

пытки создания сводных работ по истории США. В 1904—1908 гг. выходит в свет 26-томная серия «Американская нация»⁹ под редакцией А. Харта. Она охватывала историю США от колониального периода до конца XIX в. и содержала большой фактический материал.

В начале 900-х годов произошли изменения в позитивистской историографии. Они были связаны с кризисом теоретических основ и практических посылок старой позитивистской историографии, сформулированных еще в конце XIX в. Черты кризиса проявились во многих сферах, например, в трактовке гносеологических вопросов (методологии и логики исторического познания). Старый позитивизм игнорировал особенности исторического познания, связанные с личностью историка. Многие американские исследователи, столкнувшись со сложной проблемой влияния интересов современности на историческое познание, пришли к релятивистским выводам. Видные историки Г. Адамс, А. Б. Харт, Ч. Эндрюз и многие другие подчеркивали относительность суждений исследователя о прошлом, его неспособность беспристрастно воссоздать исторический процесс. Приводимые аргументы вращались вокруг довода о том, что историк подходит к прошлому избирательно, извлекая из него ответы под воздействием политического, социального и этнического окружения.

Г. Адамс еще в 1894 г. так выразил свой скептицизм: если открытые «законы истории» предскажут, например, грядущую победу социализма, то не будут ли они отвергнуты правящими кругами, если же они, наоборот, предскажут всевластие монополий, не отринет ли их трудящийся народ?»¹⁰. Все это вело к подрыву посылки об объективном характере исторического знания. В этом же направлении влияла и распространившаяся в США прагматическая философия, отрицавшая достоверность рационального познания.

⁹ American Nation. A History. N. Y., 1904—1908. V. 1—26.

¹⁰ Ausubel H. Historians and Their Craft: a Study of the Presidential Addresses of the American Historical Associations, 1884—1945. N. Y., 1959. P. 195—196.

⁴ The Records of the Federal Convention of 1787. New Haven, 1911—1937. V. 1—4.

⁵ Journals of the Continental Congress. Washington, 1904—1937. V. 1—34.

⁶ Journal of the Congress of the Confederate States of America, 1861—1865. Washington, 1904—1905. V. 1—8.

⁷ Indian Affairs, Law and Treaties. Washington, 1903—1941. V. 1—5.

⁸ Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States of America and other Powers. 1776—1937. Washington, 1910—1938. V. 1—4.

Но скептицизм и релятивизм из области философии далеко не сразу проникли в историографию. В начале XX в. позитивистская историография в США, в противоположность Германии, еще удерживала прочные позиции. Неокантианство вошло в американскую историографию лишь в 30-х годах.

Не менее остро слабости старой позитивистской методологии давали себя знать в кризисе искусственно заимствованных из естественных наук схем. В какие дебри может завести вульгарно-механистический детерминизм как одно из следствий позитивизма, показывает пример исторических конструкций братьев Адамс. Брукс Адамс объяснял жизнь общества на основе законов физики с точки зрения концентрации и рассеивания энергии. Энергия находит выход в экономической деятельности, ее рассеивание приводит к распаду общества. Он полагал, что если энергия концентрируется в Америке, к США должен перейти «скипетр экономической власти над миром»¹¹.

Генри Адамс, пользуясь также физическими аналогиями, «продолжил» расчеты своего брата: «Если механическая фаза длилась 300 лет, с 1600 по 1900 год, то следующая, электрическая, будет иметь продолжительность, равную $\sqrt{300}$, т. е. около 17,5 лет, а затем, в 1917 г., она перейдет в следующую, эфирную фазу, которая будет продолжаться $\sqrt{17,5}$ лет, т. е. около четырех лет, и в 1921 г. мысль достигает предела своих возможностей»¹².

Старая позитивистская методология истории испытывала трудности еще по одной причине. Внутреннее развитие исторической науки в США способствовало вовлечению в научный оборот огромного числа фактов по социально-экономической истории. Между тем эти определяющие для исторического процесса факты плохо укладывались в детерминистские естественнонаучные аналогии раннего позитивизма, ориентированные на изучение эволюции политико-конституционных принципов. Точно так же новые методологиче-

ские проблемы вставали в связи с расширением рамок исторической науки в США, вызванным сближением со смежными общественными дисциплинами: политэкономией, социологией, географией и т. д.

К модернизации методологии позитивизма подталкивали и европейские влияния. В 1904 г. США посетил немецкий историк К. Лампрехт, а в 1905 г. вышла в английском переводе его книга «Что есть история?», где он пытался дать синтез экономического, социального и интеллектуального состояния общества на основе саморазвития коллективной психологии. Американские историки ознакомились и с работами французского социолога, предшественника школы «Анналов», А. Берра.

Наиболее полное выражение обновленная методология позитивизма получила в работах историков экономического или прогрессистского направления.

Экономическое (прогрессистское) направление. Обновленческое движение в прогрессистской историографии выступило против фактографии классического позитивизма и исключительного внимания к политической истории, так же как и против уподобления социальных явлений биологическим, физическим и другим «естественным законам». В отличие от своих предшественников, историки нового направления проявили первостепенный интерес к социально-экономическим фактам. Как подчеркивал ведущий теоретик нового направления Дж. Робинсон, для их изучения должна быть использована совокупность методов политэкономии, философии, социологии и других гуманитарных дисциплин.

Обострение «социального вопроса» в США стало мощным стимулятором развития экономического направления. Оно выступило в период, когда перед лицом серьезных социальных потрясений, роста рабочего и антимонополистического движения утрачивали свою убедительность и общественную значимость концепции, сводившие исторический процесс к политической истории. Общественная ориентация экономизма в большей степени соответствовала задачам буржуазного реформизма. В новых условиях часть буржуазных идеологов и ученых стремилась более

¹¹ Adams B. The Law of Civilization and Decay. N. Y., 1895; idem. American Economic Supremacy. N. Y., 1900.

¹² Adams H. The Degradation of Democratic Dogma. N. Y., 1920. P. 310.

Ф. Тёрнер

пристально взглянуть в материальные основы возмущения масс, найти средства смягчения классовых конфликтов. Историки экономического направления дали в своих трудах плодотворную постановку многих исторических проблем, их деятельность способствовала разработке социально-экономических сюжетов, привлечению внимания к социальным конфликтам в истории США.

Однако историки-экономисты закрепили за «экономическим фактором» определяющую роль только при рассмотрении отдельных конкретно-исторических явлений; рядом с «экономическим фактором» в духе позитивизма ими выделялись другие «самостоятельные факторы»: психологический, политический, географический и т. д. Историки экономического направления активно выступали против марксистского учения. Общий тон в этом отношении был задан работой Э. Селигмана «Экономическое объяснение истории» (1903). Признавая роль экономического фактора при объяснении важнейших исторических событий, Селигман пытался доказать, что марксистская философия истории, исторический материализм и социалистические учения не связаны между собой.

Теория «границ» Ф. Тёрнера. Одним из зачинателей экономического направления является **Фредерик Джексон Тёрнер** (1861-1932). Он получил известность еще в начале 90-х годов XIX в., однако основная его творческая деятельность развернулась в 900-е годы. Студенческие годы Тёрнер провел в университете Джонса Гопкинса, где

был идейный центр англосаксонской школы. Первые его работы носят явные следы увлечения методом «сравнительной политики». В дальнейшем, однако, Тёрнер отверг теорию древнегерманского происхождения политической системы США и выдвинул идею об определяющем значении в истории США колонизации Запада.

В знаменитом адресе «О значении границы в американской истории», зачитанном на заседании Американской исторической ассоциации в 1893 г., он писал: «Вплоть до наших дней история Америки является в значительной степени историей колонизации Великого Запада. Существование пространства свободной земли, его постепенное сокращение и продвижение населенной полосы на Запад объясняют развитие Америки»¹³.

В противоположность концепциям, рассматривавшим историю США как естественное продолжение европейской, Тёрнер проводил мысль о том, что американская история — это прежде всего продукт условий Нового Света; последовательное продвижение «границы» на Запад определило, по его мнению, основные черты характера американского народа и его общественно-политические институты¹⁴. Историки называли обращение Тёрнера «Декларацией независимости» национальной историографии США.

Стержнем концепции Тёрнера являлась мысль об особой роли «свободных» земель на Западе. Давая характеристику их социальной роли, он писал: «Свободная земля обеспечивала установление равенства среди западных поселенцев и препятствовала аристократическому влиянию Востока. Там, где каждый мог иметь ферму, взять ее почти в готовом виде, легко достигалось экономическое равенство»¹⁵. Другое важное следствие границы, по Тёрнеру, — демократия. Американская демократия «не была привезена в Виргинию

¹³ Turner F. The Frontier in the American History. N. Y., 1920. P. 11. — Границей (Frontier) в Америке называли передовую черту белых поселений, образовавшуюся в ходе колонизации Запада.

¹⁴ См.: Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современной историография. М., 1980. Гл. IX.

¹⁵ Turner F. Op. cit. P. 212, 213.

на борту «Сара Констант» или в Плимут на «Мэйфлауэре», она «вышла из американского леса и черпала каждый раз новую силу в соприкосновении с границей». Почвой для политического равенства явилось равенство экономическое.

Демократический строй, установившийся на «границе», затем распространялся, согласно Тёрнеру, по всем ячейкам «развитого общества», обновляя и возрождая демократию на Востоке США. «Граница» воздействует в двух планах. С одной стороны, под влиянием окружающей среды, социальных и географических условий на «границе» отмирают и трансформируются старые политические идеи, принесенные с Востока. С другой — «свободная» земля влияет на общественные отношения на Востоке как «предохранительный клапан»: «лишние люди» уходят с восточного побережья США на Запад. Постепенно, однако, общественные отношения на «границе» усложняются, с Востока к ней подступает цивилизация. Развитие капитализма подрывает социальное равенство на «границе», сметает девственные леса, разрушает примитивный хозяйственный быт, размывая почву для социального и политического равенства. Но граница не умирает, а передвигается на Запад и на новом месте, на незаселенной земле, восстанавливается социальное равновесие и основные идеалы пионеров: индивидуализм, демократия, национализм и экспансионизм.

Идейные истоки концепции Тёрнера уходили в глубь американской истории. Он выступил в конце XIX в., когда отзвуки почти трехвековой колонизации Запада еще чувствовались в общественной атмосфере, в быту, нравах, литературе. Тёрнер завершил длительную аграрную идейную традицию, согласно которой «свободные» земли рассматривались как спасительное средство от зол промышленного капитализма, условие гармонии в социальных отношениях. Аграрная утопия кончилась крахом, но утопические идеи, порожденные борьбой за землю, продолжали существовать. К концу XIX в. они давно уже оторвались от исторической почвы и из утопических превратились в апологетические.

О роли свободных земель и значении колонизации в развитии США фрагментарно писали многие европейские экономисты

и социологи — А. Токвиль, Э. Уэйкфилд, Ф. Лист, но именно после появления работ Тёрнера в американской историографии началась систематическая разработка проблемы Запада на основе широко признанной теории. Привлечение внимания к проблеме закономерности общественного развития США путем постановки существенных вопросов социально-экономического развития страны имело несомненно положительное значение. Однако эти вопросы не получили у Тёрнера разрешения. Он разорвал две тенденции в развитии капитализма в Соединенных Штатах — развитие «вширь» и «вглубь», абсолютизовав первую из них. Развитие капитализма «вширь», связанное с заселением и освоением новых территорий, он изобразил как основной, определяющий процесс в истории США. Он истолковывал своеобразие развития страны как его сущность, создал новый вариант теории «американской исключительности».

Реформизм Тёрнера получил выражение не только в его обращении к социально-экономической проблематике, но и в том, что он заговорил о фермерском «пограничном происхождении демократии» в период, когда волны популистского движения поднялись особенно высоко. Тёрнер отметил важную роль социальных конфликтов в американской истории и прежде всего подчеркнул в них значение выступлений западного фермерства: восстания Бэкона 1676 г., движения скваттеров и регуляторов предреволюционного периода, восстания Шейса, непрерывной борьбы населения Запада за демократизацию конституций штатов и т. д.

Социальные столкновения выступают значительно более приглушенными в поздних работах Тёрнера, когда важной частью его исторической концепции стала «теория секций» (секция, по Тёрнеру, — физико-географическая область с определенным укладом хозяйства и особым психическим складом населения). Пока Тёрнер исходил из признания множественности экономико-географических районов, он стоял на почве фактов. Но он пошел гораздо «дальше». Социально-экономическую структуру секции определяли у него в конечном счете географические условия; социальные противоречия, по существу, стирались. Борьба

«динамически расширяющихся секций» и их движение на Запад — таково, по Тёрнеру, содержание американской истории XVIII—XIX вв.¹⁶

В течение долгого времени взгляды Тёрнера пользовались широким признанием и оказали значительное и противоречивое влияние на развитие исторической мысли в США. Среди работ американских историков, обратившихся к изучению социальных конфликтов под явным воздействием концепции Тёрнера, выделяются исследования по истории Войны за независимость Ч. Линкольна и К. Беккера¹⁷. Линкольн обосновывал положение о том, что движущей силой «внутренней революции» в Пенсильвании, направленной против приатлантической денежной аристократии, были скваттеры западных поселений. В свою очередь, Беккер определял Войну за независимость как «двойную революцию», сочетавшую антиколониальные и внутриполитические задачи.

В работах других последователей Тёрнера был приведен большой материал о колонизации Запада, о роли западных земель в соперничестве между «северной» и «южной» секциями. Вместе с тем перенесение фокуса национальной истории на Запад отодвигало в тень борьбу с рабством, являющуюся, по выражению Маркса, «...движущей силой истории Соединенных Штатов в течение полувека»¹⁸. Наконец, нельзя не отметить, что объявив продвижение на новые земли залогом процветания и демократии в США, Тёрнер оказал значительное влияние на формирование экспансионистской идеологии.

Начало деятельности Ч. Бирда. Наиболее полное и цельное развитие буржуазный экономизм получил в работах **Чарльза Остина Бирда** (1874—1948) — крупнейшего представителя американской исторической мысли XX в. Он выделялся среди историков широкой эрудицией, склонностью к

теоретическим обобщениям и выработке индивидуальной позиции. Его работы посвящены главным образом проблемам американской истории, но он неоднократно обращался и к европейской истории, к международным отношениям, немало внимания уделял и так называемой философии истории. Общий тираж книг Бирда огромен. Только в США он составлял к 1949 г. 11 млн. экземпляров. В молодые годы, находясь в Англии, Бирд проявил интерес к социальным проблемам и рабочему движению, был близок к лейбористским кругам. Эти годы во многом определили последующее внимание Бирда как историка к социально-экономическим проблемам.

Главную движущую силу исторического процесса в новое время Бирд видел в промышленном развитии капитализма. Если Тёрнер полагал, что человек может найти гармонию и счастье в слиянии с природой, то Бирд — в уходе от нее: не «граница», а промышленное развитие («индустриализм») врачует в конце концов социальные противоречия.

Концепцию индустриализма Бирд выдвинул еще в своих ранних работах, посвященных европейской истории: «Промышленная революция» (1901) и «Развитие новейшей истории Европы» (1907), затем приложил ее к американской действительности. В работе «Современная история США» (1914) Бирд показал, что индустриализация США в конце XIX в. и концентрация капитала привели к образованию гигантских трестов, управляемых финансовой элитой. В духе «разгребателей грязи» он яркими красками нарисовал вакханалию грабежа и обмана, расхищение народных богатств Гульдами и Рокфеллерами в период «позолоченного века». Но все это, по мысли Бирда, временные издержки, дальнейшее промышленное развитие решит острые социальные и политические проблемы и приведет к «демократическому коллективизму». Принимая участие в буржуазно-реформистском движении начала XX в., Бирд призывал к государственному регулированию деятельности трестов.

Хотя большая часть работ по истории США была написана Бирдом после первой мировой войны, крупным событием стало

¹⁶ См.: *Turner. F. The Significance of Sections in American History.* N. Y., 1932.

¹⁷ *Becker C. History of Political Parties in Province of New York, 1760—1776.* Madison, 1909; *Lincoln Ch. Revolutionary Movement in Pennsylvania, 1760—1776.* Philadelphia, 1901.

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 15. С. 316.

появление его исследования «К экономическому объяснению конституции США»¹⁹ (1913), вышедшего в разгар проведения буржуазных реформ в стране. Бирд показал, что в период создания конституции имелись значительные имущественные различия среди населения США и конституция была принята не свободным волеизъявлением народа, а явилась главным образом плодом усилий финансовой и торгово-мануфактурной буржуазии. Последние стремились обеспечить наиболее благоприятные условия для капиталистической деятельности и обезопасить себя от угрозы социальных конфликтов. Бирд подробно выяснил, что «отцы конституции» извлекли немалые материальные выгоды из конституции и принятой конвентом системы финансово-экономических мероприятий.

Работа принесла автору широкую известность. Поскольку Бирд показал, что создатели конституции руководствовались эгоистическими интересами, это дискредитировало противников реформ — консерваторов, ссылавшихся на «святость конституции». Лидер радикального крыла западных фермеров Р. Лафоллет писал: «Когда мы поняли, что конституция является документом, который написан людьми, действовавшими под влиянием человеческих импульсов, мы укрепились в первоначальном мнении — необходимости изменить конституцию. Книга профессора Бирда, написанная с большой эрудицией и остротой, помогла нам больше, чем какая-либо другая»²⁰.

Однако картина создания конституции, нарисованная Бирдом, все же не совпадала с историческими линиями общественной борьбы. Правильно показав заинтересованность торгово-мануфактурных кругов в принятии конституции, Бирд акцентировал, однако, внимание на разногласии внутри правящих кругов: при рассмотрении действий участников конвента 1787 г. он выдвигал на первый план расхождение между «движимой» и «недвижимой» собственностью. В лагере сторонников кон-

ституции оказалась буржуазия Севера, в лагере противников — нерасчлененная группа «аграриев» (фермеры Запада, плантаторы Юга, крупные землевладельцы Севера). Противоречия между «крупной» и «мелкой» собственностью отходили на второй план, создание конституции лишалось одной из главных пружин.

В итоге Бирд продвинул вперед изучение социальных конфликтов в американской истории. Он освободил экономические интересы от географического детерминизма, который играл важную роль в методологии Тёрнера, но теоретические основы экономизма как у Тёрнера, так и у Бирда остались неадекватны научному пониманию характера социальных размежеваний.

История рабочего движения. Возникновение коммонсовско-висконсинской школы. В тесной связи с течением буржуазного экономизма в американской историографии начала XX в. начала формироваться коммонсовско-висконсинская школа истории рабочего движения. Положительными моментами деятельности историков этой школы были интерес к экономическим фактам, использование методов «экономической интерпретации истории» и накопление обширного материала по истории американского рабочего класса. Идейной ее основой являлись тред-юнионистские концепции аполитичности рабочего движения и ограничения его целей борьбой за улучшение условий продажи рабочей силы в рамках капиталистической системы. Историки коммонсовско-висконсинской школы исходили из концепции «исключительности» развития американского капитала. «Свободные земли», приток иммигрантов из Европы, наличие в США буржуазно-демократических свобод — эти и другие особенности исторического развития США привлекались для доказательства «исключительности» условий для рабочего движения, его якобы неклассового характера.

Предтечей коммонсовско-висконсинской школы был профессор университета Джонса Гопкинса Р. Т. Эли. Еще в конце XIX в., он опубликовал книгу «Рабочее движение в Америке»²¹. Эли привлек важ-

¹⁹ Beard Ch. An Economic Interpretation of Constitution of the United States. N. Y., 1913.

²⁰ Цит. по кн.: Kraus M. The Writing of American History. Norman. 1953. P. 368.

²¹ Ely R. T. The Labor Movement in America. L., 1886.

ные документы, лично интервьюировал Паудерли и Гомперса, собирал материал на местах наиболее значительных событий. Книга написана с симпатией к Ордену рыцарей труда, философия которого в духе идей христианского социализма импонировала Эли. Он реалистически исходил из наличия в американском рабочем движении двух тенденций — социалистической, ставящей целью коренное переустройство буржуазного общества, и тред-юнионистской, принимающей основы существующего порядка. Сам Эли безоговорочно стоял за второй путь. В книге «Рабочее движение в Америке» он нарисовал одностороннюю картину, обратив внимание лишь на экономический аспект борьбы американских рабочих. Эли стремился убедить в необходимости легализации тред-юнионов как самого надежного, на его взгляд, способа ограждения рабочих от влияния социалистических идей. Просвещение, христианство, внедрение этических норм — вот, по его мнению, путь к решению рабочего вопроса.

Либерально-реформистские идеи получили дальнейшее развитие в работах профессора Висконсинского университета Дж. Коммонса и его учеников. При содействии Института Карнеги в Вашингтоне и исследовательского фонда Висконсинского университета Коммонс и его коллеги предприняли широкое обследование по всей стране библиотек, архивов исторических обществ и частных коллекций в поисках листовок, газет, брошюр, содержащих материалы о росте рабочих организаций в США. В 1910 г. они опубликовали часть собранных источников в десятитомном труде под названием «Документальная история американского промышленного общества»²².

При всей ценности новых фактов, приведенных в этом сборнике, ему присущи коренные изъяны. Издатели документов неправоммерно выпячивали специфические особенности развития рабочего движения, которые тормозили развитие передового сознания американского пролетариата, с тем чтобы доказать, что идеология «сред-

него класса», а не пролетарское самосознание, была движущей силой борьбы рабочих.

«Имперская школа» в изучении колониальной истории США. Видное место в изучении колониальной истории США занимает так называемая имперская школа. Историки этого направления рассматривали американские колонии Англии прежде всего как часть «организма» Британской империи и в Войне за независимость США видели лишь эпизод развития английской колониальной системы. Подобный угол зрения был обусловлен отчасти тем, что большинство историков этой школы вышли из англосаксонской школы (профессора Колумбийского университета Г. Осгуд и Д. Бир были учениками Барджесса). Однако, как отмечал американский исследователь М. Крауз, внимание к прошлому Британской империи усилилось среди американских историков в период, когда «американский орел также начал расправлять свои имперские крылья»²³.

Герберт Леви Осгуд (1856—1918) в работах «Американские колонии в семнадцатом веке» и «Американские колонии в восемнадцатом веке»²⁴ впервые в американской историографии обратился к изучению британской системы колониального управления в Америке. Осгуд не рассматривал американские политические институты лишь как развитие англосаксонского политического наследия. Он поставил вопрос о воздействии «нового окружения» — местных американских условий на политическую психологию колонистов и формирование идей самоуправления. Нарастание противоречий между американскими колониями и метрополией Осгуд понимал как столкновение различных политических принципов. Он отвел важное место анализу борьбы местных ассамблей с английскими губернаторами колоний.

Вводя в научный оборот множество официальных документов, почерпнутых из европейских (прежде всего британских)

²³ Kraus M. The Writing of American History. P. 242.

²⁴ Osgood H. The American Colonies in Seventeenth Century. N. Y., 1904—1907. V. 1—3; idem. The American Colonies in Eighteenth Century. N. Y., 1924—1925. V. 1—4.

²² A Documentary History of American Industrial Society/Ed. J. Commons a. o. N. Y., 1910—1911. V. 1—10.

архивов, Осгуд показал попытку метрополии перейти к более гибким методам управления колониями: вместо системы привилегированных колоний была введена система королевских провинций. Осгуда интересовали лишь политическая и административная стороны взаимоотношений Англии и ее североамериканских колоний; он не рассматривал социально-экономических проблем.

В работах другого историка Д. Бира «Происхождение британской колониальной системы, 1578—1660», «Британская колониальная политика, 1754—1765»²⁵ была сделана попытка дополнить рассмотрение чисто политических проблем анализом меркантилистской экономической политики Англии, фискальной системы, навигационных актов и т. д.

В 1905—1908 гг. появились посвященные колониальному периоду первые два тома «Истории Соединенных Штатов» Эдварда Чаннинга (1856—1931)²⁶. По своим взглядам на раннюю историю США он отчасти примыкал к «имперской школе». Вместе с тем он затронул значительный круг социально-экономических вопросов, связанных с экспансией на Запад, и на большом материале показал влияние местных условий на формирование американской национальной культуры.

Деятельность еще одного видного представителя «имперской школы» Чарлза Эндрюса развернулась уже в 20—30-е годы.

Работы историков «имперской школы» оказали влияние на трактовку Войны за независимость, поколебав господствовавшую концепцию Дж. Бэнкрофта о борьбе пробудившейся в колониях свободы против британской тирании. Хотя историки «имперской школы» прямо не осуждали Войну за независимость, тем не менее они сузили основы и значение революции, поставили под вопрос ее неизбежность. Они утверждали, что главная причина Войны за независимость лежала в несоответствии

динамичного роста колоний малоподвижной структуре британской колониальной системы, и подводили к выводу, что гибкая политика английских правящих кругов могла бы предотвратить восстание в Америке.

Разработка истории Второй американской революции У. Даннингом. В историографии Гражданской войны в начале XX в. прочное место занимает концепция, соединявшая признание положительного значения отмены рабства с более примирительным отношением к контрреволюционному мятежу рабовладельцев и осуждением политики радикальных кругов Севера. Оценкам Родса в основном следовали В. Вилсон, Д. Додд, Ф. Чэдвик и другие, писавшие о Гражданской войне. Значительное переосмысление с консервативных позиций Второй американской революции распространилось в этот период на освещенные периоды Реконструкции (1865—1877).

Первым историком Реконструкции, получившим широкое и длительное признание в историографии, был ученик Барджеса — Уильям Арчибальд Даннинг (1857—1922). Его основная работа «Политическая и экономическая Реконструкция»²⁷ вышла в 1907 г. Трактовку периода Реконструкции Даннинг пытался приспособить к требованиям «национального примирения». Он с удовлетворением оценивал результаты Реконструкции, но прогресс видел не в устранении препятствий для развития капитализма, не в успехах борьбы негритянского народа за демократизацию Юга, а в компромиссе Тилдена — Хейса 1877 г. — консолидации господствующих классов США. Если южные реакционеры порицали Север за то, что он предпринял Реконструкцию, то Даннинг склонен подчеркивать, что Север все же в конце концов отступил и тем самым обеспечил «национальную гармонию».

Все суждения Даннинга о неграх и их роли в период Реконструкции целиком определяются его расистскими предрассудками. Борьбу негров за элементарные гражданские права он характеризует как попытку установления господства черной расы. Даннинг оправдывает «черные ко-

²⁵ Beer G. The Origin of the British Colonial System, 1578—1660. N. Y., 1980. V. 1—3; idem. British Colonial Policy, 1754—1765. N. Y., 1907.

²⁶ Channing E. A History of the United States. N. Y., 1905—1908. V. I. The Planting of a Nation in New World. 1000—1660; V. II. A Century of Colonial History. 1660—1760.

²⁷ Dunning W. Reconstruction Political and Economic, 1865—1877. N. Y., 1907.

дексы» 1865—1866 гг., ставившие освобожденных негров почти в прежнее рабское положение, и предвзято, с резким осуждением, рисует деятельность радикальных правительств на Юге, в которых вместе с белыми участвовали негры. Он критикует постановления конгресса о введении военного положения на Юге как политику «поспешную» и «необдуманную» и пытается опорочить вождей радикальных республиканцев Стивенса и Самнера, приписывая им корыстные побуждения.

Выдвинутая Даннингом концепция периода Реконструкции стала надолго господствующей в университетских курсах и школьных учебниках. Многочисленные ученики и последователи Даннинга подвергли искажению историю Реконструкции в каждом из штатов Юга. Как отмечал выдающийся американский негритянский историк У. Дюбуа, эта кампания фальсификации является одной из самых постыдных страниц в интеллектуальной истории Соединенных Штатов.

Вопросы внешней политики США в историографии. Американский империализм поднял оружие для осуществления своих требований экспансии, направив удар на ослабевшую Испанию. После испано-американской войны 1898 г. усилилось проникновение США в страны Латинской Америки и Дальнего Востока.

Историки, работавшие по отдельным проблемам внешней политики США на Дальнем Востоке и в Латинской Америке, как правило, следовали политическим тенденциям, выраженным в официальных публикациях дипломатических документов американского правительства. У. Гриффитс, Д. Фостер, К. Латурет²⁸ и другие либо умалчивали о фактах, связанных с активностью американского капитала в страны Дальнего Востока, либо изображали экономическую экспансию как средство цивилизации отсталых стран, утверждали, что политика США коренным образом отличается от политики европейских колониальных держав. Отводя большое место апологии доктрины «открытых две-

рей», буржуазная историография утверждала, что эта доктрина будто бы учитывала национальные интересы Китая, способствовала сохранению его независимости от посягательств европейских держав.

Историография политики США в странах Латинской Америки также пыталась замаскировать сущность и методы американской экспансии. Так, в работах об испано-американской войне Ф. Чэдвик, Е. Бентон²⁹ и другие поддержали официальную версию о том, что США были «втянуты» в войну с Испанией, и именно их военная акция привела к образованию Кубинской республики. В других случаях явно агрессивные действия США (например, по отношению к филиппинскому народу) они пытались изобразить как отклонение от обычного направления американской политики, как плод деятельности отдельных некомпетентных чиновников.

До 900-х годов в США было опубликовано мало работ, посвященных внешней политике и дипломатической истории XVIII—XIX вв. Исключение составляла история Войны за независимость, к которой обращались американские историки в общих курсах. В начале XX в. появляется обширная историческая литература по этим вопросам, и прежде всего по истории доктрины Монро. В 1914 г. обсуждение доктрины Монро было предметом специальной сессии Американского общества международного права и заседаний Американской академии политических и социальных наук, прошедших при участии европейских историков.

Появление доктрины Монро было обусловлено как внутренним, так и международным положением США. В работах У. Форда, У. Робертсона был приведен новый архивный материал, показавший связь доктрины Монро с развитием системы международных отношений: отношений США с Англией, Францией, Россией и другими странами (в этот период многие американские историки, следуя историческим фактам, отмечали дружествен-

²⁸ *Griffiths W. Corea. The Hermit Nation. N. Y., 1904; Foster J. American Diplomacy in the Orient. Boston, 1903; Latourette K. The History of Early Relations between the United States and China. 1784—1844. New Haven. 1917.*

²⁹ *Chadwick F. The Relations of the United States and Spain. N. Y., 1900—1911. Y. 1—3; Benton E. International Law and Diplomacy of the Spanish-American War. Baltimore, 1908.*

ную позицию России по отношению к США в переломные моменты американской истории³⁰). Уделяя основное внимание дипломатической истории доктрины Монро, эти историки не исследовали ее экономические корни, связанные с развитием американского капитализма. В работах А. Харта, Т. Эджингтона³¹ и других односторонне подчеркивался оборонительный аспект доктрины Монро.

Ряд американских историков, занимавшихся вопросами внешней политики, был тесно связан с государственными учреждениями. С началом первой мировой войны круг такого рода историков особенно возрос. Президентом Американской исторической ассоциации был избран У. Тейер, рьяный сторонник вступления США в войну. Откровенно шовинистические позиции заняли видные американские историки А. Харт, К. Ван-Тайн, М. Смит и др., начавшие пересмотр англо-американских отношений в духе «единства». Пацифистски настроенные историки были объявлены «интеллектуальными предателями».

Крупнейшие американские университеты поддержали официальную пропаганду, подготавливавшую вступление США в войну. Видные американские историки сотрудничали в «патриотических» организациях — Лиге национальной безопасности, Американском обществе обороны и др. Национальный совет исторической службы во главе с профессором Д. Шотвеллом являлся филиалом правительственной службы пропаганды. Как отмечал американский исследователь Г. Барнс, в течение «почти десяти лет после войны большинство президентов Американской исторической ассоциации были люди, выдвинувшиеся своей профессиональной службой союзникам»³².

Антимонополистическая критика в публицистике. В конце XIX — начале XX в. за-

родилось радикально-критическое направление в американской историографии. Его истоки лежат в боевой антивоенной радикальной публицистике времени испано-американской войны 1898 г. и острой антитрестовской критике «разгребателей грязи». Это направление историографии вызвали к жизни те же причины, что и буржуазный реформизм, и в известном смысле оно может рассматриваться как его левое крыло. Вместе с тем в творчестве представителей этого течения отразилось возмущение народных масс засильем монополий, они с позиций *laissez faire* яростно атаковали тресты, их махинации, продажность партийно-политических машин. Более вдумчивые критики стремились заглянуть в глубь десятилетий в поисках корней этих явлений, увидеть их истоки.

Одним из наиболее последовательных критиков внешнеполитической экспансии с позиций, близких популизму, являлся Р. Петтигру. Будучи активным участником движения «антиимпериалистов» 1898 г., он не устал выступать с трибуны конгресса (с 1889 по 1901 г. Петтигру был сенатором) и вне его против колониальных захватов США. В работах Петтигру «Политика империи» (сборник его антиколониалистских выступлений) (1920) и «Торжествующая плутократия» был дан критический очерк политики США на рубеже XIX—XX вв. (захват Гавайских островов и Филиппин, оккупация Кубы и установление здесь американского протектората и т. д.). Петтигру рассматривал империализм лишь как захватническую внешнюю политику, критиковал ее как уклонение от буржуазно-демократических идеалов. Он полагал, что давление демократической общественности может ее «подправить», избавив страну от войн и колониальных захватов. Но Петтигру нередко переносил центр тяжести с морально-конституционной аргументации на экономическую, приближался к пониманию связи экспансии с интересами монополий.

Одним из первых «разгребателей грязи» был Г. Ллойд. В книге «Богатство против общества» (1894 г.)³³ Ллойд на

³⁰ *Hildt J.* Early Diplomatic Negotiations of the United States with Russia. Baltimore, 1906; *Callahan J.* Russo-American Relations during the American Civil War. West Virginia University, 1908.

³¹ *Hart A.* The Monroe Doctrine. An Interpretation. Boston, 1916; *Edgington T.* The Monroe Doctrine. Boston, 1904.

³² *Barnes H.* A History of Historical Writing. Norman, 1937. P. 280.

³³ *Lloyd H.* Wealth against Commonwealth. N. Y., 1894.

основании отчетов конгресса, судебных материалов и других документов раскрыл поистине криминальные методы, с помощью которых возвысился нефтяной трест «Стандард Ойл». В начале 900-х годов А. Тарбелл продолжила критическое изучение истории образования и обогащения фирмы Рокфеллера.

Одновременно появились статьи В. Лаусона «Взбесившиеся финансы», разоблачавшие деятельность «Объединенной медной компании». Лаусон на ярких фактах раскрыл внутреннюю механику финансовой системы Уолл-стрита, подчинившего своему контролю всю экономическую и политическую жизнь страны. Широкой известностью пользовалась книга Л. Стеффенса «Позор городов»³⁴. На примере крупнейших городов Америки автор показал подчинение политического аппарата промышленным и финансовым группировкам.

Популярность получил трехтомный труд Г. Майерса «История крупных американских состояний»³⁵. Исторически прослеживая, как создавалось состояние мультимиллионеров, Майерс раскрыл насилия по отношению к индейцам, обман их, сопутствовавшие торговой деятельности Асторов, поставки негодных военных материалов в период Гражданской войны Вандербильтом, расхищение государственных земель железнодорожным королем Гульдом и т. д. Все это были не просто публицистические работы, а документированные исследования. Они закладывали основы радикального направления в историографии США.

Возникновение прогрессивной негритянской историографии У. Дюбуа. Негры — самая обездоленная часть американского народа — раньше и больше других почувствовали прикосновение щупалец крупного капитала. Социальное угнетение усугублялось расовой дискриминацией. В период с 1895 по 1910 г. негры в восьми штатах Юга были лишены избирательных

прав. В 1905 г. ушел из конгресса последний негр. Сотни «цветных барьеров», различных унижительных ограничений завершали расовую сегрегацию. В этот момент наступил подъем негритянского движения. Группа негритянских интеллигентов, возглавившая воинствующее «ниагарское движение», выступила с негодующим протестом против расового гнета.

Одним из активных участников и руководителей этого движения был **Уильям Эдуард Бёркхард Дюбуа** (1868—1963). Потомок раба, Дюбуа в полной мере испытал, что значит быть черным в Соединенных Штатах. Лишь благодаря воле и выдающимся способностям он сумел закончить Гарвардский и Берлинский университеты и преподавал затем в негритянском университете г. Атланты (где его, профессора истории, как «цветного» не пускали в городскую публичную библиотеку).

В 1903 г. вышла книга Дюбуа «Души черного народа». Дюбуа в то время был далек от понимания глубинных причин угнетения негритянского и других цветных народов. Иногда он противопоставлял негритянскому народу всю белую Америку. Однако, выражая интересы угнетенных, Дюбуа нарисовал картину эксплуатации негров в США. Он показал террор ку-клукс-клана, цветные барьеры, политическое неравенство американских негров. «Быть бедным человеком тяжело! — восклицал Дюбуа, — но быть бедной расой в стране долларов неимоверно трудно»³⁶.

Ценные факты по истории участия негров-солдат в Гражданской войне были приведены еще в работе негра Дж. Вильямса «История негритянских войск в войне 1861—1865 гг.»³⁷ Дюбуа продолжил и развил эту прогрессивную линию негритянской историографии. В работах «Отмена африканской работорговли в США», «Джон Браун»³⁸ Дюбуа обратил особое

³⁶ *Du Bois W.* The Souls of Black Folk. Chicago, 1903. P. 8.

³⁷ *Williams G.* A History of Negro Troops in the War of the Rebellion 1861—1865. N. Y., 1888.

³⁸ *Du Bois W.* The Suppression of African Slave-Trade to the United States of America: Harvard Historical Studies. 1896. V. 1; idem. John Brown. Philadelphia, 1909. — Русск. пер.: *Дюбуа У.* Джон Браун. М., 1960.

³⁴ *Steffens L.* The Shame of the Cities. N. Y., 1904.

³⁵ *Mayers G.* History of the Great American Fortunes. N. Y., 1909—1910. V. 1—3. — Русск. пер.: *Майерс Г.* История американских миллиардеров. М., Л., 1924—1927. Т. 1—2.

внимание на различные методы борьбы негритянского народа за свое освобождение. Он подчеркнул значение восстаний Габриэля, Д. Вези, Н. Тёрнера, с сочувствием писал о мужественном Дж. Брауне.

В 1910 г. Дюбуа выступил со статьей³⁹, в которой наметил линии пересмотра господствовавших в буржуазной историографии взглядов школы Даннинга на события Реконструкции. Он отметил положительные результаты законодательной деятельности правительств Реконструкции в южных штатах: создание системы общественных школ, плодотворное социальное законодательство, демократизацию политической жизни. В дальнейшем эти взгляды получили развитие в фундаментальном исследовании «Черная Реконструкция» (1935).

Важно отметить, что Дюбуа был одним из немногих радикальных историков тех дней, увидевших связь искажения прошлого негритянского народа с расизмом и колониальной политикой, проводимой крупнейшими капиталистическими державами.

Публицисты и историки-социалисты. В начале 900-х годов марксистские идеи в США приобретают более широкую, чем прежде, аудиторию, получают распространение среди части рабочих и интеллигенции. Однако марксистская историография находилась в стадии становления. Историки социалистического направления не были еще профессионалами. Деятели социалистического движения, выступавшие как историки, отражали широкий идейно-политический спектр течений — от правого, ревизионистского, до левого, близкого марксистскому.

Полезную роль в становлении марксистской историографии сыграли публицистические выступления лидеров левого крыла американских социалистов Даниэля Де Леона и Юджина Дебса. Руководитель Социалистической рабочей партии Де Леон немало сделал для пропаганды марксизма в США. Он горячо отстаивал экономическое учение Маркса. Де Леон выступил с серией статей против Э. Селигмана, пытавшегося поставить под сомнение одно

из краеугольных положений марксизма — теорию прибавочной стоимости. Обращаясь к Войне за независимость и Гражданской войне, Де Леон высказывал положения, что «революционные сдвиги и превращения берут начало в скалистом ложе материальных нужд» и «всюду физическая сила играет важную, хотя и не исчерпывающую роль»⁴⁰. Ю. Дебс, которого В. И. Ленин называл «американским Бебелем», обращал меньше внимания, чем Де Леон, на экономическое обоснование классовой борьбы, но лучше почувствовал демократические традиции американского народа, идущие из прошлого. Дебс подчеркивал, что «социалистическое движение в союзе с силами прогресса. Мы сегодня то, чем были аболиционисты в 1858 году»⁴¹.

Показательной для реформистского направления была работа лидера правого крыла Социалистической партии **Морриса Хилквита** (1869—1933) «История социализма в Соединенных Штатах»⁴².

До Хилквита к этой теме обращались немногие исследователи. Дж. Нойс дал фрагментарную историю утопических коммунистических экспериментов; Ф. Зорге и Р. Эли, описывая рабочее движение, делали небольшие экскурсы в историю американского социализма.

Хилквит дал первое систематическое изложение истории социализма в США от утопических проектов до комментариев к политике Социалистической партии в начале XX в. Он отмечал, что, преодолевая множество препятствий, привлекательность социалистических идей в США шла в ногу с ростом рабочего движения. Вместе с тем Хилквит преувеличивал особенности американского рабочего движения, идеализировал американское общество первой половины XIX в. В молодой республике, писал он, «не существовало никаких политических привилегий, почти не было экономических классов»⁴³.

⁴⁰ Де Леон Д. Избранные произведения. М., Л., 1932. С. 163.

⁴¹ Debs E. His Life, Writing and Speeches. St. Louis, 1908. P. 488.

⁴² Hillquit M. A History of Socialism in the United States. N. Y., 1903; 1907. — Русск. пер.: Хилквит М. История социализма в Соединенных Штатах. СПб. 1907, 1919.

⁴³ Хилквит М. История социализма в Соединенных Штатах. С. 124.

³⁹ Du Bois W. Reconstruction and Its Benefits // American Historical Review. 1910. V. XV. N 4.

Хилквит расширительно истолковывал социалистическое движение. Так, например, он причислял к утопическому коммунизму уравниательные религиозные секты: шекеров, перфекционистов и т. д. Касаясь проблем развития социалистического движения в США в конце XIX в., Хилквит относил борьбу против реформизма внутри Социалистической рабочей партии за счет «излишней непримиримости» левых социалистов. Под предлогом необходимости «акклиматизации» марксизма в США он требовал отказа от «догматической приверженности ко всем положениям научного социализма»⁴⁴.

Своеобразное место в социалистической историографии занимает творчество **Элджи Саймонса** (1870—1950). Как и Хилквит, Саймонс был видным деятелем Социалистической партии, пройдя путь от левацкого максимализма до реформизма. Профессионально он был лучше других социалистов подготовлен к историческим исследованиям (Саймонс был учеником Тёрнера). Его работы «Классовая борьба в Америке» (1903), «Социальные силы в американской истории» (1911)⁴⁵ представляли смешение принципов исторического материализма с тёрнеровской интерпретацией истории США⁴⁶. Он рассматривал историю США нового времени как часть всемирно-исторического процесса становления капиталистической формации и в то же время нередко проводил линии классовых разграничений в США по географическим районам.

Особенно близок Саймонс к теории «границ» Тёрнера в истолковании колониального периода истории США и периода джексоновской демократии. Вместе с тем он весьма глубоко анализировал Первую американскую революцию как звено в цепи буржуазных революций, привед-

⁴⁴ Хилквит М. История социализма в Соединенных Штатах. С. 224.

⁴⁵ Simons A. M. Class Struggle in America. Chicago, 1903; idem. Social Forces in American History. N. Y., 1911.— Русск. пер.: Саймонс А. М. Классовая борьба в Америке. М., П., 1922; его же. Социальные силы в американской истории. М., 1925.

⁴⁶ См.: Согрин В. В. Критические направления в немарксистской историографии США XX века. М., 1987. С. 28—31.

ших к победе капитализма в мировом масштабе. Но Гражданскую войну 1861—1865 гг. он трактовал с левацких догматических позиций как столкновение южной и северной капиталистических секций, основанных одна на свободном, другая на рабском труде. Обличая в равной степени «плантационное» и «наемное рабство», Саймонс терял историческую перспективу.

Несмотря на эклектизм, работы Саймонса привлекали читателей интересом к классовым конфликтам в истории США (Бирд отмечал Саймонса как своего предшественника в ряде важных наблюдений о характере классовой борьбы в период создания конституции). Саймонс во многих случаях ярко показал накал классовой борьбы в США, привлек внимание к истории рабочего движения после Гражданской войны.

Вклад в американскую марксистскую историческую мысль внес **Герман Шлютер** (1851—1919), левый немецкий социал-демократ, эмигрировавший в США и принявший там активное участие в социалистическом движении. Его работы «Начало немецкого рабочего движения в Америке», «Линкольн, труд и рабство», «Интернационал в Америке»⁴⁷ направлены против реформистских концепций истории американского рабочего движения. Шлютер подчеркивал, что, несмотря на многие препятствия, замедлявшие развитие рабочего движения, американский пролетариат прошел боевой путь.

Исследуя историю американского рабочего движения в 40—50-е годы XIX в., Шлютер уделил особое внимание роли немецких рабочих организаций. Это естественно. Именно из среды немецких социалистов-иммигрантов вышли пионеры социалистического движения в США. В работе использованы немецкие рабочие газеты, выходившие в США в тот период.

В центре монографии «Линкольн, труд и рабство» — вопрос об участии американ-

⁴⁷ Schlüter H. Die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung in America. Stuttgart, 1907; idem. Lincoln, Labor and Slavery. N. Y., 1913; idem. Die Internationale in America. Ein Beitrag zur Geschichte der Arbeiterbewegung in den Vereinigten Staaten. Chicago, 1918.

ских рабочих в борьбе против рабства. Шлютер отмечал, что американские марксисты выступали против рабства с оружием в руках и, принимая участие в политической борьбе, сыграли определенную роль в победе Линкольна на выборах 1860 г., в поддержке президента при провозглашении Прокламации об освобождении рабов и т. д.

Работа Шлютера «Интернационал в Америке», написанная на основе использования архива Зорге,— по существу, первая попытка с марксистских позиций рассмотреть деятельность секций Интернационала и различных социалистических групп в США, в 1876 г. объединившихся в Социалистическую рабочую партию.

Шлютер был одним из первых историков-социалистов, обратившихся к истории рабочего движения в Англии. В работе, посвященной чартистскому движению⁴⁸,

⁴⁸ Schlüter H. Die Chartistenbewegung. N. Y., 1916.— Русск. пер.: Шлютер Г. Чартистское движение. Очерк социально-политической истории Англии. М., 1925.

Шлютер показал чартизм как первое массовое революционное пролетарское движение в Англии. Он дал анализ основных его течений и не без успеха попытка связать их с особенностями социально-экономического развития страны. Шлютер объяснял неудачи чартистского движения отсутствием научной теории и воздействием мелкобуржуазных воззрений на его руководителей. Работа основана на знании источников (Шлютер изучил «Северную звезду» и другие чартистские органы печати, памфлеты, находившиеся в английских и американских архивах). Книга Шлютера противостояла традиционной трактовке американскими историками чартизма как маловажного эпизода в истории английского рабочего движения.

В целом труды историков-социалистов свидетельствовали об укреплении тенденции в развитии исторической мысли в США, анализировавшей прошлое страны и прежде всего историю массовых движений с позиций рабочего класса.

Глава 6

Изучение новой истории в России

Революция 1905—1907 гг. и идейно-политические сдвиги в русском обществе. Важнейшим событием начала XX в., оказавшим могучее влияние на все стороны жизни русского общества, в том числе и на историческую науку, явилась революция 1905—1907 гг. Подготовленная всем ходом экономического и политического развития страны на рубеже двух веков, она вошла в историю как первая народная революция эпохи империализма. Будучи по своему содержанию буржуазно-демократической революцией, по средствам и формам борьбы она являлась пролетарской. В этой революции пролетариат впервые в истории выступил как гегемон. И хотя она закончилась поражением, сменившись жестокой реакцией, ее последствия оказались необратимыми в самых разных сферах жизни страны.

В их числе В. И. Ленин особенно подчеркивал завершение процесса социального размежевания в русском обществе. Отмечая, что революция неизмеримо ускорила ход исторического развития страны, он указывал, что «классы в открытой политической борьбе впервые размежевались и определились в России за это время...»¹. Это размежевание отразилось и на становлении русской либеральной историографии, способствуя более четкому оформлению ее позиций. Народившаяся после 1905 г. контрреволюционная буржуазия² создавала свою идеологию, в формирование которой определенным вклад вносила и либеральная историография.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 272.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 34.

Вместе с тем и после 1905 г. русская буржуазия сохраняла известные особенности в своем идейно-политическом облике, отличавшие ее от западноевропейской буржуазии. Это обстоятельство всегда подчеркивал В. И. Ленин, предостерегавший против плоских аналогий между положением буржуазии в России и на Западе. Важное различие заключалось в том, что в то время как на Западе эпоха буржуазных преобразований была завершена, а буржуазия вследствие этого занимала антиреволюционные позиции³, в России продолжали существовать феодально-крепостнические пережитки, которые обуславливали сохранение известной оппозиционности буржуазии самодержавию и после 1905 г.

Таким образом, политический облик либеральной буржуазии и после революции характеризовался определенной двойственностью, в полной мере отразившейся на ее идеологии. Вскрывая социальную сущность русского либерализма в рассматриваемое время, В. И. Ленин писал: «Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков»⁴.

Эта двойственность сказалась и на идейных позициях русской либеральной историографии начала XX в. Так, в частности, сохранялись известные прогрессивные черты в исследованиях либеральных ученых по истории нового времени даже в условиях происшедшего после 1905 г. поворота буржуазной историографии вправо.

Кризис позитивизма и субъективно-идеалистические тенденции в буржуазной историографии. Этот поворот нашел свое отражение прежде всего в сфере теоретико-методологических представлений. Уже в 90-е годы в русской буржуазной историографии стали проявляться признаки кризиса позитивизма. Позитивистская методология истории не позволяла осмыс-

лить новые явления в развитии науки, связанные с усложнением исследовательской проблематики, накоплением многочисленных фактов, взрывавших старые концептуальные схемы.

С критики позитивистской методологии начали в 90-е годы свою деятельность представители нового поколения историков социально-экономического направления. Однако их попытки преодоления позитивизма совершались в рамках идеалистического понимания истории и вели к пересмотру представлений о научном характере исторического познания.

Примером тому могут служить взгляды профессора всеобщей истории Московского университета **Роберта Юрьевича Виппера** (1859—1954), одного из первых в русской исторической науке серьезных критиков классического позитивизма. Виппер увидел ряд его слабых сторон, не соответствовавших возросшему уровню развития исторического знания и заключавшихся, в частности, в игнорировании проблемы взаимоотношений между познающим субъектом (историком) и объектом познания. Он впервые в русской историографии обратился к этой проблеме, ставшей в XX в. одной из центральных методологических проблем исторической науки, как предмету теоретического исследования. Однако Виппер не только не смог ее решить, но и пришел к выводам, по существу отрицавшим саму возможность объективного знания в истории.

Применяя к истолкованию природы исторического познания идеи эмпириокритицизма Маха и Авенариуса, Виппер утверждал его субъективный характер. Исторические факты, заявлял он, не более чем «наши умственные резервы, наши умственные опыты». Соответственно этому он провозглашал субъективной категорией и историческую действительность: «...каждое поколение или ряд поколений, связанных общими идеями, каждая интеллектуальная группа неизбежно приспособляет к себе, к своим нуждам, к своим симпатиям, к своим гаданиям о будущем, к своим психическим предрасположениям всю традицию о прошлом, весь исторический материал, можно бы сказать, препарирует для себя всю историю, творит для себя идеальное прошлое, набрасывает для

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 406.

⁴ Там же. С. 175.

себя свою собственную историческую картину»⁵.

Кризисные явления затронули всю систему общетеоретических представлений русских либеральных историков о природе исторического процесса и способах его познания. Радикальному пересмотру подверглась в первую очередь идея социального прогресса. Являясь своеобразным символом науки XIX в., она выражала свойственную тогда буржуазии уверенность в завтрашнем дне капиталистического общества, ее исторический оптимизм. Революция 1905—1907 гг. нанесла сокрушительный удар по этому оптимизму.

Многие историки как либерального, так и других течений обрушились на идею прогресса как якобы метафизическую и недоказуемую. Виппер объявил ее продолжением христианской философии истории, не соответствующим современному состоянию науки⁶. Ему вторил В. М. Хвостов, заявляя, что «понятие прогресса ненаучно», так как невозможно установить его критерии⁷. Субъективный характер этого понятия подчеркивал и М. М. Хвостов⁸.

Отрицание идеи прогресса органически сопрягалось с утверждением в русской немарксистской историографии неокантианских представлений об «индивидуализирующей» природе исторического познания. В многочисленных историко-теоретических работах, выходящих после 1905 г., разные авторы почти в одинаковых выражениях обосновывали ставший весьма модным взгляд, что история по самой своей сути не может претендовать на познание законов общественного развития, ибо она «есть индивидуализирующая наука о человеческом обществе и его изменениях во времени»⁹. А следовательно, «предметом истории может быть развитие неповторяюще-

еся, которое происходит один раз, стадия которого не повторяется»¹⁰.

Вместе с тем кризис далеко не в одинаковой степени затронул разные отрасли русской исторической науки. В частности, как справедливо подчеркивает Е. В. Гутнова, «до 1917 г. в русской медиевистике нельзя констатировать ни общего методологического кризиса, ни сложившегося и влиятельного критического направления»¹¹. Не в меньшей степени это относится к русской историографии новой истории. Присущие социально-экономическому направлению идейные и научные принципы, которые проявлялись в оплодотворенной влиянием марксистского исторического метода трактовке ключевых проблем новой истории, сохранялись и в начале XX в. Это открывало определенные возможности для поступательного развития историографии новой истории и после 1905 г., хотя не исключало возникновения кризисных тенденций и в этой области исследований.

Кризисные явления в либеральной историографии новой истории. А. Н. Савин. Эти тенденции явственно обнаруживаются в творчестве одного из крупнейших представителей нового поколения историков социально-экономического направления, профессора всеобщей истории Московского университета **Александра Николаевича Савина** (1873—1923). Ученик П. Г. Виноградова, он избрал темой своих исследований огораживания в Англии в XVI в. Итоги этих исследований были представлены в его монографиях «Английская деревня в эпоху Тюдоров» (1903) и «Английская секуляризация» (1906). Кроме того, Савин читал в университете лекционные курсы по истории Англии и Франции нового времени, а также активно выступал на страницах либеральной печати по широкому кругу вопросов современной ему международной жизни.

Савин вошел в науку как признанный мастер историко-статистического исследования. За каждым положением, обосно-

⁵ *Bunner P. Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // Вопросы философии и психологии. 1900. № 3. С. 452, 480.

⁶ *Bunner P. Ю.* Очерк теории исторического познания. М., 1911. С. 99, 102.

⁷ См.: *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. 2-е изд. М., 1914. С. 275.

⁸ *Хвостов М. М.* Лекции по методологии и философии истории. Казань, 1913. С. 5.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ *Бубнов Н. М.* Методология истории. Киев, 1914. С. 8.

¹¹ *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. 2-е изд. М., 1985. С. 451.

вываемым в его трудах по аграрной истории Англии XVI в., стоят горы добытого в архивах и тщательно обработанного статистического материала. Эти труды отличает исключительная научная добросовестность. Строго документированные выводы Савина о сохранении остатков крепостничества в Англии XVI в., об исторической преемственности между копигольдерами и вилланами, о юридической необеспеченности прав копигольдеров на землю, о классовой природе судов, о распределении секуляризованной монастырской земли и некоторые другие получили широкое научное признание, без их учета невозможно было бы дальнейшее изучение аграрной истории Англии в начальный период нового времени.

Вместе с тем в этих трудах обращает на себя внимание отказ Савина (в отличие от его старших коллег) от широких обобщений. «К сожалению,— писал сам Савин в предисловии к «Английской секуляризации»,— эта книга есть только фрагмент фрагмента». Это определение достаточно точно передает характер исследований ученого. При всей важности имеющих в них выводов они не только не содержат общей концепции истории Англии XVI в., но и игнорируют большой круг вопросов, связанных главным образом с развитием капиталистических отношений в английской деревне.

В 1907/08 и 1909/10 учебных годах Савин читал курсы по истории Англии XVII в.¹² В его лекциях давалась широкая панорама жизни английского общества накануне и в годы революции, содержалось много метких наблюдений о расстановке социально-политических сил в революции, ее ходе и результатах. Представляет интерес предпринятый Савиным анализ англо-шотландских и англо-ирландских отношений и их влияния на революционный процесс. Им подробно освещены кровавое подавление Кромвелем ирландского восстания и последовавшее затем насиль-

ственное обезземеливание коренного населения. «В ту эпоху,— справедливо подчеркивал Савин,— было крепко завернут узел, который с трудом распутывается в XIX и XX ст.»¹³.

В лекциях содержится немало замечаний, свидетельствующих о внимании Савина к социальной стороне революции. Он указывал на недовольство во всех слоях общества как на коренную причину революции, отмечал противоположность классовых интересов ее участников. Определенное внимание уделено положению и борьбе народных низов в годы революции.

Тем не менее в целом савинская концепция Английской революции носит подчеркнуто внесоциальный характер, что было явным отходом от уже достигнутого в русской либеральной историографии уровня ее осмысления. В отличие от Ковалевского Савин не только не признавал буржуазного характера революции, но и избегал даже термина «буржуазия», предпочитая говорить о дельцах, предпринимателях, купцах и т. п. Для него был решительно неприемлем взгляд, что «борьба политических партий будто бы прикрывала социальный вопрос, борьбу разных классов за влияние и власть»¹⁴. Напротив, он последовательно проводил мысль о религиозно-политическом характере Английской революции, а в другом своем лекционном курсе прямо подчеркивал «примат религиозных мотивов в английском революционном движении»¹⁵.

Рассматривая предпосылки и ход революции, Савин настойчиво именовал ее религиозно-политическим спором, в основе которого лежало столкновение враждебных религиозных и политических партий. Подчеркивая решительное преобладание религиозно-политических мотивов в начале революции, он, правда, признавал, что в дальнейшем в борьбу «были привнесены классовые мотивы». Однако это признание не меняет существа дела, ибо по своим

¹³ Савин А. Н. Лекции по истории английской революции. С. 384.

¹⁴ Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. С. 205.

¹⁵ Савин А. Н. История Англии в новое время (XVI—XVIII вв.). М., 1912. С. 138.

¹² Дополненные и исправленные по авторским конспектам литографированные материалы этих курсов были посмертно изданы под редакцией Е. А. Косминского: Савин А. Н. Лекции по истории английской революции. М., 1924.

коренным результатам и последствиям Английская революция, по глубокому убеждению Савина, не вышла за рамки религиозно-политических преобразований. Революция, утверждал он, «изменила больше государство и церковь, чем общество и организацию народного труда». Отмечая, что революция «явилась водоразделом в народной жизни» и имела большие международные последствия, он связывал ее историческое значение главным образом с преобразованиями в религиозной и политической сферах. Не случайно в религиозных деятелях революционной эпохи он усматривал прямых предшественников «людей XX в.».

Такая трактовка революции вытекала из последовательно идеалистического понимания исторического процесса. Савин являлся едва ли не самым решительным критиком исторической концепции Маркса в русской либеральной историографии. Еще в 1903 г. он опубликовал «Заметку о первоначальном накоплении в изображении Маркса», направленную фактически против материалистического понимания истории в целом. Эта направленность присутствует и в его концепции Английской революции. Восставая против применения теории классовой борьбы к революционным событиям, он в прямой полемике с этой теорией провозглашал, что «социальный смысл революции обуславливается не общественным положением, а сознанием ее участников»¹⁶. Только последовательным проведением этого принципа можно объяснить на первый взгляд совершенно парадоксальное явление: будучи крупнейшим знатоком аграрных отношений Англии на рубеже перехода к новому времени, Савин — в отличие, например, от Ковалевского — практически уходил от их анализа в изображении Английской революции. Тем самым из концепции Савина выпадало существенное содержание всего революционного процесса.

Изучение социально-экономической истории Франции конца XVIII — начала XIX в. Е. В. Тарле. Взгляды Савина, выражая кризисную тенденцию в русской либеральной историографии, не были, однако,

характерны для большинства историков социально-экономического направления. В рамках этого направления продолжалось успешное изучение важнейших проблем новой истории. Центральное место среди них по-прежнему занимала история Великой французской революции. И. В. Лучицкий и его ученики продолжали исследовать проблему крестьянской собственности накануне и в годы революции. В книге Лучицкого «Состояние земледельческих классов во Франции и аграрная реформа 1789—1793 гг.» (1912) и ряде статей было показано влияние революции и ее мероприятий, в особенности распродажи конфискованных земель, на рост имущественного расслоения крестьянства, хотя, отрицая феодальный характер дореволюционной крестьянской собственности, он так и не сумел раскрыть действительное значение революции в аграрной истории Франции.

В русской либеральной историографии новой истории происходит дальнейшее расширение исследовательской проблематики. Под непосредственным влиянием роста рабочего движения в стране и первой российской революции предметом специального изучения становится положение и борьба рабочего класса в период Французской революции конца XVIII в. Вместе с тем обращение к этой проблеме — закономерный результат внутреннего развития науки; оно продолжало осуществлявшееся русской исторической школой разностороннее изучение истории революции.

Этот новый этап в деятельности школы, отражавший ее продолжавшееся после 1905 г. поступательное развитие, связан с именем ученика И. В. Лучицкого, по Киевскому университету **Евгения Викторовича Тарле** (1874—1955), впоследствии выдающегося советского историка.

Тарле начинал свою деятельность как ученый, придерживавшийся леволиберальных взглядов, решительный противник самодержавия. В годы первой российской революции он опубликовал книгу «Падение абсолютизма в Западной Европе», в которой на историческом опыте Запада доказывал неизбежность гибели самодержавного строя. Не со всем, что в ней писалось, можно сегодня согласиться. Тарле фактически отождествлял абсолютизм с деспотизмом, находя его уже на Древнем

¹⁶ Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. С. 219.

Востоке, утверждал, что на заключительной стадии своего существования абсолютизм утрачивает классовый характер, превращаясь в «оторванное от взрастившей его почвы растение», преувеличивал антиабсолютистские настроения русской буржуазии. Но главное в книге — твердая убежденность автора в том, что царское самодержавие себя исторически изжило, что его уничтожение стало властным требованием времени.

Молодой ученый проявлял сочувственный интерес к марксистской философии, истории. Еще не став в то время на позиции материалистического понимания истории, Тарле подчеркивал большое научное и общественное значение марксистского учения, характеризовал его как переворот в развитии исторической науки, смысл которого усматривал в выдвигании и обосновании положения о решающем влиянии материальных условий жизни общества на его историческое развитие. В разгар реакции, наступившей после поражения революции, Тарле посвятил значительную часть философско-исторического введения к курсу всеобщей истории, прочитанному в Психоневрологическом институте в Петербурге (1908), раскрытию значения марксизма и полемике с его критиками. Тарле подчеркивал исторический оптимизм учения Маркса, черпая в нем уверенность в недолговечности победы реакции. «Вот эта светлая мысль, что если бессмысленный гнет и торжествует, то торжествует временно,— говорил он,— эта мысль может считаться тем завещанием Маркса, расставаться с которым человеку в самые горькие годы торжества абсолютизма не следует»¹⁷.

Передовые для либерального историка теоретические взгляды обусловили и направленность научных интересов Тарле. Как и его старшие коллеги, он с первых же шагов своей научной деятельности обращался к широкому кругу проблем новой истории. Однако уже очень рано из этого круга выделилось главное — история французского рабочего класса и социально-экономическая история Франции конца XVIII — начала XIX в. в целом. С 1903 г.

началась систематическая работа ученого во французских архивах. Приступая к ней, Тарле осознавал важное значение рабочего класса и рабочего движения. В том же, 1903 г., он опубликовал статью «Чем объясняется современный интерес к экономической истории?», связывая его в первую очередь с вступлением рабочего класса в середине XIX в. «на арену исторической жизни». В представлении ученого экономическая история и история рабочего класса были органически взаимосвязаны: последняя являлась существенной частью первой.

Первым итогом архивных изысканий Тарле явилась книга «Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции» (1907). Тщательно исследуя их экономическое положение, ученый в то же время стремился выяснить политические настроения, выявить формы борьбы рабочих, проследить отношение к ним органов революционной власти.

Эти вопросы получили основательное освещение уже на материале всех отраслей французской промышленности революционных лет в капитальной монографии «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (ч. I—II, 1909—1911), защищенной Тарле в качестве докторской диссертации. Она была первым в мировой литературе систематическим многоплановым исследованием указанной проблемы, опиравшимся на широкий круг разнообразных источников и главным образом на впервые введенные в научный оборот архивные материалы (отчеты и докладные записки инспекторов мануфактур, административная переписка, жалобы рабочих и т. д.).

Главная двуединая задача, последовательно решаемая в книге, заключалась в определении степени политической зрелости французского рабочего класса и характера его взаимоотношений с революционными органами власти. Исходной посылкой при этом являлось убеждение автора в классовом, буржуазном характере революции, обусловившем расстановку социальных сил в стране. В этой расстановке преимущественное внимание ученого привлекали отношения рабочих и буржуазии. Отмечая решающую роль парижских рабочих в поворотные моменты революции, подчеркивая противоположность позиций контрреволюционной ари-

¹⁷ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 153.

тократии и рабочих масс, являвшихся ее самыми решительными противниками, Тарле в то же время пытался обосновать одно из центральных положений своей книги — о том, что рабочие были «пасынками революции», ничего от нее не получив.

Значительное место Тарле уделял освещению конфликтов между рабочими и буржуазией на экономической почве, подчеркивая, что органы власти неизменно находились на стороне буржуазии. В частности, по поводу принятого в 1791 г. Учредительным собранием известного закона Ле Шапелье, запрещающего стачки и организации рабочих, Тарле вступил в полемику с Жоресом, отрицавшим его преднамеренную антирабочую направленность, и убедительно показал, что этот закон «был проведен с сознательной и вполне определенной целью» — подавить набравшее силу в Париже стачечное движение и уничтожить всякую возможность каких бы то ни было организаций рабочих, направленных на защиту их профессиональных интересов. Раскрывая классовый характер закона Ле Шапелье и всей политики Учредительного собрания, он писал: «...у буржуазии была в руках могучая сила, которой у рабочих не было и в помине — полнота государственной власти. И она ею широко воспользовалась при проведении закона, именно в тот момент ей понадобившегося»¹⁸.

С аналогичных позиций в книге рассматривался закон о максимуме. Отмечая рост рабочего движения и его решающее влияние на принятие этого закона, Тарле, однако, подчеркивал, что с его введением положение рабочих не только не улучшилось, но и значительно ухудшилось: во-первых, потому, что закон в одном весьма важном отношении был прямо направлен против рабочих, устанавливая максимум заработной платы, а во-вторых, вследствие вызванной им общей дезорганизации экономической жизни, приведшей к росту безработицы. Вот почему, полагал ученый, рабочие «без тени протеста смотрели на казнь Робеспьера».

На протяжении всей книги Тарле стремился определить уровень классового са-

мосознания французских рабочих, связать с ним результаты их борьбы в годы революции. В целом он занижал этот уровень, неправомерно отрицая наличие у парижских рабочих даже начатков политического сознания. Вопреки многочисленным фактам, приводимым им самим, Тарле изображал рабочий класс в годы революции как политически индифферентную силу. Едва ли можно согласиться с его положением об одинаково враждебном отношении к рабочим всех революционных властей, в том числе и якобинской диктатуры. Это, однако, не уменьшает значения его книги, получившей международное признание и поныне остающейся самым основательным в отечественной историографии трудом о французском рабочем классе в эпоху революции XVIII в.

Продолжая изучение социально-экономической истории Франции, Тарле в 1913 г. опубликовал капитальное исследование «Континентальная блокада». Исходя из убеждения, что без разработки экономической истории наполеоновской эпохи нельзя понять эту эпоху в целом, он на обширном источниковом материале, почерпнутом из французских, немецких, голландских, итальянских и английских архивов, воссоздал широкую панораму экономической жизни не только Франции, но и всей Европы в начале XIX в. Ученый тщательно исследовал экономические воззрения и экономическую политику Наполеона, подчеркнув, в частности, ее антирабочую направленность, раскрыл ее влияние на экономические отношения Франции с другими европейскими странами, рассмотрел состояние буквально всех отраслей французской промышленности в период континентальной блокады. Ему удалось убедительно показать как классовый смысл континентальной блокады (защита экономических интересов французских промышленников), так и закономерность ее неудачи.

В 1916 г. была опубликована вторая часть этого исследования — монография «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I», в которой на материале итальянских архивов было показано, что экономическая политика Наполеона в Италии ставила ее в зависимое от Франции положение и нано-

¹⁸ Тарле Е. В. Соч. Т. I—XII. М., 1957—1962. Т. II. С. 142.

сила ущерб ее собственному хозяйственному развитию.

Великая французская революция в освещении П. А. Кропоткина. Дальнейший значительный шаг вперед в изучении Французской революции был связан с именем знаменитого русского революционера-анархиста и ученого **Петра Алексеевича Кропоткина** (1842—1921). В 1909 г. одновременно на французском, английском и немецком языках была издана его книга «Великая французская революции 1789—1793» (первое русское издание осуществлено в 1914 г.).

Книга Кропоткина получила широкое научное признание. Ее появление было сочувственно встречено крупнейшими специалистами по истории Французской революции. Известна высокая ленинская оценка книги. Близкий соратник В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Владимир Ильич относился к Петру Алексеевичу с большим уважением. Он особенно ценил его как автора труда о Великой французской революции, подробно говорил о достоинствах этой замечательной книги и обращал внимание на то, что Кропоткин впервые посмотрел на Французскую революцию глазами исследователя, обратившего внимание на народные массы, выдвигая всюду роль и значение во Французской революции ремесленников, рабочих и других представителей трудящихся классов. Это исследование Кропоткина он считал классическим и настойчиво рекомендовал его читать и широко распространять»¹⁹.

Эта ленинская оценка указывает на главное достоинство книги Кропоткина, сообщавшее ей безусловно новаторский характер. В предшествовавшей историографии Французской революции народным массам уделялось внимание преимущественно в связи с их положением. Кропоткин выдвинул на передний план их *борьбу*. Центральной идеей исследования являлось положение о решающей роли народных масс в революции.

Особенно большое место в книге отведено борьбе крестьян. Массовые крестьянские движения в годы революции Кро-

поткин квалифицировал как единое крестьянское восстание, являвшееся ее «истинной основой». «Без крестьянского восстания, начавшегося зимой, усилившегося летом 1789 г. и продолжавшегося вплоть до 1793 г.,— писал он,— никогда королевский деспотизм не был бы свергнут вполне и никогда за его свержением не последовало бы таких глубоких политических, экономических и социальных перемен, какие произошли во Франции»²⁰. Это положение не осталось в книге простой декларацией, оно получило убедительную фактическую аргументацию.

Наряду с этим в книге обстоятельно рассмотрено движение городского, прежде всего парижского, плебса, показано огромное влияние выступлений «парижского пролетариата» на ход революции, освещены формы революционной организации городских низов. В частности, никто до Кропоткина не показал так рельефно значение деятельности парижских секций в годы революции, не раскрыл их роль в событиях революционной эпохи.

На созданной Кропоткиным концепции Французской революции отразились его анархические взгляды, как и общее идеалистическое мировоззрение. Это нашло выражение в его убеждении, что Франция в конце XVIII в. была готова к коммунистической революции, но якобинцы помешали ее осуществлению. Кропоткин не видел буржуазного характера революции, переоценивал значение в ней анархических элементов и т. д. Однако не эти недостатки определяют место его книги в истории науки. Впервые столь ярко обрисовав роль масс в революции, она оказала плодотворное влияние на все дальнейшее развитие историографии вопроса.

Показательно, что вскоре после выхода книги Кропоткина к изучению истории парижских секций в годы революции обратился Н. И. Кареев. В 1911—1914 гг. он опубликовал на русском и французском языках ряд работ, в которых, широко привлекая архивный материал, осветил влияние парижских секций на ход событий в отдельные ключевые моменты революции.

¹⁹ Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. М., 1963. Т. 3. С. 401.

²⁰ Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793. М., 1979. С. 39.

История Западной Европы последней трети XIX — начала XX в. в освещении Н. И. Кареева. Изучение истории парижских секций являлось лишь частью интенсивной и многогранной деятельности Н. И. Кареева после революции 1905—1907 гг. Он по-прежнему писал на самые разнообразные темы — от теоретических вопросов исторической науки до публицистических откликов на те или иные события текущей истории. Однако наиболее значительным предприятием ученого в эти годы стало завершение работы над семитомной «Историей Западной Европы в новое время». В 1909—1917 гг. были опубликованы два заключительных тома этого издания, охватывавшие период с конца 60-х годов XIX в. до начала первой мировой войны. обстоятельно рассматривая в этом фундаментальном труде важнейшие вехи столь богатой событиями полувековой истории Западной Европы, Кареев наиболее полно выразил свои историко-теоретические взгляды, во многом характерные для большинства представителей социально-экономического направления в изучении новой истории.

Выпуская в разгар столыпинской реакции шестой том «Истории Западной Европы...», Кареев счел необходимым специально подчеркнуть «единство общего исторического мирозерцания», лежащего в основе всего издания. Раскрывая это положение, он подробно останавливался на своем отношении к марксизму. Повторяя свое неприятие марксизма как общей социологической теории, он в то же время признавал, что это несколько не мешало ему «не только понять историческую необходимость ее возникновения, но и правильность ее применения к социальной стороне истории XIX в.». Более того, Кареев писал о своем «частном усвоении» марксизма, углубившем его историческое мирозерцание²¹. Он справедливо добавлял, что это усвоение не могло коренным образом изменить его уже сложившееся мировоззрение. Несомненно, однако, что оно оказало заметное влияние на его исторические взгляды, на подход к осмыслению исторического процесса.

²¹ Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. VI. Ч. 1. С. VII—VIII.

В полной мере этот подход проявился и в заключительных томах «Истории Западной Европы...». Отличительной чертой обоих томов был пристальный интерес их автора к сфере социально-экономических отношений, эволюция которых рассматривалась им как существенное содержание всего изучаемого периода. Преимущественное внимание при этом обращалось на положение и развитие основных классов капиталистического общества — буржуазии и пролетариата.

Развитие капиталистического производства Кареев называл главным явлением всей хозяйственной истории нового времени. Широко обращаясь к произведениям К. Маркса и Ф. Энгельса, он показывал условия развития крупного капиталистического производства, рассматривал концентрацию производства и ее социальные последствия. В поле зрения ученого попадали и новейшие явления в эволюции капиталистического производства, в частности развитие монополий, которым он предрекал огромное влияние на разные стороны жизни буржуазного общества в будущем.

Одним из наиболее опасных явлений в западноевропейской истории последней трети XIX в. Кареев считал развитие милитаризма. Для него не подлежала сомнению классовая природа милитаризма, его связь с капитализмом. Отмечая, что в капиталистической Европе возникли «обширные производства с крупными денежными оборотами и многими тысячами рабочих, которые обязаны своим происхождением нуждам военного дела», он подчеркивал, что к концу XIX в. стало очевидным, «как сам милитаризм питает индустрию и как потребности последней в свою очередь создают условия, нужные для процветания милитаризма»²².

Необычно большое для подобных изданий место занимали в труде Кареева вопросы рабочего и социалистического движения. Не говоря уже о том, что эти вопросы рассматривались (подчас весьма детально) в разделах, посвященных истории отдельных западноевропейских стран, Кареевым специально были выделены

²² Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. VI. Ч. 1. С. 131—132.

такие главы, как «Основание Интернационала и начало анархизма», «Разгром Парижской Коммуны и распад Интернационала», «Успехи социализма в Германии и правительственная борьба с ним», «Рабочее движение и социализм в конце XIX в.», «Рабочее движение и социализм в главных странах Западной Европы в начале XX в.».

С либерально-объективистских позиций Кареев освещал революционную деятельность Маркса и Энгельса, образование социал-демократических партий в Западной Европе и внутреннюю борьбу в них, стачечное движение, историю I и II Интернационалов и Парижской Коммуны. При этом он использовал произведения основоположников марксизма, других деятелей социалистического движения, программные партийные документы. Несмотря на либеральную ограниченность трактовки этих вопросов, выразившуюся в непонимании действительных причин и значения борьбы различных тенденций в западноевропейском рабочем и социалистическом движении, Кареев сумел увидеть в этом движении один из важнейших факторов европейской истории на рубеже столетий.

Свое изложение европейской истории Кареев довел до начала мировой войны, которую характеризовал как грандиозную катастрофу, образующую грань между различными историческими эпохами. Он пытался, хотя и недостаточно последовательно, показать закономерность этой катастрофы, подчеркивал «страшное усиление милитаризма» в последние десятилетия прошлого века, когда «вся Европа только и делала, что готовилась к войне «для поддержания мира», и констатируя «общие черты среди милитаристов разных стран», обусловленные бурным ростом военной промышленности.

Тем не менее Кареев сохранял исторический оптимизм. Рассматривая историю как арену вековой борьбы добра и зла, прогресса и реакции, борьбы, в которой «то прогресс со своими общественными силами пробивает себе дорогу через полчища реакции, то реакция преграждает надолго путь прогрессу, как то было в 1815 или в 1849 гг.», он выражал убеждение в конечном торжестве прогресса. Это убеж-

дение основывалось на признании возрастающей роли народных масс в истории. «Дело в том, — пояснял Кареев, — что и у прогресса, и у реакции есть свои общественные силы». XIX век необычайно укрепил главную общественную силу прогресса — народные массы. «Он рассеял мистические и романтические туманы, опять надвинувшиеся было на Европу во втором и третьем десятилетиях, и понес светоч истины и справедливости в темные и разрозненные народные массы, которые начали строиться в правильные ряды для завоевания лучшего будущего, если не для себя, то для детей своих и внуков. В этом залог будущей победы исторического Ормузда над историческим Ариманом»²³.

Эта уверенность в лучшем будущем человечества, в котором «без вечных опасений войны» свободные народы «осуществляют высшие требования социальной справедливости», пронизывает заключительные строки книги, являясь своеобразным итогом всего семитомного исследования истории Западной Европы в новое время. Оставаясь либералом, Кареев не мог указать действительный путь к этому лучшему будущему. Он разделял реформистские иллюзии о классовом сотрудничестве как главной предпосылке социального прогресса. Предсказывая наступление новой исторической эпохи, он не смог разглядеть ее действительное содержание. Однако следует отметить и другое: в условиях, когда в буржуазной историографии начали проявляться кризисные тенденции, Кареев сохранил известные прогрессивные элементы в своих исторических воззрениях. В этом отношении его взгляды показательны для большинства представителей социально-экономического направления, изучавших новую историю и добившихся определенных успехов в исследовании целого ряда ее проблем.

²³ Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. VI. Ч. 1. С. 14. Ормузд (Ахурамазда) и Ариман (Ахриман) — персонажи иранской мифологии, олицетворяющие соответственно добро и зло. У Кареева они — воплощение прогресса и реакции: «Мы зовем исторический Ормузд прогрессом, а исторический Ариман — реакцией» (там же).

Итальянская историография. Крочеанский идеалистический историзм против позитивизма

В начале XX в. в Италии произошел переход к империализму. «Италия революционно-демократическая, т. е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы... в Италию грубой, отвратительно реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи», — писал в 1915 г. В. И. Ленин¹.

Итальянский империализм, выросший на фундаменте относительно неразвитой, отягощенной феодальными пережитками экономики, отличался сочетанием слабости и воинствующей агрессивности. Эти черты его своеобразно преломились в идеологии национализма, который как особое течение общественной мысли выступил в 90-е годы, а с созданием в 1910 г. Националистической ассоциации превратился в политически оформленную силу. Националисты являлись поборниками широкой внешней экспансии, захвата колоний, изображая Италию как «бедную» и даже «пролетарскую» нацию, которая должна завоевать себе место под солнцем в борьбе против «богатых», «плутократических» наций. Итальянскую политическую систему они считали не отвечающей этим целям и критиковали справа, с авторитарных и антидемократических позиций. Теми же идеями была пронизана платформа возникшего в 1909 г. футуризма, который стал как бы продолжением национализма в сфере искусства.

Однако отражавшаяся в подобных идеологических построениях крайняя экспансионистская тенденция возобладала в правящем лагере лишь накануне мировой войны. В начале XX в. доминирующие позиции принадлежали сторонникам более сдержанной политики во главе с Дж. Джолитти. Он выдвинулся как представитель новых промышленных кругов Севера, за-

интересованных в «классовом мире», и стал инициатором внутривластного курса в духе буржуазного реформизма. Джолитти был либералом по своим политическим принципам, но отнюдь не приверженцем доктрины экономического либерализма, положив в Италии начало государственному регулированию социальных отношений и активно стимулируя с помощью правительственных заказов, субсидий и других льгот развитие наиболее монополизированных отраслей промышленности.

Вмешательство государства в экономику стало одним из главных объектов критики со стороны меридионалистов, которые видели в нем первопричину усугублявшихся бедствий аграрного Юга. В сущности же, в этой форме выражался протест против гнета, который несло Югу утверждавшееся при государственной поддержке господство монополий. Меридионалистское движение приобретало, таким образом, антимонополистическую направленность, хотя в нем были представлены весьма различные силы — от либерально-фритредерских элементов буржуазии до радикальных мелкобуржуазных демократов и даже социалистов.

В социалистическом движении после смерти Лабриолы наступила полоса теоретического застоя. Господствовали вульгарно-эволюционистские, замутненные позитивистской примесью представления о марксизме, которые насаждались реформистским течением, руководившим Итальянской социалистической партией (ИСП) до 1912 г. Реформизму противостояли в качестве выразителей революционной тенденции не последовательные марксисты (их тогда в Италии практически не было), а синдикалисты, тяготевшие к истолкованию марксизма в идеалистически-волюнтаристском духе. Часть синдикалистов через культ насилия и прямого действия стала идейно сближаться с националистами, завершив эту эволюцию в годы первой мировой войны.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 15.

Б. Кроче

Начало XX в. ознаменовано в Италии значительным оживлением идеалистической философской мысли, представленной прежде всего двумя неогегельянскими школами — Б. Кроче и Дж. Джентиле. Эти новые направления вступили в борьбу с позитивизмом за гегемонию в итальянской культуре и уже в предвоенный период завоевали в ней ведущие позиции. Они (особенно школа Кроче) оказали глубокое влияние и на итальянскую историографию.

Неогегельянский идеализм и историческое познание. Исторические взгляды Б. Кроче. Бенедетто Кроче (1866—1952) впервые приобщился к историческим исследованиям в конце 80-х годов прошлого века, а свою философскую систему окончательно разработал после углубленного изучения трудов Гегеля в 1904—1905 гг. В начале XX в. он стал крупнейшим выразителем в культурно-идеологической сфере тех либеральных тенденций, которые на политическом уровне представлял Джолитти.

В юности Кроче был учеником Лабриолы, при посредстве которого в дальнейшем познакомился с марксизмом. Но во второй половине 90-х годов он вступил в полемику с Лабриолой, включившись в критику марксизма с позиций, близких к позициям Ж. Сореля во Франции.

Кроче стремился, говоря его собственными словами, «высвободить здоровое и реалистическое ядро мышления Маркса от метафизических и литературных причуд автора и неосторожных толкований и вы-

водов школы»². В частности, он считал неправомерным называть Марксово понимание истории историческим материализмом, возводя происхождение этого термина к метафизическому материализму и полагая, что понимание истории вообще «не может быть ни материалистическим, ни спиритуалистическим, ни дуалистическим, ни монистическим». Но коль скоро термин «исторический материализм» вошел в употребление, Кроче предлагал свое истолкование того, что он означает, а именно: что это не новая философия истории или новый метод, а «сумма новых данных, новых наблюдений, входящих в познание историка». Он уточнял, что речь идет о наблюдениях эмпирического характера, имеющих лишь приблизительную точность, но практически весьма полезных. Исторический материализм, таким образом, должен быть «просто руководством, каноном исторической интерпретации. Это руководство советует сосредоточивать внимание на экономической сущности общества, для того чтобы лучше понимать его конфигурации и изменения»³.

Позднее Кроче от заключенной в таком истолковании ревизии материалистического понимания истории перешел к открытой борьбе с ним. В 10-е годы он противопоставил марксизму собственную концепцию исторического процесса, которую назвал этико-политической. Согласно этой концепции определяющая роль в истории отводилась явлениям духовной и политической жизни. Марксизм объясняет их как производные от базиса. Кроче же утверждал, будто марксизм вообще не принимает их во внимание как действенный элемент общественного развития. В сущности, Кроче критиковал вульгарный «экономический материализм». Однако подобные взгляды на историю были широко распространены и зачастую отождествлялись с марксизмом не только его противниками, но и людьми, считавшими себя марксистами.

Философия Кроче восходила к гегелевской, но содержала и ее критику с по-

² Кроче Б. Исторический материализм и марксистская экономия. Критические очерки. СПб., 1902. С. 6.

³ Там же. С. 18, 25, 132.

зиций более последовательного объективного идеализма. Кроче выдвинул тезис об абсолютно духовной природе действительности, понимая под духовным то, что связано с волей и деяниями людей, т. е. является продуктом истории. В представлении об «историчности» мира и об истории как сознательной человеческой деятельности, царстве духа по преимуществу, заключалась суть крочеанского историзма.

Важнейшие конкретно-исторические труды Кроче были созданы позднее — начиная с середины 20-х годов. В рассматриваемый период он был известен прежде всего своими выступлениями по теоретико-методологическим проблемам, полемически заостренными против позитивистского пренебрежения методологией и натуралистического видения истории, не оставлявшего в ней места усилиям и воле человека. Важное значение в этом плане имели ряд очерков Кроче, собранных затем в книгу «Теория и история исторической науки», и его историографическая работа «История итальянской исторической науки в XIX в.»⁴.

С идеалистических позиций Кроче подверг резкой критике подчеркнуто объективистский подход к реконструкции прошлого, который исповедовали позитивисты. Одно из главных его положений в области теории исторического познания гласило, что прошлое является историей, а не мертвой хроникой лишь постольку, поскольку оживляется мыслью историка. Историк же, утверждал Кроче, обращается к прошлому всегда под воздействием потребностей своего времени, и в этом смысле всякая история современна.

В 1903 г. Кроче начал издавать в Неаполе журнал «Критика» («Critica»), ставший главным проводником его идей в различных сферах итальянской культуры. Он сам был автором большинства материалов, опубликованных в журнале. На философские темы в «Критике» часто выступал глава другой неогегельянской школы — Джованни Джентиле (1875—1944).

Как и Кроче, Джентиле «реформировал» Гегеля — но в другом, субъективно-идеалистическом направлении. Согласно его философии, реально лишь то, что мыслится в данный момент; историческое прошлое тоже не существует как таковое, а творится мыслью обращающегося к нему историка. Но свой взгляд на историческое познание Джентиле высказывал как «чистый» философ, историей (если не считать истории философии) он, в отличие от Кроче, специально не занимался. Поэтому его влияние на историографический процесс было не столь значительным.

Джентиле был противником марксизма, но видел в нем (расходясь в этом с Кроче) учение, обладающее собственной философией. Его работа «Философия Маркса» (1899) обратила на себя внимание В. И. Ленина, увидевшего, что в ней отмечены «...некоторые важные стороны материалистической диалектики Маркса, обычно ускользающие от внимания кантианцев, позитивистов и т. п...»⁵. Знакомство с марксизмом побудило Джентиле поставить нетрадиционную для идеализма проблему практики и предпринять попытку, оставаясь на идеалистической почве, осуществить переход от чисто созерцательной к действенной философии.

Деятельность философских школ Кроче и Джентиле способствовала тому, что итальянская культура (и историческая наука, в частности) стала преодолевать тупики позитивизма. В этом отношении она сыграла положительную роль. Но неогегельянский идеализм в обеих его разновидностях не мог стать выходом из более глубокого духовного кризиса, характерного для итальянского общества начала XX в., — он сам был продуктом этого кризиса. Неогегельянство следует рассматривать и оценивать в контексте происшедшей в то время повсюду (а не только в Италии) активизации идеалистических тенденций в сфере философско-исторической мысли.

Позитивизм являлся для Кроче и Джентиле ближайшим, непосредственным противником, которого они одолели сравнительно легко. Главную же, имевшую «стратегическое» значение битву они вели

⁴ Croce B. Teoria e storia della storiografia. Bari, 1926; idem. Storia della storiografia italiana nel secolo decimonono. Bari, 1921. V. I—2.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 90.

против марксизма. Речь шла не о примитивном «опровержении»: итальянские философы-идеалисты претендовали на решение таких теоретических проблем, которых марксизм якобы не решил, или же пытались включить отдельные завоевания марксистской мысли в принципиально иную систему идеологических координат.

Экономико-юридическая школа в историографии. На рубеже XIX—XX вв. в Италии появилась новая историографическая школа, которая получила название экономико-юридической. Историки этой школы впервые в итальянской историографии приступили к широкому изучению социальной жизни общества, исследуя экономические отношения и юридические институты. В их обращении к такой проблематике сыграло известную роль воздействие марксизма. Подчас они и прямо декларировали свою приверженность материалистическому пониманию истории, хотя в действительности принимали его лишь в истолковании Кроче.

Основатели экономико-юридической школы в научном отношении сформировались в 90-е годы — в период кризиса в итальянской историографии, порожденного господством позитивизма. Они стремились преодолеть свойственный позитивистской «филологической школе» взгляд на историю как на скопление отдельных, не подчиненных какой-либо закономерности фактов. Они восприняли накопленный «филологами» положительный опыт в области техники исследования, критики источников, использования методики различных вспомогательных исторических дисциплин, но порвали с традиционным для этой школы объективистским подходом к прошлому. Историк, писал крупнейший представитель экономико-юридической школы **Гаэтано Сальвемини** (1873—1957), надлежит быть «не эрудитом, безразличным к моральным и политическим проблемам своего времени, а политиком и моралистом, который, руководствуясь эрудицией, должен искать в прошлом истоки того общества, где он живет и действует»⁶.

Сам Сальвемини являл собой яркий пример граждански активного, вовлечен-

ного в политику ученого. Он был уроженцем Юга и в молодости примыкал к социалистическому движению, но вышел из ИСП в знак протеста против пренебрежения к южному вопросу со стороны возглавлявших партию реформистов. В предвоенные годы он стал признанным лидером демократического крыла итальянского меридионализма и развернул активную публицистическую деятельность в журнале «Единство» («Unità»), который издавал в 1911—1920 гг. Как меридионалист Сальвемини резко критиковал политику Джолитти, видя в нем олицетворение державшегося на насилии и коррупции господства Севера над Югом. Широкую известность получил его памфлет против Джолитти «Министр-преступник», вышедший в 1910 г.

Научная деятельность Сальвемини в начале XX в. развертывалась преимущественно в области истории нового времени. Ему принадлежат работа о Великой французской революции⁷ и целая серия исследований по истории Рисорджименто.

Сальвемини занимался также историей итальянского средневековья (одна из первых его работ была посвящена социальным отношениям во Флоренции конца XIII в.⁸). Именно в средневековье представители экономико-юридической школы с наибольшей полнотой реализовали свой интерес к социальной тематике: под этим углом зрения они разрабатывали историю итальянских городских коммун, еретических движений и т. д. Эволюция политической системы города-государства и переход от республики к тирании Медичи во Флоренции были предметом исследования А. Анцилотти. Как историк-медиевист утвердился в начале XX в. в науке Дж. Вольпе, чьи значительные труды в этой области вышли в 20-е годы.

Экономико-юридическая школа дала и работы по истории античности, впрочем, весьма неравноценные по качеству и диаметрально расходящиеся в выводах о социальном содержании той эпохи. Европейскую известность снискала книга Дж.

⁷ *Salvemini G. La rivoluzione francese (1788—1792). Milano, 1905.*

⁸ *Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Firenze, 1899.*

⁶ Цит. по кн.: *Maturi W. Interpretazioni del Risorgimento (Torino), 1962. P. 449.*

Сальвиоли «Античный капитализм. История древнеримской экономики», вышедшая первым изданием в 1906 г. на французском языке. Сальвиоли подверг аргументированной критике идущую от Т. Моммзена и отмеченную еще Марксом тенденцию отождествлять с капитализмом любую экономику, внутри которой существуют денежные отношения. Но именно эту модернизаторскую тенденцию разделял другой историк той же школы Г. Ферреро, чей труд «Величие и упадок Рима» (1902) отличался легковесностью, авторским произволом в обращении с источниками, а в концептуальном отношении основывался на представлении об истории как движении по кругу.

Представители экономико-юридической школы отказались от позитивистской установки на чистый эмпиризм, анализ без синтеза, но не вышли за пределы позитивистского мировоззрения как такового, эклектически соединив с ним элементы воспринятого в искаженном виде материалистического понимания истории. Их взгляды на исторические закономерности несли печать сильного влияния разившейся на позитивистской основе социологии, что выражалось в склонности к поискам в истории некоей заданной целенаправленности, к выведению общих, одинаковых для всех времен законов социального развития.

Свой наиболее весомый вклад в историческую науку экономико-юридическая школа внесла не в сфере теории и методологии, а в сфере конкретного исследования. Она продвинула вперед и изучение истории нового времени, прежде всего истории Рисорджименто.

Историография Рисорджименто в начале XX в. В 1914 г. **Антонио Анцилотти** (1885—1924) опубликовал в журнале «Итальянский исторический архив» статью, в которой выражал глубокую неудовлетворенность состоянием историографии Рисорджименто. «До недавнего времени,— писал он,— этот период новейшей итальянской истории рассматривался учеными очень поверхностно... Наблюдается патристический интерес к некоторым деятелям, к военным событиям, к истории дипломатических отношений, к эпизодам нашего мартиролога. Но внутренняя история,

понимаемая как история общественных классов, партий, политических идей, административных институтов, финансов и вообще экономической политики, остается почти нетронутой целиной»⁹.

Именно к этим аспектам истории и непосредственной предыстории Рисорджименто обратился сам Анцилотти. Цикл его работ был посвящен экономическому развитию Тосканы в XVIII в. и реформам «просвещенного абсолютизма» в этом итальянском государстве¹⁰. Анцилотти занялся также изучением либеральной политической мысли эпохи Рисорджименто и прежде всего того ее направления, которое представлял идеолог «неогвельфизма» В. Джоберти¹¹.

Значительную роль в изучении экономических и социальных процессов XVIII в., а также экономической мысли периода Рисорджименто играли, помимо историков, либеральные экономисты той школы, которая сложилась в Пьемонте вокруг **Луиджи Эйнауди** (1874—1961). Ему самому принадлежал фундаментальный труд о состоянии финансов Савойского герцогства (будущего Сардинского королевства) в период войны за испанское наследство¹². Представитель этой же школы **Джузеппе Прато** (1873—1928) выступил с монографией «Экономическая жизнь в Пьемонте в середине XVIII в.»¹³; к ней примыкал по тематике ряд других его работ, опубликованных на протяжении 1899—1913 гг. Позднее он занялся исследованием идейной борьбы вокруг различных экономи-

⁹ *Anzilotti A.* Per una storiografia del Risorgimento // *Anzilotti A.* Movimenti e contrasti per l'unità italiana. Bari, 1930. P. 226.

¹⁰ *Anzilotti A.* Decentramento amministrativo e riforma municipale in Toscana. Firenze, 1910; idem. L'economia toscana e l'origine del movimento riformatore del secolo XVIII // *Archivio storico italiano*, 1915. V. II. Disp. 1, 4; idem. Piccola e grande proprietà nelle riforme di Pietro Leopoldo e negli economisti del secolo XVIII // *Bollettino Senese di Storia Patria*, 1915. Fasc. 3.

¹¹ *Anzilotti A.* Dal neo-guelfismo all'idea liberale // *Nuova rivista storica*, 1917. Fasc. 2, 5; idem. *Gioberti*. Firenze, 1922.

¹² *Einaudi L.* Da finanza sabauda all'aprirsi del secolo XVIII e durante la guerra di successione spagnuola. Torino, 1908.

¹³ *Prato G.* La vita economica in Piemonte a mezzo del secolo XVIII. Torino, 1908.

ческих проектов, выдвигавшихся деятелями Рисорджименто¹⁴.

Прато ввел в научный оборот огромный и до сих пор не потерявший ценности фактический материал о положении крестьян Северной Италии к началу Рисорджименто, но осмыслил его весьма тенденциозно — в духе идеализации архаичных, добуржуазных отношений в деревне. Главным врагом крестьянства в конце XVIII в. являлся, по Прато, алчный слой «новых богачей» буржуазного происхождения — и он же изображался как та среда, из которой исходило сочувствие идеям Французской революции и черпались кадры пьемонтских «якобинцев». Такая трактовка «якобинства» при всей нетрадиционности ее обоснования (социальные противоречия как причина отчуждения «якобинцев» от массы сельского населения) оставалась в русле, уже проложенном либерально-монархической историографией Рисорджименто.

Проблемой «якобинства» занимался и Б. Кроче, чья ранняя, но неоднократно переиздававшаяся работа была посвящена самому трагическому эпизоду «революционного трехлетия» — Партенопейской республике 1799 г. в Неаполе¹⁵. Кроче разделял традиционную для либерального лагеря оценку неаполитанских «якобинцев» как оторванных от реальности, ослепленных абстракциями политиков, но с точки зрения своей этико-политической концепции истории не мог не увидеть их нравственной высоты и самопожертвования. Он одним из первых в итальянской историографии указал на то, что деятельность республиканцев конца XVIII в. способствовала выработке идеи независимости и единства Италии, т. е. становлению национального самосознания.

¹⁴ *Prato G.* Il programma economico-politico del «Mittleuropa» negli scrittori italiani del 1848. Torino, 1917; idem. Fatti e dottrine economiche alla vigilia del 1848. L'Associazione agraria subalpina e Camillo Cavour. Torino, 1920; idem. Francesco Ferrara a Torino (1849—1859) // *Memorie della R. Accademia della scienze di Torino. Ser. II. T. 66. P. II*; Torino, 1923; idem. Il regime della banche di emissione in una polemica di sessant'anni fa // *Rivista bancaria*, maggio 1923.

¹⁵ *Croce B.* La rivoluzione napoletana del 1799. Biografie, racconti e ricerche. Ed. 3-a. Bari, 1912.

К демократическим, республиканским традициям Рисорджименто были обращены научные интересы Г. Сальвемини. В 1905 г. вышла его монография о религиозных, политических и социальных взглядах Мадзини, десять лет спустя переизданная в значительно переработанном и расширенном виде¹⁶. Сальвемини опубликовал и ряд других работ о Мадзини, дополнявших его основное исследование. В литературе о Мадзини трудам Сальвемини до сих пор принадлежит одно из первых мест. Он положил начало изучению взглядов Мадзини в контексте европейской общественной мысли XIX в., выявил роль сен-симонизма в процессе их формирования, поставил вопрос о соотношении социальной программы Мадзини с социалистическими идеями.

Сальвемини как историка привлекало наследие и другого видного идеолога демократического крыла Рисорджименто — К. Каттанео, поборника объединения Италии в форме республиканской федерации по типу Швейцарии или США. Он подготовил к изданию и сопроводил своим предисловием антологию избранных произведений Каттанео¹⁷. Политическое поражение Каттанео в борьбе за республиканско-федералистскую программу национального объединения Сальвемини объяснил в первую очередь тем, что эта программа оказалась неприемлемой для буржуазии Юга — малочисленной, неспособной к самоуправлению и нуждавшейся в сильной центральной власти для обуздания крестьянских масс.

В историографии Рисорджименто оставили свой след работы видного юриста, специалиста в области церковного права **Франческо Руффини** (1863—1934). Он постоянно обращался к животрепещущей для Италии после 1870 г. проблеме взаимоотношений церкви и государства и был сторонником ее решения в духе классических либеральных принципов. Это привлекло его внимание к деятельности Кавура — автора формулы: «Свободная цер-

¹⁶ *Salvemini G.* Il pensiero religioso, politico, sociale di Giuseppe Mazzini. Messina, 1905; idem. Mazzini. Catania, 1915.

¹⁷ Le più belle pagine di Carlo Cattaneo, scelte da G. Salvemini. Milano, 1922.

ковь в свободном государстве». Кавуру и его взглядам на религиозную свободу были посвящены основные исторические труды Руффини, опубликованные в начале XX в.

Выступила на сцену и католическая историография Рисорджименто, заявившая о себе прежде всего попытками опровергнуть апологетическую по отношению к Савойской династии версию о том, что объединение Италии совершилось благодаря исключительно искусству Сардинского королевства в дипломатической борьбе с Австрией на протяжении нескольких десятилетий начиная с Венского конгресса. Особую активность в этом направлении проявил иезуит Иларио Риниери, который впервые получил доступ в секретный архив Ватикана и начал там систематические изыскания. Результатом явился ряд его трудов о внешней политике папства в конце XVIII в. и в период наполеоновского господства в Италии и публикация переписки двух видных представителей римской курии во время Венского конгресса.

Среди предпринятых в начале XX в. публикаций источников по истории Рисорджименто преобладали, как и прежде, издания материалов из личных архивов участников событий — переписки, оставшихся в рукописях воспоминаний и т. д. В 1906 г. была начата растянувшаяся на несколько десятилетий и составившая в итоге более 100 томов публикация нового, «национального» издания произведений Мадзини под редакцией М. Менгини¹⁸. Некоторые крупные документальные публикации появились в связи с отмечавшимся в 1911 г. 50-летием объединения Италии (отсчет велся от образования в 1861 г. Итальянского королевства). Среди них наиболее значительными были две, непосредственно относившиеся к истории революции 1848—1849 гг.: осуществленное по постановлению Палаты депутатов 15-томное издание отчетов о прениях в законодательных ассамблеях различных итальянских государств и выпущенный

историческим отделом генерального штаба армии сборник документов о военной кампании 1849 г. в Северной Италии¹⁹. В том же юбилейном году вышла посмертным изданием работа Э. Мази, представлявшая собой аналитический обзор библиографии Рисорджименто²⁰.

Перед первой мировой войной, а особенно после ее начала, в область истории Рисорджименто все более настойчиво вторгались со своими идеологическими спекуляциями националисты и другие поборники империалистической экспансии Италии. Они нашли предшественника в лице А. Ориани с его книгой «Политическая борьба в Италии», которая по выходе в свет осталась почти незамеченной, но в предвоенные годы обрела широкую популярность и в 1913 г. была заново переиздана. Первым о ней отозвался хвалебно Б. Кроче, в 1908 г. рекомендовавший ее вниманию читателей со страниц журнала «Критика». Он объяснил первоначальный неуспех книги тем, что при господстве в историографии «филологической школы» не могло найти признания ее главное достоинство — проявленная Ориани способность «взглянуть на факты с высоты».

Впрочем, в научной среде об извлеченной из забвения книге Ориани высказывались и другие суждения. В 1914 г. ей дал весьма нелестную оценку такой серьезный историк, как А. Анцилотти. Славу Ориани создали главным образом националистические круги, подхватившие заложенную в его исторических построениях критику результатов Рисорджименто с великодержавных позиций.

Борьба вокруг вступления Италии в первую мировую войну сопровождалась использованием в империалистических целях традиций гарибальдийского движения. Чтобы подготовить общественное мнение к отказу Италии от нейтралитета,

¹⁹ Le Assemblee del Risorgimento. Roma, 1911. V. 1—15; Relazioni e Rapporti finali sulla campagna del 1849 nell' Alta Italia (a cura dell' Ufficio storico del Corpo di Stato Maggiore dell' Esercito italiano). Roma, 1911.

²⁰ Masi E. La storia del Risorgimento nei libri. Bibliografia ragionata. Bologna, 1911.

¹⁸ Scritti editi e inediti di Giuseppe Mazzini a cura di M. Menghini (Edizione nazionale degli scritti di G. Mazzini). Imola, 1906—...

на франко-германский фронт для участия в боевых действиях на стороне Франции были посланы отряды добровольцев под командованием Риччотти Гарибальди — сына прославленного национального героя. Когда же Италия повела войну против Австро-Венгрии и Германии, ее стали изображать как борьбу с вековыми врагами итальянского единства, как последнюю из войн Рисорджименто. Этой версии не были чужды и известные историки, например Г. Сальвемини, который активно выступал за участие Италии в войне на стороне Антанты во имя разрушения империи Габсбургов ²¹.

В действительности мировая война поставила под вопрос не единство и независимость Италии, а утвердившуюся в результате Рисорджименто форму политического господства буржуазии. Война и ускоренный ею крах либерально-парламентского государства под натиском фашизма стали поэтому рубежом между принципиально разными этапами в процессе осмысления исторического опыта Рисорджименто.

²¹ Salvemini G. Delenda Austria! Milano, 1917.

Глава 8

Польская историография начала XX века

Кризис позитивизма. Новые направления в историографии. В конце XIX — начале XX в. польские земли по-прежнему оставались под властью России, Австро-Венгрии и Германии. В условиях империализма на польских землях усилился социальный и национальный гнет. В ответ на него ширилась борьба народных масс за демократические и национальные права, росло движение пролетариата. Часть буржуазии и буржуазной интеллигенции разочаровалась в соглашательской политике консервативных кругов и стала выступать за независимость Польши либо за предоставление польским землям автономии. Все это отразилось на духовной жизни общества. Революция 1905—1907 гг. в России ускорила поляризацию польской общественно-политической мысли. Первая мировая война, в которую оказались вовлеченными все три монархии, разделившие Польшу, оживила в польском обществе надежды на благоприятное решение польского вопроса.

Новые явления общественной жизни — скачкообразный характер исторического развития в период империализма, мощные классовые выступления пролетариата, дальнейшая социально-политическая дифференциация общества — не укладывались в позитивистскую схему историчес-

кого процесса. Позитивизм, представлявший историческое развитие как прямое, линейное, прогрессивное, эволюционное движение, оказался неспособным объяснить усложнившийся ход истории, ее диалектику. Все это вело к кризису позитивистской историографии. Она все более уходила в описание отдельных явлений и событий. Теоретическая беспомощность позитивизма стала особенно ощутимой в связи с тем, что марксизм к этому времени уже показал образцы более глубокого материалистического анализа исторических фактов.

Польская историческая наука на рубеже двух столетий представляла собой сложную и пеструю картину. Позитивистская историография к концу XIX в. исчерпала свои возможности. Назревала общественная потребность в создании новой концепции национальной истории, которая соответствовала бы изменившимся условиям. Краковская и варшавская школы переживали кризис. Революционные события 900-х годов сыграли свою роль в эволюции вправо историков варшавской школы. Ее родоначальники Т. Корзон и В. Смоленский сблизились с буржуазно-националистической партией национальных демократов, отказались от критического осуждения истории Польши.

Краковские историки разделились на ряд направлений и школ, сохранив при этом верность интересам реакционных магнатско-аристократических кругов. В 1896 г. ряд молодых краковских историков решительно выступил против концепции национальной истории, созданной краковской школой. В противовес своим старшим коллегам они устроили громкое празднование годовщины со дня рождения И. Лелевеля, выступили в защиту историков-романтиков. Поворотным моментом в развитии польской историографии стал III съезд историков в 1900 г., на котором лагерь позитивистских историков окончательно распался.

После съезда стали складываться новые школы, среди которых выделились историко-юридическое, экономическое и неоромантическое направления. Развернулась деятельность реформистских историков, связанных с правым крылом Польской социалистической партии (ППС). В противовес им выступили первые марксистские историки и публицисты, являвшиеся идеологами революционной пролетарской партии — Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), а также близкой к ней ППС-левицы (образовалась в 1906 г. вследствие раскола в ППС). В своих исторических трудах и публицистике революционные марксисты остро критиковали буржуазных и мелкобуржуазных авторов, уходивших от рассмотрения вопросов классовой борьбы, проводивших идеи межклассовой солидарности и национального единства.

Связи польской историографии с европейской наукой несколько возросли. Ряд историков обучался в университетах Вены, Берлина, Парижа. Однако публикации поляков за рубежом были явлением редким. Вместе с тем возросла активность польских историков на международной арене. В частности, в IV Международном конгрессе историков (Лондон, 1913 г.) участвовали пять польских ученых. Такая активность была связана со стремлением напомнить мировому общественному мнению о польском вопросе.

Историко-юридическое направление. Несмотря на кризис позитивизма, его методология продолжала оказывать влияние на польских историков. Это наглядно про-

явилось в научной деятельности буржуазных исследователей, принадлежавших к историко-юридической школе. Позитивизмом был навеян преимущественный интерес этой школы к изучению государственного строя и законодательства Польши, правовых норм и институтов, приводивших в движение весь государственный механизм. Для представителей историко-юридической школы главной движущей силой развития общества были право и государство, представлявшие собой, по их мнению, надклассовые институты. Все это приводило к подмене истории народа историей государства и права. В то же время скрупулезный анализ источников, богатство фактического материала сближали их труды с исследованиями историков варшавской и краковской школ.

Основателем историко-юридической школы являлся профессор Львовского университета **Освальд Бальцер** (1858—1933), оставивший значительные труды по истории польского государства, польского и славянского права. В конце 90-х годов он сформулировал так называемую родовую теорию ранней польской государственности, согласно которой польское государство образовалось как объединение родов. Более знатные роды дали начало шляхте, а остальные — крестьянству. Родовые начала Бальцер усматривал в институте наследования трона, а также в политической дифференциации страны в раннефеодальный период. Эта теория была встречена в среде польских историков по-разному, но оказала значительное влияние на формирование концепции национальной истории в последующий период.

Подобно многим польским историкам начала XX в. Бальцер под влиянием национально-освободительных стремлений постепенно эволюционировал от «пессимистического» к «оптимистическому» освещению истории Польши. Переломным моментом в развитии его взглядов стала книга «Из проблем устройства Польши» (1915), в которой он старался реабилитировать правовые и государственные институты Речи Посполитой накануне разделов XVIII в. Сравнивая устройство Польши этого периода с некоторыми западноевропейскими странами, Бальцер пришел к выводу о его соответствии веле-

нию времени. При этом он ограничился анализом правовых норм и институтов без учета общественно-политических условий, в которых они действовали. Все это позволило Бальцеру возложить ответственность за упадок страны не на какие-либо силы внутри нее, а на соседей Польши. Такая оценка встретила поддержку национально-патриотических кругов, восхвалявших гражданскую позицию историка.

Работы Бальцера по сравнительной истории славянского права отличались скрупулезностью поиска и обработки фактического материала и получили широкое признание. Бальцер был избран действительным членом Польской, Чешской Академий наук и членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Другим известным представителем школы был профессор Краковского университета **Станислав Кутшеба** (1876—1946). В своих исследованиях он старался учесть социально-экономические факторы и их воздействие на формирование правовых институтов. Такой подход был связан с тем, что научную деятельность Кутшеба начал с изучения торговли, финансов и права средневековой Польши. На основе собранного материала он написал обобщающий труд по истории общественно-государственного строя Польши и Литвы с древнейших времен до XVIII в.¹ Высказывая критическое отношение ко многим сторонам устройства Польши, Кутшеба все же не сумел освободиться от идеализации строя шляхетской республики. Несостоятельной была и его периодизация истории страны, основанная на изменении правовых норм.

Кутшеба и Бальцер считали, что государство и право являются надклассовыми институтами, призванными регулировать отношения в обществе. Они разделяли точку зрения, что правовые формы государственного устройства поляки заимствовали с Запада, но вследствие ослабления центральной власти с конца XVI в. Польша стала отставать в развитии от других стран Европы.

Неоромантическое направление. Оживление национально-освободительного движения в начале XX в. привело к усилению патриотических настроений, стремлению воскресить романтические идеалы. Такие тенденции соответствовали умонастроению широкой польской интеллигенции. Возвращение к идеалам романтизма в новых условиях происходило на базе субъективно-идеалистических теорий, получивших распространение в начале века. Оно способствовало затушевыванию с помощью национальной идеи обострившихся классовых противоречий польского общества. Все это усиливало реакционные черты неоромантического направления, представители которого выступили с критикой позитивизма.

Одним из основателей неоромантического направления был **Станислав Закшевский** (1873—1936). Выпускник Краковского университета, продолжавший образование в университетах Вены и Берлина, Закшевский в 1907 г. стал профессором Львовского университета. По своим политическим убеждениям он тяготел сначала к правым социалистам, затем к национальным демократам, а в период первой мировой войны к пилсудчикам.

Закшевский одним из первых выступил против концепции краковской школы, считая, что она принижает прошлое польского народа. Он отбросил позитивизм как методологию исследования, обосновывая это тем, что познание прошлого не может опираться только на факты, а должно учитывать «интуицию» как иррациональное чувство, необходимое для понимания истории. В 1908 г. Закшевский опубликовал методологическую работу «Исторические проблемы», в которой развил два кардинальных положения своей теории — интуитивные начала исторического познания и так называемую героическую концепцию, согласно которой историю творят «сильные личности»; утверждая иррациональный подход к познанию минувшего, Закшевский отводил интуиции большую роль, чем знанию точных фактов. Он писал, что интуиция — это способность человеческого ума ощущать связь между современностью и прошлым, которая позволяет восстанавливать черты прошлого.

¹ *Kutrzeba St.* Historia ustroju Polski w zarysie. Lwów, 1905; 1914. Т. 1—2.

К этим чертам, характерным для всего неоромантического направления, следует добавить стремление все исторические явления соизмерять с идеалами борьбы за национальную независимость. У Закшевского и его последователей национальная идея приобрела великодержавный характер. Не случайно неоромантическая концепция была по достоинству оценена пилсудчиками, которые в период режима санации придали ей официальный характер.

В конкретно-исторических исследованиях Закшевский отдавал предпочтение начальному этапу польской истории, особенно истории католической церкви. Большинство его оценок и суждений, опиравшихся на шаткие аргументы, не выдержали испытания временем и были забыты. Однако накануне первой мировой войны неоромантическая концепция оказала влияние на определенную часть польских историков.

Вместе с Закшевским против взглядов историков краковской школы выступил **Вацлав Собеский** (1872—1935). Еще в молодом возрасте он испытал влияние К. Лампрехта, развивавшего мысль об определяющей роли общественной психологии в истории. Попытавшись применить эту идею при исследовании контрреформации в Польше, Собеский пришел к выводу, что она была результатом спонтанных, иррациональных по своей сути действий фанатичных толп народа. Эти взгляды не были приняты в кругу буржуазных историков. В последующих трудах Собеский пытался объяснить общественную психологию действием политических и социальных факторов. Это позволило ему в событиях польской истории выделить прежде всего массовые движения как отражение определенных общественных потребностей.

Как и другие неоромантики, Собеский абсолютизировал национальную идею, связывая ее с национальной психологией, которая, по его представлениям, определяла судьбу страны. Позднее он сблизился с пилсудчиками, поддерживал их идеи в своей научной деятельности.

Под влиянием неоромантических идей находился и **Шимон Аскенази** (1866—1935). В отличие от других неоромантиков Аскенази унаследовал от позитивистов

добросовестное отношение к источникам. Однако ему не были чужды «героическая концепция» и повышенное внимание к национальному вопросу. Изучая международное положение Польши в XVIII в., Аскенази пришел к выводу, что решающим фактором ее краха была политическая игра европейских держав. При этом он стремился подчеркнуть антироссийскую направленность польского национально-освободительного движения, пропагандировал ориентацию на западные страны.

В 900-е годы вышло несколько крупных трудов Аскенази, посвященных развитию польского национально-освободительного движения в начале XIX в. В них внимание акцентировалось на героических моментах борьбы поляков. Аскенази создавал ореол героя вокруг умеренно-либеральных, а не радикальных деятелей. Эти взгляды нашли отражение в монографиях «Князь Ю. Понятовский», «Лукасиньский»².

Еще до войны были опубликованы фрагменты самой крупной работы Аскенази «Наполеон и Польша», полностью вышедшей в 1918—1919 гг.³ Откровенно восхищаясь Наполеоном, историк стремился показать значимость польского вопроса в международных делах Европы начала XX в. В трудах Аскенази деятели польского национального движения, в первую очередь пилсудчики, находили нравственное, историческое и политическое обоснование программы своих действий.

Под воздействием неоромантизма оказались многие польские историки и публицисты, связанные в той или иной мере с правым крылом ППС или пилсудчиками. Близкий к пилсудчикам писатель и публицист **Вильгельм Фельдман** (1868—1919) активно разрабатывал вопросы истории польской политической мысли и культуры в XIX в. При этом он подчеркивал значимость умеренных национально-патриотических течений в политической мысли и литературе, принижал и искажал революционные традиции польского народа. Последнее особенно характерно для работы Фельдмана «История польской полити-

² *Askenazy Sz.* Książce Józef Poniatowski 1763—1813. Warszawa, 1904; idem. *Lukasinski*. Warszawa, 1908. Т. 1—2.

³ *Askenazy Sz.* *Napoleon a Polska*. Warszawa, 1918—1919. Т. 1—3.

ческой мысли после разделов»⁴. В книгах по истории польской литературы Фельдман опирался на метод интуитивного проникновения в психологию творца, что вело к субъективистской интерпретации творчества отдельных писателей в русле борьбы за «национальное дело».

Под влиянием неоромантизма в начале XX в. многие польские историки сошли с позиций реалистического мышления, отказались от критической оценки явлений национального прошлого. Неоромантизм способствовал возрастанию у историков интереса к изучению периодов величия и могущества Польши, проблем унии Польши и Литвы, борьбы за Балтику.

Экономическое направление. Капиталистическая индустриализация, обострение классово-борьбы, распространение марксизма и активное обсуждение экономических вопросов в социалистической периодике, отдельные успешные попытки привлечения экономического материала к освещению истории Польши в трудах предшествовавших поколений историков, наконец, быстрое развитие буржуазной социологии на Западе — все это способствовало возрастанию интереса польской историографии к социально-экономическим проблемам и выделению в ней особого экономического направления. Уже некоторые польские буржуазные экономисты под влиянием немецкой исторической школы в политэкономии живо интересовались историей и являлись авторами известных работ по этой тематике. Обращение историков к экономическим сюжетам привело к использованию новых видов источников — статистики, счетов, описей, инвентарей и т. д.

Определенное влияние на развитие социально-экономических исследований оказали работы известного буржуазного экономиста, историка и политического деятеля **Владислава Грабского** (1874—1938), сосредоточившего внимание на изучении истории аграрных отношений и крестьянства в XIX в. Исследуя польское село, Грабский пришел к выводу о том, что капиталистические отношения в XIX в. неуклон-

но пробивали себе дорогу и требовали проведения аграрных реформ. С большой скрупулезностью проанализировал Грабский реализацию земельной реформы 1864 г. в Королевстве Польском. Собранные им материалы послужили отправным пунктом для дальнейшего исследования этой проблемы. Грабский оставался на позициях социального солидаризма, ратовал за сохранение доминирующих позиций на селе за помещиками и зажиточными крестьянами.

Накануне первой мировой войны началась научная деятельность двух крупнейших исследователей экономической истории Польши **Ф. Буяка** и **Я. Рутковского**. Воспитанник и профессор Краковского университета **Францишек Буяк** (1875—1953) считается одним из основателей польской школы социально-экономической истории. С самого начала своей научной деятельности он обратился к изучению экономической истории польских сел и местечек, экономики и населения западной части Галиции. Главное внимание он уделил освещению многообразных социально-экономических и общественно-культурных отношений в польском селе, стремясь привлечь внимание общественности к бедственному положению крестьянства. К изучению села Буяк подходил всесторонне, охватывая и такие аспекты, как история, этнография, экономика и статистика, география, культурная жизнь. Его книги отличались скрупулезной обработкой фактического материала, характерной для позитивизма. Экономические проблемы рассматривались им в отрыве от классово-борьбы и политической истории.

Другой крупный историк **Ян Рутковский** (1886—1949) значительное внимание уделял социально-экономическим вопросам более раннего периода. Завершив свое образование во Франции, Рутковский занялся изучением аграрных отношений в Польше в XVII—XVIII вв. В ряде работ, опубликованных накануне первой мировой войны, он убедительно показал ухудшение социально-экономического положения крестьянства в связи с развитием фольварочно-барщинной системы⁵.

⁵ *Rutkowski J. Studia nad położeniem włościan w Polsce w XVII w. Kraków, 1914.*

⁴ *Feldman W. Dzieje polskiej myśli politycznej w okresie porozbiorowym. Kraków, 1913. Т. 1.—2; Kraków, 1920. Т. 3.*

Реформистская историография. Реформистское направление в польской историографии представляли правые социалисты. Отличительными чертами их мировоззрения были национализм и враждебное отношение к революционному марксизму. В области методологии для этих историков было характерно эклектическое сочетание идей позитивизма и неоромантизма.

Одним из основателей реформистского направления был видный деятель польского социалистического движения, историк и социолог **Болеслав Лимановский** (1835—1935). Выходец из деклассированной шляхты и участник восстания 1863 г., он долгое время оставался приверженцем радикальной демократической программы повстанцев. Позднее его взгляды претерпели эволюцию под влиянием утопического социализма, лассальянских идей и позитивизма. Принимая участие в рабочем движении, Лимановский с самого начала стремился ограничить его задачи рамками национальных требований завоевания независимости Польши и установления демократической республики. Будучи далек от марксистского понимания исторического процесса, он не признавал действия закономерностей общественного развития, борьбы классов, не выделял промышленный пролетариат из других классов трудящихся.

Исторические работы Лимановского были посвящены проблемам национально-освободительного движения и истории демократической мысли XIX в. В начале 80-х годов XIX в. вышла его крупная работа о национально-освободительном движении в 1861—1864 гг.⁶, где он критически оценил позиции умеренных шляхетских кругов в восстании и одобрительно высказался о сотрудничестве польских и российских революционеров. Вместе с тем Лимановский недооценивал роль народных масс в движении и преувеличивал роль и влияние его руководителей. В позднейшем переиздании этой работы, когда во взглядах Лимановского усилились националистические тенденции, он отказался

от положительной оценки русско-польского революционного сотрудничества.

В начале XX в. Лимановский опубликовал цикл работ по истории польской демократической мысли и революционного движения в XIX в. Изучение и популяризация этих проблем имели прогрессивное значение. Особенно важными были освещение Лимановским революционных событий 1846 г. и написанная им биография революционера-демократа Станислава Ворцеля⁷. Однако Лимановский не признавал обусловленности общественно-политических теорий интересами определенных классов польского общества, связывал их с восприятием западных идей и веяний, а деятельность отдельных революционеров изображал как действия оторванных от народа утопистов-мечтателей.

Историки реформистского направления уделяли большое внимание освещению истории социалистического движения в Польше во второй половине XIX в. Одним из первых обратился к этой тематике **Людвик Кульчицкий** (1866—1941), социолог и публицист, выступавший до войны под псевдонимом М. Мазовецкий. В начале своей деятельности он пытался применять отдельные положения марксистского учения, сочетая их с позитивизмом; впоследствии эволюционировал вправо. В 1903 г. Кульчицкий опубликовал обширную работу, освещавшую историю возникновения и развития социалистического движения на польских землях России⁸. Ее достоинством был интересный фактический материал о деятельности различных социалистических и рабочих организаций. Автор верно отметил в польском рабочем движении наличие двух течений — интернационалистского и национально-социалистического, связь между размахом рабочего движения и промышленным развитием страны. Однако он преувеличивал роль интеллигенции в социалистическом движении и влияние в нем ППС, игнорировал программу и деятельность революционного крыла рабочего движения.

⁷ *Limanowski B.* Historia ruchu rewolucyjnego w Polsce w 1846. Kraków, 1913; idem. Stanisław Worcell. Kraków, 1910.

⁸ *Mazowiecki M.* Historia polskiego ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim. Kraków, 1903.

⁶ *Limanowski B.* Historia ruchu narodowego 1861—1864. Lwów, 1882. Т. 1—2.

С других позиций выступал один из руководителей и идеологов ППС **Феликс Перль** (1871—1927). Он также опубликовал книгу по истории социалистического движения в Королевстве Польском⁹, где противопоставлял польское революционное движение российскому, старался доказать отрицательное воздействие последнего, выразившееся якобы в навязывании «террористических» форм борьбы. Перль поддерживал проникновение в рабочее движение националистических идей, выдавая их за «патриотический» социализм. В своей книге он старался всячески принизить российское революционное движение, изобразить Россию оплотом реакции в Европе, ссылаясь при этом на оценку К. Марксом и Ф. Энгельсом роли России применительно к первой половине XIX в.

Выдвигая на первый план борьбу за национальную независимость Польши, Перль оставлял в тени социально-классовые моменты, а переход к социализму представлял в виде постепенных реформ.

Реформистские историки предприняли и попытку создания обобщающего труда по истории Польши. **Казимеж Гожицкий** (1865—1912) опубликовал в 1901 г. очерк истории польского государства. Он стремился проследить взаимосвязь политического и социально-экономического развития, наметить новую периодизацию польской истории. Однако ему не удалось преодолеть влияния историко-юридического направления, что выразилось в преувеличенном внимании к политической истории.

Возникновение марксистского направления. Представители революционного крыла рабочего движения Р. Люксембург и Ю. Мархлевский в конце XIX — начале XX в. выступили с работами, в которых развивались марксистские взгляды на многие вопросы истории Польши. Они положили начало марксистскому направлению в польской историографии.

Роза Люксембург (1871—1919) была тесно связана с польским и немецким рабочим движением, являлась крупным теоретиком марксизма. Вместе с тем в ее рабо-

тах содержался ряд ошибочных выводов, проистекавших из неверных представлений о роли экономических факторов в развитии общества, накоплении капитала и т. д. Эти моменты отразились и на ее исторических трудах.

Первой крупной работой Люксембург стала ее докторская диссертация, изданная в 1898 г. в Лейпциге на немецком языке, — «Промышленное развитие Польши»¹⁰. На основе анализа обширного статистического и экономического материала Р. Люксембург доказывала, что в последней трети XIX в. на польских землях окончательно победили капиталистические отношения. В ее работе впервые и в основном верно были намечены этапы капиталистического развития Польши. Вместе с тем, выявив растущую взаимосвязь экономики польских земель с хозяйством разделивших Польшу держав, Р. Люксембург пришла к выводу, что достижение независимости в этих условиях является утопией, а лозунг о праве наций на самоопределение теряет свою актуальность для польского рабочего движения. В. И. Ленин, критически оценивая эту позицию, писал: «Восставая против лозунга независимости Польши, Роза Люксембург ссылается на свою работу 1898 года, доказавшую быстрое «промышленное развитие Польши» с сбытом фабричных продуктов в России. Нечего и говорить, что отсюда еще ровно ничего не следует по вопросу о *праве* на самоопределение, что этим доказано только исчезновение старой шляхетской Польши и т. д.»¹¹

В ряде других работ Р. Люксембург касалась вопросов истории польского рабочего движения, в частности характеризовала его начальный этап, деятельность партии «Пролетариат». Она высоко оценивала деятельность первых польских социалистов, но при этом несколько идеализировала их программные документы, считая их вполне зрелыми.

¹⁰ *Luksemburg R.* Die industrielle Entwicklung Polens. Leipzig, 1898.— Русск. пер.: *Люксембург Р.* Промышленное развитие Польши. СПб., 1899.

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 266.

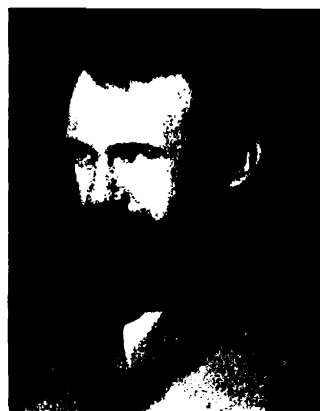
⁹ *Res [Perl] F.* Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim. Warszawa, 1910.

Значительным был вклад в формирование марксистской историографии **Юлиана Мархлевского** (1866—1925) — видного ученого-экономиста и историка. Его перу принадлежит несколько больших трудов по истории Польши, написанных в разные периоды жизни.

Свою первую крупную работу — докторскую диссертацию, защищенную в 1896 г. в Цюрихе, Ю. Мархлевский посвятил польской экономической мысли второй половины XVIII в.¹² В ней он с марксистских позиций показал, что под влиянием французских просветителей польские физиократы пытались уменьшить произвол шляхты и духовенства, но сами в значительной мере были связаны с правящим классом и поэтому их проекты имели ограниченный характер, не могли вывести страну из упадка. Разделы Польши явились закономерным результатом эгоистической политики польских магнатов и шляхты, поставивших свои классовые интересы выше национальных.

Мархлевский подверг глубокой критике пессимистическую концепцию истории Польши, представленную в трудах В. Калинки. В работе «Конституция 3 мая 1791 г.» он показал связь реформаторских стремлений части польской шляхты со своеобразием социально-экономического развития Речи Посполитой. Мархлевский убедительно раскрыл ограниченный характер конституции, который объяснялся тем, что ее авторы отражали интересы шляхетского сословия и были далеки от народа. В результате ликвидация крепостничества, стоявшая на повестке дня, не состоялась.

В 1903 г. Мархлевский опубликовал обширное историко-экономическое исследование «Социально-экономические отношения на польских землях под властью

Ю. Мархлевский

Пруссии»¹³. На основе внимательного критического анализа официальной статистики он показал, что отрыв западных польских земель от остальных и их насильственное присоединение к Пруссии привели к упадку промышленности и консервации феодальных порядков на селе. Мархлевский раскрыл пути и формы проникновения капиталистических отношений в западные польские земли. В отличие от Р. Люксембург, он не абсолютизировал значения экономических связей этих земель с Пруссией и после внимательного изучения данных пришел к выводу о большой жизнеспособности и действенности традиционных экономических связей между всеми польскими землями.

В 1897—1908 гг. Мархлевский опубликовал несколько статей и брошюр о положении крестьянства и аграрных отношениях в Польше, убедительно показав их капиталистическую эволюцию.

Труды Р. Люксембург и Ю. Мархлевского заложили в польской историографии плодотворную традицию научного изучения развития капитализма в Польше, истории рабочего и крестьянского движения.

¹² *Marchlewski J.* Der Physiokratismus in Polen. Zürich, 1896.

¹³ *Marchlewski J.* Stosunki społeczno-ekonomiczne na ziemiach polskich zaboru pruskiego. Lwów — Kraków, 1903.

Австрийская историография в эпоху дуализма (1867—1918)

Социально-политические условия развития исторической науки. В последней трети XIX в. Австро-Венгрия была одной из сравнительно отсталых стран Европы, где сохранялись многочисленные феодальные пережитки и большой остроты достигли межнациональные противоречия. Австро-венгерское соглашение 1867 г., означавшее превращение империи Габсбургов в дуалистическую конституционную монархию, явилось итогом компромисса между разнородными интересами правящей династии, крупной буржуазии Австрии, венгерской земельной аристократии. Чтобы успокоить австрийскую буржуазию, недовольную появлением в империи второй господствующей нации, ей был сделан ряд экономических и политических уступок и проведена серия либеральных реформ. В декабре 1867 г. в Австрии была принята конституция, провозгласившая основные гражданские свободы, равенство перед законом и политические права, независимо от вероисповедания.

Капитализм в различных областях австрийской части империи развивался весьма неравномерно. Наибольших успехов он достиг в Чехии, Верхней и Нижней Австрии; окраинные Галиция и Буковина оставались слабо развитыми аграрными районами.

Отставание Австрии сохранилось и в начале XX в., хотя она переживала период бурного экономического подъема, в ходе которого более чем на 50 % увеличилось число крупных предприятий, где было занято свыше четверти всех австрийских рабочих. В 1912 г. в Австрии насчитывалось около 200 картелей и сложилась мощная финансовая олигархия. Австрийский капитал завоевал прочные позиции на Балканах, но в самой Австрии главные отрасли промышленности оказались под контролем иностранного капитала, прежде всего германского.

Австрийская историческая наука продолжала относить себя к общенемецкой культуре, поэтому великогерманские идеи

оказывали влияние на часть австрийских ученых. Австрийские историки составляли более четверти членов Союза немецких историков, а из 13 его довоенных съездов 3 состоялись в Австрии. Вторая половина XIX в. была периодом ускоренного развития австрийской исторической науки, который характеризовался расширением проблематики ее исследований, появлением новых исторических учреждений.

В 1868 г. один из богатейших в Европе династический, дворцовый и государственный архив в Вене после принятия весьма либерального законодательства был открыт для использования историками его фондов. Начались многотомные публикации источников — прежде всего по периоду средневековья, истории первых Габсбургов и международных отношений. По новой истории были опубликованы переписка Марии-Антуанетты с Иосифом II и Леопольдом II, переписка последних с Екатериной II, четыре тома документов по внешней политике Австрии в конце XVIII в., восьмитомная серия, основанная на материалах личного архива Меттерниха.

В 1854 г. при Венском университете был создан Институт австрийских исторических исследований, превратившийся под руководством одного из основателей современного источниковедения **Теодора Зиккеля** (1826—1905) в ведущий центр вспомогательных исторических дисциплин — архивоведения, геральдики, нумизматики, сфрагистики. В 1876 г. начал свою деятельность Институт древней истории и археологии, в 1907 г. при университете возник второй в Европе (после Берлина) Институт восточноевропейской истории.

Помимо Венского центрами исторической науки являлись также университеты Граца и Инсбрука, где к концу века также были созданы специализированные исторические институты. Богатую событиями историю Австрии представлял созданный в 1887 г. Исторический музей г. Вены, вслед за которым в 1891 г. открылись

Музей истории искусств и Музей истории армии.

Австрийская социологическая мысль. В условиях острых национальных противоречий в стране австрийская социология развивалась под влиянием социал-дарвинистской концепции, самым известным поборником которой был выходец из Галиции, ранее ярый польский националист, профессор государственного права университета в Граце **Людвиг Гумплович** (1838—1909). Именно Гумплович, опубликовавший в 1885 г. работу «Очерк социологии», ввел это понятие в немецкоязычную научную литературу.

Гумплович был сторонником биологической расовой трактовки истории: он рассматривал общество как совокупность беспощадно борющихся между собой социальных групп. Следуя социал-дарвинистскому подходу, он уподоблял человеческую историю естественноприродному процессу и фаталистически трактовал социальные законы, главным из которых считал «стремление каждой социальной группы подчинять себе любую другую социальную группу, встречающуюся на ее пути, стремление к порабощению, к господству»¹. По мнению Гумпловича, история есть не что иное, как повествование о расовой междоусобице. Победившая раса создает аппарат насилия — государство, с помощью и в рамках которого она удерживает в подчинении побежденную расу.

Гумплович утверждал, что исходные и первоначальные группы в истории — это орды, которые вначале уничтожали друг друга, а позднее порабощали побежденных. Именно так возникла Австрия, в результате продвижения на Восток немецкого дворянства. Оно подчинило себе живущее на Дунае славянское население и совместно с венгерской расой начало господствовать над стоявшими ступенькой ниже по уровню развития славянскими племенами. Угнетенное большинство, по теории Гумпловича, вынуждает завоевателей перенимать его язык, обычаи и нравственность. В результате господствующий

слой становится творцом новой, более высокой культуры, при которой расовые противоречия начинают постепенно исчезать. Но межгрупповые конфликты не исчезают, они лишь видоизменились и продолжаются в виде борьбы «социальных групп, классов, сословий и политических партий».

Идеи Гумпловича были далеки от научного понимания общественной борьбы, поскольку он выделял социальные группы лишь по принципу господства или подчинения рас. Гумплович признавал роль экономических интересов как причину социального развития, но понимал ее в духе вульгарного экономического материализма, считая стремление к господству непосредственным выражением стремления к удовлетворению материальных потребностей.

Сходных взглядов придерживался другой ведущий австрийский социолог **Густав Ратценхофер** (1842—1904), автор работы о природе социологического познания². В анализе явлений и процессов социальной жизни Ратценхофер выдвигал на передний план борьбу за существование и враждебность рас. Он полагал, что в обществе действуют те же закономерности, что и в природе; поэтому неправомерно деление на науки о природе и науки о духе. Социологические закономерности идентичны биологическим законам, поэтому именно социология призвана стать основой всех прочих социальных наук и практической политики.

В объяснении исторического развития Ратценхофер отводил центральное место категории интереса как осознания врожденных биологических потребностей, ведущих к постоянной борьбе за выживание. Из этой борьбы он выводил возникновение социальных групп, а затем и государства, как организации для защиты интересов своих граждан. Поэтому естественным и неизбежным спутником государства Ратценхофер считал войны, тем самым идейно оправдывая их.

Клерикально-консервативное направление. Ведущие позиции в австрийской

¹ Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895. С. 159.

² Ratzehofer G. Soziologische Erkenntnis. Leipzig, 1898.

историографии занимали клерикально-консервативные историки, объединяемые враждой к славянским народам империи и пропагандировавшие идею австрийского централизма и целостности монархии Габсбургов. Клерикальные историки особенно рьяно настаивали на неприкосновенности империи как истинно немецкого государства и форпоста германизма на юго-востоке Европы. Все они, получившие теологическое образование, выступали как апологеты католической религии и занимались в основном историей церкви и отношениями Австрии и Ватикана. Последнюю проблему активно разрабатывал Австрийский исторический институт в Риме, который после открытия для историков в 1881 г. Ватиканского секретного архива издал множество донесений папских нунциев из Австрии в XVI—XVII вв. В сочинениях клерикальных авторов имел ценность преимущественно фактический материал, извлеченный из богатейших архивов Адмонта, Гётвейга, Мелька, Санкт-Флориана и других австрийских монастырей.

Работы консервативных ученых изображали народные массы как «чернь», способную лишь к разбою и анархии. Так, Йозеф Хельферт в своих обширных трудах резко осуждал революционные выступления рабочих и студентов Вены в октябре 1848 г. и сводил их к заговору иностранных агентов и коммунистов³.

Одним из наиболее известных и плодотворных представителей консервативного направления был венский историк и публицист **Генрих Фридьонг**, двухтомное произведение которого «Австрия в 1848—1860 гг.» (1908—1912) отличалось откровенно антиславянским духом. В другой насыщенной фактическим материалом работе о борьбе Австрии и Пруссии Фридьонг справедливо подчеркивал, что события 60-х годов XIX в. были продиктованы объективным ходом истории и явились кульминацией соперничества этих держав из-за господства в Германии⁴.

³ *Helpfert J. A. Geschichte Oesterreichs vom Ausgange des Wiener Oktober Aufstandes 1848.* Prag, 1886. 4 Bde.

⁴ *Friedjung H. Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland.* Stuttgart, 1912.

В годы первой мировой войны Фридьонг, для которого история всегда была оружием политики, выступал с резкими выпадами против Англии и России и готовил фундаментальную трехтомную работу, которую в современной буржуазной историографии считают классической политической интерпретацией империализма⁵. Он истолковывал империализм как политику расширения национального государства за пределы своих границ с целью захвата заморских территорий и создания мировой империи. Наиболее типичным примером империалистической политики для Фридьонга была Великобритания. Видя в империализме проявление националистической идеологии, он находил его глубинные корни в безудержном соперничестве великих держав на мировой арене.

К этому же направлению принадлежал профессор Венского университета **Ганс Юберсбергер**, ведущий австрийский специалист по русской истории, один из создателей и руководителей берлинского «Журнала восточноевропейской истории» («*Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*»). Он был автором ряда работ по истории австро-русских отношений и солидной монографии о восточной политике России⁶. Ее главным содержанием Юберсбергер считал экспансионизм — изгнание турок из Европы и создание под эгидой России всеславянской федерации. Отсюда он делал вывод, что Россия является «прирожденным и стародавним смертельным врагом» Австро-Венгрии, примирение с которым немислимо.

Объемистые труды Рихарда Хармаца по истории внутренней и внешней политики Австрии и Генриха Кольмера по истории австрийского парламента и конституционализма были насыщены большим фактическим материалом, в том числе и о социально-экономическом развитии⁷. Эти

⁵ *Friedjung H. Das Zeitalter des Imperialismus 1884—1914.* Berlin, 1919—1922. 3 Bde.

⁶ *Ubersberger H. Die russische Ostpolitik.* Wien, 1913.

⁷ *Charmatz R. Oesterreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907.* 2 Bde. Leipzig, 1909; idem. *Geschichte der auswärtigen Politik Oesterreichs im 19. Jahrhundert,* 2 Bde. Leipzig, 1912; *Kolmer G. Parlament und Verfassung in Oesterreich 1848—1849.* 8 Bde. Wien — Leipzig, 1902—1914.

авторы выступали сторонниками безусловного господства австрийцев в империи и защищали неприкосновенность существовавших в ней порядков. Хармац постоянно требовал обеспечить австро-немецкому населению привилегированное положение и демагогически жаловался на притеснения со стороны венгров. Он понимал неизбежность преобразований в лоскутной монархии и необходимость какого-то компромисса в вопросе об автономии других народов, однако предлагал пойти лишь на минимальные уступки и доказывал, что без «германского культурного элемента» все эти народы не смогут самостоятельно достичь никакого прогресса.

В работах консервативных историков явственно проступала озабоченность и даже страх за судьбу империи, в которой в это время резко обострились все противоречия.

Либеральное направление. Представители либерального направления в принципе признавали необходимость предоставления славянским народам внутренней автономии и выступали за демократизацию конституционно-парламентской системы в Австрии. Они приветствовали проведение конституционных реформ и либеральный курс как в политике, так и в экономике, принятый после австро-венгерского соглашения. Именно в этот период была создана первая крупная работа по истории революции 1848 г., написанная Генрихом Решауэром и Морицом Сметсом⁸.

Главное внимание Решауэр и Сметс уделили деятельности либерально-буржуазной оппозиции, подчеркивая ее позитивный, созидательный и благонамеренный характер. С помощью таких исторических аргументов они стремились укрепить политические позиции австрийской буржуазии. Задачи революции они сводили к утверждению парламентарных принципов правления. Выступая с осуждением нарастающей с осени 1848 г. контрреволюции, Решауэр и Сметс вместе с тем очень кратко и поверхностно излагали историю движения народных масс и явно не одобряли их «чрезмерного радикализма», идущего якобы во вред самой революции. Поэтому

они принижали значение венского восстания в октябре 1848 г., считая его мало-значительным эпизодом в ходе революции.

Известным либеральным ученым, специалистом по зарубежной истории был Август Фурнье, автор одной из наиболее фундаментальных в мировой историографии биографий Наполеона⁹. Будучи поклонником и последователем объективизма Ранке, Фурнье написал свой труд в подчеркнуто повествовательной манере. Основное внимание он уделил проблемам внешней политики, хотя немало места отводил вопросам административного управления, экономики, финансов и права. Фурнье считал ключом к пониманию личности Наполеона его корсиканское происхождение, которое навсегда определило его чуждую для Франции сущность, а проистекавший отсюда комплекс неполноценности породил у Наполеона «ненасытную жажду господства» и превратил его в законченного «человека войны».

Большой популярностью пользовалась также книга Фурнье о деятельности тайной полиции на Венском конгрессе¹⁰. Опираясь на неизвестные ранее источники из архива венской полиции, автор детально и с массой пикантных подробностей показал лихо-радочную активность агентов Меттерниха, буквально охотившихся за содержанием мусорных корзин иностранных делегаций и усердно собиравших полусгоревшие клочки бумаги из каминов, чтобы предоставить австрийскому канцлеру средства для шантажа и давления на партнеров.

Самым крупным представителем австрийской либеральной историографии был Карл Теодор Инама-Штернегг (1843—1908), профессор в университетах Вены, Инсбрука, Праги и руководитель Австрийской статистической комиссии. Специалист по истории средних веков, один из создателей классической вотчинной теории, Инама-Штернегг оказал большое влияние и на общее развитие австрийской и германской исторической науки. По методологии

⁹ Fournier A. Napoleon. Eine Biographie. Wien -- Leipzig, 1885 -- 1889. 3 Bde.

¹⁰ Fournier A. Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongreß. Wien -- Leipzig, 1913.

⁸ Reschauer H., Smets M. Das Jahr 1848. Wien, 1871—1872. 2 Bde.

он был близок к новой исторической школе Шмоллера и во многих работах практически принимал экономику за определяющий фактор исторического процесса.

В своем основном труде по экономической истории Германии¹¹ Инама-Штернегг, используя новые или малоизвестные источники, впервые в буржуазной науке тесно связал понятие феодализма с господством натурального хозяйства и крупной вотчины. Но он преувеличивал прогрессивную роль возникновения вотчины и оставил вне рассмотрения мелкое крестьянское хозяйство. Поэтому он оправдывал закрепощение крестьян, а их классовую борьбу считал лишь досадной помехой на пути экономического прогресса средневекового общества.

Необычайно трудолюбивый и добросовестный исследователь, Инама-Штернегг в работе о последствиях Тридцатилетней войны¹² собрал и систематизировал огромное число данных, рисующих картину ужасного опустошения Австрии, Германии и Чехии, которая до сих пор остается одной из наиболее полных в исторической литературе. Автор подчеркнул, что все тяготы и издержки войны легли на крестьянство, попавшее после ее окончания под тяжелейший гнет дворянства, которое с помощью усиления эксплуатации стремилось восстановить свое пошатнувшееся материальное положение.

Мелкобуржуазно-демократическое направление. К зачинателям демократического направления в австрийской историографии принадлежал один из лидеров радикального крыла рейхстага в дни революции 1848 г. Эрнст Виолан. По свежим следам событий он написал книгу¹³, в которой дал яркую картину положения венских рабочих накануне революции, показал их активное участие и большую роль в самых крупных революционных выступлениях. Проникнутая горячим сочувствием к народным массам, книга Виолана

рисовала ужасающее положение «фабричных рабов», их полное политическое бесправие, голод и нищету. Его труд убедительно свидетельствовал, что революционный взрыв 1848 г. в Австрии был неминуемым и закономерным.

К полувековому юбилею революции появилась книга Эрнста Ценкера¹⁴. Она основывалась на обширном документальном материале, автор использовал множество данных статистики, воспоминания участников революции, прессу того времени и сопроводил свое сочинение солидным документальным приложением.

Как выразитель мелкобуржуазной идеологии Ценкер выступал за «солидарность всех работающих сословий», к которым относил и буржуазию, и пролетариат. При освещении революции Ценкер выдвигал на первый план мелкое бюргерство, считая его главной силой и опорой революции.

Позитивной стороной книги Ценкера было использование большого и малоизвестного экономического материала, наглядно свидетельствовавшего о необходимости буржуазной революции в Австрии. Ценкер раскрыл тяжелое положение крестьянства, задавленного феодальными пережитками и государственными налогами. Убедительно показал он и жестокость капиталистической эксплуатации, особенно широкое распространение накануне революции дешевого женского и детского труда.

Описывая события революции, Ценкер высоко оценивал деятельность редактора самой популярной тогда демократической газеты «Конституция» Леопольда Гэфнера, пытавшегося провозгласить в Вене демократическую республику. Он также опроверг беспочвенные утверждения Хельферта о том, что революцию в Вене подняли исключительно иностранные агенты.

Социал-демократическое направление. Австромарксизм. В конце XIX в. в австрийской историографии заметное место заняла социал-демократическая литература, в основном реформистского направления.

Сюда относились прежде всего произ-

¹¹ *Inama-Sternegg K. T. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Leipzig, 1879—1901. 3 Bde.*

¹² *Inama-Sternegg K. T. Die volkswirtschaftlichen Folgen des Dreißigjährigen Krieges// Historisches Taschenbuch, 1864.*

¹³ *Violand E. Die soziale Geschichte der Revolution in Oesterreich. Leipzig, 1850.*

¹⁴ *Zenker E. Die Wiener Revolution im 1848 in ihren socialen Voraussetzungen und Beziehungen. Wien, 1897.*

ведения Максимилиана Баха, в том числе его история венской революции — наиболее полное в фактическом отношении изложение революционных событий¹⁵. В ней приводилось множество данных о развитии промышленности и сельского хозяйства, положении народных масс, духовной атмосфере того времени. Автор дал детально разработанную картину революции, очень подробно показал борьбу народа против абсолютистского режима, выступления рабочих летом и осенью 1848 г., венское восстание и огромную роль в нем Академического легиона студентов.

Но, мастерски и тщательно выписав картину событий и дав революции высокую оценку, Бах при всем том стремился доказать, что самостоятельные выступления рабочих, боровшихся за свои классовые интересы, ослабили общее революционное движение и объективно играли на руку феодально-монархической реакции. Недооценивал Бах и значение национально-освободительной борьбы народов империи, в частности пражского восстания, видя в нем прежде всего выражение националистических настроений.

Своеобразной фигурой в социал-демократической историографии был видный зальцбургский историк и социолог, ученик Т. Моммзена и друг М. Вебера **Лудо Мориц Гартман** (1865—1924), открыто объявивший себя учеником Маркса и сторонником материалистического понимания истории. Его работы по истории раннего итальянского средневековья содержали глубокий анализ социально-экономических отношений в периоды господства остготов и Византии на территории Италии. Гартман стремился доказать, что политические события могут быть правильно объяснены только на основе анализа социально-экономических факторов. В биографии Моммзена (одной из лучших в историографии) Гартман впервые четко охарактеризовал сущность идейных воззрений своего учителя как либеральное неприятие цезаристской политики, опирающейся не на право, а на силу¹⁶.

В начале XX в. во взглядах Гартмана произошла заметная эволюция в сторону махизма и неокантианства. В теоретической работе о проблемах исторического развития он прямо выразил сомнение в существовании объективных исторических закономерностей¹⁷. Теперь Гартман склонялся к выводу, что марксизм недооценивает субъективно-психологический фактор в истории. Социально-экономические аспекты отошли у Гартмана на второй план, а вперед выдвинулись идеи и коллективная психология.

Тем не менее в развитии исследований по социально-экономической истории место Гартмана остается весьма значительным. В 1893 г. он совместно со Ст. Бауэром и К. Грюнбергом основал «Журнал социально-экономической истории» («Zeitschrift für Wirtschafts und Socialgeschichte»), ставший ведущим органом немецких и австрийских исследователей, работавших в этой области.

Один из создателей этого журнала, Карл Грюнберг, позднее профессор Венского университета, был одним из видных специалистов по аграрным отношениям и положению крестьянства, о чем он написал одну из самых значительных в австрийской исторической литературе работ¹⁸. С 1910 г. Грюнберг издавал в Лейпциге «Архив по истории социализма и рабочего движения» («Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung»), на страницах которого было опубликовано множество новых материалов по истории немецкого и австрийского пролетариата и его борьбы.

Грюнберг был видный теоретик австромарксизма, представители которого занимали ведущие посты в австрийской социал-демократии. Австромарксисты (М. Адлер, О. Бауэр, Р. Гильфердинг, К. Реннер и др.) считали себя верными последователями Маркса, но эклектически дополняли его якобы устаревшее учение различными буржуазными философскими и экономическими теориями.

¹⁵ *Bach M. Geschichte der Wiener Revolution im Jahre 1848. Wien, 1898.*

¹⁶ *Hartmann L. M. Theodor Mommsen. Eine biographische Skizze. Gotha, 1908.*

¹⁷ *Hartmann L. M. Über historische Entwicklung. Sechs Vorträge zur Einleitung in die historische Soziologie. Gotha, 1905.*

¹⁸ *Grünberg K. Studien zur Oesterreichischen Agrargeschichte. Leipzig, 1901.*

Австромарксисты выступали с теорией постепенного мирного перерастания капитализма в социализм. Такую концепцию отстаивал Гильфердинг в книге «Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма» (1910).

Гильфердинг задался целью переосмыслить марксизм применительно к новым социально-экономическим процессам. Но, заострив внимание на процессе обращения и изображая закон стоимости как закон обмена, а не производства, он выступил против фундаментального положения «Капитала». Отсюда вытекало допущенное им преувеличение действительной роли финансового капитала в прогрессе капиталистической системы. Гильфердинг обратил внимание на новые экономические тенденции в структуре капитализма, но сущность этих процессов он истолковал явно односторонне. Период доминирования финансового капитала представал у него как фаза постепенного перерастания новейшего капитализма в социализм эволюционным путем.

В рамках австромарксизма Отто Бауэром была создана известная теория «культурно-национальной автономии»¹⁹, которую подверг критике В. И. Ленин, указав на ее утопический характер и отход от марксизма²⁰. Бауэр понимал нацию прежде всего как исторически сложившийся психофизический тип людей, состоящих в естественной общности. История, по его мнению, неправомерно отделила Австрию от Германии и расколола единую немецкую нацию на два самостоятельных государства. Бауэр настаивал на объединении Австрии и Германии и, сомневаясь в жизнеспособности малых народов, предлагал удержать в границах великогерманского государства и славянские народы. Вместо государственного самоопределения им предлагалась культурно-национальная автономия.

¹⁹ *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Social-Democratie. Wien, 1907.

²⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 132—135.

Глава 10

Венгерская историография эпохи дуализма (1867—1918)

Основные тенденции развития исторической науки. Само движение исторической мысли, ее мировоззренческое содержание, идейно-политические концепции определялись двумя центральными событиями венгерской истории XIX в.: буржуазно-демократической революцией и освободительной войной 1848—1849 гг. и оформившим дуалистическую систему австро-венгерским соглашением 1867 г. Историческое значение и смысл обоих этих событий состояли в ликвидации феодализма и абсолютизма и обеспечении условий для свободного и беспрепятственного развития страны по пути капитализма. Но поскольку соглашение было по своему характеру крайне противоречивым в решении как национального, так и со-

циального вопросов, то компромисс, половинчатость и незавершенность наложили отпечаток на все сферы общественной жизни Венгрии в период дуализма.

Благодаря классовому компромиссу венгерского дворянства и австрийской крупной буржуазии Венгрия обрела самостоятельность во внутренних делах, а также и определенное влияние на формирование внешней политики Габсбургской империи. Вместе с тем она не сумела полностью восстановить свой государственный суверенитет, ограниченный не только весьма значительными прерогативами династии Габсбургов, но и интересами австрийской буржуазии и помещиков. Отказ от полной независимости компенсировался упрочением власти венгерских

господствующих классов в многонациональном королевстве Венгрии, в состав которого наряду с этнически мадьярскими землями входили территории, населенные словаками, Закарпатская Украина, Трансильвания и Банат, Бачка, а также — на правах автономии — Хорватия-Славония и город-порт Фиуме (Риека). Сохранились существенные пережитки феодализма в экономической структуре, политическом строе, политико-идеологической сфере.

Капиталистические преобразования в стране, как и создание нового буржуазного по характеру аппарата власти, осуществлялись в интересах магнатов и дворянства. Слабая экономически и пестрая по этническому составу буржуазия покорно уступила политическую сцену и власть сильному своей организованностью и политическим опытом дворянству, к тому же овеянному славой борца за национальную независимость. Крупные структурные сдвиги в экономике, вызванные завершением промышленного переворота и тенденциями перехода к монополистическому капитализму, стали ощущаться в сфере идеологии и политики лишь на рубеже двух веков.

Таким образом, в духовной жизни венгерского общества и в эпоху дуализма тон по-прежнему задавало обуржуазившееся дворянство. Удовлетворенное в целом австро-венгерским соглашением и избавившееся от былой своей революционности, оно искало в национальном прошлом идеологическое оправдание существующего строя и обоснование законности своих притязаний на власть. Отход от традиций многовековой борьбы за национальную независимость прикрывался мнимо радикальной критикой соглашения 1867 г., ущемлявшего суверенные права нации. Политические партии, называвшие себя «партией независимости» и «партией 1848 года», добивались лишь некоторых изменений в соглашении в пользу Венгрии, но всерьез не помышляли о разрыве с Австрией.

Организация исторических исследований. Венгерская историческая наука отражала господствующие тенденции развития общественного сознания в дуалистическую эпоху. В процессе завершения

формирования новой структуры национальной государственности и строительства аппарата власти происходило и организационное оформление национальной историографии.

Выражением своеобразного процесса «огосударствления» исторической науки явилось создание в 1867 г. и в последующие годы основных ее учреждений: Венгерского исторического общества и его печатного журнала «Века» («Sazadok»), а затем в 1874 г. Государственного архива. Общество совместно с архивом проводило большую работу по выявлению и собиранию документальных материалов по венгерской истории, их систематизации и опубликованию. Велика была его роль в организации систематического исследования отечественной истории и популяризации исторических знаний. Собираением памятников истории и публикацией источников несколько ранее стала заниматься Историческая комиссия Венгерской Академии, приступившая в 1857 г. к осуществлению фундаментальной серийной публикации средневековых источников, образцом для которой послужило немецкое издание «Monumenta Germaniae Historica».

Основные черты венгерской историографии второй половины XIX в. В идейно-теоретическом и методологическом плане венгерская историография развивалась под сильным воздействием буржуазной западноевропейской исторической и историко-философской мысли. Предметом поклонения, а зачастую также и образцом для подражания служили сочинения Конта, Ранке, Тьерри, Маколея, Мишле и др. Из них венгерские ученые-историки черпали не только элементы методологии и методики, примеры исследования, но и аргументацию, призванную обосновать новую либерально-буржуазную концепцию венгерской истории, разработка которой являлась главной задачей профессиональной исторической науки. Преобладавшее в 70—80-е годы XIX в. в венгерской историографии либеральное направление представляло собой своеобразное отражение господствовавшего в идеологии тогдашнего венгерского общества либерализма. Последний, однако, не оставался некоей неизменной для всей эпохи дуализма субстанцией, а подвергался существенным

изменениям. И венгерская историческая наука почти синхронно повторяла все повороты официальной идеологии.

Позитивизм в методологии и буржуазный национализм в интерпретации национальной истории — таковы определяющие черты исторической науки эпохи дуализма.

Первые буржуазные историки Венгрии — **Михай Хорват** (1809—1878) и **Ласло Салаи** (1813—1864) — активные участники революции 1848—1849 гг.; первый возглавлял министерство просвещения революционной Венгрии, второй представлял ее в Западной Европе в качестве дипломата. Оба выходцы из среднепоместного дворянства и после поражения революции вынуждены были покинуть страну. Главные их произведения были завершены в эмиграции и опубликованы в Венгрии после заключения соглашения 1867 г.¹ Написанные в либерально-патриотическом духе, эти произведения воспевали идею венгерской независимости и ее традиции, при этом игнорировался фактор классовой борьбы и ее роль в историческом процессе. Перу Хорвата принадлежат первые профессиональные исторические труды, освещавшие венгерскую революцию 1848—1849 гг. и непосредственно ей предшествовавшую эпоху реформ.

Консервативно-дворянские историки уделяли преимущественное внимание периоду средневековья. Идеиная борьба консервативного и либерального направлений в историографии шла с переменным успехом приблизительно до созыва съезда венгерских историков, состоявшегося в 1885 г. После этого наметился перевес консервативно-дворянской, традиционной школы. Подобный поворот вправо не означал, однако, полного исчезновения сцены либерально-буржуазного направления.

Позитивизм в венгерской исторической науке. Упрочил свое положение и позитивизм, ведущим представителем которого в Венгрии был **Дюла Паулер** (1841—1903). Основные идеи и принципы венгерской

разновидности позитивизма были изложены Паулером в начале 70-х годов в двух программных статьях теоретико-методологического характера. В них четко проявлялось сознательное стремление отмежеваться от прогрессивных элементов западноевропейского позитивизма, а заодно и от прогрессивных традиций венгерского прошлого. Задачу историка Паулер и его единомышленники сводили к тщательному сбору и обработке фактического материала и к бесстрастно сухой регистрации фактов без какой-либо попытки обобщения, осмысления и синтеза. Паулер внес большой вклад в организацию архивного дела, в сбор и систематизацию отечественных и зарубежных памятников венгерского средневековья, в изучение истории Венгрии периода правления Арпадов — первой венгерской королевской династии².

К концу XIX в. историческая наука, отчасти благодаря усилиям позитивистов, добилась значительных результатов не только в организации публикаторской работы и критике источников, но и в изучении и освещении отечественной истории, прежде всего политической. Начали складываться также и новые отрасли исторического знания, из которых наиболее успешно развивалась экономическая история (школа К. Тагани и И. Ачади), культурная история (школа Ш. Домановского), а также школа социальной истории (социологическая школа), испытывавшая влияние вульгарного экономизма.

Ведущие тенденции в развитии венгерской историографии конца XIX — начала XX в. Значительный импульс развитию исторических учреждений, их материальной базы и повышению общественного престижа исторических дисциплин дали обширные мероприятия по подготовке тысячелетнего юбилея венгерского государства, с помпезностью отмечавшегося в 1896 г. По случаю 1000-летия основания королевства Венгрии под редакцией **Шандора Силади** (1827—1899) в 90-х годах был подготовлен 10-томный коллективный труд «История венгерской нации». Первый том открывался цветной репродукцией картины, изображавшей изъявления

¹ *Horváth M. Huszonöt év Magyarország történelméből* (1823—1848). Pest, 1868—1886. I—III k.; *Horváth M. Magyarország függetlenégi harcának története*. Pest, 1871—1882. I—III k.; *Szalay L. Geschichte Ungarns*. Pest, 1869. Bd. I—II.

² *Pauler G. A magyar nemzet története az Arpád-házi királyak alatt*. Budapest, 1893. I—II k.

покорности славян перед вождем союза венгерских племен. Шовинистическую концепцию изложенной в десятитомнике истории страны раскрыл автор последнего, 10-го, тома Густав Бекшич, мечтавший о создании 30-миллионной мадьярской империи. Комментируя смысл картины, он подчеркивал: основная идея венгерского государства — это полное политическое, территориальное и административное единство и его исключительно мадьярский характер.

Игнорируя наличие в составе королевства Венгрии с самого его основания многочисленных немадьярских народов, националистическая историография изображала его государством единого венгерского народа. Способность организовать государство и управлять им признавалась только за сложившейся якобы в IX—X вв. мадьярской нацией, а по существу за так называемыми историческими классами (клиром, аристократией, дворянством).

Шовинистическая интерпретация венгерской истории, особенно усилившаяся на рубеже веков с переходом к империализму, выпукло проявилась в творчестве одного из представителей национально-романтической школы **Калмана Тали** (1839—1909), внесшего значительный вклад в исследование истории антигабсбургского освободительного движения под руководством трансильванского князя Ференца Ракоци II в начале XVIII в.³

Наиболее выдающимся и образованным историком эпохи дуализма считается **Хенрик Марцали** (1856—1938). Он занимал последовательно антифеодальные позиции и рассматривал капитализм как высшее достижение цивилизации. В значительной мере под влиянием Ранке и Бентама, перед которыми Марцали преклонялся, он первым из венгерских историков сумел вырваться из магического круга «хунгаро-центристского» взгляда на исторический процесс, ограничивавшего их кругозор исключительно явлениями и процессами отечественной истории. Его интерес к проблематике международных отношений, к вопросам истории внешней политики нашел свое выражение, в частности, в монографиях, посвященных жизни

императрицы Марии Терезии и «просвещенному абсолютизму» Иосифа II⁴.

В духе Ранке Марцали провозглашал примат идеи, духа, последовательное неприятие материалистического понимания истории. Стремление к всестороннему охвату процессов каждой из изучаемых им эпох Марцали сочетал с тонким, филигранным анализом источников на основе применения критико-филологического метода. Марцали отрицал роль классовой борьбы в истории, не скрывал, что страшится революции. Он видел в создании буржуазного государства конечную цель исторического прогресса, панацею от всех социальных бедствий. Марцали открыто полемизировал с идеями Тали и многих других своих коллег, апологетизировавших историческую роль дворянства в освободительных войнах и движениях, подчеркивал в них роль народных масс. Вместе с тем он, как и подавляющее большинство историков эпохи дуализма, признавал бесспорной идею гегемонии мадьяр над невенгерскими народами, ратовал за сохранение «тысячелетней империи», хотя и осуждал крайности проводившейся господствующими классами политики принудительной мадьяризации.

Еще дальше в критике феодализма с буржуазных позиций шел в своих работах **Игнаца Ачади** (1845—1906). Как и французские либеральные историки Реставрации (Гизо, Минье, Тьерри), Ачади признавал закономерность классовой борьбы, но только между буржуазией и феодальными классами. В главном своем произведении «История венгерского крестьянства», изданном в 1896 г. (русский перевод опубликован в Москве в 1955 г.), Ачади объявил классовую борьбу в венгерской истории законченной в 1848 г. По его словам, с отменой крепостничества в Венгрии началась эпоха процветания и мирного созидательного труда, а между трудящимися классами и имущими наступил классовый мир.

Будучи представителем экономико-социологической школы венгерской историографии, Ачади большое внимание уделял изучению финансов, истории

³ *Thaly K. Rákóczi Ferenc fejedelem ifjusága*. Budapest, 1881.

⁴ *Marczali H. Magyarország története II József korában*. Budapest, 1885—1888. I—III k.

системы налогообложения, широко пользовался в своих исследованиях статистическим материалом. Признание исторической роли католицизма в венгерской истории не мешало ему занимать последовательно антиклерикальные позиции. И, наконец, явное сочувствие народным массам, в особенности крестьянству, легко уживалось в его мировоззрении с шовинизмом, нашедшим выражение в его монографии «История венгерской империи».

Известный историк эпохи дуализма **Шандор Марки** (1853—1925) в отличие от Ачади сосредоточил внимание не на экономических и социальных аспектах крепостничества, а на крестьянских движениях. Его книга о крупнейшем в истории Венгрии крестьянском восстании «Дьёрдь Дожа и его революция»⁵ вся пронизана демократизмом и откровенным сочувствием восстанию и революции. Марки осуждал господствующие классы за «неумение» предотвращать социальные взрывы своевременным проведением необходимых реформ. Правителей дуалистической Венгрии Марки предостерегал от повторения «ошибок» их предшественников, предлагая с помощью реформ преградить путь социальным потрясениям.

Немногочисленной группе историков буржуазно-либерального толка противостоял целый сонм реакционеров от исторической науки, интерпретировавших исторический процесс с позиций агностицизма и воинствующего католицизма. Среди них ярко выделялся даром увлекательного рассказчика-летописца епископ **Вильмош Фракнон** (1843—1924), сумевший благодаря своему таланту внушить читателям страх и отвращение к прогрессивным деятелям венгерской истории типа Д. Дожи. Особенно он преуспел в развенчании республиканского движения в Венгрии (1794—1795) и его вождя Игнаца Мартиновича. При этом, как доказала впоследствии марксистская венгерская историческая наука, он сознательно подбирал и использовал порочащие якобинцев документы, замалчивая другие, противоречившие его концепции.

⁵ Márki S. Dózsa György es forradalma. Budapest, 1883.

Прогрессивная историография начала XX в. К последним десятилетиям эпохи дуализма относятся проникновение в сферу исторической науки элементов материалистического понимания истории и первые попытки его применения к венгерской истории. Этот процесс связан с возникновением в 1900 г. Общества социальных наук и изданием его журнала «Двадцатый век» («Huszadik Század»). Вокруг них сложилась группа прогрессивно мыслящих деятелей научной, общественной и культурной жизни. Часть из них, сочувственно относившаяся к борьбе организованного пролетариата Венгрии за демократию и поддерживавшая связь с видными деятелями венгерской социал-демократии, заявляла о своей приверженности историческому материализму, но воспринимала его в более или менее упрощенном виде.

В целом же мировоззрение этой группы отличалось крайней эклектичностью, сочетая в себе наряду с отдельными положениями марксизма идеи Спенсера, Лампрехта, Дарвина. В этом нетрудно убедиться, перелистав страницы книги основателя Общества социальных наук, теоретика и лидера буржуазного радикализма в Венгрии **О. Яси** «Государственная философия исторического материализма»⁶, увидевшей свет в 1905 г. Такой же вульгаризаторской по существу своему была и одна из первых в Венгрии попыток применения марксистского учения к венгерской истории, предпринятая П. Агоштоном, близким к кружку Яси социал-демократом. Его работа, посвященная истории венгерских латифундий, оказалась слабой по методологии и методике и несостоятельной в профессиональном отношении⁷.

Пионером и родоначальником марксистской историографии Венгрии является **Эрвин Сабо** (1877—1918), выдающийся деятель венгерского рабочего движения, теоретик, первый переводчик и издатель произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на венгерском языке. С марксистских методологических позиций он исследовал особенности капиталистического развития

⁶ Jászi O. A történelmi materializmus állambölcselete. Budapest, 1905.

⁷ Agoston P. A magyarországi nagybirtok története. Budapest, 1913.

Венгрии, экономический базис и классовую структуру венгерского общества, остро злободневные для этой страны аграрно-крестьянский и национальный вопросы.

Венцом многообразной деятельности Сабо как историка стал фундаментальный труд «Борьба классов и партий в венгерской революции 1848—1849 годов». Он был завершен незадолго до смерти автора, в июле 1918 г., и опубликован впервые в Вене в 1921 г. с предисловием Оскара Яси. В Венгрии этот поистине эпохальный труд увидел свет лишь после освобождения страны Советской Армией в 1946 г.⁸ Органический синтез передовой теории, подлинно научной концепции и метода исторического анализа с высоким профессионализмом и блестящей формой, привлечение обширного материала с нетрадиционным его прочтением дали блестящий результат.

Значение книги выходит далеко за пределы обозначенной в ее заглавии темы. Данный в ней марксистский анализ классово-социальной структуры венгерского общества в период буржуазной революции и освободительной войны 1848—1849 гг.

⁸ Szabó E. Társadalmi és pártarcok a 48—49-es magyar forradalomban. Budapest, 1949.

содержал в себе обоснование неизбежности грядущего столкновения реакции и прогресса в Венгрии. Беспощадной критикой узкоклассовой ограниченности руководящей силы революции — среднепоместного дворянства и националистическо-романтической апологии его исторической роли, развенчанием шовинизма и национализма господствующих классов Эрвин Сабо открыл новую страницу в истории венгерской исторической науки, на деле показав возможность иного подхода к освещению национальной истории: без шовинизма и национализма, без идеализации и извращений, с позиций пролетарского интернационализма.

Такой подход к истории был насущно необходим в атмосфере разнузданного шовинизма, господствовавшего в Венгрии в последние годы эпохи дуализма. Он диктовался потребностью освободить сознание многонационального пролетариата Венгрии от влияния этой опаснейшей разновидности буржуазной идеологии. Этим отчасти можно объяснить ошибочную оценку Эрвином Сабо венгерской революции как восстания, бунта среднепоместного дворянства против венгерской аристократии.

Глава 11

Чешская и словацкая историография

Условия развития чешской историографии. На рубеже XIX—XX вв. в Австро-Венгрии, составной частью которой были чешские земли, резко обострились классовые и национальные противоречия. Быстрорастущая чешская буржуазия стремилась к дальнейшему преобразованию государственного строя монархии на конституционных началах, к завоеванию прочного политического положения в империи. Происшедшая дифференциация в лагере буржуазии привела к образованию новых политических партий. Их национальная программа носила умеренно-либеральный характер. Платформа правого крыла была консервативной. Партии и группировки, представлявшие мелкую буржуазию, либеральную интеллигенцию, средние слои

города и деревни, были оппозиционны по отношению к австрийскому правительству. Новая социально-политическая обстановка оказывала влияние на развитие исторической науки.

Со второй половины 80-х годов в чешской историографии утвердилось влияние позитивизма. Чешский позитивизм представлял собой многоликое явление, отличался идейной эклектичностью. Главным организационным центром позитивистской историографии стал Карлов университет в Праге, разделенный в 1882 г. на чешский и немецкий. Появление самостоятельного чешского высшего учебного заведения способствовало притоку в науку новых национальных сил, превращению Карлова университета в крупный научный

центр. В 1890 г. была образована Чешская академия наук, словесности и искусств. Она взяла на себя публикацию источников и монографических работ. В 1892 г. был основан Исторический клуб в Праге, который с 1905 г. стал финансировать «Чешский исторический журнал» («Český časopis historický»), основанный в 1895 г.

Позитивистское направление. Новый этап в развитии чешской историографии открыло творчество **Ярослава Голла** (1846—1929), выдающегося историка, основателя позитивистского направления в чешской историографии. Голлу принадлежала исключительная роль в выделении истории как особой университетской дисциплины и подготовке чешских историков-профессионалов. С 1882 г. он при участии других чешских профессоров руководил семинаром по истории на философском факультете Карлова университета. Вышедшие из этого семинара историки трех поколений представляют так называемую школу Голла.

Центральное направление научной деятельности Голла составляли изучение политической и религиозной истории Чехии XIII—XV вв., особенно чешской реформации, прежде всего Общины чешских братьев, анализ источников по этой проблеме, реконструкция их оригиналов, выявление в текстах документов последующих наслоений. К этой области относились наиболее крупные труды Голла¹. Он выяснил условия, при которых возникла Община чешских братьев, показал ее большую роль в жизни чешского общества XV в., особенно в развитии его культуры.

Голл стремился вписать события, имевшие место в Чехии, в контекст европейской истории. Круг его исследований охватывал такие проблемы, как отношения между Чехией и Пруссией в средние века², чешско-польские связи в период гуситского движения и др. блестящее знание средневековой истории и источников позволило Голлу выступить в 1886 г. с убедитель-

ным доказательством поддельности Крале-дворской и Зеленогорской рукописей.

В начале XX в. Голл оказался в консервативном лагере, он был далеко от национального движения и выступал за сохранение целостности Австро-Венгрии.

Заслуга Голла состоит в том, что он и его последователи преодолели отставание чешской историографии от западноевропейской, отказавшись от описательности, ориентировались на фундаментальные аналитические исследования, углубили источниковедческую методику. Важное значение имело и включение ими отечественной истории в общеевропейский контекст.

Заметное влияние на развитие исторической науки оказал **Антонин Резек** (1835—1909), также придерживавшийся проавстрийской ориентации. Основное внимание Резек уделял политической истории Чехии, религиозному движению в XVI—XVII вв., чешско-польским отношениям. В отличие от Голла Резек считал необходимым продолжить традиции Палацкого и написать обобщающий труд по истории Чехии после 1526 г. В работе «История Чехии и Моравии нового времени»³ Резек доказывал, что обострение отношений между императором и сословиями было обусловлено борьбой за власть. Для внутривластного развития Чехии было характерно, писал он, переплетение политического, религиозного и национального факторов. Вслед за Томеком он высказался в поддержку абсолютизма, полагая, что победа сословий в восстании 1618—1620 гг. могла бы привести к неисчислимым бедствиям, к шляхетской олигархии.

Эволюция позитивистской школы. В конце XIX в. начал свою деятельность **Йозеф Пекарж** (1870—1937), ведущий представитель первого поколения учеников Голла. Пекарж был сторонником консервативной концепции национальной истории. Он отказался от утвердившейся среди чешских историков оценки периода после битвы при Белой горе (1620) как «эпохи тьмы», представлял его как время расцвета чешского духа, отрицал революционные

¹ Goll J. Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhmischen Brüder. Prag. 1878—1882. D. 1—2; idem. Chelčický a jednota v XV století. Praha, 1916.

² Goll J. Čechy a Prusy ve středověku. Praha, 1897.

³ Rezek A. Dějiny Cech a Moravy nové doby. Praha, 1893—1895.

стороны гуситского движения, его прогрессивное значение. В его трактовке гуситское движение получило националистическую окраску, рассматривалось как сугубо национально-религиозное движение, лишенное всякого социального содержания. Первым крупным трудом Пекаржа была «История вальдштейнского заговора»⁴, отличавшаяся психологическим, субъективистским подходом к освещению деятельности весьма противоречивой фигуры Альбрехта из Вальдштейна (Валленштейна) в ходе Тридцатилетней войны.

В работе «Книга о замке Кост»⁵ Пекарж создал широкую панораму жизни феодального поместья. На основе обширного круга источников, мало до него использовавшихся, он проследил, как с середины XVII в. росло налоговое обложение. Хотя Пекарж отметил ухудшение положения крестьянства, в целом он идеализировал социальные отношения в деревне. Вместе с тем он попытался доказать, что период после 1620 г. не был временем глубокого экономического упадка, стремился защитить политику шляхты, переоценивал ее вклад в развитие культуры.

В конце XIX — начале XX в. публиковал свои многочисленные работы историк культуры и этнограф Ченек Зибрт (1864—1932). В 1900—1912 гг. вышла подготовленная им пятитомная «Библиография чешской истории»⁶. Широкую известность ему принесли работы по истории культуры, этнографии и фольклористике.

В конце XIX — начале XX в. появились монографии по новой истории Чехии. А. Срб в работе «Политическая история чешского народа от 1861 г. до прихода министерства Бадени в 1895 г.» и З. Тоболка совместно с К. Крамаржем в книге «История чешской политики нового времени»⁷ сформулировали имевшую четкую

партийно-политическую направленность буржуазно-либеральную концепцию развития чешских земель после 1848 г. Сложный процесс развития чешской нации сводился в их работах к деятельности политических лидеров.

Отказ от создания общей концепции истории, характерный для представителей позитивистского направления, вел к абсолютизации исторического факта и к отрицанию целесообразности и возможности обобщений. Попыткой преодолеть эту слабую сторону позитивизма и создать обобщающий труд по древней истории было издание под редакцией В. Новотного «Чешской истории»⁸, первый том которой (в трех частях) охватывал период до 1253 г. Эта работа, отстаивавшая своеобразие чешской государственной жизни, начала выходить в 1912 г. и отличалась богатством материалов, критическим отношением к источникам.

Историко-социологическое направление. Одновременно с утверждением позитивистской историографии шло становление историко-социологического направления. Определяющее влияние на его развитие оказал Томаш Масарик (1850—1937).

Масарик рассматривал национальную историю сквозь призму политической борьбы. Главные его труды — «Чешский вопрос», «Ян Гус», «Наш нынешний кризис»⁹ и др. — имели философско-социологический характер. Считая себя последователем Платона, Масарик полагал, что реальный мир является несовершенным отражением некоего идеального прообраза. Это привело его к отрицанию объективных законов развития. Смысл чешской истории Масарик видел в осуществлении идеала, в котором соединялись «гуманизм» и «религиозность». В результате он пришел к гипертрофированию роли религиозных представлений в жизни общества и к теологической интерпретации исторического процесса.

⁴ *Pekař J. Dějiny Valdštejnského spiknutí 1630—1634. Praha, 1895.*

⁵ *Pekař J. Kniha o Kosti. Praha, 1909—1912. D. 1—2.*

⁶ *Bibliografie české historie. Praha, 1900—1912. D. 1—5.*

⁷ *Srb A. Politické dějiny národa českého od roku 1861 až do nastoupení ministerstva Badianova r. 1895. Praha, 1899; Tobolka Z., Kramarž K. Dějiny české politiky nové doby//Česká politika III Praha, 1909.*

⁸ *Novotný V. České dějiny I. Praha, 1912, 1913, 1928. D. 1—3.*

⁹ *Masaryk T. G. Česká otázka. Snahy a tužby národního obrození. Praha, 1895; idem. Jan Hus, Praha, 1896; idem. Nase nynější krize. Rád strany staročeské a počátkové směru nových. Praha, 1895.*

Масарик сконструировал искусственную схему чешской истории, особо выделив в ней две эпохи: чешскую реформацию и национальное возрождение (весь XIX в.). Разделявший их длительный период контрреформации, по его мнению, привел к уничтожению сущности «чешского гуманизма», наиболее чистым проявлением которого была деятельность Общины чешских братьев. Однако идеи, высказанные П. Хельчицким и другими деятелями Общины, не погибли, а были подхвачены и развиты в эпоху национального возрождения.

Масарик пропагандировал классовый мир и национальное единство, решительно осуждал идею социальной революции. В работе «Социальный вопрос»¹⁰ он выступил как убежденный противник марксизма.

Начало научной деятельности Л. Нидерле. В начале XX в. развернулась научная деятельность **Любора Нидерле** (1865—1944), характеризовавшаяся комплексным подходом к изучению прошлого славянских народов. Нидерле хорошо знал труды и методику французских и русских позитивистов. При изучении ранней истории славян он использовал широкий круг чешских и русских источников, особенно достижения археологии.

В работе «Славянские древности»¹¹ Нидерле показал высокий уровень культуры древнеславянских поселений и связь их истории с развитием остальной Европы. Применяв сравнительно-исторический метод, Нидерле уточнил древние границы расселения славянских и неславянских народов в центрально-европейском регионе. Широкую известность получила также его работа «Славянский мир»¹².

Словацкая историография второй половины XIX — начала XX в. После глубокого идейно-политического кризиса 50-х годов XIX в. начался новый этап словацкого национального движения. В 1861 г. была сформулирована его программа («Меморандум словацкого наро-

да»), включавшая требование о предоставлении словакам автономии. В 1863 г. возникла Матица словацкая — культурно-научное просветительское общество. Одной из важных сторон ее деятельности явилось издание документов по отечественной истории. В журнале «Летопись Матицы словенской» («Letopis Matice slovenskej»; 1864—1875) наряду с публикацией фольклора и статей по истории печатались источники, прежде всего по средневековой истории Словакии.

В последней трети XIX в. значительный вклад в развитие словацкой историографии внес **Франтишек Сасинец** (1830—1914), автор многочисленных работ по истории словаков и других народов, населявших венгерскую часть монархии Габсбургов¹³. Им был опубликован ряд источников по истории Словакии, в 1876—1882 гг. он издавал журнал «Словенская летопись» («Slovenský letopis»), печатавший статьи по истории, археологии и этнографии.

Сасинец старался защищать с позиций романтизма национальное достоинство словацкого народа от нападок шовинистически настроенных венгерских дворянско-буржуазных ученых, утверждавших, что словаки не имеют собственной истории. Большое внимание он уделял Великой Моравии, славянским поселениям в Паннонии, отстаивая тезис об автохтонности славян в Карпатской долине. Сасинец выступал за национальное равноправие словаков и венгров. Привлекая многочисленные источники, он не владел, однако, методом их критики, допускал ошибочное их истолкование.

Во многом сохранял приверженность романтизму **Юлиус Ботто** (1848—1929), создатель буржуазной концепции истории Словакии. В работе «Словаки, развитие их национального самосознания» (в 2 т.; 1906—1910) он защищал национальные интересы словаков, доказывал их самобытность. Внимание автора привлекали лишь наиболее яркие страницы политической истории словацкого народа, осо-

¹⁰ Masaryk T. G. Otázka sociální. Základy marxismu sociologické a filozofické. Praha, 1898.

¹¹ Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1902—1925.

¹² Niederle L. Slowanský svět. Praha, 1909.

¹³ Sasínek F. V. Dejiny drevnych národov na území terajšieho Uhorska. Skalice, 1867; idem. Dejiny počiatkov terajšieho Uhorska. Skalice, 1867—1868. D. 1—3; idem. Slováci v Uhorsku. Turč. SV. Martin, 1905.

бенно национальное возрождение. Рассматривая национальное движение, Ботто игнорировал его социальные аспекты и формирование рабочего класса. В 1914 г. он издал научно-популярную «Краткую историю словаков», за которую подвергся преследованиям со стороны венгерских правящих кругов. Весь тираж книги был конфискован.

Зарождение марксистской историографии. В начале XX в. в условиях нового подъема национального движения, усиления активности чешского пролетариата, выразившейся в борьбе за всеобщее избирательное право, дальнейшее развитие получила демократическая тенденция в чешской историографии.

Как представитель демократической тенденции начинал свою научную деятельность **Зденек Неедлы** (1878—1962), в этот период тесно связанный с позитивизмом. В начале XX в. Неедлы опубликовал трилогию об истоках и развитии гуситского песнетворчества¹⁴. Он рассматривал литургические песнопения гуситов как неотъемлемую часть их движения, отражение революционных настроений народных масс, их чаяний и стремлений. Впервые в чешской историографии он обосновал тезис о тесной взаимосвязи расцвета культуры и подъема освободительного движения.

Принцип связи между различными явлениями общественного развития Неедлы положил в основу своей концепции национальной истории как борьбы нового со старым, борьбы масс за лучшее будущее. Движение народных масс, революционные периоды в истории, считал он, способствуют историческому прогрессу.

Большое значение в идейных столкновениях, охвативших чешское общество накануне мировой войны, имела статья Неедлы «Спор о смысле чешской истории»¹⁵. Неедлы выступил против рели-

гиозного понимания чешской истории Масариком. Гуситское движение, считал он, необходимо рассматривать как революционную борьбу чешского народа за освобождение, как кульминацию средневековой чешской истории. Он критиковал отрицательные стороны позитивизма и подчеркивал активную роль историка в познавательном процессе. В высказываниях Неедлы содержались ростки того нового, что позднее развила марксистская историография.

Летописью чешского рабочего движения конца XIX в. были мемуары его видного деятеля **Ладислава Запотоцкого** (1852—1916). Первое издание написанных Запотоцким «Воспоминаний о начале рабочего движения в Чехии» вышло в 1889 г., второе, переработанное — в 1911 г.

В книге освещались история рабочего движения и его печати с конца 60-х годов XIX в., участие рабочих в национальной борьбе. Широко используя материалы первых социал-демократических изданий, Запотоцкий показал распространение идей Маркса в чешском рабочем движении. Книга Запотоцкого прокладывала путь к новому пониманию истории, выдвигала новую проблематику.

Выдающаяся роль в формировании марксистского направления в историографии принадлежала **Богумиру Шмералю** (1880—1941), теоретику рабочего движения, основателю КПЧ. Его работы имели острую политическую направленность, отвечали на злободневные вопросы, стоявшие перед чешской социал-демократией. Самое крупное сочинение Шмерала «Национальный вопрос в социал-демократии до Гайнфельдского съезда» (1909) представляло собой очерк развития социал-демократического движения в австрийской части империи Габсбургов. Шмераль подчеркнул роль исторических традиций, интернациональный характер рабочего движения, указал на недооценку австрийской социал-демократией национального вопроса. Его работы являются наиболее ярким примером материалистической трактовки исторического процесса.

¹⁴ *Nejedlý Z. Dějiny předhusitského zpěvu v Čechách. Praha, 1904; idem. Počátky husitského zpěvu. Praha, 1907; idem. Dejiny husitského zpěvu za válek husitských. Praha, 1913.*

¹⁵ *Nejedlý Z. Spor o smysl českých dějin. Praha, 1913, 1952.*

Румынская историография в конце XIX — начале XX века

Основные черты социально-политической и идейной жизни Румынии. В 1859 г. произошло объединение Дунайских княжеств, под руководством князя Александру Иоана Кузы сформировалось единое Румынское государство. Это важное в истории румынского народа событие было подготовлено предшествующими социально-экономическими и политическими процессами.

С конца XVIII в. появляются ростки капиталистического уклада, которые в последующие десятилетия набирают силу. Но этот процесс идет медленно, ибо княжества начиная с XVI в. находились в вассальной зависимости от Османской империи. Постепенно нарастает борьба народных масс и нарождающейся буржуазии против феодальных порядков и национального гнета. К наиболее крупным выступлениям в XIX в. относится движение под руководством Тудора Владимиреску (1821). В 1848 г. в Молдавском княжестве развертывается оппозиционное и революционное движение, а в Валахии и Трансильвании происходит революция, имевшая буржуазно-демократический и национально-освободительный характер. Однако из-за слабости и разрозненности революционных сил, а также вмешательства Турции и царской России она потерпела поражение.

После 1859 г. кардинальное значение для развития Румынии имели аграрная реформа 1864 г., отменившая барщину и другие феодальные повинности, и провозглашение в 1877 г. государственной независимости. В результате этих изменений Румыния стала приобретать облик буржуазной страны, хотя и весьма отсталой. Свыше 80% ее населения проживало в деревне. Развивалась промышленность, особенно после 1877 г., когда в стране развернулась промышленная революция. Постепенное укрепление буржуазных отношений в аграрном секторе экономики привело к росту сельскохозяйственного производства.

В 60—70-х годах XIX в. оформились политические партии господствующих классов. Либеральная партия выражала в основном интересы буржуазии. Выразительницей взглядов класса помещиков выступала консервативная партия. Экономические и политические интересы наиболее влиятельных кругов румынской буржуазии тесно переплетались с устремленностью крупных землевладельцев. В 1866 г. князь Куза был свергнут в результате государственного переворота, в осуществлении которого объединилась оппозиция его власти и справа, и слева (союз этих разнородных сил, устранивших Кузу, вошел в историю под названием «чудовищной коалиции»). В том же году организаторы переворота предложили румынскую корону иноземцу — Карлу Гогенцоллерну-Зигмарингену, представителю боковой ветви прусского королевского дома.

Становление новых социально-экономических структур, переплетение буржуазных и полуфеодальных методов эксплуатации делали положение трудящихся Румынии невероятно трудным. Особенно жесткому гнету подвергались жители деревень, где господствовала отработочная система. Недовольство крестьян время от времени выливалось в восстания. Самые крупные из них произошли в 1888 г. и особенно в 1907 г.

Все более организованной становилась борьба рабочего класса, процесс формирования которого ускорился в конце XIX в. В 60-е годы XIX в. появились его профессиональные организации. В середине 70-х годов зарождается социалистическое движение, которое вскоре начинает переходить на позиции марксизма. Социал-демократическая партия была создана в 1893 г.

Изменения в экономической и социальной сферах, а также в международном статусе Румынии наложили свой отпечаток и на существовавшие в стране идейно-политические течения в виде либерализма, консерватизма, разного рода националис-

тических концепций. В противовес им развивались течения, выражавшие интересы и потребности трудящихся масс,— революционный демократизм, а затем и марксистская общественная мысль. Все эти процессы так или иначе отразились и в сфере историографии.

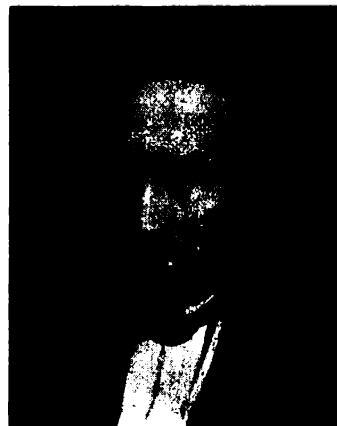
Развитие исторической науки. Традиции историографии Румынии нового времени связаны с деятельностью летописцев XVII в. и историков **Константина Кантакузино** (около 1640—1716 гг.), **Дмитрия Кантемира** (1673—1723). Глубокий след в румынской историографии оставила ардяльская школа (вторая половина XVIII—начало XIX в.). Ее главными представителями были **Самуил Мику** (1745—1806), **Георге Шинкай** (1754—1816), **Петру Майор** (около 1761—1821 гг.).

Передовая историческая мысль Румынии черпала идеи из историографического наследия революционера-демократа **Николае Бэлческу** (1819—1852). В истории он искал опору для своей революционной деятельности, направленной на свержение феодальных порядков, избавление народа от чужеземного ига, объединение Дунайских княжеств. Бэлческу понимал историю как процесс, развивающийся по восходящей линии; он уделял большое внимание изучению социально-экономических проблем, роли народных масс и классовой борьбы. Этими идеями пронизаны его труды «История румын во время Михая Храброго»¹, «Экономические проблемы Дунайских княжеств», «Развитие революции в истории румын» и др. Вместе с А. Т. Лаурианом Бэлческу издает в 1845—1851 гг. журнал «Исторический вестник для Дакии» («Magazin istoric pentru Dacia»), в котором были опубликованы важные источники по истории Валахии.

Большое влияние на развитие румынской историографии оказало научное творчество **Михаила Когэлничану** (1817—1891). Еще, обучаясь в Германии, в 1837 г. он публикует труд «История Валахии, Молдовы и Трансдунайских валахов»²;

¹ *Bălcescu N. Istoria românilor sub Mihai-Vodă Viteazul. București, 1878.*

² *Kogălniceanu M. Histoire de la Valachie, de la Moldavie et des Valaques transdanubiens. B., 1837.*

Н. Бэлческу

по возвращении на родину издает в 1845—1847 гг. первый в Дунайских княжествах исторический журнал «Румынский архив» («Arhiva românească») и «Летописи Молдавии» (в 3 т.; 1845—1852)³. Когэлничану первым начинает читать в Михайлянской академии в Яссах курс лекций по национальной истории. Стоя на позициях буржуазного демократизма, Когэлничану подчеркивал роль народных масс в истории. В 1848 г. он принял участие в революционном движении в Молдавском княжестве.

Бэлческу и Когэлничану заложили основы румынской историографии. Ее дальнейшее развитие приходится на период после объединения Запрутской Молдовы и Валахии и создания Румынского государства.

Возрастание роли исторической науки в Румынии выразилось в усилении внимания к ней со стороны официальных кругов и общественных сил страны. В 1867 г. организуется Академическое общество, которое с 1879 г. превращается в Румынскую академию. Ее историко-археологическая секция занималась публикацией исторических источников, изданием работ средневековых и современных авторов, популяризацией истории, организацией археологических раскопок, охраной памятников старины. Результаты исследований печатались в «Анналах Румынской академии» («Analele Academiei Române»), а с 1886 г.— в специальном органе «Труды исторической секции» («Memoriile secțiunii istorice»).

³ *Letopisetetele țării Moldovii. Iași, 1845—1852. V. I—III.*

В 1882 г. Г. Точилеску основал «Журнал по истории, археологии и филологии» («Revista pentru istorie, arheologie și filologie»), который выходил до 1909 г. Исторический журнал «Траяна Колонна» («Columna lui Traian») издавался в 1870—1877 гг., в 1882—1883 гг. — под руководством Б. П. Хасдеу. При Ясском и Бухарестском университетах были созданы кафедры румынской истории и всеобщей истории. В 1864 г. организуется Национальный музей древностей. Историко-археологические музеи или секции появляются и в других городах.

Большое внимание уделялось публикации источников, улучшению качества их издания. Из наиболее крупных коллекций исторических источников следует отметить коллекцию Хурмузаки⁴. Она содержит документы из зарубежных архивов. В 1889—1909 гг. было осуществлено издание документов об истории создания Румынского государства («Акты и документы, относящиеся к истории возрождения Румынии»⁵); в 1902—1910 гг. опубликована коллекция «1848 год в румынских княжествах»⁶; в 1907—1908 гг. — коллекция «Акты и законы, касающиеся аграрного вопроса»⁷.

В Трансильвании интенсивную историческую работу проводило Трансильванское общество румынской литературы и культуры румынского народа «Астра», созданное в 1861 г.

Основные течения в историографии. Волновавшие румынское общество вопросы решались историками в зависимости от их теоретико-методологической ориентации и принадлежности к различным историческим школам. В период революционного подъема 40-х годов зародилась романтическая историография, связанная с именем Н. Бэлческу и М. Когэлничану. Она формировалась под влиянием в ос-

новном французской и немецкой историографии. После 1848 г. школа романтизма претерпела определенные изменения, но продолжала господствовать в румынской историографии примерно до 70-х годов XIX в.

Самым выдающимся представителем послереволюционного романтизма был **Богдан Петричейку Хасдеу** (1836—1907). Высшее образование он получил в Харьковском университете. Хасдеу был разносторонним ученым — не только крупнейшим в Румынии историком, но и виднейшим лингвистом, фольклористом, правоведом, экономистом. Его знали далеко за пределами Румынии. Хасдеу заложил основы научной археологии в стране, стал первым крупным румынским славистом.

В своих трудах, основанных на многочисленных и разнообразных отечественных и зарубежных источниках, Хасдеу осветил в основном проблемы древней и средневековой истории Румынии. Трактую историю с позиций идеализма, он в то же время отмечал и роль социально-экономических факторов в жизни общества, стремился выявить причинно-следственные связи в историческом процессе, подчеркивал роль народных масс, важность изучения их обычаев. Хасдеу считал, что источники — «единственный авторитет» для историка, что «здание истории» необходимо возводить, держа в руках «горящий факел критики». Он отмечал, что историк должен сочетать в себе качества не только ученого, но и художника, не проводя, однако, четкой грани между наукой и искусством.

Эти принципы нашли отражение в его монографии «Иоан Водэ Лютый» (1865)⁸. Она была посвящена господарю, проводившему в 1572—1573 гг. антибоярскую политику, к которой Хасдеу относился одобрительно. Опубликование этой работы в момент осуществления аграрной реформы 1864 г. должно было, по идее автора, помочь князю Кузе преодолеть сопротивление боярской оппозиции. С наибольшей силой талант ученого проявился в двухтомной фундаментальной «Критической

⁴ Documente privitoare la istoria românilor culese de Eudoxiu Hurmuzaki. București, 1876—1942. V. 1—45.

⁵ Acte și documente relative la istoria renascerii Romaniei. București, 1889—1909. V. 1—10.

⁶ Anul 1848 în Principatele Române. București, 1902—1910. V. 1—6.

⁷ Acte și legiuri privitoare la chestia țărănească. București, Ploiești, 1907—1908. V. 1—12.

⁸ *Hașdeu B. P. Ioan Vodă cel Cumplit. Ediție și cuvînt înainte de C. Mohanu. București, 1968.*

истории румын», вышедшей в 1873—1875 гг.⁹ В ней освещены вопросы формирования в XIV в. Валашского и Молдавского княжеств. В 1864—1865 и 1867 гг. Хасдеу издает «Исторический архив Румынии» («Archiva istorică a României»), в котором увидели свет ценнейшие документы по средневековой истории страны.

Видными представителями послереволюционного романтизма были основатель научной археологии в Румынии А. Одобеску, трансильванский историк А. Папиу-Илариан и др.

Во второй половине XIX в. румынская историография испытала воздействие позитивизма. На концепцию и методы исследований румынских ученых оказали влияние О. Конт, Г. Т. Бокль, Г. Спенсер. Распространению идей позитивизма в румынской историографии способствовала деятельность литературного общества «Жунимья», основанного по инициативе Т. Майореску в Яссах в 1863 г. Член этого общества М. Эминеску выразил его кредо так: «...неправда не становится правдой от того, что она национальна». Жунимисты остро критиковали тех деятелей, которые под прикрытием патриотических лозунгов искажали историческое прошлое страны. Но при этом они стояли на идеалистических и нередко консервативных позициях.

Самым крупным румынским историком, имевшим в молодые годы отношение к обществу «Жунимья», был **Александру Димитрис Ксенопол** (1847—1920). Высшее образование он получил в Германии, где учился у Моммзена и Ранке. Большое влияние на него оказали произведения Гизо.

Главным произведением Ксенопола является «История румын от Траянской Дакки»¹⁰ — первый в румынской историографии обобщающий фундаментальный шеститомный труд, охватывающий период с древнейших времен до 1859 г. Содержащиеся в нем оценки и выводы сделаны на основе анализа комплекса факторов: политических, экономических, социальных,

культурных, идеологических, моральных, которые автор старался, по его словам, объединить «в соответствии с общим ходом развития народа». Позднее Ксенопол написал еще два тома, посвященные правлению князя Кузы (1859—1866), и два тома истории политических партий в Румынии, а также другие работы.

Ксенопол оставил значительное теоретическое наследие. В 1899 г. в Париже вышла его работа «Основные принципы истории», переизданная с добавлениями через несколько лет под названием «Теория истории»¹¹. Под влиянием неокантианства Ксенопол подчеркивал, что история — наука об индивидуальном. Ряд последовательных, никогда не повторяющихся явлений и фактов образует, согласно его взглядам, «историческую серию». Она конструируется не из произвольно выбранных явлений, а при помощи элемента причинной связи, выполняющего в серии функцию, схожую с функцией обобщения в сфере повторяющихся явлений, которые исследуются естественными науками.

Ксенопол в некоторой мере признавал роль материального фактора в истории и писал, что материальные условия являются неизменным условием интеллектуального развития народа. Однако прогресс ставился им в зависимость в первую очередь от расы и географической среды. Движущей силой развития человечества Ксенопол считал в конечном счете идеи и их носителей.

Дальнейший шаг в развитии буржуазной историографии в Румынии связан с деятельностью «критической школы», основанной в конце XIX в. И. Богданом, Д. Ончулом и Н. Йоргой. Она принадлежала к позитивистскому течению в историографии. Но не исчез и романтизм. В конце XIX — начале XX в. позитивизм, представленный главным образом «критической школой», и романтизм сосуществовали как разные историографические течения.

Историки «критической школы» стремились придать историческому исследованию большую научность. Этой цели они

⁹ *Haşdeu B. P. Istoria critică a românilor din ambele Dacie. Bucureşti, 1873—1875. V. 1—2.*

¹⁰ *Xenopol A. D. Istoria românilor din Dacia Traiană. Iaşi, 1888—1893. V. 1—6.*

¹¹ *Xenopol A. D. Les principes fondamentaux de l'histoire. P., 1899; Idem. La théorie de l'histoire. P., 1908.*

предполагали достигнуть с помощью интенсивного выявления источников, прежде всего письменных, строгого их критического анализа в соответствии с требованиями более совершенной методики. Было усилено внимание к фактической стороне исследований, расширению их проблематики, специализации, развитию вспомогательных исторических дисциплин. Однако углубление исследований по отдельным направлениям исторического прошлого было сопряжено с таким отрицательным явлением, как ослабление внимания ученых к теоретико-философским обобщениям.

Димитрие Ончул (1856—1923), профессор истории Румынии Бухарестского университета, окончил Черновицкий университет, проходил специализацию в Вене, где получил хорошую подготовку в области источниковедения. Он организовал семинар («самый методичный из семинаров», по выражению Н. Йорги), в котором сформировалась большая плеяда румынских историков.

Ончул придерживался идеалистической исторической концепции. По своим политическим убеждениям он был консерватором, монархистом, что нашло отражение и в его трудах. Наиболее значительное исследование Ончула — «Происхождение румынских княжеств» (1899)¹². Он внес в румынскую историографию хорошо отточенную технику изучения и интерпретации источников.

Иоан Богдан (1864—1919), профессор славистики Бухарестского университета, окончил Ясский университет, проходил специализацию по славянской истории и филологии в Вене, Петербурге, Москве, Кракове. Заслуга Богдана заключается в том, что он создал научную школу славистских исследований в Румынии. В Бухарестском университете он руководил кафедрой славянских языков.

Победе в румынской историографии нового критического направления Богдан способствовал прежде всего изданием на высоком научном уровне большого числа документов — старославянских, русских, польских и др., сопровождаемых компетен-

тными комментариями, с помощью которых был внесен ценный вклад в изучение средневековой истории княжеств Молдавии и Валахии. Наиболее важными из его публикаций являются «Древние молдавские летописи до Уреке» (1891), «Неизвестные летописи, касающиеся истории румын» (1895), «Документы времени Штефана Великого» (1913)¹³ и др.

В работах Богдана проявились элементы материалистической интерпретации, стремление к выявлению социальной структуры общества, классового характера исторических событий. Подчеркивая роль народных масс в истории, проявляя симпатию к крестьянам, Богдан осуждал действия бояр.

В начале 90-х годов XIX в. начинается научная деятельность **Николае Йорги** (1871—1940), который позже стал одной из наиболее ярких фигур в румынской историографии. Он был широко известен далеко за пределами Румынии. Йорга был учеником Ксенопола, учился в Париже, Берлине, Гейдельберге, Лейпциге. В 1894 г. он стал профессором Бухарестского университета. Он создатель Института юго-восточных европейских исследований (1914).

Библиография трудов Йорги насчитывает 1003 книги, 12 755 статей и 4963 рецензии¹⁴. В их число входят работы по истории Румынии и всеобщей истории, а также по истории литературы. Историческая концепция Йорги была идеалистической и эклектичной. Движущей силой истории он считал духовное начало, включающее, по его мнению, особые свойства расы и чувство национальной общности, которые являются постоянными факторами. Йорга недооценивал классовое расчленение феодального общества.

Йорга издал многочисленные документы, извлеченные из зарубежных архивов. Они основательно обновили документальную базу исследований по истории

¹³ *Bogdan I. I. Vechile cronici moldovenesti pînă la Ureche București, 1891; idem. Cronice inedite atingătoare de istoria romanilor. București, 1895; idem. Documentele lui Stefan cel Mare. București, 1913. V. 1—12.*

¹⁴ *Enciclopedia istoriografiei românești. București, 1978. P. 183.*

¹² *Onciul D. I. Scrieri istorice. București, 1968. V. 1. P. 560—715, 131—260.*

Румынии. Первый крупный и обобщающий труд Йорги по истории Румынии «История румынского народа в рамках его государствообразования»¹⁵ был написан по предложению Лампрехта и вышел в 1905 г. на немецком языке. В 1907 г. в Лондоне была опубликована его «Византийская империя», а в 1908—1913 гг. в Готе — пятитомная «История Османской империи» и много других крупных работ, посвященных истории Румынии, балканских государств, крестовых походов и т. д.

В своих трудах Йорга стремился связать историю Румынии с историей других стран и народов Европейского континента. Много из того, что сделал Йорга в рассматриваемый период в смысле издания источников, ликвидации белых пятен в исторической науке, постановки важных исследовательских проблем, выдвижения оригинальных точек зрения, вошло в фонд не только румынской, но и европейской историографии.

Принципиально важное значение для развития румынской историографии имело зарождение в Румынии марксистской исторической мысли. Ее первые шаги связаны с именами **Константина Доброджану-Геря** (1855—1920), **Иоана Нэдежде** (1854—1928) и других социалистов, которые пропагандировали в рабочей прессе учение марксизма, пытались применять его к анализу исторического прошлого Румынии.

Нэдежде написал несколько небольших работ, посвященных истории права и некоторым деятелям феодальной Молдавии. В начале XX в. он порвал с рабочим движением и перешел в ряды либеральной партии. Что касается работ Доброджану-Геря, то они оказали более серьезное влияние на общественно-политическую мысль страны. Речь идет о таких его работах, как «Чего хотят румынские социалисты?» (1886), «Материалистическая концепция истории» (1892)¹⁶. В них автор пропагандировал материалистическое понимание истории и теорию классово-борьбы.

¹⁵ *Iorga N. Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildungen. Gotha, 1905. V. 1—2.*

¹⁶ *Dobrogeanu-Gherea C. Concepția materialistă a istoriei // Opere complete. București, 1976. V. 2. P. 213—244.*

В начале XX в. Доброджану-Геря написал еще несколько работ, среди которых самая крупная — «Неокрепостничество. Экономико-социологическое исследование нашей аграрной проблемы»¹⁷. Аграрные отношения рассматривались им на фоне социально-экономического и политического развития Румынии конца XIX — начала XX в. Однако, определив аграрный строй страны как неокрепостнический, Геря допустил ошибку. Он весьма противоречиво оценивал в этой работе характер социально-экономического развития Румынии: то утверждал, что в ней развивается капитализм, то заявлял, что страна «не вышла еще из стадии средневекового развития».

Геря абсолютизировал значение влияния капиталистических государств Запада на Румынию, считая, что важнейшие социальные и политические события произошли исключительно благодаря воздействию на нее развитых западных стран. Он отрицал необходимость революции, высказываясь за эволюционный путь развития страны.

Вклад в марксистскую интерпретацию новой истории Румынии внес один из видных руководителей рабочего и социалистического движения Румынии начала XX в. — **Христиан Раковский**. Он автор брошюры «Сорок лет нищеты, рабства и позора»¹⁸, выпущенной по случаю юбилея правления румынского короля, а также работы, посвященной истории румынской олигархии¹⁹.

Главные темы исследований. Румынские историки сосредоточили основное внимание на изучении тех процессов и событий национальной истории, которые стали важнейшими вехами на пути зарождения и развития единого Румынского государства.

Одним из наиболее дискутируемых вопросов в румынской историографии

¹⁷ *Dobrogeanu-Gherea C. Neoibăgia. Studiu economico-sociologic al problemei noastre agrare // Opere complete. București, 1977. V. 4.*

¹⁸ *Patruzezi de ani de sărăcie, de robie și rușine. Galați, 1906.*

¹⁹ *Racovski C. Din reginul arbitrariului și lasității (Contribuții la istoria oligarhiei române). București, 1909.*

исследуемого периода был вопрос о характере восстания 1821 г. под руководством Т. Владимиреску. Первая крупная работа на эту тему «История румынской революции 1821 г.» опубликована в 1874 г. Ее автор — Константин Д. Арическу. События 1821 г. представлены им только как борьба против греков-фанариотов, грабежами доведших народ до отчаяния. Наиболее распространенной была концепция А. Ксенопола, согласно которой Т. Владимиреску почти с самого начала преследовал цель освобождения крестьян от боярского ига, и лишь позднее направление движения изменилось, восстание приобрело национально-освободительный характер. В трудах Йорги Т. Владимиреску представлен как «защитник бедных». Проводя эту идею, Йорга не учитывал факты, свидетельствующие о связи Т. Владимиреску с греческой Гетерией и об антиосманской направленности его движения.

Другим крупным событием, привлечшим внимание историков, была революция 1848 г. Трансильванский общественный деятель и историк Д. Барициу посвятил ей один из трех томов «Избранных страниц истории Трансильвании за двести лет» (1889—1891). Считая революцию 1848 г. в Трансильвании составной частью европейской революции, Барициу усматривал причину ее возникновения в феодальной эксплуатации крестьян и «духовном крепостничестве», под гнетом которого находилось национальное большинство Трансильвании. По мнению Ксенопола, революция 1848 г. явилась «делом либеральной партии», которая всеми средствами старалась способствовать осознанию народными массами своего положения. Трансильванскую революцию Ксенопол объяснял преимущественно теми же причинами, что и Барициу.

Йорга осветил события 1848 г. в ряде работ, в том числе в «Истории румын Трансильвании и Венгрии» (1906, 1915). По его мнению, революции, как таковой, ни в Молдове, ни в Валахии не произошло. Были лишь волнения, вызванные революцией во Франции. Только в Трансильвании он допускал наличие «внутреннего фактора» — «социальное недовольство миллиона румынских крестьян». В целом буржуазная историография, освеща-

1848 г., не вышла за пределы описательства, простого воссоздания хода событий. Ей не удалось правильно определить главную причину и движущую силу событий 1848 г.

Объединение Молдовы и Валахии в 1859 г. по праву рассматривается в историографии как одно из важных событий в истории румынского народа. Наибольшего внимания заслуживают работы А. Д. Ксенопола «Правление Куза-Водэ» (1903) и Н. Йорги «История объединения княжеств» (1909). Как и большинство румынских исследователей, они рассматривали объединение княжеств в культурном и политическом аспектах, не выявляя его социально-экономических корней. В такой трактовке объединение представляется в большей мере как результат действия ограниченного круга энтузиастов и благоприятной внешнеполитической обстановки, в частности содействия Наполеона III.

9 мая 1877 г. Румыния провозгласила свою независимость от Турции и выступила на стороне России в начавшейся русско-турецкой войне 1877—1878 гг. О войне за независимость написаны сотни книг, статей, брошюр как историками, так и военными, дипломатами, политическими деятелями. Было опубликовано множество мемуаров непосредственных участников военных действий. Оценки, содержащиеся в книге А. Д. Ксенопола «Войны между русскими и турками и их влияние на румынские княжества» (1880), несут отпечаток обострившихся после 1878 г. русско-румынских отношений.

Подробная информация о военных действиях, русско-румынских отношениях, румынской армии содержится в труде коллектива авторов «История войны 1877—1878. Участие румын в этой войне» (1897).

Н. Йорга в годы первой мировой войны издал ряд работ, посвященных внешней политике Румынии в 70-х годах. Они написаны с учетом тогдашней ориентации страны на Антанту. В целом для румынской историографии рассматриваемого периода характерны игнорирование того факта, что только вооруженная поддержка со стороны России предопределила успешный исход освободительной борьбы румын, недооценка вклада народных масс в войну за независимость. Вне поля зрения исто-

риографии остались социально-экономические аспекты войны.

К началу XX в. в румынской историографии наблюдалось возрастание интереса к социальной тематике. Объяснялось это прежде всего вниманием к эволюции аграрных отношений в стране. Многочисленные феодальные пережитки, сохранившиеся в румынской деревне, препятствовали развитию страны, усугубляли тяжелое положение крестьян. Доведенные до отчаяния, в 1907 г. они восстали. Развернувшаяся в румынской историографии полемика отражала сложившуюся социально-политическую ситуацию и интересы различных классов.

Крупным историком либерального направления, выступившим по этой проблеме, был **Раду Росетти** (1848—1910), им опубликованы работы «Земля, крестьяне и землевладельцы в Молдавии» (1907), «Почему восстали крестьяне» (1907). Считая, что главным виновником восстания крестьян в 1907 г. являлись «эгоизм, жадность и наглость, беззаботность правящего класса», он выступил за ограничение крупной земельной собственности и передачу крестьянам за выкуп около 60% помещичьих земель.

Видный представитель консервативного направления **Георге Пану** (1848—1910) опубликовал в 1910 г. работы «Исследование о положении крестьян в прошлом» и «Попытка исторической мистифи-

кации», где в полемике с Р. Росетти он старался доказать «историческое право» существования помещичьей собственности (изначально не крестьянская, считал он, а помещичья собственность). Схожие выводы сделал К. Джуреску. По его мнению, крепостничество в Дунайских княжествах явление не новое; оно якобы наблюдалось и до XIV в. Однако К. Джуреску, как и Г. Пану, не учитывал факт широкого распространения в средневековые свободных крестьянских общин и преувеличивал степень распространения крепостничества. Экономической стороне аграрного вопроса посвящены работы В. Когэлничану, Г. Д. Крянгэ и других авторов.

Итак, конец XIX — начало XX в. были для румынской историографии периодом ее становления как науки. Она прошла путь от разрозненных исследований отдельных ученых до первых крупных обобщающих трудов, основанных на широкой источниковой базе и представлявших целостную концепцию национальной истории. В это время формировались как ученые и творили такие крупнейшие историки европейского масштаба, как Б. П. Хасдеу, А. Д. Ксенопол и Н. Йорга. Они так же, как и многие другие, внесли вклад в разработку проблем всеобщей истории. С конца XIX в. начинает развиваться марксистская историческая мысль.

Глава 13

Болгарская историография в XIX — начале XX века

Возникновение болгарской историографии связано с процессом национального возрождения. Главными его чертами были формирование нации, национальной культуры и идеологии. Основу этого процесса, как и в других славянских странах, составляли глубокие социально-экономические изменения, вызванные переходом от феодализма к капитализму. Основной задачей болгарского народа стала борьба против османского ига и ассимиляторской

политики высшего греческого духовенства, сосредоточившего в своих руках власть над болгарской церковью.

Представители болгарской интеллигенции получали образование за границей и продолжали свою деятельность большей частью вне Болгарии — в Валахии, Молдове, России. Все это оказывало существенное влияние на развитие исторической мысли. Она становилась важным звеном национально-освободительной идеологии.

Историография первого периода национального возрождения. Исторические сочинения первой половины XIX в. несли на себе печать романтизма с его повышенным интересом к далекому прошлому. У болгар, как и у других славянских народов, романтизм был насыщен идеями сопротивления иноземному игу. На развитие болгарской историографии оказали влияние также идеи Просвещения с присущими им требованиями рационалистической критики, эмансипации личности и ликвидации невежества. В Болгарии Просвещение и романтизм сосуществовали в своеобразном единстве при постоянном преобладании романтических идей.

Основателем романтического направления был **Паисий Хилендарский** (1722—1773), написавший «Историю славяно-болгарскую» (1762). Воспринимая историю как нравоучительную дисциплину, он предпослал своей книге вступление «О пользе истории». Далее шло предисловие «К тем, которые хотят прочитать и услышать», имевшее ярко выраженную патристическую окраску. Важнейшим в книге является раздел «Собрание историческое о болгарском народе», в котором рассматривался период с древнейших времен до утраты Болгарией независимости в конце XIV в. Паисий пытался выяснить причины завоевания Болгарии османами, воспринимая его как национальную трагедию.

Все изложение Паисий подчинил цели показать величие болгарского народа в прошлом и пробудить национальную гордость. Национально-патристическая и гуманистическая направленность его работы оказала влияние на последующее развитие болгарской историографии. «История славяно-болгарская» расходилась в списках и компиляциях по всей стране.

Продолжателем дела и традиций П. Хилендарского был болгарский просветитель **Софроний Врачанский** (1739—1813). Опасаясь преследования османских властей, он покинул в 1803 г. Болгарию и до конца жизни оставался в Валахии. Здесь Софроний пропагандировал идею освобождения Болгарии с помощью России.

Наиболее значительным его сочинением является написанная в 1803—1805 гг. на живом, доступном народу языке автобиография «Житие и страдания грешного

Софрония». В ней содержатся ценные сведения о социальном, культурном и духовном развитии болгарского народа в условиях османского ига. Хотя в труде Софрония еще нет отчетливо сформулированной идеи сопротивления иноземному гнету, все его содержание подводило читателя к ней. Впервые «Житие» было опубликовано в 1861 г. в газете «Дунавски лебед».

Значительное воздействие на развитие болгарской историографии оказала книга сербского историка Й. Ранча «История разных славянских народов». В 1801 г. А. Нескович переработал и издал в Будапеште часть этой книги, касающуюся болгарской истории, используя при составлении компиляции и русский «Синописис». Эта компиляция до 1844 г. была переиздана трижды. В 1835 г. в Белграде Х. Павлович напечатал «Сокращенную болгарскую историю», также основанную на труде Ранча.

Делавшая первые шаги болгарская историография испытывала влияние русской славистики. Особенно важными для развития болгарской историографии были работы Юрия Ивановича Венелина, в которых шла речь о славном прошлом славянских народов. Сочинения Венелина — «О зародыше новой болгарской литературы» (1838) и «Критические исследования об истории болгар» (1849) — были переведены на болгарский язык.

Особенно воздействовали труды Венелина на формирование мировоззрения **Васила Априлова** (1789—1847), который поддерживал с ним тесные контакты. Априлов был представителем романтического направления. С 1811 г. он жил в Одессе. Основные его работы посвящены средневековью и национальному возрождению. Они сыграли большую роль в росте национального самосознания болгар. Первая работа Априлова «Болгарские книжники, или Какому славянскому племени принадлежит кирилловская азбука?», опубликованная в 1841 г. на русском языке, а затем переведенная на болгарский, носила полемический характер. Опираясь на данные источников и сочинения Ранча, Добровского и др., Априлов стремился доказать, что болгары среди славянских народов приняли крещение первыми, а Кирилл и Мефодий, будучи болгарскими по проис-

хождению, перевели богослужебные книги на болгарский язык.

Наиболее значительное сочинение Априлова — «Денница новоболгарского образования» (1841), большая часть которого посвящена истории просвещения в период национального возрождения. Априлов опубликовал также средневековые «Болгарские грамоты» (1845).

Историческая наука в 50—70-е годы XIX в. На 50—70-е годы приходится высший этап национального возрождения в Болгарии. Ускорились процессы развития капиталистических отношений и национальной идеологии. Освободительное движение организационно оформилось и достигло апогея в Апрельском восстании 1876 г. Все больший размах приобретало культурно-просветительское движение. Появились первые болгарские научно-просветительские общества. Одним из них было образованное в 1869 г. Болгарское научное общество в Браиле (Румыния). Оно выпускало «Периодический журнал» («Периодическо списание»; 1870—1876) и объединяло болгарских ученых, которые работали, как правило, в эмиграции. Важным положительным фактором формирования болгарской историографии в этот период оставалось воздействие русской исторической науки.

В развитии болгарской историографии участвовали ученые и других славянских народов. Так, чешский историк Константин Иречек издал на чешском и немецком языках «Историю болгар» (1876), переведенную на русский, а затем и болгарский языки. Помимо политической истории в этой книге освещено социально-экономическое и культурное развитие Болгарии. Большое внимание Иречек уделил периоду османского владычества и возрожденческим процессам. В первой половине 80-х годов он работал в Болгарии, где написал ряд трудов по ее исторической географии.

Одним из представителей болгарской и российской историографии того времени был **Спиридон Николаевич Палаузов** (1818—1872). Он получил образование в России и Германии. С конца 40-х годов XIX в. Палаузов работал в Петербурге и был близок к славянофилам. Свои работы он опубликовал главным образом на русском языке. Его научное творчество

было посвящено средневековой истории Болгарии. В сочинении «Век болгарского царя Симеона» (1852) Палаузов воссоздал картину политической и культурной жизни Болгарии VII—X вв. Время правления Симеона (конец IX — первая треть X в.) он характеризовал как эпоху расцвета страны. Основанный на болгарских, византийских и западноевропейских источниках, его труд был одним из первых научных сочинений по истории Первого Болгарского царства.

Преимущественным интересом к политической и духовной истории отличались и другие работы Палаузова, в том числе те, которые посвящены Второму Болгарскому царству. Он ввел в научный оборот ряд важных источников по истории средневековой Болгарии, в частности опубликовал в 1855 г. «Синодик царя Еориса». Палаузов проявлял интерес также к историческому прошлому болгарской церкви, особенно к тому периоду, когда она не зависела от греческой. Это было его откликом на борьбу болгар за национальную церковь.

Самым крупным представителем буржуазной исторической науки Болгарии XIX в. был **Марин Дринов** (1838—1906). Он учился в России, более 30 лет преподавал в Харьковском университете. Дринов организовал и длительное время возглавлял Болгарское научное общество. В период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он являлся сотрудником Русского гражданского управления в Болгарии, заведовал Отделом просвещения и духовных дел.

Главный предмет исследования Дринова — история средневековой Болгарии. В его сочинениях «Взгляд на происхождение болгарского народа» (1869) и «Заселение Балканского полуострова славянами» (1873) обоснована концепция образования болгарской народности. Опираясь на исторические, лингвистические и фольклорные данные, он подчеркивал огромную роль славянского элемента в этом процессе и в то же время учитывал влияние других этнических компонентов — местного (балканского) и пришлого (протоболгарского). Историю появления славян на Балканах Дринов рассматривал в рамках II — середины VII в. Его построения, не учитывав-

шие социально-экономических и классовых факторов, оставались идеалистическими.

В работе «Южные славяне и Византия в X веке» (1876) Дринов показал усиление роли и влияния Болгарии на Балканах, выявил причины антивизантийской направленности ее политики в тот период. Им была также исследована история богомильского движения. Основываясь на источниках как богомильских, так и антибогомильских, Дринов сделал вывод о социальной направленности этого движения, что существенно отличало его точку зрения от ранее бытовавших в исторической науке.

Большое место в творчестве Дринова занимали проблемы национального возрождения болгарского народа. В работе «Отец Паисий, его время, его История и его ученики» (1871) он не только выяснил место и роль П. Хилендарского в болгарском возрождении, но и определил начало этого процесса, его этапы. В ряде работ, особенно в «Историческом обозрении болгарской церкви с самого ее начала и до сегодняшнего дня» (1869), Дринов осветил историю болгарской церкви и убедительно доказал ее право на независимое от греков существование.

В научной деятельности Дринова четко выделяется период, когда им были созданы фундаментальные труды по болгарской истории. Они были шагом вперед по пути критического анализа комплекса различных источников. В целом же творчество Дринова оставалось в рамках романтического направления.

Становление революционно-демократического направления. Подъем национально-освободительного движения в Болгарии в 60—70-е годы XIX в. имел решающее значение для зарождения революционно-демократического направления в болгарской исторической науке. Представители его, не будучи историками-профессионалами, уделяли большое внимание проблемам истории в своей публицистике.

У истоков революционно-демократического направления стоял **Георгий Раковский** (1821—1867). Он учился в Константинополе, принимал активное участие в национально-освободительной борьбе. В Белграде им издавались газеты «Болгарска дневница» (1857), «Дунавски ле-

бед» (1860—1861) и в Бухаресте «Будущность» (1864). Острая публицистичность и патриотическая направленность его работ отвечали целям национально-освободительной борьбы.

В Белграде было опубликовано сочинение Раковского «Несколько слов об Асене Первом, великом царе болгарском и сыне его Асене Втором»¹. В других работах уделялось внимание проблемам османского господства и национального возрождения. Он обращался также к истории церкви, обосновывая право болгар на независимую церковь. Опирался Раковский в основном на источники болгарского происхождения, считая их самыми достоверными. Роль и значение зарубежных источников он недооценивал, нередко идеализировал прошлое болгарского народа.

Выдающимся представителем революционно-демократического направления был **Любен Каравелов** (около 1834—1879 гг.) — писатель и публицист, один из руководителей национально-освободительного движения. Образование он получил в России. Большое влияние оказали на него русские революционеры-демократы. Находясь в Румынии, он издавал газеты «Свобода» (1869—1874) и «Независимость» (1873—1874). Каравелов обращался к истории в большинстве своих публицистических выступлений.

В Москве он опубликовал сборник «Памятники народного быта болгар» (1861), в котором были собраны этнографические материалы, необходимые для изучения прошлого болгарского народа. В работе «Кирилл и Мефодий» (1875) Каравелов писал о деятельности создателей славянской письменности. Впервые в болгарской историографии им были рассмотрены социально-экономические, политические и духовные факторы национального возрождения. Особенно активно Каравелов занимался проблемами национально-освободительной борьбы, выделив и охарактеризовав ее основные этапы.

Историческая наука после освобождения Болгарии. Освобождение Болгарии

¹ Раковский Г. С. Несколько речи о Асению първому, великому царю българскому и сыну му Асению второму. Белград, 1860.

от османского ига в 1878 г. создало благоприятные условия для развития исторической науки. Болгарское научное общество, перенесшее в 1882 г. свою деятельность из Браилы в Софию, и Народная библиотека, открытая в столице в 1878 г., заложили основы организационной структуры исторической науки.

Ряд сдвигов качественного и структурного характера, обусловивших вступление болгарской исторической науки в новый этап развития, произошел на рубеже 80—90-х годов XIX в. В это время наметилась тенденция к преодолению романтизма. Становление капиталистических отношений, культурный подъем, опиравшийся на традиции национального возрождения, создавали условия для развития исторических исследований и благоприятную почву для восприятия некоторых популярных в европейской исторической мысли философско-методологических воззрений, прежде всего позитивизма. Заметное воздействие на болгарскую историографию оказали труды Г. Бокля, К. Лампрехта и И. Тэна.

В конце XIX — начале XX в. оформились организационные основы исторической науки. Если первоначально единственным институтом, объединявшим исследователей прошлого, было Болгарское научное общество (с 1911 г. — Болгарская академия наук — БАН), то с созданием в 1888—1889 гг. Высшего училища (с 1904 г. — Софийский университет) главным центром исследований становится его историко-филологический факультет.

В 1901 г. образовалось Историческое общество, главной целью которого была популяризация исторических знаний. Происходило становление музейного и архивного дела; были открыты Народный музей в Софии (в 1906—1909 гг. из него выделились Археологический и Этнографический музеи), Археологический музей в Пловдиве, музейные коллекции при археологических обществах в Варне, Стара-Загоре и других городах, Военно-исторический архив, документальные собрания Народной библиотеки, БАН, Археографической комиссии.

Научная периодика в основном была представлена изданиями этих учреждений. С 1882 по 1911 г. продолжал выхо-

дить орган Болгарского научного общества «Периодическое списание». Его заменили «Журнал» («Списание») и «Сборник» историко-филологического отделения БАН. С 1889 г. издавался «Сборник о народном творчестве, науке и литературе» («Сборник за народни умотворения, наука и книжовност»). С 1905 г. выходили «Известия» Исторического общества. Свои издания выпускали археологические общества в Софии и Варне. Авторитетным научным органом стал «Ежегодник» («Годишник») Софийского университета, издававшийся с 1905 г.

Болгарская историография в конце XIX — начале XX в. В центре внимания историографии этого времени находились проблемы болгарского возрождения. Первым к их изучению обратился **Захарий Стоянов** (1851—1889). Активный участник национально-освободительного движения, он сформировался как историк в первые годы после освобождения страны от османского ига. В его сочинениях, большинство которых написано по горячим следам событий, ощущается влияние романтизма. В то же время методика исследования, приемы оценки и анализа источников говорят о знакомстве Стоянова с позитивистской историографией.

Главный труд Стоянова — «Записки о болгарских восстаниях» (в 3 т.; 1884—1892). Умело соединяя личные впечатления с обширным документальным материалом, Стоянов создал объективную картину Апрельского восстания 1876 г. Он высоко оценил героизм народных масс, показал предательские действия представителей крупной буржуазии — чорбаджиев. Однако классовая и методологическая ограниченность не позволили Стоянову увидеть социальную суть восстания, выявить в полном объеме его общественно-экономические предпосылки.

Стоянов — автор ряда очерков о видных представителях болгарского национально-освободительного движения 60—70-х годов. Ему принадлежит заслуга введения в научный оборот обширного материала о их деятельности. В последние годы жизни на творчество Стоянова наложил сильный отпечаток его переход с революционно-демократических позиций на платформу буржуазного либерализма. В био-

графии Х. Ботева² (1886) Стоянов пытался затушевать революционный характер его деятельности, изобразить великого болгарского поэта лишь как борца за национальную идею, за создание буржуазного государства. Однако эта не завершенная Стояновым книга стоит особняком в его наследии. Большинство произведений Стоянова проникнуто верой в революционные возможности болгарского народа, преклонением перед подвигом его лучших сынов.

Прогрессивные традиции Стоянова продолжил **Димитр Страшимиров** (1868—1939), чьи научные интересы также были сосредоточены на событиях национально-освободительного движения 60—70-х годов. Он поставил задачу изучения литературного наследия и воззрений болгарских революционеров-демократов и сам взялся за ее реализацию. В первой своей работе о Х. Ботева как поэте и журналисте (1897) он опирался на фактический материал, собранный Стояновым, но уже в начале XX в. сам приступил к разысканию источников. Страшимиров опрашивал свидетелей событий, проверял их воспоминания, собирал документы из личных архивов участников национально-освободительного движения.

Результатом этой деятельности стала «История Апрельского восстания»³. В первом томе рассматривались причины и предпосылки восстания, во втором — его подготовка, в третьем — ход восстания и его подавление. Наиболее пристальное внимание автора привлекла деятельность «апостолов» восстания. Страшимиров подчеркивал, что Апрельское восстание было итогом длительного развития болгарского общества. Признавая решающее значение «материальных сил», он в целом правильно определил многие причины восстания, но видел в нем лишь проявление национально-освободительной борьбы. Эти материалы заложили основу источниковой базы для изучения болгарского национального возрождения.

Крупнейшей фигурой в исторической науке Болгарии в конце XIX — начале XX в. был **Иван Шишманов** (1862—1928). Велика его роль как организатора науки: Шишманов был одним из основателей Софийского университета, инициатором издания ряда научных журналов. Занимая высшие посты в Министерстве народного просвещения, он отстаивал демократические принципы образования, а в 1907 г. подал в отставку в знак несогласия с реакционной политикой князя Фердинанда.

Шишманова привлекали проблемы национального возрождения, болгарской и европейской культуры в самом широком аспекте. Его статья о П. Хилендарском (1914) впервые представила болгарское возрождение на широком общеевропейском фоне. Коренными причинами духовного подъема болгарского народа автор считал глубокие внутренние сдвиги в обществе (в частности, и в его социально-экономическом развитии); приведшие к зарождению национальной буржуазии. В то же время Шишманов, рассматривая предпосылки болгарского возрождения, не придавал его материальным факторам определяющего значения. В ряде работ он подробно рассмотрел отдельные аспекты русско-болгарских научных и культурных связей в эпоху национального возрождения, раскрыл их благотворное влияние на развитие болгарского просвещения и культуры.

Ведущее место в болгарской медиевистике конца XIX — первой трети XX в. занимал **Васил Златарский** (1866—1935). Велики его заслуги в создании организационных основ болгарской историографии. Он активно участвовал в научной и издательской деятельности историко-филологического отделения БАН и историко-филологического факультета Софийского университета, с 1911 г. возглавлял Историческое общество.

В творчестве Златарского удачно сочетались традиции изучения болгарского средневековья, заложенные С. Н. Палаузовым, М. С. Дриновым и К. Иречком, опыт русского славяноведения и владение принципами критического анализа источников, разработанными немецкими византистами. Главной своей задачей Златарский считал создание «Истории Болгар-

² Стоянов З. Христо Ботев. Опит за биография. София, 1946.

³ Страшимиров Д. История на Апрельското възстание. Пловдив, 1907. Т. 1—3.

ского государства в средние века». Он начал с выявления и интерпретации источников, что имело большое самостоятельное значение. Первая часть первого тома «Истории» (1918), охватившая период с VII до середины IX в., положила начало созданию концепции раннего периода болгарской истории.

Восстанавливая хронологический ряд событий раннесредневековой истории Болгарии, Златарский сумел создать картину политической истории Первого Болгарского царства до принятия христианства. Он почти не обращался к социально-экономическим сюжетам, на втором плане в его труде оказалась и проблема развития культуры. Однако как подробный очерк политической истории раннесредневековой Болгарии эта книга Златарского до сих пор не утратила своего значения.

Становление марксистской историографии. Важной новой чертой развития болгарской исторической науки в конце XIX — начале XX в. было становление марксистского направления. Начало ему положил основатель Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) **Димитр Благоев** (1856—1924). Уже в своей первой крупной работе «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?» (1891) он дал характеристику развития и смены общественно-экономических формаций в болгарских землях, обосновал закономерность перехода от феодализма к капитализму, проанализировал начавшееся капиталистическое развитие страны и указал на появление пролетариата.

В цикле статей «Из прошлого болгарского народа» (1897—1898) Благоев, обратившись к средневековой истории, подробно остановился на возникновении древнеболгарской народности, формировании слоя зависимых крестьян, положении народных масс, их отношении к государственной власти и церкви. Вывод о том, что Болгария, подобно другим странам, прошла феодальную стадию развития, был сделан им в то время, когда буржуазные историки отрицали наличие феодального способа производства и классовой борьбы в средневековой Болгарии.

В ряде работ Благоев рассмотрел основные проблемы новой истории Болгарии. Он датировал начало национального воз-

Д. Благоев

рождения серединой XVIII в., но считал, что материальные условия развития национально-освободительного движения стали складываться лишь в начале XIX в. Просветительское движение и борьбу за независимую болгарскую церковь Благоев оценивал как выражение интересов развивавшейся торгово-промышленной буржуазии.

Значительное внимание Благоев уделил социально-экономической проблематике. Он рассмотрел развитие земледелия и ремесла, процесс концентрации собственности, возникновение и утверждение промышленного производства, формирование пролетариата. Конкретно-исторический анализ позволил ему сделать принципиально важный вывод о том, что в последней четверти XIX в. Болгария прочно вступила на путь капиталистического развития. Благоев оценил воссоединение Северной и Южной Болгарии в 1885 г. как прогрессивное, показал характер и значение для Болгарии Балканских войн 1912—1913 гг., а также первой мировой войны, которую определил как империалистическую.

В исследовании «К истории социализма в Болгарии»⁴ и ряде других работ Благоев дал анализ условий возникновения и выработки программных установок социал-демократического движения в стране, остановился на истории создания и развития БРСДП, вскрыл объективные и субъективные причины разногласий в

⁴ Благоев Д. Приносъ към историята на социализма въ България. София, 1906.

среде социалистов. На основе партийной документации и прессы, материалов личного архива и собственных воспоминаний он показал мелкобуржуазный характер оппортунистического «общеделевского» течения в партии, борьбу революционных сил за крепость ее рядов, причины образо-

вания в 1903 г. партии «тесных социалистов»:

Под влиянием Благоева формировались взгляды Х. Кабакчиева, Г. Димитрова и В. Коларова, внесших впоследствии значительный вклад в создание марксистской концепции истории Болгарии.

Глава 14

Югославянская историография в XIX — начале XX века

Исторические судьбы югославянских народов были весьма различны, что не могло не сказаться на развитии их национальной историографии. Сербы, черногорцы, босняки и герцеговинцы оказались под гнетом Османской империи, словенцы и хорваты — под властью Габсбургов. Начавшееся в конце XVIII в. национальное возрождение югославянских народов сопровождалось подъемом их освободительного движения.

В результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Сербия и Черногория обрели независимость. Но историческая задача национального освобождения всех югославянских народов и создания объединенных независимых государств не была решена. Буржуазными идеологами выдвигались и обосновывались различные проекты решения этих проблем. Наряду с великосербской и панхорватской концепциями развивался и югославизм — идея объединения всех югославянских народов в одно государство на федеративной основе.

Историография была важным идейным оружием освободительного движения в югославянских землях на всех этапах его развития. Моральная и материальная поддержка со стороны России обусловила тесные связи югославянской исторической науки с русской.

Сербская историография. На развитие сербской исторической науки заметное воздействие оказала просветительская идеология. Большинство историков первой половины XIX в. были выходцами из Вое-

водины, имевшей в Габсбургской монархии автономию. Другим центром развития науки с 30-х годов становится Сербия, которая добилась при поддержке России статуса автономного княжества.

У истоков сербской историографии стоит **Йован Раич** (1726—1801), получивший образование в России. Влияние русской науки заметно сказалось на его творчестве. В 1768 г. он завершил «Историю разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов» (Вена, 1794—1795. Т. 1—4), первый том которой был опубликован и в России. Изложение событий и фактов, пронизанное национально-патриотическим чувством, Раич довел до XVIII в. Он пытался представить историю южных славян как единое целое, уподобляя общество человеческому организму. О значении сочинений Раича говорит тот факт, что до 60-х годов XIX в. на основании извлечений из них писались почти все сербские работы по истории.

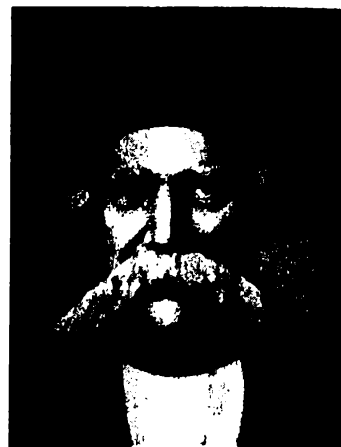
Начало развития сербской буржуазной историографии связано с именем **Вука Стефановича Караджича** (1787—1864) — выдающегося ученого-самоучки. Его поездка в 1819 г. в Россию, знакомство с Н. М. Карамзиным и кружком Н. П. Румянцева пробудили в нем интерес к национальной истории. Караджич написал очерки о Первом сербском восстании (1804—1813), участником которого являлся, биографии 13 виднейших деятелей этого восстания. В Петербурге была издана его книга «Жизнь и подвиги Милоша Обреновича»

(1825). Немаловажное значение для развития исторической науки в Сербии имело сотрудничество Караджича с немецким историком Л. Ранке, результатом которого явилась книга «Сербская революция»¹, вышедшая на немецком и переведенная на сербский и русский языки.

Заметное влияние на развитие сербской историографии оказали поездки в южно-славянские земли русских ученых-славистов (В. И. Григоровича, А. Ф. Гильфердинга и др.) и их работы, а также монография Н. А. Попова «Россия и Сербия» (1869), вскоре переведенная на сербский язык.

Представителем романтической школы в сербской историографии был **Панта Сречкович** (1834—1903). Он получил образование в России. Им была основана в 1882 г. в Высшей школе в Белграде первая кафедра сербской истории. Сречкович утверждал, что история призвана воспитывать национальные патриотические чувства. Он широко использовал в качестве источников народные предания, сербский героический эпос, не всегда относясь к ним критически.

В 60—70-е годы XIX в. в сербском освободительном движении возникло революционно-демократическое течение. Зачинателем его был Ж. Жуёвич, а наиболее выдающимся представителем **Светозар Маркович** (1846—1875). Впервые в сербской историографии Маркович выдвинул задачу изучения жизни и быта крестьян. Он считал народные массы двигателем исторического прогресса. «Экономические отношения, которые обеспечивают материальное бытие,— писал Маркович,— являются самыми важными». Он указывал на необходимость «изучать историю общественной борьбы, связанной с собственностью, т. е. историю экономических и социальных переворотов». История является, по его мнению, «выражением экономических законов, которые управляют материальными человеческими интересами»².

В. С. Караджич

Маркович первым ввел в сербскую историографию понятие классовой борьбы и общественно-экономической формации. Наиболее концентрированное выражение революционно-демократические идеи получили в его книге «Сербия на востоке»³. Маркович был страстным пропагандистом революционного пути решения насущных задач социального и национального освобождения балканских народов. Он являлся первым социалистом не только в Сербии, но и на Балканах.

В Сербии после освобождения складывались более благоприятные, чем в других югославянских землях, условия для развития исторической науки. Демократические традиции, обусловленные социальной структурой общества (в первую очередь отсутствием помещиков), повлияли на весь процесс развития культуры. На базе Научного общества в 1886 г. была основана Сербская академия наук и искусств, а в 1905 г. Высшая школа была преобразована в Белградский университет. Академические и университетские издания отводили большое место работам по истории. Большую роль в развитии исторической науки играли издания Матицы сербской — культурно-просветительного общества сербского народа с центром в Нови Саде.

Основоположителем критического направления в сербской историографии, пришедшего на смену романтизму, был

¹ *Ranke L.* Die Serbische Revolution. Aus Serbischen Papieren und Mittheilungen. Hamburg, 1829.

² *Маркович Св.* Избр. соч. М., 1956. С. 813, 838.

³ *Марковић С.* Србија на истоку. Нови Сад, 1872.

Иларион Руварац. За резкую критику представителей романтизма его называли «разрушителем традиций». Свою деятельность ученого он основывал на принципе: исторической истиной может быть только то, что подтверждается всесторонне проверенными источниками.

Наиболее значительным представителем критического направления был **Стоян Новакович** (1842—1915). Заметный след в развитии сербской историографии оставили его публикации документов: «Законник Стефана Душана» (1870 и 1898), «Законодательные памятники сербских государств в средние века» (1912) и др. Новакович первым приступил к классификации источников и изданию сводов документальных материалов. Его интересовали как средневековые сюжеты, так и история нового времени. К столетию Первого сербского восстания вышли его работы «Восстание против дахийцев в 1804 году» и «Возрождение Сербского государства». Большой интерес представляет его исследование «20 лет конституционной политики в Сербии. 1883—1903 гг.» (1912). Новакович оставался на позициях идеалистического понимания истории.

Представители критического направления не создали обобщающих трудов по новой истории. Исключением можно считать краткий исторический очерк **Станое Станоевича** (1874—1937).

В 1908 году, в разгар Боснийского кризиса, вышло первое издание его книги «История сербского народа»⁴. Автор построил периодизацию истории Сербии, отправляясь от важнейших событий политической жизни страны. Вопросы внутреннего социально-экономического развития им были опущены. Основная цель книги — доказать единство сербского народа и его желание объединиться вокруг Сербского королевства. Книга Станоевича служила политическим интересам великосербской буржуазии.

Основоположителем марксистской историографии в Сербии по праву считается **Димитрие Туцович** (1881—1914), один из талантливых руководителей Сербской социал-демократической партии. Среди его

работ выделяется книга «Сербия и Албания» (1914). В предисловии к ней подчеркивалось, что на пролетариате «лежит огромная задача решительно встать против завоевательной политики буржуазии и господствующих кругов...»⁵. В книге содержится характеристика сербско-албанских отношений в период Балканских войн.

Перу Туцовича принадлежит ряд статей по истории, например об австро-сербской таможенной войне. В статье «Маркс и славяне» (1912) Туцович отмечал, что статьи основоположника научного социализма по восточному вопросу были самыми глубокими из всего того, что по этому поводу было написано на иностранных языках.

Хорватская историография. Первая половина XIX в. была временем зарождения буржуазно-либерального направления в исторической науке Хорватии. Одним из ведущих его представителей был **Иван Кукулевич-Сакцинский** (1816—1889). В 1847 г. хорватский сабор возложил на него задачу сбора и издания документов, касавшихся автономных прав Триединого королевства (Хорватия, Словения и Далмация). Кукулевич-Сакцинский придерживался концепции югославянской национальной общности. Будучи либерально-буржуазным политиком и ученым, он подходил к истории с прагматических позиций. В центре внимания Кукулевича-Сакцинского были вопросы государственно-правового развития хорватов и в целом южных славян. Проблематика его исследований диктовалась запросами национальной-освободительной борьбы.

Крупнейшим представителем хорватской историографии второй половины XIX в. был **Франьо Рачки** (1828—1894). Он являлся одним из идеологов и руководителей национально-либеральной партии, выступавшей за объединение хорватских земель и образование независимого югославянского государства. В течение 20 лет Рачки был президентом Югославянской академии наук и искусств, основанной в 1866 г. Академия и Загребский университет (основан в 1874 г.) стали главными центрами исторической науки в Хорватии.

⁴ Станоевич С. Историја српског народа. Београд, 1908.

⁵ Туцович Д. Сабрана дела. Београд, 1980. Књ. осма. С. 19.

Вкладом в медиевистику стали изданные Рачки сборники документов ранне-средневековой хорватской государственности (1877), материалы о так называемом заговоре братьев Зринских (1873), крестьянском восстании 1573 г. (1875). Многочисленные исследования Рачки посвятил изучению государственной традиции и проблеме территориальной целостности хорватских земель. Он занимался также вопросами источниковедения и создал первый обзор истории национальной исторической науки — «Очерк хорватской историографии с 1835 до 1885 г.»⁶.

Другим видным представителем хорватской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. был **Тадия Смичиклас** (1843—1914). Он был убежденным сторонником югославизма. Главный труд Смичикласа — двухтомная «История хорватская» (1879—1882) — впервые освещал историю края с древнейших времен до 1848 г. Он создал также труд «Двухсотлетие освобождения Славонии» (в 2 т.; 1881). Первый том охватывал историю Славонии в период турецкого господства и изгнания турок-османов из этого края; второй включал документы XVI—XVII вв. Смичиклас был автором биографических работ о Кукулевиче-Сакцинском (1892), Штроссмайере (1906), Рачки (1895) и других деятелях хорватского национально-освободительного движения и культуры. Он издал также 13 томов средневековых актов королевств Хорватии, Славонии и Далмации.

В начале XX в. в обстановке кризиса австро-венгерского дуализма резко возросла политическая активность народных масс и заметно активизировалась национальная буржуазия. В этот период признанным авторитетом в хорватской исторической науке был **Фердо Шишич** (1869—1940). Идеология югославизма наложила отпечаток на все его труды. Занимаясь в начале XX в. исключительно политической историей, он осуществил публикацию архивных материалов XVI—XVII вв. С 1906 по 1920 г. увидели свет его труды: «Хорватская история» (т. 1), «Очерки

истории хорватского народа» и расширенное издание «Хорватской истории», охватывающей период до 1790 г. Значителен вклад Шишича в изучении раннего периода истории Хорватии.

Словенская историография. Историческая наука в Словении берет свое начало с работ **Антоня Линхарта** (1756—1795) — видного деятеля словенского национального возрождения. Его главный труд «Опыт истории Крайны и других земель южных славян Австрии» (в 2 т.; 1788—1791) был издан на немецком языке. Линхарт был сторонником просветительских идей. Славянское население, жившее в XVIII в. на территории Словении, рассматривалось им как единый славянский народ, являющийся потомком древних карантанцев. Эта концепция была усвоена другими словенскими просветителями.

В 40—60-е годы XIX в. историей Словении занимались некоторые деятели национального движения. Однако только в 70-е годы словенская историография приобретает научный характер. Это было связано с ростом национальной интеллигенции и появлением периодических изданий. В конце века был основан первый словенский исторический журнал.

Наиболее выдающимся словенским историком конца XIX — начала XX в. был **Франц Кос** (1853—1924). Делом его жизни стала выходившая с 1902 г. публикация материалов по истории словенцев в средние века (5 томов). Кос обоснованно выступал против теории автохтонности словенцев. Его деятельность оказала большое влияние на формирование словенской медиевистики.

С начала XX в. в словенской историографии постепенно одерживает верх позитивистский метод. В это время появились первые работы И. Приятеля, уделявшего большое внимание проблемам политической истории. Новой историей плодотворно занимался **Драгутин Лончар** (1876—1954). Наиболее значительные его работы «Д-р Янез Блейвейс и его время» (1909), «Социальная история словенцев». К истории Лончар подходил с позиций мелкобуржуазного демократа. Его симпатии были на стороне демократических и либеральных национальных деятелей Словении. Лончар поддерживал

⁶ *Rački F. Nacrt hrvatske historiografije od 1835 do 1885 godine. Rad, 1885. № 80.*

идею создания Объединенной Словении, сочувственно писал о таборском движении конца 60-х годов XIX в. Он первым осветил развитие югославянской идеи в словенской общественной мысли и впервые дал краткий очерк истории рабочего движения в Словении.

Черногорская историография. Начало черногорской историографии восходит к «Истории о Черной горе» митрополита Василия Петровича, опубликованной в Петербурге в 1754 г. Это сочинение было построено на народных преданиях и преследовало цель возвеличить черногорцев.

Большинство работ о Черногории, появившихся в первой половине XIX в., по методике и методологии мало чем отличались от сочинения В. Петровича. Их главным источником оставалась народная традиция. Исключением является работа Вука Караджича «Черногория и черногорцы» (1832), изданная на немецком языке. Караджич опирался на документы, многие из которых он впервые ввел в научный оборот.

До конца XIX в. в черногорской исторической науке господствовало представление о том, что во время османского владычества Черногория всегда оставалась независимой. Первый удар по этой концепции нанес И. Руварац, доказавший в своих исследованиях по истории Черногории (1897), что в XVI—XVII вв. она находилась в зависимости от Турции. Работа Рувараца положила начало острой полемике по вопросу о статусе Черногории в XVI—XVII вв. Л. Томанович в споре с Руварацем доказывал, что Черногория была всегда независимой, тогда как сербский историк Й. Томич в книге «Политические отношения Черногории с Турцией. 1528—1684 гг.» (1904) на основе материалов, извлеченных из венецианских архивов, утверждал, что Черногория в это время находилась в зависимости от Османской империи.

В конце XIX — начале XX в. происходил процесс сбора и изучения архивных материалов по истории Черногории в Венеции, Вене, Париже и Петербурге. В это время был опубликован ряд работ по истории Черногории XVIII—XIX вв. Много сделал для выявления источников по истории Черногории сербский ученый Вла-

дан Джорджевич (1844—1930). В значительной мере на собранных им материалах базировались его книги «Черногория между Турцией, Россией и Венецией в XVIII в.» (1912), «Черногория и Австрия в XVIII в.» (1912), «Черногория и Россия. 1784—1814 гг.» (1914).

Неоценимый вклад в изучение истории Черногории и черногорцев внес выдающийся русский ученый-демократ Павел Аполлонович Ровинский (1831—1916), автор фундаментального труда «Черногория в ее прошлом и настоящем» (1888—1915). В этом комплексном исследовании освещены все стороны народной жизни, история, география, этнография и археология страны. Исследование Ровинского заложило основы для последующего изучения и критического осмысления истории маленко́й славянской страны и ее героического народа.

Боснийско-герцеговинская историография. На боснийско-герцеговинской историографии сказались национальная и конфессиональная специфика края. Местные историки принадлежали к трем различным средам: католической, православной и мусульманской. Повышенный интерес к прошлому объяснялся и здесь развертыванием национально-освободительного движения.

Основоположником исторической науки в Боснии считается католик Иван Юкич (1818—1857). Являясь сторонником концепции единого югославянского государства, он собирал народные песни и сказания, основал первый боснийско-герцеговинский журнал. Самое значительное сочинение Юкича — «География и история Боснии» (1851). Он был первым боснийским историком, признававшим необходимость критики источников и проверки фактов.

Со второй половины XIX в. начали публиковаться документы по истории Боснии и Герцеговины из венецианского и других архивов. Весомый вклад в изучение истории Боснии и Герцеговины внес русский историк А. Ф. Гильфердинг. Его труд «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (1859) неоднократно переводился на сербский язык и не потерял своего значения до настоящего времени. Толчком к разработке истории Боснии и Герцеговины

явились основание в Сараеве в 1888 г. областного музея и турецкого архива при нем.

Важную роль в развитии боснийско-герцеговинской историографии сыграл труд известного хорватского историка В. Клаича «История Боснии до гибели королевства» (1882). Это было первое критическое исследование средневековой истории края. Крупным исследователем истории Боснии являлся и другой хорватский историк **Милан Прелог** (1879—1931). Он занимался хорватской и боснийской историей XIX в. Прелог написал «Историю Боснии в период османского господства» (в 2 кн.; 1912). По сравнению с предшественниками он сравнительно большее внимание уделял аграрным отношениям, крестьянским восстаниям, историко-культурным проблемам.

До первой мировой войны профессиональные боснийско-герцеговинские историки проявляли интерес главным образом к древней и средневековой истории. Самое крупное событие второй половины XIX в. — восстание 1875—1878 гг. — не привлекало их внимания. Одним из первых значительный вклад в его изучение внес боснийский революционный демократ **Васо Пелагич** (1838—1899). Он был активным участником восстания, представляя его левое, революционно-демократическое крыло. В своей книге «История боснийско-герцеговинского восстания» (1879) он осветил героическую борьбу народа за свое социальное и национальное освобождение. Борьба босняков и герцеговинцев показана в тесной связи с внутренней и международной обстановкой.

Описывая Восточный кризис середины

70-х годов XIX в., Пелагич осветил также общественные процессы, происходившие в Боснии и Герцеговине накануне восстания. Значение труда Пелагича определяется тем, что автор впервые попытался проанализировать исторический процесс с революционно-демократических позиций, с позиций эксплуатируемого крестьянства. Пелагич придавал определяющее значение социально-экономическому и политическому факторам, признавая решающую роль народных масс в истории и объективную необходимость восстаний и революций. Он верно подметил два кардинальных вопроса общественной жизни тогдашней Боснии и Герцеговины — аграрный и национальный.

Становление исторической науки в югославянских землях в XIX — начале XX в. происходило неравномерно в силу неодинакового их социально-экономического и политического развития. Наибольшего успеха достигла хорватская историография. В сербской исторической науке важную роль играли демократические начала. В Сербии сформировалось наиболее сильное революционно-демократическое направление. В других югославянских землях условия для развития национальной историографии по разным причинам были менее благоприятны, чем в Сербии и Хорватии. Вместе с тем во всех югославянских землях историография служила национальным интересам, делу расширения и упрочения связей всех югославянских народов, помогала решению их главной исторической задачи — национальному освобождению и созданию объединенных независимых государств.

Консервативная традиция и демократическое направление в испанской историографии в последней трети XIX — начале XX века

Буржуазные революции XIX в. ликвидировали целый ряд препятствий, стоявших на пути развития капитализма в Испании. Но буржуазные преобразования, проводившиеся в интересах либерального дворянства и верхушки буржуазии, не были доведены до конца. В результате пяти революций не только не было уничтожено, но, напротив, укрепилось крупное землевладение, питавшее множество феодальных пережитков в экономической и политической жизни страны. В середине 70-х годов был достигнут политический компромисс между землевладельческой аристократией и крупной буржуазией, выразившийся в реставрации монархии и принятии Конституции 1876 г.

Сокрушительное поражение, которое Испания потерпела в войне с США в 1898 г., усилило недовольство широких кругов населения режимом Реставрации и дало толчок развитию республиканского движения. «Катастрофа 98 года», приведшая к потере колониальных владений и обнажившая отсталость Испании, породила общественное движение за всестороннее обновление страны.

В конце XIX — начале XX в. активизировалась борьба крестьян и батраков против латифундистов, крепло рабочее движение. Однако распространение марксистских идей в Испании шло довольно медленно: марксизм пробивал себе дорогу в ожесточенной борьбе с анархизмом и анархо-синдикализмом.

Процессы социально-экономического и политического порядка в немалой мере определяли пути развития общественных наук, в том числе историографии.

Организация исторической науки. Этот период был весьма плодотворным для испанской исторической науки. Совершенствовалось архивное дело, в середине XIX в. были созданы два новых архива — Национальный исторический архив в Мад-

риде и Центральный Архив в Алькала-де-Энарес. Были предприняты многотомные публикации документов из архива Кастильской короны (г. Симанкас), архива Арагонской короны (г. Барселона), архива Индий (г. Севилья).

Важным центром исторических исследований, объединившим главным образом консервативных ученых, являлась Королевская академия истории, основанная еще в 1738 г. Ее членами были многие видные историки — М. Лафуэнте, А. Кановас дель Кастильо, М. Менендес Пелайо. Академия осуществляла большую работу по сбору древних рукописей и публикации документов; под руководством Кановаса дель Кастильо, возглавлявшего Академию с 1885 по 1897 г., было осуществлено издание 18-томной «Всеобщей истории Испании». Либерально настроенные ученые тяготели к так называемому Свободному институту просвещения, который был создан в 1876 г. и вел энергичную борьбу против политической реакции и клерикализма. Там читали лекции такие авторитетные историки, как Р. Альтамира-и-Кревеа, Х. Коста. Свободный институт оказал большое влияние на формирование передовой интеллигенции, деятелей республиканского движения. Важными центрами воспитания научных и педагогических кадров являлись университеты. Подготовка историков и архивистов велась, как правило, на философско-литературных факультетах.

В 1867 г. в Мадриде был основан Национальный археологический музей; вслед за ним подобные музеи были открыты во многих крупных городах страны. Хотя эти музеи в большинстве своем назывались археологическими, их коллекции отражали и другие области исторической науки.

Распространению исторических знаний способствовало издание 29-томной «Всеоб-

щей истории Испании с древнейших времен до наших дней»¹, написанной выдающимся историком **Модесто Лафуэнте** (1806—1866). В трудах Лафуэнте, принадлежавшего к лагерю умеренных либералов, идея провиденциализма сочеталась с верой в неизбежность исторического прогресса.

Католическая школа. Церковь, активно выступавшая на стороне феодальной реакции и потерявшая в итоге буржуазных революций значительную часть своих земельных владений и политического влияния, в конце XIX — начале XX в. стремилась возродить господствующее положение католицизма в духовной жизни страны. Выразителем клерикальной тенденции в историографии был **Марселино Менендес Пелайо** (1856—1912). Литературовед, историк и философ, профессор Мадридского университета, член Королевской академии истории с 1882 г. (а с 1910 г. — ее директор), человек широкой эрудиции, обладавший редкими способностями и литературным даром, Менендес Пелайо создал ряд полемически заостренных научных трудов, направленных на защиту католицизма. Наиболее важная историческая работа Менендеса Пелайо — трехтомная «История испанских инакомыслящих», содержащая анализ и резкую критику всех доктрин, когда-либо противостоявших католицизму в Испании, от средневековых ересей до идеологии Просвещения, философии Гегеля и позитивизма.

Менендес Пелайо так сформулировал суть своих исторических взглядов: «Я католик, и как католик утверждаю, что Провидение, откровение, свободная воля являются основами всякой истории»². По его мнению, католицизм являлся главной движущей силой испанской истории и основой культуры, сыграл решающую роль в образовании испанской нации, привел к росту величия Испании; отход от католицизма повлек за собой всесторонний упадок страны. Для работ Менендеса Пелайо характерно отрицательное отношение

к революциям, которые рассматривались им как чуждое национальному бытию явление³. Менендес Пелайо осуждал деятельность буржуазных революционеров, обвиняя их в том, что они раскололи некогда единую нацию на два непримиримых лагеря — на «старую» и «новую» Испанию.

Многие явления европейской истории Менендес Пелайо объяснял расовым фактором, противоборством романских и германских народов⁴.

Консервативная школа. Влияние, которым пользовалось это направление в испанской историографии, объяснялось прежде всего консервативным настроем, господствовавшим в среде крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства в период Реставрации. Крупнейшим представителем консервативной школы являлся **Антонио Кáновас дель Кастильо** (1828—1897), один из ведущих государственных деятелей второй половины XIX в. Он участвовал в четвертой буржуазной революции (1854—1856), в конце 50-х — начале 60-х годов входил в состав правительства, а в годы пятой буржуазной революции (1868—1874) возглавлял одну из монархических группировок.

В середине 70-х годов Кановас выдвинулся на первый план политической жизни, став одним из «архитекторов» конституционной монархии в Испании. Он был бессменным лидером консервативной партии, неоднократно занимал пост премьер-министра. Он подавлял выступления республиканцев, рабочее и крестьянское движение, национально-освободительную борьбу народов испанских колоний. В 1897 г. Кановас был убит анархистом.

Исторические взгляды Кановаса были во многом близки к воззрениям Ранке. Кановас считал, что деятельность людей, обладающих свободой воли и созидающих историю, в конечном счете служит целям, определяемым Провидением⁵. Его труды, проникнутые монархическими

¹ *Lafuente M. Historia general de España desde los tiempos más remotos hasta nuestros días. Madrid, 1850—1867. T. 1—29.*

² *Menéndez Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Madrid, 1880. T. 1. P. 22.*

³ *Menéndez Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. T. 3. P. 834—835.*

⁴ *Ibid. T. 2. P. 13.*

⁵ *См.: Cánovas del Castillo A. Estudios literarios de D. A. Cánovas del Castillo. Madrid, 1868. T. 2. P. 43, 61.*

идеями, освещают политическую историю, прежде всего историю государства, оставляя в тени социально-экономические процессы и движения народных масс. Кановас был сторонником внешнеполитической экспансии и колониальных захватов.

Перу Кановаса принадлежит ряд исторических работ, посвященных истории Испании XVI—XVII вв. В центре повествования стоит деятельность монархов и их окружения. В то же время Кановас подчеркивал, что творцом истории являются не выдающиеся личности, а поколение, нация, человеческий род в целом. Этот тезис он использовал для объяснения причин упадка Испании в XVII в., религиозных преследований и несправедливых войн: «Последние короли австрийской династии были плохи, но разве нация, которой они управляли, была лучше?.. Все классы в большей или меньшей степени участвовали в общественных делах в течение описываемого периода и все совершали сходные ошибки»⁶. Так Кановас пытался оправдать политику монархии, затушевать ее связь с интересами феодального дворянства и духовенства, возлагая вину за упадок страны на всю нацию.

Распространению исторических взглядов Кановаса способствовала его деятельность во главе Королевской академии истории (1885—1897). В XX в. крупнейшим историком консервативного направления стал Г. Маура Гамасо.

Позитивизм. В конце XIX — начале XX в. господствующие позиции в буржуазно-либеральной историографии занял позитивизм, распространившийся в Испании позднее, чем во Франции и Англии. Крупнейшим историком этого направления был **Рафаэль Альтамира-и-Кревеа** (1866—1951), в течение многих лет преподававший в университетах Овьедо и Мадрида. Альтамира был также известен как общественный деятель, активно сотрудничавший в республиканской прессе.

Важной заслугой Альтамиры стала постановка вопроса о необходимости

перестройки исторического образования. Большую роль сыграла его работа «Преподавание истории» — цикл лекций, прочитанных в 1890—1891 гг. в Педагогическом музее. Альтамира осуждал систему зубрежки истории, выступал за развитие творческой работы студентов, за их ознакомление с источниками и исторической литературой различных направлений⁷.

Исторической концепции Альтамиры свойственно признание исторической закономерности и прогрессивного характера развития общества, стремление к рациональному объяснению фактов. Он отверг идею провиденциализма, которая доминировала в трудах историков католического и консервативного направлений.

Вслед за Г. Спенсером Р. Альтамира уподоблял общество живому организму, все части которого взаимосвязаны и дополняют друг друга. Сторонник позитивистской теории фактов, Альтамира излагал свои взгляды на историю следующим образом: «Наряду с политическими фактами не менее ценными считаются те факты, которые отражают остальные стороны деятельности человека; надо также полагать, что нельзя считать познанной главную черту, характеризующую народ, а также его миссию и роль в жизни, пока не будут изучены во всем многообразии и хорошо известны его искусство, религия, наука, обычаи, экономическая структура, идеи необразованной массы (чью роль в истории нельзя отрицать) и т. д. ...Эти стремления обобщаются в одной фразе, может быть, не очень точной: „написать историю цивилизации“»⁸.

Важнейшим трудом Альтамиры в этот период была «История Испании и испанской цивилизации»⁹. Альтамира ввел в научный оборот огромное количество фактов, относящихся к экономической истории страны, развитию социальной структуры, борьбе народных масс против

⁷ *Altamira R.* La enseñanza de la Historia. Madrid, 1891. P. 7, 8, 11.

⁸ *Altamira R.* La enseñanza de la Historia. P. 84.

⁹ *Altamira R.* Historia de España y de la civilización española. Barcelona, 1900—1902. V. 1—4.

эксплуатации. Он был одним из первых испанских историков, заявивших о необходимости изучать прежде всего историю народов, а не правителей. Альтамира рассмотрел историю всех областей, входящих в состав Испании, а также испанских колоний, не ограничиваясь изучением истории Кастилии, как это было принято в современной ему историографии.

Вместе с тем Альтамира был далек от материалистического понимания истории; это особенно ярко проявилось в освещении им таких фундаментальных проблем, как крушение римского владычества на Пиренейском полуострове, генезис феодализма, выяснение сущности феодального строя. Альтамира, как и большинство его современников, сводил понятие «феодализм» к системе феодальной иерархии и сеньориальной юрисдикции, что привело его к ошибочному выводу об отсутствии феодализма в Леоне и Кастилии.

Труды Альтамиры оказали сильное влияние не только на многих видных историков XX в., но и на уровень исторических представлений широких кругов испанской общественности. Этому способствовал литературный талант Альтамиры, умение доступно и увлекательно излагать сложные вопросы.

Историография Каталонии. В конце XIX — начале XX в. на политической арене Испании появились новые силы — национальные движения Каталонии, Страны Басков, Галисии. Особого размаха национальное движение достигло в Каталонии — крупнейшем промышленном районе страны. Рост влияния промышленной буржуазии Каталонии, формирование идеологии каталонского буржуазного национализма, «возрождение» каталонской литературы сопровождались повышением интереса историков-каталонцев к прошлому своего народа.

Во второй половине XIX в. появился целый ряд исследований, посвященных истории Каталонии. Почетное место среди них занимала опубликованная в 1876—1878 гг. 9-томная «Критическая история (гражданская и церковная) Каталонии», написанная известным историком и архивистом **Антонио Бофарулем**

(1821—1892)¹⁰. В 1907 г. в Барселоне был создан Институт каталонских исследований, ставший важным научным центром.

Ведущие каталонские историки этого времени (А. Бофаруль, В. Балагер, А. Рубио-и-Льюч) принадлежали к разным историографическим школам и придерживались различных взглядов по вопросам методологии и методики исторического исследования. Однако их объединяло стремление привлечь внимание общественности к истории и богатому культурному наследию каталонского народа. Большинство каталонских ученых занимались средневековой историей. Это объяснялось тем, что в XIII—XV вв. Каталония играла значительную роль в экономической жизни Средиземноморья и пользовалась большим политическим влиянием в составе арагоно-каталонского государства; каталонская культура переживала период расцвета. Исторические работы способствовали формированию национального самосознания и создавали своеобразное историческое обоснование требований каталонских буржуазных националистов.

Демократические течения в испанской историографии. Одним из основателей испанской демократической историографии по праву считается **Франсиско Пи-и-Маргаль** (1824—1901). На протяжении второй половины XIX в. Пи-и-Маргаль стоял на левом фланге республиканского движения. В 1873 г. он был избран президентом первой испанской Республики и выступил с программой углубления буржуазно-демократической революции. Ф. Энгельс высоко оценил революционную деятельность Пи-и-Маргаля: «Среди официальных республиканцев Пи был единственным социалистом, единственным человеком, сознававшим, что республике необходимо опираться на рабочих»¹¹. В период Реставрации он возглавил партию республиканцев-федералистов, энергично вел борьбу за демократизацию общественно-политической жизни.

¹⁰ *Bofarull A. Historia crítica (civil y eclesiástica) de Cataluña. Barcelona, 1876—1878. Т. 1—9.*

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 461.*

Пи-и-Маргаль был широко известен как историк, философ, искусствовед. Среди наиболее значительных его работ — «Реакция и революция», «Национальности», «Всеобщая история Америки», «История республики 1873 г.», «История живописи в Испании». Кроме того, он совместно с сыном (Ф. Пи-и-Арсуага) работал над многотомной «Историей Испании в XIX веке»¹².

Взгляды Пи-и-Маргаля сформировались под влиянием философии Гегеля и идей Прудона. Одной из основ мировоззрения Пи был тезис о том, что настоящая революция должна быть не только политической, но и социальной. Поэтому в своих работах он уделял особое внимание истории социальных отношений и классово-вой борьбы, республиканского движения, борьбы народов испанских колоний против угнетения. Он пришел к правильному выводу о том, что одной из причин поражения пятой буржуазной революции было невнимание к насущным нуждам крестьян.

Аграрный вопрос, проблемы латифундизма и крестьянского малоземелья, ограбления крестьянской общины занимали центральное место в общественно-политической жизни страны. Именно этим вопросам была посвящена политическая и научная деятельность **Хоакина Косты** (1846—1911), активно выступавшего в защиту интересов крестьян.

Коста был убежденным сторонником «аграрного коллективизма», понимая его как сочетание общественной собственности на землю и частной собственности на другие средства производства и на продукты земледелия¹³. Социально-экономические взгляды Косты обусловили его интерес к истории крестьянской общины. Его главный исторический труд — «Аграрный коллективизм в Испании» — посвящен истории общинного землевладения, а также анализу «коллективистских» идей в Испании. В другой программной работе — «Олигархия и касикизм как современная форма правления в Испании» — Коста

сделал вывод о том, что революция 1868—1874 гг. не освободила народ, и оценил политическую систему Реставрации как олигархический режим, обслуживаемый псевдопарламентскими учреждениями.

Важную роль в изучении испанского рабочего движения сыграла работа одного из руководителей испанских анархистов **Ансельмо Лоренсо** (1841—1914). Лоренсо, рабочий-типограф, активно участвовал в рабочем движении 60-х годов, в деятельности испанских секций I Интернационала, присутствовал на Лондонской конференции 1871 г. В книге «Воинствующий пролетариат» (первая ее часть вышла в 1901 г., вторая — в 1923 г.) Лоренсо с анархистских позиций осветил историю испанского рабочего движения 60-х — начала 80-х годов, деятельность испанских секций Международного Товарищества Рабочих и бакунистского Альянса социалистической демократии. Лоренсо подчеркивал влияние анархизма в пролетарской среде, замалчивая борьбу сторонников марксизма. Важным достоинством книги было включение в текст многочисленных документов рабочих организаций.

Распространение марксизма. Распространение марксистских идей в Испании было связано с именами видных деятелей испанского рабочего и социалистического движения — Х. Меса, П. Иглесиаса, Х. Веры.

Хосе Меса (1840—1904) — участник социалистического движения в Испании и Франции, один из создателей Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), перевел на испанский язык ряд работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Среди них — «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии», «Гражданская война во Франции». Ф. Энгельс в 1872 г. писал, что Меса «...наиболее выдающийся из наших людей в Испании как по своему характеру, так и по таланту и, безусловно, один из лучших наших людей вообще»¹⁴.

Распространению марксизма способствовали статьи и речи признанного лидера ИСРП, бессменного председателя ИСРП

¹² *Pi y Margall F., Pi y Arsuaga F. Historia de España en el siglo XIX. Madrid, 1902. V. 1—8.*

¹³ *Costa J. Colectivismo agrario en España. Buenos Aires, 1944. P. 11.*

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 180.*

и профсоюза «Всеобщий союз трудящихся» П. Иглесиаса. Он был талантливым пропагандистом, однако его взгляды отличались непоследовательностью: в 80-е годы он испытывал влияние гедизма, а в последние годы жизни перешел на реформистские позиции.

Определенный вклад в дело пропаганды марксистских идей внесли статьи одного из идеологов ИСРП — Х. Веры, публиковавшиеся на страницах газеты

«Социалист» («El Socialista»). В своих статьях Вера обращался к опыту Парижской Коммуны, в годы первой мировой войны страстно выступал в защиту пролетарского интернационализма.

Первая попытка осветить с позиций ИСРП историю испанского рабочего движения была предпринята социалистом Ф. Морой в книге «История социалистического движения и рабочих обществ Испании в XIX веке», вышедшей в 1905 г.

Глава 16

Формирование и развитие национальной историографии в странах Латинской Америки во второй половине XIX — начале XX века

Особенности развития стран Латинской Америки. Первые шаги национальной исторической науки в странах Латинской Америки связаны с передовой общественной мыслью, порожденной эпохой Войны за независимость (1810—1826) и образованием самостоятельных латиноамериканских государств. Идеологи и руководители освободительной борьбы выступали против колониального гнета и религиозно-клерикальной идеологии, за буржуазно-демократические преобразования, социальный и экономический прогресс, развитие просвещения и культуры. Симон Боливар, выдающийся руководитель борьбы за независимость в Южной Америке, стремился придать ей социальный характер, требовал уравнивания в правах всего населения, в том числе негров и индейцев, наделения индейцев землей, развития народного образования.

Расчищая своей деятельностью путь буржуазному прогрессу, Боливар в то же время подвергал критике буржуазно-либеральный вариант развития с гегемонией помещичье-буржуазной олигархии как непригодный для обеспечения реальных интересов основной массы населения. Его поиски позитивной альтернативы такому варианту не увенчались успехом, но прогрессивные устремления в дальнейшем были продолжены и развиты передовой

общественной мыслью Латинской Америки.

Характерной чертой развития капитализма в латиноамериканских странах в XIX — начале XX в. была доминирующая роль помещичье-буржуазного хозяйства, ориентированного на внешний рынок. С одной стороны, это ускоряло вовлечение региона в мировое капиталистическое хозяйство, обуржуазивание помещичьей олигархии, содействовало распространению идей буржуазного прогресса. С другой, господство латифундизма затрудняло свободное развитие капитализма, его передовых форм, консервировало докапиталистические пережитки, способствовало утверждению экономической зависимости стран региона от иностранного капитала. Такой путь развития капитализма был особенно болезненным для широких масс населения, усугубляя классовые и социальные противоречия, порождал политическую нестабильность.

Наиболее характерным примером быстрого развития капитализма при преобладании помещичьего землевладения во второй половине XIX — начале XX в. стала *Аргентина*. За исключением западных районов, в этой благодатной по природным условиям и мало заселенной стране латифундизм с самого начала развивался в тесной связи с мировым капиталисти-

ческим рынком как агроэкспортное хозяйство переходного типа. Сюда устремился обильный приток европейских переселенцев, быстро росли города, обрабатывающая промышленность, транспорт, торговля. В результате к началу XX в. Аргентина превратилась в наиболее развитую капиталистическую страну Латинской Америки.

Заметное развитие капитализм получил в Чили, где основой экономики была горнодобывающая промышленность, продукция которой шла на экспорт. Внутри самой помещичье-буржуазной олигархии быстро набирало силу крыло, связанное с промышленным, торговым и банковским капиталом.

В Мексике, густонаселенной стране с многочисленным эксплуатируемым крестьянством, состоявшим из индейцев и метисов, латифундизм имел более глубокие феодальные корни (как и в ряде других стран — Перу, Боливии, Эквадоре, в известной мере в Колумбии и Венесуэле). В Мексике сильнее ощущалась материальная и духовная власть католической церкви.

В Бразилии и на Кубе вплоть до конца XIX в. основой экономики оставалось плантационное рабовладельческое хозяйство, активно вовлеченное в орбиту мирового капиталистического рынка. С отменой рабства это хозяйство стало приобретать черты агроэкспортного латифундизма, эволюционировавшего в сторону капитализма.

В таких условиях в Аргентине и Чили, а после отмены рабства в Бразилии и на Кубе социально-политическая и идеологическая борьба развернулась не столько между сторонниками и противниками буржуазного прогресса как такового, сколько вокруг путей развития капитализма, широко распространились идеи буржуазного либерализма. В Мексике же произошла большая поляризация сил сторонников и противников буржуазно-демократических преобразований, борьба между ними приобретала характер долговременных массовых революционных выступлений и войн. На Кубе до самого конца XIX в. задачи буржуазно-демократических преобразований были тесно связаны с борьбой за отмену рабства и ликвидацию

испанского колониального гнета, вылившейся в многолетнюю народную войну. На рубеже XX в. Куба стала жертвой экспансии американского империализма. В таких условиях значительное развитие получили революционно-демократические и антиимпериалистические идеи. В Бразилии до конца XIX в. на первом плане стояли задачи борьбы против рабства и монархии.

В конце XIX — начале XX в. все страны Латинской Америки оказались в экономической зависимости от ведущих империалистических держав, что вызывало пробуждение антиимпериалистических настроений. В Аргентине, Чили, Уругвае, Мексике, Бразилии, на Кубе формировался промышленный пролетариат, возникло и развивалось рабочее и социалистическое движение.

Основные направления развития исторической науки в латиноамериканских странах. На фоне этих процессов и под их влиянием формировалась общественно-историческая мысль молодых латиноамериканских государств. Развитию исторических знаний и исторической науки способствовало создание системы университетского образования, национальных библиотек, архивов и музеев.

Еще в колониальный период в Латинской Америке существовали католические университеты, в которых господствовали богословие и схоластика. После Войны за независимость на основе их реорганизации или заново были созданы национальные государственные университеты (первый из них — в 1821 г. в Буэнос-Айресе в Аргентине). К концу XIX в. в Латинской Америке уже действовало 27 таких университетов. В системе государственных университетов богословие отступило на второй план, получили развитие гуманитарные науки, в том числе историческая. История стала преподаваться в школах. Были созданы учебники по национальной истории.

В начале XIX в. открылись национальные библиотеки в Бразилии (1808) и Аргентине (1810). Несколько позже они появились в других странах. Действовали и университетские библиотеки. Возникли национальные архивы (в 1821 г. — в Аргентине, в 1838 г. — в Бразилии). В 20-е годы XIX в. были созданы национальные исторические музеи в Колумбии и Мексике,

в начале XX в. — в Чили и на Кубе. В некоторых странах были образованы академические исторические институты или общества. Первое из них оформилось в Бразилии в 1838 г.

Историческая наука стран Латинской Америки XIX — начала XX в. развивалась в тесной связи с общественно-политической жизнью, публицистикой, литературой. Крупными представителями исторической мысли и даже авторами серьезных исторических исследований часто являлись не историки-профессионалы (хотя были и они), а видные идеологи, общественные и политические деятели.

Большое влияние на латиноамериканскую историографию оказала общественная мысль передовых капиталистических стран Европы и Северной Америки, с которой латиноамериканские авторы были хорошо знакомы. Многие из них подолгу жили в европейских странах и в США, были очевидцами важных политических и революционных событий, работали в европейских архивах и библиотеках.

Долгое время в латиноамериканских странах влиятельные позиции сохраняла католическая церковь. Однако Война за независимость и распространение идей буржуазного прогресса привели к преобладанию в общественно-политической мысли и среди историков ведущих стран региона либеральных течений различных оттенков (от умеренного до буржуазно-демократического). Заметное влияние на либеральных историков во второй половине XIX — начале XX в. оказал европейский позитивизм (О. Конт, Г. Т. Бокль, Г. Спенсер, И. Тэн).

Буржуазно-либеральные историки отстаивали антиклерикальные позиции, пропагандировали просветительские идеи. Они требовали заменить умозрительные и абстрактные построения выводами, основанными на точном, «позитивном» знании исторических источников. При этом задача объективного научного исследования порой сводилась к объективистскому воссозданию хода исторических событий. Некоторые историки были склонны «романтизировать» историю, представлять ее как результат деяний выдающихся исторических личностей, «героев». Другие, напротив, выступали против сведения исто-

рического процесса к деятельности «великих людей» и к отдельным случайным фактам, пытались найти движущие силы истории, уделяли внимание материальной и духовной жизни народа. Однако этим историкам были присущи механистическое истолкование идеи исторической закономерности, преувеличение роли географической среды и расово-биологических факторов как движущих сил истории. Будучи сторонниками эволюционизма, они понимали эволюцию упрощенно, как постепенное поступательное развитие общества, которое отождествлялось с идеализированным капиталистическим прогрессом.

Буржуазно-либеральное направление сыграло важную роль в становлении и развитии исторической науки в Латинской Америке, накоплении исторических знаний, в борьбе с консервативными, клерикальными течениями. Однако к началу XX в., по мере укрепления капитализма и обострения классовых противоречий буржуазного общества, наметилась тенденция к переходу либеральных историков на более умеренные позиции, сближению их с консервативными авторами.

Консервативное направление латиноамериканской историографии было менее представительным и более аморфным, включая в себя течения консервативно-эмпирическое, клерикальное, расово-биологическое. В менее капиталистически развитых странах с диктаторскими режимами оно было основой официальной идеологии. Историки этого направления оправдывали и идеализировали колониальное прошлое, изображали диктаторов-каудильо «спасителями отечества», восхваляли роль религии и церкви в истории Латинской Америки. Они защищали консервативные устои общественной и духовной жизни. В своих работах они нередко допускали тенденциозную трактовку источников и исторических фактов в угоду собственным концепциям. Но в их среде имелись и добросовестные авторы, труды которых внесли определенный вклад в изучение конкретной истории соответствующих стран.

В конце XIX — начале XX в. возросло влияние на историческую науку субъективистских, интуитивистских течений западноевропейской мысли (Ф. Ницше,

А. Бергсон), расовых теорий, мальтузианства, социального дарвинизма. Это относилось не только к консервативной, но и к либеральной историографии. Усились черты эклектизма в теоретико-методологических позициях многих буржуазных ученых.

На левом фланге латиноамериканской общественно-исторической мысли второй половины XIX — начала XX в. стояли представители *революционно-демократического и социалистического направлений*. Для них было характерно стремление раскрыть глубинные противоречия капиталистического развития своих стран, пагубную роль помещичье-буржуазной олигархии в их исторических судьбах. Они проявляли интерес к социальной и экономической истории, к положению и борьбе народных масс, в которых видели главную движущую силу истории. Некоторые из них испытали влияние марксизма, обратили внимание на историческую роль рабочего класса, что было особенно характерно для социалистов.

К концу XIX — началу XX в. относятся первые шаги в разработке марксистской концепции истории стран Латинской Америки передовыми представителями местного рабочего и социалистического движения (Аргентина, Чили). Это подготовило почву для формирования в дальнейшем марксистского течения в латиноамериканской историографии.

Основные исторические проблемы. В центре внимания историков разных стран региона в рассматриваемый период находились некоторые общие проблемы. Всех их объединяло стремление осмыслить роль молодых латиноамериканских наций в истории Америки, особенности их формирования и развития, процесс становления независимых государств. Поэтому прежде всего историки обращались к анализу колониального прошлого (XVI — начало XIX в.) и Войны за независимость (1810—1826). Разгорелись длительные споры между противниками колониального режима, осуждавшими его («черная легенда»), и его защитниками, идеализировавшими колониальное прошлое («розовая легенда»). Соответственно первые высоко оценивали роль Войны за независимость в судьбах латиноамериканских народов,

вторые же стремились принизить ее значение. Первая точка зрения преобладала среди историков-либералов, вторая — среди консерваторов.

Предметом острых дискуссий стала проблема соотношения местного, автохтонного и европейского начал в исторических судьбах народов Латинской Америки. В ряде случаев эта проблема превращалась поборниками буржуазного прогресса (особенно в Аргентине, где преобладали выходцы из Европы) в дилемму «цивилизация — варварство»; прогресс стран региона отождествлялся с их «европеизацией», иммиграцией из Европы, перенесением в них достижений европейской цивилизации, с борьбой против отсталости, «варварства» местного населения. Сторонники консервативных течений, напротив, поднимали на щит традиции, унаследованные от колониального прошлого, видя в них основу «самобытности» народов региона, выступая против «чуждого» европейского влияния. Иногда в этих спорах находил отзвук стихийный протест со стороны народных масс против растущей капиталистической эксплуатации, осуществлявшейся от имени «цивилизации».

В Мексике и других странах, где в формировании наций роль индейского и метисного компонента была более значительной, а приток европейских иммигрантов не приобрел заметных размеров, проблема ставилась иначе. Здесь речь шла о соотношении индейско-метисного и испанокреольского начал в этом процессе. Прогрессивные и либеральные авторы подчеркивали важную роль индейского и метисного населения в освободительной борьбе и в формировании наций, тогда как консерваторы решающую «цивилизующую» роль отводили испанокреольскому элементу. И те, и другие часто апеллировали к местным традициям: первые — к традициям освободительной борьбы с активным участием индейцев и метисов, вторые — к консервативным устоям сложившегося в колониальный период общества.

Значительное внимание уделялось роли церкви и религии. Прогрессивные и буржуазно-либеральные историки посвятили немало усилий разоблачению реак-

ционной роли католической церкви и религии в истории Латинской Америки, в то время как сторонники консервативных течений всячески восхваляли эту роль.

На рубеже XX в. внимание общественно-исторической мысли стран Латинской Америки все больше обращалось к проблеме империалистической экспансии США и других капиталистических держав в регионе и борьбе против нее местных народов. Особенно остро этот вопрос стоял для Кубы, Мексики и стран Центральной Америки. В начале XX в. пробуждается интерес к положению рабочего класса, развитию рабочего и социалистического движения.

Наряду с общими чертами историография каждой из стран Латинской Америки имела свою специфику, определявшуюся особенностями их национального развития.

А р г е н т и н а

Развитие демократической и либеральной общественно-исторической мысли во второй половине XIX в. Глубокое влияние на формирование аргентинской общественно-исторической мысли оказали идеи и деятельность руководителей Майской революции 1810 г., приведшей к освобождению страны от испанского колониального гнета. Особенно сильное воздействие на ее развитие оказал прогрессивный мыслитель, поэт и общественный деятель **Эстебан Эчеверрия** (1805—1851). Молодые годы Эчеверрия прошли во Франции, где он близко познакомился с новейшими достижениями социологии и исторической науки. В созданной им в конце 30-х годов организации «Молодая Аргентина» сплотилась группа передовых интеллигентов, многие из которых впоследствии стали видными политическими и общественными деятелями. Последовательный радикальный демократ, Эчеверрия испытал влияние Сен-Симона и стал первым пропагандистом идей утопического социализма в Аргентине. Свои взгляды на общественное развитие и историю Аргентины он изложил в труде «Социалистическая доктрина» (1846) и в историческом очерке «Предпосылки и начало Майской революции».

Эчеверрия призывал изучать экономические условия страны, чтобы понять ее

политическое развитие, пытался выявить классовый характер аргентинского общества и Майской революции 1810 г. Он высоко оценивал эту революцию, отмечая, что она открыла путь к независимости и общественному прогрессу и провозгласила идеи свободы, равенства и братства, но в то же время указывал, что ее плодами воспользовались местные господствующие классы — аристократия и отчасти предпринимательский «средний класс»; трудящиеся же города и деревни не добились улучшения своего тяжелого положения. Эчеверрия призывал возродить и развить дальше освободительные идеалы Майской революции, осуществить глубокие демократические преобразования, добиться социального освобождения трудящихся и ликвидации классового неравенства.

Падение консервативной помещичьей диктатуры Росаса (1829—1852) и Конституция 1853 г. открыли путь к консолидации Аргентинской буржуазной республики и более быстрому капиталистическому развитию страны, хотя и при гегемонии агроэкспортной олигархии. Консервативно-клерикальная идеология утратила былые позиции. В общественной жизни Аргентины возобладали идеи буржуазного прогресса. В то же время по мере утверждения капитализма радикальный демократизм передовых мыслителей постепенно уступал дорогу более умеренным буржуазно-либеральным воззрениям. Это отразилось на эволюции взглядов двух наиболее ярких представителей аргентинской мысли той эпохи — писателей, социологов, видных общественных и политических деятелей — **Доминго Фаустино Сармьенто** (1811—1888) и **Хуана Баутисты Альберди** (1810—1884).

Оба они в 30—40-х годах принадлежали к радикальному крылу оппозиции диктатуре Росаса и находились под влиянием Эчеверрии, сочувствовали идеям социального равенства. В 1848 г. под впечатлением европейских событий Сармьенто писал: «Пусть сгинет республика и в качестве нового мира утвердится социализм, который заменит европейскую демократию»¹. Альберди, участник «Молодой

¹ *Sarmiento D. F. Educación popular. Santiago de Chile, 1848. P. 27.*

Аргентины», говорил о царстве труда в будущем, об освобождении трудящегося человека от капиталистического рабства. В дальнейшем Сармьенто и Альберди отошли от таких радикальных оценок.

В 60—80-х годах Сармьенто занимал ряд государственных постов, а в 1868—1874 гг. был президентом Аргентины. Его литературное наследие (52 тома) — ценнейший материал по истории Аргентины XIX в. В 1845 г., находясь в эмиграции в Чили, он издал получившее широкую известность литературно-философское произведение «Жизнь И. Факундо Кироги. Цивилизация и варварство», в котором воссоздал яркую панораму аргентинской действительности первой половины XIX в. и выразил свои исторические воззрения.

Сармьенто обрушился на колониальное прошлое, католическую церковь и диктатуру Росаса как на виновников консервации в стране «варварства», феодализма, отсталости и невежества. Будущее Аргентины он связывал с возрождением и дальнейшим развитием идей Майской революции. Особое значение в преодолении отсталости и обеспечении прогресса он придавал развитию просвещения и народного образования. Идеалом Сармьенто была буржуазная представительная республика, экономически развитая, с фермерским земледелием и высокообразованным населением.

Основой исторического прогресса Сармьенто считал географический и расово-биологический факторы. Противопоставляя феодально-патриархальному «варварству» капиталистическую «цивилизацию», он отождествлял ее с «европеизацией» Аргентины, с перенесением сюда достижений европейской цивилизации, с заселением страны белыми европейскими иммигрантами. Сармьенто отрицал способность к прогрессу «варварского» индейско-креольского населения аргентинской пампы, призывал к расовому «очищению» нации. Впервые выраженная еще на рубеже 40-х годов, эта концепция наиболее полно была обоснована им в книге «Конфликт и гармония рас в Америке» (1880).

Альберди защищал во многом сходные позиции, хотя на политической арене он порой враждовал с Сармьенто. Альберди активно участвовал в политической

жизни страны в 50—60-х годах. В 1852 г. он написал книгу «Основы и исходные положения для политической организации Аргентинской республики», многие положения которой были учтены в Конституции 1853 г. После 60-х годов, подвергшись опале, он отошел от политической деятельности.

Большое внимание в своих сочинениях Альберди уделял проблемам экономики и экономической истории. Он обращал внимание на экономические причины и последствия Майской революции. В самой революции и в гражданских войнах первой половины и середины XIX в. Альберди усматривал столкновение антагонистических интересов, борьбу сторонников феодально-патриархального прошлого с борниками экономического и социального прогресса. Он ратовал за создание передовой капиталистической экономики и такой республики, в которой труд (включая предпринимательство) был бы главным мерилом общественного признания человека. При этом Альберди идеализировал буржуазный прогресс и буржуазное право. Он разделял концепцию Сармьенто «цивилизация — варварство», презрительно относился к индейцам и метисам.

В отличие от Сармьенто, Альберди не считал США образцом для подражания, указывал на различие интересов США и латиноамериканских стран, на захватнический характер внешней политики США. Он выступал за сотрудничество, широкий торговый и культурный обмен между странами Латинской Америки и всего мира. В книге «Преступление войны», написанной в связи с войной Аргентины, Бразилии и Уругвая против Парагвая (1865—1870), Альберди осудил бессмысленность и чудовищность войн, поднял вопрос об ответственности правительств за их развязывание, о необходимости воспитания народов в духе взаимного уважения и мира².

Либеральные историки. Ведущими представителями буржуазно-либеральной историографии Аргентины второй половины XIX в. являлись **Висенте Фидель Лопес** (1815—1903) и **Бартоломе Митре**

² См.: Альберди Х. Б. Преступление войны. М., 1960.

(1821—1906), создатели монументальных исторических трудов.

Главным итогом многолетних исторических изысканий В. Ф. Лопеса стала «История Аргентинской республики», изданная в 80—90-х годах в 10 томах. Написанная Лопесом на ее основе «Краткая история Аргентины» стала на многие годы самым популярным учебником по истории страны, неоднократно переиздававшимся. В своем труде Лопес добросовестно и подробно, на основе огромного количества источников, изложил ход исторических событий, начиная с колониального периода и до падения в 1852 г. диктатуры Росаса. Гражданскую историю он изображал как постепенную эволюцию общества, сводил ее к борьбе отдельных личностей, добившихся тем или иным способом влияния на массы. Хотя иногда он упоминал об экономических причинах событий, в целом социально-экономический аспект истории остался вне его внимания. Лопес осуждал колониальное господство Испании и попытки Англии в начале XIX в. поработить Аргентину, большое значение придавал Майской революции 1810 г. и деятельности ее руководителей. Он клеймил диктатуру Росаса, тиранические методы правления, обскурантизм и религиозный фанатизм. Избавление общества от всех бед Лопес видел в просвещении народа, в восприятии европейской цивилизации, в постепенном утверждении идеальной буржуазно-демократической республики. В этом его взгляды были близки Сармьенто и Альберди.

Генерал Б. Митре был видным военным, политическим и государственным деятелем и одновременно историком и журналистом. На посту президента Аргентины (1862—1868) он немало сделал для консолидации страны и ее буржуазного развития. В 1870 г. Митре основал ведущую буржуазную газету Аргентины «Нация» («La Nación»). Из-под пера Митре вышло много исторических сочинений, важнейшие из которых — «История Бельграно и независимость Аргентины» (в 4 т.; 1857—1887) и «История Сан-Мартина и освобождение Южной Америки» (в 4 т.; 1888). В центре внимания автора — деяния выдающихся руководителей борьбы за независимость генералов М. Бельграно и Х. Сан-Мартина.

Книги Митре, как и Лопеса, отличались широкой источниковой базой и обилием фактического материала и вместе с тем не критическим отношением к источникам. Бельграно и Сан-Мартин предстают со страниц его произведений идеализированными героями, творящими историю и ведущими за собой народные массы. Осуждая колониальное господство Испании и восхваляя борцов за независимость, Митре в то же время изображал конкистадоров эпохи завоевания Испанией Нового Света героями, принесшими сюда «дух независимости». Находясь, как и Сармьенто и Альберди, под влиянием расово-биологических концепций, Митре скептически оценивал роль индейцев и негров в истории как «инертного элемента».

В конце XIX — начале XX в. либеральные историки опубликовали ряд работ, посвященных исследованию отдельных вопросов истории Аргентины на основе архивных материалов. Примерами могут служить «История средств сообщения» (в 2 т.; 1893) и «Историческая эволюция общественных земель в 1810—1916 гг.» (1917) Мигеля Анхеля Каркано, а также «История порта Буэнос-Айрес» (1902) Эдуардо Мадеро.

Консервативно-клерикальное течение. Наряду с преобладавшим либеральным направлением существовали и другие течения, в частности консервативно-клерикальное. Заметной фигурой среди историков-клерикалов был епископ провинции Парана А. Баса-и-Бустос, автор «Представления о церковной истории Аргентины» (1915). К тому же направлению можно отнести и Ромуло Д. Карбиа, написавшего «Церковную историю Рио-де-Ла-Платы» (в 2 т.; 1914) и «Учебник истории аргентинской цивилизации» (1917).

И Бустоса, и Карбиа отличала апологетика цивилизаторской роли церкви и колониального режима на Ла-Плате, негативная оценка реформаторской деятельности борцов за независимость и буржуазный прогресс, особенно их антицерковных мероприятий.

Школа «психологической интерпретации истории». Историки школы «психологической интерпретации», испытавшие влияние И. Тэна и Г. Спенсера, абсолютизировали расово-биологический и психоло-

гический подход к оценке исторических событий и действий их участников. Основными представителями этой школы были Хосе Мария Рамос Мехия, автор книги «Аргентинские массы. Исследование коллективной психологии» (1899), и Поль Грусак, написавший в 1907 г. работу о Сантьяго де Линье, политическом деятеле последних лет колониального режима на Ла-Плате.

Для этих авторов характерны идеалистическое, субъективистское понимание исторических событий, искажение фактов, тезис о превосходстве белой расы и господствующей элиты. Исторический прогресс они видели в победе белой расы, реакционных диктаторов типа Росаса изображали героями.

Хосе Эрнандес. Особое место в аргентинской общественно-исторической мысли второй половины XIX в. принадлежит публицисту, поэту и общественному деятелю **Хосе Эрнандесу** (1834—1886), автору эпической поэмы-размышления «**Мартин Фьерро**» (1872, 1879). Образно и ярко Эрнандес показал изнанку помещичье-буржуазного, олигархического варианта развития капитализма в Аргентине, безжалостное ограбление, истребление и закабаление населения пампы, ее пастушеской вольницы — гаучо. Он поднял голос протеста против «цивилизации» страны ценой отрицания самобытной культуры, истории и самого существования местного креольско-индейского населения, в котором даже наиболее либеральные поборники европейской «цивилизации» видели лишь «варваров». Эрнандес выступал за прогресс для обездоленных и с участием обездоленных, мечтал об утопическом идеале мирной пастушеской жизни, дополненной благами цивилизации, без эксплуатации человека человеком.

«**Мартин Фьерро**» быстро приобрел и сохранил до наших дней необычайную популярность, став поистине народным эпосом³. Правда, в век торжества помещичье-буржуазной «цивилизации» позиции и взгляды Эрнандеса не нашли широкого отклика общественности, воспринимались

многими как тоска по уходящему патриархальному миру «варварства». Однако позднее они оказали заметное влияние на развитие левонационалистических течений, стимулируя национальное самосознание, антиимпериалистические и антикапиталистические настроения масс.

Марксизм и социал-реформизм. Конец XIX — начало XX в. ознаменовались в Аргентине быстрым развитием капиталистической промышленности, формированием промышленного пролетариата и бурным ростом рабочего движения. Вместе с иммиграцией трудящихся из развитых капиталистических стран Европы в Аргентину проникли социалистические идеи, в том числе марксизм. Уже в 70-е годы XIX в. в Аргентине действовали секции I Интернационала, с 80-х годов — социалистические кружки и организации, объединившиеся в 1896 г. в Социалистическую партию Аргентины (СПА). Накануне первой мировой войны СПА пользовалась большим влиянием в стране, особенно в столице.

Наиболее выдающимся из первых аргентинских марксистов был выходец из Германии, активный участник первых социалистических организаций в Аргентине и один из основателей СПА Герман Аве Лальман. В созданной по его инициативе газете «Рабочий» («*El Obrero*», 1890—1892) Лальман пропагандировал идеи научного социализма. Первым из аргентинских социалистов он предпринял попытку проанализировать с марксистских позиций особенности развития капитализма в Аргентине. Лальман обратил внимание на главенствующую роль в стране помещичьей олигархии и на влияние иностранного капитала. Он считал, что рабочий класс в первую очередь должен бороться против этих сил и поддерживать буржуазно-демократические движения против олигархии при сохранении своей самостоятельности⁴.

На рубеже XX в. в социалистической партии возобладало ревизионистское течение, ведущей фигурой которого был лидер

³ Книга издана на русском языке в двух разных переводах в 1984 и в 1985 гг.

⁴ *Lallement G. A. La clase obrera y el nacimiento del marxismo en la Argentina. Selección de artículos. Buenos-Aires, 1974.*

и главный идеолог партии **Хуан Баугиста Хусто** (1865—1928), автор многих работ по истории и политэкономии. Его можно считать основоположником социал-реформистского течения в аргентинской историографии. Главным трудом Хусто явилась «Теория и практика истории» (1909).

Хусто внес важный вклад в экономическую интерпретацию истории Аргентины, в изучение развития капитализма в стране, ее социально-политической эволюции. Коренной порок аргентинского общества он усматривал в недостаточном развитии капитализма, в сохранении господства консервативной креольской олигархии.

Искренний противник капиталистической эксплуатации, пламенный трибун, отстаивавший интересы трудящихся, убежденный сторонник социализма, переводчик 1-го тома «Капитала» К. Маркса на испанский язык (1898), Хусто тем не менее не понимал и отрицал суть марксистского учения о революции.

Помимо марксизма он испытал сильное влияние позитивизма Г. Спенсера, социалдарвинизма, ревизионизма Э. Бернштейна. Суть общественного развития Хусто видел в поступательной эволюции от низших, «варварских», проявлений общественной жизни (к ним он относил и господство «креольской олигархии») к высшим формам «цивилизации». Прогресс Аргентины он и его последователи связывали с европейской иммиграцией, с привнесением достижений передового европейского капитализма, уже созревшего для перехода к социализму. Хусто верил в возможность постепенной трансформации капитализма в социализм с помощью реформ и завоевания социалистами большинства в парламенте.

Во многом сходных позиций придерживался аргентинский ученый, социолог и общественный деятель **Хосе Инхеньерос** (1877—1925). Общественно-политические и исторические взгляды Инхеньероса довольно полно были изложены в его работах 1899—1916 гг., изданных в 1918 г. под общим названием «Аргентинская социология». Анализируя историческое развитие Аргентины, он верно определил экономические причины Войны за независимость, охарактеризовал основные этапы капиталистического развития страны, роль лати-

фундизма в консервации докапиталистических пережитков. Инхеньерос подробно проследил эволюцию общественной и исторической мысли в Аргентине на протяжении XIX в., особо выделив роль Эчеверрии, Сармьенто и Альберди.

Инхеньерос указал на опасность экономической зависимости Аргентины и других стран региона от иностранного капитала: «Проблема империалистической политики Англии, Германии, Соединенных Штатов задевает непосредственно судьбы многих американских стран. Их нынешняя независимость является больше формальной, чем действительной»⁵. Особую тревогу он высказывал по поводу гегемонистской политики США.

На воззрения Хосе Инхеньероса повлияли расово-биологические и социалдарвинистские идеи. Признавая решающую роль экономических факторов в развитии общества, он видел в них, как и в классовой борьбе, проявление биологического закона борьбы за существование. Путь к прогрессу и процветанию Аргентины Инхеньерос связывал с торжеством белой европейской расы над «низшими» по природе расами. Он верил в возможность достижения классового сотрудничества и эволюции капитализма в сторону большей социальной справедливости. Серьезное значение Инхеньерос придавал духовному и моральному совершенствованию самого человека, решающую роль в осуществлении передовых идей отводил просвещенной элите.

Октябрьская революция в России и революционные события в других странах были восприняты Инхеньеросом сочувственно и побудили его к пересмотру многих прежних взглядов.

Ч и л и

«Национальная школа» чилийской историографии. На волне буржуазного либерализма в 50-е годы XIX в. в Чили сформировалась классическая «национальная школа» буржуазно-либеральной историографии, занявшая во второй поло-

⁵ *Ingenieros J.* La sociologia argentina. Buenos Aires, 1918. P. 76.

вине века доминирующие позиции в исторической науке страны. Историки этой школы испытали влияние французских просветителей XVIII в., позитивизма и эволюционизма О. Конта и С. Милля, идей Г. Бокля и И. Тэна, а также Д. Ф. Сармьенто. Для «национальной школы» были характерны осуждение колониального прошлого, антиклерикализм, патриотизм, приверженность идеям буржуазного прогресса и либерализма, вера в то, что исторический прогресс определяется развитием разума и просвещения. Помещичье-клерикальной верхушке историки «национальной школы» противопоставляли народ, в который они включали трудящиеся массы и буржуазию.

Родоначальником «национальной школы» был **Мигель Луис Амунатеги** (1828—1888), видный общественный деятель и историк. Его перу принадлежат «Диктатура О'Хиггинса» (1853), «Главы чилийской истории» (1855), 4 тома «Биографических очерков», 3-томная «Хроника 1810 года». Прекрасный стилист, он пользовался популярностью у читателей. Основной задачей историка Амунатеги считал выяснение хода событий и прославление деятелей-патриотов. Он признавал роль народных масс в истории. Во имя борьбы с помещичье-церковной верхушкой Амунатеги отстаивал необходимость диктатуры, опирающейся на народ, в которой он видел средство обуздания полуфеодального сепаратизма и утверждения режима «на службе народных интересов». Пример он видел в диктатуре О'Хиггинса (1817—1823), руководителя борьбы за независимость Чили.

Крупнейшим историком «национальной школы» был профессор и ректор Чилийского университета **Диего Баррос Арана** (1830—1907), написавший свыше 100 исторических работ. Его политическим идеалом была французская буржуазная республика 1848 г. Работу Ламартина «История жирондистов» он считал образцовым историческим сочинением и перевел ее на испанский язык. Отстаивая буржуазный прогресс, Д. Баррос Арана был сторонником эволюции и реформ. Он осуждал помещичье-клерикальные диктатуры в Латинской Америке.

Книги Д. Барроса Араны написаны на основе изучения архивов. Главным его трудом является 16-томная «Всеобщая

история Чили» (1854—1881), доведенная до 1833 г. В ней ярко изображены жизнь индейцев до испанского завоевания, их героическое сопротивление конкистадорам. Автор показал жестокие методы господства испанских колонизаторов, говорил о ханжестве и лицемерии католической церкви, наживавшейся за счет порабощения местного населения. Войне за независимость посвящено несколько томов, где О'Хиггинс и другие патриотические деятели представлены как руководители народа в борьбе за свободу.

В «Истории Тихоокеанской войны» (1881—1882), посвященной войне Чили против Перу и Боливии 1879—1883 гг. из-за селитряных месторождений, Арана осудил войны между народами Латинской Америки. Он обличал английских капиталистов и банкиров, «богатеющих на крови малых народов» и использовавших противоречия между соседними латиноамериканскими странами для усиления своего влияния.

К концу жизни взгляды Д. Барроса Араны стали консервативными, что проявилось в его нападках на революционеров и социалистов как «глашатаев социальной анархии».

Видным представителем «национальной школы» был и **Бенхамин Викунья Маккенна** (1831—1886), активный общественный и политический деятель леволыберального направления. Он автор более 100 исторических сочинений, многие из которых написаны на основе архивов Латинской Америки и Европы. Из трудов Викуньи Маккенны наиболее известны «Остракизм генерала Бернардо О'Хиггинса» (1860), 5-томная «История десяти лет администрации дона Мануэля Монтта» (1863), посвященная насыщенной политической борьбой 50-м годам и написанная по свежим следам событий, а также «Жизнь дона Диего Порталеса» (1864)⁶. Им создан цикл работ по истории отдельных городов и провинций (Сантьяго, Вальпараисо и др.).

Труды Викуньи Маккенны написаны живым литературным языком. Большое

⁶ *Диего Порталес* (1793—1837) — выдающийся буржуазный политический и государственный деятель Чили 20—30-х годов XIX в.

место он отводил экономической истории. Историю Чили он разделил в соответствии с развитием основного производства на периоды добычи серебра, золота, селитры и меди. Викунья Маккенна страстно выступал против олигархии и иностранного капитала, за раздел крупных латифундий, развитие национальной промышленности, за демократизацию Чилийской республики. Он находился во Франции в период Парижской Коммуны 1871 г. Это событие и деятельность I Интернационала произвели на него большое впечатление. По возвращении на родину Викунья Маккенна в своих работах стал больше освещать положение рабочих горнодобывающей промышленности, считая их «важным фактором социальной жизни Чили».

Большой вклад в изучение социальной истории Чили внес **Доминго Амунатеги Солар** (1860—1946). В работах «Майорат и кастильские титулы» (в 3 т.; 1901—1904) и «Энкомьенды индейцев в Чили» (в 2 т.; 1909—1910)⁷ он рассматривал аграрные проблемы, социальную структуру общества, формы эксплуатации сельского населения, крестьянские и индейские движения в колониальную эпоху. Д. Амунатеги Солар призывал изучать жизнь народа и утверждал, что не герои, а сам народ творит историю, способствует величию или падению нации. Под народом он понимал всю нацию, кроме аристократии, не признавая классовых антагонизмов и осуждая революционное насилие.

Ученик Д. Барроса Араны, профессор Чилийского университета Луис Гальдамес получил известность в начале XX в. как автор популярного, ярко написанного учебника «История Чили» (1906—1907), выдержавшего много изданий. Историк, по его мнению, должен быть добросовестным летописцем событий. Задача истории «ограничивается изложением причинной и хронологической связи событий, оказавших наибольшее влияние на прогресс нации или способствовавших его задержанию и прекращению»⁸.

⁷ *Энкомьенда* — особая форма феодальной эксплуатации индейцев в испанских колониях в XVI—XVIII вв.

⁸ *Galdames L. Historia de Chile. Santiago de Chile, 1952. P. XVIII.*

Гальдамес осуждал испанское колониальное господство, жестокую эксплуатацию масс, роскошь олигархии. С патристических позиций он осветил борьбу за независимость. Исключительное значение Гальдамес придавал географическому фактору. То, что Чили «находится на крайнем юге света, за горами, определило ее вековую изоляцию и отсталость»⁹, — писал он. Путь к прогрессу он видел в развитии просвещения и объединении всей нации на основе «идеи отечества» и концепции «социальной гармонии» во имя общего блага.

Консервативное направление. Параллельно буржуазно-либеральной «национальной школе» в Чили сформировалось и консервативное направление в историографии, родоначальником которого был историк и дипломат **Рамон Вальдес Сотомайор** (1830—1903), блестящий стилист и эрудит. Широкую известность принесла ему «История Чили за 40 лет с 1831 по 1871 год» (в 2 т.; 1875). Его произведения содержат большой фактический материал, хорошо документированы. Он первым обратился к вопросам внешней политики и международных отношений.

Р. Вальдес Сотомайор отстаивал традиционные устои чилийского общества, права собственности, позиции церкви. Главную роль в истории Чили он отводил консервативным силам в лице олигархии, которую считал хранителем национальной самобытности страны. Сотомайор критиковал либералов, особенно левых, усматривая в их идеях и деятельности разрушительные иностранные влияния. Его работы содействовали формированию консервативного чилийского национализма, усилившегося в годы Тихоокеанской войны (1879—1883).

Наиболее видным представителем консервативного направления в первой трети XX в. стал **Альберто Эдвардс Вивес** (1874—1932). В 1903 г. появилась его «История политических партий Чили (1822—1891)». Единственной реальной силой в истории он признавал аристократическую элиту, приписывая массам лишь разрушительные функции. Эдвардс Вивес отрицал возможность подлинной демократии, считая, что только сильная автори-

⁹ *Galdames L. Historia de Chile., P. XIV*

тарная власть представителей элиты способна уберечь общество от анархии и разрушения.

Пролетарское направление. В конце XIX — начале XX в. в Чили сформировался промышленный пролетариат, возникло рабочее движение, началась пропаганда идей социализма. Выдающимся руководителем рабочего движения в Чили стал типографский рабочий Луис Эмилио Рекабаррен, основатель и руководитель созданной в 1912 г. Социалистической рабочей партии Чили (позднее преобразованной в коммунистическую). Это был пламенный трибун, пропагандист идей социализма.

С именем Рекабаррена связано появление в начале XX в. пролетарского, марксистского направления в общественно-исторической мысли Чили. В его многочисленных выступлениях, статьях и брошюрах освещались рабочее движение, проблемы формирования чилийского пролетариата, его бедственное положение. В связи со 100-летием независимости Чили Рекабаррен в лекции «Богачи и бедняки» подверг критике буржуазных историков за то, что они всю историю, в том числе и борьбу за независимость Чили, сводили к деяниям «великих людей», умалчивая о подлинном творце истории — трудовом народе: «Книги по истории ничего не говорят нам об этом. Историки искали героев только среди высокопоставленных семей, среди состоятельных людей. В исторических монументах также не отражены заслуги народа». Плодами независимости воспользовалась буржуазия, а народ, который помог ей завоевать свободу, «остался в том же рабстве, в котором жил раньше». Правда, в связи с этим Рекабаррен делал упрощенный вывод о том, что пролетариат не имеет «ничего общего с годовщиной национальной независимости», поскольку она ничего ему не дала¹⁰.

Рекабаррен осуждал милитаризм и войны: «Война пожирает миллионы, за которые народ расплачивается своей нищетой. Война губит людей, убивая или калеча их»¹¹. Он считал несправедливой, спровоцированной капиталистами в инте-

ресах их прибылей войну Чили против Перу и Боливии 1879—1883 гг. В лекции «Родина и патриотизм» (май 1914 г.) он говорил о социалистическом патриотизме, который связан с борьбой против войн и за социальный прогресс своего народа, с братством всех людей и народов¹².

У Рекабаррена в те годы еще не было ясного представления о характере и путях будущей революции в Чили. Но уже до первой мировой войны он заложил основы подхода к истории Чили с революционных пролетарских позиций, сделал историю рабочего класса и его борьбы важным объектом исторического исследования.

Мексика

Диктатура Диаса и консервативное направление историографии. С середины XIX в. Мексика пережила полосу бурных и трагических событий. В результате отторжения Техаса и вооруженной агрессии США в 1846—1848 гг. она потеряла более половины своей территории. В 1854—1860 гг. страна стала ареной буржуазной революции и гражданской войны, а в 1861—1867 гг. — французской интервенции. На борьбу против интервентов поднялся весь народ во главе с президентом республики левым либералом Бенито Хуаресом.

Победа революции и разгром интервентов, казалось, открывали благоприятные перспективы для дальнейшего развития страны. Однако вскоре после смерти Хуареса (1872) в Мексике на три с половиной десятилетия утвердилась реакционная диктатура генерала Порфирио Диаса, выражавшая интересы помещичье-буржуазной олигархии. Восторжествовал путь развития капитализма, связанный с усилением помещичьего землевладения и внедрением в экономику иностранного капитала. В то же время развитие капитализма вело к формированию местной промышленной буржуазии и рабочего класса. Обострились классовые и социальные противоречия, идеологическая борьба. Рост массового недовольства вылился в буржуазно-де-

¹⁰ Рекабаррен Л. Э. Избранные статьи и речи. М., 1977. С. 63—65.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² Рекабаррен Л. Э. Избранные статьи и речи. М., 1977. С. 93—99.

мократическую революцию 1910—1917 гг., опрокинувшую диктатуру и открывшую новый этап в истории Мексики.

В период диктатуры Диаса официальной поддержкой пользовалась консервативная идеология. Крупнейшим историком-консерватором был **Франсиско Бульнес** (1853—1924). Сподвижник диктатора, сенатор, он активно защищал режим Диаса и стремился разработать концепцию исторической незыблемости господства олигархии. Бульнес утверждал, что вся история Мексики доказывает вред либерализма, ведущего к анархии, что для спасения страны необходима твердая власть президента — «сильной личности».

Причину нищеты масс Бульнес видел в неблагоприятных климатических условиях Мексики и расовой неполноценности индейцев и метисов, враждебно относился к рабочему и крестьянскому движению. В то же время, выражая консервативно-националистические настроения части господствующих классов, он протестовал против бесконтрольного хозяйничания в стране иностранных компаний. В работе «Война за независимость» (1910), написанной к 100-летию ее начала, Бульнес идеализировал колониальный режим и изображал народную войну 1810—1815 гг. против испанского гнета как разрушительную, приписывая все заслуги в достижении независимости (1821) креольской верхушке.

Буржуазно-либеральное направление. В борьбе с консервативным направлением отстаивали свои позиции буржуазно-либеральные историки. Левый либерал, писатель и историк, активный участник борьбы с французскими интервентами, Игнасио Мануэль Альтамирано в 80-е годы опубликовал «Историю и политику Мексики», где большое внимание уделил позициям разных социальных сил в период Войны за независимость. К силам, активно борющимся за независимость, он относил индейцев, метисов и дискриминированную часть креолов, а к ее противникам — колониальную администрацию, высшее духовенство, помещиков и купцов. Выступление креольской верхушки в пользу независимости в 1821 г. после спада волны народного движения он объяснял не ее патриотизмом, а боязнью нового выступления масс и стремлением сохранить свои привилегии.

Альтамирано показывал, что поскольку события 1821 г. не устранили тех зол, против которых выступили патриоты в 1810 г., последующая история Мексики была заполнена борьбой за решение проблем, унаследованных от прошлого.

Видным либеральным историком на рубеже XX в. был **Хусто Сьерра** (1848—1912), автор «Политической эволюции мексиканского народа» (1902). В этом и других трудах он отразил ненависть мексиканского народа к иностранным поработителям, его патриотизм и героизм в борьбе с врагами. Большое внимание он уделил раскрытию агрессивного характера политики США в отношении Мексики, особенно в период американо-мексиканской войны 1846—1848 гг. Говоря о героическом сопротивлении мексиканского народа американским агрессорам, Сьерра обвинял тогдашнее реакционное руководство мексиканской армии и государства в бездарности, в том, что оно обрекло это сопротивление на неудачу. Резко осуждал он французскую интервенцию 1861—1867 гг., рисуя Б. Хуареса, возглавившего народную борьбу с интервентами, как достойного защитника суверенитета нации.

Сьерра осуждал притязания католической церкви на политическое и идеологическое господство в стране, ратовал за развитие народного просвещения. Он видел в латифундизме одно из социальных зол, препятствующих развитию страны, хотя и не ставил вопроса об экспроприации крупной земельной собственности. Сьерра отрицал революционные действия и опасался революции, противопоставляя ей эволюционный путь буржуазного развития.

Революционно-демократическая тенденция. Выразителем революционно-демократической тенденции в общественной мысли Мексики начала XX в. был революционер и публицист Рикардо Флорес Магон. Он призвал свергнуть диктатуру Диаса, создать демократическую республику, провести глубокую аграрную реформу, ограничить влияние иностранного капитала, осуществить прогрессивное трудовое законодательство, а в дальнейшем передать основные средства производства в руки трудящихся. Р. Флорес Магон критиковал либералов за их боязнь революции. Всю

историю Мексики он рассматривал как историю борьбы народа с деспотизмом и тиранами, опиравшимися на крупных помещиков и церковь.

Представителем революционно-демократического направления в мексиканской историографии начала XX в. был **Андрес Молина Энрикес** (1866—1940), автор трудов «Хуарес и реформа» (1906) и «Великие национальные проблемы» (1909). Он также решительно выступал против диктатуры Диаса, призывал к установлению демократической республики, осуществлению аграрной реформы и других демократических преобразований.

А. Молина Энрикес считал прогрессивным элементом в мексиканской истории индейцев. Он рассматривал Войну за независимость как восстание прежде всего метисов, поддержанных индейцами, против колониальной власти, а их господ-креолов — как реакционную силу, стремившуюся после достижения Мексикой независимости к ниспровержению республиканского строя и восстановлению режима привилегий и эксплуатации. В то же время Война за независимость, по мнению историка, породила процесс социальной дезинтеграции и анархии.

Буржуазная революция 1854—1860 гг. и борьба с французской интервенцией в 1861—1867 гг. явились, считал А. Молина Энрикес, началом формирования и сплочения единой мексиканской нации на основе метисного элемента; завершится же этот процесс тогда, когда исчезнут классовые и социальные противоречия, разделяющие мексиканское общество. Он особо отмечал роль Хуареса в борьбе за преобразования в годы революции и в организации сопротивления французским интервентам, видя в нем отца отечества, подлинного основателя мексиканской нации.

Б р а з и л и я

Консервативно-монархическое течение в 60—80-е годы XIX в. В это время в Бразильской империи официальной поддержкой пользовалось консервативно-монархическое течение историографии. К нему принадлежал Ж. М. Перейра да Силва, опубликовавший в 1877 г. 6-томную «Историю основания империи в Брази-

лии», где восхвалялось правление императора Педру II (1831—1889). Но вместе с тем автор подробно описывал придворные интриги, раздоры в правительстве, злоупотребления местной администрации, что противоречило его выводам о процветании Бразилии под властью монарха.

Откровенной апологией рабства и монархии была проникнута книга А. Бесерры ди Менезиса «Рабство в Бразилии» (1878). Подтасовывая факты и цифры, он стремился доказать, что отмена рабства будто бы приведет к губительным последствиям для сельского хозяйства.

Буржуазно-либеральная историография конца XIX — начала XX в. Ликвидация рабства (1888), а затем свержение монархии и установление республики в результате буржуазной революции 1889 г. создали более благоприятные условия для капиталистической эволюции Бразилии, хотя в экономической и политической жизни страны сохранилось преобладание олигархии, связанной с экспортом кофе. Возросло влияние буржуазно-либеральной идеологии и философии позитивизма. В историографии возобладало буржуазно-либеральное направление.

Крупнейшим либеральным историком Бразилии был **Жозе Франсиску Роша Помбу** (1853—1933). Он утверждал, что исторической науки в Бразилии нет, ибо за историю принимают рассказы о жизни монархов и полководцев, регистрацию фактов, описание войн. Он призывал к изучению «сущности жизни народа», т. е. его обычаев, законов, учреждений, морали, естественных и духовных богатств. Роша Помбу считал движущей силой исторического процесса географическую среду, признавал важную роль расового фактора в жизни бразильского общества.

В 1905—1923 гг. вышел основной труд Роша Помбу — 10-томная «История Бразилии», охватывающая период с 1500 (открытие Бразилии европейцами) по 1889 г. Ее сокращенный вариант был издан в качестве учебника для студентов колледжей и университетов, который много раз переиздавался, а в 1962 г. опубликован на русском языке¹³. «История Бразилии» содер-

¹³ *Роша Помбу. История Бразилии. М., 1962.*

жала богатый материал о народных движениях колониальной эпохи, о борьбе за независимость, республиканских движениях, борьбе против рабства индейцев и негров. Все эти движения Помбу оценивал весьма сочувственно.

Роша Помбу был сторонником буржуазного республиканизма и эволюционного пути развития. Одновременно он признавал право трудящихся на борьбу за свои права и неизбежность революций, обусловленных, по его мнению, развитием сил природы и противоречиями внутри общества. Важным рубежом мировой истории Помбу считал Французскую революцию. Он приветствовал Октябрьскую революцию в России как великое историческое событие. Но глубинных базисных процессов, классовой природы народных движений и революций он не видел.

Расово-биологическое течение. Расово-биологический подход к историческому процессу наглядно проявился в трудах **Хуана ди Абреу Капистрану (1853—1927)**. Широкую известность получила его работа «Главы колониальной истории (1500—1800)», изданная в 1907 г. в качестве учебника. Заслугой Абреу Капистрану является то, что он обратил внимание на изучение истории колонизации Бразилии, в особенности на освоение ее внутренних районов. Он отвел значительное место социально-экономической характеристике отдельных периодов колониальной эпохи. Правда, социально-экономические аспекты развития общества он ставил в зависимость от географических и расово-биологических факторов.

Абреу Капистрану многое заимствовал у Бокля, Спенсера и Мальтуса. Он пренебрежительно отзывался об индейцах, оправдывал жестокость белых колонизаторов, доказывал экономическую необходимость ввоза негров-рабов из Африки и плантационного рабства для прогресса страны, враждебно относился к народным движениям. Абреу Капистрану возвеличивал бразильского императора Педру I (1822—1831) как основателя независимой Бразилии.

Консервативно-эмпирическое течение. Известный бразильский историк **Ж. Оливейра Лима (1867—1953)** был ведущим представителем консервативно-эмпиричес-

кого течения. Он собрал ценный документальный материал в европейских и бразильских архивах, на основе которого написал ряд крупных работ — «Историческое формирование бразильской нации», «Движение за независимость в 1821—1822 гг.» и др. В его произведениях содержатся сведения о внутренней и внешней политике Бразилии и колониальной политике Португалии. В отличие от Абреу Капистрану он описывал и народные движения, борьбу за республику, деятельность тайных обществ. Однако он рассматривал эти события лишь как болезнь роста формирующейся нации.

Оливейра Лима защищал представление о бразильском обществе как обществе классовой гармонии, идеализировал португальскую и бразильскую монархии, восхвалял «добродетельные» деяния императоров и королей. Как и Абреу Капистрану, он утверждал, что своей независимостью Бразилия обязана воле просвещенного монарха-самодержца Педру I.

Революционно-демократическое направление. На левом фланге общественно-исторической мысли Бразилии конца XIX—начала XX в. находилось революционно-демократическое направление, ярким представителем которого был революционер, мыслитель, писатель и историк **Эуклидис да Кунья (1866—1909)**. Помимо содержащих исторические суждения многочисленных социологических работ ему принадлежат произведения на исторические темы: «Сертаны» (1902)¹⁴ и сборник статей и очерков «На полях истории» (1909).

Э. да Кунья выступал за глубокие демократические преобразования при решающем участии народных масс, рабочих и крестьян. В своих работах он развенчивал «героев» буржуазной историографии как «творцов истории», отстаивая мысль о том, что движущей силой истории является революционная борьба крестьянства и рабочих. Э. да Кунья испытал влияние марксизма, однако не воспринял в полной мере материалистического понимания истории, преувеличивая роль географического и расово-биологического факторов в развитии общества.

¹⁴ *Сертаными* назывались засушливые степи на северо-востоке Бразилии.

Х. Марти

Э. да Кунья был первым, кто нарисовал широкое полотно жизни и борьбы бразильского крестьянства. В «Сертанах» он описал как очевидец крупнейшую в истории страны крестьянскую войну 1896—1897 гг. В этой работе подробно показаны трагедия безземельного, нищего сельского населения, героическая борьба восставших, жестокая расправа над ними, заклеянная автором как «величайшее преступление против нации».

Э. да Кунья проявил интерес к революционным событиям 1905 г. в России. В очерке «Миссия России» (1907) он высоко оценил значение русской культуры для европейской цивилизации.

К у б а

Общественно-историческая мысль Кубы периода войн за независимость (1868—1898). Х. Марти. На Кубе, остававшейся испанской колонией, в обстановке кризиса колониального режима и упадка плантационного рабства в 1868 г. вспыхнула война за независимость и отмену рабства. В ней участвовали широкие слои населения — от негров-рабов до зажиточных креолов, включая и часть плантаторов. Эта война, получившая название Десятилетней (1868—1878), нанесла сильный удар по колониальному режиму, хотя и не увенчалась победой. Испания была вынуждена пойти на некоторые уступки, в частности на окончательную отмену рабства (1886).

В 1895 г. началась вторая война за национальное освобождение, в ходе которой Испания оказалась на грани поражения. Тогда в войну под видом помощи ку-

бинцам вмешались США. В результате после 1898 г. Куба, освободившись от испанского колониального гнета, подверглась американской оккупации. В 1902 г. она была провозглашена независимой республикой, но на деле оказалась в экономической и политической зависимости от США.

Войны за независимость вызвали подъем национального самосознания кубинского народа, наиболее ярко воплотившийся в деятельности выдающегося вождя и идеолога освободительной борьбы, пламенного трибуна, революционного демократа и антиимпериалиста **Хосе Марти** (1853—1895). Он был философом и юристом, поэтом и политическим деятелем. Марти решительно выступал за независимость Кубы, завоевать которую, по его мнению, можно было только в ходе освободительной революции с участием всего народа. Он мечтал о том, чтобы в будущей республике была установлена «подлинная и полная свобода» для всего народа, «без преобладания какой-либо одной группы»¹⁵.

Марти не был социалистом и не понимал исторической роли рабочего класса в борьбе за социальное освобождение, но глубоко сочувствовал трудящимся и видел в них важную силу в борьбе за освобождение родины. Он с восторгом высказывался о Марксе, которого называл «пламенным преобразователем», «могучим и неутомимым организатором» европейских рабочих, «прозорливым ясновидцем причин человеческой нищеты и судеб людей, человеком, охваченным жадой делать добро»¹⁶.

Марти придавал достижению независимости Кубы важное значение для защиты Латинской Америки от агрессии США: «Мы должны добиться независимости Кубы, иначе Соединенные Штаты захватят Антильские острова и отсюда обрушатся на земли нашей Америки»¹⁷. Он предугадал, что с рождением трестов и монополий США, расширяя торговую и экономическую экспансию, станут еще более агрес-

¹⁵ Марти Х. Избранное. М., 1974. С. 155, 177.

¹⁶ El movimiento obrero cubano. Documentos y artículos. La Habana, 1975. Т. I. 1865—1925. P. 137.

¹⁷ Марти Х. Избранное. С. 179.

сивными и опасными для Латинской Америки.

В своих многочисленных статьях и очерках Марти касался ряда исторических сюжетов. Он подходил к истории с позиций рационализма, усматривая ее смысл в совершенствовании человека и общества¹⁸. Он писал, что «на Кубе цивилизация взошла на человеческой крови», бичевал рабство. Колониальная Куба, по его мнению, представляла собой «картину чудовищного произвола»¹⁹.

Марти нарисовал яркую панораму героической и самоотверженной борьбы кубинского народа за свободу в годы Десятилетней войны: «Своими руками мы сжигали родные города и строили в девственных лесах новые селения и фабрики, наши женщины носили одежду из коры деревьев, 10 лет мы вели борьбу и не раз наносили сокрушительные удары противнику, потерявшему 200-тысячную, хорошо вооруженную армию в боях с малочисленной армией патриотов, которых поддерживала только природа»²⁰.

Многие статьи и очерки Марти посвящены современной ему истории США, где он провел 15 лет в эмиграции (1880—1895). Он разоблачал тех представителей большого бизнеса, которые «создают компании, обещают дивиденды, покупают красноречие и влияние, опутывают конгресс невидимыми сетями... изменяют законы в своих целях... К их услугам газеты, телеграф, светские дамы, красноречивые и авторитетные господа депутаты... Всё в их руках, они все могут купить»²¹. Марти подробно и волнующе, по свежим следам описал драматическое положение и борьбу американских трудящихся, жестокую расправу властей над рабочими-анархистами в Чикаго в 1886 г. («Трагические события в Чикаго», 1887). Его перу принадлежит историко-биографический очерк, посвященный известному американскому генералу, а позднее президенту У. Гранту.

Гибель Марти в самом начале подготовленной под его руководством второй

войны за независимость (май 1895 г.) была невосполнимой утратой для кубинского народа. Революционно-демократические и антиимпериалистические идеи Марти оказали огромное влияние на последующие поколения кубинских революционеров и прогрессивную историографию.

В конце XIX — на рубеже XX в. появился ряд исторических произведений, написанных сторонниками борьбы за независимость. В 1877 г. вышли «Страдания политической истории Кубы» Хуана Арнао, где впервые излагалась история антиколониальных движений на Кубе с 1818 по 1868 г. Десятилетней войне были посвящены работы Эрике Кольясо «От Яры до Санхона» (1893) и Фернандо Фигеро «Революция Яры. 1868—1878» (1902).

Крупным историком буржуазно-либерального направления был профессор Гаванского университета Антонио Бачильер-и-Моралес, которого Марти называл «гордостью Кубы». Он выступал против колониального строя, за автономию, постепенную отмену рабства и капиталистическое развитие страны. Бачильер-и-Моралес являлся автором монографических исследований по конкретным проблемам истории Кубы, в том числе о древнем индейском населении Кубы — «Первоначальная Куба» (1883), и о захвате Гаваны англичанами в 1762—1763 гг. (1883).

Учеником и последователем Бачильера-и-Моралеса был Видаль Моралес-и-Моралес, автор популярной работы «Вдохновители и первые герои Кубинской революции» (1901) и учебника «Сведения по истории Кубы» (1904), написанных с патриотических позиций.

Антиимпериалистические тенденции в общественной мысли и историографии Кубы в начале XX в. После провозглашения республики в официальной историографии преобладали консервативные тенденции, превозносилась «освободительная» миссия США в отношении Кубы. Тем не менее в среде демократической общественности уже тогда проявлялись антиимпериалистические настроения. На их развитие оказали влияние патриотические выступления популярных общественных деятелей конца XIX — начала XX в. Эрике Вароны, Мануэля Сангили и Хуана Гуальберто Гомеса. Все они актив-

¹⁸ См.: Марти Х. Избранное. С. 193.

¹⁹ Марти Х. Избранное. М., 1956. С. 268.

²⁰ Марти Х. Избранное. М., 1974. С. 167.

²¹ Там же. С. 242.

но участвовали в освободительной борьбе конца XIX в., а после провозглашения республики занимались общественно-политической деятельностью: Варона был вице-президентом (1913—1917), Сангили — сенатором, затем министром иностранных дел, Гомес — депутатом и сенатором. Они защищали национальные интересы, осуждали коррупцию в республиканской администрации, критиковали империалистическую политику США в отношении Кубы.

В работе «Империализм в свете социологии» (1906) Варона показал, что экономическая зависимость от США лишает Кубу политической независимости. Но он, как и Сангили и Гомес, не видел действен-

ных средств борьбы против империализма, не ставил острых социальных вопросов, наибольшие надежды возлагал на просветительскую пропаганду и развитие образования.

Появились некоторые исторические исследования, в которых разоблачался империалистический характер политики США в отношении Кубы. Э. Кольясо, автор книги о Десятилетней войне, написал работы «Американцы на Кубе» (1905) и «Интервенированная Куба» (1910). Х. Сесар Кандарилья в 1913 г. опубликовал монографию, посвященную «поправке Платта», узаконившей политическое вмешательство США в дела Кубы, и борьбе против нее кубинских патриотов.

Ко всем разделам

* * *

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики//Соч. 2-е изд. Т. 2.— Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Соч. 2-е изд. Т. 3.— Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии//Соч. 2-е изд. Т. 4.

Маркс К. Философский манифест исторической школы права//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.— Маркс К. К критике гегелевской философии права//Там же.— Маркс К. Гизо «Почему удалась Английская революция? Рассуждение об истории Английской революции»//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7.— Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.— Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 27 июля 1854 г.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. Энгельс Ф. Анти-Дюринг//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.— Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.— Энгельс Ф. Роль насилия в истории//Там же.— Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке»//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22.— Энгельс Ф. Письмо Е. Э. Паприц. 26 июня 1884 г.//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36.

Ленин В. И. Фридрих Энгельс//Полн. собр. соч. Т. 2.— Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся?//Там же.— Ленин В. И. Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?//Полн. собр. соч. Т. 11.— Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм//Полн. собр. соч. Т. 18.— Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма//Полн. собр. соч. Т. 23.— Ленин В. И. Август Бебель//Полн. собр. соч. Т. 23.— Ленин В. И. Карл Маркс//Полн. собр. соч. Т. 26.— Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма//Полн. собр. соч. Т. 27.— Ленин В. И. Тетради по империализму//Полн. собр. соч. Т. 28.— Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»//Полн. собр. соч. Т. 30.

Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1985.— Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.— Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М., Л., 1964. Ч. 2.— *его же*. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX веках. Л., 1979.— Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974.— Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1985. 2-е изд. Ерофеев Н. А. Что такое история. М., 1976.— Журавлев Л. А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980.— Историография истории южных и западных славян. М., 1987.— Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967.— Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.— История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979.— Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.— Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963.— Крандиевский С. И. Очерки по историографии экономической истории. Харьков, 1964.— Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю//Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1.— Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН О ПРОБЛЕМАХ НОВОЙ ИСТОРИИ

Гольман Л. И. Энгельс — историк. М., 1985.— Лукин Н. М. Маркс как историк//Лукин Н. М. Избранные труды. М., 1963. Т. 3.— Маркс — историк. К 150-летию со дня рождения Карла Маркса. М., 1968.— Могильницкий Б. Г. К. Маркс и Ф. Энгельс — историки исторической науки//Новая и новейшая история. 1984. № 1.— Пантин И., Плимак Е. Идеи Маркса на переломе человеческой цивилизации // Коммунист. 1990. № 4.— Покровский М. Н. Маркс как историк//Сборник памяти К. Маркса. М., 1963.— Энгельс и проблемы истории. М., 1970.— Энгельс — теоретик. М., 1970.

Интернациональное наследие Парижской Коммуны. М., 1971. Разд. I. Гл. III—IV.— В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968.— В. И. Ленин и историческая наука. Л., 1970.— В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970.— *Иванов В. В.* Историзм в ленинской методологии научного исследования. М., 1982.— *Красин Ю. А.* Опыт Великой французской революции в ленинском наследии//Вопросы истории. 1989, № 11.— *Леонтьев Л. А.* Ленинское исследование империализма. М., 1964.— *Примаков В.* Ленинский анализ империализма и современность//Коммунист. 1986. № 9.— *Примаков В., Мартынов В., Дилигенский Г.* Некоторые проблемы нового мышления//Мировая экономика и международные отношения. 1989, № 6.— *Розенталь М. М.* Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976.

ГУМАНИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Раздел 1. К главе 1

Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов. М., 1983.— *Бурлацкий Ф. М.* Загадка и урок Никколо Макиавелли. М., 1977.— *Рутенбург В. И.* Жизнь и творчество Никколо Макьявелли//*Макьявелли Н.* История Флоренции. Л., 1973.— *Рутенбург В. И.* Титаны Возрождения. Л., 1976.

К ГЛАВАМ ПО АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Виноградов К. Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1975. 2-е изд.— *Зверева Г. И.* Организация исторической науки в Великобритании в новое и новейшее время. М., 1986.

Раздел 1. К главе 2

Волгин В. П. Вступительная статья к кн.: *Уинстенли Д.* Избранные памфлеты. М., Л., 1950.— *Мееровский Б. В.* Гоббс. М., 1975.— *Павлова Т. А.* Закон свободы: Повесть о Джерарде Уинстенли. М., 1985.— *Сапрыкин Ю. М.* Политическое учение Гаррингтона: из истории идейно-политической борьбы в годы Английской буржуазной революции XVII века. М., 1975.— *Соколов В. В.* Человек, общество, государственность и культура у западноевропейских теоретиков естественного права XVII в.//История философии и вопросы культуры. М., 1975.

К главе 4

Аникин А. Адам Смит. М., 1968.— *Барг М. А.* Историческая мысль английского просвещения: Болингброк//*Болингброк Г.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.— *Волгин В. П.* Вступительная статья к кн.: *Годвин В.* О собственности. М., 1958.— *Елистратова А. А.* Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966.— *Мееровский Б. В.* Английские мора-

листы XVIII в. о «природе человека»//История философии и вопросы культуры. М., 1975.— *Нарский И. С.* Философия Давида Юма. М., 1967.— Просветительские движения в Англии/Под ред. *Н. М. Мещеряковой.* М., 1990. .

Раздел 2. К главе 3

Гутнова Е. В. Томас Карлейль как историк//Вопросы истории. 1945. № 5—6.— *Ерофеев Н. А.* Исторические взгляды чартиста О'Брайена//Из истории социально-политических идей. М., 1955.— *Ерофеев Н. А.* Английская историческая наука 30—40-х годов XIX в.//Маркс — историк. М., 1968. *Кареев Н. И.* Томас Карлейль, его жизнь, его личность, его произведения, его идеи. Пг., 1923.— *Костикова И. В.* Философско-социологические взгляды Томаса Карлейля. М., 1983.— *Реизов Б. Г.* Творчество Вальтера Скотта. М., Л., 1965.— *Татарина К. Н.* Маколей как историк//Исторический журнал. 1945. № 5.

Раздел 3. К главе 2

Гульбин Г. К. Г. Т. Бокль. Очерк жизни и творчества//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1979.— *Шарифжанов И. И.* Актон и современная англо-американская буржуазная историография//Проблемы британской истории. М., 1973.

Раздел 4. К главе 4

Звавич И. С. История английского рабочего движения в трудах Веббов и их школы//Вопросы истории. 1947. № 11.— *Парфёнов И. Д.* Концепция империализма Д. Гобсона и ее влияние на английскую историографию//Новая и новейшая история. Саратов, 1974. Вып. 2.— *Парфёнов И. Д.* Англия и раздел мира в последней трети XIX века. Саратов, 1978.

К ГЛАВАМ ПО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М., Л., 1949.— *Бендрикова Л. А.* Французская историография революции 1848—1849 годов во Франции. М., 1969.— *Далин В. М.* Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981.— *Кареев Н. И.* Историки Французской революции. Л., 1924. Т. 1—2.

Раздел 1. К главе 3

Алексеев-Попов В. С. О социальных и политических идеях Жан-Жака Руссо//Жан-Жак Руссо. Трактаты. М., 1969.— *Волгин В. П.* Движение «равных» и их социальные идеи//*Буонаротти Ф.* Заговор во имя равенства. М., 1963.— *Волгин В. П.* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977.— *Косминский Е. А.* Вольтер и историческая наука//*Косминский Е. А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963.—

Кузнецов В. Н. Французский материализм XVIII века. М., 1981.— *Люблинская А. Д.* Историческая мысль в Энциклопедии//История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978.— *Попов-Ленский И. Л.* Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. М., Л., 1924.— *Соколов Н. П.* Исторический процесс в произведениях Тюрго//Ученые записки Горьковского университета. 1959. Вып. 51.

Раздел 2. К главе 1

Застенкер Н. Е. Анри де Сен-Симон//*Застенкер Н. Е.* Очерки истории социалистической мысли. М., 1985. *Коган-Бернштейн Ф. А.* Жюль Мишле и его книга «Народ»//*Ж. Мишле.* Народ. М., 1965.— *Плеханов Г. В.* Историки времен Реставрации//Собр. соч. М., Л., 1923. Т. VII.— *Плеханов Г. В.* Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории//Собр. соч. М., Л., 1923. Т. VIII.— *Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956.

Раздел 3. К главе 3

Кучеренко Г. С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975. Гл. III.— *Лукин Н. М.* Альфонс Олар (1849—1928)//*Лукин Н. М.* Избранные труды. М., 1960. Т. I.— *Олар А.* Тэн как историк//Современный мир. 1908. Кн. X.— *Ревякин А. В.* Этьен Кабе о французских буржуазных революциях//История социалистических учений. М., 1987.

Раздел 4. К главе 3

Годшо Ж. Альбер Матъез//Французский ежегодник 1982. М., 1984.— *Собуль А.* Жорес, Матъез и история Французской революции//Французский ежегодник. 1968. М., 1970.— *Таран Л.* Теория «исторического синтеза» Анри Берра//Французский ежегодник. 1968. М., 1970.

К ГЛАВАМ ПО ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М., 1986.— *Кан С. Б.* Немецкая историография революции 1848—1849 гг. в Германии. М., 1962.

Раздел 1. К главе 5

Могильницкий Б. Г. О генезисе немецкого идеалистического историзма//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1982.— *Мошковская Ю. Я.* Георг Форстер — немецкий просветитель и революционер XVIII в. (1754—1794). М., 1961.

Раздел 2. К главе 2

Гавриличев В. А. Теоретико-методологические основы гейдельбергской школы историков//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1966.— *Карим-*

ский А. М. Философия истории Гегеля. М., 1988. *Смоленский Н. И.* Леопольд фон Ранке. Методология и методика исторического исследования//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1966.

Раздел 3. К главе 4

Гавриличев В. А. Великая французская революция в освещении малогерманской школы историков (50—60-е годы XIX в.)//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964.— *Меринг Ф.* Легенда о Лессинге//Избранные труды по эстетике. М., 1985. Т. I. *Могильницкий Б. Г.* Об одном опыте психологической интерпретации истории средневековой Германии//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1969.— *Розанов И. В.* К вопросу о социальной концепции представителей катедерсоциализма//Ежегодник германской истории. 1983. М., 1984.— *Смоленский Н. И.* Политические категории немецкой буржуазной историографии (1848—1871). Томск, 1982.

Раздел 4. К главе 2

Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX века. М., 1958.— *Льюис Д.* Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера. М., 1981.— Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX — начале XX века. М., 1984. Гл. 1, 2, 5, 7, 8, 9.— *Неусыхин А. И.* Эмпирическая социология Макса Вебера и логика исторической науки//Проблемы европейского феодализма. М., 1974.— *Оболенская С. В.* Франц Меринг как историк. М., 1966.— *Родионов А. В.* Бисмарковская традиция в историко-политической концепции Фридриха Мейнеке//Ежегодник германской истории. 1973. М., 1974.

К ГЛАВАМ ПО ИСТОРИОГРАФИИ США

Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.— *Дементьев И. П.* Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М., 1963.— Основные проблемы истории США в американской историографии. М., 1971.— *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли. Т. I—III. М., 1962—1963.

Раздел 1. К главе 6

Каримский А. М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976.— *Согрин В. В.* Идеиные течения в американской революции XVIII века. М., 1980.

Раздел 2. К главе 5

Болховитинов Н. Н. Становление исторической науки в США//История США. М., 1983. Т. I.— *Дементьев И. П.* Теория американской исключительности в исторической мысли США

//Вопросы истории. 1986. № 2.— *Свет Я. М.* Уильям Хиклинг Прескотт и его открытие Америки//Новая и новейшая история. 1977. № 1.

Раздел 3. К главе 5

Дементьев И. П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973.— *Уманский П. Б.* Американская революция в буржуазной историографии США (конец XVIII — 60-е гг. XX в.). Казань, 1988.

Раздел 4. К главе 5

Дементьев И. П. Об исторических взглядах Чарлза Бирда//Вопросы истории. 1957. № 6.— *Кунина А. Е.* США: методологические проблемы историографии (практика исследований). М., 1988.— *Мурадян А. А.* Американская историография тихоокеанской политики США в XIX в. М., 1975. Гл. 2.— *Согрин В. В.* Критические направления немарксистской историографии США XX века. М., 1987.

К ГЛАВАМ ПО ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII в.). М., 1976.— *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985.— *Иллерицкий В. Е.* Революционная историческая мысль в России. М., 1974. *Итенберг Б. С.* Россия и Великая французская революция. М., 1988.— *Шапиро А. Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век (Курс лекций). Л., 1982.

Раздел 1. К главе 7

Дербов Л. А. Исторические взгляды русских просветителей второй половины XVIII века. Саратов. 1987.— *Моряков В. И.* Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М., 1981.— *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961—1971. Ч. 1—3. *Шанский Д. Н.* Из истории русской исторической мысли. И. Н. Болтин. М., 1983.

Раздел 2. К главе 4

Гутнова Е. В., Асиновская С. А. Грановский как историк//Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986.— *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987.— *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественной мысли XIX в. М., 1986.— *Шикло А. Е.* Исторические взгляды Полевого. М., 1981.

Раздел 3. К главе 6. Раздел 4. К главе 6

Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева. Содержание и эволюция. Л., 1988.— *Ковальченко И. Д., Шикло А. Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX в.//Вопросы истории. 1981. № 1.— *Мозильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной

медиевистики середины 70-х гг. XIX в.— начала 900-х годов. Томск, 1969.— *Софронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976.— *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск, 1978.— *Чапкевич Е. И.* Евгений Викторович Тарле. М., 1977.— *Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX века. М., 1980.

К ГЛАВАМ ПО ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. М., 1965.— *Канделоро Д.* История современной Италии. М., 1958—1971. (разделы «Библиографическая справка» к т. 1—5). *Мизиано К. Ф.* Историография революции 1848 г. в Италии//Революции 1848—1849. М., 1952. Т. 2.— *Эфириов С. А.* Итальянская буржуазная философия XX века. М., 1968.

Раздел 3. К главе 7

Никитич Л. А. Лабриола. М., 1980.— *Плеханов Г. В.* О книге Кроче «Экономический материализм и марксистская экономика: Критические очерки»//Соч. М., Л., 1923. Т. II.— *Тольятти П.* Развитие и кризис итальянской мысли в XIX веке//Вопросы философии. 1955. № 5.

Раздел 4. К главе 7

Аббате М. Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества. М., 1959.— *Иванов Г. М.* Кризис позитивистской концепции исторического источника и Б. Кроче//Вопросы истории. 1974. № 1. *Лопухов Б. Р.* О «тождестве» философии и истории в работах Бенедетто Кроче//«Вопросы философии». 1970. № 1.

К ГЛАВАМ ПО ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Раздел 2. К главе 6

Нарский И. С. Мировоззрение Э. Дембовского. Из истории польской философии XIX в. М., 1954.— *Попков Б. С.* Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. М., 1974.— *Хинц Г. Ф.* Гуго Коллонтай. М., 1978.

Раздел 3. К главе 8. Раздел 4. К главе 8

Воронков И. А. Тадеуш Корзон — видный представитель польской буржуазной историографии последней трети XIX — начала XX в.//Славянская историография. Сб. статей. М., 1966.— *Зашкильняк Л. А.* Формирование и развитие исторической науки в Польше. Учебное пособие. Львов, 1986.— *Малевиц С. А.* Вопросы исторического материализма в трудах Людвига Крживицкого. Минск, 1971.— *Морозов О. П.* Бронислав Шварце как историк восстания 1863—1864 гг.//Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала

XX в. М., 1971.— *Яжборовская И. С. Ю. Марклевский как историк*//История и историки. 1976. М., 1979.

Раздел 4. К главе 9
(австрийская историография)

Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX — начале XX века. М., 1984. Гл. 11.— *Турок-Попов В. М.* Австрийская историография эпохи дуализма (1867—1918)//Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967.

Раздел 4. К главе 10
(венгерская историография)

Айрапетов А. Г. Эрвин Сабо. М., 1984.— *Ледерер Э.* Венгерская историография эпохи дуализма (1867—1918)//Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967.— *Шушарин В. П.* Предисловие//*Ачади И.* История венгерского крестьянства. М., 1956.

Раздел 4. К главе 12
(румынская историография)

Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1975.— *Константинеску М.* и др. Румынская историография XIX — начала XX в.//Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967.

Раздел 4. К главе 13
(болгарская историография)

Методологические проблемы истории славистики. М., 1978.

Раздел 4. К главе 15
(испанская историография)

Пономарева Л. В. Некоторые особенности испанской общественной мысли XIX — начала XX веков//Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. *Свет Я.* Предисловие//*Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М., 1951. Т. 1.— *Темкин В. А.* Франсиско Пи-и-Маргаль как теоретик испанского федерализма//Проблемы испанской истории. М., 1984.

Раздел 4. К главе 16
(латиноамериканская историография)

Альперович М. С. Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964.— *Ермолаев В. И.* Национальная историография в странах Латинской Америки конца XIX — начала XX в. //Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967.— *Ермолаев В. И.* Историография Латинской Америки//Латинская Америка. Энциклопедический справочник. М., 1979. Т. 1.— *Ермолаев В. И.* Введение//Очерки истории Аргентины. М., 1961.— *Ермолаев В. И.* Развитие исторической науки в Бразилии/Очерки истории Бразилии. М., 1962.— *Ермолаев В. И., Коновалов В. Г.* Развитие исторической науки в Чили//Очерки истории Чили. М., 1967.

- Абреу Капистрану (Abreu Capistrano) X. ди 495
 Авенариус (Avenarius) P. 344, 416
 Авенель (Avenel) Ж. 248
 Агоштон (Agoston) П. 450
 Адамс (Adams) Б. 280, 403
 Адамс (Adams) Г. 284—285, 336, 402, 403
 Адамс (Adams) Г. Б. 278, 282
 Адамс (Adams) Дж. 96—97, 164
 Адамс (Adams) Ч. К. 279
 Айнзидель (Einsiedel) А. 89
 Аксаков К. С. 112, 166
 Актоп (Acton) Дж. Э. 231, 232, 390
 Алисон (Alison) А. 112, 153
 Альберди (Alberdi) X. Б. 485—486, 489
 Альбина Л. Л. 52
 Альтамира-и-Кревеа (Altamira y Crevea) P. 476, 478—479
 Альтамирано (Altamirano) И. М. 493
 Амель (Hamel) Э. 247
 Амунатеги (Amunátegui) М. Л. 490
 Амунатеги Солар (Amunátegui Solar) Д. 491
 Анвин (Unwin) Дж. 390, 391
 Андерсон (Anderson) А. 72, 152
 Анненков П. В. 170
 Анцилотти (Anzilotti) А. 428, 429, 431
 Априлов В. 464—465
 Арическу (Aricescu) К. Д. 462
 Арнольд (Arnold) Э. 151, 330
 Арну (Arnould) А. 254—255
 Аскенази (Askenazy) Ш. 435
 Ачади (Acsády) И. 449—450
- Баадер (Baader) Ф. 139**
 Бабёф (Babeuf) Г. (Ф. Н.) 69—70, 132, 207
 Байер (Bayer) Г. 3. 100
 Бакс (Bax) Э. Б. 240—241
 Бакунин М. А. 191, 227, 317, 354
 Балагер (Balaguer) В. 479
 Бальбо (Balbo) Ч. 309
 Бальцер (Balcer) О. 433—434
 Барг М. А. 17, 20, 47, 49
 Барджесс (Burgess) Дж. 278, 283, 408
 Барициу (Barițiu) Дж. 462
 Барнав (Barnave) А. 66—68, 96
 Барнет (Burnet) Г. 42—43
 Баррос Арана (Barros Arana) Д. 490, 491
 Барт (Bart) П. 269
 Баса-и-Бустос (Baza y Bustos) А. 487
 Баумгартен (Baumgarten) Г. 260
 Бауэр В. В. 297
 Бауэр (Bauer) О. 445—446
 Бауэр (Bauer) Ст. 342, 445
 Бах (Bach) М. 445
 Бачильер-и-Моралес (Bachiller y Morales) А. 497
 Бебель (Bebel) А. 270
 Беверли (Beverley) P. 90
 Бейль (Bayle) П. 21, 46
 Беккер (Becker) К. 406
 Бекшич (Beksics) Г. 449
 Белинский В. Г. 114, 166, 170—172, 174, 175
 Белов (Below) Г. фон 342, 365—366, 376
 Бентам (Bentham) И. 150, 449
 Бентон (Benton) Э. 410
 Берви-Флеровский В. В. 225
 Бергсон (Bergson) А. 336, 484
- Бери (Bury) Дж. 392
 Бернгейм (Bernheim) Э. 199
 Бернштейн (Bernstein) Э. 271—272, 343, 373, 395, 489
 Берр (Berr) А. 341, 342, 381, 382, 383, 403
 Берсецио (Bersezio) В. 314
 Бертолини (Bertolini) Ф. 313
 Бесерра ди Менезис (Beserra de Menezes) А. 494
 Бёрк (Burke) Э. 95, 111, 112, 148—149
 Биондо (Biondo) Ф. 27—28, 31
 Бир (Beer) Д. 408, 409
 Бирд (Beard) У. 90
 Бирд (Beard) Ч. 335, 401, 406—407, 414
 Биск И. Я. 7
 Благоев Д. 469
 Блан (Blanc) Л. 115, 131, 173, 225, 246, 247, 351
 Блок (Bloch) М. 381
 Блос (Blos) В. 271
 Бобжиньский (Bobrzyński) М. 320, 321—322
 Богдан (Bogdan) И. 459—460
 Богданов А. И. 100
 Боден (Bodin) Ж. 18, 32, 102
 Бодянский О. М. 169
 Бокль (Buckle) Г. Т. 225, 232—234, 275, 280, 459, 467, 483, 490, 495
 Боливар (Bolivar) С. 227
 Болингброк (Bolingbroke) Г. 72
 Болланд (Bolland) Ж. 19
 Болтин И. Н. 101—102
 Бональд (Bonald) Л. де 111, 112, 117, 118
 Боссюэ (Bossuet) Ж. Б. 45, 48, 167
 Боткин В. П. 170, 171, 172
 Ботта К. (Botta) К. 310
 Ботто (Botto) Ю. 454—455
 Боули (Bowley) А. 397
 Бофаруль (Bofarull) А. 479
 Браун (Braun) Г. 372
 Браччолини (Bracciolini) П. 27
 Брентано (Brentano) Л. 265, 266—267, 376
 Бруни, Аретино (Bruni, Aretino) Л. 27
 Брэдфорд (Bradford) У. 89
 Брэйлсфорд (Brailsford) Г. Н. 400
 Буленвилле (Boullainvilliers) А. де 48, 49, 50, 119
 Бульнес (Bulnes) К. 493
 Буонарроти (Buonarroti) Ф. 71, 132
 Буржен (Bourgin) Ж. 381
 Буркхардт (Burckhardt) Я. 262—263, 269
 Бус (Booth) Ч. 238—239
 Бьянки (Bianchi) Н. 314
 Бэджгот (Bagehot) У. 229
 Бэкон (Bacon) Ф. 19, 20, 33—34, 35, 36, 43
 Бэлческу (Bălcescu) Н. 457—458
 Бэнкрофт (Bancroft) Дж. 113, 114, 180—182, 185, 280, 282, 409
 Бэйкрофт (Bancroft) Х. 279
 Бюхер (Bücher) К. В. 267, 366
 Бюше (Bucheze) Ф. Ж. Б. 130—131, 225, 246
- Валла (Valla) Л. 28—29**
 Вальдес Сотомайор (Valdes Sotomayor) P. 491
 Вандаль (Vandal) А. 385
 Ван-Тайн (Van Tine) К. 411
 Варона (Varona) Э. 497—498
 Варыньский (Waryński) Л. 326
 Вебб (Webb) С. и Б. 8, 239—240, 390, 394

- Вебер (Weber) М. 335, 338—340, 341, 342, 371, 373, 376, 445
 Вебстер (Webster) Д. 184
 Вейдемейер (Weydemeyer) И. 285, 286
 Вейль (Weille) Ж. 335, 351
 Велькер (Welcker) К. Т. 143
 Венелин Ю. И. 464
 Вера (Vera) X. 480, 481
 Верморель (Vermorel) О. 248
 Видаль Моралес-и-Моралес (Vidal Morales y Morales) 497
 Вико (Vico) Дж. 23, 167
 Викаунья Маккенна (Vicuña Mackenna) Б. 490—491
 Виллани (Villani) Дж. 31
 Виллари (Villari) П. 314, 316, 318
 Вилсон (Wilson) В. 409
 Вилсон (Wilson) Г. 275
 Вильмен (Villemain) А. Ф. 120
 Вильямс (Williams) Дж. 412
 Виндельбанд (Windelband) В. 337—338
 Виноградов П. Г. 231, 298, 299, 300, 342, 349, 417
 Виолан (Violand) Э. 444
 Виппер Р. Ю. 341, 416—417
 Войцеховский (Wojciechowski) Т. 325
 Вольней (Volney) К. Ф. 68—69
 Вольпе (Volpe) Дж. 428
 Вольтер, Аруэ (Voltaire, Arouet) М. Ф. 22, 23, 46, 47, 49, 50—53, 55, 60, 65, 69, 98, 101, 104, 109, 110, 163
 Вольтман (Woltmann) Л. 373—374
 Врачанский (Врачански) С. 464
 Вуд (Wood) Г. 397
- Гаек (Hajek) В. 328
 Галлам (Hallam) Г. 114, 154
 Галлер (Haller) К. Л. 133, 138
 Гальдамес (Galdames) Л. 491
 Гамильтон (Hamilton) А. 96, 97, 185
 Гаммедж (Gammage) Р. 239
 Ганка (Hanka) В. 169
 Гарденберг, Новалис (Hardenberg, Novalis) Ф. 111, 138
 Гардинер (Gardiner) С. Р. 235, 396
 Гарибальди (Garibaldi) Дж. 314
 Гарнет (Garnet) Г. 186
 Гарни (Harney) Дж. 115
 Гаррингтон (Harrington) Дж. 21, 41—42, 90, 96
 Гартман (Hartmann) Л. М. 342, 445
 Гассенди (Gassendi) П. 20
 Гаттерер (Gatterer) И. К. 86
 Гвиччардини (Guicciardini) Ф. 18, 29, 31—32, 33
 Гегель (Hegel) Г. В. Ф. 114, 136—138, 156, 163, 172, 329, 337, 353, 370, 426, 427, 480
 Гед (Guesde) Ж. 242
 Гельвеций (Helvétius) К. А. 22, 54, 55, 56, 57, 69, 105
 Гервинус (Gervinus) Г. Г. 114, 146
 Гердер (Herder) И. Г. 22, 23, 80, 83—85, 166, 167, 245, 329
 Герцен А. И. 114, 170, 171, 172—174, 190, 225, 227, 292
 Герье В. И. 127, 298, 301
 Гёте (Goethe) И. В. 80, 82—83, 146, 156,
 Гиббон (Gibbon) Э. 75—76, 84
 Гизо (Guizot) Ф. 62, 111, 113, 116, 120, 122—123, 127, 128, 164, 168, 203, 207, 225, 242, 243, 263, 292, 329, 449, 459
 Гильфердинг А. Ф. 169, 471, 474
 Гильфердинг (Hilferding) Р. 343, 445—446
 Гиндели (Gindely) А. 332
 Гоббс (Hobbes) Т. 20, 40—41, 43
 Гобсон (Hobson) Дж. 8, 343, 357, 393
 Годвин (Godwin) У. 149—150
 Годшо (Godechot) Ж. 63, 252
 Гожицкий (Gorzycycki) К. 438
 Голдсмит (Goldsmith) О. 73
 Голл (Goll) Я. 452
 Гольбах (Holbach) П. А. 22, 54, 55, 56
 Гомес (Gómez) Х. Г. 497—498
 Гордон (Gordon) У. 177, 179
 Госмер (Hosmer) Дж. 283
 Готхайн (Gothein) Э. 263
 Гоффман (Hoffmann) К. 194
 Грабский (Grabski) В. 436
 Грановский Т. Н. 111, 113, 114, 170, 171, 174, 175—176, 291
 Григорович В. И. 471
 Грили (Greeley) Х. 275, 276
 Гримм (Grimm) Я. 134, 146, 151
 Грин (Green) Дж. Р. 234—235, 283, 395
 Гриттон (Gretton) Р. 395
 Гриффитс (Griffiths) У. 410
 Грот (Grote) Дж. 153
 Гроций, Гроот (Grotius, Groot) Г. 20, 143
 Груссак (Groussac) П. 488
 Грюнберг (Grünberg) К. 342, 445
 Гумплович (Gumplovicz) Л. 441
 Гуссерль (Husserl) Э. 336
 Гутнова Е. В. 13, 417
 Гуттен (Hutten) У. фон 28
 Гуэррацци (Guerrazzi) Ф. Д. 314
- Д'Адзельо (D'Azeglio) М. 314
 Дайек (Diack) У. 241
 Д'Аламбер (D'Alembert) Ж. 44, 45, 46, 53, 75
 Дальман (Dahlmann) Ф. К. 87, 113, 114, 142, 144, 146
 Данилов А. И. 8
 Даннинг (Dunning) У. 409—410, 412
 Дебидур (Debidour) А. 249, 253
 Де Блазиис (De Blasiis) Дж. 314
 Дебс (Debs) Ю. 413
 Дезами (Dézamy) Т. 132
 Декарт (Descartes, Carthesius) Р. 19, 20, 21, 46, 65
 Де Лева (De Leva) Дж. 314
 Де Леон (De Leon) Д. 413
 Дельбрюк (Delbrück) Г. 264, 369—370, 376
 Дембовский (Dembowski) Э. 193
 Десницкий С. Е. 102—103
 Джеймс (James) У. 277, 341
 Джентиле (Gentile) Дж. 426, 427
 Джефферсон (Jefferson) Т. 91, 92—94, 164, 178, 185
 Джоберти (Gioberti) В. 309, 429
 Джонс (Jones) У. 152
 Джордж (George) Г. 278
 Джорджевич (Ђорђевић) В. 474
 Джуреску (Giurescu) К. 463
 Дидро (Diderot) 22, 46, 51, 54, 55, 56, 57, 75, 98, 106
 Дизраэли (Disraeli) Б. 112

- Дикштейн (Dickstein) Ш. 326
 Дилк (Dilke) Ч. 230
 Дильтей (Dilthey) В. 336—337
 Димитров Г. 470
 Дмитрнев С. С. 169
 Добнер (Dobner) Г. 328
 Добровский (Dobrovský) Й. 328, 329, 464
 Доброджану-Геря (Dobrogeanu-Gherea) К. 461
 Добролюбов Н. А. 174, 220, 290—291
 Домановский (Domanovszky) Ш. 449
 Дринов М. 465—466, 468
 Дрио (Driault) Э. 385
 Дройзен (Droysen) И. Г. 200, 257—258, 260, 262, 336
 Дрэпер (Draper) Дж. 275—276, 280
 Дуглас (Douglass) У. 90
 Дуглас (Douglass) Ф. 184, 276—277
 Дьюи (Dewey) Дж. 277, 341
 Дэвис (Davis) Дж. 274
 Дюбо (Dubos) Ж. 48—49, 50
 Дюбуа (Du Bois) У. 410, 412—413
 Дюринг (Dühring) Е. 221
 Дюркгейм (Durkheim) Э. 336, 381, 382
 Ешевский С. В. 174
 Жорес (Jaurès) Ж. 343, 386, 421
 Закшевский (Zakrzewski) С. 434—435
 Запотоцкий (Zápotocký) Л. 455
 Застенкер Н. Е. 202
 Зибель (Sybel) Г. фон 225, 257, 258—261, 262, 263, 282, 370
 Зибрт (Zibrt) Ч. 453
 Зиккель (Sickel) Т. 200, 440
 Златарский (Златарски) В. 468—469
 Зомбарт (Sombart) В. 335, 371, 372—373, 376
 Зорге (Sorge) Ф. А. 285, 287, 413
 Иглесиас (Iglesias) П. 480, 481
 Инама-Штернегг К. Т. (Inama-Sternegg) К. Т. 443—444
 Ингерсолл (Ingersoll) Р. 277
 Инхеньерос (Ingenieros) Х. 489
 Ирвинг (Irving) В. 178
 Иречек (Jureček, Jireček) К. 465, 468
 Йорга (Iorga) Н. 459, 460—461, 462, 463
 Кабакчиев Х. 470
 Кабе (Cabet) Э. 132
 Кавур (Cavour) К. 314
 Кайсаров А. С. 160
 Калинка (Kalinka) В. 320—321, 439
 Каменьский (Kameński) Г. 193—194
 Кампфмейер (Kampfmeier) П. 373
 Кандарилья (Candarilla) Х. С. 498
 Каннингем (Cunningham) 231, 236, 390
 Кановас дель Кастильо (Cánovas del Castillo) А. 476, 477—478
 Кант (Kant) И. 81—82, 84, 145, 329
 Кантакузино (Cantacuzino) К. 457
 Кантемир (Cantemir) Д. 457
 Каппони (Capponi) Дж. 314
 Каравелов Л. 466
 Караджич (Karađuh) В. С. 470—471, 474
 Карамзин Н. М. 5, 112, 161—162, 164, 166, 167, 225, 470
 Карбия (Carbia) Р. Д. 487
 Карбонель (Carbonell) Ш. 45
 Кареев Н. И. 7, 200, 225, 290, 298, 299, 300—301, 302, 304—306, 336, 422, 423—424
 Каркано (Cárcano) М. А. 487
 Карлейль (Carlyle) Т. 115, 152, 153, 156—158, 174, 181, 183, 225, 232
 Карно (Carnot) А. 384
 Карон (Caron) П. 384
 Карутти (Carutti) Д. 314
 Каттанео (Cattaneo) К. 430
 Каутский (Kautsky) К. 267, 271—272, 358, 389
 Квидде (Quidde) Л. 365
 Кемден (Camden) У. 36
 Кертман Л. Е. 17
 Кине (Quinet) Э. 166, 246—247, 263
 Киреевский И. В. 112, 166
 Клаич (Klaič) В. 475
 Клас (Clav) Г. 366, 367
 Клусс (Kluss) А. 285, 286
 Клэпем (Claphem) Дж. 335, 396
 Кнапп (Knapp) Ф. Г. 267—268
 Кноблаух (Knoblauch) К. фон 88
 Коббет (Cobbett) У. 153, 155—156, 225
 Ковалевский М. М. 7, 200, 201, 298, 303—304, 418, 419
 Когэличану (Kogălniceanu) М. 457, 458, 463
 Коларов В. 470
 Коллетта (Colletta) П. 310
 Коллингвуд (Collingwood) Р. 381—382
 Коллонтай (Kollataj) Г. 187
 Кольясо (Collazo) Э. 497, 498
 Коммонс (Commons) Дж. 408
 Кондорсе (Condorcet) Ж. А. Н. 23, 53, 54, 60, 64—66, 68, 94, 113, 245
 Коннолли (Connolly) Дж. 343, 394
 Консидеран (Considérant) В. 173
 Конт (Comte) О. 198—199, 229, 244—245, 255, 269, 275, 284, 334, 342, 447, 459, 483, 490, 495
 Корбетт (Corbett) Дж. 395
 Корзон (Korzon) Т. 323—325, 432
 Кос (Kos) Ф. 473
 Косминский Е. А. 20, 51, 418
 Коста (Costa) Х. 476, 480
 Коулбрук (Colebrooke) Г. 152
 Кошелев А. И. 169
 Крамарж (Kramář) К. 453
 Крауз (Kraus) М. 186, 408
 Кромер (Cromer) Э. Б. 395, 398
 Кропоткин П. А. 251, 422
 Кроче (Croce) Б. 340, 342, 426—427, 430, 431
 Крянгэ (Creangă) Г. Д. 463
 Ксенопол (Xenopol) А. Д. 341, 342, 459, 460, 462, 463
 Кудрявцев П. Н. 114, 170
 Кузен (Cousin) В. 116, 166
 Кузнецов В. Н. 54
 Кукулевич-Сакцинский (Kukuljevič Sakcinski) И. 472, 473
 Кульчицкий, Мазовецкий (Kulczycki, Mazowiecki) Л. 437
 Кунья (Cunha) Э. да 495—496
 Кутшеба (Kutrzeba) С. 434
 Кшивицкий (Krzywicki) Л. 325—326
 Кэлхун (Calhoun) Дж. 184
 Лабриола (Labriola) Ант. 201, 317—319, 425, 426

- Лависс (Lavisse) Э. 249, 383, 384, 387—389
Лавров П. Л. 295
Ладлоу (Ludlow) Э. 42
Лакомб (Lacombe) П. 342, 380—381
Лальман (Lallement) Г. А. 488
Ламанский В. И. 201
Ламартин (Lamartine) А. де 128—129, 490
Лампрехт (Lamprecht) К. 6, 268—270, 336, 342, 365, 403, 450, 461, 467
Ланглуа (Langlois) Ш. В. 199, 254, 278, 379, 383, 387
Лаппо-Данилевский А. С. 341
Латурет (Latourette) К. 410
Лауриан (Laurian) А. Т. 457
Лаусон (Lowson) В. 412
Лафарг (Lafargue) П. 201, 221, 242, 255—256, 343
Лафуэнте (Lafuente) М. 476, 477
Левассёр (Levasseur) П.-Э. 254, 335
Левассёр (Levasseur) Р. 130, 207
Лекки (Lecky) У. 232, 234
Леклерк Н. Г. 102
Леланд (Leland) Дж. 36
Лелевель (Lelewel) И. 114, 190—193, 225, 321, 433
Леман (Lehmann) М. 263—264
Ленин В. И. 6, 7, 8, 9, 11, 20, 78, 108, 115, 138, 165, 169—170, 172, 174, 216, 217, 220, 224, 227, 274, 288, 296, 307, 317, 334, 343—363, 389, 393, 398, 400, 401, 413, 415, 416, 422, 425, 427, 438, 446
Ленц (Lenz) М. 367—368, 376
Лессинг (Lessing) Г. Э. 80—81
Лефевр (Lefebvre) Ж. 63, 244, 381
Лефрансе (Lefrançais) Г. 254
Ли (Lee) Г. 279
Либкнехт (Liebknecht) В. 271—272
Лизем Дж. 241
Лильберн (Lilburne) Дж. 38
Лимановский (Limanowski) Б. 437
Линхарт (Linhart) А. 473
Лиске (Liske) К. 325
Лиссагарэ П. О. (Lissagaray) П. О. 254, 255, 351
Лист (List) Ф. 405
Лихачёв Д. С. 162
Ллойд (Lloyd) Г. Д. 278, 411, 412
Лойко (Łoyko) Ф. 187
Локк (Locke) Дж. 20, 21, 43, 90, 103
Ломоносов М. В. 22, 52, 100—101
Лончар (Lončar) Д. 473—474
Лопатин Г. А. 221
Лопес (López) В. Ф. 486—487
Лоренсо (Lorenzo) А. 480
Луден (Luden) Г. 114, 142—143
Лунин М. С. 163, 164
Луцицкий И. В. 7, 200, 244, 298, 299—300, 302—303, 419
Люблинская А. Д. 46
Люкас (Lucas) Ч. 398
Люксембург (Luxemburg, Luksemburg) Р. 359, 438, 439
- Мабильон (Mabillon) Ж. 44**
Мабли (Mably) Г. Б. де 12, 22, 24, 47, 60—62, 98, 105, 109, 131, 163
Мадеро (Madero) Э. 487
Мадзини (Mazzini) Дж. 227, 310, 314, 354
Майерс (Mayers) Г. 412
- Майор (Maior) П. 457
Майореску (Maiorescu) Т. 459
Макинтош (Mackintosh) Дж. 149
Мак Кейб (Mc Cabe) Дж. 274
Маккиннон (Mackinnon) У. А. 153
Мак Мастер (Mc Master) Дж. 283—284
Мак Нейл (Mc Neill) Дж. 285
Маколей (Macaulay) Т. Б. 113, 114, 152, 154—155, 225, 283, 447
Максвелл (Maxwell) Г. 393
Макферсон (Macpherson) Д. 152
Макиавелли (Machiavelli) Н. 18, 29—31, 32, 33
Малон (Malon) Б. 254
Мальтус (Malthus) Т. Р. 149, 157, 495
Мандевиль (Mandeville) Б. 24
Манкиев А. И. 98
Марешаль (Maréchal) С. 71
Марки (Márki) Ш. 450
Маркович (Марковић) С. 471
Маркс (Marx) К. 9, 11, 16, 19, 20, 24, 30, 34, 36, 48, 68, 91, 133, 139, 140, 150, 156, 157, 158, 159, 177, 190, 191, 196, 201, 202—227, 248, 255, 275, 276, 277, 278, 285, 286, 287, 301, 303, 306, 316—317, 325, 334, 340, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 351, 352, 353, 354, 359, 369, 372, 373, 375, 406, 413, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 429, 438, 445, 450, 455, 472, 489, 496
Маркс (Marcks) Э. 367, 368, 376
Маркс-Эвелинг (Marx-Aveling) Э. 241
Марру (Marrou) А. И. 379
Марти (Martí) Х. 496—497
Мархлевский (Marchlewski) Ю. 343, 438, 439
Марцали (Marczali) X. 449
Маршалл (Marshall) Дж. 178
Масарик (Masaryk) Т. Г. 453—454
Матъез (Mathiez) А. 384, 385—386
Маура Гамазо (Maura Gamazo) Г. 478
Маурер (Maurer) Г. Л. 201, 225
Мах (Mach) Э. 344, 416
Мезер (Mather) И. 90
Мейнеке (Meinecke) Ф. 370—371
Мейтленд (Maitland) Ф. 336
Мелье (Meslier) Ж. 24
Менгини (Menghini) М. 431
Менендес Пелайо (Menéndez Pelayo) М. 476, 477
Меринг (Mehring) Ф. 343, 374—376
Мерцалов А. Н. 8
Меса (Mesa) X. 480
Местр (Maistre) Ж. де 111, 112, 117—118, 174
Мёзер (Möser) Ю. 85—86
Мику (Micu) С. 457
Миллар (Millar) Дж. 76—77, 78
Миллер (Miller) Г. Ф. 52, 100
Милль (Mill) Дж. 334, 342, 490
Мильтон (Milton) Дж. 39, 90, 154
Мино (Mino) Дж. 177, 178
Минье (Mignet) Ф. О. М. 113, 120, 121, 124—125, 130, 166, 168, 203, 207, 225, 246, 449
Митре (Mitre) Б. 486—487
Мишле (Michelet) Ж. 114—115, 129—130, 166, 225, 246, 247, 447
Могильницкий Б. Г. 9
Мозер (Moser) И. Я. 79
Молина Энрикес (Molina Enríquez) А. 494
Момджян Х. Н. 49, 57
Моммзен (Mommsen) Т. 225, 429, 445, 459

Монлозьё (Montlosier) Ф. Д. де 112, 119—120
Моно (Monod) Г. 248—249, 383, 384
Монтескье (Montesquieu) Ш. Л. 8, 48, 49—50,
53, 57, 60, 62, 67, 90, 98, 102, 148
Мор (More) Т. 33
Мора (Mora) Ф. 481
Морачевский (Moraczewski) Е. 193
Морган (Morgan) Л. 8, 222, 279
Морери (Moréry) Л. 45
Морли (Morley) Дж. 397—398
Моррис (Morris) У. 241
Моряков В. И. 57, 58
Мосс (Mauss) М. 382
Мотли (Motley) Дж. 182—183, 185
Муравьев Н. М. 164
Мэдисон (Madison) Дж. 96, 97
Мэррей (Murrey) А. М. 399
Мюллер (Müller) А. 133, 151

Нарушевич (Naruszewicz) А. 188—189, 194
Неедлы (Nejedlý) З. 455
Немцевич (Niemcewicz) Ю. 189
Нескович А. 464
Нечкина М. В. 13
Нибур (Niebuhr) Б. 142, 151, 166, 225
Нидерле (Niederle) Л. 454
Никольсон (Nicolson) Г. 397
Ницше (Nietzsche) Ф. 364, 483
Новакович (Новаковић) С. 472
Новиков Н. И. 103—104
Новотный (Novotný) В. 453
Нойс (Noyes) Дж. 285
Нэджеде (Nádejde) И. 461

О'Брайен (O'Brien) Дж. Б. 115, 159
Огарёв Н. И. 170
Одобеску (Odobescu) А. 459
Олар (Aulard) А. 249, 251—252, 384, 386, 387
Оливейра Лима (Oliveira Lima) Ж. 495
Оливер (Oliver) П. 177
Омэн (Oman) Ч. 395
Онкен (Oncken) Г. 270, 369
Ончул (Onciul) Д. 459, 460
Ориани (Oriani) А. 315—316, 431
Осгуд (Osgood) Г. 278, 408—409
Оствальд (Ostwald) В. 269
Оуэн (Owen) Р. 115, 154, 158—159, 203, 204, 222

Павлович Х. 464
Панс (Pais) Э. 316
Палаузов С. Н. 465, 468
Палацкий (Palacký) Фр. 169, 328—330, 332
Палгрев (Palsgrave) Ф. 151
Пану (Panu) Дж. 463
Папиу-Иларриан (Papiu-Ilarian) А. 459
Паркмен (Parkman) Ф. 114, 182, 280
Паррингтон (Parrington) В. 185
Паудерли (Powderly) Т. 285
Паулер (Pauker) Д. 448
Пейн (Paine) Т. 91, 94—96, 149
Пекарж (Pesař) Й. 452—453
Пелагич (Пелагић) В. 475
Пельцль (Pelcl) Фр. 328
Перейра да Силва (Pereira da Silva) Ж.-М. 494
Перль (Perl) Ф. 438
Перреро (Perrero) Д. 314
Пестель П. И. 163, 165

Петров М. Н. 296—297
Петрович (Петровић) В. 474
Петрушевский Д. П. 341
Петтигру (Pettigrew) Р. 411
Пецка (Пецака) Й.-Б. 332
Пизакане (Pisacane) К. 310—311
Пи-и-Арсуага (Pi y Arsuaga) Ф. 480
Пи-и-Маргаль (Pi y Margall) Ф. 479—480
Пименова Л. А. 49
Пиренн (Pirenne) А. 342, 381
Пирс (Pierce) Ч. 341
Пирсон (Pearson) К. 229
Писарев Д. И. 292
Плеханов Г. В. 201, 289, 306—308
Погодин М. П. 112, 167—168
Поджио А. В. 164—165
Полевой Н. А. 165—167
Поллард (Pollard) А. 275, 390, 391
Попов Н. А. 471
Прато (Prato) Дж. 429—430
Прелог (Prelog) М. 475
Прескотт (Prescott) У. 182—184, 185
Приятель (Prijetelj) И. 473
Прудон (Proudhon) П. Ж. 173, 224, 227, 354, 480
Пул (Poole) Р. 391
Пуффендорф (Puffendorf) С. 98, 99
Пушкин А. С. 51, 111

Радишев А. Н. 12, 24, 61, 102, 104—106, 163, 165
Раич (Раић) Й. 464, 470
Раковский (Racovski) Х. 461, 466
Рамбо (Rambaud) А. 383, 387
Рамос Мехия (Ramos Mejia) Х.-М. 488
Рамсей (Ramsay) Д. 164, 177, 179
Ранке (Ranke) Л. фон 5, 111, 112, 140—142, 146,
151, 181, 200, 201, 225, 232, 258, 260—261,
262, 269, 278, 279, 367, 370, 447, 449, 459, 477
Рассел (Russel) Дж. 153
Ратцель (Ratzel) Ф. 269
Ратценхофер (Ratzenhofer) Г. 441
Рахфаль (Rachfahl) Ф. 367, 368
Рачки (Rački) Ф. 472—473
Резек (Rezek) А. 452
Рейналь (Raynal) Г. Т. Ф. 47, 57—58, 64, 95, 104,
105, 163
Рекабаррен (Recabarren) Л. Е. 492
Ренан (Renan) Э. 246
Ренар (Renard) Ж. 384
Реннер (Renner) К. 445
Ренувен (Renouvin) П. 381
Решауэр (Reschauer) Г. 443
Рикардо (Ricardo) Д. 78, 150, 166, 265, 353
Риккерт (Rickert) Г. 337—338, 342
Рикотти (Ricotti) Ф. 314
Риниери (Rinieri) И. 431
Робертсон (Robertson) У. 76—78
Робертсон (Robertson) У. С. 410.
Робинсон (Robinson) Дж. 403
Ровинский П. А. 201, 474
Родбертус (Rodbertus) К. И. 278
Роджерс (Rogers) Т. 225, 235—236, 254
Родс (Rhodes) Дж. 280, 281, 409
Розбери (Rosebury) А. Ф. 392
Росетти (Rosetti) Р. 463
Роттек (Rotteck) К. фон 114, 134, 142, 143—144,
146, 259
Ротштейн Ф. А. 394—395, 400

Роша Помбу (Rocha Pombo) Ж. Ф. 494—495
Рубио-и-Льюч (Rubió y Lluch) А. 479
Руварац (Ruvarac) И. 472, 474
Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 10, 23, 24, 58—60, 61,
93, 98, 103, 104, 105, 106, 117, 131, 145, 163
Рутковский (Rutkowski) Я. 436
Руффини (Ruffini) Ф. 430—431
Рылеев К. Ф. 163, 164

Сабина (Sabina) К. 330
Сабо (Szabó) Э. 450—451
Савин А. Н. 417—419
Савиньи (Savigny) Ф. К. фон 112, 139, 140, 151,
166, 169, 258, 297
Саймонс (Simons) Э. 414
Сальвемини (Salvemini) П. 428, 430, 432
Сальвиоли (Salvioli) Дж. 428—429
Самарин Ю. Ф. 169
Самнер (Sumner) У. 277—278
Самнер (Sumner) Ч. 276
Сангили (Sanguili) М. 497—498
Сармьенто (Sarmiento) Д. Ф. 485—486, 489, 490
Сасинек (Sasínek) Фр. 454
Саффи (Saffi) А. 314
Сахаров А. М. 7
Селигман (Seligman) Э. 404, 413
Семевский В. И. 225
Сен-Симон (Saint-Simon) К. А. де 115, 121,
125—126, 173, 203, 204, 222, 485
Сеньобос (Seignobos) Ш. 199, 254, 278, 379, 383,
385, 387
Сетон-Уотсон (Seton-Watson) Р. 400
Сийес (Sieyès) Э. Ж. 49
Силади (Sziládui) Ш. 449
Сили (Seeley) Дж. 237—238
Симиан (Simiand) Ф. 341, 342, 382
Сиотто Пинтор (Siotto Pintor) Дж. 314
Сисмонди (Sismondi) Ж. Ш. Л. С. де 114—115,
166, 309
Сказкин С. Д. 244
Скотт (Scott) В. 10, 111, 119, 152
Скулер (Schouler) Дж. 280
Смайлс (Smiles) С. 237
Смарагдов С. Н. 171
Смит (Smith) А. 22, 73, 78—79, 102, 103, 150, 166,
265, 353
Смит (Smith) Дж. 89, 401
Смит (Smith) М. 411
Смоленский (Smoleński) В. 323, 324, 325, 432
Смолька (Smolka) С. 320, 322
Собеский (Sobieski) В. 435
Собуль (Soboul) А. 64
Согрин В. В. 9, 414
Соловьев С. М. 170, 297—298
Соннино (Sonnino) С. 315
Сорель (Sorel) А. 249, 252—253, 385
Спаркс (Sparks) Дж. 179
Спенсер (Spencer) Г. 198, 199, 228—229, 255,
277, 280, 334, 342, 450, 459, 478, 483, 487, 489,
495
Спиноза (Spinoza) Б. 20, 81, 88
Спригге (Sprigge) Дж. 39
Срб (Srb) А. 453
Сречкович (Сречковић) П. 471
Сталь (Staël) А. Л. Ж. де 124, 125
Станоевич (Станојевић) С. 472
Сташиц (Staszic) С. 187—188

Стеббс (Stebbs) У. 230, 231, 232
Стефенс (Stephens) А. 274
Стеффенс (Steffens) Л. 412
Стивенс (Stevens) Т. 276
Стоу (Stowe) Дж. 36
Стоянов З. 467—468
Страшимиров Д. 468
Струве П. Б. 346
Суровецкий (Surowiecki) В. 189
Сьерра (Sierra) Х. 493
Тагани (Tagányi) К. 449
Тайлер (Tyler) М. 283
Тали (Thaly) К. 448, 449
Тарбелл (Tarbell) А. 412
Тарле Е. В. 63, 335, 419—422
Татишев В. Н. 98—100, 162
Таубе (Taube) Ф. В. 104
Тауберт И. И. 52
Таут (Taut) Т. Ф. 390, 391
Темперли (Temperley) Г. 400
Тённис (Tönnies) Ф. 336
Тёрнер (Turner) Ф. Д. 404—406, 407, 414
Тибо (Thibaut) А. 139
Тиварони (Tivaroni) К. 314
Тик (Tick) Л. 111, 138
Тиррел (Tirrell) Дж. 389
Ткачев П. Н. 294
Тоболка (Tobolka) З. 453
Тойнби (Toynbee) А. 237, 254
Токвиль (Tocqueville) А. де 127—128, 225, 243—
244, 246, 250, 253, 302, 385, 405
Тольятти (Togliatti) П. 319
Томанович (Томановић) Л. 474
Томашевский Б. В. 46
Томек (Tomek) В. В. 331—332, 452
Томич (Томић) Й. 474
Торо (Thoreau) Г. Д. 176
Точилеску (Tocilescu) Г. 458
Тревелиян (Trevelyan) Дж. М. 381, 392
Тревелиян (Trevelyan) Дж. О. 381, 392—393
Трейчке (Treitschke) Г. фон 225, 257, 258, 260,
261, 282, 366, 370
Третьяков И. А. 102—103
Трёльч (Troeltsch) Э. 371, 376
Тридон (Tridon) Э. М. Г. 248
Тургенев Н. И. 163, 164, 170
Туцович (Туцовић) Д. 472
Тьер (Thiers) Л.-А. 113, 120, 121, 124, 125, 126,
127, 225, 246
Тьерри (Thierry) О. 108, 110, 113, 116, 120, 121—
122, 123, 127, 164, 168, 203, 207, 225, 242—243,
263, 329, 447, 449
Тэн (Taine) И. 199, 245—246, 250—251, 269, 295,
298, 304, 385, 386—387, 467, 483, 487, 490
Тюрго (Turgot) А. Р. Ж. 23, 53, 55, 60, 61, 65, 69
Уайт (White) А. 279
Уайтлок (Whitelock) Б. 42
Уваров С. С. 161, 167
Уильямс (Williams) Р. 90
Уимс (Weems) М. 178
Уинстенли (Winstanley) Дж. 12, 21, 37—38
Уинтроп (Winthrop) Дж. 89—90
Уорд (Ward) Л. 277, 278, 401
Уоррен (Warren) Д. 164, 178
Уэйкфилд (Wakefield) Э. Г. 405

Фанез (Fagniez) Г. 248
Фейербах (Feuerbach) Л. 226
Фельдман (Feldman) В. 435—436
Фергюсон (Ferguson) А. 76
Феррари (Ferrari) Дж. 310—311
Ферреро (Ferrero) Г. 429
Ферри (Ferri) Э. 317
Ферфакс (Fairfax) Т. 42
Фёрс (Firth) Ч. 391, 395—396
Фигереди (Figueredo) Ф. 497
Фиккер (Ficker) Ю. 200, 261—262
Филиппов И. С. 63
Филлипс (Phillips) У. 276
Фиске (Fiske) Дж. 200, 277, 279—280, 283
Фитцхью (Fitzhugh) Дж. 184
Фихте (Fichte) И. Г. 135—136, 156
Флакк (Flach) Ж. 336
Флорес Магон (Flórez Magón) Р. 493—494
Фонвизин М. А. 163, 165
Фонер (Foner) Ф. 285
Форд (Ford) У. 410
Форс (Force) П. 179
Форстер (Forster) Г. 88
Фортбоне 104
Фортескью (Fortescue) Дж. 395
Фортуна (Fortunato) Дж. 315
Фостер (Foster) Д. 410
Франк (Frank) С. 34—35
Франкетти (Franchetti) Л. 315
Франклин (Franklin) Б. 22, 91—92, 104
Франкнон (Franknoi) В. 450
Фриджюнг (Friedjung) Г. 442
Фримен (Freeman) Э. 238, 282
Фрич (Frič) Й. 330
Фруд (Froude) Дж. Э. 238, 398
Фурнье (Fournier) А. 443
Фурье (Fourier) Ш. 115, 173, 203, 204, 222, 270
Фьорини (Fiorini) В. 316
Фюре (Furet) Ф. 45
Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) Н. Д.
246

Хайд, Кларендон (Hyde, Clarendon) Э. 40, 73, 75
Хальбвакс (Halbwachs) М. 382—383
Хант (Hunt) У. 391
Хармац (Charmatz) Р. 442—443
Харт (Hart) А. Б. 283, 402, 411
Хасдеу (Hasdeu) Б. П. 458—459, 463
Хатчинсон (Hatchinson) Т. 177
Хауэлл (Howell) Дж. 239
Хвостов В. М. 417
Хвостов М. М. 417
Хелпер (Helper) Х. 184
Хельферт (Helfert) Й. А. 442, 444
Хилдрет (Hildreth) Р. 185—186
Хилендарский (Хилендарски) П. 464, 466, 468
Хилквит (Hillquit) М. 343, 413—414
Хильдебранд (Hildebrandt) Б. 266, 267, 366
Хинтце (Hintze) О. 371—372, 376
Холиоок (Holoake) Дж. 239
Хомяков А. С. 112, 169
Хорват (Horváth) М. 448
Хукер (Hooker) Т. 90
Хурмузаки (Hurmuzaki) Е. 458
Хусто (Justo) Х. Б. 489
Хэммонд (Hammond) Д. и Б. 343, 396—397

Ценкер (Zenker) Э. 444
Циммерманн (Zimmermann) В. 8, 114, 115,
147—148, 297

Чаннинг (Channing) Э. 409
Чернышевский Н. Г. 146, 160, 169, 174, 176, 220,
225, 289, 290—294, 295
Чиполла (Cipolla) К. 316
Чичерин Б. Н. 170
Чэдвик (Chadwick) Ф. 409, 410

Шапиро А. Л. 53
Шатобриан (Chateaubriand) Ф. Р. де 10, 111,
112, 118—119, 174
Шафарик (Safařik) П. Й. 331
Шелгунов Н. В. 294—295
Шеллинг (Schelling) Ф. В. 135, 136, 162, 166, 169
Шерман (Sherman) У. 275
Шефер (Schäfer) Д. 365, 366, 376
Шиллер (Schiller) Фр. 83
Шинкай (Şincai) Г. 457
Шишич (Šišić) Ф. 473
Шишманов И. 468
Шлегель (Schlegel) А. 138, 166, 169
Шлегель (Schlegel) Ф. 111, 138, 166, 169, 170,
174
Шлейермахер (Schleiermacher) Ф. 138
Шлёцер (Schlözer) А. Л. 87—88, 100, 166
Шлоссер (Schlosser) Ф. К. 87—88, 111, 113, 114,
115, 144—146, 166, 225, 259, 292
Шлютер (Schlüter) Г. 414—415
Шмераль (Šmeral) Б. 455
Шмоллер (Shmoller) Г. 265—266, 267, 269, 365,
366, 372, 376, 444
Шопенгауэр (Schopenhauer) А. 335
Шотвелл (Shotwell) Д. 411
Штейн (Stein) К. 134
Шуйский (Szujski) Ю. 320, 321, 324

Щербатов М. М. 101, 162

Эгельгаф (Egelhaaf) Г. 356
Эгертон (Egerton) Х. Э. 398—399
Эдвардс Вивес (Edwards Vives) А. 491—492
Эджингтон (Edgington) Т. 411
Эйнауди (Einaudi) Л. 429
Эйхгорн (Eichhorn) К. Ф. 112, 140, 151, 169
Эли (Ely) Р. Т. 278, 401, 407—408, 413
Эмерсон (Emerson) Р. 176
Эминеску (Eminescu) М. 459
Энгельс (Engels) Ф. 6, 8, 11, 16, 20, 25, 60, 72, 83,
120, 133, 138, 147, 150, 157, 158, 160, 190, 196,
201, 202—227, 248, 271, 272, 279, 286, 287, 298,
301, 306, 316—317, 325, 344, 345, 351, 352, 359,
375, 423, 424, 438, 450, 479, 480
Эндриус (Andrews) Ч. 402, 409
Эрнандес (Hernández) Х. 488
Эчеверрия (Echeverría) Э. 485, 489
Эшли (Ashley) У. 236, 254

Юберсбергер (Übersberger) Г. 442
Юкич (Јукић) И. 474
Юм (Hume) Д. 72, 73, 74—75, 77, 103, 104, 225

Якоби (Jacoby) А. 285
Янсен (Jansen) И. 262
Яси (Јаси) О. 450, 451

Предисловие	3		
Введение (<i>И. П. Дементьев</i>)	5	дореформенный период. Проблема «Россия и Запад» (<i>В. А. Дунаевский</i>)	160
Раздел 1. От Гуманизма к Просвещению: зарождение и становление исторической мысли и исторической науки нового времени (XVI—XVIII века)	15	Глава 5. Становление исторической науки в США. «Ранняя школа» (<i>И. П. Дементьев</i>)	176
Введение (<i>А. В. Адо</i>)	16	Глава 6. Формирование польской национальной историографии (конец XVIII—первая половина XIX века) (<i>Л. А. Зашкильняк</i>)	186
Глава 1. Гуманистическая историческая мысль (<i>Е. В. Гутнова</i>)	24	Раздел 3. Возникновение марксизма. Позитивизм и историческая наука во второй половине XIX века	195
Глава 2. Социально-политическая мысль и история в период Английской революции XVII века. Проблема происхождения власти и собственности (<i>Н. А. Ерофеев</i>)	35	Введение (<i>И. В. Григорьева</i>)	196
Глава 3. Век Просвещения во Франции: исторические взгляды просветителей. Развитие исторической мысли в период Великой французской революции (<i>А. В. Адо</i>)	44	Глава 1. Материалистическое понимание истории. Исторические взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса (<i>Н. Е. Зас-тенкер, Н. Ю. Колпинский</i>)	202
Глава 4. Английское Просвещение и историческая мысль. Шотландская школа (<i>Н. А. Ерофеев</i>)	71	Глава 2. Английский позитивизм. Основные направления в историографии (<i>Н. А. Ерофеев</i>)	227
Глава 5. Философия истории в немецком Просвещении (<i>А. И. Патрушев</i>)	79	Глава 3. Историческая наука во Франции. Позитивистская историография (<i>А. В. Адо</i>)	241
Глава 6. Война за независимость и социально-исторические воззрения североамериканских просветителей (<i>И. П. Дементьев</i>)	89	Глава 4. Немецкая историография. Малогерманская историческая школа (<i>А. И. Патрушев</i>)	256
Глава 7. Рационалистические идеи и просветительские течения русской исторической мысли (<i>В. И. Моряков</i>)	97	Глава 5. Историография США в период Гражданской войны и Реконструкции. Утверждение позитивизма в конце XIX века (<i>И. П. Дементьев</i>)	273
Раздел 2. Историография первой половины XIX века. Романтизм	107	Глава 6. История нового времени в России в пореформенный период (<i>Б. Г. Могильницкий</i>)	288
Введение (<i>А. В. Адо</i>)	108	Глава 7. Итальянская историография после национального объединения. Позитивизм в Италии (<i>И. В. Григорьева</i>)	309
Глава 1. Французская историография. Школа историков периода Реставрации и ее концепция классовой борьбы. Проблемы революции 1789 года (<i>А. В. Адо</i>)	116	Глава 8. Польская историография 60—90-х годов (<i>Л. А. Зашкильняк</i>)	319
Глава 2. Германская историография: от Просвещения к романтизму. Немецкий идеалистический историзм (<i>А. И. Патрушев</i>)	133	Глава 9. Чешская и словацкая историография в XIX веке (<i>З. С. Ненашева</i>)	327
Глава 3. Торийская и вигская историография в Англии. Влияние романтических идей (<i>Н. А. Ерофеев</i>)	148	Раздел 4. Историческая наука в начале XX века	333
Глава 4. Русская историческая мысль в		Введение (<i>А. И. Патрушев</i>)	334

Глава 1. Проблемы новой истории в трудах В. И. Ленина (И. С. Галкин)	343	в эпоху дуализма (1867—1918) (А. И. Патрушев)	440
Глава 2. Германская историография: неоранкеанство и упадок позитивизма (А. И. Патрушев)	363	Глава 10. Венгерская историография эпохи дуализма (1867—1918) (Т. М. Исламов)	446
Глава 3. Французская историография. Кризис позитивистской методологии и начало формирования «новой научной школы» (Ю. Н. Афанасьев)	377	Глава 11. Чешская и словацкая историография (Э. С. Ненашева)	451
Глава 4. Историческая наука в Англии. Кризис ортодоксального позитивизма (Н. А. Ерофеев)	389	Глава 12. Румынская историография в конце XIX—начале XX века (А. К. Мошану, Г. Н. Негру)	456
Глава 5. Эволюция позитивизма в историографии США. Возникновение прогрессистского направления (И. П. Дементьев)	400	Глава 13. Болгарская историография в XIX—начале XX века (Л. В. Горина)	463
Глава 6. Изучение новой истории в России (Б. Г. Могильницкий)	415	Глава 14. Югославянская историография в XIX—начале XX века (В. Г. Карасев)	470
Глава 7. Итальянская историография. Крочеанский идеалистический историзм против позитивизма (И. В. Григорьева)	425	Глава 15. Консервативная традиция и демократическое направление в испанской историографии в последней трети XIX—начале XX века (Н. В. Кирсанова, Э. Н. Рапп-Лантарон)	476
Глава 8. Польская историография начала XX века (Л. А. Зашкильняк)	432	Глава 16. Формирование и развитие национальной историографии в странах Латинской Америки во второй половине XIX—начале XX века (А. И. Строганов)	481
Глава 9. Австрийская историография		Библиография	499
		Именной указатель	504

Учебное издание

Анатолий Васильевич Адо,

Илья Саввич Галкин ,

Ирина Владимировна Григорьева и др.

**ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ НОВОГО
ВРЕМЕНИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ**

Заведующий редакцией **М. Ф. Гржебин**
 Редактор **Н. А. Федорова**
 Младшие редакторы **М. В. Колосова, С. А. Юшина**
 Художник **А. В. Алексеев**
 Художественный редактор **Т. А. Коленкова**
 Технический редактор **Т. Д. Гарина**
 Корректор **О. М. Пахомова**

ИБ № 8639

Изд. № Ист-53. Сдано в набор 15.11.89. Подп. в печать 25.07.90. А-09076. Формат 70×100¹/₁₆. Бум. офс. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 41,6 усл. печ. л. 83,2. усл. кр.-отт. 49,02 уч.-изд. л. Тираж 24 800 экз. Зак. № 402. Цена 2 руб.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

2 p.